

НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ

Армяне

НАУКА

ԱՐՄԱՆ ՀԱՅԻ ԳՐԱԴԱՐԱՆ

РОССИЙСКАЯ
АКАДЕМИЯ
НАУК

ИНСТИТУТ ЭТНОЛОГИИ
И АНТРОПОЛОГИИ
им. Н.Н. МИКЛУХО-МАКЛАЯ

НАЦИОНАЛЬНАЯ
АКАДЕМИЯ НАУК
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ

ИНСТИТУТ
АРХЕОЛОГИИ
И ЭТНОГРАФИИ

Серия
«НАРОДЫ И КУЛЬТУРЫ»

Основана в 1992 году

Ответственные редакторы серии:

**В. А. ТИШКОВ,
С. В. ЧЕШКО**

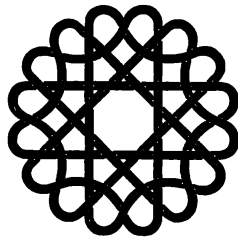
**МОСКВА
НАУКА
2012**

Армяне

Ответственные редакторы:

Л.М. ВАРДАНЯН, Г.Г. САРКИСЯН,

А.Е. ТЕР-САРКИСЯНЦ

МОСКВА
НАУКА
2012

УДК 39
ББК 63.5
А83

*Издание осуществлено при финансовой поддержке
Всеармянского благотворительного фонда «Пюник»*

Ответственный секретарь серии «Народы и культуры»
Л.И. МИССОНОВА

Рецензенты:

член-корреспондент
Национальной академии наук Республики Армения Л.И. АБРАМЯН,
доктор исторических наук Л.А. ЧВЫРЬ

Армяне / отв. ред. Л.М. Варданян, Г.С. Сарксян, А.Е. Тер-Саркисянц ;
Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН ; Ин-т археоло-
логии и этнографии НАН РА. – М. : Наука, 2012. – 648 с. (Народы и культуры). –
ISBN 978-5-02-037563-5 (в пер.).

Очередной том фундаментальной этнологической серии «Народы и культуры» посвящен армянам – одному из древнейших народов мира, не раз переживавшему и трагические периоды истории и периоды небывалого расцвета и созидательного труда, одарившему мировую цивилизацию шедеврами материальной и духовной культуры. Выход в свет этого тома в Москве в год празднования 500-летия армянского книгопечатания имеет большое общественное, культурное и символическое значение, знаменуя давние связи и сотрудничество народов и ученых Армении и России.

В книге содержатся подробные сведения о природно-географической среде обитания армян, их происхождении и этнополитической истории, хозяйственной деятельности и занятиях, культуре жизнеобеспечения, соционормативной и профессиональной культуре, семейном и общественном быте, календарных праздниках и обрядах, об этнокультурных процессах в современном армянском социуме, армянской диаспоре в России и в мире, показана роль Армянской апостольской церкви в сохранении армянами своей религии, языка и идентичности.

Для этнологов, историков и широкого круга читателей.

По сети «Академкнига»

ISBN 978-5-02-037563-5

- © Институт этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Институт археологии и этнографии НАН РА, 2012
- © Российская академия наук и издательство «Наука», серия «Народы и культуры» (разработка, оформление), 1992 (год основания), 2012
- © Редакционно-издательское оформление. Издательство «Наука», 2012

ПРЕДИСЛОВИЕ

Издатели серии «Народы и культуры» с большим удовлетворением отмечают, что проект, задуманный как международный, таковым и стал, несмотря на все сложные перипетии постсоветского времени в сохранении, а то и налаживании заново научного сотрудничества. Большую роль в этом играет поддержка со стороны Президиума РАН и Российского гуманитарного научного фонда, заинтересованность коллег из стран ближнего зарубежья. К настоящему времени, помимо данного тома, вышли в свет «Белорусы», «Украинцы», «Тюркские народы Крыма», «Молдаване», «Калмыки», «Узбеки», «Гагаузы».

Данный коллективный труд посвящен исследованию историко-культурного развития армянского народа. Армяне – один из древнейших народов мира, сформировавшийся на Армянском нагорье. Однако в силу специфики своей сложной и долгой истории определенная часть армян рассеяна практически по всему миру. В результате из общего числа примерно в 10 млн. человек в настоящее время лишь более 3 млн. проживает в Республике Армения. Более чем по миллиону армян живет в России и США. В остальных странах мира численность армян варьирует от нескольких сот человек до нескольких десятков и даже сот тысяч.

Большинство авторов тома – сотрудники Института археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения. Кроме того, к его написанию привлечены специалисты Института этнологии и антропологии РАН, Института истории НАН РА и Института искусств НАН РА, Ширакского центра арменоведческих исследований НАН РА (г. Гюмри), Ереванского государственного университета, Музея истории Армении, «Мемориального комплекса Сардарapatской битвы, Национального музея этнографии Армении и Истории освободительной борьбы», Научно-исследовательского института древних рукописей (Матенадаран) им. Месропа Маштоца, Ереванской государственной консерватории им. Комитаса, Экспертного центра культурного наследия Министерства культуры Республики Армения.

Представленные в томе тексты отражают взгляды и позиции, более или менее общепринятые среди исследователей армянской культуры и истории. В мировом арменоведении к настоящему времени изучен и так или иначе обобщен огромный объем письменных исторических, археологических, этнографических, языковедческих и прочих материалов, относящихся к разным периодам этнокультурного развития армянского народа, начиная с древнейших времен до современности. Однако ряд проблем остаются весьма дискуссионными. Данный труд не может претендовать на попытку решения всех спорных вопросов, и дискуссии, несомненно, будут продолжаться, потому

что изыскания на этом не заканчиваются и обогащают нас все новыми знаниями. Тем не менее он, по нашему мнению, вносит весьма существенный вклад в современное арменоведение. Эта работа является наиболее полным исследованием, доступным, к тому же, восприятию не только учеными, но и любителями истории и этнографии.

В структуре тома, традиционной для данной серии и освещающей материальную и духовную культуру армянского этноса в его историко-этнографическом развитии, учтена и специфика исторической судьбы армянского народа. Книга написана на основе разнообразных источников и литературы. Основная часть письменных и иллюстративных материалов впервые вводится в научный оборот.

Иллюстрации подобраны из различных источников, прежде всего из фондов Архива отдела этнографии Института археологии и этнографии НАН РА, а также Музея истории Армении, Мемориального комплекса Сардарapatской битвы, Национального музея этнографии Армении и истории освободительной борьбы», Музея истории Еревана, Центра народного творчества им. Ованнеса Шарамбеяна НГКО Министерства культуры РА, Национального архива Армении, рукописного фонда Научно-исследовательского института древних рукописей (Матенадаран) им. Месропа Маштоца, а также личных архивов многих авторов. Приносим благодарность всем указанным учреждениям и авторам, представленным иллюстративный материал, способствующий обогащению тома.

Мы приносим благодарность сотрудникам Института археологии и этнографии НАН РА д.и.н. Э.Х. Петросян и к.и.н. С.Г. Обосяну, которые вместе с ответственными редакторами проделали определенную работу по разработке концепции и структуры тома, подбору материалов и редактированию текстов, а также зав. компьютерным отделом С.Б. Акопяну.

Первостепенная роль в подготовке издания принадлежит ответственным редакторам тома д.и.н. Л.М. Варданян, к.и.н. Г.Г. Саркисяну и д.и.н. А.Е. Тер-Саркисянц. Особенно надо отметить усилия Л.М. Варданян, сумевшей собрать большой авторский коллектив, объединить специалистов различного профиля единой идеей.

В процессе работы немалую роль сыграла ответственный секретарь серии «Народы и культуры» к.и.н. Л.И. Миссонова, а при подготовке его к изданию также сотрудница Центра междисциплинарных исследований ИЭА РАН Н.В. Павлова.

Выражаем признательность рецензентам – члену-корреспонденту НАН РА Л.А. Абрамяну и д.и.н. Института востоковедения РАН Л.А. Чвырь, заведующей отделом истории издательства «Наука» Н.Л. Петровой и ее коллегам, и, в частности, редактору Абрамовой Л.В.

Особая благодарность спонсору тома – Председателю Попечительского совета Всеармянского Благотворительного фонда развития людских ресурсов «Пюник», д.и.н. Л.А. Саркисяну. Без его деятельного участия книга вышла бы, видимо, не скоро.

В.А. Тишков, С.В. Чешко

ВВЕДЕНИЕ

Очередной том серии «Народы и культуры» посвящен историко-этнографическому описанию армян – одного из древнейших народов мира, документальная история которого насчитывает несколько тысячелетий. На протяжении столь длительного времени армяне не раз переживали и трагические периоды своей истории, и периоды небывалого расцвета и созидательного труда, одарив мировую цивилизацию замечательными шедеврами материальной и духовной культуры.

Исторически жизнь армянского народа возникла и протекала на территории, названной по имени его коренного населения Армянским нагорьем, расположенном в северо-западной части Передней Азии. Территория нагорья, где археологами были найдены многочисленные следы пребывания древнейших людей, начиная уже с нижнего палеолита (примерно от 700 до 100 тыс. лет тому назад), принадлежит к числу тех областей земного шара, где происходило становление человека современного вида. Первые письменные упоминания об Армянском нагорье, оставленные царями Аккада, относятся к III тыс. до н.э.

Армяне и созданное ими на рубеже VII–VI вв. государство были хорошо известны в Древнем мире. Армения отмечена на карте начала V в. до н.э. древнегреческого историка и географа Гекатея Милетского, изображена в числе шести стран на звездообразной вавилонской карте, высеченной на глиняной плите в том же V в. до н.э. О ней неоднократно сообщали восточные и греко-римские авторы.

Находясь географически на пересечении важнейших путей между Востоком и Западом, между могущественными соседними державами (Римской, затем Византийской, а позднее Османской империями и Ираном) и постоянно испытывая их давление, не раз подвергаясь нападениям и со стороны пришлых завоевателей (арабов, тюрок-сельджуков, монголов, турок-османов и других кочевников), Армения с давних времен стала ареной опустошительных войн и нашествий, ее многократно завоевывали, расчленили и разоряли, а целые группы народа насильственно переселяли.

Наиболее тяжелые потери армянский народ понес с 1894 по 1923 гг. и особенно в годы Первой мировой войны, когда весной 1915 г. правящие круги Турции организовали первый в истории человечества чудовищный акт геноцида армян на их исторической родине в Западной Армении, в результате которого были убиты более 1,5 млн человек. Вследствие этого, а также вынужденной эмиграции большая часть этнической территории армян практически лишилась коренного населения. Из почти 2,5 млн армян в Турции осталось только несколько десятков тысяч. Некоторым удалось перебраться в страны

Ближнего Востока, Европы, Америки. Наконец, свыше 300 тыс. армян нашли убежище в России, в том числе в присоединенной к ней в начале XIX в. Восточной Армении. Именно после этих трагических событий по отношению к рассеявшимся по миру армянам стал употребляться термин *Спюрк* (от арм. *спрвел* – «рассеиваться»). С тех пор память о национальной трагедии прочно вошла в сознание народа, в первую очередь потомков западных армян. Ежегодно 24 апреля армяне всего мира отмечают скорбную дату – день памяти своих соотечественников, ставших жертвами варварского преступления.

Численность армян в современном мире составляет свыше 9 млн человек, из них в Республике Армения, по данным переписи 2001 г., постоянное население насчитывало 3,2 тыс. человек, в Нагорно-Карабахской республике, по оценочным данным на начало 2010 г. – 141,4 тыс. человек. Остальные армяне проживают ныне почти в 100 странах мира. На сегодня самой крупной армянской диаспорой (более 2 млн) является российская.

Антропологически армяне относятся к переднеазиатскому, или арменоидному, типу южной ветви большой европеоидной расы, формирование которого хронологически совпадает с эпохой неолита. Этот тип характеризуется, как правило, средним ростом, крепким телосложением, брахикефалией («круглоголовостью»), высоким лицом, развитым третичным волосяным покровом, сильно выступающим носом с высокой переносицей, тонкими губами, широким разрезом глаз, развитым надбровьем, уплощенным затылком, сравнительно темной пигментацией волос и глаз.

К национальным чертам характера армян обычно относят трудолюбие, целеустремленность, энергичность, предприимчивость, жизнестойкость, способность к быстрой адаптации в новых жизненных реалиях. Им присущи особое пристрастие к учению и ремеслам, уважение к письменной культуре, преданность своему языку, дому и семье. Они вспыльчивы и самолюбивы, но отходчивы, добродушны и миролюбивы, гостеприимны, любят музыку и тонкий юмор. В то же время для армян характерен развитый индивидуализм, нежелание кому-либо подчиняться.

Армянский язык образует самостоятельную ветвь в индоевропейской семье языков (ближайшей к греческому и индоиранским) и является одним из древнеписьменных. Создание в 405 г. выдающимся просветителем Месропом Маштоцем национального алфавита, применяемого почти без изменений и в наши дни, сыграло огромную роль в развитии самобытной армянской культуры, сохранении этнического самосознания, а в более позднее время и в поддержании тесных связей между разбросанными по всему миру армянскими общинами.

Именно с V в., не случайно названном в истории армянской духовной культуры «золотым», появилась целая плеяда армянских историков и философов, которые, освоив лучшие традиции греческих, римских, сирийских ученых и опираясь на богатый армянский народный эпос, создали оригинальные произведения, во многом определившие новый этап развития исторической мысли в эпоху раннего Средневековья. Ценность их трудов бесспорна, особенно если учесть, что это столетие одновременно совпало со временем полного упадка греко-римской и лишь начальных шагов византийской историографии (*Саркисян, 1990. С. VIII*). Особенно значителен труд выдающегося ученого V в., «отца армянской историографии» Мовсеса Хоренаци, осуществ-

вившего беспрецедентную для того времени задачу, – создание целостной истории своего народа, начиная с его истоков и завершая современным для историка периодом.

Со второй половины V в. в Армении начала процветать переводческая школа, а к VII в. в армянской словесности были уже представлены переводы практически всех жанров христианской литературы, имевшейся на тот период. Эти труды, переведенные в основном с греческого языка на армянский, имеют большую научную ценность, поскольку в ряде случаев греческие оригиналы античных авторов позднее, при переписывании, нередко подвергались довольно значительным изменениям. Более того, некоторые не дошедшие до нашего времени труды древних ученых стали достоянием мировой культуры только благодаря сохранившимся армянским переводам. Исключительное значение деятельности переводчиков для развития национальной культуры было осознано уже в V в., когда их причислили к лику святых и учредили *Таркманчац Тон* – Праздник Переводчиков, который до сих пор отмечают ежегодно в октябре как общенациональный праздник.

По религии армяне – христиане. С распространением уже с первых веков нашей эры христианства и особенно после принятия его в 301 г. в качестве государственной религии, Армения была вовлечена в восточноримский культурный мир, включавший культурную общность христианских народов того периода – греков и сирийцев, коптов и эфиопов, грузин и арабов-христиан. Армянская церковь, возводя свое начало к апостольской эпохе, традиционно именуется себя *ulap'ar'* (т.е. ортодоксальная) и принадлежит к семье древних восточных православных (дохалкидонских) церквей. Полное название ее – Армянская святая апостольская православная церковь. В судьбе армян она сыграла значительную роль, особенно когда в периоды падения созданных ими государств (Великая Армения, государства эпохи Багратуни, Киликийское царство) именно церковь брала на себя некоторые государственные функции и была важной опорой в многовековой борьбе армянского народа за выживание и сохранение этнокультурной идентичности. Высшим органом Армянской церкви является основанный в 302 г. Католикосат всех армян с резиденцией при Кафедральном соборе Эчмиадзин в городе Вагаршапат. С конца V в. в результате неблагоприятных исторических обстоятельств резиденция католикоса из Вагаршапата неоднократно переносилась в разные города Армении, затем Киликии, а с 1441 г. вновь возвращена в Вагаршапат. В настоящее время во главе Армянской церкви стоит 132-й по счету католикос всех армян – Гарегин Второй.

Со второй половины XV в. среди армян начали появляться отдельные католические («франкские») общины, в частности, в северо-западных областях Армении, среди армян Грузии. Массовый переход в католичество произошел во второй половине XVII в. среди армян Польши, где львовский архиепископ признал главенство папы римского, сохранив при этом армянский язык и ритуал в богослужении. Главенство папы римского было признано и среди братства армян-мхитаристов. Это название произошло от имени ученого монаха Мхитара Себастиана, основавшего в 1717 г. в Венеции, на о-ве Сан Ладзаро (Св. Лазаря), конгрегацию, которая, сохранив родной язык в богослужении, занялась изучением армянского языка, литературы, искусства, истории, географии и стала впоследствии вместе с ответвлением в Вене крупнейшим ми-

ровым центром арменоведения. Среди армян есть также небольшая группа протестантов (с начала XIX в.) и насильственно обращенных в ислам мусульман (так называемые *хемшилы*).

В свое время В.Я. Брюсов, отмечая, что «армянский мир имеет огромное значение для всего культурного человечества», сетовал, что «русская литература крайне бедна всем, что касается Армении, особенно же работами по армянской истории, что русскому читателю неоткуда узнать прошлые судьбы армянского народа» (Брюсов, 1989. С. 16, 22). Между тем в XIX – начале XX в. арменоведение в России стало успешно развиваться, в частности, в 1815 г. в Москве был основан знаменитый Лазаревский институт восточных языков, открыты специальные кафедры армянской словесности в Казанском (с 1842 г.) и Санкт-Петербургском (с 1844 г.) университетах; основатели русской школы арменоведения Н.О. Эмин и К.П. Патканов переводили на русский язык и публиковали памятники средневековой армянской письменности, были изданы «Русско-армянский» (1821) и «Армяно-русский» в двух томах (1836) словари, печаталось немало газет и журналов.

О возросшем интересе к Армении свидетельствует тот факт, что в этот период в Армении побывали и писали о ней такие видные деятели мировой науки и культуры, как Г. Абих, А. Белый, М.-Ф. Броссе, В. Брюсов, А. Гакстгаузен, С. Городецкий, Х. Линч, О. Мандельштам, Н. Марр, Ф. Паррот, Й. Стржиговский, Х. Хюбшман и др.

Однако за годы советской власти это развитие было практически прервано, и армянская диаспора в России, корни которой относятся к X–XI вв., лишилась, за небольшим исключением, многих очагов своей национальной культуры. И только с объявлением в СССР в середине 1980-х годов перестройки и особенно после начала Карабахского движения, когда общественная жизнь российских армян заметно активизировалась, стали открываться культурно-просветительные общества, организовываться землячества, воскресные школы и курсы по изучению армянского языка, реставрироваться и строиться церкви, издаваться газеты и журналы.

В то же время имеющиеся за рубежом центры арменоведения (Австрия, Англия, Италия, Ливан, Польша, Португалия, Сирия, США, Франция и др.) продолжают успешно функционировать, постоянно публикуя исследования по истории и культуре армянского народа, в частности, в таких периодических изданиях, как журналы «Базмавеп» (с 1843 г. в Венеции), «hАндес амсореа» (с 1887 г. в Вене), «Revue des études Arméniennes» (с 1915 г. в Париже), «Арменоведческий ежегодник» (с 1940-х годов в Бейруте), «Ararat» (с 1960 г. в Нью-Йорке); издаются также журналы «Armenian Forum», «Armenian Studies» (в США), «Гехард» (в Алеппо), «Шохакат» (в Константинополе) и др. Такой авторитетный в Париже журнал, как «Les Dossiers d'Archéologie», в 1992 г. посвятил целый номер (№ 172) арменоведческим богато иллюстрированным материалам под рубрикой «Arménie: 3000 ans d'histoire»; в серии «World Bibliographical Series» (№ 163) в 1993 г. вышла публикация «Armenia» (Compiler Vrej N. Nersessian), что объясняется закономерным интересом ученых, в первую очередь востоковедов, к истории и культуре армян. В числе опубликованных за рубежом книг были также: «Histoire de l'Arménie et des Arméniens» под редакцией Жерара Дедеяна (Toulouse, 1982), Ronald G. Suny «Looking toward Ararat: Armenia in Modern History» (Bloomington, 1993),

«The Armenian People from Ancient to Modern Times» (vol. 1–2) под редакцией Ричарда Ованнисяна (L., 1997), «Armenian Folk Arts, Culture, and Identity». Ed. By Levon Abrahamian and Nancy Sweezy (Bloomington, 2001) и многие другие.

В самой Армении средневековые историографы, продолжая один другого, описывали век за веком важнейшие события, очевидцами которых большей частью они были сами, в результате чего оставили после себя многочисленные достоверные сведения, являющиеся для исследователей бесценными первоисточниками. В их трудах содержится и немало ценных этнографических сведений об армянском народе; их можно найти в средневековых канонических книгах, например, в «Судебниках» Мхитара Гоша, Смбата Спарапета (Гундстабля), а позднее – в произведениях писателей XIX в. – Хачатура Абовяна, Мурацана (Григора Тер-Ованисяна), Перча Прошяна, Микаэла Налбандяна, Раффи (Акопа Мелик-Акопяна), Александра Ширванзаде (Мовсесяна) и др.

К 70–80-м годам XIX в. относится деятельность крупного собирателя и знатока народной жизни, фольклориста и этнографа Гарегина Срвандзянца. Его изданные в Константинополе книги занимают почетное место в истории армянской науки. Заметным событием стала изданная в 1887 г. в Москве на армянском языке «Программа армянской этнографии и обычаев народного права», составленная профессором Лазаревского института восточных языков Г.А. Халатянцем. С ее помощью сбор этнографических материалов приобрел более систематический и научный характер. К этому времени появляется множество трудов ученых, общественных деятелей, педагогов, работы которых публиковались главным образом в многотомных изданиях XIX в., печатавшихся на русском языке в Тифлисе и сыгравших значительную роль в развитии отечественного кавказоведения.

Ценнейший источник для изучения быта армян конца XIX – начала XX в. представляют материалы основателя армянской этнографической науки Ерванда Лалаяна. Они содержат богатейший фактический материал по этнографии армян различных областей, и публиковались преимущественно в организованном Е. Лалаяном в 1895 г. первом этнографическом журнале на армянском языке – «Азгагракан хандес». Вышло 26 книг (томов) этого журнала, первая – в Шуши, остальные – в Тифлисе (1895–1916). Ерванд Лалаян был создателем Армянского этнографического общества и этнографического музея в Тифлисе, который впоследствии был переведен в Ереван и стал основой Государственного исторического музея Армении.

Крупным ученым – этнографом, историком, филологом, правоведом был Хачик Самуэлян, изучавший различные аспекты культуры Древней Армении, в частности большую патриархальную семью, проблемы обычного семейного права.

Основоположником армянской этнографической науки в советский период по праву считается видный арменовед Степан Лисициан. С 1928 г. и до конца своей жизни, до 1947 г., возглавляя этнографический отдел Государственного исторического музея Армении, он в 20–30-е годы XX столетия организовал множество этнографических экспедиций, всесторонне изучавших быт армян. Составленный им «Этнографический вопросник» был издан в Ереване в 1946 г. (на арм. яз.). Собранный тогда огромный полевой материал

был положен в основу исследований С.Д. Лисициана, среди которых особую ценность представляют «Очерки этнографии дореволюционной Армении», составившие основу раздела об этнографии армян в труде «Народы Кавказа», изданном в 1962 г. в Москве (серия «Народы мира. Этнографические очерки»), а также вышедшие в Ереване уже после его смерти монографии «Армяне Зангезура» (1969 г., на арм. яз.) и «Армяне Нагорного Карабаха. Этнографический очерк» на армянском (1981) и русском (1992) языках.

В 1940-е годы в Ереване выходят исследования, посвященные языческим верованиям армян. Это труды Гр. Капанцяна «Хеттские боги у армян» (1940) и «Культ Ара Прекрасного» (1944), его статья о культе русалки (1940 г., на арм. яз.), а также работы М. Абегиана о *вишпах* и Б. Аракеляна о сущности бога Ваагна и культа hАйка.

После состоявшегося в 1951 г. в Москве Всесоюзного этнографического совещания, которое одной из приоритетных задач этнографической науки объявило изучение современности, в Армении вышли в свет монография Д.С. Вардумяна «Новый быт лорийцев» (1956) и его же книга в соавторстве с Э.Т. Карапетян «Семья и семейный быт колхозников Армении» (1963 г., обе на арм. яз.). Автором нескольких статей о быте рабочих и колхозников в эти годы был В.А. Бдоян.

Однако ученые продолжали исследовать и проблемы традиционной этнографии. Крупный вклад в науку внесла Э.Т. Карапетян, опубликовавшая несколько монографий: «Выкуп в свадебных обрядах армян и его социально-исторические корни» (1950), «Армянская семейная община» (1958), «Родственная группа *азг* у армян (вторая половина XIX – начало XX в.)» (1966), «Приданое у армян (историко-этнографическое исследование)» (1978) (все, за исключением последней, на рус. яз.).

Этнографы изучали и прикладное искусство, в частности, особенности национального орнамента (А. Мнацаканян), ковроделие (В.С. Темурджян, С.С. Давтян), народную вышивку и кружевоплетение (С.С. Давтян). Изучению ремесленнических традиций посвятили свои работы В.А. Абрамян и К.В. Сехбосян.

С 1960-х годов многие армянские этнографы разрабатывали темы для «Историко-этнографического атласа Кавказа»: проблемы земледелия исследовал В.А. Бдоян, скотоводство изучали В.С. Темурджян и Ю.И. Мкртумян, поселения и жилище – Д.С. Вардумян и К.В. Сехбосян, одежду – А. Патрик и Н.Х. Авакян, народные средства передвижения – Л.Н. Петросян, народную метрологию – Р.О. Варданян.

В 1963 г. были опубликованы монографии К.В. Мелик-Пашаяна «Культ богини Анаит» и В.А. Бдояна «Армянские народные игры»; в 1974 г. В.А. Бдоян издал учебное пособие «Этнография армян. Краткий очерк» (все – на арм. яз.). Изучению народных верований и новогоднего праздничного цикла посвятила свои работы А.А. Одабашян. Л.М. Варданян исследовала малоизученную проблему традиций мужских возрастных групп у армян, в том числе – пережитки института инициаций.

Видное место в армянской этнографии занимает исследовательница танцевального и театрального фольклора С.С. Лисициан. Разработав свою систему кинетографии (записи движения), она создала школу этнохореографии. Ее 2-томная монография «Старинные пляски и театральные представления

армянского народа» (Ер. 1958. Т. I; 1972. Т. II) известна далеко за пределами Армении. Посмертным изданием в 1983 г. стала монография «Армянские старинные пляски», подготовленная к печати ее ученицами Э.Х. Петросян и Ж.К. Хачатрян, успешно продолжающими исследования в этом направлении.

В 70–80-е годы XX в. армянская этнографическая наука пополнилась новыми исследователями, круг интересов которых включал, в частности, сельскую общину (М.В. Акопян), интерьер народного жилища (А.Т. Марутян), культовые мотивы семейных обычаев и обрядов (З.Х. Харатян), дохристианские верования (Г.Д. Вардумян), этноязыковые процессы (А.П. Галстян). Изучался также общественный быт и фольклор карабахских армян (А.А. Мкртчян, А.С. Газиян), этнокультурный облик черкесских армян (Г.С. Аракелян), община русских поселенцев в Армении (И.В. Долженко), архаические формы праздничной жизни и мифологии (Л.А. Абрамян) и другие этнографические сюжеты.

Параллельно велась большая работа по этнографическому картографированию, демографии, источниковедению, музееведению, историографии, переизданию произведений классиков армянской этнографии.

Труды армянских ученых были изданы как монографии либо печатались в различных периодических изданиях. В частности, многие из них были опубликованы в серии Института археологии и этнографии АН Армении «Армянская этнография и фольклор. Материалы и исследования», издающейся в Ереване с 1970 г. (ныне вышло 26 томов).

Со второй половины 1970-х годов в Армении стало развиваться новое научное направление – этносоциология. Конкретные обследования, проводившиеся специалистами под руководством московского ученого Ю.В. Арутюняна, стали основой книги «Население Еревана. Этносоциологическое исследование», изданной в Ереване в 1986 г.

В 1975–1982 гг. коллектив научных сотрудников, аспирантов и студентов Ереванского университета и Института философии АН Армянской ССР под руководством С.А. Арутюнова, Э.С. Маркаряна и Ю.И. Мкртумяна провел широкомасштабное этнокультурологическое исследование жизнеобеспечивающих компонентов (поселений, жилищ и системы питания) армянской сельской культуры за период с начала XX в. По материалам этого исследования, проведенного методом сравнительно-типологического анализа, в 1983 г. в Ереване была опубликована монография «Культура жизнеобеспечения и этнос», вызвавшая большой интерес научной общественности.

В постсоветский период внимание армянских этнографов и социологов было привлечено к изучению тяжелейших проблем того времени, связанных с наплывом многотысячных беженцев из Азербайджана, с резким обнищанием народа и как результат этого – со значительно возросшей трудовой миграцией населения. Особый интерес в этом плане представляют вышедшие в Ереване в 2000-е годы книги: «Рассказы о бедности». (2001. Кн. I) (2007. Кн. II) (обе на арм. яз.); Г.А. Погосян. «Армянское общество в трансформации». (2003); Kharatyan Hranush «Life is very sad (Poverty in Armenia)». (2007). Наряду с этим, исследовались также проблемы идентичности: Levon Abrahamian. «Armenian Identity in a Changing World». Costa Mesa, CA: Mazda Publishers, 2006; Marutyan Harutyun. «Iconography of armenian Identity». Vol. I. The Memory of

Genocide and the Karabach Movement 2009 (опубликована в том же году и на арм. яз.). В эти же годы в США вышла прекрасно изданная книга «Armenian Folk Arts, Culture and Identity» (Bloomington; Indianapolis, 2001), написанная армянскими учеными под руководством известного культуролога Левона Абрамяна и американской фольклористики Нэнси Суизи.

Проблемам демографии и историографии этнографической науки в Армении посвящены исследования: Г.Г. Саркисян. «Население Восточной Армении в XIX – начале XX в.» (2002), Л.М. Варданян. «Степан Лисициан и истоки армянской этнографии». (2005).

Этнографическое арменоведение продолжает активно развиваться и в России, преимущественно в главных ее кавказоведческих исследовательских центрах – Москве и Санкт-Петербурге, а в последние десятилетия и на Северном Кавказе, в частности, в Краснодаре, Пятигорске, Ставрополе, Ростове-на-Дону.

Как видно даже из этого далеко неполного списка, в целом учеными осуществлено множество исследований в области этнографического изучения армян. Определенное представление об этом дает обширная библиография, включенная в данное издание. Введение в текст книги многих выводов из этих, выполненных преимущественно на армянском языке, исследований, особенно новейших, получивших широкий международный резонанс, дает возможность ознакомиться с ними и русскоязычному читателю. Большинство письменных и иллюстративных материалов вводится впервые в научный оборот.

Настоящая книга является результатом многолетних исследований широкого круга специалистов, главным образом сотрудников Института археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения. На основе разнообразных источников и литературы, собственных полевых археологических, этнографических и фольклорных материалов, этносоциологических и этнодемографических исследований они ознакомили читателей с этнокультурным обликом армянского народа, с его происхождением и этнополитической историей, языком и письменностью, религией и ролью церкви, богатым культурным, в том числе профессиональным наследием. В книге показаны многообразные хозяйственные занятия и трудовые навыки народа, раскрыты его материальная и духовная культура, общественный и семейный быт, народные верования и знания, праздники и развлечения, а также освещены происходившие в современном армянском обществе этнокультурные процессы, связанные с радикальными политическими и социально-экономическими переменами постсоветского времени в объявленной 21 сентября 1991 г., после общенационального референдума, суверенной Республике Армения. Особое внимание в книге обращено на историю формирования и культурное наследие армянских общин дальнего и ближнего зарубежья, поскольку этнокультурную историю армянского народа трудно представить себе без истории его диаспоры, составляющей в наши дни почти 2/3 его общей численности.

Поскольку содержание книги во многом отражает бытовую культуру армян второй половины XIX – начала XX в., а также этнокультурную историю более ранних периодов, в тексте приводятся принятые на то время в историографии наименования городов: Тифлис, Александрополь, Елисаветполь, Константинополь, а также государств – Персия и др. Для Нового времени

употребляются их соответствующие современные названия: Тбилиси, Гюмри (в советское время Ленинакан), Гандзак (Гянджа), Стамбул, Иран.

Наименования областей (*марзов*) и населенных пунктов приводятся в соответствии с принятым в настоящее время административно-территориальным делением Республики Армения. Для облегчения пользования текстом в Приложении дан список современных наименований районов и областей Республики Армения (на основе бывших районов Армянской ССР).

Для лучшего восприятия специфики народной культуры составлен обширный глоссарий наиболее значимых терминов, каждый из которых дан как на армянском языке, так и латиницей и кириллицей.

Авторский коллектив надеется, что данная книга во многом будет содействовать восстановлению информационного поля об армянском народе и ознакомлению с реальной картиной современного армянского общества в постсоветский период, в течение которого это информационное поле было значительно ослаблено. Подобное всестороннее исследование в независимой Республике Армения выполнено впервые, а его издание осуществлено в рамках научно-издательской серии «Народы и культуры» благодаря содействию Ордена Дружбы народов Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая Российской академии наук.

ЭТНИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ АРМЯН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ КУЛЬТУРЫ НА ТЕРРИТОРИИ АРМЯНСКОГО НАГОРЬЯ

Территория Армянского нагорья – ареал, который был заселен древним человеком и представлен памятниками, охватывающими все этапы каменного века. Самые древние следы гоминидов, населяющих Евразию, сегодня известны на территориях к югу от Кавказа, и свидетельствуют о том, что первобытный человек (*Homo erectus*) здесь обитал около 1,8 млн лет тому назад (Любин, 1998. С. 15–41).

Раннеземледельческие общества. Первые стационарные поселения на юго-западе Армянского нагорья (юго-восточные районы современной Турции) появляются в X–VIII тыс. до н.э. В течение двух последних десятилетий результаты раскопок ряда памятников юго-восточной Турции (Халлан Чеми, Демиркой, Гёбекли – Тепе и др.) доказали, что в X–VIII тыс. до н.э. эта территория являлась автономным и крупнейшим центром возникновения земледелия (Kozłowski, Aurenche, 2005. P. 65–86; Neolithic in Turkey. 1999). По всей вероятности, отсюда распространились в соседние регионы нагорья земледелие и связанные с ним культурные нововведения (строительство, металлургия, гончарство и др.).

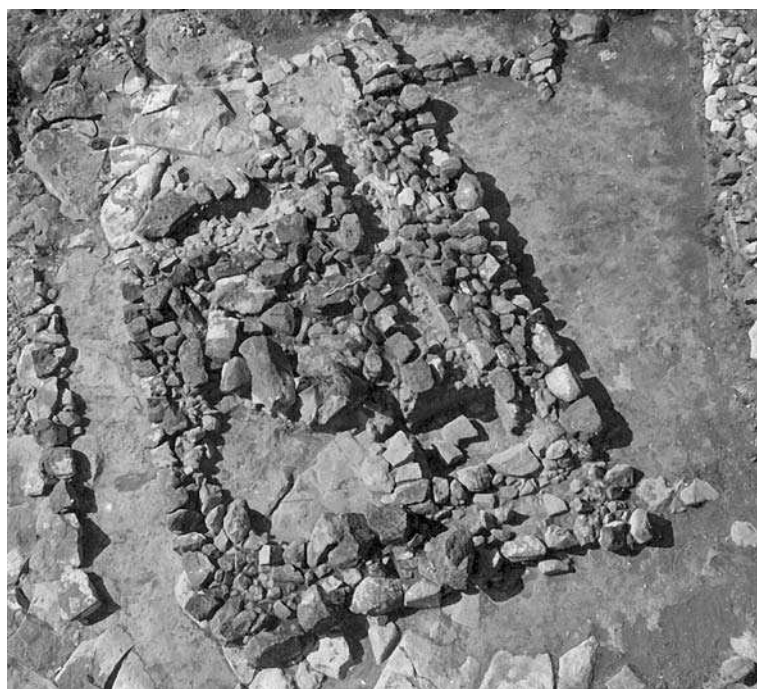
Результаты исследования памятников эпохи неолита и энеолита свидетельствуют о том, что с конца VII тыс. до н. э. производящее хозяйство в большей части нагорья выступает в качестве полностью сформировавшейся системы, основанной на использовании ресурсного потенциала одомашненной фауны и флоры. Данный производственный комплекс, базирующийся на земледельческо-скотоводческом комплексном хозяйстве, стал основой позднеолитической – энеолитической культуры (первая половина VI–IV тыс. до н.э.) и доминировал в рамках равнинных поселений, в особенности поселений Араратской равнины (Badalyan, Lombard, Chataigner, Avetisyan, 2004. P. 399–420).

Эпоха ранней бронзы (3300–2400/2300 гг. до н.э.) на территории Армении представлена плотной сетью поселений, относящихся к «шенгавитской» или «кура-араксской» археологической культуре. Памятники шенгавитской культуры располагаются как в низменных долинах, так и на предгорных и высокогорных территориях. Равнинные памятники – это поселения, образовавшие

Поселение Араташен. Неолит. Первая половина VI тыс. до н.э.

Из кн.: Калантарян А., Мелконян У. Археологические работы в Армении 1990–2003 гг. Рис. 20

Талинский некрополь, погребение 12. Ранняя бронза I. Конец IV тыс.

Фото из личного архива П.С. Аветисяна

искусственные зольные холмы. Поселения предгорных и высокогорных территорий располагаются на естественных возвышенностях, холмах, склонах гор или мысах. На всех этапах ранней бронзы известны как однослойные, двухслойные, так и многослойные памятники, что свидетельствует о том, что наряду с просуществовавшими столетиями поселениями, существовали иные, где человек не продолжал свою жизнедеятельность более 50–60 лет. Среди многочисленных памятников можно выделить крупные поселения, которые окружены меньшими поселениями-спутниками.

Носители шенгавитской культуры хоронили усопших не только на территории тех или иных поселений, но и на отдаленных некрополях. «Шенгавитское общество» имело достаточно сложную социальную структуру, и наряду с оседлым населением, там существовали также мобильные, время от времени переходящие из одного места на другое общины (Sagona, 1984; Археология. 1994. С. 8–57; Кушнарева, 1993. С. 51–91).

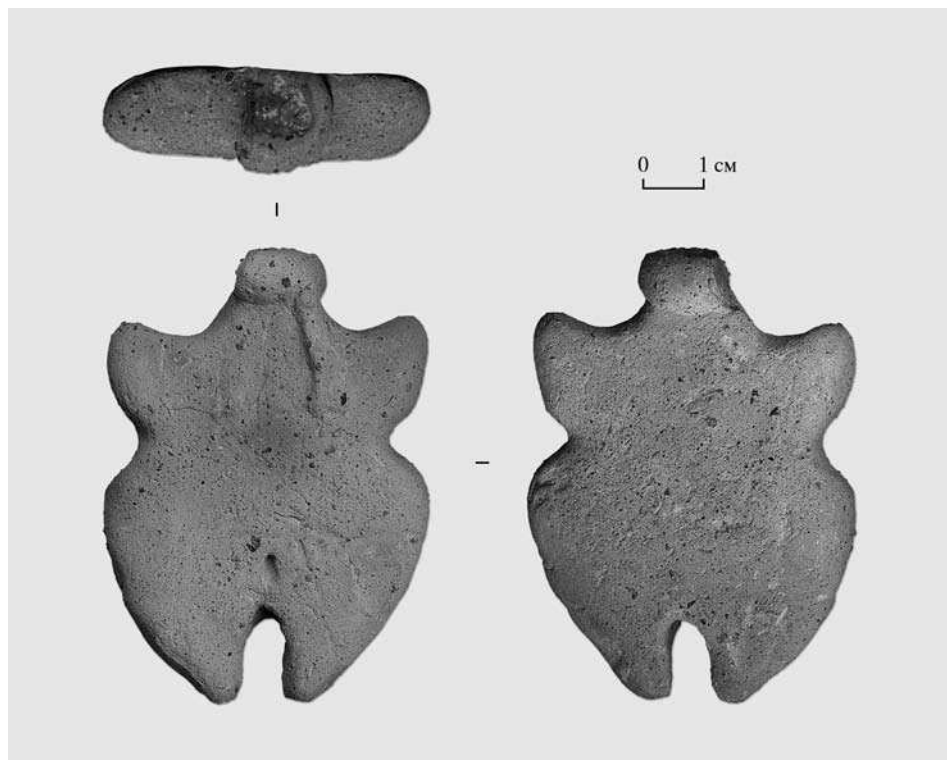
Основу хозяйства шенгавитского общества составляли поливное земледелие и пастбищное скотоводство. Среди орудий, относящихся к различным отраслям хозяйства, начинают превалировать предметы из бронзы. Наилучшими свидетельствами высокого уровня развития металлообработки являются выявленные на различных памятниках мастерские, огромное количество литейных форм для изготовления оружия, орудий и украшений.

Важное место в хозяйстве древнего населения Армении занимала торговля. Из богатых ресурсами обсидиана и меди регионов сырье экспортировалось как в Переднюю Азию, так и в различные отдаленные регионы севернее Кавказа. Более того, в юго-западных и юго-восточных регионах Армянского нагорья носители шенгавитской культуры контролировали транзитные торговые пути, что способствовало началу формирования в этих регионах поселений с признаками городской культуры.

О монументальной культовой архитектуре шенгавитской культуры свидетельствуют храмовые постройки. Это «святилища» в центральных частях поселений, которые представлены в виде комплекса структур, построенных вокруг каменных и кирпичных башен. Женские и зооморфные фигурки, подставки подковообразных очагов и сами очаги с выступами в виде голов быка и овна свидетельствуют о том, что в шенгавитском обществе был широко распространен культ «Великой Матери богов» и животных, символизирующих плодородие.

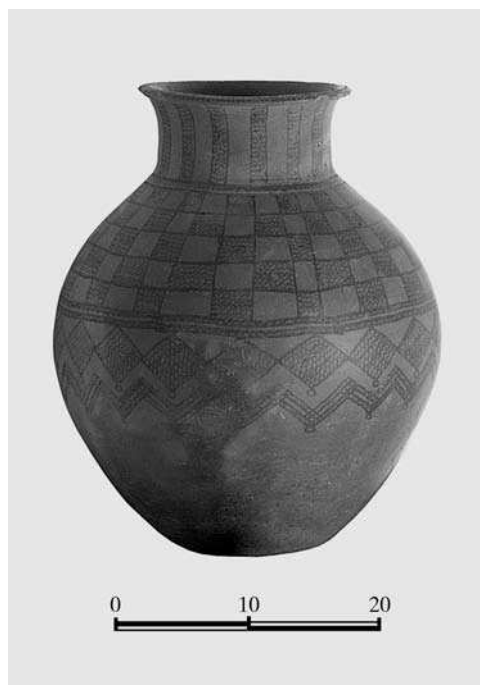
Эпоха средней бронзы (2400/ 2300–1500 гг. до н.э.) С начала третьей четверти III тыс. до н.э. в бассейне реки Аракс и севернее характерны памятники «раннекурганной культуры», которые представлены в Армении исключительно погребальными сооружениями. Здесь, наряду с новыми, до того времени неизвестными материалами, еще встречается керамика и оружие, характерные для шенгавитской культуры. Основной особенностью данного периода является то, что отмечаются резкие перемены в социальной жизни обществ, заселяющих этот регион. Встречаются одиночные погребальные сооружения очень больших размеров и с богатым погребальным инвентарем.

В основной части Армянского нагорья этот переходный период перемены культурной среды закончился на рубеже XXIII–XXII вв. до н.э. Надвигается вторая волна смены древнекультурной среды, которая связана с распространением новых комплексов «триалето-ванадзорской» культуры. Самые ранние

Поселение Агарак. Глиняная женская статуэтка. Ранняя бронза II, XXIX–XXVII вв. до н.э.

Фото из личного архива П.С. Аветисяна

Расписной сосуд из некрополя Сисиан-1. Средняя бронза II, XIX–XVIII вв. до н.э.

Из кн.: Калантарян А., Мелкоян У. Археологические работы в Армении 1990–2003 гг. Рис. 46

комплексы этой культуры также в основном представлены курганами. «Царские погребения» триалето-ванадзорской культуры (Карашамб, Лори Берд, Неркин Навер, Аруч), которые отличаются своей роскошью и богатством (сосуды из золота и серебра, украшения, принесенные в жертву крупный рогатый скот, лошади, дикие животные и др.), свидетельствуют о том, что в социальном ландшафте региона произошли коренные перемены, указывающие на появление зачатков ранних государственных образований.

На значительной территории нагорья малочисленные «оазисы» оседлой жизни со свойственными городской культуре элементами были окружены обществами, которые вели полукочевой образ жизни и имели достаточно развитую культуру.

Относящиеся к триалето-ванадзорской культуре предметы погребений: бронзовые оружия и украшения, посуда из драгоценного металла указывают на то, что в этот период металлообработка и торговые связи становятся на качественно новый, охватывающий большие масштабы уровень. Постепенно распространяется полихромная керамика.

С середины XVIII в. до н.э. в Армении начинается третья волна перемен культурной среды. Наряду с поздними триалето-ванадзорскими комплексами появляются новые археологические культуры (кармир-бердская, севан-арцахская, кармир-ванкская), которые характеризуют о переменах в жизни обществ эпохи средней бронзы данного региона. В отличие от предыдущего этапа, в этот период поселения встречаются во всех регионах Армении. Вместе с этим уже не встречаются богатые погребения с роскошным инвентарем, беднеет ассортимент оружия. Широко распространяется монохромная и полихромная керамика (*Кушнарева*, 1993. С. 92–171; *Археология*. 1994. С. 58–132; *Kushnareva*, 1997. P. 81–149; *Devedjian*, 2006).

В конце XVI в. до н.э. превалируют тенденции взаимообогащения и трансформации данных культур.

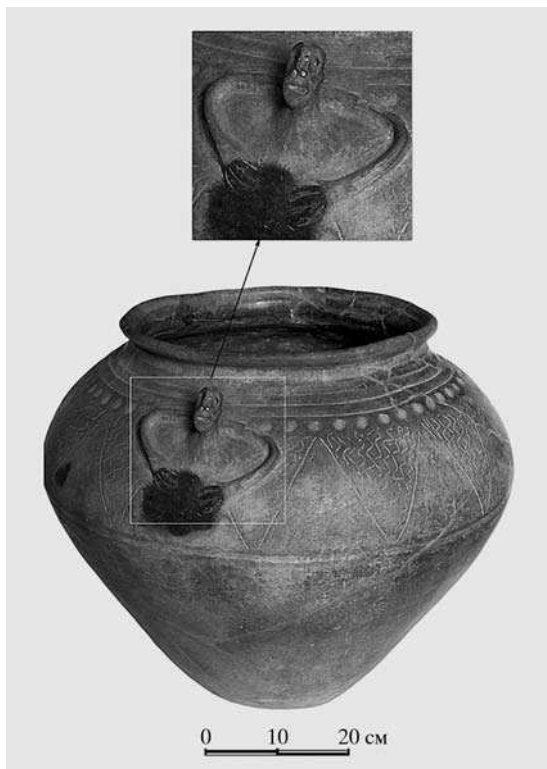
Эпоха поздней бронзы – раннего железа (1500–800 гг. до н.э.). На рубеже XVI–XV вв. до н.э. территория современной Армении вновь представлена обществами, формирующими однородную культурную среду. Исследования, проведенные в рамках различных памятников, позволяют сделать вывод, что с этого времени вновь начинаются процессы развития, характерные для городских цивилизаций.

Доурартские крепости-поселения Лчашена, Двина, Мецамора, Кармир Блура по сути были многолюдными городами, которые занимали значительное пространство, были укреплены крепостными стенами и мощной цитаделью (*Мартиросян*, 1964. С. 81–231; *Мнацаканян*, 1961. С. 66–72; *Деведжян*, 1981. С. 25–58; *Хачатрян*, 1975. С. 127–265). Северные границы распространения крепостей-поселений включают бассейн реки Храми, на западе граница распространения проходит у восточных подножий Мравских и Карабахских гор. Большая часть известных на данном этапе крепостей-поселений относится к периодам поздней бронзы и раннего железа («лчашен-мецаморская культура»).

Цитадель, отделенная внутри поселения крепостными стенами, монументальные постройки общественного характера внутри цитадели, скопления «царских погребений» на отдельных памятниках – все это не оставляет сомнения в том, что социальная стратификация общества достигла большого

Сосуд с наlepным антропоморфным орнаментом Талинского некрополя. Эпоха раннего железа. XI–IX вв. до н.э.

Из кн.: *Аветисян А.Г., Аветисян П.С.* Культура Араратской долины XI–VI вв. до н.э. Табл. 8

Карашамбский некрополь. Поздняя бронза. XV–XIII вв. до н.э.

Фото из личного архива П.С. Аветисяна

размаха. Основным характерным признаком лчашен-мецаморской культуры является развитая металлообработка. Секиры, различные типы кинжалов, бронзовые пояса, украшения из драгоценных металлов и бронзы, конские удила, телеги, боевые колесницы и т.д. являются яркими свидетельствами развитой металлургии и металлообработки.

Развитие намечается в области художественной обработки металла. Отлитые в восковых формах фигурки и скульптурные группы являются непревзойденными образцами переднеазиатской металлообработки. Эти исключительные образцы художественного металла из Лчашена, Лори-Берда, Мецамора и других памятников не оставляют сомнения в том, что начиная с ранних этапов поздней бронзы в древнейшей Армении уже фигурирует сформировавшаяся элита и элитарное искусство.

Телеги и боевые колесницы, многочисленные образцы митаннийских печатей, а также материалы, характерные для различных регионов Передней Азии, указывают на то, что лчашен-мецаморское общество активно участвовало в военно-политических действиях для установления гегемонии на Древнем Востоке в XV–XIII вв. до н.э. Среди государственных образований на территории нагорья особое место занимает Хайаса, название которого очевидно связано с названием *Hayastan* (Армения). Согласно надписям хеттских царей, Хайаса была страной с городами и многочисленным населением.

Серьезные сдвиги в жизни общества древнейшей Армении намечаются в первой половине XII в. до н.э. Судя по данным памятников, на территории современной Армении в отдельных районах жизнь в это время как будто останавливается. Если в Лчашене, Артике, Карашамбе были раскопаны сотни погребений XV–XIII вв. до н.э., то погребения XII в. до н.э. или более позднего периода оказались немногочисленными. Более того, раскопки Гехарота и Цахкаовита (марз Арагацотн) последних лет показали, что жизнь в рамках этих поселений началась с XV в. до н.э. и прекратилась в первой половине XII в. до н.э. По всей вероятности, население покинуло эти территории или было переселено вследствие военного давления. Примечателен тот факт, что некоторые памятники Араратской равнины (Мецамор, Двин, Шамирам и др.) доходят до больших масштабов в эпоху раннего железа (XII/XI–IX вв. до н.э.). Эти перемены, связанные с процессами урбанизации, совпадают с распространением железа: образцы оружия, выявленные в погребениях XI–IX вв. до н.э., в основном, железные. Перемены отмечаются и в социальной организации общества. С конца XIII – начала XII в. до н.э. появляются погребения «профессиональных воинов», в обществе формируется «пласт военных». В период раннего железа (XII в. до н.э.) на арену событий вступает также конница. Ярким свидетельством этого являются изображения конных воинов на поясах и больших сосудах. Именно эту военную силу и противостояние крепостей одолевали правители Вана для расширения своей власти севернее реки Аракс.

Памятники эпохи Ванского царства. С формированием в IX в. до н.э. государства Урарту население Армянского нагорья вступило в новую фазу исторического развития. В результате прогресса предыдущих культур бронзового и железного веков коренное население нагорья было вовлечено в новые, цивилизационные процессы, характеризующиеся появлением централизованной государственной власти и военной структуры, развитием городов и го-

Бронзовая статуэтка бога
Из кн.: *Пиотровский Б.Б.*
Искусство Урарту. Рис. 46

Бронзовая статуэтка бога Тейшебы
Из кн.: *Пиотровский Б.Б.* Ванское царство (Урарту). 1959.
Табл. 1

родских обществ, ирригационной системы, широким применением письменности и др. Все эти признаки наблюдались уже в конце бронзового – начале железного века (XIII–IX вв. до н.э.), когда шел процесс объединения племен Наири.

Центр нового государства, целиком занимавшего Армянское нагорье, находился в районе озера Ван и получил свое название, как и город Ван, от названия Биайни(ли) клинообразных надписей. Хотя Ванское царство просуществовало недолго (IX – начало VI в. до н.э.), ему на некоторое время удалось стать одним из могущественнейших государств Передней Азии. Культурное влияние Урарту было особенно сильно в северной части Передней Азии. Оно далеко распространялось за пределами государства и доходило до стран Средиземноморья (*Pallotino*, 1958. P. 29–52). Неоспорим также вклад Урарту в формирование культуры и искусства последующего Ахеменидского государства (*Тирацян*, 1964).

За последние полвека на территории Республики Армения, Ирана и Турции (Западная Армения) изучены многочисленные урартские памятники. Основные археологические работы проведены в Восточной и Западной

Армении. Начало исследованию истории и культуры Ванского царства было положено в 20–30-х годах XIX в. с систематическим изучением и расшифровкой урартских клинописных надписей европейскими и русскими востоковедами (Ф. Шульц, А. Мордтман, А. Сейс, М.В. Никольский, Н.Я. Марр, И.И. Мещанинов, К.П. Патканов и др.). Наряду с изучением урартской клинописи производились археологические раскопки в центральной части Ванского царства. Столица Ванского царства – Тушпа построена на восточном берегу Ванского озера, на высокой скале у города Ван. Она окружена мощными стенами и башнями царя Сардури I (начало IX в. до н.э.). Исследование Ванской скалы и крепости Топрах-кале (Русахинили) близ города Ван, построенной Русой I в 735 г. до н.э., проводили американская, немецкие археологические миссии в 70–90-х годах XIX и начала XX в. В 1911–1912 гг. и 1916 г. эти работы были продолжены И.А. Орбели и Русской археологической экспедицией, в 1938 г. – вновь американской экспедицией (Марр, Орбели, 1922; Barnett, 1950. P. 1–43).

С 1924 г. Комитетом охраны древностей Армении во главе с академиком архитектуры А.И. Таманяном началось активное изучение урартских памятников на территории Восточной Армении. Работы велись по двум основным направлениям – изучению эпиграфических памятников и археологическому исследованию крепостей и поселений. Эти работы увенчались успехом и выявили большое количество объектов, среди которых по своей значимости выделяются Кармир-блур, Арин-берд, Нор-Баязет, Цовинар (Пиотровский, 1959. С. 7–26).

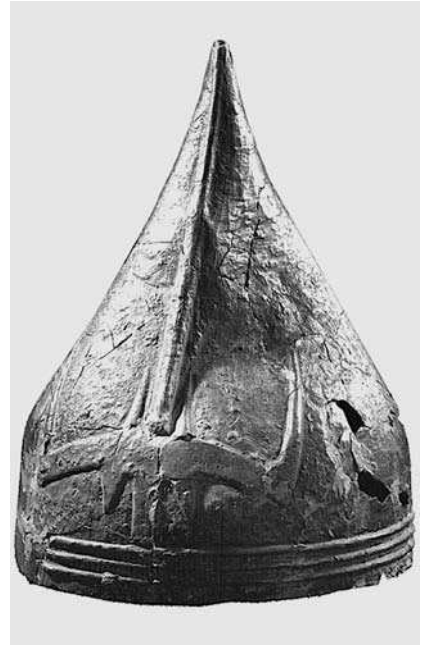
Раскопки урартского города Тейшебаини на холме Кармир-блур в 1939–1941 гг., проводимые экспедицией Государственного Эрмитажа и Армянского филиала АН (руководитель Б.Б. Пиотровский), а затем возобновленные в 1945 г., за 17 лет систематических раскопок дали громадный археологический материал (Пиотровский, 1950; Пиотровский, 1952; Пиотровский, 1955; Оганесян, 1955). Этот город, основанный в середине VII в. до н.э. царем Русой II, являлся крупным административным центром региона. Открыты обширные кладовые для хранения продуктов земледелия и скотоводства, которые затем перерабатывались в мастерских. Найдены также многочисленные предметы ремесла: железные и бронзовые орудия и оружие, слитки бронзы, деревянные изделия, ткани и пряжа, высокохудожественные бронзовые предметы (шлемы, щиты, колчаны, чаши, предметы конского убора) с именами царей Менуа, Аргишти I, Сардури II, Русы I.

В цитадели Тейшебаини, как и в других подобных центрах Передней Азии находился хозяйственный архив с глиняными клинописными табличками.

Развалины города Эребуни находятся неподалеку от Кармир-блур, на южной окраине Еревана, на холме Арин-берд, которые стали известны археологам еще в 1894 г. благодаря находке камня со строительной надписью царя Аргишти. В 1947 и 1948 гг. кармир-блурской экспедицией на холме были предприняты разведочные работы и в 1950 г. найдены два камня с клинописями. В одной из них, принадлежащей Аргишти I, сообщалось о постройке Эребуни в 782 г. до н.э., что дало возможность при помощи клинописи, найденной на холме Арин-берд, определить точное местонахождение урартского города Эребуни. Эта надпись является также официальной датой основания столицы Армении – Еревана.

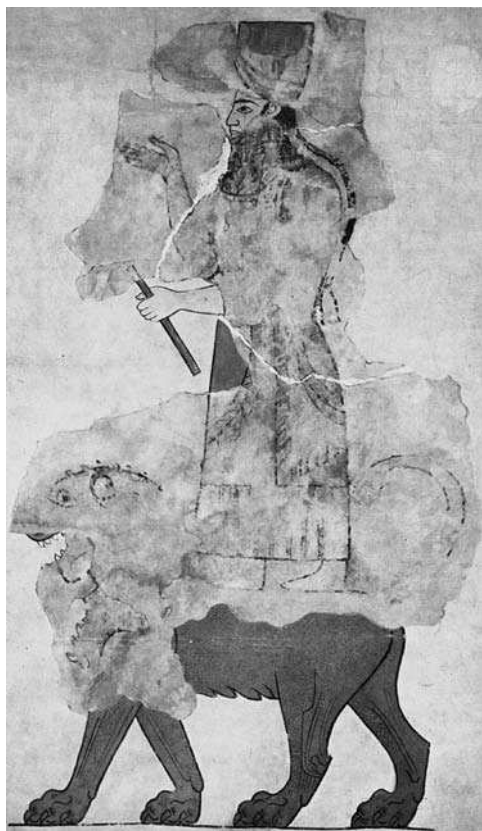
Бронзовая статуэтка богини Арубани
Из кн.: *Пиотровский Б.Б.* Ванское царство (Урарту). Рис. 46

Шлем из раскопок Кармир-Блур
Из кн.: *Пиотровский Б.Б.* Ванское царство.
Рис. 26

Каменная «метрика» Еревана. Клинопись с текстом урартского царя Аггшти I об основании Эрбуну. 782 г. до н.э.
Из кн.: *Арутюнян В.М., Асратян М.М., Меликян А.А.* Ереван. Рис. 9.

Бог Халди. Фреска из Эребуни
Из кн.: *Оганесян К.Л.* Арин Берд. Рис. 32

В крепости было раскопано множество монументальных сооружений – храм бога Халди, большой и малый дворец с колонным залом, так называемый храм Суси, найдены остатки росписей (*Ходжаш* и др., 1979. С. 54–71).

Хозяйственные помещения были огромными зернохранилищами и кладовыми для вина. К востоку от цитадели частично уцелели городские кварталы.

Крупнейшим экономическим, культурным и культовым центром Ванского царства на территории Восточной Армении был город Аргиштихинили в самом сердце Арагатской долины, основанный царем Аргишти I в 772 г. до н.э. История изучения города Аргиштихинили тесно связана с возникшим в его пределах Армавиром – древней столицей Армении, о которой упоминает историк V в. Мовсес Хоренаци. В его двух цитаделях (восточной и западной) найдены клинописные надписи Аргишти I, Сардури II, Русы III. В результате археологических исследований выяснилось, что город застраивался и расширялся в

течение 200 лет. Западная крепость Аргиштихинили занимала площадь в 2 га. В современном своем виде она состоит из целого ряда архитектурных сооружений, дворцового здания с большими жилыми покоем, парадно-приемными помещениями, с колоннами, тремя храмами, зернохранилищами. Все сооружения окаймлены мощными крепостными стенами в два-три ряда. Мощная цепь хозяйств, ремесленные мастерские и городские кварталы располагались на сети больших и малых каналов. Аргиштихинили своей планировкой довольно схож с знаменитыми городами Ассирии и Вавилона.

В постсоветские годы также продолжают раскопки урартских памятников. Исключительно интересные материалы дали раскопки дворца-крепости Диди-конд в Ошакане VII в. до н.э. (*Есаян*, 1985; *Есаян, Калантарян*, 1988; *Калантарян, Мелконян, Жамкочан*, 2003).

Начиная с 1994 г., усилиями армяно-итальянской экспедиции исследованы многие урартские крепости в бассейне озера Севан (*Biscione and others*. 2002). На территории Западной Армении археологическое изучение урартских памятников возобновилось во второй половине XX в. раскопками таких крупных центров как крепость Алтын-тепе с двухэтажными крепостны-

ми стенами, храмом и дворцовыми сооружениями и фресками (Özgül, 1961. P. 253–290; Özgül, 1969. P. 256–263).

Крепостной комплекс Чавуш-тепе (Айкаберд, Сардурихинили) находится недалеко от города Ван и состоит из двух крепостей с дворцовыми, храмовыми жилыми и хозяйственными помещениями (Есаян, Килимджян, 1991; Erzen, 1979. P. 1–15). К северу от Вана расположена крепость Аянис (Русахинили клинописной надписи) с храмовыми зданиями, украшенными рельефными изображениями. Здесь же найдены художественные предметы из бронзы, железа, серебра и золота (Çilingiroglu, 2006. P. 135–142). Мощный крепостной ансамбль Кайали-дере (Мушская долина) был построен в конце IX в. до н.э., имел две крепости, башневидный храм, перекрытый, по мнению исследователей, двускатной крышей и украшенный фресками (Есаян, Абаджян, 1991. С. 110–121; Burney, 1966. P. 55–111). Раскопаны также крепости, большие и малые поселения в других местах – Адильджевазе, Бастаме, Зернаки-тепе (Bilgic, Ögün, 1967. P. 65–112). Наряду с раскопками в Восточной и Западной Армении фортификационных и жилых сооружений раскрыты и исследованы многие культовые и погребальные сооружения – подземные, пещерные и скальные гробницы, святилища, различные помещения, вырубленные в скале каналы и др.

Эпоха Ахеменидов и античности (VI в. до н.э. – III в. н.э.). После падения Урартского государства по всей территории Армянского нагорья были созданы новые условия для развития раннеармянской культуры в период династии Ервандидов. Центром и столицей государства по-прежнему оставался древний город Ван, продолжали функционировать другие крупные урартские центры – Эребуни, Аргиштихинили – Армавир и другие, о чем свидетельствуют письменные источники и результаты археологических работ. Вскоре Армения была покорена державой Ахеменидов и оставалась в ее составе около 200 лет (VI–IV вв. до н.э.).

Армавир. Найденные в Армавире урартские надписи, а также сведения армянских историков и греческие надписи, обнаруженные у подножья Армавирского холма, результаты археологических раскопок свидетельствуют о культовом характере Армавира как в урартский период, так и последующее время (Мартirosян, 1967. С. 225, 227). В ахеменидский период Армавир представлял собой храмовый центр и крупное поселение и в конце VI в. до н.э. стал столицей армянского государства (Тирацян, 1988. С. 22). Урартская крепость, как показывают археологические раскопки, продолжала функционировать и в эллинистическое время (Каранетян, 2003. С. 11).

Ван. Столица Урарту–Тушпа стала первой столицей первого армянского государства, образовавшегося в VI в. до н.э. (Еремян, 1953. С. 103). В годы ахеменидского владычества Ван был главным центром XIII сатрапии, а затем объединенной Армянской сатрапии, упоминаемой Ксенофонтом. Древнеперсидская надпись Ксеркса на Ванской скале, рассказывающая о строительных работах, а также археологические находки, хранящиеся в различных музеях, свидетельствуют о том, что жизнь старого города не прекращалась (Тирацян, 1988. С. 22; Пиотровский, 1959. С. 117).

Эребуни. Раскопки крупного урартского города Эребуни выявили также послеурартский слой VI–IV вв. до н.э., с характерным археологическим материалом. Стратиграфические данные показывают, что в указанное вре-

Серебряный ритон. Эребуни. V–IV вв. до н.э.
Из кн.: *Пиотровский Б.Б.* Ванское царство. Табл. С-II

Женская мраморная статуя «Афродита Арташатская». Конец II – начало I в. до н.э.
Из кн.: *Аракелян Б.Н.* Арташат I. Табл. LXII

мя произошли перестройки и реконструкции прежних зданий. Результатом перестроек VI–IV вв. до н.э. являются колонный зал (ападана), Большой и Малый храм огня, храм Суси (*Оганесян, 1961; Тирацян, 1960; Тирацян, 1988. С. 24–30*). Особенно интересны серебряные ритоны ахеменидского времени из клада, случайно обнаруженного на территории бывших городских кварталов (*Аракелян, 1971*).

Наряду с перечисленными выше крупными центрами раннеармянского времени по всей территории Армянского нагорья известны памятники этого периода. На дороге из Араратской равнины в район бассейна озера Севан, около современного Казаха на холме Сары-тепе находился другой центр ахеменидского времени с архитектурным комплексом (*Тирацян, 1964. С. 72–74*). Большой интерес представляют изделия художественного ремесла и ювелирного дела, найденные в районе городов Ерзнка и Эрзерум (Западная Армения), ярко свидетельствующие о наследовании урартских традиций в раннеармянское время.

Изучение армянских памятников античной эпохи началось в 1880 г., когда были предприняты раскопки древней столицы – Армавира (*Уваров,*

1882. С. 439–449). Затем известным архитектором Т. Тораманяном исследованы памятники и собран материал о крепостях, поселениях и могильниках. В ходе археологических работ в древнем Армавире были сфотографированы и описаны греческие надписи, наземные памятники (*Аракелян, Мартиросян, 1967*). Большое значение для изучения гарнийской крепости и античного храма имели работы, предпринятые Русским археологическим обществом под руководством Н.Я. Марра.

Однако систематическому изучению эллинистической культуры Армении положили начало раскопки крепости Гарни в 1949 г., которая стала известна своими первоклассными памятниками и находками, характеризующими культуру первых веков н.э.: (см. рис. 332): раскопан дворцовый комплекс и обнаружен мозаичный пол античной бани, найдены обломки мраморных статуй, греческая надпись (*Аракелян, 1951, 1957; Тревер, 1953*).

Были проведены раскопки древнего Вагаршапата на месте современного Эчмиадзина, где был открыт античный некрополь, надгробный памятник с греческой надписью, разнообразный археологический материал, характеризующий культуру первых веков нашей эры.

В 1970 г. начались систематические раскопки Арташата (Артаксаты античных авторов), другого важнейшего центра античной Армении и ее столицы во II в. до н.э. – IV в. н.э. Основанный в 189–188 гг. до н.э. царем Арташесом I в качестве столицы объединенной Армении, он сохранял свой статус на протяжении более чем 500 лет. Раскинутый на 12 холмах и прилегающей к ним равнине, на перекрестке международных торговых путей, этот город занимал чрезвычайно удобное место как в стратегическом, так и экономическом отношении. Город имел хорошо отлаженную систему коммунально-хозяйственных сооружений: водопроводную сеть, дренажную систему, стоки для дождевых вод, систему бань. Поражает обилие остатков архитектурных сооружений, разнообразие археологических материалов, богатство предметов искусства: остатков огромной общественной бани с мозаичным полом, мраморной скульптурой Афродиты, обломками других мраморных и бронзовых статуй, терракотовых статуэток и т.д. (*Аракелян, 1976; Хачатрян, 1981. С. 116; Khachatryan, 1998. С. 143*).

Среди огромного количества находок своей исключительной научной значимостью выделяется архив Арташата с 8 тыс. глиняных оттисков печатей (*Хачатрян, Неверов, 2008*).

Письменные источники, лапидарные надписи, а также археологические раскопки предоставляют собой довольно значительные данные о городах Западной Армении III в. до н.э.

Древнейшими городами Софено-Коммагенского царства были Самосата и Самокерта, названия которых восходят к имени коммагенского царя Сама (первая половина III в. до н.э.). Самосата стояла на Евфрате и через нее проходила дорога из Малой Азии в Армению. Об этом свидетельствуют остатки рельефов и греческих надписей (*Манандян, 1954. С. 30 и далее*).

О городах, связанных с именем правившего в 40-х годах III в. до н.э. царя Аршама, известно благодаря археологическим раскопкам. Город Аршамашат – античная Арсамосата (*Тиращян, 1976. С. 135–138*) находился на берегу реки Арацани (Восточный Евфрат) (*Keban Project 1969*). С именем царя Аршама связан коммагенский город Арсамея-на-Евфрате с сохра-

Тигранакерт: северная крепостная стена укрепленного квартала, I в. до н.э. Общий вид, 2010 г. В нижнем правом углу керамический диск с армянской надписью («Я Ваче слуга Бога») из раскопок раннехристианской церкви V–VII вв. Из личного архива Г. Петросяна

нившимися греческими надписями, рельефами эллинистического времени и т.д.

О столице Армении – городе Ерундашате (последняя четверть III в. до н.э.) сообщает историк Мовсес Хоренаци (*Хоренаци*, II, 49). Город был расположен у слияния реки Аракс с ее левобережным притоком реки Ахурян (*Аракелян*, 1965) на двух террасах, опоясанный длинными крепостными стенами с башнями. Особое внимание привлекает здание с контрфорсами и угловыми выступами (*Арутюнян*, 1955. С. 55). Четко вырисовываются улицы с развалинами домов по обеим сторонам, выделяются отдельные кварталы. Город просуществовал около 500 лет и был разрушен персами в 360 г. н.э.

В 2006 г. начались раскопки г. Тигранакерт (I в. до н.э.) в Арцахе, построенного царем Великой Армении Тиграном II. В результате раскопок 2006–2010 гг. раскрыта часть крепостных стен цитадели, фундаменты вырубленных в скале стен укрепленного квартала, опорная стена одной из террас того же квартала, раннехристианская базилика центрального квартала и т.д. (*Культурные исследования в Арцахе...*, 2009).

Памятники средневековой Армении. Раскопками столицы Багратидского царства города Ани были заложены основы научного изучения памятников средневековой Армении. Анийская экспедиция во главе с выдающимся кавказоведом и арменоведом Н.Я. Марром в 1892–1917 гг. стала своеобразной школой, в которой сформировались известные в будущем ученые-арменоведы И. Орбели, Т. Тораманян, Н. Адонц, А. Калантар и многие другие. Раскопки Ани положили начало исследованиям проблем градостроительства, развития городов и городской жизни, ремесленного производства, различных сторон городского быта, а также деятельности и значения монастырей в эпоху Средневековья (*Марр*, 1934).

Систематическое изучение средневековых памятников получило особый размах в конце 30-х годов XX в. В 1936 г. были предприняты раскопки ран-

Крепость Амберд. Общий вид. XI–XIII вв.
Фото из личного архива У. Мелконяна

несредневековой столицы Армении – города Двина, которые продолжают по сей день. В результате многолетних раскопок открыты и расчищены различные гражданские и культовые сооружения, производственные постройки, обнаружен огромный археологический материал, который предоставил возможность обрисовать хронологическую картину жизни крупного городского центра всего Закавказья (*Кафадарян, 1952*). В Двине были высоко развиты различные ремесла – кузнечное, оружейное, ювелирное и т.д. (*Калантарян, 1970; Калантарян, 1976; Калантарян, 1978*).

В том же 1936 г. совместная экспедиция Армянского филиала и Государственного Эрмитажа под руководством академика И.А. Орбели предприняла раскопки крепости Амберд. Было раскопано дворцовое сооружение, баня, подземный ход. Художественные изделия из бронзы, различные виды оружия, разнообразная керамика и другой материал имеют важное значение для исследования материальной культуры всех регионов Передней Азии. Раскопки крепости Амберд были продолжены в 1963–1968 гг.

Одними из важнейших разделов и составляющих средневековой археологии Армении являются письменные источники – рукописные и эпиграфические. Тома «Корпуса армянских эпиграфических надписей» и многие другие работы посвящены освещению различных сторон политической, социально-экономической жизни, правовых отношений, духовной и материальной культуры армянского народа (*Свод армянских надписей. 1966–1999*).

Археологическое изучение памятников средневековой Армении шло по нескольким направлениям. Раскапывались крепости и укрепленные дворцы, относящиеся к различным этапам Средневековья. Так, например, крепость «Закари берд» (III–IV вв.) выявила структуру военной стоянки эпохи Арша-

Рельеф на северной стене церкви Сурб Карапет в Цахацкаре. 1041 г.
Фото из личного архива У. Мелконяна

кидов, расположенной на линии знаменитой в древности «Царской дороги» (Асатрян Е., 2005). С точки зрения изучения фортификационных комплексов большой интерес представляют результаты раскопок дворца-крепости в селе Варденут (Арагацотн). Этот тип прямоугольного в плане и снабженного в углах мощными полукруглыми башнями сооружения было широко распространено в эпоху раннего Средневековья и зафиксирован в различных местах Армении (Кош, Ернджатап).

Классическим примером обнесенного стенами города является город-крепость Лорэ, ставший столицей маленького Ташир-Дзорагетского царства в эпоху Багратидов и сохранившего свое значение вплоть до конца XVIII в.

В селе Даштадем (X в.) раскопана знаменитая крепость с цитаделью и дворцовой церковью. Найдены армянские, греческие и арабские надписи. Раскрыты остатки производственных и коммунальных сооружений (давлен, водопровода, бассейнов и т.д.). Для городской округи столицы Ани характерны пещерные жилые и производственные комплексы, датируемые XII в. Меньшие по масштабам комплексы обнаружены на примыкающей к городской округе столицы Ани, близ монастырского комплекса Оромос, а также у современного города Спитак. Выбитые в скале архитектурные детали (колонны, арки, сводчатые потолки, ниши), а также обнаруженный археологический материал датируется IX–XVII вв.

В 1960–1990 гг. большое место уделялось исследованию монастырских комплексов и церквей как центров духовной и научной деятельности средневековой Армении. С 1966 г. раскапывается и расчищается монастырь Ваанаванк с прилегающими склепами и захоронениями сюникских владетельных князей. Раскрыта церковь Сурб Лусаворич с роскошным архитектурным деко-

ром. Особенно примечательны раскопки и расчистка древней церкви Св. Шогакат в первопрестольном Эчмиадзине, которые подтвердили достоверность сведений историка V в. Агатангелоса о том, что эта церковь была возведена в V в. на месте гибели одной из святых дев-мучениц Рипсимян.

В 1970–2005 гг. раскопаны и расчищены многочисленные памятники культовой архитектуры. Это раскопки и реставрация раннесредневекового Цицернаванка в селах Акори (Лори), Алиту (Сюник), Андаберд (НКР), Цахац-кар (Котайк),

Мармашен (Ширак), монастырский комплекс Арич (Ширак) и Сурб Саркис с церковью, притвором, колокольной, общественными и жилыми комплексами (Арагацотн), Техеняц ванк (Котайк) с церквями, притворами, трапезной, галереями. В 2005 г. начались раскопки в средневековом центре Ехегис (Вайоц дзор), где было обнаружено еврейское кладбище XII–XIII вв., свидетельствующее о жизни еврейской общины в средневековой Армении.

Всестороннее археологическое исследование средневековых памятников Армении является также основой для освещения ряда проблем материальной и духовной культуры Армении в контексте культуры всего переднеазиатского региона.

ИСТОРИКО-АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ

Краткая история изучения арменоидного типа. Арменоидный (*Lushan*, 1911), ассириодный (*Deniker*, 1889), понто-загорский (*Бунак*, 1927) или переднеазиатский антропологический тип имеет весьма большое распространение по всей Передней Азии, на плоскогорьях Анатолии, Сирии и Ирана. Формирование арменоидного антропологического типа относится к гораздо более раннему времени, чем эпоха, с которой мы связываем начало этногенеза армянского народа. Начало процесса формирования физического типа армян уходит в глубокую древность, оно тесно связано с процессом формирования переднеазиатской или арменоидной расы, к которой, кроме армянского народа, относятся многие популяции Передней Азии и Кавказа (*Абдушелишвили*, 1974). Проблеме генезиса арменоидного (переднеазиатского) типа посвящена огромная литература. Обзор старой литературы находим в работах В.В.Бунака (1927, 1947), Р. Керумяна (*Kherumian*, 1943), у Г.Ф. Дебеца (1934, 1951). Обзор более поздних работ – у В.П. Алексеева (1964, 1974), М.Г. Абдушелишвили (1974, 1994), Р. Мкртчян (2001), А.Ю. Худавердян (2009).

«Наиболее распространенное название этого антропологического типа «армянский», «арменоидный» отмечает область наибольшей выраженности этого типа и центральную зону его распространения в Передней Азии. Это наименование имеет тот недостаток, что совпадает с этническим термином – «армянский народ», что, безусловно, может привести к нежелательным смешениям понятий», – писал в 1927 г. В.В. Бунак в своей знаменитой «*Станія арменіса*» (*Бунак*, 1927. С. 40). Основной пафос работы В.В. Бунака состоял в изучении брахикефалии армян как звена в цепи брахикранных племен, «в разных вариантах почти сплошь заселяющих огромное пространство от Памирского горного узла до Альпийского» (*Бунак*, С. 8). Антропологический тип армян занимает своеобразное положение в ряду других типов среди-

земноморской ветви большой европеоидной расы особым сочетанием морфологических признаков, характеризующих этот тип. «В нем сочетаются: умеренно-волнистая форма волос головы, сильное развитие волосяного покрова, смуглый оттенок кожи, брахикефальная форма головы, с очень характерным контуром, и почти лептопрозопным лицом, с весьма специфической формой наружного носа» (Бунак, 1927). Если первые три признака указывают на близость арменоидного типа к населению южного Средиземноморья, то сильная брахикефалия противопоставляет армян этому населению и заставляет искать сходные типы в области широтной складчатой системы Европы, иначе говоря, на Балканах. Однако сильно развитый волосяной покров лица и тела в сочетании с большей темнопигментированностью противопоставляют арменоидные популяции балканским (Буннак, 1927. С. 8, 9). Состояние современной антропологической изученности народов, принадлежащих к южной ветви европеоидной расы, эту точку зрения позволяет считать подтвержденной, поскольку не было выявлено значительного участия переднеазиатских, в частности арменоидных компонентов в формировании групп популяций, относящихся к средиземнобалканской расе (Алексеев, 1974. С. 138; Абдушелишвили, 1974. С. 252; Алексеев, Гохман, 1984. С. 162).

Исследование современного населения. Антропологическое изучение армян занимало существенное место в европейской антропологии начала XX в., но степень антропологической изученности армян не соответствовала научной важности ее, которая очевидна. Об этом сетовал в первой четверти XX в. В.В. Бунак, внесший неопределимый вклад в изучение антропологии армян. Им был предпринят с 1913 по 1917 г. ряд поездок для антропологического изучения населения Закавказья и собран антропологический материал по армянскому населению разных областей Восточной (Русской) и Западной (Турецкой) Армении, а также по айсорам, курдам и арабам Верхней Месопотамии (Бунак, 1947). На недостаточную антропологическую изученность армянского народа в известной степени можно посотовать и сейчас. Некоторый пробел в соматологическом исследовании армян был заполнен лишь в 1960 г., когда под руководством Г.Ф. Дебеца было осуществлено исследование 11 основных этнографических групп армян. Предварительные результаты были опубликованы М.Г. Абдушелишвили (1963). В настоящий момент имеются данные по 21-й группе армянского народа, но монографическая публикация соматологических данных до сих пор отсутствует. Отсутствует и специальный сравнительный анализ исследуемых групп, в последующих работах отмечается «сходство, внутренняя близость, общность основного субстрата всех армянских групп. Общность эта выражается и в признаках, таксономически наиболее ценных для кавказских групп, и в группах, наиболее близко стоящих к армянам» (Абдушелишвили, 1963. С. 7). С точки зрения этого исследователя, комплекс соматологических признаков, как и следовало ожидать, относит всех армян к переднеазиатскому антропологическому типу, однако существеннее – это констатация некоторых отклонений армянских групп от широко распространенного переднеазиатского типа. Армянские группы отличает очень резкая горизонтальная профилировка и малая ширина лица, горизонтальное или чуть опущенное положение кончика носа, прямой, со сглаженным надбровьем лоб и толстые губы. В большей степени

типичными представителями переднеазиатского типа могут служить изученные экспедицией 1960 г. айсоры.

Как соотносятся характеристики физического типа армян с характеристиками других народов Кавказа? Усилиями не одного поколения антропологов в настоящий момент получена довольно детальная картина географической изменчивости соматологических признаков на территории Кавказа. Всеми исследователями было отмечено достаточно закономерное распределение на Кавказе следующих соматологических признаков: пигментации, роста волос на лице и теле, ширины лица, выступающего носа и наклона лба (*Абдушелишвили*, 1964, 1994; *Алексеев*, 1974; *Алексеев, Гохман*, 1984). Цвет волос и глаз становится более темным в направлении с северо-запада на юго-восток. Максимум пигментации фиксируется в Армении и Азербайджане, причем, если в цвете волос и глаз здесь нет практически различий, то они отчетливее в цвете кожи, азербайджанцы заметно темнее. Армяне достигают максимума, во всяком случае, в масштабах Кавказа, по росту волос на теле и лице. Ширина лица к востоку постепенно увеличивается, но на территории Армении и Азербайджана практически такая же, как у узколиких групп на западе Северного Кавказа. Выступление носа у армянских групп максимальное для Кавказа, здесь же в Закавказье группируются варианты с прямым лбом. Локальным сочетаниям этих признаков, четко распределяющимся в пределах Кавказа, можно придать таксономическое значение, в частности выделить арменоидный тип. Однако оказалось, что комплекс признаков, который ранее считался специфическим для армянского народа, выражен также в восточной и южной Грузии (*Абдушелишвили*, 1963. С. 9). В связи с этим ставится вопрос о сдвиге к северу границы переднеазиатского антропологического типа. Арменоидная группа популяций представляет собой, таким образом, его локальный местный вариант (*Алексеев, Гохман*, 1984. С. 155).

Кроме соматологических исследований современного населения сейчас имеется значительная информация по одонтологии и дерматоглифике армян. Для характеристики одонтологических особенностей обратимся к работам В.Ф. Кашибадзе (*Кашибадзе*, 1990; *Кашибадзе*, 2006). Ею было исследовано 15 выборок армянского населения с территории Армении и Южной Грузии. Вариации частот отдельных комплексов признаков позволяют отнести одонтологический статус армян к кругу кавказских форм, у которых максимально выражены элементы западного подтипа южного грацильного типа. Основным итогом изучения одонтологии армянских популяций является выявление малой степени их морфологического разнообразия и невозможности выделить отдельные локальные варианты внутри этноса. Эта черта и выявленные разнонаправленность и противоречивость межгрупповых корреляций одонтологических признаков среди варианта, характерного для армянских популяций, указывают, с точки зрения автора исследования, на древность и морфологическую сбалансированность армянского варианта. Эта древность, кроме теоретических построений, была показана на одонтологических материалах эпохи бронзы, которые продемонстрировали начальную дифференциацию местных популяций в направлении западных форм южного грацильного типа (*Кашибадзе*, 2006).

Информация о дерматоглифике армян содержится в работах Г.Л. Хить (*Хить*, 1983), Н.Р. Кочар (*Кочар*, 1989) и Л.О. Бетадзе (*Бетадзе*, 2006).

Г.Л. Хить были изучены две дисперсные группы городского населения из Дилиджана и Еревана, объединенные в одну. По ее данным армяне больше тяготеют к народам сходного (переднеазиатского) типа, обнаруживая в то же время связи с аборигенным кавказским населением (*Хить*, 1983. С. 98–115). К похожим выводам пришли и авторы последующих работ. Л.О. Бетадзе было изучено девять территориальных выборок. Анализ распределения признаков и обобщенные коэффициенты сходства (по Животовскому) привели Л.О. Бетадзе к выводу о большом морфологическом сходстве армянских групп и с грузинами и вообще с аборигенным населением Кавказа. В том же популяционно-генетическом аспекте выполнена работа Н.Р. Кочар. К сожалению, разработка дерматоглифических данных на уровне локальных различий – дело будущего.

Для надлежащего анализа арменоидного типа и выяснения его родства с прочими брахицефальными европеоидными группами, особую важность представляет краниологическое изучение, поскольку оно по сравнению с другими видами антропометрических исследований отличается большей точностью, разработанностью и единообразием методических приемов (*Бунак*, 1927; *Дебец*, 1948; *Алексеев*, 1969, 1974). Исчерпывающая краниологическая характеристика арменоидного типа в свое время была дана В.В. Бунаком на основании изучения черепов армянского населения Ванского района, собранных им в 1917 г. Происхождение черепов было связано с одним из самых трагических эпизодов в истории армянского народа – геноцидом в Турции в 1915 г. (*Бунак*, 1927. С. 47, 48). И здесь как нельзя уместнее вспомнить слова одного из основоположников российской антропологии А.П. Богданова по поводу краниологических музейных собраний: «...Эти бранные останки составляют ключ к пониманию и разрешению многих вопросов, могущих интересовать каждого. Это не профанация остатков человека, а ...возведение их в исторические документы, в значение важнейших памятников истории человечества» (*Богданов*, 1986. С. 2).

В.В. Бунак дал очень подробную характеристику серии. Мозговая коробка имеет сравнительно небольшие размеры, продольный диаметр малой величины, поперечный – на границе крупных и средних, высотный диаметр показывает преобладание больших размеров. По черепному указателю череп брахикранный или даже гипербрахикранный. Лицевой скелет характеризуется большой высотой, средней шириной и средним лицевым указателем. Биорбитальная и зигомаксиллярная ширина имеет средние или даже малые размеры, т.е. лицо узкое. Высота носа крупная, а ширина средняя, т.е. по указателю нос узкий. Переносье средней ширины. Вертикальный профиль лица и альвеолярной его части типично ортогнатный. Выступление носовых костей очень большое. Изученная серия по сравнению с другими, опубликованными ранее сериями, к сожалению, не очень значительными в количественном отношении (имеются ввиду серии, описанные Топинаром, Руджери и Шантрон), обнаруживает некоторое расхождение в величинах продольного и поперечного диаметров головы. В названных выше сериях, в отличие от бунаковской, встречаются мезокранные и даже долихокранные черепа, правда, в незначительном проценте. Однако подробный и тщательный анализ кривых распределения признаков, их коэффициентов корреляций и линий регрессий позволили В.В. Бунаку наметить определенные варианты в строении мозго-

вой коробки и явно выделить некий промежуточный, мезокранный вариант, и отсутствие вариантов в строении лицевого скелета. В.В. Бунаком было высказано предположение, что долихокранная исходная форма была поглощена получившими преобладание брахикранными, и как самостоятельный вариант в современном типе более не выступает.

В соответствии с бытовавшей в то время методикой краниологических исследований В.В. Бунаком не определялись углы горизонтальной профилированности лица и размеры, характеризующие строение переносья. Повторно эта серия была описана М.Г. Абдушелишвили, который дополнил описание ее этими характеристиками (*Абдушелишвили*, 1955. С. 380; *Абдушелишвили*, 1966. С. 73). Позднее, численность серии была дополнена черепами из собраний МГУ, кафедры нормальной анатомии Военно-медицинской академии, кафедры нормальной анатомии Одесского медицинского института (Алексеев, 1974. С. 14, 81. Табл. 80). Характеристика серии практически не изменилась, хотя В.П. Алексеев подчеркнул факт специфики армянских черепов в рамках переднеазиатского типа. Они имеют небольшие размеры продольного диаметра, крупные размеры поперечного и высотного диаметров брахикранной мозговой коробки, узкое и высокое лицо, что дает высокие величины лицевого указателя, очень сильно выступающий нос, скорее прямой лоб. В качестве специфической особенности – высокий черепной указатель, который здесь является стойким расовым признаком, так как отличается широким и компактным распространением. Привлекая соматологические данные, можно сказать, что в ареал этой комбинации признаков входят кроме армян, талыши, таты, айсоры и некоторые другие этнические группы Закавказья. Локальные вариации комбинаций признаков малозаметны. Население, обладающее перечисленными признаками, выглядит однородным на всей территории своего распространения (Алексеев, 1974. С. 81). Ни в работах В.П. Алексеева, ни в исследованиях М.Г. Абдушелишвили не содержится информации о существовании двух антропологических вариантов в населении Армении. Правда, у нас нет возможности для изучения локальных различий в краниологии современных армян. Локальные различия в типе армян требуют для своего выяснения серий, происходящих из разных областей ареала армянского народа. (Имеется в виду организация раскопок заброшенных кладбищ или работ при строительстве крупных промышленных объектов).

Палеоантропологические исследования. Неоспоримым доказательством высказанных В.В. Бунаком предположений о генезисе арменоидного типа было бы установление на территории Передней Азии выделенных им двух вариантов. В то время краниологический тип древнего населения Армении был совершенно не известен, а в Передней Азии палеоантропологические находки были крайне скудны и не столь древни, как это было бы желательно для разрешения вопроса. Тем не менее единичные находки I тыс. до н.э. на территории Передней Азии позволили оформиться в западноевропейской литературе первой четверти XX в. концепции морфологической гетерогенности переднеазиатского населения. Эта концепция получила продолжение и в более поздних работах, например, И. Швидецкой (*Schwidetzky*, 1963), А.Валлуа и Д. Ферембах (*Vallois, Ferembach*, 1962) и целом ряде других (см. обзор: *Худавердян*, 2009). Не следует забывать, что в то время черепному указателю придавалось большое расоворазграничительное свойство. Сейчас очевидно,

что значение черепного указателя для классификации европеоидных типов Европы и Передней Азии значительно меньше, чем это ранее предполагалось. В.В. Бунак с определенностью констатировал наличие всего двух вариантов, однако имеющиеся материалы не давали возможности определиться с их относительной древностью.

К счастью, древнейшая история Передней Азии, одного из самых ранних очагов культуры Евразии, содержит обильный скульптурный материал, который может послужить источником для разрешения вопроса. В.В. Бунаком были проанализированы изображения на египетских барельефах, изображающих хеттов, взятых в плен. Их тип имел ряд признаков арменоидного характера: плоский затылок, лоб со слабо выраженным надбровьем, выпуклый нос, высокое лицо. Далее к югу от территории хеттов, в Ассирии, в начале II тыс. до н.э. изучаемый тип выступает настолько отчетливо, что получил название ассириидного (*Deniker*, 1889).

Еще более в глубь времен и уже в Вавилонии, несмотря на многочисленные передвижения различных племен и народов, скульптурные изображения человека на протяжении многих веков стойко воспроизводили арменоидный тип, что свидетельствовало о преемственности населения. Арменоидный тип прослеживается и в более древнюю эпоху, достаточно ясно в скульптурах из южной части Двуречья, приписываемых древним шумерам. Анализ этого материала привел В.В. Бунака к выводу, что на значительном протяжении древнейшей истории Передней Азии, начиная с рубежа IV–III тыс. до I тыс. до н.э., т.е. до внедрения индоевропейских языков, население этого обширного региона относилось к двум антропологическим типам. Фиксируемые в скульптуре варианты, несмотря на стилистические особенности, различаются между собой по тем же признакам, что и современные арменоидная и медитеранная (средиземноморская) раса. Последний вариант выступает в ограниченный период и с течением времени уступает преобладание арменоидному типу. Арменоидный тип известен здесь с древнейших времен и имеет широкое распространение во всех областях Двуречья. Формирование арменоидного или переднеазиатского антропологического типа, таким образом, уходит в далекую древность, и произошло задолго до проникновения сюда волн завоевателей различных европейских племен, не оказавших видимых следов на антропологический тип населения и растворившихся в устойчиво сформировавшейся арменоидной расе (*Бунак*, 1927. С. 206, 207).

За прошедшие десятилетия со времени появления «*Crania Armenica*» произошло определенное накопление палеоантропологического материала. Суммируя сведения об антропологическом облике древнего населения Передней Азии (главным образом, Месопотамии и Иранского нагорья), можно сделать вывод о превалировании среди него грацильных долихокраничных форм (*Добровольская, Медникова*, 2008). В.П. Алексеев, на основе дифференцированного анализа общей профилированности лица, носовой области и переносья, пришел к выводу о существовании двух самостоятельных локальных вариантов переднеазиатской расы. Один из них относится к территории Передней Азии, другой – ассоциируется с Кавказом и Средней Азией (*Алексеев*, 1984. С. 24–34).

Появились палеоантропологические серии и с территории Армении. В связи с этим мы можем задать вопрос, в какой мере выявленный

антропологический вариант в современном населении преемственно связан с более древними? Очень кратко, не вдаваясь в подробности, попытаюсь дать антропологические характеристики населения, начиная с эпохи энеолита и ранней бронзы. Задача осложняется тем, что самые крупные специалисты по антропологии Кавказа, М.Г. Абдушелишвили и В.П. Алексеев, увы! ныне покойные, по самым существенным вопросам расовой дифференциации на Кавказе и генезиса выделенных антропологических категорий были яростными оппонентами (*Абдушелишвили*, 1964; *Алексеев*, 1974. С. 140, 141).

Самые древние палеоантропологические материалы с территории Армении происходят из могильников кура-араксской культуры – Джарарат, Шенгавит (*Алексеев*, 1974), Беркабер (*Алексеев*, *Мкртчян*, 1989) и Ланджик (*Худавердян*, 2009). Немногочисленные серии из этих могильников при значительной выраженности европеоидных признаков отличаются определенным разнообразием, поскольку включают и более грацильные и более матуризованные формы, в основном долихокренные, за исключением мезокренных черепов из Джараратского могильника. В.П. Алексеев рассматривал это разнообразие в свете своей концепции существования на Кавказе издавна двух антропологических вариантов – широколицего и матуризованного и более грацильного узколицего.

Эпоха развитой и поздней бронзы представлена сериями из могильников Лчашен и Севан на южном побережье озера Севан. Для этих серий можно отметить некоторую ортогнатность, исключительно резкую горизонтальную профилировку, сильное выступание носовых костей. С этими признаками сочетаются большие размеры мозговой коробки, аналогичные для черепов из Шенгавитского могильника. В описании этих материалов наше внимание акцентируется на значительной ширине лица. Таким образом краниологическое разнообразие, выявленное на материалах эпохи энеолита и бронзы, рассматривается в рамках выделения кавкасионского и средиземноморского узколицего вариантов (*Алексеев*, 1974. С. 89, 90). Между тем у всех рассмотренных выше серий скуловой диаметр варьирует от 131 мм до 135 мм, т.е. в пределах средней категории признака (*Алексеев*, *Дебец*, 1964). Гораздо более существенной особенностью представляется ортогнатность этих черепов, что сразу предполагает пришлый характер населения, оставившего могильники на южном берегу Севана. Причем северный импульс с территории Восточно-Европейской равнины или южно-русских степей В.П. Алексеевым исключался, а предполагалась миграция местного масштаба, в пределах Кавказа, поскольку В.П. Алексеев видел в этом населении представителей кавкасионского типа.

Безусловный интерес представляет палеоантропологический материал из могильника Неркин Геташен, изученный А.К. Паликян (*Паликян*, 1990). Материал этот позволил на хорошо представленных сериях от эпохи перехода от средней бронзы к поздней, эпохи поздней бронзы и раннего железного века проследить изменчивость населения в пределах одного могильника. Автором исследования отмечается сильная горизонтальная профилированность лица, сильное выступание носовых костей, долихокrania и крупные размеры мозгового черепа, причем ширина лица сопоставима с шириной лица в серии из Лчашена (*Паликян*, 1990; *Мкртчян*, *Паликян*, 1997).

Эпоха конца бронзы – начала раннего железного века представлена материалами из могильников юго-восточного побережья Севана (*Бунак*, 1929),

могильника Артик и могильников на юго-западном побережье Севана у села Цамакаберд и села Норадуз (Алексеев, 1974. С. 48–51), Сарухан и Арцвакар (Паликян, 1990) и Ором (Мкртчян, 2001). Черепа, изученные В.В. Бунаком, грацильные, долихокранные, самые низкоголовые и наиболее узколицие и низколицие по сравнению со всеми описанными сериями. По мнению В.В. Бунака, население, оставившее могильники на берегах оз. Севан, может быть отнесено к северной ветви европеоидной расы. Это соображение неизбежно приводит к выводу о наличии элементов северного происхождения в населении Армении эпохи поздней бронзы. Эта точка зрения встретила критику со стороны Г.Ф. Дебеца (Дебеч, 1948. С. 175–177). В.П. Алексеев, признавая эту критику справедливой, с одной стороны считал, что эта серия не имеет аналогий, с другой – что она обнаруживает сходство с серией из Джарарата и генетически восходит к той части древнего населения Армении, для которого был характерен грацильный и узколициый краниологический вариант (Алексеев, 1974. С.93, 95, 99, 100). Черепа из могильников на юго-западном побережье озера Севан продемонстрировали совсем другой краниологический комплекс. Они гораздо более массивны и действительно широколицы. Скуловая ширина черепов из могильника Норадуз соразмерна с величиной этого признака у черепов восточноевропейских серий эпохи поздней бронзы, отличающихся протоморфными чертами. Погребенные в могильниках Цамакаберд и Норадуз – массивные долихокранные, высоколицые и широколицые индивиды с резко выраженным комплексом европеоидных особенностей. Степень выраженности этих особенностей строения лица характерна для современных армян. На черепах из Цамакаберда типичные признаки этого краниологического варианта выражены особенно сильно. В.П. Алексеев полагал, что этот антропологический компонент, перенесенный на юго-западное побережье Севана переселившейся сюда группой, усиливался в результате притока новых групп людей. Влиянием пришлых групп объясняются особенности населения, оставившего могильник в Артике в северо-западной Армении, синхронный приблизительно могильникам юго-западного побережья. По степени выраженности горизонтальной профилировки и ширине лица эта серия занимает промежуточное положение между величиной этого признака в сериях из Севана, Цамакаберда и Норадуза, по форме мозговой коробки сближается с вариантом, представленным в могильнике Джарарат. Приблизительно такие же соображения могут быть высказаны и относительно других серий, за исключением серии из Акунка, Сарухана и Арцвакара, более узколициых, низколициых и грацильных, находящих некоторые аналогии с серией предшествующего периода из могильников юго-восточного побережья Севана, изученных В.В. Бунаком.

Наиболее интересный период – это время существования Урартского государства и возникновения на его «обломках» Армении – представлено в антропологическом плане очень плохо, различными единичными разрозненными черепами. Сборная серия из различных могильников представлена 19 черепами (Мкртчян, Аветисян, 1996). Для них характерна не столь выраженная долихокrania, более низкий череп, среднеширокое и высокое лицо. Немногим лучше представлен античный период. Это серии из Бениамина, Ширакавана, Карчахпюра и Гарни (Алексеев, 1974; Паликян, 1990; Мовсисян, 1991; Мкртчян, Аветисян, 1996; Худавердян, 1996).

Череп позднеантичного периода в Гарни (в свое время практически первый палеоантропологический материал с территории Армении античного времени) – крупные, с высокой долихокранной мозговой коробкой, резкой горизонтальной профилировкой и сильным выступанием носовых костей, а также ортогнатным профилем напоминали черепа из Лчашена, Севана, Цамакаберда и Норадуза.

Подтверждением присутствия неких групп инородного населения в античное время могут послужить результаты исследования неметрических, дискретно-варьирующих признаков на черепе, проведенного А.А. Мовсисян и Н.Р. Кочар (*Мовсисян, 1990; Мовсисян, Кочар, 2001. С. 95–115*). Ими было исследовано около 500 древних черепов с территории Армении, рассмотренных по крупным хронологическим срезам на широком сравнительном поле, включающем современные кавказские народы. На дендрограммах, полученных путем кластеризации исследованных групп, древние черепа из Армении объединяются в отдельный кластер, за исключением группы из античных некрополей (могильники Ширакаван и Карцахпюр), занимающей всегда обособленное положение. Эта обособленность может свидетельствовать о расширении генетических (брачных) контактов в античное время, т.е. о смешанном составе населения, оставившего эти могильники, или о том, что здесь проживало пришлое, инородное население. К интересным результатам привело применение компонентного анализа на более низком уровне организации материала – на уровне отдельных могильников. Античные серии из Карцахпюра и Ширакавана, отделившись от довольно компактной группы, куда входит серия современных армян, а также серии из Лчашена, Артика, Акунка, Геташена различаются между собой существенно, так как попадают в различные по знаку части поля главных компонент. И если по поводу серии из Ширакавана можно сказать, что она сохраняет генетическую связь с населением предшествующих и последующих эпох, то серия из Карцахпюра такой связи с современным населением не обнаруживает (*Мовсисян, Кочар, 2001*). И здесь уместно вспомнить, что этот могильник эллинистического времени находится на юге-востоке Севана, где и раньше уже было зафиксировано грацильное население, по материалам из Акунка и Артика и материалам, изученным в свое время В.В. Бунаком.

Эпоха Средневековья на территории Армении представлена очень плохо. В основном это черепа из Гарни, датируемые в очень широком диапазоне. По своим особенностям серия занимает промежуточное положение между уже описанными черепами и серией современных армян. Здесь уже фиксируется брахикrania, правда не достигшая уровня современной выраженности этого признака у армян. Брахикrania сопровождается сужением лицевого скелета, однако малочисленность этой серии из Гарни не позволяет дать однозначный ответ на вопрос о причинах замеченных изменений (*Алексеев, 1974. С. 105*).

Начиная с урартского времени археологами фиксируется разнообразие погребальных форм и обычаев. Большинство из них восходит к ранним эпохам, такие как грунтовые погребения, саркофаги, склепы и курганы встречаются и в эпоху бронзы, и в урартский период, доживая до эллинизма и более позднего времени. «Сравнительно большое разнообразие погребальных форм трудно объяснить этническими отличиями населения древней Армении». Почему-то отмечается «однородность погребальных обрядов, что, конечно,

указывает на большую общность, чем это могло показаться на основе данных форм погребений» (Древнейшие государства., 1985. С. 67). С моей точки зрения такая неразработанность вопроса лишает антрополога возможности выявить роль отдельных групп населения в сложении армянского народа.

Рассмотренный материал свидетельствует о чрезвычайно сложном антропологическом составе населения Армянского нагорья, явившимся результатом географического положения территории и бурных политических событий, в которые в той или иной мере вовлекались отдельные группы населения и государства Армянского нагорья.

Отличительным признаком арменоидного антропологического типа является резко выраженная брахикефалия. Но брахикранные варианты в рассмотренном палеоантропологическом материале не имеют полных аналогий. С одной стороны, в Закавказье брахикефализация наступает в эпоху Средневековья, и это позднее явление. С другой стороны, большинство исследователей полагают, что нет оснований отрицать генетическую связь носителей брахикранный варианта Армянского нагорья с долихокранными популяциями эпохи бронзы, для которых характерны яркая выраженность европеоидных признаков: резкая профилированность узкого лица и сильное выступание носа. Аналогии этому типу находим и в древнем, и в современном населении Передней Азии.

Признак, четко выделяющий армян от других типов средиземноморской расы, – это исключительно сильное развитие волосяного покрова на лице и теле. По этому признаку ближайшие аналогии также находим в Передней Азии. Локальные вариации комбинаций соматологических признаков у современного армянского населения малозаметны, и оно выглядит однородным на всей территории своего распространения.

Основным итогом изучения одонтологии армянских популяций является выявление малой степени их морфологического разнообразия и отсутствия отдельных локальных вариантов внутри этноса. Разнонаправленность и противоречивость межгрупповых корреляций признаков внутри одонтологического варианта, характерного для армянских популяций, указывают на древность и морфологическую сбалансированность армянского варианта.

Дерматоглифическое своеобразие армян выражается, с одной стороны, в тяготении к переднеазиатскому антропологическому типу в его классическом варианте, а с другой – в сходстве с коренным кавказским населением.

Все рассмотренные системы признаков у современного населения и палеоантропологические данные свидетельствуют, таким образом, что арменоидная группа популяций составляет местный локальный вариант переднеазиатской расы. Зона формирования арменоидной группы популяций включала территорию Армении в качестве своей северной периферии.

ЭТНОГЕНЕЗ

Проблематика и источники. В проблеме происхождения народов можно выделить три аспекта преемственности – физический (антропологический), культурный и языковой. В древности миграции племен не вызывали значительных изменений в средних антропологических показателях жителей

Армянского нагорья, где поэтому сохранился древний местный тип. На протяжении исторических эпох, несмотря на смену религий и сильных внешних воздействий, культурная преемственность жителей нагорья также очевидна, т.е. армяне – непосредственные наследники древних жителей Армянского нагорья (Дьяконов, 1968. С. 7–9; Дьяконов, 1983. С. 5 и сл.; Дьяконов, 1983а. С. 178; Diakonoff, 1984. P. 1–3). Следовательно, главным спорным вопросом остается идентификация языковых предков (Петросян, 2009).

Для идентификации и локализации носителей ранних армянских диалектов мы имеем только данные исторической лингвистики и свидетельства на различных древнеписьменных языках. Особенно важна ономастика Армянского нагорья – названия племен, мест, лиц и божеств, засвидетельствованные в древнеписьменных языках, например, аккадском, хеттском, урартском, иероглифическим лувийском. Нужно исследовать эти названия и, если возможно, идентифицировать армянские.

Сведения о формировании и ранней истории древних народов, сохраненные в иноязычных и собственных источниках, делятся на два типа – исторические и традиционные. Исследователь армянской предыстории в этом отношении находится в относительно благоприятном положении, так как от ранних месопотамских источников до первых греческих авторов сохранились исторические свидетельства об Армянском нагорье и смежных областях. Другим видом источников являются армянские, греческие, древнееврейские, грузинские и арабские предания о происхождении армян.

Легенды о происхождении армян. Армянский этногонический миф – цикл легенд о происхождении армян, дошел до нас в книге «отца армянской историографии» Мовсеса Хоренаци и кратком рассказе Анонима, приложенного к «Истории» автора VII в. Себеоса. Это тексты, отражающие армянскую устную традицию, скоординированные с данными Библии и греческих источников (Хоренаци, I, 10–16; Себеос, I). Согласно этим легендам, прародителем армян был hАйк (Наук), сын Торгома, т.е. библейского Фогармы, потомок сына Ноя Иафета. После строительства вавилонской башни он отказывается подчиняться вавилонскому тирану Белу (отождествленному с библейским Нимродом) и со своим большим патриархальным семейством, состоящим из 300 мужчин и их семей, приходит в Армению и обосновывается в округе Naḡk' на северо-западе озера Ван. Бел со своей огромной армией нападает на hАйка, но погибает в сражении от его стрелы. Старший сын hАйка Арам-неак переселяется в провинцию Айратат, в Араратскую долину (к северу от горы Арарат), которая остается владением следующих поколений потомков hАйка. Сын Арам-неака Арамайис основывает первую столицу Армении – Армавир (к западу от Еревана). Внук Арамайиса Гегам (Gēlam) становится эпонимом Гегамского озера и Гегамских гор (современное озеро Севан и горная цепь западнее озера). Внук Гегамы – Арам, наиболее воинственный образ этногонического мифа, после многих сражений расширяет границы Армении во все стороны. Сын Арама Ара Прекрасный погибает в сражении с ассирийской царицей Шамирам (греч. Семирамида), и армяне попадают под власть ассирийцев. Так заканчивается «священная» мифическая эра прародителей Армении.

Само название армян haу возводится к имени Наук (ср. еще Naḡk' – «Армения», буквально – 'армяне', где придыхательный k' /k^h/ – показатель

множественного числа, отличающийся от непридыхательного окончания k в имени Наук). Согласно Хоренаци, чужестранцы начинают называть народ hАйка армен и сходными названиями по имени Арама, в то время как Аноним подчеркивает этногоническую роль сына hАйка Араманеака (варианты Араменак/Арменак), из чего можно заключить, что автор именно его считает вторым эпонимом армян (*Саркисян*, 1998. С. 123). Центральная область Армении Айрарат и ее сердце – Араратская долина – считаются названными по имени Ара Прекрасного («поле Ара»).

Согласно греческой легенде, приписанной двум полководцам Александра Македонского – Кирсилу Фарсалийскому и Медию Ларисийскому, прародителем армян был Армен (греч. Арменос), участник путешествия аргонатов. Он происходил из города Арменион в Фессалии на севере Греции. Его последователи осели сначала в Акилисене, т.е. в районе Экелеац в верхнем течении Евфрата (район современного города Эрзинджан в Турции) (*Strabo*, 11.4.8; 11.14.12; *Justin* 42.2.3, см. *Adontz*, 1946. P. 322 seq.).

Согласно Иосифу Флавию, армяне происходят от сына Арама Ула (*Ant. Jud.* 1.6.4), который соответствует одноименному сыну эпонима арамейцев Арама. Вариацией на тему армянских легенд о hАйке и его потомках является грузинская этногоническая легенда у Леонтия Мровели (XI в.). Здесь первопредок армян Гаос, т.е. hАйк (Haos = Naук), убийца Нимрода, выступает как старший брат и повелитель эпонимов-прародителей грузин и некоторых других кавказских племен (*Мровели*, 1979. С. 21 и сл.). Согласно арабским авторам Якуту и Димашки (XI–XII вв.), основателем Армении был Армини, потомок сына Ноя Иафета (*Тер-Гевондян*, 1971).

Исторический аспект этногонических легенд. Армянские легенды представляют эпическую версию мифа о творении – начале пространства и времени (страны, горы, реки, месяцы и часы были названы по имени hАйка и первых hАйкидов, а название в мифологии эквивалентно творению). Образы hАйка и последующих этногонических патриархов, а также их противников мифические, например, соперник Айка Бел (т.е. аккад. Bēl, семит. b'1 'господь'), повелитель Вавилона, идентифицируется с великим вавилонским богом Бэл-Мардуком.

Очевидно, что героическое эпическое сказание, сформированное в процессе этнической консолидации и расселения племени, менее, чем другие жанры фольклора, проницаемо для внешних влияний (*Мелетинский*, 1986. С. 62). Значит, корни армянского этногонического мифа должны восходить к исконно армянской, т.е. индоевропейской традиции. Действительно, ключевые герои легенд – hАйк, Арам и Ара Прекрасный – составляют индоевропейскую «трехфункциональную» триаду, члены которой связаны соответственно с первой (суверенной), второй (военной) и третьей (земледельческой) функцией индоевропейской мифологии. Образы противников армянских патриархов (Бел, Баршамин, Шамирам) также формируют трехфункциональную систему. Таким образом, легенды о первых hАйкидах являются эпическими вариантами типичного индоевропейского мифа (*Ahyan*, 1981; *Dumézil*, 1994. P. 133 seq.; *Петросян*, 2002; *Petrosyan*, 2002; *Petrosyan*, 2007; *Petrosyan*, 2009).

Миф находится вне реального пространства и времени. Однако в эпической трансформации миф приобретает пространственные и временные

характеристики. География первых поселений и передвижений легендарных прародителей в Армении не может быть обусловлена только мифологическими или религиозными факторами. Мы можем называть домен hАйка Нark ‘первоначальной Арменией». Реальная Армения начинается с освоения провинции Айратат Араманеаком. Армянская космогония совершается главным образом в Айратате. Следующий важный этап – расширение границ Армении Арамом, чьим доменом также был Айратат.

Греческие авторы о происхождении армян. Согласно Геродоту (*Геродот*, VII, 73), армяне – «фригийские отселенцы», они и вооружались как фригийцы, а согласно отрывку Евдокса Книдского (V в. до н.э., приведен у Стефана Византийского в XII в.), армянский язык сходен с фригийским (об этих данных см., например: *Adontz*, 1946. P. 322 seq.; *Манандян*, 1944. С. 12 и сл.; *Барсесян*, 1996. С. 4 и сл.). Фригийцы по всей вероятности были балканским племенем, которое переместилось в Малую Азию и образовало там свое царство в VIII–VII вв. до н.э., т.е. через несколько столетий после падения Хеттской империи (*Bryxhe*, 2004). Очевидно, что древнегреческие авторы не могли достоверно определять генетическое и лингвистическое родство между племенами и языками. Даже великий Страбон, уроженец Малой Азии, хорошо осведомленный об армянах и других народах этого региона, писал, что армяне, сирийцы и арабы близко родственны по языку и физическим и культурным характеристикам (*Strabo*, I.2.34; XVI.4.27), что не соответствует современным данным. Не говоря о других аспектах вопроса, заметим только, что армянский язык – индоевропейский, а арамейский и арабский – языки семитские. То, что армянский является независимым индоевропейским языком, было установлено только в 1875 г. Х. Хюбшманом. До того даже лингвисты не были в состоянии правильно установить место армянского среди языков и считали армянский иранским языком.

Долгое время считалось, что среди индоевропейских языков армянский близко связан с греческим и некоторыми другими древними балканскими языками, включая фригийский, который, вместе с армянским, включали в группу «фрако-фригийских языков» (см., например, *Дьяконов*, 1976; *Джаукян*, 1987. С. 296 и сл.). Но эти теории устарели. В современной науке концепция близкого армяно-греческого языкового родства оспаривается (*Clackson*, 1994). Отвергнуты тезисы о близком родстве фригийского с армянским, а также идея о фрако-фригийском единстве (*Bryxhe*, 2004. P. 780).

Проблема Урарту. Многие вопросы этногенеза и предыстории армян прямо связаны с Урарту, первым царством, которое объединило Армянское нагорье под одной короной (IX–VII вв. до н.э.). Язык урартских надписей – не армянский. Это главная причина того, что в XIX–XX вв. сложилось представление о поздней иммиграции протоармян на Армянское нагорье.

Урарту – ассирийское название державы. В урартских текстах их страна, точнее ядро страны, область современного города Ван, называется Биайнили, и мы можем только строить предположения о самоназвании урартов (*Diakonoff*, 1992). Первичными вариантами названия Урарту считаются Уруатри и Уратри (засвидетельствованные соответственно в XIII и X в. до н.э.). Страна Уруатри была расположена на крайнем юге Армянского нагорья, в районе современной границы между Ираком и Турцией (*Меликишвили*, 1954. С. 150; *Пиотровский*, 1959. С. 43; *Арутюнян*, 1970. С. 17). Ардини и Кумену, центры

культы двух первых богов высшей триады урартского пантеона, Халди и Тейшебы, находились в тех же районах. Центром третьего великого бога Шивини был город Ван – урарт. Тушпа (*Diakonoff*, 1981. P. 82). Можно полагать, что Шивини – великий бог уроженцев области Вана, которые были завоеваны пришельцами с юга. Таким образом, родина урартского языка и правящей династии Урарту была расположена в южных районах, даже не входивших в состав Урартской державы (*Меликишвили*, 1954. С. 368; *Diakonoff*, 1984. P.77, 167; *Salvini*, 1995. P.184; *Петросян*, 2006. С. 48 и сл.). Последние подробные исследования показывают, что малочисленная общность говорящих на урартском языке людей формировала ядро империи, в то время как большинство населения страны состояло из других этнических элементов (*Zimansky*, 1995; 2001).

Проблема индоевропейской прародины. В исследованиях о происхождении древних индоевропейских народов иногда приходится говорить и о прародине этих языков. В ранний период развития индоевропейской лингвистики индоевропейская прародина была локализована на склонах библейской горы Арарат в Армении (*Mallory*, 1989. P. 10), а позднее, на основе различных аргументов, почти на всех территориях, когда-либо заселенных индоевропейскими народами, от Индии и Средней Азии до Малой Азии и Западной Европы. В начале 1970-х годов Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Иванов выдвинули гипотезу, что индоевропейцы происходят с юга Армянского нагорья и соседних областей, в то время как Р. Ренфрю выдвинул другую гипотезу, что индоевропейцы происходят из южно-центральной Малой Азии. Эти теории позже были изложены в монографиях (*Гамкрелидзе, Иванов*, 1984; *Renfrew*, 1987; с последующими изменениями: *Иванов*, 2004; *Ivanov*, 2007; *Renfrew*, 2003). Лучший знаток истории армянского языка Г.Б. Джаукян также был склонен локализовать индоевропейскую прародину где-то в Передней Азии (*Джаукян*, 1987. С. 73 и сл.). В настоящее время в научной среде более распространены две локализации: 1) Анатолия и 2) Украина и юг России (локализация в Армении считается вариантом анатолийской теории). Надо заметить, что эти локализации в принципе можно совместить – анатолийская прародина датируется около 7000 г. до н.э., откуда часть индоевропейцев переселилась на Балканы (5000 г. до н.э.), а оттуда – в Украину и юг России (*Atkinson, Gray*, 2006. P. 91–92; *Mallory, Adams*, 2006. P. 460 ff.; *Cavalli-Sforza, Piazza*, 2006).

Как бы то ни было, надо признать, что современная наука не в состоянии однозначным образом выявить индоевропейскую прародину. Эпоха прародины обычно датируется временем до IV тыс. до н.э. Любая далекая от Армении локализация теоретически не исключает возможности наличия языковых предков армян на Армянском нагорье во II тыс. до н.э. или даже раньше. Однако, любая локализация индоевропейской прародины в Армении или неподалеку от Армении теоретически не исключает возможности миграции протоармян в другие ареалы и их позднейшего возвращения.

Армянский этноним haу. Этнонимы, подобно собственным именам, трудно этимологизировать. При недостатке сведений характеристики мифологических эпонимов могут указывать на этимологию их имен и соответствующих этнонимов. В некоторых армянских диалектах пожилые женщины называют своих мужей в третьем лице haу или ‘наш haу’, где

hay, таким образом, выступает в значении ‘муж, глава (нашей) семьи’ (Хачатрян, 2009. С. 152 и сл.). Здесь hay с большой вероятностью может быть произведено от индоевропейского *poti – ‘хозяин, господин, владелец дома, муж’ (для развития ср. арм. hayr ‘отец’ от индо-европейского *ph₂ter-). hАйк – глава патриархального рода, состоявшего из трех сотен мужчин и их семей. Значит, имя hАйка тоже может быть связано с *poti-, с уменьшительным/почтительным суффиксом -ik, который характерен для обращения к старшим и мифологических имен: hay-ik > hayk. Характерно, что вторая часть постоянного эпитета hАйка nahapet – ‘патриарх’ содержит иранское отражение того же индоевропейского *pot-, а имя противника hАйка – Бел также означает ‘господь, владыка’ (Бел выступает отрицательным зеркальным отображением hАйка, см.: Petrosyan, 2007; Petrosyan, 2009). Таким образом, армянский этноним hay семантически соответствует индоиранскому этнониму arya ‘господин, хозяин’ (возможно, с общеиндоевропейскими связями), но в армянском особенно ярко выражается социальный аспект термина.

Протоармяне на Армянском нагорье. Ниже представлены несколько показательных армянских слов и имен, засвидетельствованных в урартских источниках (многочисленные примеры см.: Diakonoff, 1985. P. 602 f; Diakonoff, 1992; Djahukian, 1992; Петросян, 2009. С. 76 сл.; Petrosyan forth.).

Армянский союз ew ‘и’ восходит к индоевр. *epi-, и его исконное происхождение вне всякого сомнения. Союз заимствован в урартском, где он выступает как eue и подобными формами (Diakonoff, 1992. P. 52 f.).

Урартское Туарацинии хуби (Туарацийская долина) соответствует армянским Tuaracoy tap‘, Tuaracatar‘ (равнине tuarac-a). К происхождению этого названия ср. арм. tuarac – (пастух), отсюда tuaracatar‘ (равнинное пастбище), сложенное из tuar (бычок) и aracim (пастись).

Урартское Диуцини/Тиуцини (di может читаться и как ti): имя царя, правителя федерации Этиуни, занимавшей северные области Армянского нагорья. Это имя сопоставимо с индоевропейской (особенно балканской) антропонимической моделью *deiwo- ‘бог’ + *g'en- ‘род, семья’, греч. Диоген, фрак. Диузени и др.; ср. арм. tiw- ‘день, дневное время’ (< *deiwo- ‘бог’, ‘день’), или dik‘ - ‘боги’ (*dhēs-) и cin - ‘рождение, род’.

Эти, также как и многие другие слова и названия, могут указывать на присутствие древнейших армян на Армянском нагорье до формирования урартской державы (т.е. до середины IX в. до н.э.). Топонимы относятся к самым ранним слоям языка, так что эти названия могли существовать в доурартские времена, на столетия раньше их фиксации в клинописных источниках.

Гипотезы об идентификации древнейших носителей армянского языка. В настоящее время в научном обращении находятся три гипотезы идентификации протоармян и соответственно армянского этногенеза, отличающихся по их подходу к отождествлению самоназвания армян hay с племенными и местными названиями, засвидетельствованными в древних источниках.

1. **Хатти.** Самоназвание армян hay происходит от хеттского этнонима хатти. Хетты заимствовали это название из языка хаттов, древних обитателей Малой Азии. Считается, что оно могло превратиться в hay по законам армянской фонетики. Эта гипотеза была предложена П. Йенсенем (Jen-

sen, 1898), который рассматривал армян как языковых наследников хеттов, что оказалось некорректным (хеттский – индоевропейский язык, весьма отличный от армянского). В наше время горячим защитником этой гипотезы был И.М. Дьяконов, который создал новую теорию на основе гипотезы Йенсена (Дьяконов, 1968; Diakonoff, 1984; и др.).

Языковых предков армян, т.е. протоармянами он считал так называемых восточных мушков, которые заселили некоторые западные области Армянского нагорья в XII–XI вв. до н.э. (упоминаются в ассирийских анналах). Предполагается, что они позже освоили хеттский этноним хатти в производной форме *hāt‘iyo-, от которой и берет начало этноним haу (Дьяконов, 1968. С. 234; и сл.; Diakonoff, 1984. Р. 126 f.). Эта теория, определяющая «восточных мушков» как протоармянских пришельцев с Балкан, получила широкую известность. Но, согласно новейшим данным, мушки впервые упоминаются в ассирийских источниках во времена Нинурта-апил-Экура (1191–1179), т.е. буквально в эпоху падения хеттской империи около 1180 г. (Radner, 2006. Р. 149). Значит «восточные мушки» уже были на Армянском нагорье во времена Хеттской империи. Более того, археологически устанавливается, что мушки были пришельцами с востока или с северо-востока (Sevin, 1991. Р. 96 f.), что опровергает тезис Дьяконова об их миграции с запада после падения хеттов (о мушках см.: Wittke, 2004).

2. **Хайаса.** Этноним haу связан с этнопонимом Хайаса хеттских источников (окончание названия считается суффиксом). Это царство было наиболее значительным государственным образованием Армянского нагорья во II тыс. до н.э. (упоминается в хеттских источниках XIV–XIII вв. до н.э.). Оно включало в себя некоторые территории Малой Армении и Великой Армении, особенно область верхнего течения Евфрата. Хайасскую гипотезу поддерживают подавляющее большинство специалистов, знакомых с проблемой, а также многочисленные ученые, которые затрагивали ее. Н. Мартиросян (1924) был первым, кто высказал мнение относительно связи этнонима haу с Хайасой. Ему вскоре последовали специалисты, которые так или иначе касались проблемы (Roth, 1927. Р. 22 f.; Капанцян, 1931–1933. С. 6; Капанцян, 1948; Kretschmer, 1932; Хачатрян, 1933. С. 41 и сл.; Ташян, 1934. С. 339; и сл.; Манандян, 1944. С. 32 и сл.; Манандян, 1956; Пиотровский, 1946; Ачарян, 2004. С. 25; Меликишвили, 1954. С. 85, 418; Еремян, 1958; Георгиев, 1958. С. 71; Бэнэцяну, 1961; Djahukian, 1961; Djahukian, 1990; Джаукян, 1964; Джаукян, 1988; Toumanoff, 1963. Р. 59; Burney, Lang, 1971. Р. 179; Иванов, 1983. С. 30 и сл.; Гамкрелидзе, Иванов, 1984. С. 913; Саркисян, 1988. С. 51 и сл.).

3. **Этноним haу** связан с названием племени и страны Этиуни или Этиу-хи урартских источников (IX–VII вв. до н.э.). В начале I тыс. до н.э. Этиуни была мощной конфедерацией племен, включавшей центральные и северные области Армянского нагорья (территория этой страны в основном совпадает с центральной провинцией Айрарат Великой Армении). Согласно некоторым ассирийским сообщениям, жители этой страны удачно воевали против урартских царей (Saggs, 2001. Р. 117, 147). Предполагается, что протоармянский этноним *hat‘i(y)o- мог быть транскрибирован в урартском как etiu- (в клинописи звук o передавался как у; звук h мог не отражаться, а арм. /a/ и в других случаях соответствует урарт. /e/ (Петросян, 2009).

Эти гипотезы в целом не обязательно альтернативные и, по крайней мере, в некоторых пунктах могут быть согласованы одна с другой. Все три датируют присутствие носителей армянского языка на Армянском нагорье по крайней мере со II тыс. до н.э. В силу исторических обстоятельств их язык стал международным, и другие этнические группы в итоге слились с ними.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ИСТОРИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Сопоставление археологических, лингвистических и письменных источников выявляет сложную картину динамики развития социальнокультурных и этнополитических процессов на обширной и пестрой горной территории – Армянском нагорье, результатом чего было становление армянской народности. Эти процессы прослеживаются уже начиная с III тыс. до н.э. когда археологические данные выявляют процесс унификации материальной культуры, с одной стороны, а лингвистические данные показывают обособление разных индоевропейских и хуррито-урартских диалектов, с другой.

Из многих предлагавшихся уже с XIX в. в качестве прародины индоевропейского праязыка гипотез наиболее обоснованной среди большинства современных лингвистов считается сравнительно недавно высказанная Т.В. Гамкрелидзе и В.В. Ивановым (с учетом всего комплекса рассмотренных ими лингвистических и культурно-исторических данных) гипотеза, локализуемая эту прародину в пределах северной периферии Передней Азии, к югу от Кавказского региона, т.е., по существу, на Армянском нагорье, особенно в западной его части, на границе с северо-востоком Малой Азии (*Гамкрелидзе, Иванов, 1984. С. 890*). По мнению этих ученых, обособление греко-армяно-индоиранской диалектной общности от индоевропейского праязыка произошло примерно в V–IV и не позднее III тыс. до н.э., а возможно и ранее (*Гамкрелидзе, Иванов, 1980. С. 7*). С последующим разделением этой общности (которое началось с выделения еще в пределах общеиндоевропейской языковой системы индоиранского диалектного ареала при сохранении некоторое время армяно-греческого диалектного единства на старой территории расселения, где эта общность могла контактировать с другими индоевропейскими диалектами) носители греческого диалекта мигрируют на запад, в Европу, индоиранского диалекта – на восток, т.е. в исторические места своего проживания. Что касается носителей армянского диалекта, то они остаются на месте, т.е. на Армянском нагорье; при этом предполагается их сравнительно небольшое смещение в пределах западных областей нагорья, на границе с малоазийским ареалом, где они могли соприкасаться с анатолийским языковым миром (*Гамкрелидзе, Иванов, 1984. С. 899–909, 912–916*). Таким образом, можно считать, что в этот древнейший период западные регионы Армянского нагорья были населены носителями армянского диалекта. О существовании определенного периода армяно-греческого контактирования, которое могло происходить только после ухода индоарийцев на восток, писал и О.С. Широков (*Широков, 1977*).

К этому же времени восходят первые упоминания Армянского нагорья в переднеазиатских письменных источниках. Так, в сиро-месопотамских источниках III тыс. до н.э. упоминаются несколько исторических и мифических

топонимов, которые локализируются в южных регионах нагорья – в системе географических наваний Субарту, Гутиум и Лулубум. Причем горный регион под названием Субарту по всей вероятности доходил до берегов озера Ван (*Steinkeller, 1998. P. 95*), Гутиум – до склонов Армянского Тавра (*Weiss, 1993. P. 42*), а Лулубум – до берегов озера Урмия (*Potts, 1982. P. 47*). Эти географические названия не имели четко выраженных границ и представляли собой общую культурную провинцию с универсальной системой ценностей, присущей горным народам по ту сторону от сиро-месопотамской низменности.

На рубежах III–II тыс. и особенно в первой половине II тыс. до н.э. в сиро-месопотамских источниках упоминаются множество городов-государств, которые локализируются в западных (Цупана, Тегарама, Хахум – регион верхнего Евфрата) (*Astour, 1989. P. 687; Burney, 1993. P. 52*), южных (Нихрия, Кудмух, Курда – регион южнее озера Ван), центрально-западных (Шухна, Шишил, Битиярига – регион эрзрумского плоскогорья) (*Astour, 1987. P. 35*) и юго-восточных (Калицит, Тукриш, Какмум – регион озера Урмия) (*Moorey, 1995*) территориях Армянского нагорья. Они представляли собой в основном обособленные города-государства, которые принимали участие в аккадской, каппадокийской и марийской торговых системах и как показывают археологические источники, эти регионы, начиная с III тыс. до н.э., являлись частью культурного мира, присущей горным народам.

Западные рубежи Армянского нагорья, т.е. территория центральных и восточных земель Малой Азии, уже в конце III – начале II тыс. до н.э. были заселены родственными племенами *хеттов-неситов* и *лувийцев*, языки которых составляли хетто-лувийскую, или анатолийскую, ветвь индоевропейской семьи языков. Эти племена постепенно занимали территорию местных племен *хатти*, говоривших на языке, сходном с западно-кавказскими (абхазо-адыгскими) языками северно-кавказской языковой общности, и в дальнейшем ассимилировали их. В XVIII в. до н.э. было создано Хеттское царство, просуществовавшее до начала XII в. до н.э. Затем оно распалось на множество так называемых поздних хеттских царств, в частности Каркемишское Хатти, Куэ-Киццувадна, Мелидское Хатти и др., захваченных Ассирией в VIII в. до н.э.

К северо-востоку от Хатти, в районах верховий Гайл-гет и Чорох, а также в области Высокой Армении в верховьях Евфрата располагалась *страна Хайаса*, вместе с которой в хеттских источниках часто упоминается *Аззи (Ацци)*. В середине II тыс. до н.э. объединение *Хайаса-Аззи* представляло собой самостоятельное государство. В нем, наряду с «царем», большую роль продолжал играть совет старейшин. Основным занятием населения было земледелие и скотоводство, ему были известны конь и колесница, его воины служили колесничими в хеттском войске. В Хайасе существовало до 15 городов, в их числе Арипса, Ура, Дуккамма, Халимана и другие, главным из которых была Кумаха.

Свыше двух веков хетты и хайасы то враждовали между собой, то мирно сосуществовали. Хетты стремились подчинить себе хайасов, и обычно при боевых столкновениях они брали верх. Тогда Хайаса подпадала под их власть либо становилась их союзницей. В 1440–1330 гг. хайасы, во главе со своими «царями» Каранни, Хуггана и Аннита, не раз восставали против хеттов, выставляя порой до 11 тыс. пеших и конных воинов. Из сохранившихся довольно скудных сведений о Хайасе известен мирный договор, который

в 1380 г. до н.э. подписали Хуггана и хеттский царь Суппиллиумас I (1380–1346), обязавшись отказаться от вражды и оказывать друг другу военную помощь. Этот договор был скреплен династическим браком царя Хайасы с сестрой хеттского царя (*Капанцян*, 1947. С. 19). Однако при царе Аннита отношения с хеттами вновь резко обострились, и в течение нескольких лет между ними с переменным успехом продолжались военные действия.

Ученый мир узнал о Хайасе после того, как в 1915 г. чешский востоковед Бедржих Грозный, определив индоевропейский характер хеттского языка, сумел расшифровать хеттские клинописные надписи из архива Богаз-кёя хеттской столицы Хаттусас (Хаттушаш). Эти надписи, особенно летописи хеттских царей Суппиллиумаса I и его сына Мурсила II (1345), повествовали в том числе о стране Хайасе, с которой хетты в XV–XIV вв. до н.э. многократно сталкивались. Термин *Хайаса* состоит из этнонима *хай* и малоазиатского суффикса *-са*, указывающего на множественность, т.е. переводится как «страна хайев». Название этой страны привлекло особое внимание исследователей, поскольку оно было явно созвучно и с самоназванием армян (*хай* – армянин, *хайк* – армяне), и с названием их страны (*хайк*, *хайастан*), а также указывало на связь этих названий с именем легендарного родоначальника армян *хайка* (*Джаукян*, 1964. С. 10). В результате большинство ученых (Е. Форрер, П. Кречмер, Н.Г. Адонц, Г.А. Капанцян, Г.Б. Джаукян и др.) высказали мнение, что именно от названия народа *хай*, населявшего страну *Хайаса-Аззи*, произошли и самоназвание армян и название их страны, т.е. хайасов можно считать прямыми предками армян, а их страну, по меткому выражению Гр. Капанцяна, «колыбелью армян» (*Капанцян*, 1947; *Капанцян*, 1956. С. 5–265). Существует и иная точка зрения, согласно которой самоназвание армян имеет связь с термином *Хамти* (*Хаме*), что могло звучать как *хатйос* или *хатийос* и в дальнейшем превратилось в *хай(0)* (*Дьяконов*, 1968. С. 236, 237). По всей вероятности страна Хайаса-Аззи перестала существовать накануне падения Хеттской державы.

Среди государственных образований Армянского нагорья II тыс. до н.э. особое место занимала страна Исува, сохранившая название и политико-культурные традиции и в последующие периоды (урарт. *Сура*, арм. Цопк, в античных источниках – *Sophene*).

Центральную часть страны Исува составляла плодородная долина к югу от реки Арацани, т.е. долина Харберда. С севера она ограничивалась Евфратом, с юго-востока доходила до Тигра.

В состав страны Исува входили также некоторые правобережные районы к западу от Евфрата, в частности Мальдия (совр. Малатия). По данным хеттских источников, во время могущества государства Митанни Исува была в сфере его влияния. В летописях хеттского царя Тудхалияса II упоминается завоевание страны Исува, сопровождавшееся столкновениями с митаннийским царем Сауссадатгаре. Во времена Хаттусилиса III на какой-то период в стране Исуве при непосредственном участии хеттов образуется царство. Первым царем Исувы, упоминаемым в хеттских источниках, был Аришаррума, состоящий в династическом браке с Килушхепе, дочерью хеттского царя. Престол Аришаррума унаследовал его сын Эхлишаррума, который, до провозглашения его царем, жил в Хаттусасе и занимал важный пост в царском дворце.

Многочисленные упоминания о странах Уруатри, Наири, Дайаэни, Этиуни в ассирийских источниках свидетельствуют о том, что уже во второй половине II тыс. до н.э. на Армянском нагорье существовали раннегосударственные политические образования.

В дальнейшем необходимость противостоять нашествиям могущественной в то время Ассирийской державы способствовала процессу объединения этих стран, который возглавила *страна Урарту* (по ассирийским источникам) или *страна Арарат* (по древнееврейским источникам) в единое государство со столицей *Тушпа* (впоследствии *Ван*). Библейский топоним *Арарат* в поздней масоретской передаче (где неизвестные гласные огласовывались как *а*) идентичен ассирийскому *Урарту*. Это подтверждается и в тексте пророчества Исаяи III–II вв. до н.э. в Кумранской рукописи, где употреблено название *Урарат* (*Пиотровский*, 1959. С. 33). В то же время в надписях самих урартских царей название их страны фигурирует как *Биайна* или *Биайнили*, т.е. *Ванское* (откуда происходит армянское название озера и города *Ван*, поскольку звук *б* урартских клинописей в армянском языке передается звуком *в*). В связи с этим некоторые современные историки употребляют оба термина вместе – либо *Ванское царство (Урарту)* (*Пиотровский*, 1959; *История*. 2003), либо *Урарту-Биайнили (Арутюнян, 1970; Тер-Мартиросов, 1995)*; другие ученые предпочитают сейчас называть это царство *Араратским (Аветисян, Даниелян, Мелконян, 1999; История*. 2000).

Урарту, или Ванское царство, было одним из крупных и могущественных государств Передней Азии, которое в период своего расцвета успешно соперничало с Ассирией и, в конечном счете, пережило ее. Хотя оно просуществовало сравнительно недолго (около 300 лет), оставленное им, как и другими древнейшими государствами, культурное наследие вошло в общемировую сокровищницу.

При первом урартском царе Араму (864–845) государство Урарту включало бассейн озера Ван и примыкавшую к нему с северо-запада область верховьев реки Арацани. Столицей в это время был находившийся на северо-восточном побережье озера Ван Арзашку. Ассирийский царь Салманасар III (858–824) уже в первый год своего воцарения совершил поход на север против молодого государства и впоследствии вел с ним затяжные войны. Во время воцарения Сардури I (835–825) столицей государства стал город Тушпа, расположенный на юго-восточном побережье озера Ван.

От царя Ишпуини (825–810) сохранилась первая надпись уже на урартском языке, для которого была использована несколько измененная ассирийская клинопись. Именно из этой надписи стало известно, что урарты называли свою страну *Биайнили* и что границы ее несколько расширились на северо-запад и на юг до озера Урмия.

К концу IX в. до н.э., со вступлением на престол царя Менуа (810–786), происходит заметное усиление могущества Ванского царства. Сохранилось более 100 надписей с его именем, и большинство из них связано со строительными работами. Большое внимание Менуа уделял организации армии, ее вооружению, экипировке. Совершаемые им походы на север Армянского нагорья имели целью присоединение плодородной Араратской долины.

При сыне Менуа – Аргишти I (786–764) Ванское царство начинает серьезно соперничать с Ассирией за право на лидерство в Передней Азии. В этот период оно вступает в зенит своего могущества.

Эпоха наивысшего могущества и расцвета Ванского царства – середина VIII в. до н.э., когда границы его значительно расширились, и Ассирия вынуждена была уступить ему первенствующую роль в Передней Азии. Власть урартского царя распространилась на большую часть Армянского нагорья.

В 738 и 735 гг. до н.э. Ассирия совершила два успешных похода на территорию Ванского царства. Военные неудачи и поражение Сардури II (764–735) имели для Урарту тяжелые последствия. В связи с ослаблением государственной власти стали отпадать целые области, и следующему царю, Русе I (735–714), пришлось заново собирать отпавшие земли. В 714 г. до н.э. ассирийский царь Саргон II (722–705) нанес Урарту сокрушительный удар. Последним царем Урарту в период его нового политического и культурного подъема был Руса II (685–645).

В последующие десятилетия Урарту начинает клониться к упадку. По всей вероятности, значительная часть распавшегося царства в первой половине VI в. вошла в состав нового могущественного государства Древнего Востока – Мидии, занимавшей территорию северо-западного Ирана. В «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци сохранились важные сведения об армянском племенном вожде Паруйре, который вступил в военный союз с царем Мидии и Вавилона. В 612 г. до н.э. союзники захватили столицу Ассирии город Ниневию. За участие в походе Паруйр был увенчан мидийским царем Киаксаром царской короной (*Хоренаци*, I, 21, 22). Паруйру удалось объединить западные районы Армянского нагорья от озера Ван до реки Ефрат под своей властью. Родственник Паруйра Ерванд был назначен правителем в Ване. После смерти Паруйра Ерванд объединил все земли и был провозглашен царем. Ерванду наследовал его сын Тигран I, который стал союзником основателя ахеменидского Ирана Кира II Великого (558–530). Войска Тиграна I приняли участие в походах Кира (*Ксенофонт*, IV, 24).

После воцарения ахеменидского царя Дария I (522–486) положение изменилось. Подвластные страны, в том числе и Армения, восстали против тирании нового царя. С большим трудом после пяти сражений персам удалось подавить восстание в Армении (*Рак*, 1988. С. 421, 422).

Впервые название «Армения» встречается в пространной клинописной надписи Дария I, высеченной на трех языках в 520 г. до н. э. на Бехистунской скале. Примечательно, что в древнеперсидском и эламском текстах этой надписи территория бывшего Ванского царства фигурирует уже под новым названием – *Армина* (Армения), в то время как в ассиро-вавилонском (аккадском) тексте употреблено старое наименование – *Урашту* (Урарту). Одновременное упоминание Армении и Урарту свидетельствует об идентичности названия одной и той же страны.

После подавления восстаний Дарий I разделил огромную державу на 20 сатрапий (округов). Территории Армении были включены в 13-ю сатрапию (*Геродот*, III, 93). Правителями – сатрапами назначались представители Ервандидской династии.

Армения была известна многим древним народам. Она отмечена на карте начала V в. до н.э. древнегреческого историка и географа Гекатея Милетского (около 546–480), изображена в числе шести стран на звездобразной вавилонской карте, высеченной на глиняной плите в том же V в. до н.э. О ней писали древнегреческие историки Геродот, Ксенофонт, позднее – Страбон, Плутарх

и др. Так, Геродот отмечает обилие скота у *армениев* (Геродот, V, 49). Он сообщает о торговле между Арменией и Вавилоном, куда купцы привозили по Евфрату свой товар на «круглых и целиком сделанных из кожи» речных судах; о проходившей при Ахеменидах через всю державу «Царской дороге», которая значительной своей частью, протяженностью свыше 300 км, «с 15 стоянками с заезжими домами и сторожевым укреплением» находилась в Армении (Геродот, I, 194; Геродот, V, 52). Найденные при раскопках Эребуни греческие серебряные монеты V–IV вв. до н.э., также свидетельствуют об интенсивных торговых и культурных связях армян с соседними странами.

По свидетельству Ксенофонта, Армения представляла собой страну «обширную и богатую», где был высокий уровень земледельческой культуры, «выращивались хлебные злаки, многие сорта винограда», кунжута, в домах находилось много скота, там же хранились «пшеница, ячмень, овощи и ячменное вино [пиво] в кратерах», а самих армян он называет «миролюбивым, богатым, гостеприимным народом». Он же говорит и о местных кушаньях, которыми армяне угощали греков: «На одном и том же столе всегда подавались одновременно баранина, козлятина, свинина, телятина и дичь со множеством хлебов из пшеничной муки и ячменя» (Ксенофонт, III, 5 (17); Ксенофонт, IV, 4 (2–3, 7. 9), 5 (25–26, 29, 31).

Вскоре после того, как армия Александра Македонского в 331 г. до н.э. в битве при Гавгамелах нанесла Персидской державе сокрушительный удар, возрождается и армянская государственность. В центральной части собственно Армении, или, как ее именовали античные авторы *Великой*, или *Большой*, *Армении* (Μεγ ἡΑἰκ, *Armenia Major*), была восстановлена независимость; во главе государства вновь стал представитель рода Ервандидов – Ерванд, принявший титул царя Армении не позднее 306 г. до н.э. (Адоныч, 1972. С. 323).

Центральной областью своего царства Ервандиды сделали плодородную Араратскую долину, а столицей – сначала г. Армавир (выросший на месте урартского города-крепости Аргиштихинили), а затем новый царь, Ерванд IV (220–201), построил в районе впадения р. Ахурян в Аракс новый город и назвал его своим именем – Ервандашат. Армавир же продолжал оставаться важным культовым центром, а позднее стал крупным торгово-экономическим и культурным городом, имевшим торговые связи со многими причерноморскими и другими странами. Новый культовый центр был образован в Багаране, на берегу реки Ахурян.

Армения Малая (Ποκρ ἡΑἰκ), которая находилась к западу от Евфрата и занимала в основном территорию бывшей страны Хайасы, первоначально вошла в состав державы Александра Македонского, а после его смерти была включена в состав государства Селевкидов – преемников Александра Македонского. В конце IV в. до н.э. область Цопк (греч. *Софена*), составлявшая крайний юго-западный рубеж Великой Армении на границе с Месопотамией, выделилась сначала в качестве самостоятельного царства, затем, в первой половине III в. до н.э., объединилась с соседней страной Коммагеной в единое царство под властью царя Сама, принадлежавшего к другой ветви той же династии Ервандидов. Спустя некоторое время это царство вновь распалось на две части – Софену и Коммагену.

К этому времени относится проникновение в Переднюю Азию греческой культуры, которая, взаимодействуя с местной культурой Востока, дала толчок развитию нового культурного направления – эллинистического.

В течение всего III в. до н.э. Селевкиды пытались захватить Армению, однако Ервандидам удавалось отстаивать свою независимость. Лишь внутренние противоречия в Армении дали возможность Селевкидам на короткое время подчинить ее. В 201 г. армянские полководцы Арташес и Зарех во главе селевкидских войск вторглись в Великую Армению и Софену. В сражении погиб последний царь правящей династии Ерванд IV, в армянские царства вновь были превращены в сатрапии. Правителями этих сатрапий селевкидский царь Антиох III Великий назначил Арташеса и Зареха. Но после того, как римляне нанесли Антиоху III в 190 г. до н.э. в битве при Магнесии сокрушительное поражение, Арташес и Зарех, воспользовавшись этим, объединили вокруг себя армян и полностью освободили страну, провозгласив себя царями. Восточная ее часть – Великая Армения – досталась Арташесу I (189–160), положившему начало династии Арташесидов, а Зарех стал царем Софены и ряда расположенных к северу от нее областей. Наиболее обширным было царство Арташеса I, которого его современник, Полибий, называет «правителем наибольшей части Армении» (*Полибий*, XXV, 2, 12).

Арташес I вошел в историю прежде всего тем, что он значительно раздвинул границы своего царства, присоединив к нему часть Малой Азии и ряд областей к северу от озера Севан до Куры и Каспия. В результате при нем Великая Армения стала обширным государством, простираясь от Северной Месопотамии до реки Куры и от Атропатены до Софены и Малой Армении, т.е. занимая уже практически все Армянское нагорье. При этом она была страной с компактным армянским населением, где все, по свидетельству Страбона, «говорят на одном языке» (*Страбон*, XI, XIV, 5). Хотя сам по себе факт одноязычности далеко не всегда соответствует этническому единству, в данном случае он позволяет точнее назвать завоевания Арташесом I этих областей (находившихся лишь в пределах самого нагорья и в большинстве своем населенных армянами) не просто присоединением их к Армянскому царству, а их объединением и говорить о процессе «собираания армянских земель» (*Саркисян, Худавердян, Юзбашян*, 1998. С. 20). В результате этого процесса политические границы Армянского государства в тот период стали практически соответствовать этническим. Арташес I основал в Араратской долине новую столицу – город Арташат, ставший, как и Армавир, крупным экономическим и культурным центром. В тот период в Армении были основаны и другие города.

Малая Армения, где властвовал племянник Антиоха III Митридат, покорив область Западного Париадра и северо-восточные районы Понта, также расширила свои границы, доведя их до Черного моря; как пишет Страбон, «царство их простиралось до Трапезунда» (*Страбон*, XII, III, 28).

Зенита своего могущества Великая Армения достигла при внуке Арташеса I – царе Тигране II Великом (95–55). Продолжив деятельность своего деда по собиранию армянских земель, он предпринял и ряд захватнических походов на новые территории. Именно при нем границы Армении, представлявшей собой мощное эллинистическое государство, простирались от реки Куры и Каспийского моря до реки Иордан и Средиземного моря и от Киликийского Тавра до Мидийских гор и включали Мидию-Атропатену, Северную Месопотамию, государство Селевкидов, Финикию, Палестину и Киликию. Столица

страны из Арташата была перенесена в основанный им город Тигранакерт в северной части Месопотамии, в области Алдзник.

В строительстве этого административного и культурного центра участвовало немало искусных мастеров из других стран. Они были из числа переселенных (до 500 тыс. человек) Тиграном II жителей 12 городов Киликии, Месопотамии и особенно Каппадокии. В античных источниках Тигранакерт, окруженный 25-метровыми крепостными стенами, украшенный великолепными дворцами и загородными парками для охоты и прудами для разведения рыб, с неприступной цитаделью внутри него, театральным зданием, описывается как красивейший город своего времени (*Аппиан*, 84; *Саркисян*, 1960).

Но со второй половины царствования Тиграна II понтийским царем Митридатом VI Евпатором Армения была втянута в длительную и тяжелую борьбу с Римом, и в 66 г. до н.э., по договору с Помпеем, Тигран II вынужден был уступить Риму завоеванные им земли, сохранив остальную территорию государства и свой титул «царь царей» (*Манандян*, 1943).

Войны с Римом ослабили Армению, однако после того как в 53 г. до н.э. парфяне разбили римского полководца Красса при Каррах, сын Тиграна II Артавазд II (55–34) объявил независимой Великую Армению и отобрал у римлян Малую Армению и Софену. Артавазд II, по свидетельству Плутарха, был человеком образованным, писал по-гречески исторические сочинения, речи и песни (*Плутарх*, *Красс*, 33). В 53 г. до н.э. при нем в Арташате, где до этого ставили трагедии и комедии греческих авторов, был создан армянский театр. Конец Артавазда II был трагическим. Вторгшийся в 34 г. до н.э. в Армению римский полководец Марк Антоний захватил его в плен и отправил в Александрию, где преподнес закованного в цепи армянского царя вместе с его семьей в подарок египетской царице Клеопатре. Но во время триумфального шествия римлян Артавазд отказался повернуться (в знак покорности) лицом к Клеопатре, за что был отправлен в тюрьму и спустя три года обезглавлен.

После смерти Антония и Клеопатры скрывшийся в Парфии сын Артавазда Арташес II, вернувшись в Армению, был возведен на престол. Годы его правления (30–20) были мирными. Он напрасно пытался вернуть из римского плена своих братьев. Они нужны были Риму для вмешательства во внутренние дела Армении. В 20 г. до н.э. император Октавий решил посадить на армянский престол воспитанного в Риме брата Арташеса II – Тиграна. В результате заговора Арташес II погиб, и на престол взошел Тигран III (20–8). Последние годы великой эпохи стали периодом дворцовых переворотов. Тиграна III на престоле сменил его сын Тигран IV (8–5). По приказу Октавиана он был смещен с трона, который перешел к его дяде Артавазду III (5–2). В результате восстания во 2-м г. до н.э. он был убит, и царствовать начал Тигран IV. В 1-м г. до н.э. в войне против кавказских горцев Тигран IV погиб. В Армении начался новый период борьбы за престол, продолжавшийся более 50 лет.

После падения династии Арташесидов Армения сохраняет статус царства, на престол которого соперничавшие между собой Рим и Парфия старались возвести своих ставленников. Временная нестабильность заканчивается в 66 г., когда престол Армении занял царь Трдат I (66–80), положивший начало династии армянских Аршакидов. К этому времени в Армении стал оформляться характерный для нее так называемый *нахарарский* строй,

т.е. укрепление власти местных правителей – *нахараров* над вверенными им областями и уездами.

Со II в. столицей Армении стал город Вагаршапат. При царе этой династии, Трдате III (287–330), произошло одно из важнейших и знаменательных событий в истории армянского народа: в 301 г. Армения первой в мире приняла христианство в качестве государственной религии. В 303 г. в Вагаршапате был заложен главный храм Армянской церкви – Первопрестольный Эчмиадзин (см. раздел «Христианство»).

В III–IV вв. Армения оказалась в центре ожесточенной борьбы за господство на Ближнем Востоке между Римом и сасанидским Ираном. Огромный ущерб ее экономике и культуре нанесли опустошительные походы сасанидского царя Шапура (арм. Шапух) II в 364–368 гг.

В 387 г. Рим и Иран поделили между собой Великую Армению на две неравные части: западные области, составлявшие 1/5 ее земель, перешли под власть Римской империи, остальные области, составлявшие 4/5 ее владений, – под власть Ирана. Хотя после раздела верховная власть перешла к персидскому шаху и римскому императору, институт местных царей был упразднен не сразу, и автономия Армении еще некоторое время сохранялась: после смерти Аршака III в 380 г. в западной части Армении царь больше не назначался, и она вошла в состав Римской империи в качестве ее провинции, а в Восточной Армении царство Аршакидов просуществовало до 428 г. После этого основная часть Восточной Армении была превращена Сасанидами в одну из провинций (*марз, марзпанство*) Ирана. До середины V в. резиденцией наместника *марзпанства* был Арташат, а затем построенный Аршакидами в IV в. столичный город Двин.

В Закавказье Сасаниды учредили еще два *марзпанства* – Иверию и Албанию. В состав Албанского *марзпанства* они включили Албанское царство (со столицей в Кабалаке), к которому в середине V в. присоединили отторгнутые от Армении две области на правом берегу Куры – Арцах и Утик, а также восточную часть античной Кавказской Албании до Дербентского прохода. Новая административная единица сохранила не только свое прежнее название – Албания (перс. *Агванк*, арм. *Алуанк*, араб. *Арран*), но и в отличие от Армении и институт царской власти, правда, позднее также упраздненный Сасанидами – после подавления ими в 462 г. восстания албанского царя Ваче II (*Акопян*, 1987. С. 273, 274).

Раздел Армении практически не нарушил этнической, экономической, религиозной, духовно-культурной целостности страны, чему во многом способствовало создание при царе Врамшапухе (389–415) и католикосе Сааке I Партеве (387–428; 432–439) в 405 г. выдающимся просветителем Месропом Маштоцем армянского алфавита, что привело к мощному культурному подъему в стране – созданию национальных школ (первая из которых была открыта при монастыре IV в. Амарас в области Арцах), развитию переводной и оригинальной литературы, появлению в V–VII вв. целой плеяды известных представителей армянской науки и культуры. Это были историки Корюн, Агатангелос, Егише, Фавстос Бузанд, Лазар Парбеци, Мовсес Хоренаци, Себеос, философы Езник Кохбаци, Давид Анахт (Непобедимый), математик и географ Анания Ширакаци. В этот же период развиваются поэзия и музыка,

театр, живопись, создаются церковные гимны – *шараканы*. Особого расцвета достигло зодчество.

Находясь под властью Сасанидов, армяне не раз восставали против проводившейся ими политики, направленной не только на политическое и экономическое подчинение Армении, но и на полную этнокультурную ассимиляцию армян путем введения персидского языка, поощрения браков между армянами и персами, а также попыток насаждения в Армении своей религии – маздеизма (ветви зороастризма) и искоренения христианской религии, которая к тому времени уже стала господствующей идеологией, вошедшей в этническое сознание армянского народа.

Наиболее крупное сражение с персами произошло 26 мая 451 г. на Аварайрском поле под предводительством полководца Вардана Мамиконяна. По свидетельству очевидца, историка Егише, в этом сражении персы потеряли убитыми 3544, а армяне – 1036 человек (*Егише*, V, 119). И хотя ни те, ни другие не одержали решающей победы, день Аварайрского сражения вошел в историю армянского народа как день борьбы за веру и свободу (*Юзбашян*, 2001).

После заключенного в 484 г. с Ираном мирного договора сроком на 85 лет Восточная Армения, хотя и продолжала находиться под властью персов, смогла восстановить свое внутреннее самоуправление и на протяжении последующих лет жить мирной жизнью. Это дало ей возможность упорядочить пришедшее в упадок хозяйство, вновь развивать ремесла и торговлю, застроить разрушенные города и селения, а город Двин превратить в развитой экономический и культурный центр.

К концу V в. определенную самостоятельность внутри Албанского *марзпанства* приобрел Арцах, где было провозглашено основанное Вачаганом Благочестивым (487–510) царство. При этом царе были приняты регламентирующие общественную жизнь каноны (*Каграманян*, 2010. С. 26–37). Согласно источникам, в этот период в Арцахе процветали культура и просвещение, строились церкви и монастыри, причем, как свидетельствует летописец, их было построено столько же, сколько дней в году (*Каланкатуаци*, I, XXIII).

Иначе сложилась судьба западной части Армении. Вошедшая еще в 72 г. в состав Римской империи как часть Каппадокии, Малая Армения в конце III в. выделилась в качестве самостоятельной провинции, а во второй половине IV в. была разделена на две части – Армению Первую (с центром в Себастии) и Армению Вторую (с центром в Мелитене). Административное и военное устройство на этой территории было таким же, как и в целом по империи. Что касается части Великой Армении, отошедшей к империи после раздела 387 г., то за ней сохранялось ее историческое название, хотя в официальных документах она именовалась *Внутренней Арменией*. Юго-западная часть, включавшая бассейны верхнего течения западного Тигра и нижнего течения Арацани, завоеванная Римом в 363–368 гг., называлась *Сатрапской* или *Нахарарской*. Она состояла из пяти фактически самостоятельных княжеств или сатрапий.

С приходом к власти императора Юстиниана I (527–565) в положении областей Западной Армении произошли существенные изменения. Желая восстановить былое могущество империи, он стремился ввести единый правовой статус для всех своих подданных. В отношении армян главная его цель

состояла в том, чтобы «сломить и уничтожить те условия, которые поддерживали замкнутость армянской жизни, ее национальную исключительность, и втянуть ее в сферу имперских общих интересов» (Адонц, 1908. С. 201). А для этого надо было в первую очередь упразднить внутреннюю независимость армянских нахараров, уравнивать устройство их территории и других регионов государства, превратив в «обыкновенную провинцию на общих основаниях» (Адонц, 1908. С. 131). Для этого он делит Западную Армению на четыре части, сохраняя в то же время в каждой из них название «Армения»: *Армению Первую, Вторую, Третью и Четвертую*, административное устройство в которых было приведено с общепринятыми в империи юридическими нормами. Не меньший удар нахарарскому строю нанесло издание Юстинианом I двух новелл – «О порядке наследования у армян» и «О том, чтобы и армяне во всем следовали римским законам», касавшихся реформ в правовой сфере, в частности в отношении права наследования имущества (Адонц, 1908. С. 179–185). Если раньше нахарарское землевладение предполагало наследование лишь по мужской линии, то теперь и женщины получали это право, что повлекло за собой дробление и распыление нахарарских землевладений и подрывало саму основу их экономического могущества, а следовательно, тот общественный уклад, на котором зиждилась, по словам Н.Г. Адонца, «национальная жизнь армян» – нахарарский строй.

В середине VI в. беспокойно становилось и в Восточной, сасанидской Армении. Вновь усилившиеся притеснения со стороны персидских властей опять вызывают массовое недовольство, и в 571 г. вспыхивает новое повстанческое движение армян под руководством полководца Вардана Мамиконяна Младшего. Восточная Армения провозглашает свое отделение от Ирана и присоединение к Византии. Начавшаяся в том же году между Византией и Ираном очередная война продолжалась в течение почти 20 лет и закончилась только в 591 г. Для Армении итогом этой войны стал второй ее раздел: на этот раз большая часть страны, Туруберан и большая часть Айрарата отошла к Византии.

В VII в. в Передней Азии появилась новая сила – могущественный Арабский халифат, войска которого в 630-х годах нанесли сокрушительный удар Сасанидской державе. Продвижение арабов на запад не смогла приостановить и Византия. Поражение Ирана и Византии способствовало освобождению Армении от их владычества и объединению обеих ее частей. На Армению арабы впервые предприняли поход в 640 г. В 698 г. арабам окончательно удалось завоевать большую часть Армении и сделать ее частью *востиканства* (наместничества) *Арминия*, куда вошли также Грузия и Албания. Против арабского господства армяне несколько раз поднимали восстания. В результате в 885 г. им удалось восстановить Армянское царство во главе с Ашотом I Багратуни (885–890), основателем новой династии.

Во второй половине X – начале XI в. Армения переживала значительный экономический и культурный подъем. В этот период возникли благоприятные условия для развития торговли, ремесел, возрождения городской жизни. Это была эпоха так называемого армянского Ренессанса. При Ашоте III (953–977) столица царства – город Ани превратился в один из крупнейших и красивейших городов Востока. Особого расцвета Ани достиг в царствование Гагика I (990–1020). Город прославился великолепными архитектурными памятни-

ками, значительная часть которых, в том числе Кафедральный собор и храм Св. Григора, были построены по проекту выдающегося зодчего и скульптора Трдата. Вскоре Ани стал важнейшим центром международной транзитной торговли. Отсюда в различных направлениях шли караванные пути. Одна из главных дорог связывала Ани с Византией, а через Трапезунд проходил торговый путь на юг России.

На международный рынок Армения вывозила зерно (преимущественно пшеницу), крупный и мелкий рогатый скот и лошадей, металлические изделия, ковры, шерсть, краски, каменную соль, вино, фрукты, а ввозила главным образом предметы роскоши, пряности, тонкие ткани, лекарства. Крупными культурными, ремесленными и торговыми центрами к этому времени стали города Двин, Карс, Карин, Нахичеван, Ван, Востан, Хлат и др. Успешно стали развиваться внутренний рынок и торгово-денежные отношения. Уже в это время приобрела значение торговля с Россией, во многих городах которой возникли армянские торговые общины.

Армения периода Багратуни охватывала преобладающую часть Великой Армении – царства Васпураканское, Карсское или Ванандское, Сюникское, Лорийское или Ташир-Дзорагетское, княжества Таронское и Хаченское (в Арцахе), Тайкское куропалатство, властители которых признавали верховную власть Багратуни.

Во второй половине X в. Византия, стремясь завоевать освободившиеся от арабов восточные земли Армении, на которых была восстановлена государственность, стала с помощью хитроумной дипломатии и гибкой политики, граничившей порой с коварством, предлагать армянским царям и князьям обменивать их родовые земли на окраинные области империи и переселяться туда со своими военными дружинами. В результате ей удалось захватить ряд южных армянских земель, в том числе княжество Тарон (966 г.), а в течение XI в. под ее ударами пали армянские царства – Васпураканское (1021 г.), Анийское (1045 г.) и Карсское (1065 г.). Завладев значительной частью Армении, Византия превратила эту территорию в свои военно-административные округа, а на своей территории она создает, наряду с большими «ромейскими» фемами, целый ряд малых фем, названных армянскими, например, Арменияк, Севастия, Колония, Халдия и др. (*Арутюнова-Фиданян*, 1979. С. 36–55; *Арутюнова-Фиданян*, 1994. С. 20–53; *Юзбашян*, 1988. С. 77, 78, 117–131, 134–142, 149–156, 172, 173, 191, 192).

Однако в результате столь недалководной политики византийских императоров Армения оказалась обессиленной перед начавшимися нашествиями тюрок-сельджуков (по имени их предводителя Сельджука) и не смогла оказать им должного сопротивления, в результате во второй половине XI в. не только она, но и вся Малая Азия были ими завоеваны.

На территории Армении были образованы Анийский, Двинский, Хлатский, Ерзнкайский и Эрзерумский эмираты. Сохранившиеся армянские княжества в Сасуне, Васпуракане, Сюнике, Лори, Арцахе в XI–XIII в. вели неравную борьбу против сельджукских эмиратов.

Победа тюрок-сельджуков имела трагические последствия для Армении, которая испытала на большей части своей территории разрушительные последствия этого завоевания: истребление и пленение части населения, вынужденная миграция армян на запад, частичная их исламизация, разорение и

уничтожение многих прежде цветущих городов, превращение плодородных полей в пастбища кочевников-скотоводов.

Представители переселенных в Византию армянских царских и княжеских родов получали новые владения в разных ее регионах, например, Арцруни – в Севастии, Багратуни – в Кесарии, князя Варажнуни и Пахлавунни – в Месопотамии и Сирии, князь Рубен – в Киликии. Со временем, по мере усиления местных армянских правителей в условиях ослабления Византии (в частности, после поражения ее в 1071 г. в битве с сельджуками при Маназкерте), вдоль ее восточных границ, на территориях, фактически ею утраченных, возникают небольшие армянские княжества в Каппадокии, Месопотамии, Сирии и Киликии с преобладанием армянского населения. Так, в XI и особенно в начале XII в. численность армян в расположенной на северо-восточном побережье Средиземного моря Киликии быстро росла как за счет естественного прироста переселявшихся сюда, начиная с древности армян, так и главным образом за счет миграционных потоков из захваченной сельджуками Армении, и вскоре они уже составили в Киликии этническое большинство. В 1080 г. князь Рубен I (1080–1095) вытеснил византийцев из Горной Киликии и провозгласил независимость своего княжества. Спустя немногим более 100-летия, 6 января 1198 г., с согласия императора Священной Римской империи Генриха VI, византийского императора Алексея III Ангелоса и папы римского князь Киликийского княжества Левон II (1187–1219) был торжественно коронован как царь Армении и, что знаменательно, был провозглашен «царем всех армян». Столицей Киликийского царства сначала был город Тарс, позднее – Сис. Сюда же был перенесен престол армянского католикоса.

В конце XII и на протяжении XIII в., в относительно мирное время, в Киликийском государстве большое развитие получили основные отрасли сельского хозяйства – земледелие и скотоводство. Огромное значение имело садоводство, особенно широко распространенное в равнинных областях. Здесь выращивали хлопок, маслины, виноград, кунжут, различные овощи, фрукты. Горная Киликия была известна развитым скотоводством, большая часть которого шла на внешний рынок. Значительное развитие получили городские ремесла, разнообразная продукция которых – ковры, ткани, пергамент, серебряная и медная посуда, стеклянные изделия, драгоценные камни и оружие – пользовались широким спросом на внутреннем и внешнем рынках.

Благоприятные условия складывались здесь и для развития культуры. Во вновь созданных культурных центрах при монастырях Сиса, Дразарка, Ромклы, Акнера, Грнера широко развернули свою деятельность ученые и историки, поэты и писцы-миниатюристы. Наибольшей утонченности достигает здесь книжная живопись. Книги в дорогих окладах с искусно выполненными миниатюрами украшали библиотеки представителей высшего общества или же хранились в царских сокровищницах. Просуществовав около трех веков (1080–1375), Киликийское государство пало в длившейся почти 100-летие борьбе с египетскими мамлюками (подробно см.: *Микаелян*, 1952; *Сукиасян*, 1969; *Mutafian*, 1993).

В XII – начале XIII в. усилиями грузинских Багратидов и объединенных грузино-армянских войск под командованием армянских военачальников из княжеского рода Закарян – Закаре и Иване была освобождена от сельджу-

ков северная и центральная часть Армении, в частности, города Ани, Двин, крепости и замки Амберд, Бджни, сбросили владычество тюрок Сюник и Арцах-Хачен. Здесь образовалось несколько армянских княжеств, которые вошли в состав могущественной в то время Грузии, получив при этом полную внутреннюю автономию под управлением рода Закарян (Бабаян, 1969. С. 20).

В середине XIII в. Армения попала под власть монголов, которых в XIV в. сменили полчища Ленг-Тимура (Тамерлана), а затем в XV в. кочевые туркменские племена – кара-коюнлу и ак-коюнлу. Опустошительные нашествия кочевников сопровождалось массовым разрушением городов, истреблением людей, миграцией уцелевших армян в чужие страны. Крайне неблагоприятные условия сложились в тот период для армянской культуры, особенно зодчества. Культурные очаги с трудом удавалось сохранить только в некоторых средневековых университетах, например, в Анийском, Гладзорском, Татевском, Ахпат-Санайнском, а также в монастырях.

После переноса в 1441 г. из Сиса католикосата Армянской церкви и восстановления его в Эчмиадзине Восточная Армения вновь становится центром национальной консолидации и национально-освободительного движения армян. В условиях потери государственности именно Армянская церковь взяла на себя некоторые государственные функции в области внешних сношений, во взаимоотношениях с захватившими Армению государствами, а также стала своеобразным центром притяжения, способствующим духовному объединению рассеянных по многим странам мира армян.

С начала XVI в. Армения превратилась в арену длительных и кровопролитных войн между персидским государством Сефевидов и захватившей в XV в. Византию османской Турцией. В результате более 100 лет территория Армении была театром военных действий между обеими державами.

В 1555 г. между Ираном и Турцией был заключен Амасийский мирный договор, по которому Восточная Армения переходила под власть Ирана, а Западная – к Турции. Но мир длился недолго. В 1578 г. османские войска вновь вторглись в Закавказье и завоевали большую его часть. Новый иранский правитель, шах Аббас I, не имея возможности сопротивляться туркам, заключил с ними в 1590 г. мир, по которому все Закавказье отходило к Турции. Однако спустя несколько лет, в 1603 г., реорганизовав армию и воспользовавшись внутренним кризисом в Османской империи, он двинулся на Закавказье, но не смог победить превосходящие силы армии султана. Отступая, шах приказал разрушить многие города и селения Армении, а свыше 350 тыс. ее жителей насильственно переселить в Иран. Вместе с другими городами был разорен и уничтожен крупный торгово-ремесленный центр Джуга на левом берегу Аракса, а его жители переселены в окрестности персидской столицы Исфахана, где они вскоре основали город Нор Джуга (Новая Джуга). Страна была разорена, заброшенные селения занимали кочевые племена.

С конца XVI в. в Арцахе (с XIV в. он начал упоминаться в источниках под названием *Карбах*), находившемся под властью персидского шаха, наряду с Хаченом, появились новые, имевшие определенную независимость *меликства* (княжества) Гюлистан, Джраберд, Варанда, Дизак, каждое во главе со своим *меликом*.

В 1616 г. военные действия между Турцией и Ираном возобновились и длились с некоторыми перерывами до 1639 г., когда, согласно договору между ними, Армения была снова поделена: Западная, большая ее часть, отошла к Турции, Восточная – к Ирану. В Западной Армении были созданы Эрзерумский, Карсский, Баязетский, Себастиийский, Ванский и Диарбекирский *вилайеты* (*пашалыки*), во главе каждого стоял назначаемый султаном *паша*. Восточная Армения была поделена на *ханства* или *бейлербейства*, управляемые *ханами*. Араратская и Ширакская долины были включены в Ереванское ханство, Шарурская долина и часть Сюника – в Нахичеванское. Позднее были созданы Гандзакское (Ганджинское), Карабахское и Макинское ханства.

Период турецко-иранского господства был чрезвычайно тяжелым в истории армянского народа. Жестокое политическое, социальное и национально-религиозное угнетение сдерживало развитие производительных сил, вело к дальнейшему упадку экономики и культуры. Однако, несмотря на пагубные последствия войн, которые велись на территории Армении между Ираном и Турцией, насильственную миграцию и частичную исламизацию армян, заселение страны курдами и тюркскими этническими группами, большинство населения Армении вплоть до XIX в. составляли армяне.

Понимая нависшую над народом угрозу самому его существованию, наиболее образованные его представители уже в XVI в. стали искать пути избавления от чужеземного гнета. На первых порах они надеялись на христианскую Европу, куда неоднократно посылали специальные посольства. Однако вскоре поняв, что на помощь ни папы римского, ни европейских королей им нельзя полагаться, надежды были перенесены на петровскую Россию.

Формированию идеи военно-политического союза с Россией и ее покровительства содействовали направленность восточной политики Петра I, сравнительная географическая близость России к Армении, давние экономические и культурные связи между русским и армянским народами, общность религии. Эту цель преследовали в первой четверти XVIII в. переговоры видных деятелей освободительного движения – сына сюникского *мелика* Исраэла Ори и происходившего из княжеского рода в Арцах-Карабахе католикоса Есаи hАсан-Джалаляна с русским двором. Многократно обращались к Петру I и другим русским царям за помощью и поддержкой в деле освобождения народа карабахские *мелики* и представители духовенства. В связи с Персидским походом Петра I в 1721–1722 гг. развернулось народное восстание в Арцах-Карабахе и Сюнике (1721–1728), одним из руководителей которого был выдающийся полководец Давид-бек. Армяне возлагали большие надежды на этот поход Петра I, веря, что он должен был привести к восстановлению их государственности или хотя бы к созданию объединенного армяно-грузинского государства. Однако Петр I по ряду причин был вынужден приостановить этот поход (АРО в первой трети XVIII в. 1964. Т. I, ч. I–II; Арутюнян П., 1954; Абрамян, 1972).

В 20-е годы XVIII в. османская Турция вновь попыталась захватить Армению, все Закавказье и Атропатену (арм. Атрпатакан), однако армяне Еревана, особенно Арцах-Карабаха и Сюника, оказали вооруженное сопротивление турецким армиям. С их помощью персидский шах Надир сумел очистить Восточную Армению от турецких войск. С целью удержания армянских *меликов* от их ориентации на Россию и создания буферной зоны между

Ираном и Турцией, Надир усилил их самостоятельность, приказав считать себя свободными от власти гандзакских ханов и не подчиняться им. Он утвердил их также в наследственных правах и создал на территории Арцах-Карабаха и части Сюника пять армянских меликств, так называемых *Хамсаи меликутюннер*, т.е. *меликства Хамсы* (от араб. «пять»). Во главе каждого меликства оставались представители следующих родов: в Гюлистане – Бегларяны, в Хачене – Асан-Джалаляны, в Варанде – Шахназаряны, в Джраберде – Израеляны, в Дизаке – Еганяны; само слово *мелик* вошло в состав их фамилий, например Мелик-Бегларяны, Мелик-Шахназаряны и др.

В середине XVIII в., воспользовавшись распрями между меликами, предводитель кочевого тюркского племени *джеванишир* из рода *сарыджаллы* Панах Али, при поддержке *мелика* Варанды Шахназара II, обосновывается в издавна служившей надежным оплотом карабахских армян крепости Шош (Шуши) и, получив от одного из иранских временщиков, Адиль-хана, титул хана, провозглашает в 1752 г. Карабахское ханство, а себя – его главой (*Раффи*, 1991. С. 42–62).

Хотя армянские *меликства* в Карабахе утратили к тому времени свою прежнюю самостоятельность, находясь в определенной зависимости от хана, в политическом отношении они выступали в тот период как единственные представители армянской государственности и в своих решениях называли себя наследниками царской династии Аршакидов. В Карабахе продолжала сохраняться и своя церковная организация, во главе которой стоял католикос, которому подчинялось и армянское духовенство соседних областей. Резиденцией его до 1836 г. продолжал оставаться Гандзасарский монастырь, построенный в XIII в. на территории меликства Хачен, поэтому он назывался также гандзасарским католикосом. Одновременно он подчинялся эчмиадзинскому католикосу и утверждался им (*Иоаннисян*, 1990. С. 12, 13).

Настойчивые поиски путей освобождения армянского народа от деспотической власти Турции и Ирана продолжались и во второй половине XVIII в., и они опять-таки связывались с Россией. Наибольшую активность в выработке программ освобождения Армении с помощью России проявили общественно-политические деятели армянских общин в России (глава армянской епархии в России архиепископ Иосиф Аргутинский) и Индии (Шаамир Шаамирян). Однако реальная возможность освобождения появилась только в XIX в. В 1801 г. вместе с вошедшей в состав Российской империи Восточной Грузией к России были присоединены и некоторые северные и северо-восточные районы Восточной Армении (Лори, Памбак, Шамшадин). Но после этого политика российского правительства в отношении Армении радикально изменилась; царский двор отказался от идеи восстановления армянской государственности, ставя задачу расширения пределов империи до рек Ахурян-Аракс. В ходе русско-персидской войны 1804–1813 гг. Россия заняла новые территории Армении: в 1805 г. – Восточный Ширак (Шорагял), Карабахское ханство вместе с Зангезуром и Капаном, Мегри. Несмотря на содействие Англии и Франции, Иран потерпел поражение и признал по Гюлистанскому договору (1813 г.) переход значительной части Восточной Армении к России.

Спустя 13 лет Иран нарушил договор и начал новую войну с Россией. В июле 1826 г. персидская 60-тысячная армия под командованием Аббаса-Мирзы вторглась в Закавказье. На первых порах персам удалось добиться

успеха – захватить Памбак и Ширак, осадить крепость Шуши и занять Елисаветполь. Однако вскоре расстановка сил изменилась. При осаде Шуши, встретив упорное сопротивление объединенных сил русского гарнизона и местного населения, персы так и не смогли взять крепость. Героическая оборона Шуши продолжалась 48 дней. Сокрушительные удары по 10-тысячному авангарду персидской армии нанес 2-тысячный отряд героя Отечественной войны 1812 г. генерала В.Г. Мадатова у стен Шамхора, а затем и Елисаветполя. Северные провинции Армении были освобождены от персов отрядами под командованием героя Отечественной войны Дениса Давыдова.

В 1827 г. русские войска под командованием генерала И.Ф. Паскевича при поддержке местного населения вступили в Араратскую долину, заставили капитулировать нахичеванского хана и заняли крепость Сардарпат, а затем и Ереванскую крепость, окончательно освободив Восточную Армению от персидских ханов. Согласно заключенному в результате этой войны Туркманчайскому договору 1828 г., основная часть Восточной Армении была присоединена к России. Но при заключении договора российская сторона не вняла уговорам армян присоединить к России также ханство Маку, имевшее важное военно-стратегическое положение на границе Ирана и Турции.

В ходе начавшейся вскоре Русско-турецкой войны 1828–1829 гг. русские войска овладели в числе других городов Карсом, Баязетом и Эрзерумом, однако в соответствии с Адрианопольским договором 1829 г. они были возвращены Турции.

Присоединенная к России Восточная Армения была разорена и покинута большинством ее жителей. Поэтому по требованию России в Туркманчайский и Адрианопольский договоры были включены статьи, разрешающие переселение армян (а по существу – возвращение их потомков) из Ирана и Турции в пределы Российской империи, главным образом в Восточную Армению. Всего за этот период в Закавказье, в основном в Восточную Армению, переселилось свыше 140 тыс. армян. В результате в Восточной Армении армяне составили 60% при общей численности населения 240 тыс. человек.

В дальнейшем, во время русско-турецких войн 1853–1856 и 1877–1878 гг. в пределы России из Турции переселилось большое число армян. В этих войнах на стороне России воевали более 40 тыс. армян, и в их числе много военачальников и сотни офицеров из потомственных военных семей. Особенно прославились генералы-армяне В.О. Бебутов, М.Г. Лорис-Меликов, А.А. Тер-Гукасов, И.Д. Лазарев, Б.М. Шелковников (Метаксагорцян), А.К. Альхазов (*Парсамян*, 1972. С. 19–70).

В 1828 г. на территории Восточной Армении из Ереванского, Нахичеванского ханств и Ордубадского округа была образована новая административная единица – Армянская область, просуществовавшая до 1849 г. В 1849 г., после ряда административных реформ, в числе других была создана Ереванская губерния, состоявшая из Ереванского, Нахичеванского, Александропольского, Новобаязетского и Ордубадского уездов. Остальные области Восточной Армении были включены в Тифлисскую и Елисаветпольскую губернии. В 1868 г. на территории Карабаха, входившего в Елисаветпольскую губернию, были образованы Шушинский, Джебраильский и Джеванширский уезды; незначительная часть края была отнесена к Зангезурскому уезду. Это административное деление в основном сохранялось до 1917 г.

С развитием капиталистических отношений, чему немало способствовала крестьянская реформа 1870 г. в Восточной Армении, и включением этой области в общероссийский рынок значительно оживилась торговля, усилилось разложение натурального хозяйства. Армянская буржуазия направляла свои капиталы в торгово-промышленные предприятия Баку, Тифлиса, Батума, городов Северного Кавказа. Во многие города России вывозили армянские ковры, шелк, хлопок, изделия из кожи, продукты ремесленного производства, вина, коньяки, сыры. Важное значение для развития экономических связей Восточной Армении с другими регионами России имело строительство дорог.

Увеличивалась численность городского населения. Так, если в 1850 г. в двух основных городах Армении – Ереване и Александрополе – насчитывалось 12 и 11 тыс. жителей, в 1865 г. – 14 и 16 тыс., в 1872 г. – 15 и 21 тыс., то к 1897 г. в этих городах жили уже 29 и 31 тыс. человек. Однако основная масса городских жителей-армян в XIX в. была сосредоточена в других городах Закавказья, главным образом в Тифлисе, Баку, Шуши, Шемахе, Нухе, Елисаветполе, Ахалцихе. По переписи 1897 г. армянское население Закавказья составляло 1 млн 214 тыс. человек, из них в Ереванской губернии проживали 506 тыс., в Елисаветпольской – 294 тыс., в Тифлисской – 221 тыс., Бакинской – 89 тыс., в Карсской области – 83 тыс., в западных регионах – 21 тыс.; число армян на Северном Кавказе равнялось 29 тыс. (*Парсмян*, 1972. С. 98, 263).

По-иному складывалась судьба Западной Армении. Положение здесь резко изменилось в XIX в. Мощное национально-освободительное движение балканских народов против ига османской деспотии, русско-турецкие войны XIX в., пробуждение национального самосознания и стремление покончить с тяжким османским господством – с одной стороны, противодействие всему этому турецкому правительству – с другой, ухудшили положение западных армян. Переселение по Адрианопольскому договору 1829 г. около 90 тыс. западных армян в Восточную Армению, в основном в Ширак, а также в перешедшие к России Ахалцихский и Ахалкалакский уезды Грузии отразилось на экономическом положении Западной Армении и демографической обстановке, увеличив в ней долю мусульманского населения.

В ответ на насилие султанского правительства в отношении западных армян началось движение *фидаи* – своеобразная форма национально-освободительной борьбы в Западной Армении. С 90-х годов XIX в. эта борьба велась под руководством созданных в тот период национальных политических партий, первой из которых была основанная в Ване в 1885 г. партия Арменакан, затем в 1887 г. в Женеве – партия Гнчак (Колокол) и в 1890 г. в Тифлисе – Дашнакцутюн (Армянский революционный союз или федерация). Однако несогласованность их действий, проживание западных армян смешанно с мусульманами, численность которых увеличивалась за счет выдворенных из Европы мухаджиров и переселившихся с Кавказа черкесов, во многом затрудняли национально-освободительную борьбу западных армян.

Еще более тяжелым стало положение западных армян с приходом к власти в 1908 г. буржуазно-националистической партии младотурок «Единение и прогресс», которые только усилили репрессии в отношении армян. Армянскому геноциду посвящено огромное количество исследований; из большого числа публикаций см., например: «Геноцид армян в Османской империи»,

1966, 1982; «Геноцид армян. Ответственность Турции и обязательства мирового сообщества», 2002. Т. 1. 2003. Т. 2, ч. 1. 2005. Т. 2, ч. 2. Здесь же отметим только, что вследствие тех трагических событий, а также вынужденной эмиграции Западная Армения практически лишилась коренного населения. Из почти 2,5 млн армян в Турции осталось только несколько десятков тысяч. Некоторым удалось перебраться в страны Ближнего Востока, Европы, Америки, свыше 300 тыс. армян нашли убежище в России, в том числе в Восточной Армении.

Свои надежды на освобождение армянский народ во многом связал с Февральской революцией 1917 г. в России, с приходом к власти Временного правительства, декретом которого в апреле 1917 г. занятые русскими войсками в ходе Первой мировой войны территории Западной Армении переходили под его юрисдикцию. Однако после Октябрьского переворота 1917 г. и принятия декрета «О мире» русская армия начала покидать территории Западной Армении. По этой причине так и не мог быть осуществлен принятый большевиками в конце 1917 г. декрет «О Турецкой Армении», утвержденный III Всероссийским съездом Советов, в котором говорилось о праве западных армян на самоопределение. Согласно заключенному 3 марта 1918 г. в Брест-Литовске мирному договору между Советской Россией и Германией, а также подписанному одновременно с ним советско-турецкому дополнительному договору, РСФСР отдавала Турции территорию Западной Армении, а также значительную часть Восточной Армении – Карсский и Ардаганский округа, согласившись на восстановление границы, существовавшей до Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. Кроме того, большевики, воодушевленные идеей мировой революции, считали Брестский договор временной мерой. В результате потерпевшая в Первой мировой войне поражение Турция смогла сохранить не только земли Западной Армении, но и, воспользовавшись уходом русских войск с Кавказского фронта, вторгнуться в Закавказье. Несмотря на начавшиеся в мае 1918 г. переговоры, для проведения которых в Батуме собрались делегации созданной в апреле 1918 г. Закавказской Демократической Федеративной Республики (ЗДФР), Германии и Турции, последняя не приостановила военные действия. 15 мая турецкие войска захватили Александрополь, затем вошли в Араратскую долину и 21 мая захватили село и станцию Сардарapat.

В результате Сардарapatской битвы, продолжавшейся до 26 мая 1918 г., Ереванской группой войск, а также во многом благодаря народному ополчению турецкие регулярные войска были остановлены, и удалось предотвратить захват Еревана. Бои с турецкими войсками продолжались у Баш-Апарана и Караклиса (*Аветисян*, 1997. С. 213–235). Благодаря одержанной и там победе, была сохранена значительная часть территории Восточной Армении, где 28 мая 1918 г. Армянский национальный совет при лидерстве партии Дашнакцутюн провозгласил Армению независимой республикой. Так, спустя несколько веков, была восстановлена государственность армянского народа. Высшим законодательным органом Первой Республики Армения стал Совет Армении (в дальнейшем – парламент), высшая исполнительная власть принадлежала Совету министров (в дальнейшем – Совету нахараров).

За два с половиной года существования новой республики была проделана значительная работа в области государственного строительства. Первая

сессия парламента, открывшаяся 1 августа 1918 г., приняла решение о созыве Учредительного собрания для принятия Конституции страны. Однако осуществить это не удалось. Республика временно руководствовалась законами Российской империи, в которые были внесены некоторые поправки. В 1919 г. были образованы уездные и городские органы самоуправления – земства, создан суд присяжных, позднее стали функционировать Ереванский, Ширакский и Карсский суды. Республика признала армянский язык в качестве государственного, приняла свою державную символику – трехцветный (красно-сине-оранжевый) флаг, герб и гимн.

В первый год существования Республики социально-экономическое положение страны было крайне тяжелым. Не работали предприятия, сельское хозяйство пришло в упадок. В стране, где начались голод и эпидемии, находилось до 200 тыс. беженцев из Западной Армении, до 40 тыс. сирот. Ценой огромных усилий летом 1919 г. удалось решить продовольственный вопрос (Республика Армения., 2002).

Потерпевшая поражение в Первой мировой войне Турция, согласно Мудросскому перемирию от 30 октября 1918 г., обязалась вывести свои войска из Закавказья и Карсской области. После того, как турецкие войска покинули Армению, ей были возвращены Александропольский уезд, южная часть Лори, Карсская область, Сурмалинский и Нахичеванский уезды, т.е. восстановлены границы 1914 г. Ровно через год, 28 мая 1919 г., правительство провозгласило Армению объединенной, независимой и свободной, подчеркнув этим актом исторические права народа на Западную Армению. Однако военно-политическое положение Республики Армения было довольно сложным. Из-за территориальных споров трудно складывались отношения с соседними республиками Закавказья – с Грузией (из-за населенных преимущественно армянами районов Лори и Ахалкалака), приведшие к 20-дневной войне, и особенно с Азербайджаном из-за территорий Нагорного Карабаха, Зангезура и Нахичевана. После распада в 1918 г. Закавказской республики армяне Нагорного Карабаха фактически добились самоуправления под руководством местного Армянского национального совета и на своих съездах принимали решения к воссоединению с Республикой Армения. В то же время Азербайджан, поддерживаемый Турцией, а также заинтересованным в бакинской нефти Британским командованием в Закавказье, неоднократно и даже в ультимативной форме требовал от Армянского национального совета Карабаха подчиниться его власти. Напряженная ситуация не раз приводила к кровопролитным столкновениям.

В связи с наметившимся сближением кемалистской Турции с Советской Россией не было осуществлено намерение союзников – стран Антанты превратить Западную Армению в подмандатную территорию США. Опасаясь такого сближения, европейские державы пошли на уступки Турции и, в частности, проявили готовность пересмотреть условия важного и перспективного для Армении подписанного 10 августа 1920 г. в Севре мирного договора с Турцией. Согласно этому договору, Турция должна была признать Армению в качестве «свободного и независимого государства», обе стороны соглашались на арбитраж США в вопросах о границах Армении в пределах областей Трапезунд, Эрзерум, Битлис и Ван с предоставлением Армении выхода к Черному морю. Однако правительство Великого Национального собрания

Турции во главе с Мустафой Кемалем не признало Севрский договор и при поддержке правительства Советской России 28 сентября 1920 г. начало войну против Армении. Республика оказалась в полной изоляции. Ее обращения к правительствам западных держав, к Лиге Наций не дали положительных результатов. Потерпев поражение, Армения была вынуждена заключить с Турцией 2 декабря 1920 г. Александропольский договор, по условиям которого понесла большие территориальные потери и согласилась признать Севрский договор аннулированным. В этот же день правительство объявило о своем отходе от власти. За несколько дней до этого, 29 ноября 1920 г. Ревком Армении, вступив вместе с частями XI Красной армии в страну, провозгласил Армению Советской Социалистической Республикой.

На следующий день, 30 ноября 1920 г., Ревком Азербайджана (там советская власть была установлена 28 апреля 1920 г.) декларировал свой отказ от прежних территориальных споров с Арменией и о признании Нагорного Карабаха, Зангезура и Нахичевана составной частью Советской Армении. 1 декабря 1920 г. на торжественном заседании Бакинского совета это решение было провозглашено председателем Ревкома Азербайджана Н. Наримановым как Декларация правительства Советского Азербайджана, а также заявлено в выступлении руководителя Кавказским бюро ЦК РКП(б) Г.К. Орджоникидзе, который на следующий день, 2 декабря, сообщил об этом в телеграмме В. Ленину и И. Сталину: «Азербайджан вчера уже декларировал в пользу Советской Армении передачу Нахичевани, Зангезура и Нагорного Карабаха» (РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 1. Д. 3318. Л. 1, 2). 4 декабря с подобным сообщением выступил в «Правде» И. Сталин: «1 декабря Советский Азербайджан добровольно отказывается от спорных провинций и декларирует передачу Советской Армении Зангезура, Нахичевани, Нагорного Карабаха...» (соответствующие документы об этих событиях см. также: Нагорный Карабах. 2008. Док. 630–639).

Однако 16 марта 1921 г. при подписании советско-турецкого (Московского) договора Нахичеванская область по настоянию Турции была объявлена автономной территорией под патронажем Азербайджана, без права передачи третьей стороне, т.е. Армении. Советская Россия также признала права Турции над Западной Арменией, Карсской областью и никогда до этого не входившего в состав Турции Сурмалинским уездом.

Вопрос о Нагорном Карабахе решался летом 1921 г. 3 июня пленум Кавбюро ЦК РКП(б) в своем постановлении поручил правительству ССР Армении указать в своей декларации на принадлежность Нагорного Карабаха к Армении (РГАСПИ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1. Л. 77). Однако 27 июня 1921 г. руководство Советского Азербайджана отказалось от своей декларации от 30 ноября 1920 г. и от решения пленума Кавбюро от 3 июня 1921 г. В результате 2–7 июля был созван экстренный пленум Кавбюро ЦК РКП(б). На его вечернем заседании 4 июля большинством голосов было принято решение: «Нагорный Карабах включить в состав ССР Армении, плебисцит провести только в Нагорном Карабахе». Однако в связи с заявлением Нариманова: «Ввиду той важности, которую имеет карабахский вопрос для Азербайджана, считаю необходимым перенести его окончательное решение в ЦК РКП», было принято еще одно постановление: «Ввиду той важности, что вопрос о Карабахе вызвал серьезное разногласие, Кавбюро ЦК РКП считает необходимым

перенести его на окончательное решение в ЦК РКП» (РГАСПИ, ф. 64, оп. 2, д. 1, л. 118). Но эти решения не были выполнены. На следующий день, 5 июля, на заседании пленума Кавбюро ЦК РКП(б), на котором присутствовал и член ЦК РКП Сталин, предыдущее постановление было пересмотрено (причем без голосования, т.к. в протоколе его итоги отсутствуют, т.е. с процедурными нарушениями) и было вынесено следующее решение: «Исходя из необходимости мира между мусульманами и армянами и экономической связи Верхнего и Нижнего Карабаха, его постоянной связи с Азербайджаном, Нагорный Карабах оставить в пределах Азербайджанской ССР, предоставив ему широкую областную автономию с административным центром в г. Шуше, входящем в состав автономной области» (РГАСПИ. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1. Л. 124). Спустя два года, 7 июля 1923 г., на части территории Нагорного Карабаха была образована Автономная область Нагорного Карабаха (АОНК), переименованная в 1936 г. в Нагорно-Карабахскую автономную область (НКАО). Оставшаяся часть Нагорного Карабаха была включена в качестве административных районов в состав Азербайджанской ССР. Между Карабахом и Арменией в районе Лачина был образован 10-километровый коридор, заселенный курдами, и тем самым автономия была превращена в анклав и отрезана от Армении.

Зангезур остался в составе Армении благодаря героической борьбе его армянского населения под руководством полководцев Андраника, Гарегина Нжде и ряда других.

Турция заняла крайне отрицательную позицию в отношении робких попыток Лиги Наций создать в какой-либо части Западной Армении небольшой «Армянский национальный очаг». На состоявшейся в 1922–1923 гг. Лозаннской конференции Армянский вопрос был сформулирован как вопрос о беженцах и передан на рассмотрение Лиги Наций (Армения в документах международной дипломатии. 1972. С. 697–704, 735–764).

В конце 1921 г. в Армении были проведены выборы в Советы, а в начале февраля 1922 г. состоялся I съезд Советов Армении, образовавший органы новой государственной власти. Была принята Конституция, скопированная с Конституции РСФСР 1918 г. В марте 1922 г. Армянская ССР совместно с Грузинской ССР и Азербайджанской ССР образовали Закавказскую Советскую Социалистическую Республику, которая в том же году вошла в состав образованного 30 декабря Союза ССР. В 1936 г. Армения была включена в состав СССР как самостоятельная республика.

В годы Великой Отечественной войны армянский народ внес достойный вклад в победу над фашизмом. За проявленное в боях мужество и отвагу более 70 тыс. воинов-армян были награждены боевыми орденами и медалями, 27 из них стали полными кавалерами Ордена Славы, 107 человек удостоены звания Героя Советского Союза, а летчик-штурмовик Нельсон Степанян был удостоен этого звания дважды. Среди полководцев Советской армии было 60 маршалов, генералов и адмиралов армян, в том числе Маршал Советского Союза, дважды Герой Советского Союза И.Х. Баграмян, адмирал флота Советского Союза И.С. Исаков, главный маршал бронетанковых войск А.Х. Бабаджанян, маршал авиации С.А. Худяков (А. Ханферянц). Неувядаемой славой покрыли себя воины трижды орденосной 89-й армянской Таманской стрелковой дивизии, прошедшей боевой путь от Кавказа до Берлина.

Активное участие в борьбе с фашистами приняли и армяне диаспоры. На собранные ими средства были построены и переданы действующей армии танковые колонны «Давид Сасунский» и «Генерал Баграмян». Более 30 тыс. армян сражались в армиях союзников, участвовали в движении Сопротивления в европейских странах. Именем одного из организаторов движения Сопротивления во Франции, поэта Мисака Манушяна, ставшего национальным героем страны, названа одна из улиц Парижа.

В годы Второй мировой войны в Армении было создано Общество культурных связей с зарубежными странами, деятельность которого весьма способствовала расширению и укреплению контактов зарубежных армян с Родиной. После войны продолжалась начатая еще в годы Первой Республики Армения, затем осуществлявшаяся в несколько этапов: в 1920–1930-х, 1946–1948/49, 1962–1982 гг. репатриация армян. Репатрианты, за исключением небольшого числа крестьян, будучи городскими жителями, имели разные профессии – от ремесленников и торговцев до врачей и ученых. Однако, приехав в Советскую Армению, они вскоре ощутили, что оказались в совершенно других условиях, чем в странах эмиграции, поскольку лишились прежней свободы мыслей и действий и вынуждены были жить в атмосфере постоянного недоверия. Печальным следствием этого стали осуществленные против многих из них репрессии и высылка в июне 1949 г. в Алтайский край. После подписания в 1975 г. Советским Союзом в Хельсинки Соглашения по безопасности и сотрудничеству в Европе, в силу которого советские власти были вынуждены разрешить эмиграцию из СССР евреям, немцам, армянам и другим, многие репатрианты вновь уехали за рубеж (*Мелконян, 2003. С. 77–81*).

В послевоенный период в Армении большое развитие получили промышленное производство, расширение энергетической базы, механизация сельского хозяйства, при этом особое внимание уделялось электрификации села и орошению земель. В результате в 60–70-е годы XX в. Армения добилась значительных успехов в хозяйственном и культурном строительстве, превратившись в высокоразвитую индустриальную республику с многоотраслевой промышленностью, крупным сельскохозяйственным производством и высоким научно-интеллектуальным потенциалом.

Отмечая немалые достижения армянского народа в области развития экономики и культуры за советский период, нельзя не сказать о том, что Армянская ССР, как и другие советские республики, в этот период утратила ряд функций суверенного государства (в частности, не имела самостоятельных дипломатических отношений, национальных вооруженных сил, не вела внешнеторговую деятельность), а армяне, как и другие народы СССР, испытали на себе беззаконие и произвол культа личности, массовые репрессии, депортации, преступные нарушения национальной политики (*Манукян, 1999*).

К существенным этнодемографическим изменениям привело включение Нахичевана и Нагорного Карабаха в состав Азербайджанской ССР, где десятилетиями искусственно сдерживалось социально-экономическое и культурное развитие армянского населения, нарушались его права, последовательно велась политика, заставлявшая армян уезжать с их исконных земель, на которых расселяли азербайджанцев. В результате Нахичеван, где армяне в начале 1920-х годов составляли примерно 40% всех жителей, к концу 1980-х годов полностью лишился армянского населения. Систематически шло сокраще-

ние доли армян и в Нагорном Карабахе: с 94,4% в 1921 г. до 89,2 – в 1926 г., 84,4% – в 1959 г., 80,5% – в 1970 г., 75,9% – в 1979 г., за 1926–1976 гг. в нем стало на 85 армянских населенных пунктов меньше и на 17 азербайджанских больше (Достижения Нагорного Карабаха. 1976. С. 5).

Все это привело в 1988 г. к азербайджано-карабахскому конфликту (с конца 1991 г. до мая 1994 г. – в открытой вооруженной форме), который остается неурегулированным до сих пор.

После принятия 30 августа 1991 г. парламентом Азербайджана «Декларации о восстановлении государственной независимости Азербайджанской демократической Республики 1918–1920 гг.» (это были годы, когда Нагорный Карабах не входил в ее состав) совместная сессия Совета народных депутатов Нагорного Карабаха и Совета народных депутатов Шаумянского района приняла 2 сентября 1991 г. «Декларацию о провозглашении Нагорно-Карабахской Республики в границах НКАО и Шаумянского района». 10 декабря 1991 г., после состоявшегося в присутствии международных наблюдателей референдума о статусе Нагорного Карабаха, Нагорно-Карабахская республика (сокращенно НКР) была объявлена независимым государством. Решение о проведении данного референдума было принято в соответствии с Законом СССР от 3 апреля 1990 г. «О порядке решения вопросов, связанных с выходом союзной республики из СССР», статья 3 которого гласила: «В союзной республике, имеющей в своем составе автономные республики, автономные области и автономные округа, референдум проводится отдельно по каждой автономии. За народами автономных образований сохраняется право на самостоятельное решение о пребывании в Союзе ССР или в выходящей союзной республике, а также на постановку вопроса о своем государственном статусе». 28 декабря 1991 г. были проведены выборы в первый парламент НКР, которые Азербайджан не признал. Верховный Совет НКР в январе 1992 г. утвердил Декларацию о независимости.

5 мая 1994 г. представители Азербайджана, Армении и Нагорного Карабаха, при посредничестве России и Межпарламентской ассамблеи государств-участников СНГ, оформили в г. Бишкеке протокол, на основании которого 9–11 мая главами оборонных ведомств сторон конфликта была подписана «Договоренность о прекращении огня», вступившая в силу 12 мая 1994 г.

24 ноября 1996 г. в Нагорно-Карабахской республике состоялись первые президентские выборы. Подавляющим большинством голосов президентом был избран Роберт Кочарян, который по решению парламента находился на этом посту с 1994 г. После того, как в марте 1997 г. Р. Кочарян был назначен премьер-министром Республики Армения (в 1998 г. он стал ее президентом), в НКР 1 сентября того же года состоялись новые выборы, и президентом стал Аркадий Гукасян, вновь переизбранный на этот пост осенью 2002 г. 19 июля 2007 г. президентом НКР избрали директора Службы безопасности Бако Саакяна.

В настоящее время Нагорно-Карабахская республика представляет собой существующее де-факто, но не признанное де-юре государство со всеми необходимыми органами государственной власти и управления, имеющее тесные социально-экономические и культурные связи с Республикой Армения. Через Армению осуществляются и все взаимоотношения НКР с внешним миром. Представительства НКР в настоящее время действуют помимо Еревана

в Москве, Вашингтоне, Париже, Сиднее и Бейруте, где тесно координируют свою работу с посольствами Республики Армения. Численность армян в НКР, по данным Национальной статистической службы на 1 января 2010 г., составила 141,4 тыс. человек.

Хотя с мая 1994 г. боевые действия фактически прекратились, окончательный мир в регионе до сих пор не наступил. Сейчас, в обстановке «ни войны, ни мира», продолжаются миротворческие усилия различных международных организаций по урегулированию данного застарелого конфликта.

23 августа 1990 г. первая сессия Верховного Совета Армении приняла «Декларацию о независимости Армении», согласно которой Армянская ССР стала называться Республика Армения (сокращенно – Армения). Пост председателя Верховного Совета занял лидер Армянского общенационального движения (созданного в поддержку решения карабахской проблемы) Левон Тер-Петросян. После проведенного 21 сентября 1991 г. общенационального референдума о независимости Армении, Верховный Совет, опираясь на его итоги, 23 сентября провозгласил Республику Армения независимым суверенным государством, председателем которого по решению парламента (в дальнейшем – Национальное собрание) стал Левон Тер-Петросян. День 21 сентября был объявлен государственным праздником. С этого времени страна вступила на путь длительного процесса создания национальной государственности, коренных преобразований экономики и общественных отношений.

16 октября 1991 г. впервые на альтернативной основе общенациональных прямых президентских выборов с большим преимуществом был избран Л. Тер-Петросян. 22 сентября 1998 г. по итогам всенародных выборов президентом Республики Армения стал Роберт Кочарян, переизбранный на этот пост 5 марта 2003 г. 19 февраля 2008 г. президентом был избран Серж Саргсян, являвшийся до этого премьер-министром.

21 декабря 1991 г. вместе с 11 республиками бывшего СССР Армения подписала соглашение об образовании Содружества независимых государств (СНГ) и стала ее полноценным членом. Спустя несколько дней, 29 декабря 1991 г., в Москве между Российской Федерацией и Республикой Армения был подписан первый двухсторонний договор «О дружбе, сотрудничестве и взаимной безопасности». В последующие годы были подписаны десятки других взаимовыгодных соглашений о сотрудничестве в различных областях деятельности. 16 марта 1995 г. в Москве было подписано российско-армянское военно-политическое соглашение о дислокации вооруженных сил Российской Федерации на территории Армении. Этим соглашением, не направленным против какой-либо третьей стороны, был решен также важнейший вопрос о совместной охране армяно-турецкой и армяно-иранской границ.

За военно-политическим соглашением последовало не менее важное историческое событие, имевшее для обоих народов исключительное значение. Армянской общественностью с большим удовлетворением был воспринят тот факт, что 14 апреля 1995 г., накануне 80-й годовщины геноцида армян в османской Турции, Государственная дума Федерального собрания Российской Федерации единогласно приняла заявление, осуждающее организаторов геноцида армян в 1915–1922 гг., выразила свое глубокое сожаление всему армянскому народу и признала 24 апреля Днем памяти жертв геноцида. В этом

заявлении было справедливо отмечено, «что физическое уничтожение братского армянского народа на его исторической родине было совершено с целью создания благоприятных условий для разрушения России».

Параллельно с успешным военно-политическим сотрудничеством из года в год расширяются и укрепляются торгово-экономические, научные и культурные отношения Армении и России. Исторически сложившиеся дружественные союзнические отношения обеих республик подписанием армяно-российского Большого договора от 29 августа 1997 г. «О дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи» поднялись на уровень стратегического партнерства.

Первые годы независимости оказались очень тяжелыми для Армении прежде всего из-за последствий разрушительного землетрясения 7 декабря 1988 г., непрекращающейся с начала 1989 г. транспортной и экономической блокады республики со стороны Азербайджана вследствие конфликта с ним армян Нагорного Карабаха, последующего распада СССР и вспыхнувших межнациональных конфликтов и гражданских беспорядков в соседней Грузии, вызвавших резкий разрыв существовавших десятилетиями кооперативных и торговых связей, прекращение взаимных поставок, развал системы платежей между Арменией и республиками бывшего Союза. Положение осложнялось и тем, что в стране находилось более 300 тыс. беженцев – этнических армян, депортированных из Азербайджана. Беженцы нуждались в жилье и трудоустройстве. Проводимая в процессе экономической реформы либерализация цен привела к значительному сокращению реальной заработной платы. Цены возросли практически на все товары, кроме рабочей силы. Социальные слои населения (высококвалифицированные рабочие, служащие, представители интеллигенции), которые в прежней системе относились к категории обеспеченных, в новых экономических условиях пополнили ряды безработных, малообеспеченных и бедных слоев населения. В результате экономического кризиса, который привел к масштабной безработице и обнищанию народа, с 1992 г. из Армении начался значительный миграционный отток наиболее активного и трудоспособного населения в поисках работы. Большинство трудовых мигрантов направлялось в Россию. Определенная часть армян мигрировала в страны Европы и США.

Некоторому улучшению состояния экономики способствовали следующие обстоятельства: прекращение к лету 1994 г. военного противостояния в Нагорном Карабахе, что позволило руководству Армении сосредоточить все внимание на экономике страны; прекращение межнациональных конфликтов и гражданской войны в Грузии дало возможность транспортировки через ее территорию необходимых для Армении товаров из России (в частности, поставок российского и туркменского газа по трубопроводам); развитие добрососедских отношений с Ираном значительно расширило армяно-иранские торгово-экономические связи и тем самым ослабило воздействие блокады со стороны Азербайджана; существенная экономическая помощь со стороны России (Пузанов, 1998. С. 229, 230).

В последние годы с постепенным преодолением кризиса, во многом с помощью армянской диаспоры, с которой существенно упрочены связи, социально-экономическая и культурная жизнь в Армении налаживается, что внушает уверенность в благоприятные перспективы на будущее.

В целом за сравнительно небольшой срок независимости в Республике Армения удалось осуществить ряд кардинальных преобразований: покончено с социалистическим режимом, создана суверенная государственность, обеспечены права человека и гражданина, восстановлена частная собственность, проведена приватизация земли, переход к рыночной экономике приобрел необратимый характер, установлена многопартийная система, созданы условия для свободы слова и печати, осуществлена деидеологизация государственных учреждений, учебных заведений, воинских подразделений, ликвидирована цензура, созданы условия для беспрепятственной деятельности Армянской апостольской церкви, 5 июля 1995 г. на общенациональном референдуме была принята новая Конституция страны, 15 июня 2006 г. приняты законы о государственном гербе, флаге и гимне, которыми вновь стали герб, флаг и гимн Первой Республики Армения 1918–1920 гг., учреждены государственные награды – ордена и медали. Армения признана мировым сообществом: в марте 1992 г. она стала членом ООН, в 2001 г. была принята в Совет Европы, затем в другие влиятельные международные и региональные организации (ЮНЕСКО, ОБСЕ, Международный парламентский союз, Всемирную торговую организацию и др.). Однако достигнутое не умаляет важности и объема того, что еще предстоит сделать.

АРМЯНСКИЙ ЯЗЫК И ДИАЛЕКТЫ

Общие сведения. Армянский язык засвидетельствован в нескольких исторических и функционально-территориальных вариантах, важнейшие из которых: древнеармянский литературный язык или *grabar* (букв. письменный), среднеармянский литературный язык и новоармянский язык или *ašxarabar* (букв. светский), представленный двумя литературными вариантами – восточноармянским и западноармянским. Кроме этого, известны свыше четырех десятков современных армянских диалектов с их многочисленными говорами. Восточноармянский вариант распространен в Республике Армения (РА), в Нагорно-Карабахской Республике (НКР), в Грузии (в основном в Ахалкалакском, Ахалцихском, Ниноцминдском и других районах, а также в Тбилиси и других городах), употребляется в армянской диаспоре России и стран СНГ (Украина, Белоруссия, Казахстан, Узбекистан и др.), среди армян Ирана и Индии. Западноармянский вариант распространен в армянской диаспоре в странах Ближнего Востока (Ливан, Сирия, Египет и др.), Европы (Франция, Греция, Болгария, Румыния и др.), в США и Австралии.

Лингвогенетические сведения. Армянский язык принадлежит к индоевропейской семье языков в качестве отдельной самостоятельной ветви без признаков близкого родства с каким-либо индоевропейским языком. Наиболее тесные ареальные связи обнаруживает с греческим, индийскими и славянскими языками, а также с иранскими, фригийским и хетто-лувийскими, причем по фонетическим признакам к армянскому ближе греческий, фригийский и славянские, а по грамматическим – греческий, индийские, хетто-лувийские языки (Джаукян, 1982. С. 204, 205).

Лингвогеографические сведения. Диалектная ситуация на современном этапе развития армянского языка отличается чрезвычайной сложностью и своеобразием, как ввиду значительной диалектной раздробленности языка,

так и в связи с исторической судьбой носителей диалектов. Уже начиная с позднего Средневековья образовался ряд островных диалектов армянского языка в иноязычном окружении далеко за пределами исторической Армении (Крым, Трансильвания, Астрахань, Тебриз и др.). В начале XX в., после геноцида армян, большинство западноармянских диалектов вообще потеряло свою территориальную основу и сохранилось только у отдельных групп носителей, разбросанных по всему свету.

Принципы диалектного членения армянского языка и критерии выделения диалектов менялись с развитием армянской диалектологии. Выдвигались в основном следующие принципы классификации: территориальный, территориально-морфологический, морфологический, фонетический, многопризнаково-статистический. Основные диалектные группы по многопризнаково-статистической классификации следующие:

Западная группировка диалектов – антиохийская, киликийская, малоазиатская, амшенская, ардеальская (трансильванская), мушко-тигранакертская, ванская.

Восточная группировка диалектов – хойско-марагинская, араратская, карабахско-шамахинская, агулиско-мегринская (Джаукян, 1972. С. 147–156).

При максимальном расхождении между диалектами (66,5 признака при 100-признаковой классификации) взаимопонимание между носителями диалектов затрудняется. Носители диалектов, входящих в одну группу, и тем более говоров, входящих в один диалект, легко понимают друг друга. Диалекты, входящие в одну группу, в основном близки и территориально, хотя имеются и случаи, когда вследствие миграций населения они оказываются в значительном отдалении друг от друга (например, объединяются в один диалект говоры Крыма и Новой Нахичевани, Тебриза и Астрахани, так что нельзя говорить о «диалектном континууме» в территориальном отношении. В настоящее время диалекты являются средством повседневного общения иногда в довольно широких кругах населения (каринский, карабахский, тбилисский) наряду с устным вариантом литературного языка. Западноармянские диалекты сохранились у немногочисленных групп носителей, рассеянных между представителями других диалектов (как в Армении, так и в армянских колониях).»»

Исторические сведения. Историю армянского языка принято делить на дописьменный и письменный периоды. Дописьменный период охватывает время с момента выделения армянского языка из индоевропейской общности (предположительно в начале III тыс. до н.э.) до его письменной фиксации в начале V в. н.э. Письменно засвидетельствованное развитие истории языка начинается с 405 г., – времени создания армянской письменности. Она делится на три основных периода: древнеармянский (V–XI вв.), среднеармянский (XII–XVI вв.), новоармянский (с XVII в. по сей день) (Джаукян, 1969. С. 36).

Древнеармянский период обычно делится на три этапа (подпериода): а) раннедревнеармянский или классический (V в.), б) постклассический (VI–VII вв.), в) досреднеармянский (VIII–XI вв.). В период классического грабара письменный и разговорный варианты в основном совпадают.

Начиная с IX в. древнеармянские авторы уже отмечают разницу между нормированным «книжным, ученым» и «простонародным» вариантами ли-

тературного языка. Ядро словарного запаса составляет лексический пласт, образованный на основе индоевропейских корней. Имеются также многочисленные заимствования иранского, кавказского, малоазийского, хуррито-урартского, аккадского, сирийского, греческого происхождения (Ачарян, 1940; Ачарян, 1951).

В Среднеармянский период (с двумя подпериодами: XII–XIV и XV–XVI вв.) параллельно с *грабаром* на ступень литературного языка поднимается среднеармянский язык, представляющий собой новое междиалектное образование (на отличной от грабара разговорной основе). В лексике большое место занимают новые заимствования из персидского, арабского, тюркских и европейских языков.

Новоармянский период делится на три подпериода: а) раннего ашхарабара (XVII – первая половина XIX в.), когда начинает формироваться междиалектное разговорное койне, на основе которого наряду с продолжающим функционировать грабаром образуется литературный *ашхарабар*, вначале единый, а затем – разветвленный на восточноармянский и западноармянский варианты; б) раздвоенного ашхарабара (II половина XIX – первые два десятилетия XX в.), когда литературный язык обретает более широкое функционирование, идет интенсивный процесс нормализации и кодификации. в) современного *ашхарабара* (с 1920-х годов до наших дней), когда восточноармянский литературный язык становится государственным языком РА, стремится к функциональной универсальности, вытесняя диалекты, получает все возможности дальнейшего развития и обогащения, усиливается взаимовлияние восточного и западного вариантов литературного языка вследствие более интенсивных контактов с армянской диаспорой.

Основные особенности **грамматического строя** новоармянского литературного языка по отдельным уровням следующие.

Фонетика и фонология. Восточноармянский литературный язык унаследовал древнеармянскую фонемную систему с некоторыми изменениями, касающимися, в основном, вокализма. Имеется шесть гласных фонем: *a, e, i, ə, o, u*.

Армяне пользуются собственным оригинальным письмом, созданным Месропом Маштоцем в 405 г. Армянский алфавит отличается выраженным графическим своеобразием (см. табл. 1). В течение 1600-летнего существования он претерпел лишь незначительные изменения: в алфавит были включены графемы *ի, ի* (на месте бывшего дифтонга [aw], перешедшего в [o]) и *յ, յ* (для соответствующей фонемы [j], возникшей в среднеармянский период). Была изъята буква *օ, օ* в отдельном написании, сохранившись только как графический компонент сложной графемы *օժ, օժ*, в настоящее время воспринимаемой как простая. В настоящее время армянский алфавит содержит 39 знаков, обозначающих 36 фонем.

Лексика и словообразование. Оба варианта современного литературного армянского языка обладают богатой и стилистически дифференцированной лексикой, способностью выражать как предметы материального мира, так и сложные абстрактные понятия. Основу словарного запаса армянского языка составляет исконный индоевропейский слой, отличающийся наибольшей словообразовательной активностью во все периоды развития языка (около 70% лексики составляют производные от индоевропейских корней). Имеются

Таблица 1
Армянский алфавит

Знак (буква)	Название буквы	Транслитерация	Произношение ⁺
Ա ա	ayb	a	a
Բ բ	ben	b	б
Գ գ	gim	g	г
Դ դ	da	d	д
Ե ե	yeč ^c	ye, e	йе, е
Զ զ	za	z	з
Է է	ē	ē	э
Ը ը	ət ^c	ə	ə
Թ թ	t ^o	t ^c	т (придыхательное)
Ճ ճ	že	ž	ж
Ի ի	ini	i	и
Լ լ	lyun	l	л
Խ խ	xe	x	х
Տ տ	ca	c	тс (непридыхательное)
Կ կ	ken	k	к
Հ հ	ho	h	н
Չ չ	ja	j	дз
Պ պ	□at	□(ı)*	х (звонкое)
Պ Պ	če	č	ч (непридыхат.)
Մ մ	men	m	м
Յ յ	hi (yi)*	y	й
Ն ն	nu	n	н
Շ շ	ša	š	ш
Ո ո	vo	vo, o	во, о
Չ չ	č ^a	č ^c	ч
Պ պ	pe	p	п
Ջ ճ	□e	□	дж
Ռ ռ	rá	í	р (твердое)
Ս ս	se	s	с
Վ վ	vev	v	в
Տ տ	tyun	t	т
Ր ը	re	r	р (плавное)
Գ գ	c ^o	c ^c	ц
ՈՒ/Ու ու (ı ı)*	u, (vyun)*	u, (w)*	у (в)*
Փ փ	p ^c ur	p ^c	п (придыхательное)
Զ զ	k ^c e	k ^c	к (придыхательное)
ԵՎ/Եվ և	yev	yev, ev	йев, ев
Օ օ	ō	ō	о
Ֆ ֆ	fe	f	ф

⁺ Дается приблизительное произношение посредством русских букв.

* Приведенные в скобках обозначения относятся к древнеармянскому периоду.

многочисленные заимствования из индоевропейских и не индоевропейских языков. Среди них по количеству, словообразовательной активности и важности выражаемых понятий особое место занимают иранские заимствования, восходящие еще к дописьменному периоду. В более ограниченном количестве с этого периода сохранились хетто-лувийские, семитские, кавказские и других заимствования. Часть неэтимологизированных корней принято относить к хуррито-урартскому и вторичному индоевропейскому субстрату. Греческие заимствования проникли в язык главным образом книжным путем и вошли в основной словарный фонд лишь частично (религиозная, отчасти, научная терминология).

Армянский язык отличается широкими словообразовательными возможностями. В словосложении принято различать синтетический и аналитический типы. В результате синтетического словосложения получают сложные слова с единым словесным ударением, тесной спайкой компонентов, лишенных формальной самостоятельности: *grk^caser* – книголюб, *tecargo* – многоуважаемый, *horeubayr* – дядя (брат отца). Результатом аналитического словосложения являются конструкции с дистантным расположением компонентов, сохранивших собственное ударение (иногда главное и второстепенное) и семантику, или же вместе выражающих совершенно новое фразеологическое значение: *gišer-c^cerek* – «весь день, днем и ночью», *koγk^c koγk^ci* – «бок о бок», *hat u ken* – «редкий, изредка», *grakan-geyarvestakan* – «литературно-художественный», *barev tal* – «здороваться, приветствовать», *jeγk^c berel* – «приобрести», *a^rnel* – *anc^cnel* – «заладить».

Морфология. В морфологии словарный запас классифицируется по частям речи. На протяжении развития армянского языкознания выдвигались разные принципы и критерии членения лексики, однако в основном преобладал логико-семантический принцип с привлечением некоторых формальных и функциональных признаков. Классификацию частей речи можно представить в таблице 2:

По морфологическим признакам принято выделять изменяемые и неизменяемые части речи. Изменяемые части речи представлены двумя типами парадигм – склонения и спряжения. По совокупности грамматических категорий, получающих формальное выражение в парадигме склонения, различаются имена и местоимения. Имена характеризуются грамматическими категориями числа, падежа, актуализации, класса (лица и вещи, в том числе животные), а местоимения – категориями лица, числа, падежа. В глагольном спряжении

Таблица 2

Классификация частей речи

Слова с вещественным значением	Грамматико-реляционные (относительные) или связующие слова	Эмоционально-выразительные и ментально-оценочные вводные слова
Существительные Прилагательные Числительные Местоимения Глаголы Наречия	Союзы Предлоги/послелог	Ответные слова Модальные слова Междометия Звукоподражания

находят формальное выражение грамматические категории наклонения, вида, залога, времени, числа и лица. Категория наклонения выражается в основном препозитивными модальными частицами, вторично – окончаниями и некоторыми изменениями основ. Выделяются пять наклонений: изъявительное (7 временных форм: настоящее, будущее, будущее в прошедшем, имперфект, прошедшее, давнопрошедшее, перфект), желательное, условное, принудительное (по 2 временные формы: настоящее и будущее) и повелительное. Категория вида связана отчасти с глагольной лексемой (словообразовательными особенностями), в основном же – основообразующими элементами.

Синтаксис современного армянского языка отличается богатством структурных моделей предложений, разнообразием синтаксических конструкций, семантическим и функциональным многообразием сочинительных и подчинительных союзов. Тип предложения – номинативный. Порядок слов в простом предложении достаточно свободен, но преобладают конструкции SVO и SOV (S – подлежащее, V – сказуемое, O – дополнение).

Учебно-педагогический статус. Восточноармянский литературный язык является языком начального, среднего, среднеспециального и высшего образования на территории Республики Армения, Нагорно-Карабахской Республики, а также начального и среднего образования на территории бывшего СССР и Ирана, там, где имеются армянские общины и средние общеобразовательные школы, в которых преподавание ведется на восточноармянском языке. Имеется армянское отделение в Тбилисском педагогическом институте. Западноармянский литературный вариант изучается в зарубежных армянских общинах (кроме расположенных на территории СНГ, Ирана и Индии), в национальных начальных и средних школах.

Интерес европейцев к армянскому языку проявился еще в Средине века, а его научное изучение за рубежом имеет почти 300-летнюю традицию. В качестве одного из индоевропейских языков он привлекал внимание первых компаративистов. В настоящее время во многих зарубежных научных центрах (США, Австрии, Англии, Бельгии, Бразилии, Дании, Египте, Иране, Италии, Нидерландах, Франции и др.) имеются арменоведческие кафедры и отделения, где изучается как язык, так и история и культура армянского народа. Выходят арменоведческие периодические издания: «*Revue des etudes arméniens*» (Париж), «*Annual of Armenian Linguistics*» (Кливленд), «*Armenian Digest*» (Нью-Йорк), «*Handes amsoya*» (Вена), «*Bazmavep*» (Венеция) и др.

Функционирование и перспективы развития. Современный восточноармянский литературный язык обладает статусом государственного языка Республики Армения, отличается функциональной универсальностью и обслуживает все сферы государственной, социальной, экономической и культурной жизни общества.

Укрепление связей с зарубежными общинами армянской диаспоры, обмен научной и учебной литературой, издание произведений зарубежных армянских авторов в РА, проведение всеармянских научных, культурных, спортивных мероприятий способствуют взаимообогащению восточноармянского и западноармянского вариантов, в частности в художественной и публицистической литературе, в сфере обучения, научной терминологии и пр. Нередки взаимные заимствования слов, выражений, стилистических оборотов и т.д. Западноармянский литературный язык находится в более сложных условиях

развития в иноязычном окружении и нуждается в активном вмешательстве в языковой процесс для обеспечения условий его выживания и усовершенствования. С этой целью в РА проводится определенная работа, созданы курсы повышения квалификации для западноармянских учителей, в вузах Армении введены учебные курсы по западноармянскому литературному языку, существуют льготные условия для обучения студентов и аспирантов из диаспоры, осуществляется обмен специалистами.

ДИНАМИКА ЧИСЛЕННОСТИ И РАССЕЛЕНИЕ АРМЯН В XIX – НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Этнодемографическая характеристика и география расселения армян в XIX–XX вв. неразрывно связаны со спецификой их исторической судьбы в условиях проживания в рамках административно-территориального деления Османской империи и Закавказского края (без Дагестанской области) Российской империи.

В первое 30-летие XIX в. территория Закавказья, в том числе Восточной Армении, вошла в состав России. Западная Армения продолжала оставаться под господством Турции. Определить четкие данные о численности армян в этот период не представляется возможным: в присоединенном к России Закавказье учеты населения проводились лишь время от времени, в Османской империи они практически отсутствовали.

В первой трети XIX в. армянское население Турции по приблизительным данным увеличилось с 2 млн до 3 млн человек несмотря на то что после окончания Русско-турецкой войны 1828–1829 гг., по Адрианопольскому договору, около 14 тыс. семей или 100 тыс. армян в 1829–1830 гг. покинули свои дома и переселились в Закавказье, в основном в Восточную Армению. Так, переселенцы из Эрзерумского пашалыка поселились в основном в Ахалцихском и Ахалкалакском уездах Грузии, в селениях Цалки, Ширака и Лори; из Карса – в Александрополе (Гюмри), селениях Ширака, Талина и Апарана; из Баязета – в бассейне озера Севан, Дарачичаге (Цахкадзор), частично в Гюмри и в селениях Сурмали (*Ерицян*, 1894. С. 441, 442; *История..*, 1974. С. 81–115). Значительная часть переселенцев обосновалась во вновь образованной Армянской области, включавшей Ереванский и Нахичеванский уезды и Ордубадский округ (*Шопен*, 1852. С. 545–642; *Национальный атлас..*, 2007. С. 104; *Национальный атлас..*, 2008. С. 72).

В тот период 20% проживавших в Турции армян были жителями городов Эрзрум (Карин), Евдокия (Токат), Ван, Диарбекир, Себастья (Сваз, Сивас), Амасия, Акн, Адана, частично Арабкира, Аджина, Мараша, Кесарии (*История..*, 1974. С. 70, 94, 95; *Национальный атлас..*, 2008. С. 71). По учету 1844 г. численность армян составила 2,4 млн, из которых 2 млн проживали в азиатской и 400 тыс. – в европейской части страны (*Амбарян*, 1969. С. 98).

В 50–70-е годы XIX в. в Османской империи по разным источникам проживали от 2,5 до 3,8 млн армян. Согласно официальным турецким источникам, в 50-х годах XIX в. в шести вилайетах армянское население составляло 3015 тыс. человек, в 1870-е годы – 3,6 млн человек. Арёалами их преимущественного расселения были вилайеты: Себастиийский – 900 тыс. человек,

Эрзрумский – 650, Ванский – 650, Битлисский – 400, Харбердский – 500, Диарбекирский – 500 тыс. человек (*Саркисян, 1970. С. 366, 367; Дадян, 1878. С. 8; Амбарян, 1969. С. 99*). Однако после понесенных неудач в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. и выдвижения на международную арену «Армянского вопроса» турецкие власти, стремясь завуалировать действительную картину об армянском населении, представили Берлинскому конгрессу 1878 г. другой документ с намеренно заниженными данными. Согласно нему, численность армян в Эрзрумском вилайете не превышала 104 тыс. человек, Битлисском – 156 тыс., Ванском – 78 тыс., Харбердском – 54 тыс., Себастьянском – 106 тыс. человек, т.е. в Западной Армении проживали всего – 586 тыс. армян (Сборник географических, топографических..., 1895. С. 28, 29). Одновременно свои данные Берлинскому конгрессу представило Армянское патриаршество Константинополя, согласно которым в границах Османской империи проживало 3 млн армян, из них 400 тыс. были сосредоточены в Константинополе и на Балканах, 600 тыс. – в малоазиатских вилайетах и в Киликии, 670 тыс. – в Малой Армении и районе Кесарии и 1 млн 330 тыс. – в Западной Армении (История., 1981. С. 22). Был поднят также вопрос о том, что за 30-летний период 1845–1875 гг. прирост армян со стороны государственных властей не был учтен, в то время как среди других этнических групп он возрос почти на 60%.

По окончании Русско-турецкой войны 1877–1878 гг. в Сан-Стефанский мирный договор от 19 февраля (3 марта) 1878 г. была включена специальная статья, обязывающая турецкое правительство осуществить в Западной Армении реформы и обеспечить безопасность населения, причем гарантом проведения этих реформ должна была быть Россия как победившая сторона. Однако на созванном летом того же, 1878 г., по настоянию Англии и Австро-Венгрии Берлинском конгрессе (при участии России, Германии, Франции, Италии и Турции) данное положение было пересмотрено: согласно 61-й статье Берлинского трактата, реализация реформ должна была проходить под международным контролем, что в условиях сложных отношений между державами оказалось неэффективным. В результате стремление армян создать в Западной Армении национальную автономию было проигнорировано. После Берлинского конгресса положение западных армян еще более ухудшилось. Опасаясь возможных нападений со стороны турок и курдов, армяне были вынуждены целыми группами покидать родные очаги, направляясь в Ереванскую провинцию и другие регионы Закавказья, а также на Северный Кавказ. В результате в эти годы Западную Армению покинули более 87,7 тыс. армян (*Реклю, 1893. С. 24*).

В 1882 г. Армянское патриаршество г. Константинополя подготовило новую статистику армянского населения и представило послам тех стран, которые по Берлинскому трактату должны были контролировать обещанные преобразования в армянских вилайетах. Эти данные свидетельствовали, что в Ванском вилайете проживали 400 тыс. армян, Битлисском – 250 тыс., Диарбекирском – 150 тыс., Эрзрумском – 280 тыс., Харбердском – 270 тыс., Себастьянском – 280 тыс, следовательно, в 80-е годы XIX в. на территории Западной Армении проживали 1 млн 630 тыс. армян. За пределами западноармянских вилайетов в европейской части империи жили 195 тыс., в азиатской части – 455 тыс. и в Киликии – 380 тыс. армян. Таким образом, согласно этим

данным, на всей территории империи проживали в тот период приблизительно 2 млн 660 тыс. армян (Амбарян, 1969. С. 101; Хатанасян, 1965. С. 10; Uras, 1988. P. 360, 361).

В 80–90-е гг. XIX в. султан Абдул-Хамид II приложил все усилия для закрытия «Армянского вопроса», для чего стал применять политику насильственного отчуждения, вероотступничества, изгнания и искоренения армян с территории империи. Решение «Армянского вопроса» Османская империя видела в истреблении армян. Только в 1894–1896 гг. жертвами резни во всей Западной Армении и в Константинополе стали около 300 тыс. армян; было разрушено и разграблено множество городов и сел, монастырей и церквей, около 100 тыс. жителей под угрозой истребления были насильственно обращены в мусульманство. Более 300 тыс. несчастных людей были вынуждены покинуть родные места. Они обосновались в Ереванской губернии, Карсской области, в Тифлисе, Баку, Батуме, Дербенте, Кубе, а также на юге России (Братская помощь..., 1898. С. XIX; Национальный атлас..., 2008. С. 84).

В последней трети XIX в. численность армян в Османской империи значительно сократилась и составила по неофициальным данным несколько более 2 млн человек. К концу XIX в. этнический состав населения шести западноармянских вилайетов был следующим.

Таблица 3

Этнический состав населения Западной Армении в конце XIX в. (в тыс. чел.).

Вилайеты	Армяне	Турки	Курды	Ассирийцы	Другие	Всего
Ванский	194,0	35,0	111,0	87,0	Нет сведений	427,0
Битлисский	308,0	60,0	58,0	Нет сведений	Нет сведений	426,0
Диарбекирский	120,0	190,0	45,0	Нет сведений	Нет сведений	355,0
Эрзрумский	420,0	120,0	12,0	Нет сведений	Нет сведений	552,0
Харбердский	108,0	153,0	112,0	0,75	Нет сведений	373,75
Себастиийский	280,0	122,0	30,0	Нет сведений	Нет сведений	432,0
Итого	1430,0	680,0	368,0	87,75	300,0	2865,75

Составлено по: Тер-Акопян, 1914. С. 97–100; Национальный атлас..., 2007. С. 105.

Кроме указанных этносов, здесь проживали также персы, греки, арабы, туркмены, курды-езиды и другие, общая численность которых достигала 300 тыс. человек. Армяне составляли 50% всего населения, преобладая в Эрзерумском (76%), Битлисском (72%), Себастиийском (65%) вилайетах.

Со второй половины XIX в. и до начала Первой мировой войны турецкие власти, всячески отрицая преобладание армянского большинства в Западной Армении, постоянно прибегали к фальсификациям. С этой целью ими было предпринято новое административное перекраивание, согласно которому во вновь образованных территориальных единицах армяне оказывались в меньшинстве (Де-Контансон, 1914. С. 19, 20). Для осуществления этой программы армянонаселенные уезды заселили мусульманскими беженцами с Балкан. Вслед за этим в 1912–1913 гг., после Балканской войны, значительное число мусульман обосновалось в Западной Армении.

В начале XX в. положение армян в Османской империи еще более ухудшилось после прихода к власти в 1908 г. буржуазно-националистической партии младотурок «Единение и прогресс». Весной 1909 г. этой партией была организована новая резня армян в киликийском городе Адана и в соседних районах, во время которой было уничтожено 30 тыс. человек.

Согласно данным Армянского патриаршества Константинополя за 1912 г., в шести западноармянских вилайетах проживали около 1,1 млн армян или почти 39% всего населения, а на всей территории империи – более 2 млн. В результате антиармянской политики турецких властей численность армян накануне Первой мировой войны в пределах Османской империи уменьшилось до 1,8 млн, из которых 1 млн – в Западной Армении (*Саркисян, 1970. С. 378, 379; Завериев, 1947. С. 156; НАА. Ф. 430. Оп. 1. Д. 1323. Л. 35*). Однако согласно данным турецкой статистики, в начале 1914 г. в целом на территории империи проживали 15,9 млн человек, из них только 1 млн 260 тыс. составляли армяне, причем в Западной Армении числилось всего 636 тыс. или 7,9% всего населения (*Сокольский, 1923. С. 187–189; Uras, 1988. Р. 360, 361; Национальный атлас., 2007. С. 106*).

Наиболее чудовищные формы политика массового истребления армян в Турции приняла в период Первой мировой войны. В начале 1915 г. правительство младотурок, объявив всех армян «русскими агентами» и «врагами», приняло решение о депортации и массовом истреблении армян. Жертвами геноцида стали 1,5 млн человек или свыше 60% армянского населения Турции. Резня осуществлялась на всей территории империи, 200–250 тыс. армянских женщин и детей насильственно были обращены в мусульманство. В концентрационных лагерях Междуречья число изгнанников в начале 1916 г. доходило до 600 тыс. человек. Значительная часть армян (250 тыс. человек), спасшихся от резни в восточных районах Западной Армении, перешла в Восточную Армению и на Кавказ. Истребление армян продолжалось и в последующие годы, вплоть до начала 1920-х годов. На территории Османской империи в связи с военными действиями, погромами армян и их эмиграцией происходило дальнейшее сокращение их численности, к 1920 г. уменьшившись примерно на 400 тыс. человек. В 1921 г. еще 100 тыс. армян бежали из Киликии в Сирию. (Геноцид армян., 1982. С. 390–393; *Саркисян, Худавердян, Юзбашян, 1998. С. 210; Национальный атлас., 2008. С. 91, 94; Армянская Советская Энциклопедия, 1981. С. 428–430*). Американский полковник Харборд, путешествовавший еще в 1919 г. по Восточной Анатолии, отмечал, что он не нашел там ни одного армянина (*Аболтин, 1925. С. 124*). Несмотря на это, часть армян-беженцев в эти годы вернулась в свои очаги и подверглась повторным гонениям и истреблениям, поэтому в 1921 г. в империи насчитывалось около 592,2 тыс. армян, они в основном проживали в Европейской Турции, в частности, в Константинополе и в районе Босфора.

Согласно первой турецкой переписи 1927 г., армян в империи осталось 64,7 тыс., а по переписи 1935 г. – 57,6 тыс. (*Сокольский, 1923. С. 71; Pallis, 1938. Р. 443; Demirel, 2004. Р. 94–97*). В конце XX в. по неофициальным данным в основном в крупных городах Турции насчитывалось примерно 100 тыс. армян.

Помимо Османской империи, определенная часть армянского населения проживала в Закавказье, территория которого в начале XIX в. была постепен-

Расселение армян в 1914 г. Составил Г.Г. Саркисян

но присоединена к России. На протяжении XIX в. Закавказье неоднократно претерпевало административно-территориальные изменения. После падения Грузинского царства в 1801 г. оно было присоединено к России и образована Грузинская губерния, в состав которой вошли и армянские уезды: Лори, Казах, Шамшадин, Памбак, Шорагял. В 1828 г. русские войска заняли Ереванскую крепость, тем самым положив конец персидскому господству. В том же году на территории Ереванского ханства была образована Армянская область, что имело большое значение для консолидации армян. Однако в 1840 г., в связи с новыми административными изменениями в Закавказье, она была упразднена и разделена на Грузино-Имеретинскую губернию с центром в Тифлисе и Каспийскую область с центром в Шемахе. В губернию вошли также густонаселенные армянами территории бывшей Армянской области: Ереванская и Нахичеванская провинции, Ширак, Лори, Казах (Тавуш), Джавахк; в Каспийскую область вошли Карабах, Зангезур, а также районы Шамхора, Нухи, Шемахи. Губерния была разделена на 11, а область – на 7 уездов.

В 1846 г. в результате нового административного деления в Закавказье были образованы четыре губернии: Кутаисская, Тифлисская, Шемахинская и Дербентская, три года спустя, в 1849 г. создана Ереванская, в 1868 г. – Елисаветпольская губернии. Таким образом, в 70-е годы XIX в. Закавказье было разделено на Тифлисскую, Кутаисскую, Бакинскую, Ереванскую, Елисаветпольскую губернии и Дагестанскую область (*Шахатунян*, 1918. С. 84–93).

После Русско-персидской (1826–1828 гг.) и Русско-турецкой (1828–1829 гг.) войн по Туркманчайскому (1828 г.) и Адрианопольскому (1829 г.) договорам из Ирана и Турции на территорию Армянской области и в другие регионы Закавказья в 1828–1831 гг. переселились более 22 тыс. армянских семей или 130–140 тыс. человек (*Шопен*, 1852. С. 545–642). После иммиграции персидских и турецких армян и эмиграции мусульманских кочевых племен значительно изменился этнический состав Армянской области, в результате чего армяне составили 50% всего населения. После обобщения итогов «Камерального описания» Закавказья, проведенного в 1828–1832 гг., выяснилось, что почти в 270 тыс. дымах проживали 878 тыс. мужчин. С учетом средней численности каждого дыма в 5,5 человек, в 30-е годы XIX в. на территории Закавказья проживало около 1,5 млн человек, из них 370 тыс. или 25% – армяне, расселенные во вновь образованной Армянской области, Карабахской провинции, Ахалкалакском, Ахалцихском, Елисаветпольском уездах и др. (*Обозрение...*, 1836. С. 27, 28, 362–371; *Евецкий*, 1835. С. 29, 30, 142), причем значительная часть проживала в городах Закавказья. Так, в Ахалкалаке армяне составляли 100% населения, Сигнахе – 98, Ахалцихе – 92,8, Телави – 82,6, Тифлисе – 82, Душете – 76,5, Гори – 72, Елисаветполе – 48,5, Шуши – 47,8% (*Обозрение...*, 1836. С. 362–371).

После 30-х годов XIX в. для физического выживания и естественного роста армянского населения сложились относительно благоприятные условия: XIX в. был характерен для армян как высокой рождаемостью, иак высокой и смертностью, что обеспечивало хотя и низкий, но постоянный прирост.

Сравнение статистических данных Закавказья за 1830–1870 гг. свидетельствует, что на протяжении 40 лет его население возросло более чем в 2 раза: с 1,5 млн до 3,1 млн человек, причем численность армян увеличилась в 1,8 раза (*Сборник сведений...*, 1871. С. 291, 292; 1878. С. XVI–XXI; 1880. С. X–XXVII;

Таблица 4

Динамика численности армянского населения Закавказья в 1873–1914 гг.
(тыс. чел.).

Губерния, область, округ	1873 г.			1886 г.			1897 г.			1914 г.		
	всего	в том числе армяне	%	всего	в том числе армяне	%	всего	в том числе армяне	%	всего	в том числе армяне	%
Тифлисская	662,8	162,2	25,0	808,1	193,6	24,0	1051,0	196,2	8,6	1410,0	394,1	8,0
Кутаисская	645,1	1,4	0,2	923,3	16,4	1,8	1058,2	24,0	2,3	1037,9	7,6	0,7
Ереванская	547,7	298,8	55,0	670,4	366,7	54,7	829,6	441,0	53,2	1044,1	597,2	7,2
Елисаветпольская	593,8	193,5	33,0	729,0	258,3	35,4	878,4	292,2	33,3	1165,8	396,8	34,0
Бакинская	539,4	27,1	5,0	712,7	55,4	7,8	826,7	52,2	6,3	1181,9	113,5	9,6
Карсская область	Нет сведений			174,0	37,1	21,3	290,6	73,4	25,2	391,2	113,9	29,1
Закатальский округ	68,8	–		74,4	0,5	0,7	Нет сведений			191,1	20,1	10,5
							Нет сведений			189,9	16,8	9,4
							Нет сведений			84,6	3,0	3,5
Итого	3057,7	683,0	22,3	4091,9	928,0	22,7	4934,5	1079,0	21,9	6696,7	1664,3	24,8

Составлено по: Сборник сведений..., 1878. Т. IV. С. XVI–XXI; 1879. Т. V, ч. I. 1880. Т. VII. С. X–XXVII; Кавказский календарь, 1878. С. 323–332; 1914. С. 110–141; 1915. С. 218–253; Свод статистических данных..., 1893; Первая всеобщая перепись..., 1905. Т. LXI. С. 1, 52, 53; 1904. Т. LXIII. С. 1–VII, 2, 3; 1904. Т. LXIV. 1904. 1905. С. 1; Т. LXV. С. 1, 88, 89; 1905. Т. LXIX. С. VI, XIV, 1–3; 1905. Т. LXXI. С. 1–3; Давтян, 1965. С. 10, 14; Ишханян, 1916. С. 15, 23, 33–35. (Данные переписи Батумской области и Сухумского округа вошли в общую численность населения Кутаисской губ., а Закатальского округа –Тифлисской губ).

Кавказский календарь, 1880. С. 24; Кавказский календарь..., 1877. С. 323–329). Подобные темпы роста привели к перенаселенности на территории Закавказья. В 70-е годы XIX в. по административным единицам картина была следующей. В Кутаисской губернии на 1 кв. м приходилось 27,4 человек, в Ереванской – 19,7, в Закатальском округе – 17,3, в Тифлисской губернии – 16,4, в Бакинской губернии – 13,8, в Елисаветпольской губернии – 13,6, Сухумском округе – 10 человек (Кавказский календарь, 1878. С. 321).

После 70-х годов XIX в. в Закавказье периодически проводился учет населения, а в 1897 г. была осуществлена первая Всероссийская перепись, единственная в своем роде по достоверности и множеству параметров. В целом вторая половина XIX – начало XX в. характеризуются активными перемещениями населения, что привело к изменениям его численности и этнического состава. Заметную роль в этом сыграла Русско-турецкая война 1877–1878 гг., в результате которой к России отошли Карсская и Батумская области, куда было организовано переселение русских сектантов, отставных солдат и греков, в то же время около 100 тыс. мусульман покинули присоединенные районы. В последней трети XIX в. население Закавказья выросло более чем в 1,6 раза или на 38%, причем среднегодовой прирост составил 1,6%, у армянского населения он не был высоким (1,5%) (см. табл. 4).

Наблюдается и рост городского населения Закавказья. Если в середине XIX в. удельный вес его составлял 6,2%, то в 1873 г. – 10,6%, в 1886 г. – 11,6%, в 1897 г. – 14,5%, а в 1914 г. – 23,3%. (*Исмаил-заде*, 1991. С. 64, 65, 82, 83, 222, 223; *Ходжабемян*, 2006. С. 72). Это было связано с развитием капиталистических отношений, в результате чего отток сельского населения Закавказья в крупные промышленные центры значительно изменил этническую и социальную картину края. При этом значительную долю трудовых мигрантов составляли армяне. По данным 1897 г., в нефтедобывающей промышленности Баку 29% рабочих были армянами, однако в 1913 г. их доля сократилась до 17,2%, поскольку значительно увеличивалась доля других этнических групп. Только в 1912–1914 гг. в Ереванской губернии в отходничество были вовлечены 119,5 тыс. человек (*Ходжабемян*, 2002. С. 130; *Саркисян*, 2002. С. 154). В 1897–1913 гг. население Закавказья в целом увеличилось в 1,3 раза, а армян – в 1,5 раза, что было следствием не столько естественного, сколько миграционного роста. Удельный вес армян в городском населении от 30,3% в 1897 г. достиг 39,9% в 1914 г. Темпы роста городского населения армян были довольно высокими. Так, если городское население Закавказья в 1897–1914 гг. увеличилось в 1,7 раза, то среди армян – 2,4 (*Ходжабемян*, 2002. С. 121–123). В 1914 г. в Закавказье армяне составляли значительное большинство в городах Нор Баязет (95,3%), Ахалкалак (89,5%), Александрополь (87,9%), Ахалцих (75,8%), Телави (70,5%), Ереван (52,9%), Шуши (52,7%), Сигнах (50,9 %) и др. (*Ходжабемян*, 2006. С. 74).

В то же время подавляющее большинство армянского населения было сельским, притом расселенным в крае неравномерно. По данным переписи 1897 г., оно преобладало в Александропольском (85,5%), Нор Баязетском (66,3%), Эчмиадзинском (62,4%) уездах Ереванской губернии, Ахалкалакском уезде Тифлисской губернии (72,3%), Шушинском уезде Елисаветпольской губернии (53,3%). Сравнительно невысоким был его удельный вес в Зангезурском (46,2%) и Казахском (38,7%) уездах Елисаветпольской губернии,

Ереванском уезде Ереванской губернии (38,5%), Борчалинском уезде Тифлисской губернии (36,9%). По итогам той же переписи местным было 86,2% всего населения Закавказья, из него лишь 54,3% – городское. Остальная доля (45,7%) городского населения была пришлой, в том числе 6,1% – из других стран. Примечательно при этом, что во вновь присоединенной Карсской области местное население составляло 68,3% всего населения, 1,6% было из уездов, 16,5% – из других губерний и 13,7% – из других стран, в то время как в городах области эти показатели соответственно распределялись: 31,0%, 2,0%, 52,8% и 14,2%. (Первая всеобщая перепись..., 1904. Т. LXIV. С. 1; 1905. Т. LXV. С. 2; 1905. Т. LXIX. С. 2; 1905. Т. LXXI. С. 2).

Таким образом, до Первой мировой войны в Османской империи и Закавказском крае проживали около 3,7 млн армян. Они преобладали в Ереванской губернии (57,2%) и Ванском вилайете (52,8%), имели значительный удельный вес в Елисаветпольской губернии (34%), Карсской области (29,1%), Тифлисской губернии (28%), Битлисском (47,1%), Харбердском (37,3%), Диарбекирском (35,5%), Эрзрумском (34,1%) вилайетах.

Период 1914–1918 гг. для армян Турции и Закавказья был сложным в политическом, социально-экономическом, административном отношениях, что привело к значительному изменению численности и состава населения всего региона.

В 1915–1917 гг. население Закавказья достигло 7 млн человек, причем тюркоязычные этнические группы (в источнике – турки-татары) и иранцы составляли 34,3% всего населения, армяне – 25,5, грузины – 25,5, русские – 13,1, горские народы – 1,6%. Если удельный вес армян, занятых в сельском хозяйстве, уступал другим титульным нациям (71,2% против 81,6 и 82,5%), то в промышленности и торговле их доля (19%) была выше, чем в двух других, вместе взятых (18%). Среди городского населения высокий удельный вес армян (21,4%) уступал только русским (Силницкий, 1990. С. 153, 154).

В 1918–1920 гг. в трех провозгласивших независимость новообразованных республиках Закавказья многочисленные проблемы привели к территориальным претензиям сторон, а также к межгосударственным и межэтническим конфликтам, непосредственно повлиявшим на демографические процессы. В этих условиях оценки численности населения были весьма приблизительными. По данным 1919 г., в Азербайджане из 2577,6 тыс. человек армяне составляли 480,5 тыс. человек или 18,6% всего населения, в Армении из 1590,7 тыс. – 854,0 тыс. человек или 53,7%, в Грузии из 2750,9 тыс. – 394,3 тыс. человек или 14,3%. Таким образом, в Закавказье при общей численности населения в 6919,3 тыс. человек, азербайджанцы (в источнике – магометане) составляли 2512,6 тыс. человек, или 36,3%, армяне – 1728,8 тыс. человек, или около 25%, грузины – 1783,4 тыс. человек или около 25,8%, другие народы – 894,5 тыс. человек или 12,9% всего населения (Рубен, 1982. С. 178, 179).

В 1920–1921 гг. после установления в трех республиках Закавказья советской власти и образования в 1922 г. Закавказской федерации в результате политической нестабильности, военных действий, активных перемещений населения и людских потерь произошла убыль населения Закавказья. Согласно Сельскохозяйственной переписи населения Закавказья 1921–1923 гг., в крае проживали 4976,9 тыс. человек, из которых армян было 1200,6 тыс. или

24,1% всего населения. В самой Армении они составляли 86%, в Азербайджане – 13,5%, в Грузии – 11,9% населения; 21% населения Закавказья было городским (Закавказье..., 1925. С. 151–157).

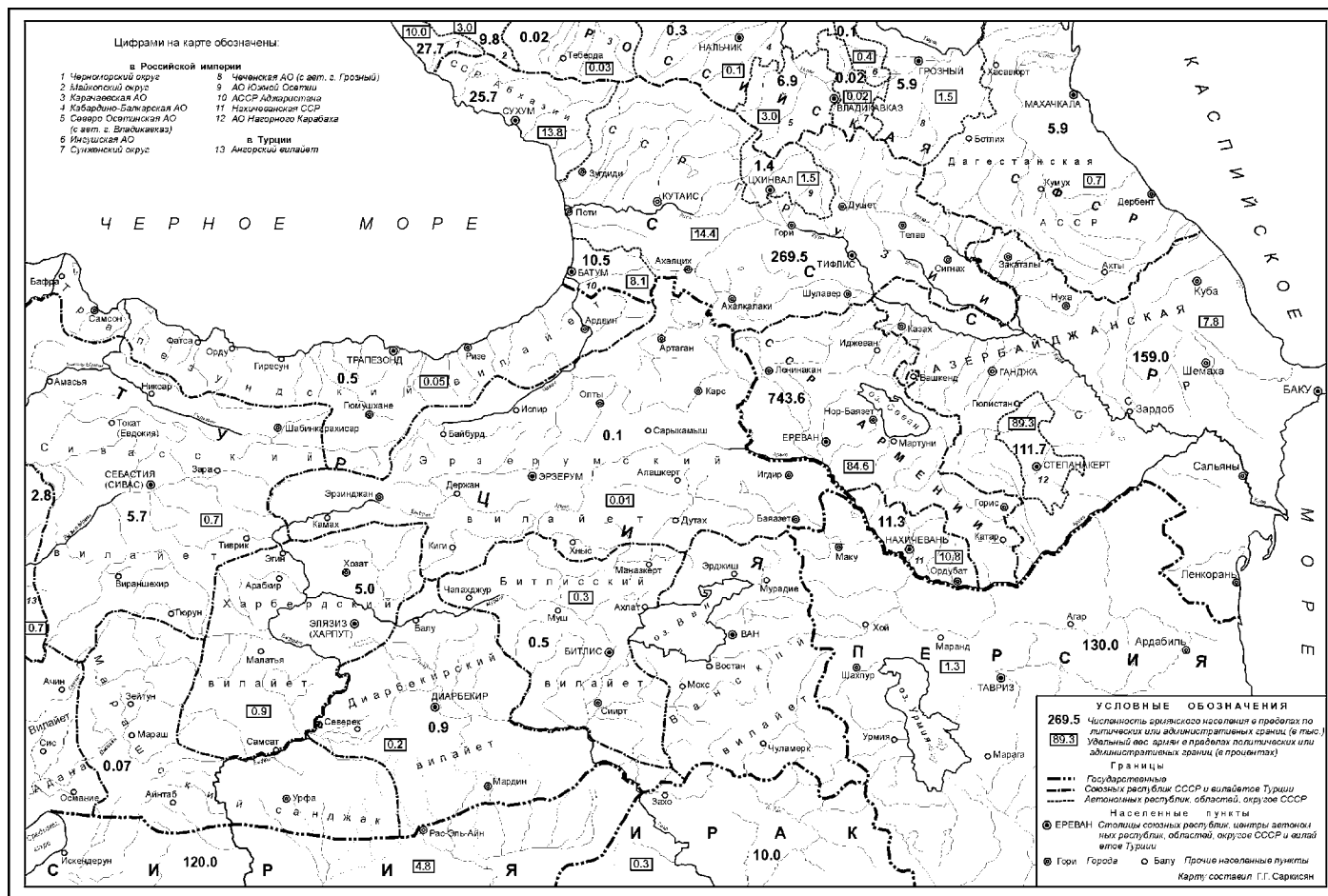
Сопоставление данных 1914 и 1922 гг. свидетельствует, что население Закавказья за эти годы сократилось в 1,5 раза или на 33,5%, причем численность армян снизилась в 1,4 раза или на 30,1%. Причиной убыли являлись последствия Первой мировой и Гражданской войн, турецкая интервенция, голод и инфекционные болезни, унесшие жизни тысяч людей. Не случайно общая численность населения Закавказья с 5,9 млн в 1913 г. сократилась до 68,0 тыс. в 1926 г., а армянского населения – на 197,5 тыс. человек. Убыль населения в Армении к 1926 г., по сравнению с 1913 г., составила почти 119 тыс. человек, в Азербайджане – более чем 25 тыс., в то время как население Грузии увеличилось на 76 тыс., что явилось следствием переселения туда населения из сельских районов Армении и частично Азербайджана.

После советизации в Закавказье, помимо Сельскохозяйственной переписи 1921–1923 гг., были проведены Всесоюзные переписи населения в 1926, 1939, 1959, 1979 и 1989 гг., в которых учитывались также национальность и родной язык. До Второй мировой войны численность населения Закавказья, по сравнению с 1926 г., увеличилась в 1,4 раза, превысив 8-миллионный рубеж. Сравнительно высокими темпами естественного прироста выделялась Армения (27,4 промилле), население которой в указанный период увеличилось в 1,5 раза. Это было связано, в частности, с репатриацией армян, осуществленной правительством Советской Армении в несколько этапов. В период 1921–1981 гг. из разных стран в Армению вернулось около 250 тыс. армян, из них почти 100 тыс. только в 1946–1949 гг. (Меликсетян, 1985. С. 119–126; Национальный атлас..., 2007. С. 109).

Человеческие потери во Второй мировой войне не обошли стороной и армянский народ, оставив свой след в демографической ситуации последующих лет и отразившись, в том числе, на приросте населения. В послевоенный период для армянского населения Закавказья были характерны высокие показатели естественного прироста, о чем свидетельствуют среднегодовые данные по Армении на фоне других республик Закавказья (табл. 5).

За советские годы население Закавказья, за исключением военных и послевоенных лет, в целом имело демографический прирост. При этом, если в 1950–1989 гг. оно в целом увеличилось более чем в 2 раза, то в Армении и Азербайджане – в 2,4, Грузии – в 1,5 раза. В указанный период высокие темпы естественного прироста были зафиксированы в Армении и Азербайджане, в то время как в Грузии, напротив, наблюдался его значительный спад, что в основном было обусловлено низкими темпами воспроизводства населения. Так, в Армении коэффициент естественного прироста в 1940 г. составлял 27,4 на 1000 человек, в 1989 г. – 15,6, в то время как в Азербайджане – соответственно –14,7 и 19,7, в Грузии – 18,6 и 8,3.

До начала 60-х годов XX в. основным источником механического роста была репатриация зарубежных армян. Впоследствии она уступила место иммиграции армян из Грузии и Азербайджана. В 1960–1970-е годы в соседних республиках происходит убыль армянского населения: из Грузии и Азербайджана армяне начинают переселяться в Армению, Россию и другие республики бывшего Союза в основном в целях трудоустройства, учебы и пр.

Расселение армян в 1926 г. Составил Г.Г. Саркисян

Таблица 5

Численность населения в Закавказье в 1926–2010 гг. (тыс. чел.).

Годы	Армения	Азербайджан	Грузия	Всего в Закавказье
1926	881	2314	2677	5872
1939	1282	3205	3540	8027
1950	1354	2896	3527	7777
1955	1535	3277	3803	8615
1959	1763	3698	4044	9505
1965	2170	4509	4450	11129
1970	2492	5117	4686	12295
1975	2800	5644	4896	13340
1979	3031	6028	5015	14074
1985	3317	6614	5201	15132
1989	3288	7038	5443	15769
1995	3260	7685	4794	15739
2000	3227	8049	4435	15711
2005	3215	8350	4290	15845
2010	3250	9000	4400	16650

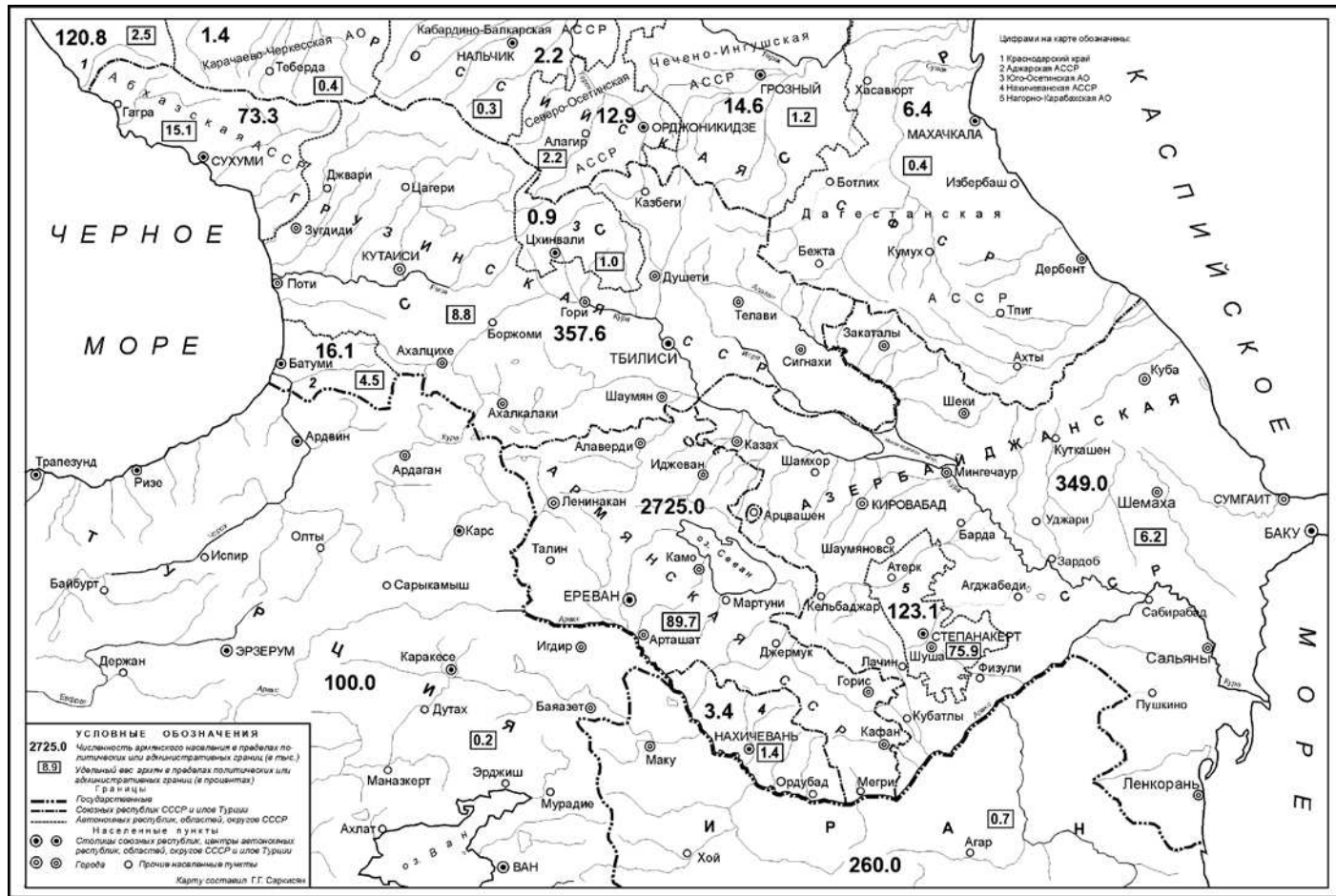
Составлено по: Население СССР., 1988. С. 11–14; www.demoscope.ru, Демоскоп Weekly-Приложение, № 381–382, 15–28 июня 2009; № 413–414, 8–21 марта 2010.

По отдельным республикам картина прироста армянского населения в указанный период имела следующий вид: в самой Армении численность армян возросла в 4,1 раза, в Азербайджане и Грузии – в 1,4 раза (Население СССР., 1988. С. 11–14, 104–106).

В 1970–1980 гг. имело место широкомасштабное переселение армян из Азербайджана, одной из побудительных причин которого, помимо политических мотивов, было стремление армянской молодежи получить образование на родном языке (Ходжабекян, 1989. С. 15–16).

Как уже отмечалось, армянское население в Закавказье было распределено неравномерно: помимо территории самой Армении, оно компактно проживало в основном в юго-западной части Азербайджана (Геташенский подрайон, Шаумянский район, Нагорный Карабах) и северной части Грузии (районы Джавахк, Цалка, Болниси, Марнеули). Расселение армян по республикам и автономиям Закавказья отражено в табл. 6. Эти данные свидетельствуют, что армянское население Закавказья в 1926–1989 гг. возросло в 2,9 раза. До 70-х годов XX в. абсолютная численность армян в Азербайджане и Грузии увеличилась, однако снизился их удельный вес: в Азербайджане с 12,2% в 1926 г. до 5,5% в 1989 г., в Грузии – соответственно с 11,5% до 8,1%. Это объясняется невысоким естественным приростом армянского населения и его усиленным оттоком из указанных республик.

После распада Союза развернувшиеся в условиях политической нестабильности межнациональные столкновения, тяжелое социально-экономическое положение (для Армении также разрушительное Спитакское землетрясение 1988 г. и блокада со стороны Азербайджана) стали причиной массовых перемещений населения. После 1989 г. резко снизился естественный прирост населения закавказских республик. Так, по данным переписи 2001 г., в Армении этот показатель по сравнению с 1989 г. уменьшился в 5,2 раза,

Расселение армян в 1979 г. Составил Г.Г. Саркисян

в Азербайджане – в 2,2, в Грузии – в 8,3 раза (www.demoscope.ru, Демоскоп Weekly – Приложение, № 381–382, 15–28 июня 2009).

В постсоветский период в результате массовых миграций и снижения естественного прироста население Армении и Грузии за 1989–2000 гг. сократилось соответственно в 1,02 и 1,22 раза. В то же время, несмотря на то что значительное число азербайджанцев, армян, русских, греков и других этнических групп покинули Азербайджан, его население в указанный период не только не сократилось, но и увеличилось в 1,5 раза. Согласно переписи Азербайджана, в 1999 г. оно превышало 7,9 млн человек (в 2007 г., по тем же источникам, достигло 8,6 млн –), что по мнению специалистов вряд ли отражает объективные данные (Арсеньев, 2000. С. 40; Стат. ежегодник., 2000. С. 32–42, 56).

После 1988 г. в результате миграции 160 тыс. азербайджанцев из Армении в Азербайджан и более 300 тыс. армян из Азербайджана в Армению этнический состав двух стран претерпел существенные изменения.

В 1990–1995 гг. из-за сложившихся неблагоприятных социально-политических и экономических условий армянское население Армении и Грузии в массовом порядке мигрировало в основном в Россию, европейские страны, США. В силу этого численность населения Армении с 3,5 млн человек в 1990 г. снизилась на 255 тыс. человек в 1995 г. и на 302 тыс. в 2001 г., что предопределило снижение его естественного прироста.

Об этом свидетельствуют показатели населения в расчете на 1 тыс. человек: в 1990 г. – 16,3, 1995 г. – 7,4, 2001 г. – 2,5, 2006 г. – 3,2 промилле. В сель-

Таблица 6

Расселение армян в Закавказье в 1926–1989 гг.

Территория расселения армян	1926 г.	1959 г.	1970 г.	1979 г.	1989 г.
	численность армян, тыс. человек				
В Закавказье, всего <i>в том числе:</i>	1332,5	2436,6	3144,1	3648,5	3911,3
Армянская ССР <i>в том числе:</i>	743,5	1551,6	2208,3	2725,0	3083,6
г. Ереван	57,2	473,7	730,4	974,1	1100,4
Грузинская ССР <i>в том числе:</i>	307,0	442,9	452,3	448,0	437,2
г. Тбилиси	100,1	149,3	150,2	152,8	150,1
Абхазская АССР	25,6	64,4	74,8	73,3	76,5
Аджарская АССР	10,5	15,8	15,6	16,1	15,8
Азербайджанская ССР <i>в том числе:</i>	282,0	442,1	483,5	475,5	390,5
г. Баку	76,6	137,1	164,4	167,2	179,9
Нахичеванская АССР	11,3	9,5	5,8	3,4	1,9
Нагорно-Карабахская АО	111,7	110,1	121,1	123,1	145,6

Составлено по: Население Закавказья., 1928. С. 1–9; Население союзных республик, 1977. С. 138, 263–283; Население СССР., 1988, 104–106; Итоги Всесоюзной переписи., 1973. С. 13–15, 19; Численность и состав., 1984. С. 124–127, 134, 135, 141; Тер-Саркисянц, 1998. С. 36, 37.

ских местностях они составили соответственно: 20,3, 10,7, 3,0 и 3,8 промилле (Демографический сборник..., 2006. С. 11; Статистический ежегодник..., 2008. С. 33).

Анализ половозрастной структуры населения Армении в 1995–2000 гг. свидетельствует об убыли населения ниже трудоспособного возраста и росте – старше него. Так, в 2001 г. число жителей до 14 лет составляло 24,3% всего населения, 15–64 лет – 66%, 65 лет и старше – 9,7%. В Армении городское население в 1990 г. составляло 68,8%, а в результате нового административного деления 1995 г. удельный вес городского населения в 2001 г. снизился до 64,3%, что связано с сокращением численности городских поселений (Результаты переписи..., 2003. С. 143, 210, 213, 216, 360–363, 373–380; Демографический сборник..., 2006. С. 10–13, 28).

В годы независимости из всех закавказских республик наименее неблагоприятная демографическая ситуация – с самым низким показателем естественного прироста населения – отмечается в Грузии: с 4794,2 тыс. человек в 1995 г. оно сократилось до 4435,2 тыс. в 2000 г. В 2005 г. убыль населения по сравнению с 2000 г. составила 146 тыс. человек. По данным переписи 2002 г., в Грузии проживали 248,9 тыс. армян или 5,7% всего населения, из которых 54% были горожанами и 46% – сельскими жителями. После 1979 г. вследствие интенсивного миграционного оттока происходит дальнейшее сокращение численности армян как в Азербайджане, так и в Грузии (табл. 6). Только в 1988–1990 гг. в результате насильственного выселения более 300 тыс. армян из Азербайджана мигрировали в Армению, Россию и др. страны. В Грузии картина несколько иная. Если верить официальным данным, численность армян за последние 10–12 лет сократилась почти в 2 раза. По этим же данным, армянское население было сосредоточено в столице Грузии – 82,6 тыс. человек (7,6%), Самцхе-Джавახети – 113,3 тыс. (54,6%), Квемо-Картли – 31,7 тыс. (6,4%), Аджарии – 8,8 тыс. (2,3%) и др. По возрастному составу армяне Грузии составляли: 19,8% – до 15 лет, 64,0% – 15–64 лет, 15,3% – 65 лет и старше. Для сравнения отметим, что у азербайджанцев, отличающихся высокими показателями естественного прироста, эти показатели составляли 27,1, 65,1 и 7,8%, у грузин соответственно – 20,9, 66,5 и 12,6%. Совершенно не случайно, что в 2003 г. в Грузии наименьший показатель естественного прироста был зафиксирован у армян: 1021 человек или 4,2 промилле против 910 человек, или 3,2 промилле азербайджанцев (*Demographic...*, 2004. P. 17, 20, 163, 168, 176, 177, 191–193).

В Закавказье численность армян постоянно росла вплоть до Первой мировой войны, от 370 тыс. достигнув 1,6 млн человек. После этого в промежутке между двумя мировыми войнами она сократилась почти на 0,5 млн человек, а затем вновь стала расти и в 1989 г. составила 3,9 млн человек. В последнее десятилетие XX в. численность армян в Закавказье из-за низкого естественного прироста и миграций сократилась на 700 – 800 тыс. человек. В конце XX в. население Закавказья превысило 16 млн человек, из них по официальным данным более 3,5 млн или 21,8% составляли армяне (Результаты переписи..., 2003. С. 360; *Demographic...*, 2004. P. 168; Статистический ежегодник южно-кавказских стран: Армения, Азербайджан, Грузия, 2000, б/стр.; Статистический ежегодник..., 2007. С. 13; Нагорный Карабах..., 2007. С. 18).

В настоящее время, в силу специфики своей исторической судьбы, армяне рассеяны по всему миру. Они компактно проживают в Армении (3,2 млн), России (2,5 млн), США (1,8 млн), дисперсно – в Европе (760 тыс.), Азии (1 млн), Африке (100 тыс.), на территории бывших советских республик и в других странах (600 тыс.) (*Малхасян, 2007. С. 21–31*). В конце XX в. численность армян в мире по приблизительным подсчетам (ввиду отсутствия официальных источников) оценивалась в 8–10 млн человек.

ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ

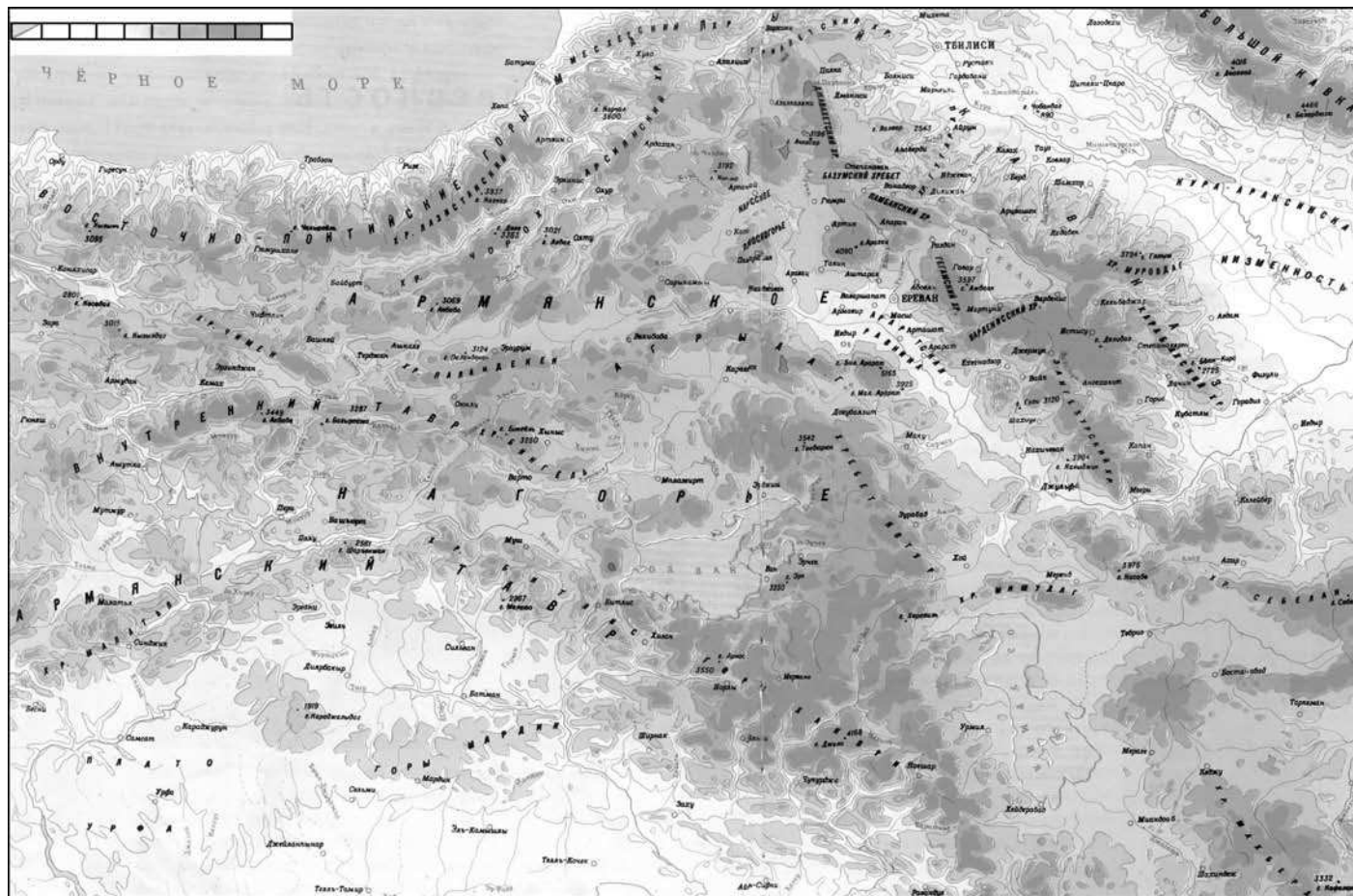
СРЕДА ОБИТАНИЯ

Армянское нагорье является родиной армян, где они сформировались в качестве самостоятельного этноса. Нагорье представляет обширный массив горных хребтов, плато и впадин, расположенный между Малоазийским и Иранским плоскогорьями. С севера оно ограничено Черноморской и Закавказской депрессиями; с юга – Месопотамской равниной. Нагорье находится между 37°20' и 42°10' северной широты, 36°45' и 48°00' восточной долготы. Армянское нагорье имеет среднюю высоту 1700 м и возвышается над соседними Малоазиатским и Иранским плоскогорьями не менее чем на 600–800 м. Площадь его простирается до 400 тыс. кв. км. В пределах нагорья находятся Азербайджан, Республика Армения (РА), Нагорно-Карабахская Республика (НКР), частично Грузия, Турция, Иран. Доля территории РА и НКР составляет менее 10% Армянского нагорья (*Бальян, 1969. С. 13; Габриелян, 2000. С. 10–12, 15–18*).

Древняя основа Армянского нагорья состоит из складчатых сооружений палеозойского возраста. В кайнозое там вновь проявлялось горообразование, приведшее к возникновению сложной системы хребтов и прогибов. Общее поднятие в неогене вызвало интенсивное разрушение гор, а в конце этого периода все нагорье в результате раскалывания было пересечено системой трещин, вдоль которых происходили излияния лав. Длительный вулканический цикл с мощными извержениями лав покрыли почти всю поверхность нагорья базальтовыми толщами, сгладив ранее существовавшие неровности рельефа. На более поздних этапах вулканической деятельности продолжались извержения лав, накопление туфов и образование гигантских вулканических конусов. В настоящее время о значительной тектонической активности региона свидетельствует его высокая сейсмичность.

Рельеф Армянского нагорья характеризуется распространением обширных лавовых плато и плоскогорий с высотами 1500–3000 м. Их разделяют впадины, расположенные на высотах от 700 до 2000 м, которые являются центрами компактного проживания населения. Среди нагорья поднимаются более высокие хребты, изолированные потухшие вулканы, составляющие одну из характерных особенностей ландшафта.

Армянское нагорье, как и другие горные регионы, выделяется высотными поясами и представляет следующую картину: до 500 м занимает 5% нагорья, 500–1000 м – 42%, 1000–1500 м – 22,8%, 1500–2000 м – 30%, 2000–

Армянское нагорье

Из кн.: *Габриэлян Гр.* Армянское нагорье. Ереван, 2000 (на арм. яз.)

2500 м – 17,4%, более высокие горы составляют 14%. Самая низкая точка нагорья – Черное море – с нулевой высотой, наивысшая – гора Большой Арарат – 5165 м. Во внутренних районах относительная высота достигает 3000–4000 м, например, в Араратской долине более 4300 м (800–5165 м). Средняя часть нагорья представляет собой обширное плоскогорье, изрезанное горами и долинами. Эта часть была окружена естественной стеной многочисленных горных хребтов и гор, потому в древности была известна под названием Срединной страны (*Mijnašxarh*).

Начиная с горы Арарат до реки Евфрат тянется горная цепь Армянского хребта, который делит Срединную страну на северную и южную части. Огромный вулканический массив горы Арарат (Масис) с двумя вершинами – Большим Араратом и Малым Араратом (3925 м) – находится почти в центре Армянского нагорья.

Северную границу Армянского нагорья составляют Восточно-Понтийские горы, продолжением его на востоке является горная система Малого Кавказа, которая тянется от берегов Черного моря до Мегринского ущелья реки Аракс. К западу от них находится огромный вулканический массив горы Арагац (4090 м), пологие склоны которого богаты родниками и естественными пастбищами.

Южные окраинные области Древней Армении (Ахдзник, Сасун, Мокк, Кордук) простирались в районе отрогов Армянского Тавра и охватывали долины Западного и Восточного Тигра. К югу от Армянского хребта находится обширное плато с несколькими горными массивами, к числу которых относятся Бюракн (3650 м) с его пастбищами, вулканические массивы Тондрак (3542 м) и Сипан (4434 м). Главные различия в природе, помимо разнообразия типов рельефа, связаны с контрастами в увлажнении районов центра и более близких к Чёрному и Каспийскому морям. Между горными хребтами Армении расположен ряд замкнутых возвышенных плато, плодородных долин и равнин.

Главным занятием населения горных долин издревле было выращивание зерновых, льна, кунжута, виноградной лозы, а также плодовых деревьев – абрикоса, персика, черешни, яблони и др. Среди них наиболее известными являются Араратская, Таронская, Харбердская, Ерзинкайская, Багревандская и Ширакская долины. Между горами Арарат и Арагац и устьями рек Ахурян и Арпа по обе стороны среднего течения Аракса раскинулась обширная и плодородная Араратская равнина – сердце Армянского нагорья. Араратская равнина издревле была центром экономической, политической и культурной жизни армянского народа. Здесь находились столицы древней Армении – Армавир, Ервандашат, Арташат, Вагаршапат, Двин, а в наши дни – Ереван. На запад и северо-запад от подножия Арагаца расстилается плодородная Ширакская равнина, где находилась столица средневековой Армении – Ани (Армения. 1968. С. 21–23; Физическая география..., 1971. С. 31–34; *Бальян*, 1969. С. 14–20; История..., 1971. С. 12–25; *Габриелян*, 2000. С. 77–125).

В формировании климата имеют большое значение солнечная радиация, воздушные массы и их циркуляция, рельеф, окружающие моря и др. Армянское нагорье расположено в континентальном секторе субтропического климатического пояса и несет все его черты. Климат континентальный, суровый, с продолжительной и холодной зимой, не везде столь сухой, как во

Гора Хуступ (Сюник)
Из кн.: *Габриелян Гр.* Армян-
ское нагорье

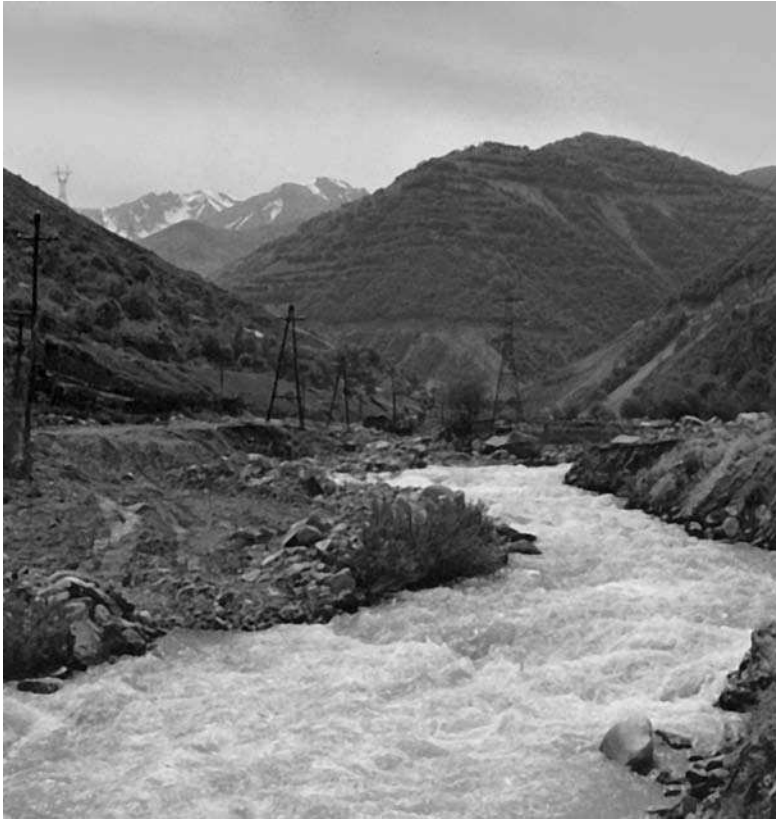
Гора Арагац с севера
Из кн.: *Габриелян Гр.* Армян-
ское нагорье

внутренних частях Малой Азии. Зима длительная, в горах морозная, на севере и западе – снежная. Зимой над Армянским нагорьем устанавливаются антициклональные условия. В окраинных горах и на западе выпадает много снега. В формировании климата сказывается, с одной стороны, удаленность от больших водных бассейнов, с другой – значительная абсолютная высота и большая, чем в Малой Азии, расчлененность рельефа. Весна короткая, дождливая, поздняя, лето сухое. Средняя температура июля 15–20 °С, во впадинах до 25 °С, абсолютные максимумы до 45 °С. Осень теплее и продолжительнее весны. В летнее время сильная жара бывает в замкнутых котловинах (от 24 до 30 °С); на склонах гор и открытых плато лето умеренно теплое или прохладное (средняя температура не более 20 °С). Средняя температура января на Черноморском побережье 4–6°, во внутренних котловинах от –3 до –7°, абсолютный минимум –46°. В наиболее высоких частях гор в течение всего года господствует отрицательная температура, вершины покрыты шапками снега и льда. Снеговая граница проходит на высоте около 4200–4300 м (*Габриелян, 2000. С. 127–130, 134–138; История.., 1971. С. 41–43*).

Атмосферные осадки распределены крайне неравномерно. Наибольшее количество выпадает на северных склонах Понтийского хребта – до 3000–4000 мм в год. Осадков в горах 300–800 мм в год, во впадинах 150–300 мм. Минимум осадков бывает зимой (влияние местного антициклона), максимум – весной. Значительное количество осадков (до 1000 мм и более) выпадает на внешних склонах горных хребтов и на склонах отдельно стоящих вулканов. В котловинах количество осадков резко снижается, особенно в восточной части нагорья. Во внутренних районах запада – 500–750 мм, на востоке – 300–500 мм. Максимум осадков почти во всех районах приходится на весну и начало лета, в зимнее время осадков мало. Только на западе зимние и весенние осадки резко преобладают над летними. Гораздо более благоприятные климатические условия, особенно зимой, характерны для низменностей Рионо-Куриной депрессии, которая защищена от проникновения холодных воздушных масс горными барьерами и испытывает смягчающее влияние прилегающих морских акваторий. Количество осадков в Куро-Араксинской низменности, изолированной от влагонесущих воздушных потоков, достигает всего 400 мм в год (*Габриелян, 2000. С. 139–148*).

Реки Армянского нагорья принадлежат к бассейнам Черного, Каспийского морей и Персидского залива, а также двум бессточным бассейнам: Ванскому и Урмийскому. В пределах Армянского нагорья находятся истоки Евфрата, Тигра, Куры, Аракса и многих других горных рек, которые несудоходны, но с большими запасами гидроэнергии.

Озера Ван и Урмия (Резайе) не имеют оттока и потому солоноводны, озеро Севан дренируется к Араксу через реку Раздан. Максимум расхода на реках весенне-летний. Много родников и минеральных источников. Общая длина речной сети 170–180 тыс. км. Характер их течения типично горный, колебания уровня резки. Питание рек смешанное: снеговое, дождевое и подземное, поэтому основной максимум приходится на конец весны. В вулканических районах преобладает подземное питание, в складчато-глыбовых районах – снеговое и дождевое. Озера Армянского нагорья располагаются на значительной абсолютной высоте. Самое большое и судоходное – Урмия- находится в пределах Ирана на высоте около 1300 м над уровнем моря,

Верховья долины реки Евфрата
Из кн.: *Габриелян Гр.* Армянское нагорье

в наиболее обширной из котловин нагорья. Площадь озера 5800 кв. км. Не имея стока в океан, озеро Урмия – меняет свой уровень и очертания в течение года в зависимости от выпадающих осадков. Соленость воды достигает 220–230 промилле. Второй крупный озерный бассейн нагорья – бессточное озеро Ван (в пределах Турции), значительно менее соленое – около 20 промилле. Площадь его – 3764 кв. км, оно располагается на высоте более 1700.

В северной части нагорья в пределах Республики Армения на высоте более 1900 м расположено пресное озеро Севан с площадью 1416 кв. км до искусственного понижения его уровня. Начиная с 1930-х годов воды озера использовались в хозяйственных целях, поэтому его уровень был понижен на 19 м, в результате площадь зеркала составляла 1250 кв. км. Понижение уровня Севана вызывало большую обеспокоенность за его судьбу и состояние окружающей природной среды. С целью недопущения падения уровня поверхности озера Севан и для его поднятия было решено переместить часть вод реки Арпа по туннельному водостоку в Севан. За 16 лет был построен 49-километровый туннель (в 1981 г. был сдан в эксплуатацию), по которому в Севан ежегодно поступает 200–250 млн кубометров пресной воды. Строится также туннель Воротан-Севан (160–200 млн кубометров в год), в результате

водный баланс Севана станет положительным. Сегодня уровень воды превышает 1899 м, что было зарегистрировано в 1965 г. Уровень поверхности Севана планируется довести в 2031 г. до 1903,5 м, в результате чего урегулируется тепловой и кислородный режим воды, увеличатся ее запасы, что даст возможность использовать определенное количество для хозяйственных нужд, не нарушая экосистемы озера Севан.

Кроме этих трех больших озер, на нагорье имеется множество небольших горных пресноводных озер (Арпа, Арчак, Гайлату, Цовк и др.).

Нагорье известно разнообразными лечебными минеральными водами: горячими источниками *джермук* и кислыми водами (История..., 1971. С. 25–35; *Габриелян*, 2000. С. 172–182, 202; Национальный атлас..., 2007. С. 92).

Одна из особенностей почвенного покрова – пестрота его различий в условиях высотной поясности. Почвы встречаются от светло-каштановых и бурых до сероземов. Вдоль водотоков расположены полосы пойменных лугов, кустарники, поросли ивы и ольхи. В орошаемых частях – густонаселённые оазисы. На увлажнённых склонах гор в поясе 800–1400 м простираются горные степи на тёмно-каштановых почвах и чернозёмах; между 1000 и 2300 м на слабоподзоленных бурых лесных почвах встречаются леса (дуб, сосна), кустарниковые заросли. На менее увлажнённых склонах, на каменистых грунтах различных поясов широко распространены заросли низкорослых колючих подушковидных кустарников. На высоте 2–3 тыс. м располагаются участки горных лугов, выше 2700–3000 м преобладают скальные ландшафты. Вершины Большого Арарата, Сипана и Капутджуха покрыты вечным снегом и ледниками.

В пределах Армянского нагорья выделяются 8 почвенных высотных поясов: 1) влажно-субтропические почвы; 2) полупустынные почвы (бурые, сероземы, культурно-поливные); 3) солончаки-солоды; 4) каштановые; 5. Горные черноземы; 6) лесные почвы (бурые лесные, коричневые); 7) Субальпийские и альпийские почвы; 8) почвы речных пойм (Физическая география..., 1971. С. 34).

Как почвенный покров, так и растительный мир Армянского нагорья богат и разнообразен. Нагорье расположено на стыке нескольких областей растительного мира: на севере – Кавказской, на западе – Средиземноморской, на юго-востоке – Иранской. Спецификой богатого видового состава является высотная поясность. В пределах нагорья выделяются следующие типы растительности: влажный субтропический, пустынный, полупустынный, степной, ксерофитные редколесья, лесной тип, субальпийский и альпийский, культурная растительность. Большая часть Армянского нагорья лишена лесов. Почти совершенно безлесны плоские котловины с сухим, континентальным климатом, светло-каштановыми, бурыми или серо-коричневыми почвами, покрытыми степной или полупустынной растительностью. Вдоль речных долин имеются заросли кустарников или заливные луга, а у подножий гор, окружающих котловины, разбросаны оазисы, население которых выращивает хлопчатник, табак и другие культуры. Вокруг населенных пунктов много фруктовых садов. Оазисы выделяются в пределах котловин яркими зелеными пятнами. Леса из листопадных дубов и сосны характерны для увлажнённых наветренных склонов гор на высоте до 2000 м. Выше их сменяют заросли колючих кустарников и можжевельника, чередующиеся с каменистыми

обнаженными участками. Сухие субтропические редколесья из фисташника и других ксерофитов на коричневых почвах, полынно-солончаковые полупустыни на серо-коричневых почвах и солончаках характерны для Куро-Араксинской низменности, а также примыкающих к ней с запада наклонных равнин. Впадины заняты сухими степями и горными полупустынями (История..., 1971. С. 45–48; *Габриелян*, 2000. С. 232–245).

Весьма разнообразен животный мир Армянского нагорья. Здесь встречаются кавказский, ирано-армянский, малоазиатский округа входящие в голарктическую область. Число видов превышает 17 тыс., из них позвоночных – около 500, млекопитающих – 90, птиц – 360, беспозвоночных – 1 тыс., одних только насекомых более 10 тыс. Многочисленны пресмыкающиеся (гюрза, степной удав, черепахи, ящерицы) и ядовитые членистоногие (фаланги, тарантулы, скорпионы). Наряду с крупными животными, такими, как антилопа джейран, лисица и другие, здесь обитает самый маленький представитель класса млекопитающих – белозубка-малютка (*Suncus etruscus*) из семейства землероек. В животном мире Армянского нагорья сочетаются кавказские и иранские черты. Особенно много грызунов и пресмыкающихся. Из крупных животных заслуживают упоминания медведь, безоаровый козел, муфлон, косуля, барс, гиена. Различаются полупустынные, приречные, горностепные, горнолесные и высокогорные комплексы (История..., 1971. С. 49–50; *Габриелян*, 2000. С. 247–254).

Армянское нагорье богато полезными ископаемыми. Из металлических выделяются: железо, медь, хромиты, молибден, полиметаллы, золото, серебро, из неметаллических – каменный уголь, проявления нефти и газа, поваренная соль, гипс, сера, диатомит. Стройматериалы имеют вулканическое происхождение, встречаются базальты и андезитобазальты, туф, перлиты, известняки, травертин, мрамор, глина и минеральные источники. Нагорье богато рекреационными ресурсами (История..., 1971. С. 51–55).

ЗЕМЛЕДЕЛИЕ И ОБРАБОТКА ЗЕРНОВЫХ КУЛЬТУР

Земледелие. Археологические, палеоботанические, письменные материалы доказывают, что на территории Армянского нагорья земледелие, имея древнейшую традицию, развивалось непрерывно. На территории Евразии рассматриваются четыре самостоятельных центра возникновения земледельческой культуры. Один из них – переднеазиатский (включая территорию Армянского нагорья), который стимулировал формирование таких мощных государственных образований, как Шумер, Аккад, Урарту (*Купцов*, 1971. С. 73).

Для возникновения земледельческой культуры важное значение имело отсутствие ледников либо их ограниченное влияние, благоприятные климатические условия, богатый растительный мир, наличие таких видов животных, которые подлежали domestikации (*Жуковский*, 1964. С. 18). Одной из уникальных особенностей земельного фонда Армянского нагорья является его многообразие, связанное с вертикальной зональностью и рельефом. На Армянском нагорье имеется ряд низменных территорий и долин, обладающих благоприятными природными условиями и плодородной почвой, что способствовало интенсивному развитию земледелия еще с древнейших

времен, о чем свидетельствуют археологические материалы. При раскопках неолитического памятника Араташен в Араратской долине (VII–VI тыс. до н.э.) найдены пшеница (*Triticum dicocum*), ячмень (*Hordeum vulgare subsp. Vulgare convar coeleste*), чечевица съедобная (*Lens culinaris subsp. mikrosperma*), чечевица французская (*Vicia ervilla*) и остатки других видов растений (Овсепян, 2005. С. 51–53).

На Армянском нагорье выделяются три основные зоны сельскохозяйственной деятельности: хлебопашество – в предгорной зоне, скотоводство – главным образом в горной полосе, садоводство, виноградарство, хлопководство и другие технические культуры – в низменной полосе.

Исходя из специфики природно-климатических условий и особенностей рельефа местности, развитие земледелия было невозможно без искусственного орошения. Древнейшие сооружения оросительной системы восходят к V–IV тыс. до н.э. В предгорной зоне Арагаца и других горных массивов сооружались дамбы для сбора воды, используемой для оросительных целей. О ее значении свидетельствуют каменные изваяния – *višar*, связанные с культом воды, установленные в Гегамских, Зангезурских, Варденисских горах, на Арагаце и других местах у истоков высокогорных источников (Арутюнян, Калантарян, 2005. С. 20, 21).

Техника устройства ирригационных каналов достигла высокого уровня в Ванском царстве в I тыс. до н.э. Особо известен канал протяженностью свыше 70 км, построенный урартским царем Менуа. По этому каналу, который существует до сих пор и в народе известен как «канал легендарной царицы Шамирам», вода подводилась к столице Ванского царства – городу Тушпа. Орошение имело первостепенное значение в традиционном хозяйственном быту армян во все времена. Не случайно, в низменной жаркой полосе понятие земли в народе понималось именно как поливная земля. Право на пользование водой, выработанное обычным правом, позднее строго устанавливалось уездной администрацией в соответствии с численностью населения каждого села и наличием в нем земельного фонда. Очередность и количество

Вишар. Арагац. III–II тыс. до н.э.

Фото из личного архива У. Мелконяна

использования оросительной воды контролировали избранные общиной специальные лица *мирабы*.

Высокого уровня организация системы орошения достигла в Араратской долине и Нахичеване. В Араратской долине «воды р. Касах были разделены на две части; половина принадлежала Эчмиадзинскому монастырскому хозяйству, другая – 20 селениям Эчмиадзинского уезда. Из-за нехватки поливной воды обрабатывали только $\frac{1}{4}$ земли» (*Мелик-Шахназарянц*, 1908. С. 4, 5). Вся вода реки Нахичеван в 1865 г., согласно установленным правилам, была поделена на пять частей, две из них орошали селения левой стороны, три – селения правой (*Никифоров*, 1885. С. 544). Меров воды при распределении служила «лопатка», равная 30 л в секунду, в некоторых местностях – «большая лопатка», а также «мельница» объемом воды 4–6 «лопатонок». Так, селу Ошакан для орошения виноградников, садов, хлопчатников и прочее от реки Касах по оросительному каналу отводилась вода объемом в 16 «лопатонок». Согласно обычаю, этой водой пользовались попеременно по восемь дней жители Ошакана и находящихся ниже по течению реки селений (*Хан-Азов*, 1886. С. 45).

В 20-х годах XX в. в Армении было около 140 тыс. десятин поливных земель (Закавказье. 1925. С. 161). Не случайно в народе говорили: «Без оросительной воды земля, как тело без души» (*Хан-Азов*, 1886. С. 82).

Земледелие было ведущим направлением хозяйственной деятельности армян, при этом главным было хлебопашество. Это подтверждают статистические данные о поголовье крупного рогатого скота, свидетельствующие о его значении в хозяйстве и превалировании тяглого скота над молочным. В 1913 г. в Восточной Армении насчитывалось 294,7 тыс. волов и буйволов и 267,9 тыс. коров и буйволиц (Народное хозяйство Армянской ССР., 1927. С. 6). Пашни составляли в Армении 97,7% всей обрабатываемой земли (*Худадов*, 1926. С. 77). Армяне выращивали пшеницу, полбу, ячмень, рожь, хлопок, кунжут, лен, рис, клешевину и другие культуры, примерно с начала XIX в. возделывали кукурузу. В низменной и предгорных зонах выращивали преимущественно озимые, в горных – яровые, поскольку, как показывал опыт, в горах озимые больше страдали от холодной и часто малоснежной зимы. Из злаков первостепенное место занимала пшеница. Самой лучшей считались егвардская, ширакская, каринская и другие сорта. В низменной зоне ее поливали 5–7 раз: дважды осенью, 3–4 раза – до снятия урожая.

Особое внимание уделялось качеству семян: они должны были быть свежие (предпочтительно урожая текущего года), крупные, тяжелые. «После уборки и перемола хлебов лучшее зерно тотчас же откладывают для семян: если оно предназначается к предстоящему вскоре озимому посеву, то временно хранится в мешках, если же к яровому – то в вырытых в земле ямах. При покупке качество и годность семян узнаются по виду, по цвету и по аромату зерен, причем хорошие семена, будучи опущены в воду, быстро тонут» (*Арасханянц*, 1887. С. 62).

Наряду с пшеницей, почти каждое хозяйство сеяло и ячмень. Требуя почти тех же трудовых затрат, но значительно уступая пшенице в цене, ячмень нередко выращивался также на корм домашнему скоту. В высокогорных районах, где не вызревала пшеница, а также на слабых почвах (преимущественно предгорной полосы) он был незаменимым злаком.

В тех случаях, когда крестьяне были более или менее обеспечены землей, поле оставляли под паром после каждых трех лет посева. После снятия урожая пшеницы или ячменя с участка, бывшего под паром, он тем же летом распахивался и оставлялся до следующей весны, когда его вторично распахивали и засевали.

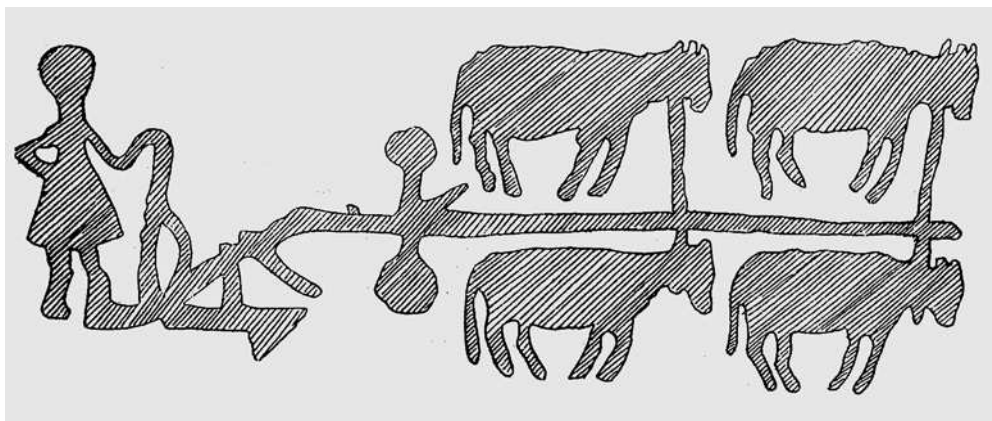
Единицей измерения пахотной и посевной площади считался *xalvar* (30 пудов), *somar* (3 пуда) и др. Величина различалась в низменных и горных регионах: в первом случае *xalvar* равнялся 2, 25 га (5000 кв. саженей), в втором – 3, 85 га (8932 кв. саженей) (Хан-Агов, 1886. С. 19, 20).

Начало сельскохозяйственных работ знаменовалось празднествами и ритуалами. «В следующий за Вознесением четверг у армян происходит необычайное торжество, именуемое “праздником пахарей”: 9-го мая 1885 г. я присутствовал на таком празднике в селе Кульпы (ныне с. Кохб в Тавуше. – *Авт.*)... В старинной часовне совершалось богослужение, на которое стеклись преимущественно старики и женщины. По окончании литургии отсюда выступил крестный ход к большой ореховой роще, где под тенью каждого дерева группировались кружками все соучастники и работники каждого снаряженного плуга отдельно. Всех групп было 44, что выражало число плугов, готовых выйти в поле. Каждая группа пахарей, по существу у армян обычаю, совершила жертвоприношение, зарезав здесь барана. Всюду были устроены импровизированные кухни. Когда крестный ход кончился, то под тенью ореховых деревьев накрыт был один общий стол на несколько сот душ. Сами пахари прислуживали и обильно угощали всех вином. По окончании обеда духовенство благословило жертвоприношение пахарей и предстоящую им полевую работу. Раздались песни, заиграла зурна и устроились пляски. На следующий день после праздника, с утра стали выступать из селения плуги. Начало пахоты знаменовалось молитвой, после чего, взявшись за рукоятку плуга, пахарь начинает протяжную песню»оровел»: погонщики подхватывают ее дружным хором» (Ерицов, 1886. С. 162). Сложившаяся на протяжении веков традиционная песня пахаря или плужная песней *horovel*, составляя неотъемлемую часть земледельческой обрядности армян, сопровождала весь этот трудоемкий процесс (Пикичян, 2002. С. 441–461).

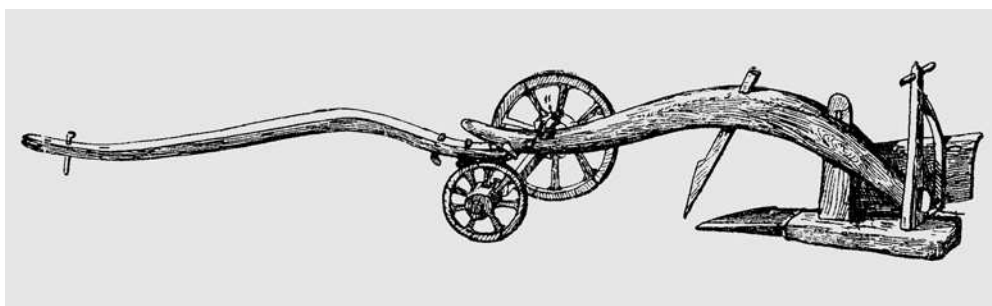
Основными пахотными орудиями были плуг – *gut'an* и соха – *aror*, *vec'ki*. Традиционный деревянный громоздкий гутан с резалом и широким лемехом в разговорной речи был известен как «армянский плуг».

Плугом управлял пахарь – *mač'kal* и 5–6 погонщиков – *hotał*. Пахарем и старшим погонщиком, как правило, были опытные, женатые, здоровые, физически сильные мужчины.

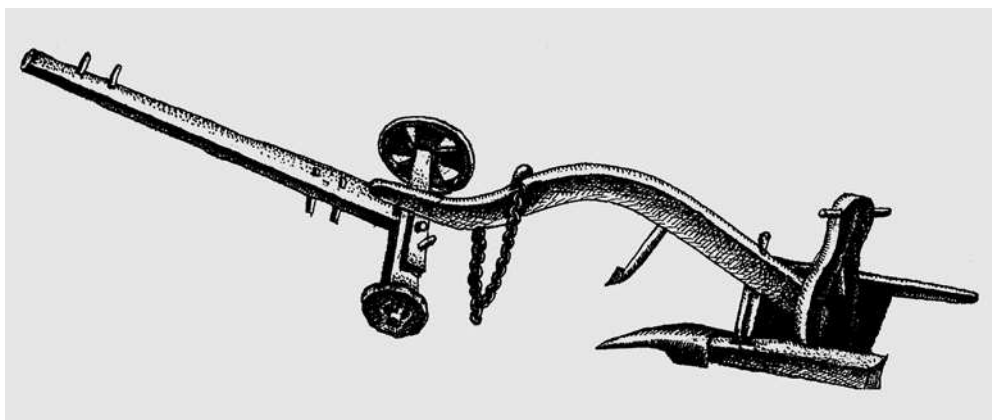
Остальные погонщики – молодежь, чаще всего мальчики (Каранетян, 1958. С. 83, 84). В плуг впрягалось 8–12 пар волов и буйволов. В первую пару впрягали волов как более поворотливых и послушных животных, во вторую для тяги – буйволов, в третью – волов, в четверную – буйволов и т.д. Из 10 пар полагалось, по крайней мере, 3 пары буйволов (Бдоян, 1972. С. 170). Гутан пахал на глубину примерно 30 см (5–6 вершков) при ширине до 0,5 м (10–12 вершков). Из-за малоземелья одна и та же пашня засеивалась несколько лет подряд и тем самым доводилась до полного истощения (Ерицов, 1886. С. 157, 158). В день гутан работал 10–11 часов.

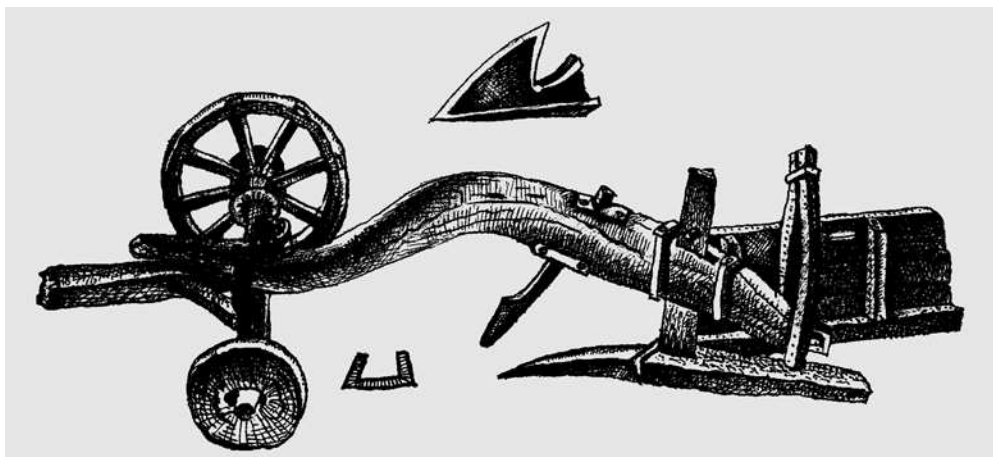
Изображение плуга на надгробном камне в селе Хндзореск (Сюник). 1875 г.
Архив ИАЭ. Фонд В. Бдяна. Папка 2

Плуг. Высокая Армения
Архив ИАЭ. Фонд В. Бдяна. Папка 2

Плуг. Ширак.
Архив ИАЭ. Фонд В. Бдяна. Папка 2

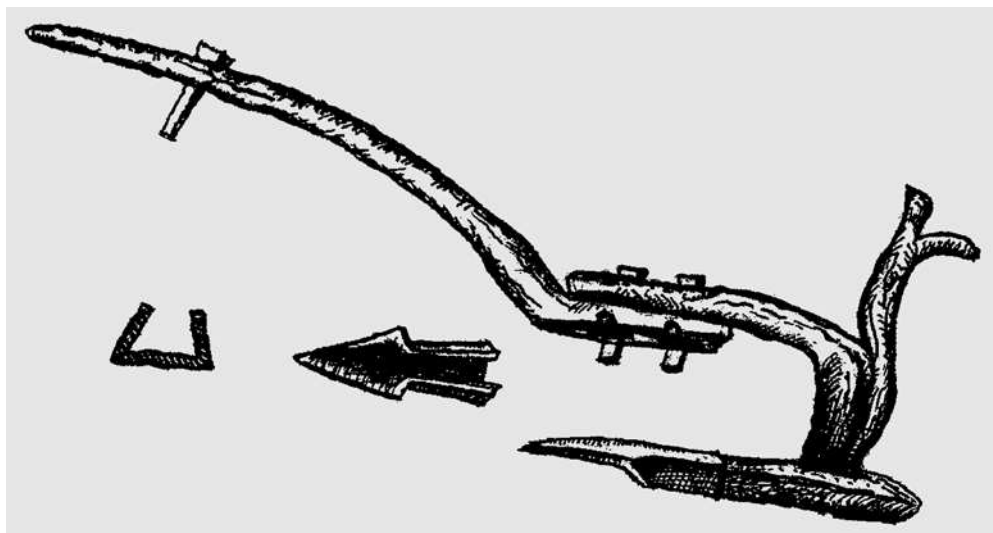
Плуг. Лори
Архив ИАЭ. Фонд В. Бдяна. Папка 2

Пахота плугом. Тавуш, 1938 г.
Архив ИАЭ. Папка 10

На ночь работники располагались спать на открытом воздухе, иногда прямо на борозде. Укомплектованный плуг мог вспахать в день в среднем 1600 кв. саж. или $2/3$ казенной десятины (примерно 0,35 га. – *Авт.*) Такая площадь носит название *oravar* (пахота за 1 день). На практике плуг пахал меньше, так как редко встречались цельные участки величиною $2/3$ дес., притом в одном месте (*Ерицов. С. 163*).

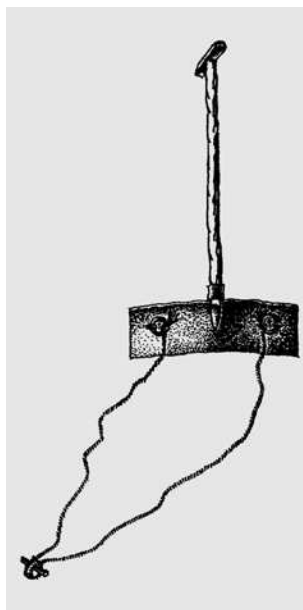
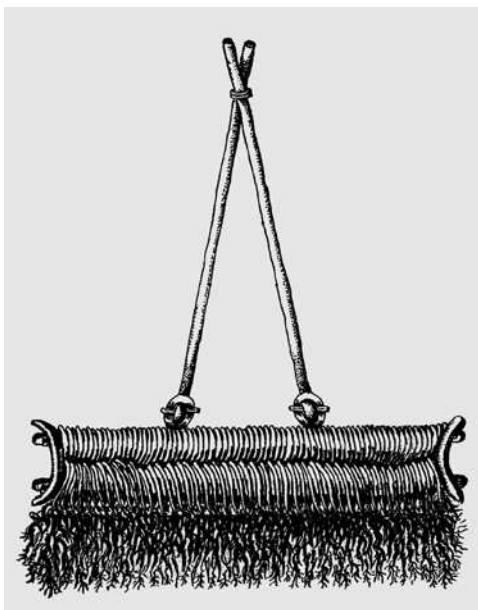
Землю вспахивали также деревянной сохой – *aror*, представляющей собой видоизмененную первобытную мотыгу. В некоторых районах это был

Традиционная соха. Сюник, Гехаркуник, Джавахк
Архив ИАЭ. Фонд В. Бдояна. Папка 2

Перекапывание земли при помощи инструмента *лехтр* у амшенских армян, село
Цебельда (Абхазия)
Архив ИАЭ. Папка 22

Борона. Лори, Тавуш. Экспедиция 1971 г.
Архив ИАЭ. Папка 30

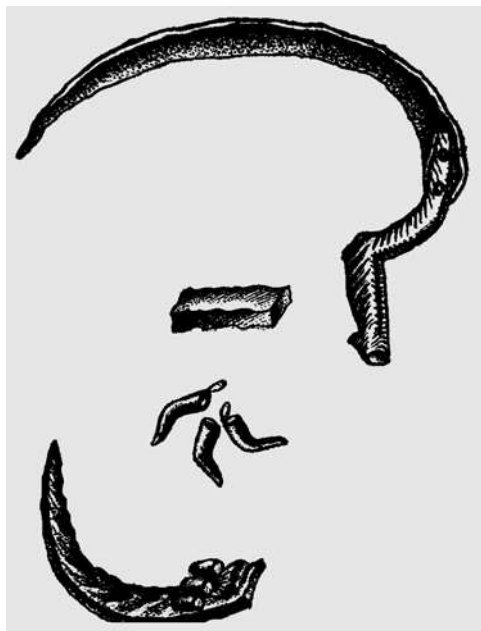
Орудие для проведения борозды. Арарат, Армавир
Архив ИАЭ. Фонд В. Бдояна. Папка 2

ствол дерева с толстым и сравнительно коротким суком, на который надевался железный лемех.

В *арор* впрягали одну-три пары буйволов или волов. Этим легким орудием вспахивали также те участки, с которых только что был снят урожай или же небольшие участки, где невозможно было развернуться тяжелому плугу.

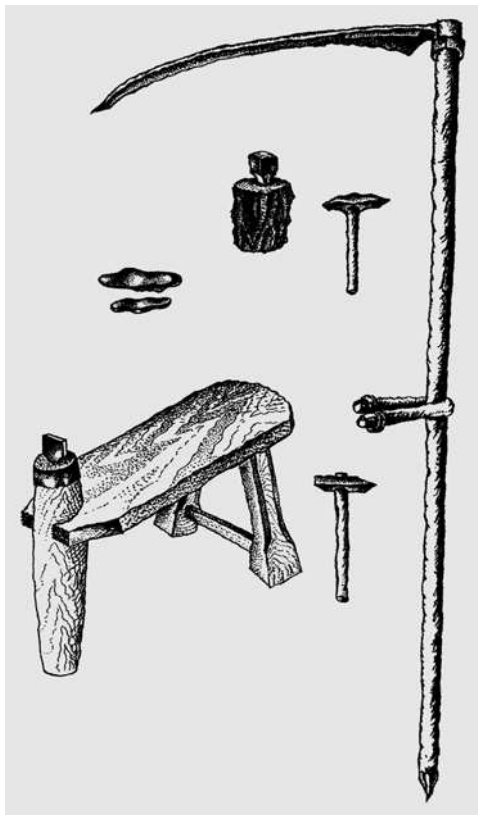
На небольших участках на склонах гор, в садах и прочее землю копали лопатой, мотыгой; амшенские армяне в Трапезундском вилайете на тяжелых, сильно увлажненных почвах копали (отворачивая землю) при помощи специального инструмента *lextr*, который они привезли с собой после переселения в Абхазию и на юг России (Краснодарский край).

Вспаханное поле засеивал старший по возрасту, женатый и имеющий потомство мужчина. Эта ответственная и почетная функция сеятеля – *sermac'an* по обычаю принадлежала главе семьи – *тантеру*. Право это было традиционным, и только в случае его полной недееспособности (дряхлости, болезни) или смерти оно предоставлялось следующему за ним по старшинству женатому мужчине – его брату или старшему сыну. Нередко посев поля стариком принимал чисто символическую форму: он бросал в землю одну или несколько горстей земли, олицетворяя тем самым свое древнее традиционное право и обеспечивая этим магию плодородия. При этом каждая горсть имела свое предназначение и «посвящалась» неимущим, прохожим, а также птицам, мышам и т.д., в чем можно видеть отголоски первоначального жертвоприношения. «Забрав в левый подол чухи 10–12 фунтов пшеницы, он ровным шагом

Разновидности серпов

Архив ИАЭ. Фонд В. Бдяна. Папка 2

Коса и предметы для ее заточки

Архив ИАЭ. Фонд В. Бдяна. Папка 2

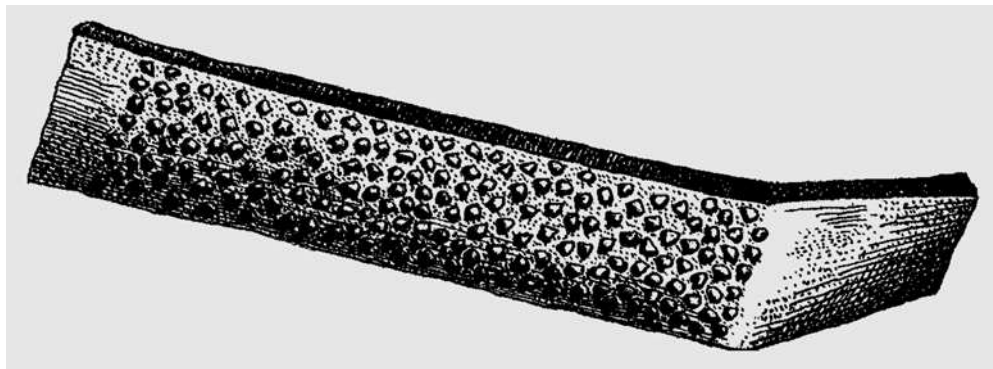
двигался вперед и разбрасывал правой рукой захваченное в горсть зерно с таким расчетом, чтобы семена легли равномерно» (Ерицов. С. 166). Интересно, что этот обычай в подобной символической форме продолжал существовать еще в начале XX в. (Варданян, 1981. С. 131). Всё же поле засевали следующие по старшинству за хозяином дома опытные мужчины семьи. Для боронования применялся *таран* или *с'акан* – борона в виде широкой метлы или деревянного бруса, впряженные в пару волов (Бдян, 1972. С. 269). После боронования на поливных пашнях в низменной зоне (Арагатская долина, Нахичеван) при помощи специального орудия *-markos* проводили оросительные каналы по всей длине пашни для дальнейшего полива.

Уборка хлебов производилась во всем Закавказском крае, в том числе и у армян, в основном при помощи серпов – *mangal* с гладким лезвием, реже (в Мегринском и Сисианском участках) – пильчатых серпов.

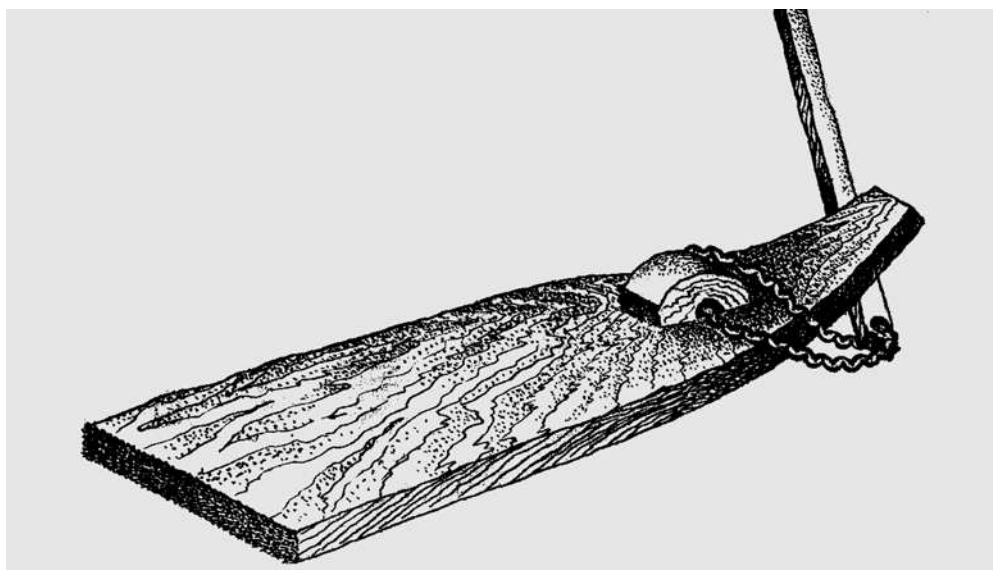
Чтобы захватить больше колосьев, употребляли длинные наперстки – *matnoc*, надеваемые либо отдельно на каждый палец (кроме большого), либо собранные вместе как бы полурукавицей, на удлиненный вперед остроконечной деревянной тонкой основе.

Косы (*gerandi*) употреблялись реже, большей частью для косьбы трав.

Женщины не принимали участия ни при вспашке, севе или жатве: их работа начиналась после доставки урожая на ток.

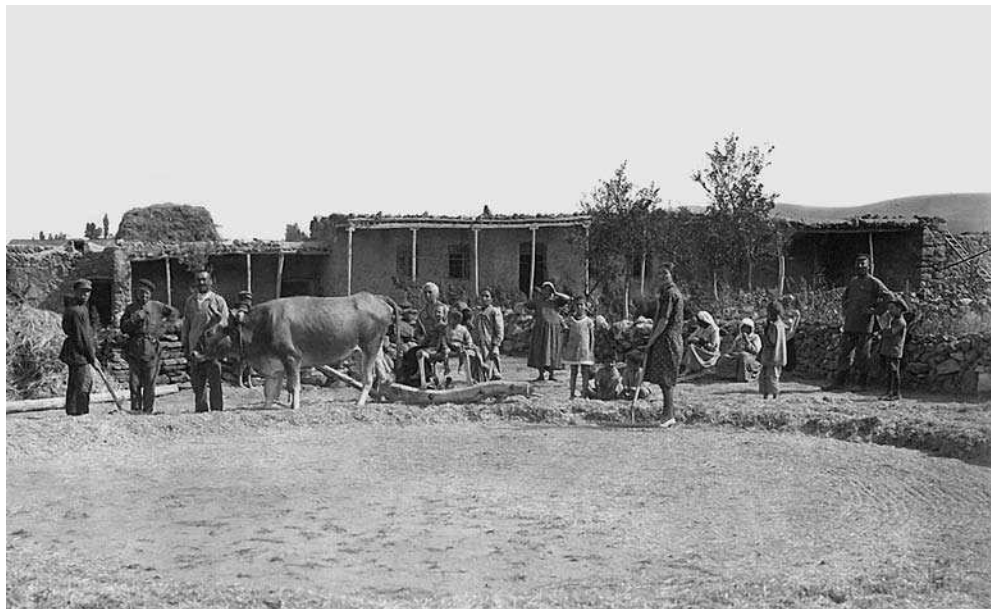
Молотильная доска. Ширак
Архив ИАЭ. Фонд В. Бдяна. Папка 2

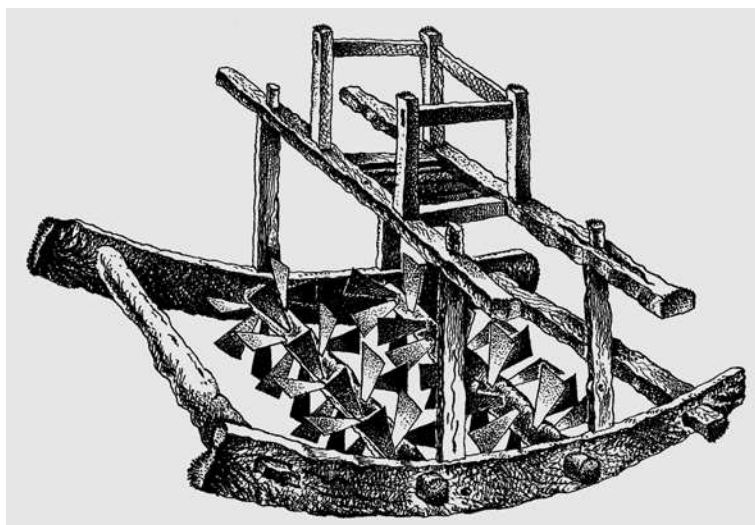
Молотильная доска. Джавахк.
Архив ИАЭ. Фонд В. Бдяна. Папка 2

«У армян, как уборка хлеба, так и перевозка его, основаны на расчете, единицей которого служит так называемый “пенджек”, который равняется однодневной добросовестной работе жнеца и состоит из 30 снопов. Однодневное пахание дает 6 пенджеков или 180 снопов, а казенная десятина – 9 пенджеков или 270 снопов. Следовательно, уборка хлеба с 1 дес. требует в день 9 рабочих или 9 дней для одного рабочего» (Ерицов, 1886. С. 170). Снопы доставлялись на ток на специальных арбах, а также на вьючных животных: мулах, ослах, иногда – на лошадях.

Ток – *kal* располагался прямо в селе рядом с домом или на окраине, на ветреной стороне села. Зерно молотили на току при помощи тяжелой де-

Обмолот зерна
в селе Арзни
(Котайк). 1928 г.
Архив ИАЭ. Папка 5

Разновидность
молотильной
доски *джерджар*.
Котайк. 1939 г.
Архив ИАЭ.
Папка 10

ревянной доски – *кат* из твердых пород дерева (дуба), нижняя часть которой была усеяна острыми кремневыми камнями, позже – и железными кусками.

Кам впрягали пару волов, на нем стоял погонщик, для утяжеления сажали детей; молотили до тех пор, пока солома не превращалась в мелкий саман (Бдоян, 1972. С. 402). Для молотбы урожая с 1 дес. (270 снопов) была необходима 9-дневная работа одной молотильной доски и паре быков и 2 рабочих (Ерицов, 1886. С. 171).

В отдельных районах Араратской долины и в Вайоц-дзоре использовали также молотильное устройство *jarjar*; привнесенное армянскими переселен-

цами из Персии в 1830 г. Оно было распространено также в Васпуракане, Туруберане и других регионах Западной Армении.

Рядом с током располагался саманник – *marag* где хранился корм для скотины.

Зерновой хлеб находился в деревянных амбарах в хозяйственной части дома или в специально выкопанных ямах во дворе, которые выкладывали соломой. Если хлеб был высушен в надлежащей степени, он сохранялся в яме без порчи до 3 лет (*Деконский*, 1885. С. 683).

В условиях вертикальной зональности и малоземелья армяне издревле практиковали и террасное земледелие. В соответствии с рельефом местности оно имело два основных направления: одно, распространенное в предгорьях, было связано с хлебопашеством, другое – с садоводством и виноградарством. Наиболее четкое выражение террасное хлебопашество получило в Горисском районе (Сюник), где склоны гор в результате многовековой обработки имели вид классических террас. Другое направление было более развито в садоводческой зоне в Вайоц-дзоре, Лори, Тавуше, Васпуракане и др. На прибрежных склонах рек и ручьев из камня выкладывались террасы, где обычно разводили виноградники и фруктовые сады; остатки средневековых террас до сих пор еще сохранились в Вайоц-дзоре, Лори и некоторых других местах.

Наряду с хлебопашеством, армяне занимались возделыванием и других культур.

Среди них важное место принадлежало хлопководству, которое обеспечивало не только собственные нужды крестьянства. Из отраслей сельского хозяйства оно раньше всех было втянуто в сферу капиталистического производства. В конце XIX в. выращиванием хлопчатника с целью промышленного производства занимались в Вайоц-дзоре, Эчмиадзинском, Ереванском, Сурмалинском и Нахичеванском уездах Ереванской губернии. Главным центром хлопководства являлась приараксская низменность, которая при достатке поливной воды в 60-х годах XIX в. давала до 600 тыс. пудов волокна (*Хатисов*, 1888. С. 279). Во время гражданской войны в США 1861–1865 гг., когда вывоз хлопка из этой страны в Европу сократился, площадь посевов хлопчатника значительно возросла в Закавказье, в том числе и в Армении. В последующие годы хлопководство в Закавказье быстро развивалось, особенно в 1910 г. в связи с повышением цен на сырье. При этом наблюдалось сокращение площадей зерновых хлебов (Закавказье..., 1925. С. 229). Быстрый рост его товарной продукции был обусловлен большим спросом на хлопок со стороны развивающейся русской текстильной промышленности. Сбор хлопка в Ереванской губернии в 1911 г. достиг 670 тыс. пудов против 30 тыс. пудов в 1861 г. и 500 тыс. пудов в 1889 г. (*Туманян*, 1954. С. 158). Хлопководство считалось самой доходной отраслью хозяйства, так как не было проблем с его реализацией. Хлопок выращивали в селах, находящихся на высоте до 1000 м, в отдельных случаях (Вайоц-дзор) – до 1200 м. Были распространены два вида хлопка: местный и американский, который начал распространяться с 1870-х годов. Несмотря на то, что в Араратской долине хлопок выращивали издревле, местные сорта по качеству уступали американским (*Хан-Агов*, 1886. С. 87).

Рис выращивали в низменных районах, где было достаточно оросительной воды. В маловодных районах мирскими приговорами запрещалось раз-

ведение этой культуры, поскольку полив риса требует в 10–12 раз больше воды, чем пшеницы. Рис сеяли в начале мая, собирали в сентябре – первой половине октября. На одном и том же месте сначала два года подряд сеяли рис, затем пшеницу. На 1 дес. высевалось в среднем 7,5 пудов семян, которые давали урожай около 260 пудов. Обмолот риса осуществлялся при помощи крупного рогатого скота (*Хан-Агов*, 1886. С. 90, 91).

В середине XIX в. армяне начали выращивать картофель, который привезли в Армению русские переселенцы, первоначально обосновавшиеся в Лори и Тавуше. Сначала армяне сажали его в огородах и употребляли в пищу в постные дни (*Вермишев*, 1888. С. 219, 220). Имеются также свидетельства о том, что в Араратскую долину он был привезен вместе с бамией и мелиссой в начале XIX в. из Индии католикосом Епремом; незнакомая местному населению культура получила название «земляная груша Епрема» (*Тагадьян*, 1975. С. 64). В Западной Армении картофель распространился через Европу: там у армян он был известен под названием *бататес*.

В традиционном хозяйстве немаловажную роль играло огородничество. Оно было развито в основном в низменной и отчасти в средней полосе. Иногда после уборки урожая зерновых на том же месте сразу разбивали огороды. Разводили тыкву, огурцы, красный стручковый перец, горох, бобы, фасоль, чечевицу, лук, чеснок, морковь, свеклу и баклажаны. Из зелени встречались: сельдерей, кресс, латук, эстрагон, мята и др. Значительно меньшее распространение имели разные сорта капусты (белокачанной, цветной и др.), которую в основном выращивали для солений. Армяне возделывали также помидоры, однако еще в последней четверти XIX в. употребляли их в полурезлом виде для приготовления различных блюд и солений. Разводили также арбузы и разные сорта дынь (лучшей из которых считалась *дутма*, требующая большего ухода и прикрытия землей до полного созревания), имеющие и товарное значение. Большинство же продуктов огородничества обеспечивало потребности собственного хозяйства.

Одной из важнейших отраслей сельского хозяйства было садоводство. Возникновение его связывается с расчисткой площадей для хлебных культур, когда выкорчевывали леса, но щадили лучшие по качеству дикие груши, яблони и т.д., как, например, в Лорийском регионе Армении. Так было положено начало садоводству (*Вавилов*, 1960. С. 358). Садоводство было развито в основном в низменной и предгорной зоне в Васпуракане, Араратской долине, Нахичеване, Вайоц-дзоре, Карабахе (*Зелинский*, 1888. С. 102, 104). Для ограждения садов в Араратской долине использовалась в основном глина-сырец, в Сюнике – каменная кладка, а в лесных районах – колючие кустарники.

В Араратской долине, Нахичеване, низменных районах Сюника и Вайоц-дзора лучшие сорта абрикосов и персиков. Широкое распространение имели яблоки, груши, сливы, вишня, черешня, айва, тутовое и другие фруктовые деревья; некоторые из них и ныне встречаются в дикорастущем виде. В низменных частях Сюника (Мегри), Тавуша, Лори и Карабаха и других выращивали также инжир и гранат.

До 40-х годов XX в. Армения оставалась аграрной страной. В советский период развитие сельского хозяйства и прежде всего земледелия было обусловлено экономическим фактором; находясь в составе СССР, экономика республики развивалась в русле общих тенденций. В советское время, осо-

бенно в послевоенные годы, в Армении были реализованы крупные проекты по развитию сельского хозяйства. Это прежде всего оросительные каналы на реках Аракс, Раздан, Арпа, Касах и других, многочисленные насосные станции во всех регионах страны. Среди этих программ своей масштабностью и значением отличался Севанский проект. В 1930 г. было начато строительство каскада гидроэлектростанций Севан-Раздан. Были построены 6 гидроэлектростанций и 17 оросительных каналов: Арташатский, Нижне-Разданский, Норкский, Арзни-Шамирамский и другие каналы, воды которых орошали около 75 тыс. га земель Араратской долины, благодаря чему бурно развивалось виноградарство, садоводство и другие отрасли сельского хозяйства (Баграмян, 1971. С. 15).

Армянская ССР по степени использования земельных ресурсов занимала одно из первых мест среди других республик. Доля земель, находящихся в пользовании сельхозпредприятий и хозяйств (77%), здесь по сравнению с показателями по СССР в целом была больше в 1,8 раза. За период с 1940 по 1968 г. площадь обрабатываемой пашни с 601 тыс. га сократилась до 477 тыс., но доля многолетних насаждений увеличивалась, занимая второе место после пашни. С 1960-х годов шел процесс увеличения коллективных хозяйств путем их объединения, и начали создаваться советские хозяйства. В 1960 г. в Армении было всего 89 совхозов, а в 1988 г. – 529, в то же время число колхозов сократилось с 760 до 275. Среднее количество вовлеченных в совхозы рабочих составило 112 тыс. против 67 тыс. членов коллективных хозяйств.

Как и в предыдущий период, в 1970–80-х годах развитие земледелия в Армении было характерным для горных стран: размеры и раздробленность земельных угодий, обусловленные вертикальной зональностью, особенностями развития отдельных отраслей земледелия. Так, около 500 тыс. га пашни были разделены на 150 тыс. угодий, а средняя их величина составляла всего 3 га.

В Армении, за исключением 1950-х годов, непрерывно сокращался удельный вес зерновых: в 1988 г. он составил всего 29,5% против 78,4% в 1940 г. Большие колебания наблюдались в выращивании технических культур: с конца 1950-х годов удельный вес этой отрасли тоже сократился. Со второй половины XX в. в нескольких районах стали активно заниматься табаководством, возрос также удельный вес кормовых культур, а также виноградников и садов.

После распада СССР, политических и социально-экономических изменений в Армении, в условиях блокады и экономического кризиса, повлекшего за собой закрытие многочисленных предприятий, в том числе и по обработке сельскохозяйственной продукции, произошел спад в сельском хозяйстве, в том числе и в земледелии. Значительно сократились хлебопашество, садоводство, виноградарство, технические культуры.

В настоящее время в условиях развития рыночных отношений и оживления экономики наблюдаются тенденции развития и расширения ряда отраслей сельскохозяйственной деятельности. Это касается виноградарства, садоводства, овощеводства, табаководства. При четкой государственной политике это может иметь большие перспективы, поскольку высококачественная и экологически чистая сельскохозяйственная продукция Армении как в свежем,

так и в консервированном виде пользуется большим спросом не только внутри страны, но и на внешнем рынке.

Обработка зерновых культур. В армянском традиционном быту важное место занимала обработка зерновых культур для получения муки и различных круп.

Простейшие зернотерки известны на Армянском нагорье еще с VIII тыс. до н.э. В течение тысячелетий, пройдя длительный путь развития, они из плоских и челочнообразных зернотерок превратились во вращающиеся ручные жернова из твердых пород камня, главным образом из разновидностей гранита и базальта. Средний диаметр жерновов равнялся 40 см, толщина – 7–10 см. Они приводились в движение при помощи деревянной вертикальной ручки для вращения на краю верхнего жернова.

В конце XIX – начале XX в. подобные ручные жернова (*erkank*՝) имелись почти во всех армянских крестьянских домах. В одной из просторных комнат жилища пол выстлали безворсовым ковром *карпетом*, сверху покрывали чистой скатертью, на которую ставились ручные жернова. Зерно из мешка горстью высыпали в отверстие (диаметром 3–5 см) в середине верхнего жернова. Готовая мука равномерно высыпалась вокруг ручных жерновов на скатерть, откуда ее собирали в другой специальный мешок.

Ручные мельницы вращали, главным образом, две женщины, которым часто помогали подростки и юноши.

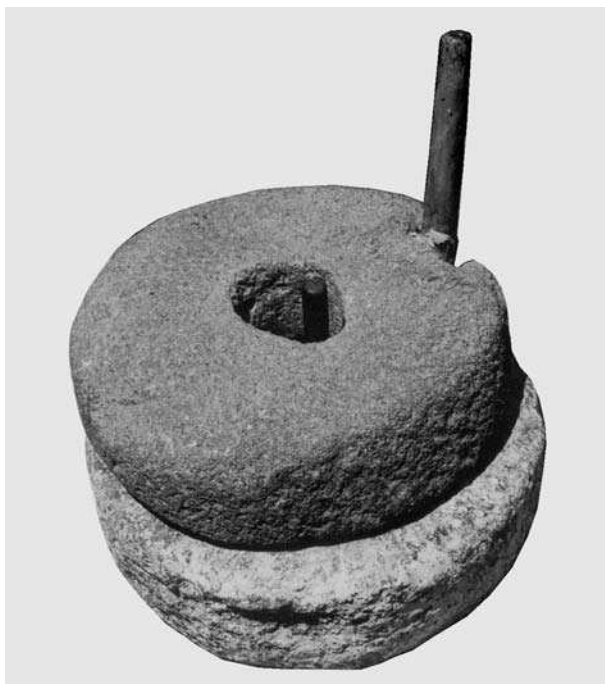
Часто, когда в этом процессе принимала участие молодежь, все это превращалось в веселое времяпровождение, сопровождавшееся песнями, поговорками и прибаутками. Угощением служили разнообразные плоды, напитки, сухофрукты и т.д.

На той же мельнице мололи различные крупы и соль. Несмотря на появление специализированных производственных сооружений (водяные мельницы, различные рушилки и т.д.), ручные мельницы сохранились в некоторых регионах вплоть до наших дней.

Мельниц, работающих силой тягловых животных или силой ветра, в Армении не было. Ветряная мельница у армян упоминается только в г. Шуши (Нагорный Карабах), где один из кварталов был известен под названием «Мельница ветра».

В средневековых письменных источниках и лапидарных надписях содержатся многочисленные свидетельства о водяных мельницах. В раннем Средневековье во всей Армении были распространены горизонтальные водяные мельницы турбинной системы, которые просуществовали вплоть до середины XX в.

В армянской мельнице турбинной системы большие жернова приводились в движение при помощи горизонтально расположенного под нею колеса, вращаемого силой воды, падающей на него сверху по длинным деревянным или каменным трубам (Народы Кавказа. 1962. С. 468). Металлический стержень вертикально устанавливался на неподвижном камне, расположенном в центре, под ним располагался маховик. Этот цилиндр высотой в 30 см и диаметром 40 см был сделан из древесины орешины или ивы. Снаружи на нем делались углубления, в которые закреплялись 16–24 деревянных крыльев, в зависимости от количества воды (*Геворкян*, 1972. С. 165).

Ручной жернов. Апаран.
Архив ИАЭ. Фонд В. Бдяна. Папка 3

Перемалывание зерна ручным жерновом. Апаран. Экспедиция. 1965 г.
Архив ИАЭ. Папка 20. Фото Г. Жамкочяна

Жернова водяной мельницы, село Шаумян (Азербайджан). Экспедиция. 1984 г.
Архив ИАЭ. Папка 51. Фото С. Амбарцумяна

О роли мельниц в традиционном быту армян свидетельствует тот факт, что в конце XIX в. только в Ереванской губернии их насчитывалось 2214 (Обзор Ереванской губернии за 1898 г. С. 8), а на всей территории Восточной Армении – более 3 тыс. В начале XX в. только в селе Спитак (Лори) на реках Чичхан и Ворднав было 19 водяных мельниц с 53 жерновами.

Водяные мельницы как прибыльные производственные сооружения строились на оживленных путях, но главным условием для выбора места было наличие необходимого количества воды. Обычно мельницы строились вереницей одна за другой по всему течению реки с целью эффективного использования водного ресурса. В редких случаях вереница мельниц строилась на крутых склонах и работала в каскадной системе, передавая воду сверху вниз.

Мельницами в основном владели частные лица, но были также и бесплатные общинные. Община на свои средства строила мельницу, рыла каналы, производила необходимый ремонт и т.д. (*Аладжян*, 1960. С. 838).

При достаточном количестве воды водяные мельницы работали круглый год. В маловодных местах мельницы запускались в ход водой из специальных резервуаров, как, например, монастырская мельница Кармир Ванк в селе Астапат (Нахичеван) или мельница в селе Ринд (Вайоц-дзор) (*Тагуадян*, 1975. С. 139) и др. Водяные мельницы обычно имели одну-две поставы, хотя в водообильных местах имелись также мельничные постройки с семью и даже

Каменные ступы, г. Эчмиадзин (ныне – Вагаршапат). Экспедиция. 1967
Архив ИАЭ. Папка 25. Фото Г. Эамкочяна

десятью поставами (*Халпахчян*, 1961. С. 58). Мельницы запускались в ход водой из реки, выпущенной по канавам со склонов возвышенностей. Протяженность этих канав могла достигать от нескольких десятков до 600 и более метров. Дно и стены их часто выкладывали камнями для придания им дополнительной прочности. С той же целью по обочинам канав высаживались деревья (ива или тополь). На равнинных местах, например в Араратской долине, для обеспечения давления вод создавались искусственные возвышенные полотна канав, называемые *лир* (*Аматуни*, 1912. С. 250).

Помол зерна производился следующим образом. Прямо над жерновом, на специальной деревянной конструкции на двух-четырех столбах закреплялась деревянная воронка, куда высыпалось зерно. Количество высыпаемого зерна из деревянного желоба регулировалось прикрепленной под воронкой

Деревянная ступа, село Мартуни (Гехаркуник). Экспедиция. 1978 г.
Архив ИАЭ. Папка 32. Фото С. Амбарцумяна

Шелушение зерна в каменной ступе, село Ноемберян (Тавуш). Экспедиция. 1961 г.
Архив ИАЭ. Папка 13. Фото Г. Жамкочяна

Разновидность ступы (работает по принципу водяной мельницы), село Неркин Геташен (Гехаркуник). Экспедиция. 1978 г.
Архив ИАЭ. Папка 32. Фото С. Амбарцумяна

специальной, свободно колеблющейся дощечкой – *чахчах*. Верхний жернов ограждали невысоким валом из специальных тесаных камней или досок с небольшим отверстием для муки, откуда она попадала в мучной ларь. Скорость вращения жерновов водяной мельницы зависела от силы давления воды, которая достигала до 100–200 оборотов в минуту. Крупные жернова могли промолоть в день до 500 кг зерна (*Халтахчьян*, 1961. С. 77).

У армян, как народа с древней земледельческой культурой было развито почитание злаков, урожая, хлеба в целом, что распространялось также на орудия обработки зерна и постройки, связанные с ним.

Мельник пользовался в селе особым уважением и почетом, он должен был быть человеком чистым на руку, добрым и общительным. Общаясь со многими людьми, он был информированной личностью в общине, знал множество рассказов и историй. Он отвечал за качество и количество муки, что регулировалось гражданским правом еще в Средние века. В случае порчи или утери зерна и муки мельник нес личную ответственность (*Мхитар Гош*, 1954. С. 224).

Наряду с перемалыванием зерна в муку, другим важным процессом было приготовление различных круп из злаков – полбы, ячменя и других, занимавших значительное место в рационе питания армян. Зерно традиционно перерабатывалось вручную в каменных или деревянных ступах (*sand, ding*).

Они помещались в хозяйственной части жилого комплекса или хозяйственных пристройках. Каменный или толстый деревянный пест подымали и опускали обеими руками либо приводили в движение ногами. Ими пользовались все члены общины бесплатно.

Крупы получали также при помощи рушилок, которые обычно строились вблизи от водяной мельницы и работали за счет вытекаемой из нее воды. Вертикальный жернов рушилки (диаметром в среднем 70 см), закрепленный на деревянной оси, вращался силой воды над горизонтально положенным вторым жерновом и, размалывая зерно, превращал его в крупу.

В основе традиционной системы питания армян лежали злаки и бобовые. Их переработкой и приготовлением пищи из них занимались исключительно женщины.

ВИНОГРАДАРСТВО И ВИНОДЕЛИЕ

Армянское нагорье является не только одним из очагов возникновения ряда культурных растений, в том числе винограда, но и древнейшей областью его возделывания и обработки (Туманян, 2008). В большом количестве дикий виноград встречается в западном Закавказье, Карабахе, в предгорьях долины Аракса (Вавилов, 1960. С. 349). Благоприятные природно-климатические условия Армении и наличие дикорастущего винограда обусловили значительное развитие этой культуры, в результате чего в различных поясах страны появилось около 500 аборигенных сортов, что позволяет считать Армению родиной винограда (Арутюнян, 2007. С. 12). Согласно библейскому преданию, первую лозу посадил патриарх Ной у подножия горы Арарат (Масис) (Бытиё VIII: 4). Местные почвы, отличающиеся изобилием продуктов разложения вулканических пород со значительным содержанием солей, извести при достаточном орошении в низменной зоне (Араратская долина, подножье Арагаца) позволяют получать обильный урожай винограда. Культурный виноград (*Vitis vinifera subsp.*) относится к евразийскому семейству винограда. В Армении встречается в диком виде виноградная лоза, называемая *toli* – от урартского *uduli*. В ряде регионов (Сюник, Тавуш, Лори – в долине реки Дебед) растет дикий виноград, похожий на культурный, возделываемый в этих краях.

Виноградарство на территории Армянского нагорья было развито еще в I тыс. до н.э., о чем свидетельствуют урартские и ассирийские письменные источники, а также археологические материалы. Ассирийские источники упоминают о захвате в качестве добычи сельскохозяйственных продуктов в том числе и вина; урартские надписи повествуют о разведении садов и виноградников, сооружении винных кладовых и т.д., чему предшествовало проведение широкой и сложной сети ирригационных каналов и создание искусственных озер (Арутюнян, 1964. С. 112). В древности особенно ценилось вино из горных районов Передней Азии, и недаром еще во времена Геродота славилось вино, вывозимое далеко за пределы Армении (Геродот, I, 194), в том числе и в северную Месопотамию, несмотря на то что виноградная лоза возделывалась и там с древнейших времен.

При раскопках Кармир-блур в 1949–1950 гг. были найдены семена ряда сортов винограда: *voskehat*, *msxali*, *ararat*, *nazeli*, открыты две большие кладовые, предназначенные для хранения вина. В них обнаружены крупные *карасы*, наполовину вкопанные в земляной пол и расположенные в четыре ряда. В одной (кладовая № 25) открыто 82 *караса*, в другой (кладовая № 28) 70 *карасов*.

Винный погреб. Эчмиадзин. II в. н.э.
Фото из личного архива У. Мелконяна

Винный погреб. Кармир-Блур. VII в. до н.э.
Из кн.: *Пиотровский Б.Б.* Кармин Блур, 1952. Табл. 5

Виноградарство в эпоху правления Аргишти I стало важной отраслью сельского хозяйства. Общая емкость винных кладовых, обнаруженных при раскопках Кармир-блур с 480 *карасами*, превышала 50 тыс. декалитров. Производство вина в таком количестве предполагало наличие виноградников

общей площадью приблизительно в 350–400 га (Арутюнян, 2007. С. 22, 23). В надписи урартского царя Менуа на холме Бостан-Кая около Маназкерта (Западная Армения), сообщается о винных погребах общей емкостью в 900 акарки, т.е. превышающей кармирблурскую кладовую примерно в 1,5 раза (Пиотровский, 1952. С. 7).

Виноградарство и виноделие, наряду с другими отраслями хозяйства, пережили значительный спад во время арабского владычества и многочисленных нашествий кочевников в Средние века.

Ни один район виноградарства на Кавказе не имеет такого обилия сортов винограда, как Армения. С конца XIX в. начали выращивать и привозные сорта: в 1890 г. в Вагаршапате были посажены кусты розового муската, в 1893 г. в монастырских садах Эчмиадзина – 10 тыс. кустов аликанте, каберне, муската и семильона (Сборник сведений по виноградарству..., 1896. С. 39).

Площадь виноградников в 1906 г. в Ереванской губернии была следующей: в Ереване – 1450 дес., в Ереванском уезде – 2589 дес., Эчмиадзинском – 2022 дес., Сурмалинском – 500 дес., Шарур – Даралагызском – 318 дес., Нахичеванском – 1300 десятин (Сборник сведений по виноградарству..., 1896. С. 28). В 1914 г. в Восточной Армении площадь виноградников составляла 10825 дес., из которых 9 тыс. приходилось на Ереванскую губернию; было получено 2 млн ведер вина – 222 ведра с каждой десятины. В 20-е годы XX в. в Армении из общей площади виноградников в 6,6 тыс. дес. 3,8 тыс. дес. приходилось на предгорную полосу и 2,8 тыс. дес. – на низменную (Закавказье. 1925. С. 222).

В Араратской долине и в других винодельческих регионах Закавказья культивацией технических сортов винограда занимались исключительно христианские народы: армяне, грузины, немцы. Из-за религиозных предрассудков мусульмане избегали продавать им свой виноград, поскольку производство алкогольных напитков у них считалось грехом. Они в своих садах, в основном, выращивали столовые сорта винограда (Сборник сведений по виноградарству..., 1896. С. 79).

Виноградники закладывались весной, в марте-апреле, в предгорных районах – преимущественно на южных склонах. Место при этом делили на прямоугольные участки, называвшиеся *taxtak* – «доски». *Taxtak* обычно имел 10–30 рядков, средняя длина которых равнялась 10–30 м, иногда 50 м. В каждой яме сажали 2–4 побега или один черенок.

В Армении, так и по всему Закавказью, виноградную лозу традиционно разводили различными способами: вьющимися, стоячими, стелющимся кустами и в расстил (Энциклопедия виноградарства. 1986. С. 118). Очень редко встречался и шпальный способ посадки лозы (Зелинский, 1898. С. 32).

Культура в расстил и лежачей лозы – один из старейших способов разведения виноградных кустов, при которой кусты лежат на земляных тумбах (высотой 60–70 см), в первом случае без специальных опор, во втором имеют небольшие (до 0,5 м) деревянные подпорки. Культура в расстил практиковалась армянами-переселенцами из Персии в основном в Араратской долине, лежачей лозы – в Араратской долине, Нахичевани, Вайоц-дзоре и др. Формирование земляных тумб было одной из главных работ в первые 4 года после закладки сада. Весной при перекопке рядов землю сгребали таким образом, чтобы кусты оставались на восточной стороне гребней. В течение 4–5 лет эти

земляные тумбы увеличивались настолько, что из гряд образовались глубокие канавы. На гребнях земли в наклонном положении лежали виноградные кусты, обращенные на восток.

Культура винограда на деревьях – одна из наиболее древних. В качестве опоры использовали лесные и декоративные деревья. Для посадки вьющихся лоз на расчищенном поле сажали фруктовые и другие деревья на расстоянии 2–5 саж. Когда деревья достаточно подрастали, возле них высаживали лозу, подвязывая ее к деревьям хмелем, лыком липы или шелковицы, бичевкой и др. Так как крона этих деревьев находилась постоянно в тени, урожай винограда в основном получался некачественным, поэтому уже сформировавшиеся тутовые деревья специально высушивали (*Зелинский*, 1888. С. 32, 33).

Культура винограда на кольях – система ведения виноградных насаждений, при которой для подвязки кустов в качестве опор использовались не деревья, а деревянные колья из можжевельника, ясеня, дуба и других высотой 2–2,5 м. Эта система применялась в Сюнике, Карабахе, Тавуше и др.

Аллеиный способ разведения лозы встречался в южных районах Сюника. Из-за острой нехватки обрабатываемой земли здесь старались занимать под виноградные насаждения даже заборы садов и непригодные для обработки каменистые участки вокруг них. При помощи кольев и горизонтальных брусьев делали конструкцию, которую обвивала виноградная лоза, образуя своеобразную аллею.

С конца XIX в. внедряется проволочная система виноградных садов, которая почти полностью вытеснила другие традиционные формы. Однако тумбовый способ имел несколько существенных преимуществ перед проволочным, поскольку в условиях недостатка воды в Армении большую роль играла ее экономия и рациональное использование. Несмотря на то что в грядки всасывалось намного больше воды, влажность в них сохранялась дольше, чему способствовала раскидистая крона, уменьшающая испарение. Другое важное преимущество – качество урожая: кисти винограда, находясь близко к земле, становятся слаще и раньше созревают, даже ночью впитывая теплоту земли, согретой дневным палящим солнцем.

Среди многочисленных сортов винограда в Армении наиболее распространенными были: воскheat, ицаптук (дамские пальчики), мсхали, назели, кишмиш, кахет, арарат и др.

С середины октября виноградные кусты закапывали для предохранения от мороза, с середины марта их выкапывали и начинали обрезку. Существовало поверье, что если начать обрезку раньше, то виноградники побьет градом или они подвергнутся нападению гусениц (*Сарксян*, 1932. С. 143).

В Араратской долине виноградники поливали 5–6 раз, в Вайоц-дзоре 3–4 раза. При обильном орошении качество винограда падает и сахаристость уменьшается.

Уборка винограда начиналась в сентябре после праздника Воздвижения Креста, во время которого виноград освящается в церкви: лишь после этого, согласно обычаю, его разрешается употреблять в пищу. В высокогорных селениях Вайоц-дзора (село Гладзор и др.), где виноград вызревал позже, его собирали после 17-го октября, когда отмечали праздник в местной церкви Арказ и совершали традиционное паломничество (ПМА. Лори, Тавуш, 2003). На каждом участке хозяева старались сбор винограда начать одновременно.

Приступая к сбору винограда, сначала собирали зимние сорта, которые шли на сохранение впрок. Затем собирали винные сорта, отделяя черный виноград от белого для приготовления красных и белых сортов вин. Уборка винограда была одновременно и веселым праздником, к которому заранее тщательно готовились. Специально украшали вьючных животных (в основном, мула), на которых перевозили виноград из садов домой: на голову животного навешивали бусы и куски зеркал, на шею – металлические бубенчики и различные серебряные предметы, которые звенели при соприкосновении одно с другим, спину покрывали разноцветным шелковым покрывалом, к кистям которого были подвешены многочисленные колокольчики разного размера и т.п. (Геворкян, 1970. С. 344).

Традиционные виноградарские зоны Армении: Араратская долина (до 950 м), предгорная зона, примыкающая к Араратской долине (950–1500 м), северо-восточная (500–1000 м), вайоцзорская (1000–1700 м), сյуникская (400–1700 м), нахичеванская (600–1000 м) и карабахская (300–1200 м). На территории Армении самые высокогорные виноградники находятся на высоте 1600–1700 м в Вайоц-дзоре, в селлах Хачик, Гергер, Гндеваз (Арзумян, 1973. С. 183).

Давильни. Армянские традиционные сооружения для переработки винограда известны как *hnjan* (Апартская долина), *širaton*, *č'araz* (Вайоц-дзор), *salk'* (Себастья) и др.

На территории Армении в 2007 г. была обнаружена древнейшая давяльня близ села Арени (Вайоц-дзор) в левобережных скальных образованиях реки Арпа. В пещере Арени-1, датируемой последней четвертью V – первой половиной IV тыс. до н.э., открыт винодельческий комплекс давяльни с *карасами* различных размеров и форм. Своеобразный и стабильный микроклимат пещеры способствовал прекрасному сохранению остатков органического происхождения. Согласно результатам радиоуглеродного анализа черенка виноградной лозы, они относятся к началу IV тыс. до н.э. Данный винодельческий комплекс представляет собой древнейший и наиболее хорошо сохранившийся памятник производства вина, свидетельствующий о 6000-летней традиции виноделия на этой территории (Barnard, Dooley, Areshian, Gasparyan, Faull, 2011. P. 377–384).

Античные и средневековые производственные винодельческие сооружения раскопаны в Армавире, Гарни, Звартноце, Дадиванке, Ашнаке, Аштараке, Коти, Шнохе и других местах (Аракелян, 1964. 150, 151; Арутюнян, Калантарян, 2005. С. 26, 27; Обоян, ПМА, Лори-Тавуш, 2009). Примечательно, что средневековая армянская давяльня сохранилась и в музее вина города Дижон во Франции. Она была построена в XIII в. армянскими виноделами, которых специально для этого пригласил из Армении король Филипп III (Алпояджян, 1955, С. 618). В Средневековье различные сооружения по переработке сельскохозяйственных продуктов, в том числе и давяльни, принадлежали частным лицам, церквям и монастырским комплексам, о чем свидетельствуют армянские письменные и эпиграфические источники.

Они были расположены в садах и жилых комплексах. Согласно этнографическим материалам, до середины XIX в. в Араратской долине, Алашкерте, Васпуракане и других местах давяльни, в основном, находились в виноградниках. Они имели также жилую часть, где в весенние и летние месяцы жила часть семьи хозяина виноградника. Со второй половины XIX в. давяльни

строились рядом с погребом в сводчатых подвальных этажах жилого комплекса. В конце XIX – начале XX в. давальни своей планировкой почти не отличались от подобных средневековых сооружений, но в разных регионах, исходя из природно-климатических условий, они имели свои специфические особенности. Классические примеры давлений сохранились, в частности, в Аштаракском районе (Арагацотн).

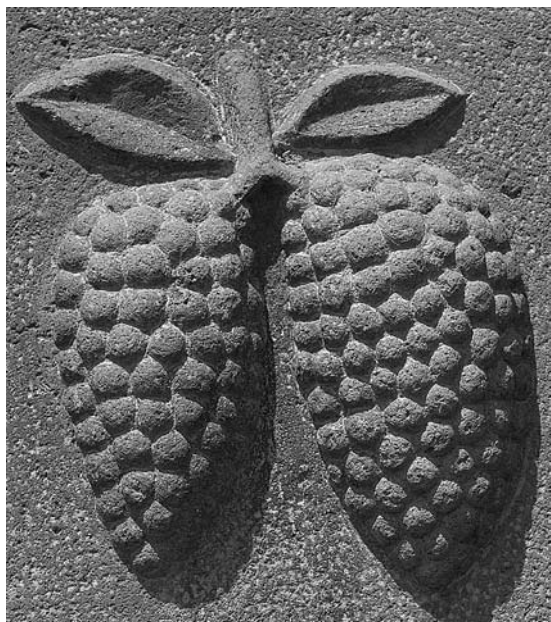
Давильня традиционно состояла из резервуара – *aragast* (букв. «полог»), ямы – *gub*, колодца – *takar*, а также *карасов*. *Арагаст* – каменный резервуар с низкими стенами и несколько наклонным дном, выложенный из камня и крепкого раствора извести, откуда виноградное сусло по глиняной трубе или самотеком стекало в яму. В лесных районах Армении (Лори, Тавуш) каменные *арагасты* заменялись бассейнами, выдолбленными в толстых липовых или кленовых бревнах. Яма представляла собой углубление глубиной 0,7–1,0 м, вместимостью 50–100 л, обмазанное известью, где сусло давало осадок, а потом стекало в колодец или в *карас*. Стены колодцев, вместимостью 1–5 тонны, выкладывались мелким камнем и оштукатуривались известью. В них поспевало вино, после чего оно переливалось в *карасы*, емкость которых доходила до 50–300 и более ведер (600–3600 л. – *Авт.*) (Сборник сведений..., 1896. С. 89). Резервуар, яму, колодец и глиняные *карасы* для хранения вина перед использованием обмазывали козлиным жиром для закупоривания трещин. Во второй половине XIX в. виноград из садов доставляли в давальню в больших корзинах на вьючных животных, а сусло из давлений перевозили в бурдюках, с конца XIX в. – также бочонками (Сборник сведений..., 1896. С. 85).

Обычно виноград перед давлением оставляли на три дня для испарения из него влаги. Давление винограда – тяжелый физический труд; этим, согласно обычаю, занимались мужчины, нередко им усердно помогали и дети. Виноград частями клали в резервуар и давили босыми ногами. Не случайно, по канонам Армянской Апостольской церкви при крещении мальчиков мирром мазали и их ноги, освящая процесс изготовления вина (отметим, что девочкам мирром мазали руки, освящая выпечку ими хлеба). Виноградное сусло бродило в течение 7–12 дней. В этом промежутке от него отделяли образованный на дне *такаров* и *карасов* осадок, 2–3 раза переливая вино в другие *карасы*, т.е. производили «очищение». Брожение, за которым тщательно следили, продолжалось 20–40 дней, причем горло кувшинов все это время оставляли открытым. Вино полностью созревало через 40 дней после давления винограда (по народному выражению, «выходило из сороковин») (*Арутюнян*, 2005. С. 254).

Готовое вино хранили в *карасах*, расставленных вдоль стен по периметру вырытого в земле или наземного погреба; горлышки их сначала закрывали каменными крышками, а потом закупоривали глиной. Если позволял рельеф, погреб строили в скалистых местностях под землей, куда не проникал свет, и температура была стабильной (*Мелик-Шахназаряц*, 1902. С. 53).

У армян дистилляция водки из вторичных продуктов, получаемых при производстве вина (виноградные выжимки и винный осадок) была давней традицией и производилась в домашних условиях из тутовых ягод и виноградных выжимок (*Ягодинский*, 1885. С. 635).

На основе традиционного виноделия и винокурения со временем появилось развитие производство коньяка, впоследствии имевшее международное

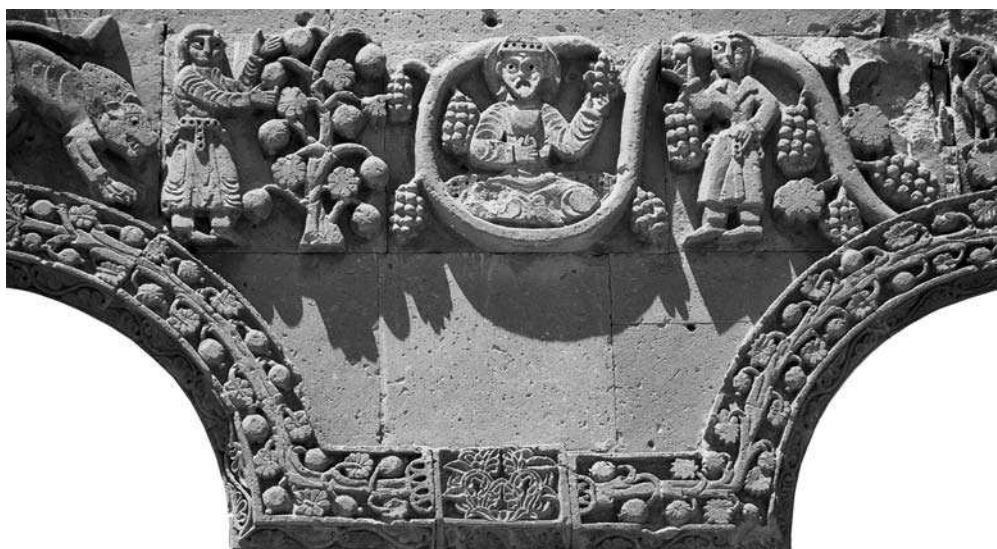

Рельеф с изображением грозди винограда на стене церкви Св. Григора. Монастырь Гехард. XIII в.

Фото из личного архива Б. Гаспаряна

Рельеф орнаментированного пояса с изображением гроздей винограда на наружной стене храма. X в. Сурб Хач на о-ве Ахтамар (Фрагмент)

Фото из личного архива Б. Гаспаряна

Орнамент с виноградной лозой на фасаде жилого дома. Ереван, 1960-е годы
Фото из личного архива С. Обосяна

признание. Первое место в Закавказье по производству коньячного спирта занимала Ереванская губерния, на которую приходилось 70–85% от всего количества, производимого в крае (Закавказье. 1925. С. 209). Винокурение виноградного спирта в Армении в 1913 г. достигло 10,5 млн градусов, производство коньяка составило 7248 тыс. градусов или 72% от всего производства в Закавказье. Только в Армении было произведено коньяка больше, чем в регионах Российской империи, вместе взятых. В Закавказье Армения занимала также первое место по производству водки, а по производству вина уступала Грузии и Азербайджану.

После Первой мировой войны понадобилось почти целое десятилетие, чтобы восстановить пришедшее в упадок хозяйство, в том числе и виноградники.

В советские годы в традиционных районах виноградарства оно сохраняло свое хозяйственное значение. Начиная с 1937 г. площадь виноградников ежегодно в среднем увеличивалась на 640 га (Арутюнян, 2007. С. 153). На базе разработок Армянского научно-исследовательского института виноградарства, виноделия и плодоводства были внедрены новые, более устойчивые сорта винограда, позволившие расширить его ареалы. Значительных объемов достигло производство вина и коньячного спирта. За период с 1940 по 1980 г. объем перегонки коньячных спиртов увеличился в 20 раз. Производство коньяка с 63 тыс. дал в 1940 г. увеличилось до 1520 тыс. дал в 1989 г. (Арутюнян. С. 184).

В 1990 г. площадь виноградников в Армении составляла 29 175 га, однако из-за экономического спада в стране она сократилось на 16,178 тыс. га или на 55,4%. Начиная с 2003 г., в отрасли наблюдается устойчивый рост. Площади под виноградником в 2006 г. по сравнению с 2003 г. увеличились на 2700 га, а валовый сбор – в 2,5 раза (Арутюнян. С. 235–238).

В наши дни основная часть урожая винограда реализуется через винодельческие предприятия. Однако сохраняется и домашнее традиционное производство вина и водки для удовлетворения потребностей семьи.

Виноград и вино, традиционно занимая важное место в экономической и общественной жизни армян, нашли свое особое отражение в системе их духовных ценностей, отголоски которого сохраняются вплоть до настоящего времени (Арутюнян, Калантарян, 2005. С. 12). Для архитектурных памятников средневековой Армении характерно преобладание растительных орнаментов, среди которых основным элементом являются виноград и гранат как фон орнаментального украшения. Виноградная гроздь, лоза, листья, как и гранат, стали национальными символами армян. Их изображения встречаются уже на керамике и украшениях эпохи бронзы, в эллинистических и средневековых архитектурных памятниках, скульптуре, миниатюре и пр.

Одним из лучших образцов средневековых культовых сооружений, украшенных многочисленными мотивами виноградной лозы, является жемчужина армянской архитектуры, памятник X в. храм Сурб Хач на острове Ахтамар озера Ван.

Этот традиционный мотив продолжает сохраняться и в наши дни в современной армянской архитектуре, составляя неотъемлемую часть резьбы по дереву, камню, металлу, украшающей административные и жилые здания, ограды и пр., а также разнообразные изделия ювелирного и декоративно-прикладного искусства.

СКОТОВОДСТВО

Скотоводство, наряду с земледелием, – древнейшее занятие армян, о чем свидетельствуют многочисленные археологические, историографические и этнографические материалы. Следы одомашнивания овец и коз на Армянском нагорье обнаружены в археологических памятниках VI–V тыс. до н.э. (Даль, 1959. С. 77; Мартиросян, 1964. С. 182). С древнейших времен крупный рогатый скот преобладал над остальными отраслями животноводства (Мнацаканян, 1955. С. 196; Сардарян, 1967. С. 133). Сведения о важном экономическом значении на Армянском нагорье скотоводства, формах его организации содержатся в целом ряде письменных источников, из которых наиболее ранними являются урартские клинописные надписи (Арутюнян, 1964. С. 141). Свидетельства о скотоводстве, переработке и применении его продуктов в Армении встречаются у античных авторов (Геродот, Ксенофонт, Страбон и др.), а также у армянских историков (Бузанд, Егише, Степанос Орбелян, Мхитар Гош и др.) (Мкртумян, 1974. С. 10, 11).

У армян скотоводство было неразрывно связано с сельскохозяйственным хозяйством, обеспечивая его рабочим скотом. Даже в районах, благоприятных для разведения овцеводства, армяне больше предпочитали содержать крупный рогатый скот (Ширак, Гехаркуник, Сюник, Котайк).

На протяжении веков у армян выработался целый комплекс магических способов и обрядов, призванных обеспечить благополучное размножение домашних животных и их сохранность, оградить от «сглаза» и болезней. Во многих местах в первый день вывода крупного скота ранней весной разбивали яйцо на лбу скота, вышедшей из хлева. Обряд этот совершал обыкновенно самый старший член семьи (Мкртумян. С. 19). Вывод буйвола из хлева при большом скоплении народа превращался в праздничное мероприятие. В это время устраивали бои буйволов, быков, баранов, которые, помимо своего увеселительного характера, имели и практическое значение для выявления и отбора наиболее сильных особей в целях получения приплода и улучшения породного состава скота. На шею или рога вола или буйвола вешали различные амулеты и талисманы, в частности, из считавшегося священным у армян каркаса обыкновенного, что должно было предохранять скот от порчи.

Не менее значимым и торжественным был день припуска баранов в стадо овец. На рога и шею баранам вешали пучки шерстяных ниток, отдельные части их туловища красили в зеленый, синий и красный цвета; в рога втыкали яблоки, груши и др. Для пастухов готовили подарки – одежду, кушанья, а на присельских пастбищах, там, где производился припуск баранов, устраивались пиршества, в которых принимали участие и взрослые, и дети.

Наличие разных форм скотоводства было обусловлено вертикальной зональностью Армении и неравномерным распределением летних и зимних пастбищ. Основными формами скотоводства в Восточной Армении были оседлая и отгонная. Ввиду преобладания этих форм в разных естественно-географических регионах страны, можно достаточно четко очертить их традиционные границы.

Оседлая форма была распространена в районах развитого земледелия как в низменных (Арагатская долина, Нахичеван и др.), так и высокогорных районах (Гехаркуник, Арагацотн, Высокая Армения и др.).

Оберег для скота, село Еранос (Гехаркуник). Начало XX в.
МИА. Е 4399

Оберег для скота, село Ахлатян (Сюник). Конец XIX в.
МИА. Е 4416

В средней полосе Восточной Армении доминировала отгонная форма скотоводства. В лесистых районах (Карабах, Тавуш, Лори) наряду с разведением крупного и мелкого рогатого скота занимались также свиноводством. Внутри оседлой формы скотоводства выделяются два подтипа: равнинный и горный, отличающиеся целым рядом специфических черт (Мкртумян, 1974. С. 29). Общим являлось круглогодичное содержание всех видов скота на приусадебных пастбищах и в селении по выработанной веками системе выпаса, периодическом стравливании отдельных категорий земельных участков, заготовке кормов на зиму.

Равнинный и горные подтипы оседлого скотоводства имеют множество различий в особенностях летнего и зимнего содержания скота, в традиционных видах подножного и заготовленных кормов, в длительности стойлового содержания и комплексах соответствующих хозяйственных построек.

Значительно различались периоды стойлового содержания скота, ограниченные сроками с декабря по март в низменных селах и длящиеся до 6 месяцев в высокогорных деревнях. Суровые климатические условия последних наложили известный отпечаток на типы помещений для скота в Шираке, Арагацотне, Гехаркунике и других регионах, где жилая часть и хозяйственные постройки располагались под одной кровлей, имели единственную наружную дверь, так что создавалось впечатление крытого двора. Стойла рогатого скота располагались внутри этих комплексов таким образом, что давали возможность вовремя прокормить скот в долгие месяцы зимнего содержания и обеспечить за ним надлежащий уход. Помещения для скота в Араратской долине также располагались в общем дворе, однако они обязательно имели отдельный выход наружу.

Равнинный подтип оседлого скотоводства особенно отличался от горного кормовой базой. В летний период в низменной зоне испытывалась нехватка естественных кормов, в высокогорных же районах, благодаря близости альпийских и субальпийских пастбищ, летнее кормление не вызывало особых затруднений. Жители равнинных сел выработали определенную очередность стравливания наличных категорий земельных участков. Ранней весной скот пасли на покосах, затем переводили на паровые поля, после поднятия которых, вплоть до снятия сена с лугов, пасли скот на выгонах и возвращали его на скошенные луга до их выжигания летним солнцем. Традиционными кормами равнинной области были сено (преимущественно из посевных трав – люцерны и др.), солома, отходы садовых, огородных и особенно технических культур (жмых и семена хлопка) (Мкртумян. С. 32). В горных же областях основными кормами были: сено (как с естественных, так и с искусственных лугов), солома, ячмень, жмыхи, остатки огородных культур, а в местностях, расположенных в зоне лесов, также листья и молодые побеги деревьев.

Различия климатических и кормовых условий обуславливали видовое различие скота: в высокогорье удельный вес мелкого рогатого скота был значительно выше, чем на равнинах.

Отгонная форма скотоводства была развита в предгорной полосе, где наряду с развитым полеводством, скотоводство также занимало важное место. Его отличительной особенностью являлось содержание скота на отдаленных зимних и летних пастбищах. Эта форма также имеет свои подтипы. Для подтипа *alutner* (солончаки) было характерно содержание мелкого рогатого

скота на позднеосенних, ранневесенних пастбищах, удаленных от деревень на десятки километров. Данная форма сокращает время стойлового содержания скота и помогает лучшему использованию присельских сенокосов и пастбищ.

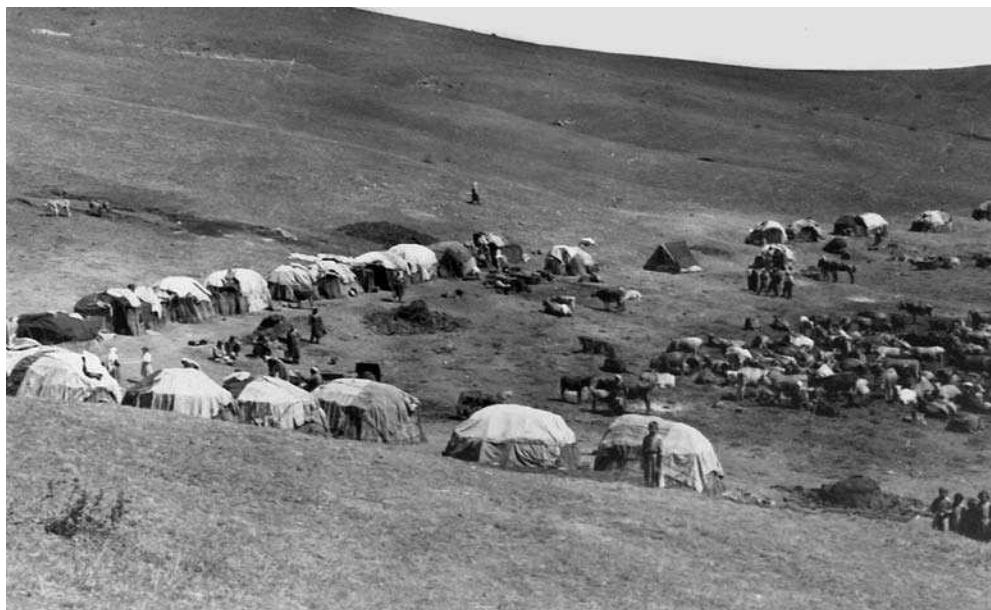
Другой подтип – *jme'ranoc'* (зимовник) преобладал, в основном, в лесистых регионах Восточной Армении, где традиционно большая часть стада, особенно мелкого рогатого, зимой содержится не в самом селении, а в специальных хлевах, построенных из камня и дерева на лесных лужайках или свободных от леса южных склонах, на расстоянии до 10 км от селений. Там же заготавливаются корма на зиму.

Основой же отгонного скотоводства является выпас как крупного, так и мелкого скота на летних пастбищах, что известно под названиями *sar* (букв. «гора»). Именно эта модель наиболее характерна для большинства армянских сел, расположенных в предгорьях. Особенностью летнего содержания скота у армян было то, что, в отличие от соседних курдов и азербайджанцев, на летовках иногда возводились постоянные жилые и хозяйственные каменные постройки.

Скотоводческое хозяйство армян с его сезонными вариантами было тесно связано с циклами земледельческих работ, что является одной из наиболее важных его характеристик. Эту связь можно наблюдать на примерах использования сельскохозяйственных угодий для подножного корма скота в периоды, когда эти земли находились под паром или после покоса урожая.

Традиции скотоводства предполагали специфическую кооперацию по организации содержания и охраны скота – *sari hamkal*. При существующей практике отгона стад на сезонные пастбища в подобные сообщества в летний сезон объединялись родственники или соседи одной сельской общины равного или же различного имущественного положения (*Карпетян*, 1966. С. 130–139). Сообщества, основанные на родственных или соседских началах, были распространены в основном в Тавуше, Лори, Вайоц-дзоре, Сюнике. В указанных сообществах армянские крестьяне кооперировали лишь скот. Пастбища же оставались закрепленными за селом, за общиной в целом.

Формы ведения скотоводческого хозяйства и различные системы организации выпаса скота обусловили особенности найма различных категорий пастухов. Наиболее распространенной формой был общественный найм пастухов, которые выбирались всей общиной. Число пастухов зависело от количества скота. Обычно стадо мелкого рогатого скота составляло не более 500 голов. Пастух нанимался на весь сезон, как правило, с апреля до ноября. Практика общественного найма пастухов была распространена повсеместно. Среди многочисленных диалектных наименований наиболее распространенным названием пастуха крупного рогатого скота было *naxrapan* от арм. *naxir* – стадо. В зависимости от вида, пола и возраста мелкого рогатого скота пастух назывался *č'oban*, *hoviv*, *ga'narac* и т.д. Пастухами обычно были взрослые мужчины, хотя присмотреть за ягнятами или телятами мог наняться и несовершеннолетний. Договор традиционно заключался устно, сроком до года. Примечательно, что как наем новых пастухов, так и смешение овец и молодняка данного года приурочивали по традиции к празднику Воздвижения Креста (*Сурб Хач*), который отмечается в середине сентября. Наниматель кормил и одевал пастуха, для охраны стада обеспечивал сторожевыми

Летовка Мец Агриджа, село Неркин Геташен (Гехаркуник). Экспедиция. 1956 г.
Архив ИАЭ. Папка 3. Фото А. Саркисяна

собаками (кавказской овчаркой); по окончании срока найма пастух получал вознаграждение в полной мере. Вознаграждение выплачивалось в перерасчете на поголовье скота от каждой семьи. В Тавуше, например, оплата за труд приблизительно рассчитывалась соразмерно 10 кг пшеницы за голову крупного рогатого скота. В условиях преобладания натурального хозяйства пастухам в основном платили зерном, но постепенно росло значение денежной формы оплаты. За выпас молодняка оплата была в 1,5–2 раза ниже, причем частично молоком или другими продуктами. Часть приплода от стада также входила в оплату труда пастуха. Традиционным вознаграждением пастухам мелкого рогатого скота считался один ягненок из расчета с 20 голов или один козленок с 10 голов (*Мкртумян*, 1974. С. 70). Обычно нанимали двух пастухов на одно стадо мелкого рогатого скота. Пастух нес ответственность за сохранность скота. Неспособность пастуха сохранить целостность стада отражалась на его репутации. И наоборот, успешное выполнение обязательств становилось залогом востребованности пастуха; некоторые из них, из года в год нанимавшиеся в одно домохозяйство, со временем становились как бы членами семьи. Опытные пастухи высоко ценились в селе и в округе. Благодаря профессиональным знаниям, навыкам, в том числе в общении с природой, нередко они занимались также народным целительством; среди них было немало успешных костоправов. Их храбрость, находчивость, честность и прочие положительные качества нашли широкое отражение в армянском фольклоре.

В армянской действительности зажиточные домохозяйства, при наличии значительного (в несколько сот голов) количества мелкого рогатого скота, сами ухаживали за ним. В многочисленном *гердастане* этим обычно занима-

лись один-два члена семьи, как правило, младшие сыновья. В случае нехватки рабочих рук подобные семьи иногда прибегали к индивидуальному найму чабанов для содержания мелкого рогатого скота и ягнят. В самом селе и на летовках в содержании скота помогали дети, в основном мальчики.

В предгорной полосе Армении, где скотоводство не занимало значительное место, в ряде селений из-за экономической нецелесообразности, пастухов не нанимали. Несколько семей, объединившись, поочередно выпасали скот на околосельских пастбищах (*Мкртумян, 1974. С. 74*).

Если скотоводство у армян являлось сферой мужского труда, то обработка шерсти и молочных продуктов были сугубо женским занятием. Эта хозяйственная деятельность была не менее важна, чем непосредственно содержание скота, поскольку продукты скотоводства, особенно молочные, занимали важное место в системе питания армян. Переработкой молочных продуктов занимались в селе и на летовках, куда вместе со стадами поднимались преимущественно женщины. Поэтому и производимые здесь работы были связаны, главным образом, с женским трудом, начиная от доения и кончая переработкой молока и молочных продуктов. Руководящая роль в этой сфере женского труда принадлежала старшей в доме хозяйке. Примечательно, что на летовках, в отличие от селений, различное время дня называлось в соответствии с очередностью доения тех или иных видов скота. Доить коров девочек обучали уже с 12–13 лет; старались сделать так, чтобы одну и ту же корову доила одна и та же доярка, что позволяло получать постоянные надои (*Мкртумян. С. 59. 87*).

Молочные продукты предназначались не только для ежедневного потребления, но и заготавливались впрок.

Утварь, применяемая в молочном хозяйстве, была традиционной и имела определенную связь с практиковавшимися формами скотоводства. Так, в районах оседлого скотоводства почти вся она была из глины. В регионах же отгонного скотоводства гораздо шире использовалась деревянная, металлическая, кожаная посуда (*Мкртумян, 1974. С. 86*).

Не менее важным занятием женщин была обработка шерсти (стрижку мелкого рогатого скота производили исключительно мужчины): мойка, расчесывание, прядение, окраска.

Одной из важных отраслей скотоводства у армян с древнейших времен было коневодство: лошадь использовалась для верховой езды и в военных целях. Армянские кони были известны по всей Передней Азии своей выносливостью и быстротой. В Средние века коневодство приходит в упадок в связи с политикой иноземных завоевателей на запрет содержания и использования лошадей местным населением. Несмотря на это, в традиционном хозяйстве горных и предгорных районов – в Лори, Тавуше, Карабахе и др. – лошадь продолжала играть свою определенную роль в качестве вьючно-верхового животного. Особой известностью пользовалась карабахская порода лошадей. В традиционном быту у армян лошадь ни в качестве тяглового, ни мясного, ни молочного скота не использовалась.

Свиноводство было развито слабо, хотя наличие домашних свиней, наряду с лошадьми, ослиами, козами, установлено в Армении в конце бронзового века. Однако по количеству экземпляров они уступали крупному рогатому скотоводству и овцеводству (*Даль, 1952. С. 77*). В период иноземных завое-

ваний армянам запрещалось заниматься свиноводством из-за религиозных убеждений, и лишь после присоединения Восточной Армении к России они вновь начали разводить свиней. О незначительном развитии свиноводства в XIX в. свидетельствуют статистические данные: низкий удельный вес его в видовом составе домашних животных армян, незначительная (по сравнению с крупным и мелким рогатым скотом) дифференциация или полное отсутствие в названиях различных половозрастных групп свиней в целом ряде регионов (в селениях Араратской долины, Арагацотна, Ширака и Джавахка), отсутствие у них кличек и т.п. (*Мкртумян*, 1974. С. 17, 21, 23). Свиноводством занимались в основном в лесных районах – Тавуше, Лори, Сюнике, Карабахе – где разводили местные породы свиней, коз, лошадей, ослов, характерные и для остальных районов Закавказья и отличавшиеся значительно меньшим (чем крупный рогатый скот) разнообразием (*Мкртумян*. С. 26).

В наши дни скотоводство продолжает оставаться одной из ведущих отраслей хозяйства у армян, в особенности в предгорных и горных районах. Однако в настоящее время удельный вес мелкого рогатого скота значительно снизился. Если раньше в традиционном хозяйстве преобладал тягловый скот, то в связи с механизацией сельского хозяйства уже с середины XX в. он постепенно вышел из употребления и в наши дни практически не сохранился. По этой же причине и содержание буйволов как тягловой силы и для молочных целей также резко сократилось. Сейчас буйволов в незначительном количестве содержат в основном в Тавуше. В наши дни довольно расширился ареал распространения свиноводства; даже в ранее не традиционных для этой отрасли регионах им занимаются практически повсеместно. В определенной степени сохраняется традиционное выючно-верховое направление коневодства.

Традиционная ведущая отрасль скотоводства армян – разведение крупного рогатого скота – в настоящее время сохраняет мясомолочную направленность. В альпийских зонах Сюника, Лори, Арагацотна, Ширака оно имеет также товарное значение; в частности, молочная продукция используется для изготовления различных сортов сыра.

МАСЛОДЕЛИЕ

Выращивание масличных культур и маслоделие издревле имели важное хозяйственное значение для армян, о чем свидетельствует находка древнейшей на территории современной Армении маслодавильни VII в. до н.э. из Кармир-блур в окрестностях Еревана (*Пиотровский*, 1950. С. 28). О применении растительного масла в Армении упоминает Ксенофонт в 401 г. до н.э. (*Ксенофонт*, IV, 4). О развитом маслоделии в Средневековье сообщают армянские письменные и эпиграфические источники. В Средние века маслодавильни имелись во многих населенных пунктах и при монастырях. Раскопки только в столичном городе Ани выявили около 20 таких сооружений (*Орбели*, 1963. С. 128, 129). Многие технологические особенности производства растительного масла и соответствующая армянская терминология были переняты соседними народами Закавказья и Передней Азии.

В 1828 г., по данным И. Шопена, только в Армянской области было 285 маслодавилен, почти в 3 раза больше, чем во всех остальных регионах Закавказья (Шопен, 1852. С. 862). В Ереванской губернии в 1889 г. действовали 201, в 1901 г. – 196 маслодавилен (НАА. Ф. 94. Оп. 5. Д. 1277. Ч. 1). Начиная с 1880-х годов, с расширением сфер употребления нефтепродуктов, спрос на растительное масло уменьшился.

Основными масличными культурами в Армении являлись лен – *ktavat* (*L. usitatissimus*), кунжут – *k'unjut* (*Sesamum indicum* L.), конопля – *kanep* (*Cannabis sativa*), сурепица – *hlac'uk* (*Brassica campestris* L.), клещевина – *tzkanep'* (*Ricinus communis* L.), сафлор – *kanrjak* (*Garthamus tinctorium* L.), олива – *jitaptul* (*Olea europaea*).

Лен выращивали в Закавказье, Средней Азии, в горных районах Европы, Индии и Китая в основном для получения растительного масла (Сизов, 1955. С. 133). В средневековой Армении упоминается производство растительного волокна. В XIX в. средневековая традиция кустарного производства сохранилась в горном регионе Мокс (Западная Армения), где наряду с грубыми волокнами конопли и льна, получали и тонкую нежную ткань, которая на местном диалекте называлась *namusk*, т.е. батист (Орбели, 1982. С. 37). В Армении был распространен масличный вид льна – лен-кудряш. В 1906 г. в Ереванской губ. было получено 116 тыс. пудов льна (Памятная книга Ереванской губ. 1906. С. 6).

Кунжут был окультивирован в Закавказье еще в бронзовом веке (Лисицына, Прищепенко, 1977. С. 45). На территории Армении древнейшее письменное упоминание о нем относится к VIII в. до н. э. (Меликишвили, 1960. С. 288). С начала XIX в. на территории Российской империи поощрялось выращивание кунжута, и те крестьяне, которые в год получали свыше 100 пудов урожая, награждались памятной медалью (Синягин, 1931. С. 7). Поскольку семена кунжута очень мелкие, перед посевом их смешивали с песком (Обосян, 2007. С. 17). В 70-х годах XIX в. в Ереванском и Эчмиадзинском уездах ежегодно собирали почти 100 тыс. пудов кунжута (Гулишамбаров, 1896. С. 217).

Самым распространенным масличным растением на Армянском нагорье была конопля, хотя по экономическому значению она уступала льну и кунжуту. В XIX в. конопля имела важное значение в хозяйственной жизни, в частности, амшенских армян, особенно для получения волокна (Торлакян, 1981. С. 129).

Клещевину выращивали в основном в низменной полосе, высевая по краям полей хлопчатника. В жаркой Араратской долине и Нахичеване в ее тени отдыхали работающие в поле, а своеобразный запах сломанных веток отпугивал животных и тем самым служил естественной защитой для охраны полей.

Сафлор в быту армян имел двоякое применение: как масличное растение его семена использовали для получения растительного масла, а желтые лепестки в качестве приправы употреблялись в различных блюдах и выпечке, придавая им приятный вид и вкус.

Лен и сурепица выращивались в горных районах на высоте 1500–2200 м над уровнем моря, без искусственного орошения. В низменных районах страны выращивали кунжут, клещевину и сафлор. В некоторых регионах Арме-

нии для получения растительного масла использовали также семена грецкого ореха, лещины, миндаля, абрикоса и т.д. В Киликийской Армении и бассейне реки Чорох (Западная Армения) армяне занимались также разведением оливы (*Зейтунци*, 1900. С. 14; *Атрпет*, 1929. С. 23).

Основные центры производства растительного масла совпадали с зонами интенсивного разведения льна-кудряша и сурепицы. В Западной Армении маслоделие было развито в Басене, Тароне, Васпуракане, в Восточной Армении – в Шираке, Гехаркунике и Сюнике.

Маслодавилни. Самыми простыми традиционными средствами толчения семян масличных растений были различные каменные ступы, которые бытовали тысячелетиями и частично сохранились вплоть до середины XX в.

В соответствии с видом сырья существовали два основных типа армянских маслобоен. Наиболее распространенным был *jit'han* (от *jet'* – растительное масло и *hanel* – извлекать) для обработки семян масличных культур, прежде всего льна-кудряша, сурепицы и др. Этот рычажно-винтовой тип маслодавилни был характерен для горных и предгорных зон.

Маслобойни были частными производственными предприятиями, но при их постройке вся община помогала хозяину. Эта общинная помощь особенно наглядно проявлялась при транспортировке жерновов, вес которых мог достигать до 3 т, а также бревен (*Вардумян*, 1956. С. 55).

Как доходные предприятия маслобойни (в 1880-х годах стоили 620 руб.) были объектами продажи и наследства. По обычному праву маслобойни, мельницы, кузницы и кладбища находились в коллективном пользовании всего семейно-родственного *азга* (*Егизаров*, 1887. С. 107). Маслобойни и мельницы иногда составляли часть приданого, о чем сообщается в одной из эпитафических надписей 1207 г. (*Алишан*, 1881. С. 122), а также свидетельствуют этнографические материалы конца XIX в. (*Обосян*, 2007. С. 54). Маслобойни, как мельницы и кузницы, являлись общественно значимыми объектами армянского поселения. Наряду с этим, в традиционном общественном быту армян они служили одним из мест собраний мужчин старшего поколения.

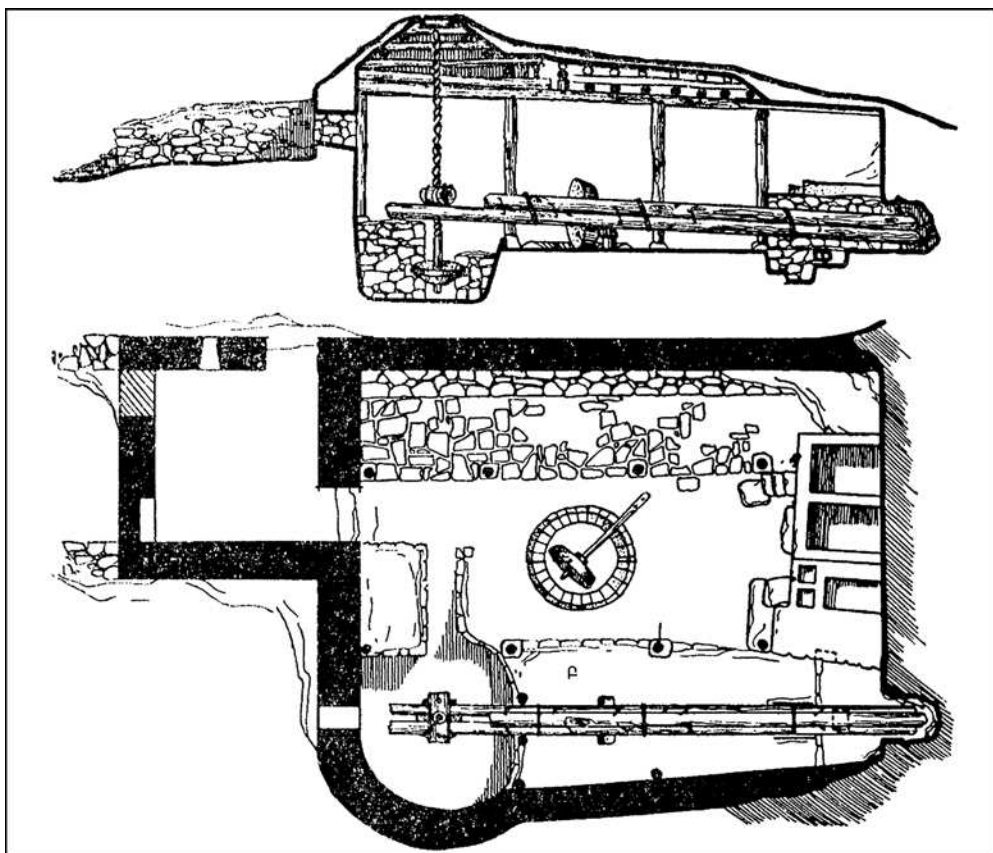
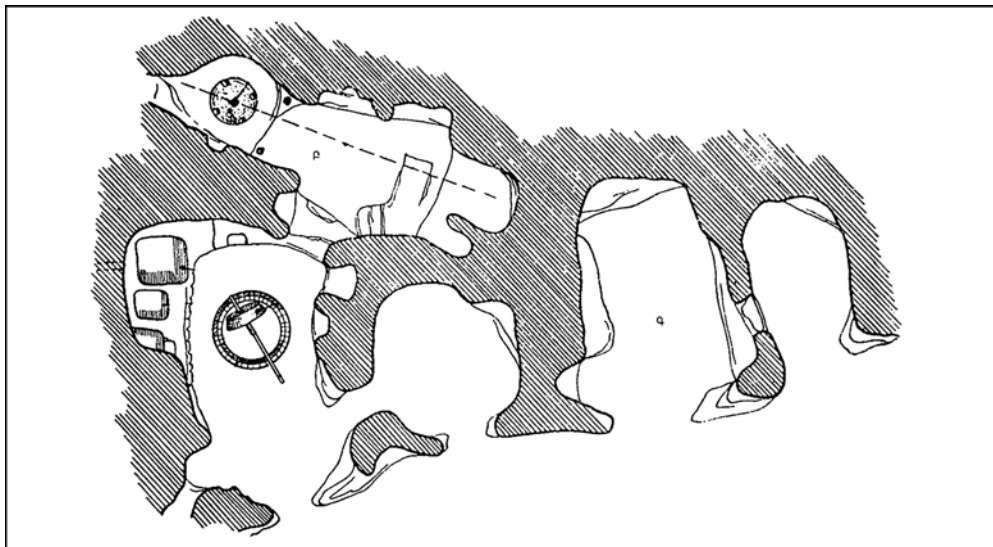
Непосредственно маслобойное производство связано с тремя основными технологическими процессами: обжаривание, измельчение и прессование семян масличных растений.

Армянская маслобойня состояла из двух основных производственных отделений. В первом – *калатун* семена обжаривали, мололи, а затем месили сырье.

Семена обжаривали в каменной печи, после чего перемалывали мельничными жерновами (нижнего горизонтального и верхнего вертикального) и отжимали при помощи пресса. Гранитные или базальтовые жернова диаметром 160–240 см вертикально стояли в центре гумна.

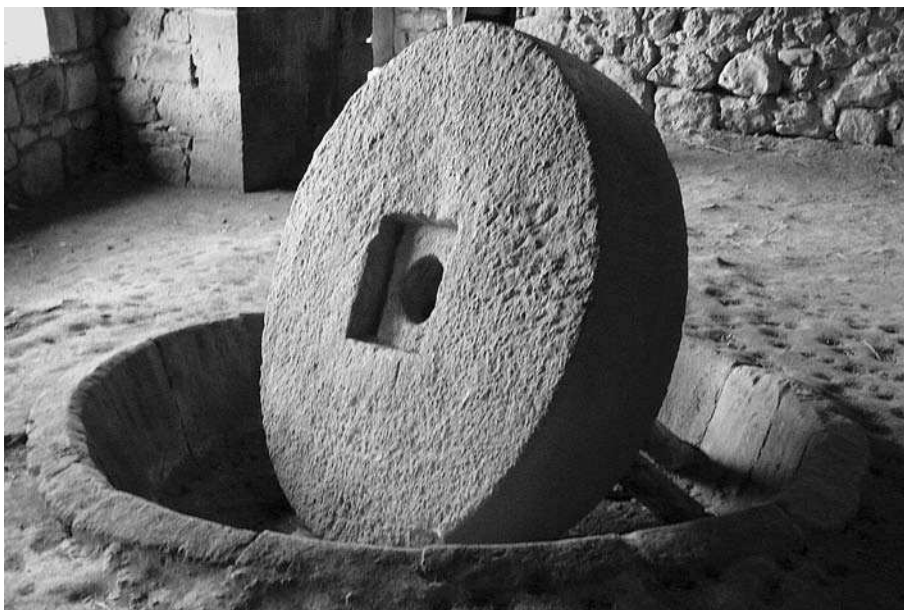
Ось камня опиралась одним концом на столб, а к другому концу впрягали тягловое животное – вола или буйвола. В крупных маслобойнях с этой целью в сезон содержали до 10 и более тягловых животных. Поскольку редко у кого в хозяйстве имелось такое количество буйволов, как правило, их занимали у односельчан.

Вторым отделением маслодавилни был *geranatun* (от *geran* – «бревно» и *tun* – «дом»), где размещался винтовой пресс из сосновых, дубовых или

План и разрез маслобойни, село Тех (Сюник) и село Лусахпюр (Ширак)

Из кн.: *Обосян С.* Культура производства растительного масла у армян. XIX – первая половина XX в. Табл. 7

Жернов средневековой маслобойни. Монастырь Татев
Фото из личного архива С. Обояня

тополиных бревен длиной до 12 м и диаметром около 0,5 м. Бревна одним концом входили в нишу стены, обложенную крупными камнями. Измельченное сырье-*gelast* в плоских плетеных корзинах ставили в специальную яму под прессующими бревнами, и под их тяжестью извлекали растительное масло. За одну смену маслобойня обрабатывала от 16 до 24 пудов льна в зависимости от мощности предприятия.

Другой тип маслобоен – *jit'atun* был распространен в низменной зоне, особенно в Араратской долине, Нахичеване, а также Васпуракане (Западная Армения) и был предназначен для обработки кунжута. Он имел три отделения: жаровню, мельницу и почти 500-литровую каменную емкость, где из измельченного сырья посредством фильтрации в теплой воде отделяли растительное масло (*Касабян*, 1957. С. 112). В отличие от маслобоен, обрабатывающих льняное семя, здесь оба мельничных жернова были горизонтальными, более легкими и потому их приводили в действие при помощи вола, лошади или осла (*Обоян*, 2007. С. 51).

Применение масличных растений и растительного масла. Растительное масло широко использовалось в различных сферах армянского быта. Льняное, кунжутное и другие виды масла в основном употреблялись в пищу, особенно во время многочисленных постов. Масло из сурепицы и клещевины использовалось для освещения и технических нужд. Масло клещевины применялось также при производстве мыла.

Растительное масло играло важную роль в практике армянской церкви. Согласно письменным источникам, до конца XII в. кунжутное масло являлось основой священного мирро (*Алишан*, 1895. С. 17). Однако, основываясь

на свидетельстве Мхитара Гоша, можно предположить, что уже в XIII в. оно было заменено на оливковое.

С древнейших времен растительное масло имело широкое применение также в народной медицине для лечения и профилактики многочисленных болезней, в особенности кожных, простудных и прочих заболеваний.

В быту армян важное место занимало также применение жмыха как вторичного продукта маслоделия. Жмых в стойловый сезон служил основным кормом для тяглового скота, в первую очередь – буйволов. Коров жмыхом не кормили, от него молоко становится горьким. Ядовитый жмых клещевины употребляли как удобрение (*Обосян, 2007. С. 59*).

В силу ряда социально-экономических причин, прежде всего развития промышленного производства растительного масла, перехода на электрическое освещение и прочее, традиционные способы маслоделия в Армении в 1930-е годы пришли в упадок, а в 1950-е годы прекратили свое существование. Однако в некоторых селах Ширака и Сюника сохранилось ограниченное производство льняного масла.

ШЕЛКОВОДСТВО И ПЧЕЛОВОДСТВО

Шелководство. Первые данные о шелководстве в Армении относятся к VII в. По сообщению армянских историографов, «поля вокруг Куры изобилуют хлебом, вином, нефтью, солью, *шелком* и хлопчатой бумагой; несметное число оливковых деревьев» (*Каганкатвацц, I, 5*). О развитом состоянии шелководства и шелкоткачества ценные сведения сообщает Асохик (XI в.), характеризуя экономическое положение Армении: «Во дни Смбата I ... поля превратились в селения, селения – в города по многолюдству своему и богатству, так что даже пастухи стали являться в шелковых платьях» (*Асохик, 1984. С. 109*). О развитии в Армении шелководства имеются сохранившиеся эпиграфические надписи, среди них – найденная в Ани надпись 1276 г. (Свод армянских надписей..., 1966. С. 22) и арабские источники IX-XIV вв. (*Караулов, 1901. С. 19*).

О шелководстве свидетельствуют археологические артефакты. Во время раскопок в Ани в 1908 г. были обнаружены шелковое платье с золотым тканьем, тонко сплетенное золотом и шелком покрывало, пояс из шелковой ленты и другие ткани (*Орбели, 1963. С. 46, 47*). В Двине найдены остатки золотого тканья в сильно разрушенном состоянии (*Аракелян, 1958. С. 280*).

Развитию шелководства в Армении способствовали благоприятные природно-климатические условия и наличие тутового дерева (шелковицы), а также удобство географического положения, в силу чего она еще в древности стала мостом в торговле между Западом и Востоком. Через Армению проходили важнейшие магистральные дороги, в частности – «Шелковый путь», благодаря чему города Арташат и Двин превратились в торговые центры. Уже в XVII в. были установлены торговые связи с Россией. В этом заметную роль сыграло Армянское торговое общество Новой Джуги (Персия), заключившее с Россией в 1667 г. торговый договор, по которому обязалось в первый же год перевезти не менее 600 пудов шелка (*АРО. 1953. С. 7*).

Особенно заметное оживление этих связей наблюдается во времена Петра I. Армянский политический деятель Израил Ори, возвращаясь из Персии в качестве руководителя русской делегации, по поручению Петра I привез

с собой в Россию 26 тюков шелка-сырца и 60 ремесленников, которые должны были основать в Москве шелкопрядильные заводы. Однако из-за внезапной кончины в 1711 г. Ори, они возвратились обратно (Эзов, 1898. С. 293). В 1710 г. армянский купец и промышленник Сафар Васильев (Макаров) получил по приказу Петра I право основать в районе Терека завод по производству шелка-сырца. Через несколько лет завод был построен и стал первым в своем роде в России. В 1763 г. купцу Мовсесу Сафарову предоставляется право выбрать в Астраханской губернии земли для занятия шелководством, выдается 10 тыс. руб. сроком на 10 лет, а также право выкупить села, нанять 300 человек для строительства шелкового завода (Собрание актов..., 1830. С. 25). В том же году армянский купец и промышленник Лазарь Лазарян основал во Фряново, недалеко от Москвы, первоклассную мануфактуру, которая была доведена до такого совершенства, что шелковыми тканями, изготовленными там по заказам князя Потемкина и Зубова, были задрапированы залы Зимнего, Таврического и других дворцов Санкт-Петербурга. Шелковые ткани этого завода царица отправляла в качестве даров во дворы зарубежных стран (Паласян, 1902. С. 500).

Народные способы шелководства. Для получения грены шелкопряда отделяли здоровые, одинаковые коконы, и после выхода бабочки из коконов наружу, самок и самцов попарно случали. Качественные грены распознавали по внешней форме и характерному синему цвету. Сведения о местных сортах грены в различных районах Армении довольно скудны, упоминаются ереванский и карабахский сорта, которые с течением времени, смешавшись с привозными, потеряли свои местные названия. В конце XIX в. наиболее распространенными сортами были багдад (хорасан), а также японский желтый, итальянский белый, китайский и др.

Во время ухода за червями большое значение придавалось соблюдению чистоты как в червоводне, так и самих шелководов. В это время женщине не дозволялось вступать с мужем в супружеские отношения, в Васпуракане в период менструации входить в червоводню.

Существовало множество способов пробуждения грены: завернув в тряпицу, женщины привязывали ее на груди, держали подмышкой, оживляли под солнцем, в постели, колыбели ребенка, рядом с тониром, в горячей воде, под насадкой, иногда – в пчелиных ульях.

Следующий важный период шелководческого цикла – уход за гусеницей и кормление червей листьями дикого тутового дерева. Кормили на многоярусных нарах, на которые настилали подстилки, сплетенные из камыша или из ивовых прутьев. Шелководы старались держать червей подальше от посторонних глаз, во время их кормления избегали присутствия чужих людей. Для предохранения червей от «злого глаза» шелководы рядом с ними в незаметном месте вешали на нитке бусинку от «злого глаза», держали возле них металлические предметы: нож, ножницы, иглы, а также кусок калины, так как она считалась священным деревом, или куриное яйцо в качестве оберега. В некоторых районах Армении запрещалось входить в червоводню с золотыми предметами, а также с распустившимися желтыми цветами. Верили, что желтый цвет вызывает заболевание червей (желтуху). Для профилактики заболеваний помещение проветривали, отделяли заболевших червей от здоровых. В некоторых районах (например, в Лори) чеснок, смешанный с *мацу-*

ном, в тарелках ставили на ярусы или смазывали чесноком нары и бумажную подстилку под червями. При заболевании червей в большинстве случаев под нарами кропили освященной водой, а червей кормили освященными листьями. В случае заболевания их желтухой, освященное в церкви свадебное кольцо бросали в воду и «позолоченной» водой кропили пол червоводни. Иногда червоводни поливали водой, в которой мыли какой-либо предмет, оставшийся в наследство от бездетной женщины. Червей и всю червоводню кропили *мауном* из молока яловой коровы.

Червоводнями служили жилые комнаты, чердаки, сеновалы, хлевы, да- вильни, пещеры. Червоводня обычно имела одно-два окна и одну дверь. Помещение утепляли при помощи разложенного на полу очага, дым которого выходил через сделанное в крыше дымовое отверстие (*Шавров*, 1889). С начала XX в. начинают строить специальные червоводни, выбирая ровную местность с чистым воздухом и вдали от шума. Для соблюдения в червоводне нормальной температуры одна из длинных сторон помещения непременно была обращена к югу. Температура внутри червоводни считалась нормальной, если она была приятна для человеческого тела, влажность – если подстилка оказывалась сухой и при растирании пальцами превращалась в пыль (*Сатутин*, 1894. С. 129). Когда первые несколько червей начинали в подстилке прясть коконы, шелководы немедленно ставили коконники из высушенных стеблей различных растений. На них черви пряли коконы. Для определения точного срока содержания червей на коконниках острым ножом разрезали оболочку кокона и извлекали оттуда куколку. Если куколка имела бурый цвет, это означало, что кокон созрел. Степень оформления куколки внутри кокона определяли также его встряхиванием: если он издавал глухой звук, считалось, что куколка еще не совсем оформилась, если же он шуршал как ядрышко косточки миндаля, куколка уже оформилась.

День сбора коконов отмечался торжественно: шелковод закалывал предназначенную для этого барана или козла, готовились праздничные блюда, непременно пили водку, вино, пели песни, танцевали.

Куколок в коконах душили многочисленными способами: солнечным теплом, в пекарне, замораживанием, соленой водой и т.д. Для удушения под солнцем коконы раскладывали тонким слоем на ткань. В течение 2–4 дней куколка задыхалась. Кокон считался задушенным, когда терял 2/3 веса. С 1920-х годов удушение коконов производилось также в хлебопекарне.

До первой четверти XX в. в основном применялся кустарный способ получения шелка. Разведением очага, варкой коконов, нахождением концов нити и ее выравниванием обычно занимались пожилые женщины, а мотанием шелковой нити – невестки или дочери.

Шелковую нить, предназначенную для тонкого шитья и тканья, подвергали процессу «снятия заусениц». Из нити некачественных коконов вязали чулки, шарфы, пододеяльники, наволочки, женские пояса, *хурджины*, ковровые дорожки и разных видов нитки.

Шелковую нить окрашивали в различные оттенки, используя многочисленные приемы. Краски готовили из цветов и корней разных растений, «марены», кошенили – *vordan karmir*, некоторых руд и пр. Для сохранения прочности краски в Сюнике окрашенный шелк опускали в коровье масло, в Тавуше в *карас* с краской бросали золу букowego дерева либо к раствору крас-

Очистка коконов. Мегри. 1950-е годы
Фото из личного архива А. Петросяна

ки примешивали мед и изюм. Во всех шелководческих районах к раствору краски добавляли соль. Для придания шелку блеска шелковую нить определенное время держали в растворе квасцов, подсолнечном масле или к воде в *карасе* примешивали *мацун*.

В районах занятия шелководством действовали также мастера – кустари, которые ездили по селам, возя с собой громадное веретено, а также большой котел на спине вьючного животного. В конце XIX – начале XX в. сложившиеся в Армении капиталистические отношения способствовали основанию целого ряда «заводов», что не имело, однако, массового характера. Шелководство просуществовало до середины XX в., им занимались в низменных частях Сюника, в Тавуше, Карабахе и частично в Лори.

В годы независимости было предпринято несколько попыток возродить эту традиционную отрасль хозяйства, но блокада и разрыв экономических связей помешали осуществить этот замысел.

Пчеловодство. Территория исторической Армении и Армянского нагорья, где растут около 300 видов медоносных деревьев и кустарников, более 600 видов дикорастущих и декоративных трав, по своим условиям благоприятна для пчеловодства. Найденные в археологических памятниках Азоха (Нагорный Карабах) и Ухтасара (Сюник) изображения пчелы свидетельствуют о том, что еще в III–II тыс. до н.э. человек здесь знал пчелу и занимался сначала просто сбором меда диких пчел, а затем – бортничеством (*Гаспарян*, 1990. С. 6). Поиск пчелиного роя в лесу или в расщелинах скал – бортни-

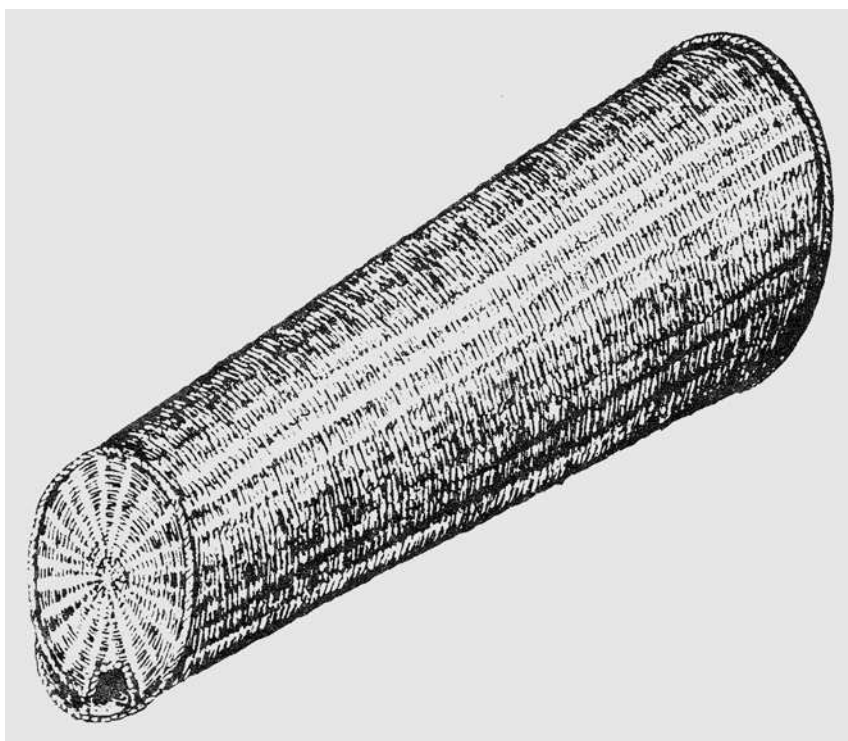
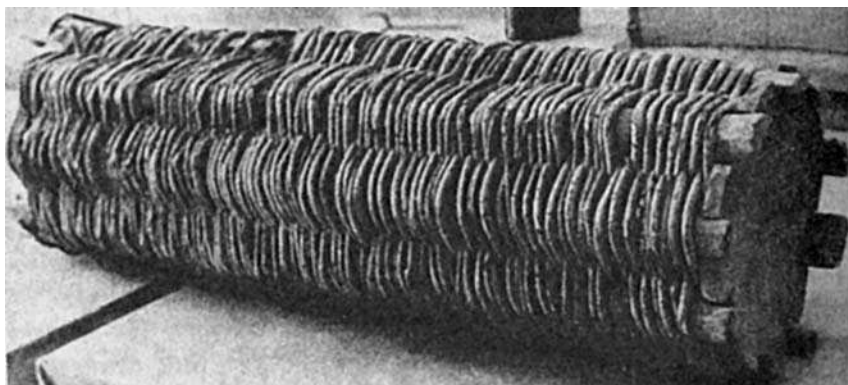

Выварка пряжи и сортировка коконов. Мегри. 1950-е годы
Фото из личного архива А. Петросяна

чество – было наиболее древним видом пчеловодства. Первый, кто находил гнездящийся на дереве или в скале рой пчел, делал отметки. Это было для него удачей, поскольку такая находка считалась *Astvatsatur* – «Данная богом» (Петоян, 1965. С. 134); согласно народным обычаям, никто другой уже не мог претендовать на этих пчел.

Для разведения нового роя его помещали в плетущечный улей. После этого пчелы сами строили соты и заполняли медом, собирая урожай дважды в год.

О пчеловодстве в Древней Армении и сопредельных странах есть сведения у греческих и римских историков Страбона, Ксенофонта, Диодора Сицилийского, Василия Кесарийского и других. Аналогичные сведения встречаются у армянских средневековых историков. Так, Ованнес Драсханакертци (X в.) свидетельствует, что во время арабского нашествия вместе с другим добром были награблены также пчелиные улья (*Драсханакертци*, 1996. С. 341). Одним из ярких свидетельств важной роли пчеловодства в хозяйственной деятельности армян является рукопись XVI в. (*Матенадаран*. Рукопись № 8185), автором которой является выдающийся врач Средневековья Алексианос. Одна из частей книги озаглавлена «О пчелах» и содержит 24 наставления об уходе за ними. Автор дает советы по уходу за пчелами по всему годовому циклу – с ранней весны, когда помещают улья в удобное, обращенное к солнцу место, до поздней осени, когда их готовят к зимовке. Автор по собственному опыту знал, что пчелы узнают свою матку и других членов общины по запаху, о чем

Плетенные ульи. Конец XIX в.
Фото из личного архива С. Обояна

европейские ученые высказались лишь через несколько столетий (*Гаспарян*, 1984. С. 207).

Пчеловодство сохраняло свою роль в хозяйственной жизни армян и в последующие периоды. О развитом пчеловодстве, в частности в XIX в., свидетельствуют статистические данные. Так, например, в Эрзрумском регионе Западной Армении в начале XIX в. насчитывалось 123 тыс. ульев, из них только в г. Ерзнка – 30 450. В 1906 г. в Ереванской губернии пчеловодством занимались 1782 хозяйства, которые имели 17 980 ульев, из коих только 890

были рамочными. В среднем с каждого улья получали от 5 до 20 фунтов меда (Памятная книжка..., 1908. С. 10).

Ульи у армян имеют различные диалектные наименования (например, *plul* в Сасуне, *toloz* в Вайоц-дзоре и др.), но наиболее распространены *p^ce^tak* или *k^coc*. Традиционно ульи плели из гибких веток различных пород кустарников и деревьев, в основном ивы, лесного орешника, шиповника и других, а также из соломы. В лесных районах их изготавливали также из длинных деревянных колод, очищая изнутри от трухи и древесины. Длина улья обычно равнялась 0,40, окружность – 0,36 саж. (Шавров, 1888. С. 265).

Это были длинные цилиндрической формы корзины, снаружи и изнутри обмазанные глиной, смешанной с навозом. Оба конца корзины закрывались деревянными крышками, на передней делали леток.

Пасека располагалась на открытых пространствах недалеко от дома. Часто ульи выстраивали рядами одно с другим, один на другом.

Самым совершенным считался дощечный улей со съемными рамами, завезенный в Армению из России в конце XIX в. В Ване (Западная Армения) был даже основан пчеловодческий союз, установивший льготы для тех пчеловодов, которые имели дощечные ульи (Гаспарян, 1990. С. 15). В Сасуне по примеру пчеловодов г. Муша традиционные ульи были первоначально заменены квадратными ящиками, которые называли *сундук* (Петоян, 1965. С. 135). В дальнейшем в Армении получили широкое распространение ульи системы дадан-блатт, завезенные из России.

В условиях вертикальной зональности практиковались два способа содержания пчел: стационарный и вывозом их в более высокие зоны. Первый распространен в средней, предгорной полосе, в частности в Лори, Тавуше, Вайоц-дзоре, Сюнике, Карабахе, при котором ульи круглогодично находились на пасеках в селе. Второй способ был распространен меньше. Этим занимались хозяйства, для которых пчеловодство имело товарное значение. Летом с равнин и частично с предгорных зон пасечники перемещали улья в горы с альпийской растительностью. Зимой они содержались в укрытых сооружениях, прикрытые войлоком для защиты от холодов.

При сборе меда снимали заднюю крышку улья, окуривали его дымом, а затем острым ножом отделяли наполненные медом соты. Часть меда оставляли для зимнего запаса.

Мед хранили в сотах или (до появления медогонного аппарата) его собирали, предварительно растирая разрезанные на куски соты в деревянном корыте. Оставшийся после этого воск растапливали и употребляли для различных хозяйственных целей. Когда мед снимали, обычно небольшое количество посылали родственникам, соседям: он считался престижным угоще-

Улей из деревянной колоды. Конец XIX в.

Фото из личного архива С. Обояна

нием. В ряде регионов мед не принято было продавать; реже его обменивали на масло (Акопян, 1974. С. 142).

Мед употребляли как в натуральном виде, так и при изготовлении сладостей, в частности, медовых лепешек *metrablit'* и ряда ритуальных блюд, а также в виде медовых напитков.

Мед и воск, обладая лечебными свойствами, с давних времен считаются у армян священными средствами и применялись в народной медицине. При посещении больного было принято приносить мед.

Пчела в верованиях армян – непорочное, трудолюбивое существо, прообраз Богини матери. Считалось, что мед – пища богов. По преданию, южнее города Муш на склоне горы Тиринкатар находятся «Медовые камни», а на вершине – храм армянского бога Тира. Это божество имело обыкновение садиться на камни и есть специально для него собранный пчелами мед, который хранился в 10 больших кувшинах, спрятанных неподалеку в пещерах (Петросян, 2004. С. 122).

В традиционном хозяйстве немаловажное значение имел также пчелиный воск, употреблявшийся при изготовлении свечей, служивших прежде всего для освещения. Восковые свечи широко употреблялись также во время народных праздников, семейных и общественных обрядов, в церквах, на местах паломничества и т.д.

Многие армянские средневековые монастыри и крупные церкви имели свои пасеки, которые обеспечивали их не только медом, но и воском для изготовления церковных свечей, которые не коптели, как сальные. Их изготовление и продажа были важным промыслом для церковной братии.

В настоящее время пчеловодство не утратило своего значения и продолжает сохраняться в большинстве регионов республики; при этом, по сравнению с пасечным содержанием, вывоз ульев в горы получил большее распространение, чем это имело место в прошлом. Мед используется не только в быту; его производство получило товарное значение и реализуется как на внутреннем, так и на внешнем рынке. Мед, а также прополис, перга, воск широко используются в народной медицине, прополис – в фармацевтической промышленности.

Серьезный урон развитию пчеловодства был нанесен в 1979 г., когда в Армению проник варроатоз Якобсона – широко распространенная в Евразии болезнь пчел, которая не преодолена до сих пор. В этих условиях содержание пчел требует как дополнительных профилактических средств, так и специальных навыков и знаний.

НАРОДНЫЕ СРЕДСТВА ПЕРЕДВИЖЕНИЯ

Армянское нагорье, входившее в ареал переднеазиатской цивилизации, еще с древнейших времен стало одним из центров вьючно-верхового и колесного транспорта, использовавшегося в быту армян до начала XX в. С древнейших времен через Армянское нагорье проходили связывавшие Европу с Азией такие важные дороги, как Царская, Шелковая, Солевая, магистраль Тавриз–Джуга (Джультфа)–Ереван–Тифлис и др. Это обстоятельство не могло не оказать своего положительного влияния на развитие хозяйственно-куль-

Каменный мост в селе Бананц (Ханларский район, Азербайджан). XIX в. Экспедиция. 1984 г.

Архив ИАЭ. Папка 56. Фото С. Амбарцумяна

Каменный мост. Тавуш. XIX в. Экспедиция. 1973 г.

Архив ИАЭ. Фонд Ю. Мкртумяна. Папка 2

Рельеф с изображением парусника на стене храма X в. Сурбхач на о-ве Ахтамар.
Фото из личного архива А. Марутяна. 1997 г.

Переноска грузов на спине, село Шванидзор (Сюник). 1961 г.
Архив ИАЭ. Папка 1.

турной жизни Армении, на появление широкой сети путей сообщения, дальнейшее их развитие и совершенствование.

Прохождение через Армению важных транзитных путей было бы, однако, невозможным без наличия внутри страны более или менее благоустроенных дорог, особенно если иметь в виду сильно изрезанный многочисленными горными хребтами рельеф Армянского нагорья: все важнейшие дороги, связывавшие различные части страны, пересекал целый ряд перевалов и горных ущелий. Основные пути сообщения, пересекавшие Армянское нагорье вдоль и поперек, по своему назначению, роли в социально-экономической жизни страны, масштабности и т.д. можно разделить на следующие типы: магистральные, проселочные и внутрисельские. На многочисленных дорогах для отдыха путников и караванов в их длительном путешествии большое внимание уделялось постройке караван-сараяв и постоянных дворов, принадлежавших государству, монастырям и частным лицам.

Сухопутные пути сообщения на многих участках прерывались многочисленными водными преградами, для преодоления которых использовались речные переправы, большие и малые мосты, разнообразные способы транспортировки.

В неглубоких местах переправа осуществлялась без каких-либо вспомогательных средств, в глубоких же – на местных плотках из бурдюков- *tkalast, tkanav*.

С древнейших времен армяне использовали различные водные средства передвижения. В средневековых источниках (Товма Арцруни, Ованнес Драсханакертци, Григор Нарекаци и др.) содержатся ценные сведения о судоходстве по озерам Ван, Севан, Урмия, верхним течениям Тигра и Евфрата, рекам Арацани и Чорох (Петросян, 2007. С. 251).

Известны портовые города Аяс – в бухте Армянского залива (ныне – залив Искендерун), Тарсон, Мерсин, Корикос, Адана и др. в Киликийской Армении, имевшей почти 500-километровую береговую линию на Средиземном море (Петросян. С. 253).

Наиболее древним и распространенным средством транспортировки являются пешее передвижение и различные способы переноски грузов, которые осуществляются непосредственно человеком при помощи созданных им разнообразных приспособлений.

На сравнительно близкие расстояния тяжести переносили на спине – *k'rnak, šalak*, на плече, в обхват, волоком и другими способами.

Для переноски грузов людьми или перевозки на вьючном скоте использовались многочисленные приспособления: коромысла, различные типы деревянных, глиняных и медных кувшинов, специальные подушки, надевавшиеся на спину носильщика, бурдюки, плетеные корзины, разные мешки и увязочные веревки, которые служили для поддержания и закрепления груза.

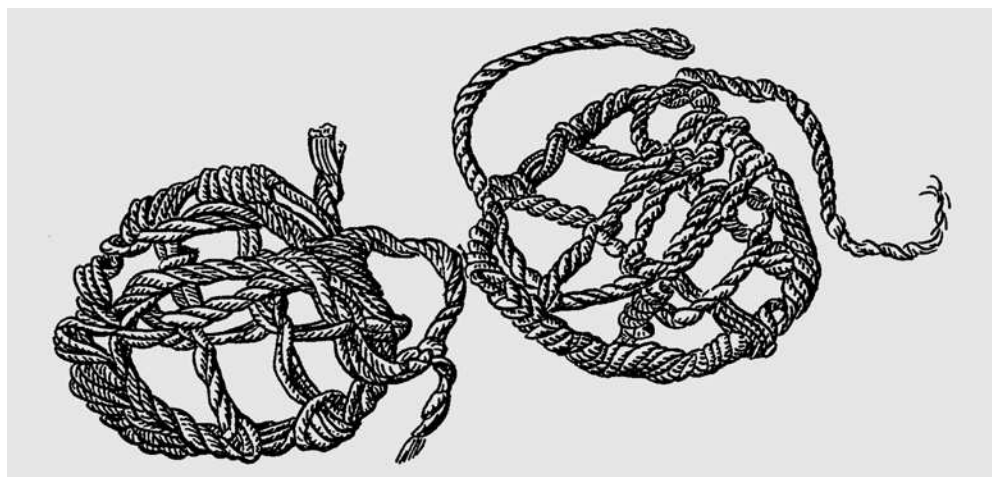
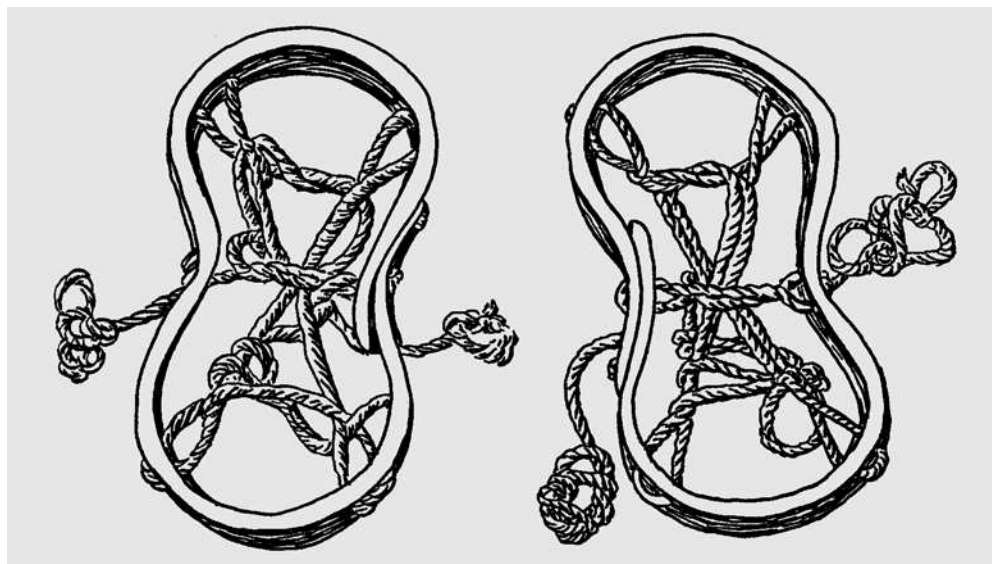
Одним из самых необходимых и распространенных приспособлений для перевозок грузов были кожаные бурдюки и мешки. В бурдюках, изготовленных из шкуры различных животных, перевозили воду, молоко, *мацун*, масло, сыр, вино и другие продукты. Их необходимость особенно ощущалась в сильно изрезанных горных районах как наиболее надежное средство доставки грузов.

В садоводческих и богатыми лесами районах для перевозки большей частью использовались плетеные корзины *k'toc* разных форм и размеров, в других местах – в основном кожаные мешки и шерстяные переметные сумы – *xurjin* различных типов. Многие из этих приспособлений широко использо-

Бурдюк для переноски воды, молочных продуктов, вина и прочего, село Чаргар, Мартунинский район (Нагорный Карабах). Экспедиция. 1969 г.

Архив ИАЭ. Папка 29. Фото Г. Жамкочяна

Приспособления для передвижения по снегу – lakan, hetik'
 Из кн.: *Петросян Л.Н.* Армянский народный транспорт. Табл. III. Рис. 3–4

вались также при перевозке грузов на вьючных животных (*Петросян, 1974. С. 142*). Характерно, что многие из них (бурдюк – *tik*, хурджин) служили в качестве определенных и общепринятых в народе мер, которые были также официально признаны. Средняя грузоподъемность одной лошади достигала 10–12 пудов, мула – 10 пудов, осла – 6 пудов, верблюда – 24 пудов (*Петросян. С. 143*).

Природно-климатические условия Армянского нагорья и своеобразие существовавших путей сообщения способствовали появлению у армян особых средств передвижения.

Доставка на осле воды с родника, село Коти (Тавуш). Экспедиция. 1961 г.
Архив ИАЭ. Папка 13. Фото Г. Жамкочяна

Двухколесная арба, запряженная ослом, село Ноемберян (Тавуш). Экспедиция. 1961 г.
Архив ИАЭ. Папка 13. Фото Г. Жамкочяна

Для свободного передвижения по снегу и льду у армян существовала специальная обувь – *hetik*, *lakan*, о которой упоминает еще древнегреческий историк и географ Страбон (*Тер-Саркисянц*, 1998. С. 63)

Это были деревянные приспособления круглой или овальной формы с колесиками или без, которые привязывали к ногам веревкой или кожаными шнурками.

Перевозка листьев табака на арбе, запряженной волами, село Нор Башкенд (ныне Гетик, Гехаркуник). Экспедиция. 1962 г.

Архив ИАЭ. Фонд В. Бдояна. Папка 3. Фото Г. Жамкочяна

Перевозка снопов на арбах, село Кучак (Арагацотн). Экспедиция. 1954 г.

Архив ИАЭ. Папка 1. Фото С. Карапетяна

Как свидетельствуют археологические и историографические данные, для перевозки людей и грузов на Армянском нагорье с древнейших времен использовали домашний скот – ослов, мулов, лошадей, в южных областях – верблюдов, в случае необходимости также волов, буйволов (*Петросян*, 1974. С. 113). В армянской историографии вьючно-верховой скот известен под общим названием *grast*. Основными видами домашнего скота, служившими для вьючных перевозок, были осел, лошадь и мул. В конце XIX и начале XX в. лучшими породами лошадей в Армении являлись карабах, араб или тачик. В Армении, как и вообще в Закавказье, были распространены лошади сравнительно невысокого роста (высота холки около 140–150 см), которые, однако, выделялись стройностью экстерьера, маленькой головой, прямой шеей, тонкими ногами, были выносливы и быстры. В качестве вьючного скота предпочиталась кобыла, которая ценилась также как дающая приплод. Самцов, предназначенных для использования в качестве вьючного скота, уже в 2–3-летнем возрасте кастрировали (*Петросян*. С. 116). Почти каждое хозяйство имело одного-двух ослов, а в поселениях, расположенных вблизи городов, некоторые держали по 10 и более ослов, занимаясь извозом или сдавая их в наем на тот или иной срок.

Для удобного навьючивания и езды верхом, а также предохранения скота от всевозможных травм применяли войлочные или набитые соломой седла, укреплявшиеся на спине животного ремнями. Грузы перевозили в мешках, корзинах или в переметных суммах-*xurjin*, сделанных из плотной безворсовой ковровой ткани и представлявших собой два одинаковых, скрепленных между собой мешка, которые перекидывали через спину осла.

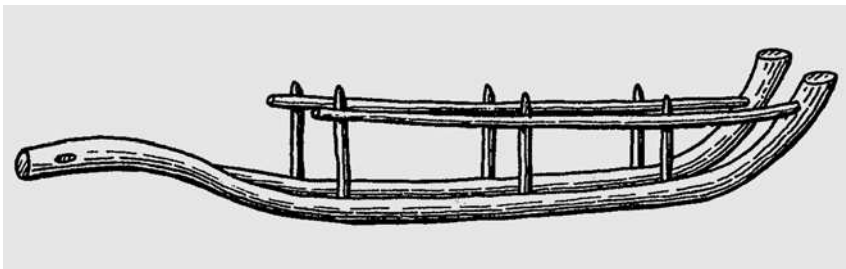
Для перевозки грузов на животных использовались различные типы вьючных деревянных седел, известные под общим названием *кех*. Особо широко использовались специальные вьючные седла для перевозки дров, камней, доставки воды в кувшинах, распространенные и у многих других народов (*Петросян*. С. 152).

Для доставки жидкостей пользовались деревянными, глиняными, медными кувшинами, позже – и ведрами.

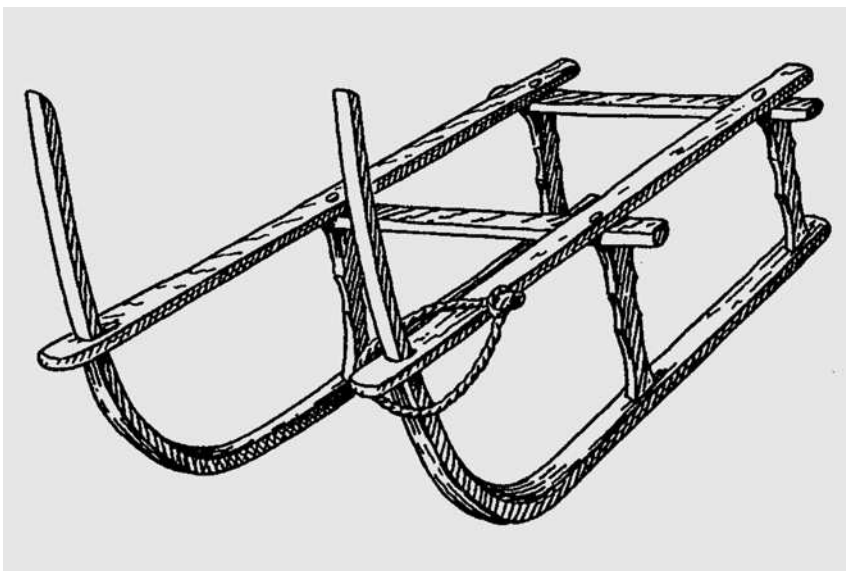
В низменной части Армении для перевозки грузов на небольшие расстояния ослов использовали также и в качестве тягловых животных, впрягая в небольшие двух- или четырехколесные повозки, а иногда и в сани.

Перевозки грузов на лошадях имели преимущественно местное хозяйственное значение, и они производились на сравнительно короткие расстояния. Использование лошади в качестве вьючно-верхового средства передвижения было более распространено в хозяйственном быту армянского крестьянства горных и лесных районов, чем в равнинных, где преобладающая часть перевозок осуществлялась колесным транспортом. В качестве вьючного животного у армян широко использовали и лошадь, но все же чаще на ней ездили верхом.

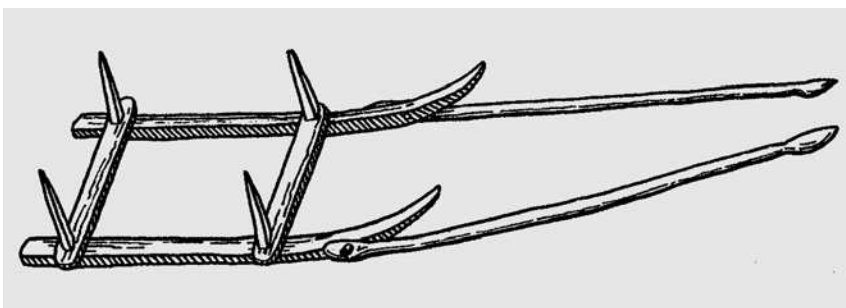
Мул, помимо перевозки грузов, в некоторых местностях служил и верховым, а иногда и тягловым животным. Использование мула в качестве вьючного животного не ограничивалось рамками потребительского крестьянского хозяйства. Во многих горных поселениях были специальные муловоды, которые имели по 5–10 и более мулов и занимались платными перевозками (*Петросян*. С. 133).

Летние сани – *кырыкашан*. Арцах, Сюник
Из кн.: *Тер Саркисянц А.* Армяне. История и этнокультурные традиции. С. 65

Зимние сани – *dahuk'*. Сасун
Из кн.: *Тер Саркисянц А.* Армяне. История и этнокультурные традиции. С. 65

Зимние сани – *dahuk'*. Ширак
Из кн.: *Тер Саркисянц А.* Армяне. История и этнокультурные традиции. С. 65

Волов и буйолов как вьючных использовали, как правило, только если не хватало ослов, мулов и лошадей при перекочевке на летние пастбища и обратно; они были основной тягловой силой. Значительно реже в этом качестве использовали лошадей, мулов и ослов.

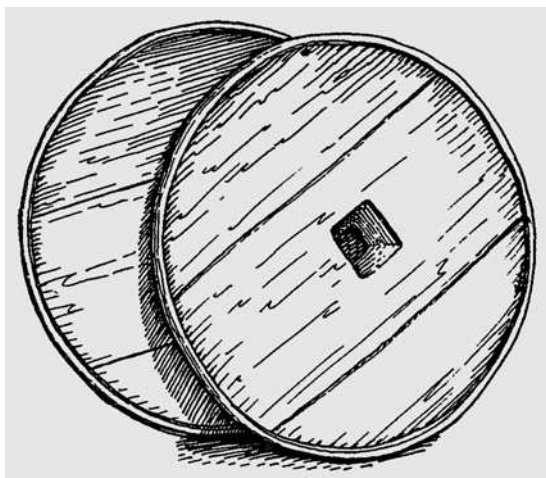
Снаряжение для вьючно-верхового скота отличалось большим разнообразием, причем наиболее древние образцы относятся еще к эпохе бронзы (Деведжян, 1981. С. 760, 761). Оно делалось из кожаных, войлочных, деревянных и даже металлических деталей. Существовал целый ряд ремесел, связанных с изготовлением снаряжения для различных видов скота. Описания с названиями отдельных частей этого снаряжения, упомянутые средневековыми армянскими авторами, в основном соответствовали той упряжи, которая применялась в крестьянском быту в XIX – начале XX в. (Петросян, 1974. С. 144).

Армянские народные упряжные средства передвижения были бесколесные (волокуши, летние и зимние сани) и колесные (арба и ее разновидности). Волокуши – *k'ašan*, широко распространенные в лесных районах Армении, изготавливали обычно из одного толстого или нескольких тонких стволов дерева либо из длинных веток. В Сюнике и Арцахе пользовались усовершенствованным типом волокуши – *кырыкашан*. Это была толстая ветка дерева, два ствола которой, несколько загнутые сзади, служили как бы полозьями, и все сооружение напоминало сани. Нижнюю часть «полозьев» для лучшего скольжения обтесывали, а на верхней в небольших углублениях вертикально укрепляли колья высотой примерно в полметра, на некоторые параллельно полозьям насаживали жерди. *Кырыкашан* использовали в основном в незимнее время для перевозки камней и других строительных материалов (Тер-Саркисянц, 1998. С. 67).

В горных районах, преимущественно в Западной Армении, зимой использовали *dahuk* – сани ручной тяги, отличающиеся от обычных саней тем, что их полозья в передней части постепенно поднимались и принимали настолько изогнутую форму, что человек, ухватившись за них, мог сам тянуть сани.

В некоторых крестьянских хозяйствах, преимущественно зажиточных, имелись сани, в которые зимой впрягали пару волов и ездили на них в гости, на свадьбу, в соседние села, в город, чтобы продать сельскохозяйственные продукты или дрова.

В Армении с древности были широко распространены различные типы арбы – *sayl, sel*. Известны обнаруженные археологами на обнажившемся после обмеления дне озера Севан близ селения Лчашен двухколесные и четырехколесные повозки и боевые колесницы позднебронзового периода (XIV в. до н.э.) (Петросян, 2007. С. 243). Многочисленные упоминания о колесных средствах передвижения имеются и у средневековых армянских авторов, начиная с V в. Правда, сообщаемые ими сведения относятся почти исключительно к высшим слоям общества, которые использовали для парадных разездов изящные, нередко позолоченные двух- и четырехколесные повозки (Тер-Саркисянц, 1998. С. 67). В крестьянском быту, преимущественно в равнинных и предгорных районах, пользовались двухколесной арбой со сплошными массивными колесами – *ma'ran sel*. (Петросян, 2007. С. 242, 243). Эти колеса, изготовленные обычно из трех кусков дерева, были наглухо насажены на квадратные концы оси, которая крутилась вместе с ними.

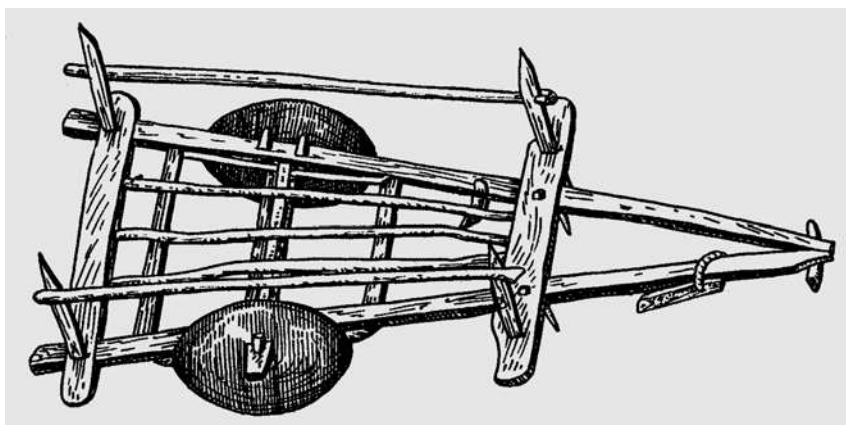

Массивные колеса –
maran sel. Лори

Из кн.: *Тер-Саркисянц А.*
Армяне. Из истории этно-
культурные традиции. С. 66

Арба для перевозки сена,
соломы

Из кн.: *Тер-Саркисянц А.*
Армяне. Из истории этно-
культурные традиции. С. 67

Кузов делался из двух длинных (5–6 м) квадратной формы балок, скрепленных в передней части колышком, продетым через отверстия на концах балок, которые, в свою очередь, скреплялись поперечными досками. В сквозные отверстия, сделанные на балках и поперечных досках, вставляли колья, а на них параллельно нижним боковым балкам насаживали жерди. Сконструированный таким образом кузов приобретал необходимую прочность, а форма его была удобна для перевозки различных грузов в горной местности. В некоторых гористых и лишенных удобных дорог районах Западной Армении (Мокс, Шатах) колесный транспорт отсутствовал; у местных жителей представление о колесе ассоциировалось с вращающимся круглым мельничным жерновом (*Обосян, 2007. С. 43*).

Начиная со второй половины XIX в. широкое распространение получила также двухколесная арба со спицами, ось которой была неподвижно прикреплена к кузову, а колеса свободно вращались на округлых концах оси.

Примерно в этот же период жители преимущественно равнинных местностей – в Араратской долине, Шираке, в районе озера Севан, Лори и Сюника – стали использовать и четырехколесную повозку со спицами. Это было

в значительной мере связано с появлением в этих местах русских и украинцев, в основном духоборов и молокан, которые привезли с собой четырехколесную телегу, получившую у армян название *rsi sel* (букв. «русская арба») (Тер-Саркисянц, 1998. С. 68).

С появлением и распространением современного транспорта не только постепенно выходили из широкого обихода традиционные средства передвижения, но и приходили в упадок связанные с ними ремесла и занятия.

Однако востребованность в современном сельском быту хорошо приспособленных к местным условиям народных средств передвижения полностью не исчезла: традиционная двухколесная арба, вьючные животные (мул, осел) еще частично используются в армянских селениях и в наши дни.

ГЛАВА 3 ПРОМЫСЛЫ

ГОНЧАРСТВО

Древнейшие гончарные изделия, обнаруженные на территории Армении, относятся к VI тыс. до н.э. (эпоха «гончарного неолита»), когда уже был известен обжиг и грубый орнамент (Арутюнян, 2008. С. 37–43). С первой половины III тыс. до н.э. появляется цветная керамика, с середины бронзового века – чернолощенная. Керамика, изготовленная на гончарном круге, встречается с середины II тыс. до н.э. (Саркисян, 1978. С. 51). Развитию гончарного ремесла во многом способствовало наличие сырья – высококачественной глины – *kav*, которая, согласно источникам, также вывозилась из Армении в Грецию, в страны Ближнего и Среднего Востока. Так, уже до I тыс. н.э. из Армении вывозился специальный вид красной глины, известный под названием «армянская глина» (*bolus armena*), использовавшийся в греческой медицине (Саркисян, 1978. С. 9). Высоко ценился также вид глины, которую арабы и персы называли *t'in armani* (Аракелян, 1958. С. 213). Залежи красной, белой и черной глины встречаются во многих местах на территории Армении. Больше всего использовалась красная глина («красная земля» или «сильная земля»). Залежи розовой глины известны в окрестностях средневековой столицы Двин, черной глины («черная земля», «жирная земля») имеются также в Апаране (у подножия горы Арагац), в Араратской долине, Шираке, Сюнике, белой – в Лори, Тавуше (Саркисян, 1978. С. 6–8).

В бронзовом веке многие хозяйственные и культовые предметы, формы для литья металла и прочее изготовлялись из глины с чернолощенной поверхностью и украшались геометрическими и растительными орнаментами (Ханзадян, 1967. С. 61–81). Высокого технического и художественного уровня достигла керамика в период Ванского царства. В IX–XIII вв. Двин, Ани и другие города средневековой Армении становятся крупными производственными центрами гончарных изделий, в которых мастера, как и другие ремесленники, были объединены в цеховые организации – *амкарства*.

Каждое из амкарств должно было построить часовню либо церковь в честь своего праотца, сохранять всегда горящую лампаду. Праотцом гончаров считался Бог-Отец, так как он создал Адама из глины и стал основателем гончарного ремесла (Абрамян, 1971. С. 134, 135).

Значительный прогресс в производстве керамики был обусловлен широким применением техники глазурирования. Для сосудов с глазурью выбиралась по возможности чистая светлая глина. Глиняный сосуд заранее покрыва-

Каркас со штампованным орнаментированным поясом. Двин. XII в.
МИА. Е 1794/500. Фото Л. Аванесян

ли белым ангобом, обжигали, потом покрывали несколькими слоями глазури, затем производили повторный обжиг сухого сосуда. Цвет глазури зависел от соотношения различных оксидов металла. Самыми распространенными цветами были зеленый, сине-зеленый, синий (кобальт) и желтоватый (*Хачатрян*, 1981. С. 145).

Армянские мастера изготовляли также пористый «прозрачный» фаянс. На сыром глиняном сосуде делались мелкие отверстия, которые покрывали прозрачной глазурью. Центром по изготовлению фаянса был Двин (*Кафадарян*, 1952. С. 218). В X–XI вв. в Ани и Двине изготавливался высококачественный полупрозрачный фаянс наподобие фарфора (*Аракелян*, 1958. С. 245). В XI–XIII вв. большое распространение для хранения душистых масел, ртути и лекарств имели яйцевидные сосуды из огнеупорной глины с утолщенными стенками, изнутри покрытые лаком.

В XV–XVIII вв. одним из крупных центров армянского гончарного искусства стала Кутина (Кутахия) в западной части Турции. Ее основной продукцией были изразцы и дорогие сервизы, вывозимые также в Европу.

Известен изготовленный в этом городе фаянсовый кувшин с армяноязычной надписью. На гончарной продукции встречаются много надписей на армянском языке, подписи и штампы армянских мастеров. В продукции Кутины большой популярностью пользовались декоративные яйца, предшественники

одноименной продукции ювелирных мастерских Фаберже. Фаянсовые яйца Кутины заказывались частными лицами, их дарили церквам во имя спасения души покойных родственников. Подобные яйца вешали также в греческих церквах, мусульманских мечетях (*Израелян*, 1999. С. 338).

В XIX в. гончарное дело продолжало сохраняться в городах и селах Армении. В городах оно было сосредоточено в мастерских, где работали мужчины, в селах оставалось на кустарном уровне, причем гончарным делом занимались и женщины (*Лисициан*, 1955. С. 194). В XIX в. мастерской гончара было одноэтажное строение. Посуду изготавливали на вращающемся диске гончарного круга диаметром в 20–35 см. Нижний конец оси диска соединялся с маховиком, который вращался ритмичными движениями ноги. Гончар – *brut* двумя руками придавал глине желаемую форму. В сушильне мастерской вдоль стен на низкие полки ставились необожженные сосуды. Во избежание быстрой сушки, чтобы избежать появления трещин, сосуды опрокидывали на горлышко и часто покрывали мокрыми тряпками (*Саркисян*, 1978. С. 55). После сушки керамика обжигалась в печах, которые примыкали к мастерской. От качества обжига зависели цвет и прочность изделий, цвет и оттенок глазури. Печи для обжига сооружались высотой в 3 м и шириной в 2–2,5 м. В них делались полки для складывания сосудов и пекла. Сосуды ставили на площади 2–2,5 м. Большие сосуды располагали в центре. Между ними укладывали куски обожженной глины и треножные опоры. После топки отверстие пекла закрывали плитками из обожженного кирпича и прилепляли сырой глиной. Закрывали также дымовую трубу. Огонь разжигали на 10–12 часов. Во время обжига между сосудами и вокруг них клали кизяк и поджигали его. Когда огонь полностью распространялся в печи, *тонир* закрывали глиняной крышкой, посыпали землей и уплотняли ногами. Процесс длился всю ночь (*Саркисян*. С. 46).

После обжига сосуды с крупными трещинами браковали, а маленькие трещины заделывали и снова ставили в горячую печь. Трещины заделывали смесью из ваты, извести и молока, на которую насыпали измельченную пыль глиняного сосуда. После обжига сосуды помещали в мучную воду или изнутри обмазывали *мацуном*, чтобы закрыть мелкие щели и добиться водонепроницаемости. Поверхность сосудов сглаживали деревянными и каменными гладилками и украшали точечными, волнистыми и зигзагообразными поясами, геометрическими, растительными орнаментами.

Вплоть до начала XX в. преобладала глиняная посуда. Из глины изготавливали также предметы утвари – от маленьких масляных лампад до огромных *карасов*, кирпичей, черепицы, труб и пр.

Самыми крупными изделиями из глины у армян были очаг- *тонир* (высота 1,25–1,4 м, диаметр 50–60 см, толщина стенок – 8 см) и *карас*. *Тонир* – глубоко вырытый в земле очаг – обычно выкладывала женщина. В *тонире* производился и обжиг самодельной глиняной посуды (*Лисициан*, 1955. С. 194).

Карасы, высотой до 1,1–1,4 м, иногда в человеческий рост и выше, вместимостью от 10 до 200 ведер, изготавливали гончары-ремесленники. Они использовались для хранения вина, масла, зерна и другой провизии. В эллинистической Армении *карасы* использовались также для погребения (*Хачатрян*, 1981. С. 31).

Глиняная утварь. Мартуни
(Гехаркуник). Экспеди-
ция. 1968 г.
Архив ИАЭ. Фонд С. Давтян

Зооморфный сосуд для
вина. Аштарак. Начало
XX в.
МИА. Е 6159. Фото Л. Ава-
несян

Кувшин. Иджеван. Конец XIX в.
МИА. Е 7936/9. Фото Л. Аванесян

Антропоморфная солонка в виде женщины.
Село Аруч (Ширак). Середина XIX в. Экспедиция. 1971 г.

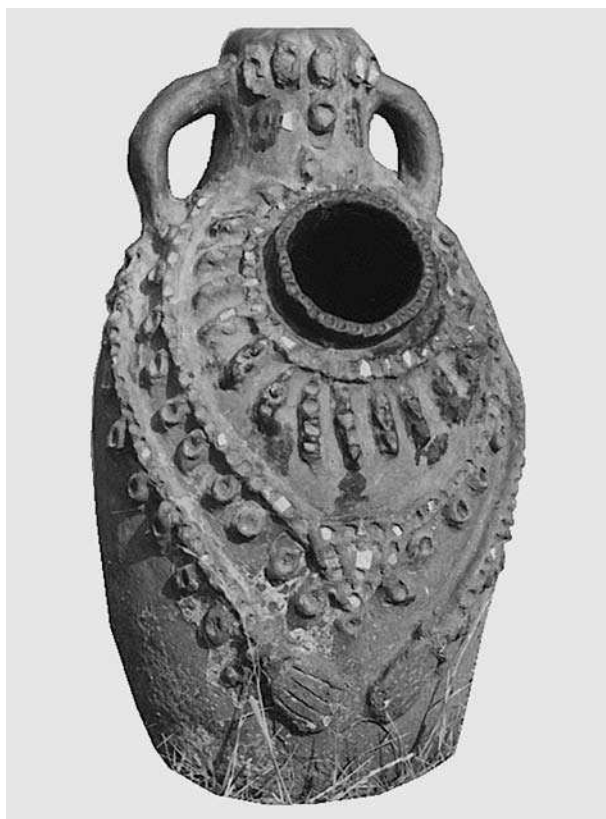
Архив ИАЭ. Папка 33. Фото Н. Папухяна

Для хранения крупы, масла и прочего служил глиняный *ošnak* с одним ушком, для варки пищи – *kšuč* с двумя ручками. Для вина использовались различной величины глиняные кувшины, в том числе зооморфные сосуды, преимущественно в виде овна.

Для доставки и хранения воды использовались большие – *kuž* и маленькие – *kula* глиняные кувшины. Это сосуды с узким длинным горлом, сравнительно широким корпусом и очень маленьким узким дном.

В употреблении имелись также глиняные небольшие кружки для воды, чарки, кувшинчики для мытья рук и множество других глиняных изделий, предназначавшихся для жидкостей. Для хранения молочных продуктов армяне использовали подойник, масленку, различного вида горшки и пр.

Маслобойки *xnoc'i* были двух видов – сидячие (глиняные) и висячие (деревянные и глиняные). Они известны в Армении уже с III в. тыс. до н.э. (Мартиросян, 1961. С. 67) и без существенных изменений дожили вплоть до наших дней.

Образцы антропоморных со-
лонок в виде женщины. Село
Мравян (Арагацотн). Экспеди-
ция. 1971 г.
Архив ИАЭ. Папка 33. Фото Н. Па-
пухяна

Вид антропоморфной солонки в виде женщины спереди и сзади. Село Мравян (Арагацотн). Экспедиция. 1971 г.

Архив ИАЭ. Папка 33. Фото Н. Папухяна

Из глины изготавливалась также кухонная посуда: блюда, тарелки, чаши, миски, крынки, солонки и пр. О солонках следует сказать особо. Эти керамические изделия в виде женских фигурок выделяются своей специфичностью. Они, за некоторым исключением, были распространены повсеместно в Западной и Восточной Армении. В некоторых местах корпус солонки изготавливался на гончарном круге, а верхняя часть – ручным способом (Бдоян, 1986. С. 9). Глиняные солонки – *alapan* представляют собой сосуды высотой до 75 см в виде беременной женщины с акцентированными женскими символами. Они имеют стилизованную женскую одежду и украшения: ободки, колье, нагрудные украшения, пояса. Волосы заплетены в косички, висящие на спине, руки (ручки) поставлены на верхнюю часть широкого живота. Глаза, брови, нос, рот делали методом наклепки или же нанизывания фаянса или цветных камней.

Армянские солонки в виде женских фигур имеют черты сходства с малоазиатскими и этрусскими сосудами. Подобный глиняный сосуд отождествлялся с женским телом и символизировал Богиню-Мать. Солонки в виде женской фигуры, помимо своего хозяйственного назначения, являлись также предметом культа у армян. Они ставились на самом почетном и видном месте в верхней части дома (Израелян, 1973. С. 143). Следует отметить, что соль у армян, как и у многих других народов, считалась священной: она подавалась с мясом жертвенного животного и бескровными жертвоприношениями вместе с мукой, подсолнечным маслом, ладаном, пшеницей на алтарь Бога или церкви (Христианская Армения. 2002. С. 31).

Глиняные плошки – *črag* в виде чаши с удлиненным для фитиля краем с одной стороны, куда вливалось масло, служили своеобразной лампой для освещения жилища. Использовалась глина также для изготовления амулетов, бус, печатей и т.п.

Сегодня в Армении гончарным делом занимаются лишь в некоторых селах Арагатской долины, Сюника, Карабаха, Ширака и других, изготавливая ограниченное количество *тониров* и керамических сосудов.

В городах развивается художественная керамика. Образцы традиционных сосудов небольшого размера приобрели декоративное значение, став сувенирной продукцией. В настоящее время наблюдается тенденция возврата к национальным истокам, в том числе и в области керамики.

КУЗНЕЧНОЕ ремесло

Кузнечное дело как ремесло первоначально имело универсальный характер и относилось к металлопроизводству. Не случайно среди ряда народов, в том числе и армян, встречаются такие определения как «кузнец меди», «кузнец серебра», «кузнец железа,» свидетельствующие, что в раннем периоде кузнечное ремесло и металлообработка были слиты воедино. Кузнечное дело как ремесло сформировалось в период обработки железа (Абрамян, 1946. С. 42; Аракелян, 1958. С. 133). Армения, будучи одним из его ранних центров, снабжала Междуречье и Ближний Восток сырьем и готовой продукцией. Данные об обработке рудникового железа относятся ко II тыс. до н.э. (Гогинян, 1964. С. 232; Арешиян, 1976. С. 97). О широком распространении использования железа уже в I тыс. до н.э. свидетельствуют многочисленные археологические находки на территории Армении. Обработка железа достигла весьма высокого уровня в период первых государственных формирований, ранних армянских государственных объединений и в период Ванского царства, о чем свидетельствуют изготовленные из железа высококачественные изделия. Согласно историческим источникам, и в дальнейшие периоды обработка металлов, особенно кузнечное ремесло, являлись одним из самых развитых видов ремесел и имели большое значение не только в Армении, но и за ее пределами. Армения являлась одной из тех стран, которая вывозила готовую продукцию из железа (Абрамян, 1956. С. 40–43).

В Средние века с развитием металлообработки произошло выделение смежных ремесел, в том числе и кузнечества. Уже Средневековье среди городских ремесленных организаций бок о бок сосуществовали и другие виды ремесел, родственные кузнечному (Абрамян, 1971. С. 23, 24; Аракелян, 1964. С. 181; Сехбосян, 1974. С. 179).

В отличие от городской среды, в селениях сохранялась универсальность ремесла, и кузнец – *darbin* одновременно выполнял работы коваля, изготовителя гвоздей, даже работы жестянщика и оружейника. Несмотря на то что в XIX в. городское и сельское кузнечные ремесла четко разъединились, тем не менее по своим основным технико-технологическим процессам работы и оборудованию они мало отличались одно от другого.

Кузница – *darbnoc*^c принадлежала семье (роду) кузнеца. Как правило, она переходила под руководство того мужчины, кто в семье наследовал кузнечное мастерство. Кузнец передавал тайны ремесла одному из своих сыновей, а за неимением наследника кому-нибудь из сыновей брата. При этом за критерий принимали не возраст, а особую сноровку и интерес к ремеслу. Если же подобные склонности проявлялись сразу у нескольких сыновей, тогда это право наследовал старший из них, а среди остальных определялся главный помощник (Тадевосян, 2007. С. 107).

Основными действиями изготовления изделий были: накаливание (раскаливание), ковка и закаливание. Кроме основных операций, применялись и дополнительные: пайка, резка и др.

Процесс накаливания начинался с подготовки огня в печи. Огонь разжигали вдуванием воздуха в печь через меха, изготовленные из кожи крупного рогатого скота. Обычно это делали утром на заре и гасили при закате солнца в конце рабочего дня. На протяжении всего этого времени, даже во время

Кузнец за работой

Илл. из личного архива А. Петросяна. Фото Г. Телумян

отдыха мастеров, огонь горел в печи постоянно. Огонь не гасили, а оставляли до тех пор, пока он сам погаснет. Железо раскаляли до тех пор, пока оно не приобретало ярко-багровый оттенок. Правильный нагрев был чрезвычайно важен, поскольку в противном случае железо могло испортиться и стать негодным для дальнейшего использования.

В основе процессаковки лежит придание железу заданной формы ударами молотка. Мастер ударом маленького молотка по куску железа обозначал ту точку, по которой большим молотком бил подмастерье или ученик. Помощник прекращал работу, когда мастер ставил свой молоток плоской стороной на наковальню (Тадевосян, 1992. С. 108). В процессековки раскаленное железо получало окончательный вид готового изделия. Для изготовления же определенных предметов использовалась также технология холодной закалки.

Послековки изделие закаливалось в воде, что позволяло достичь необходимой упругости и твердости металла, придающей обычному железу качество стали. Для этого необходима была высокая степень мастерства, поскольку в этом процессе кузнец ориентировался по изменениям оттенков цвета железа. Только опытным мастерам удавалось безупречно выполнять этот процесс. Закаливание начиналось с трех символических ударов молотка по раскаленному железу. Искры, отлетающие от этих ударов, считались дьявольским огнем. В народе верили, что во время закаливания с искрами от первых ударов молотка мастера выходит *огонь дьявола* и остается *божий огонь* (Тадевосян, 1990. С. 11).

Мастерства требовали и вспомогательные действия, особенно при выполнении приварки (медью, чугуном и железом). Эти процессы выполнялись при помощи специальных инструментов.

Центральное место в кузнице занимали печь, наковальня – *zndan*, небольшой каменный бассейн с водой. В оснащении кузницы имелись молотки разных размеров, различные виды щипцов, резцы, пробойники и стамески (долота) и т.д.

Печь состояла из каменной подставки в виде квадратного стола размерами 120 × 100 см и высотой 70–80 см, за которой была выстроена каменная или

Молотки

Илл. из личного архива А. Петросяна. Фото Г. Телумян

Ножницы

Илл. из личного архива А. Петросяна. Фото Г. Телумян

Щипцы

Илл. из личного архива А. Петросяна. Фото Г. Телумян

кирпичная «задняя стена» высотой в 160–170 см. Огонь горел в центральной части каменной подставки. За задней стеной находились меха, отверстия которых присоединялись к печи глиняной трубой, через которую подавался воздух. Наковальня была прикована к пеньку, зарытому в землю на глубину 70–90 см. Для удобства работы она находилась непосредственно перед печью, справа. Наковальни весили около 60 кг, хотя позднее, в конце XIX – первой половине XX в. появились наковальни весом до 90–120 кг. Верхняя часть наковальни, которая принимала на себя основную часть ударов, была покрыта стальным слоем, что придавало упругость ее поверхности, предохраняя от деформации. Наковальня имела продольную форму, с одной стороны остроцилиндрический выступ, а с другой – плоско-прямоугольной. Торчащая часть наковальни называлась *poz* – рог, противоположная плоская – *dmak* – курдюк, средняя часть называлась *mej*k – спина (Тадевосян, 1990. С. 10). Эти наименования напоминали названия частей тела барана, который у армян являлся символом героя Громовержца. Большой молоток кузнеца назывался *k'ran* – кувалда или *ur'n* – молот. С ним связаны поверья, символизирующие силу молотка кузнеца, считающегося священным: ему приписывалась возможность изгнания драконов, дьяволов и других злых сил.

В кузнице существовали определенные правила оплаты: натуральная и денежная. Натуральная оплата производилась в основном зерном, иногда даже мелким рогатым скотом. Случалось, что заказчик в качестве оплаты отработывал в хозяйстве кузнеца.

Кузнец играл важную роль в жизни традиционного армянского общества как в повседневном быту, так и в соционормативной культуре. Его значение в хозяйственной жизни общины было связано прежде всего с изготовлением земледельческого инвентаря (плуг, соха, серп, лопата, тесло для прополки и др.), подковыванием волов и лошадей и прочее, что имело важное значение в обеспечении успешной сельскохозяйственной деятельности. Он также изготавливал инструменты и для ремесленников других профессий: столяра, каменщика и прочее, благодаря чему его называли «мастер мастеров» (Тадевосян, 2007. С. 105). Услуги кузнеца не ограничивались лишь своим селением, охватывая иногда и соседние. Таким образом, кузнец являлся одной из тех личностей, которых знали далеко за пределами своей общины и, будучи известным мастером, он пользовался уважением и авторитетом во всей округе.

Не менее важным был социальный статус кузнеца в общественной и обрядовой жизни. Он считался приносящим удачу (букв. «легкая нога»), и потому желанным гостем: его посещения были всегда в радость хозяевам. «Делить хлеб» с кузнецом было почетно для крестьян. Во время свадебных торжеств кузнец занимал одно из почетных мест среди гостей (Петросян. С. 106).

Кузнец играл регулятивную роль в коммуникационной системе традиционной общины, а кузница занимала центральное место в организации ее культурного пространства. Обычно в селениях кузница, как и церковь, находилась на прилегающей к центру территории. Такое центральное местонахождение кузницы было связано не просто с удобством пользования ею. С ритуальной точки зрения оно было включено в пространство священного центра поселения. Кузница была также одним из мест общения пожилых мужчин: в коммуникационной системе общины с ее четкой половозрастной градацией вход в кузницу, согласно обычаю, для женщин был строго огра-

ничен (только пожилые женщины и лишь в исключительных случаях могли туда входить).

Кузнец играл также важную роль в празднично-ритуальной жизни общины. Он участвовал как в ритуалах календарной обрядности, так и связанных с экстремальными ситуациями. Согласно поверьям, в дом кузнеца боялись войти дьяволы и злые силы, а предметы, изготовленные кузнецом, считались талисманом и оберегом.

Важная роль отводилась кузнецу во время празднования Нового года и Пасхи. До второй половины XX в. у армянских кузнецов сохранилась традиция в первый день Нового года наносить ритуальные удары по наковальне, с чьей помощью, считалось, закреплялись цепи армянского мифического героя-царя Артавазда (вариант: Шидар). «Сказывают об этом и старухи, будто заточен он в какой-то пещере, скованный железными цепями. И две собаки непрестанно грызут эти цепи, и он рвется выйти и положить миру конец. Но от звона кузнечных молотов, говорят, его оковы крепнут. Поэтому и в наши времена многие кузнецы, следуя легенде, по воскресным дням трижды или четырежды бьют по наковальне, дабы укрепились, как говорят, цепи Артавазда» (*Хоренаци*, II, 61. 1990).

Среди армян прикованный герой характеризуется в основном отрицательными, разрушающими мир качествами. Анализ ритуала позволяет выявить в нем сюжет громовержца индоевропейского мифа, где роль громовержца играет кузнец, борющийся против прикованного демона. Учитывая, что свидетельство относится к V в., нетрудно представить, насколько архаичен этот ритуал.

В канун Пасхи, в полночь, при лунном свете по просьбе пожилых женщин общины кузнец изготавливал кольца или браслет – *urbatarur* и ожерелье – амулет для беременных женщин как оберег от сглаза и злых сил. Он использовал для этого особое железо, предварительно собранное с семи кварталов деревни. В полном молчании после предварительного нанесения по наковальне трех или семи ритуальных ударов, он изготавливал указанные предметы.

По поверьям, в ночь Страстной пятницы начинается борьба между противоборствующими силами. Кузнец в ходе ритуала ударами своего оружия – молотка по наковальне символически гонит и приводит в бегство живущую в нижней части Всемирного Древа (наковальни) Космическую силу. С помощью этой борьбы перерождается (творится) солнце, которое в ритуале символизируется кольцом, браслетом или ожерельем (*Гадевоян*, 2007. С. 125). А факт их ношения невестками или беременными женщинами объясняется тем, что праздник, включающий идеи перевоплощения, творения и рождения Космоса, символически включает в себя также все то, что связывается с рождением и пробуждением.

В ритуалах, связанных с регуляцией экстремальных ситуаций, в персонаже кузнеца также прослеживаются черты громовержца. Во время засухи, по просьбе жителей общины, кузнец исполнял обряд вызывания дождя. Ударами по наковальне он символически обезвреживал закрывшего истоки небесных вод дракона *višar*. В лечебной магии вонзанием своего раскаленного железа грома в воду он передавал ей лечебные функции.

Ритуалы, связанные с кузнечным делом у армян, позволяют выявить их общее сходство с характерными индоевропейскими ритуалами, относящими-

ся к мифологеме громовержца, где кузнец борется с драконом, олицетворяя самого громовержца и творца небесных светил (*Tadevosyan, Petrosyan, 2001. С. 215*). Мифологические данные, наряду с археологическими, свидетельствуют о древних истоках кузнечного ремесла в Армении.

ОРУЖЕЙНОЕ ДЕЛО

Оружейное дело является одной из древнейших отраслей традиционных ремесел у армян. Раньше остальных отделившись от кузнечества, оно изначально было своеобразным, сугубо городским ремеслом, а со временем приобрело особый почерк и в Средневековье разделилось на узкоспециализированные подгруппы (*Аракелян, 1958. С. 142, 143*). С точки зрения техники и технологических особенностей и умений, а также используемых инструментов и приспособлений, оружейное дело имело множество взаимосвязей с разными отраслями металлообработки (особенно кузнечеством) и смежных занятий. При этом технологический цикл обработки железа и получения высокопрочной стали армянскими оружейными мастерами был доведен до совершенства. Именитые мастера свято хранили тайну получения «дамасской стали» и ее местной разновидности, известной под названием «букетный дамаск» (*Аганян, 2000. С. 135*). Почти во всех ремесленных центрах, где были развиты цеховые организации, и в Средневековье, и в Новое время существовали особые ряды оружейных мастерских, которые соседствовали с кузнями. Убранство оружейной мастерской, приспособления и инструменты оружейника были идентичны с кузнечными. Учитывая более широкое применение холодной обработки металла, здесь были также токарные и слесарные станки и приспособления (*Аракелян, 1958. С. 146.*)

По данным армянских и иностранных источников почти во всех армянских ремесленных центрах (Ван, Карин, Карс, Ереван, Шуши, Нахичеван, Александрополь, Ахалцих, Ахалкалак, Тифлис, Константинополь и др.) насчитывалось значительное число оружейников-армян, многие из которых являлись придворными мастерами, чья слава выходила за пределы своих городов.

В XVI–XVII вв. широкое распространение огнестрельного оружия на Востоке стимулировало производство стрелковой техники. Армянские оружейники довольно быстро переняли навыки в этой сфере производства, став законодателями моды. До конца XIX в., благодаря своему изысканному украшению, винтовки и пистолеты, как и традиционное холодное оружие, имели значительную декоративно-художественную ценность. Применение огнестрельного оружия, естественно, породило новые, узкоспециализированные разветвления в армянском оружейном искусстве, постепенно вытеснив производство оборонительных и других видов традиционного оружия. В конце XVIII – начале XIX в. многие из этих ремесел перестали существовать, а представители этих профессий, переключившись, стали изготавливать бытовые изделия, как например, знаменитые семьи пушечных дел мастеров Топчянов (пушкарей) и литейщиков ядер Токмаджянов, в фамилиях которых сохранилось изначальное название их рода занятий.

В отличие от того же кузнечества, в оружейном деле было значительно меньше подмастерьев и учеников. Оружейники более, чем представители

других ремесел, были склонны передавать свои умения и тонкости профессии только сыновьям или ближайшим родственникам. Многие из мастеров, не имея наследников, так и не оставили после себя достойных продолжателей своего дела, которые постигли бы тайны этого сложного и трудоемкого ремесла. Стоит отметить, что продолжительность обучения этому ремеслу и постижения азам мастерства была более длительной, чем в других смежных отраслях: в Александрополе 6–9, в Ахалцихе – 5–7 лет.

Оружейное дело включало в себя элементы многих смежных ремесел. Это, в первую очередь, разные отрасли металлообработки: кузнечество, слесарное, токарное, ювелирное, медное и литейное дело, а также обработка дерева, кости, драгоценных и полудрагоценных камней. Оружие, будь то стрелковое или холодное, являлось также предметом роскоши, что предполагало необходимость наличия элементов ювелирного искусства в оружейном деле. Не случайно на Кавказе оружейников часто приравнивали к ювелирам. Если европейское утилитарное стрелковое оружие не отличалось роскошной отделкой, то их восточные аналоги являлись образцами художественно-прикладного искусства. Значительную роль здесь сыграли традиции украшения восточного холодного оружия, которые со временем перешли в сферу производств стрелкового оружия. На бытовом уровне, особенно в элитарной среде, оружие оставалось предметом роскоши, частью мужского костюма и элементом внутреннего убранства жилища. В крупных ремесленных центрах, таких как Карин, Константинополь, Тифлис и других, среди армянских оружейников в качестве самостоятельных занятий существовали такие узкие специализации, как изготовление сабель и кинжалов, стволов, прикладов и бойков. Внутри оружейного ремесла формировалась также трудовая кооперация, где одна узкая специализация дополняла другую (Аганян, 2000. С. 133).

С оружейным делом непосредственно была связана торговля оружием в ряде армянских городов. Например, семья Тампушянов сначала в Карине (Западная Армения), а после переселения – в Ахалцихе вплоть до 20-х годов XX в. занималась торговлей боевым, холодным и охотничьим оружием и запчастей к нему, а также разными боеприпасами: порох, свинец, гильзы, дробь, запалы. На продажу выставлялись не только привозные товары, но и производство местных мастеров (Абрамян, 1971. С. 59).

Оружейники еще в Средние века имели свое особое место в системе цеховых организаций, и в качестве святого покровителя-патрона чтили исконно армянского святого Ованнеса Одзнеци. Это явление довольно примечательно, так как святыми покровителями всех других цехов являлись библейские персонажи или христианские святые – пророки Илия, Давид, Иосиф и др. В случае же с оружейниками мы имеем дело с реальным историческим персонажем – католикосом Ованнесом III Одзнеци (717–728), который был одним из самых выдающихся представителей Армянской апостольской церкви и юрисдикции, выступившим против павликианской секты. В средневековых миниатюрах Св. Ованнес всегда изображался с мечом в руках (Аганян, 2000. С. 132).

Оружейное дело можно рассматривать в двух аспектах: с точки зрения прикладного назначения и по материалу и технике изготовления. По прикладному назначению оружие разделяется на три группы: боевое, охотничье и декоративное оружие как часть мужского костюма или украшение интерь-

ера дома. По материалу, технике и технологическим особенностям мастера оружейного дела делятся на следующие группы: а) производители холодного оружия; б) изготовители или сборщики металлических частей стрелкового оружия; в) изготовители вспомогательных и неметаллических частей стрелкового оружия; г) изготовители оборонительных доспехов; д) пушечных дел мастера и литейщики ядер.

Производители холодного оружия продолжали богатые древние традиции. Они сохраняли все умения и навыки своего ремесла, технику и технологические тонкости и особенности украшения своей высокохудожественной продукции. Средневековые города Ани и Двин были знаменитыми центрами оружейного искусства, и слава производимых здесь копий, мечей, сабель, кинжалов, секир, когтей, булав, боевых топоров и т.п. выходила за пределы Армении. В XI в. после переселения из Ани в Крым, а затем во Львов, Каменец-Подольск армянские мастера привезли с собой высокую культуру и навыки оружейного искусства. Зарубежные авторы средневекового и нового периодов с восхищением отзывались о безукоризненных стальных клинках армянских мечей и кинжалов, о высококачественном искусстве росписи их рукояток и ножен (*Аганян*. С. 133). Особенно славились мастера холодного оружия из Карина, которые в 1829–1832 гг., после переселения из Западной Армении на территорию Российской империи, на новом месте жительства продолжали заниматься своим традиционным ремеслом. Их продукция выдерживала острую конкуренцию с имевшими широкую известность северокавказскими (лезгинскими, кубачинскими, адыгейскими и др.) высококачественными образцами холодного оружия.

В своем отчете от 1870 г. губернатор Тифлисской губернии упоминал имена пятерых мастеров-армян из Ахалциха, которые получили большую известность даже за границей. Двое из них были мастерами холодного оружия (*Аствацатурян*, 1977. С. 117). Посетивший в 1872 г. Ахалцих член Русского Императорского географического общества Л. Загурский в своих записках сравнивал продукцию местных мастеров серебряного дела и оружейников с искусством византийских мастеров (*Загурский*, 1873. С. 24; цит. по: *Аганян*, 2000. С. 133).

В XIX – начале XX в. в производстве холодного оружия сохранялось изготовление сабель, кинжалов и простых бытовых ножей. Мастера занимались также починкой указанных изделий. Они изготавливали и чинили сабли, ятаганы, казацкие или кавалерийские короткие шашки, восточные кинжалы и ножны для них. Мастера кинжалов с одинаковым успехом владели всеми тонкостями кузнечного и серебряного искусств. На Кавказе славились кинжалы ахалцихских мастеров, а семья Коджоянов имела свои магазины и мастерские в крупных городах Северного Кавказа. Не меньшей славой пользовались и две ветви семейства Клячюнов в Карсе и Александрополе (*Аганян*, 2000. С. 133). Производители простых ножей и лезвий занимались изготовлением бытовых или ремесленных инструментов: ножи для мясника, кожевника, сапожника, лезвия для цирюльника и др. В середине XIX в. в Тифлисе существовал цех ножевых мастеров, 90% членов которого были армяне (*Аганян*, 2006. С. 47–51). В XIX в. мастер по изготовлению стрелкового оружия являлся универсалом, вобравшим умение и тонкости профессий кузнеца, слесаря, токаря, литейщика и ювелира. По мере распространения затворных, многозарядных

винтовок это ремесло начало угасать, а часть ремесленников стала заниматься или починкой старых и новых образцов винтовок, или становилась обыкновенными слесарями и токарями. Такая же участь постигла и производителей ружейных прикладов. Следует подчеркнуть, что приклад и цевье старых пищальных и колесцовых ружей являли собой настоящие произведения искусства. Мастер, делавший приклады, владел искусством инкрустации, умением ювелира, краснодеревщика и резчика по кости.

В 70-е годы XIX в. изготовленная знаменитым оружейником Мкртычем (старшим) Чифталаряном винтовка с инкрустированным серебром и слоновой костью прикладом была преподнесена в дар отдохнувшему в Абастумане царю Александру II, который очень высоко оценил эту тонкую и изящную работу. В знак благодарности государь назначил искусному мастеру награду в 100 золотых рублей (*Аганян, 2000. С. 134*).

Свое место среди узких специализаций оружейного дела имели мастера по изготовлению кремневых винтовок и пищалей, позже – колесцовых бойков и т.д. Наилучшим сырьем для кремневых запалов армянские мастера считали горный агат. Молоточек делали из латуни, на которую наносили замысловатые резные орнаменты.

В кооперации с мастерами стрелкового оружия работали серебряных дел мастера, которые специализировались в изготовлении так называемых винтовочных и пистолетных браслетов, исполненных техникой черни. Этими кольцами-браслетами укреплялись ствол и другие боевые части винтовки и пистолета к прикладу и на цевье.

Со второй половины XIX в. намечается всеобщий спад многих отраслей оружейного дела. В конце XIX – начале XX в. часть оружейников занималась лишь ремонтом боевого и охотничьего оружия. Во время Крымской (1853–1856 гг.) и Русско-турецкой (1877–1878 гг.) войн ахалцихские и александропольские оружейники чинили русские штатные винтовки и холодное оружие. Большая часть мастеров переквалифицировалась, занимаясь починкой разных механических приборов, например, только что вошедших в быт швейных машинок, механических молотилок, сепараторов и др. Обретенные в смежных, особенно в слесарном и токарном, ремеслах навыки позволили оружейникам быстро и безболезненно «сориентироваться» и приспособиться к новой ситуации. При советской власти лишь единицы легально занимались своим ремеслом (*Аствацатурян, 1977. С. 67*).

В 1862 г. знаменитый ахалцихский мастер Геворк Бурунсузян представил на Лондонской международной выставке восточную саблю и кинжал. Некоторые восточные сабли работы мастера Геворка хранятся в Государственном Эрмитаже (инв. № 2824; № 3956) и в Государственном историческом музее РФ (инв. № 3041). Они имеют соответствующую надпись: «Работаль переселянин Магдесий Кеорк Пурунсузов 1834г.» и носят личный вензель царя Николая I (*Аствацатурян, 1977. С. 65–67*). В 1867 г. на Парижской выставке Мкртыч (старший) Чифталарян представил саблю, пистолет и карабин с серебряной отделкой и охотничий нож, которые были удостоены золотой медали. Последним потомственным мастером-оружейником был Пашик (Мкртыч младший) Чифталарян (1900–1990 гг.), который даже в преклонном возрасте продолжал заниматься своим ремеслом. Он изготовлял превосходные инкрустированные охотничьи ножи и ремонтировал раритетные образцы оружия

коллекционеров со всех концов советской страны. Выходец знаменитой династии, по профессии инженер-гидротехник, будучи уже на девятом десятке лет, он смастерил миниатюрные пистолеты с серебряным убранством и после Спитакского землетрясения 1988 г. в знак благодарности подарил председателю Совмина СССР Н.И. Рыжкову за его неоценимый вклад в организацию восстановительных работ и помощи в зоне землетрясения в Армении (*Агамян*, 2000. С. 130).

ЮВЕЛИРНОЕ ДЕЛО

Армянское нагорье, исключительно богатое сырьевыми ресурсами, сыграло значительную роль в процессе формирования и развития металлургии, в частности, золотодобычи, ювелирного дела, выпуска и обращения золотых монет древнего и средневекового Востока. Начиная с эпохи ранней бронзы, на Армянском нагорье сформировался самобытный очаг ювелирного дела, которое становится отдельной отраслью декоративно-прикладного искусства. Стилистические и композиционные особенности золотых образцов декоративно-прикладного искусства, тенденции и процесс видоизменений, сравнительные аналогии показывают, что армянские мастера-ювелиры, будучи знакомы с достижениями современного им ювелирного дела, в своих творческих поисках уделяли больше место унаследованным от предков принципам и архетипам (*Золото Древней Армении...*, 2007. С. 317). Найденные на территории Армении кубки, чаши, ювелирные изделия из золота и серебра выделяются изысканным вкусом и высоким мастерством.

На северо-востоке Армянского нагорья (на территории Республики Армения) золотые украшения начинают носить со второй четверти III тыс. до н.э. Сырьевыми источниками для местного златоделия могли служить отдельные месторождения и проявления золота, общее количество которых на территории Армении составляет несколько десятков. Самые ранние образцы золотых изделий обнаружены на памятниках раннего бронзового века (Мецамор, Шенгавит, Хаченагет, Степанакерт), представляющих различные этапы развития куро-араксской культуры (*Золото Древней Армении...* С. 321).

Древние образцы ювелирного дела Армянского нагорья в силу своего совершенства и видового многообразия являются не только выразительным свидетельством канонической системы мировоззрения, но также очерчивают ареал определенного художественного стиля и эстетических норм, имеющий свое определенное место в ювелирном деле Древнего мира. Лучшим свидетельством этому являются найденные в погребениях Ванадзора, Айгешата, Одзуна, Карашамба, Лори-Берда украшения, пряжки и медальоны из золота и серебра с орнаментированной поверхностью.

Если для ювелирного искусства среднего бронзового века были характерны техника филигрانی и зерни, то, начиная с ранних этапов позднебронзового века, распространяются изделия, изготовленные в технике перегородчатой филигрانی, появляются новые формы и предметы. Исключительными образцами ювелирного дела XVI–IX вв. до н.э. являются навершия жезлов с парой зооморфных голов из Ванадзора, фигурка лягушки и нагрудное украшение с изображением головы льва из Лчашена, символизирующие женщин подвес-

Ожерелье. Мещамор. XII–IX вв. до н.э.
Из кн.: Золото Древней Армении. Табл. LXI

Ожерелье. Лори Берд. Первая половина XV–
XII вв. до н.э.
Из кн.: Золото Древней Армении. Табл. XLIX

ки из Лори-Берда, Лчашена и Ванадзора и др. (Золото Древней Армении... С. 322)

Ювелирное искусство этого периода теснейшим образом связано со стилистическими особенностями искусства Ванского царства (IX–VII вв. до н.э.). Особенно богаты погребения Лори Берда. Впервые найдены бусина в виде льва, изготовленная с применением почти всех технических средств современного ювелирного дела, золотые диадемы, золотой браслет с окончанием в виде головы змеи и т.д. Браслеты, связанные с культом змеи, мужского начала, добрых сил и плодородия, были широко распространены в Ванском царстве с VIII в. до н.э.

Найденные в Арташате и Гарни формочки, инструменты, полуфабрикаты, золотые изделия свидетельствуют, что в эллинистической Армении мастера применяли техникуковки, литья, инкрустации, штамповки, гравировки, напильничания, переплетения зерна с нитью (филигрань), позолоты, протяжения проволоки разной толщины и изготовления тонких нитей, вальцевания, пергородчатой эмали и пр.

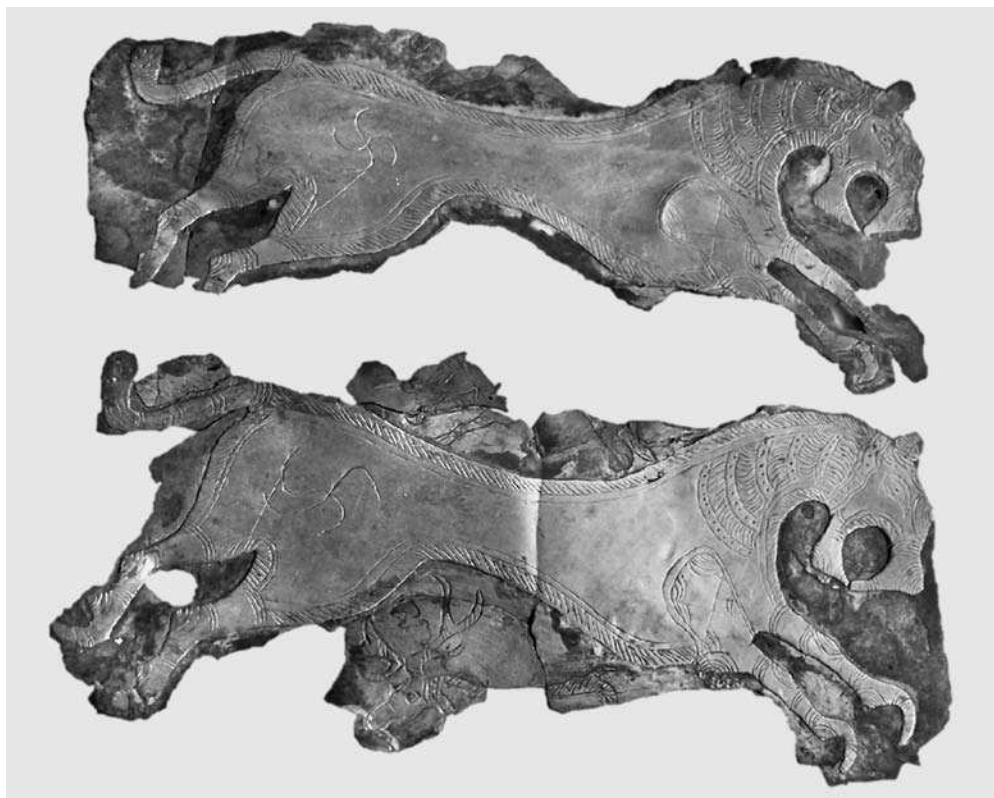
Браслет. Лори Берд. VII в. до н.э.
Из кн.: Золото Древней Армении. Табл. LXXXV

В эллинистический период, однако, чаще используется литье и штамповка. Развитию ювелирного дела значительно способствовало открытие в I в. до н.э. вальцевания, что дало возможность получать качественные, тонкие, одинаковой толщины пластины. Последнее стимулировало развитие техники паяния (Золото Древней Армении...С. 325).

В Средневековье ювелирное дело достигло более высокого уровня. В крупных городах Армении: Двин, Ван, Арцн, Карин и других работало множество ювелиров, объединенных в ремесленнические цеховые организации.

Применялось множество технических способов: моделировка воском, отливка при помощи формы, ковка, чеканка, украшение зернью, гравировка, золочение, серебрение, чернение и др. В ювелирном деле отдельную область ремесла составляли серебряных дел мастера. В этих городах ювелирные мастерские и лавки заполняли целые улицы (*Аракелян*, 1958. С. 180). Одним из наиболее замечательных образцов средневекового армянского ювелирного дела является так называемая чаша Вильгорда, изготовленная в Киликии в XII–XIII вв.

Другой интересный образец прикладного искусства – золотая чаша, найденная при раскопках Аргашата.

Позолоченные накладки на серебряном поясе в виде изображения льва. Мецамор. Конец XII–IX вв. до н.э.

Из кн.: Золото Древней Армении. Табл. LXIX

В средневековом ювелирном искусстве лучшими образцами являются предметы церковной утвари (потиры, чаши, мирницы, дароносицы), высших сановников (чинов) духовенства (панагии, жезлы и орлы католикоса, перстни-печати и др.) серебряные обложки – футляры Евангелий. Примечательны ларцы для хранения мощей, инкрустированные золотыми и серебряными тонкими пластинами и драгоценными камнями, датируемые X–XIV вв. Большое распространение получило златоткачество, лучшими примерами которого являются образцы детской одежды, найденные при раскопках Ани. Из памятников изобразительного искусства лучше всего сохранились миниатюры манускриптов, в самых ранних из которых (VI–VII вв.) наряду с ценными красками одновременно применялось и золото. Золото использовалось также для изготовления драгоценных обложек рукописей.

Армения в древности и Средневековье являлась перекрестком международных торговых дорог, связывающих Восток с Западом. Самые ранние золотые монеты, найденные в Армении, отчеканены во время Александра Македонского. Они были в обороте в III–I вв. до н.э. и имели значение международной валюты. В I в. до н.э. Армения была включена в денежную систему Рима. Для нумизматики Армении особое значение имеют золотые мо-

Женский пояс, серебро, г. Нахичеван, 1860-е годы
МИЕ. Инв. № 2221. Фото В. Акопяна

неты Киликийской Армении, выпущенные царями Леоном II (1198–1219), Хетумом I (1226–1271) Константином I (1298–1299) (Золото Древней Армении..., 2007. С. 327). В Средние века золото наряду с расширением функции всеобщего обменного эквивалента накапливалось в виде кладов. Оно, так же как и серебро, считалось священным царским металлом, и в составе кладов главенствующее место в иерархической последовательности занимало золото, серебро, драгоценные камни, одежда, различные царские, княжеские, церковные знаки и утварь, а также книги.

Традиции армянского ювелирного дела, сохраняясь на протяжении веков, дожили до наших дней. В XIX – начале XX в. ремесло армянских ювелиров, продолжая лучшие традиции предшественников, приобрело новые качества и расширило производство за счет изготовления новых предметов быта, которые широко вошли в городскую жизнь и стали одним из главных показателей элитарной культуры. Употребление в быту серебряной посуды (тарелки, ложки, чашки, подстаканники и др.) свидетельствовало о высоком положении и жизненном уровне городского населения. От обилия ювелирных украшений зависела роскошность и привлекательность нарядов армянской женщины (Карин, Карс, Ахалцха, Александрополь и др.).

Исходя из технико-технологических и художественных особенностей армянского ювелирного дела, выделяется целый ряд школ: Вана, Васпуракана, Карина (откуда вышли школы Карса, Ахалцха и Александрополя), Сюник-Арцаха, Малой Армении, Киликии и др. Армянские мастера по изготовлению золотых и серебряных изделий имели высокую репутацию и в армянских общинах Константинополя, Тифлиса, Крыма, Польши, Астрахани, Нор Джуги и

Женский пояс, позолоченное серебро. Ахалциха (Грузия), 1920-е годы
МИЕ. Инв. № 2160-1. Фото В. Акопяна

др. Как и средневековые мастера, в XIX – начале XX в. они также были объединены в *амкарства*. Каждая ювелирная школа имела свою специализацию и направленность со своим комплексом орнаментальных мотивов. В целом для всех из них были характерны растительные и геометрические узоры.

Так, например, Ван-Васпураканская школа славилась изготовлением серебряных и позолоченных (с эмалью) поясов и украшений, предметов утвари городского быта и многими другими видами прикладного искусства. Васпураканской школе было свойственно использование также зооморфных и антропоморфных узоров, а также изображение известных памятников и портретов знаменитых армян.

Орнамент на больших по объему предметах (поднос, бокал, тарелка, портсигар, дамская сумка и др.) был более разнообразен, чем на мелких (серьги, кольца и пр.).

Для Карино-Ахалцихско-Александропольской школы была характерна техника зернения и филиграни, при помощи которой изготавливались декоративно-прикладные предметы и украшения (салфетницы, височные украшения, браслеты, серебряные и позолоченные пояса, рукоятки для кинжалов и пр.).

Член Русского Императорского географического общества Л. Загурский, с восторгом отзываясь о ювелирном искусстве ахалцихских мастеров, подчеркивал выделку пистолетных стволов с резьбой, «в особенности же филигранные серебряные изделия, напоминающие лучшие времена Византии. Сколько в их отделке чистоты, тонкости и изящества!» (*Загурский*, 1873. С. 24).

Сюник-Арцахской школе были свойственны пояса и украшения в технике зернения, чернения.

Армянские ювелиры использовали более полутора десятка технико-технологических способов: литье в восковых и глиняных формах, ковку-закачивание, орнаментирование, печатание (клеймование), получение цилиндрических жестяных предметов, плетение ниток, зернение, гравирование, покрытие золотом или серебром, червление, посеребрение, получение сплавов из серебра и золота и др. (*Аствацатурян, 1977*).

Параллельно с ювелирным, существовали и другие ремесла, из которых самым известным было искусство обработки драгоценных и полудрагоценных камней. Оно принесло славу армянским ювелирам, чьи высокохудожественные творения пользовались большим спросом у состоятельных слоев населения Востока и Запада. Армянские ювелиры из Индии достигли больших успехов в обработке полудрагоценных и поддельных камней (бижутерии). В XVII–XIX вв. ими была изготовлена почти половина продаваемых в Европе подобных украшений. Одним из лучших образцов армянского мастерства является обрамленный бриллиантами трон, преподнесенный в дар русскому царю Алексею Михайловичу (ныне хранится в Оружейной палате Московского Кремля). Высокохудожественные работы армянских ювелиров хранятся во многих музеях мира и в частных коллекциях (Британский музей, Лувр, Эрмитаж, Оружейная палата Московского Кремля и др.)

Высокохудожественная продукция армянских ювелиров пользовалась большим спросом и в советские годы, причем не только в Армении, но и за ее пределами, в частности в России и большинстве республик бывшего Союза. Решающее значение в ювелирном производстве имело основание в 1951 г. Ереванской ювелирной фабрики (с 1965 г. – завода), где наряду с массовой продукцией золотых изделий, опирающейся на лучшие традиции предшественников, создавались уникальные авторские работы, успешно демонстрирующиеся на всесоюзных и международных выставках (*Ювелирное искусство Армении...*, 1983. С. 12). В 1960–1970-е годы появилась целая плеяда профессиональных и народных мастеров, в чьем искусстве успешно сочетались традиционные навыки и современные новации. Достойны упоминания выгравированные армянскими мастерами золотые буквы армянского алфавита и золотой крест, хранящиеся в резиденции католикоса всех армян в Первопрестольном Св. Эчмиадзине, являющиеся шедевром современного ювелирного искусства.

В настоящее время в области ювелирного искусства работает также немало индивидуальных мастеров, выполняющих работы на заказ. В своих золотых и серебряных изделиях и украшениях они придерживаются, с одной стороны, традиционной техники и национальных орнаментальных мотивов, одновременно учитывая требования современного дизайнера, с другой. Выполненные с большим художественным вкусом и на высоком уровне, эти изделия пользуются спросом как у местных жителей, так и многочисленных туристов. В Ереване они реализуются в основном на вернисаже и «золотом рынке», представляя собой сувенирную продукцию.

ТКАЧЕСТВО И РУКОДЕЛИЕ

Ткачество. Среди многочисленных домашних промыслов и ремесел традиционного армянского быта одним из основных было ткачество. При слабо развитой промышленности, с одной стороны, и наличии необходимой сырьевой базы, с другой, ткачество было распространено повсеместно. Его продукция обеспечивала не только все нужды натурального домашнего хозяйства, но и шла на продажу. Поэтому ткачество у армян изначально развивалось в двух направлениях: как кустарный домашний промысел и как ремесло, что способствовало производству и употреблению разнотипных и разнообразных тканей в быту армянского населения. Ткацкое ремесло переходило из поколения в поколение. О значении и роли ткачества и связанных с ним ремесел в традиционном быту армян свидетельствует тот факт, что их наименования легли в основу некоторых фамилий (Манарян, от арм. *manel* – прясть; Гзрарян, от *gzet* – чесать, трепать и др.).

Высококачественная продукция армянских мастеров, особенно западных областей, пользовалась популярностью и имела рынки сбыта далеко за пределами Армении. Изделия ткачей из Западной Армении (Шатах, Арабкир, Сивас, Малатия, Шапин-Караисар и др.) – тонкие полотна, всевозможные полотенца, занавеси, покрывала, вязаные изделия и прочее – славились по всей Малой Азии, на Балканах, в портах Средиземноморья. Высокую ткацкую технику сохранили армяне, переселившиеся в Польшу, где они ткали знаменитые луцкие пояса, которые настолько вошли в быт местных жителей, что их стали называть польскими.

Для выделки ниток армяне использовали различное сырье: шерсть, войлок, хлопок, шелк, кое-где также лен. Однако в крестьянском хозяйстве основным материалом оставалась шерсть, в первую очередь овечья, затем и козья. Кустарное производство тканей, а также пошив определенных видов одежды (в частности, нательной) являлись женским занятием. Девочек обучали этому с ранних лет: к 10-ти годам они должны были уметь прясть, к 15-ти – ткать.

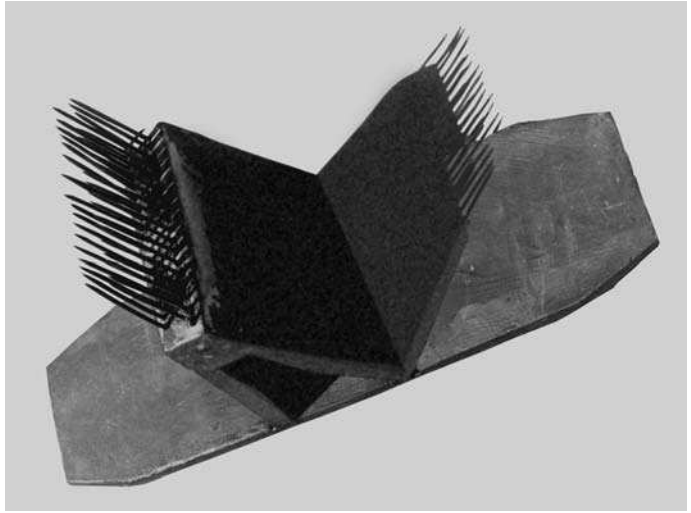
В качестве ремесленного производства ткачество сложных и дорогостоящих материалов было мужским делом; в городах, наряду с другими цеховыми организациями, существовали и производственные объединения ткачей.

После очистки и промывания состриженной шерсти женщины трепали ее на трепалке с металлическими зубьями – *sanderk*.

Хлопок трепали мастера шерстобои, которые со своим инструментом ходили по селениям. Распространено было трепание тетивой длинного лука, которая колебалась под ударами деревянного молотка. Обычно нитку (шерстяную, хлопчатобумажную, шелковую) женщины пряли на прялке – *çaxarak* либо на ручном веретене – *ilik*. Пряли, сидя на коврике за прялкой с горизонтальным веретеном, которое вращалось при помощи легкого деревянного цельного или сделанного из тонких дощечек колеса.

Наряду с этим в городах были высококачественные мастера, которые из хлопка, конопли, шерсти, шелка и даже козьего волоса сучили нити разной толщины, пользующиеся спросом не только у ткачей, но и портных. Качество ткани зависело не только от сырья, но и от пряжи: насколько нить была тонкой или толстой, крепкой или слабой закрутки, а также насколько была прочна. Из хлопка и, особенно, из льна и шелка часто сучили столь тонкую

Приспособление для чесания шерсти – *сандерк*, село Ачаджур (Тавуш). Экспедиция. 1973 г.
Архив ИАЭ. Папка 37. Фото Г. Жамкочяна

Прялка – *чахарак*, село Хндзристан (Нагорный Карабах). Экспедиция. 1968 г.
Архив ИАЭ. Папка 27. Фото Г. Жамкочяна

нить, что сотканые из нее изделия, в частности, шелковые вуали, достигали виртуозного совершенства.

Техника ткачества была довольно развита в Армении. Еще с древнейших времен использовали два вида станка: горизонтальный и вертикальный. В первом случае это – широко распространенный во многих странах довольно простой способ «тканья на земле», когда горизонтальный станок мог прикрепляться в любом ровном месте. На вбитые колья параллельно земле натягивались нитки основы. Затем при помощи специального приспособления поочередно поднимали то четные, то нечетные нити, а между ними поперек пропускали свободную нить – клубком или намотанную на дощечку и

«мечом» плотно притягивали к предыдущим рядам поперечных нитей. Горизонтальный способ тканья, очень трудоемкий и утомительный, выполнялся исключительно женщинами. Этим способом ткали неширокие ткани, всевозможные обмотки, ленты, тесьму, пояса, конские повязки. Подобная работа большей частью производилась вне дома: во дворе, нередко на кочевье, тем более, что по справедливому определению С.Д. Лисициана, «все принадлежности были легки и портативны» (Лисициан, 1955. С. 193).

Шире использовался более усовершенствованный вертикальный станок – *dazgah*, который устанавливался прямо над ямой в полу. Ткали, сидя на полу и опустив ноги в эту яму, туда же собиралась и сотканное полотно. Станок устанавливался в жилом доме так, чтобы быть хорошо освещенным через отверстие – *ердик* в потолке. Чередование подъемных четных и нечетных нитей основы достигалось надавливанием то одной, то другой ногой соответствующих дощечек. На этом вертикальном станке ткали полотнища, ткани, шали различной длины, ширины, толщины вплоть до самого нежного тюля.

В быту армян чаще всего использовались шерстяные и хлопчатобумажные ткани. Древнейшие образцы шерстяных тканей различной толщины и плотности вязки обнаружены на территории урартских поселений на Армянском нагорье (Аракелян, 1958. С. 270).

У армян существовали разные виды и способы изготовления шерстяных материй. Многие города и селения имели свою особую технику тканья, цветовой гаммы и орнаментации. Интересную фактуру имела ткань с длинным ворсом, из которой шили *lazaxik* – короткую мужскую куртку в Сасуне (Запажная Армения). Поверхность ткани была покрыта столь плотными колечками и пучками ниток, что вода соскальзывала с нее, и одежда не промокала. Вязка была настолько плотной, что даже меч не мог разрезать ее (Давтян, 1981. С. 60). Нитки основы были хлопчатобумажными, части куртки ткали по отдельности, затем соскабливали гребнем, ворс вычесывали наружу и для прочности отбивали специальным инструментом, а затем сшивали одно с другим. Подобную верхнюю теплую одежду в Западной Армении носили также в Васпуракане, Туруберане, Ахдзнике.

Особый способ обработки ткани был распространен в среди армян Карадага (северная провинция Ирана). Для придания прочности и плотности рыхлой ткани, сотканной из шерсти черной овцы, ее выдерживали в течение часа в кипятке, после чего вынимали, отжимали и, разложив на решетке из тонких прутьев, устанавливали на горячем *тонире*. Трое юношей, облокотившись по одну сторону тонира, трое – по другую, босыми ногами на протяжении часа, как бы тянули ткань вперед и назад, после чего материал приобретал плотность и мягкость. Влажную ткань накрывали большим покрывалом, чтобы температура была сохранена (Овсеян, 2009. С. 250).

В городах Карин, Карс, Ахалцха, Александрополь выделяли разные виды шерстяной ткани, в том числе и сукно. Сукно высокого качества – *ерšal* получали из лучшей овечьей шерсти, добавляя какое-то количество шелка. Сукно *qulfa-šal* ткали из любой шерсти шириной 27–28 см (6 вершков) и длиной 11,36 м (16–18 аршин). Ткань затем окрашивали в разные цвета: синий, зеленый, красный, коричневый и использовали для пошива женской одежды, в частности передников, богато украшенных вышивкой.

В указанных городах ткали также тонкое шерстяное головное покрывало – *ehram*, которое носили и в других городах Западной Армении. Выходя из дома, женщина полностью закутывалась в него. Покрывало изготовляли как из черной, белой, серой нитей, так и из разных цветов. Для получения тонкой ткани к шерсти примешивали хлопчатобумажную нить, при помощи которой ткали узоры в виде лимона, миндаля, пшата (лох), звезды, волн и др.

По всей Армении были распространены разнообразные одноцветные и узорчатые шерстяные материалы, среди которых выделялась высококачественная шатахская шаль; с обеих сторон она орнаментировалась ромбовидными, полосатыми, цветочными узорами и пользовалась большим спросом не только среди местных жителей, но и вывозилась в Россию и Европу. Одноцветные шерстяные ткани наиболее широкое распространение получили в Моксе, Сасуне, Карине, Ване, Зейтуне и других местах Западной Армении, где они использовались для шитья традиционной женской одежды, мужских шаровар, верхней одежды, пальто и другой теплой одежды.

Хлопчатобумажные ткани были распространены у армян с древнейших времен. Самые древние сохранившиеся их образцы – это фрагменты подкладки серебряных окладов армянских рукописей X–XIII вв. (*Аракелян*, 1958. С. 271). Хлопчатобумажные ткани широко применялись для шитья нижней одежды и изготовления предметов повседневного быта. Размер и толщина ткани различались в зависимости от ее назначения. Так, простыни, тюфяки, одеяла, наволочки, скатерти, занавеси ткали из сравнительно толстой и грубой ткани, рубашки, полотенца, банные передники, вышитые изделия – из тонких и прочных полотен. Тонкие и прочные ткани ценились дороже, и были распространены чаще в быту состоятельных слоев населения. Из хлопчатобумажных тканей во всей Армении была известна ткань *manusa*, которую ткали в специальных мастерских. Своим высоким качеством и узорами выделялась мануса Арабкира, Айнтапа, Ерзнка, Акна, Мараша и др. (*Авакян*, 1983. С. 12). В Арабкире и Харберде ремесло ее изготовления достигло фабричного уровня и стало основным занятием населения, принося большие доходы. *Мануса* была разных размеров и видов. Широкую сферу применения у местных жителей имела простая мануса. *Тусума мануса* (шириной 1,25м) использовалась для постельного белья. Особым успехом пользовалась «*Картон мануса*», более добротная и разноцветная. Она удовлетворяла спрос не только местных жителей, но и в больших объемах вывозилась в Константинополь, Тифлис, а также в Персию, Египет и другие места.

Хлопчатобумажные ткани использовались как отбеленные, так и разноцветно окрашенные и орнаментированные. Для отбеливания, окрашивания и расцветивания применялись различные способы. Окрашивали ткань либо сами при помощи растительных красок (для чего собирали на окрестных полях и в лесу красящие растения), либо же в частной красильне, принадлежавшей какой-либо семье; это приносило ощутимый заработок и часто передавалось из поколения в поколение. Кроме белого у армян были предпочтительны ткани красного и синего цветов. Во многих регионах Армении красную ткань использовали для шитья нижней и верхней женской одежды. Синяя – имела широкое применение в Мараше (Киликия) для изготовления различных покрывал и вышитых ковров.

Одним из древнейших способов украшения ткани является набойка и орнамент, представляющие отдельные виды ремесел. Набойка выполнялась при помощи специального, вырезанного из дерева узора – трафарета, который опускали в краски разных цветов и отпечатывали на ткани. Для выполнения орнамента кистью наносили на ткань нежный и мелкий узор. Набойщиками были в основном мужчины, а орнамент наносили молодые девушки и юноши, поскольку для этой работы были необходимы твердая рука и острое зрение. Традиционно набивные ткани использовались в основном в церквях как занавес-покрывало. Позже, войдя в быт, набивные хлопчатобумажные ткани использовались в Васпуракане, Высокой Армении и Киликии как головные платки пожилых женщин. Особое внимание уделялось орнаментации свадебной рубашки невесты, которая украшалась цветами, бутонами, листьями и другими растительными орнаментами. Эти дорогостоящие изделия бережно хранились, передаваясь по наследству, чтобы внуки и правнуки также венчались в них и были счастливы. Они служили своего рода талисманом, который должен был обеспечить плодovitость молодоженов.

В ряде регионов Армении было также развито производство шелковых тканей. Древнейшие образцы шелка были обнаружены при раскопках Ани (Давтян, 1981. С. 30). Эти ткани, так же как и хлопчатобумажные, были разной толщины и качества, исходя из цели их применения: они делались грубыми, толстыми, средней толщины, тонкими и тончайшими. Шелковые ткани были известны под названием *kerpas*, в разговорной речи больше использовалось название *abrešum*. Вид шелка с гладкой и блестящей лицевой стороной назывался *atlas*. Для женских головных платков выделяли нежный, тонкий шелк. Шелковые ткани прялись однотонными, линейными и цветочными узорами.

Кроме домашнего кустарного производства тканей в XIX в. существовало и фабричное. Фабрики по производству шелковой нити и шелкового материала были в Харберде, Арцахе, разных городах Северного Кавказа. В Кизляре, Моздоке, Астрахани и других городах развитие шелководства также было связано с армянами. Эту высококачественную и красивую ткань использовали для свадебных и праздничных женских нарядов. Шелковые ткани в быту армян имели широкое применение: нижнее белье, верхняя одежда, многочисленные предметы бытового назначения. В Западной Армении были модны шелковые и тканые пояса, орнаментированные в основном в клетку или в полосу.

Кроме матерчатых, в традиционном комплексе женской одежды армян широкое применение имели тканые пояса разных типов вязки. Они прялись на плоских прямоугольных досках с дырочками в каждом углу. Для них использовались шерстяные или шелковые нити. Особой красотой выделялись женские шелковые пояса Высокой Армении, сотканые из красных и желтых ниток с геометрическим или растительным орнаментом, изображением бытовых предметов, церквей и пр. Обычно они снабжались надписями (имя, фамилия, год рождения владельца) и благопожеланиями. Если пояс изготавливался на продажу, на нем просто писали «в наслаждение носителя».

К числу тканых изделий относятся плоские и круглые шнуры, которые плели на пальцах, без инструмента. Более сложной была техника изготовления тесьмы (ленты), при помощи которой окантовывались края рукавов, вы-

Вышитая салфетка с узором «лабиринт». Ван. Середина XIX в.
МЭ. 1302. Фото С. Сепетчяна

рез на груди, подол, боковые разрезы традиционной одежды. Большой спрос на производство тесьмы привел к тому, что оно стало самостоятельным ремеслом. Мастера укрепляли свои крючкообразные гвозди на стенах и натягивали на них нити основы. Из шелковых, хлопчатобумажных, льняных, шерстяных и других нитей они пряли разнообразные простые и узорчатые виды тесьмы. Шелковая широкая и узкая тесьма обрамлялась также серебряными и золотыми нитями, изготавливалась узкая тесьма из металлических ниток, которые широко использовались не только в традиционной одежде, но и для украшения одежды военных и духовных лиц. Эти же мастера изготавливали также разных размеров и видов пуговицы, бахрому и прочие подобные вещи, имеющие большой спрос среди разных слоев населения.

В начале XX в. с развитием фабричного производства ткачество как домашний промысел постепенно стало утрачивать свое значение и в 30–40-е годы XX в. практически было вытеснено из быта покупными тканями.

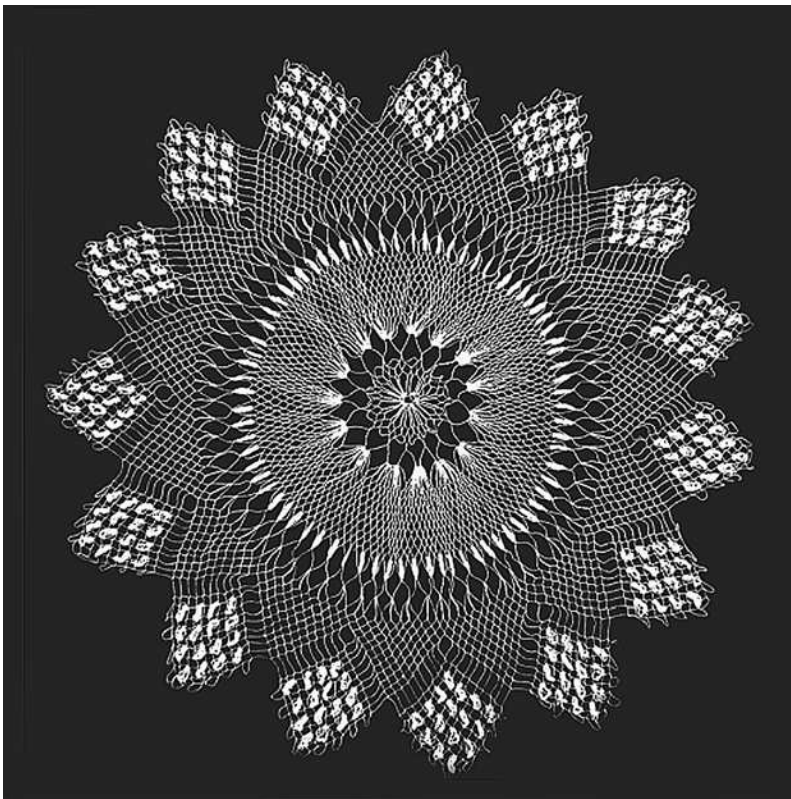
Рукоделие. Вышивание и кружевоплетение, традиционные и любимые занятия армянских женщин, были широко распространены во всех областях Армении. Хотя старинные образцы вышивок и кружев не сохранились, но в средневековых источниках и у европейских путешественников имеются ценные сведения о высокохудожественном рукоделии (Давтян, 1966). Самыми древними образцами являются найденные при раскопках города Ани платье и накидка девочки, вышитые золотыми, серебряными и шелковыми нитками (Давтян, 1972. С. 19). Богатые коллекции средневековой вышивки хранятся в музее «сокровищница» св. Эчмиадзина, Матенадаране, в коллекции Иеру-

Вышитая салфетка. Айнтап. Начало XX в.
Фото из личной коллекции К. Базеян

салимского патриархата Армянской апостольской церкви. Эчмиадзинские и иерусалимские коллекции в большинстве своем представляют собой богатый набор церковной вышивки, старейшей из которых является хоругвий XV в. Художественная и историческая ценность армянской народной вышивки заключается в ее широкой тематике, богатстве и разнообразии традиционных мотивов и красочных узоров. Армянское рукодельное искусство, неся характерные черты повседневной жизни, быта и культуры народа, отражает при этом специфику разных регионов страны. Во второй половине XIX в. сформировались несколько школ вышивки: Ван-Васпуракан, Барцр-Айк (Высокая Армения), Покр-Айк (Малая Армения), Киликийская Армения, Айрарат, Сюник-Арцах. Каждая из этих школ имела свои особенности рукоделия. Отличия проявлялись в материи основы, качестве ниток, цветовой гамме, орнаменте и технике исполнения вышивки.

Особого внимания достойна орнаментика армянской вышивки, которая хотя и очень близка к восточным мотивам, тем не менее своеобразна как отдельными рисунками, так и целыми композициями. В орнаментах вышивки преобладает, в основном, стилизованный и реалистически выполненный растительный и геометрический орнамент, реже – стилизованно зооморфный (орнитоморфный), менее всего – антропоморфный, причем только в образе стилизованной женской фигуры. Отдельную группу составляет вышивка с

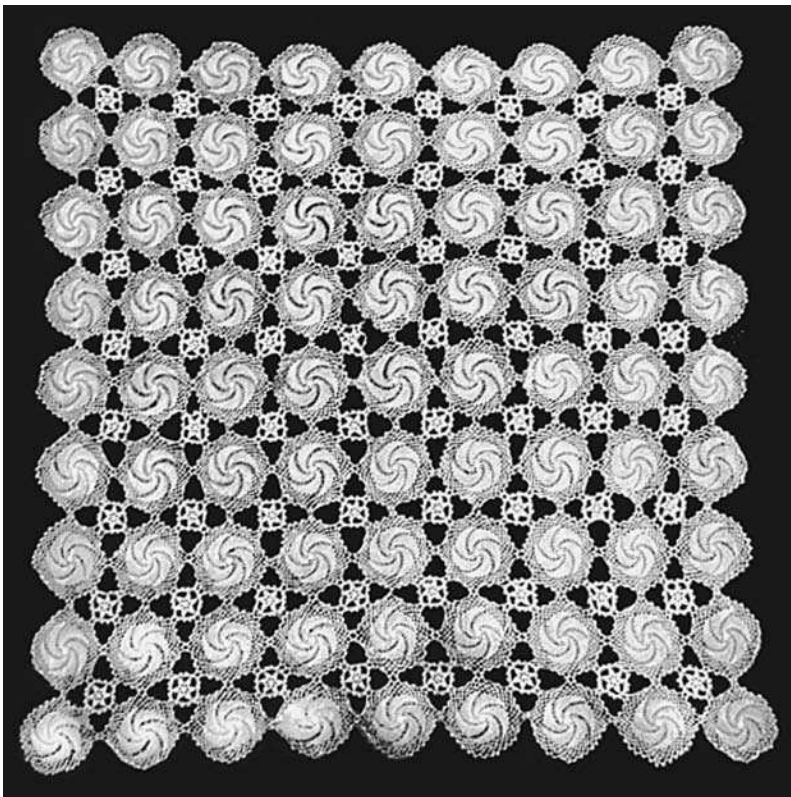
Кружевное покрывало. Александрополь. Начало XX в.
МЭ. 1286. Фото С. Сепетчяна

бытовыми, портретными и сюжетными узорами, которые получили широкое распространение в начале XX в. Наряду с повсеместно распространенными узорами, существовали сугубо местные орнаменты и композиции, такие как знаменитый ванский «лабиринт» (Давтян, 1972. С. 17).

Армянская вышивка характеризуется разнообразной техникой и видами швов. Швы были как очень известные и широко распространенные, так и чисто местные, имеющие локальное применение (Давтян, 1963. С. 16). Киликийский город Айнтап славился изысканной сквозной и двухсторонней вышивкой белыми нитками гладью на белой тонкой ткани.

Особый интерес представляет собой и сложный шов, применявшийся мастерицами киликийского города Мараш. Мастерицы хранили искусство секретного движения рабочей нити, придающей вышивке на ткани вид нашитого на ней кружева. Ввиду особой трудности исполнения, этот шов большого распространения не получил. Вышитые изделия из Кесарии, Урфы, Ерзнка и других городов, выполненные трудоемкими швами, очень красочны, одинаково тонки и чисты как с лицевой стороны, так и с изнанки.

Своей особенностью выделялся ванский счетный шов (рабочая нитка стягивает нити ткани по горизонтали и вертикали), который был распространен не только в Васпуракане, но и по всей Западной Армении и Киликии.

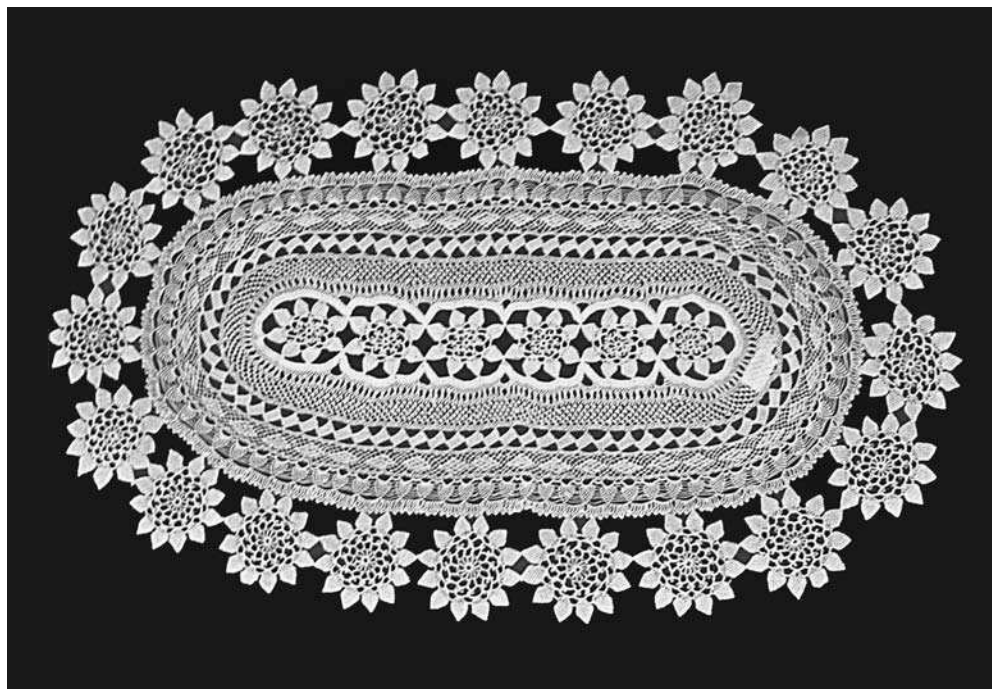

Кружевное покрывало. Ван. Конец XIX в.
МЭ. 1307. Фото С. Сепегчяна

Одним из художественных приемов являлось шитье золотыми нитками. Ареал распространения золотого шитья в основном ограничивался Западной Арменией, Малой Арменией, Киликией. В дальнейшем эта техника получила распространение и в армянской диаспоре. В средневековой Армении золотым шитьем занимались в городских мастерских-магазинах, женских монастырях, обителях. В крупных городах с высоким уровнем развития ремесел и торговли золотым шитьем занимались мастера-золотошвей, которые входили в состав городских цехов, о чем свидетельствует надпись на церковном занавесе 1761 г. (*Базеян, 2006. С. 381–382*).

Армянские мастерицы владели техникой изготовления кружев крючком, спицами, челноком нескольких видов, коклюшками, но отдавали предпочтение кружевам, шитым простой швейной иглой. Богатство узоров, разнообразие и самобытность композиции игольного кружева выделяют его среди других видов кружевного искусства. Наилучшими кружевами считались ванские, ереванские, киликийские (Айнтап, Мараш, Урфа), каринские, впоследствии распространившиеся в Шираке и Джавахке.

Кружевоплетение иглой – занятие трудоемкое. На изготовление кружева диаметром в 30–40 см уходило не меньше месяца. Именно поэтому такие изделия ценились очень высоко. Хотя работа и трудоемкая, однако техника

Кружевная салфетка-подставка. Ереван. 1937 г.
МЭ. 3017. Фото С. Сепетчяна

армянских кружев проста: шьются одинаковые узелки в ряд, между ними оставляются незначительные просветы, поверх которых протягиваются нитки-петли, и так заполняется весь ряд. В армянских кружевах фон и узор шьются одновременно (*Давтян*, 1966. С. 35). При одинаковой технике шитья кружева в каждом регионе Армении имеют свои цветовые сочетания. Различия выявляются в качестве ниток и в орнаментации. Так, ванские кружева изготовлялись из белых хлопчатобумажных, очень тонких катушечных ниток (№ 100, 200). Там были распространены кружевные скатерти, занавеси, покрывала, салфетки: последние (круглой или овальной формы) составлялись из ряда узоров, образующих пояса.

В Киликии кружевные салфетки, скатерти, покрывала и пр. по орнаменту и технике шитья были похожи на ванские, но несколько массивнее последних, так как шились из более толстых ниток. Каринские шитые кружева в первую очередь были связаны с национальным женским головным убором, обильно украшенным реалистически выполненными мелкими разноцветными кружевными цветками (в виде розочек, лилий, фиалок, колокольчиков и др.), бутонами, листьями. Цветы должны были стоять торчком, поэтому их шили плотным швом, при котором ромбовидные клеточки поперечной ниточкой делились на треугольники.

Армянским кружевам присущи характерные орнаментально-художественные особенности. Они выделяются особым расположением отдельных мотивов в сложных композициях.

Кружевной воротник. Ереван. Начало XX в.
Фото из личной коллекции К. Базеян

На кружевных изделиях ритмические узоры располагаются концентрическими рядами в виде окружностей, квадратов, эллипсов и т.д., которые создают впечатление бесконечности. Упомянутые выше особенности кружевоплетения наглядно указывают на, что в армянских кружевах отражаются старинные традиции армянского орнаментального искусства. Наиболее архаичным и любимым мотивом является изображение солнца, состоящее из нескольких изогнутых в виде полумесяца линий, расположенных вихреобразно.

Вышивка и кружево ярче и многограннее, чем другие виды декоративного искусства, выражали художественную культуру повседневного быта народа. Эти изящные предметы играли не только практически-прикладную, но и ритуальную роль. Во всех самых значимых событиях хозяйственной, семейно-бытовой и праздничной жизни общины и семьи большое место отводилось вышитым и кружевным изделиям (полотенца, салфетки, платки).

В Армении существовали городские и сельские типы вышивки кружева, которые при общих чертах имели и свои особенности, что проявлялось в материале, технике исполнения, орнаментации и ареале применения. Если в сельских местностях они имели кустарный характер и были распространены в быту наряду с другими каждодневными занятиями, то в городах бытовали и как кустарные занятия, и как ремесло. Художественное рукоделие имело экономическое значение, создавая возможность дополнительных заработков

для женщин, что особенно ярко проявилось в среде западных и киликийских армян в конце XIX – начале XX в. После геноцида армянские женщины в новых местах жительства в Сирии, Ливане, Египте, Греции и других в первую очередь занялись традиционными ремеслами, используя те навыки и умения, которые они унаследовали от предков. Тысячи тружениц были связаны с посредниками, представителями торговых домов и фирм, которые скупали их продукцию для рынка. Вся продукция шла на европейские и американские рынки, где армянские вышивки и кружева успешно конкурировали с другими подобными работами на рынках Парижа, Лондона и Нью-Йорка (Базеян, 2005. С. 112–116).

О высокой роли и большом значении вышивки и кружевоплетения в жизни армян свидетельствует тот факт, что в армянских семьях ценилось владение девушками навыков рукоделия. Этим обусловлено открытие со второй половины XIX в. женских школ, где как обязательный предмет девочки проходили рукоделие, а в конце года свое творчество выставляли напоказ. В этом плане характерно то, что родители, даже не отдавая девочек школьному обучению, тем не менее приучали их к рукоделию: они осваивали эти навыки частным образом у народных мастериц, которые старались передать свои умения юным ученицам.

Широкому распространению вышивания и кружевоплетения способствовал также институт приданого, имевший высокую престижность в общественном мнении армян. Все богатство армянского женского рукоделия проявлялось в приданом невесты, атрибуты которого приготавливались ею самой. Умение искусного рукоделия высоко ценилось при выборе будущей невесты. У армян приданое выставлялось напоказ до свадьбы в доме невесты, а после свадьбы – в доме жениха. В приданом самыми многочисленными и разнообразными были предметы бытового назначения, поскольку вышитые и кружевные изделия являлись частью убранств домашнего интерьера. Среди бытовых вышитых предметов старейшими являются занавеси, которые служили для отделения специальной части дома. Скорее всего, это связывалось с обычаем выделения отдельного угла новобрачным, который сохранялся в быту армян вплоть до середины XX в. Начиная с XIX в., в городском быту получили широкое распространение как вышитые, так и кружевные оконные и дверные занавеси.

В условиях скудности мебели в интерьере традиционного армянского сельского жилища особую значимость приобретали покрывала, которые отличались материей, размером и орнаментом. По мере распространения в городском быту новомодной мебели в обиход входили разнообразные вышитые и кружевные покрывала, среди которых самыми употребляемыми являлись скатерти. В традиционном сельском быту при отсутствии стола, как части мебели, его функции выполняла скатерть: во время трапезы, поджав под себя ноги, садились вокруг расстеленной на циновке скатерти.

С древнейших времен в быту армян особое место занимали вышитые подушки разных форм и величины. Кроме постельных, бытовали длинные узкие подушки *mut'a k'a*.

По своим обрядово-праздничным функциям выделялись вышитые полотенца, салфетки и платки. Они применялись во время свадеб и крестин,

Вышитая подушка-мутака. Ахалцих. Начало XX в.
Фото из личной коллекции К. Базеян

в особых торжествах, приема гостей и трапез и бережно хранились для таких случаев. Платки надевались в день свадьбы и крестин, приема гостей и трапез.

По возможности армянские женщины старались украшать все подручные предметы кружевом или вышивкой: кошельки, кисеты, мешочки для мелких предметов, игольницы, подушечки для игл, кармашки для ножниц, расчесок и часов и пр.

Армянскому художественному шитью свойственны все особенности народного творчества в целом, как и свои специфические черты и приемы, отработанные многими поколениями мастеров и бережно хранимые ими на протяжении веков. Так со временем рождалась та удивительная гармония содержания и формы, орнамента и средств его воплощения, которая восхищает и сегодня.

В годы советской власти женское рукоделие несколько видоизменилось. В 40–60-е годы XX в. в моду вошли новые виды вышивок – «ришелье», «кордоне», по-новому выглядели канва и гладь. Традиционная народная вышивка претерпела изменения не только в технике и орнаменте, но также в сфере прикладного применения изделий (Базеян, 2000. С. 137–149). В наши дни вышивкой занимаются только профессиональные мастерицы, работы которых продаются в салонах и на вернисаже.

Менее изменилось кружево. Народные мастерицы, продолжая и развивая традиции, и поныне изготавливают высокохудожественные кружевные изделия. Традиции женского рукоделия сохраняются в кружках рукоделия, где девочек обучают навыкам вышивки и кружева. В Армении до сих пор существуют ремесленные училища, в которых, наряду с другими художественными ремеслами, в качестве отдельной специальности преподается художественное шитье и ковроткачество.

КОВРОДЕЛИЕ

Для выяснения вопроса о происхождении ковроткачества в Армении важное значение имеют археологические находки. Из раскопок поселений в северо-восточной Армении были обнаружены инструменты ткача и макет примитивного ковроткацкого станка, относящиеся к IV–III тыс. до н.э. (Есаян, 1976. С. 208). Остатки ворсовых и безворсовых ковров обнаружены в Арктикском могильнике (XII–XI вв. до н.э.), в Кармир-Блуре (VII в. до н.э.), а также в средневековой столице Армении – Ани (Хачатрян, 1975. С. 251; Верховская, 1955. С. 67; Марр, 1939. С. 127; Акопян, 1982. С. 146).

Дошедшие до наших дней редкие образцы ковров и их фрагменты не дают полной картины технико-технологического и композиционно-художественного облика ковров, однако судить о них, а также об армянском ковроткачестве более ранних периодов позволяют заслуживающие внимания ценные косвенные свидетельства. В этом аспекте уникален так называемый Пазирикский ковер, обнаруженный в Пазирикском кургане Горного Алтая в 1949 г. Этот ковер своим орнаментально-композиционным оформлением отличается от других подобных находок из алтайских могильников и никак не связывается с традициями алтайских народов. Элементы композиции и стиль оформления этого ковра идентичны вавилоно-ассирийскому искусству (Пуденко, 1968. С. 50–52). Ряд исследователей отмечают идентичность композиции и орнаментального оформления этого ковра с традициями урартского и раннеармянского культурного мира (Schurmann, 1982. Р. 14–18; Gantzhorn, 1991. Р. 338; Погосян, 2008. С. 63, 64). Особенно примечательны сходства в технико-технологическом плане, как например, двойные узлы, присущие армянским коврам. Кроме того, по заключению специалистов Эрмитажа, нитки красного цвета окрашены червями типа араратской кошенили – *vordan karmir* (Гавриленко, Румянцева, Глебовская, 1987. С. 18). Эти факты позволяют заключить, что пазирикский ковер соткан в Месопотамии или в районе бассейна озера Ван и более всего связывается с традициями армянского ковроткачества (Погосян, 2008. С. 77, 78).

О ковроткачестве в Армении упоминают античные авторы, армянские средневековые источники, арабские географы и путешественники. Арабские источники VIII–XIII вв. указывают основные центры ковроткачества в Армении: Двин, Карин, Ван, а также отмечают ряд особенностей технико-технологического и композиционно-орнаментального характера армянских ковров (Арабские источники. 2005. С. 271, 424, 425, 502; Тер-Гевондян, 1978. С. 200, 201, 206). Согласно имеющимся источникам, в период развитого Средневековья ковроткачество было особенно развито в Айрарате, Васпуракане, Высокой Армении, Сюнике, Арцахе и других историко-этнографических областях Армении (Мец, 1973. С. 354). В городах Средневековой Армении, подобно соседним странам (Пселл, 1978. С. 87; Хила-ас Сааби, 1978. С. 26), при княжеских домах и монастырских комплексах существовали различные специализированные мастерские, в том числе и ковроткацкие, в которых изготавливали предметы для нужд элиты (Давтян, 1981. С. 102; Погосян, 2001. С. 241).

В ковроткацких мастерских работали профессиональные ткачи, художники, красильщики, которые обеспечивали изготовление качественной продукции элитарного употребления. Именно к этой продукции относятся ха-

рактические письменных источников, в которых неоднократно отмечаются привлекательность колорита, богатство орнаментального оформления, а также высокие технико-технологические качества армянских ковров. Благодаря этим качествам они выгодно отличались от подобного рода продукции других ковроткацких регионов и были известны под названием «армянские ковры» (Материалы по истории Туркмен и Туркмении. 1939. С. 135, 146; *Меу*, 1973. С. 369; *Погосян*, 2001. С. 240, 245).

Отмечалась также значимость кошенили – красителя пурпурного цвета *вордан кармир*, получаемого из червей в Араратской долине (*Парбеци*, 1982. С. 22, 23; *Белазори*, 1927. С. 10).

Важно было также качество шерсти, которая по своей характеристике уступала только египетской (*Меу*, 1973. С. 354). Развитое ковроткачество в значительной степени должно было стимулировать разведение особых пород овец и выращивание некоторых видов технических культур (хлопок, конопля и др.), являющихся необходимыми сырьевыми ресурсами ткацкого промысла в целом.

Все эти факторы обеспечили армянским коврам указанного периода высокий престиж и стабильную потребность по всему огромному рынку Передней и Малой Азии и Ближнего Востока. Тогда же было налажено производство молитвенных ковров, которые в окружающем исламском мире уже с VII в. приобрели значительную популярность и огромный рынок сбыта (*Тер-Гевондян*, 1978. С. 200, 201, 206). На развитость и значимость ковроткачества в Армении указывает и то, что ковры, как и дорогие ткани, в VIII–XII вв. были включены в налоговые списки Арабского халифата (*Тер-Гевондян*. С. 206). Решающая роль в этом принадлежала мануфактурному ковроткачеству, организованное производство которого обеспечивалось сырьевыми ресурсами и соответствующими высококачественными специалистами.

Наряду с мануфактурным, существовало и кустарное ковроткачество, но оно имело довольно узкое значение и было, в первую очередь, предназначено для нужд самих производителей.

С нашествием сельджукских, а затем и татаро-монгольских племен после потери государственности в Армении произошел глубокий спад экономики. Естественно, переживало упадок и мануфактурное производство. Ковроткачество частично сохранялось в горных областях (Арцах, Сюник, Лори и др.). Со второй половины XVIII в. после сравнительной стабилизации положения Армении и относительного подъема экономики начинается новый период развития ковроткачества: наряду с существующими центрами, оно развивается и в других историко-этнографических областях Армении, в частности в Высокой Армении и Васпуракане. Своего наивысшего развития оно достигло в конце XIX – начале XX в., когда в ряде ковроткацких центров производство ковров приобрело товарное значение (*Исаев*, 1932. С. 48–52, 121, 123; *Пиралов*, 1925. С. 376–380).

В сфере ковроткачества конструктивные формы ткацкого станка и инструментов, применяемых в ранние периоды, по существу без особого видоизменения функционируют и по сей день. Армянским коврам присуща, как правило, шерстяная основа, шерстяной уток и двойные узлы. В Армении основным сырьем для ковроткачества являлась местная шерсть особых племенных овец, разводимых в ряде регионов исторической Армении, что отме-

чали еще арабские источники (*Давтян*, 1981. С. 102; *Погосян*, 2001. С. 241; *Даль*, 1952. С. 82; *Игитян*, 1952. С. 10). Начиная с позднего Средневековья и вплоть до XX в., в ковроткачестве в основном использовали шерсть овец пород *фулик*, *балбас* и *мазех* (*Мкртумян*, 1974. С. 24).

Армянским коврам традиционно присуща богатая гамма цветов из натуральных красителей. Последние, как указывают римские и арабские письменные источники, имели наилучшие качества и характеризовались большим спросом в соседних странах. Среди них славился краситель *вордан кармир*, который придавал особую ценность армянским коврам (*Мец*, 1973. С. 369). Выращивание растительных красителей и сбор марены традиционно занимали видное место в экономической жизни армян как в Средневековье, так и вплоть до конца XIX в., пока анилиновые красители окончательно не вытеснили с рынка органические.

На протяжении веков у армян сложились многочисленные обряды, связанные с ковроткачеством. Они охватывают весь технологический процесс, начиная от составления основы ковра вплоть до снятия готового изделия со станка. Уже в самом начале, для обеспечения благополучного процесса работы, при изготовлении основы ковра мастерице и ее помощницам преподносили ритуальные угощения и подарки (*Погосян*, 2000. С. 180). Это же повторялось и в конце работы. Весь процесс по традиции сопровождается песнопениями и плясками.

Обычно к станку прикрепляли или подвешивали различные обереги от сглаза (разноцветные нитки, камушки, яйцо и т.д.) (*Poghosyan*, 2001. Р. 161). Ковер у армян выполнял также ритуально-магическую функцию. Наглядным примером этому может служить обычай прохождения бесплодной женщины через отверстие основы уже сотканного, но еще не отрезанного от станка ковра, после чего она ложилась под его основу и отрезанный ковер падал на нее. Согласно верованиям, после этого ритуала женщина становилась способной к деторождению (*Погосян*, 2000. С. 180). Имеющиеся свидетельства позволяют предполагать, что первоначально ковер имел магическо-культовый характер и воспринимался как символ священного пространства, где рождаются и живут боги (*Погосян*. С. 180, 181). Он олицетворял вечность природы и, согласно верованиям, воскрешал умерших. Об одном таком священном ковре, хранящемся в Кафедральном соборе Первопрестольного Св. Эчмиадзина, упоминает турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби. Согласно сохранившимся легендам, на этом ковре родился Иисус Христос (*Челеби*, 1967. С. 68, 69). В мифических представлениях армян ковер считался не только сакральным, но и безопасным пространством. Отголосок подобного мышления можно видеть в этикете приема гостей, где ковер до сих пор занимает особое место.

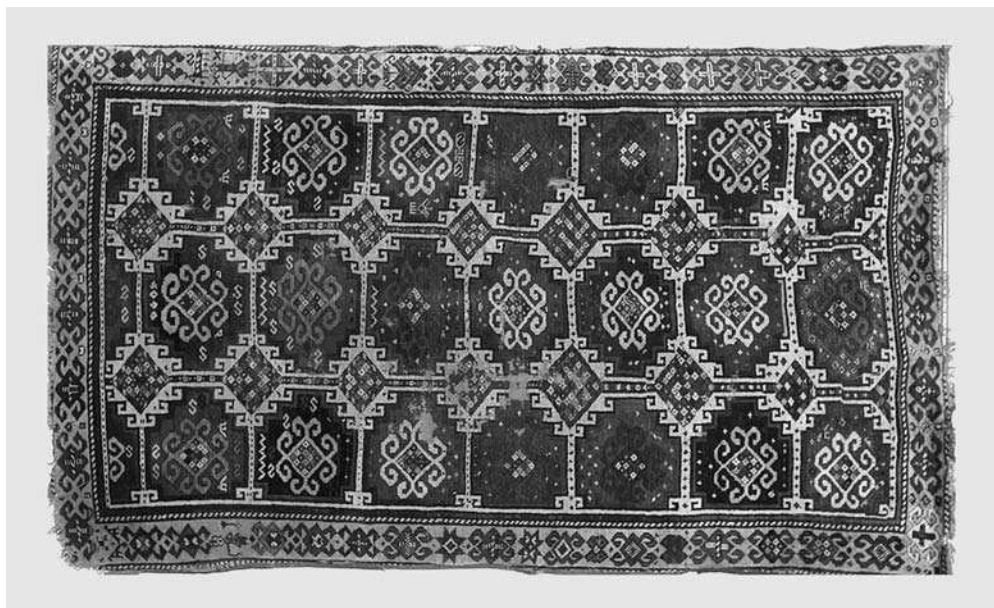
Во многих историко-этнографических областях Армении поле ковра называют *тар'* -«земля», «пол». В селениях Гохтна и Нахичевана так назывались лишь ковры с красным фоном; это дает основание предполагать, что изначально именно такие ковры олицетворяли плодородие и вечность природы (*Погосян*, 2000. С. 178). Этим объясняется и применение ковра в свадебном обряде, бытующее у армян до настоящего времени.

Для армянских ковров характерны богатство композиционных систем, разнообразие орнаментальных оформлений и особенно стилизованность

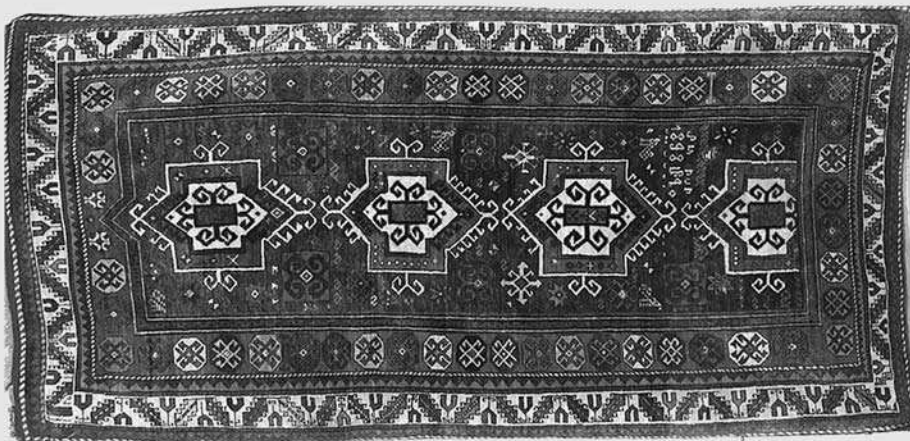

Ковер «Вайк». Лори. 1880-е годы

Центр народного творчества им. Ованнеса Шарамбеяна ГНКО РА. № 11078. Фото С. Сепетчана

Ковер «Варанда». Село Чартар (Нагорный Карабах). Вторая половина XIX в.
МЭ. № 7135. Фото С. Сепетчана

Ковер «Мемлинг». Басен, Багреванд. Вторая половина XIX в.
Центр народного творчества им. Ованнеса Шарамбеяна ГНКО РА. № 640. Фото С. Сепетчяна

Ковер «Тавуш». 1898 г.
Центр народного творчества им. Ованнеса Шарамбеяна ГНКО РА. № 10027. Фото С. Сепетчяна

Ковер «Хндзореск». Нагорный Карабах. Вторая половина XIX в.
Центр народного творчества им. Ованнеса Шарамбеяна ГНКО РА. № 11020. Фото С. Сепетчяна

Ковер «Звездчатый», Шемаха. 1875 г.
Центр народного творчества им. Ованнеса Шарамбеяна ГНКО РА. № 994. Фото С. Сепетчяна

узоров, орнаментов и композиций. В основном они отражают народные ритуально-магические представления о мирообразовании, о вечности природы и жизни. В искусстве ковроделия широко использованы растительные узоры, орнаменты и розетки, геометрические украшения, зооморфные и антропоморфные изображения. В этом аспекте для центров ковроткачества исторической Армении характерна общность технико-технологической, цветовой, орнаментальной и структурной традиции оформления ковров. Большинство из них традиционны во всех ковроткаческих регионах исторической Армении. Наряду с общностью, в армянских коврах выделяются многочисленные типы и подтипы, характерные только для определенных регионов, что связано с их местными экономическими, климатическими и прочими особенностями.

Выделяются следующие основные группы армянских ковров:

1. С крестами, в художественном оформлении которых основными элементами являются кресты или крестообразные композиции.
2. С ромбовидными композициями или крупными украшениями. Могут быть представлены в многогранниках или без них.
3. С многогранными композициями. В основе их орнаментальной системы доминируют крупные геометрические сложные композиции, представленные в рамках в форме квадрата или многогранника.
4. С тематически-изобразительными сюжетами, на которых изображены бытовые темы, люди, юбилейные сцены и другие подобные сюжеты.
5. С розетками, в которых лепестковые розетки покрывают центральное поле. Могут иметь и геометрическое решение.
6. *Вишанагорг (višapagorg)* – ковер с изображениями стилизованных фигур драконов.
7. С хоранами. Их поле оформлено *хоранами* (арочными композициями) и колоннами.
8. Со звездчатыми украшениями. Они изображаются в ромбиках или без них, и обычно представлены горизонтальными или вертикальными рядами.
9. С растительно-цветочными орнаментами, среди которых доминируют древо жизни, миндалевидный орнамент, гирлянды и пр.
10. С узорчатыми полосами. Их разноцветные и ровные вертикальные, горизонтальные и косые полосы обычно оформляются гирляндами и разнообразными растительными орнаментами.
11. С лучистыми композициями.

После падения армянской государственности и как следствие – падения спроса на элитарную продукцию, в том числе и на армянские ковровые изделия, на Западе они со временем стали известны как образцы персидской и турецкой культуры. Это неоправданное представление об армянских коврах тиражируется вплоть до настоящего времени.

На основании богатых традиций ковроткачества в советский период уже с 1920-х гг. во многих регионах Армении (Тавуш, Сюник, Карабах и др.) были организованы ковроткаческие артели. На их основе впоследствии было создано крупное производственное объединение «Армковер». После распада Союза с нарушением экономических связей оно прекратило свое существование. Однако в ряде районов традиционного ковроделия были созданы частные артели. Вместе с тем, этот промысел сохраняется в народном быту для удовлетворения семейных потребностей: в отдельных местах еще есть традиционные станки и инструменты, на которых ткут ковры в домашних условиях.

КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ

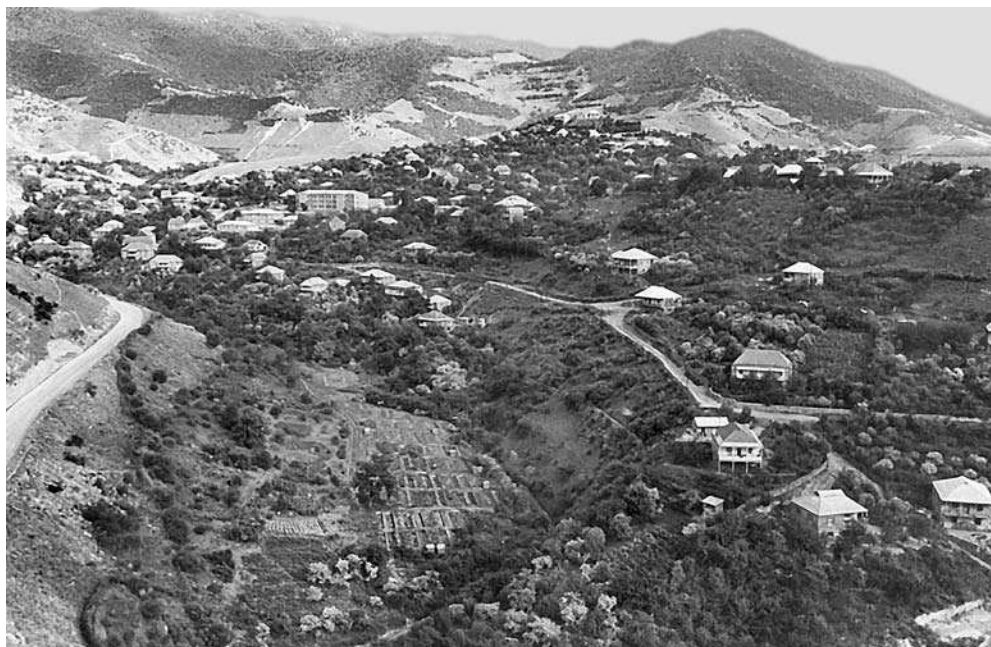
ПОСЕЛЕНИЯ И ЖИЛИЩА

Поселения. Армяне, будучи оседлыми земледельцами, ведущими симбиозное земледельческо-скотоводческое хозяйство, подобно многим другим оседлым народам, в одном поселении жили в течение долгого времени. Это подтверждают многочисленные археологические памятники Армянского нагорья, выявляющие множество слоев поселений разных эпох.

Даже в XIX в., возникая как часть старого поселения, новое долгое время продолжало осознаваться как составная часть материнского села, и их общественный быт выступал как единое целое. Формирование нового поселения как отдельной единицы связывалось с возникновением характерных для него общественных объектов. Решающим было строительство церкви, и похороны начинали проводиться на кладбище не старого села, а на новом месте. Наличие церкви означало также проведение таких ритуалов, как брак, крестины, различные религиозные празднества. Окончательное формирование нового села находило свое выражение в названии, которое часто было производным от названия материнского села (*Marutyan, 2001. P. 73*). Армяне обычно с трудом расстаются с именем покинутого поселения, и наименования новых населенных пунктов нередко повторяли названия дедовских поселений в Западной Армении, как например Шеник, Мусалер, Сасуник и т.д. (*Тер-Саркисянц, 1998. С. 73, 74*). Не случайно, что наименования поселков-спутников (ныне – кварталов), основанных возле Еревана после репатриации армян, также носят названия их родных городов в Западной Армении, с той лишь разницей, что на новом местожительстве перед названием появилась приставка *nor* (новый): Нор Арабкир, Нор Малатия, Нор Себастья, Нор Зейтун и т.п.

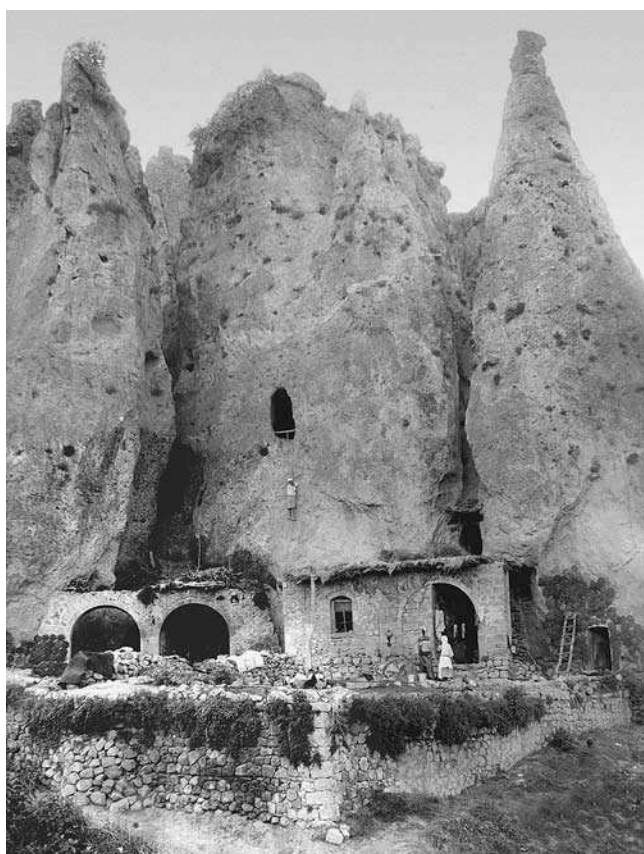
В горных и предгорных районах, составляющих большую часть территории Армении, села обычно располагались на склонах гор, обращенных на юг, юго-запад, а также в ложбинах и ущельях или на их краю, часто в труднодоступных и, следовательно, с точки зрения защищенности, в более выгодных местах. Но в целях экономии обрабатываемой земли армяне по возможности основывали села на самых непригодных для этого участках.

Форма застройки жилой части сел, как правило, была кучевого и компактно-слитного типа и принимала вид ярусного расположения домов, при котором кровля одного дома служила двором для другого, находящегося выше по склону. Подчеркивая своими объемными формами и расположением построек рельеф местности, селения органически вписываются в окружающий

Общий вид центральной части села Шнох (Лори). Экспедиция. 1972 г.

Архив ИАЭ. Папка 34. Фото Г. Жамкочяна

Пещерное жилище. Старый Хндзореск, фрагмент (Сюник)

Из кн.: *Лисициан Ст.* Армяне Зангезура. Табл. XXXVIII

Общий вид села. Старые дома с плоской и куполообразной крышей. На переднем плане работа на току, село Нижний Геташен (Гехаркуник), XIX в.
МИА. Е 7917а

Внешний вид дома с куполообразной крышей, село Цаккар (Гехаркуник). 1938 г.
МИА. Е 7915а

горный пейзаж, составляя с ним единое целое (Халтахчян, 1971. С. 13). Характерными примерами сел подобного типа являются ряд селений Сюника, которые, «подобно ласточкиным гнездам наклеены на бока ущелий» (Лисициан, 1969. С. 86): большая часть домов, а также производственных построек этих сел своей задней половиной представляли собой пещеры.

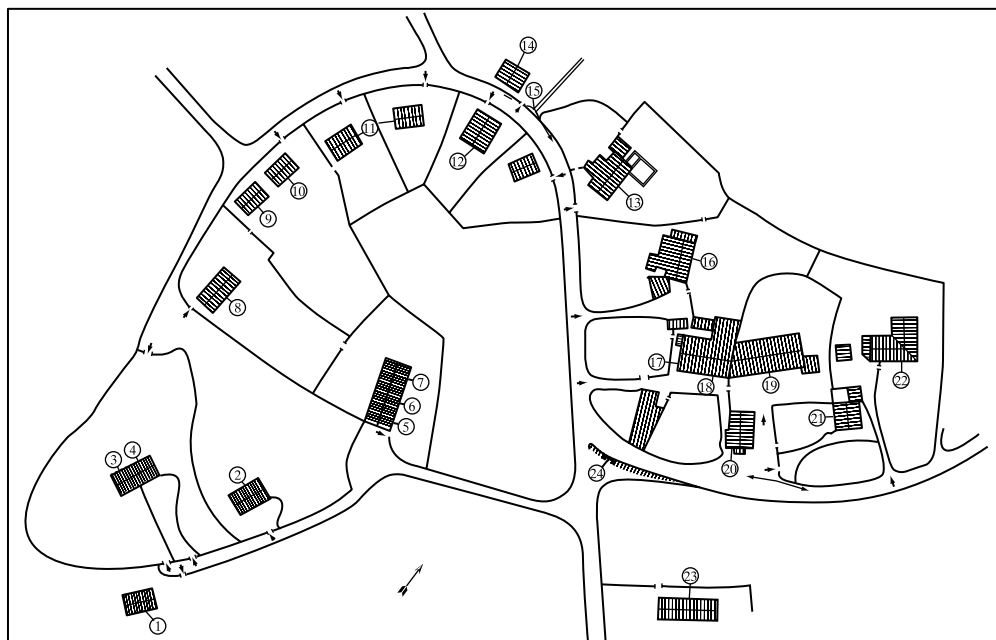
Часто жилые дома наполовину или полностью выкапывались в земле, а снаружи были видны только их естественные холмообразные кровли.

Армянское село планировочно с трудом выдает свою структуру: разделение кварталов, как правило, существовало в основном лишь в сознании самих односельчан, так как основой заселения было проживание по принципу родственных семей, что, в свою очередь, приводило к преобладанию компактно-слитной застройки.

Наличием семейно-родственных, а затем и соседских кварталов была обусловлена одна из отличительных черт армянского традиционного села, а именно – отсутствие главных улиц. Существовало множество узких и кривых улочек, иногда мощеных камнями, которые служили также для прогона скота, а во время обильных осадков вода по ним стекала вниз (Мелконян, 1983. С. 120). Села низменных районов выделялись более свободным расположением домов, а также обилием зелени, что способствовало смягчению жаркого климата.

С конца XIX – начала XX в. происходит постепенный переход от семейно-родственных кварталов к соседским. Вследствие подобных принципов проживания в структуре армянских поселений отсутствовало разделение на кварталы зажиточных и бедных крестьян (Арутюнов, Мкртумян, 1983. С. 115). Названия кварталов, основанных на родственных принципах, как правило, носили имя предка (главы) преобладающего рода либо возникшую от него фамилию, а большие кварталы, составленные из родственных и соседских общин, в основе имели территориальные названия, которые подчеркивали местонахождение квартала в структуре поселения, особенности местности. Общественный центр села, как правило, совпадал с сакральным центром: это была площадь небольших размеров возле церкви или в непосредственной близости от нее. Не имея особой архитектурной выразительности (одна-две скамьи либо удобные для сидения камни), сельский центр выполнял важную социальную роль, будучи местом сбора пожилых мужчин. В сравнительно больших поселениях кварталы также имели свои центры, расположенные вблизи ручьев, родников, тенистых деревьев или же на перекрестках небольших улочек. В зимний период подобным «центром» служила большая жилая комната при хлеве состоятельных и уважаемых односельчан, известная в традиционном быту как *гоми ода*; позже армянским этнографом В. Бдяном был предложен термин *гомасеняк*.

Обязательным элементом поселения было наличие источников питьевой воды: рек, ручьев, естественных ключей, родников. Они находились в разных частях поселений, но один из них обычно был всегда в центре села. Все они, независимо от местоположения, были общесельского пользования. При отсутствии источника воды на территории села, ее проводили при помощи глиняных труб, установленных под землей. Доставка воды из дальних мест и строительство родника считались благочестивым делом и совершались, как правило, во имя спасения души, увековечения памяти строителя и (или)

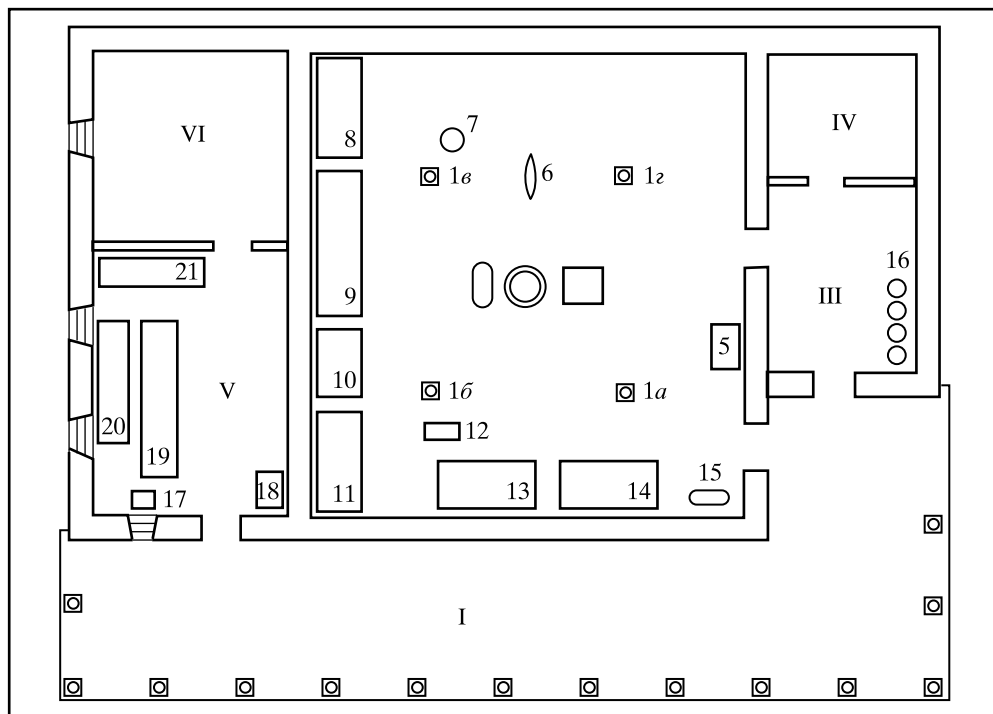
Генеральный план квартала Калтахчянов, село Ачаджур (Тавуш). Середина XX в. На рис. цифрами (1–22) обозначены жилые комплексы членов их семейной общины. Экспедиция. 1960 г. Чертеж Б. Аслаяна

Архив ИАЭ. Фонд чертежей. Папка 60. Рис. 113

его предков, о чем свидетельствуют как названия родников, так и высеченные на них надписи. Другой способ доставки питьевой воды, в частности в низменных регионах Сюника (Мегри), Нахичевани, Васпуракана, частично Карабаха, осуществлялся при помощи подземных каналов, так называемых *k'yahrez* (Лисициан, 1955. С. 204; Туршян, 1967. С. 246–253).

Неотъемлемой частью армянского села являлись тока, которые располагались или в селе рядом с жилыми домами, или на краю села. Пашни находились вокруг села, а в ущельях, на берегу речек и рек, располагались огороды и сады. Важными составляющими объектами села являлись мельницы, маслобойни, кузницы, различные частные мастерские. В армянских селах имелись небольшие приходские школы, из объектов бытового назначения – небольшие магазинчики, парикмахерские (которые часто были размещены в доме самого парикмахера).

Кладбища как один из важных объектов пространственной организации села традиционно были на его окраине, на какой-либо возвышенности или холме. Процесс формирования кладбищ, как правило, проходил в два этапа. На первом этапе, совпадающем со временем основания культового сооружения, захоронения производились на его территории. В дальнейшем, по мере разрастания поселения, церковь оказывалась в центре села, вследствие чего для захоронения отводилось новое место за пределами поселения (Мелконян, 1983. С. 121), где впоследствии образовывались участки родственных захоронений. Иногда они имели небольшую часовню.

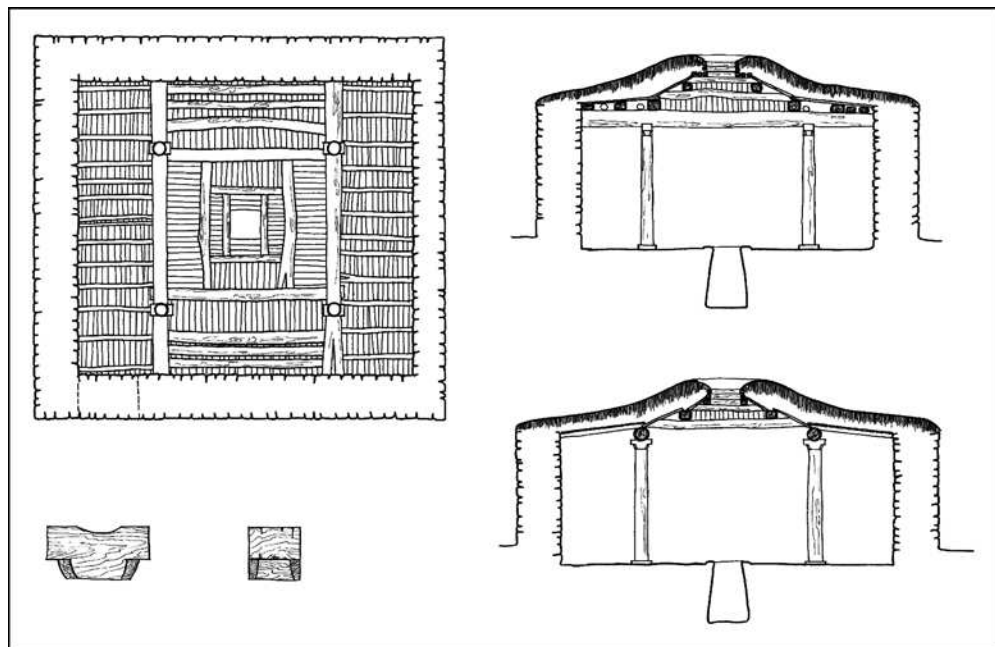
План интерьера народного жилища зажиточного крестьянина, село Ахавнадзор (Вайоц-дзор). Начало XX в.

I – открытые сени; *II* – главное хозяйственно-жилое помещение; *III* – кладовая; *IV* – да- вильня винограда; *V* – комната для гостей; *VI* – жилая комната. 1 (*a–z*) – колонны; 2 – *тонир*; 3 – место для сидения во время трапезы старших членов мужской половины семьи; 4 – *курси*; 5 – ткацкий станок для ковров, ковров; 6 – место для керосиновой лампы; 7 – прялка; 8, 13, 14 – тахты-кровати; 9 – шкаф-*укялти*; 10 – шкаф для хранения хлеба; 11 – ларь-амбар; 12 – ткацкий станок для холста; 15 – каменная ступка; 16 – карасы для вина; 17 – чугунная печь; 18 – шкаф для хранения посуды; 19 – стол на высоких ножках; 20, 21 – скамьи
Из кн.: Марутян А. Интерьер армянского народного жилища (вторая половина XIX – начало XX в). Табл. 1/2

Жилище. Типы армянского народного жилища формировались на протяжении длительного времени под влиянием природных, исторических, экономических и социальных условий. Самым распространенным типом был *ghaxatun*, представленный двумя основными подтипами, в основу выделения которых положены особенности внутренней планировки и формы перекрытия.

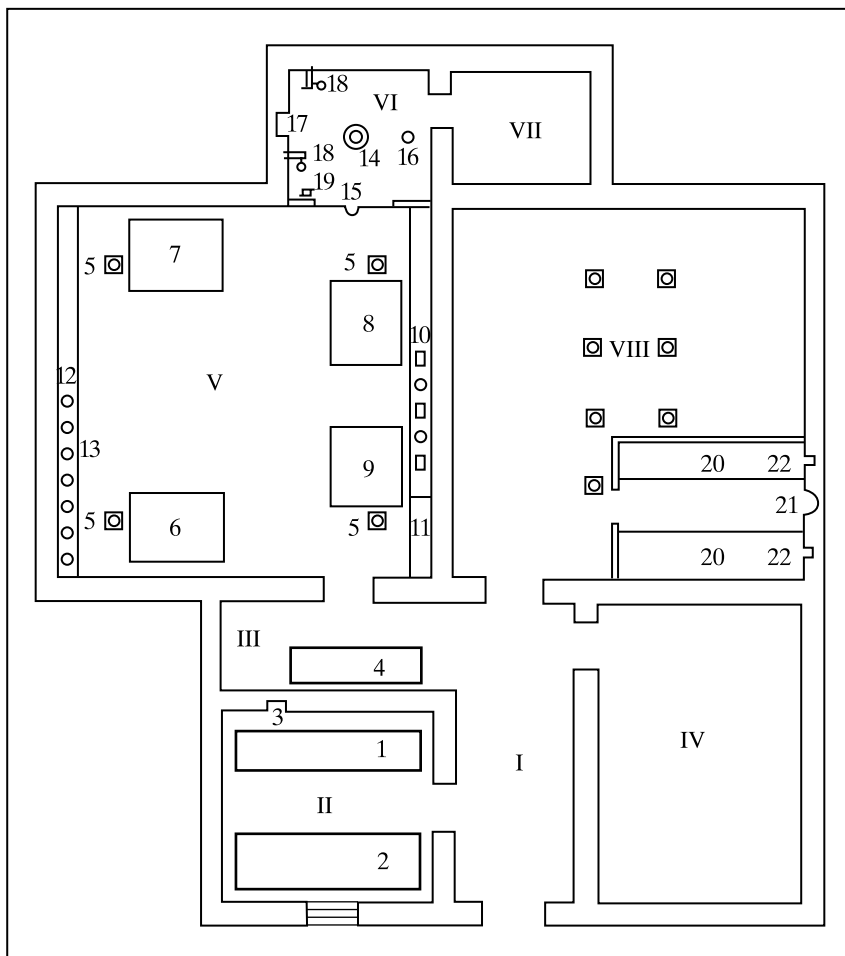
Основные типы. *Первый* подтип *ghaxatuna* был характерен для предгорных, богатых лесом районов с умеренным климатом (Лори, Тавуш, Нагорный Карабах, Зангезур, восточное и южное побережье Ванского озера, Мушская равнина). Отличительной особенностью этого типа является конструктивная разделенность жилой и хозяйственной части.

Первый тип *ghaxatuna* состоял из следующих основных компонентов: открытые сени, главное хозяйственно-жилое помещение, пекарня, кладовая, хлев, иногда – гостиная комната городского типа. Стены жилища представляли собой кладку из рваных или наполовину тесаных камней. Стены, как и утрамбованный земляной пол, были оштукатурены глиной, перемешанной

План перекрытый *гхатуна*, село Мартирос (Вайоц-дзор). Начало XX в.
 Архив ИАЭ. Папка 7. Чертежи Н. Папухяна

с соломой, а иногда и покрывались сверху известью. В основном жилом помещении – *hac 'atun* на определенном расстоянии от углов стен на каменных базах устанавливали деревянные колонны, часто увенчанные капителями. На колоннах параллельно стенам прокладывали толстые бревна, поперек которых ближе к центру клались два более коротких бревна, образующие с ними квадрат. На этот квадрат ложился следующий квадрат меньших размеров из более тонких и коротких бревен. Таким образом, поперечно все более уменьшающиеся квадраты бревен образовывали ступенчато возвышающийся купол, заканчивающийся квадратом светодымового отверстия - *erdik*'. Создание такого ступенчато-венцеобразного купола диктовалось необходимостью как освещения, так и выведения дыма от очага. Чем выше был купол, тем лучше отверстие вытягивало дым и тем чище был воздух. Основная тяжесть перекрытия огромных размеров ложилась на колонны. Для того чтобы колонны под тяжестью перекрытия не оседали в земляной пол, а также предохранения от сырости, их устанавливали на каменные базы различной формы. Колонны чаще всего имели капители, в основном в виде опрокинутой вниз коротким основанием узкой трапеции, нередко покрытой оригинальной резьбой (Marutyan, 2001. Р. 86). В главном жилом помещении иногда устанавливались пристенные колонны, на которых лежали горизонтальные бревна. Созданный таким образом каркас также поддерживал тяжелое перекрытие, что было особенно важно в стране, расположенной в зоне повышенной сейсмической активности. Такое помещение одновременно служило столовой, спальней, кухней и отчасти кладовой. В центре *гхатуна* находился открытый очаг для

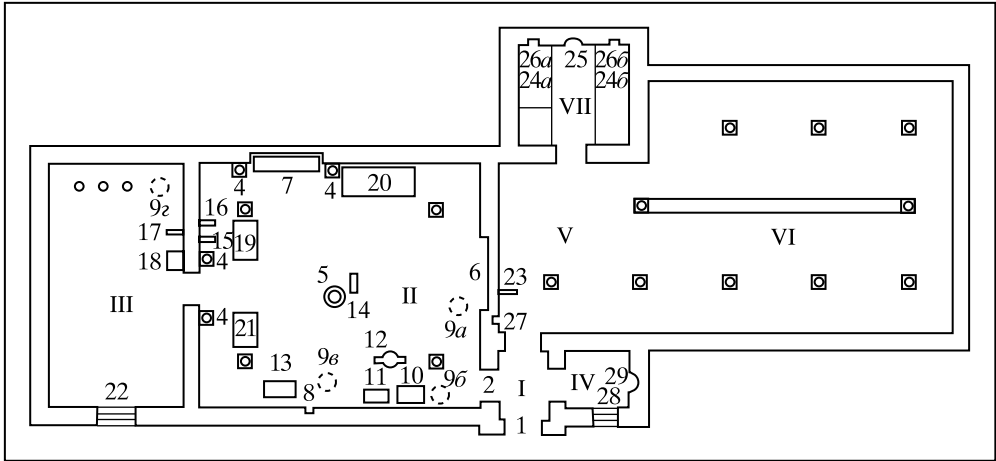
План и интерьер жилища крестьянина-средняка, село Гусанагюх (Ширак). Конец XIX в.

I – крытые сени; *II* – комната для гостей; *III* – передняя; *IV* – овчарня; *V* – главное хозяйственно-жилое помещение; *VI* – помещение для *тонира*; *VII* – кладовая; *VIII* – хлев; *IX* – комната при хлеве. 1, 2 – тахты-кровати; 3, 17 – внутристенные шкафчики; 4 – ларь-амбар; 5 – колонны; 6–9 – места для сна; 10 – каменно-земляное возвышение для хранения различной утвари; 11 – место на возвышении для хранения постельных принадлежностей; 12 – каменно-земляное возвышение для карасов; 13 – карасы; 14 – большой *тонир*; 15 – поддувало большого *тонира*; 16 – маленький *тонир*; 18 – вбитые в стену бруски; 19 – сундук для хлеба; 20 – каменно-земляные приспособления для сидения и лежания; 21 – камин; 22 – маленькие ниши.

Из кн.: Марутян А. Интерьер армянского народного жилища (вторая половина XIX – начало XX в). Табл. IV/1

отопления и приготовления пищи. В жилищах данного типа *t'onir*, врытый в землю очаг для выпечки хлеба, строили вне дома, в специальном помещении *t'onratun*. Изредка его сооружали в доме, при этом он служил не столько для выпечки хлеба, сколько для отопления жилья (Лисициан, 1955. С. 204–206).

Довольно просторные сени комплекса *глхатун* располагались между выступами боковых стен и были открыты спереди, где несколько колонн отделяли их от двора и поддерживали спереди крышу, составляющую продолжение

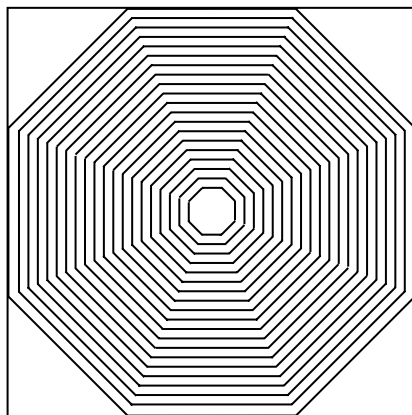
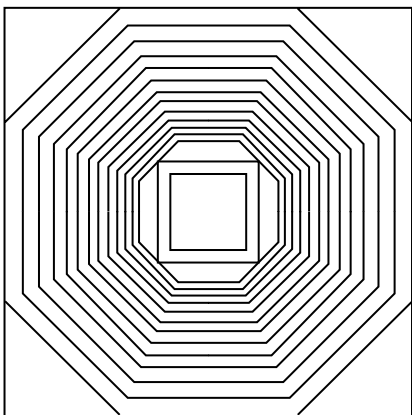
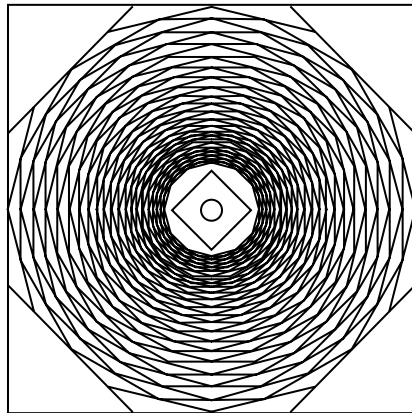
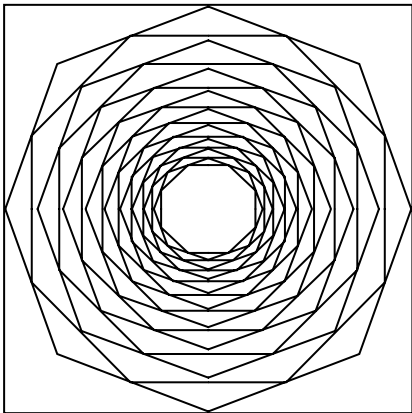
План и интерьер жилища крестьянина-средняка, село Неркин Геташен (Гехаркуник). Начало XX в.

I – крытые сени; *II* – главное хозяйственно-жилое помещение; *III* – кладовая; *IV* – жилая комната; *V* – передняя хлева; *VI* – хлев; *VII* – комната при хлеве. 1 – дверь в сени; 2 – дверь в главное хозяйственно-жилое помещение; 3 – главные колонны; 4 – пристенные колонны; 5 – *тонир*; 6 – большая ниша для постельных принадлежностей; 7 – большая ниша для ларя-амбара; 8, 26, 27 – маленькие ниши; 9а-г – ямы для хранения зерна, картофеля; 10 – полки для посуды; 11 – каменная ступка; 12 – место для маслобойки; 13 – сундук для хлеба; 14 – подставка для светильника; 15–17 – вбитые в стену бруски; 18 – каменно-земляное возвышение; 19–21 – места для сна членов семьи; 22, 28 – маленькие окна; 23 – вбитая в стену подставка для светильников; 24 – каменно-земляные приспособления для сидения и лежания; 25, 29 – камины.

Из кн.: Марутян А. Интерьер армянского народного жилища... Табл. IV/3

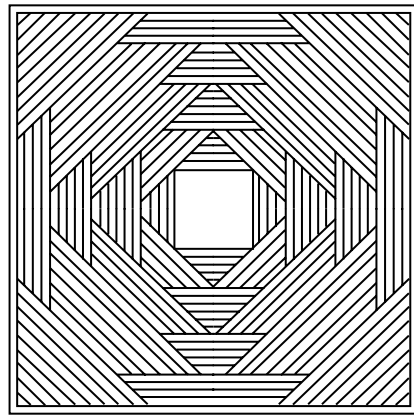
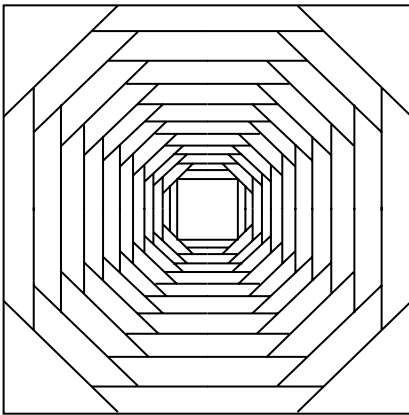
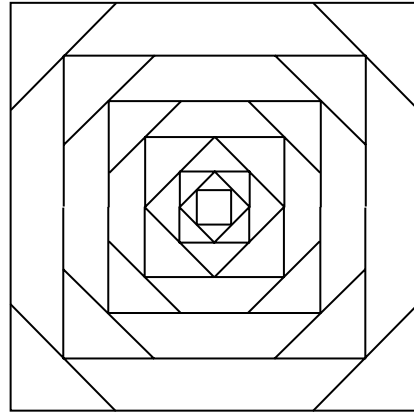
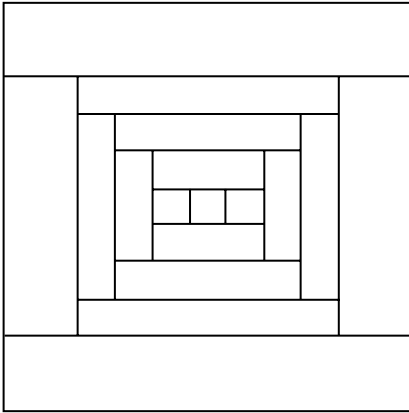
кровли *глхатуна*. В сени выходила единственная дверь *глхатуна*. В теплое время года семья много времени проводила в сенях. В одном его конце сооружали пристенный очаг – камин – *buxari*. Со временем этот камин стали сооружать также в самом доме. В сенях ставилась и широкая простая тахта, различные сельскохозяйственные орудия и т.п. Дверь кладовой – маленькой четырехугольной комнаты – обычно вела в *глхатун*. В ней хранили соленья, фрукты, молочные, иногда зерновые продукты. Порой она служила спальней для новобрачных, сюда уходили при приеме гостей молодые невестки. Хлев, как правило, строили отдельно во дворе. В редких случаях в одном конце хлева сооружали жилую комнату (Лисициан, 1969. С. 109; Марутян, 1989. С. 73).

Второй тип жилого комплекса *глхатун* доминировал на территории плоскогорных безлесных районов (Высокая Армения, Туруберан, Цопк, Ахдзник, Ширак, Арагацотн, Гехаркуник, Джавахк) с суровым, резко континентальным климатом. Важнейшая отличительная черта этого комплекса – объединение под одной кровлей жилых и почти всех хозяйственных помещений, вследствие чего все части комплекса сообщаются один с другим, что давало возможность зимой, не выходя из помещения, заниматься домашним хозяйством, ухаживать за скотом и т.д. Эти комплексы состояли из следующих основных отделений: крытые сени, главное хозяйственно-жилое помещение – *tun, tan tun*, кладовая, хлев, комната при хлеве, иногда – гостиная комната городского типа.

Разновидности перекрытия жилища типа *hazaraşen*
Архив ИАЭ. Папка 5. Чертеж Н. Папухяна

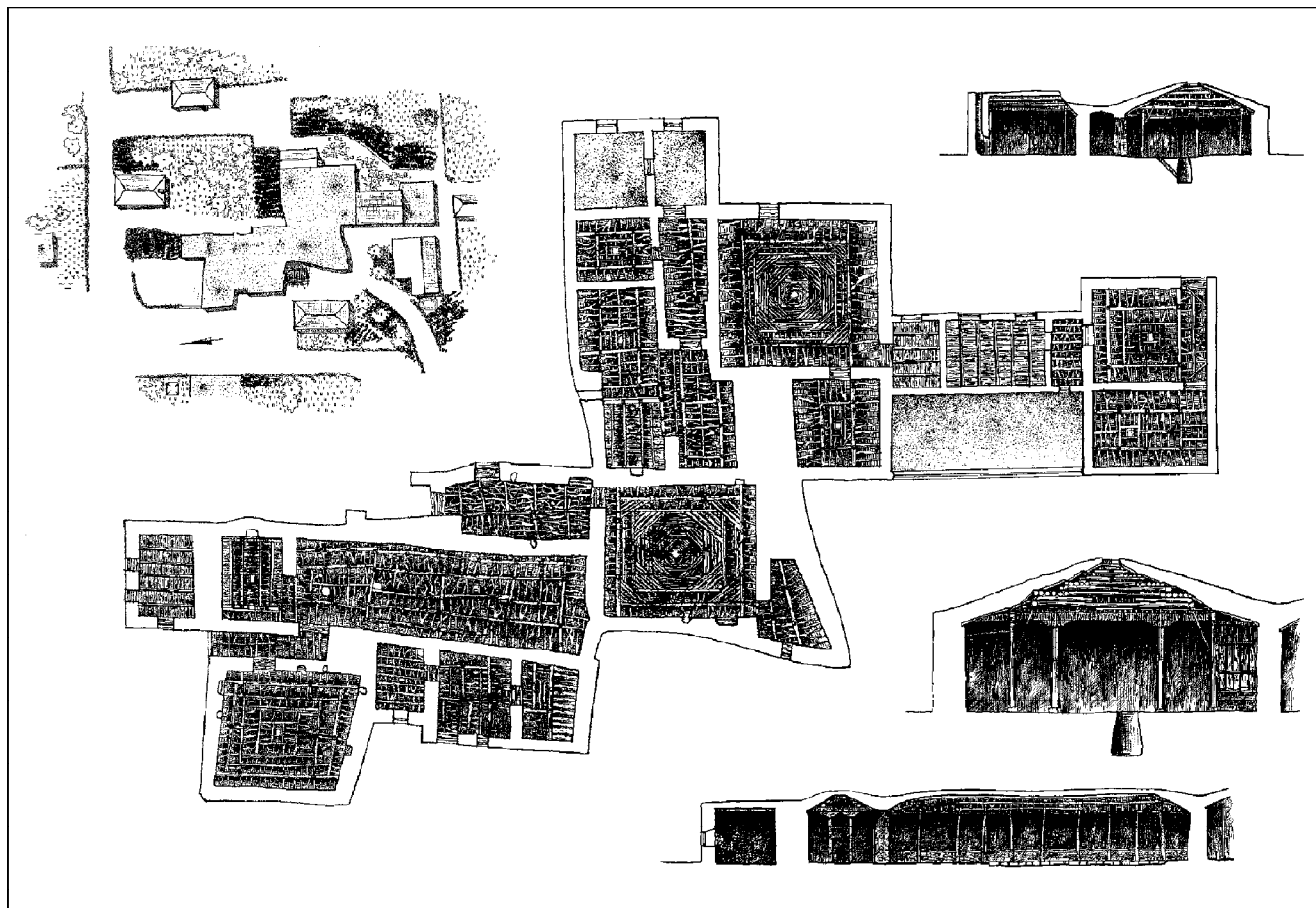
У стен основного помещения обязательно устанавливали каркас – колонны (на каменных базах), верхушки которых были связаны бревнами, лежавшими нередко на капителях. Первый ярус венцеобразного перекрытия образовывался короткими бревнами, обрезавшими углы квадрата; получался квадрат, уложенный углами вкось на квадрат каркаса по центральным точкам его боков. На нем возводился перерезыванием углов от центров сторон третий ярус. Таким образом, наложение одного на другой все более уменьшающихся квадратных ярусов создавало ступенчатое, суживающееся кверху перекрытие, заканчивающееся светодымовым отверстием. Все треугольники, образующиеся при таком наложении квадратов, закладывались правильно обтесанными бревнами, вплотную прилегающими одно к другому. Перекрытия *glxatuna* осуществлялись без гвоздей. Этот вид перекрытия имел несколько разновидностей. В самой сложной из них углы перекрывались короткими обрезками бревен, образуя ярусы с 8, 16, 32 углами. Иногда же восьмиугольные ярусы от начала до конца, постепенно укорачиваясь, параллельно

Разновидности перекрытия жилища типа *hazarashen*
 Архив ИАЭ. Папка 5. Чертеж Н. Папухяна

поднимались до светодымового окна. Такое перекрытие называлось *hazarashen* – «тысячекладка», так как перекрытие состояло из многочисленных мелких брусьев (*hazar* – «тысяча» в армянском языке не только конкретное числовое понятие, но и обозначение множественности) (Лисициан, 1926. С. 58–60; Лисициан, 1955. С. 206, 207; Варданян, 1959. С. 116–118).

Глхатун данного типа во внутренней планировке имел два подтипа; в одном случае тонир устраивали в специальном небольшом отделении, называемом *t'onratun* – комната с тониром, в другом – в центральной части помещения. *Тонратун* имел свое светодымовое отверстие и обычно сообщался с жилым помещением высокой (до 2 м) каменной аркой. Выделение *тонира* в особое отделение предохраняло жилую часть от дыма, а ее стены и перекрытие – от загрязнения копотью (Лисициан, 1926. С. 61; Ш, 1983. С. 165; Варданян, 1959. С. 44–48). Более распространены были *тонратуны* без арки. Пол этого отделения был несколько приподнят (на 25–40 см) по сравнению с полом жилой комнаты и сообщался с ней ступенькой, под которую выходило

План перекрытий жилого комплекса гердастана Налбандянов, село Геховит (Гехаркуник). 1973 г.
Архив ИАЭ. Папка 16. Чертеж Н. Папухяна

поддувало *тонира*. Армянский *тонратун* в основных своих чертах напоминает церковную апсиду (*Лисициан*, 1926. С. 67) и наблюдается «ближайшая связь храмовых традиций с чисто местными народными архитектурными навыками» (*Лисициан*, 1936. С. 273). *Жилая комната*, будучи главным помещением (25–100 кв.м) комплекса, одновременно служила спальней, столовой, кухней (когда не было *тонратуна*), нередко – кладовой.

Указанный тип *гхлатуна* обычно имел закрытые сени или крытый двор. В сени выходили двери из большинства отделений дома, дверные проемы их были довольно широкими (до 2 м), так как в высокогорных селениях через них проходил и домашний скот. Перекрытие сеней чаще всего было плоским. В сенях хранили самые различные предметы бытового назначения, хозяйственный инвентарь и пр. Кладовые в этих жилых комплексах располагались обычно рядом с *тонратуном*. В кладовых хранили некоторую часть домашних припасов, иногда ставили лари-амбары и т.д.

Одним из главных элементов в жилом комплексе был хлев – *гом*. Это было прямоугольное здание, у которого параллельно продольным стенам, на расстоянии около метра от них, ставили один ряд столбов с промежутками-стойлами между ними, достаточными для помещения одного крупного домашнего животного. После укладки поперечных брусьев получался потолок, горизонтальный в средней части и покатый к продольным стенам. Подобное перекрытие с архитектурной точки зрения напоминало трехнефную базилику. Пол хлева был утрамбованным, нередко его устилали плоскими камнями (*Лисициан*, 1955. С. 210).

Составным компонентом этого типа комплекса *гхлатун* была также сооружаемая при хлеве комната – *гомасеняк*, (*гони ода*), предназначенная для мужчин и одновременно служившая парадной комнатой для приема гостей. Она отделялась от хлева невысокой деревянной или каменной стеной-перегородкой в 1,25–1,5 м высотой. Иногда (особенно в Шираке) это был художественно оформленный свод. Функционирование этого помещения обуславливалось главным образом использованием тепла, исходящего от животных. Широкие каменные возвышения или деревянные нары тянулись вдоль боковых стен *гомасеняка*, оставляя узкий (не более 1 м) проход между ними, ведущий к пристенному очагу-камину с дымовой трубой – *бухари*. Это помещение перекрывалось при помощи системы балок, поставленных в продольном направлении, с постепенным их смещением внутрь. «Ступени» потолка у состоятельных хозяев были тщательно обструганы и отполированы. Свет падал из окна, проделанного под потолком в основной продольной стене против камина. «По своему плану гом с такой *ода* до такой степени приближается к плану базилики, как тип последней, выработавшейся в Малой Азии, что невольно напрашивается установление генетической связи базиличного плана с планом гони ода» (*Лисициан*, 1955. С. 213). *Гомасеняк* сооружался во многих районах Армении, но высокоразвитого архитектурного оформления совершенства достиг в Высокой Армении, Джавахке, Шираке. Здесь он был просторным (размер зависел от достатка хозяина), с деревянными нарами в два, реже – в три яруса с каждой стороны камина, устланными циновками, тюфяками, покрытыми коврами с подушками. В тщательно оформленном интерьере хозяева проявляли весь свой художественный вкус.

Перекрытия традиционного жилища, село Мартуни (Гехаркуник). Вторая половина XIX в.
Фото из личного архива А. Марутяна

Перекрытие-*hazarashen* главного помещения жилого комплекса Согоянов, село Мартуни (Гехаркуник). Начало XIX в.

Фото из личного архива А. Марутяна

Гомасеняки уважаемых хозяев служили, особенно зимой, традиционным местом собраний стариков (иногда и холостой молодежи), где обсуждались и решались различные хозяйственные и общественные вопросы. Нередко в больших *гомасеняках* устраивались свадьбы, проходили выступления гусанов и другие мероприятия, требующие стечения большого количества народа (Бдоян, 1974. С. 79–82; Варданян, 1981. С. 101, 102, 134–137; Марутян, 1989. С. 76, 77; Marutyun, 2001. Р. 95–97). В высокогорных районах зимой там нередко спали члены семьи или гости.

В конце XIX – начале XX в. в состоятельных хозяйствах сельских районов Армении начали возводить комнаты городского типа, где принимали и гостей. Двери этих комнат открывались в сени или под навес, сооруженный перед сенями. Перекрытие комнаты обычно было плоским, пол старались делать по возможности дощатым, стены были тщательно побелены.

В Араратской долине широко были распространены также и *одно-двухэтажные дома с плоской земляной кровлей и несущими стенами*. Основным строительным материалом для этого типа жилища служил сырцовый кирпич. Самым распространенным вариантом этого типа был одноэтажный дом прямоугольной формы, с однорядным расположением помещений относительно главного фасада. Число комнат варьировало от одной до трех. В состоятельных крестьянских хозяйствах дом, как правило, был двухэтажным: при этом либо все жилище строилось из сырцового кирпича, либо первый этаж возводился из камня на глиняном растворе, а второй – из сырцового кирпича (в Лори – из обожженного кирпича). Первый этаж использовался в хозяйственных целях, а второй служил жильем. Такие жилища, известные как «галерейный» тип, приобретают наибольшую популярность в Лори с последней четверти XIX в. и ближе к XX в. В них галерея вытягивается вдоль фасада и формируется в балкон с резными перилами. Двускатные крыши покрывались черепицей местного производства. В архитектуре жилища внешний вид

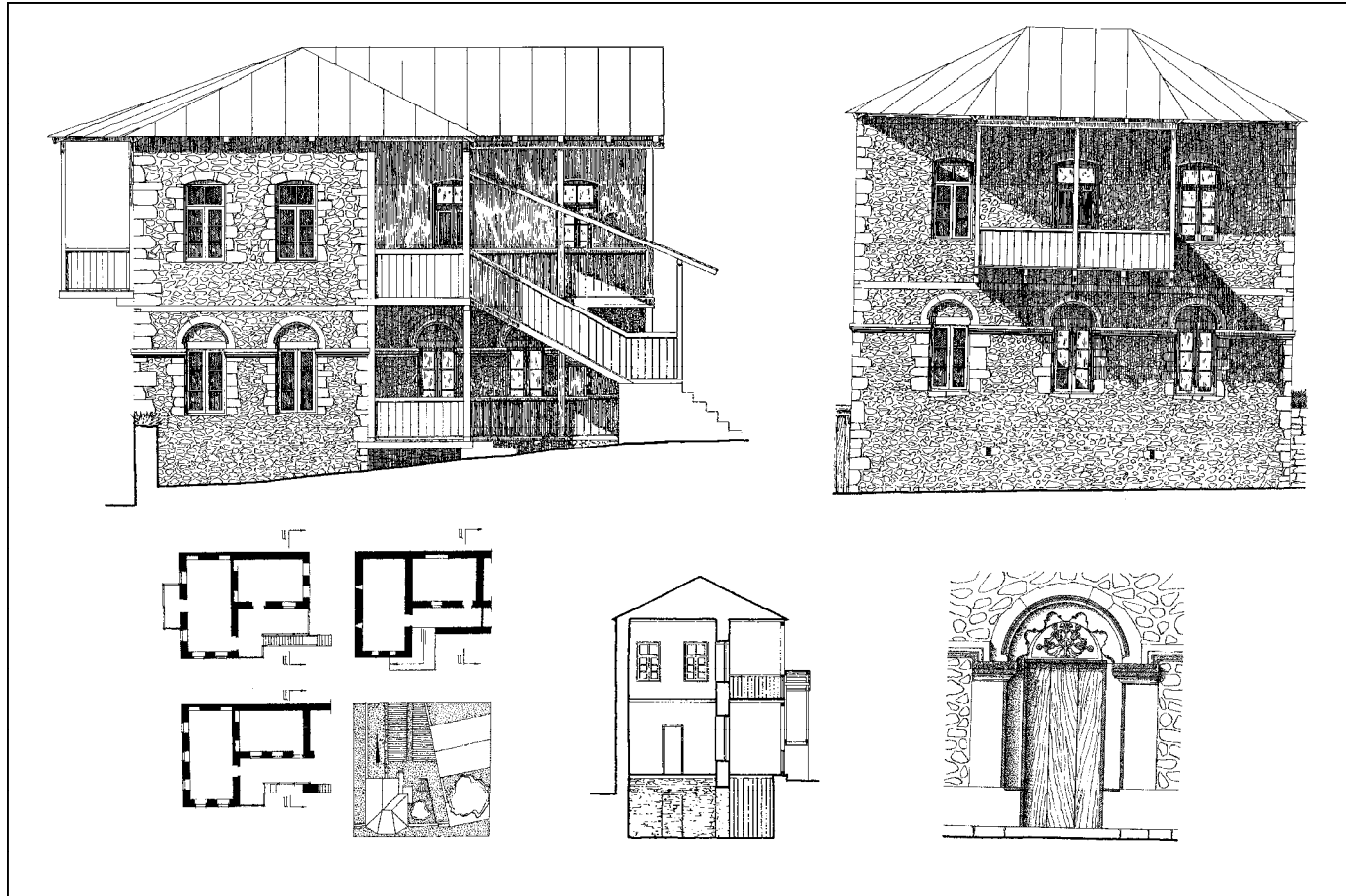

Общий вид *гomi-ода* – жилой части при хлеве, село Гюмурдо (Джавакх). Конец XIX в.
Фото из личного архива З. Хачикияна

постройки получает ведущее значение, а основой художественного решения становится галерея.

В жилищах Араратской долины крытый проезд, ведущий с улицы в огражденный двор, представлял собой широкий коридор со сводчатым или плоским перекрытием, со стороны улицы имел широкие ворота, а со двора был целиком открыт. Он служил своего рода сенями при входе в усадьбу. Поскольку в этих районах скотоводство имело второстепенное значение и господствующее положение занимало земледелие, в особенности садоводство и виноградарство, в подобном жилом комплексе важная роль отводилась хранению продуктов садоводства. В его подвалах со сводчатым потолком размещались кладовые, иногда и винодавильни.

Своеобразный тип жилища с плоской кровлей бытовал в юго-восточной части Сюника (Мегри) и других местах. Расположенные на склонах гор ряды

Двухэтажный жилой дом: общий вид и разрез, село Гадрут (Нагорный Карабах). Начало XX в.
 Архив ИАЭ. Папка 12. Чертеж С. Хатламанджяна

домов издалека напоминали вытянутые террасы, причем плоские кровли нижних домов служили дворами для верхних. Мегринское традиционное жилище в простейшем своем виде представляло прямоугольник каменных стен с навесом впереди и состояло из следующих частей: внутренний дом, внешний дом, открытые сени, хлев, сенник и саманник. Три последние постройки сооружались несколько в стороне от жилой части. Внутренний и внешний дома образовывались путем разделения большого прямоугольного помещения перегородкой на две комнаты разной величины. Настоящей жилой комнатой являлась первая, большая, расположенная во внутренней части дома. Внешний дом служил по преимуществу кладовой для различных припасов, мелких сельскохозяйственных и других орудий. В конструкции дома этого типа несущими являлись стены, на которые клались балки, поверх них в поперечном направлении укладывались плотными рядами тонкие прямые жерди. Затем перекрытие настилалось камышом, соломой и засыпалось толстым слоем (в 50 см и более) утрамбованной глины. Оставленные в потолке обеих комнат дымовые отверстия недостаточно освещали и плохо вытягивали застоявшийся в помещении воздух. Для устранения этих неудобств в одной из боковых стен (обычно с солнечной стороны), под самым потолком, открывали одно-два маленьких окошечка. Открытые сени представляли собой помещение между выступами боковых стен и открытое спереди, где ряды столбов поддерживали навес, составлявший продолжение кровли дома. Здесь в теплое время года семья проводила почти весь день, здесь находились *тонир*, каменная ступка и т.п. (Лисициан, 1927. С. 119–133; Папухян, 1972. С. 74–79; Мкртумян, 1983. С. 160, 161).

К абберантным формам жилища относятся пещерные жилища, распространенные в ряде районах Восточной (Горис) и Западной Армении (Маназкерт, Харберд, Муш и др.). Для жилья приспособляли естественные пещеры или высекали в скалах искусственные помещения. Планировка пещерных жилищ была различной, а размеры каждого из них зависели от характера грунта и потребностей семьи. Большей частью эти жилища состояли из двух-трех помещений: основное – жилое, другие – подсобные (хлев, сеновал, кладовые, часто объединявшиеся небольшой площадкой). Часто перед входом в пещеру сооружали одно-двухэтажные каменные пристройки под жильё, с красиво оформленным фасадом. В жилища, расположенные в скалах на разной высоте, свет попадал через окна и двери, имевшие различные формы и размеры. Отапливались пещерные жилища при помощи расположенного в центре дома открытого очага или небольшого *тонира*. Внутреннее убранство было довольно скромным – различные по форме и величине ниши для постельных принадлежностей, домашней утвари, продуктов; каменные нары, застланные циновками, коврами или коврами; ларь-амбар для хранения зерна и зерновых продуктов, иногда и сельскохозяйственные орудия (Вардамян, 1959. С. 10–20; Лисициан, 1969. С. 96–111; Папухян, 1972. С. 50–54).

Отопление жилища. Различные способы утепления и отопления народно-го жилища были тесно связаны с его соответствующими типами. Этим целям служили прежде всего чисто конструктивные и другие приемы, применяемые при строительстве жилища. Так, одной из немаловажных причин строительства домов с частичным или полным углублением в землю, помимо соображений, вытекающих из особенностей рельефа, являлось стремление сохра-

нить как можно больше тепла зимой и прохладу летом. Этой цели служил также заменяющий окна неширокий *ердик*, прикрываемый на ночь. Важное значение имела и толщина кровли: снаружи деревянное перекрытие поэтапно застилали хворостом, ветками ивы, дуба, особыми видами трав и изготовленными из них циновками, камышом, соломой (предпочтительнее – льняной), земляным раствором толщиной 5–10 см, слоем утрамбованной земли толщиной до полуметра и более; поверх земли насыпали золу или соль; обкладывали земляным дерном травяной стороной вниз. Теплоизоляции служили стены – большей частью каменные, в некоторых районах – глиняные, толщиной от 0,7 до 1,5 м, заштукатуренные изнутри, реже – снаружи.

Особенности внутренней планировки также играли существенную роль, особенно в жилых комплексах *глхатуна* второго типа, где главное жилое помещение окружалось крытыми сенями, хлевом, различными хозяйственными помещениями. Успешному противостоянию колебаниям температуры помогало также такое расположение жилищ, при котором стены домов тесно примыкали одна к другой, и часто стена одного дома одновременно служила стеной и для соседнего дома (*Марутян*, 1989. С. 80, 81).

Традиционное крестьянское жилище отапливалось различными типами очагов, выполнявшими одновременно хозяйственные функции. В жилом комплексе *глхатун* первого типа основным отопительным устройством являлся очаг – *о҆҆ах*, представляющий собой незначительное, обложенное камнями углубление для разведения огня в середине жилья, почти под самым дымовым отверстием. В лесных регионах очаг топили дровами. Иногда один конец бревна придвигали к огню и по мере сгорания его продвигали вперед. Более совершенным видом очага являлся *тонир*, который служил как для выпечки хлеба, приготовления пищи, так и для обогрева жилища. *Тонир* как основное средство отопления бытовал в основном в скудных лесом районах Армении.

По материалу изготовления *тониры* можно подразделить на два основных типа – глиняные и каменные. *Тониры* первого подтипа имели форму цилиндра, диаметр устья которого достигал 60–80 см, а книзу увеличивался до 150 см. Их изготавливали техникой кольцевого налета в течение нескольких дней и просушивали от 20 до 40 дней. Просохший *тонир* переносили в помещение и при помощи веревок опускали в вырытую в земле яму. В таком положении *тонир* обжигали (разводя внутри огонь), после чего пространство между *тониром* и ямой заполняли землей и прочно замазывали глиной. *Тониры* второго подтипа изготавливали путем обмазывания стенок ямы толстым слоем глиняного теста с последующим обжигом. Они уступали по прочности *тонирам* первого подтипа. *Тониры* второго типа были каменные, точнее, стены ямы обкладывались четырьмя-шестью каменными плитами, которым заранее придавали слегка вогнутую форму. Такие *тониры* встречались намного реже и то главным образом в больших семьях, состоятельных хозяйствах, так как для их топки расходовалось больше топлива и они служили намного дольше (*Саркисян*, 1978. С. 40–42; *Марутян*, 1989. С. 81, 82, 86, 87; *Marutyan*, 2001. P. 91–93; *Petrosyan, Marutyan*, 2001. P. 120–122). В нижней части *тониров*, у самого основания, прodelывали небольшое отверстие для тяги диаметром 15 см и более. Поддувало – узкая (диаметром 10–20 см) глиняная труба, подводящая воздух ко дну *тонира*, проходила под полом от нижней его части и выходила на поверхность пола чаще всего ближе к двери; если же *тонир*

устраивали на возвышении, то труба выходила к его основанию. Когда огонь в *тонице* разгорался, поддувало закупоривали тряпкой. Основным топливом служил кизяк в виде прямоугольных брусков, а в богатых лесом районах – хворост, дрова. Для сохранения тепла *тонира* на него после выпечки хлеба ставили *к'ursi* – деревянный столик высотой 0,4–0,5 м, длиной и шириной 0,9–1,2 м, который покрывали сверху большими коврами так, что края их свешивались, закрывая ноги сидящих около *тонира* людей. Спали, ложась ногами к *курси*, а край одеяла, которым укрывался спящий, клали под край ковра, покрывающего *курси*.

Жилые помещения в основном в лесных районах отапливали также большими пристенными *бухари*. Их устраивали в открытых сенях (в хозяйственных целях), в главном жилом помещении, в летних гостиных комнатах, они являлись необходимым компонентом интерьера *гоми ода*.

С начала XX в. в состоятельной среде армянского крестьянства начали возводить каменные или кирпичные печи с чугунными или жестяными крышками. Их растапливали кизяком, позже перешли на дрова и нефть (*Марутян*, 1989. С. 82–87).

Освещение. *Глхатун* в основном освещался через *ердик*. Его формы, размеры, оформление зависели от функционального назначения помещений. В *туне* он обычно в плане был квадратным (0,5 × 0,5 м, иногда – 0,7 × 0,7 м), но среди *хазарашенов* иногда и восьмиугольным. В *гомасеняке* это светодымовое окно в основном было прямоугольным (длина – 0,5–2,2 м, ширина – 0,2–0,35 м). Во всех помещениях, в зависимости от назначения, устанавливалось по несколько окон в разных местах перекрытия. Сверху на деревянную раму *ердика* ставили каменный квадрат с отверстием посередине или же укрепляли кувшины с отбитым дном. В Гехаркунике, а иногда и в Шираке, на всех брусках, составлявших раму *ердика*, делались полукруглые выемки с целью лучшего отражения света. Закрывался *ердик* по-разному. Во многих местах в квадрат светодымового окна крестообразно вставляли металлические прутья во избежание грабежа. На ночь сверху их закрывали дерном, каменной плитой, деревянным щитом или же, в более поздний период, стеклом в деревянной раме. В главных жилых помещениях у этих светодымовых отверстий иногда сооружали своеобразные механизмы, позволяющие закрывать их изнутри, не поднимаясь для этого на крышу.

Во второй половине XIX – начале XX в. остекленные окна имелись главным образом в жилых и гостевых комнатах жилищ садоводческих районов. Маленькие окна закрывались изнутри одностворчатыми ставнями, навешанными на петли с одной стороны окна. Для больших окон использовались двустворчатые ставни.

Для искусственного освещения в армянском народном жилище использовали лучины, свечи, лампы, с конца XIX в. – керосиновые лампы.

Интерьер. Письменные и полевые этнографические источники свидетельствуют, что к концу XIX – началу XX в. историко-этнографические регионы Армении различались своеобразием внутреннего убранства жилища.

Мебель в крестьянском доме была довольно разнообразной. Традиционные неподвижные каменные нары прямоугольной формы иногда устанавливались вдоль одной-двух стен *туна* и в *гомасеняке*. Длина их – в соответствии с местонахождением – составляла от 2 до 5 м, ширина – 0,3–0,7 м, высота –

Тахта, покрытая *карпетом*, село Дсех (Лори). Начало XX в. Экспедиция. 1972 г.
Архив ИАЭ. Папка 33. Фото Г. Жамкоячна.

0,4–0,7 м. Позднее стали широко использовать и различные деревянные тахты-кровати без спинок и со спинками. Их длина колебалась от 1,7 до 2 м, ширина – 0,9–1,1 м, общая высота ножек 0,7–1,1 м (в том числе спинок – 0,4–0,6 м). Их также обязательно накрывали, причем особенно престижным считалось, если они покрывались *карпетами* или коврами, спускавшимися со стены на тахту и доходящими до пола.

Такие тахты-кровати предназначались для старших членов семьи и почетных гостей. На них сидели, облокотившись на длинные, округлой формы подушки, ночью на них спали. В Лори и Тавуше для удобства в изголовье тахты-кровати ставили переносной деревянный, иногда орнаментированный подголовник. Тахты-кровати были многофункциональны. Если тахту использовали для трапезы, то садились по краям, а посередине расстилали скатерть. Иногда в ее нижней части сооружали полки для хранения разных предметов. Тахты-кровати (особенно со спинками с двух и трех сторон), наряду с некоторыми другими компонентами интерьера, придавали ему привлекательность и указывали на благосостояние семьи.

Мебель (столы, стулья и пр.) в современном ее понимании вошла в быт армян, в основном, в XIX в., хотя археологические данные и письменные ис-

точники свидетельствуют об использовании ее в элитарной культуре в ранние периоды. В традиционном быту армяне, как правило, сидели на полу, устланном циновками, *карпетами*, войлоком, коврами, тюфяками. С начала XIX в. распространение получили деревянные табуретки, скамейки и столы, в дальнейшем – европейские стулья со спинками.

Для трапезы в традиционном быту армяне широко пользовались разного рода низкими деревянными столиками круглой или прямоугольной формы на низких ножках. Для трапезы имелись также деревянные, металлические, главным образом медные и соломенные подносы. Медные столы-подносы предназначались для старших членов семьи, для угощения почетных гостей. Столы на высоких ножках были известны армянам с древних времен. Однако во второй половине XIX – начале XX в. они были лишь у городского населения, в крестьянском же быту они не были распространены, но постепенно их употребление принимало престижный характер в домах зажиточной части сельского населения.

В каждом армянском доме можно было встретить деревянные колыбели разных конструкций, а также зыбки для укачивания младенцев, иногда стоялки и ходунки. Самыми распространенными были колыбели с низкими бортами и низкими ножками, вставленными в вогнутые полозья, с согнутыми аркообразными жердями у изголовья и изножья, соединенные сверху рейкой. Обычно они были семейной реликвией и переходили от поколения к поколению.

В интерьере традиционного жилища важное место занимали разного размера и глубины ниши, оставленные в стенах, которые выполняли функцию шкафов. В больших нишах ставили лари-амбары, в них аккуратно складывали постельные принадлежности, которые служили показателем благосостояния семьи. В ниши меньших размеров, изнутри обитых досками, устанавливались полки и получались шкафы для хранения инструментов, разной домашней мелкой утвари, продуктов, специальные ниши отводились для кувшинов с водой, светильников, отдельные – для хранения священных книг. Иногда для них изготовляли дверцы, но чаще они были открытыми либо закрывались занавесью.

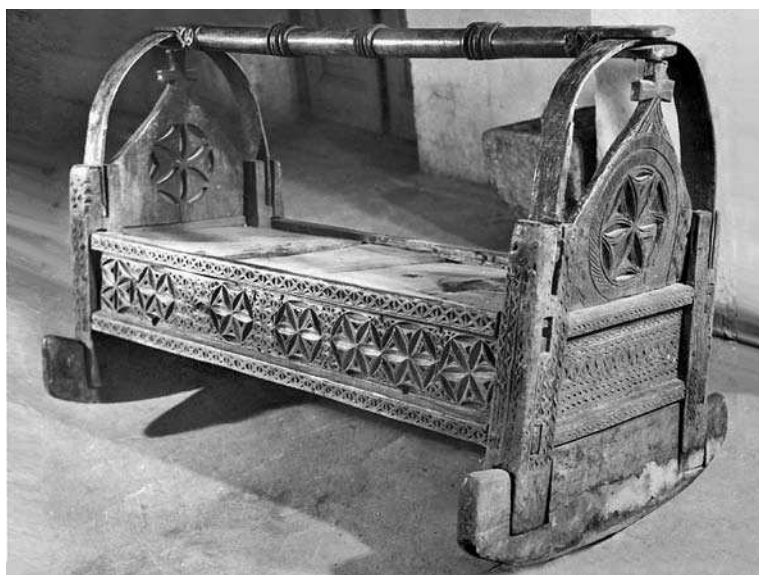
Вдоль задней стены дома, иногда в сенях или в кладовой сооружали разных размеров каменно-земляные возвышения. На высоких (0,9–1,7 м) возвышениях располагали посуду, глиняные сосуды, мешки с мукой или солью и вообще предметы, которые не ставились на пол из-за сырости. На возвышениях-выступах меньшей высоты (0,4–0,5 м) ставили карасы и глиняные сосуды с соленьями, молочными продуктами, антропоморфные сосуды для хранения соли, медную утварь. Домашняя утварь хранилась и на деревянных полках, которые устраивались в два-пять ярусов (длиной 1–5 м и более, высотой до 2 м, шириной 15–30 см) в различных помещениях жилища у одной-двух стен дома: в их нижних частях хранили крупные предметы (*карасы*, горшки, котлы и т.п.), в верхних – более мелкие (посуду, цедилки, подойники и т.п.).

В ряде районов (в Вайоц-дзоре, Араратской долине и Гехаркунике) широкое распространение имели вместительные деревянные шкафы на низких ножках (длиной 2,3–3,8 м, шириной 0,65–0,95 м, высотой 0,85–1,9 м).

В них хранили завернутые в материю постельные принадлежности, *карпеты*, ковры, кошмы, сундуки с одеждой, мешки с мукой и крупой. Иногда

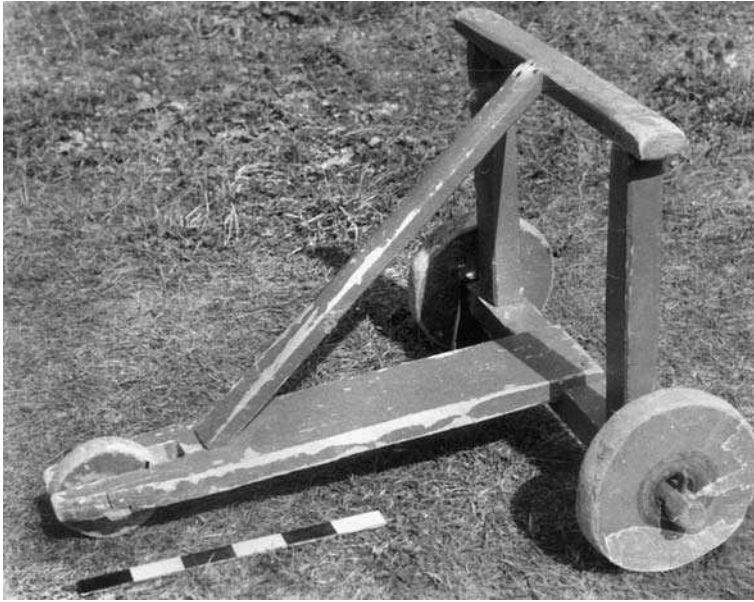

Традиционные люльки, село
Марц (Лори). Начало XX в.
МИА. № Е 3605

верхняя часть их служила ложем. Все это спереди закрывали занавесью из шерстяных тканых полотнищ. Нижняя часть шкафа разделялась перегородками на три-четыре отсека с дверцами, в которых хранили одежду, мелкую утварь, зерно и зерновые продукты, глиняные сосуды с медом, маслом, свежие и сушеные фрукты. Его передняя часть обычно была орнаментирована богатой резьбой.

Одним из традиционных элементов интерьера армянского народного жилища являлись расставленные вдоль одной из стен деревянные сундуки. Чаще всего их приносила с собой как приданое невестка; в них она хранила свою одежду и украшения.

Традиционные ходунки, село Вагни (Лори)

Из кн.: Марутян А. Интерьер армянского народного жилища. Табл. XVIII/9

В других сундуках находилось белье, одежда остальных членов семьи. Престижными считались покупаемые в городах сундуки, покрытые цветными жестяными украшениями, с музыкальными замками.

Довольно вместительными приспособлениями были карпетные или ковровые мешки – *mafraš* длиной 1,2–1,5 м, шириной и глубиной 0,4–0,6 м. Они предназначались для хранения постельных принадлежностей.

Ложки и черпаки повсеместно хранили на полках в ложкарницах, свешанных со стен и столбов жилища.

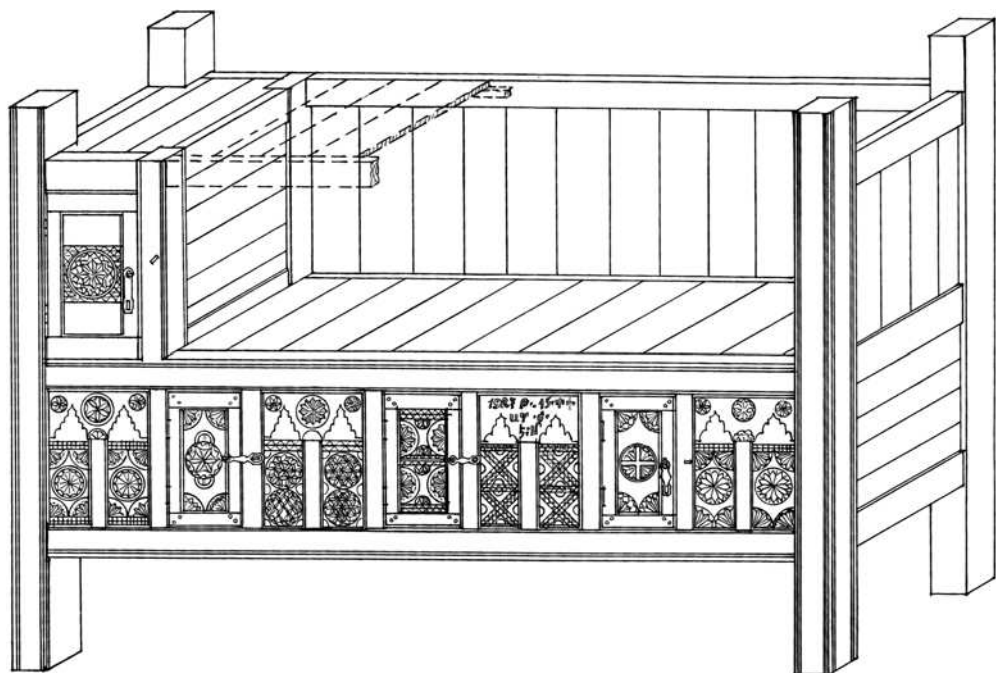
Встречались также ложкарницы, представляющие собой длинные (до 1 м), неширокие (до 15–20 см) брусья, с многочисленными проемами, куда вкладывались ложки и черпаки. Довольно распространены были и ложкарницы, плетеные из прутьев ивы, соломы, похожие на маленькие корзиночки. В ряде районов (Тавуш, Лори и др.) встречались вязаные из разноцветной шерстяной пряжи сетчатые ложкарницы, а также вязаные разноцветные солонки.

Особое значение имела утварь для хранения сельскохозяйственных продуктов, особенно зерна и зерновых продуктов. Благополучие крестьянской семьи во многом зависело от того, насколько ей удавалось сохранить полученный ценой огромных трудов урожай. Этой цели служили зерновые ямы, а также специальные амбары-зернохранилища из камня (в этом случае они представляли собой отдельные строения во дворе), дерева, глины, плетеные и обмазанные глиной корзины *к'т'ос'с*, а также *карасы*. Высота обычных деревянных амбаров колебалась от 0,8 до 2,3 м, длина – от 1,8 до 3,4 м, ширина – от 0,7 до 1,7 м. Лари-амбары делились внутри перегородками на два, три, иногда четыре отделения, в которых хранили пшеницу, ячмень, просо, полбу, муку, крупы.

Полки для хранения утвари, село Гюмурдо (Джавакх, Грузия). Конец XIX в.

Из кн.: *Марутян А.* Интерьер армянского народного жилища. Табл. XXIII/1

Шкаф, село Ехегис (Вайоц-дзор). 1927 г.

Из кн.: *Марутян А.* Интерьер армянского народного жилища. Табл. XXV/1

Наполнялись лари-амбары сверху, а содержимое доставляли либо сверху, либо через маленькие отверстия, оставленные в нижней части, перед каждым отделением. Вместимость обычных деревянных амбаров достигала 1–6, иногда – до 8–10 т зерна и зерновых продуктов. Фасад ларей-амбаров нередко был покрыт богатым орнаментом.

В лесных районах Армении зернохранилища выдалбливали в пне высотой до 0,9–2,2 м, диаметром 0,4–1,5 м: такие хранилища назывались *alratun*, букв. «дом для муки.» Глинобитные зернохранилища имели разнообразную форму – цилиндра, усеченной пирамиды и др.

Хлеб хранили на подвешенных с потолка лотках и в специальных сундуках и шкафах. Последние бытовали в селах Арагацотна, Араратской долины, Вайоц-дзора.

В числе утвари для хранения молочных продуктов были подойники (медные, деревянные, глиняные), глиняные кувшины и кожаные мешки для хранения *мацуна*, глиняные сосуды и бурдюки для сыра, глазурированные изнутри и снаружи глиняные сосуды, а также бурдюки для масла и т.д. Воду носили и хранили в медных, деревянных и глиняных кувшинах, этой цели служили также каменные баки. Для переработки молочных продуктов употреблялись цедилки молока, сосуды для заквашивания молока, деревянные и глиняные маслобойки различной формы и т.п. Для приготовления еды широко применялись глиняные горшки, медные котлы. Последние использовались и для кипячения воды, молока и т.п.

Кухонная утварь предназначалась для переработки различных продуктов и для приготовления из них разных видов пищи. Это – деревянные корыта, сита с отверстиями различной величины, скалки разной длины и толщины для раскатывания теста, круглые штампы для теста, употребляемые при выпечке ритуального печенья, используемые при выпечке лаваша эллипсоидные подушки, длинные железные прутья с крючковатым концом для вынимания испеченного хлеба и т.п. Разнообразной была и традиционная столовая утварь – большие и маленькие глиняные миски, металлическая луженая посуда, сравнительно реже деревянные миски, деревянные ложки. В конце XIX – начале XX в. в сельский быт начала постепенно входить посуда европейского образца.

Сундук, село Цхна (Нахичеван). Конец XIX в. Экспедиция. 1976 г.

Архив ИАЭ. Папка 92. Фото С. Амбарцумяна

Мафраш. Ахалциха (Джавакх, Грузия). Экспедиция. 1973 г.
Архив ИАЭ. Фонд В. Бдоена. Папка 3

Деревянные ложкарницы, село Марц (Лори). Начало XX в.
МИА. № Е 3345, 3375

Связанные из шерсти солонки, поселок Ноемберян (Тавуш). Экспедиция. 1973 г.
Архив ИАЭ. Папка 37. Фото А. Степаняна

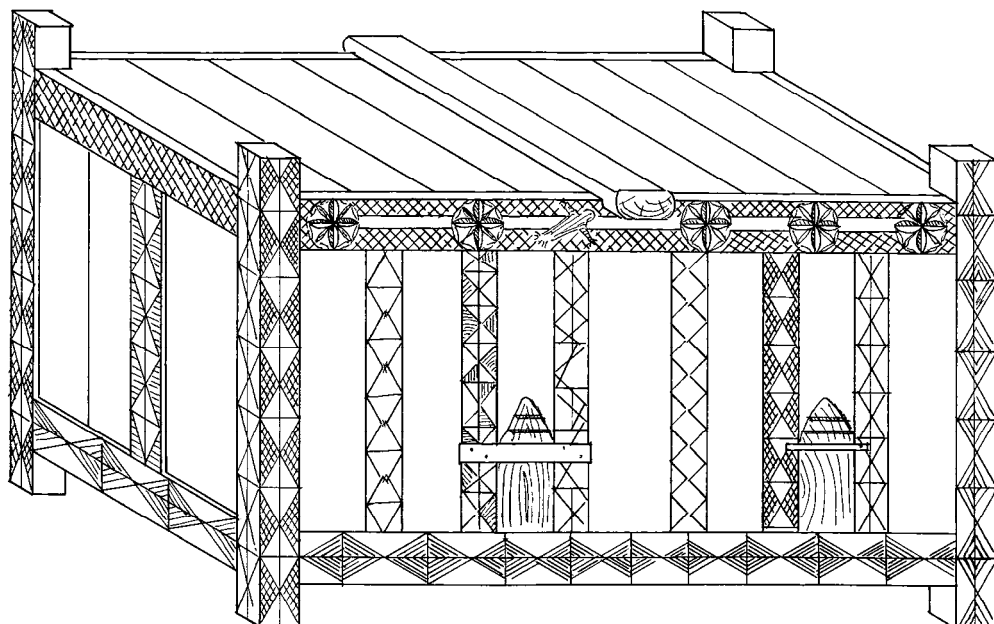
Современные армянские сельские поселения по форме их застройки имеют большое разнообразие. Современные сельские жилища исключительно каменные (в преобладающих случаях – из туфовых блоков), одно-двухэтажные прямоугольной или Г-образной формы, с двух-четырёхскатной стропильной крышей из шифера или жести, с несколькими комнатами, высокими потолками, большими окнами. В домах, обставленных, как правило, современной мебелью, нередко импортного производства, выделяются общая гостиная, спальни (иногда их несколько), открытая или застекленная веранда, кухня, кладовая, хлев. Все большее число семей приобретают (в основном в кредит) импортную бытовую технику – телевизоры, видеомагнитофоны, иногда видеокамеры и даже персональные компьютеры. В некоторых домах имеются музыкальные инструменты, в частности фортепиано.

Наряду с этим, в обстановке современного жилища сохранились некоторые элементы традиционного жилища и его интерьера. Так, во многих регионах традиционный *гхатун* сохраняется для хозяйственных целей, а для выпечки лаваша все еще пользуются деревянными корытами для теста. В интерьере частично сохранилась традиционная мебель: тахты-кровати, внутристенные шкафы, комоды. В декоративно-прикладном убранстве по-прежнему ценятся ковры ручной работы, хотя многие из них были проданы в тяжелые 1990-е годы.

Лари-амбары, село Неркин Геташен,
село Цовинар (Гехаркуник). Начало
XX в.

Из кн.: *Марутян А.* Интерьер армянского на-
родного жилища. Табл. XXXV/1, XXXIII/3

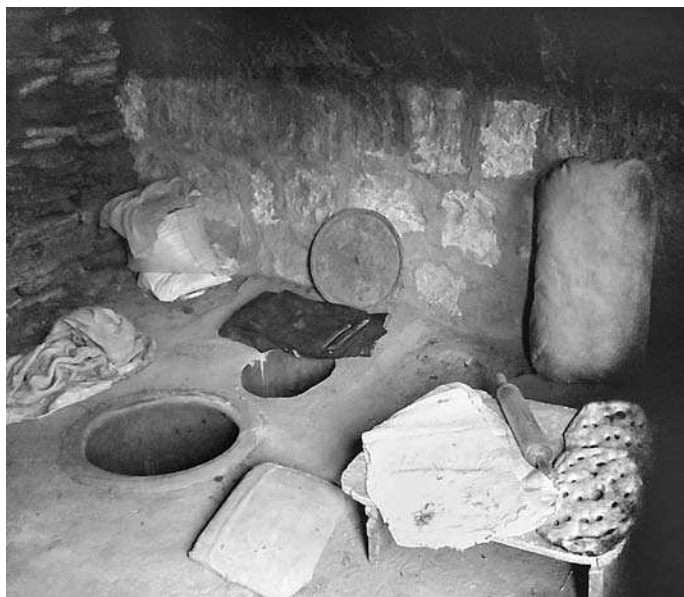
ПИЦЦА

Национальная пища армян, как и у всех народов мира, формировалась в тесной связи с преобладающим у них хозяйственно-культурным типом, представляющим собой сочетание пашенного зернового земледелия с отгонно-пастбищным и оседлым скотоводством. В соответствии с этим в традиционной пище армян, из всех видов материальной культуры наиболее полно сохранившей до нашего времени свою специфику и во многом выражающей национальное самосознание народа, сочетаются растительные (зерновые) и животные (мясомолочные) продукты. Первенство, безусловно, принадлежало зерновым продуктам, по-прежнему составляющим у армян основу питания (пшеница, полба, рожь, просо и др.)

Самым главным из зерновых продуктов на армянском столе был и остается хлеб *haç hac'*. Один из наиболее распространенных и любимых в народе видов национального хлеба – *лаваш*, представляющий собой (по пищевым качествам и по многофункциональности) вершину культуры дрожжевого хлебопечения (Арутюнов, 1989. С. 213). Это плоский, очень тонкий, овальной формы хлеб размером примерно до 1 м в длину и около 0,5 м в ширину и весом не более 250 г. Его выпекают из пшеничной (а в прошлом иногда и из особого сорта ячменной) муки в традиционных печах – *тонирах*, которые нагревают либо кизяком, либо сухими ветками. Полагается, чтобы тесто для лаваша, в которое добавляется специальная закваска – *тауа, хаš* (обычно кусочки теста от предыдущей выпечки), в большом деревянном корыте – *таšт* месила старшая в доме женщина. Готовое тесто затем раскатывают скалкой на традиционном низком круглом или четырехугольном столике, сидя на полу. Как правило, это делает невестка. Затем она передает тонко раскатанное тесто свекрови, которая, сидя у *тонира*, подбросив сначала его вверх с рук на руки, натягивает на специальную подушку с плетеной из ивы основой, а затем, низко нагнувшись, одним ловким движением налепляет на раскаленные внутренние стенки *тонира*. Через 30–35 секунд она вытаскивает пропеченный хлеб специальным железным прутом с острым загнутым концом.

Выпечка хлеба – весьма трудоемкое занятие, поэтому в нем нередко принимают участие также родственницы и соседки. По завершении выпечки готовый хлеб соответственно делится между ними (Арутюнов, Мкртумян, 2004. С. 202–206). Поскольку лаваш не теряет своих вкусовых качеств практически неограниченное время, его выпекают впрок, а в некоторых областях с суровой зимой, например в Арарате, Арагацотне, Шираке, Гехаркунике – сразу на несколько месяцев. В этом случае его высушивают, складывают в стопки, укрывают и хранят в прохладном хозяйственном помещении. Чтобы восстановить мягкость и вкус такого хлеба, его достаточно сбрызнуть водой и завернуть на 20–30 минут в полотенце. Удобство лаваша заключается и в том, что в него, сворачивая небольшие куски трубочкой, можно завернуть сыр, мясо, зелень, соленья, он может заменить салфетку и тарелку, а свернутый конусом – даже ложку. Он не теряет своих качеств в долгой дороге. Армяне любят крошить сухой лаваш в суп и наваристый бульон, а мясные и овощные блюда нередко подают на лаваше и даже переносят завернутыми в него.

В Армении есть и другие виды национального хлеба, например толстые лепешки – *matnak'aš*, *blit'*, *bombi*. Их выпекают главным образом в лесных

Выпечка лаваша в *тонире*, село Хачик (Вайоц-дзор). Экспедиция. 2003 г. Архив ИАЭ. Папка 3. Фонд Ю. Мкртумяна

Выпечка хлеба в *пуре*, село Айгедзор (Тавуш). Экспедиция. 1976 г. Архив ИАЭ. Фонд Ю. Мкртумяна. Папка 2

районах, причем как в *тонирах*, например, в Арцахе, Сюнике, так и в подовых печах – *р^си^с*, – в Лори, Тавуше. В этих районах печи растапливаются дровами. Такой хлеб можно хранить только несколько дней, а чтобы восстановить свежесть, его слегка сбрызгивают водой, а затем подогревают.

С тестом и хлебом у армян, как и у других народов Кавказа, связано очень многое. Например, ни один мужчина, пусть даже грудной младенец, не должен был находиться во время выпечки рядом с *тониром*, иначе хлеб мог отлепиться от стенки *тонира* и упасть в огонь. Хлеб не полагалось резать ножом,

его можно было только отламывать рукой, чтобы он не потерял свою «способность» поддерживать изобилие в доме. В народе верили, что если «отрезать чей-то хлеб», то можно «лишить человека благосостояния». Перед тем как съесть кусок хлеба, старики подносили его ко лбу. Грешно было ронять хлеб на землю, наступать на него или оставлять на земле крошки, иначе они могли попасть к злым духам, которые, по древнему поверью, там жили. Если же хлеб все-таки падал на пол, то его с извинениями поднимали, целовали и, попросив у Господа прощения, клали обратно на стол (*Лисициан*, 1955. С. 218). Увидев оброненный кем-то кусок хлеба на земле, с таким же извинением его нужно было положить на любое возвышенное место, где птицы небесные в дальнейшем могли бы его склевать (*Лалаян*, 1896. С. 336). Вообще хлеб, как символ благополучия, играл большую роль в обрядах жизненного цикла.

Как и у других народов Кавказа (*Арутюнов, Сергеева*, 1995. С. 12), хлеб у армян, составляя основную часть рациона, входит в общее понятие *еда*, и выражения *есть* вообще и *есть хлеб* – синонимы в армянском языке, а слова *завтракать*, *обедать* и *ужинать* часто заменяют словами *hac^c utel* (букв. хлеб кушать).

В последние десятилетия армяне все чаще покупают хлеб в магазине, хотя по-прежнему предпочитают, особенно по праздникам, хлеб домашней выпечки. Заметные изменения в хлебопечении стали происходить, начиная с тяжелых в экономическом отношении 1990-х годов. Так, во многих сельских семьях хлеб для повседневного использования стали выпекать не только в *тонирах*, но и электрических печках-духовках, что обходится дешевле, хотя и отражается на его вкусовых качествах. Рыночные отношения привели к тому, что сейчас пекут лаваш на заказ, практически во всех селах появились частные пекарни, где хлебопеками иногда работают и мужчины.

Как и в старину, к праздникам армяне нередко пекут традиционную круглую *gat^ca* на масле, со сладкой или, реже, соленой начинкой, с узорчатым верхом. Для нанесения такого узора, имеющего солярную, астральную или иную культовую символику, в домах хранились свои особые штампы – *gat^canaxġ*. *Gama* и сейчас одно из любимых в народе печеных лакомств.

К числу весьма архаических армянских блюд из пшеницы и муки относится *p'oxind* (*p'oxinj*), который готовят из прожаренных, а затем грубо смолотых зерен пшеницы. Эти зерна, нередко в смеси с другими семенами, например, конопли, кунжута употребляли как в сухом виде, в основном как лакомство, так и для приготовления обрядовой каши – *xaġil*. Сваренную кашу поливали топленным маслом и сывороткой, клали сахар или мед, а также изюм, миндаль или орехи. Готовили также *xavic^c* – кашу из поджаренной на масле пшеничной муки, в которую добавляли горячий сахарный сироп, а в конце варки – свежие сливки. *Xaviġ* предназначался в первую очередь для рожениц.

Блюда из риса у армян имеют множество названий, в зависимости от того, как они готовятся и чем сдабриваются: изюмом, миндалем, сухофруктами, мясным фаршем, жареным мясом или куриным филе, рыбой, жареным луком, сливочным или растительным маслом. Праздничным блюдом были разнообразные пловы (*плав*), способ приготовления которых у армян «откидной», т.е. рис, предварительно замоченный, отваривается отдельно, припускается, а затем соединяется с другими компонентами. Это могут быть жареные цыплята, баранина, рыба, сухофрукты и т.д. Иногда (главным образом в селениях)

Деревянный штамп для *гаты*, село Шнох (Лори). Экспедиция. 1972 г.
Архив ИАЭ. Папка 34. Фото Г. Жамкочяна

вместо риса для плова используют пшеничную крупу – *javar*. Известно также несколько видов рисовых каш – *k'ašovi*. Жидкая рисовая каша *шилаплав* с бараниной в ряде областей, например, в Лори, Шираке, Джавахке, вплоть до настоящего времени является поминальным блюдом, также как пшеничная каша с мясом – в Лори, Сюнике и др. С 60–70-х годов XX в. ассортимент блюд из зерна значительно расширился за счет появления новых покупных круп, макаронных изделий, новых рецептов изготовления сладостей. Наряду с этим, популярной остается традиционная длинная и тонкая домашняя лапша – *erišta*.

Распространены в питании армян и зернобобовые культуры – чечевица (*vosp*), горох (*siser*) и особенно красная и зеленая (стручковая) фасоль (*lobi*). Их едят как самостоятельные блюда либо добавляют к другим блюдам.

На втором месте после зерновых в системе питания армян стояли продукты скотоводства, особенно молочные (Арутюнов, Мкртумян, 1983. С. 201). Цельное молоко как в сыром, так и позднее преимущественно в кипяченом виде давали в основном детям, старикам или больным. Повсеместно был распространен кисломолочный продукт – *масун*. Для этого молоко кипятили, а затем остужали примерно до 45–50° (как говорят в народе, чтобы «палец терпел») и заквашивали с помощью закваски – *меран*, используя, обычно, оставшийся от предыдущего раза *мацун*. Затем сосуд ставили на несколько часов в теплое место или укрывали чем-нибудь теплым. Использовался *мацун* широко и многообразно, поэтому его часто заготавливали впрок. В свежем виде он хранился в глиняных кувшинах почти неделю, а для более длительного

Процесс высушивания домашней лапши, поселок Мартуни (Гехаркуник). Экспедиция. 1978 г. Архив ИАЭ. Папка 45. Фото С. Амбарцумяна

хранения его выцеживали в мешочках из плотной ткани, получая *k'amac tasin*, который затем перекадывали в кожаный мешок и так хранили месяц и даже дольше, в зависимости от степени подсаливания.

Как правило, из *мацуна* сбивали сливочное масло – *karag*, применяя один из двух древних способов. В одном случае две женщины ритмично раскачивали висячую деревянную или глиняную маслобойку – *xnoc'i*. В другом – женщина, сидящая на земле, мерно перекачивала глиняную сидячую маслобойку – *дзцум*. Оба способа сколь архаичны, столь и трудоемки. В некоторых регионах (Тавуш, Лори, Вайоц-дзор) масло сбивали из сливок.

С 1960-х годов для облегчения этого процесса стали использовать сепараторы, стиральные машины, трехлитровые банки, всякого рода самодельные устройства.

Для приготовления разных блюд употребляли главным образом топленое масло, которое было принято заготавливать на зиму.

Оставшуюся после сбивания масла сыворотку – *t'an* пили как прохладительный напиток либо использовали как основу для различных блюд, напри-

Висячая маслобойка – *хноци*. Лори, Тавуш. Середина XX в. Экспедиция. 1984. Фонд С. Даавтян
Архив ИАЭ. Папка 1. Фонд С. Давтян

Один из видов маслобойки – *хноци*. Капан (Сюник). Экспедиция. 1968 г.
Архив ИАЭ. Папка 28. Фото А. Папаняна

мер для кисломолочного супа с пшеничной или рисовой крупой, приправленного мукой, яйцами, жареным луком и зеленью. Такой суп, называвшийся у восточных армян *t'apov spas*, у западных – *apur*, ели как в горячем, так и в холодном виде. Для приготовления этого супа, а также всевозможных подливок использовали заготовленную впрок после кипячения *тана* и последующего отжимания творожистой массы и ее высушивания на солнце сухую сыворот-

ку в виде шариков – *č^ooratan*, которые по мере надобности растирали в молоке. *Мацун* добавляли к различным мясным блюдам, плову, лоби, яичнице и т.д. Особенно ценился *мацун* из буйволиного молока. Он такой консистенции, что его можно резать ножом. *Тан* легко приготовить и из *мацуна*, разбавляли водой, немного подсаливали (его в и в таких случаях называли (*маснат^с ап*)). В Армении широко распространено и заводское приготовление *мацуна* и *тана*.

Необходимым компонентом пищи у армян всегда был сыр – *панир*. Известно несколько наиболее популярных национальных видов: в форме сплюснутого сверху или снизу шара – *glux panir* (букв. головчатый сыр), *horac panir* (сыр в глиняном кувшине, зарытом в землю), рассыпчатый сыр – *mot^сal* и сыр в виде тонких нитей – *t^сel panir* или (*č^сec^сil*). Сыры готовили из сырого как цельного, так и снятого молока, преимущественно путем сычужного заквашивания. Для *glux панира* использовали овечьё, коровье, козье молоко или их смесь. Больше ценился сыр из цельного овечьего молока. Из снятого коровьего молока готовили *чечил панир*, наиболее распространенный в Шираке. Разновидностью этого сыра является *усак* или

тел панир, приготовляемый путем многократного растягивания подогретого обезжиренного сыра *чечил* в тонкие нити и последующего сворачивания их в жгуты. Эти сыры хранились в рассоле в традиционной глиняной посуде, а позднее – в эмалированной или стеклянной. Во время хранения сыр иногда подвергался плесневой ферментации и тогда назывался «зеленый» – *kanač^с panir*. Из снятого молока готовился рассыпчатый сыр – *мотал*, в который добавляли измельченные пряные травы, в основном тимьян. Такой сыр хранили в бурдюках. Он был особенно распространен в Сюнике, Арцахе, Тавуше, Лори и др. В селениях использовали также соленый *šor* – нечто среднее между сыром и творогом, приготовленный путем кипячения оставшейся после сбивания масла сыворотки и помещения ее под гнет. Сыр для армян был и остается такой же повседневной и необходимой пищей, как хлеб. Обычно его едят завернутым вместе с зеленью в лаваш, с фруктами, после обеда, чтобы, как говорят, «подсластить» рот. Хлеб с сыром (*һац у панир*) всегда считался вполне достойным угощением для гостя, особенно если на столе были вино или водка.

Мясные продукты по степени распространенности уступали молочным и были, как правило, рассчитаны на непосредственное употребление (*Арутюнов, Мкртумян, 1983. С. 202*). Мясо – баранину, говядину, свинину, домаш-

Получение масла при помощи маслобойки – *хноци*. Тавуш. Экспедиция. 1977 г.

Архив ИАЭ. Папка 2. Фонд Ю. Мкртумяна

ную птицу, дичь – ели и в отварном, и в жареном виде. Но если в прошлом преобладала баранина, а говядина была на втором месте, то впоследствии эти сорта мяса «поменялись местами». В наше время нередко больше едят мяса домашней птицы, особенно кур. Одним из любимых и популярных праздничных мясных блюд у армян, как и у других народов кавказского региона, был и остается шашлык – *xorovac*. Вместе с мясом принято обжаривать и овощи – помидоры, баклажаны, болгарский перец, а также головки лука. Распространен шашлык и из заранее подготовленного мяса, которое в течение нескольких часов маринуют с уксусом, черным перцем, гвоздикой, луком и пряной зеленью (шашлык по-карски). В старину в селениях в основном для гостей готовили *хорову* – обжаренную над огнем в *тонире* целую баранью тушу. Древний способ запекания мяса иногда применяли пастухи: разрезанная на куски и завернутая в свежеснятую шкуру туша барана укладывалась между камнями и углями в специально вырытую неглубокую яму, слегка присыпанную землей. Сверху разводили костер, в котором мясо и зажаривалось (Еремян, 1960. С. 26, 27).

К числу излюбленных мясных блюд у армян относятся также *tolma* – голубцы из виноградных либо капустных листьев и овощей, начиненные мяско-крупяным фаршем; *harisa* – пшеничная каша с сильно разваренным мясом, предпочтительно куриным; *xaš* – густой и клейкий бульон из говяжьих, иногда бараньих, ножек и желудков, который варят всю ночь и едят рано утром очень горячим с толченым чесноком и лавашем. Если с шашлыком непременно подавалось вино, то с *хашем* – водка, поскольку он традиционно считался мужской едой. В разных регионах популярными блюдами считались также: *k^cyuft^a* – хорошо отбитое мясо, сваренное в виде крупных шариков и политое маслом; *kololak* – суп с шариками из мясного фарша; *bozbaš* – суп из отварной, а затем поджаренной с луком баранины с овощами; *č^canax* или *putuk* – кусочки мяса с помидорами и картофелем, запеченные в глиняном горшочке, от которого это блюдо и получило свое название; *č^cxrtma* – куриный суп, в который к концу варки добавляют предварительно обжаренный с мукой лук, яичные желтки с уксусом, зелень, а иногда настой шафрана; *tšvžik* – прожаренные с большим количеством лука говяжьи или бараньи внутренности (печень, легкие) и др.

Как и многим другим народам, армянам известны различные способы длительного хранения мяса. Это, в частности, *thal (lavurma)* – хорошо прожаренное мясо, которое хранят залитым слоем топленого масла, реже курдючного сала, в глиняных кувшинах; раньше их зарывали в землю. Позднее заготовленное впрок мясо стали хранить в эмалированной посуде или стеклянных банках. Его готовили в основном из говядины и баранины, реже – из свинины и птицы. В Западной Армении практиковался другой способ приготовления вяленой сушеной говядины или баранины, причем сверху эти узкие и плоские «колбаски» покрывались смесью красного перца и тмина (*basturma, sujux*), прессованной в виде подковы высушенной колбасы. В настоящее время *бастурма, суджух* стали широко популярны как в повседневной, так и в обрядово-ритуальной пище. В армянском языке сохранился термин для обозначения копченой свинины – *хозапухт* (Еремян, 1960. С. 27). Долгое время в некоторых областях Армении сохранялось старинное деликатесное блюдо *amič^c*, о котором в V в. упоминал историк Егише. Это фаршированные

рисом, изюмом, миндалем, кизилом или финиками, сушеными абрикосами и очищенными абрикосовыми косточками тушки курицы, барашка или дичи, запеченные в тонире (Арутюнян, 1960. С. 36).

Значительное место в питании армян традиционно отводилось яйцам. Их употребляли в сыром, вареном, печеном и жареном виде. Варили яйца вкрутую, всмятку или «в мешочек», нередко запекали в золе. Часто готовили на топленом или сливочном масле яичницу с помидорами, луком и зеленью. Яйца всегда использовали при приготовлении многих блюд – как первых, так и вторых; их добавляли в тесто, кондитерские изделия. Они выполняли и определенную ритуальную роль, когда их как символ возрождения жизни красили на Пасху, преподносили в качестве подарка в домах жениха и невесты, когда в доме невесты ее мать угощала жениха яичницей.

В питании армян всегда высоко ценилась рыба, хотя ее употребляли сравнительно редко. Для пополнения ее запасов еще с древности устраивали большие водоемы, в которых разводили ценные породы рыб, например речную форель. Рыбу варят, жарят с маслом, готовят на вертеле, на углях, а также солят. И в наше время не потеряло своей привлекательности в качестве деликатеса старинное блюдо из рыбы, фаршированной рисом, изюмом, специями и зажаренной в *тони́ре*. Это блюдо называют *кутан* (букв. пирог), поскольку по аналогии с пирогом рыбу фаршировали (Арутюнян, 1960. С. 35).

Для армян всегда было характерно широкое употребление различных видов свежей и сушеной пряной зелени, а также овощей и фруктов. Особенно распространены базилик (*реһан*), эстрагон (*тархун*), киндза (*һамэм*), кресс-салат (*котэм*), укроп (*самит*), петрушка, мята, зеленый лук и пр. Из дикорастущих трав (армяне знают около 100 видов) наиболее популярны щавель (*авелук*), крапива (*банджар*), портулак (*дандур*), конский фенхель (*бохи*), шпинат (*спанах*), мальва (*пиперт*), лебеда (*телук*). Дикую и специально выращенную зелень отваривают, иногда жарят на масле с луком, заливая яйцами, кладут в хлеб и *гату*, а также солят или маринуют. Зелень в изобилии добавляется во многие блюда. Столовую зелень едят отдельно либо заворачивают в лаваш вместе с сыром.

Из овощей распространены лук, чеснок, тыква, огурцы, морковь, редиска, редька, баклажаны, капуста, помидоры, болгарский перец и заимствованный позднее у русских картофель. Овощи употребляли в сыром виде, жарили на низанном на шампур или на сковороде. Их использовали для приготовления различных блюд. Было принято солить, мариновать, особенно на зиму, перец, помидоры, огурцы, капусту, морковь, свеклу, чеснок и лук.

Армения богата различными сортами фруктов и ягод: в долинных селениях это виноград, абрикосы, персики, яблоки, груши, айва, черешня, слива, вишня, различные виды орехов; несколько реже – кизил, гранат, лох – *p^cšat*, инжир, миндаль. В лесах множество дикорастущих фруктовых деревьев, плоды которых также идут в пищу. Широко распространены бахчевые культуры – арбузы и дыни. Армяне хранили свежими виноград, айву, яблоки, груши, гранаты, а также грецкие орехи и миндаль, на зиму сушили персики, абрикосы, виноград, туту (шелковицу), инжир, сливу, вишню, кизил, солили яблоки, груши, арбузы и дыни. Многие фрукты, прежде всего айву, яблоки, гранаты, алычу, а также изюм добавляли в различные блюда и соусы. Благодаря внедрению зимостойких сортов за последние более чем полвека зна-

чительно расширилась территория распространения фруктовых садов и тех районов, где стали готовить варенье, причем увеличился ассортимент фруктов, ягод и даже овощей, из которых его делают. Помимо общеизвестных сортов варенья, в Армении варят кизил, виноград, туту, зеленый грецкий орех, лепестки розы, тыкву, дыню, арбузные корки, зеленые помидоры, баклажаны. Джеммы предпочитают из абрикосов и персиков. С конца 50-х – начала 60-х годов XX в. получило распространение консервирование фруктов и овощей с дальнейшей пастеризацией, позднее стали популярны натуральные соки из абрикосов, ежевики, малины, граната, мяты, шиповника. Заготавливают впрок и различные жареные и вареные овощи, баклажанную икру, фруктовые компоты и соки. Из винограда и тутовых ягод готовят уваренный сладкий сок – *došab*, имеющий также лечебные свойства, особенно при кашле. В виноградный *došab* обмакивали нанизанные на нитку половинки ядер грецких орехов, которые затем высушивали, посыпали мукой из пшата, корицей, толченой гвоздикой и кардамоном, и получалась традиционная сладость *суджух*. Другая сладость – *alani* – это тоже нанизанные на нитку и высушенные на солнце персики без косточек, искусно начиненные толчеными ядрами грецкого ореха с сахаром, корицей и кардамоном. Традиционной сладостью всегда был мед, его употребляли с хлебом, маслом, *мацуном*, добавляли в печенье и пироги, в халву, каши, яичницу. Были популярны сваренные в меду ядра грецких орехов – *gozinax*.

Жизненно важным напитком всегда была и остается вода. В Армении вода – повсюду родниковая. В любую жару можно выпить из родника или в городе просто из-под крана холодную и приятную на вкус чистейшую воду. Фонтаны с родниковой водой украшают улицы армянских городов и сел. Источники с питьевой водой имелись, как правило, в каждом поселении. К родникам относились с большим почитанием. Этикет не позволял осквернять воду плевком или другим способом. Были родники, которым предписывалась чудесная сила исцеления от разных недугов.

В Армении немало источников и с минеральной водой. Особенно известны минеральные воды «Дилижан», «Джермук», «Арзни», «Бджни». В прошлом повседневным напитком у армян был *ošarak* – подслащенная вода с фруктовым соком. Популярен был и *меграджур* – мед, разбавленный водой, употребляемый от головной боли и как успокаивающее средство. Позднее появился чай, ставший повседневным напитком. Наряду с настоящим фабричным чаем, который был привозным и дорогим, заваривали в основном разные сушеные травы (*daxc^c*, *urc^c*), а также плоды шиповника и цветы некоторых растений, что и сейчас пьют нередко, в том числе и в лечебных целях.

Уже в конце XIX – начале XX в. в Западной Армении, под влиянием городской культуры Константинополя, в состоятельных семьях в быт вошло употребление какао и кофе. В середине XX в., после репатриации армян, особенно из стран Ближнего Востока, кофе постепенно в качестве повседневного напитка распространился по всей Армении. В настоящее время он очень популярен не только в городах, но и в селах: теперь стало престижным вместо традиционного угощения (хлеб, сыр, зелень, *мацун*, мед и т.д.) предложить гостю (если он не был заранее приглашен) чашку ароматного кофе с шоколадными конфетами.

Один из древнейших алкогольных напитков у армян – вино – *gini*, которое готовили из винограда, а также граната. Вино, которое пили в основном мужчины, реже – женщины, воспринималось в народе как хорошее целебное средство, активизирующее жизнедеятельность человека, что отмечали еще известные армянские средневековые врачи Мхитар Гераци (XII в.), Амирдовлат Амасиаци (XV в.) и др. (Арутюнян, Калантарян и др., 2005. С. 229). Вино хранили в больших глиняных сосудах – *карасах*, вкопанных в землю либо в отдельном помещении – *маране*, где держали необходимый для приготовления вина инвентарь и разного рода сосуды для вина. В Армении существовал обычай, когда осенью, после сбора урожая отец подносил своему достигшему совершеннолетия сыну первую в его жизни чашу виноградного вина со словами: «Пей, не чтобы упасть, а чтобы возвыситься» (Меружанян, 2006. С. 18). Неумеренное потребление вина считалось у армян позором. Присутствие пьяного в обществе рассматривалось как проявление неуважения к остальным людям. Например, бытовали такие пословицы: «Выпить вина раз – хорошо, два – достаточно, три – горе»; «Кто вино пьет, у того родители плачут»; «Дали вина, так и стал без ума» (Армянский фольклор. 1979. С. 219, 245, 257). Согласно народному преданию, когда Ной посадил в Араратской долине виноградную лозу, он «полил ее не водой, а кровью овцы, льва, обезьяны и свиньи. Говорят поэтому, выпив немного вина, человек делается смиренным как овца; когда выпивает сверх меры – становится сильным как лев; когда переходит меру еще больше – подскакивает как обезьяна и без конца танцует; когда же он налижится так, что теряет человеческий облик, он делается настоящей свиньей и, хрюкая, падает в грязь» (Ганалаян, 1979. С. 273). Примечательно, что уже в средневековых законодательных актах было регламентировано употребление вина и других алкогольных напитков, что нашло отражение в армянских Судебниках Мхитара Гоша и Смбата Гундстабля (Арутюнян, Калантарян и др., 2005. С. 217).

Домашнюю водку, очень популярную среди армян, до сих пор сельские жители готовят в специальных сосудах из выжимок винограда, а также из кизила, абрикоса, дикорастущей груши и других плодов. Почти повсюду, кроме высокогорных районов, истари было распространено и до сих пор сохраняется производство и потребление водки из ягод туты. Особенно целебной считается традиционная 60–70-градусная тутовая водка, которую готовят в Карабахе, Сюнике, Тавуше. Водку применяли и в лечебных целях. Например, из нее делали компрессы при ушибах. В народной медицине известно, что рюмка домашней тутовой водки способна сбить температуру, поможет избавиться от боли в горле, кашля, что после нее не бывает похмельного синдрома.

Вино и домашняя водка играли значительную роль в традиционных обрядах жизненного цикла армян, обязательно подавались во время календарных праздников, особенно новогодних, рождественских, на Масленицу. Вино применяется также в ритуальной практике Армянской церкви. Надо отметить, что в прошлом вино считалось предпочтительнее водки. Недаром в народе говорили: «Вино вызывает смех, а водка способствует драке». Однако уже с середины XX в. наблюдалось относительное снижение потребления виноградного вина и рост потребления водки, что было связано с тем, что ассортимент плодов, из которых готовили водку и плодовые вина, расширился,

1000-ведерная винная бочка. Завод Шустова. Ереван. 1911 г.
МИЕ. № 4338

тогда как доля виноградного вина и виноградной водки снизилась (Арутюнов, 1983. С. 264). Но в последние годы значительно активизировалась деятельность армянских виноделов. После тяжелейших в экономическом отношении 1990-х годов в Армении заработали заводы по производству традиционных сортов армянских вин, отличающихся изысканным букетом и вкусом. В наши дни на смену известным маркам «Аштарак», «Воскеваз», «Ошакан», «Аревик», «Эчмиадзин» и другими пришли новые вина: «Вернашен», «Геташен», «Вазашен», «Арени», «Гандзак», «Нораванк», «Тушпа» и др. (Аруцев, 2005. С. 39–57).

Другим древнейшим алкогольным напитком в Армении было пиво, о чем свидетельствовал еще Ксенофонт Афинский (около 430–355) в своем труде «Анабасис». Пиво готовили обычно из ячменя, отсюда и название – *гареджур* (букв. ячменная вода), реже из проса. Однако в дальнейшем, уже в раннем Средневековье, пиво уступило место виноградному вину. В настоящее время на заводах готовят несколько видов этого популярного напитка: «Киликия», «Котайк», «Гюмри» и др.

Самым знаменитым и крепким алкогольным напитком в Армении, получившим известность далеко за ее пределами, является коньяк. Он готовится из коньячного спирта, длительное время выдержанного в старых дубовых бочках. Коньячный спирт получают путем перегонки столовых виноградных вин. Крепость коньяка обычно бывает от 40 до 57°. Напиток имеет янтарно-золотистый цвет, характерный вкус и аромат. Качество коньяка зависит от срока его выдержки. Армянские коньяки много раз были награждены на международных выставках Гран При золотыми и серебряными медалями. История армянского коньяка началась в 1887 г. после того, как купец пер-

Проверка выдержки вина фирмы Африкян. Завод Арарат. Ереван, 1920-е годы
МИЕ. № 4553

вой гильдии Нерсес Таирянц, побывав в Франции, внедрил на построенном им в Ереване в 1877 г. «Заводе виноделия и водки» классическую французскую технологию выкурки спирта. В конце XIX в. в Ереванской губернии действовало свыше 70 винно-водочных заводов, в том числе и коньячные. Вслед за Н. Таирянцем создали коньячные заводы и другие предприниматели. Но когда с годами Н. Таирянцу, предприятие которого оставалось самым крупным в губернии, уже трудно было наладить сбыт коньячной продукции, в 1899 г. он продал свое дело русскому промышленнику Николаю Шустову. Фирма «Шустов и сыновья» реконструировала завод по последнему на тот период слову техники. В разных районах губернии были открыты семь новых пунктов по приему и переработке винограда на местах. С этого, 1899 г., начался второй этап истории армянского коньяка, связанный с именами его новых владельцев – сыновей Николая Шустова, когда его самого уже не было в живых. Особую известность армянский коньяк приобрел, когда компания «Шустов и сыновья» в 1912 г. стала поставщиком двора Его Императорского Величества.

Важнейшую роль в создании легендарного армянского напитка сыграл обучавшийся виноградарству и виноделию во Франции Мкртыч Мусинянц, который был управляющим на заводе практически с самого его основания и в течение долгих лет. Ему удалось спасти свое детище и в период революционных потрясений, когда все виды частного производства были национализированы. В 1922 г. в Ереване был образован винно-коньячный трест «Арарат», продукция которого очень высоко ценилась в Советском Союзе.

Говорят, что Максим Горький, побывав там, сказал: «Легче взойти на вершину Арарата, чем выбраться из подвалов треста “Арарат”». В 1998 г.

Жестяная печь, приспособленная для установки на *тонир*. Апаран (Арагацотн). Экспедиция. 1954 г. Архив ИАЭ. Папка 1. Фото С. Карапетяна. Фото С. Карапетян

наступил новый период в истории армянского «Перно Рикар» (Григорян, 2006. С. 137–143).

В зависимости от продолжительности и способов выдержки коньячных спиртов коньяки, как и вина, делятся на ординарные, марочные и коллекционные. Все марочные и коллекционные коньяки имеют собственные наименования. В настоящее время, наряду с прежними названиями коньяка, как например, «Армения», «Двин», «Отборный», «Праздничный», «Юбилейный» и другие, появились коньяки, названные в честь исторических деятелей, значимых событий, памятников, областей Армении, например: «Аварайр», «Артавазд», «Вагаршапат», «Васпуракан», «Звартноц», «Маштоц», «Ной», «Трдат», «Царь Тигран» и др. (Аруцев, 2005. С. 67–89). Коньяк считается праздничным мужским напитком, им обычно угощают дорогих гостей, он

стал обязателен по случаю торжеств. Во время свадебных обрядов коньяк сейчас в большинстве случаев заменил домашнюю водку и вино.

Характерными особенностями армянской национальной пищи всегда были обильное сдабривание ее разного рода приправами и пряностями (множество видов пряной зелени, черный и красный перец, чеснок, корица, гвоздика, тмин), а также употребление большого количества поваренной соли, которая издревле считалась наиважнейшим и необходимейшим компонентом пищи, особенно в условиях жаркого климата. К соли у армян всегда было подчеркнуто уважительное, почти сакральное отношение. Как и у многих других народов, хлеб и соль (*ał u hac*) были символом гостеприимства, особого расположения, дружбы. В качестве приправ широко употреблялись также сухофрукты, сделанный из слив или кизила кислый лаваш (*тту лаваш*), винный уксус.

Для армян традиционно трехразовое питание, причем первая, утренняя, трапеза была всегда самой легкой. Наиболее обильна в равнинных областях, а сейчас и в предгорных – вечерняя трапеза, а в горных – дневная. Утренняя и дневная трапезы зависели от сезона: летом ели и в поле, и дома, зимой – дома. Вечерняя трапеза всегда была домашней. Хотя состав еды, как правило, зависел от природно-климатических условий, летом в нем преобладали молочно-крупяные и овощные блюда, а зимой – крупяные и мясные (Арутюнов, Мкртумян, 1983. С. 202).

Для приготовления пищи в прошлом использовали глиняную, медную или чугунную посуду, которая продолжает бытовать и в наше время в тех областях, где еще сохраняется *тонир*. Большим разнообразием формы и величины отличались горшки с двумя ушками, за которые их при помощи двух железных прутьев, загнутых на концах, опускали на дно *тонира* и вынимали оттуда. Кушанье во время приготовления помешивали длинной деревянной ложкой или, плотно прикрыв горшок крышкой, тушили. Иногда прикрывали и *тонир* большой деревянной крышкой, причем она бывала красиво орнаментирована. Горшки, сковороды, кастрюли ставили и на самый *тонир*, предвзвешивательно надев на его устье крестообразно сложенные железные прутья – *хаџ^серкат^с* (букв. крест-железо).

Поскольку в традиционном народном быту у армян столов в современном понимании не было, еду расставляли на цветной скатерти, расстеленной на полу, на тахте или на низком деревянном столике. Блюда или другую посуду с кушаньем ставили также на поднос, а вокруг раскладывали сложенные лаваша. Ели либо из общей посуды, либо из мисок, вмещающих порцию на двух-трех человек. К деревянным ложкам прибегали в редких случаях, управляясь пальцами и кусочком лаваша. Ножи были общими. Позднее в быт армян, живущих даже в самых отдаленных селах, прочно вошла современная эмалированная, алюминиевая, фаянсовая посуда, появились фарфор и хрусталь.

Примечательно, что многие блюда традиционной кухни сохранились не только среди армян, живущих на своей этнической территории, но и среди армян диаспоры.

ОДЕЖДА И ОРНАМЕНТ

Армянская народная одежда, пройдя многовековой путь развития, уже в начале XIX в. была устойчивым комплексом. Фрагментарный материал о древней армянской одежде содержат археологические артефакты, труды армянских историографов, средневековые миниатюры, архитектурные и надгробные памятники и прочие источники.

Многообразие этнографических групп армян нашло отражение в народной одежде: в целом, по покрою, общему силуэту, цветовой гамме, способах и технике декорирования прослеживаются два основных комплекса: 1. Восточноармянский; 2. Западноармянский.

В мужской одежде основные комплексы различаются своим общим силуэтом: 1. Условно выделяемый длиннополый (*чуха-архалух* с сочетанием с *папахой*), распространенный в большинстве районов Восточной Армении и близкий аналогичной одежде народов Закавказья, Северного Кавказа и Дагестана; 2. Укороченный (с коротким – до талии – верхом и очень широкими шароварами) западноармянский.

МУЖСКАЯ ОДЕЖДА

Восточноармянский комплекс. Основу нательной мужской одежды армян Восточной Армении составляли нижняя рубаша и штаны. Их шили из домо-тканого холста (в начале XX в. – из покупной фабричной белой бязи) дома

сами женщины, сначала вручную, а с конца XIX в. на машинке. На смену им пришло фабричное городское белье. Наиболее распространенной была традиционная туникообразная мужская рубаша *-šarik* из двух полотнищ. В конце XIX – начале XX в. в ряде регионов (Вайоц-дзор, Тавуш и др.) носили рубашу более древнего типа, скроенную из одного полотнища ткани с перекидным плечом и прямой проймой (Авакян, 1983. С. 61, 62). Мужские нательные штаны – *vartik* (также *votašor*, *t'umban*, *p'oxan*) отличались от женских тем, что не имели внизу у щиколотки накладной декоративной каймы; штанины их заправляли в вязаные носки и обмотки. Примечательной деталью нательных, а также и верхних штанов был очкур *-xon□an*. Его вязали либо сплетали из хлопчатобумажных или шерстяных ниток в виде шнура с разноцветными кисточками на концах. *Хонджан* продевали через вздежку, концы его вместе с кисточками после завязывания штанов свешивались вниз. В конце XIX – начале XX в. *шаник* и *вартык* традиционного покроя носили в Армении мужчины всех возрастов, начиная с маленьких мальчиков и кончая стариками. Нательная одежда устойчиво сохранялась в быту армян вплоть до середины прошлого столетия. Даже в 30-ые годы она полностью не вытеснилась покупным фабричным бельем.

Поверх нательных штанов надевали шаровары – *šalvar*. Их шили из домотканой грубошерстной ткани, окрашенной в черный, реже – темно-синий или коричневый цвета из той же ткани, что и *š'uxa*. По крою они сходны с нательными штанами и на поясе также держались за счет *хонджана*. В начале XX в. на смену традиционным грубошерстным *шароварам* постепенно начали входить в употребление брюки с застежкой на пуговицах, а также брюки европейского образца (прямые и брюки-галифе), носимые вместе с кожаным ремнем.

Верхняя одежда. Основу верхней плечевой одежды в Восточной Армении составляли *arxalul* и *š'uxa*. Одежда типа *архалух* имеет у армян многовековую традицию, о чем свидетельствуют изображения на надгробных плитах и в средневековых миниатюрах.

В XIX – начале XX в. *архалух* в Восточной Армении был распространен повсеместно: его носило все мужское население, начиная с мальчиков 10–12 лет. Шили *архалух* из покупных тканей (сатина, ластика, ситца, шали) черного, синего, коричневого тонов, на подкладке. По крою это – распашная одежда до колен с цельнокроеными передними полочками и отрезной приталенной спинкой, которая в талии собиралась в сборку либо пришивалась из нескольких клиньев. Простроченный вместе с подкладкой сверху донизу рядом вертикальных швов, *архалух* от воротника до талии застегивался встык на ряд крючков. Украшением его служила тесьма-галун в тон основной материи, которой обшивали воротник, разрез груди, края подола и рукавов. В состоятельных семьях, как, например, в купеческой среде Еревана, наряду с тесьмой использовали шелковый шнур.

Способом застежки отличался двубортный – *došov arxalul*, глубокий запах которого на левой стороне груди застегивался на пуговицы, а нередко симметрично пришитый ряд пуговиц справа создавал впечатление двубортной одежды. Ареал его распространения был довольно ограничен: он считался дорогостоящей одеждой, которую, как правило, носила молодежь и мужчины среднего возраста (Авакян, 1983. С. 62).

Архалук обычно опоясывали серебряным поясом, реже ремнем или же кожаным поясом с накладными серебряными пуговицами.

В конце XIX – начале XX в. в связи со значительными социально-экономическими изменениями в жизни сельского общества, а также под влиянием городской моды изменениям подвергся и мужской костюм армян. *Архалух* постепенно начал вытесняться блузой, а затем пиджаком. Молодежь, побывавшая в городе на заработках, учебе и по другим поводам, предпочитала на городской манер носить блузу с пиджаком, что получило довольно широкое распространение уже в 30-е годы XX в.

Поверх архалука надевалась *џ'уха*. Само сочетание *архалух-чуха* было настолько укоренившимся, что осознавалось как традиционная народная одежда в отличие от одежды городского типа.

При ряде сходных черт с *архалухом*, *чуха* имела более широкое функциональное назначение. Как верхняя одежда она служила не только теплой одеждой (пальто в современном его понимании), но и являлась одеждой на выход. На большинстве старинных фотографий XIX – начала XX в. чаще всего встречаются снимки армян именно в *чухе*. Она считалась обязательным элементом костюма жениха; даже если жених был из неимущей семьи, ее брали у родственников или соседей (*Авакян*, 1983. С. 63). Право ношения *чухи* символизировало собой определенный социально-возрастной статус: как правило, ее носили с совершеннолетнего возраста (с 15–20 лет).

В конце XIX в. *чуху* часто шили из домотканой грубой шерсти, окрашенной в большей части в черный, а также темно-синий, коричневый тона, длиною до колен, с зашитыми по всей длине рукавами либо с небольшим разрезом у запястья. С распространением фабричных тканей *чуху* начали шить и из более дорогостоящего сукна, опять же темных тонов, но несколько короче, чем домотканую. Верхнюю часть – грудь, спину и рукава – шили на подкладке. Нередко с обеих сторон на груди нашивали декоративные газырницы (*Авакян*. С. 68). По покрою *чуха*, как и *архалух* – распашная одежда с отрезной спинкой. В талии она собрана в сборку и плотно подогнана по фигуре.

Другой разновидностью была *чуха* с прорезными, незашитыми по всей длине рукавами, выполнявшими скорее декоративную функцию, что характерно для *чухи* или *черкески* фабричного производства. Шили ее из тонкого

Мужской *архалух*. Лори. Конец XIX в.
МИА. № Е 5889. Воспроизведено худ. Е. Щедренко

Домотканная чуха: вид спереди и со спины. Иджеван (Тавуш). XIX в.
МИА. № Е 7661. Воспроизведено худ. Е. Щедренко

сукна, с шелковой контрастной подкладкой (зеленого, синего, голубого тонов), вырезы обшивали тесьмой, нередко позолоченным шнуром, в наиболее состоятельных семьях – бархатной каймой.

Ее носили лишь состоятельные лица в городской купеческой и торговоремесленной среде в Ереване, Шуши, Александрополе, Тифлисе и др. Поэтому даже в конце XIX – начале XX в. она, в отличие от домотканой чухи, значительного распространения в быту армян не имела. В первой четверти XX в. чуха постепенно была вытеснена одеждой городского покроя и к 1920–1930 гг. оставалась лишь единично, а вскоре окончательно вышла из употребления.

Поверх чухи одевали шубу – к 'urk', muštak или бурку, а позже как городское влияние – пальто, шинель, телегрейку. Овчинную шубу – курк или муштак как одежду очень дорогую носили зажиточные лица, в основном старшего поколения. На пошив одной шубы расходовали в среднем шкуры шести-семи овец. Распашная овчинная шуба была цельнокроеной в спине либо отрезной в талии, шилась мехом внутрь (по принципу современной дубленки) длиной до колен или щиколоток, с большим воротником и длинными прямыми рукавами и с обеих сторон карманами изнутри. Спереди от воротника до талии она застегивалась на крючки. Ее надевали зимой поверх чухи.

Бурка – yap'n□i была единственной накидной одеждой в традиционном костюме армян. Армяне носили бурку двух видов: меховую и войлочную. Меховую бурку изготавливали из козьей шерсти, мехом наружу, используя для этого длинноворсовый мех, обычно черного или же темно-коричневого тонов. Бурка не имела рукавов, длина ее доходила до щиколоток. Вырез горло-

вины и края полок обшивались узкой каймой из материи или кожи, на шею бурка завязывалась ремешками или тесемками.

Армяне приобретали готовые бурки в Тифлисе, Баку и других городах. В конце XIX – начале XX в. меховую бурку носили только состоятельные лица и представители власти (сельский староста, старшина и др.). Она довольно рано вышла из употребления; ее заменило городское пальто, частично – шинель. Уже в 20–30-е годы XX в. меховую бурку носили единично лишь в отдельных селениях.

Войлочную бурку, а некоторых регионах – меховую (Лори) носили пастухи. По своему распашному покрою она была схожа с меховой, но ее шили без воротника. Она имела сильно торчащие прямоугольные плечи, придающие ей вид трапеции, широкой в плечах и резко суживающейся книзу. Верхнюю часть войлочной бурки – спину и грудь – шили на подкладке. Нередко ее дополнением являлся *bašlik* (Погосян, 2003. С. 230). Бурка служила также дорожной одеждой: она не только защищала в непогоду, но при необходимости могла служить еще и постелью (плащ-палаткой в современном понимании). Подобное употребление войлочной бурки было характерно не только для армян, но и всех без исключения народов Кавказа (Погосян. С. 229).

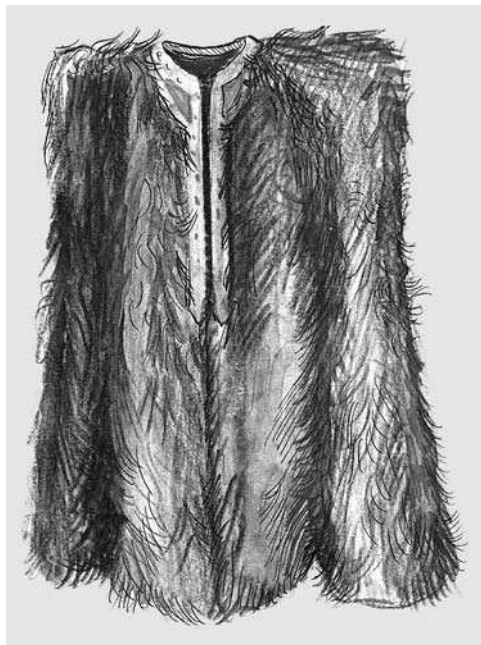
Головной убор. Обычным головным убором армян была меховая шапка – *p'ar'ax*, сшитая из овечьих шкур, имеющая по форме локальные различия. В Лори предпочитали носить широкий, низкий и пышный *papax*, в Сюнике – более узкую и высокую, из менее длинношерстного меха, армянские кинто – мелкие разноскики в Тифлисе – черные конусообразные папахи с красным шелковым острием наверху (Лисициан, 1955. С. 222). Наиболее дорогой и престижной считалась каракулевая *buxari* из шерсти овец бухарской породы, которую носили представители состоятельных слоев, особенно в городах. В городах в комплекте с *чухой* с откидными рукавами носили очень высокие, близкие к цилиндрической форме, шапки. Головной убор и шапка, в частности, являлись олицетворением чести и достоинства армянского мужчины. Бросить его *папаху* на землю было равносильно его позору и бесчестью. Согласно традиционному этикету, в определенных ситуациях мужчине полагалось снять шапку: при входе в церковь, во время похорон, при встрече с высококочтимыми и уважаемыми людьми и т.д.

В армянской семье на одежду мужчин, в особенности главы дома, обращалось особое внимание, поскольку по внешнему виду мужчины судили о

Чуха с прорезанными рукавами. Шуши. XIX в.

МИА. № Е 1011. Воспроизведено худ. Е. Щедренко

Меховые бурки. Апаран, Ереван. Середина XIX в.
МИА. № Е 6272, 1003. Воспроизведено худ. Е. Щедренюк

семье в целом. Уже в конце XIX – начале XX в. в Восточной Армении распространение получила одежда так называемого общекавказского образца, имеющая в покрое, отделке, способах ношения, терминологии черты сходства со многими народами Кавказа (Погосян, 2003. С. 227–230).

Западноармянский комплекс. Традиционная одежда армян Западной Армении в основе своей была распашной и, несмотря на региональные различия, имела общий схожий силуэт, яркую цветовую гамму и отличалась красочностью и обилием вышивки.

Мужская нательная одежда имела сходный с восточноармянским покрой. Однако нательная рубашка отличалась боковым разрезом ворота. Нательные штаны – *вартук* кроились без шагового клина, но с широкой вставной полосой ткани, в результате чего нередко ширина таких штанов практически равнялась их длине (так называемые штаны с широким шагом). Они, как и верхние *шалвар*, также были на очкуре – *хонджан* из шерстяных разноцветных скрученных ниток. *Шалвар* нередко шили из пестрой, яркой узорчатой ткани в полоску.

В зависимости от региона, обшлага штанин, боковые швы, а также карман окаймлялись толстой крученой черной шелковой нитью (Малая Армения), расшивались шерстяными нитками, цветными бусинками, обшивались золотыми или черными шелковыми нитями (Киликия). Подобные широкие штаны носили в Армении переселенцы из Западной Армении (Сасун) и выходцы из Ирана (г.Маку).

Верхняя одежда. Ворот и длинные рукава верхней рубашки *išlik* – расшивались геометрическими узорами из красных ниток (Наапетян, 2004. С. 52). В

ряде регионов (Васпуракан, Туруберан) рукав рубахи оканчивался у кисти длинным висячим пришитым куском – *jalahik*. На рубаху надевали род жилета – *elak (elek)* с открытой грудью, из-под которого хорошо была видна расшитая грудь рубахи. Подобный жилет был характерным компонентом традиционного мужского костюма только Западной Армении.

Сверху на жилет надевали короткую, до талии, и открытую спереди шерстяную куртку – *bač'kon, salta* с цельнокроенными рукавами, нередко стеганую. «Полагалось красиво, даже роскошно расшивать и *елак*, и *бачкон*, и даже шаровары, в особенности у молодежи. Зажиточные армяне выбирали самое тонкое, в особенности шатахское сукно, большей частью домашнего и местного ремесленного производства, причем старались все части костюма сшить из одной ткани» (*Лисициан*, 1955. С. 228).

Поверх надевали короткую (до талии) распашную одежду с короткими рукавами – *lazaxik* из козьего меха или войлочную *aba*. Козью курточку, обшитую по краям тесьмой и с пучками меха на плечах, носили в основном зажиточные сельчане.

Аба изготовляли из войлочной ткани с длинным ворсом. У молодежи она обшивалась широкой (до 10 см) позолоченой тесьмой, «сверкающей как солнце» (*Патрик*, 1967. С. 36). Подобную верхнюю одежду мужчины охотно носили и летом.

Верхней теплой одеждой служила также длинная прямая *jurra*. В более состоятельных семьях она была стеганой и на подкладке. Ее предпочитали носить мужчины зрелого возраста. Зимой в некоторых, преимущественно горных регионах (Сасун), носили и широкие шубы из дубленой овчины, без пояса.

Пояс как непременная часть мужского костюма в большинстве регионов Западной Армении отличался своеобразием. Цветной узорчатый пояс был «скорее повязкой вокруг талии. Длинная, широкая шаль, вязаная или тканая, сложенная по ширине в несколько слоев, два раза и более обматывалась вокруг талии. Глубокие складки пояса служили своего рода карманами для платка, кисета, кошелька. За такой пояс можно было заткнуть и длинную трубку, и нож с ручкой, при нужде и кинжал» (*Лисициан*, 1955. С. 228).

Мужской костюм Восточной Армении: старик из Лори. Начало XX в.

Архив ИАЭ. Папка 1. Фонд С. Давтян

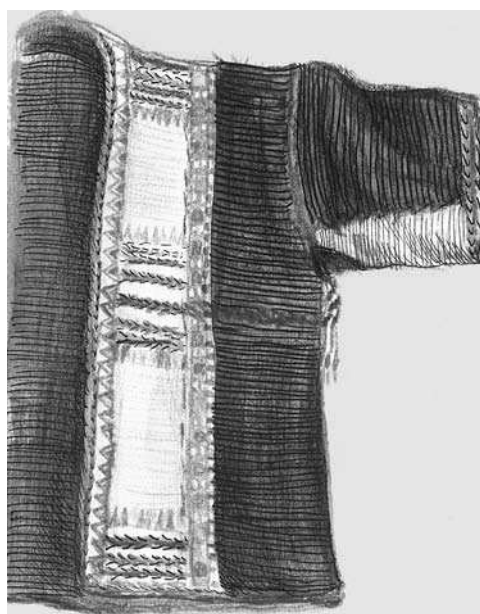
Казяхик – мужская верхняя короткая меховая одежда. Харберд. XIX в. МИА. № Е 1007. Воспроизведено худ. Е. Щедренок

Серебряный пояс был принадлежностью городского костюма, его носили в Карине, Карсе, Ване и других центрах высокоразвитого ремесленного производства. У горожан, ремесленников, состоятельных крестьян пояса набирались из массивных серебряных блях.

Головной убор. Головным убором в Западной Армении были шапки различной формы (полусферические, конусообразные): войлочные, шерстяные вязаные и тканые, которые, обычно, носили в дополнении с платком. По материалу изготовления, стилистике и цветовой гамме орнамента они имели региональные различия. Широко была распространена войлочная белая конусообразная шапка – *к'олоз* с остроконечным или округлым верхом (Васпуракан, Ахдзник), которую носили, обмотав шелковым платком – *yazma, p'ushi* с бахромой, нередко украшенной синими бусинами (от сглаза). Скрученный в виде жгута платок обматывали вокруг *колоза* так, чтобы его бахрома свисала на лоб и виски. У пожилых платок был темно-красного цвета. Переселенцы из Васпуракана сохранили этот головной убор на территории Восточной Армении до 1920-х годов, после чего он вышел из употребления (*Авакян*, 1983. С. 79). Так же обматывали полусферическую вязаную (в редких случаях войлочную) шерстяную одноцветную шапку.

Широко распространенный *araxç'i* представлял собой усеченный конус (15–20 см высотой), вязаный из шерсти или вышитый у холостой молодежи разноцветными шерстяными нитками, с преобладанием красного цвета.

У женатых он орнаментирован не был, и *арахчи* носили, обвязав головным платком. Способ ношения этого традиционного головного убора был маркером брачного состояния его владельца, подобно тому, как в Восточной Армении право ношения чухи принадлежало женатому мужчине. Шапки из

Аба – мужская верхняя короткая войлочная одежда. Вaspуракан, Шатах. XIX в. МИА. № Е 1009. Воспроизведено худ. Е. Щедренок

шерстяной или хлопчатобумажной ткани с круглой черной или коричневой теменной частью, расшитой по окружности разноцветными нитками, в конце XIX – начале XX в. были широко распространены в Сасуне, Шатахе и других местах. В Трапезунде, Гяваше и др. вокруг полусферической шапки повязывали широкую головную повязку, концы которой с обеих сторон свисали на плечи (*Авакян*, 1984. С. 79). В городской среде, как например в Ване, Вaspуракане, носили войлочный красный *fes* с черной кисточкой; в Себастии

Западноармянский мужской комплекс с верхней одеждой *джупна*. Карин, Ахалцих. XIX в.
Из кн.: Папазян Е. Армянская одежда. Ер., 2002. С. 119.

Западноармянский мужской комплекс с широким тканым поясом. Гяваш (Васпуракан). Конец XIX в.

Из кн.: Патрик А. Армянская одежда... Табл. 62. Рис. 6

у стариков он был синий или фиолетовый. Но во всех случаях вокруг него обматывали головной платок, концы которого, завязанные сзади узлом, свободно свисали. В Киликии носили *фес*, обмотанный несколькими повязками. У молодых кисточка феса была длинной и доходила до плеч. Иногда вместо нее к его верхушке прикрепляли серебряное украшение (Авакян, 1983. С. 80).

ЖЕНСКАЯ ОДЕЖДА

Восточноармянский комплекс. В конце XIX – начале XX в. женская одежда, в отличие от мужской, еще довольно устойчиво сохраняла по историко-этнографическим регионам свои основные традиционные комплексы. Женская одежда восточных и западных армян была более однородна по сравнению

с мужской и по покрою была прямой. Основное отличие состояло в избытке вышивки и украшений в женском костюме Западной Армении.

Нательная одежда. Основу женской нательной одежды, как и мужской, составляли рубаха и нижние штаны, по покрою имевшие много общего. В Восточной Армении женщины носили длинную красную рубаху – *halav* из хлопчатобумажной ткани с косыми клиньями по бокам, длинными прямыми рукавами с ластовицей и прямым разрезом ворота. По покрою, подобно мужской рубахе, она также имела две разновидности. Более древнюю – цельнокроенную с прямым перекидным плечом – носили все женщины вплоть до 1930-х годов без учета возраста и имущественного положения. Более поздний вариант – с плечевым швом и выкройной проймой – распространился в начале прошлого столетия с проникновением в деревню фабричных тканей. Такую рубаху носили в основном девушки и молодые женщины (*Авакян*, 1971. С. 211, 212). Длинные нательные штаны шились из той же красной материи, что и рубаха, на белой подкладке и в талии держались на вздежке при помощи *хонджана*. Праздничные штаны шились из шелковой красной ткани на подкладке из белого полотна. Нижние концы штанов, присборенные у щиколоток, должны были быть видны из-под верхней одежды, поэтому эта часть шилась из более дорогой и красивой материи и расшивалась (в Ереване и Араратской долине) золотым шитьем или украшалась (Сюник, Арцах) полосой черного бархата с позолоченной тесьмой. В женском комплексе Сюник – Арцах важной частью была верхняя рубаха – *virvi halav* из красного шелка или бязи с отделкой круглого ворота и разреза груди черным бархатом или сатином, а также пришитыми серебряными мелкими украшениями. Надевалась она поверх нательной рубахи (*Авакян*. 1983. С. 211).

Верхняя одежда. В конце XIX – начале XX в. женская верхняя одежда отличалась у армян большим разнообразием. Основу ее в Восточной Армении составляло длинное распашное платье – *архалух* с цельнокроенными передними полочками и подрезной спинкой, изящным длинным вырезом на груди, застегивающимся только на талии. За счет боковых прорезов от подола до пояса в нижней части *архалуха* получалось три полы – широкая сзади и две узкие, распашные спереди, поэтому эта одежда получила название *irek'p'eşkani* (букв. три полы). Шили *архалух* из ситца, сатина или шелка, обычно синего, зеленого или фиолетового цвета, на подкладке из тонкого хлопкового ватина, простроченного продольными, а на рукавах вертикальными строчками. Подол и разрезы обшивались отделкой другого, обычно красного цвета. Разрез на груди и концы рукавов обшивались серебряными полыми узорными линейными бусами, а разрез рукава от запястья до локтя – висячими металлическими шариками, миндаликами, соединенными между собой цепочками (*Лисициан*, 1969. С. 116). Полагалось иметь два платья; будничное – из хлопчатобумажной ткани и праздничное – из дорогой шелковой ткани. Женский *архалух* просуществовал в армянском быту вплоть до 30-х годов XX столетия, а в отдельных случаях старые женщины носили его еще в 1960-е годы.

Одеждой на выход служило платье – *mint'ana*, одеваемое по торжественным случаям поверх *архалуха* того же покрою, но без боковых швов.

Неотъемлемой частью традиционной женской одежды был пояс. В Восточной Армении матерчатый длинный пояс (3,5 × 0,5 м) из хлопча-

Армянка из Шуши. Конец XIX в.
Из кн.: Лисициан С.Д. Армяне Нагорного Карабаха. Этнографический очерк. 1981. Рис. 52

тобумажной или шелковой ткани, большей частью из бязи красного цвета, дважды обвязывали вокруг талии поверх *архалуха*. Завязывали его спереди, а концы закрепляли сзади. В конце XIX – начале XX в. в Араратской долине, в особенности в городской среде Еревана, в комплекс женской одежды входил матерчатый шелковый пояс с двумя длинными полотнищами-привесками, расшитыми шелковыми и золотыми нитями. В Сюнике и Арцахе использовали также кожаный пояс с крупной серебряной пряжкой и нашитыми серебряными пластинками, исполненными в технике гравировки, филигрании и черни (Авакян, 1971. С. 216).

Зимней одеждой служила прямая распашная шуба – *муштак*, *курк* из темно-красного бархата или шерстяных тканей (сукна) на простроченной подкладке. Края бархатной шубы, передних и боковых разрезов украшали узкой шелковой лентой и обшивали, как и рукава и ворот, широкими полосками лисьего меха. Ее носили замужние женщины из зажиточных слоев населения в Ереване, Сюнике,

Арцахе. Другим вариантом этой дорогой престижной одежды, в частности в Ереване, была отрезная в талии шуба из темно-синего, темно-зеленого бархата на шелковой подкладке с длинными прорезными руками наподобие мужской *чухи*. Ее окаймляли черной бархатной лентой с богатым золототканым орнаментом.

Головной убор. Самым характерным и сложным в восточно-армянском комплексе был женский головной убор, относящийся к типу «с закрытым подбородком и ртом» (Лисициан, 1955. С. 227). В девичестве волосы свободно отпускали назад несколькими косичками и повязывали голову платком. После замужества армянке «повязывали голову», т.е. надевали на голову особую «башенку» – *palti* (Нагорный Карабах, Сюник), *pali*, *poli* (Мегри, Агулис), *basbind* (Ереван, Аштарак) – высотой от 8 до 15–18 см из нескольких слоев проклеенной мукой бумажной ткани. Под нее на лоб повязывали ленточку с монетами (серебряными, очень богатые – с золотыми) или с особыми висюльками, а по обеим сторонам лица через виски свисали серебряные или вперемежку с кораллом шарики. Нос и рот туго повязывали сначала белым, а затем и цветным (красным, зеленым) платком, завязывая концы или скрепляя их крючками у затылка. Весь этот сложный убор покрывался цветным платком и укреплялся перекинутой через голову широкой (4–5 см) серебряной

Зангезурские женщины в архалухах и головных уборах «башенкой». Начало XX в.
Суперобложка книги: *Лисицян С.Д.* Армяне Занзегура. 1969.

или золотой цепью с крючком. Казалось, словно вся верхняя половина лица выглядывала из четырехугольной рамки.

Чтобы смастерить такой головной убор, требовалось немало времени, он «строился» на несколько дней, и, чтобы его не разрушить, ложась спать, под голову, вернее под шею, клали удлинненный круглый валик-подушку» (*Лисицян*, 1955. С. 224, 225).

В Лори этот головной убор был облегчен: «башенка» заменялась низким ободком, украшенным ленточной повязкой с расшитым цветочным орнаментом; очень редко носили серебряные монеты на лбу; на голову вместо платка накидывали марлевый (тюлевый) платок, лицо свободнее выглядывало из-под платков. Более значительно был облегчен головной убор тифлисской армянки.

Западноармянский комплекс женской одежды отличался яркой цветовой гаммой и богатым декоративным оформлением.

Нательная одежда. Нательная одежда по покрою была аналогична восточноармянской с той лишь разницей, что рубахи шились из белой хлопчатобумажной ткани.

Верхняя одежда. Западные армянки носили распашное цельнокроенное платье – *ant'ari* или *zpun, xrxh* с маленьким стоячим воротником, расширенными книзу рукавами и боковыми разрезами ниже бедер, сшитое из шелка или хлопка, на подкладке.

Пожилая женщина в традиционной одежде. Горис (Сюник). 1961 г.
Архив ИАЭ. Папка 2. Фонд С. Давтян

Поверх *антари* по торжественным случаям, а также в холодное время года надевали другое платье – *jurra*, но уже без боковых разрезов. Это платье могло быть праздничным (из бордового, фиолетового, синего бархата или шелка, цветной шерстяной ткани в полоску) и повседневным (из темно-синего сукна). Подобная распашная женская одежда с прямыми линиями, имеющая шесть основных вариантов, была широко распространена в Западной Армении (Карин, Карс, Багреванд, Ардаган, Хоторджур и др.) (Авакян, 1983. С. 19). Разрез на груди, края рукавов, весь подол платья украшались рельефным золотым шитьем в 5–7 см ширины растительного рисунка.

Отличительной характерной особенностью традиционной женской одежды в Западной Армении был передник – *mezar*.

Сшитый из хлопчатобумажных или дорогих (бархат, сукно) тканей, обильно украшенный (особенно подвенечный), он был необходимой частью наряда: как на востоке «стыдно» было выходить с открытым подбородком, так здесь «стыдно» было появляться без фартука» (Лисициан, 1955. С. 227). Классический вариант его – передник из красного сукна в комплексе одежды Карина-Ширака с изысканным золотым шитьем и тесьмой, который повязывался на *антари*.

К переднику пришивался длинный узкий поясик (в 2–3 см ширины и 3 м длины), вытканый из красных и желтых шелковых (золотых) нитей.

При таком переднике открытая грудь платья прикрывалась расшитым нагрудником *-krckal* прямоугольной или трапецевидной формы из шелковой, бархатной или шерстяной ткани, у девушек и молодых женщин украшенный богатой вышивкой вдоль ворота и на груди, а *джупна* заменялись курточкой – *salta* или *kurtik* (Лисициан, 1955. С. 230). Эта распашная короткая (до талии) курточка шилась из фиолетового, синего, бордового бархата или зеленой, синей шелковой ткани. Курточка была праздничной одеждой и поражала красотой узорчатой вышивки.

Теплой верхней одеждой, в частности, в Васпуракане, служила *dalma*, род длинного пальто из черного сукна на подкладке. Эта распашная, прилегающая в талии и обшитая тесьмой из плетеных золотых и шелковых ниток одежда по покрою была сходна с *джупна*. Ее в основном носили девушки и молодые женщины (Авакян, 1983. С. 30).

Головной убор. Женский головной убор выделялся особым богатством и красотой. Девушки заплетали волосы в многочисленные косы (до 40),

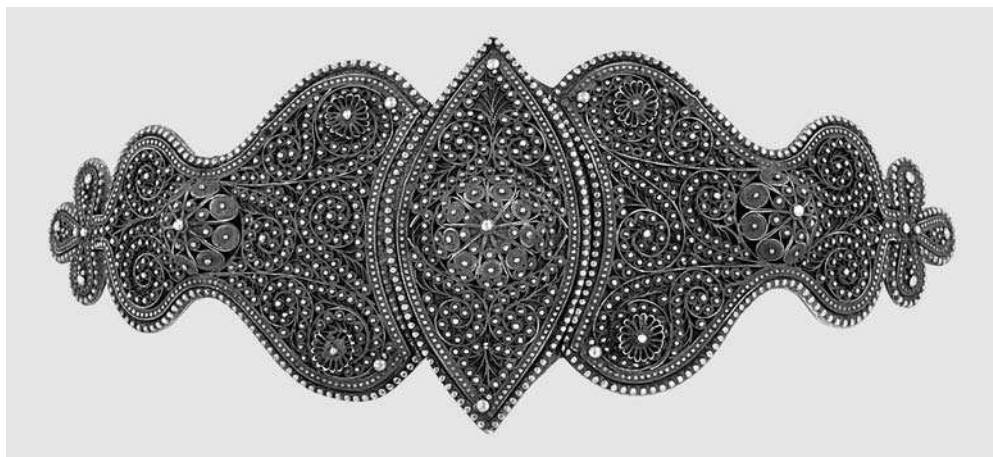

Деталь девичьего головного убора. Васпуракан. XIX в.
МИА. № 5175.

из которых передние перекидывали вперед на грудь, а задние при помощи серебряных цепочек располагали по спине, удлиняли косы искусно вплетенными шерстяными нитками в цвет волос, украшая их серебряными шариками и кистями. Украшали серебряными украшениями и войлочную шапочку формы фески без кисточек. На нее вешали на цепочках спереди ряд новолуниц, листочков, цепочек, амулетов, а у висков – нависочки – *eresnoc'*. Во многих районах на феску сверху пришивалась серебряная плоская пластина с чеканными цветами, изображениями ангелов, солнечных лучей и т.п.

По выходе замуж «женщина надевала на голову красную шапочку из тончайшего войлока, с длинной кистью фиолетовых или синих крученых шелковых нитей в 40 см длины. Кисть прилепляется к шапочке колпачком, ювелирным украшением филигранной работы с драгоценными камнями. Сверх шапочки надевается шитый из бархата или шелка плотный круг в 7 см ширины: в южных областях – *kotik*, в Карине-Шираке *vard* (букв. роза) или *томмана* (*t'amt'ana*). На круге у висков возвышаются выпуклые утолщенные розы и *kotošner* (рога). Налобная часть *варда* раньше украшалась цветами из драгоценных камней и жемчугом, а с конца XIX в. они заменены кружевными шелковыми мелкими цветочками, вышитыми иголкой в технике армянских кружев. Поверхность *варда* напоминает цветник. Среди цветов иногда встречаются выпуклые фигурки петушков. К налобной части *варда* пришивался *šaran* – двойной ряд золотых монет.

В середине его на лоб спускалась более крупная монета *ктус* – «клюв». Височные украшения из нескольких рядов плетеного жемчуга спускаются до груди, заканчиваясь тонкими круглыми золотыми пластиночками (Давтян, 2006. С. 47). Сверху этого головного убора при выходе на улицу накидыва-

Пряжка женского пояса, серебро, город Шуши (Нагорный Карабах). 1908 г.
МИЕ. Инв. № 2410а, б. Фото В. Акопяна

лось большое прозрачное покрывало с головы до пят, обшитое широкой кружевной каймой (у молодых – из белой тонкой шерстяной пряжи, у пожилых – синего цвета).

Весь этот нарядный красочный комплекс дополнялся множеством украшений: ожерелий, подвесок, браслетов, колец, а также серебряным или позолоченным поясом с массивной пряжкой изумительно тонкой ювелирной работы. Большая часть их была достоянием зажиточных армянок, особенно в торгово-ремесленной среде во многих городах Западной Армении и Закавказья.

Обувь. С древнейших времен обувь составляла неотъемлемую часть традиционной одежды армян. Мужская и женская обувь (вязаные носки и собственно обувь) во многом была идентичной. Важное место в обуви армян занимали вязаные узорчатые носки – *gulpa, t'at'*, которые, наряду с мужскими ноговицами известны еще в урартский период. В традиционном быту мужские и женские узорчатые *гулта* вязали плотной вязкой из шерстяных, а также шелковых, хлопчатобумажных ниток, что зависело от направления хозяйственной деятельности конкретного региона. Они могли быть однотонными и многоцветными, при этом каждый регион имел свой излюбленный узор и цвет. Они широко использовались не только в повседневной жизни, но имели и обрядовое значение. Носки входили в состав приданого девушки, были одним из основных предметов дарообмена на свадьбах и крестинах. Они имели широкое бытование по всей Армении и во многих районах сохранялись вплоть до 1960-х годов.

Мужские ноговицы – *srnapan* и обмотки – *tolax* большей частью вязали из шерстяной или хлопчатобумажной разноцветной пряжи или шили из домотканой холстины. Ноговицы надевали поверх носков и шнурком закрепляли под коленом (Авакян, 1971. С. 222).

Традиционной обувью мужчин и женщин служили лапти – *trex* с заостренным носком. Их шили из одного цельного куска грубой сыромятной кожи

крупного рогатого скота с шерстяными или кожаными шнурками, причем в каждой области был свой способ продевания в них шнурков. *Трех* имел две разновидности: со швом посередине ступни и без шва. Это была будничная обувь, которую во время работы носило все сельское население без возрастных отличий и ограничений.

Древнейший образец *треха* найден на территории Армении в 2006 г. в пещере Арени-1 (Вайоц Дзор) и датируется серединой IV тыс. до н.э. (Зардарян, Гаспарян, 2011. С. 8; 9; *Pinhasil, Gasparian, Areshian, Zardaryan, Smith, Bar-Oz, Higham*, 2011).

Весьма своеобразной была женская выходная обувь – *mas babuj*, сшитая из двух отдельных частей одинаковой по качеству кожи: у молодых – желтого, у пожилых желтого и красного цвета, на твердой подошве. Распространенной обувью на твердой подошве были *с̄мушк* – остроносые, с сильно загнутым сверху носком туфли без задника на небольшом каблуке из черной (мужские) или зеленой (женские) кожи, на кожаной подкладке. Вся лицевая поверхность их была обильно расшита линейными узорами. Женщины, в основном зажиточные, их носили большей частью зимой. Разновидностью *чмушк* была обувь *с̄уст* также на твердой подошве и загнутым сверху носом, которая в ряде районов Араратской долины (Аштарак и др.) служила парадной обувью: ее надевали, идя в церковь или в гости. С *чмушк* была сходна и остроносая обувь без задников – *ташик*, с подбитой подковой каблуком. Молодые женщины и девушки носили *машик* зеленого и красного цвета, пожилые – черного.

В конце XIX в. вошел в употребление новый вид женской обуви – закрытые глубокие туфли фабричного образца, стянутые шнурком или застежкой на три пуговицы. Это была парадная обувь зажиточных слоев общества. В начале XX в. известной популярностью пользовалась так называемая адельхановская обувь (по имени владельца фабрики в Тифлисе). Эта плоская обувь с задниками на низком каблуке, снабженном подковой и закругленным носком напоминала *чусты*, но была более глубокой. Однако широкого применения она не имела и вскоре вышла из употребления (*Авакян*, 1983. С. 90).

В городах мужчины носили сапоги на каблуках, с толстой подошвой, в старину непременно с остроконечными и загнутыми вверх носками. Высокие сапоги из мягкой тонкой кожи (хрома или шевро) были дорогостоящей

Трех (поршни), село Дсех (Лори). Экспедиция. 1974 г.

Архив ИАЭ. Папка 38. Фото М. Матевосяна

Жилет молодого мужчины, вышитый растительным орнаментом. Высокая Армения. XIX в.
Из кн.: Папазян Е. Армянская одежда... С. 47.

обувью, которую носили в основном состоятельные лица, в основном пожилые мужчины, в особенности с сочетанием с чухой – черкесской.

Обувь западных армян несколько отличалась от Восточной Армении. На узорчатые носки обычно надевали кожаные туфли – *soler* с язычками и острыми загнутыми носками, на невысоких каблуках, к которым прибавалась подкова. Мужчины носили туфли красного, черного, женщины, девушки – красного, зеленого, желтого цветов. Женщины и девушки носили также изящные кожаные сапожки без подошв, а на них обували туфли – *šmek* без задников, но на каблуках. Мужские черные туфли имели маленькую кожаную петлю на верхней части задника, подошва их часто подбивалась гвоздями с широкими и выпуклыми головками. Мужчины носили также и мягкие красные сапоги. В селах были распространены самодельные туфли – *ršekter* на войлочной подошве с вязаным из шерстяных ниток верхом, которые заменяли *трех* (Тер-Саркисянц, 1998. С. 106).

В условиях развития фабричного производства, распространения в быту фабричных изделий и под влиянием городской моды народная одежда уже с 1930-х годов постепенно вышла из употребления и имела общеевропейские формы. Лишь старики, чаще всего в селениях, вплоть до 1960-х годов приживались отдельных элементов привычной традиционной одежды.

В настоящее время в условиях господства унифицированной европейской одежды этническая самобытность народной одежды армян сохраняется в костюмах этнографических ансамблей народного танца, изделиях декоративно-прикладного искусства и сувенирной продукции. Богатые собрания образцов мужской и женской традиционной одежды XVIII–XX вв., отражающие специфику различных историко-этнографических регионов Армении, содержатся в богатых музейных коллекциях.

Орнамент. Одной из определяющих характеристик народной одежды является орнамент и цветовая символика, в которых немаловажную роль играют этнокультурные традиции и социальная среда. Цветовая гамма в целом, а также определенные цветовые сочетания выражают половозрастные и социаль-

ные различия. Женская традиционная одежда армян повсеместно отличается красочностью и богатой тональностью. Мужская одежда многоцветна лишь в западноармянских областях, между тем как восточноармянский мужской костюм характеризуется общей сдержанностью и скромностью расцветки, с преобладанием темных тонов, иногда сочетающихся с белым (под городским влиянием в начале XX в.).

В цветовой гамме армянской традиционной одежды, в частности женской, доминирует красный цвет – от темно-вишневого до кроваво-огненного тонов. Красный цвет использовался как для нижней (женские нательные рубашки, штаны), так и верхней одежды: мужские и женские шапочки, вязаные носки, пояса, женские головные платки, покрывала, нагрудники, передники.

Последние играли важную роль в комплексе женской одежды как символ семейного положения: неслучайно у армян выражение «красный передник» (*karmir gognoc*^c) означало «замужняя женщина».

Красный цвет широко использовался также в вышивках и нашивках, украшавших как мужскую, так и женскую одежду. У армян, как у многих народов, красный цвет отождествлялся с «красивым», «хорошим», «праздничным» (*Сараджева*, 1986. С. 97). По народным представлениям этот цвет символизирует жизнь/кровь, солнце/огонь, плодородие и одновременно служит защитой от зла, болезни и бесплодия (*Степанян*, 2001. С. 480).

Красный цвет в сочетании с зеленым в первую очередь связывается со свадебной символикой. Это нашло отражение в ритуальной одежде, в частности, в свадебном чреплечнике – *косбанд* или *усбанд*, *ускап* – крестообразной повязке из красного и зеленого платков на груди жениха, в *нароте* – свитом из красно-зеленых нитей шнура, повязываемом священником в церкви на шею или руку жениху и невесты как символ бракосочетания, пути брачной пары (*Харатян*, 1989. С. 22). Нарот надевали и на шею ребенка при крещении. С помощью этого оберега ребенок проходил инициацию, переходя из ритуально нечистого состояния в ритуально чистое (*Погосян*, 1991. С. 135).

Сочетание красного цвета с зеленым в армянской традиции являлось символом брака, поскольку в народном цветовосприятии зеленый отождествляется с молодостью, весной, зеленью, произрастанием, с новым поколением. Повязать «красно-зеленое» означало сосватать, женить, пожелание женитьбы. Красно-зеленое цветовое сочетание характерно и для повседневной женской одежды ряда регионов, особенно Сюника и Арцаха (нижняя красная рубаха, верхний зеленый *архалух*). Иногда красный цвет использовался в свадебном обряде в сочетании с белым: верхнее красное и нижнее белое головное покрывало невесты в Шираке и Джавахке, также красно-белый *нарот* в Сасуне (*Петоян*, 1965. С. 229) и др.

В женской одежде Высокой Армении, Ширака, Джавахка зеленый цвет уступает место синему (фиолетовому, темно-сиреневому). Сочетание красного с синим, характерное как для Армении, так и для Передней Азии, прочно вошло в символику христианской иконографии (*Кузнецов*, 1995. С. 95). Замена красного передника как символа замужней женщины на синий – признак потери женщиной репродуктивной силы. Синее в народном восприятии ассоциируется со старостью, смертью. Как для других переднеазиатских народов, синий для армян – цвет траура, причем синий в знак траура носили по дальнему родственнику, черный – по близкому. Вместе с тем, синему цвету

одновременно приписывалась целительная сила, и он широко использовался в лечебной магии: сине-черные бусинки до сих пор считаются амулетом, оберегом от порчи, сглаза (Израелян, 1981. С. 84).

Черный однозначно воспринимается как ритуально нечистый цвет. Черным кодируются все темные тона – серый, коричневый, синий. Смена цветной одежды на темную означает наступление старости. Черный – самый распространенный цвет траура. В армянской традиционной одежде траур отражается, в частности, в головном уборе. В Тароне и Васпуракане (Западная Армения) мужчины в знак траура накидывали на шапки – *araxč'i* черные платки-повязки – *p'uš'i*. Женщины в трауре в основном меняли головной убор на черное покрывало. Важно отметить, что молодые женщины носили траур только по мужу, в других случаях это запрещалось, так как полагали, что черный цвет мог лишить их детородной способности.

Белый считался ритуально чистым, он был цветом одежды при крещении и одновременно – похоронного савана при погребении (Погосян, 1987. С. 74).

В цветовой гамме армянского традиционного костюма наблюдается особая сдержанность в использовании желтого цвета. Он встречается очень редко, в приглушенных тонах. Желтый, цвет увядания природы, в целом имеет отрицательную символику, он ассоциировался с болезнью, желчью, ядом, почему и считался вредоносным. Наличие широкой желтой полосы в палитре радуги трактовалось как дурное предзнаменование (засухи, неурожая, болезни). На основе негативного восприятия желтого возник ряд запретов, как, например, запрет посещать новорожденного в период сорокодневия в золотых украшениях, что могло стать причиной заболевания желтухой. Однако ассоциация блеска золота с солнечным блеском/светом оправдывала ношение золотых украшений, а также использование золотой нити в вышивках.

Таким образом, цветовую гамму армянской народной традиционной одежды можно представить в виде противопоставления положительного (красный, зеленый, белый) и негативного (синий/фиолетовый, желтый, черный) цветов.

Орнамент одежды относится к той области народного творчества, в которой проявляется специфический облик и национальный колорит народа. О древних истоках орнаментации одежды у армян свидетельствуют археологические находки, настенные росписи, рельефные изображения на стенах церквей, надгробные памятники, миниатюры и пр. Одежда и ее компоненты, наряду с утилитарным, имеют и ритуально-магическое значение. Орнамент мужской и женской народной армянской одежды чаще всего располагался вокруг так называемых входов (шейный вырез, рукава, запястье, боковые прорехи, подол), т.е. именно на тех частях одежды, которые имеют сакральную функцию защиты ее от проникновения всякого рода «нечисти». Охранно-магическое сакральное значение имели также мужские пояса в свадебном и родильном ритуале, орнаментированные женские передники, нагрудники, традиционные вязаные узорчатые носки – *гулна* (в частности, в свадебной обрядности) и пр. Орнамент выполнялся техникой набойки, вышивки, аппликации, художественного шва и вязкой. В армянской традиции вязка, как и вышивка, в том числе и сетчатый орнамент, имели и охранно-магическое значение защиты от зла и нечисти, а иголка (булавка) выполняла роль оберега от сглаза и порчи.

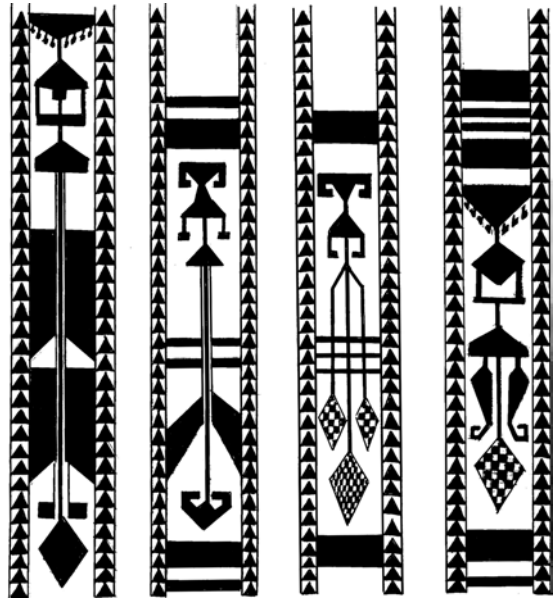
Материал для орнаментации одежды, в частности женской, был богат и разнообразен: это шерстяные, хлопчатобумажные, шелковые, а также золотые и серебряные нити, блестки, бисер и пуговицы, мелкие ракушки и даже рыба чешуя. Ракушкам и чешуе (как извлеченным из воды) приписывалась магическая сила, способная стимулировать плодovitость. Особой колдовской силой наделялись бисер и бусинки из разного материала (стекло, коралл, камень). Мелкие бусы из бирюзы или красного коралла украшали кончики кистей мужских поясов, бахромы головных повязок и женских головных платков. Бисером или бусами вышивались орнаменты на женских поясах и налобниках. По народным представлениям одни из них лечат от определенных болезней, другие нагоняют сон, третьи оберегают от сглаза и т.п. В особых случаях в пряже или вышивке употребляли человеческий волос (обычно волосы хозяина одежды) с целью приворота.

Классификация орнамента. Народный орнамент входит в категорию знаково-насыщенных объектов традиционной бытовой культуры этноса, выступая, в частности, в роли носителя этнодифференцирующих признаков и одновременно являясь половозрастным, а также социальным показателем (Степанян, 2007. С. 12).

Орнамент делится на три основные группы – растительный, зооморфный (орнитоморфный) и геометрический. Встречаются также изображения бытовых предметов, архитектурных сооружений (например, купол церкви) и дарственные надписи.

Растительный орнамент характеризуется ветвями, стеблями, листьями и деревьями разных видов. Волнистая линия с изображением лепестков и ростков на каждом изгибе окаймляет края одежды, символизируя бесконечность жизненного цикла. Сложным стилизованным лепестково-ростковым орнаментом отличаются мужские и женские куртки и безрукавки западноармянского комплекса.

Цветок по народным представлениям является символом юности, непорочности и вечной молодости. Довольно распространен миндалевидный орнамент, встречающийся, в частности, на женских передниках как символ плодородия и служащий также для защиты от зла. Подобный орнамент распространен во всем индоиранском мире и имеет ту же символику (Мнацаканян, 1955. С. 113).

Растительный орнамент на женских тканых поясах. Карин. Конец XIX в.

Из кн.: Степанян А. Орнамент армянской народной одежды. Табл. XXXIII

Женский нагрудник с зооморфным орнаментом. Карин. Конец XIX в.

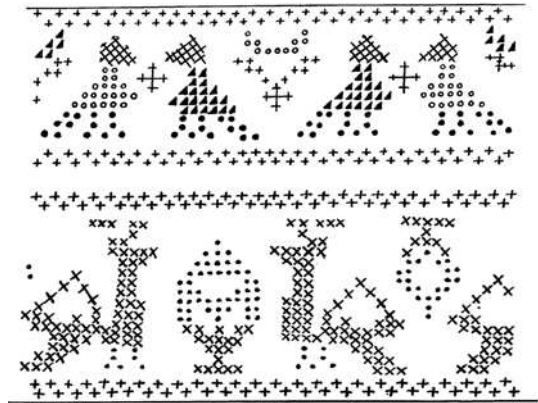
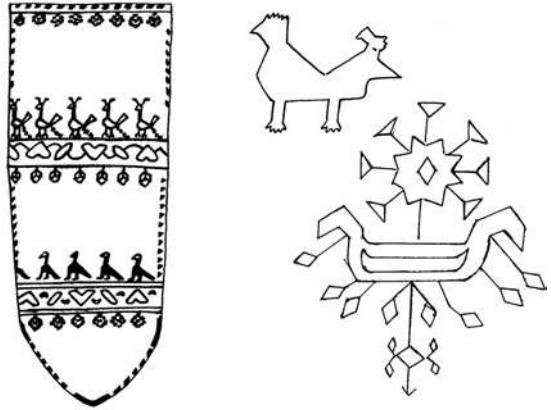
Из кн.: *Степанян А.* Орнамент армянской народной одежды. Табл. XXXII

Ковер с зооморфным орнаментом, село Шнох (Лори). Экспедиция. 1972 г.
Архив ИАЭ. Папка 34. Фото Г. Жамкочяна

Орнаменты мужских носков. Карин.
XIX в.

Из кн.: *Степанян А.* Орнамент армянской
народной одежды. Табл. XXXVII

Орнаменты мужских носков. Карин.
XIX в.

Из кн.: *Степанян А.* Орнамент армянской
народной одежды. Табл. XXXVII

Орнитоморфный орнамент вышивки на обшлагах свадебных штанов. Восточная Армения. Конец XIX в.

Из кн.: *Давтян С.* Армянская вышивка. Табл. LXXXII

Изображение дерева (древа жизни), наиболее распространенного мотива в армянском ритуальном искусстве (*Абрамян, Демирханян, 1985. С. 67*), встречается в самых разнообразных вариантах на женских головных платках, нагрудниках, тканых поясах и пр. Считалось, что его изображение на одежде могло защитить от удара молнии.

Мотив дерева – универсального символа плодородия (*Мнацаканян, 1955. С. 270*), прорастающего из горшка или из земли, символизирует беременность, материнство, так как земля отождествлялась с женщиной, а дерево – с плодом (*Степанян, 1999. С. 180*). Недаром армяне сравнивали цветущее дерево с невестой. Деревья с древних времен были объектом почитания у армян.

Зооморфный орнамент, редко встречающийся в одежде, очень стилизован, с акцентированием характерного внешнего признака животного.

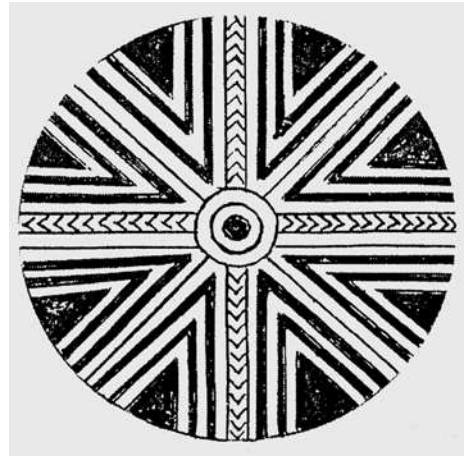
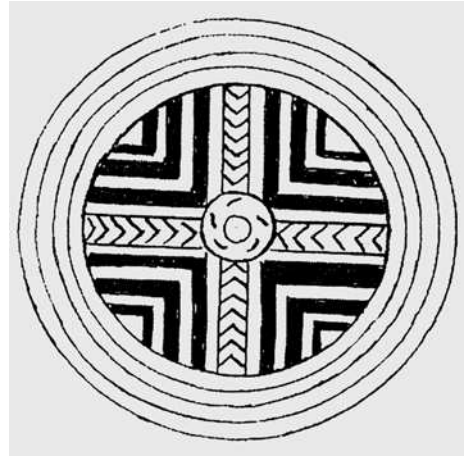
Наиболее распространены «рожки» – стилизованное изображение рогов быка/коровы или овна, встречающееся на женских передниках и налобных украшениях. Этот орнамент, семантически связанный с фаллическим культом, с небесной влагой, символизирует обилие, благополучие и плодородие.

Для женской одежды характерен также змеевидный орнамент, закодированный в S-образной фигуре как в горизонтальном, так и вертикальном положении. Это наиболее распространенный знак в тканых орнаментах армян. Культ змеи у армян имеет глубокие корни, о чем свидетельствуют археологические находки, в частности, изображения змеи на керамических предметах, кинжалах, браслеты со змееголовыми окончаниями II тыс. до н.э. и др. (МИА. № 2346-331, 1925-1). Изображение змеи – излюбленный мотив в армянском декоративном искусстве, в частности, в женских ювелирных украшениях (пряжки поясов, браслеты и т.п.). Мифологический образ змеи связан с вод-

ной стихией и имеет как положительный, так и отрицательный контекст. По народным представлениям змея связывается с благополучием дома и семьи, считается гарантом плодородия, т.е. выступает как бы в роли «добрého духа». Благодаря свойству обновления (смена кожи) змее приписывалось бессмертие, вечная молодость.

В орнитоморфном (зооморфном) орнаменте встречаются и парные изображения, расположенные по обе стороны растительного (часто стилизованного) орнамента, в трехчастных композициях, без каких-либо видовых различий. В Музее истории Армении хранится старейший (1880 г.) образец налобника невесты из Карина, вышитый стилизованными петухами (МИА. № 1605). Мотив птицы с такой же стилизацией можно увидеть на вязаных носках жениха (также из Карина). Подобный орнамент на ритуальной одежде связан со свадебной символикой как знак жениха и невесты. Петух занимал особое место в свадебном ритуале армян. Красные и белые петушиные перья украшали головной убор жениха как символ мужской потенции. В трехчастных композициях изображения птиц по обеим сторонам растительного орнамента трактуются как символ плодородия (Мнацаканян, 1955. С. 174). Этот композиционный сюжет имеет переднеазиатские корни (Демирханян, 1982. С. 164). Идея плодородия выражается и в ином варианте данной композиции, где растение прорастает из спины соединенных хвостами птиц.

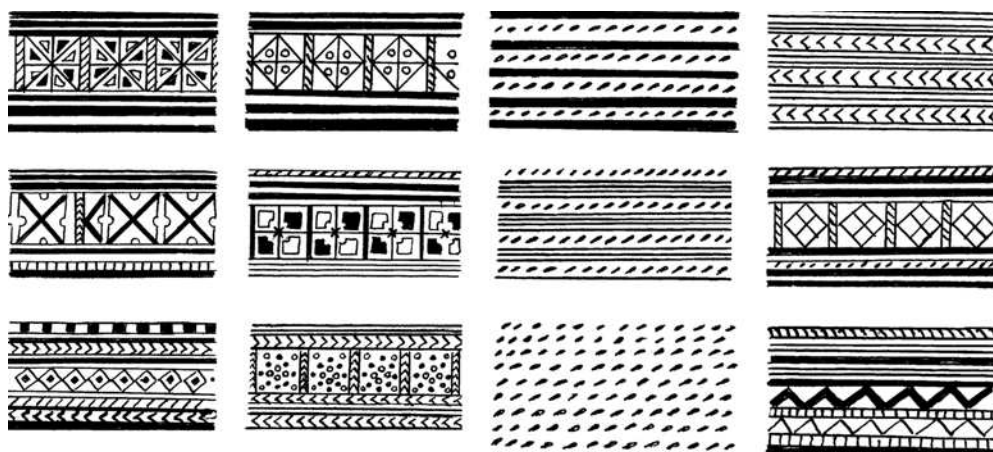
Геометрический орнамент является наиболее распространенным, им украшается как женская, так и мужская одежда, особенно характерен он для Западной Армении. Основные виды геометрического орнамента, имевшего широкое распространение у многих народов, больше остальных несут смысловую нагрузку. Один из самых

Вышивка теменной части мужской шапочки *аракчи*. Вазпуракан. Конец XIX в.
Из кн.: Степанян А. Орнамент армянской народной одежды. Табл. XXIX

Геометрические мотивы женских праздников. Себастья. Конец XIX в.
Из кн.: Степанян А. Орнамент армянской народной одежды. Табл. XVI

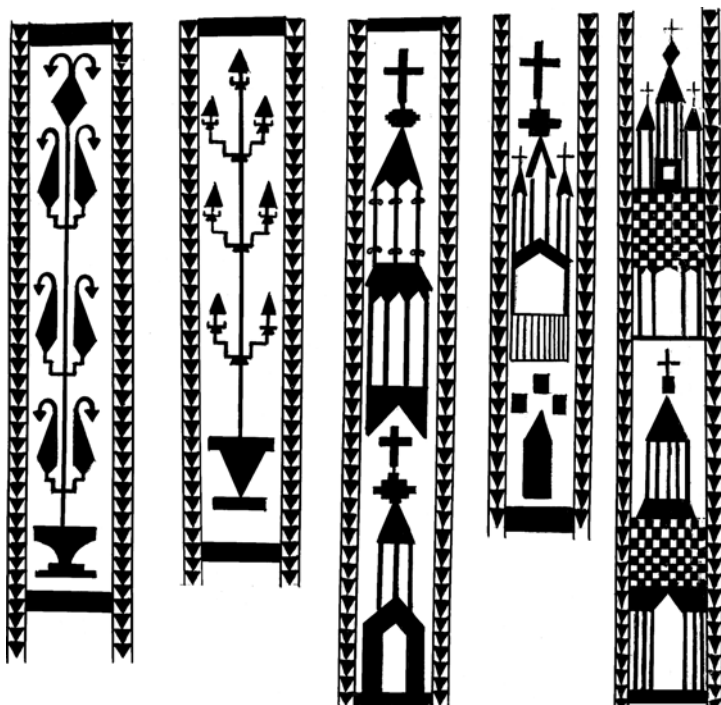

Геометрический орнамент на шапочках – *арахчи*. Конец XIX в.
Из кн.: Степанян А. Орнамент армянской народной одежды. Табл. XXIX

распространенных геометрических орнаментов – круг (концентрический, с точкой в центре, с крестом). Круг с внутренними лучами скрывает в себе цветочный код.

Круг символизирует пространственно-временные понятия, а также небесные светила. В ритуальном искусстве он одновременно символизирует изначальное яйцо, плод, зародыш – синонимы жизни. По народным представлениям круг (начертание круга, хождение по кругу и т.п.) выполнял, кроме того, магическую функцию защиты от зла и нечисти.

Квадрат, так же как и круг, мифологически означает первоначальное разграничение пространства, одновременно представляя понятия, связанные с

Изображения церквей на женских тканых поясах. Высокая Армения. Конец XIX в.
Из кн.: *Степанян А.* Орнамент армянской народной одежды. Табл. XXXI. Рис. 1, 2, 3

числом четыре (стороны света, годовой цикл, четыре стихии и др.). Стык вертикальных (мужское начало) и горизонтальных (женское начало) линий квадрата, их скрещивание в изображении креста демонстрируют идею оплодотворения. В этом смысле крест и квадрат рассматриваются как своеобразные символы плодородия (*Степанян, 2007. С. 47, 49*). Вышивка крестиками на ритуальной и детской одежде выполняла охранно-магическую функцию. Всякое изображение креста, а также обычай креститься должны были предохранять от злого, колдовского, нечистого.

Ромбы и треугольники украшали в основном женскую одежду. Они взаимозаменяемы как в конструктивном, так и смысловом значении. Треугольник с вершиной вниз трактуется как женский символ, с вершиной вверх – часто как мужское начало (*Абрамян, 1959. С. 180*). Таким образом, ромб рассматривается как соединение двух начал, т.е. символ плодородия.

Более наглядный пример – ромб с крючками-ростками, символизировавший у всех земледельческих народов оплодотворение и плодородие (*Амброз, 1965. С. 7*).

Из других элементарных геометрических знаков чаще всего встречается точка – самый простой и вместе с тем семантически нагруженный орнаментальный элемент. Она считалась первоосновой, исходным знаком, символом семени, зерна, плодородия (*Некрасова, 1982. С. 107*).

Наряду с орнаментом на одежде (пояс, носки, части рубашки и др.), нередко встречаются и вышитые или вытканые дарственные надписи,

которые рассматриваются как своеобразная магическая формула благопожелания типа «носи на здоровье».

В качестве орнамента можно рассматривать и изображение церквей и куполов на женских тканых и серебряных поясах. Церковь /святилище/ храм являются алломорфами мирового дерева и в ритуальном искусстве вполне взаимозаменяемы.

Орнамент народной одежды, утратив свой древний мифологический смысл, сохранился вплоть до начала XX в. В наши дни мотивы традиционных орнаментов, нередко стилизованные и в модернизированном виде, широко используются в декоративно-прикладном искусстве, особенно в сувенирной продукции.

СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ

СЕЛЬСКАЯ ОБЩИНА

Армянская сельская община XIX – начала XX в. представляла собой традиционный крестьянский «мир», основанный на идее общинного единства хозяйственной, общественной и внутриобщинной жизни и обладавший устойчивой структурой. К началу XIX в. основную массу населения как Западной, так и Восточной Армении составляло крестьянство, формой социальной организации которого и являлась сельская община. В условиях натурального хозяйства она выступала как административная и экономическая единица, сохраняя традиционные отношения, регулировавшиеся нормами обычного права во внутриобщинной жизни армян. В административном отношении сельская община в Армении, независимо от состава населения, совпадала с территорией одного селения.

Термин «сельская община» является чисто научным понятием, которое выражает комплекс отношений, связей и взаимодействий, обеспечивающих целостность и функционирование территориально локального сельского коллектива (Акопян, 1988. С. 5). Селения именовались по-разному: *gel*, *šen* и др. Крестьяне называли себя «народ села», «сельчане», «селом единым». По-разному выражению крестьян, село, община – это «одна большая семья, один большой дом, в котором священник – духовный предводитель, а староста – мирской» (Прошян, 1953. С. 183, 184).

При рассмотрении локально-исторической специфики армянской сельской общины следует подчеркнуть ее всесословный характер (Егуазаров, 1889. С. 1–7, 28–40). В состав землевладельческого класса в различных регионах входили *мелики* и *беки*, которые, вместе с представителями духовенства составляли «привилегированное сословие» (Мкртчян, 2010. С. 45). *Меликами* и *беками* в крестьянском быту в XIX в. часто назывались и сельские старшины, которые в отличие от наследственных *меликов*, по общественному положению принадлежали к землевладельческому классу и наравне с крестьянами занимались земледелием. Единственным преимуществом их, как и других должностных лиц, являлось освобождение от всякого рода податей и повинностей. По отношению к ним употребляли термин *k'edxuda*, который означал зажиточную прослойку.

В каждом селе были семьи, занимавшие доминирующее положение. Выделение этих семей было обусловлено несколькими факторами: первичностью происхождения семьи в местах поселения, состоятельностью, мно-

гочисленностью состава и т.п. Наряду с принципом первородства, вследствие социально-имущественной дифференциации внутри общины, на первый план выдвигался экономический фактор: состоятельность и зажиточность семьи. В результате роста имущественного неравенства внутри общины роль зажиточных крестьян в общинной жизни значительно возрастала.

Учитывая историко-этнографическую специфику крестьянского населения Восточной Армении, в зависимости от состава населения можно выделить сельские общины:

а) с доминирующим коренным населением; б) со смешанным населением, состоящим из старожилов и переселенцев – выходцев из Ирана и Западной Армении; в) состоящие только из переселенцев.

Сельские общины с коренным населением существовали в основном в Лори, Тавуше, Сюнике, Арцахе, Араратской долине. Гомогенное по своему происхождению население этих сел сохраняло сложившиеся устойчивые кровнородственные связи. Села делились на кварталы, которые часто носили патронимический характер. В повседневном обиходе отдельные кварталы назывались общими фамильными именами.

В конце XIX в. в качестве редкого исключения существовало весьма уникальное явление, когда целый род иногда занимал отдельное селение. Речь идет о двух селах Лорийского историко-этнографического района: селе Игаат (ныне Айгеат), заселенном представителями рода Шавердянов, и селе Ардви – рода Калантарянов (*Карпетян*, 1966. С. 83).

Сельские общины со смешанным населением из старожилов и переселенцев существовали в селах Ширака, Вайоц-дзора, Арагацотна, Арарата, Сюника. Переселенцы поселялись на постоянное местожительство при наличии свободных земельных угодий. Примечательно, что если старожилов обычно называли по имени деда или прадеда – основателя селения, то позднейших переселенцев их соседи-старожилы нарекали часто по названию местности, откуда они прибыли. Таковы «Хойецу тнер» – дома переселенцев из Хоя (Персия), «Ванецу тнер» – дома переселенцев из Вана (Западная Армения) и т.д. (*Акопян*, 1988. С. 28). В основном селения со смешанным населением делились на две части: в одной проживали старожилы, в другой – переселенцы. Зачастую переселенцы из разных мест селились сообща, образуя новую общину. Нередко эти общины были гетерогенны, т.е. включали семьи как из разных родов, так и из разных сел. В новообразованных селах переселенцы из одного поселения обосновывались в отдельном квартале. Иногда старые соседские связи сохранялись на новом месте поселения.

Общинная форма землевладения. Важнейшей функцией сельской общины являлась регуляция поземельных отношений и распределения государственных податей и повинностей между крестьянами одной деревни. В рамках общинной жизни земля приобретала ценность и становилась правовой категорией лишь в процессе ее использования. Она являлась для крестьян основным средством производства, существования и источником материального благосостояния. По экономическому потенциалу крестьянское хозяйство в целом было натуральным комплексом: каждый трудился в своем тесном семейном кругу, своими собственными средствами, на собственные нужды. Все земли, находившиеся во владении общины, делились на следующие категории: нераздельное пользование всей общины (пастбища, сенокосы, водопой), вре-

менное самостоятельное пользование каждого дыма, усадебные земли, сады, виноградники, огороженные места, не подлежащие какому-либо переделу и находившиеся в подворно-наследственном владении крестьян, свободные земли (Акопян, 1988. С. 44).

Сельская община осуществляла контроль при распределении наделов. Не только общинники, но и община не имела прав продавать (т.е. отчуждать) земли, которые входили в земельный фонд данной общины: аренда надела общинниками допускалась только внутри одной общины, т.е. земля не могла быть исключена из данной общины.

Во второй половине XIX в. государственные крестьяне составляли около 86% всего крестьянского населения Восточной Армении, а частновладельческие крестьяне – 14% и проживали в основном в селах, принадлежавших *меликам, бекам* (Марухян, 1948. С. 32).

Государственные крестьяне имели право пользоваться землей лишь в том случае, если они были членами данной общины, и их фамилии значились в камеральных подымных списках. В селах с общинным землевладением сохранялась одна из главных функций общины – передел земли между членами общины. Продолжительность периода между переделами имела весьма важное экономическое значение. В большинстве районов переделы производились с интервалом в 3–10 лет. Наряду с этим встречались села, имеющие значительные земельные фонды, в которых переделы не производились в течение 12, 15, 20 и более лет. Показательно, что процесс разложения общинного землевладения начинался обыкновенно с удлинения периодов между переделами и с огороживания наделных участков (Егуазаров, 1889. С. 166).

В большинстве регионов переделы производились по старинной традиционной системе, известной под названием *hamba- č'arek'*. Эта система основывалась на учете как фактических душ обоего пола в данной семье, так и экономической состоятельности и платежнoподатной способности «дыма». При наделении общинников пахотными участками за основную единицу принималась условная семейная *амба*, включавшая в себя 16 душ обоего пола и имевшая возможность выставить один тяжелый плуг с 10–12 парами тягловых волов, одного пахаря и десятерых погонщиков. Минимальную долю этой совокупной единицы составлял *чарек*, который как земельный надел был приравнен к четырем душам обоего пола (Акопян, 1988. С. 53, 54).

На смену этой системе пришла новая форма, при которой число душ перестало учитываться. Так, экономически мощная семья получала полный надел независимо от того, сколько душ включала в себя, в то время как бедная семья из 10 душ могла получить четвертной надел (Акопян. С. 55).

В ряде регионов (Сюник, Карабах) существовал другой способ земельных переделов. В основу его был положен тягло – женатый мужчина, считавшийся «целой головой»- *glux*, и получавший полный надел, даже если ему было не более 12 лет, а неженатый, даже способный к работе мужчина признавался «полуголовой»; дети, которые могли быть погонщиками во время пахоты, считались четверью «головы». Вдовы с малолетними детьми получали надел наравне с мужчинами (Лисициан, 1969. С. 239).

Если до 80-х годов XIX в. еще существовали указанные формы переделов, то после этого была введена простая подушная система переделов земли, при которой каждая семья получала долю, соответствовавшую числу душ.

При этой системе каждое изменение числа членов семьи влекло за собой увеличение или уменьшение площади наделной земли (Акопян. С. 57). Если же общинник не мог обрабатывать свой участок из-за неимения рабочего скота и сельскохозяйственных орудий, то он был вправе сдавать его в аренду своему односельчанину. К концу XIX в. внутри общины наблюдалось социальное расслоение крестьянства. Так, по данным 1884 г., в Эриванской губернии зажиточные крестьяне составляли 13,2% всего населения, середняки – 60,6%, бедняки – 26,2% (Амбарян, 1983. С. 69).

Управление общины. Крестьянский «мир» армянской сельской общины обладал устойчивой структурой. Внутреннее управление общины было организовано на традиционных началах и вполне соответствовало патриархальному быту. Положениями 1866 и 1867 г. о сельских обществах, их общественном управлении и повинностях царская администрация юридически узаконила существовавшие нормы и порядки управления в Закавказье (Акопян, 1988. С. 77). Сельская община имела постоянные органы самоуправления: общинный сход, сельских должностных лиц во главе со старостой, совет старейшин и сельский суд. Наиболее представительным был общий сельский сход. Право на участие в общинном сходе имели все домохозяева, которые входили в состав данной общины и каждый из них представлял отдельный «дым», располагая одним голосом. К участию в нем не допускались крестьяне, состоявшие под следствием или судом по обвинению в преступлениях. Женщины не имели права участия в сельском сходе. Сход созывался для решения важных вопросов, связанных с социально-экономической жизнью общины.

В административно-регулирующие функции общинного схода входило право временного изъятия (не более, чем на три года) наделной земли у односельчанина, если тот неаккуратно уплачивал казенные и прочие подати за свой надел, и передачи ее другому общиннику.

Одной из важных функций общинного схода были выборы сельской администрации, вынесение решений об отчуждении из сельской общины порочивших ее членов, о временном отстранении крестьян от участия в сходах (не более, чем на три года), прием в общину новых членов. Общинный сход, удаляя из своей среды «порочных» членов, оставлял за собой право пользования их земельными наделами. Сход только в самых крайних случаях выносил решение об удалении общинника из своей среды. Для решения именно этого вопроса требовалось согласие не менее $\frac{2}{3}$ всех крестьян. Слушания удаления из общины были редки (Акопян. С. 88).

Среди сельских должностных лиц важное место занимал сельский староста – *tanuter*, который в разных историко-этнографических регионах был известен как *gel'c'apet, res, k'yoxva*. Он избирался на общинном сходе из влиятельных и состоятельных лиц сроком на 3 года, иногда на 6–7 лет (Мкртчян, 2010. С. 66). За свою службу сельские старосты не всегда получали денежное жалованье, но освобождались от всех натуральных повинностей. Староста отвечал за сохранение общего порядка и спокойствия в пределах своей общины. Сфера его действий охватывала различные стороны социально-экономической и бытовой жизни общины. Он представлял на рассмотрение схода все дела, касающиеся нужд сельской общины, следил за исправным содержанием дорог, оросительных каналов, мостов и т.д. Староста являлся официальным

представителем общины, звеном между государством и общиной и одновременно представителем власти на месте (Акопян, 1988. С. 96, 97). Традиционно он участвовал также в некоторых семейных мероприятиях: при брачном сговоре, семейных разделах, особенно в случае споров и разногласий между членами семьи, имел право вмешиваться в семейные дела и выносить наказания за такие поступки, как непослушание родителям и т.п. (Лисициан, 1992. С. 97, 112).

На общинном сходе, кроме сельских старост, выбирались также другие должностные лица: помощники старосты, рассыльный, полевые сторожа, в регионах орошаемого земледелия – помощники распорядителя воды и т.д. В каждой общине староста имел при себе рассыльного – *gzir* и писаря, функцию которого нередко исполнял сельский священник.

Важным органом самоуправления общины был традиционный совет старейшин. Он состоял из наиболее уважаемых и почетных старцев селения. В армянском языке этих почетных старцев называют *halivor*, *spitakamorus* (букв. белобородый). Они известны как честные люди, и доскональные знатоки народных традиций и обычного права. К их мнению прислушивались на общинном сходе при решении наиболее важных общественных вопросов, а также в повседневной бытовой жизни.

Нередко старейшины входили также в состав сельского третейского суда. Члены его выбирались на общинном сходе в таком числе, какое считалось необходимым с общего согласия. Обычно «присутствие» сельского суда состояло из нечетного числа судей, которых было не менее трех. В сельском суде разбирались только легкие «гражданские дела» (мелкие кражи, межевые споры, семейные ссоры и пр.). Более серьезные, а тем более тяжкие преступления, передавались в ведомство участкового, уездного и губернского – царских судов (Акопян, 1988. С. 104; Мкртчян, 2010. С. 68). В целом крестьяне старались разрешать все разногласия по обычному праву, стараясь сохранить честь своей общины, и лишь в самых сложных ситуациях дело доводилось до сельского суда.

Общинное единство в быту и духовной жизни. В основе общинных обычаев лежали прочные представления общинного единства и солидарности, которые пронизывали все стороны духовной жизни армянского крестьянства. Свое конкретное выражение они нашли в традиционных формах соседской взаимопомощи.

Добровольная взаимопомощь была характерным явлением повседневной жизни сельского населения. В крестьянском быту большое значение имело поддержание дружеских отношений с соседом, с которым делили и радость, и горе. Значение соседской дружбы и взаимопомощи нашло широкое отражение в армянских народных пословицах и поговорках: «Не приобрети дом, а приобрети соседа», «Близкий сосед лучше далеко живущего родственника» и др. Соседские связи были разнообразны, и им принадлежала большая роль (Мкртчян, 2010. С. 90, 91).

Среди крестьян был распространен обычай взаимных одолжений без какого бы то ни было вознаграждения. Во временном пользовании соседа могли находиться различные предметы хозяйства, инвентарь, даже скот и т.д. Существовала практика одалживания выходной праздничной одежды своим односельчанам. Если семья попадала в беду, теряя все свое имущество в

Сбор стариков – глав семейств в центре села Кохб (Тавуш). Экспедиция. 1973 г.
Архив ИАЭ. Папка 37. Фото Г. Жамкочяна

результате несчастного случая, не только родственники, но и вся община приходила на помощь.

Крестьяне различали помощь, которая не вызывала взаимных обязательств и называлась *zubara*, и взаимопомощь – *roxara*, предусматривавшую обязательное оказание помощи в ответ на полученную прежде. Помощь по просьбе соседа была особенно необходима при осуществлении работ, требующих соединения коллективных усилий: при строительных работах, перевозке мельничного жернова и т.д.

Наряду с элементарными формами взаимопомощи, в армянской сельской общине существовала и более сложная форма кооперации – хозяйственные земельные и скотоводческие объединения, бытовавшие еще в средневековой Армении (*Хачикян*, 1958. С. 110–134). Земельные объединения в большинстве случаев известны под названием *hrak^caš* (*harak^caš*). В них обычно входили малоимущие семьи, не имеющие возможности самостоятельно обрабатывать свои земельные участки, для чего члены *hapaкаша* объединяли инвентарь, скот и рабочую силу для коллективного производства полевых работ (*Карпетян*, 1966. С. 120–123).

Другой вид товариществ был связан со скотоводческим хозяйством. Для содержания скота составлялись объединения – *hamkal* (*sari hamkal*), для очередного сбора удоя молока в пользу одного из членов товарищества – *xab* (*xab*). Традиционно организуемые ранее по родственному принципу, в конце XIX в., с усилением имущественной дифференциации, хозяйственные товарищества составлялись в основном по принципу соседско-территориальному и просуществовали вплоть до начала XX в.

Общинное единство сохранялось также во многих элементах обрядовой жизни и народных праздников. В свадебной обрядности прослеживаются

самые различные стороны общественного быта: активное участие родственников и соседей, взаимопомощь личным участием в приготовлениях к свадьбе, материальная помощь в виде подарков, совместное проведение досуга и т.п. (Мкртчян, 2010. С. 133).

Наиболее сконцентрированное выражение общинное единство находило в похоронной обрядности армян. С момента смерти и до погребения соблюдался общий траур как проявление общинной солидарности и моральной взаимопомощи внутри общины (Акопян, 1988. С. 129). Вся община принимала участие в похоронах своего односельчанина. Показательно, что помощь семье покойного осуществлялась в форме взаимоуслуг, а не в виде каких-либо материальных пожертвований (Мкртчян, 2010. С. 137). Выражением общественного единства были также дни поминовения – *me'eloc'*, когда на кладбище собиралось практически все село, и собравшиеся поминали не только своих давних и новых покойников, но и всех покойников общины.

В сельской жизни армян народные календарные праздники выходили за рамки одной семьи и носили общественный характер (Акопян, 1988. С. 130–139). Эти праздники отражали экономические интересы и единство не только семьи или рода, но также и всей сельской общины.

Идея общинного единства находила свое яркое выражение также в общественном жертвоприношении – *axar*, совершаемом на Пасху и во время стихийных бедствий (градобития, длительной засухи, нашествия саранчи и пр.) Цель его – умиловление и задабривание сверхъестественных сил, от которых, по поверьям крестьян, зависела жизнь и благосостояние всей общины (Лисициан, 1992. С. 153).

С развитием капиталистических отношений замкнутый микромир сельской общины вступил в противоречие с новыми социальными отношениями. Община приковывала крестьян к своим наделам, не давала возможности выйти из традиционно сложившегося замкнутого круга. Уже в начале XX в. меняется и социально-экономическая политика царизма: она была направлена на подрыв основ общинного землевладения и землепользования и предоставление возможности крестьянам выйти за пределы своей общины, стать собственниками своих земельных наделов, тем самым стимулируя и развивая проникновение товарно-денежных отношений в деревню (Акопян, 1988. С. 76).

Отдельные элементы общинных традиций продолжали существовать в армянской сельской среде на протяжении всего XX вв., сохраняясь вплоть до наших дней. Примечательно, что и в настоящее время в условиях современного административного управления в сельских общинах сохраняются некоторые принципы традиционного самоуправления (Варданян, 2009. С. 168).

ЦЕХОВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ

В силу целого ряда исторических условий в Армении издревле большого развития достигло ремесленное производство. Этому способствовала богатая сырьевая база Армянского нагорья (руда благородных и цветных металлов, железо, красящие вещества, а также продукты скотоводства и сельскохозяйственные культуры), с одной стороны, а также расположение нагорья на перекрестке торговых путей, с другой.

Возникновение и формирование цеховых организаций *хамкарств* (*hamk'ar* – перс. собрат, товарищ; во множественном числе – товарищество по ремеслу) связано с развитием ремесленного производства и торговли в городах в период феодализма. Цеховые организации в Армении, как и в целом в Закавказье, насчитывают многовековую историю, и известны уже в начале X в. (Март, 1915. С. 16–17; Манандян, 1940. С. 4). Существование их в средневековый период подтверждает сохранившийся «Устав братства» г. Ерзнка (Западная Армения) XII в. (Абрамян, 1971. С. 146).

С приобретением товарного направления ремесленного производства и выходом его на обширный рынок расширялась и деятельность ремесленников. В раннефеодальную эпоху товарооборот был ограничен узкими рамками рынка, которые не давали ему возможности играть решающую роль в экономической жизни страны, поскольку основная часть ремесленной продукции шла на удовлетворение внутреннего спроса. Хотя ремесленники пользовались правом свободной продажи своей продукции и в условиях феодальных отношений добились известной независимости, они подчинялись феодалам, облагались налогами со стороны государства и т.д.

Развитие товарного производства намечается в особенности в эпоху роста экономической роли больших городов, когда расширяется и ремесленное производство (Аракелян, 1964. С. 7–9; 174, 175). В каждом крупном городе имелись караван-сарай, рынки со своими торгово-ремесленными рядами, бани и т.д. Основную массу городского населения составляли ремесленники, торговцы, поденщики, занятые на обработке пригородных участков–садов, виноградников и огородов (Абрамян, 1971. С. 149). Возникновение ремесленных рядов и кварталов было одним из важнейших факторов формирования и развития городов. Такие кварталы имелись почти во всех городах не только средневековой Армении (Ани, Двин и др.), но и в XIX в. в городских центрах развитого ремесленного производства Восточной и Западной Армении – Карине, Ване, Карсе, Ахалцха, Ахалкалаке, Александрополе и др. Отдельные кварталы и улицы этих городов нередко имели названия конкретных ремесел (Сехбосян, 1974. С. 178).

Амкарства представляли собой корпоративную организацию, которая объединяла ремесленников и осуществляла защиту их интересов.

Среди ремесленников наибольший спрос имели: камнетесы, каменщики, столяры, кузнецы, медники, мыловары, оружейники, ювелиры, лудильщики, сапожники, скорняки, ножовщики, маляры, шорники, слесари, портные, вальцельщики, подковщики, стекольщики, часовщики, колесники и др.

В Армении цеховые организации достигли своего наивысшего развития в XVII в. В XVIII – начале XIX в. существовало несколько десятков ремесел. Только в районе Еревана в начале XIX в. было 70 видов ремесел и профессий, а число вовлеченных в них ремесленников достигало 2349, в Александрополе же во второй половине XIX в. было 105 видов ремесел и профессий, 36 амкарств, а число ремесленников достигало 3 тыс. человек (Абрамян, 1971. С. 51, 61).

Деятельность цеховых организаций была четко регламентирована. Высшим органом было общее собрание, на котором решались важнейшие вопросы, избиралось руководство в лице главного мастера (*glxavor varpet*), его помощников, казначея. Одной из важнейших функций общего собрания было

посвящение учеников в подмастерья и мастера и т.д.

Главы цеховых *амкарств* входили в «Совет старейшин армянских городов», институт которых существовал и в Армении, и в Грузии в XI–XII вв. и играл большую роль в деле управления, поддержания порядка и защиты городов.

Главный мастер надзирал за деятельностью цеховых мастеров, следил за производством и качеством изделий, разрешал внутрицеховые вопросы, наряду с организацией собственного производства, выполнял также некоторые административные функции. Цеха в своем составе включали не только мастеров, но и учеников и подмастерьев. Членами цехов считались так же семьи мастеров вместе с женами и детьми, однако основным ядром цехов являлись мастера.

В цеховых организациях традиционно большое внимание уделялось принятию нового члена, порядку прохождения обучения, присвоению званий и др. Сроки обучения были различными в зависимости от сложности конкретного ремесла. Обычно мастерство передавалось по наследству из поколения в поколение. Поэтому мастера прежде всего обучали ремеслу своих сыновей, внуков, ближайших родственников и лишь затем сторонних лиц. При принятии ученика обычно заключался устный договор в присутствии главного мастера и одного-двух других мастеров. В подтверждение договора пожимали друг другу руки и сыпали из руки горсть земли (*Сехбосян*, 1974. С. 193).

При приеме в ученики и посвящении в мастера существовал определенный возрастной ценз. Возраст ученика зависел от трудности усвоения данного ремесла. Тем не менее лиц младше 13 лет обычно в ученики не принимали. Для мастера же, по народным представлениям, характерные были усы и борода.

В ремесленных цехах для учеников устанавливался испытательный период – 1,5–10 месяцев. Ученик воспитывался как член семьи, и нередко мастер становился его *кавором* (т.е. посаженным отцом на свадьбе), а затем и крестным отцом его детей, что передавалось из поколения в поколение. Во время испытательного периода большое внимание уделялось проверке способностей, сноровке и смысленности ученика. Учеников воспитывали в основ-

Мастер-медник со своими изделиями. Лори. Начало XX в.

Архив ИАЭ. Папка 84

Мастерская скорняка. Лори. Начало XX в.
Архив ИАЭ. Папка 86

Лавка ремесленника. Мараш (Киликия). 1903 г.
Из кн.: Папаян Е. Народная одежда. С. 84

ном в духе религиозной этики. Воспитание в целом было строгим, вплоть до телесных наказаний. Мастера с большей готовностью передавали тонкости своего ремесла способным ученикам.

При посвящении ученика в подмастерье, что обставлялось довольно торжественно, существовали определенные традиции и обычаи. Ученик всегда представлялся на посвящение по рекомендации мастера. Очень часто «помазывали» в подмастерье тогда, когда он отслужил мастеру уже 4–5 лет. Если подмастерье оправдывал доверие мастера, он получал право работать самостоятельно как член данного *амкарства*. Мастер мог предоставить ему помещение и инструменты.

Членов *амкарства* связывали не только производственные интересы. Каждое из них представляло собой своеобразное «братство», которое объединяло их также вне производственной сферы, в частности в общественной и семейной жизни: совместном участии в праздниках, жертвоприношениях, жизненно важных семейных событиях (женитьба, рождение детей, смерть одного из них или члена семьи). Оказание помощи и поддержки во всех радостных и печальных случаях члену своего *амкарства* входило в кодекс неписаных правил всех ремесленнических организаций армян. Соблюдение и защита чести своего *амкарства* для каждого было непреложным правилом.

Амкарства играли важную роль в экономической жизни Армении вплоть до конца XIX – начала XX в., когда начали расширяться и углубляться капиталистические отношения. Не выдерживая фабричной конкуренции в условиях развивающегося капиталистического производства, различные виды кустарных ремесел – кузнечное, медное, производство седельщиков и прочее – постепенно утрачивали свое бывшее экономическое значение в традиционном хозяйственном быту (*Сехбосян*, 1974. С. 170). Все это нарушало также целостную структуру *амкарств*: их состав, внутренний распорядок и пр.

Дальнейший прогресс экономики предполагал замещение ручной работы механизацией, объединение малых ремесел в артельную систему. Эти процессы нашли свое отражение в период Первой Республики Армения (1918–1920 гг.). В центрах развитого ремесленного производства, как например, в Александрополе с его многочисленными цеховыми организациями, лишь некоторые из них сохранялись вплоть до 1920-х годов.

После установления советской власти в Армении были организованы ремесленные артели, которые впоследствии стали основой промышленных предприятий. Однако все еще оставались отдельные традиционные мастерские и службы, выполняющие частную работу. Так, в Александрополе около 200 частных извозчиков фаэтонов просуществовали до середины 1920-х годов. Государственные структуры содействовали новообразованным кооперациям в приобретении сырья, организации производства, реализации продукции и в других вопросах. Вновь созданные организации: касса взаимопомощи, кредитная ассоциация и т.д. предоставляли ремесленникам кредиты для организации своего дела.

В годы Второй мировой войны и послевоенный период ремесла пережили определенное оживление. Это, в частности, касалось ремонтных предприятий, транспорта и ряда других отраслей, что было связано с их востребованностью в годы восстановления разрушенного войной хозяйства.

В 1990-е годы в период блокады и энергетического кризиса в республике возродился целый ряд традиционных ремесел. Особенно большим спросом пользовались жестянщики, поскольку для отопления и приготовления пищи население было вынуждено использовать печки.

В наши дни все еще продолжают сохраняться некоторые традиционные ремесла, несущие характерные признаки *амкарств*. Это прежде всего те виды ремесел, в которых наиболее четко выражена основа народного декоративно-прикладного искусства: обработка дерева, камня, кузнечное дело, гончарство, ковроделие, рукоделие и др.

В центрах традиционного ремесленного производства, в частности, в Ереване, Гюмри, еще сохранились отдельные участки ремесленнических ларьков и магазинов, а также названия некоторых ремесленнических кварталов.

ПРАЗДНИЧНАЯ КУЛЬТУРА: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Традиции. Несмотря на наличие письменных источников, о праздничной культуре армян, начиная с раннего Средневековья и практически вплоть до Новой истории, можно судить в основном по каноническому церковно-христианскому календарю и ретроспективно – по анализу праздничных ритуалов позднейшего времени. До принятия христианства у армян существовали параллельные календари – гражданский и сакральный (*Бадалян*, 1970. С. 49–62). Гражданский календарь был подвижным, год имел 13 месяцев, из коих 12 месяцев состояли из 30 дней, а дополнительный 13-й месяц, – из пяти дней. Поскольку в нем не учитывалось количество дней года – 365 и $\frac{1}{4}$ дня, через каждые четыре года практически терялся один день, вследствие чего раз в четыре года гражданский Новый год «отодвигался» на один день назад. Таким образом, Новый год постепенно, по ползущему графику подвижного календаря, мог попасть на все дни года и раз в 1460 лет совпасть с «исходным» днем ($1460 \times \frac{1}{4} = 365$) (*Бадалян*. С. 52). Известно, что в 428 г. Новый год совпал с 11-м августа, называвшимся в то время у армян *Навасардом*.

Кроме гражданского, подвижного календаря и гражданских праздников, существовал также неподвижный, сакральный или религиозный календарь, благодаря которому регулировались религиозные праздничные даты. Священные праздники, будучи тесно привязаны к сезонам хозяйственной жизни, не могли продвигаться по ползущему графику, как гражданские. По священному или религиозному календарю, например, празднование Нового года у армян совпадало, как у многих народов Ближнего Востока, с новым земледельческим сезоном, т.е. с весенним равноденствием и отмечалось 21–22 марта. Именно март в армянском календаре до регулирования гражданского календаря назывался *Навасард* (букв. Новый год), а 22-е марта было первым днем Навасарда (*Одабабян*, 1978. С. 11–19). После упорядочения гражданского календаря по лунно-солнечной системе в 406 г. до н.э. название месяца «*Навасард*» было перенесено на август, т.е. с этого времени не март, а август у армян был известен как *Навасард*. Ряд письменных источников подтверждают параллельное использование в определенное время термина *Навасард* как в качестве названия праздника Нового года, так и месяца. Нередко, однако, в качестве названия Нового года использовался термин *Аманор* (*ам* – год, *нор* –

луна). Не исключено, что в то время *Аманор* обозначал священный *Нава-сард* – гражданский Новый год.

После принятия христианства в 301 г. армяне перешли с подвижного гражданского календаря к неподвижному юлианскому. Комплекс христианских праздников в Армении утвердил в IV в. первосвященник Григор Лусаворич (Григорий Просветитель), который искоренял дохристианские праздники. В V в. по инициативе католикоса Саака I Партева была предпринята попытка на основе христианской празднично-ритуальной системы Иерусалима создать независимый армянский христианский праздничный календарь. С греческого языка на армянский был переведен иерусалимский комплекс христианских праздников скорее всего с частичной редакцией армянских переводчиков (*Варданян*, 1999. С. 25–33). Это была попытка освободить армянский календарь от римской и сирийской зависимости. Тем не менее этот первый официальный календарь существенно не отличался от общехристианского, «национальным», по сути, был только его язык. Так как сохранился только этот армянский перевод, лишь по нему исследователи судят об иерусалимском тексте и его греческом изложении (*Варданян*. С. 25–33). Католикос Саак утвердил юлианский календарь как основу христианского праздничного календаря. Постепенно религиозный праздничный календарь вытеснил гражданский, и в Армении официально с V в. христианский армянский Новый год стал начинаться с 6-го января, с праздника Рождества и Богоявления. В дальнейшем официальный армянский христианский календарь пополнялся новыми памятными днями, новыми обрядами, новыми «персонажами», но он в принципе без существенных изменений просуществовал много столетий. «Внедрения» в праздничный календарь были в основном в сторону его «арменизации», причем «арменизовывался» не только ритуал, но также праздничный комплекс календаря вводом, помимо общехристианских, новых армянских святых. За многие столетия в официальном христианском календаре, как и во всей праздничной культуре армян, произошло немало изменений. Гражданский подвижный календарь к этому времени вышел из обращения, а дохристианский неподвижный религиозный, так называемый священный календарь, во многом, как будет показано ниже, стал увязываться с христианскими праздниками. Календарь, введенный католикосом Сааком, официально был пересмотрен лишь в 1774 г. католикосом Симеоном Ереванци. Он упорядочил нововведения в армянском христианском календаре, попытался универсализировать ритуалы и даты праздников, в частности, связанных с Пасхой, создал «иерархичность» церковных праздников и пр. Дату празднования Нового года он оставил прежней, 6-е января, приуроченную к празднику Рождества и Богоявления.

Праздники, отмечаемые армянами еще 100 лет назад, выполняли всю праздничную общественную, культурную, эмоциональную, частично также официальную и народную религиозную функцию социокультурной жизни. Они имели песенно-музыкальное сопровождение, игровой элемент, праздничные трапезы, народное гуляние, народные зрелищные и театральные представления, гадания, предохранительную магию и магические действия обеспечения блага и предотвращения зла. Они обеспечивали также культурную преемственность, память об историческом социально-политическом прошлом, отражая представления о реальных исторических и мифических

персонажах, народное восприятие реальной и сакральной жизни, взаимосвязь общественных и семейных, хозяйственных отношений, «взаимоотношения» с внешним миром как природным, так и священным, незримым. Вследствие длительного отсутствия у армян государственности, праздничный календарь веками регулировался и реформировался Армянской апостольской церковью. Вместе с тем, под влиянием умелых народных мастеров традиционная праздничная культура армян, несмотря на официальный религиозно-христианский календарь, отличалась сильной народной религиозностью, развитыми традициями музыкального и устного фольклоротворчества, вариативностью форм зрелищности (танцами, играми, театрализованными представлениями). Помимо официальных религиозных праздников армяне, в особенности в сельской среде, продолжали отмечать также многие аграрные праздники (*Ерицов*, 1886. С. 159, 160).

Современные праздники в Армении и в диаспоре в целом сильно отличаются от традиционной праздничной культуры столетней давности. Начало XX в. в контексте целостности культурной жизни для всего армянского народа ознаменовалось двумя событиями, изменившими эволюционный процесс развития культуры вообще, и праздничной культуры, в частности. Геноцид 1915 г. прервал не только жизнь многих армян, но также преемственность культуры, уничтожил ту культурную среду, где развивалась и наполнялась содержанием этническая культура западных армян. Выжившие после геноцида армяне в разных странах мира среди разных культур старались по крупицам восстановить ту культурную общность, которая живет не только этнической памятью, но также единой этнической культурой. Главной опорой в этом поиске была Армянская апостольская церковь, и уже по этой причине праздничная жизнь армян в диаспоре носила достаточно высокое церковное (меньше-религиозное) упорядочение и содержание. Культурная преемственность и естественное развитие праздничного церемониала заменились новыми формами и новой культурой, разной в различных странах и культурных средах проживания армян, от мусульманского Востока до христианского Запада, от Азии до Европы, Америки, Австралии. В праздничной жизни восточных армян крупные политические, социальные и культурные изменения в начале XX в. были обусловлены Октябрьской революцией. Советская «индустрия» празднотворчества, основанная на политической идеологии и будучи, что немаловажно, в основном городской, поглотила исторически сложившееся содержание и форму праздников и празднования. Изменились многие общественные функции праздника, он стал организованным театрализованным мероприятием, оскудела функция народного творения, прервалась связь праздников с этническим прошлым, исчезла христианская или вообще религиозная суть и т.д. Такое революционное вмешательство лишало возможности универсализации праздников западных и восточных армян.

Большинство основных традиционных праздников армян являются также официальными праздниками Армянской апостольской церкви (далее – ААЦ). На протяжении 1700-летнего существования официального христианства они тесно переплелись с церковными праздниками, и праздничная обрядово-ритуальная жизнь народа в начале XX в. выражалась через христианский праздничный календарь с насыщенным слоем народной культуры, в частности, через так называемое народное христианство, когда бытующий в народной

социосакральной жизни религиозный пласт и праздничный словарный запас в течение столетий обогащался христианскими понятиями и/или христианским слогом. Это взаимопроникновение, синтез официального христианства и народной религии в праздничной культуре в данном тексте называется традиционным. Христианский календарь ААЦ в свою очередь не только впитал народные церемонии, но сам по себе явился несколько специфичным по отношению к другим христианским праздничным календарям и тем самым в некотором смысле стал национальным, этническим. В отличие от других христианских календарей, ААЦ, например, отмечает праздник св. Саргиса. Спецификой армянского церковного календаря является также цикл праздников, посвященных самой Церкви. Два из пяти праздников посвящены Армянской церкви (праздники Эчмиадзина и Шогакат), остальные – Всеобщей церкви (*Диланян*, 2006. С. 16). Народная традиция внесла некоторые коррективы в иерархичность христианских праздников. Главными праздниками Церкви считаются Святое Рождество, Пасха, Преображение Господне, Успение Пресвятой Богородицы, Воздвижение Креста или Хачверац (букв. снятие с Креста). Пять постпраздничных дней у армян считались поминальными – *Me'eloc* , когда хождение на кладбище было органическим продолжением торжественных церемоний (*Лисициан*, 1955. С. 263). Однако народная праздничная традиция возвела в ранг главных, помимо упомянутых, также Сретение Господне (имеющее в народной ритуальной жизни большую увязку с культом огня), Вознесение Господне (с очевидными традициями аграрных культов), праздник св. Саргиса (с народным, нехристианским осмыслением роли и функций Святого).

В начале XX в. армяне продолжали праздновать как христианские, так и светские праздники: Новый год, Навасард, Масленицу. Гражданскими их называть трудно, ибо из-за отсутствия государственности у армян гражданскими могли являться официальные праздники стран (России, Турции), в состав которых были включены территории Восточной и Западной Армении. Однако гражданские праздники этих стран в быту армян существенной роли не играли. Следует отметить, что при единой христианской вере и общей индоевропейской культуре праздничная традиция армян была ближе к русской и претерпевала определенное влияние также русской народной праздничной культуры. Светские праздники включали также немало ритуалов дохристианских и народного христианства с некоторым отпечатком христианства.

Что касается элементов народной традиции в официальных христианских праздниках, то многие из них имеют определенную общность с праздниками народов традиционного христианского мира, в частности со славянским миром и народами Европы. Такая общность обнаруживается как в комплексной характеристике (аграрная направленность содержания праздничного календаря), функциональных элементах (почитание воды, огня, земли, растительности, астральные культы, почитания усопших и пр.), так и во многих деталях форм и содержания магических культовых обрядов. В быту армян конца XIX – начала XX в. бытовали также другие, менее значимые праздники как общеармянского, так и локального масштабов, на которых мы не останавливаемся.

В конце XIX – начале XX в. армяне, будучи гражданами России, Турции, Ирана и других стран, в основном отмечали свои традиционные праздники

и незначительно были вовлечены в празднование гражданских праздников в странах своего проживания.

Новый год (Nor tari, Amanor). В XIX в. после присоединения к России, где гражданский январский Новый год имел традиции уже с петровских реформ, в Восточной Армении начала складываться традиция отмечать Новый год в ночь с 31 декабря на 1 января. Однако до конца XIX в. и даже начала XX в. он по массовости, эмоциональности и значимости уступал неофициальному празднованию Нового года – *Навасарду*, отмечаемому в первое воскресенье после 10 ноября. Западные же армяне начали праздновать Новый год 1-го января вместе с народами Европы раньше восточных армян. Будучи светским праздником, Новый год у разных групп армян не унифицировался также церковью. Таким образом, примерно 100 лет назад некоторое время параллельно отмечались осенний и зимний Новый год, в середине ноября и 1-го января. В конце XIX – начале XX в. январский Новый год наиболее торжественно отмечался у западных армян, где осенний, ноябрьский праздник постепенно сливался с декабрьским церковным праздником св. Акоба. У восточных же армян, наоборот, пышностью, массовостью и эмоциональностью отличался ноябрьский праздник, сохраняя также всю светскость. Ноябрьский Новый год у восточных армян именовался либо *Навасард* (букв. Новый год), либо *Нахратох* (букв. отпустить стадо крупного рогатого скота, т.е. перейти на зимнее содержания скота). В армянской сельской традиции, как и у многих народов, хозяйственная жизнь регулировалась посредством действующего праздничного календаря. У западных армян память о празднике осталась лишь в названии поста, предшествующего празднику св. Акоба, известному в народе также под именем «пост отпуска телят», или «пост отпуска стада». Ноябрьский *Нахратох* – Новый год знаменовал конец летнего периода скотоводческого сезона. По времени, форме и содержанию он совпадал с ноябрьским праздником св. Мартина многих европейских народов. Основные праздничные приготовления сводились к нравственному и физическому очищению (тела, одежды, жилья, скотных помещений), выплачиванию долгов, разрешению споров с помощью «миротворцев».

Другой важный элемент – праздничная пища. Обилием она не отличалась, но ее специфической чертой являлось множество свежих фруктов (обязательными были яблоко и гранат) и сухофруктов, орехов (символы плодородия, изобилия, любви), обязательным было также мясное блюдо с *дзаваром* (пшеничной крупой) – *коркот*, *к'яшка*, *хариса*, которое варилось всю ночь.

В некоторых местах всю ночь не спали, и старшие играми, сладостями удерживали детей от сна или сторожили сон малышей. Считалось, что в эту ночь невидимое злое существо – *хлвлик* – ходит по крышам и старается украсть детей. К утренним новогодним ритуалам можно причислить магические, в основном имитативные действия, направленные на обеспечение изобилия, благополучия и предотвращения несчастий, бедности. На дверной проем дома и скотных помещений набрасывали красную ленту, «чтобы год был богат красными (благополучными) днями» (*Лалаян*, 2004. С. 237), кувшины наполняли свежей водой и следили, чтобы они весь день были полными, домой заходили всегда с «полными» руками, с утра пораньше сытно кормили скот, на полях посыпали зерна ячменя и пшеницы и пр. В семьях устраивались праздничные пиршества, и звуки зурны оглашали целые квар-

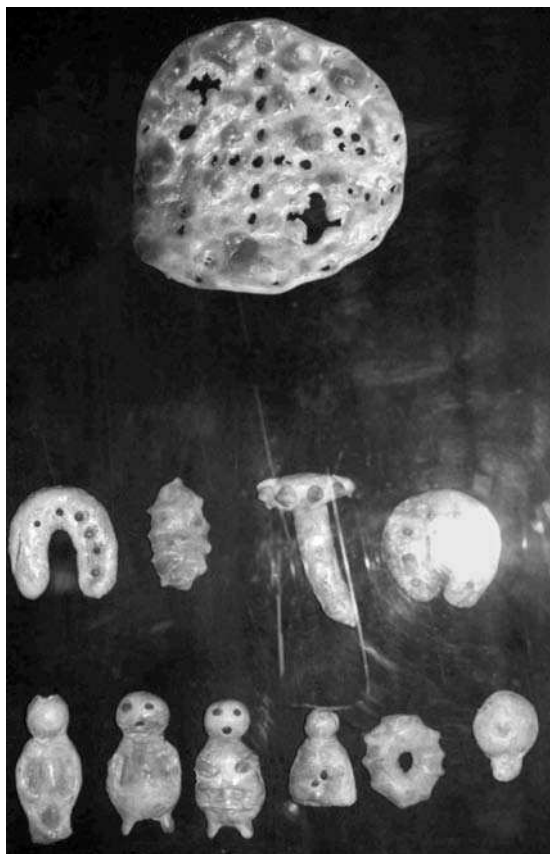
талы. На открытых площадках, чаще – гумнах молодые организовывали игры и соревнования. С осенних праздников *Навасарда–Нахратоха*–Нового года начинались также свадьбы, прерванные в конце весны.

Официальный январский Новый год почти не отличался от описанного праздника. Но поскольку январский Новый год совпадал с первым днем рождественского поста, праздничный стол составляли постные блюда, многие из которых с вариациями продолжают бытовать по сей день, в частности постные голубцы с фасолью, чечевицей, горохом, различными крупами, рисом. Большое значение придавалось фруктам (гранат, айва, инжир, яблоко), сухофруктам, орехам, разным видам изюма, смеси жареных зерен конопли и пшеницы – *ахандз*. Ось праздничной трапезы и, отчасти, ритуалов, составляли печенья. Накануне праздника обновляли хлеб и дрожжи, первым кислым тестом выпекали небольшую лепешку и давали детям, «чтобы их живот в течение года не болел». Затем пекли новый хлеб, а вместе с ним также ритуальный *tari hac* ‘ (букв. хлеб года), *krkeni* с антропоморфными, зооморфными, растительными или астральными рисунками. В тесто запекали монетку или пуговицу для гадания кому выпадет на удачу.

Пекли также хлебцы в форме коров или сосков коровы, овец, плуга, ножиц, подковы, молотка и других орудий труда. Рано утром новогодними хлебцами кормили домашний скот и кур. Помимо хлеба и воды, обновлялся также огонь. Во многих местах с первого января до Рождественского вечера в очаге беспрерывно горело большое полено, куски угля и золы которого «хоронили» в полях с целью получения богатого урожая и предотвращения града. Январский новогодний праздник плавно завершался Рождеством.

Рождество и Богоявление, Крещение (водосвятие) (*Cnund ev astvacahayntutyun, jrorhnek*‘). Ранние христиане отмечали Рождество Христова 6-го января. В V в. этот праздник был перенесен на 25 декабря с целью заменить шумный и веселый праздник Митра на христианское Рождество, а дата Крещения была зафиксирована за 6 января. ААЦ отмечает Рождество и Крещение в ночь на 5–6 января, которое у восточных армян известно под общим именем *jrorhnek* ‘ (букв. крещение воды, водосвятие), западные армяне больше употребляли название Рождество; нередко его называли также малой Пасхой. Народное празднование Рождества составлял рождественский ужин, состоящий главным образом из рыбных блюд (вареных, жареных), рыбного пирога в сопровождении разных пловов – рисовых, крупяных, из *аришты* и прочих, а также супа из особой зелени, известной как «косы Мариам» или «трава Мариам». Так как вечерней трапезой Рождественский пост завершался, то основные блюда готовили на чистом животном масле, чаще всего сливочном, и ужином разговлялись.

Вечер наполнялся красочными посещениями колядующих, которые с веселыми песнями ходили по домам, причем за ночь в дом с поздравлением могли прийти десятки групп, а что их одаривали мукой, яйцами, фруктами, печеньем, орехами, монетами. Рождественские колядки – *Avetis* (Благовестие) в разных регионах слагались на местных диалектах, многое импровизировалось, но тема была общая – Благая весть о Рождении Иисуса, поздравления и пожелания добра семье и дому. Существуют сотни *аветисов*, каждый из которых отличается богатыми эпитетами, историческими или мифическими сравнениями. Рождественской ночи приписывался целый ряд магических и

Виды новогоднего обрядового печенья
Фото из личного архива Гр. Харатян-Араке-
лян

священных свойств, особенно рожденным в эту ночь детям, которые, как считалось, были наделены даром предвидения. По поверьям, в полночь на миг останавливались течения вод, и в этот миг по желанию владельца любой предмет в воде мог превратиться в золото. Считалось также, что в эту ночь при нырянии в ледяную воду бесплодные женщины получают дар оплодотворения (*Харатян-Аракелян*, 2005. С. 49).

На следующий день, 6-го января, армяне праздновали Крещение (Водосвятие).

Сретение (*Tyar ənd aʀaĵ*, *Trəndez*). Христианский смысл праздника общеизвестен: на сороковой день после рождения Иисуса Христа, 13-го февраля, его земные родители Мария и Иосиф отправляются в храм, чтобы представить младенца Господу. Именно поэтому в армянской традиции праздник называется *Tyar ənd aʀaĵ* (букв. Навстречу Господу). Армянская церковь со временем увязала древний дохристианский праздник, связанный с культом солнца, огня с христианским праздником Сретение Господне; в народе же он известен как *Trəndez* (со многими локальными вариантами).

Народные обряды праздника концентрировались вокруг костра, сжигаемого у церквей

Обрядовое новогоднее печенье *васил-басил*

Фото из личного архива Гр. Харатян-Араке-
лян

и домов, в частности там, где имелись новобрачные и обрученные. Считалось, что со Сретением заканчиваются «сороковины зимы» (Чолакян, 1988. С. 104), и предвещается наступление весны, в связи с чем в народе говорили: «Наступило большое тепло» (Мхитарянци, 1901. С. 258). Главный костер зажигали вечером во дворе церкви и все молодожены данного года участвовали в важном церемониале «сжигания зимы» (Лалаян, 1988. С. 447; Лисициан, 1981. С. 70). С этим общественным костром – его огнем, горящими головнями, золой, пеплом – были связаны приметы и гадания (с приговариванием благопожеланий) о хозяйственной жизни общины в целом и каждой семье в отдельности (о богатом урожае, обильном молоке, изгнании нечисти на полях, благополучии садов и полей, домашнего очага, хлеба, амбаров для муки, живности и т.п.), а также отдельных ее членов (избавление женщин от бесплодия, исполнение желаний молодежи о красивом суженом, облегчении родов, избавлении от малярии, лунной болезни у детей и пр.). От общего костра односельчане зажигали малые костры во дворах своих домов, головнями чертили крест над дверьми и *ердиком* против злых духов. Новобрачные, обходя вокруг горящего костра, прыгали через него, очищаясь пламенем. Затем через костер прыгала старшая женщина дома с тем, чтобы «ее дом очистился от нечисти», за ней – поочередно все желающие, в частности женщины в «сорокодненье» с новорожденным ребенком на руках, бесплодные, больные и прочие, вслух загадывая желанья. Сретенский костер «срезал» все сороковины – родовые, послесвадебные, поминальные (Лалаян, 1983. С. 280; Галустян, 1988, С. 336), очищал от нечисти, болезни, защищал на весь год от укуса змей, скорпиона, удара молнии, сглаза.

По народным воззрениям огонь от сретенского костра сжигает злых духов, дэвов и прочую нечисть, а зола от костра – появляющееся на Сретение в доме незримое существо – *швот*. Считалось, что рожденный в сретенский вечер ребенок, как рожденный «вместе с огнем» будет очень непослушным и ярким (Тер-Минасян, 1904. С. 98).

Праздник Св. Саргиса (Surb Sargisi ton). Подвижный праздник Святого Саргиса отмечается в промежутке от 18 января до 23 февраля, в воскресенье, ровно на 64-й день до Пасхи данного года.

В армянском фольклоре и в канонической религиозной литературе существует множество стихов и песен, посвященных Саргису. Народ приписывал ему множество способностей: укрощать небесные стихийные силы (гром, молнии, ветры), бушующее море, обеспечивать победу во время войн, освобождать пленных, преследовать и отгонять дэвов и пр. Этот добрый Святой активно помогал больным, беременным, заблудшим на дорогах, в особенности в плохую погоду путешественникам, «завязывал» пасть хищников или превращал их в камни, тем самым спасая заблудших животных и т.д. Он также верный солдат, победивший врагов (в разных преданиях это – римляне, греки, грузины, в стихах также арабы, турки). Особой его защитой пользовались влюбленные (Харатян-Аракелян, 2005. С. 263–270). Св. Саргис был знаменит, что молниеносно мог реагировать на просьбу о помощи, но активизировался он особенно в январе-феврале, в месяцы сильных ветров и пурги. Обо всех способностях Святого существуют предания, в которых рассказывается о тех или иных деяниях. Этот добрейший святой никогда не судил, не

карал, всегда был готов помочь, но требовал уважения к себе, что должно было выражаться в верности соблюдения поста в его честь.

Пост Святого Саргиса длился пять дней, с понедельника до пятницы, причем отличался от других. В эти дни были запрещены не только продукты животного происхождения, но также крупы, *похиндз*, в частности *хашил*. Поэтому этот пост иногда называют пост *хашила*. В пятницу вечером разговлялись исключительно *похиндзем*, смешанным с медом либо с *дошабом* в виде небольших шариков. Кульминацией праздника была ночь с пятницы на субботу, когда ожидали посещения самого Святого, который мог заходить в дома и тем самым осчастливить семью. Для этого во всех домах на видном месте на ночь на большом подносе выкладывали выровненный, гладкий слой *похиндза*, чтобы Святой оставил знак своего пребывания – след от подковы коня, что могло стать поводом для большого семейного торжества. Молодежь же на ночь съедала соленые блины с тем, чтобы во сне увидеть суженого; наутро истолковывали сны в зависимости от того, кто и как (в какой кружке) подаст выпить воды. Рано утром из оставленного на ночь на подносе *похиндза* готовили *хашил*, и говение заканчивалось его поеданием. Матери взрослых девушек готовили его с песнями-просьбами к Святому о «солнечном, светлом женихе».

Масленица (*Barekendan*). Яркий внецерковный праздник *Барекендан* (букв. Оживление плодов) начинался на следующий день, в понедельник. Уже в самом названии этого праздника, а также в характере его проведения отразилась идея обновления, а приуроченность его к переломному моменту в жизни природы свидетельствовала о вере в то, что это возрождение могло наступить только в результате полного отказа от всего старого и привычного. Поэтому армяне, как и другие земледельческие народы, на время этого праздника нарочито отказывались от всякого рода социальных норм и ограничений, принятых в обыденной жизни в отношениях между представителями разных возрастных групп, полов, сословий и т.д. Праздник отличался наибольшей активностью и свободой всех участников – мужчин и женщин независимо от возраста, наименьшими условностями социальных отношений, наименьшей религиозностью. Игры, зрелища, танцы, не умолкающая музыка, трапезы на открытом пространстве, на гумнах, театрализованные представления, спортивные состязания и прочее. чередовались одно за другим или шли параллельно. Почти на две недели открывалось множество возможностей для творческих натур. В праздничные дни Масленицы полагалось пить и много и сытно есть, при этом специальных ритуальных блюд не было. Зато поражает обилие и разнообразие мясных, молочных, жирных блюд. В некоторых регионах Армении их количество увеличивалось по дням по возрастающей до 12. Совместно ели, пили, пели, острили богатые и бедные, старые и молодые, мужчины и женщины, чиновники и крестьяне. Трапезы прерывались группами весельчаков, организующих самые разнообразные развлекательные, комедийные представления. Народный театр гротескно представлял судебные процессы, исторические, социальные темы, высмеивал общественные пороки и т.д. Кульминацией масленичных представлений были карнавальные инсценировки на темы «хан», «паша», «шах», «рес» и пр. Сюжеты со всей очевидностью иллюстрировали народные представления о справедливых и идеальных социальных и семейных отношениях. Все представления строи-

лись в комедийном жанре, смех и шутки должны были вызывать все персонажи. Роли исполняли молодые мужчины, шутовски ряженные в хана (пашу), секретаря–мирза (или везирь), лысого-кеоса и товарищей. «Во время игры дозволялись всякого рода шутки, насмешки, колкости. Обижаться никто не смел» (Лисициан, 1955. С. 262, 263). В дни *Барекендана* подобные представления устраивались ежедневно. Даже в монастырях разыгрывались сцены из монастырской жизни, высмеивались пороки священников. В играх и представлениях менялись социальные роли, иерархия отношений сменялась на горизонтальные: послушник, писец и епископ вместе веселились, высмеивали друг друга, танцевали, пели, пили.

Танцы начинались с первого дня и в разгар праздника иногда танцевали все – молодые, старые, дети (Саргсян, 1931. С. 22, 23). Групповые танцы окружали кварталы, поселение. С раннего утра до поздней ночи, а иногда всю ночь играла музыка, пирующие и танцующие сменяли друг друга без приглашения.

Параллельно с пирами и танцами с каждым днем все больше и больше становилось игр и состязаний. В одной группе вместе в играх участвовали пожилой священник, торговец, старик, молодой ученик, любой желающий. Играли женщины и мужчины, от мала до велика. Смех и веселье продолжались две недели, чередуясь со свадьбами, так как с окончанием Масленицы начинался Великий пост.

Последний день *Барекендана* в некоторых регионах завершался танцем стариков и старух под напев особой песни о посте и предстоящей Пасхе, когда наступят веселые дни дети опять смогут вдоволь кушать и пить (Лалаян, 1898. С. 253; Алпояджян, 1937. С. 1763; Чаникян, 1895. С. 425). Молодежь готовила большую куклу – *утис тат* в виде женщины, «бабку-скоромницу» и, поднимаясь веселой гурьбой на возвышенность, ударами палок выгоняла ее и бросала в пропасть. Бедная «бабка-скоромница» убегала от «деда поста», который должен был «прийти» на следующий день после Масленицы и начать Великий семинедельный пост, восстановив строгие порядки в семье и обществе.

Великий пост (*Mec pas*). Всеобщее беззаботное веселье и смех прерывались сразу, с наступлением семинедельного Великого поста. Как начало новых отношений, новой жизни, первый день Великого поста знаменовался «обновлением» отношений – это был день примирения, установления мира и согласия. Все, от мала до велика, отправлялись в церковь. Духовное очищение сопровождалось физическим. Убирались в домах, хозяйственных помещениях, мыли всю посуду, стирали одежду. Все окна и двери оставляли открытыми и старались отогнать накопившихся после Нового года злых духов – *швот*, *алк* и пр. (Ниманд, 1941. С. 69). Затем обновляли очаг и старались в течение поста не дать огню погаснуть.

Великий пост в некоторых местах начинался танцем стариков. Женщины в этот день не плясали: «...не пристало женщинам танцевать в святой день, стыдно» (Хачатрян, 1975. С. 51). Во многих регионах Западной Армении Великий пост олицетворялся персонажем *Axaloč'*, *Axəloč'*. Одетый в вывороченную наизнанку шубу, подросток, изображавший старика с черным от сажи лицом, белой бородой и в папахе, с большой палкой, колокольчиками на поясе и с пением о семи неделях воздержания с группой сверстников обходил

дома, изображая свою «смерть» и «воскрешение». Воскресший *Ахылоч* затем с палкой гонялся за людьми, пугая детей. При выходе из дома домашние обливали его водой (*Бдоян*, 1972. С. 450).

Вечером того же дня *Ахылоча* заменял его предметный символ – мужская кукла в виде старца со строгими чертами лица, длинными усами и бородой, с растопыренными пальцами, от которых на нитях висели камушки, а на единственной ноге – луковица с семью перьями. Кукла эта, имеющая целый ряд локальных наименований, наиболее распространенным из которых был *Aklatiz*, в течение семи недель висела под потолком, строго «следя» за соблюдением воздержаний поста в еде, отношениях между людьми и пр.

Каждую неделю из *аклатиза* выдергивали по одному перу, и конец «царства деда» приходил с окончанием поста, накануне Пасхи, когда домохозяйки разрезали луковицу на части и бросали в амбар, а уже проросшую зеленую часть клали в пасхальное блюдо. Куклу же молодежь со злорадством выгоняла или «умерщвляла» палками, а в некоторых местах ее остатки бросали в воду (*Григорян*, 1983. С. 245; *Саргсян*, 1932. С. 22, 23).

В шестое воскресенье Великого поста праздновали Вербное воскресенье – *Carzardar* (букв. Украшенное деревьями) или *Calkazard* (букв. Украшенное цветами). Это был светлый, веселый праздник с активным участием молодежи. С этого праздника вместе с последующей Страстной неделей до Вознесения нарастали обряды аграрных культов со множеством ритуалов плодородия, деторождения, любви. Вербное воскресенье и Страстная неделя были наполнены также библейскими, евангелическими сюжетами последней недели жизни Иисуса Христа на земле.

Празднование Вербного воскресенья начиналось в ночь с субботы на воскресенье в церкви, убранный молодыми ветками ивы. Здесь царили шутки, поздравления со скорым исходом Великого поста, нередко прямо в церкви в эту ночь случались помолвки. Из церкви люди уходили с зажженными свечами и с освященными ветками ивы, магическая сила которых затем применялась в различных ситуациях. Все воскресенье поздравления продолжались в виде молодежных посещений с песнопениями, одариванием ветками, играми, хождением по полям с призывом проснуться земле от зимней спячки.

Дни Страстной недели отличались определенной спецификой. В понедельник старались на мельнице смолоть зерна в свежую муку, но важнее всего были среда и четверг. Среда была известна всевозможными обрядами, направленными на изгнание, уничтожение нечисти, плохого, злого. Четверг, напротив, считался добрым, все начинания этого дня были обречены на удачу. Потому в этот день сажали деревья, пекли хлеб, собирали много молодой зелени, в частности – мяту, дарили ее друг другу и т.д. Было принято в четверг есть молодую, свежую зелень. В этот четверг начиналось хождение молодых девушек на поля для сбора дикорастущих трав и цветов, которое практически с этого дня до Вознесения, более сорока дней, не прекращалось (*Харатян-Аракелян*, 2005. С. 130). Предохранительная магия принимала разнообразные формы в особенности в пятницу Иуды. Так, например, против сглаза вышивали разные орнаменты; на рассвете, «пока тьма и свет не встретились», все кузнецы молча в кузнице трижды (либо семь раз) молотком ударяли на наковальне (*Лалаян*, 1983. С. 286), в этот день они и серебряных дел мастера продавали изготовленные ими разных форм амулеты (кольца, браслеты и пр.) –

урбатарур (букв. сделанный в пятницу). В эту пятницу свои отличия имела и пища: она состояла из кислых, горьких, острых блюд.

Существовали также обычаи так называемого народного христианства. В этот день запрещалось опускаться на колени, креститься, так как «Христос на кресте», нельзя было взаймы брать и давать деньги («Христа предали ради денег»), использовать молоток («гвозди Христа забили молотком») и пр. (*Лалаян*, 2004. С. 246; *Лалаян*, 1988. С. 200).

Пасха (*Zatik*). Пасху – *Zatik* армяне отмечали и отмечают в следующее воскресенье после полнолуния, наступавшего после весеннего равноденствия; попадает она между 21 марта и 25 апреля. Этот праздник продолжал традиции архаического праздника Нового года, хотя он, конечно, давно уже не воспринимался как Новый год. Новогодние традиции отражались в общественных жертвоприношениях с целью всеобщего благополучия, в восстановлении равновесия общественных отношений, в том числе мужской и женской общественных и семейных функциональных ролей (ритуал изгнания *Аклатиза* и возвращения «бабушки»), с возвращением к принятым нормам жизни.

В субботу женщины занимались приготовлением праздничных блюд, крашением огромного количества яиц (в основном в красный цвет, но были также орнаментированные), молодежь – вышиванием и вязанием маленьких мешочков для пасхальных яиц, а также «изгнанием» *Аклатиза*, мужчины – организацией общественного жертвоприношения (сбором денег, муки и т.д.).

В ночь с субботы на воскресенье никто не спал, чтобы не лишиться судьбы, которая, как считалось, раздается на Пасху. Ночью начинались праздничные игры и танцы у костров, на которых в больших котлах варилось пасхальное общественное жертвоприношение – *ахар*. Играли все – дети, молодые, взрослые, женщины, мужчины. Пасхальные игры были связаны с катанием, битьем, кручением яиц (иногда до 200–300 штук) и пр. Все поля краснели от скорлупы выкрашенных яиц. После утренней службы, при выходе из церкви каждый получал свою долю от пасхальной жертвы и благославлял словами «пусть в этом году наши амбары будут полными зерном и мукой, поля – в изобилии». Только после поедания *ахара* начинались праздничные посещения. Мужчины выводили на зеленеющие поля домашний скот с красными праздничными повязками или выкрашенными в красный цвет рогами, что связывалось с идеей плодородия (*Саргсян*, 1965. С. 53). При хорошей погоде праздничные трапезы продолжались на полях, у родников и сопровождалась состязаниями, играми, танцами. С этого дня одетые в пасхальные красно-зеленые цвета девушки и парни не прекращали танцы целых три недели, ибо последующие после Пасхи Красное и Зеленое воскресенья были ее органическим продолжением. В эти воскресенья совершались большие паломничества к священным местам, в монастыри и церкви, носящие имена Святых Саргиса, Акоба, Геворга, Карапета и других, куда и переносилось празднество.

Вознесение Господне (*Hambarjum*). В народе праздник Вознесения Христово известен под названиями *Вичак* (букв. «жребий») или *Катнапури тон* (букв. «Праздник молочной каши»), но также употреблялось официальное название *Hambarjum* (букв. «вознесение»). В отличие от других праздников, в день *Амбарцума* животных в качестве жертвоприношения резать не полагалось. В этот день скот, особенно молочный, а также быков – помощников

земледельцев – с ног до головы украшали цветами. Это было очень красочное зрелище, когда по полям и по селениям шествовали украшенные цветами животные в сопровождении большого числа молодых пастухов, также украшенных цветочными гирляндами и с букетами на руках.

Отмечался праздник в сороковой день после Пасхи, всегда в четверг. В народе этот праздник ассоциировался с праздником роста цветов. Накануне, со среды начинались гуляния девушек и молодых женщин по полям, горам. Чаще группами, в составе семи человек, они выходили для сбора семи цветов, листьев семи деревьев, а также воды и камушек из семи источников. В разных регионах процесс сбора имел свою специфику: в одних местах женщины спозаранку ходили молча, прячась в особенности от мужчин. При встрече с ними они бросали собранные цветы, выливали воду и начинали сбор заново. В других местах, напротив, группы шли с пениями, воспевая те родники, горы, поля, откуда они должны были собрать необходимые компоненты, воспевая свою молодость, задор, прыткость и высмеивая добивающихся их расположения парней. Особой таинственностью обставлялся процесс сбора воды: девушки молча тайком «воровали» воду из источника, затем, бросив в него несколько камушек, так же молча, не оглядываясь, быстро возвращались, не ставя кувшин на землю (Абебян, 1975. С. 56). Сбор заканчивался к полудню и завершался плетением венков, но главное – приготовлением кувшина для завтрашней жеребьевки. Наполняли этот кувшин собранной водой, цветами, камушками, листьями, делали букеты, сопровождая этот процесс пением – воспеванием священных цветов. Этот наполненный кувшин должен был впитать всю священную мощь луны, волшебной майской ночи (по поверьям «должен сосчитать звезды») и рано утром освятиться утренней росой.

Ночь со среды на четверг была ночью любовных ожиданий и раскрытия тайных сил. Женщины в эту ночь собирали в полях лечебные травы. Многие в полночь купались, так как, согласно поверью, в эту ночь капли бессмертия рая падают в течение вод, и при купании люди смогут вылечиться от любого недуга. Это была также ночь гаданий на жизнь, любовь, благополучие. К утру собирали ночную росу, ею умывались, мыли волосы, капали в кувшины для воды, молока, в сосуды для хранения сыра, масла, в амбары с мукой. Все молодые, в особенности бесплодные женщины, босиком ходили по мокрой от росы траве. К полудню все население выходило в поля, к источникам, зелени, где молодежь уже устраивалась для «снятия жребия». Девушки пели куплеты, в которых предсказывалось будущее тех, чьи предметы «невеста жребия» вынимала из кувшина. Существуют тысячи куплетов, в основном любовные, лирические, проникнутые тоской и надеждой, радостные и грустные. Зачастую они сочинялись экспромтом, наиболее удачные из них распространялись и получали новое развитие. Возвращались домой уже в сумерках, счастливые, уставшие, и опять-таки с пением. В этой песне, имеющей различные варианты, утверждалась готовность сделать все возможное для благополучного исхода хозяйственного года. От Амбарцума до следующего праздника – Преображение Господне – паломничества прекращались: считалось, что «святые в это время вознесены».

Преображение Господне (Vardavar). Праздник отмечался на 98-й день после Пасхи, в интервале 35 дней в воскресенье с конца июня или в течение июля. Восходя корнями к дохристианскому празднику, посвященному богине

красоты и покровительнице вод Астхик и впитав многие элементы праздника богини плодородия и материнства Анаит, возможно, также элементы древнего Нового года – Навасард, *Вардавар* в течение многих веков не только сохранил архаические доминанты, но также обогатился функционально различными компонентами. Многие исследователи трактуют этимологию слова *Вардавар* от хеттского *vadar* (вода) и *arr* (обрызгивание) (Капанцян, 1948. С. 82), связывая его «с магией вызывания дождя в самое засушливое для Армении время года» (Лисициан, 1955. С. 264). Некоторые исследователи, однако, в названии Вардавар видят корень «вард» – роза. И вода, и *вард*, вообще цветы играют важную роль в этом народном празднике.

Вардавар обычно начинался в ночь с субботы на воскресенье. Многие верхом или пешком отправлялись в горы, к источникам, соборам, церквям. Находящийся в Тароне (Западная Армения) монастырь Св. Карапета был самым излюбленным местом для паломников на *Вардавар*, но из отдаленных мест его посещали в основном либо бездетные, ибо этот святой был известен мощью оплодотворения, либо люди с творческой натурой, поскольку Св. Карапет «одаривал» музы. Ночью молодежь организовывала соревнования в песнопении. Всю ночь девушки и парни пели и танцевали вокруг костров, то высмеивая, то нежно воспевая друг друга; в ночь *Вардавара* обычно закладывалось начало новой любви. На утренней заре уставшая от танцев и пения счастливая молодежь отправлялась на поля для сбора цветов, которыми они украшали себя, свои дома и скот. В этот день в разукрашенной цветами церкви освящали пучки пшеницы в надежде защитить поля от града и саранчи. Этот обычай в связи с поклонением богине Анаит упоминается Агатангелосом еще в IV в. Пучки пшеницы – *хаџ'буџ'* часто вязали в очень красивые формы и одаривали ими друг друга. Некоторые плетения *хачбура* напоминали фигуру женщины. Не исключено, что в них был «скрыт» образ богини Анаит, запрещенной официальной церковью. В некоторых регионах готовили большие куклы с женской фигурой и ходили с ней, обливая ее водой.

Гуляния затем продолжались у водных источников, где совершались жертвоприношения. Здесь начинался другой важный компонент праздника – обливание водой, обрызгивание, купания. Обливали все и всех – стариков, детей, женщин, мужчин, а также скот. Гуляния на *Вардавар* сопровождалась играми, спортивными состязаниями, конными соревнованиями. Среди них особой популярностью, в частности в Ване (Западная Армения), пользовалась борьба *hАйка* и *Бела*, которая неизменно заканчивалась победой прародителя *hАйка*.

Успение Св. Богородицы (*Mariam Astvacacin*). Освящение винограда (*Хаџоџhнек'*). На воскресенье в середине августа приходился праздник Успения Святой Богородицы – один из восьми праздников, посвященных армянской церковью Марии Богородице (арм. Мариам Аствацацин). Из всех праздников Богородицы именно Успение наиболее известно народу скорее всего потому, что в армянской народной традиции функции дохристианской богини материнства и плодородия, покровительницы женщин и земледелия Анаит перешли к Богородице, а праздники в честь нее были летними. Праздник отмечается народными гуляниями. В день Успения шли в церковь с гроздьями винограда для освящения нового урожая. Поэтому этот праздник в народе известен как «День освящения винограда»: только после этого ви-

ноград разрешалось есть. Нередко священники сами выходили в сады для освящения винограда и при окроплении мирром произносили молитвы. Грозди освященного винограда затем оставляли у родников и *хачкаров*, «чтобы небесные птицы тоже приобшились к земной благодати» (*Тер-Минасян*, 1904. С. 157). На местах паломничества гуляния превращались в массовое веселье. Отправлялись большими группами, чаще пешком, обычно ночью, чтобы рассвет встречать в священных местах, находящихся в несколько десятков километров от поселений.

Воздвижение Св. Креста – Хачверац (Хаճ՛ւերաճ՛), Сурб хач (Surb Хаճ՛). В ближайшее к 14 сентября воскресенье Армянская апостольская церковь отмечает один из четырех праздников, посвященных Кресту. В XIX – начале XX в. празднование «Воздвижения Креста» у армян сводилось в народе к посещению могил усопших родных на кладбищах. В народной традиции название праздника известно как *Səb Xeճ՛* (букв. Святой крест) и/или *Ulnoc՛*: последнее название – *Улноц* – в ряде регионов закрепилось за праздником в связи с обычаем приносить в этот день в жертву годовалого козленка – *ul*.

В старину на *Срб хеч* было принято совершать паломничества к священным родникам, деревьям, монастырям, обителям и прочим святыням (*Тер-Минасян*, 1904 С. 160, 161). Однако в начале XX в. паломничества уступили место посещению кладбищ. Там же, у надгробных камней, на скатерти раскладывали праздничные блюда и, угощая друг друга, поздравляли с праздником. Этот праздник с народными воззрениями «примирить» жизнь и смерть или перенести на один уровень отношение к смерти и жизни на осень, к периоду «зрелости года», завершал годовой праздничный цикл.

Современность. В формировании современного армянского праздничного календаря значительную роль сыграла политика трех государственных образований: Первой Республики Армения (1918–1920 гг.), Армянской Советской Социалистической Республики (1920–1991 гг.), и Третьей Республики Армения (с 1991 г.), которые отличались одно от другого не только политической структурой, но и отношением к религии (*Мкртчян*, 2010. С. 126).

Вплоть до начала XX в. распространенными праздниками в традиционном армянском быту оставались Новый год, Рождество и Крещение Христово, Св. Саргис, Сретенье, Масленица, Вербное воскресенье, Пасха, Вознесение Господне, Преображение Господне, Успение Богородицы, Воздвижение Креста. Каждый из них представлял собой микрокомплекс устоявшихся обрядов и обычаев, включающих соответствующий церковный ритуал, традиционные верования, жертвоприношения, застолья с обрядовой пищей, игры, взаимные поздравления с посещениями друг друга и другими формами оказания уважения и пр. Существовала определенная, сформировавшаяся система празднеств, которая, несмотря на локальные особенности, носила всенародный характер (*Мкртчян*, 2010. С. 5). До начала XX в., ввиду продолжительного отсутствия национальной государственности, основной хранительницей традиционных праздников являлась Армянская апостольская церковь.

Созданная в 1918 г. Первая Республика Армения, будучи национальным государством, стала главным гарантом сохранения национальной культуры в целом и праздников, в частности. Она сумела не только создать благоприятные условия для сохранения и распространения традиционных праздников, но и сформировала собственную систему государственных праздников,

в основном на базе религиозно-традиционных, а также новых праздников светского характера.

В начале XX в. период подъема национального самосознания среди армян продолжали бытовать многие из традиционных праздников.

Они, вместе с праздниками, посвященными Святому воинству Вардана, Святым Переводчикам и Григору Просветителю и другим были утверждены как государственные праздники «Советом Армении» в январе 1919 г. (Закон о праздничных днях, 1919).

Государственные праздники Первой Республики Армения:

Новый год
Рождество и Крещение Христово
Сретенье
Вардананц
Масленица
Заточение Просветителя в Хор Вирап
(букв. «глубокую яму» – С.М.)
Пасха
Вознесение
Праздник Святых Переводчиков
День Великой русской революции (12 марта)
День открытия Парламента Республики Армения
(1 августа)
День трудящихся (1 мая)

В период Первой Республики отмечались как традиционные, так и новые праздники, связанные с государственно-политическими знаменательными событиями национального и международного значения (*Агазаян*, 1919. С. 4; Празднование Первого мая в Ереване, 1924 и др.).

Показательно, что в календаре праздников, утвержденных Первой Республикой, было отведено место также и для других этнических групп, проживающих в Армении. Государством были установлены праздники для русских (Благовещение, Успение Богородицы, Воздвижение Креста, Праздник Николая Чудотворца, дни апостола Павла и Иоанна Крестителя, Рождество Христово и Крещение, Масленица, Пасха и Вознесение), а также для мусульманского населения (азербайджанских татар), среди которого наибольшей распространенностью отличались торжества, приуроченные к Новруз Байраму и ко дню памяти Имама Хусейна (праздник «Мухарама») (*Мкртчян*, 2007. С. 141, 142). Подобная структура праздничного календаря Республики – свидетельство демократического характера новосозданного армянского государства, отражающего реальное состояние этнополитической картины страны. Наличие в государственном календаре Армении русских религиозных и гражданских праздников было обусловлено как проживанием в республике этнического массива русских, так и традицией политических, религиозных, экономических и культурных связей с Россией.

С установлением советской власти в Армении система армянских праздников вступила в новую фазу эволюции, которая характеризовалась открытой нетерпимостью со стороны государства к традиционно-религиозным праздникам. Государственная политика их преследования была наиболее

жесткой на первоначальном этапе в 1920–1930 гг. В результате смены власти в Армении в 1920 г. изменилась также система праздников, был упразднен государственный праздничный календарь Первой Республики Армения. Новые праздники почти всецело были связаны с идеологией международного революционного движения и включали: День 9 января 1905 г., День падения самодержавия (12 марта), День Парижской коммуны (19 марта), День Интернационала и коммунистического движения в Армении (1 мая), День пролетарской революции (7 ноября), День социалистической революции в Армении (29 ноября). В новой редакции праздничного календаря, согласно решению Рабнаркома от 14 января 1921 г., были установлены также нерабочие дни. Из традиционно отмечаемых оставался лишь Новый год (*Мкртчян, 2007. С. 143*).

Несмотря на антирелигиозную направленность советского государства и вытекающую из нее политику преследования национально-религиозных ценностей, традиционные праздники, имея довольно глубокие корни, продолжали сохраняться в армянской действительности. Бытовали почти все традиционные элементы этих праздников: паломничества, жертвоприношения, ритуальная пища, застолья, увеселения и т.д.

Принимая во внимание значимость традиционных праздников в народном быту, в праздничном календаре Советской Армении вскоре были сделаны частичные дополнения. Согласно Постановлению «О дополнении к праздничным дням» (от 16 января 1921 г.) вместе с упомянутыми выше праздниками в календарь были включены также Новый год и следующие традиционно-церковные праздники: Рождество и Крещение Христово, Сретенье, Масленица, Пасха, Благовещение, Вознесение, Преображение Господне, Праздник Саака и Месропа. Все они объявлялись нерабочими (праздничными) днями, причем по два дня отводилось празднованию Рождества и Крещению Христову и Пасхи, остальным – один нерабочий день (*Мкртчян, 2007. С. 143*). Следует, однако, отметить, что указанное Постановление носило скорее формальный характер и продержалось недолго.

В дальнейшем в праздничном календаре Советской Армении почти всецело преобладали праздники не традиционные, а советского и революционного характера.

Государственные праздники Советской Армении

(согласно постановлению Верховного Совета СССР от 1.10.1980 г.)

Новый год	1 января
Международный женский день	8 марта (нерабочий день)
День рождения В.И. Ленина	22 апреля
Международный день солидарности трудящихся	1 мая (нерабочие – 1 и 2 мая)
День Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.	9 мая (нерабочий день)
День Конституции	7 октября (нерабочий день)

День Великой Октябрьской Социалистической революции	7 ноября (нерабочие – 7 и 8 ноября)
День установления Советской власти в Армении	29 ноября

В советское время происходило постепенное забвение традиционных праздников, что было, в частности, обусловлено политикой отвержения их религиозно-церковных элементов. С целью вытеснения этих праздников из быта часто организовывались мероприятия антирелигиозного характера – лекции, шествия, митинги, театрализованные представления. Советское государство со всем своим идеологическим арсеналом было главным организатором борьбы против национальных традиционно-религиозных праздников всех народов, проживающих на территории СССР. Для вытеснения из быта религиозных праздников, олицетворяющих старое мышление, в противовес им искусственно создавались новые, по форме и срокам проведения схожие с традиционными. В частности, это касалось Рождества Христова, которое призвано было заменить «Красное рождество» (самым распространенным элементом был обряд «Красного» крещения), Пасхи и др.

В празднично-ритуальной обрядности церковь и ее служители постепенно отчуждались от народа. Антирелигиозная политика государства сопровождалась всеобщей кампанией закрытия церквей и преследованием духовных лиц, что приводило к прекращению исполнения традиционных церковных ритуалов (литургия, молебен, молитва, причастие, покаяние, венчание, крещение, отпевание).

Основной сферой бытования традиционных праздников, причем нередко в завуалированной форме, у армян оставалась родственно-соседская среда и особенно семья, которая также не избежала запретов со стороны государства: речь идет о приготовлении ритуальной пищи, продаже праздничных подарков, елке, поздравительных визитах и т.д.

Даже в этих условиях, вместе с Рождеством и Воскресением Христовым, в быту армян еще сохранялись основные религиозно-традиционные праздники и обряды: Св. Саргис, Сретенье, Преображение, Вознесение Господне, Успение Богородицы, Воздвижение Креста, а также Великий Пост.

Что касается Нового года, то он, оставаясь самым распространенным и любимым праздником, в первые годы советской власти также отвергался большевистскими теоретиками как связанный с христианством «ничего не значащий праздник для ума и чувств пролетариата», строящего новый общественный строй. Взамен предлагался праздник Начала года, который был бы связан с «самым знаменательным моментом истории революции» (*Мкртчян*, 2007. С. 144).

Следует отметить, что материалы о соблюдении традиционных и внедрении новых советских праздников находили широкое освещение в армянской периодической печати тех лет, в частности на страницах газет «Анаствац» («Безбожник»), «Мачкал» и др. (Что мы должны делать в противорождественскую кампанию. 1929. С. 11, 12; Как прошла антирождественская кампания в городе. 1931. С. 17; Комсомольская Пасха. 1924. 17 апр.; *Наапетян*, 1929. С. 17; *Ниманд*. Вардавар, 1930. С.17; *Ниманд*. Великий пост. 1929.

С. 5, 6; *Ниманд*. Воскресение Христа. 1929. С. 21; *Ниманд*. Праздник Богоматери. 1929. С. 21; *Ниманд*. Хачверац. 1928. С. 3–8 и др.).

В советский период из нововведенных праздников особенно выделялись 1 мая и 8 марта, которые, несмотря на революционно-пропагандистские задачи, утвердились как государственные праздники в армянской праздничной системе и постепенно вошли в народный быт.

В годы Второй мировой войны наблюдалось определенное оживление традиционных обрядовых действий праздничной системы. Судьба ушедшего на фронт солдата стала главной заботой его родных. Исходя из своего традиционного мышления, они молитвами, возжиганием свечей, паломничествами, жертвоприношениями и прочими подобными традиционными действиями пытались уберечь его от неминуемой опасности на фронте.

В послевоенные и последующие годы в результате продолжающейся антирелигиозной политики и усиливавшихся процессов урбанизации ускорился упадок традиционных праздников. В этот период во всем бывшем СССР переживали подъем советские государственные праздники, воспринимавшиеся как символы военной и экономической мощи государства. Эта же тенденция наблюдалась и в армянской среде. Тем не менее ряд традиционных праздников, несмотря на государственную политику, продолжали сохраняться, особенно среди сельского населения различных этнографических районов. Их главным носителем выступало старшее поколение, причем нередко в большей степени – женщины. Среди же молодежи и отчасти среднего поколения, воспитанных на советских ценностях, даже в 1980-е годы традиционные праздники имели низкий престиж (*Мкртчян*, 2007. С. 151, 152). Что касается религиозно-традиционных праздников, то за исключением Нового года, Пасхи и, частично, Преображения Господне, их бытование было незначительным. Уже в начале 1980-х годов самыми распространенными были советские общегосударственные праздники, имеющие десятилетнюю историю.

Степень соблюдения традиционных праздников неразрывно связана с различием поло-возрастного состава, социально-профессиональных и миграционных групп, что наглядно показали исследования столицы Армении в конце 1970-х годов. Социально-экономическое развитие Еревана за годы советской власти было связано с активным притоком мигрантов, среди которых значительную долю составляли сельские мигранты (из сел Армянской ССР, других республик СССР и зарубежных стран), которые, как известно, являются носителями национальных традиций и сильнее, чем горожане (в особенности уроженцы) тяготеют к традиционным моделям поведения. Поэтому не случайно, что даже молодежь столицы в подавляющем большинстве была ориентирована на национальные традиции. В праздничной культуре это, в частности, касалось праздника *Вардавар* (Преображение Господне), который больше всего отмечался среди молодых сельских мигрантов, занятых в Ереване интеллектуальным трудом (*Карпетян*, 1986. С. 67–69). В целом же, религиозно-традиционные праздники больше всего были распространены в среде сельских мигрантов и репатриантов, причем в основном в семейно-родственной и частично соседской и дружеской среде. В советский период, в условиях отсутствия или малочисленности других источников информации, именно семья и родственная группа выполняли важную функцию сохранения

и трансляции национальных ценностей и выступали главными механизмами межпоколенной передачи информации.

Переоценка ценностей традиционной культуры связана с социально-политическими, экономическими и культурными изменениями армянского общества в конце 1980 – начале 1990-х годов. На волне Карабахского движения, а затем с провозглашением независимости Армении произошел подъем общенационального возрождения, что нашло свое отражение в празднично-ритуальной системе армян (*Мкртчян*, 2010. С. 135). Независимая Республика Армения была объявлена главным носителем и наследником национальных и религиозных ценностей.

Параллельно резкому упадку советских праздников, уже в конце 1980-х – начале 1990-х годов наметилось заметное оживление в отношении традиционных праздников и обрядов, в основном обусловленное общенациональным возрождением. В начале 1990-х годов произошли определенные изменения празднично-обрядового поведения, достаточно высоко поднялся рейтинг религиозно-традиционных праздников, особенно в сельской среде. Примечательно, что если в советский период основным носителем традиционной праздничной культуры, как и религиозного поведения у армян было в основном старшее поколение, то в начале XXI в. они охватили и значительную часть молодежи (*Мкртчян*, 2011. С. 79). Эти изменения имели не столько глубокий, сколько ценностный, этнопсихологический оттенок, тесным образом связанный с восстановлением независимой государственности, общенациональными процессами переоценки этнических и религиозных ценностей. В эти годы получили второе рождение ряд праздников (*Трндез*, *Вардавар*), которые довольно широко отмечаются не только в сельской местности, но и в городской среде, в том числе и в Ереване.

Таким образом, эволюция армянского праздничного календаря за последнее 100-летие представляет собой качественно различные исторические циклы, обусловленные особенностями своеобразного политического, экономического и социального развития армян. Все три республики Армении выявили разные концептуальные подходы в этом вопросе.

Первой Республике была свойственна позитивная позиция по отношению к унаследованным этническим традициям. В период ее короткого существования традиционные праздники, распространенные в быту, пополнились списком новых праздников светского характера.

Вторую (советскую) республику можно охарактеризовать диаметрально противоположной позицией к наследию прошлого и, в частности, к праздничному календарю Первой Республики. Этот период в свою очередь характеризуется тремя основными этапами развития. Самой характерной особенностью первого этапа является отвержение и уничтожение этнических традиций и национально-религиозных элементов. Второй этап – реанимация традиционно-религиозных праздников и обрядов (обусловленная тяжелой военной и послевоенной ситуацией) параллельно с ростом советских праздников. Для третьего этапа характерно не только смягчение неприятия государством традиционных праздников, но и его полное отсутствие.

Для эволюции праздничной системы важное значение имели экономические реформы и урбанизационные процессы, способствующие формированию городских традиций. Массовый приток сельского населения в города, иммиграция

отдельных групп армянского этноса из бывших республик СССР, репатриация армян и тому подобные причины создали условия для качественно нового процесса сплочения этноса, в контексте которого сформировался новый праздничный ритуал городского типа.

Указанным выше комплексом факторов обусловлены особенности формирования и изменения современного армянского праздничного календаря в течение всего XX в.

В конце XX в. общенациональное возрождение армянского народа нашло свое отражение в противоречивых процессах подъема религиозно-традиционных и спада советских праздников. В наши дни традиционные праздники получили государственную поддержку, так как независимая Республика Армения была провозглашена основным носителем национального и религиозного наследия, что нашло свое отражение в ее современном праздничном календаре, утвержденном Указом президента Республики Армения от 24 июля 2001 г. (*Мкртчян*, 2010. С. 171).

Закон Республики Армения «О праздниках и памятных днях»:

Статья 1. Рождественские праздники и Аманор (Новый год) – отмечаются с 31 декабря по 6 января, нерабочие дни – 31 декабря, 1, 2 января (Новый год) и 6 января (Рождество Христово и Богоявление).

Статья 2. День Армии – 28 января (со временем получил статус нерабочего дня. – *С.М.*)

Статья 2/1. День родного языка – 21 февраля (дополнение 11.04.2005)

Статья 3. Праздник женщин – 8 марта, нерабочий день.

Статья 4. Праздник материнства, красоты и любви – 7 апреля.

Статья 5. День памяти жертв Геноцида – 24 апреля, нерабочий день.

Статья 6. День труда – 1 мая, нерабочий день.

Статья 7. День защитника Отечества – 8 мая.

Статья 8. Праздник Победы и Мира – 9 мая, нерабочий день.

Статья 9. Праздник Республики – 28 мая, нерабочий день.

Статья 10. День защиты прав детей – 1 июня.

Статья 11. День Конституции РА – 5 июля, нерабочий день.

Статья 12. День знаний и письменности – 1 сентября (изменение 11.04.2005).

Статья 13. Праздник Независимости – 21 сентября, нерабочий день.

Статья 14. Праздник Переводчиков – во вторая суббота октября.

Статья 15. День памяти жертв землетрясения – 7 декабря.

Статья 16. Праздник Вардананц (святого воинства Вардана), день добрых дел и национальной дани – в четверг за 8 недель до Пасхи.

Статья 17. Праздник Святого Эчмиадзина – через 64 дня после Пасхи, в воскресенье (дополнение).

Статья 18. В Республике Армения могут отмечаться также традиционные и церковные праздники, а решением правительства – профессиональные и другие праздники и памятные дни.

Статья 19. В связи с праздниками и памятными днями Республики Армения правительство может переносить рабочие дни.

Статья 20. Граждане Республики Армения, принадлежащие к национальным меньшинствам, могут отмечать свои национальные праздники и памятные дни, если они не противоречат законодательству Республики Армения.

СЕМЬЯ, СЕМЕЙНЫЙ БЫТ

РОД, СЕМЬЯ И СИСТЕМА РОДСТВА

Род. Для армян, как и многих других народов Кавказа, всегда были характерны тесные кровно-родственные связи.

Принцип образования семейно-родственной группы азг. Во второй половине XIX – начале XX в. у армян в системе развитых социально-экономических и общественных отношений значительную роль все еще играла кровно-родственная группа *azg* или *tohm, c'el*, и др. *Azg* – это семейно-родственная группа, насчитывающая в своем составе семьи нескольких поколений, обычно шести-семи по нисходящим и боковым ответвлениям по мужской линии, от предка-основателя *азга*, имя которого становится общеазговым. *Azg* образуется путем сегментации размножившейся семьи основателя *азга* на малые и большие дочерние семьи. Выделившиеся семьи, становясь самостоятельными единицами, продолжают сохранять между собой в той или иной форме хозяйственную, идеологическую и территориальную связь. Семья из данного *азга*, переселяясь в другое село, вначале сохраняла память о своей принадлежности к *азгу*, от которого она отделилась. Со временем, в пятом-шестом поколении, образуется новая самостоятельная боковая линия, исчисление которой ведется уже от главы переселившейся семьи. Если отделившаяся ветвь насчитывала пять и больше поколений по нисходящей, она становилась самостоятельным *азгом* даже в том случае, когда продолжала сохранять свое старое общеазговое название (*Карпетян*, 1966. С. 25, 46, 47).

Браки внутри *азга* считались нежелательными независимо от того, сколько поколений он насчитывал. Они были исключением и осуждались общественным мнением. Армянский *азг* был экзогамен (*Карпетян*, 1966. С. 67).

Относительная живучесть азговых отношений во второй половине XIX – начале XX в. объясняется как экономическими причинами, так и спецификой исторической судьбы армянского народа. К началу XX в., периоду сложившихся в Восточной Армении капиталистических отношений, значительно ослабевает социально-экономическая основа этой базы. Не случайно, переселившиеся в этот период из Западной Армении семьи уже не могли вырасти в большие семейно-родственные коллективы. (*Карпетян*. 1966. С. 45). В Западной же Армении, в условиях проводимой турецким правительством антиармянской политики, находясь под угрозой нападения и уничтожения, армяне держались за свои родственные связи, находя в них опору и защиту. Несмотря на то что *азг* находился к этому времени в состоянии распада, он

сохранял остаточные формы родовой общности, которая выражалась в идеологическом, локальном (территориальном), экономическом единстве.

Идеологическое единство азга. Идеологическое единство *азга* выражалось прежде всего в общеазговой генеалогии: в сохранении памяти об общем предке – основателе рода вплоть до шестого-седьмого колена, а также в самоназвании *азга*. Само название *азга* происходит от имени предка его основателя, его профессии (если она становится потомственным занятием) либо от названия местности его переселения с прибавлением суффиксов *-анц* (*-янци*), *-ени*, *-унц* (в армянском языке суффиксы принадлежности). В народной разговорной речи распространенной является также собирательная форма – *анк*. Кроме того, большинство *азгов* имеет и прозвище, которое употребляется вместе с их названием.

Появление фамилий среди армянского сельского населения – явление довольно позднее (вторая половина XIX в.). У армян фамилия – *азганун* образуется из азгового названия (дословно означает «имя азга»). С появлением фамилий общеазговое название становится не единственным. В одном и том же *азге* и даже в одной семье в ряде регионов можно встретить разные фамилии: у одного сына может быть фамилия по имени деда или прадеда, у другого – общеазговая. Сохранение же единственного азгового названия по имени основателя-предка является предметом гордости *азга*. Считается, что тем самым сохраняется его единство.

Азговая солидарность. Общеазговая солидарность была выражением общественного единства родственной группы. Она проявлялась в обычае хоронить членов *азга* на кладбищенских родовых участках или, что встречалось значительно реже, на отдельных азговых (фамильных) кладбищах (*Лалаян*, 1903. С. 179). Подобные фамильные кладбища сохранялись в некоторых районах Армении вплоть до середины 1960-х годов (*Карпетян*, 1966. С. 59–62), единично (село Коти в Тавуше) – до настоящего времени (*Калантарян*, *Обосян*, 2009. С. 250).

Азговая солидарность находила выражение и в других сферах соционормативной культуры: семейной (свадебной, родильной) и календарной обрядности, общественных жертвоприношениях и пр. Вопрос женитьбы обсуждался старшими членами *азга*. Члены *азга* принимали участие в торжестве не только своим присутствием, но и оказанием материальной помощи, в основном в виде подарков, позже – и деньгами.

Общеазговая солидарность проявлялась также в ответственности всего *азга* за поступки, нравственность и моральный облик каждого из членов своей родственной группы. Проступки его членов – позор для всего рода и, напротив, подвиг и другие благодеяния – честь. За проступки и грехи сородича был ответственен весь его род.

Локально-территориальное единство. Наиболее четко оно было выражено в расселении *азга*, поскольку в этот семейно-родственный коллектив входили те родственные семьи, которые селились в одном и том же селе.

В Армении в зависимости от конкретных исторических и географических условий выделялись три формы азгового поселения. Первая, наиболее архаичная и сохраняющаяся в виде редкого исключения в горных и предгорных районах, это форма поселков, когда *азг* занимал целое селение. Она восходит к ранним этапам армянской истории, о чем свидетельствует армянский исто-

рик X в. Товма Арцруни, но уже в раннефеодальной Армении могла существовать лишь как пережиточная форма родового поселения (*Карпетян*, 1966. С. 82, 83). Второй формой, которая была наиболее характерной для более поздних этапов общественного развития, являлось азговое поквартальное поселение. Третья, наиболее распространенная форма поселения, – локальность в пределах узкого круга родственных семей, характерная в основном для сел равнинных районов (*Карпетян*. 1966. С. 89–91).

Экономическая общность. В конце XIX – начале XX в. остаточные формы азговых отношений сохранялись и в экономической деятельности. В прошлом ведение сложного натурального крестьянского хозяйства осуществлялось силами больших кровно-родственных коллективов, и большая семья являлась той ячейкой, которая в состоянии была справиться с трудоемким комплексным крестьянским хозяйством. И хотя с развитием капиталистических отношений основные формы производственной деятельности в большинстве случаев уже строились по соседско-территориальному принципу, азговая общность все еще играла заметную роль в области хозяйственных отношений армян. И после распада *азга* в новых социально-экономических условиях выделившиеся дочерние семьи, став самостоятельными экономическими единицами, тем не менее сохраняли между собой определенные хозяйственные и имущественные связи.

Порядок землевладения и землепользования. Родственные отношения были более выраженными в местах ведения трудоемкого комплексного земледельческо-скотоводческого хозяйства и менее – в районах садоводства и виноградарства. Они были более устойчивы в горных и предгорных районах лесной полосы с частным крестьянским землевладением (Тавуш, Лори и др.). Здесь азговые отношения базировались на общности владения и пользования дедовской землей, и все вопросы землевладения (наследование, раздел, продажа), регламентируемые нормами обычного права, регулировались *азгом*. Земля здесь считалась общей собственностью всего рода, хотя каждая отдельная семья в пределах общеазгового владения имела свой определенный участок, который считался долей общеазгового земельного фонда и не мог быть обменен или продан без согласия всех взрослых мужчин *азга*.

О былой хозяйственной общности родственного *азга*, в том числе порядке пользования землей, свидетельствуют сохранившиеся до недавнего времени азговые названия пахотных земель, виноградников, пастбищ, участков летних стоянок, зимовников и других земельных угодий, сохранявшиеся даже в условиях глубоко зашедшего процесса имущественной дифференциации (*Карпетян*, 1966. С. 130).

Имущественно-правовые взаимоотношения. Интересами азговой общности регулировался также порядок владения и наследования, главным образом наследования недвижимого имущества. Несмотря на наличие гражданского законодательства, он определялся нормами обычного права, нашедшими отражение в «Судебнике Мхитара Гоша» (Армянский Судебник конец XII – начало XIII в. Мхитара Гоша, 1954. С. 62) и прочно сохранявшимися в быту армян еще в начале XX в. По нормам обычного права наследниками недвижимого имущества и в особенности дедовской земли, были в первую очередь агнаты. Лишь в трех случаях женщина могла стать наследницей земельного участка: это дочь-инвалид при наличии братьев-наследников; дочь – един-

ственная наследница; жена после смерти мужа. При этом права женщин-наследниц оговаривались рядом ограничений.

Сохранение имущественной связи между родственными семьями *азга* выразилось и в характере пользования дорогостоящими средствами производства (мельницы, маслобойни, давилни и пр). По обычному праву после раздела семьи все ее имущество как движимое, так и недвижимое, делилось на равные братские доли. Мельницы и маслобойни считались общей собственностью всего *азга*, несмотря на наличие в них долей отдельных семей. Построенные основателем *азга* или его сыновьями до раздела, они становились предметом общеазгового пользования, в чем нетрудно усмотреть одну из форм общеазговой собственности. Весьма важно также сохранение права предпочтительной покупки этих средств производства представителем данного рода и обязательного согласия всех его членов при продаже доли. Однако в условиях углублявшейся на селе имущественной дифференциации принцип общеазгового пользования мельницами и маслобойнями постепенно нарушается. Отдельные, в экономическом отношении сильные семьи сосредоточивали в своих руках богатства, в том числе и дорогостоящие средства производства, путем откупа прав владений у остальных родственных семей (обычно они откупались во владение семей двух-трех братьев).

Азг на современном этапе. Традиционный институт кровно-родственных связей в своих основных чертах продолжал существовать и в советский период, несмотря на значительные социально-экономические изменения в городском и сельском образе жизни армян. Об этом свидетельствует опыт социалистического переустройства армянского села в первые годы советской власти, когда родственные отношения все еще играли определенную роль в организации колхозного производства (*Вардумян*, 1956. С. 58, 62). Еще в начале 1930-х годов в период колхозного строительства азговые отношения продолжали занимать определенное место в производственной жизни армянского села, нередко являясь при этом тормозящим фактором в организации колхозного производства.

Утратив хозяйственную и территориальную общность *азга*, армяне сохранили основы его идеологического единства: генеалогическую память о своем предке, соблюдение экзогамии при заключении браков, захоронение на родовых кладбищенских участках, оказание моральной и материальной помощи не только ближайшим, но и дальним родственникам в различных жизненных ситуациях (свадьба, рождение ребенка, крещение, похороны, тяжелая болезнь и пр.). Показательно, что в наши дни при организации «своего дела» в сфере бизнеса как в самой Армении, так и трудовыми мигрантами в странах ближнего и дальнего зарубежья, у армян предпочтение отдается прежде всего родственникам.

Семья. Историческая ретроспектива традиционной семьи. Для обозначения семьи у армян распространены термины *ojax* – очаг, *tun* – дом, определяющие семью как родственную группу, пользующуюся общим очагом, *sux* – сходный по смыслу с русским словом *дым* – жилье (*Лусициан*, 1955. С. 232). Последний применялся также для официального учета населения, при сборе налогов и распределении повинностей в Российской империи. Литературная форма *ынкатик* применялась редко. Термин *gerdastan* в значении большой семьи/большесемейной общины, хотя и упоминается у средневековых авто-

ров, был введен в литературный оборот этнографами, в частности Ер. Лалаяном, во второй половине XIX в. и, получив широкое распространение, сохраняется вплоть до настоящего времени.

Армянская семья прошла длительный и сложный путь исторического развития. Первые сведения об армянской большой семье встречаются в трудах историков V в. Мовсеса Хоренаци, Фавстоса Бузанда и др. Во второй половине XIX – начале XX в. наиболее распространенной и характерной формой семьи у армян был *гердастан* – большая неразделенная семья (община), объединяющая под одной кровлей несколько поколений родственников по прямой нисходящей и боковой линии: родителей, их взрослых женатых сыновей со своими детьми, внуками и нередко – правнуками.

В многочисленном семействе одновременно бывало 5–6 и более люлек, что часто упоминалось именно как показатель больших *гердастанов* (Карапетян, 1958. С. 45).

Социально-экономические причины сохранности. Длительное сохранение большой патриархальной семьи было обусловлено социально-экономическими причинами, прежде всего характером производства дореволюционной Армении, которая в XIX в. оставалась аграрной страной. При примитивном способе ведения хозяйства, господстве примитивных сельскохозяйственных орудий, дедовской сохи и молотильной доски, труд человека в армянской деревне имел огромное значение. Армянская деревня находилась на той стадии развития, когда физический труд не был еще обесценен машиной, и каждая трудовая единица имела большое значение в крестьянской семье» (Карапетян, 1950. С. 99). В этих условиях поддержание системы жизнеобеспечения семьи возможно было лишь при наличии большого количества рабочих рук.

Различная степень сохранности *гердастана* в разных регионах Восточной и Западной Армении была связана также и со спецификой исторической судьбы армян. Со времени присоединения Восточной Армении к России и постепенным вовлечением ее в развивающиеся капиталистические отношения, здесь происходил процесс распада больших семейных патриархальных объединений. Поэтому уже к концу XIX в. крупные *гердастаны* сохранялись в основном в глухих, отдаленных селениях. К этому времени типичной становится малая семья, состоящая из родителей (деда) с женатыми сыновьями и малолетними внуками; сыновья со взрослыми детьми выделялись отдельно.

Поколенный состав. Исследователи выделяют три основные формы поколенного состава армянской большой семьи: первая, наиболее распространенная – совместное проживание трех поколений по прямой нисходящей и боковой линиям.

Вторая – семья с четырехпоколенным составом – чаще встречалась в ряде регионов Западной Армении (Ван, Васпуракан, Буланых и др.) Третья, наиболее редкая форма пятипоколенной семьи (по нисходящей со второго поколения по боковой линии), встречалась как исключение. *Гердастан* с пятишестипоколенным составом сохранялся лишь в очень отдаленных, оторванных от больших дорог и городов горных селах ряда регионов Западной Армении (Дерсим, Сасун и др.) (Карапетян, 1958. С. 25, 26, 37–39).

Непосредственную связь с поколенным кругом родственников семьи имеет ее численный состав. В селах Араратской равнины, в отдельных участках Ширака, Лори, Сюника большие семьи или не сохранились или объединяли

Четыре поколения рода Манука Абрамяна. Александрополь. 1907 г.
Фото из семейного архива Э.Х. Петросян

Четыре колыбели в одном доме, село Коти (Тавуш). Экспедиция. 1961 г.
Архив ИАЭ. Папка 13. Фото Г. Жамкочяна

не более 20–25 человек. В горных и предгорных районах остальной части Восточной Армении они встречались довольно часто и насчитывали в среднем 40–50 человек. В Западной Армении, где *гердастан* был довольно устойчив, он насчитывал в своем составе иногда до 70–100 человек (*Карпетян*. С. 135, 136).

Три поколения рода Мартына Варданяна. Александрополь. Начало XX в.
Фото из личного архива Л. Варданян

Различия поколенного, а также численного состава семьи имели известную зависимость от общих социально-политических условий Восточной и Западной Армении.

В конце XIX – начале XX в. в Восточной Армении, с проникновением в семью частнособственнических отношений и усиливающихся внутрисемейных противоречий, в *гердастане* происходил процесс сокращения круга родственников прежде всего по линии исключения более отдаленных поколений по нисходящей и боковым линиям. В Западной Армении, где еще сохранялись остатки традиционного патриархального уклада и господствующим являлось натуральное хозяйство, процесс этот протекал значительно медленнее. Во всех случаях, несмотря на разнообразие численного состава, *гердастан* в основном состоял из круга близких родственников. Внутрисемейные отношения в нем регулировались традиционными нормами обычного права, обусловленными спецификой патриархального строя большой неразделенной семьи.

Поло-возрастная иерархия. В армянской семье, независимо от ее численности, существовала четкая поло-возрастная иерархия, регламентирующая права и обязанности каждого члена семьи во всех сферах трудовой, общественной, обрядовой жизни, внутрисемейных отношений, нормах этикета. Принцип старшинства, а также женатое состояние определяли положение и социальный статус каждого члена семьи на этой иерархической лестнице.

Положение и роль домохозяина. Наиболее высокое и почетное положение занимал домохозяин – *tanter*, стоящий во главе *гердастана*; обычно это был самый старший мужчина, старик-патриарх дома, именуемый *nahapet*, *tan mec*, *tan glux* («голова семьи, дома») и т.п. (Самулян, 1941. С. 169). Дед-

старик занимал главенствующее и, вместе с тем, особенно привилегированное положение в *гердастане*. Как самый старший и умудренный жизненным опытом он пользовался почетом и уважением всех членов семьи. Ему принадлежало решающее слово при решении хозяйственных, бытовых, внутрисемейных вопросов, хотя в важных делах он совещался со старшими членами семьи, в особенности со своими братьями, если они жили при нем, а также со своей женой. Его право по своему усмотрению контролировать и распределять доходы всех членов семьи было неотделимо от функции организатора общесемейного хозяйства. *Тантер* был хозяин всего имущества семьи. Он решал обязанности и личные судьбы каждого члена семьи почти самовластно, вплоть до женитьбы (устройства брака) своих сыновей и дочерей; как глава *гердастана* он пользовался правом наречения имени новорожденному в семье ребенку и пр. (Варданян, 1981. С.131,132).

В отношении главы семьи все домочадцы должны были придерживаться определенных норм этикета. При входе *тантера* в дом все вставали, его указания выслушивали стоя, в его присутствии не имели права громко разговаривать. Дед имел свое постоянное, наиболее высокое и почетное место у очага, причем в отсутствие главы дома, как правило, никто не имел право занимать его место. Он первым садился за стол, затем по старшинству все остальные мужчины. Отдельно, после мужчин ели женщины. Без старика не начинали трапезу. «Когда к вечеру все садились за ужин, то во время еды каждый докладывал ему об исполненной за день работе и тут же получал наказ на следующий день. Нельзя было прерывать речь старшего, как и садиться раньше него» (Лисициан, 1955. С. 234). О значении старшего в семье красноречиво свидетельствует армянская пословица: «Если дом имеет старшего, его почитай, если нет старшего, положи камень, и его почитай как старшего» (Каранетян, 1966. С. 65). Старшее поколение у армян, как и многих других народов, являлось носителем и хранителем наследия традиционной культуры, приобщая к нему подрастающее поколение и тем самым выполняя важную и ответственную функцию социальной памяти коллектива (Варданян, 1981. С. 139).

Весомой была значимость *тантера* и во внешнесемейной, общественной жизни. Как глава дома он являлся полномочным представителем семьи во всех внешних сношениях, прежде всего на сельских сходах. Он выступал также представителем и защитником интересов своего *гердастана* при решении различных тяжб, установлении юридическо-правовых норм и т.п.

Положение и роль домохозяйки. Внутри дома главенствующее положение занимала домохозяйка – *tantikin (tantiruhi)* – старшая женщина семьи, обычно жена *тантера*. Власть *танткин* в армянской семье распространялась на всю женскую половину семьи и, хотя функции ее были ограничены рамками ведения домашнего хозяйства, по своему характеру она мало отличалась от власти *тантера*. Авторитет старшей домохозяйки был очень высок. Только она одна из всех женщин имела право садиться за обедом рядом с мужчинами. Садясь подле *тантера*, она докладывала ему обо всем, что нужно было сделать для дома и т.д. (Лисициан, 1955. С. 233).

Помимо организации труда и контроля за выполнением работ в женской половине семьи, *танткин* следила за поведением женщин. Без ее ведома и разрешения невестки и дочери не могли ничего предпринять. Ее мнение было

решающим при выборе жены для сына, к ней в первую очередь обращались сваты, когда дело касалось замужества ее дочери и т.д.

Внутрисемейные взаимоотношения. В армянском *гердастане* с четкой разграничением мужских и женских ролей всего уклада жизни внутрисемейные отношения регламентировались системой запретов и ограничений не только между мужчинами и женщинами семьи, но и в разных возрастных группах внутри своего пола, имея при этом иерархический характер. Стойко соблюдался запрет называть имя мужа и жены, говорить «мой муж», «моя жена»: для супругов это считалось «особым стыдом». Говорили: «сын» или «брат» такого-то, «дочь» либо «сестра» такого-то. Обращаясь к свекрови, невестка не называла имени мужа, а говорила: «твой сын», в разговоре с матерью или отцом она говорила: «твой зять».

Иерархический порядок внутрисемейных отношений наиболее наглядно проявлялся в женской половине семьи и был связан с обычаем избегания, известном у армян как *ĉ'xoskanut'yn* (букв.«молчаливость», «неразговорчивость» в значении скромности, покорности невестки). Этот архаический обычай, широко распространенный у большинства народов Кавказа, стойко держался в быту армянской традиционной семьи еще в начале XX в. (*Варданян*, 2009. С. 171). В армянской среде избегание мужчиной родственников его жены к концу XIX в. уже носило реликтовый характер и проявлялось в основном в некоторых свадебных обрядах. Дольше всего сохранялся этот ритуал женщиной родственников ее мужа, что было связано со статусом замужней женщины в большой патриархальной семье.

Невестки, находясь в подчиненном, зависимом положении, должны были соблюдать запреты в отношении старших членов семьи, в особенности мужчин: свекра, старших деверей, а также посаженного отца – *к'avor*. «Сложилась особая речь при помощи знаков, которою пользовались невестки, обращаясь к старшим мужчинам» (Лисициан, 1955. С. 233). При этом, чем младше была невестка, тем ниже был ее социальный статус и тем строже она была обязана соблюдать все предписания традиционного этикета, в первую очередь, обычай избегания. Молодая невестка должна была не менее года ходить с головным покрывалом и лишь после рождения первенца с разрешения свекрови – домохозяйки, сбрасывала его.

Воспитание детей. Армянская семья традиционно была многодетной. Рождение сына – продолжателя рода и опоры для родителей в будущем – заметно укрепляло положение молодой женщины в семье и приветствовалось с большей радостью, чем рождение дочери.

В армянском *гердастане* одинаковое отношение ко всем детям и внукам проявляли все старшие в доме, прежде всего *тантер* и *тантикин*. Своим личным примером в повседневной жизни, беседами и рассказами они обучали подрастающее поколение трудовым навыкам, любви к труду, порядку, необходимому этикету, нормам поведения, приобщали к наследию местной традиционной культуры.

Малолетние дети большую часть времени проводили в совместных играх во дворе. Но уже с шести-семилетнего возраста мальчики и девочки постепенно разобщались друг от друга, и им прививали (соответственно полу) навыки нравственного воспитания и норм поведения. С этого же времени они

приобщались к труду. В условиях широко практиковавшихся ранних браков у армян социализация детей и подростков осуществлялась довольно рано.

Особое внимание обращалось на воспитание девочки, где основным критерием являлся морально-нравственный аспект, и акцент ставился на привитие ей своеобразного кодекса чести и морали. Девочек постепенно готовили к роли будущей матери и хозяйки. С детства их обучали различным видам традиционного домашнего ремесла, и уже к десяти годам они должны были уметь прясть, а к пятнадцати – ткать. Они обучались также ковроткачеству, вязанию, рукоделию, плетению кружев, шитью шелком и т.п. Многочисленные предметы ручной работы изготавливались девушками специально для своего приданого (*Карпетян, 1978*).

Трудовые взаимоотношения. Организация труда в *гердастане* была четко разделена по полу на внешние (мужские) и внутренние (женские) работы, а внутри них – по возрастному принципу. Недаром армянская поговорка гласит: «Мужчина – внешняя стена дома, а женщина – внутренняя». Ведение трудоемкого крестьянского хозяйства осуществлялось силами всех трудоспособных членов семьи, в том числе и детей.

Мужская сфера деятельности. Основные отрасли хозяйства: земледелие, скотоводство, виноградарство и прочее, а также домашние ремесла находились в ведении мужчин, причем распределение работ практически во всех регионах Армении осуществлялось по старшинству, т.е. по поколениям. Ответственные, требующие опыта и навыков обязанности ложились на старших, молодежь же выполняла в основном подсобные работы. В домашнее хозяйство мужчины практически не вмешивались (*Лалаян, 1898. С. 237; Бенсе, 1899. С. 148*).

Тантер пользовался определенными привилегиями в исполнении ряда работ, не требующих значительной физической силы, но имеющих особо важное значение для всей последующей хозяйственной деятельности и требующих большого опыта и навыков, как например, традиционным правом символического засева поля. Старики сохраняли привилегии и в таких событиях хозяйственной жизни, как первый день вывода крупного рогатого скота ранней весной, подрезка виноградной лозы и др. Как старейшина *гердастана тантер* пользовался правом закладки первого камня нового жилища (часто уже в символической форме), первым переступить его порог и привилегией зажечь в нем огонь от очага дедовского дома.

При распределении работ между мужчинами прослеживалась определенная закономерность: при наличии в семье нескольких братьев старший (или старшие), как правило, были заняты земледелием, младшие – скотоводством. Эта же практика сохранялась в конце XIX в. и в случае раздела *гердастана*, при которой семьи двух братьев поселялись совместно для ведения комплексного земледельческого хозяйства в сочетании с отгонной формой скотоводства (*Варданян, 1981. С. 125, 126; Мкртумян, 1974. С. 86, 87*).

С этими сферами мужской деятельности была связана и традиция трудовых объединений-сообществ по обработке земли и по выпасу скота.

В ряде регионов Армении, в частности в Араратской долине, где были значительно развиты садоводство, бахчеводство и виноградарство, весь круг деятельности, связанный с ними также входил в обязанности взрослых муж-

чин семьи, причем руководящую роль здесь играли наиболее пожилые из них, следующие по старшинству за *тантером*.

При организации различных форм помощи и взаимопомощи (*meji, zubara*), оказываемой родственным семьям и соседям, взрослые мужчины традиционно участвовали в тех видах работ, которые требовали определенного опыта, навыков, практики: во время косовицы, при строительстве нового жилища, перевозке мельничных жерновов и др.

Традиционность домашних промыслов в быту армян способствовала тому, что в семье каждый взрослый мужчина знал простейший способ выделки кожи, умел шить поршни; плести различного вида корзины, изготавливать из дерева предметы домашнего обихода: разной величины чаны, корыта для стирки и для теста и многие другие предметы домашнего хозяйства (*Лисициан, 1955. С. 193*).

Молодежь активно участвовала в тех работах, которые требовали выносливости, сноровки, применения физической силы. К традиционным обязанностям парней относились обмолот зерна на току, строительство, ремонт и поддержание в порядке дорог, а также родников с питьевой водой и т.п. Они же принимали участие в ряде работ, требующих применения коллективного труда и осуществляемых в форме традиционных форм взаимопомощи – *маджи* или *меджи*. Прежде всего это касалось трудоемкой и довольно тяжелой работы по настилу плоской земляной крыши при строительстве традиционного жилища, валяния и вытаптывания шерсти (*к'еџ'а lmel*) в процессе домашнего изготовления войлока и др. (*Варданян, 1981. С. 99, 100*).

Посильная помощь детей и подростков в хозяйственно-трудовой деятельности армянской семьи носила вспомогательный характер, однако их довольно рано начинали приучать и приобщать к труду. Привитие трудовых навыков и вообще все трудовое и нравственное воспитание мальчиков осуществлялось под руководством старших мужчин – деда, отца, дядьев, старших братьев. В полевых работах при запашке поля они с 6–7-летнего возраста становились погонщиками волов – *hotal*, сидя при этом на упряжи, при сборе урожая подбирали осыпавшиеся колосья и связывали их в снопы, а затем помогали перевозить собранный урожай на ток. При обмолоте урожая на току мальчики и подростки (7–15 лет), стоя на молотильной доске, погоняли быков по кругу; по окончании работы отводили их на водопой, а затем выпасали на лугу и поздно вечером или ночью возвращались домой. На всем протяжении полевых работ они доставляли мужчинам, работающим в поле, еду и питьевую воду. В скотоводческом хозяйстве им с 6–7-летнего возраста поручали пасти молодняк мелкого и крупного рогатого скота. «Эти малолетние пастушки нередко больше занимались игрою, чем пастьюю скота; вечером же они возвращались домой и загоняли скотину в хлев» (*Мелик-Шахназаров, 1898. С. 26*). Дети и подростки помогали старшим также в садоводстве и виноградарстве, работали в давилне в процессе изготовления вина. В традиционном быту армян подросток к 15–16 годам занимал достойное положение в семье на правах одного из ее младших работников и имел право садиться за трапезу вместе со взрослыми (*Варданян, 1981. С. 97*).

Однако в конце XIX – начале XX в. в традиционный порядок организации труда вносятся определенные изменения. Постепенное вовлечение семьи в товарные отношения развивающегося капиталистического производства

приводили к тому, что в традиционную систему возрастного разделения труда вносились новые элементы, незнакомые более архаичной форме семьи. В *гердастане* появлялись члены с определенной профессией: учителя, ремесленники, работающие на стороне, получившая образование молодежь. Новшеством являлось то, что в пределах возрастных групп учитывались индивидуальные качества того или иного члена семейного коллектива (*Карпетян, 1958. С. 81, 87*).

Женская сфера деятельности. В женской половине армянской семьи продолжал сохраняться традиционный патриархальный уклад жизни. В крестьянском хозяйстве женщина как трудовая единица занимала почти равное с мужчиной место в производстве средств существования, и потому женский труд ценился высоко. В круг обязанностей женщин входили, в основном, ведение домашнего хозяйства и переработка сельскохозяйственных продуктов и животноводческого сырья. В порядке разделения труда среди женщин наблюдалась четко выраженная возрастная градация.

Все домашнее хозяйство велось под руководством *танतिकин (тантируи)*. Под ее руководством выпекался хлеб, нередко она сама варила обед, следила за порядком. Символами ее власти являлись ключи от помещения, где хранились продукты, и половник – *šerep'* (*Варданян, 2009. С. 170*).

В ее функции входила также организация труда среди женщин. Веками было установлено, что должна делать, в соответствии со старшинством, каждая из невесток. В армянской большой семье круг повседневных обязанностей женщин был весьма широк.

Старшие невестки месили тесто, доили коров, изготавливали масло и сыр, в летние месяцы вместе с мужчинами – пастухами поднимались на летовки. Следующие по возрасту невестки просеивали муку, относили хлеб мужчинам в поле, ткали различные шерстяные изделия и ковры, ковры, коврики, вязали, шили, штопали и т.п. Младшая невестка вставала раньше всех, каждое утро ходила за водой, подметала дом, подавала мужчинам и женщинам еду, убирала и т.п.; сама ложилась спать позже всех (*Лалаян, 1898. С. 92, 94, 95*). При всем многообразии трудовых обязанностей молодой невестки круг ее работ был ограничен в пределах дома, так как она, соблюдая обычай избегания, согласно этикету, не должна была показываться в общественных местах.

В земледельческом хозяйстве женщины участвовали в прополке, поливке, сборе урожая, в том числе хлопка (*Карпетян, 1950. С. 100*), занимались обработкой зерна при помощи ручных жерновов и ступ.

В скотоводческом хозяйстве женщины также имели свои традиционные обязанности, в том числе по уходу за скотом (чистка хлева, дойка коров и пр.). Областью применения исключительно женского труда было молочное производство, а также переработка шерсти. Поскольку в широком народном быту шерсть продолжала оставаться основным материалом для выделки ниток, то замужняя женщина в свободное время, если не вязала носков, доставала пряжу и веретено – *ilik* и начинала сучить нить.

Практически в каждой семье женщины занимались сбором дикорастущих съедобных трав и плодов лесных кустарников и деревьев, заготовкой на зиму мясных изделий, солений, маринадов, сухофруктов.

Имущественно-правовые взаимоотношения. *Раздел общесемейного имущества*. Когда семья слишком разрасталась и тесно становилось жить вместе

под одним кровом или отношения между братьями обострялись, приходилось прибегать к разделу имущества. *Гердастан* делился обычно в третьем, реже – в четвертом поколении. В старину никто не имел права выделиться при живом отце. Еще в конце XIX в. раздел семьи при жизни отца у армян – явление весьма редкое и осуждаемое крестьянами. Обычно это имело место после смерти главы семьи. Письменные документы о разделе составлялись редко. Имущество делилось по нормам обычного права, многие из которых восходят к средневековому армянскому законодательству (Армянский Судебник Мхитара Гоша, 1954. С. 20).

Имущество *гердастана* состояло из двух частей: недвижимого – главным образом из земли в ее различных видах, жилого дома и хозяйственных построек и движимого – крупного и мелкого рогатого скота. Еще до раздела из общего имущества, как правило, выплачивались долги или же они делились на число братьев. При разделе общесемейного имущества, состоящего в конце XIX и еще в начале XX в. из долей совместно проживающих братьев, распространенным был принцип поколенного раздела, включая также надельные земли. Этот порядок в народе именовался *axperabažan* – «раздел по-братски» (Каранетян, 1958. С. 93; Каранетян, 1966. С. 98). Сначала выделялась доля незамужней дочери (ее будущее приданое) и доля матери: эта часть имущества оставалась в доме, где с матерью и незамужними сестрами, согласно обычному праву, оставался жить младший (иногда – старший) сын. Все остальное движимое и недвижимое имущество семьи делилось на равноценные доли по числу братьев: каждый брат вместе со всеми своими нисходящими независимо от их числа, получал одну из этих долей, которые распределялись по жребию. В случае, если не было в живых одного из братьев, то его дети получали долю, приходящуюся на их отца. На свадебные расходы неженатого сына выделялась в его пользу доля, равная среднему расходу на свадьбах братьев. Исключение составляли посуда и годовой запас продуктов, которые делились соответственно числу душ во вновь образовавшейся семье, изредка соответственно числу трудоспособных членов. При разделе присутствовал представитель сельской общины (сельский старшина), иногда священник (Каранетян, 1958. С. 89–95).

В начале XX в. в новых социально-экономических условиях разделы при жизни отца стали учащаться. Это имело место, когда *тантер* старел, в преклонном возрасте постепенно терял свою былую власть, и сыновья с общего согласия делили общесемейное имущество. В этом случае оно делилось также на братские доли.

Личная собственность. Личную собственность членов семьи составляли предметы личного пользования, в основном одежда и украшения, а также оружие.

В *гердастане* самую значительную личную собственность составляло приданое женщины – *ožit, bažink*. Основой приданого являлась доля, выделенная девушке в доме отца: одежда, разного рода украшения, постель, домашняя утварь, ковры, в исключительных случаях скот и, как весьма редкое явление, земельный участок. Оно увеличивалось за счет подарков, полученных от родственников жениха во время смотрин и свадьбы, а также подарков, получаемых после рождения детей.

Как по обычному праву, так и по средневековым законодательным актам (Армянский Судебник Мхитара Гоша, 1954. С. 108), личная собственность

невестки была неприкосновенной, и большая семья не имела никаких прав на это имущество. Личную собственность женщины могли наследовать лишь ее дети; эта собственность переходила по наследству к дочери, составляя в этом случае ее приданое. Если же наследником был сын, то унаследованное им имущество матери вливалось в общесемейную собственность. В случае, если наследников не было, по армянскому обычному праву имущество женщины переходило в ее отцовский дом (*Карпетян, 1958. С. 104*).

Правовые взаимоотношения. Несмотря на наличие гражданского законодательства, в народе широко применялись нормы обычного права, согласно которым прямыми наследниками недвижимого имущества являлись мужчины и ограничивались права женщин. Дочери до выхода замуж не теряли права пользования землей покойного хозяина дома. Жена после смерти мужа становилась владелицей его доли как мать сыновей-наследников; к ним по достижении совершеннолетия переходило отцовское имущество. Если не оставалось прямых наследников ни по мужской, ни по женской линии, пашня переходила к обществу, а остальную недвижимость (сады, мельницы и хозяйственные постройки) и движимость наследовали ближайшие родственники (*Лисициан, 1955. С. 235*).

Отсутствие наследников было большим несчастьем для армянской семьи. В подобных случаях нередко прибегали к обряду усыновления. После этого усыновленный (часто дальний родственник, реже – сторонний), по обычному праву армян, становился кровно-родственным членом семьи и пользовался всеми ее правами; становясь членом семьи, он должен был соблюдать обычай экзогамии, не имея права жениться на девушке той семьи, куда был принят (*Карпетян, 1958. С. 37*). Семьи, не имевшие наследников мужского пола, прибегали также к примачеству. Зять-примак – *tnp'esa*, поселялся в доме тестя, принимал его фамилию и наследовал его имущество. Обычно в таких случаях одну из дочерей выдавали за него замуж. И хотя примачество допускалось обычным правом, у армян, как и многих других народов Кавказа, оно не было популярным: считалось даже позорным жить в доме тестя.

У армян были распространены формы вступления в посестримство, а также в побратимство. Если узы братства завязывались между девушкой и юношей, то они теряли право вступать в брак друг с другом; их братские отношения считались священными (*Лисициан, 1955. С. 234, 235*).

Армянская семья на современном этапе. За годы советской власти в армянской семье произошли коренные социально-экономические и культурно-бытовые преобразования, наиболее значимым из которых было изменение социального и общественного положения армянской женщины (*Вардумян, 1956; Вардумян, Карпетян, 1963*).

Ранее замкнутая рамками традиционного домашнего хозяйства, она с самого начала коллективизации была вовлечена в колхозное производство. На колхозных полях и фермах в колхозных бригадах и артелях она нередко трудилась вместе с другими членами своей семьи (мужем, сыновьями, невестками и др.) Этот новый статус работающей женщины-колхозницы повлек за собой и для нее самой, и ее семьи перераспределение трудовых обязанностей и целый ряд изменений экономического, эмоционально-психологического, внутрисемейного характера, совершенно не свойственных патриархальной армянской семье (*Вардумян, 1956. С. 78, 79*). Наравне с мужем армянская

женщина участвует в формировании семейного бюджета, становится более самостоятельной, независимой, укрепляются ее позиции во внутрисемейной жизни, которая в свою очередь постепенно раскрепощается от патриархальных устоев.

Массовая миграция сельского населения в города Армении, особенно интенсивная в 1951–1969 гг., в период подъема промышленного производства и активизации процессов урбанизации (*Карпетян*, 1986. С. 33), изменила демографическую ситуацию в республике, что в свою очередь отразилось на структуре состава сельской и городской семьи, ее внутрисемейных взаимоотношениях, принципах главенства, перераспределении ролевых функций и традиционных стереотипов поведения. Механизм сохранения родственных связей приводил к тому, что семьи сельских мигрантов выступали трансляторами традиционных норм и установлений в городской среде.

Преобладающим типом армянской семьи как в городе, так и в селе в советский годы стала малая семья, состоящая из супругов и их не вступивших в брак детей. В середине 1960-х годов довольно много было и трехпоколенных семей (25,3%), но в отличие от прошлого, когда в них объединялись, как правило, родители и несколько женатых сыновей, такие семьи состояли из родителей и одного женатого сына (*Тер-Саркисянц*, 1972. С. 41).

Вместе с тем в последующие два с лишним десятилетия шел процесс укрупнения семьи (*Карпетян*, 1986. С. 118). Процесс этот происходил, во-первых, за счет роста числа детей в семье и, во-вторых, усложнением ее родственной структуры и имел тенденцию к росту. В середине 1980-х годов во многих, в основном горных селах, встречалось немало неразделенных семей, объединявших родителей с несколькими женатыми сыновьями и их детьми либо семьи нескольких женатых братьев (*Тер-Саркисянц*, 1998. С. 143).

Переломным этапом в жизни армянской семьи и общества в целом стала вторая половина 1980-х – начало 1990-х гг. Политические, социальные и природные катаклизмы привели к существенным изменениям социально-политической и общественной жизни. Разрушительное Спитакское землетрясение 1988 г., унесшее жизни 25 тыс. наших соотечественников, принесло горе в каждый дом. Оно явилось тяжелейшим стрессом и испытанием не только для семей, потерявших своих родных и близких, но практически для всего населения республики. Его демографические, психологические, экономические и жилищно-бытовые последствия полностью не преодолены до сих пор.

Независимость Республики Армения стала новым этапом в развитии армянского общества. Но республика приобрела независимость в тяжелейших условиях: последствия землетрясения, блокада, эскалация карабахского конфликта, экономический кризис. В экстремальных условиях, с остановкой промышленных предприятий и лишением средств существования, при отсутствии света, тепла, элементарных бытовых удобств и т.п. все общество в целом и каждая семья в отдельности были поставлены на грань физического выживания. Оно стало возможным лишь за счет мобилизации внутренних сил семьи и всего родственного коллектива.

Неблагоприятная экономическая и социальная обстановка, отсутствие перспектив на будущее привели в эти годы к массовому оттоку населения, в основном трудоспособного и детородного возраста. Это отрицательно повлияло на нормальную жизнедеятельность сотен тысяч семей, оказавшихся

поделенными как бы на две части: выехавшую молодежь и оставшееся в Армении старшее поколение.

Переход к рыночным отношениям и экономические реформы переходного периода имели тяжелые последствия для большинства семей: многие не были готовы к столь радикальным переменам. Семья встала перед необходимостью обеспечения своего прожиточного минимума, что возможно было осуществить лишь благодаря усилиям и напряженному труду всех ее членов, включая женщин, стариков и детей, а также традиционных форм взаимопомощи (Габриелян, 2005. С. 48, 49; Закарян, 2010. С. 30–35).

Изменения затронули и внутрисемейные отношения, где за последние 15 лет произошли переоценка ценностей и определенные изменения традиционных семейных стереотипов, в частности, перераспределение ролевых функций в семье. Если в 1990-е годы основным работником и кормильцем семьи традиционно являлся мужчина, то в настоящее время в условиях спада производства, безработицы и массовой трудовой миграции значительно расширилась сфера трудовой деятельности армянской женщины. Ее голос в решении наиболее важных семейных проблем становится решающим (Варданян, Закарян, 2007. С. 269, 270).

Наблюдается также определенная тенденция к вовлечению мужчин в выполнение ряда «женских» работ по домашнему хозяйству, в особенности при обоих работающих супругах или только работающей жене. При этом подобное явление в большей степени характерно для городских жителей республики, чем сельских и в основном для двухпоколенных семей, где супруги более свободны от влияния старшего поколения и независимы к восприятию новых реалий сегодняшнего дня. Однако под влиянием еще достаточно сильного общественного мнения традиционный стереотип ролевого поведения в домашнем хозяйстве с большим трудом поддается переосмыслению. В трехпоколенных семьях под воздействием старшего поколения инновации во внутрисемейные отношения входят значительно медленнее (Закарян, 2011. С. 43, 44).

В новых социально-экономических реалиях сегодняшнего дня изменения коснулись и такой важной традиционной нормы как главенство семьи. Уже с 70–80-х годов XX в. нередко при живом отце – уважаемом, но формальном главе семьи, ее фактическим руководителем являлся обычно взрослый сын (Габриелян, 2005. С. 38). Наиболее показательным в этом отношении изменение традиционного главенства семьи в пользу женщины, ставшей в наши дни нередко единственным кормильцем семьи (Закарян, 2009. С. 105, 106).

Среди сельского населения повысился процент трехпоколенных семей, в которых совместно с родителями проживают двое, а в ряде случаев – трое женатых сыновей (Закарян, С. 104). В сложившейся неблагоприятной экономической ситуации, при отсутствии стабильного заработка, а также невозможности приобретения самостоятельного жилья, семья находит выход для обеспечения своего прожиточного минимума в совместном ведении хозяйства.

В настоящее время для армянской семьи остаются характерными ряд традиций большой семьи, в частности, прочность родственных уз и традиционные формы взаимопомощи. Сегодня определенная доля населения независимой Армении выживает благодаря крепости семейно-родственных

уз. В самой республике взрослые дети, живущие отдельно, оказывают своим нетрудоспособным родителям не только материальную помощь, но помогают в домашнем хозяйстве, с родителями обсуждают те или иные семейные вопросы, проводят с ними семейные праздники.

Тем не менее, несмотря на материальные сложности и психологическую напряженность, в целом армянская семья остается относительно стабильной, в чем немалая заслуга принадлежит этнокультурным традициям. И в наши дни, оставаясь одной из наиболее важных составляющих ценностей соционормативной культуры армян, она сохраняет свою традиционную основу, регулируемую нормами обычного права: крепость семейно-родственных уз, внутрисемейных отношений, межпоколенную передачу морально-нравственных ценностей семейной, обрядовой, общественной жизни.

Наглядным проявлением этого служит сохраняющаяся традиционная модель межличностных взаимоотношений между старшими и младшими, в особенности в трехпоколенных семьях при совместном проживании женатых детей с родителями. Это касается как повседневного общения (подчеркнутое уважение молодежи к старшему поколению, забота, материальная и моральная поддержка стариков), так и решения жизненно важных вопросов, в частности, устройства брака и семьи. Большинство молодежи позитивно относится к необходимости родительского согласия на брак, считая его обязательным, при выборе брачного партнера авторитетное мнение родителей и старших родственников остается решающим и т.д. (Закарян, 2007. С. 55).

Поддержание традиционных норм обычного права является механизмом сохранения устоев армянской семьи в сложных современных условиях. В целом семья у армян остается относительно стабильной, несмотря на психологическую напряженность, связанную с усложнением быта и материальными трудностями, и немалая заслуга в этом принадлежит этнокультурным традициям.

Система родства. Система родства представляет собой определенным образом систематизированную совокупность терминов, выражающих родственные отношения. В ней проявляются два слоя – референтивная подсистема, указывающая на родственные связи, степень отдаленности родства и индивидуализирующая родственные отношения и вокативная подсистема, термины которой служат формой обращения, выступающей как норма поведения, и могут употребляться при обращении не только к родственнику, но и к незнакомому человеку.

Армянская система родства, зафиксированная в ранних письменных источниках, начиная с V в., в основных своих чертах действует по настоящее время. Это позволяет рассматривать современные литературные и диалектные формы (имеющие определенные различия в восточноармянском и западноармянском языках) в сравнении с дреанармянскими и проследить их эволюцию.

Сопоставительный анализ форм всех черт армянской системы родства свидетельствует, что она является системой патронимической организации и, согласно принятой типологизации, по своим структурным параметрам принадлежит к типу, основанному на нормах большой семьи. Вместе с тем, в ней наличествуют разные терминологические пласты, связанные с разными институтами общественных отношений древних эпох (Закарян, 1990а. С. 28).

Столь длительное сохранение системы данного типа имеет у армян свою социальную обусловленность, неразрывно связанную с существованием азговых отношений и большой семьи вплоть до начала XX в., а характерную для них азговую экзагамию – практически и в настоящее время.

Для армянской системы характерны четкое разграничение терминологии кровного родства и терминологии свойства, релевалентность прямой и боковой, отцовской и материнской линий. Это свидетельствует о том, что в армянской системе первостепенное значение имеют генеалогические линии родства, что непосредственным образом связано с идеологическим единством *азга*, прежде всего – общеазговой генеалогией и общностью происхождения от одного предка, о чем подробно речь шла выше при характеристике *азга*.

В терминологии родства у армян различаются кровнородственные связи по отцу и по матери. Родство у армян агнатное. Связанные кровнородственными отношениями по отцу у армян считаются родственниками, соплеменниками, сородичами, а связанные кровнородственными отношениями по матери – родными, но не сородичами. Эти связи по отцу и матери в народе различаются: отцовская сторона называется кровной, материнская – молочной.

Родитель (отец) в древнеармянском и современном литературном языках обозначается термином *hayr*. Помимо смысла «родитель мужского пола» он обозначает «мужчина, имеющий детей». В обращении к нему более принята уменьшительно-ласкательная форма *hayrik*, со схожими формами почти во всех диалектах восточноармянского языка – *хайик*, *харик*, *херик* и прочее, в некоторых западноармянских диалектах – *там* или *пан*, а также *дада*, *како* и др. Наряду с термином *hayr* для обозначения «отца» в диалектах имеются термины, которые порой употребляются гораздо шире, чем *hayr*. Они имеют либо всеобщее распространение, либо сугубо местное значение. Наиболее распространенным является диалектный термин *ани* и его вариации.

Мать в древнеармянском и современном литературном языках обозначается термином *mayr*. Кроме смысла «родитель женского пола», он обозначает «женщина, имеющая детей». В обращении принята уменьшительно-ласкательная форма *mayrik*. В подавляющем большинстве армянских диалектов употребляются диалектные варианты термина *майр*: *мер*, *мар*, *маре* и пр. (уменьшительно-ласкательные формы – соответственно *мерик*, *марик* и т.д.), в ряде диалектов западноармянского языка – термин *мам*. Из наиболее распространенных диалектных форм и их вариантов следует отметить также *нан* (*нана*, *нане*), *ази* (*аза*, *азе*), *ачи* и др. (Закарян. С. 9, 10).

С начала XX в., под воздействием русской традиции, у армян в обращении к родителям довольно широкое распространение получили также вокативные формы «папа» и «мама».

Родные брат и сестра обозначаются терминами *elbayr* (на разговорно-бытовом уровне более широко употребляется форма *axnep*) и соответственно – *k'uyr*. Для обозначения внуков обоего пола у армян существует только один термин *t'or'* (в древнеармянском *t'or'n*).

В системе родственных отношений армян заслуживают внимания термины по нисходящей линии, начиная от внука – *тор*: это термины *co'rn* – правнук, *ko'rn* – праправнук (или внук внука) и более редко употребляемый *a'rn* – сын праправнука (или внук правнука). Их наличие свидетельствует о важности

межпоколенной генеалогической линии родства у армян и одновременно отражает внутреннюю структуру большой семейной общины с совместным проживанием под одной крышей нескольких поколений от деда-тантера до внуков и правнуков.

Родители родителей представлены в армянской системе как прямые линии родства. Современное литературное обозначение деда – *rap* восходит к древнеармянскому языку и имеет ряд диалектных вариантов: *napi*, *napu*, *napuk* и др. В обращении более принята уменьшительно-ласкательная форма *napiuk*. Бабка обозначается термином *tat*, который наличествует во всех диалектах – в вариантах *tato*, *tađe* и других, а кроме того употребляются местные диалектные формы *babo*, *dađe*, *dedu*. В обращении более принята уменьшительно-ласкательная форма *tatuk*, а также западноармянская форма *meц мам* (букв. старшая мать).

Сиблинги родителей со стороны отца и со стороны матери обозначаются различными терминами. По отцовской линии – это *horelbayr* (букв. отец + брат), в восточноармянском варианте языка также *ами*, кроме того, имеются местные диалектные термины *бидза*, *биби* и др. и *horak 'uyr* (букв. отец + сестра). По материнской линии – это термины *k'eri* и *morelbayr* (букв. мать + брат) (который в армянских диалектах почти не употребляется) и *morak 'uyr* (букв. мать + сестра). При характерной для армянской системы родства релевалентности кровнородственных связей по отцу и матери и четком терминологическом разграничении отцовских и материнских родственников, такие общие понятия как «дядя», «тетя», «племянник», а также «двоюродный, троюродный брат (сестра)» у армян отсутствуют. В современном армянском языке существуют термины для обозначения двоюродного брата и двоюродной сестры – *зармик* и *зармуhi* (*yhu* – суффикс, обозначающий женский пол), что является отклонением от основных принципов системы, поскольку в данном случае объединяет всех родственников боковой линии в нулевой степени родства (Закарян, 1990а. С. 26).

Примечательно, что референтивные термины для обозначения отца, матери и их сиблингов могут выступать и как вокативные. В случае обращения к пожилым незнакомым лицам (на улице, в транспорте, по различным другим поводам) их обычно называют *horexбайр*, *хайрик*, *майрик* и т.п.

Братья и сестры по отцовской и материнской боковой линии, как дети сиблингов родителей, также терминологически разграничены и отделены от родных братьев и сестер, т.е. сыновья и дочери брата отца и сестры отца – с одной стороны, брата матери и сестры матери – с другой, обозначаются особыми терминами как, например, различаются сын (дочь) отцовского брата и сын (дочь) материнского брата. Этот же принцип разграничения отцовской и материнской линий касается также внуков и правнуков и соответствующие термины для их обозначения образуются по тем же принципам.

Наименования супругов сиблингов и кровных родственников составляются посредством соответствующих описательных терминов как, например, «жена брата», «муж сестры», «жена брата отца», «муж сестры отца», «муж сестры матери» и т.д. (Закарян, 1990б. С. 21).

Терминология свойства (названия супругов и их родственников) охватывает отношения, возникающие в результате заключения брака.

В армянской системе родства нашли свое отражение явления поколенной экзогамии *азга* и брачного запрета. У армян брачный запрет охватывал семь поколений, что считалось нормой для традиционного быта и сохраняется вплоть до настоящего времени. Однако в Средние века существовали более ограниченные рамки брачного запрета, в частности, вплоть до пятого поколения. Наличие указанных выше армянских терминов *цорн*, *корн*, *арн* для обозначения правнука, праправнука (или внука внука) и сына праправнука (или внука правнука), по всей вероятности, указывают пределы, за которыми браки были допустимы. Они отмечали конец брачного запрета и тем самым конец кровного родства, отход, отклонение от него и начало допустимости брака (Закарян, 1990б. С. 21).

Для обозначения супругов в литературном языке существует термин *амусин*, которым в древнеармянском обозначались оба супруга. Со временем значение его сузилось и в современном армянском языке он относится преимущественно к мужской половине супружеской пары, в отношении жены применяется термин *кин*. В разговорной речи в отношении мужа в восточноармянском варианте языка употребляется термин *мард* (букв. человек), в западноармянском – *эрик* (от древнеармянского *айр* – мужчина).

Примечательно, что в армянской системе невестка (жена сына), как и невеста, обозначаются одним и тем же термином *hars*, восходящим к древнеармянскому *harsn* в значении «обрученная или замужняя женщина по отношению к родителям жениха или мужа», а также «невеста на свадьбе».

То же относится и к зятю – *p'esa*, древнеармянскому термину, означавшему «обрученный или женатый мужчина по отношению к родителям невесты или жены», также «жених на свадьбе» (Закарян, 1990б. С. 23).

Для родителей мужа (свекра и свекрови) в древнеармянском и современном литературном языке существуют термины *skesrayr* (диалектная форма *кесрап*, встречается также диалектный термин *памрон*) и *skesur* (диалектная форма *кесур*). Однако в обращении более принято называть их *хайрик* и *майрик* (т.е. папа и мама в современном варианте).

Брат мужа (деверь) в современном армянском языке имеет форму *tagr* (*тегр*; древнеармянский *таугр*), сестра мужа (золовка) – *tal*. В традиционной большой семье при наличии нескольких деверей и (или) золовок, эти термины одинаково применялись независимо от их старшего или младшего возраста. Но для их жен и мужей существуют описательные термины, дословно означающие «жена деверя» и «муж золовки».

Для родителей жены (тестя и тещи) в современном армянском языке сохранились термины *aner* и *zok'anč'*, но в обращении зятя к ним принято называть их папа и мама.

Брат жены (шурин) в литературном армянском языке имеет описательные термины *анерворди* и *анердзак* в буквальном значении «сын тестя»; для его жены специального термина не существует и при необходимости образуется описательный термин; в большинстве же диалектов распространен термин «хамбаджи» (Закарян, 1990б. С. 23).

Для сестры жены (свояченицы) употребляется древнеармянский термин *k'eni*, для ее мужа – *кенакал*, также диалектный термин *баджанах*.

Родители невестки (снохи) и зятя приходятся друг другу сватами – *хпати*. Так же называются все родственники жены или мужа для всех родственников

с противоположной стороны, поэтому *хнами* не является отдельным термином родства (Закарян, 1990а. С. 23).

Армянская система родства отразила не только весь многогранный спектр отношений кровного родства и свойства азговой организации армян, но и ряд особенностей традиционного патриархального уклада. Это нашло проявление, в частности, в вокативной системе в виде переноса имени покойного родственника на его потомков (детей). Согласно обычному праву, у армян принято называть новорожденного в честь старшего родственника, в особенности деда. Если он умер до или после присвоения его имени ребенку, то к последнему обращались тем же термином, что и к умершему родственнику, причем это касается в основном лиц мужского пола (Закарян, 1990а. С. 29, 30). Подобная практика сохраняется и в современных армянских семьях.

Армянская система родства, восходящая к древнеармянской терминологии, и в настоящее время сохраняет свои основные черты: релевалентность прямой и боковой, отцовской и материнской линий.

БРАК И СВАДЬБА

Брак. В традиционном *гердастане* устройство брака выходило за рамки одной семьи и затрагивало интересы всего родственного коллектива. В экзогамном *азге* брак у армян допускался между родственниками не ближе седьмого колена. «Запретный брачный круг совпадал с границами *азга*, члены которого независимо от числа поколений считались родственниками» (Каранетян, 1966. С. 67, 68). Нормы обычного права не всегда совпадали с нормами церковного законодательства. В Средневековье запрещались браки между ближайшими родственниками до четвертого колена (Мхитар Гош, 1954. С. 62). Браки между более близкими родственниками допускались в исключительных случаях с разрешения Католикоса, однако осуждались общественным мнением. Запреты касались также свойственников: степень их свойства должна была быть не ближе пятого колена. Не допускались браки двух братьев с двумя родными сестрами, между молочными братьями и сестрами, с представителями семьи посаженного отца и его потомками. Ограничения касались религиозной принадлежности: браки армян с мусульманами резко осуждались, редкими были браки между армянами-григорианами и армянами-католиками. Женить и выдать замуж своих детей старались как можно раньше: считалось, что «брак – увеличение семьи, смерть – убыль» (Лисициан, 1955. С. 235).

Брак у армян считался нерушимым, и разводы были чрезвычайной редкостью. Они допускались в исключительных случаях: при недозволенной степени родства супругов, насильственном обручении, неверности одного из супругов. Поводом к разводу было бесплодие жены, поскольку именно рождение детей, т.е. продолжение рода, считалось главным назначением женщины в доме мужа. Однако в этих случаях не всегда прибегали к разводу: согласно обычному праву, мужчина мог, наряду с законной бездетной женой, содержать другую с целью иметь потомство (Каранетян, 1950. С. 91).

В брак вступали в раннем возрасте, девочки – в 14–16 лет, юноши – в 17–18 лет и моложе. В прошлом довольно строго соблюдался порядок стар-

шинства: более младший по возрасту из братьев (сестер) не мог жениться (выйти замуж) раньше старшего.

Способы заключения брака. Основной формой заключения брака у армян был брак по сговору. Сторона жениха выплачивала стороне невесты выкуп – *harsi gin, glxagin* (букв. «цена невесты», «цена головы»), включавший денежный взнос (в зависимости от состоятельности семьи), определенный набор продуктов (барана, иногда целого быка или часть его, рис, масло, вино, водку и т.д.), подарки невесте и ее близким родственникам (матери, отцу, брату). Обязательный подарок матери невесты (головной платок, отрез на платье) носил символическое название *kat'nagin, cicagin* (букв. «цена молока», «цена груди») (Каранетян, 1950. С. 97, 104–107). При заключении брака согласие молодых, в особенности девушки, в расчет не принималось.

Довольно распространено было люлечное обручение – *ororoc'axaz*. Скрепляя дружбу двух семей, отец мальчика делал черточками знаки – *xaz* на колыбели девочки и вешал ей на шею серебряную или золотую монету. Обрученные таким образом дети со временем должны были пожениться.

Существовал и способ заключения брака путем похищения. К нему прибегали в основном в случае отказа со стороны родителей девушки, иногда – и юноши, из-за разницы социального положения семейств (Тер-Саркисянц, 1989. С. 252).

Сватовство. Инициатива в устройстве брака исходила от матери молодого человека. Она собирала сведения не только о характере, трудолюбии и здоровье девушки, но и о материальном благосостоянии и репутации ее семьи. Когда подходило время женитьбы сына, через сваху она выясняла у матери девушки, будет ли предложение принято. Узнав об этих намерениях, мать девушки советовалась прежде всего со своим родным братом. В дом родителей невесты посылали сватов (*patvirak, patgam, patgamaxos, xnamaxos, uznkan*) из числа близких родственников-мужчин по отцовской линии. Сваты иносказательно, традиционными формулами сообщали о цели своего прихода: «Мы пришли взять от вашего очага горсть золы, чтобы смешать ее с золой нашего очага» и т.п. Этикет не позволял родным девушки в первый же приход сватов принять предложение, поэтому те приходили во второй, а иногда и в третий раз.

Когда родители девушки объявляли о своем положительном решении, сватовство приобретало официальный характер: не случайно у армян оно называлось *xosk' arnel, xoskan* – «взять слово», «скрепить слово», *hac' ktrel* – «преломить хлеб» и т.д. Тогда же в доме невесты выставлялось угощение. В знак залога, задатка сговор обычно скреплялся подарком (шаль, кольцо или другое украшение для невесты), в связи с чем сам обряд назывался *beh tal* – «дать задаток» и являлся одним из наиболее важных актов заключения брака.

Обручение. Следующим важным обрядом было обручение или помолвка – *nšandrek* (букв. «ставить знак, метку»). Отец жениха устраивал угощение для приглашенных родственников, *кавора*, священника, музыкантов. После этого, взяв с собой обручальный подарок – *nšan* (обычно какое-либо украшение – кольцо, браслет, серьги, цепочку с висячими монетами) и несколько *sini* – больших медных или деревянных подносов со сладостями, сухофруктами, головкой сахара, вином и водкой, сторона жениха в сопровождении

музыкантов направлялась в дом невесты. Здесь во время праздничной трапезы происходил основной акт обряда – вручение обручального подарка невесте.

Был принят также и другой способ обручения, имевший место обычно во время народных праздников, когда мать жениха, предварительно заручившись согласием девушки, чаще всего на *Вардавар* во время танцев набрасывала ей на голову красный платок и вручала яблоко с воткнутым в него кольцом или серебряной монетой, а в карман насыпала немного сушеных фруктов, или же во время утренней службы в Вербное воскресенье передавала ей свечу с привязанным кольцом (*Лалаян*, 1900. С. 246, 247).

После обручения оба семейства становились свойственниками – *xnami* и всячески помогали друг другу. По праздникам из дома жениха в дом невесты посылался поднос со сладостями, напитками и символами плодородия – гранатом или яблоком. На Пасху нередко посылали ягненка, которого закалывали у порога дома обрученной девушки в качестве пасхальной жертвы – *axar*.

От обручения до свадьбы проходило от 5–6 месяцев до нескольких лет, что было связано с различными причинами: слишком ранним возрастом жениха или невесты, материальными возможностями семейств, отсутствием жениха (если он был на заработках) и т.п. Но обычно этот срок равнялся 1–2 годам. До свадьбы мать невесты могла «тайно» принимать будущего зятя и, по обычаю, угощала его яичницей.

Традиционная свадьба. Традиционная армянская свадьба – *harsanik* включала ряд обязательных предсвадебных, собственно свадебных и после-свадебных обрядов.

Время проведения. Свадьбу обычно играли осенью или зимой, когда сельскохозяйственные работы были закончены и урожай собран. Несчастливым месяцем в народе считался и продолжает считаться месяц май: в это время свадеб, как правило, не играют. Предпочитали устраивать свадебное торжество на Масленицу, в дни древнего и любимого в народе праздника. Свадьба продолжалась три дня, с пятницы до воскресенья; нередко были случаи, когда она длилась, по образному выражению, «семь дней, семь ночей».

Предсвадебный цикл. *Переговоры в доме невесты.* За несколько дней до свадьбы в доме невесты решались организационно-хозяйственные вопросы. В присутствии близких родственников с обеих сторон происходили переговоры, известные как *hle ktrel* – «резать путь», *tur ev ar* – «дать и взять» (в значении торговаться) и др. (*Харатян*, 1989. С. 25). Во время них назначался день свадьбы, определялось количество различных продуктов, посылаемых отцом жениха в дом невесты, символический подарок матери невесты – *cicagin* («цена груди») за то, что она вскормила дочь. В конце переговоров сторона жениха выясняла размеры приданого невесты.

В приданое – *bažink'*, *ožit* входили все постельные принадлежности, посуда, иногда домашний скот (*Каранетян*, 1978). В некоторых регионах в приданое не давали коровы, чтобы «не выбыло из дома два члена женского рода» (*Лисициан*, 1955. С. 236).

Обряд кройки и шитья. За несколько дней до свадьбы в доме невесты в присутствии близких родственников с обеих сторон совершался обряд «кройки и шитья» свадебного наряда невесты, для чего специально приглашалась женщина-мастерица, а после окончания работы устраивалось угощение.

Обрядовое купание невесты. Накануне свадьбы совершалось торжественное купание невесты с участием ее подруг и родственниц, сопровождавшееся импровизированными песнями и угощением (как правило, яичницей с медом). Помимо магической функции очищения перед вступлением девушки-невесты в социально-возрастную группу зрелых замужних женщин, оно нередко являлось своеобразным обрядом смотрин невесты и оценки ее физических достоинств.

Выпечка свадебного хлеба. Одним из обязательных обрядов была выпечка свадебного хлеба также накануне свадьбы и в том, и в другом доме. При просеивании муки и замешивании теста соблюдалась традиционная очередность исполнения действий, начиная от самой старшей из женщин, затем жены *кавора*, далее остальных участниц. Месили тесто в специальном деревянном корыте – *tašt*, от чего весь обряд получил название *taštadrek'* – «ставить корыто». В той же последовательности поочередно солили тесто, чтобы и молодуха имела «много дней». Старуха посвящала соль памяти всех родных покойников и просила благословения для молодых. Весь процесс проходил в атмосфере радостного веселья, сопровождавшегося музыкой и плясками многочисленной молодежи из числа родственников и соседей (Тер-Серкисянц, 1989. С. 268; Пикичян, 2006. С. 245–248).

Заклание свадебного быка. Торжественное заклание разукрашенного жертвенного быка (на шею вешали гирлянды из яблок) совершалось накануне свадьбы под звуки музыки и пляски девушек и молодых женщин. При этом жених и *кавор* клали правую ногу на опрокинутое на землю животное.

Кровью «жертвы», принесенной домовым духам, *кавор* рисовал крест на лбу жениха, опускал в кровь раскрытый замок или лезвие кинжала и нитку; нитку связывал в узел, замок запирали ключом, лезвие вкладывал в ножны: считалось, что этим «связывались», «запирались», «замыкались» злые духи (Тер-Серкисянц, 1989. С. 269; Харатян, 1991. С. 116–125).

Открытие винных карасов. В доме жениха, особенно в винодельческих районах, вечером накануне свадьбы открывались *карасы*, и вино разливалось по кувшинам. Тогда же выбирался и распорядитель свадебного стола – *t'amada*.

Посещение кладбища. Перед свадьбой жених с отцом и священником отправлялись на кладбище, где посещали могилы своих предков; после освящения могил, курили ладан. Затем жених с друзьями обходили все дома, где в том году кто-либо умер, тем самым испрашивая их благословения на проведение свадебного торжества.

Оформление угла для новобрачных. В доме жениха под руководством жены *кавора* – *каворкин* молодые родственницы мукой разрисовывали звездами потолок, стены и столбы; считалось, что тем самым молодые будут жить «под благословением звезд». В обоих домах особо приводился в порядок тот угол, где за занавесом должна была сидеть невеста. Сам занавес украшался различными амулетами и магическими нашивками, оберегавшими невесту от дурного глаза и злых духов.

Свита жениха. Накануне свадьбы жених собирал своих холостых товарищей на мальчишник – *azbanstum*, где выбирал свиту друзей-телохранителей, называвшихся *makar* (в Восточной Армении), *azab* или *azap* (в Западной Армении). Их предводителем был *makarbaši* (*azabbaši*) с атрибутом своей

Традиционный свадебный обряд заклания быка. Лори. Начало XX в.
Из кн.: Лалаян Е. Борчалу. 1902 (Вклейка между с. 228–229)

власти – жезлом с прикрепленным к его концу подсвечником со свечами либо саблей (мечом) с привязанной к ней большой восковой свечой. Свита дружек, нередко конная и вооруженная, сопровождала жениха и невесту на всем протяжении свадебного цикла (Варданян, 1981. С. 115). Из свадебных персонажей со стороны невесты обязательными были «брат невесты» – *harsnalber* и «сестра невесты» – *harsnak 'uyr*: оба либо ей родные, либо близкие родственники, но обязательно холостые.

Собственно свадьба. *Свадебный клич*. Свадьба начиналась обычно в пятницу утром звуками *зурны* и *дхола*: мелодия *sahari* – свадебного клича извещала с крыши дома жениха о начале торжества. Это было общее приглашение, обращенное ко всему селу (Пикичян, Ерджакян, 1988. С. 7–22). В старину односельчане, слышав знакомые звуки, собирались на свадьбу. Поименное приглашение на свадьбу вошло в обычай в конце XIX – начале XX в., когда жених с товарищами или один из его близких родственников обходил дома, приглашая гостей.

Кавор. Во всех свадебных церемониях главная роль принадлежит посаженному отцу – *кавору* и его жене – *каворкин*, причем обычно каворство переходило из поколения в поколение. Кавора как наиболее почитаемое и уважаемое лицо отправлялся приглашать в сопровождении музыкантов отец жениха или кто-либо из старших авторитетных членов *азга* (Каранетян, 1965. С. 211–216), что сохраняется и в настоящее время. Приход *кавора* в дом жениха, куда с утра собирались приглашенные, считался началом свадьбы.

Всю свадьбу сопровождали музыка, песни, пляски, всеобщее веселье как предзнаменование дальнейшей счастливой супружеской жизни молодоженов.

Обряд одевания жениха. Этот обряд происходил при стечении молодежи из родственников и соседей под звуки *зурны* и *дхола*. Жених сидел в окружении дружек, рядом стоял «брат жениха». Священник освящал одежду, шапку и кинжал жениха, лежавшие на широком подносе вместе с нарядом невесты. Одевал жениха *кавор*, высоко поднимая каждый предмет свадебного наряда для всеобщего обозрения и трижды обводя его вокруг головы жениха под величальные песни и розыгрыши дружек. В неимущих семьях, когда у жениха не было собственной чухи, ее брали у родственников или же соседей (Варданян, 1981. С. 120).

Обрядовое бритье жениха было следующим торжественным обрядом в присутствии *кавора*, дружек и гостей. Цирюльник постоянно прерывал работу, ссылаясь на плохое качество бритвы и требуя выкупа. Нередко, выбривая голову жениха своеобразными «грядками», он в шуточной форме каждый раз предлагал присутствующим выкупить одну из них; этот *bostan* – «огород» жениха «раскупали» его дружки, а также по желанию собравшиеся гости. Этот обряд считался обязательным, и даже если в непосредственном бритье не было необходимости, цирюльник в символической форме трижды лишь касался бритвой лица жениха (Варданян, 1981. С. 118). В некоторых регионах при исполнении этого обряда жених сидел на перевернутой вверх дном корзине, под которую ставилась горящая свеча или зажженный светильник; в других окружавшие жениха дружки держали в руках зажженные свечи. Этот ритуал символизировал посвящение юноши в следующую возрастную группу и являлся отголоском былых инициаций мужских молодежных сообществ (Варданян, 1967. С. 293; Варданян, 1981. С. 111, 118).

Во многих районах Армении жениху на груди крестообразно повязывали чересплечник – *uskar* или *kosband* из красного (в доме жениха) и зеленого (в доме невесты) платков. На голову жениха обязательно повязывали *t'ag* – «венец» или «корону» – цветной широкий шнур с висячими гирляндами или жгут из цветных платков, в котором нередко закрепляли крестик из обмотанных красными и зелеными нитками палочек с двумя петушиными перьями. После этого жених назывался *t'agavor* – «венценосец», «царь», невеста же именовалась *t'aguhi* – «венценосица», «царица».

«Взятие невесты». Уже в сумерках свадебное шествие отправлялось на *harsnač* – «взятие невесты». Если невеста была из другого села, приехавших сватов встречали «враждебно», сельская молодежь преграждала им путь, требуя «выкупа». Чтобы злые духи не сглазили жениха, справа его охранял *кавор*, слева – «брат жениха», их цепью окружали дружки с зажженными свечами или факелами. Кто-либо из молодежи, приплясывая, нес на голове поднос со свадебным нарядом невесты. При приближении процессии к ее дому, на встречу выходили родители невесты, родня, соседи. Жена *кавора* брала поднос с нарядом для невесты и передавала ее близким родственникам. Невеста в это время сидела за занавесом; жених, *кавор* и «брат невесты» становились перед ним.

Ближайшие родственники невесты, одаривая жениха и дружек, преподносили или в качестве символа плодородия *p'op'x* (*luis, car*) – «дерево жениха»

из веток ивы либо кизила и украшенное орехами, изюмом, яблоками и гранатами, сопровождая эту церемонию специальными обрядовыми песнями и плясками (*Хачатрян*, 1975. С. 91).

Свадебное пиршество в доме невесты продолжалось несколько часов, после чего все расходились, кроме жениха, *кавора* и «брата жениха», которые оставались здесь ночевать; хозяйка их угощала специально приготовленными блюдами. Вместе с невестой ночевала «сестра невесты».

Обряд одевания невесты. На следующее утро, в субботу, *макары* и все приглашенные снова собирались в доме невесты, где начинался обряд одевания невесты. Ее, сидевшую в окружении подружек, одевала одна из замужних женщин, имевшая первенца-сына, но пояс повязывал *кавор*. При этом он сначала трижды обводил им вокруг невесты и тут же похлопывал ее по спине с пожеланием здоровья и сына-молодца. Наиболее важной частью этого обряда была замена девичьей прически и головного убора женскими. Поверх венца жена *кавора* набрасывала на невесту покрывало.

Венчание. Свадебное шествие направлялось на венчание в церковь, без которого брак считался недействительным. Выходя из дома, жених и невеста целовали край очага. В обрядовой практике армян в ряде случаев (при отсутствии церкви, низком возрасте или сравнительно близком родстве, не допускаемых церковными установлениями, если в церкви был покойник и т.п.) допускалось венчание у *тонира*. В этом случае в его верхней части возжигались восковые свечи, жених и невеста трижды обходили вокруг, затем, встав по обе стороны от него, опускались на колени и целовали его края. Венчание у очага в народном сознании расценивалось даже выше церковного (*Лисициан*, 1969. С. 115).

Свадебный поезд. Впереди свадебной процессии в сопровождении музыкантов шел жених с *кавором* по правой и «братом жениха» по левой стороне, причем оба они держали в руках свечи. За женихом шла невеста со своими свадебными «братом» и «сестрой». Один из них держал у груди невесты подол платья жениха или привязанный к его поясу платок, чтобы «никто не мог пробежать между ними и лишить жениха мужской силы» (*Лисициан*, 1955. С. 239). Группу жениха и невесты окружали дружки со свечами в руках. По дороге шествие сопровождалось песнями, плясками, выкриками, возгласами, стрельбой в воздух и пр. Все это делалось не просто ради развлечения. Считалось, что подобным шумом отгоняли злых духов, которые могли «лишить» новобрачных способности деторождения. Дружки также строго следили, чтобы никто из зависти или злости не кинул камня и тем самым не лишил обряд венчания его силы. В церкви перед алтарем во время его совершения *кавор* держал над головами брачующихся перекрещенные меч и ножны. По окончании обряда священник повязывал жениху и невесте на шею или на рукав *narot* – шнур, свитый из зеленой и красной ниток, и скреплял его воском от своей свечи.

Из церкви новобрачные шли либо рядом, либо невеста немного отставала от жениха, держась за полу его платья. Рядом с ними шли с одной стороны *кавор*, с другой – «сестра невесты». Свадебная процессия возвращалась в том же порядке, но по другому пути, чтобы злые духи не могли ее подкараулить. По пути шествия из домов родственников выносили на улицу угощение: тем самым вся родня участвовала в свадебном торжестве. После венчания

в Западной Армении из церкви обычно направлялись прямо в дом жениха, в большинстве же районов Восточной Армении возвращались в дом родителей невесты (*Тер-Саркисянц*, 1989. С. 272, 273).

Застолье в доме невесты. Свадебное застолье длилось несколько часов. Молодой не должен был садиться за стол и притрагиваться к еде до тех пор, пока не получал от родителей жены *bernac 'uk* – подарок «за открытие рта». После тостов за память покойных, затем за счастье молодых, их родителей и родственников с обеих сторон начинались песни, пляски и игры в доме и во дворе, шумные и веселые состязания жениха и дружек в борьбе на меткость, которые, утратив свое бывшее испытательное назначение обрядов инициаций, длительное время сохранялись как развлекательно-игровые моменты традиционной армянской свадьбы (*Варданян*, 1981. С. 113).

После ухода гостей возобновлялось веселье жениха с дружками в кругу молодежи, а затем в присутствии близких и дружек выставлялось приданое невесты. Барабанщик показывал каждую вещь отдельно, и присутствующие одобрительными возгласами желали всяческих благ родителям невесты. Вновь жених, *кавор* и «брат жениха» оставались в доме невесты на ночь.

Прощание невесты с родительским домом. В воскресенье утром родители жениха с близкими родственниками отправлялись «получать» невесту из дома ее родителей. Отец невесты выводил дочь за руку и со словами: «Передаю тебе добро, пользуйся им на счастье» передавал отцу жениха, который давал обещание беречь ее «как свет своих очей». Молодая целовала руку отцу и матери, молодой – всем ее родным. Проводы невесты из отчего дома сопровождались распевными причитаниями невесты и ее матери, а также многих из присутствующих женщин (*Петросян*, 2006. С. 391, 392). Вывод невесты сопровождался традиционным музыкальным наигрышем. В старину при прощании с очагом молодые, трижды обойдя вокруг него, целовали его края, а иногда брали из него щепотку золы. При выходе участников свадебного торжества из дома невесты один из ее родственников, обычно младший брат, держа дверь, преграждал им дорогу, пока не получал от *кавора* выкуп, что сохраняется и поныне.

Перевоз невесты в дом жениха. После этого свадебный поезд, с музыкой, направлялся в дом жениха. В середине XIX в. в дом жениха новобрачные ехали верхом на лошадях, нередко и вся процессия была конной и сопровождалась джигитовкой, стрельбой в воздух и пр. Впереди, чаще всего на лошади, везли приданое. Сверху сажали мальчика, которого сторона жениха одаривала небольшим подарком или монетами. Опережая свадебный поезд, к дому жениха спешил вестник – *alves* (букв. «лиса»), оповещающая о его приближении, за что получал от матери жениха курицу.

Встреча новобрачных у дома жениха. При приближении свадебного поезда во дворе дома жениха начиналась шуточная борьба – *кох* его родителей между собой. По обычаю должна была «победить» мать.

Перед вступлением новобрачных в дом жениха с крыши на их голову сыпали сладости, сушеные фрукты, конфеты, мелкие монеты и т.д., чтобы жизнь их была сладкой либо зерно, чтобы они были «плодовиты», исполнялась традиционная песнепляска с перечислением, в шутливой форме, всего того, что ждет сверковь с приходом невестки. Мать жениха, приплясывая, встречала новобрачных с лавашем в руках, который перекидывала им че-

рез плечи. Нередко перед новобрачной ставили горшок с маслом, чтобы с ее приходом масла прибывало больше. Кинув в него несколько монет, она смазывала маслом косяк входной двери и волосы свекрови в знак пожелания богатства дому и того, что теперь она будет послушна свекрови. Иногда на пороге у ног новобрачной закалывали жертвенного барана. Через порог дома она отказывалась переступить без откупа, пока свекровь ей что-нибудь не дарила или не обещала подарить, а затем разбивала одним ударом положенную ей под ноги глиняную посуду (позднее тарелку). Вступив в дом, новобрачные прежде всего целовали края *тонира*, бросали в него золу, принесенную из дома невесты, что символически означало ее вступление в *оджах* семьи мужа. Невесту отводили за занавес и на колени ей сажали мальчика в знак пожелания первенца-сына. Она одаривала его небольшим подарком.

Пиршество в доме жениха. Во время пиршества новобрачным желали много счастья и долгой совместной жизни: по образному армянскому выражению, «состариться на одной подушке». Если свадьбу играли во время поста, то свадебное угощение составляли постные блюда (зерновые, различные пловы и т.п.). Мужчин обносили вином, начиная с самых старших. К концу пира *дохлчи* просил священника благословить барабан, и начинался *канс'* – «клич». Он громко вызывал всех, «кто любит этот дом», одарить новобрачных, начиная с *кавора*, а затем остальных присутствующих. Свадьба заканчивалась благодарственным угощением друзей. *Зурна* и *дохл* возвещали с кровли об окончании свадьбы.

Брачное ложе. На второй день после свадьбы вечером являлся священник, снимал с жениха и невесты *нарот*, повязанный во время венчания в церкви; *кавор* держал над головами новобрачных крестообразно обнаженный меч с ножнами. Развязывался также узел нитки, окровавленной при заклании свадебного быка, открывался замок, освобождалось из ножен лезвие ножа или меча. Этим молодожены получали право взойти на брачное ложе – *арагаст*. Постель стлала *каворкин* с «сестрой невесты». У постели ставили фрукты, мед, всевозможные сладости (*Тер-Саркисянц*, 1989. С. 275, 286).

Целомудрие невесты. Отношение к целомудрию невесты всегда было очень строгим. Близкие родственницы, приходя утром с целью удостовериться в этом, поздравляли молодую и дарили ей яблоко с воткнутыми в него серебряными монетами. Матери новобрачной посылали зарезанную курицу вместе с простыней с брачной постели и поздравлением. Сам этот обряд известен как *karmir xnjor* – «красное яблоко» и сохранялся в быту армян, вплоть до середины прошлого века. Со временем наряду с красным яблоком, его символами стали также бутылка красного вина или коньяка, перевязанная красной лентой, набор шоколадных конфет в красной обертке, а также букет красных роз или гвоздик. «Красное яблоко» относили в дом родителей невесты жена *кавора* и двое-трое близких, замужних родственниц новобрачного. После отправки «красного яблока» возобновлялся пир *макаров*. В этот день обычно готовили *хаџ*, в связи с чем он называется *хаџи ор* – днем хаша. Пиршеством *макаров* свадьба заканчивалась.

Послесвадебный цикл. *Сорокодневие.* Послесвадебный период начинался сразу с сорокодневия – *k'arasunk'*. В течение 40 дней молодые считались «нечистыми», в связи с чем обязаны были соблюдать целый ряд запретов. Новобрачная не имела права показываться никому на глаза, прячась за занаве-

сом; не должна была притрагиваться к посуде для приготовления пищи, мыть посуду, взбивать маслобойку во избежание их «осквернения» и т.д. Молодой муж, также будучи «нечистым», мог навлечь несчастье, потому не заходил в хлев, не участвовал в свадебных торжествах, не входил в дом к роженице и т.д. (Тер-Саркисянц, 1989. С. 277; Наанетян, 2007. С. 175).

Обрядовое мытье головы невесты. В ряду традиционных послесвадебных обрядов армян одним из главных является *gluxlva* (*glxalva*, *gluxlvaneq*) – обрядовое мытье головы невесты, совершаемое через неделю после свадьбы. Мать новобрачной вместе с близкими родственницами приносила с собой мыло, расческу, повседневную одежду дочери, печеные сладости. Во многих местах в этот день привозили приданое невесты.

Дарц. К числу послесвадебных обрядов относится и так называемый *darc* – временное возвращение молодой в дом своих родителей. *Дарц* не имел строго установленных сроков, но чаще всего был приурочен к праздникам, в особенности к Пасхе и Вербному Воскресенью, а также к рождению первенца.

Различался также срок, на который молодая оставалась в родительском доме, и он постепенно сокращался от одного месяца в первой половине прошлого столетия до одной недели в наши дни (Тер-Саркисянц, 1998. С. 186).

Современная свадебная обрядность. Современная свадебная обрядность армян представляет собой своеобразный синтез традиционной основы и ее многочисленных новаций.

Заключение брака. Заключение брака продолжает оставаться одним из незыблемых устоев современного армянского общества. По сравнению с прошлым в новых условиях значительно расширились возможности знакомства молодежи. Однако безработица, трудовая миграция мужчин репродуктивного возраста, сложности приобретения собственного жилья, снижение общего жизненного уровня в республике приводят к тому, что нередко молодые люди не спешат обзаводиться семьей, стараясь в подобных ситуациях сначала «встать на ноги». Наблюдается тенденция повышения брачного возраста: от предпочтительных и наиболее распространенных 18–22 лет до 26–27 лет и старше (Варданян, 2010. С. 335).

Сватовство. Сохраняясь повсеместно, оно продолжает оставаться необходимым и обязательным этапом заключения брака. При тяжелом материальном положении, когда скромный бюджет семьи не позволяет сыграть обременительную по своим расходам свадьбу, сватовство стало столь общественно значимым актом, что служит основанием для создания новой семьи.

Обручение. Обручение также продолжает сохраняться, но, учитывая реалии сегодняшнего дня, в ряде случаев его может и не быть или имеет место как бы объединение двух указанных этапов традиционного свадебного цикла, после чего играют свадьбу, что свидетельствует об определенных трансформациях традиционной обрядности на современном этапе.

Сокращенные варианты свадебного ритуала. В наши дни, исходя из финансовых трудностей, нередко случаи, особенно на селе, когда обходятся без свадебного торжества.

Если свадьбу не устраивают и невесту приводят сразу после обручения, то вскоре родители жениха обычно приглашают своих новых сватов-*xnami*. (родителей невесты и ее близких родственников) для более тесного знакомства породнившихся семей. В подобном случае имеет место так называемый

облегченный или сокращенный вариант заключения брака (*Тер-Саркисянц, 2009. С. 42; Варданян, 2010. С. 335*).

Другим сокращенным вариантом свадебной обрядности является практика женитьбы армянской молодежи из числа трудовых мигрантов или обосновавшихся на постоянное жительство в РФ, странах СНГ, Европы и США. Решение этого вопроса становится для них важной проблемой, особенно учитывая предпочтительность мононациональных браков у армян. Поэтому нередко многие молодые люди с целью создания семьи специально на время возвращаются в Армению, для чего родственники заранее подыскивают невесту и весь традиционный свадебный ритуал проводится в сжатые сроки (*Варданян, Галстян, 2009. С. 239, 240*).

В сложных реалиях сегодняшнего времени нередко также имеют место случаи, когда во избежание обременительных расходов имитируют так называемое похищение невесты или вовсе обходятся без свадьбы. В современной армянской свадьбе прочно сплелись традиционные обычаи и элементы европеизированного ритуала.

Современные модификации. В новых условиях и в соответствии с требованиями времени и модных веяний значительная часть традиционных установлений претерпела определенные изменения, нередко имеющие оттенок престижности. Среди наиболее характерных модификаций выделим следующие:

1. Место проведения торжества: в городской и, нередко, сельской среде свадьба организуется вне дома (по образному выражению, «снимают зал» – ресторан, Дом торжеств, специально обустроенное помещение и т.п.).

2. Свадебный наряд невесты: сшитое на заказ или приобретенное в советские годы в салоне-магазине для новобрачных свадебное платье сменилось, особенно в городской среде, на пышный европейский наряд. Его, как правило, не покупают, а берут напрокат в свадебных салонах, которые, будучи частными объектами, в настоящее время распространены в республике повсеместно. В сельской местности, из материальных соображений, свадебный наряд бывает более скромным или же могут обойтись без него.

3. Оформление свадебного наряда: если еще недавно он со всеми полагающимися атрибутами (фата, нижнее белье, туфли, сумочка, парфюмерия, косметика), а также сладости, фрукты и прочее укладывались на специальные подносы, обернутые целофаном и перевязанные красными лентами, то теперь получили распространение красочно оформленные (белыми рюшами, искусственными цветами) плетеные корзины с ручками. Примечательно, что каждая из них, также берущаяся напрокат, нередко имеет свою «специализацию»: для наряда невесты, для коньяка и конфет, для фруктов, для сувениров-благопожеланий – *tarosik* (от армянского «*taros*» в смысле передачи удачи), которые жених и невеста раздают холостым гостям – парням и девушкам – во время свадебного застолья, тем самым в символической форме выражая им пожелание скорейшего вступления в брак и т.д.

4. Угощение в доме невесты: в настоящее время вместо традиционного застолья в доме невесты организуют, особенно в городской среде, фуршет из изысканно оформленных закусок, печеного, сладостей, фруктов, напитков.

5. Музыкальное сопровождение свадьбы: в наши дни оно предполагает не только национальные мелодии, но и современные ритмы и танцы.

Сельская свадьба, село Веришен, Гориский район (Сюник). 2001 г.
Фото из личного архива Л. Варданян

В городской среде нередко свадебное торжество начинается с танца новобрачных (вальс, танго). В недавнем прошлом невесту вместе с женихом только в конце свадебного пира *кавор* и его жена выводили в круг пляшущих, при этом они держали в руках зажженные свечи.

6. Свадебное меню: значительно расширился ассортимент блюд за счет ранее нетрадиционных для салатов, закусок, горячих блюд, печеного и сладостей. Наиболее показателен ставший непременным атрибутом многоярусный свадебный торт, первый кусок которого в конце свадебного пиршества совместно надрезают и съедают невеста с женихом.

7. Руководство свадебным застольем: традиционно исполняющего эту миссию *кавора* или почтенного представителя рода жениха теперь, в ряде случаев, особенно в городской среде, стал заменять специально нанятый для этого распорядитель – *тамада*.

8. Расходы на свадебное застолье: стороны жениха и невесты несут их каждая за своих гостей отдельно.

9. Новые свадебные персонажи: в свадебном торжестве, наряду с фотографом, новым лицом стал видеооператор, нередко выступающий своеобразным «распорядителем» всех обрядовых действий (*Шагоян*, 1999. С. 46–55) и т.д.

10. Состав свадебных подарков: наряду с традиционными золотыми украшениями (кольца, серьги и пр.), преподносимыми *кавором* и ближайшими родственниками, широкое распространение получила денежная форма подарка.

Традиционные обряды. В современной армянской свадьбе сохраняется необходимая степень допустимости родства, основные свадебные персонажи: *кавор* и его жена, «дружка жениха», «сестра» и «брат» невесты (*Варда-*

Встреча новобрачных с *лавашем* и медом. Абовян. 2005 г.
Фото из личного архива Т. Закарян

нян, 1986. С. 156–163; ПМА.Тавуш, 2007–2008; Сюник, 2009–2010), целый ряд традиционных обрядов (одевания невесты и др.), а также магических действий при встрече новобрачных: набрасывание матерью жениха им на плечи *лаваша*, символическое «кормление» невестки медом, битье новобрачными тарелок на пороге дома, усаживание маленького мальчика на колени новобрачной; традиционный распорядок ведения свадебного стола и пр.

Сохраняются также послесвадебные *глухлва* и *дарц*, нередко как дань традиции – «красное яблоко». В ряде случаев еще встречается обычай повязывать жениху *ускап* или *косбанд* из красной и зеленой лент; готовить «дерево» жениха (ПМА. Тавуш, 2008); редко, в основном, в селе – обряд заклания свадебного быка (ПМА Тавуш, 2008; Сюник, 2010).

Оформление брака. В традиционной армянской свадьбе брак обязательно освящался церковью. Традиция венчания была прервана на всем бывшем советском пространстве еще в первые советские годы. Отдельные попытки его возрождения предпринимались в Армении еще с конца 1960-х годов (*Варданян*, 2011. С. 137). Однако лишь после установления независимости Республики Армения церковное венчание с 1990-х годов стало восстанавливать утраченные позиции и получило распространение не только в городской, но и сельской среде. В наши дни церковное венчание вошло в свадебный ритуал, причем на свое традиционное место: в отличие от ЗАГСа, оно, как и раньше, совершается именно в день свадьбы. Во многих местах стало принятым после выхода новобрачных из церкви осыпать их лепестками роз, а им выпускать в небо пару белых голубей.

В большинстве случаев церковное венчание, как и крещение, совершается не из религиозных побуждений, а как дань национальной традиции, сохранение и проявление своей армянской идентичности, даже несмотря на то

Венчание в церкви. Абовян. 2005 г.
Фото из личного архива Т. Закарян

что венчание, с точки зрения государственного законодательства юридической силы не имеет (*Варданын*. С. 138). Оформление же брака в ЗАГСе как порождение советского законодательства не нашло своего должного места в традиционном свадебном ритуале. Не имея корней в традиционной обрядности, с одной стороны, и при его директивном характере в бывшем СССР, с другой, ЗАГС у армян как бы вторичен по отношению к свадьбе. Поэтому и в советские годы, и в настоящее время регистрация брака откладывается на неопределенное время после свадьбы. Как правило, она бывает приурочена к рождению первенца и носит формальный характер. В данном случае важную роль играет не регистрация брака, а факт признания отцовства. Церемония же торжественной регистрации в ЗАГСе в день свадьбы в постсоветский период практически утратила свои позиции и совершается довольно редко. При этом весьма примечательно, что даже в тех немногочисленных случаях, когда в этот торжественный день одновременно имеют место и венчание, и бракосочетание, новобрачные, как правило, сначала направляются в церковь, а потом уже в ЗАГС. Немаловажную роль в подобном отношении к ЗАГСу играл и продолжает играть приоритет церковного венчания.

Свадебное путешествие. Не имея в прошлом традиционных корней, свадебное путешествие тем не менее в советские годы имело у армян популярность и определенное распространение. Свое относительное развитие оно получило с середины 1960-х годов, причем сначала в городской среде. Тогда модным и престижным считалось поехать в Москву, Ленинград, Прибалтику и т.д. В те годы оно имело много приверженцев, особенно среди молодежи, и могло бы получить значительное распространение (*Варданын*, 1986. С. 164, 165). Однако развал Союза, блокада Армении и ее сложное социально-эконо-

Новобрачные у церкви выпускают голубей. Абовян. 2005 г.
Фото из личного архива Т. Закарян

мическое положение стали объективным тормозом для возможности осуществления подобных поездок.

В последние годы свадебное путешествие стало получать определенное оживление. Примечательно, что изменилась его география. В настоящее время молодожены предпочитают ездить в ставшие популярными у армян места отдыха в Греции, Египте, Турции, Грузии (Кобулет, Батуми) и здравницы Армении (Цахкадзор, Дилиджан и др.).

Следует подчеркнуть, что и в настоящее время при вступлении в брак у армян приоритетным продолжает оставаться свадебное торжество, независимо от того, насколько широко (в форме пышной свадьбы) или скромно (упрощенный свадебный вариант) оно отмечается. Это не просто стремление красочно и торжественно отметить столь важное жизненное событие, знаменательный повод собрать своих родных, родственников, друзей. И в наши дни у армян это – традиционный способ общественного оформления брака и закрепления брачного союза молодоженов.

ОБРЯДЫ РОДИЛЬНОГО ЦИКЛА И СИСТЕМА ЛИЧНЫХ ИМЕН

Обряды родильного цикла. Родильные обычаи и обряды воплощали идею плодородия, приемы избегания и лечения бесплодия, представления о беременной женщине, систему запретов и т.д. Повивальная народная практика включала средства, облегчающие роды, верования, связанные с формированием «сакрального пространства», магические приемы, направленные на умиловивление добрых сил и отпугивание злых. Обычаи и обряды, связанные с послеродовым сорокодневием, включали народные средства защиты матери и младенца.

Девушка как будущая мать. Общество с особым вниманием и заботой окружало молодую семью и достигших половой зрелости девушек, которых воспринимали как будущих матерей, защитно-магическими приемами оберегая их от злых духов. Молодые девушки в качестве талисмана и оберега носили ниже щиколотки ноги браслеты с металлическими бубенчиками (*Лисициан*, 1969. С. 241).

Переход в новый возрастной статус созревшей девушки характеризовался рядом ограничений, которым она подвергалась в период ее критических дней: в частности, ей запрещалось прикасаться к общей еде, поскольку в народном восприятии она считалась «нечистой».

Невеста и «украшенное яблоко». В ритуалах добрачного периода преобладали олицетворяющие идею плодородия средства магического характера, цель которых – обеспечить возможность оплодотворения женщины и способность супругов к деторождению. Это выражалось в первую очередь в обмене подарками между невестой и женихом, а также между их родителями, среди которых преобладали семена злаков, фрукты (яблоко, гранат, айва), орехи, яйца. Особое место занимало красное яблоко, служившее символом любви и плодородия. У армян распространенной формой предложения руки и сердца был обычай посылать девушке красное яблоко (*Харатян*, 1989. С. 12; *Напетян*, 1983. С. 55). В случае согласия девушка «обрамляла» его: украшала свежими или высушенными цветами и разноцветными нитками и отсылала обратно.

В свадебных обрядах для обеспечения плодovitости использовали ветки священных деревьев, в особенности ивовых, и отдельных растений, в некоторых регионах Западной Армении – оливкового дерева и др. Ива у армян с древних времен была предметом особого почитания (*Агатагелос*, V, 52).

Во время свадебной церемонии большое значение придавалось лицам, окружавшим невесту. Особое внимание уделялось *кавору*; в тех случаях, ко-

гда его жена рожала только девочек или была бесплодной, ему подыскивали замену (*Ипежян*, 1913. С. 89–110). Примечательно, что именно *кавор*, повязывая свадебный пояс невесты, благословлял ее со словами: «Пошлет тебе Бог крепыша мальчика» или: «Пусть Бог пошлет тебе трех сыновей и одну дочку» (*Лалаян*, 1900. С. 254). Обеспечить рождение первенца – мальчика был призван и обычай сажать новобрачной в доме жениха на колени именно маленького мальчика (*Лалаян*, 1907. С. 27), что сохраняется и в настоящее время.

Для охраны и оберега супругов от злых сил, колдовства, дурного глаза во время обряда свадебного заклания быка закрывали лезвие ножа или захлопывали замок.

Бесплодие. Бесплодие было большим несчастьем как для самой женщины, так и для всей ее семьи. Одной из основных причин бесплодия считалось раннее замужество или тяжелая физическая работа. В народном восприятии оно рассматривалось как следствие пагубного влияния злых сил, что приводило к практике излечения этого недуга с помощью всевозможных магических средств. Бесплодные женщины обращались к посредничеству святых, к ворожеям (ворожке по ногтям, по рассыпанному овсу, вращением сита и т.д.), которые указывали на соответствующего святого. Бесплодным женщинам вменялось в обязанность свято блюсти дни этих святых, а также совершать паломничество, обычно сопровождавшееся жертвоприношением. Почти повсеместно существовал обычай красть со священного места какой-либо предмет (реликвию), чтобы непременно его возратить после рождения ребенка. Обычно в подобных случаях детям давали имя данного святого.

У армян было широко распространено почитание священных камней в виде расщелин («ктеис») либо фаллообразных обелисков – *portak'ar* (букв. «пуп-камень»), символизирующих мужское начало, и тесно соотносимое с культом плодородия, деторождения. Бесплодные женщины, в надежде с их помощью забеременеть, лежа на животе, терлись о них пупком, затем кружили вокруг них. Перед возвращением они вбивали в камень гвоздь, как бы оставляя в залог свое бесплодие (*Лалаян*, 1898. С. 56; *Лалаян*, 1910. С. 36).

Согласно обычаю, бесплодная женщина на Масленицу пролезала через *erdik*, а на Сретение Господне перепрыгивала через костер, поскольку считалось, что огонь и зола во время этого праздника имели очищающее значение и способствовали оплодотворению. В соответствии с народными преданиями вода в определенные праздничные дни преисполнялась магической силы и лечебными свойствами. В день паломничества к часовне св. Варвары на склоне горы Ара они становились под скалой, с которой капала вода, и упрашивали деву Варвару одарить их ребенком (ПМА. Арагацотн, 2001).

Зачастую бесплодие объяснялось болезнью «сороковины» – сглазом злых сил- *al*, *t'ur*, *niyat'*, *t'pxi*, которые иногда персонализировались и имели определенный облик. Если первые три особенно вредили беременной женщине, роженице и новорожденному, то последний вредил преимущественно новобрачной, в особенности в период послесвадебных сороковин (*Харатян*, 1989. С. 20, 22). Для избежания сглаза женщины обращались к многочисленным защитным средствам, носили талисманы и амулеты. Например, в Васпуракане высушенную кожу лягушки вешали на шею беременной женщине в качестве защитного талисмана или семицветными нитками шили лягушачье чучело,

Бесплодная женщина на пупочном камне. Зангезур. Конец XIX в.
Из кн.: *Лисициан С.Д.* Армяне Зангезура. Табл. СХVІІІ

втыкали в него иголку и после освящения в церкви помещали в подушку женщины (*Лалаян, 1910. С. 59*).

В редких случаях, когда в бесплодии «виновником» оказывался муж, прибегали, с ведома свекрови, к крайней мере – так называемой смене подушки (что означало иметь сношение с другим мужчиной с целью родить ребенка). Обычно же усыновляли ребенка деверя, золовки, брата, сестры или другого близкого родственника.

Оплодотворенная женщина. В случае бесплодия жены, согласно нормам обычного права, муж мог привести вторую жену с целью иметь потомство. В соответствии с народными представлениями, беременной женщине угрожал злой дух *al*, который мог превратиться в волос и войти в женщину, вытащить из нее печень и съесть. Другой угрозой для женщины был дурной глаз, который мог навести на женщину порчу (*Алишан, 1895. С. 222; Члчлян, 1898. С. 524*).

Обычно считали, что армянские женщины разрешаются во время родов легко. Благодаря своему крепкому здоровью, они нередко разрешались непосредственно во время работы в саду, в поле, в лесу, за стогом сена.

В соответствии с народными верованиями, защитниками беременных женщин считались добрые духи *č'orek'mut* – канун среды, *urbat'amut* – канун пятницы и *kiraknamut* – канун воскресенья, в честь которых женщины в ночь на среду, пятницу и воскресенье соблюдали пост и избегали супружеской

близости. Верили, что эти духи во время родов помогают роженице, если она «соблюдала их воскресенья».

Деторождение. В народных представлениях причины трудных и тяжелых родов были не столько физиологические, сколько являлись следствием воздействия злых сил. Поэтому важное значение имело помещение, где должны были проходить роды, что, как правило, связывалось с культом домашнего очага. Роды обычно проходили у *тонира* в *һацатуне* или в хлеву, где насыпали золу из тонира, чтобы «ангелы очага также пришли на помощь» (Вардумян, 2001. С. 157–160). Роженицу предварительно обводили вокруг очага. После этого бабка-повитуха, прочтя защитную молитву, с крестом в руке, углем из *тонира* очерчивала магический круг вокруг роженицы и прикрепленной к шесту головкой лука «рисовала» фигуру на стене, символизирующую образ Богородицы (Лалаян, 1905. С. 137). Все это считалось лучшим средством изгнания злых духов.

Для облегчения родов предпринимались многочисленные магические средства: открывались дверцы шкафов, сундуков, ящиков, крышек посуды; развязывались пояса и узлы на одежде домочадцев, распускались волосы роженицы, снимались ее украшения, к ее ногам через *ердик* сбрасывали яйца. Было принято также давать роженице воду в подоле мужа (Лалаян, 1910. С. 167), надевать на ее голову мужскую папаху, свешивать с *ердика* мужской ремень, чтобы сбить с толку злых духов (Лалаян, 1900. С. 137; Лалаян, 1906. С. 276; ПМА. Вайоц-Дзор, 1993). С той же целью голову петуха или печень козла выбрасывали наружу через *ердик*, чтобы злые духи покинули дом вслед за ними.

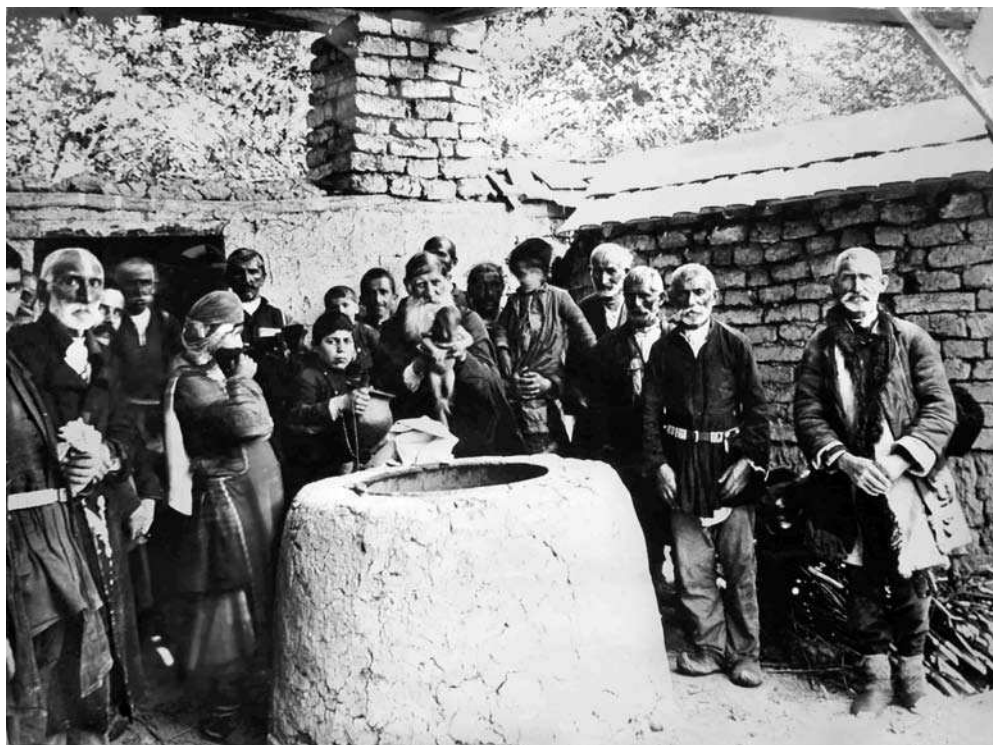
Существовало множество профилактических средств для защиты от пагубного воздействия злых духов: лук, соль, хлеб, яйца, свиное рыло или щетина, уголь, железные предметы – ножницы, нож, иголка, и т.д.

Уход и воспитание детей. В патриархальной армянской семье рождение мальчика приветствовалось с бóльшей радостью, чем девочки. Родные и близкие женщины приносили роженице яичницу с медом, масло, сладкое сусло и т.п.

После родов старались как можно скорее окрестить ребенка, обычно через неделю после рождения: при высокой детской смертности умерший некрещеным, будь то ребенок или взрослый, считался «нечистым» и потому не мог быть похоронен на родовом кладбище. Крестины составляли неотъемлемую часть традиционной семейной обрядности армян. Таинство крещения удостоверяло принадлежность ребенка как христианина к армянской церкви (Варданян, 2011. С. 136). Ребенка крестили в церкви, иногда дома около очага, крестным, как правило, становился *кавор* данной семьи (Напетян, 2011. С. 91, 92).

Родственники и соседи приходили поздравлять с новорожденным после его выхода из «сорокадневия».

При появлении первого молочного зуба готовили специальное блюдо – *atamhatik* из смеси разваренного зерна, фасоли, чечевицы с добавлением орехов, изюма, миндаля и т.п., которой посыпали голову ребенка. Для определения его наклонностей перед ним раскладывали различные предметы: нож, ножницы, зеркало, книгу, мелкую монету, небольшие инструменты и пр. По

Крещение ребенка у *тонира*. Конец XIX в.
МЭ. № 6217/17

тому, какой предмет из них он возьмет первым, гадали о его будущем. Примечательно, что этот обряд сохранился и поныне.

Уход и воспитание ребенка были тесно взаимосвязаны. Для адаптации и закаливания был широко распространен обычай растирания тела младенца солью, которая у армян считалась оберегом. Ребенка купали в теплой воде, затем посыпали на него соль (в подмышки, на складки кожи, на шею, живот, на голову) и пеленали. В Васпуракане (Западная Армения) новорожденных купали в подсоленной воде, вспенив ее с помощью трех сырых яиц. С точки зрения физического развития важно было массирование тела малыша. Ребенка держали в пеленках одну-две недели рядом с матерью, затем укладывали в колыбель.

Ребенка-мальчика стремились вырастить подвижным и ловким. Его отпавшую пуповину выбрасывали на свалку, в церковный двор, в магазин, забрасывали в мешок торговца-разносчика, бросали в кузнице и т. д. Пуповину девочки бросали в *тонир*, под угли, в тахту, чтобы она стала хозяйственной и скромной.

С ребенком чаще возились бабушка, дедушка, девочки и невестки большой армянской семьи, которые уделяли ему больше внимания, нежели отец и мать.

Детей было принято наряжать в «веселые наряды» (пестрые, разноцветные одежды).

В воспитании новорожденных особенно большую роль играли колыбельные песни, которые отражали все аспекты жизни. Основной мотив песен – восхваление малыша. Особо воспевались физические достоинства новорожденного: его объятия светозарны, головка – пламенная, спина – как дверца старинного монастыря, глазки светятся, как обрамленный бриллиантом крестик часов, ротик – ароматный и сладкий, словно пропитанный ладаном церковный аналой (*Григорян, 1970. С. 34*).

Являясь частью семейной обрядности, родильный цикл обычаев и обрядов составляет одну из важных сторон семейного быта. Так, начало детского цикла означает существенное изменение в этикетных взаимоотношениях членов семьи, что связано прежде всего с новой ролью невестки как матери. Многие из этих обычаев и обрядов способствовали повышению ее статуса в семье.

Народная система воспитания была в общем разумной и целесообразной. В формах, методах и системе воспитания детей выражались психология народа, его бытовые устои. Народная система воспитания была направлена на формирование у ребенка необходимых в жизни качеств и способностей. Она сочетала в себе традиции трудового, физического, нравственного и эстетического воспитания.

Трансформация родильных обычаев и обрядов выражается в развитии в них элементов социально-бытового характера и сокращении элементов религиозно-магического содержания. Многие из них, сохраняясь по традиции, превратились в символику здоровья и благополучия.

Система личных имен. Как всякое культурное явление, личные имена возникают, распространяются и применяются в определенных исторических условиях, отражая общественные представления эстетики и морали своего времени. Общение со многими народами оставило свой отпечаток и в языковом мышлении армянского народа. В этом отношении личные имена являются важным средством для понимания многих аспектов культуры.

Для армянского антропонимического комплекса (далее – ААК) характерно многообразие имен как по их разнообразию, так и по происхождению. Согласно данным исторических источников, архивных документов, lapидарных надписей, метрических книг приходских сельских церквей, похозяйственных книг сельсоветов, отделов ЗАГСов и полевых исследований армяне в своей трехтысячелетней истории использовали около 5400 имен. Подавляющее их большинство вошло в пятитомный «Словарь армянских личных имен», составленный одним из ведущих лингвистов, видным армянским ученым Р. Ачаряном (*Ачарян, 1942, 1944, 1946, 1948, 1962*).

По лексическому составу и генезису личные имена армян можно условно подразделить на 21 группу, среди которых исконно армянские имена в ААК составляют большой удельный вес. Большинство заимствованных имен проникли в армянскую среду вследствие непосредственных и длительных взаимных контактов с разными народами. В этом отношении имена в ААК являются важными источниками как для изучения истории и культуры армянского, так и других народов.

Из истории личных имен. Самый древний пласт в ААК – это так называемые доисторические, легендарные или мифические имена, которые упоминаются в клинописях, произведениях армянских и иностранных историографов, а также в дошедшей до нас устной традиции. Это в основном имена

мифических лиц – первопредков: hАйк – Айастан, Арамаис – Армавир, Гегам – Гегаркуник, Шара – Ширак и т.д. Ряд имен являются отражением астральных культов и календарных дохристианских праздников и совпадают с именами богов и богинь: Астхик (Звездочка), Лусик (Луна), Аревик (Солнышко), Маис, Арег, Аревшат, Михр и т.д. Такие имена как Араме, Манаваз (Менвас), Шара, Паруйр связаны также с именами предводителей племенных союзов и политических деятелей Ванского царства (Урарту) и других государственных образований на территории Армянского нагорья.

В VI в. до н.э. в ААК начинают распространяться иранские (зендские, пехлеви, персидские) имена. Иранские имена доминируют в составе иностранных имен в ААК, например, Аргашес, Вардан, Вахагн, Мигран, Сурен, Хорен, и другие, и сегодня, почти все без исключения воспринимаются как армянские. Как индоевропейские народы персы и армяне (до принятия христианства) были довольно близки в ритуальной традиции, имели много общего в культуре и языке, что подтверждается лексикологическими, культурными, политическими фактами.

Утверждение Арабского халифата в Передней Азии, в частности, на Армянском нагорье, привело к распространению арабской культуры, в том числе и арабских личных имен. Распространению в армянской среде как арабских, так и в более поздний период – других восточных имен, способствовали длительные контакты с соседними народами, в результате чего армяне, общаясь с ними, могли выбирать из ряда иностранных имен наиболее благозвучные (Ачарян, 1962. С. 352).

Начиная с X–XII вв. и, особенно, с XIII в. в ААК увеличивается число имен, относящихся к христианству. Хотя армяне приняли христианство еще в начале IV в., но более позднее распространение новых имен связано с устойчивой дохристианской традицией. Сложность периода XIII–XIV вв. состоит в том, что армяне с этого времени теряют свою государственность, и единственным организатором и центром армянской духовной и общественной жизни становится церковь. Почти в то же время армянская церковь утверждает обряд крещения ребенка в течение семи дней после рождения (Акопян, 1988. С. 144–149). Этот обряд сопровождался имянаречением, в процессе которого новорожденного часто нарекали именем одного из христианских святых.

По происхождению христианские имена очень разнообразны и классифицируются по разным лингвистическим и этническим группам:

еврейские: Ованнес, Мовсес, Даниел, Симон, Акоп, Микаел;

греко-латинские: Петрос, Погос, Геворг, Антон, Еранос;

ассирийские: Егише, Ашот, Абгар, Аршам;

армянские, связанные с календарными праздниками: Амбарцум – Вознесение, Затик –

Пасха, Галуст – Пришествие, Аветис – Благовещение, Добрая весть, Мкртум –

Крещение;

эпитеты Иоанна Крестителя: Андраник, Карапет, Мкртич;

эпитеты Богоматери: Макруи, Србуи, Искуи, Лусабер, Югабер;

армянские переводы иностранных христианских имен: Арутюн – греч.

Анастас

(Воскресение), Аракел – греч. Апостол, Хачик – Ставрий, Мхитар – Сет.

В XII–XIV вв. интенсивные политические и культурные взаимоотношения складываются между армянами и грузинами (период высокого положения при грузинском дворе армянских князей из династии Закарян), с одной стороны, и европейскими народами в период Киликийского армянского царства, с другой. В результате в армянскую среду проникают имена, популярные у упомянутых выше народов: Липарит, Эликум, Буртел, Васил, Алис, Этум, а также грузинские и европейские варианты библейских имен: Иване, Закаре, Степане, Рубен, Левон, Забел и т.д.

В XII–XVIII вв. в ААК проникают имена тюркского происхождения, а также имена святых из Корана, имеющие семито-хамитское происхождение: Аслан, Мурад, Саяд, Искандар, Абас, Атабек, Зелфина, Фатима и т.д. Ряд этих имен не получил широкого распространения, так как функция имянаречения при крещении, как отмечалось выше, перешла к церкви, которая нарекала новорожденных лишь христианскими именами.

В XIX в. и особенно во второй его половине развитие коммуникационных средств, распространение прессы и подъем культурной жизни совпадают с армянским национальным движением в Турции и Иране и пробуждением национального самосознания. Эти события имели значительное воздействие на состав употребляемых в народе имен. Как следствие начинается процесс «возрождения» имен исторических родоначальников – первопредков, мифических героев: hАйк, Тигран, Арам, Гегам, Паруйр, и создаются новые имена, в числе которых Айказ, Айкарам, Армен, Масис, Азат, Грайр, Арменуи, Асмик, Кнарик, Азнив (*Ачарян*, 1962. С. 353–360). Этот процесс в основном сопровождается вытеснением тюрко-арабских имен и частично имен христианского происхождения.

Очередное значительное нововведение в ААК связано с социалистической революцией и событиями, последовавшими за ней, в результате чего становятся популярными имена революционных деятелей: Владимир, Эрнест, Фрунзе, Жорес, Нансен, Надя и имена – аббревиатуры: Мелс (Маркс-Энгельс-Ленин-Сталин), Марлен (Маркс-Ленин), Ким (Коммунистический интернационал молодежи), Нинель (зеркальное Ленин) и т.п. Эти новые веяния охватывают в основном 1925–1940-е годы. Большинство этих имен существовало в одном поколении.

Весь XX в. отмечен популярностью иностранных имен, а некоторые из ранее употреблявшихся по традиции нередко переходят от дедов к внукам. В 60-е годы XX в. начинается новый этап – период пробуждения национального самосознания, и в оборот входят имена периода раннего и Среднего средневековья истории Армении: Артак, Карен, Атом, Гор, Мушег, Смбат, Баграт, Ашот, Ашхен, Седа, а исторические имена, уже употреблявшиеся при имянаречении, получают еще большее распространение.

Очередное возрождение исторических национальных имен отмечается в результате знаменательных событий. Так, в связи с празднованием в 1968 г. 2750-летия Еревана становятся популярными имена урартских правителей IX–VI вв. до н.э. – Араме, Менуа, Аргишти и другие, с началом в 1988 г. Карабахского движения – имена армянских национальных героев 1920-х годов – Андраник, Геворг, Сероб, Мушег и др.

В годы советской власти в составе ААК появляются русские и европейские имена: Светлана, Таня, Борис, Слава, Гена, Анжела, Кристина, Эдгар,

Эдмонд, Гамлет и т.д. Большая часть их распространилась под влиянием литературы, театра и кино.

Изменения, происходящие в разные исторические периоды в ААК, обусловлены также меняющимся в общественным восприятием личных имен. Судя по этимологии некоторых древних мифологических имен, в них закрепились характеристики ономантов (носителей имен): внешние физические данные, обстоятельства рождения, отношение родителей к нареченному ребенку. Таковы Гор – гордый, Зармайр – чудесный мужчина, Ардзан – красивый, Урнаир – мужчина с молотом, Каджайр – храбрый мужчина и т.д. Значения некоторых из этих имен позволяют также предположить, что они давались не сразу после рождения, а в более зрелом возрасте. Это свидетельствует о том, что в далеком прошлом не было конкретного срока для имянаречения. Кроме того, со временем имя можно было изменить, если личность проявляла более значимые черты (*Маргарян, 2000. С. 28*).

Восприятие сущности имен менялось также вместе с представлениями о добре и зле, загробном мире, переселении душ. Чтобы на человека не наслали порчу, нередко скрывали его настоящее имя; новорожденного нарекали именем предка, который тем самым должен был оберегать его. Именно с этими факторами связано большое распространение как христианских, так и мусульманских имен, которые давались с различными магическими целями, в частности, как обереги.

Мистификация имен способствует конкретизации круга имянарекателей, который становится ограниченным. Это право предоставлялось лицам, имеющим определенный статус в обществе. Среди них – церковный священник, повивальная бабка, крестный отец, гость, дядя по материнской линии и др.

В XIX в. эти представления претерпели заметные изменения, и в выборе имен постепенно на первый план выдвигается эстетический принцип, т.е. при выборе имени начинает все больше учитываться его благозвучие, современность, армянское происхождение. В некоторых случаях эти мотивы действуют одновременно, и трудно четко отделить их одно от другого. Это осложняется еще и в силу того, что постепенно расширился круг имянарекателей, что вносит субъективность в выбор имени в зависимости от их возраста, пола, образования, личных предпочтений.

Выбор мужских и женских имен. Большинство имен, составляющих ААК, семантически разделяются на мужские и женские как по структуре, так и по значению.

Женское имя образуется часто на базе мужского + суффикс, который в прошлом подчеркивал женский пол в его различном семейно-брачном статусе: дочери (суффиксы *-уй*: Арменуи, Заруи, Вардуи; *-духт*: Сандухт, Сирадухт, Айкандухт, *-ануш*: Сирануш); жены (*-тикин*: Сиратикин, Луйстикин; *-бика*: Уйсбика; *-хатун*: Меликхатун). Некоторые женские имена имеют суффиксы *-не*: Нуне, Мане, *-ани*: Назани, Гегани, *-ени*: Вардени, Назени. Ряд суффиксов, образующих женские имена, заимствованы из других языков: *-иа*: София, Мания, *-ита-ета*: Джульетта, Марета, Маргарита, *-и*: Сюзи, Агапи, Лили и т.д. Все эти суффиксы, как армянского, так и иностранного происхождения, означали «женщина», «девушка». Женские имена с указанными суффиксами склонялись по принципу женского рода; в современном армянском языке род отсутствует (*Гюльбудагян, 1988. С.179–187*).

Часто различием созвучных мужских и женских имен служит их содержание, в котором напрямую указывается принадлежность человека к определенному полу. Так, для мужских имен характерны названия городов, гор, хищных зверей, явлений природы, а также имена, характеризующие силу и волю – Сасун, Муш, Горис, Корюн и др. Для женских личных имен характерны названия больших рек, домашних красивых животных, фруктов, сладостей, а также слова, обозначающие красоту и нежность: Гехецик – красивая, Чнашхарик – дивная, Чинар – чинара, Сирун – красивая, Аннман – бесподобная, Кнкуш – ласковая, Назели – нежная, Амест – скромная, *h*Назанд – покорная, послушная, Хонар – смиренная.

В наше время среди женских имен употребляются названия цветов, птиц, драгоценных металлов, которые изначально принадлежали обоим полам или носителями этих имен были только мужчины. Только очень немногие имена по сей день являются парными: Ануш – сладкий(-ая) Ерджаник – счастливый(-ая), Сирун – красивый(-ая), Гарун – весна (ср. с русскими Саша, Женя).

В настоящее время в выборе личных имен можно выделить три наиболее распространенных мотива: имена, считающиеся армянскими; имена, выбранные по эстетическому принципу; имена умерших или старших родственников (чаще дедушек или бабушек, реже братьев и сестер). Последний мотив имеет более широкое распространение в сельской среде. В городской среде он часто соотносится с эстетическим. Поэтому детям даются имена родственников, имеющие современное звучание или подлежащие сокращениям для более удобного применения в повседневном быту.

В диаспоре имена армян обычно бывают приспособлены к особенностям местных антропонимических норм и моделей. У армян, проживающих в РФ и в других восточнославянских государствах, имена часто заменяются созвучными вариантами как, например, Торос-Тарас, Арутюн-Артем, Геворг – Георгий, Григор – Гриша, Астхик – Ася, Анаит – Аня и т.д. В арабских странах и Иране армяне своих детей нарекают в основном армянскими именами, которые редко подчиняются структурным изменениям. Армяне, проживающие в странах Европы и Америки, имеют довольно оригинальную структуру имен. Здесь детям иногда дают два имени: Жан-Масис, Джакоб-Ван, Сюзан-Ани и т.д. Иногда эти оба имени имеют армянское происхождение, что встречается в латиноамериканской среде. Это объясняется в основном тем, что латиноамериканская среда более ориентирована на сохранение культурного своеобразия и более толерантна, чем англо-саксонская.

Дополнительные виды личных имен. В древности, кроме личных имен, как дополнительные персонифицирующие маркеры употреблялись также родовое имя, название местности, наименование занятия и прозвища, реже – отчество (*Аветисян*, 2000). Родовые имена, упоминающиеся в древних письменных источниках, принадлежат в основном знати, хотя, можно полагать, что в те времена эта дополнительная форма имянаречения имела широкое распространение также в сельских общинах, где они до сих пор пользуются большей популярностью, чем официальные фамилии.

Названия места рождения, как дополнительные персонифицирующие наименования, были более распространены в университетских центрах и городах, где собирались студенты и ремесленники, приезжавшие из разных мест.

Среди последних широкое распространение имели также фамилии людей, представляющих конкретное ремесло и профессию. Таковы Дарбинян – Кузнец, Неркарарян – маляр, *h*Ацтухян – пекарь, Джрбахшян – распределитель воды, Варпетян – глава цеха и т.д. В XIX–XX вв. значительная часть топонимических названий сохраняется в фамилиях как, например, Ванян, Ванецян – от г. Ван, по тому же принципу – Эрзрумцян, Карсецян, Мшецян, Сасунцян, Лорецян, Икиликян и т.д. Довольно широкое распространение имеют фамилии, происшедшие из прозвищ.

Самый большой раздел фамилий образован из личных имен, среди которых преобладают имена христианские, например, Хачатрян, Мовсесян, Ованнесян, Саргсян, Аветисян и др. В традиционном крестьянском быту фамилии, в основном, образовывались по именам дедов и прадедов – основателей *азгов* (Каранетян, 1966. С. 61). В конце XIX – начале XX в. с переходом к официальной трехчленной антропонимической модели (фамилия, имя, отчество) в городской среде основанием для фамилий послужили также названия места рождения (Московян – из Москвы, Стамболцян – из Стамбула, Врацян – из Грузии, Эрзрумцян – из Эрзрума, Карсецян – из Карса и др.), видов ремесел и различных профессиональных занятий (например, Дерзакян – Портнов, Джулхакаян – Ткачев и др.).

Современное состояние. Для фамилий характерны имена с суффиксом *-ян* (Петросян, Варданян, Хачатрян, Арутюнян), в армянском языке означающем принадлежность родительного падежа. Немногочисленны фамилии с суффиксами *-янц/енц*: Овсепянц, Петросянц, Саакянц, Шеренц и *-унц* (древнеармянский вариант суффикса *-уни*): Гнуни, Арцруни, Уснунц, которые в разных диалектах также показывают принадлежность к родительному падежу. Происхождение и функции этих суффиксов рассмотрены в работах многих лингвистов и историков (Армянское родовое имя, 1937). Фамилии, не имеющие указанные суффиксы, в основном необычны и присущи, главным образом, людям искусства и литературы. В этом случае иногда вместо фамилии употребляется только личное имя, например, Асмик, Сирануйш, Жасмен, Мовсес (Акоп Мовсес), Арсен (Вахе Арсен).

Отчество у армян образуется с помощью суффикса *-и* от родительного падежа имени собственного: Армен – Армени (Арменович), Хачатур – Хачатури (Хачатурович), Левон – Левони (Левонович) и т.д.

Личные имена постоянно обновляются. Существование конкретного имени имеет множество причин, мотиваций, что обусловлено влиянием целого ряда факторов.

ПОХОРОННО-ПОМИНАЛЬНЫЕ ОБРЯДЫ И ОБЫЧАИ

В традиционной культуре армян, как и многих других народов, наибольшей консервативностью отличаются похоронно-поминальные обычаи и обряды, более всего сохраняющие значительное количество суеверий и магических приемов. Вместе с тем, в наши дни и в этой сфере постепенно происходят изменения и модификации.

В общем комплексе похоронно-поминальной обрядности армян выделяются три основных этапа: предпoxоронный, собственно погребение, похоронно-поминальный, а также соблюдение траура.

Традиционная похоронная обрядность. В похоронной обрядности армян довольно отчетливо проявлялась половозрастная регламентация, характерная для традиционного уклада жизни армян вплоть до начала XX в. (Варданян, 1971. С. 108–109). В ней играли роль пол и возраст как самого покойного, так и участников и исполнителей обрядов; основная роль принадлежала лицам старшего поколения, дети и подростки от участия в похоронах практически отстранялись.

Весть о смерти распространялась очень быстро. Родственники и соседи спешили в дом покойного утешить родных и оказать помощь. До погребения соблюдались определенные запреты. Так, в селе прекращались полевые работы, в поле, саду или огороде переставали копать или «переворачивать» землю (Лисициан, 1955. С. 259).

Подготовка к погребению начиналась сразу после смерти. После того, как священник освящал саван и воду, пожилые люди, нередко родственники или соседи, но обязательно одного пола с покойным, обмывали его вне жилого помещения, обычно где-нибудь в укромном углу во дворе дома, уложив лицом к востоку на доску, под которую подставляли корыто. До конца XIX в. сохранялся древний обычай обмывать умершего на молотильной доске – *kat*, что подтверждают и археологические материалы (Бдоян, 1972. С. 123). При этом всячески старались, чтобы смываемая с трупа вода и связанные с его обмыванием предметы (в том числе, кувшин с водой) непосредственно не соприкасались с землей: посуду разбивали, кувшин переворачивали. Оставшейся освященной водой омывали руки и ноги членам семьи умершего, чтобы их покинул страх, а иногда и имевшихся в селении больных, чтобы те «получили солнце жизни покойника» (Акопян, 1988. С. 129). На месте обмывания покойника зажигали светильник, который горел семь дней, чтобы «осветить душе путь на небеса».

Чтобы злой дух не поселился в опустевшем теле, прибегали к различным магическим приемам. Обмытого покойника со скрещенными на груди руками заворачивали в *patank* – чистый нестираный белый саван из бязи, который зашивали до груди белыми нитками. Лицо закрывали покрывалом – *eres k'aš*. Умершим детям в руку вкладывали зажженную свечу, чтобы после смерти родителей она смогла «осветить им путь». Обряжали покойника, как правило, те же лица, которые его обмывали.

Раньше не полагалось оставлять умершего на ночь в доме. Зашитого в саван, нередко обернутого в *карпет* покойника укладывали на погребальные носилки – *naš*, которые хранились при церкви, и переносили в церковь. Из дома его выносили мужчины, и обязательно ногами вперед. При этом во многих регионах дверь сначала закрывали, а затем троекратным ударом носилок с телом покойного как бы пробивали ее и только тогда выходили через открытую дверь, чтобы запутать следы назад к дому. Считалось, что таким образом «запечатывали» судьбу других членов семьи от возможного несчастья. Покойника три раза оборачивали у ворот дома, что повсеместно сохраняется и в настоящее время.

Испытывая перед смертью и покойником суеверный страх, армяне использовали ряд магических приемов, чтобы помешать умершему «возвратиться» домой и «потянуть за собой» кого-нибудь из родных. Вообще большинство похоронных обычаев имело целью всячески затруднить «возвращение» по-

койника домой (*Лисициан*, 1955. С. 259). На том месте, где покойный испустил последнее дыхание, ставили тяжелый камень, чтобы «нога его была тяжела к данному дому», т.е. чтобы покойнику было трудно вернуться домой, и никто другой из этого дома безвременно бы не умер (*Тер-Саркисянц*, 1998. С. 196, 197). Затем камень забрасывали как можно дальше. С той же целью во время траурного шествия священнику не следовало оглядываться назад, чтобы невольно не указать покойнику путь к дому, иначе в этой семье несчастье может повториться. При выносе покойника из церкви, остановке похоронной процессии по пути на кладбище у «камня упокоения» – *hangsti k'ar* (у ворот кладбища) и, наконец, у самой могилы носилки с телом покойного, как бы «пригвоздая» к месту, трижды поднимали и тяжело опускали на землю. Железные лезвие лопаты, которой копали могилу, насаживалось концом к древку, чтобы путь возвращения повернуть в обратную сторону (*Лисициан*, 1955. С. 259).

Суеверный страх испытывали и перед духом покойного, поэтому символически стремились разорвать возможные материальные связи между ним и живыми. Для этого, например, поднимая носилки с умершим, откидывали край ковра, на котором они стояли; при выносе тела из дома кто-нибудь из родственников разбивал глиняную миску или чашку; посуда и бутылки разбивались и на кладбище; священник своим крестом чертил над могилой крест, тем самым как бы «запечатывая» ее. Каменная плита – памятник на могиле – не только отмечала место погребения, но и «не давала покойнику встать». С той же целью в старину по контуру могилы насыпали крупные и мелкие камни – *кромлехи*, создавая магическое кольцо, из которого покойнику не выйти, что подтверждают и многочисленные археологические материалы разных эпох (*Лисициан*, 1955. С. 259).

Могилу рыли в день похорон близкие мужчины – родственники, соседи.

После того как в церкви священник, отслужив литургию – *patarag* – совершал отпевание, женщинам и девушкам полагалось вернуться домой. Прощаясь с покойником при выносе его из церкви, они горько оплакивали его, нередко доводя себя до экстаза, а затем продолжали вопли и плач по возвращении домой над одеждой покойного.

В старину похоронно-поминальные обряды у армян сопровождались плачами-причитаниями, восходящими своими корнями к отдаленному прошлому (*Мнацаканян*, 1956. С. 360–365). Особое место в них отводилось обращению к покойнику, с которым родные и близкие «беседовали» как с живым человеком. Практически в каждом селе имелись женщины-плакальщицы, сами сочиняющие импровизированные плачи-причитания и исполняющие их обычно нараспев; в ряде мест обычай сохранялся до недавнего времени (*Арутюнян*, 2007. С. 156–160). Громкие вопли и плачи подхватывали собравшиеся женщины.

Присутствие женщин на кладбище при погребении не допускалось. Так женщин оберегали от тяжелых эмоциональных стрессов, связанных с потерей близких (*Тер-Саркисянц*, 1998. С. 198). В прошлом запрет этот соблюдался довольно строго и сохранялся в Армении почти до предвоенного времени, но постепенно, особенно с закрытием церквей, он был изжит. Женщины, наравне с мужчинами, стали участвовать в похоронах, однако во время погребения

покойного и засыпания могилы землей они отходили в сторону, что соблюдается у армян и в настоящее время.

Покойника хоронили в саване, лицом на восток. Гроб в армянских селениях вошел в употребление сравнительно поздно – в первой четверти XX в., хотя известны случаи, когда еще на рубеже XIX–XX вв. некоторые зажиточные семьи хоронили своих умерших родных в гробу (Акопян, 1988. С. 129). Захоронение в гробу в городах появились раньше, чем в сельской среде. При этом обшивка гроба зависела от возраста покойного: чем старше был умерший, тем она была темнее. Для пожилых и стариков преобладал черный цвет (иногда темно-синий, коричневый), для детей и молодежи – светлых тонов. Эта традиция дожила практически до недавнего времени, пока не получили распространение современные гробы без обшивки. По мере того, как распространилось захоронение в гробу, зашивание в саван постепенно сменилось одеванием покойника в костюм (платье), предпочтительно новое. Умершего хоронили на его родовом кладбищенском участке. Исключение составляли лишь некрещенные, считавшиеся «нечистыми», в частности, умершие до крещения новорожденные дети. В таком случае их хоронили в тот же день не на кладбище, а вне его, где-нибудь поблизости, ограничиваясь лишь отпеванием, но обедню не служили.

На кладбище каждый из присутствующих мужчин бросал в могилу горсть освященной священником земли со словами поминовения и напутствием доброго пути. После погребения все пожимали руки родным покойного в знак скорби и утешения и желали им здоровья, однако сейчас рукопожатие сохраняется не везде. Уполномоченный представитель семьи приглашал присутствовавших на кладбище на поминки, называемые *hogehac* («хлеб во имя души»), *k'elex, sgaselan* (траурный стол) и прочее: это был поминальный обед за упокой души умершего (Харатян, 1989. С. 37). Все возвратившиеся с кладбища должны были вымыть руки, смыть с себя все, что было связано с покойным, «очиститься». Воду, употребленную для омовения, выливали в отдельное место, но не туда, где пользовались ею в повседневном быту. Обычай этого строго придерживаются и в наши дни.

На поминках, как и во все остальные поминальные дни, а также в повседневном быту, за стол садились сначала мужчины, затем женщины либо мужчины и женщины сидели раздельно, причем при этом соблюдался и принцип старшинства. Этот прочно укоренившийся в быту армян обычай соблюдается за поминальным столом вплоть до настоящего времени.

Священник читал молитву за упокой души умершего, после чего все, не чокаясь, пили за его «светлый путь», за то, чтобы он «в том мире» был «ходатаем» за оставшихся на земле родных. Тосты были короткими, пили и, немало закусывая, расходились быстро.

В качестве поминальных блюд на стол традиционно подавались отварное мясо – *xašlama*, в ряде районов – *šila* – пшеничная крупа, разваренная до кашеобразного состояния с курицей – *harisa* или с мясом – *kurkut*, во время поста – отварная фасоль, из напитков – водка и вино домашнего приготовления.

В народе верили, что покойники могут навещать родных, особенно в субботние ночи, поэтому в доме покойного оставляли зажженный светильник, в ряде регионов огонь зажигали на могиле вечером после похорон (Лала-

Поминальный стол: по традиции мужчины и женщины сидят раздельно. Ноемберян (Тавуш). Экспедиция. 1961 г.

Архив ИАЭ. Папка 13. Фото Г. Жамкочяна

ян, 1898. С. 17; Лалаян, 1903. С. 176). Считалось, что если покойник часто снится, а еще хуже – зовет во сне своего родственника, то это не к добру и означает, что он может навлечь на семью новую смерть. В таких случаях вбивали длинный кол или кинжал в могилу у того места, где должно было находиться его сердце, «чтобы окончательно убить в нем тоску по родным и пригвоздить его к земле, иначе он в своей тоске увлечет за собой кого-нибудь из родных» (Лисициан, 1955. С. 260). У армян, как и у многих других народов, существовало представление о том, что души умерших людей могут выходить из могилы и, принимая вид различных призраков, пугать людей, которые от страха становились душевнобольными или умирали на месте (Харатян, 1989. С. 34).

Поминальный стол: по традиции мужчины и женщины сидят раздельно. Ноемберян (Тавуш). Экспедиция. 1961 г.

Архив ИАЭ. Папка 13. Фото Г. Жамкочяна

Армяне верили, что смерть – это не окончательное исчезновение человека, а только переход от одной формы жизни к другой, поэтому мертвых следует кормить. Такое кормление начиналось уже с первого дня после смерти, когда на грудь покойного клали кусок хлеба (Лалаян, 1897. С. 17; Лалаян. 1903. С. 168; Чурсин, 1931. С. 243). Был широко распространен обычай (сохранившийся до сих пор), когда на следующий день после похорон рано утром на кладбище шли члены семьи и близкие умершего, в основном женщины, взяв с собой еду и напитки. Это посещение в народе называется *ek'nahol*.

Поминки повторялись на 7-й – *yot'*, 40-й – *k'arasunk'* день и через год со дня смерти – *tari*, которые в похоронно-поминальной обрядности армян считаются обязательными. На кладбище, освятив могилу, поминали усопшего.

Поминки: на кладбище на 40-й день, село Коти (Тавуш). Экспедиция. 1973 г.
Архив ИАЭ. Папка 37. Фото А. Степаняна

Старинный надгробный памятник, село Айгеовит (Тавуш). Конец XIX в. Экспедиция. 1973 г.
Архив ИАЭ. Папка 37. Фото Г. Жамкочяна

Затем мужчины, немного выпив, выливали остальную часть вина или водки на могилу и слегка закусывали, а оставшуюся часть принесенных с собой съестных припасов оставляли как долю умершего. С кладбища ничего нельзя было приносить в дом. После этого направлялись в дом покойного, где садились за поминальный стол.

По обычаю траур соблюдался 40 дней. Наиболее строго и долго придерживались траура пожилые люди, в особенности, если умерший был молодым. Траурную одежду (преимущественно черного цвета) носили не только все члены семьи покойного, но и близкие родственники, а также и соседи; старики нередко оставались в ней очень длительное время, иногда – до конца жизни. Женщины, кроме того, в знак траура снимали с себя украшения, мужчины не брились. В период траура домочадцы покойного считались «нечистыми», и потому соблюдали определенные запреты: не принимали участие в свадьбах, крестинах, праздничных событиях; как правило, никуда не ходили, за исключением посещения кладбища. Родные, близкие и соседи окружали их постоянным вниманием. Помощь и забота родственников проявлялась также в том, что еще в недавнем прошлом в поминальные дни в дом покойного полагалось приносить продукты (рис, сахар, водку), а также отрезки ткани.

Вывод из траура – *sgahan* – совершался на 40-й день после панихиды на кладбище и поминальной трапезы в доме умершего и сопровождался рядом традиционных обрядовых действий. Для бритья мужчин, находящихся в трауре, близкие родственники обычно приглашали цирюльника в дом покойного, в городской среде чаще их вели в парикмахерскую. Было принято, чтобы после 40 дней родственники, соседи поочередно приглашали скорбящих, в особенности женщин, к себе домой для вывода их из траура. С выходом из траура женщины убирали дом, стирали все белье, траурная одежда сменялась на повседневную, чем «смывался» всякий след, который мог еще «остаться» на членах семьи от пребывания в доме покойника (*Лисициан*, 1955. С. 260).

К году после смерти полагалось поставить на могилу надгробный камень. Армянские могильные памятники имеют форму высокой прямоугольной каменной плиты или округлого саркофага на постаменте. На них часто изображали орудия труда, которыми пользовался покойник при жизни. На сохранившихся старинных армянских кладбищах и сегодня можно видеть надгробные камни с высеченными на них изображениями различных предметов обихода, орудий труда, иногда – бытовые сцены (охоты, пахоты и пр.), семейно-обрядовой жизни (свадеб, похорон) и пр.

На надгробных памятниках конца XVIII – середины XIX в. обычно упоминалось имя покойника, его отца и родовое (азговое) название (*Карпетян*, 1966. С. 55). Более древним армянским памятником был «крест-камень» – *хачкар*.

Могилы родственников принято посещать также в дни поминовения усопших – *me'eloc'*, которые у армян приходятся на следующий день после основных церковных праздников. До сих пор наиболее распространенными являются дни поминовения, приуроченные к Пасхе и Воздвижению Креста – *Curb Xac'*. На Пасху еще в начале прошлого века совершались также общественные поминальные жертвоприношения – *axar* за упокой души всех покойников (*Лисициан*, 1955. С. 260).

Старинный надгробный памятник, село Коти (Тавуш). Конец XIX в. Экспедиция. 1973 г. Архив ИАЭ. Папка 37. Фото А. Степаняна

Показательно, что дни поминовения повсеместно соблюдаются у армян и в настоящее время. В ряде же регионов (Тавуш, Сюник, Карабак и др.) традиционно продолжают помянуть усопших также на Новый год (2 января) и на майские праздники (2 мая), которые в народном сознании воспринимаются именно как дни посещения кладбищ (*Тер-Саркисянц, 1998. С. 202; Варданян, ПМА. Тавуш, 2008; Сюник, 2010*).

Современное состояние похоронно-поминальной обрядности. Наиболее существенным изменениям похоронная, как и вся семейная обрядность в целом, подверглась в 20–30-е годы XX в. в период активной антирелигиозной политики советского государства. Закрытие церквей и попытки директивным путем внедрить в жизнь безрелигиозные семейные обряды (в т.ч. и так называемые беспоповские похороны) привели к тому, что на многие десятилетия было

прервано исполнение церковных треб при проведении семейных обрядов. Похороны с участием священнослужителей постепенно стали возрождаться лишь с конца 80-начала 90-х годов XX в. Связано это было как с подъемом интереса к своим национальным традициям на волне Карабахского движения и приобретением государственной независимости, так и последствиями разрушительного Спитакского землетрясения 1988 г.

В современной похоронной обрядности довольно четко отражаются социально-экономические перемены и многочисленные сложности сегодняшнего времени, а также немаловажную роль продолжает играть сила общественного мнения. С одной стороны, сохраняются основные этапы и многие традиционные архаические действия, с другой – имеют место модификации и определенные изменения, касающиеся прежде всего материальных компонентов обрядности и сроков проведения поминальных дней.

В случае утраты близкого человека и сейчас продолжают проявляться единство кровно-родственных уз и прочность соседско-дружеских связей. Сохраняется традиция привозить умершего на чужбине родственника в Армению. В подобных случаях нередко помощь берет на себя армянская община на местах, а также родственники и друзья в Армении. За последние годы немало случаев захоронения на своей исторической родине наших

Современное семейное захоронение, город Иджеван (Тавуш). 2008 г.
Фото из личного архива Л. Варданян

соотечественников, умерших в России, США (в частности, в Лос-Анджелесе), европейских странах. При этом показательно, что, невзирая на значительные расходы, привозят именно труп умершего и очень редко – его прах, хотя с финансовой точки зрения кремация обходится дешевле. Немаловажно и то, что кремация противоречит канонам Армянской апостольской церкви. В самой Армении захоронение повсеместно проводится традиционным способом; отметим, что в республике нет ни одного крематория. В наше время армяне хоронят умерших в основном на третий день после смерти. До похорон, особенно в сельской среде, в доме покойного в любое время дня с выражением соболезнования собираются родственники, соседи, друзья, сослуживцы. В городской среде вечером, накануне похорон, в доме покойного устраивают панихиду, о времени проведения которой оповещают заранее.

В городской и, особенно, сельской среде по-прежнему захоронение проводится, как правило, на родовом участке кладбища.

На покойника принято надевать хорошую одежду и обувь, желательно – новую. Незамужнюю девушку принято хоронить в белом свадебном наряде.

После похорон, как и прежде, родственники окружают близких покойного вниманием и заботой, в течение всего периода траура, а иногда и позже приходят к ним в дом с утешением и моральной поддержкой.

В современной похоронно-поминальной обрядности по-прежнему существует обычай открытия в доме окон сразу после смерти; ночного бдения у гроба покойного; семь дней держать в доме зажженным свет; трижды поднимать и тяжело опускать гроб при выносе его из дома; переворачивать стол (или класть на него камень) и убирать с него ковер, посланный под гроб;

у порога дома трижды оборачивать по часовой стрелке гроб с покойным и пр. Сохраняются также традиционные поминки, годовщина смерти и поминальные дни.

Стремление к возврату ряда значимых традиционных ритуалов получило развитие после обретения Арменией государственной независимости и подъема интереса к своим национальным ценностям, в чем немалую роль в настоящее время играет Армянская апостольская церковь. Сейчас, наряду с гражданскими похоронами, нередко проводятся также похороны и по церковному ритуалу или, по народному выражению, «похороны с попом» (*Варданян*, 2011. С. 136). В последние годы во многих местах восстановился традиционный запрет присутствовать женщинам на кладбище при погребении покойного. В Ереване все чаще отмечаются случаи хоронить умершего не из дома, а из церкви, что, как правило, трактуется как дань народной традиции.

Вместе с тем в похоронной обрядности армян произошли и продолжают происходить изменения и модификации. Прежде всего это касается объединения и искусственного сокращения поминальных дней, что вызвано социально-экономическими причинами, а также приездом на похороны родственников издалека. Чаще всего объединяют *эчнахох* и седьмой дни, о чем сообщают всем собравшимся после завершения ритуала погребения покойного. В подобных случаях седьмой день отмечается скромно, только членами семьи и самыми близкими. Иногда объединяют седьмой и сороковой дни. Поминки чаще объединяют в случае смерти стариков. Если же умерший был молодым, то, как правило, стараются соблюсти весь традиционный поминальный цикл.

С 1980-х годов не только в Ереване, но и во многих районах всех собравшихся в доме покойного, прежде чем они отправятся на кладбище, приглашают к столу к которому подают черный кофе с печеными сладостями. Если первоначально подобный стол предназначался лишь для женщин, то в настоящее время в нем принимают участие и мужчины. После этого, взяв с собой немного еды (сыр, хлеб, мясо) и напитки (водку, вино), все отправляются на кладбище, где, нередко после освящения могилы, в память покойного мужчины, отпив немного из рюмки, остальное выливают на могилу и слегка закусывают, большую же часть еды оставляют по традиции на могиле как «долю» покойного. Затем все возвращаются в дом покойного и садятся за поминальный стол.

В последние десятилетия наблюдаются изменения и в поминальной трапезе за счет расширения ассортимента блюд. Теперь, наряду с традиционной *хашламой*, нередко для поминок готовят разнообразную и обильную еду: всевозможные закуски, салаты, рыбу, кур, из напитков употребляется покупная водка, а также минеральная вода. Тем не менее в ряде районов вплоть до настоящего времени стараются по возможности придерживаться традиционной поминальной кутьи. Так, например, в селе Ашнак (область Арагацотн), заселенном выходцами из Сасуна (Западная Армения), до сих пор готовят *һарису*, в Капане и Карабахе – *куркут*, в Лори – рисовую *шила* и т.д. Собравшиеся добрыми словами вспоминают покойного, утешают его родных, при этом долго засиживаться не принято.

Учитывая многолюдность поминок, особенно в день похорон, в ряде селений еще в 60–80-е годы XX в. на средства местных жителей стали строить

на кладбище специальные помещения со столами, скамейками, кухонной утварью и столовой посудой. В городах такие помещения обустраивали на первых этажах жилых домов, правда в тот период подобная практика широкого распространения они не получили. В наши дни вновь стала возрождаться, причем не только в городской, но и сельской среде. Стало принятым устраивать поминки вне дома: в городах арендуют кафе, рестораны и т.п.; во многих селах – специально обустроенные просторные помещения, вмещающие до 200–300 человек.

Вошло в обычай приносить на похороны живые цветы: перевязанные траурной лентой букеты, корзины, венки. Со второй половины прошлого века в городской среде, а изредка и в селе на похороны приглашали духовой оркестр; в городах, кроме того, на панихиду – струнный квартет. Однако в последние десятилетия, особенно после Спитакского землетрясения, вместо квартета нередко используют магнитофонную запись армянской литургии – *patarag*. В настоящее время нередко в качестве музыкального сопровождения в похоронной обрядности (при выносе покойного из дома, его погребении, во время панихид в поминальные дни на кладбище) используют армянский национальный инструмент – *дудук*.

Как и в старину, близкие родственники покойного соблюдают траур. В период траура каждую неделю до 40-го дня они отправляются на кладбище. В 1960-е годы в знак траура было принято мужчинами-родственниками носить на груди фотографию покойного, позднее – черную траурную повязку на рукаве, не бриться до 40-го дня.

Помощь родственников семье умершего выражалась в том, что с 1970-х годов в ряде мест распространился обычай сбора денег для семьи покойного, сохраняющийся, особенно в сельской среде, вплоть до настоящего времени (Ширак, Сюник, Гехаркуник, Карабах). Сегодня, при тяжелом финансовом положении армянского села, сумма эта может быть чисто символической. Однако важен сам морально-нравственный аспект участия в посильной поддержке семьи своего односельчанина, что является наглядным примером азговой солидарности, а в более широком аспекте – воспроизводства традиционного механизма взаимопомощи у армян.

С середины 1960-х годов, начали ставить дорогие массивные памятники из базальта, гранита, мрамора, часто с фотографией или высеченным на камне изображением покойного, нередко в полный рост, особенно если тот умер молодым (*Тер-Саркисянц*, 1998. С. 202). Старинная традиция ставить на могилах *хачкары*, утраченная в советское время, стала постепенно возрождаться в 1970–1980-е годы.

БЕРОВАНИЯ

ДОХРИСТИАНСКИЙ ПАНТЕОН

Дохристианский пантеон армян формировался в течение длительного времени, начиная с возникновения первых божеств-прародителей в III тыс. до н.э. Пройдя через разные этапы развития и завершаясь образованием общеармянского пантеона в VI в. до н.э., он просуществовал до принятия христианства в качестве государственной религии в 301 г. н.э. (Вардумян, 1991. С. 59–161).

Патриархи-родоначальники армянского народа (XXV–XV вв. до н.э.). Ранние пласты пантеона входят в комплекс религиозных представлений, характерных для длительного периода распада доклассового и постепенного перехода к раннеклассовому обществу, что хронологически соответствует времени формирования государственных образований, «стран», на территории Армянского нагорья в начале III тыс. до н.э. В пантеоне основополагающее место занимают прародители-патриархи народа (арм. *nahapet*), о которых рассказывается в эпических сказаниях «Випасанк’», «Ерг випасанац», сохранившихся в трудах армянских авторов раннего средневековья – *Мовсеса, Хоренаци, Анания Ширакаци*.

Патриархи были известны как *dik’*, *dyuc’azunk’* – «боги, богородные», ибо в свое время они почитались как величайшие и могущественнейшие из богов, и одним из них был «именитый и храбрый» *hAйк* (Наук) из рода Иафета (Хоренаци, I, 5, 9). И когда Титанид Бел «ополчился на него», добравшись из Вавилона «до земли Араратской», мудрый *hAйк* собрал своих сыновей и внуков, отборных луконосцев, и укрепился у берега соленого озера Ван. *hAйк*, туго натянув широкий лук, «трехперой стрелой попадает в нагрудную пластину Бела», и «возгордившийся Титанид, грянувшись о землю, испускает дух», а вавилонские полчища обращаются в бегство (Хоренаци, I, 10, 11). «Страна же наша, по имени предка нашего, называется *hAйк*» – этими словами кончается сказание о великой победе *hAйка* (Хоренаци, I, 11). Эпоним армян *hau* олицетворяет древнейших *hAйев*, от которых исходит самоназвание армян – *hau*. Именами его сыновей и внуков были названы многие местности Армении (Хоренаци, I, 12). *hAйк* был обожествлен как покровитель и спаситель народа. Он – бог-первопредок, космический творец эпохи первотворения, символизирующий доброе начало, олицетворение вечности и времени. В древней и средневековой Армении считалось, что летоисчисление основано *hAйком*, и календарь назывался его именем, а месяцы года носили имена его сыновей и дочерей. Календарь *hAйка* берет начало с года его победы над Белом – с 2492 г. до н.э. (Алишан, 1895. С. 234–244). Ему было посвящено созвездие Ориона.

В этнокультурном аспекте выделяется также образ *Арама* из пятого поколения *hАйкидов*, с именем которого историческая традиция связывает название народа «армен/ армянин» и название страны «Армения». Защищая границы армянских земель на востоке, Арам вступает в борьбу с мидийцами под предводительством Ньюкара Мадеса, на юге страны он, со своей ратью, героически отражает нашествие ассирийских войск под предводительством исполина Баршама, затем движется на запад страны и в Каппадокии побеждает Титанида Пайаписа Кахеа. После этих «доблестных подвигов в сражениях», благодаря которым Арам «раздвинул пределы Армении во все стороны», «все народы называют нашу страну по его имени, например, греки – Армен, персы и сирийцы – Арменикк’ (Хоренаци, I, 12, 13, 14).

В сказаниях об Араме отражаются те далекие времена, когда происходили исторические события, в значительной степени повлиявшие на этническое формирование армян и их расселение по определенному географическому ареалу. Он, подобно *hАйку*, выступает как патриарх-первопредок, основоположник могущественной страны, названной соседними народами по его имени. Арам – эпический герой, борющийся за независимость родного государства, солнечный бог-покровитель, и ему посвящен третий день месяца в календаре.

Героическими подвигами и преданностью родине отличается также сын Арама – *Ара Гехецик* (Прекрасный). Эпические сказания повествуют о том, как армянский царь Ара отвергает любовь ассирийской царицы Шамирам (Семирамида), что служит поводом для начала войны между Ассирией и Арменией. Ара погибает в бою, и Шамирам, надеясь оживить его чарами колдовства, распускает молву, что собаколикие боги Аралезы, воскрешающие павших в битве героев, «облизали раны Ара и оживили его» (Хоренаци, I, 15). Ара – умирающий и воскресающий бог весны, возрождения природы после зимней спячки, бог растительности и земледелия, плодородия и плодovitости, изобилия и вечного обновления жизни. Он персонифицировал ежедневный восход и заход солнца (арм. *arev, areg, aregak, arp'i* – ‘солнце’). Ему, как богу весенних полевых работ, был посвящен первый месяц календаря Арегмарт. Его именем, по преданию, названы *Arai ler* – «Араева гора» и *Aragac* – «Араев трон».

Другой потомок из рода *hАйкидов* – *Торк*. Об этом исполине пели песни, в которых он, подобно Гераклу, «мог хватая руками гранитные скалы, вырезать на них, своими же ногтями, орлов и тому подобное» (Хоренаци, II, 8). Торк – каменотес-ваятель, культурный герой, передавший людям навыки наскального письма и искусства, столь развитого в богатом камнями Армянском нагорье. Он также покровитель ковроткачества, а ткацкий станок до сих пор называется его именем – *tork*. Его эпитет Ангех был связан с тотемной птицей *angl* – грифоном, изображения которого сохранились в наскальном и изобразительном искусстве, в топонимах Ангх в Айрарате, *hАйоц-дзоре* (Ван) и селе Ангехакот (Сюник).

На пороге принятия христианства эти боги-патриархи выглядят уже эпическими героями – основоположниками страны и народа, эволюция образов которых тесно связана с эволюцией этнического самосознания армян.

Боги страны Хайаса (XV-XIII вв. до н.э.). В середине II тыс. до н.э. в хеттских текстах упоминается страна Хайаса-Аззи на территории Армянско-

го нагорья, с которой могущественное Хеттское государство поддерживало тесные связи в сфере политической, экономической и культурной жизни. В клятвенной части договора, заключенного в 1380 г. между хеттским царем Суппилиумасом I и хайасским царем Хуканнасом, «взываются» боги обеих сторон.

В хайасском списке идеографически переданы имена богов вместе с именами городов, где они почитались. Во главе пантеона стояли покровитель страны *Hayasa* (*Hayk'* – Армения), умирающий и воскресающий бог подземного царства, воинственный громовержец Угур/Вогор (арм. *vogoril* – бороться), и богиня плодородия, имя которой передано идеограммой Великой матери богов – женского начала божественного происхождения всего живого. В надписи упоминаются также бог врачевания *Саннус*, рыбовидный *Закан*, бог вечности *Тарумус*, треххвостый *Териттунис*, помазанный *Унагастас*, творец *Утаксанас*, блестящий *Балтаиг*, дед-предок *Кархухус*, благосклонный *Силили* (*Капанцян*, 1948. С. 84–99; *Джаукян*, 1987. С. 327–330).

Боги страны Наири (XIII–IX вв. до н.э.). В древней истории армян важную роль сыграли также боги страны Наири, культовая система которых восстановлена на основании сравнительного анализа данных по хетто-хурритским божествам с данными армянского языка и фольклора (*Капанцян*, 1956; *Капанцян*, 1975).

В этой группе выделяются Великая мать богов Хепит, богиня красоты и солнечного луча *Шохаг*, бог грома и молнии *Шанта*, бог радуги *Тирана*, страшилище *Чивах*. Особо почиталась богиня материнства, водной стихии и небесного моря *Нар* – покровительница источников и дождевой влаги, туч и молнии. *Ар* и *Нар* олицетворяли мужское и женское начала, символизировав их единство как источник жизни, сочетание солнечной и водной стихий как магическое воссоединение двух полов. Вплоть до середины XX столетия в селениях бытовал обряд вызывания дождя при засухе, когда самодельную куклу Нурин подростки процессией носили по домам и собирали еду, запевая: «Нурин-нурин пришла, чудная гурия пришла, /...У бога она просит дождя, у людей – хлеба, / Воду приносите, чтоб ей голову облить, / Яйцо несите, чтоб в руки ей положить, /...Нашей Нурин долю несите, / Чтобы мы поели, попили, попиروвали» (пер. Гр. Капанцяна. 1956. С. 297).

Образ *Нар* нашел отражение в героическом эпосе «*Sasna cêr*» («Сасунские храбрецы»), где *Цовинар*, выпив воду из полной горсти и пол горсти из родника, зачала и родила братьев-близнецов *Санасара* и *Багдасара*, положив начало великому роду Сасунских богатырей.

Пантеон Ванского царства (IX–VI вв. до н.э.). В первой половине I тыс. до н.э. становление пантеона протекало в рамках государства Урарту. Урартские и ассиро-вавилонские клинописные источники дают богатый материал по культовой системе Ванского (Биайнского, Арагатского) царства. Главным из них является лапидарная надпись в нише скалы около города Тушпа (Ван), известная под названием «Дверь Мгера». В надписи приведены имена богов, богинь и святых урартского пантеона, числом около 80, с указанием полагавшихся им жертвенных животных.

Во главе пантеона стояла верховная триада богов со своими женскими половинами.

Создатель вселенной и людей, воинственный и могущественный небожитель *Халди* управлял страной и государством, был покровителем наук и искусств, ремесел и виноградарства. Символизирующего вечность Халди изображали то в облике безбородого юноши, то бородатого зрелого мужа, то седого старца. Правители страны принимали власть как дар бога Халди, свою победу считали его победой и воспевали силу его оружия (*Меликишвили*, 1960. С. 158). Самое большое количество жертв приносилось в честь Халди – 17 быков, 34 барана, в особых случаях и козлята. Главный храм Халди находился на юге страны в Мусасире (Ардини) и был очень богат золотом и драгоценностями.

Женской парой Халди была *Арубаини*, которая сопровождала его во всем – как дарующая жизнь богиня-мать, воинственная покровительница страны и государства, попечительница наук, искусств, ремесел и садоводства. В Мусасире она именовалась Багбарту и почиталась как богиня плодородия и плодovitости (арм. *bar* – плод) или же Багмашту – богиня мудрости (арм. *imast* – смысл). На Ванской скале Арубаини стоит первой в списке богинь, ей приносились в жертву корова и овца. Она изображалась то в виде девушки без головного убора, то в виде зрелой женщины в головном уборе – доходящей до пят шали.

Второй представитель верховной триады – *Тейшеба* – почитался как бог грома и молнии, небесной бури, войны. На Ванской скале возвеличивается «воинство» Халди и Тейшебы, к ним обращались цари перед битвой. Центрами его культа были «ворота бога Тейшебы» в городе Эридия, город Тейшебаини (Кармир Блур в пределах Еревана). На бронзовых поясах он изображен стоящим на быке, с боевым топором в руке. Он отождествлялся с красной планетой войны Марс. Его супруга – богиня стихии *Хуба* – изображена на хранящейся в Эрмитаже печати из Хайкаберда с поднятыми вверх руками, козленком у ног и с деревом.

Третий в верховной триаде – солнечный бог *Шивини*, который особо почитался в столице Тушпе, а его супруга *Тушпуеа* была покровительницей города. Символом Шивини на культовых печатях был крылатый диск солнца. На бронзовом поясе из Кармир Блура он изображен молодым безбородым богом.

Обожествлялись также планеты и небесные светила: Арди-Меркурий, Сарди-Венера, Шеларди-Луна, Цинуарди-Сатурн, также радуга Турани (арм. *cirani goti* – «пурпурный пояс»). Божеством подземелья был *Хутуини*. Покровителем мужской оплодотворяющей силы почитался *Арни* (арм. *arn* – «мужчина»), а богиней рождения – *Цилиа* (*cil* – «росток»). Почитались бог дорог *Хара*, бог пещер *Аираини*, бог пастбищ *Араца*, божество-орел *Арцибедини*, рыбovidный *Зикуни*, богиня-тополь *Барциа*, бог врачевания *Ирмушини*, идол *Астиузи*, покровитель скотоводства *Дидуаини* и др. (*Амаякян*, 1990).

Пантеон Великой Армении (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). Прямой наследницей богатейшей урартской культуры явилась Великая Армения, где в начале VI в. до н.э. формирование древнеармянского объединенного царства привело к централизации государственной власти и к сложению общеармянского пантеона, в котором выделялась верховная пара в лице *Арамзда* и *Анаит*, родителей сакрального семейства. Отец богов громовержец Арамзд олицетворял доброе начало мироздания, руководил всеми богами в небесах и людь-

ми на земле. Его чтили эпитетами великий и всемогущий, создатель неба и земли, даритель щедрого изобилия (*Агатангелос*, 2004. С. 37 [53], 40 [68], 57 [127]). Он был рожден Вечностью, и его планетой была самая большая звезда вечернего небосклона – Юпитер, а атрибутами могущества – гром и молния, а также радужный пояс.

Главное святилище бога находилось в Ани-Камахе, где впоследствии была усыпальница армянских царей Аршакидов. Другой храм – Дом Арамазда и его дочери Астхик, находился на горе Пашат (Васпуракан, Западная Армения). Третий храм, в котором горел вечный огонь, находился в Багаване (арм. *Dis'avan* – «Поселение богов»), в Багреванде (Айрарат). В его капище на берегу Куры жители совершали жертвоприношения (*Хоренаци*, II, 86).

Главный праздник Арамазда приходился на 11-е августа, Навасард – Новый год по древнеармянскому календарю, во время которого «в трубы трубили, в барабаны били, согласно обряду царей» (*Григор Магистрос*, 1910. С. 86, 87).

В Коммагенском пантеоне, построенном Антиохом I Ервандидом в I в. до н.э. на горе Немруд Армянского Тавра, сохранились каменные статуи Арамазда, Ваагна, Михра, богини-покровительницы страны, самого царя и символизирующих царскую власть льва и орла. Восседающие на каменных тронах боги на восточном и западном склонах искусственной возвышенности как бы встречают восход и провожают заход солнца (*Аракелян*, 1976. С. 20–24). Почитание дневного светила продолжалось и в христианской Армении, где действовали поклонники солнца *Arevordik'* – «Сыны солнца».

Женой Арамазда была *Anaum* – Великая госпожа, «мать всякого целомудрия», «слава и спасительница народа», «благотворительница всего рода человеческого», «попечительница» страны Армения (*Агатангелос*, 2004. С. 37 [53], 40 [68], 57 [127]). К ней с просьбой о победе обращались армянские цари перед военными походами. Она была покровительницей наук, искусств и ремесел, богиней любви, плодородия и плодовитости, деторождения и домашнего очага. Она также покровительствовала земледелию, садоводству и зерновым культурам и скотоводству. Во время празднеств Анаит дарили букеты хлебных злаков, в надписях она величается «косарихой». Она была связана с культами вола, быка, а вокруг ее храмов паслись телки с белыми пятнами на лбу. В распоряжении храмов имелись изделия из золота, серебра, меди и драгоценных камней. Бронзовая голова и рука скульптуры Анаит ныне хранятся в Британском музее.

Среди многочисленных святилищ самое известное находилось в Еризе (Екхеац-Акилисена), и вся провинция называлась *Anahitakan* – Анаитская. В эллинистическую эпоху в Армавире рядом со статуей Анаит поместили изображение Артемиды-Луны (*Хоренаци*, II, 14). На горе *Aryuc* в Тароне был расположен *At'orn Anahta* – «Престол Анаит». В эллинистическую эпоху она отождествлялась с греческой Афиной и с римской Юноной.

В древнем календаре 19-й день месяца назывался именем Анаит. Во время праздника воды *Вардавар* опрыскивали статую «златоматери, златовласой и златорожденной Анаит». *Вардавар* и сейчас празднуется в знойную июльскую пору, когда млад и стар обливают друг друга водой. Весенний праздник Анаит отмечался 7-го апреля, который в христианскую эпоху стал днем Святой Богородицы, а ныне празднуется как День материнства и красоты.

В общеармянском пантеоне выделяются образы дочерей и сыновей верховной пары.

Одна из дочерей – богиня красоты Астхик – почиталась как символ женской преданности и добродетели. Арм. *Astlik* – «звездочка» символизировала красивейшую звезду небосвода Венеру (арм. Арусеак) и в эллинистическую эпоху отождествлялась с Афродитой-Венерой.

В Тароне рассказывали легенду о том, что Астхик часто купалась ночью в реке Евфрат, а молодые храбрецы той местности, решив увидеть дивную наготу богини, однажды разожгли костер на горе Дагонац. Тогда богиня, чтобы защитить себя от чужих взоров, покрыла всю местность туманом – арм. *tšuiš*, потому и эту долину, и область прозвали Муш (*Срвандзтянц*, 1978. С. 47, 71–72.). Главный храм богини находился в Аштишате и назывался Комнатой Астхик и Ваагна (*Агатангелос*, 2004. С. 236 [809]). Она унаследовала красоту богоматери Анаит и величалась как «златорукая» и «розовоперстая». Астхик, согласно исторической традиции, была дочерью Ноя (Ксисутра), рожденной после Потопа. Она сглаживает ссору между братьями Зрваном (Сим), Титаном (Хам) и Иапетосом (Иафет), выступив как голубь мира (Хоренаци, I, 6). По народному преданию, когда Астхик босиком шла по земле, из-под ее прекрасных ног вырастали розы. Во время *Вардавара* статую богини опрыскивали водой, выпускали голубей и приносили в дар розы. В наши дни во время свадебных церемоний новобрачных в церкви окропляют святой водой, а при выходе осыпают лепестками роз и выпускают голубей.

Другая дочь Арамазда – *Нанэ* – унаследовала материнские качества Анаит. Она олицетворяла идеальную жену и мать, ее почитали как богиню мудрости, покровительницу домашних промыслов, хранительницу очага, находчивую и изобретательную домохозяйку. Ее образ пустил глубокие корни в народе: арм. *nani*, *nani* по сей день бытует в диалектах со значением «мать, старшая мать, бабушка». В ней сохранились черты древней богини – покровительницы пашни и урожая, богини-воительницы (*Орбели*, 1961. С. LV. 205–207).

Главный храм *Нанэ* находился в селении Тил (в районе Екехеац Западной Армении), другой храм – в Багаване. В эллинистическую эпоху она отождествлялась с греческой Деметрой и римской Минервой.

Ваагн (*Vahagn*), один из сыновей Арамазда, почитался как охотник-воин, бог мужества: «Да обретете вы и вся наша страна Армянская храбрость от отважного Ваагна» (*Агатангелос*, 2004. С. 57). Его величали эпитетом драконоборец (арм. *višapak'at*), потому как «в песне сказывалось, что Ваагн сражался с драконами и победил их» (*Хоренаци*, I, 31). «Некоторые почитали солнце, называя его Ваагном» (*Алишан*, 1895. С. 86, 87). В Васпуракане бытовал свадебный обряд, во время которого молодоженов выводили на кровлю дома, откуда был виден восход, и группа холостых дружек пела приветствие солнцу-*Vahe*: Рассвету привет! (Рассвету солнца дадим привет!) Чтоб дало оно царю долгую жизнь, *Vahe, Vahe!* То же самое пели для «царицы»-невесты (*Лалаян*, 1910. С. 158).

В средневековой Армении народные певцы, в сопровождении *пандирна*, пели песню о рождении Солнца-Ваагна из алого тростника в небесном море (*Хоренаци*, I, 31). В другом космогоническом мифе рассказывалось, как «суровой зимой Ваагн, предок армян, украл солому у Баршама, предка ассирий-

цев», уронив на своем пути мелкие соломинки. И с тех пор Млечный путь называется у армян Следом соломокрада (*Ширакаци*, 1940. С. 292–302).

Царь Арташес II (30–20) воздвигнул храм Ваагну в Малом Ахбаке (Васпуракан), а царь Трдат I (66–80) – в Держане (Высокая Армения). Главный праздник бога справлялся в середине октября (арм. *sahmi*), 27-й день каждого месяца назывался Ваагн. В эллинистическую эпоху он был отождествлен с Аресом-Марсом и Гераклом. Образ его стал прототипом главного героя эпоса Сасунци Давида.

Второй сын Арамазда – *Михр* (Mihr) – был солнечно-огненным богом, олицетворяющим небесный свет, доброе начало мироздания, справедливость. Солнце считалось верховным судьей, о чем свидетельствуют бытующие в народе клятвы «клянусь солнцем отца» (матери).

Распространенный среди молодежи народный обычай устраивать во время праздника *Трндез* хоровод вокруг костра и прыгать через огонь, восходит к древнейшему празднику в честь Михра и заключает в себе представления о животворной силе солнца и огня. В христианскую эпоху праздник был трансформирован в Сретение господне. Название месяца февраль – *mehekan* (михрский), а также арм. *mehean* – «капище» восходят к имени Михр.

На праздниках Михра в Армении, по свидетельству Страбона, в дар солнечному богу приносилось в жертву огромное количество жеребцов (Иностранные источники об Армении, 1940. С. 51). Автор «Анабасиса» Ксенофонт сам отдал своего коня старшине одного из сел для приношения в жертву богу солнца (*Ксенофонт, Анабасис*, IV, 34, 98). Из михрских святилищ известно Багайаричское, где в эллинистическую эпоху была установлена статуя бога огня кузнеца Гефеста. Храм Михра в Гарни, воздвигнутый в I в. в летней резиденции армянских царей, до сих пор стоит над глубоким ущельем реки Азат.

Следы Михра прослеживаются в эпосе в образах Сасунских богатырей. Мгер Старший борется с черным быком, а его внук Мгер Младший уходит в скалу и останется в пещере до тех пор, пока мир не станет добрее. Обряды Михра/Митры совершались в пещере или гроте. Заключение Мгера Младшего в Ванскую скалу и предполагаемый выход оттуда напоминают вознесение и ожидаемое пришествие Христа – со справедливым, но страшным судом.

После семейства богов почитался гонец и писец Арамазда Тир (Трэ) – покровитель риторики, грамотей и книжник, учитель жреческой мудрости (*Агатагелос*, 2004. С. 229 [778]). Прорицатель судеб Тир насылал людям сны и толковал их в храме наук и искусств в Еразмуине (в районе Востан в Западной Армении). Он продолжал традиции древнейшего жреца-прорицателя священной рощи платанов в Армавире Анушавана Сосанвера. В эллинистический период Тир был отождествлен с греческим Гермесом и римским Меркурием. Ему как покровителю осенней пашни был посвящен месяц Трэ – ноябрь. Еще в начале XX в. в Васпуракане пахотное орудие называлось *Tri aror* – ‘соха Тира’, сеять пшеницу – *tir dnel*, тягловые животные *Tri ezner* – «волы Тира», земледelec – *Tri mačkal* – «пахарь Тира» (*Бдоян*, 1974. С. 230).

В пантеоне почитались также покровитель праздника Навасарда – бог Нового года *Аманор*, покровитель паломников *Ванатур*-Приютодатель, даритель свежих плодов и злаков *Аменабер*. Земные истоки имела также *Спандарамет* (Спандармат), символизирующая покровительницу корней и растений

(арм. *armat* – «корень») и со временем превратившаяся во властелина подземелья и ада – Сандарамета, армянского аналога греческого Аида-Тартара. С адом были также связаны *Деметр* и *Гисанэ*, родом из Индии, от гнева правителя убежавшие в Армению, где в Тароне основали город Вишап (Дракон), и после их гибели сыновья воздвигли на горе Карке памятники-статуи, и эта местность считалась вратами ада. Был известен и бог семитского происхождения *Баршамин*, белую статую которого «из слоновой кости и хрусталя, оправленных серебром», царь Тигран II Великий (95–55) после покорения Месопотамии приказал установить в селении Тордан (*Хоренаци*, II, 14).

Общеармянский пантеон просуществовал до принятия христианства в качестве официальной религии, когда на месте древних храмов были воздвигнуты христианские церкви и началась эра нового вероисповедания.

МИФОЛОГИЯ

Верования. Армения (Армянское нагорье) с древнейших времен считалась для Ближнего Востока центром мира. По Библии Бог построил Эдемский рай на востоке, т.е. в Северной Месопотамии (в исторической Армении) у истоков райских рек Тигра и Евфрата. Здесь же Бог создал первую человеческую пару – Адама и Еву (Бытие, 2. 8–16). По этой же традиции после Всемирного потопа Ноев ковчег остановился на вершине Араратских гор (в Армении), и фактически второе происхождение человечества тоже связано с Арменией, откуда по всему свету расселились потомки Ноя (Бытие. 8. 4–5; 10. 1–32).

На территории Армянского нагорья и в центре Малой Азии сложились крупные государственные объединения II тыс. до н.э., постепенно сформировался армянский этнос, впитав культурную традицию древнейших цивилизаций.

Истоки древнеармянской мифологии и верований восходят к индоевропейской культуре, к наследию народов, заселявших территорию Армянского нагорья (хурриты, хетты, урарты, митанийцы и др.), впоследствии вошедших в состав армянского народа, а также к влияниям древних цивилизаций Передней Азии (месопотамской, иранской) и позже – греческой.

По мифологическим представлениям армян мир составлен из трех частей: Неба, Земли, Моря, причем Море выступает как образ нижнего мира, стихия хаотических вод, окружающая космос со всех сторон (*Топоров*, 1977. С. 107). По другим представлениям мир построен по трехъярусной системе: Небо, Земля и Подземелье. Небо и Земля, в свою очередь, состоят из семи зон. В глубине Неба и Земли простирается океан из *Черной воды* (*Sev jur*) – символическое представление хаотических вод. Он часто находится в последней седьмой зоне Подземелья. К концу мира Небо и Земля разверзнутся, и черная вода хлынет из недр. Она покроет весь мир, и он разрушится. В организме каждого человека есть черная вода, которая часто ослепляет его (*Арутюнян*, 2000. С. 9–13).

В загадках, заговорах, средневековых песнях часто выступает образ космического дерева, находящегося на бездонном море или в качающейся на морских волнах лодке. Иногда человек тоже представляется в образе дерева или столба, состоящего из разных частей, что изофункционально представле-

ниям космического дерева (столба), символически отражающего образы макро- и микрокосмоса. Согласно космогоническому воззрению, Земля окружена огромной рыбой Лекеон или Левиатан, плавающей в мировом Океане. Рыба пытается поймать свой хвост, но ей это не удается. От ее движений происходят землетрясения. Когда она переворачивается на спину, от блеска брюха образуется зарница. Если рыбе удастся поймать свой хвост, а это случится к концу Света, то разрушится мир (Ганалаян, 1979. С. 115, 116).

По другому представлению, плоская кругообразная земля находится на рогах огромного вола. И когда озорные осы и мухи начинают кусать его лицо, он от боли встряхивает голову, от чего и происходит землетрясение (Арутюнян, 2000. С. 13).

В преданиях народа значительное место занимают астральные сюжеты. В древности официальная религия армян включала культ Солнца и Луны. Статуи воплощающих их божеств находились в храме древнеармянской столицы Армавир. Секта солнцепоклонников – *arevordik* – продолжала существовать среди армян еще в XII в.

Богаты мифологические сюжеты о Солнце и Луне – *Arev* и *Lusin*. По этим мифам Солнце и Луна – дети небесного бога, близнецы – сестра и брат. Часто Солнце – сестра, а Луна – ее брат. Иногда они меняются местами, ссорятся и мирятся (Ганалаян, 1979. С. 125–127; Арутюнян, 2000. С. 44–64).

Со звездами был тесно связан культ предков. Так, *hAyk* – предок армян – астральный лучник, отождествлялся с созвездием Орион. Согласно народным верованиям, каждый человек имеет в небесах свою звезду, которая меркнет, когда ему угрожает опасность, и падает с неба, если человек умирает.

Существует множество мифов о Млечном пути, названным часто Дорогой Соломокрада или Следом Кумушки. По одному сюжету, у убитой женщины-оборотня из груди разбрызгалось на небосклоне молоко и образовался Млечный путь. По другому сюжету, крестная мать ворует у крестного отца солому. Кум заметил это, и кума, рассыпая по пути солому, поднялась со стыда на небо. След этой соломы до сих пор сохранился там в виде звезд (Ганалаян, 1979. С. 124; Арутюнян, 2000. С. 69).

Чередование дня и ночи представлялось как следствие сматывания и разматывания белых и черных клубков старцем *Жук у жаманак*, сидящим на высокой горе и олицетворяющим время.

Издrevле вокруг конкретных природных реалий (горы, реки, камни, озера, источники) складывались многочисленные мифы и легенды. Так, согласно верованиям, армянские горы некогда были людьми-исполинами либо демонами. В одном из вариантов мифа все они представлены как братья. Утром, пробуждаясь, они затягивали свои пояса, затем приветствовали друг друга. Но, постарев, они перестали затягивать ремни и здороваться. Бог наказал братьев, превратив их в горы, пояса – в зеленые равнины, а их слезы – в родники (Ганалаян, 1979. С. 50).

Все нарушения делятся на следующие группы: нарушение ритуала, нарушение космического порядка, нарушение моральных норм – семейных и социальных. В большинстве своем персонифицированные горы выступают парами, и между ними всегда наблюдается конфликтная ситуация. Такими парами являются Масис и Арагац, Марута и Андок, Мрав и Дагестанская гора, Загрос и Таврос (Ганалаян, 1979. С. 49, 58, 61).

Из природных реалий персонифицированы также огонь и вода, выступающие как близнецы сестра и брат. Сестра-огонь поссорилась с братом-водой, поэтому между ними вечная вражда: вода всегда гасит огонь.

В большинстве мифов животные, растения первоначально имели антропоморфный облик. Священными животными выступают бык, олень, медведь, кошка, собака, рыба; священными птицами – аист, ворона, журавль, голубь, ласточка, петух.

В эпосе «*Sasna čfer*» («Давид Сасунский») вестник и посланник богов – ворона. Вещей птицей, глашатаем утреннего света выступает петух, воскрешающий людей от временной смерти – сна, отгоняющий духов болезни. Аист фигурирует в мифах как вестник весны и защитник полей (Арутюнян, 2000).

Многие мифы посвящены змеям, культ которых издревле был распространен в народе. Особенно почитался уж, которого считали другом армян и даже называли «армянином». Считалось, что священные змеи живут в пещерах в своих дворцах. У их царей на голове находится драгоценный камень или золотые рога, у каждого из них – войско.

В армянской мифологии важное место занимают мифы и верования, связанные с демонами и злыми духами, общее название которых *č'ark'* или *č'arunk'* – 'злые'. Самыми архаичными из них являются *вишаны*, *дэвы* и *каджи*. В мифах и заговорах в качестве злого духа выступает волк. Персонифицируются болезни, злой глаз, дух зимы – *švot*, духи – *alk'*, *t'p'la*, причинявшие вред роженицам и новорожденным, дух или *Ангел смерти*, духи воды, топившие пловцов или поражавшие ночных прохожих; эротические духи сна, вызывавшие удушье, призраки усопших.

В верованиях важное место занимают легенды об атмосферных явлениях. Так, бурю, смерч или грозовые облака олицетворяют *вишаны*. Они живут на высоких горах, на небе и в больших озерах. *Вишан*, доживший до тысячи лет, может проглотить весь мир. Во время грозы постаревшие *вишаны* поднимаются с высоких гор, пещер или озер на небо, а небесные *вишаны* спускаются на землю.

С утверждением христианства образ Громовержца постепенно заменялся христианскими святыми и ангелами, чаще архангелом Гавриилом – *Gabriel Hreštak*, во время грозы вступающими в бой с *вишанами*. *Вишаны* пытаются проглотить солнце, ангелы же сражаются с ними. Ангелы вздымают *вишанов* к самому солнцу, от лучей которого они превращаются в пепел.

В армянской мифологии большое место занимает мотив смерти. Она представлялась как вечный или черный сон, а сон – как временная смерть. Каждое утро считалось воскресением душ при утренней заре. Судьба человека была predetermined уже при рождении. Она писалась ангелом на лбу. Счет дней жизни человека велся на небе или на горе. Здесь для каждого есть свой сосуд, в который ежегодно добавляется капля воды. Когда он наполняется, человек умирает. Смерть даже представлялась как борьба между человеком и ангелом смерти, который мечом или копьем ударяет умирающего и отнимает у него душу. Душа человека после смерти проходит по мосту-волосинке, протянутому над огненной рекой ада. Если это душа праведника, то она безопасно проходит мост и попадает в рай. Если грешника – мост от тяжести грехов рушится, и она проваливается в ад.

Древние мифы. В древнеармянской мифологии можно выделить пять основных мифологем и мифологических мотивов, лежащих в основе многих сюжетов:

а) астральный герой – мифический лучник-охотник и его борьба против демона тьмы (миф об hАйке и Беле);

б) умирающее и воскресающее божество, его деяния и испытания (миф об Ара Гехецике и Шамирам-Семирамиде);

в) Вишاپ-демон и космический поединок – мифы о Тигране и Аждахаке, Ваагне-Вишапаборце (Драконоборце), об Артавазде и вишапидах;

г) герой, заключенный в пещеру – мифы об Артавазде, Шидаре, Ерванде;

д) культурные героини-близнецы – мифы о Санасаре и Аргамозане, Мамике и Конаке, Деметре и Гисанэ, Ерванде и Ервазе.

Указанные мифологемы, хотя и носят общемифологический характер, в древнеармянской мифологии они передают исторические или псевдо-исторические образы, а мифические действия происходят в конкретно-географической среде.

Всеобщий миф о божественном лучнике-охотнике, боровшемся против мрачного деспота, символизирующий космическую борьбу света против ночного, зимнего мрака в армянской мифологии связывался с именем астрального героя hАйка, который, вероятно, первоначально был племенным божеством хайасцев, впоследствии превратившегося в общего первопредка армян. В лице мрачного деспота тьмы против hАйка выступает вавилонский титанид Бел, являющийся богом неба и солнца семитов, с которым hАйк, предок армян, ведет борьбу. На этом уровне миф сохранил свой изначальный мифологический характер, однако миф связался с начальной историей армянского народа, и древний космический миф приобрел социально-историческое содержание. Космическая борьба между светом и тьмой трансформировалась в социально-этническую борьбу армянских племен против захватнических и ассимилирующих устремлений вавилонского деспота Бела.

Мифическое или изначальное время превратилось в историческое, когда они во главе с hАйком пришли на север – на Армянское нагорье и, поселившись там, основали свою собственную страну. hАйк по народной этимологии означает и армян, и Армению (*Хоренаци*, I, 10).

Мифы о другом этническом боге армян – Араме – подверглись той же исторической трансформации, как и миф о hАйке. Будучи, вероятно, племенным богом аримов-урумейцев, Арам, из потомства hАйка, борется против богов и демонов.

Мифы о силах природы трансформировались в историческую эпическую борьбу предка армян Арама с вражескими племенами Ассирии, Каппадокии и Мидии за независимость, защиту и укрепление границ своих земель. Арам – второй предок – эпоним армян, по имени которого, по древним преданиям, другие народы называют страну Армений (*Хоренаци*, I, 12).

Миф об умирающем и воскресающем божестве в армянской мифологии имеет ту же самую мифологическую схему, что и у многих древневосточных народов. Богиня любви для утоления своей страсти ищет любовников. Она убивает любовника, оплакивает его смерть, а затем воскрешает его. Этот общевосточный миф у древних армян подвергся той же самой исторической трансформации, что и прежние мифы о hАйке и Араме.

Ара или Эр – древнее божество или дух злаков, растительности, встречающийся во II–I тыс. до н.э. среди хеттов, финикийцев, урартов, в древнеармянской мифологии превращается в армянского царя – в Ара Прекрасного (*Ara Gelec'ik*). Богиня любви и сладострастия превращается в ассирийскую царицу Шамирам (Семирамиду). Ассирийская царица Шамирам приглашает Ара Гехецика к себе в Ниневию и просит его взять ее в жены и стать царем Ассирии. Но Ара отказывается. Тогда Шамирам идет войной на Армению, чтобы покорить Ара. На поле битвы Ара погибает. Шамирам, найдя его труп, приказывает своим богам Аралезам зализать его раны. И она распространяет слух по всей Армении, что ее боги, зализав раны Ара, оживили его.

По другой версии этого мифа, сообщенной Платоном, армянин Эр, павший в сражении, на 12-й день после своей смерти оживает и рассказывает обо всем, что видел на том свете (Платон, 1971. С. 447). В этом мифе, как и в прежних, мифическое время превращается в историческое, когда происходили важные события между Ассирией и Арменией, отличавшиеся явно враждебными отношениями.

Третья мифологема – вишапы и космическая борьба – самый излюбленный мотив в армянской мифологии, с древнейшей поры до XX в. в разных вариантах бытовавший в армянской народной традиции. В древнеармянской мифологии данная мифологема встречается в нескольких вариантах.

К этой мифологеме относится Песня о рождении бога-драконоборца Ваагна. У Хоренаци сохранился фольклорный оригинал этой песни:

Мучилось родами Небо,
Мучилась родами Земля,
Мучилось родами и багряное Море.
Муки родин охватили
В море и красненький тростничок.
Дым выходил из ствола тростника,
Пламя выходило из ствола тростника.
И из пламени выпрыгнул светлокудрый юнец.
Его кудри горели огнем,
И борода пылала пламенем,
Очи же были (как два) солнца.

Хоренаци добавляет: «Мы собственными ушами слышали пение этой (песни) в сопровождении *пандирна*. Далее в песне сказывалось, что Ваагн сражался с драконами и победил их» (*Хоренаци*, I, 31).

Другой миф повествует о хтоническом демоне *вишапе*, который похищает сестру или жену бога грозы, но последний, победив *вишапа*, освобождает ее. Этот сюжет в древнеармянской мифологии связывают с армянским царем Тиграном, его сестрой Тигрануи, которая становится женой мидийского царя Аждахака. Весь миф трансформировался в историческую эпическую поэму на почве армяно-мидийских межгосударственных отношений в конкретно историческое время.

Другой сюжет о *вишапах* и вишапоборце сохранился также в древнеармянском эпосе «Випасанк», тесно связанном с прежним мифом. Мифологическая схема следующая: мать героя – вишапоборца тайно входит в любовные отношения с *вишапом* или дэвом, с которым боролся ее сын. Последний

убивает выступающего против него *вишана* и отнимает все его сокровища. Этот сюжет подвергся исторической трансформации в древнеармянском эпосе. Так, Вишапиды и их предводитель *вишан* Аргаван приглашают армянского царя Арташеса и его сыновей к себе во дворец. Во время обеда Аргаван пытается организовать заговор против царя. Храбрый сын Арташеса Артавазд отнимает поместья, дворцы и крепости вишапидов.

В этом мифе действия происходят на конкретно-исторической почве армяно-мидийских враждебных отношений, ибо под вишапидами всегда понимаются мидяне, потомки Аждахака.

Мифологема герой, заключенный в пещеру, в древнеармянской мифологии выступает в нескольких вариантах и связана с разными мифо-историческими персонажами. По одному варианту, сын царя Арташеса, упомянутый выше вишапоборец Артавазд, будучи проклятым отцом, во время охоты на горе Масис был захвачен *каджам* (злые духи, карлики), закован и заключен в пещеру. Две собаки беспрестанно грызут его цепи, а он силится выйти и положить конец миру. Но от ударов кузнечных молотов оковы снова укрепляются (*Хоренаци*, II, 61.).

По другому варианту, некий герой Артавазд заключен злыми духами: он когда-нибудь освободится от заключения и завладеет всем миром.

По третьему варианту мифа Артавазд выступает вместо своего отца Арташеса, а вместо Артавазда – его сын Шидар. По другому варианту Шидар – прозвище Артавазда, что означает "помешанный от ударов злых духов".

Данная мифологема повлияла на позднюю народную традицию: Мгер Младший, сын Давида в «Сасна Црер» («Давид Сасунский») заключен в скалу. По новому варианту эпоса, Мгер Младший борется против ангела бога и поэтому (как греческий Прометей и кавказский Амиран) приковывается ангелом к скале и приговаривается к страшной казни: ворона должна клевать ему почки, а сорока – легкие.

Мифологема о культурных героях-близнецах, их скитаниях, наряду с двумя предыдущими мифологемами, очень популярна как в древнеармянской, так и в поздней народной традиции. Суть этой мифологемы следующая: братья-близнецы или просто братья родом от чужеземных вельмож, выступавшие в своих странах против своих правителей, бегут в Армению, находят здесь пристанище и основывают новые княжеские роды, города, крепости. Все мифы о братьях-князьях выступают не на мифологическом уровне, а наоборот – только на уровне исторической эпикки, и в пространственно-временном аспекте четко определены. Братья Санасар и Адрамел (или Аргамозан по Хоренаци), сыновья ассирийского царя Синаххериба, убив своего отца, бегут в Армению, и здесь предок или первый царь армян Паруйр Скайорди поселяет их в юго-западной части Армении, у границ с Ассирией. От Санасара происходят сасунцы и княжеский род Ахдзника, а от его брата – Арцруниды и Гнуни. Данное сказание явно с мифологическими чертами и эпической подробностью, и как близнечный миф, впоследствии вошло в эпос «Сасна Црер», составляя содержание его первой ветви о братьях-близнецах Санасаре и Багдасаре – основателях Сасуна.

Другая версия этого мифа – о братьях Мамике и Конаке, сыновьях князя Тченастана Карнама, которые, восстав против царя, убегают в Иран, а потом в Армению, получают приют у царя. И когда против армянского царя вос-

стает князь Слкуни, по совету царя братья убивают его и получают от царя в дар владения Слкуни – Тарон и Сасун, где и поселяются. От этих братьев и происходит великий княжеский род Мамиконянов.

По другому варианту братья Деметр и Гисанэ – родом из Индии, которые строят козни против своего царя и бегут в Армению. Армянский царь дает им во владение страну Тарон, где они строят город Вишап. Спустя много лет царь убивает обоих братьев и передает власть их сыновьям. Те воздвигают на горе Карке медные статуи предков-братьев, обожествив их. Этот мифологический цикл связан с конкретной географической средой – с Сасуном и Тароном.

В древнеармянских близнецных мифах особняком стоит миф о братьях-близнецах Ерванде и Ервазе, родившихся от связи женщины-великанши с быком. Ерванд обладал злым и странным взглядом. Каждое утро дворцовые слуги ставили перед Ервандом каменные глыбы, которые от его взгляда трескались. Несмотря на все эти явно мифологические черты, и то, что Ерванд был заключен *каджами* в мутные воды рек, миф о Ерванде и Ервазе подвергся сильной историзации и вошел в состав армянского архаического эпоса «Випасанк». Ерванд выступает в роли армянского царя, а Ерваз – главного жреца. Ерванд в эпосе наделен отрицательными чертами. Но в силу своего близнецного происхождения, он является культурным героем, основывает чудесный город Ервандашат, культовый центр Багаван, сажает рощу Рождения в Армавире.

На миф значительное воздействие оказали также исторические предания о культурно-строительных действиях армянских царей Ервандидов, которые искусно переплетаются с мифом о близнецах.

В эпическом цикле об Арташесе особое место занимает его женитьба. Во время строительства и укрепления новой столицы Арташат в Армению вторгаются аланы. Арташес с войском выступает против них, берет в плен царевича аланов. Царь аланов просит освободить царевича. Арташес отказывается, но похищает царевну аланов Сатеник.

Метким аллегорическим языком Мовсес Хоренаци красочно описывает свадьбу Арташеса и Сатеник:

Золотой дождь шел на свадьбе Арташеса,
Жемчужный дождь шел на свадьбе Сатеник (*Хоренаци*, II, 50).

Таковы почти все основные мифологемы, мифологические циклы и мотивы, которые характерны для древнеармянской мифологии, дошедшей до нас из письменных источников разных эпох.

Специфика и закономерности древнеармянской мифологии.

1. Основная специфика древнеармянской мифологии – ее сильная историзация и локализация в пространстве и во времени. Архаичные мифы о явлениях природы трансформировались в мифо-историческую эпическую поэму.

2. Бинарность образов древнеармянской мифологии.

Основные носители бинарных оппозиций – армяне и «чужие». Армяне выступают как стабильные и безразличные по отношению к пространству и времени. Они, начиная с первопрародителя Айка до Артавазда, строят, борются на своей родной земле, в то время как «чужие» неустойчивы и меняются в зависимости от временно-пространственного фактора.

3. На основе демифологизации и историзации древнеармянских мифов, их превращения в историческую эпикку устанавливается эпическая генеалогия среди разных мифических персонажей. Между героями мифов выстраивается определенная генеалогическая связь: Арам – из потомства первопретка hАйка, Ара Гехецик – сын Арама, Анушаван Сосанвер – внук Ара Гехецика. Остальные эпические цари древнеармянского мифологического эпоса «Випасанк» (Тигран, Арташес, Артавазд и др.) считались hАйкидами.

4. Хронологические рамки бинарных оппозиций древнеармянских мифов охватывают период от мифического начального времени до полного поражения мидийских вишапидов (от убийства вавилонского титанида Бела hАйком до основания страны армян). Данная мифологическая хронология в историческом смысле совпадает со временем этногенеза армян до падения Мидии и создания армянского государства. Иными словами, древнеармянская мифология представляется единой мифо-исторической системой, разработанной разными поколениями на протяжении многих веков в соответствии с важными историческими событиями, пронесенными в течение своей длительной истории армянским народом.

5. И главное: хотя древнеармянские мифы в большинстве своем и потеряли начальный мифологический облик, однако в них, даже в трансформированном виде, сохранилось много изначального и архаичного, иногда и уникального, благодаря чему они занимают важное культурно-историческое место среди мифологий древних индоевропейских и соседних народов (*Топоров*, 1977. С. 88–89).

ПРИНЯТИЕ ХРИСТИАНСТВА

Сформировавшееся на закате античного мира христианство было системой вероисповедания, которое в I–II вв. широко распространилось в Сирии и Палестине, Каппадокии и на севере Африки. В конце III – начале IV в. христианство становится господствующей религией в Римской империи, особенно в ее восточных провинциях. Это учение разными путями во II в. начинает проникать в Армению, Закавказье, Иран усилиями проповедников с Каппадокии и Сирии. В 293–297 гг. оно распространилось настолько широко, что в 301 г. стало государственной религией Великой Армении. Принятие христианства явилось реакцией на стремление сасанидского Ирана насадить зороастризм и ассимилировать армян. В то же время отказ от политеизма и переход к единобожию соответствовал идее создания централизованного государства (*История...*, 1984. С. 71–73).

По преданию, восходящему к сирийскому первоисточнику, первыми проповедниками были апостолы Тадевос (Фаддей) и Бардугемиос (Варфоломей). Они прибыли в Эдессу по приглашению правившего там армянского царя Абгара, чтобы «благовествовать слово Господне» и помочь Абгару избавиться от недуга. Проповедники исцелили Абгара и всех больных. Этот рассказ с различными прибавлениями появляется в сирийской рукописи »*Doctrina Addaei*» в различных греческих переделках (*Христианство...*, 1993. С. 15). В Армении также распространилась эта сирийская легенда. Армянская церковь рассматривает сказания об апостолах Фаддее и Варфоломее как отражающие

в той или иной форме древнеармянскую историческую действительность апостольских времен (*Тер-Саркисянц*, 2005. С. 137). С этого времени Армянская церковь стала называться Апостольской. Хоренаци, опираясь на армянский перевод «Архимандритство Аддэ», писал: «И уверовали все и крестились сам Абгар и весь город. Заперли двери храмов идолов, а их изображения, стоявшие на алтаре и столпе, плотно прикрыли тростником. Хотя никого не принуждали к принятию веры, число уверовавших с каждым днем умножалось» (*Хоренаци*, II, 33; *Христианская Армения...*, 2002. С. 7).

Наряду с Эдессой, одним из центров, принявших христианство, становится Адиабена. Первые епископаты были основаны в провинции Цопк и Артаз (ныне г. Маку, Иран) в середине III в. Но окончательная христианизация Армении связана с именем Григора Лусаворича (Просветителя) (239–325), который был епископом в западноармянских провинциях Даранахи, Екехеац и Дерджан (*Епископ Езник*. 1998. С. 6). Чтобы получить сан архиепископа Великой Армении, он в 301 г. едет в Кесарию и получает сан митрополита.

С целью принятия христианства вся царская семья направляется в Багаван к священной горе Нпат. При крещении царя Трдата III (293–330) в память об этом событии в Багаване закладывается фундамент базилики Св. Ованнэс (*Орбели*, 1917. С. 128–143). Ранее здесь на алтаре горело негасимое пламя Ормузда (*Хоренаци*, II, 77).

Как особо торжественный акт в столице Армении Вагаршапате в 303 г. закладывается фундамент храма Эчмиадзин. Согласно житийной литературе, именно на этом месте «Сошел Единород» (*Эч Миадзин*) в виде небесного облака (*История...*, 1984. С. 76).

Официальное принятие христианства встречало сопротивление. Народ еще долго соблюдал языческие традиции. Поэтому христианские храмы чаще строились на тех же местах, где ранее располагались языческие капища.

В армянском языке есть два термина, означающие церковь. Официальное название *ekelec'i* – от греч. *ekklesia* – «собрание верующих», «храм», «собрание людей». Принят также термин *žam* – от *žamanak* («время») и «церковное песнопение» – *ekelec'akan žamergutyn*, и слово *жам* в народе стало означать церковь (*Ачарян*, 1973. С. 12, 221). От греческого *ekelec'i* в армянском языке мало производных слов, в основе почти всей церковной лексики – армянские слова, производные от *жам*.

Принятие христианства означало, что определилась политическая ориентация Армении в сторону Римской империи, а церкви обеих стран находятся в согласии, хотя в разные периоды бывало и обратное, что было очень выгодно сасанидскому Ирану. Потепление отношений особо наблюдается после того, как император Константин I (306–337) своим знаменитым Миланским эдиктом 313 г., провозгласил веротерпимость, узаконив тем самым христианство и объявив его равноправным с другими религиями Римской империи. Но даже после Первого Вселенского собора в Никее (325 г.) христианство не стало официальной религией Римской империи. Сам император Константин I принял крещение лишь перед смертью в 337 г. (*История...*, 1987. С. 77; *Тер-Гевондян*, 1982. С. 25). В 380 г. последний император Римской империи Феодосий I (379–395) объявил ортодоксальное христианство единственной государственной религией, а в 395 г. разделил Римскую империю на две части – Западную со столицей в Риме (или Равенне) и Восточную со столицей

в Константинополе (Византийская литература. 1974. С. 5). Это означает, что первой страной, официально провозгласившей христианство государственной религией, была Армения. До 368 г. армянские католикосы рукополагались в Кесарии. По специальному распоряжению царя Папа (368–374) армянские католикосы стали рукополагаться в Армении.

С утверждением христианства начинаются споры о сущности Христа. В язычестве давно сложилась иерархия богов и понятие о смерти и воскресении божества. Надо было отмежеваться от прошлого с появлением нового божества – Сына Отца. Главным становится вопрос, как согласовать божественную сущность Христа и его человеческое существование на земле. Эта доктрина так и не решена до сих пор. В 325 г. в Никее собрался I Вселенский собор, на который были приглашены царь Трдат III и католикос Григор Лусаворич. Но из-за осложнившихся отношений с Ираном поехал сын последнего – Аристакес (*Хоренаци*, II, 90). После возвращения из Никей он был рукоположен в католикосы. На повестке дня, наряду с разными организационными вопросами, касающимися церкви, было осуждение предводителя Египетской епархии Ария (318), утверждавшего, что Сын не вечен, не существовал до рождения, не был изначальным и что он не может равняться Творцу (*Христианство...*, 1993. С. 113). Арий был отлучен от церкви как еретик.

II Вселенский собор в Константинополе (381 г.) подтвердил решения Никейского собора. Однако Александрия во времена споров об арианстве, после долгой борьбы, сумела сделать свое учение приемлемым для всей христианской церкви. В период правления Египетской епархией Кирилла Александрийского (412–444) католикос Саак I и Маштоц Партев и Местоп были с ним в переписке и отправили в Александрию Мовсеса Хоренаци и его товарищей. Кирилл в то время был знаменитым писателем и представителем церковной ортодоксии. Именно он начал борьбу против константинопольского патриарха Нестория и добился в 431 г. созыва III Вселенского собора в Эфесе (*Абегян*, 1948. С. 200). На этом соборе разгорелся спор между Кириллом и Несторием. Несторий считал, что Мария – не Богородица, так как родила не Бога, а человека, который через Отца принес в мир божественное начало. Бог не может родиться от человека, и она – только Христородица (*Христианство...*, 1993. С. 747).

Эфесский собор завершился столкновением сторон. «Кровь лилась из-за одной буквы: “во двух естествах” или “из двух естеств”» (*Христианство...*, 1995. С. 175). Собор отлучил Нестория от церкви, постановив, что в утробе соединились «не так, что прежде родился от Девы простой человек, а после на него сошло Слово, а так, что Слово, соединившись с плотью в утробе Матери, усвоило в себе плоть, с которой родилось» (*Христианство...*, 1995. С. 197). Сущность монофизитства, принятая как формулировка константинопольского архимандрита Евтихия, сводилась к тому, что после воплощения Сына божьего в человеческом образе Иисусу Христу была присуща лишь одна – божественная природа; пострадавшим за человечество и распятым оказывался в таком случае не бого-человек, а сам бог (*Христианство...*, 1995. С. 171; *Каждан*, 1968. С. 113). Учение о троичности было сформулировано так: Бог Отец, Бог Сын, Бог – Дух Святой, причем Дух Святой был послан в мир и в Марию, родившую Бога Сына. После Вознесения Отец и Сын обитают на небе, а на землю сошел Святой Дух, который пребывает в апостолах и

сменивших их просвитерах и епископах. Такова доктрина православия и Армянской апостольской (православной) церкви (далее – ААЦ), определяемая как монофизитство.

Христианство в течение целого столетия имело свое определенное влияние на армян. Оно вызвало к жизни новый общественный слой, людей нового поколения, которые получили сирийское или греческое образование в Армении или за ее пределами и понимали необходимость создания армянской литературы для армянского народа и церкви. История оставила нам имена только трех таких представителей – Месроп Маштоц, католикос Саак I Парогев и царь Врамшапук Аршакуни. Они все трое заботились об армянской письменности и сохранении этнического самосознания.

Восточная Армения находилась под владычеством Персии, где официальным языком Армянской церкви был сирийский. Это была сознательная акция, чтобы ослабить греческое влияние. Развернулась борьба между Армянской церковью, персидской властью и зороастрийским жречеством. Для того чтобы иметь желанный успех, необходимо было распространить христианство в Армении и поставить его на прочный фундамент. Выход был один – ввести в церковный обиход понятный для всех армянский язык, а для этого были нужны армянские письмены и перевод христианской литературы на армянский язык. Нужно было создать самостоятельную Армянскую церковь (Абегян, 1948. С. 76, 77).

В 353 г. по единодушному согласию армянской знати католикосом был избран внук католикоса hУсика (341–347) князь Нерсес. По его инициативе в 356 г. был созван собор в Аштишате, который вошел в историю как Первый Армянский Национально-Церковный собор. Собор постановил организовать в различных регионах Армении приюты для нищих, сиротские дома, больницы, лепрозории и другие благотворительные учреждения. Также было решено основать монастыри, в том числе и женские, и открывать в них школы.

Создание армянской письменности, обучение грамоте, переводы церковных книг, молитв, псалмов, создание новых песнопений для богослужения укрепили авторитет армянской церкви и ее связь с греческим миром. Но христианство распространялось довольно трудно, пока епископ Месроп не изобрел в 405 г. алфавит, и была переведена Библия. Католикос Саак Партев и Месроп Маштоц в 430 г. пересмотрели литургию и составили молитвы.

Одна из важных миссий, которую выполнили армянские переводчики, состояла в том, что после III Вселенского собора в Эфесе (431) Овсеп Паганаци и Езник Кохбацци привезли с собой более точные греческие экземпляры Библии, поскольку первые переводы были ранее сделаны наспех с сирийского. Были привезены также каноны Никейского и Эфесского соборов. Благодаря новым переводам философской и богословской литературы с греческого, в армянской жизни и образе мышления происходит постепенный отход от языческих традиций (Тер-Саркисянц, 2006. С. 290–296).

В середине V в. персидский двор вновь предпринимает попытку принудить Армению к вероотступничеству, и на этот раз весьма решительную. В 448 г. в Армению отправляют послание с требованием принятия зороастризма. В 449 г. в Арташате был созван Национально-Церковный собор для ответа на послание персидского царя Йездигерда II. Собор постановил, что в государственных вопросах армяне признают власть персидского царя, в во-

просах же веры – только Бога (*Епископ Езник*, 1998. С. 19). Подобный ответ был одним из проявлений этнозащитного механизма армянской церкви. Это требование вызвало сильное сопротивление. Начались жестокие преследования, поношения и пытки христиан. Обостренные отношения зимой 450–451 гг. привели к Аварайрской битве армян с персами под предводительством Вардана Мамиконяна (451). В битве пал Вардан и восемь крупных князей – *нахараров*. Войско разбрелось, продолжая войну в разных районах страны независимо друг от друга. Персы, видя такой исход, вынуждены были переменить политику. В 485 г. был подписан Нварсакский договор: «Армянам дается право свободно исповедовать христианство. Епископам приказывают открыто и смело исполнять свои функции; также отшельникам предлагают вернуться на свои места» (*Абегян*, 1948. С. 250).

С середины V в. в Римской империи разгораются споры между монофизитами и диофизитами. Возникла необходимость созыва нового собора. IV Вселенский собор состоялся в 451 г. в Халкидоне. В нем участвовало более 600 человек, в основном греки. Армяне в нем не участвовали; достоверных сведений о том, пригласил ли их император Маркиан, не сохранилось. Известно, что в это время в Константинополе находилась делегация во главе с Амаяком Мамиконяном с просьбой о вооруженной помощи в войне с персами. Возможно, и в двух предыдущих Вселенских соборах – Константинопольском в 381 г. и Эфесском в 431 г. армяне также не участвовали, чтобы не обострять отношения с персами. К тому же, когда проходил собор в Халкидоне, армянский католикос Овсеп был арестован, иерей Гевонд и другие священнослужители были угнаны в Персию и после долгих пыток казнены. Их мучительную смерть подробно описал историк V в. Егише (*Лео*, 1967. С. 102).

На Халкидонском соборе была принята диофизитская формулировка: «Один Христос в двух естествах» или «две природы, не смешанные, не переходящие друг в друга и не отделенные друг от друга», которую не приняли армяне (*Тер-Минасян*, 1982. С. 51).

До Халкидонского собора 451 г. ААЦ была едина с другими восточными церквями. Она признала постановления первых трех Вселенских соборов, но постановление Халкидонского собора не было ею признано. До 80-х годов V столетия армяне не могли думать о догматических различиях, хотя стояли на позициях монофизитства (*Лео*, 1967. С. 102; *Абегян*, 1948. С. 251, 258). В это время христианская церковь была разделена на три ветви с тремя различными вероопределениями: в Риме и на всем Западе господствовало халкидонство (диофизитство), в Византии – монофизитство в духе «Энотикона (Запись согласия)» императора Византии Зенона (474–475, 476–491), в Персии – несторианство.

Чтобы избежать влияния Рима и сохранить свое национальное и религиозное единство, нужно было в вопросах вероисповедания отмежеваться от него.

Из-за христологических разногласий в 506 г. был созван Двинский собор, и Армянская церковь отделилась от Византийской. Армяне стали смотреть на свою церковь как на самостоятельную, и по имени Григория Просветителя она стала называться Григорианской.

В 554 г. в Двине вновь был созван Церковный собор, на котором был осужден Халкидонский собор и порвана связь с Византийской церковью.

ААЦ пошла по пути независимости. Это окончательно было закреплено на Двинском соборе (720 г.) при католикосе Ованнесе Одзнеци. Были канонизированы богослужение, литургия, праздники (Христианская Армения, 2002. С. 543). С этого времени можно говорить о существовании в Армении национальной церкви с ее догматами.

Византия не смогла подчинить Армянскую апостольскую церковь. В то же время католикос Грузии Кирион (Кюрион) в 608 г. принял постановление Халкидонского собора, и с этого времени Армянская и Грузинская церкви отошли друг от друга (Христианская Армения. 2002. С. 543). Большой поток армян, принявших халкидонство, переселился в Грузию в район г. Мцхета.

Византия неоднократно делала попытки подчинить Армянскую церковь. Так, в VII в. императором Ираклием (610–641) была сделана попытка объединить эти церкви. В 633 г. император и Армянский католикос Езр I (630–641) пришли к согласию. Подобный шаг был сделан и в 654 г., когда император Констандин II и католикос Нерсес III согласовали свои действия в Двине в церкви Св. Григора. Но это событие не было обосновано и сразу же потеряло свою силу (*Епископ Езник*, 1998. С. 25).

С середины VII в. Армения в течение 20-ти лет была плацдармом войн между Арабским халифатом и Византией. Хотя она считалась под властью арабов, но фактически управление находилось в руках армянских князей. Этот период связан с расцветом церковной архитектуры, *хачкаров*.

В начале VIII в. в Армению проникает павликанское учение, получившее название от имени Павла, верного ученика Св. Петра. Эта ересь довольно широко распространяется вплоть до XII в. Павликанство представляло собой стремление соединить зороастризм с христианством: отрицались все обряды, не признавались иконы, крест (*Лео*, 1967. С. 332). После поражения павликан (873 г.) ересь в Армении не прекратилась. Через некоторое время (в смутные времена) на армянской почве зарождается новое движение – тондракидское (по названию села Тондрак), которое считается продолжением павликанского. К сожалению, основы их учения не дошли до нас. Известны только обличительные речи противников – религиозных и общественных деятелей Григора Нарекаци, Григора Магистроса, Аристакеса Ластивертци и др. Тондракиды отрицали не христианство, а Св. Книгу, Св. Троицу, загробную жизнь, богослужение, литургию и, соответственно, рушили хачкары, сжигали церкви (*Абемян*, 1946. С. 11–13). Эта ересь в разных вариантах просуществовала вплоть до XIX в. Большинство еретиков переселились во Фракию и оказали влияние на формирование ересей в Европе, в частности, на альбигойскую, которая в XI–XIII вв. распространяется в южной Франции. Павликанское и тондракитское движение занимает важное место в международном антицерковном движении.

После падения Арабского халифата в 885 г. Ашот I Багратид принял царский трон. Византия в лице Константинопольского патриарха Фотия вновь подняла вопрос об объединении Армянской и Византийской церквей, и в 862 г. был созван Шаапиванский собор, также не приведший к согласию. Армянская апостольская церковь прочно продолжала защищать свою этнорелигиозную идентичность и на этот раз.

В 961 г. столицей Армении становится г. Ани. Открываются школы, университет, сооружаются церкви, там же обосновывается католикосат всея ар-

мян. Центрами просвещения и науки становятся университеты при монастырях.

С нашествием тюрков-сельджуков и падением в 1045 г. царства Багратидов ААЦ лишается католикосата. Преследуемое Византией и тюрками-сельджуками духовенство находит пристанище в Киликии, куда переносится и патриарший престол Армении (1062–1441) (*Епископ Езник*, 1998. С. 25).

Восточная ветвь армянского духовенства основывается в монастырских комплексах в Ахпате, Санаине, Хоранашате. Однако между ними начинается соперничество и споры в богослужебных вопросах.

В XII вв. Византия снова требует подчинения, и киликийское духовенство, руководствуясь политическими соображениями, вынуждено было принять предложение Запада. Киликийский католикосат (города Ромкла, Сис) сделал шаги к сближению, в то время как Восточная церковь не сдала своих позиций, оставшись непреклонной. В этой трудной борьбе ААЦ сохранила свою независимость. Период существования Киликийского царства связан с культурным подъемом, в частности, с расцветом рукописного искусства и миниатюры, в основе которой в большинстве случаев были евангельские сюжеты.

В XIII в. поднимается вопрос о переводе католикосата в политически защищенное место. Однако решительные шаги были предприняты лишь в первой половине XV в. при Дживаншире (1437–1467). Начинается мирный период, и католикосат возвращается в Эчмиадзин в город Вагаршапат. В 1441 г. здесь состоялся Первопрестольный Эчмиадзинский Национально-Церковный собор. С тех пор и по сей день Престол (*Mayr At'or*) Святейшего Верховного Патриархата и Католикоса всех армян находится в Св. Эчмиадзине (*Епископ Езник*, 1998. С. 34; *Христианская Армения*. 2002. С. 543). Первопрестольный Св. Эчмиадзин становится духовным центром не только для армян в Армении, но и в диаспоре.

В тяжелый для Армении период XV–XVI вв. были сглажены противоречия между армянскими патриархатами Киликии, Иерусалима, Константинополя и Эчмиадзина. Ряд решений способствовал ослаблению церковного сепаратизма, что сказалось также и в усилении роли этнокультурных традиций и этнополитического самосознания, толерантности в отношениях между религиозными общинами армян.

В XVII–XVIII вв. ААЦ активно участвовала в национально-освободительном движении. В то же время приводится в порядок церковное хозяйство, земельные владения, открывается типография. В 1828 г. Армянской церкви даются определенные права распространить свое влияние на армян, проживающих за пределами Российской империи. В 1870 г. было принято специальное «Положение», регулирующее отношения царского правительства и Армянской церкви с правом влиять на решения последней. «Положение» утратило силу в 1917 г. (*Христианская Армения...*, 2002. С. 543).

Деятельность Константинопольского патриархата прекратилась в 1915 г. в связи с геноцидом армян на территории Османской империи.

В 1804–1813 и 1826–1828 гг. во время русско-персидских войн архиепископ Нерсес Аштаракец и армянское духовенство помогали русскому войску.

Новый подъем в духовной жизни армян сопровождался и активной деятельностью армянского католикосата. Открывается духовная семинария,

Первопрестольный Св. Эчмиадзин. Кафедральный собор, основан в 303 г.
Из кн.: Армянские церкви

издается журнал «Арагат», в 1879 г. возводится церковь на могиле Месропа Маштоца в Ошакане. Епископ Мкртич Хримян (1892–1907) едет в 1878 г. в Западную Европу с дипломатической миссией для участия в Берлинском конгрессе, где должен был быть рассмотрен «армянский вопрос» о создании под покровительством России самоуправления Западной Армении или о присоединении покоренных областей к России. Отметим, что в период массового уничтожения армян по этническому признаку с 1894–1915 гг. погибли около 4 тыс. представителей духовенства, было ограблено и разрушено более 2200 церквей. Во время Сардарapatской битвы армян с турками в мае 1918 г. католикос Геворг Сурунянц не покинул Эчмиадзин, а многие епископы и священники были с армянским войском на поле сражения (Христианская Армения. 2002. С. 543).

С установлением советской власти (1920) для ААЦ настали тяжелые времена. По наущению властей «активисты» разоряли церкви, ссылали или убивали священников, растаскивали церковные сокровища, утварь, древние рукописи. В Эчмиадзине у порога хранилища рукописей – Матенадарана – были убиты его сотрудники. Общество «Анаствац» («Безбожник») руководило разрушением церквей в Ереване.

Отношение между Армянской церковью и государством улучшились в годы Второй мировой войны. По инициативе католика Геворга Чорекчяна были собраны деньги для строительства танков «Сасунци Давид» и «Генерал Баграмян».

Благоприятная ситуация сложилась в годы правления католика Вазгена I Палчяна (1955–1994) – образованнейшего церковного деятеля и умного политика. Авторитет Армянской церкви стал непререкаем и завоевал уважение всего армянского народа в стране и в диаспоре. С 1999 г. Верховным Патриархом и Католиком всех армян является его Святейшество Гарегин II.

В 1962 г. ААЦ стала членом Международного Совета Церквей. В 1995 г. в Эчмиадзине был создан Национальный Церковный собор, в 1995 г. – открыт Богословский факультет в Ереванском государственном университете. Большая деятельность развернулась в связи с 1700-летием официального принятия христианства. Начало празднования было объявлено с 31 декабря 2000 г.

Весь 2001 г. был ознаменован организацией международных симпозиумов на базе Национальной академии наук и ее филиалов, университетов, Министерства культуры и многих государственных и религиозных учреждений. Празднование явилось ярким свидетельством единения армянского народа и государства с ААЦ.

Ныне Армянская апостольская церковь состоит из епархий и приходов. Главой ААЦ является предстоятель Эчмиадзинского престола, в юрисдикции которого находятся епархии в Армении и бывшем СССР, Иране, Украине, Египте, Северной и Южной Америке, Австралии и Новой Зеландии, общины в Африке; епархии, епархиальные округа и два Патриарших экзархата в Европе, а также Индийское и Дальневосточное Патриаршее викариатства (Калькутта). В зависимости от предстоятеля Эчмиадзинского Престола находятся Иерусалимский и Стамбульский (Константинопольский) Патриархаты ААЦ.

НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА

УСТНОЕ НАРОДНОЕ ТВОРЧЕСТВО

Армянское устное народное поэтическое творчество связано с формированием армянского этноса, его языковой культурой. Образцы древнеармянской дописьменной эпической традиции (мифы, мифо-эпические сказания, эпосы) сохранились в исторических трудах армянских авторов V в. и последующих веков. Они приводятся как подлинный исторический материал.

Эпическая традиция. В «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци на уровне исторического предания сохранился древнеармянский мифо-исторический эпос «Випасанк» («Эпические сказания»), отражающий исторические события с VI в. до н.э. до II в. н.э. Армянский эпос «Персидская война» сложился в раннем Средневековье. В его основе лежат исторические события III–IV вв., когда в соседнем Иране после свержения парфянской династии Аршакидов воцарилась династия Сасанидов. Вражда и противоборство между аршакидской Арменией и сасанидским Ираном, в которую вовлекались различные герои, продолжалась в течение столетий. Эпос состоит из отдельных эпических циклов, названных именами армянских царей династии Аршакидов: Хосров, Трдат, Тиран, Аршак, Пап, Вараздат, а также полководцев из рода Мамиконянов: Ваче, Васак, Мушет, Мануел, которые вели вековую борьбу за независимость Армении. Разные эпизоды эпоса «Персидская война» сохранились в трудах армянских историков V в. – Агатангелоса, Фавстоса Бузанда, Мовсеса Хоренаци. Основной лейтмотив эпоса – борьба против персов за независимость родной страны, почитание и любовь к царю как символу власти и независимости родины. В одной из глав эпоса символично отображено почитание родной земли и воды. Так, чтобы испытать армянского царя Аршака II (350–368) на верность родине, персидский царь Шапур (арм. Шапух) велит привезти из Армении землю и воду и засыпать половиной пола в своей приемной этой землей, обрызгав ее водой. Пригласив Аршака, Шапур вместе с ним начинает прохаживаться по приемной. При этом, когда они вступают на персидскую землю, Аршак, раскаиваясь, признает, что заслуживает кары. Но как только они вступают на засыпанную армянской землей половиной, Аршак грозным голосом восстает против Шапура и отвечает, что, вернувшись на родину, отомстит ему. В этом эпизоде подчеркивается вера в магическую силу родной земли и воды, и что на родной земле человек чувствует себя сильным, гордым и свободным.

В эпосе «Таронская война», сохранившимся в исторических трудах Себеоса (VII в.) и Иоанна Мамиконяна (VIII в.), отражены события конца

V – начала VI в., связанные с борьбой князей Мамиконянов с сасанидскими царями и вельможами за независимость своей области – Тарон.

Последний эпический памятник, сохранившийся в устной народной традиции – «Сасна Црер» («Сасунские удалцы» или «Давид Сасунский») был обнаружен и записан лишь в 1873 г., и ныне представлен в многочисленных вариантах. Этот эпос является классическим примером героической эпики, где древние мифы искусно сочетались с поздними историческими событиями, создавая новое качество героического эпоса. Его целостная циклизация произошла в Средние века (VII–XIII вв.) на основе исторических событий той эпохи. Эпос состоит из четырех циклов, каждый из которых называется по имени одного из сасунских героев по генеалогической линии – от прадеда до правнука (Санасар, Багдасар, Мгер Старший, Давид, Мгер Младший). Первый цикл эпоса повествует о жизни и занятиях братьев-близнецов Санасара и Багдасара. Он построен на сюжетной основе близнечного мифа и сочетании исторического предания об ассирийском царе Синаххерибе и его сыновьях, убивших в 681 г. до н.э. своего отца и бежавших в Армению (IV Книга царств: 18:13). Второй и четвертый циклы – о Мгере Старшем и Мгере Младшем – построены на разных мифологических сказаниях о древнеармянском боге Михре (Митре) и на мифологеме о герое, заключенном в скалу. Третий цикл «Сасна Црер» – о Давиде Сасунском. Давид выступает в роли Бога грозы, драконоборца, о чем свидетельствуют все его подвиги и обретение меча-молнии. Его главным противником является его сводный брат Мсрамелик – *дракон*.

Во всех циклах эпоса вода выступает как первооснова. Связь героев с водной стихией проступает в имени их праматери Цовинар (*сов* – море). Цовинар – мать близнецов, которые зачаты от одной с половиной горсти выпитой ею воды. Огненного коня, доспехи и оружие Санасар находит на дне моря, а напившись из млечного родника, становится могучим и непобедимым. Свою крепость и город братья-близнецы основали у истоков бурной реки. Герои эпоса перед боем купаются в чудотворном роднике и, напившись из него, обретают силу и непобедимость. Давид погибает в воде, пронзенный стрелой неприятеля.

Основная тема «Сасна црер» – противостояние и борьба между христианами и язычниками-иноверцами из-за обременительной дани, наложенной захватчиками на Сасун, и разорения святыни сасунцев – монастыря Св. Богородицы. Важнейшим в эпосе является мотив наследника, имеющий композиционное значение, ибо без героя-наследника продолжение эпоса невозможно. Но проклятый своим отцом, Мгер Младший остается без наследника. С его входом в пещеру эпос заканчивается. Самая характерная черта данного эпоса – это непобедимый героический дух, обусловленный богатырскими подвигами героев и вековой борьбой армянского народа против арабских завоевателей. Будучи эпическим отражением конкретной исторической эпохи (VII–XIII вв.), «Сасна црер» слагался и передавался из поколения в поколение сказителями в устной традиции. Художественно вбирая многие элементы этнической культуры сквозь пласты разных эпох, он стал бесценным культурно-историческим шедевром армянского народа.

Историко-эпические песни. В течение веков они сопровождали и своеобразно отражали вехи армянской истории, сохраняя ее важнейшую особен-

ность – конфликт между армянами и иноземными порабителителями. Самая древняя историческая песня относится к XIII в. и называется «Песня о Левоне». В 1266 г. Левон, сын киликийского армянского царя Хетума I, во время сражения с египетским султаном Бибарсом попал в плен. Отец выкупает сына, отдав арабам город Алеппо. В 1270 г. Левон III становится царем Киликийского царства. Другая эпическая песня сложена о знаменитой исторической личности X – начала XI в. Григоре Нарекаци, возведенном в ранг святых. Ее содержание основано на эпизодах чудотворных деяний юного Григора. Эпическая песня «Карос Хач» была распространена в Западной Армении (Ван, Муш) и известна в 18-ти вариантах. Песня сначала состояла из двух независимых частей, которые впоследствии были объединены в единое целое. В этой духовной песне восхваляется крест как символ христианской религии и как самое могучее оружие против иноверцев. Мощностью креста состояла также в том, что он сплетен из священных растений простыми подпасками. Во временном отношении к «Карос Хач» довольно близка эпическая песня «Мокац Мирза». Мирза был армянским князем из провинции Мокс. Он получает приглашение от Колот-паши города Джебзире и едет к нему. Но лживый Колот паша во время обеда отравляет Мокац Мирзу. В песне все время повторяется трагический рефрен: »Жаль, тысячу раз жаль Мокац Мирзу!» Этот сюжет очень характерен для многовековой истории армян и представляет собой обобщенную картину реальной жизни, когда чужеземные узурпаторы разными средствами пытались расправиться с армянским дворянством (*Абегян*, 1966. С. 501).

В репертуаре эпических песен особняком стоит песня «Аслан ага» (*Aslan aġa*), не связанная с историческими событиями. Она основана на верованиях и нравовании. Аслан ага – богатый, не боящийся никого феодал, проводящий время в пирах. Он настолько беззаботен, что даже не знает, что существует смерть. В основе песни «Аслан-ага» – греческий миф об Алкестиде и Адмете (Калидонская охота), но сюжет, будучи обработан и связан с армянскими традиционными народными верованиями, получил сугубо национальную окраску.

«Песня о Ростом-беке» повествует о гибели Ростома – храброго сына карабахского мелика Абова, который в сражении близ Памбака (Лори) в 1904 г. был пленен персами и жестоко казнен. Ростом-бек со своим отрядом доставлял провиант войскам генерала Цицианова, окруженным под Ереванской крепостью.

Историческая песня «На помощь, Баязет сожгли!» повествует о реальных событиях – пожаре в городе Баязет в 1829 г. Там армяне после отвода русской армии с завоеванных земель подверглись жестокой мести турок за помощь и симпатии к русским. В 1829 г. Баязет был сожжен, а население бежало в Восточную Армению, присоединенную к России.

Колыбелью армянского героического эпоса был Сасун, который славился своими храбрыми, свободолюбивыми сыновьями, веками защищавшими свободу и продолжавшими традицию героев своего эпоса, и героическая крепость Зейтун, окруженная недоступными горами. Неоднократные попытки Турции ужесточить свою власть в Сасуне и Зейтуне заканчивались неудачами. Восставшие в 1893 г. сасунцы не сдались турецким властям. Окруженные регулярной армией и курдскими разбойничьими бандами, они храбро за-

щищались. Песня «Зейтунский марш», которая бытует по сей день, является призывом к борьбе против тирании, хвале мужества и преданности борцов:

Зейтунцы, в путь! Уже светло.
Бери ружье, садись в седло,
пойдем вперед!
Доколь, доколь хребет склонять,
Тирану шею подставлять?
(Пер. В. Брюсова)

В этот период непрерывных боев особо отличилось село Талворик (Западная Армения). Песня «Талворикский удалец» воспеваает суровый образ жизни горца-талворикца, привыкшего жить хотя и бедно, но свободно и независимо.

Песня «Раздался зов с армянских гор Эрзрума» посвящена патриотической организации "Защитник Отечества", созданной в г. Эрзруме (Карин) в 1882 г. и имеющей целью подготовить вооруженную борьбу западных армян против турецкого гнета. Это призыв к самообороне, защите национального достоинства.

В народном песенном репертуаре значительную группу составляют песни о бойцах-удальцах, с оружием в руках добровольно вступивших в неравную борьбу с коварным врагом. Песни о них в пору возникновения назывались гайдукскими, в дальнейшем и до настоящего времени – песни *фидаи*. Герои этих песен – в основном реально существовавшие личности, ставшие известными благодаря своим подвигам в Западной Армении: Ахпюр Сероп (Сероп Варданян), его жена Сосе, Саркис Кукунян, Геворг Чавуш, Арабо, Вардан, Вазген, Гурген, Менак (Егор Арустамян), Хан, Туман Тумян, Ишхан, Сако из Севкара и в центре – полководец, генерал Андраник паша (Андраник Озанян). Андраник Озанян, в народе известный просто как Андраник, три десятка лет с оружием в руках сражался против турецкой тирании, выказывая примеры необыкновенной храбрости.

Песни об Андранике слагались при его жизни. Народное воображение героизировало его личные качества: он родился под покровительством Св. Георгия, он непобедим, турецкая пуля его не берет. Андраника сравнивали с парящим над горами орлом, с неистово сражающимся львом.

Геноцид армян 1915 г. получил отражение в армянских песнях в основном на тюркском языке. Восточная же Армения, вовлеченная в Первую мировую войну, пережила связанные с турецким нашествием в Закавказье бедствия и страдания в 1918–1920 гг. Обескровленная Первая Республика Армения в 1920 г. потерпела поражение. Карабахское освободительное движение конца XX в., герои и их самоотверженные подвиги и храбрость дали толчок к воссозданию старых и созданию современных эпических песен, наделяющих своих героев более реалистическими чертами. В этом аспекте наиболее характерными являются песни о Командосе (ныне здравствующем генерале А. Тер-Тадевосяне), о погибших Бекоре, Монте («Аво»), Армене и др.

Армянские народные эпические песни XIX–XX вв. живы в народной памяти и широко бытуют в настоящее время, что обусловлено исторической судьбой армянского народа.

Командный состав ополчения Андраника (сидит в центре)
Фото из семейного архива Э.Х. Петросян

Армянские сказки. В фольклорном наследии армянского народа по своему объему, богатству и значимости видное место занимают сказки. Они отличаются богатством и разнообразием типов, объемов и сюжетов. В сказочном наследии армянского народа различаются следующие группы:

волшебные или чудесные, бытующие также под названием *hrašapatum*; реалистические, в свою очередь имеющие подгруппы: легенды, новеллистические и юмористические сказки; анекдоты.

Сюжеты сказок дают представление о тематике армянских сказок, варианты которых были распространены в разных историко-этнографических областях Армении и имеют параллели в репертуаре других народов.

Значительное место в сказочном наследии, особенно в ранних сборниках, занимают волшебные сказки. Характерные персонажи волшебных сказок: дэвы (чудища); одно-двух-трехголовые и змеи *višap* – драконы, *kaxard* – колдун, царь, три царевича, младший из которых – самый отважный и храбрый, но скромный и чуткий; три царевны; бездетный царь; заколдованный царевич в облике змеи; царевич, зачатый от поедания яблока; старик – мудрый советник и учитель; богатый купец-еврей; злая мачеха; братец-ягненок; превращенная в лягушку красавица; вскормленный львицей (или другим животным) юноша; сестра-людоед; распоряжающийся временем старик и т.д.

В волшебных сказках доминирующую роль играет вода – простая или живая. Место и время действий, как правило, не конкретизированы – просто страна, земля, город, горы, море, остров, лес, поле и т.д. Иногда указываются

лишь страны, куда направляются герои: Чинумачин (Китай), Инди, Индостан (Индия), Кандагар (Пакистан) и др.

Армянские реалистические сказки называются также бытовыми. В отличие от волшебных, их персонажи наделены реалистическими чертами. Названия сказок носят основные признаки социальной градации – царь, господин, священник (поп, дьякон, молла), крестьянин, ремесленник, два, три брата, супруги, брат и сестра, отец и сын, дядя (брат матери) и ремесленник, иногда с указанием конкретных исторических личностей – Шах Аббас, Султан Мурад, Врач Лохман, или же они характеризуют физические и нравственные отличия героев – мудрый, умный, плешивый, хитрый, глупый, языкастый и т.д.

В армянских сказках употребляются определенные формулы-зачины, характеризующие начало, конец сказок, время, женскую красоту и т.д. Обычно сказки начинаются фразой «было, не было». По ходу повествования употребляются: время странствования – *«шел, шел, так долго шел, сам знает да бог»*, пиршества – *«свадьбу справляли семь дней и семь ночей»*, женская красота – *«солнцу говорит не выходи, я выхожу»*. Нанося удар противнику, герой обычно говорит: *«...я родился единожды, у меня одно слово и один удар»*.

Заканчиваются сказки фразами *«с неба упали три яблока, одно – сказителю, другое – слушателю, третье – всему миру»*, *«их желание исполнилось, чтобы и ваше желание исполнилось бы»* или *«добро – здесь, зло – там»* и т.д.

История записи и публикаций сказок. Сознвая важность и роль сказок в национальной духовной культуре и утверждении этнического самосознания, любители-энтузиасты народного творчества и в основном специалисты в разных этнографических областях исторической Армении за последние 140 с лишним лет записали тысячи единиц их различных образцов. Первые записи народных сказок принадлежат перу братьев Аракела, Алексана и Григора Багатрянов. В 1860 г. в г. Шуши ими были записаны на карабахском диалекте ряд волшебных и реалистических сказок, юмористических рассказов, анекдотов. Эти записи хранятся в НАА (фонд № 484). Почти одновременно, независимо от Багатрянов, священником Г. Срвандзтянцем были записаны сказки в области Васпуракан (Западная Армения).

Сказки записаны в историко-этнографических областях Армении более чем на 40 диалектах. Только экспедицией, организованной Е. Лалаяном, от беженцев из Западной Армении в разных городах Закавказья было записано 875 сюжетов разных групп. Они содержат древние пласты народного мышления, сохранившие в себе истоки обычаев, традиций, представлений, мифов, верований, а также социальных процессов. Вплоть до конца XX в. сбор и записи продолжались. В настоящее время осуществляется научное издание свода армянских народных сказок; на сегодняшний день издано 16 академических томов. Для издания сказок принят этнографическо-диалектический принцип классификации. Духовное богатство и особая значимость указанных сказок, их ценность для современной науки в том, что они записаны и зафиксированы на диалектах тех этнографических областей, большая часть которых ныне не существуют, их автохтонное население – создатели и носители сказок – в большинстве истреблено во время геноцида, а выжившая часть рассеялась по всему миру.

Особое место в эпической традиции занимают басни, записанные и обработанные еще в Средние века Мхитаром Гошем и Варданом Айгекци, исследованные и опубликованные в трех томах академиком Н.Я. Марром (1889–1894 гг.). Множество народных басен, записанных позже, вместе со средневековыми баснями составляют богатую страницу армянской народной прозы, частью которой являются также народные предания, собранные, исследованные и опубликованные академиком А. Ганалаяном в 1969 г. (русский перевод – в 1979 г.).

Народная лирика. Ранние образцы древнеармянской лирики – *hayren* (букв. «по-армянски») засвидетельствованы в средневековых манускриптах, начиная с XIII в. Много *айренов* собрано и в последующие века. Их варианты, бытовавшие в устной народной традиции, назывались *antuni* (букв. «без дома») – песни бездомного, ибо в этом стихотворном размере в Средние века были сочинены и песни скитальцев. Видимо, эти песни сочиняли народные профессиональные певцы – *gysan*, которые «творили устно и распевали свои песни в сопровождении игры на музыкальных инструментах по преимуществу на пирах, свадьбах и во время погребальных процессий. Песни по своему содержанию, главным образом, застольные, любовные, колыбельные и погребальные» (Абемян, 1940. С. 33). Стихотворный размер этих песен построен на двустишии, которое представляет одно целое и называется *tun* или *beyt*¹. Этот размер, перешедший из народной лирики в литературную традицию, является излюбленным для литературной поэзии XIII–XVII вв.

Другой типологической моделью армянской народной лирики являются четверостишия (иногда двух- или трехстрочным составом), названные народом *xal*, *xalik* (песня, песенка), всегда сопровождаемые припевом. От этих маленьких песен обычно через контаминацию или наращивание складываются длинные песни. Они как отдельный жанр относятся к крестьянскому песенному репертуару и отражают в большинстве своем разные стороны сельской жизни.

Отметим, что на их основе сочинялись армянские народные плясовые песни. *Хахики* и *айрены* представляют те основные типы народной лирики, на основе которых сочинены почти все виды и группы песенного репертуара. К ним относятся:

Обрядовые песни, куда входят: а) рождественские колядки – *avetis*, исполняющиеся группами юношей в Сочельник Рождества Христова обходной процессией по селу и радостно возвещающей о рождении Иисуса; б) свадебные песни, в которых центральное место занимают восхваление одежды невесты («царицы», «венценосицы») и древа жениха «царя» («венценосца»); в) песни-гадания на Вознесение Господне – *vički erger*, исполнявшиеся девочками и молодыми женщинами; г) песни-причитания – *volberger*, *sgaerger* исполняются во время оплакивания покойника. Плачи-причитания были древнейшим обычаем у армян, засвидетельствованным в литературной традиции еще с V в.

Трудовые песни в большинстве своем – крестьянские, тематически подразделяются на две основные группы: а) связанные с полевыми работами; б) связанные с домашними работами.

Основными песнями, связанными с полевыми работами, являются песни вспашки и посева (*gut'anerg*), по припеву называемые *horovel*.

При исполнении домашних работ (во время прядения, ритмичных движений сбивания масла в *хноци*, толчении ступкой, доении коров) женщины часто пели песни, отличительной особенностью которых были повторы слов (Ганалаян, 1937).

Песни скитальцев, странников, известные в народе под названиями *panduxti* или *laribi erger*, издавна присущи песенному фольклору. По содержанию они разделяются в основном на три тематических мотива:

отправление скитальца на чужбину и прощальные пожелания родных и близких;

тяжелое состояние скитальца на чужбине, его тоска по родине и родным, иногда

мотивы его болезни и смерти;

ожидание, тоска, переживания родственников и близких, иногда с чередующимся

мотивом радостной вести о возвращении скитальца, а иногда – о его смерти и траурной

церемонии (Мкртчян, 1961).

Солдатские (рекрутские) песни армян по сравнению с другими видами народных песен – результат более позднего времени и связаны с определенными историческими событиями. Они начинают складываться с конца XIX в., когда восточные армяне начинают призываться в российскую армию, а западные армяне – в османскую. И скитальческие, и солдатско-рекрутские песни насыщены драматизмом человеческих переживаний, болью, печалью и тоской (Газиян, 1989).

Детские и колыбельные песни сочинены как по типам *хайренов*, так и *хахигов*. Жанровой спецификой колыбельных песен считаются припевы. В колыбельных песнях большое место занимает хвала и бесконечная любовь матери к ребенку, мечта о его счастливом будущем, забота о сохранении его здоровья от всех злых духов и внешних опасностях (Абемян, 1931; Абемян, 1940; Григорян, 1970).

Армянская паремиология. Пословицы и поговорки любого народа считаются концентрацией мудрости данного этноса. Армяне называют их «слова предков» как заповедь мудрости для каждого следующего поколения. Малые по форме, они представляют собой стереотипные формулы речи, состоящие всего из нескольких слов и словосочетаний, которые, однако, семантически насыщены глубокими обобщающими идеями.

Первое упоминание об армянских пословицах и поговорках датируется V в. Мовсес Хоренаци приводит пословицу о прозорливом Шара, бытовавшую среди крестьян – его современников: «*Коль у тебя глотка Шара, то у нас не ширакские амбары*» (Хоренаци, I, 12). Эта пословица восходит ко времени вторжения в Армению племени шираков – сарматов, т.е. к IV–II вв. до н.э.

Систематическая фиксация армянских народных пословиц и поговорок начинается с середины XIX в., и сегодня их число превышает 100 тысяч. Большинство из них систематизировано и опубликовано в капитальном труде академика А. Ганалаяна (Ганалаян, 1951).

Загадки. Древнейшие названия загадок встречаются еще в V в., в армянском переводе Библии и в трудах древнеармянских писателей. В этих источниках чаще всего повторяются *arak*, *araspel*. Термин *haneluk* – загадка впервые

встречается у Анания Ширакаци (VII в.). В народной же словесности бытуют следующие названия загадок: *haneluk*, *hank'*, *hananelik'*, *arak*. Относясь к эпическому жанру, загадка композиционно состоит из двух взаимно обусловленных частей: предмета загадки или основного значения и формулировки загадки или их внешнего образа. Эти части отличаются своей стилистикой. По своему внешнему стилистическому виду загадки делятся на две группы: позитивную и негативную. Большая часть армянских загадок имеет позитивный характер, например: «Один воробей целый дом охраняет» (ключ), «Конь ускакал, седло осталось» (река – мост). Загадки, помимо своих жанровых особенностей, взаимосвязаны с прочими жанрами словесности (сказки, заговоры-молитвы, пословицы, песни). В армянских загадках сохранились отголоски древнейших языческих верований и ритуалов христианской религии позднего периода.

Магические формулы. В армянском фольклоре важное место занимают паремиологические формулы магического характера, такие, как проклятия – *anec 'k'*, пожелания, благословление-*orhnank'*, клятвы – *erdum*, молитвы и заговоры, заклинания – *alot 'k'*, имеющие архаическое происхождение и прикладное применение в разных сферах народной культуры. Все эти жанры принадлежат сфере так называемой вербальной, т.е. словесной магии, когда отдельным типам человеческой речи приписывается магическая сила. Все эти жанры благодаря своему магическому характеру издревле имели прикладную функцию, и встречаются в разных областях письменной культуры как магическое средство оберега как материальных, так и физических, духовных, моральных ценностей.

В отличие от других магических формул, бытовавших в устной народной традиции, заговоры профессиональные исполнители часто пишут на бумаге, на разных предметах и в качестве амулета передают пациенту, который хранит его в кармане, головном уборе, подушке, стенах дома либо зарывает на перекрестках семи дорог или же опускает в воду и пьет ее.

Армянские народные заговоры по их прикладным признакам, иначе говоря по цели применения, разделяются на следующие восемь групп: 1) лечебные; 2) относящиеся к здравоохранению и гигиене; 3) от несчастных случаев и стихийных бедствий; 4) заговоры – обереги от колдовства, использующиеся против него; 5) преследующие практические цели; 6) вечерние и утренние молитвы и заговоры; 7) различные заговоры и молитвы; 8) сатирические молитвы и пародии (Арутюнян, 1975; Арутюнян, 2006).

Таким образом, все виды и жанры армянского фольклора представляют собой неотъемлемую и важную область многовековой духовной культуры народа, и их многогранное научное изучение сегодня открывает новые перспективы и возможности для понимания всей культурно-исторической ценности армянской народной традиции.

ТЕАТРАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР

Истоки театрального фольклора армян восходят к духовной жизни племен, населявших Малую и Переднюю Азию. Наиболее ранние сведения о ритуалах относятся к эпохе бронзы и более позднего периода. Основным источником для характеристики священнодействий являются рисунки на разных

предметах, статуэтки, модели повозок, культовые площадки, очажные подставки и пр. Участниками богослужений были жрецы, музыканты, танцоры, певцы, а также жители поселений.

Святылища, относящиеся к концу III тыс. до н.э. и более поздние, обнаружены в Мохраблуре, Шенгавите, Джраовите, Агараке, Двине, Ошакане, Ариче и во многих других поселениях. Наличие алтаря, ритуальных скальных площадок свидетельствуют о церемониях, имевших место на открытых и в крытых сооружениях, которые были сценическими подмостками. Во многих святылищах обнаружены образцы антропоморфной и зооморфной пластики как части ритуальной обстановки святылищ.

К периоду III–II тыс. до н.э. относятся четыре святылища с вертикально стоящими алтарями из Двина (*Кушнарева*, 1977. С. 40–79). Культовый центр в Мецаморе состоял из центрального святылища, ряда пещерных сооружений и обсерватории (*Ханзадян*, 1959. С. 52–65). В 1971 г. в результате археологических раскопок была открыта мощная каменная платформа с четырехметровым алтарем-монолитом на одном из центральных поселений группы холмов Арагатской долины – Мохраблуре (начало III тыс. до н.э.) (*Арешиян, Кафадарян*, 1973. С. 443). Среди памятников среднего и позднего бронзового века на территории Армении, можно выделить композиции, в основе которых лежит сочетание изображений волка, оленя, козла, сопровождаемых определенными изобразительными сценами, персонажами, атрибутами и символами (*Арешиян*, 1988. С. 84–102).

В эпоху бронзы наблюдается широкое распространение на Армянском нагорье разных групп музыкальных инструментов (*Ханзадян*, 1959. С. 62–93; *Бобохян*, 2007. С. 7–11). Наличие их указывает на развитие инструментальной и вокальной музыки, которая сопровождалась пением, плясками и обрядами. Древнейшим из числа известных памятников с развернутой сюжетной композицией является серебряный кубок из Триалети, датирующийся XVIII–XVII вв. до н.э. (*Куфтин*, 1941. С. 85–87; *Арешиян*, 1988. С. 87). Изображено ритуальное пиршество божества (верховного жреца) и процессия, состоящая из служителей. Процессия сопровождалась музыкальным аккомпанементом и дорожными танцами.

Другой сюжет встречается на серебряном кубке, обнаруженном в Карашамбском могильнике в кургане средне-бронзового века (*Ованнисян*, 1988. С. 145). Кубок имеет шесть фриз. Четвертый и пятый, отсчитывая снизу, связаны единым разворачивающимся сюжетом. На четвертом фризе изображены сцены битвы и расправы над побежденными.

Пятый фриз – апофеоз победы. Все действие разворачивается под аккомпанемент лиры. Изображен дуэт двух пар танцоров в ритуальном воинственном поединке. Один нападает, а другой обороняется. Драматизированные поединки всегда имели место во время праздников и пиршеств. В отличие от сидящего верховного жреца (божества?), а также служащих с опахалами и игрока на лире, остальные переданы в движении навстречу жрецу. Движение процессии под музыкальное сопровождение предполагает и танцевальные движения. Первым идет предводитель процессии с кубком. Возможно, отображены эпизоды из «Мистерии страстей».

В Ванском царстве самым распространенным культовым сооружением была стела – *pulusi*, которая посвящалась в основном богу Халди. Перед сте-

лами и «воротами» устраивались многолюдные церемонии и приносились жертвы божествам (Амаякян, 1990. С. 142). Арка, ворота, порог отделяли сакральный мир от профанного.

Клинописные источники свидетельствуют о сезонно-аграрных ритуалах, связанных с фазами садоводческих работ. Начало каждого цикла должно было сопровождаться обрядами с пением, танцами, разыгрыванием сцен смерти и воскресения божества виноградной лозы и вина. Поскольку Халди был единственным божеством, которому приносились в жертву шесть козлят, то, несомненно, он был центральным персонажем как скотоводческих, так и земледельческих (садоводческих) мистерий (Петросян, 2006. С. 262–264).

Примером участия в мистериях ряженных в фантастические существа может служить фигурка, являющаяся ручкой урартского котла. Таких котлов с ручками найдено большое количество. На крыльях фигурок с обратной стороны приделаны кольца, в которые продеты руки женщины или мужчины. Но при взгляде на фигурки спереди создается впечатление, что у них вместо рук – крылья. Торс фигурок скрыт в костюме, имитирующем тело и хвост птицы. До сих пор в театральных постановках используется тот же прием ряжения в фантастический образ человека-птицы (Петросян, 1975. С. 157–160).

О деяниях древнеармянских богов hАйке, Ара, Торке и других сложились мистерии, тексты и сюжеты которых были зафиксированы в жреческих книгах, некоторые из которых цитирует армянский историограф V в. Мовсес Хоренаци. Он также утверждал, что часто слышал песни в сопровождении бамбирна «собственными ушами» (Хоренаци, I, 31). Согласно Хоренаци, когда царь Вагаршак построил в Армавире храм, он поставил там изображения Солнца, Луны и своих предков и установил порядок, определяющий время прихода и выхода совещаний, *празднеств и увеселений* (Хоренаци, II, 8). Понятно, что в дворцовой жизни большое место должны были занимать празднества с пением, плясками, лицедейством жрецов и наемных профессионалов. Народ также участвовал в играх, шествиях и состязаниях.

С III в. до н.э. начинается ввоз в Армению из Малой Азии и Греции статуй эллинских богов и установление их в армянских храмах (Хоренаци, II, 12,

Серебряный кубок с изобразительными мотивами. Карашамб. XXII–XXI в. до н.э.

Из кн.: Золото Древней Армении. Табл. 1

14, 49). Плутарх пишет о Тигранакерте как о большом, хорошо застроенном и богатом городе, где было собрано множество актеров для торжественного открытия выстроенного театра (*Плутарх*. Лукулл, XXIX). Он же упоминает о приглашенной из малоазиатского города Траллы актерской труппе во главе с Язоном, которые разыграли во дворце во время пиршества трагедию Еврипида «Вакханки» (*Плутарх*. Красс, XXXIII). Это было не единственное представление, а исстари утвердившаяся традиция театрализованных празднеств.

Одну из мистерий на сюжет сошествия Кисутра (Ноя) с Арарата и расселения его сыновей подробно описывает Хоренаци, утверждая, что «чаще сказывают все это старцы из Арамова племени на память в сопровождении игры на пандирне в песнях с представлениями и танцами» (*Хоренаци*, I, 6).

Не менее популярным был сюжет об Артавазде, заточенном и закованном в пещере, разыгрывавшийся на Новый год (Навасард). «Певцы Гохтна передают такую легенду», ... «сказывают об этом и старухи», ... «иные же говорят» (*Хоренаци*, II, 61). В термине *петь*, *сказывать* периода архаики заключено понятие *песни-пляски, лицедейства* как синкретического вида искусства (*Лисициан*, 1958. С. 65).

Григор Хлатеци (XIV в.) упоминает миф о Шидаре, закованном цепями в пещере. Две собаки грызут цепи Шидара. «Поэтому установлено волхвами *рассказывать в масках на театре*, что в начале года первого месяца Навасарда все ремесленники – кузнецы и все прочие – ударяют трижды своими орудиями, чтобы цепи Шидара, ставшие тонкими как волос, стали толще и крепче, чтобы он не вышел на волю и не уничтожил мир» (*Халатянци*, 1896; *Оганесян*, 1990; *Петросян*, 2006. С. 256–284). Этимология имени Шидар – от греч. *sidaros* – ‘железо»; а *sidreos* – «кузнец». Можно только предположить, насколько красочной была новогодняя (Навасард) мистерия – огненная феерия с горном, оглушительными ударами кузнечных молотов и рассыпающимися во все стороны искрами.

С принятием христианства традиция языческих священнодействий не прекратилась, но началась постепенная их секуляризация. Почитание языческих божеств стало вытесняться формирующейся новой обрядностью, а также приспособлением к былым понятиям новых церемоний.

Историки Средневековья часто упоминают о народных игрищах на площадях городов, в монастырях. Таково описание праздника в г. Ани, где на площади собирався народ, гремели трубы, звучали кимвалы, песни и кличи (*Ластивертци*, X, 59).

Зрелищные элементы продолжали бытовать в народной среде, а также в среде странствующих народно-профессиональных трупп *гусанов* (скоморохов). Тексты средневековых книг и миниатюр указывают на все возрастающую популярность народных площадных действ. Постепенное утверждение светского мировоззрения сказалось в средневековой армянской книжной живописи – в миниатюре.

В рукописях 1260 и 1262 гг., иллюстрированных киликийским художником Торосом Рослиным, изображены сцены из представлений, разыгрывавшихся во время карнавалов.

На выступлениях архитрава *xorana* слева и справа изображены ряженые в масках. Слева – танцор в маске козла в короткой тунике и башмаках. В правой

руке у него серп, а в левой – ветка. Справа изображен шествующий навстречу исполнитель в маске быка. Позы обоих ряженных даны в динамике. Они ведут оживленный диалог.

На другой миниатюре человек с палкой обращен лицом к танцору с посохом в маске волка. На третьей – к исполнителю в маске быка, в руках которого большой крюк, обращается исполнитель в маске орла. Аналогичные сцены встречаются и в других рукописях (*Петросян, 1975. С. 140–144*).

Многочисленны миниатюры, изображающие ряженных в медведя, волка, в фантастических существ, а также обрядовые сцены с дрессированными животными. Львов, медведей водили на цепи, заставляли ходить на задних лапах, рычать по приказу поводыря, плясать и т.п. Дрессированные обезьяны и ряженные в них жонглировали, звенели бубенцами, отбивали ритм на бубне, вели «диалоги» друг с другом (*Мнацаканян, 1955. С. 451–601*).

Вплоть до конца XIX – начала XX в. продолжали бытовать на Масленицу, Пасху и свадьбу представления с дрессированными животными, змеями, петушиные бои. Их устраивали как в зрелищных целях, так и ведовских: гадали об исходе войны, жатвы, о погоде и т.п.

В миниатюрах часто встречаются сцены, отображающие выступления акробатов, танцоров и *гусанов*. Примером тому – изображение акробата, стоящего на столбе. Он в нимбе святого с кружочками румян на щеках. Внизу, у подножия столба-колонны – музыканты. Двое из них играют на деревянных духовых инструментах – свирели и зурне, а двое других – это литаврист и музыкант, отбивающий ритм на бубне с металлическими тарелочками (*Петросян, 1975. С. 163*). Миниатюры, отображающие театральные действия с пляской, акробатикой, игрой на музыкальных инструментах и ряжением в различные образы очень часто встречаются в рукописях в композиции отдельных букв, слов и предложений. Так, первые строки Евангелия во многих рукописях представлены в виде пляшущих детей либо взрослых, играющих на музыкальных инструментах, акробатов в различных позах, жонглеров, мимов в красных конусообразных и иных шапках и т.п.

Довольно часто в миниатюрах встречается сцена из некоего представления: женщина с длинными распущенными волосами, с рогом изобилия во рту и мужчина, задрапировавшийся красным плащом, окруженный ветвями. Женщина в красном одеянии с большим декольте или с обнаженной спиной и плечами. Нижняя часть торса женщины не нарисована, он «в земле, преисподне». Рог изобилия в этой сцене понятен: это Богиня плодородия, Мать-Земля. В Евангелии 1274 г. изображены две обнаженные женщины. У каждой в руке по бутафорскому дереву. Положение ног указывает на танцевальное *па*. Длинные распущенные волосы, бутафорские деревья, танец – все это составные части театрализованного действия.

Традиция ритуального обнажения сохранялась еще в начале XX в. На Масленицу и свадьбу в кругу мужчин в разных районах Западной и Восточной Армении исполнялись пляски «Зопи», «Крынгэцук», «Шарани» и другие, где участники по примеру предводителя пляски последовательно снимали с себя одежду (*Каджберуни, 2003. С. 159, 160; Петросян, 1975. С. 167, 168*).

В средневековые мистерии евангельского содержания, разыгрывавшиеся в основном на открытом воздухе, тоже вводились пляски и пантомимы. На их

Процессия музыкантов в виде букв. Евангелие. 1590 г. Мокс. Матендаран, № 5738. С. 22а
Из кн...: *Петросян Э.* Театральные черты в средневековых армянских миниатюрах. Табл. XV. Рис. 3

Процессия в виде букв – музыкантов и акробата. Евангелие. 1604 г. Хизан. Матендарат. Рукопись, № 6420. С. 43а
Из кн...: *Петросян Э.* Театральные черты в средневековых армянских миниатюрах. Табл. XV. Рис. 2

бытование указывают некоторые миниатюры, где изображены пляска дочери Иродиады, Поношение Иисуса, Притча о брачном пире. В рукописях Средних веков изображаются сцены пиршества: в одном случае дочь Иродиады исполняет сольный танец, подняв руки перед грудью, причем «спустя рукава», в другом – она пляшет с кастаньетами.

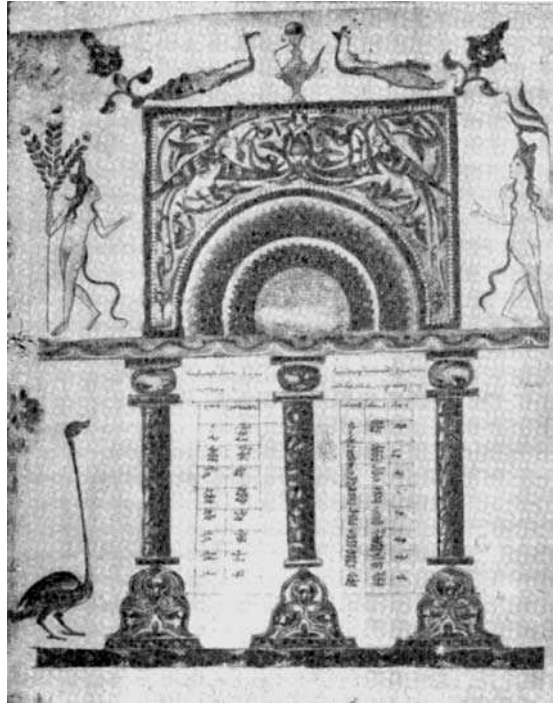
Внесение в представления акробатических элементов характерно для Средних веков. На это указывает фигура акробата в «мостике» в сюжете «Поношение Иисуса». Справа и слева от него расположились аккомпаниаторы – женщина, бьющая в кимвалы, и музыкант, играющий на длинной трубе с раструбом.

В начале XIX в. фольклорные формы не изжили себя с появлением профессионального искусства, а продолжали развиваться параллельно с ним. Они не выделились из обряда как самостоятельное действо, не произошла его полная секуляризация, однако народ сам выделял сцены с перевоплощением и с игровым началом. В армянском языке сложилась богатая терминология в сфере народного и народно-профессионального искусства. На протяжении длительного времени, вплоть до начала XX в., армяне разыгрывали различные сценки, где главными

действующими лицами были ряженные в козла, медведя, обезьяну, верблюда, аиста, в фантастические существа – Сатана, Портолоз, Баба-Ягурт и в реальные персонажи – супружеская пара, старуха, шут и т.п.

Развернутым драматизированным действием были масленичные представления «Варданово действо» и «Шах» (Паша, Хан) (*Бдоян*, 1963. С. 65–118; *Хачатрян*, 2004. С. 75–86). Бытовали и зрелищные жанры: канатоходство, представление на ходулях, состязания борцов, скачки, вождение дрессированных животных, бои животных и птиц. Наиболее распространенными были сцены, где главным действующим лицом становился ряженный в козла. Они разыгрывались почти во всех регионах Армении на Рождество, Масленицу, в первый день Великого поста, во время свадебных торжеств. Содержание сцен, разыгрываемых на Масленицу, в первый день Великого поста и в дни свадьбы аналогичны, поскольку имеют ту же семантику, а рождественские сцены – несколько иную.

Представление носило пантомимно-плясовой характер и шло под инструментальное, реже вокальное сопровождение. Рождественская сценка с козлом отличалась от других и имела несколько вариантов, бытовавших в разных регионах. Наиболее характерным было отсутствие развернутого сюжета. Молодежь разбивалась на небольшие группы, в которых были ряженный козлом и его свита. Они ходили по домам с поздравлением. Козел плясал

Обнаженные танцовщицы. Евангелие. 1274 г. Киликия. Худ. Константин
Из кн.: *Азарян Л.* Киликийская миниатюра XII–XIII вв. Илл. 61

Брак дочери Иродиады. Евангелие. XIII в. Киликия
Из кн.: *Азарян Л.* Киликийская миниатюра XII–XIII вв. Илл. 63

Акробат и музыканты. Поношение Иисуса. Евангелие. XIII в. Киликия. Матендаран. Рукопись.
№ 7651. С. 846

Из кн...: *Петросян Э.* Театральные черты в средневековых армянских миниатюрах. Табл. XX. Рис. 4

шуточный танец, позванивая бубенцами, падал и «умирал». Молодежь требовала у хозяина подарки. Получив их достаточное количество, ряженный «оживал». Свита благословляла дом, семью и хозяйку.

Бытовал и другой вариант. На Рождество после заката солнца собирались юноши квартала и обходили дома. В процессии участвовали ряженные, пере-

Кейноба

Из кн.: Государственная галерея Армении. Рис. Вано Ходжабекяна

одетые в невесту, жениха, шута, а также музыканты и танцоры. Когда группа с пением и плясками приближалась к очередному дому, невеста незаметно проникала в жилище и пряталась там. Подошедшие участники игры спрашивали хозяев: «Где наша невеста?» и начинался шуточный импровизированный диалог. Наконец, находили невесту и требовали у хозяев подарки (*Петросян*, 1985. С. 83).

Принцип ряжения во всех регионах сходен. Исполнитель надевал сшитую из козьей шкуры конусообразную шапку, две другие шкуры закрепляли на плечах волосом наружу. Они свисали как платье. На руки надевали мохнатые варежки, на ноги – лапти. Исполнитель опоясывался свяслом или веревкой из козьего волоса. На шею или пояс вешали колокольчик, ожерелье из костей. Платье было украшено разноцветными кисточками и бубенчиками (*Каджбе-руни*, 2003. С. 181, 182).

Сценки с ряжеными разыгрывались на Масленицу, в первый день Великого поста. Во время всеобщего веселья в комнату вдруг вваливалась свита парней с ряженым в козла. Он комично плясал, падал и «умирал». «Воскресал» ряженный после оплакивания поводыря и сбора подаяний. В группе ряженных иногда вместо козла был шут, одетый в козьи шкуры и в шапке из козьей шкуры с привязанными бубенчиками. Лицо его чернили сажей. В правой руке у него был сухой коровий хвост, а в левой – веник. Шут скакал на хвосте, как на лошади, погоняя ее веником. Временами хвост становился кнутом, которым он замахивался на зрителей, а веником «подметал» пол (*Петросян*, 1985. С. 172–175).

На свадьбе ряжение было обязательной частью обряда. Ряженные, как представители предков, вместе с гостями встречали новобрачных далеко за

порогом дома. Большинство информантов утверждает, что это делалось в целях оберега, от сглаза.

Не менее популярны были сценки на Масленицу и свадьбу с ряжеными в медведя и поводыря, в обезьяну и хозяина, которые бытовали вплоть до начала XX в. Ряженные плясали, играли на музыкальном инструменте, похищали девушку, ласкали ее, притворялись умершими, воскресали и т.п.

В Армении бытовали также представления с ряжением в верблюда, погонщика, купца, показываемые на Масленицу и свадьбу. Наряду с комическими выходками ряженных, обязательной была сцена смерти, оплакивания и воскресения верблюда. Сценки разыгрывались под музыкальное сопровождение. Из поколения в поколение музыканты передавали мелодии. Они назывались «Мелодия верблюда», «Мелодия для танца медведя», «Мелодия для ряженных» и т.д. Исполняло их сельское трио – две *зурны* и *дохл* (барабан). Часто подпевал и погонщик.

На Масленицу и свадьбу ставились сценки, где главным действующим лицом был некий реальный либо фантастический персонаж – *Цахрацу* (Шут), *Бобо*, Сатана, *Баба Ягурт*, *Портолоз*, *Гонджолоз*. Они не имели партнеров и разыгрывали моноспектакль в контакте со зрителями. Ряженный запугивал окружающих, гротескно плясал, потряхивая бубенцами, пришитыми к одежде, и, размахивая палкой, седлал ее как лошадь, обнимал старух, старался повалить их на пол, представляя любовную сцену. Вовлекать молодых было не принято (Петросян, 2002. С. 191).

На Масленицу и во время свадьбы было принято переряжение мужчин в супружескую пару. Изображались взаимное ухаживание супругов, их перепбранка, ревность (Бдоян, 1963. С. 148).

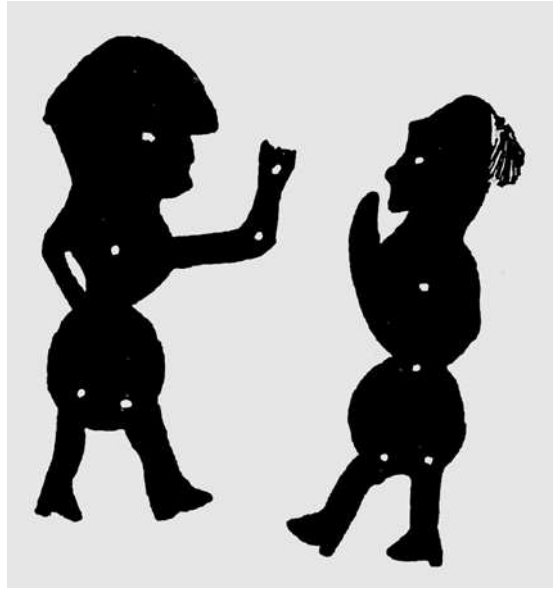
На Масленицу ежедневно в течение двух недель молодежь разыгрывала в шуточной форме «ложную» свадьбу. Юношу и девушку наряжали в жениха и невесту, причем на следующий день пары менялись. В старину воспроизведение обряда имело магические функции: заклинание плодородия, инсценировка священного брака и т.п.

Популярным жанром народно-профессионального искусства было представление театра теней *Карагез* с использованием плоских, черных тростевых кукол, вырезанных из кожи (Хачатрян, 1975. С. 107–124). Сюжет состоял из пяти эпизодов, разыгрываемых без перерыва: Свадьба Карагеза, Карагез – продавец мацуна, Баня, Карагез–лекарь, Смерть и воскресение Карагеза. Действующими лицами были Карагез, Айваз, Оаннес, чудовище Арнавуд, Абла – мать Карагеза (вариант – жена), танцовщицы, больная девушка, животные: змея, кошка, мышь, верблюд, собака (Хачатрян, С. 107–110).

Словесный текст представления был относительно стабильный. Большое место занимала словесная перепалка Карагеза и Айваза. Победителем становился ловкий, хитрый, смекалистый и изворотливый Карагез – типичный герой балаганного театра.

Хотя генетически театр теней восходит к глубокой древности, но до нас дошли представления, носившие светский характер. Важно, что имя Карагез восходит к армянскому названию растения *karaus* – петрушка, сельдерей, что соответствует имени русского и многих народов куклы Петрушка, Панч и т.д. (Петросян, 2004. С. 189–208).

Из множества театрализованных обрядов, где главным действующим образом была кукла, приведем лишь один. Это вождение процессией по селу девочки, наряженной невестой или, чаще, куклы Нури/Нарин с целью вызывания дождя. Дети шли по селу с пением и плясками, останавливались перед каждым двором. Они хором пели, что Нури хочет «от пестрой курицы – яйцо, от красной коровы – масло, с неба – дождь, с земли – плодов». Хозяева выносили яйца, муку, масло, обливали куклу и детей водой. После обхода села дети собирались у берега реки, снимали одеяние («разоблачали») с куклы, кидали ее в реку, отправляя на «тот свет», обязательно варили кашу и сообща

Персонажи театра теней. Карагез из Аджы Айваз
Из кн.: *Хачатрян Ж.К.* Карагез. (Театр теней). Рис. 7, 9

ели все припасы как вид жертвоприношения и кормления Нури. Каша в армянской и славянской традиции является поминальной пищей (*Петросян, 1985. С. 174*).

Большинство театрализованных сцен разыгрывалось на Масленицу, которую праздновали две недели. Тогда же организовывали кулачные бои, скачки, всевозможные состязания, «покойницкие игры» (*Каджберуни, 2003. С. 171, 172*). Самым «театральным» днем был четверг. В этот день проходили процессии ряженных и давалось «Варданово действо», к которому готовились за долго: шили костюмы, реквизит, заучивали тексты речей, песни. Участниками было большинство мужского населения села.

Содержанием действия были сцены Аварайрской битвы между армянами и персами, происшедшей 26 мая 451 г. Эпизодам битвы предшествовала процессия воинов, одетых в старинные доспехи, во главе с исполнителями ролей Вардана и сподвижников. Воины вместо щитов несли низкие большие корзины, вместо палашей и сабель – палки. Процессия двигалась по центральным улицам города (села). Все жители радостно встречали шествие, мужчины присоединялись к ополчению. Во время остановок произносили патриотические речи, пели песни. Так доходили до церкви, где служили молебен. Потом разыгрывалась сцена боя, плач над погибшими. Однако представление имело оптимистический финал. Армянское войско в конце концов побеждало персов, и народ веселился на площади (*Бдоян, 1963. С. 65–139; Хачатрян, 2004. С. 75–86*).

Сюжет о полководце Вардане был популярен в школьном театре XVIII в. во Львове, Венеции, Константинополе, где существовали армянские общины (*Левонян, 1941. С. 157–163; Степанян, 1963. С. 103–104*).

В масленичный четверг разыгрывалось также карнавальное представление с ряжеными – встреча и проводы Масленицы под названием «Шах» (варианты: «Паша», «Хан»; *Бдоян*, 1963. С. 65–139; *Одабабян*, 1978. С. 37–40; *Петросян*, 2004. С. 151–170). При сравнении записанных вариантов можно выявить общие черты представления: уродливо одетый, безобразный Шах вместе с такой же уродливой свитой ряженных приезжал в село на осле задом наперед, требовал уплаты налога, собирал подать, судил и штрафовал сельчан. Кончалось представление тем, что народ прогонял Шаха и свиту. Образ Шаха содержит элементы языческого судящего и карающего божества. Но используются традиционные карнавальные приемы – обливание Шаха водой, поджигание его одежды, требование у осужденных выкупа, клятвы и сквернословие. Персонажи представления в основном стабильны. Действие строится на принципах фарса, пародии (вместо вина ему подают уксус, вместо куропатки – дохлую ворону, вместо овцы – связанную кошку и т.п.). Принцип «наоборот» ставит исполнителей вне принятых норм поведения, отсюда – импровизационная свобода действия. Бытовые предметы используются не по назначению. Так, вместо трона Шаха сажают на дырявую перевернутую корзину, писарь пишет хвостом осла. Построение представления в основном сохраняется неизменным. Но следует отметить постепенное ослабление трагического начала за счет усиления комических и бытовых эпизодов. В некоторых районах слабо прослеживается традиционный карнавальный мотив – шуточная смерть и воскресение героя. В ряде мест внимание сосредоточивается на обрядовых битвах, позорном изгнании Шаха.

Современное состояние народного театра. Сценки с участием ряженого в козла и других животных, в воображаемые существа и реальные персонажи разыгрывались до середины XX в. Сценки с участием бытовых персонажей (супруги, старуха, шут, переряживание и т. п.) встречаются в некоторых районах Армении и поныне.

Драматизированные масленичные представления разыгрывались до 40-х годов XX в., и в интересной интерпретации возродились в феврале 2008 г. Патриотическое содержание «Варданова действия» стало основанием для организации в Ереване процессии на масленичный четверг. Впереди на коне восседал юноша в стилизованной под старину одежде и в воинских доспехах. Подразумевалось, что это сам Вардан Мамиконян. За ним шла пешая процессия. Шествие, имевшее четко патриотическое и праздничное содержание, повторилось на масленичный четверг в 2009, 2010, 2011 гг. в Ереване, а также было организовано в Гюмри и других местах. Впереди процессии ехал на коне юноша-воин, а за ним шли участники. Некоторые из них были костюмированные в образы героев Аварайрской битвы и ряженные в фантастические существа. Это значит, что постепенно возродится не только традиция, но в нее войдут и новые сюжеты. Само действие было срежиссировано театроведами и этнографами. Немаловажное значение имело и то, что шествия были показаны по многим информационным каналам армянского телевидения.

ТАНЦЕВАЛЬНЫЙ ФОЛЬКЛОР

В богатом, многогранном армянском народном творчестве большое место занимают танцы. Они сложились в далекую пору первобытнообщинного строя и, видоизменяясь в той или иной степени, дошли до нас, сохранив красоту и отточенность форм.

Историки и писатели Армении упоминают о популярности народно-профессионального искусства. По Мовсесу Хоренаци, провинция Гохтн (Нахичеван) славилась сказителями, певцами, танцорами, музыкантами. Плясуны сопровождали свои выступления игрой на музыкальных инструментах, чаще всего на *бамбуре* (вид струнного инструмента (*Хоренаци*, II, 49)). Уже с V в. многие деятели церкви стали официально выступать против искусства *гусанов*, чтобы они не посещали «нечестивых зрелищ» (*Андзеваци*, 1940. С. 33). Хотя духовенство боролось с игрищами, но правители понимали, что во время массовых шествий и коллективных плясок укрепляется единство народа.

В праздничные дни исполнялись коллективные и сольные пляски, технические трудности которых могли преодолеваются путем постоянных упражнений. Как правило, руководили занятиями лучшие танцоры и люди преклонного возраста. Пляски и песнепляски исполнялись в различных помещениях жилого дома, в очищенном хлеву, на церковном дворе, на плоской кровле, дворе, улице, площади, току, кладбище, лужайке, поле, на склоне горы, на летнем пастбище, в местах богомолья и т. д.

По числу участвующих армянские пляски и песнепляски делятся на *сольные*, *двуетные*, *групповые* и *коллективные*, часто всенародные. Пляски взрослых делятся на мужские, женские и совместные. Дети в старину в плясках взрослых не участвовали (существовали специальные детские пляски – светские и обрядовые).

Коллективными плясками руководит *paraglux* – предводитель, рядом с ним становится его помощник. Танцора, стоящего в конце построения, называют *роц'* – «хвост». В коллективных, сольных и в двуетных плясках участвующие часто пляшут с платками, цветами, ветвями, свечами, факелами, чашами с водой, реже – с оружием, палками, ложками и т. п.

Плясали и пляшут в праздничном наряде или надевают специальные одежды. Лишь во время полевых работ в старину плясали в будничной одежде.

В обрядовых плясках строго соблюдается число, пол, возраст участников, состояние в браке, вдовство (*Петросян, Хачатрян*, 1980).

В коллективных плясках обычно построение в круг, полукругом, реже – в два ряда.

В старину было принято, чтобы сначала исполнялись скорбно-поминальные пляски в память предков. К началу XX в. они приобрели уже светское содержание. Издавна считалось, что построение в круг оберегает от злых духов. Желая «поймать» их, движениями ног очерчивали сеть, переплетения, узлы (*Лисициан*, 1958. С. 297, 304, 305, 414, 416, 420). Узлы и сеть вместе с тем некогда живописали тяжелую судьбу человека.

Существует много армянских плясок с эпическим, лирическим или бытовым светским содержанием. Плясовые песни насчитываются тысячами, причем новые тексты обычно сочетаются со старинными припевами.

Армянскому танцевальному искусству присущи определенные закономерности и ряд характерных особенностей. Таково основное (превалирующее) направление движения участников. В армянских плясках встречаются шаги как вправо, так и влево; но одно из направлений, как правило, превалирует. Направление перемещения – одна из фундаментальных характеристик: она связана с магической функцией танца. Наибольшее число плясок в армянском народном творчестве имеет преобладающее продвижение участников *вправо*: так воплощается идея правильности, благополучия, удачи. Обратное направление – *влево* – символизирует неудачу. Армяне опасались произносить *ĵax* – «левый», предпочитая рукой указать направление и добавить – «туда» либо использовали термин *t'ars* – «наоборот». Народное мышление нашло отражение в названии вида плясок с преобладающим продвижением влево: *t'ars par* – «обратная пляска». Важно было также, с какой ноги начать движение (Лисициан, 1958. С. 130–132).

Характер плясовых фигур. Образующие танец фигуры могут быть простыми, сводимыми к одной плясовой фразе либо сложными. Последние объединяют ряд плясовых фраз, каждая состоит из нескольких движений.

Число исполнителей и семантика числовой символики. В большинстве плясок могли участвовать все присутствующие, без каких-либо ограничений. Это – коллективные пляски, исполнявшиеся на свадьбах, годовых праздниках, общественных сборах.

Если танцевала часть присутствующих, то такие пляски назывались групповыми. В зависимости от пола участников они могли быть мужскими, женскими либо смешанными. В смешанных плясках в построении сначала вставали мужчины, за ними следовали женщины, но последний мужчина и первая женщина должны были состоять в родстве.

Дуэтные пляски (мужские, женские, смешанные) в основном сложились как обрядовые и часто представляли собой состязание. В них использовались предметы – палки, платки, стаканчики, сабли, ветки, цветы и проч. Демонстрировались смелость, выдержка, способность владеть оружием. Сольные танцы исполнялись мужчиной либо женщиной и, видимо, являлись рудиментом былых партий главных действующих лиц в обрядовом хороводном эпическом действе (Лисициан, 1956. С. 124–130).

В системе обрядовых плясок сохранилась символика чисел – чаще всего это 3, 4, 7, что характерно для традиционных верований армян. Числу 3 соответствует плясовая фигура *irek votk'*, т.е. состоящая из трех шагов. Это означает сделать два шага-приставки, один (шаг) – вернуться. Разновидности этой фигуры: в три шага с прыжками, в три шага с ударами, в три ноги с переносным переносом тяжести тела.

В общественных танцах этот тип движений исполнялся в начале обряда как память о предках. Преобладало продвижение вправо. В свадебных танцах обязательным было трижды обойти круг. Исполнители несли зажженные свечи с тремя разветвлениями. Повторение числа 3 имело, по всей видимости, связь с трехчастной структурой древа жизни.

Другая распространенная плясовая фигура – *ĉ'ors votk'*, т.е. состоящая из четырех шагов, что означает: два шага вправо и столько же – влево. В армянской танцевальной традиции, как и у многих народов, понятие правого связано с мужчиной, левого – с женщиной. Уравновешенность правого

Танец Лодки в исполнении мужского состава ансамбля. 1971 г.
Фото из личного архива Э.Х. Петросян

и левого была обязательной для свадебных обрядовых плясок: в них участвовали только супружеские пары, и число танцующих было непременно четным.

В ряде обрядовых плясок значимо число 7. Так, в свадебных танцах минимальный состав исполнителей – семь супружеских пар, у каждой – по свече (всего семь свечей). Подобные танцы представляют собой магические действия по обеспечению плодovitости семьи. Бытуют также обрядовые пляски, исполняющиеся в первый день Великого поста. Фактически, это первый из семи дней семикратно повторенных недель.

Пол и возраст пляшущих. В мужских плясках у армян могут участвовать холостые и женатые – молодежь, среднее и старшее поколение. В женских плясках преобладают исполнительницы среднего возраста. Иногда в обрядовых плясках, особенно свадебных, обязательным было участие пожилых людей с высоким социальным статусом. Это определяло магическую направленность пляски.

Смешанные по составу исполнителей пляски включают в себя, как правило, простые фигуры, поэтому в них охотно участвуют дети. Некоторые обрядовые пляски, особенно игровые, со временем перешли в детский репертуар. Им нередко присуще подражание трудовым процессам, приобретающее порой комический оттенок. Такова пляска «Давайте толочь лук и чеснок!» (Хачатрян, 1975. С. 92–94; Петросян, 2004. С. 61–64).

В армянской народной хореографической культуре с древности сложились своеобразные кинетические обороты, получившие определенные названия. Известный этнохореолог, теоретик народного танца Србуи Лисициан предложила следующую классификацию:

Прямая или Ровная пляска, состоящая из шагов-приставок только вправо или только влево. Темп умеренный. Движения рук и ног сдержанные.

Фольклорный ансамбль «Шатах» (село Шагап, Араратский район). 1986 г. Худ. рук. Ж.К. Хачатуров
Фото из личного архива Ж.К. Хачатрян

Шатахский танец «Шорор». Исполняет участник ансамбля Г. Татевосян. 1970 г.
Фото из личного архива Э.Х. Петросян

Медленная. Два шага пойти, один (шаг-приставка) вернуться в противоположную сторону. Причем в ту сторону, которая является основной для данной пляски, шаги делают немного шире, чем в обратную. Эта фигура встречается в медленных хороводах с небольшим пригибом колен, в *Soror* – плясках с покачиванием и *Ververi* – Скакухах.

Два шага пойти в одну сторону, два шага-приставки – вернуться в другую.

Ряд фигур отличается различным числом шагов в правую и левую стороны.

Особо выделяются пляски с ударами ступней, пяткой либо носком. Такое сочетание шагов и прыжков с ударами как правой, так и левой ногой не зависит от общего направления движения. Танцующие ударяют в основном той ногой, в какую сторону будет сделан следующий шаг или прыжок. Характерны повороты корпуса в сторону ноги, которой танцующий ударяет об пол, а также изменение направления движения на 90°.

В плясках, где есть хлопки и присядка, участвуют только мужчины. Хлопки принято рассматривать как выражение радости. Но в старинных плясках они могут иметь горестное или магическое содержание либо имитировать удары оружия.

Soror – Покачивание. Переступание с ноги на ногу или переносы упора с одной ноги на другую. Если держаться мизинцами, согнув локти, покачиваются и руки. Эта фигура связана с движениями, подражавшим явлениям природы, походке птиц и животных. В древности пляски этого вида были посвящены общеродовым и общеплеменным тотемам.

K'oč'ari – этот вид основан на фигуре два шага – пройти, два вернуться и связан с культами скотоводческого хозяйства. *Кочари* – подражательные пляски, в которых передаются образы козлов и овец. Люди рядились и надевали маски. Возможно, в древности подобными плясками передавали бои животных-самцов. Пляски типа *Кочари* являются остатком былых действий во время армянских Дионисий – празднеств в честь бога Спандарамета (*Лисициан*, 1958. С. 404).

Ververi – Скакухи. Плясовые фигуры – те же, что и в Медленных, но исполняются в быстром темпе, поэтому шаги переходят в прыжки и удары стопой. В своих истоках эти пляски связаны с культом древа – символом потомства. Верили, что прыжки вверх способствуют росту растений, животных, людей.

Ed [u] a'raj – Назад и вперед. Простые шаги вперед и назад чередуются шагами вправо и влево. Народ рассматривает и как отражение жизненных перипетий, чередование добра и зла. Шаги назад и вперед – это отступление от «правильного» хода по кругу жизни, нарушение нормативности (*Хачатрян*, 1975. С. 59–69).

Ojajev – Подражательные движениям змеи. Плясовая фигура с ползучими движениями ног связана с культом добрых и злых змей и драконов. Пляски с ползучими движениями имели цель умилостивить добрых змей – своеобразных домовых.

В старину плясали чаще всего под пение. Затем единство песенного текста, музыки и плясового действия стало распадаться. Инструментальное сопровождение потеснило вокальное, словесные тексты стали забываться.

Песнепляски, в основном, назывались по одной из строк припева. Текстовые утраты со временем сказались на сохранности названия пляски: оно сокращалось, а то и забывалось вовсе. Названия видов плясовых фигур и отдельных *па* оказались более устойчивыми. Они-то с некоторых пор и стали давать названия пляскам.

В настоящее время в свадебный обряд вошли почти все пляски, которые некогда исполнялись в разных ситуациях. Поэтому они сейчас являются основным жанром (Хачатрян, 1975. С. 67–93). Свадебные обрядовые пляски восходят к глубокой языческой древности, и имели магическое значение. Ими старались обеспечить материальное благополучие, многочисленное потомство и счастье супружеской чете. Пляски сопровождали весь свадебный цикл, начиная с момента сватовства вплоть до вступления на брачное ложе.

После музыкального «клича» – *канц'*, оповещающего на рассвете о начале свадьбы, начинались пляски. Сначала исполнялись торжественные и величавые медленные коллективные обрядовые пляски, связанные с почитанием предков. Свадебные обрядовые пляски можно подразделить на три основные группы:

1. Пляски, посредством которых старались вызвать расположение предков.
2. Пляски-обереги, исполнявшиеся в целях защиты молодых супругов от злых духов и обеспечения им многочисленного потомства и благополучия.
3. Пляски, связанные некогда с посвятельными обрядами, а также с пережитком «умыкания невесты».

К первой группе относятся коллективная пляска «Мать венценосца (царя), выходи!» и сольная «Пляска хозяйки дома». Они предшествовали введению невесты в дом жениха и в ряде районов так и назывались «Пляска ввода невесты». В пляске участвовали юноши и девушки. Перед введением молодых в дом они выстраивались полукругом во дворе жениха. Начиналась песня:

Мать венценосца, выходи! / Тебе подметальщицу привели, / Тебе прачку привели...

Затем перечислялись все обязанности невестки и говорилось о взаимоотношениях, которые могут сложиться у нее со свекровью.

Мать венценосца, выходи! / Тебе по голове колотильщицу привели, / Тебе за косы трепальщицу привели, / Смотри-ка, кого тебе привели!... и т.д. (Лисициан, 1972. С. 308).

Содержание песнепляски не носило строго обрядового характера. Но она символизировала переход новобрачных в состояние женатых (Хачатрян, 1968. С. 203).

Свекровь, танцуя, выходила на песню-призыв дружек жениха. Она выносила с собой 3–7 лавашей, непрерывно приплясывая, набрасывала их крестнакрест на плечи невестки, осыпала новобрачных сладостями, целовала их.

Обрядовая сольная пляска свекрови исполнялась только на свадьбе у порога дома в момент ввода в него новобрачных. Иногда «Пляску хозяйки дома» исполняли двое – мать жениха и распорядительница свадебной трапезы. Считалось, что магическая колдовская сила пляски связана не только с полом и возрастом исполнительницы, но и с ее положением и с функциями в доме жениха. Хозяйка дома – мать жениха олицетворяла собой представительницу предков в момент введения в род нового члена – невестки.

Во многих районах в танцевальной форме у порога дома была распространена шутивная «борьба» свекра и свекрови, в которой, по обычаю, побеждала свекровь (*Каджберуни*, 2009. С. 327).

К той же группе плясок, посредством которых старались вызвать расположение предков рода и членов общины, относится сольная мужская «Пляска свата». Ее исполнял в доме жениха один из женатых представителей рода невесты вечером после венчания.

Ко второй группе относятся пляски разных жанров. В Армении торжественные шествия, встречи и проводы канатных плясунов и борцов, свадеб, начинались плясками.

Если путь лежал за пределы села, то плясали, пока процессия не подходила к околице, и снова продолжали пляску уже у околицы другого села. Эти пляски назывались «Дорожные». Они были сольные, дуэтные, коллективные, носившие иногда название «с хвостом». В последних обязательно были *paraglax* – «глава пляшущих» и *poč'* – «хвост», последний из пляшущих. Впрочем, часто меняя направление, вел вереницу извилистой дорогой, поворачиваясь лицом или спиной к участникам. Одна из плясок называется «Нити, нити», так как возникает ассоциация между вереницей пляшущих и нитью.

Предводитель плясок и последний из пляшущих держали в руках по большому цветному платку. Если процессия двигалась вечером, то платки заменяли факелами, которые не только освещали путь, но и как бы «очищали» его огнем от всякой «нечисти». У армян до сих пор сохранился обычай во время свадьбы или похоронной процессии непременно возвращаться по другой дороге. Зигзагообразные продвижения, вращения «заметали» следы, оберегая от преследований «злых духов». Назначение вереницы и в свадебных плясках – не подпускать злых духов к новобрачным (*Лисициан*, 1972. С. 158). В наши дни дорожные пляски исполняются только на свадьбах.

К свадебным обрядовым пляскам, обеспечивающим плодovitость брачующейся пары, относится пляска невесты и жениха, распространенная во всех районах Армении. Называлась она «Пляска со свечами», «Пляска жениха и невесты», «Сверкающая» и пр. Названия связаны не с видами танца, а с их содержанием и оформлением (*Петросян, Хачатрян*, 1965. С. 157). Для всех плясок этого типа характерен медленный темп, торжественность. «Пляска со свечами» представляла собой обрядовое действие; во многих районах она сохранилась в памяти старшего поколения вплоть до наших дней.

Вечером, после венчания, плясали все желающие, даже те, кто не был приглашен на свадьбу. А в полночь посаженный отец – *кавор*, взяв за руку жениха и невесту, вводил их в круг пляшущих. С этого момента и начиналась «Пляска со свечами». Жена *кавора* раздавала зажженные свечи всем супружеским парам – участникам этого действия. Как правило, пляшущие образовывали замкнутый круг, чтобы оградить себя от злых духов. Они становились рядом, плечом к плечу, лицом к центру круга, держась за руки. Какая бы плясовая фигура ни исполнялась в этой пляске, исполнители все равно двигались вправо. Жених и невеста проходили всего три круга. Затем хоровод продолжался уже без них до тех пор, пока не гасли свечи. Недогоревшие свечи жениха и невесты хранились в семье и зажигались во время родов, крестин и по другим поводам. В некоторых районах во время пляски жених доставал из правого кармана зерна пшеницы и осыпал пляшущих, что, согласно ве-

Канатоходец Арамаис Карибян. 1995 г.
Фото из личного архива Э.Х. Петросян

рованиям, «обеспечивало» хороший урожай (*Хачатрян*, 1964. С. 75). В ряде районов в «Пляске со свечами» должно было участвовать не менее семи пар, так как число семь связывалось с положительной магией.

Особое место в системе свадебных обрядов отводилось церемонии украшения *древа жениха*, олицетворявшего вечную жизнь и плодородие. Девушки и парни прикрепляли на дерево сладости, ядра орехов, бумажные цветы, яблоки, гранаты. Эту церемонию сопровождала песнепляска «Пляска украшения дерева». Песню пели юноши и девушки, а вокруг них плясали участники церемонии.

Парень: *Я принес древо красу, / Берите, глядите, берите, глядите!*
Я принес древо красу, / Несите, украсьте, несите, украсьте!

Девушка: *Месяц светлый осветит, / Горы во цвету, горы во цвету, / С тех гор ростки да цветы, / Нашему царю, нашему царю!* (*Лисициан*, 1972. С. 203). По окончании пляски древо жениха отодвигали в сторону, чтобы никто его не повредил и сажали рядом стража из холостых парней (*Лисициан*, С. 128–131).

К другой группе относятся также поминальные пляски, которые в ряде регионов исполнялись на кладбище на следующее утро после свадьбы в том случае, если отца новобрачного не было в живых. Жених с друзьями и музыкантами как бы «испрашивал» благословения (*Хачатрян*, 1975. С. 55–57). К концу XIX в. эта пляска почти не исполнялась. Ее запечатлел в ряде рисунков современник художник В. Ходжабекян.

«Военные пляски», некогда связанные посвятельными обрядами, некогда были сваяны ик, которые позже вошли в состав свадебной церемонии. В них юноши должны были продемонстрировать свою силу, ловкость, спо-

Танец Крнгоци в исполнении ансамбля. 1983 г.
Фото из личного архива Ж.К. Хачатрян

способность владеть оружием. В конце XIX – начале XX в. воинственные пляски и игры проводились во время шествия за невестой и возвращения процессии в дом жениха. Наиболее распространенными воинственными плясками были *Jar xušta* – «Товарищ по оружию», «Пляска с саблями», «Пляска с кинжалами» и др.

Помимо плясок, имевших строго обрядовое магическое значение, во время свадьбы, в основном после венчания, исполнялись эпические, пантомимические, трудовые, лирические, комические и другие пляски, являвшиеся реликтами древнейших обрядов. На свадьбе обычно исполнялись следующие подражательные, былые тотемические пляски: «Гусиная», «Журавлиная», «Куриная», «Рыбья» и «Шорор». Они были сольными и коллективными с разными построениями и перестроениями и передавали повадки птиц.

Сольная и коллективная пляска «Шорор» была одной из самых распространенных. Этот вид плясок сохранился до сих пор, но потерял свое обрядовое значение. В сольной пляске танцор изображал птицу, в коллективной – пляшущие изображали овец. В некоторых плясках, например, «Журавлиной», исполнители постепенно сбрасывали с себя часть одежды, что было связано с культом плодородия, с обрядами обеспечения увеличения количества и роста животных (*Каджберуни*, 2009. С. 333). Таким образом, свадьба, формируясь как сложное обрядовое действо, вобрала в себя почти весь плясовой фонд народа, за исключением танцев, связанных с праздниками календарного цикла.

Современное состояние плясового фольклора. Начало использованию плясового фольклора в Армении положили студии танцев, основанные в 1923–1924 гг. В.А. Аветиковым, С.Т. Мхитаряном, В.А. Аристакесяном. В концертах учащихся студий исполнялись сольные и дуэтные кавказские

Фольклорный ансамбль «Васпуракан» (село Воскетап, Араратский район). 1969 г. Худ. рук. Э.Х. Петросян

Фото из личного архива Э.Х. Петросян

танцы, переработанные руководителями танцклассов. Наиболее популярными были Шалахо, Лекури, Кинтаури, Песни Шамиля, Багдадури, Таракяма, Узундара и др. В 20-е годы XX в. большую роль сыграл этнографический ансамбль Студии танца, руководимый В. Аристакесяном. В его репертуаре были фольклорные коллективные и сценически обработанные танцы армян, а также азиатские танцы. В 1931 г. была организована Профстудия ритма и пластики при Народном комиссариате образования (директор – С.С. Лисициан), а в 1936 г. – Хореографическое училище. Из числа учащихся было создано два ансамбля – взрослый и детский, где были осуществлены постановки плясок разных регионов. В 1937 г. в Ереване был организован Дом народного творчества, сотрудники которого оказывали методическую помощь сельским самодеятельным кружкам, организовывали семинары. Благодаря их консультациям в 30–40-е годы XX в. в Ереване на смотрах выступали самодеятельные коллективы и солисты из многих районов. В 1938 г. в Ереване был организован Государственный ансамбль армянской народной песни и пляски (художественный руководитель Т. Алтунян, балетмейстер Э. Манукян). В постановках разных лет в большей или меньшей степени использовались ряд движений и фигур народных плясок, азиатских танцев. Со временем на постановки Ансамбля повлияли балетные сценические обработки армянских народных танцев. Все это сказалось на репертуаре сельских плясовых коллективов.

Начиная с 1957 г. угасший было интерес к сельскому плясовому фольклору вновь стал усиливаться. Толчком послужило выступление на Республиканском фестивале самодеятельного коллектива села Ашнак Талинского

Фольклорный ансамбль «Муш-Тарон», село Еразговорс (Ширак). Худ. рук. Ж.К. Хачатрян. Выступление женской и мужской группы ансамбля на ЦТ. Передача «Карусель». М., 1972 г. Фото из личного архива Ж.К. Хачатрян

района (руководитель В. Аристакесян). После 30-летнего перерыва появление на сцене аутентичных армянских плясок было восторженно встречено общественностью и прессой. Репертуар танцевального коллектива села Ашнак оказал заметное влияние на репертуар профессиональных и самодеятельных коллективов Армении. В прессе 60-х годов был подвергнут критике отход профессионального танцевального искусства от народных истоков. Оживленные дискуссии привели к организации Министерством культуры Недели армянского народного танца, основным условием которой был показ

Танец «Берд». Ансамбль народного танца Артин (Талинский район, Ширак). 1989 г. Худ. рук. Ж. Григорян

Фото из личного архива Ж.К. Хачатрян

традиционных плясок. С интересными программами выступили коллективы «Васпуракан» села Воскеаск Араратского района (рук. Э. Петросян), «Сасун» села Ашнак Талинского района (руководитель Т. Казарян).

«Сасуник» Аштаракского района (руководитель В. Татевосян), ансамбль Муш-Тарон села Еразговорс, регион Ширак (руководитель Ж. Хачатрян), показавший аутентичные пляски. Ряд коллективов с большим успехом выступили в Москве на Центральном телевидении: «Васпуракан» – в программе «Наш адрес – Советский Союз» (1970 г.), «Муш-Тарон» – в программе «Карусель» (1972 г.), «Ашнак» участвовал в фестивале «Мерцишор» в Кишиневе (1994 г.)

За последние годы появилось множество взрослых и детских танцевальных групп. В 1960–1970-е годы одним из лучших коллективов, организо-

ванных кандидатом филологических наук Маро Мурадян, был «Акунк». Его примеру последовали танцевальные коллективы многих вузов Еревана, Центра эстетического воспитания детей и юношества, сельские Дома культуры. Наметившийся в последние годы спад ныне снова привел к возрождению интереса к народному творчеству. В числе наиболее популярных ансамблей – «Акунк», «Сасун», «Артин», «Ашнак», «Карин», «Нубар», «Аветис», «Маратук» и др.

В области теории народного танца в Армении проделана большая работа. Подлинно научная запись и изучение плясового театрального фольклора связаны с именем доктора исторических наук, основателя школы этнохореологии Србуи Лисициан. С 1930 г. она начала разрабатывать методику и систему записи движения, позволяющую с математической точностью фиксировать положения тела в пространстве (*Лисициан*, 1940). Многолетние исследования в области сравнительного анализа и классификации армянского народного танца обобщены в двухтомном капитальном труде С.С. Лисициан «Старинные пляски и театральные представления армянского народа» (1958 г., 1972 г.) и монографии «Армянские старинные пляски» (1983 г.). В наши дни собирание народных плясок ведется комплексно – как стационарно, так и во время экспедиций. Записано большое количество плясок и театральных представлений, праздников, обрядов и т.п. Наряду с собирательской, танцеведы проводят большую исследовательскую и издательскую работу, готовят научные кадры.

НАРОДНАЯ МУЗЫКА И ИНСТРУМЕНТЫ

Музыка. Пройдя многовековой путь развития, армянская народная музыка откристаллизовалась как искусство своеобразное, стилистически самобытное, состоящее из вокальной монодической и инструментальной гомофонной музыки. Каждая из ее ветвей прошла свой путь развития и становления и на этом пути приобрела индивидуальные свойства. О наличии в обиходе народов, населяющих в древности Армянское нагорье, многих видов музыкальных инструментов и инструментальной музыки свидетельствуют археологические находки, изображения инструментов на средневековых могильных плитах, в средневековой армянской миниатюре и отдельные фрагменты в текстах историков V в. н.э. (*Ханзадян*, 1959. С.64–93; *Геворкян*, 1962. С.338–352; *Кочарян*, 2008; *Багдасарян*, *Киракосян*, 2008). В письменных источниках древности отсутствуют сведения о народной (крестьянской) музыке, но достаточно широко представлены изустно-профессиональная и культовая ветви. Первая часть «Истории Армении» Мовсеса Хоренаци частично основана на поющих этических сказаниях, как «Повествование о Ксистуре (Ное) и его сыновьях» (Хоренаци, I, 6). Хотя эти легенды, песни и сказания записаны в V в., но повествуют они о мифических временах (Ной-Ксистур) и мифических эпонимах армянского народа. К числу уникальных образцов этических песен относится «Песнь о Ваагне» как фрагмент из целого сказа о рождении и подвигах Ваагна (*Хоренаци*, I, 31). Ряд исследователей относят эту песнь к числу наиболее ранних образцов индоевропейского стихосложения (*Гамкрелидзе*, *Иванов*, 1984. С. 502–503). Первый песенный жанр, о бытовании которого в древней Армении

известно из письменных источников – поющая, танцуемая и мимически представляемая легенда мифологического содержания. Второй песенный жанр – эпос, который Мовсес Хоренаци называет *vipasank'*. Центрами возникновения эпических сказаний являются города Ервандашат, Армавир, Арташат. Хоренаци особо выделяет провинцию Гохтн (*Хоренаци*, II, 49). Стойкость эпических традиций в провинции Гохтн объясняется тем, что в этих краях долго сохранялось язычество. Эпическая поэзия, как носитель сказываемых нараспев стихов, ведет свою линию развития в крупных эпических циклах «Персидская война», «Таронская война» вплоть до формирования в X в. эпоса «Сасунские безумцы» (Давид Сасунский) (*Абегян*, 1975. С. 108, 233). Эпическая поэзия предстает и в более мелких формах – сказаниях о национальных героях: «Моксский князь», «Аслан ага» и христианских святых и святынях, в религиозных балладах «Крест кароса», «Св. Алексанос», «Нарекаци», «Разговоры души с телом», «Иерусалим очень красив». Музыкальные фрагменты эпоса «Давид Сасунский» сохранились до середины XX в. (*Комитас*, 2000. С.86–91; *Кочарян*, 1977. С.53–67; *Саакян, Пахлеванян*, 1996; *Петросян*, 2004. С.146–148).

Среди песенных жанров, упоминаемых у авторов V–X вв. – жанр крестьянской песни – *ser* и жанр скорбных песнопений (например, «Книга скорбных песнопений» Григора Нарекаци, X в.).

1. ԶՈՂՈՐՄԻՆ
ПОМИНЕНИЕ

Сп. МЕЛИКЯН, ОЧЕРКИ ИСТОРИИ
АРМЯНСКОЙ МУЗЫКИ, N 3

Обращусь, поману добром
Орленка Давида.

Поминоение. Запись Сп. Меликяна

Из кн.: Очерк армянской музыкальной истории. Ер., 1935. С. 57 (на арм. яз.)

Эпические исторические песни частично слагались из заплачек. Они являются непосредственными поэтическими реминисценциями о свершившихся событиях. Классический пример плача – записанная в начале XX в. песня «Мокац мирза».

В творчестве *гусанов* зарождаются и бытуют изустно-профессиональные жанры застольных, любовных, хвалебных, колыбельных, скитальческих, свадебных, скорбных песен, в целом называемые *tal*. *Tag* – метризованный текст, поющая поэзия. Более 30 вариантов этих песен-плясок представлены в мелодико-словесных записях армянских композиторов и музыковедов, начиная с конца XIX в. под различными названиями («Ожерелье мое отдам», «Фату мою отдам», «В море упала тяжелая и пышная диадема моя», «Что, что я дам пловцу», «Нет, не могу плясать» и т.д.).

Начиная с XVI в. и до наших дней можно проследить развитие от искусства *тагов* к искусству *ашугов*. Песни *ашугов*, зафиксированные в начале как словесно-поэтический текст, а к концу XIX в. записываемые нотами, представляют богатейший музыкально-поэтический материал: песни любовные, поучительные, философские, патриотические, сатирические, сказы-сказки на общевосточную или армянскую тематику. Армянская поэзия ашугов, возникшая на основе искусства *тагопевцев* и *гусанов*, является результатом тесного контакта с мусульманским миром и постепенным вытеснением эллинистических традиций. Термин *гусан* не только заменяется термином *ашуг*. Если *гусаны* – поэты, певцы, инструменталисты, танцоры совмещали в себе все виды синкретического искусства и выступали как члены театральной труппы, то *ашуги* – это одиночки-поэты, певцы, сказители, сопровождающие свое пение игрой на каком-либо струнном инструменте: *саз*, *тар*, *кяманча*, *кемони*. Искусство *ашугов* по сути – концертное искусство, хотя место его бытования сохраняется: площадь (сельская или городская), дворцовая зала или хижина бедняка, кофейня, свадебное застолье. И функция та же, что у *тагопевцев* – восхвалительная, утешительная, развлекательная, поучительная. Формы и внутрижанровые подразделения ашугских песен, их метроритмика, законы стихосложения приобретают связь с формами восточного стихосложения (газель, дубейт, муххамаз, дивани, семан, гошма, шарки и пр.). В результате этого органического синтеза образовался стиль армянской ашугской музыки, который, примыкая к общевосточному, представляет собой самостоятельную ветвь в поэтическом и музыкальном выражении.

Как в музыкальном, так и поэтическом плане наиболее талантливые армянские ашуги: Наапет Кучак (XVI в.), Нагаш Овнатан, Багдасар Дпир (XVII в.), Петрос Капанци, Сяйт-Нова (XVIII в.), Миски Бурджи, Магуби Геворк, Ширин, Шерам (XIX в.), Дживани (XIX–XX вв.), Аваси, Шаэн, Ашот (XX в.) – создали песни, озаренные высоким духом поющей поэзии, причем поэзии, созданной на основе армянского разговорного языка. Среди армянских ашугов выделяются Наапет Кучак, последний *тагопевец* и первый, именовавший себя *ашугом*, Сяйт-Нова (Арутюн Саядян) и Дживани (Сероб Гаспарян), творчество которых иным словом, чем «гениальное» невозможно охарактеризовать Сяйт-Нова слагал на четырех языках (тифлисском диалекте армянского, грузинском, персидском и тюркском). Они поются, декламируются и по сей день. Одна из заслуг Дживани в том, что он перевел, исполнял и опубликовал на армянском языке общевосточные ашугские сказы-поэмы «Ашуг Гариб», «Асли и Кярам», «Шах Исмаил», «Лейли и Меджнун» (*Ернджакян*, 2004). Ашуги XX в., продолжая традиции восточных классических сказов, создали любовные сказы на армянскую тематику: «Элинар», «Роза Фиалка», «Амран и Салви», «Смбат и София», «Мелик Абов и Гамар Султан», «Арташес и Сатеник» и продолжили патриотическую, социальную, бытовую, философскую, одическую, любовную и прочую тематику.

Если армянская изустно-профессиональная музыка имеет 1500 лет письменной истории, то народная музыка – крестьянская и городская, находится в менее выгодном положении: фиксация ее поэтических текстов начинается с середины XIX в., сначала в различных песенниках, где вперемешку записывались слова духовных и народных песен, стихи популярных поэтов. Время от времени слова народных песен публиковались в периодических изданиях.

К 1868 г. набралось достаточное количество поэтических текстов, которые вошли в сборник «K' nag haуkakan» («Армянская лира»). Такой всплеск интереса к народной песне и фиксации ее поэтического текста возник на волне обострившегося национального самосознания как в Армении, так и в Западной Европе и России. В Армении со второй половины XIX в. и по сей день собраны и изданы десятки тысяч поэтических текстов армянских народных песен, представляющие все её жанровые разновидности. Этнографы зафиксировали место их бытования и время исполнения.

В 1816 г. впервые в «Азиатском музыкальном журнале», изданном И. Добровольским, были опубликованы армянские народные песни, зафиксированные нотами. Много лет спустя, в 1896 г., произошло событие, положившее начало музыкальной этнографии. В первом номере журнала «Азгагракан хандес» («Этнографическое обозрение») был опубликован нотный текст и слова трех армянских народных песен в записи Х. Кара-Мурзы. В том же году Комитасом были изданы 25 песен Акна (Западная Армения) в сборнике «Акнийская старина». Среди зачинателей записи армянских народных, ашугских песен и инструментальных мелодий выделяются имена А. Брутяна, составившего в 1895 г. сборник «Нотированные народные песни, песни-пляски и танцевальные мелодии», сборник «Кнар» (Лира) Ст. Демуряна и произведения Н. Тиграняна, издающего с 1887 г. фортепианные обработки армянских и закавказских песен и танцев, фортепианные обработки мугамов. Неоспорима ценность этих записей (Тиграняном записаны 12 мугамов и дастгя), являющихся первой фиксацией европейской знаковой системой бытующих в Персии и Армении мугамов. Они являются уникальным источником для специалистов, изучающих историю мугамата – особенно ту его ветвь, которая была интерпретирована и развита армянскими музыкантами, играющими на традиционных инструментах (*тар, кяманча*). К их турецкой интерпретации и систематизации обратился видный музыкант А. Айвазян, обобщивший в 1901 г. свои изыскания и нотный материал в рукописной книге «Руководство по восточной музыке» (Айвазян, 1990). Армяне мугам не пели, а лишь играли на вышеуказанных инструментах. Мугам принадлежит к области профессиональной музыки устной традиции, однако некоторые его ветви (Саари, Зов пастуха) укоренились в репертуаре народных исполнителей, сопровождая обрядовые и бытовые действия (*Yernjakian, Pikichian, 1998*).

Параллельно с записью армянского музыкально-озвученного материала, шла его словесно-описательная фиксация (в особенности в журнале «Азгагракан хАндес» и в многочисленных сборниках – «Лума», «Песни ванцев и мушцев» и т.д.). Но самым заметным явлением явилось концертное исполнение народных крестьянских песен в многоголосной обработке для хора, начатое Х Кара-Мурзой с 1885 г. Наряду с этим шло сценическое исполнение армянских танцев, сценический показ обрядов со смешанным исполнением песен и танцев (*Саргсян, 1999. С. 139–149*). Таким образом, армянские народные песни и танцы прошли путь от веками хранимой традиции до концертной эстрады, став объектом обработки и научного изучения. Комитас и многие другие армянские фольклористы посвятили свою жизнь записи и изучению крестьянской и городской песни и танца, ашугской и инструментальной музыки, звучащей на традиционных инструментах.

Монодическое пение господствует в крестьянской музыке и подразделяется на сольное, хоровое, унисонное и антифонное. Лирические, любовные, колыбельные, часть трудовых, эпические, эпико-религиозные, песни странников исполняются соло. Унисонное хоровое практикуется нечасто, временами во время застолий. Антифонное господствует в песнях. Пропеваемый солистом припев подхватывается всеми танцующими.

По мелодическому типу песни делятся на речитативные, песенные, мелизматические и смешанного типа. Речитативный тип редко фигурирует в песне с начала до конца, сочетаясь с песенным и мелизматическим, и чаще всего встречается в плачах, эпических и пахотных песнях. Диапазон песен многообразен – начиная от терцового и завершаясь децимовым. Наиболее употребительными являются гексатонический эолийский, дорийский, фригийский и локрийский лады и лады с увеличенной секундой, а также мажорная тетратоника (b, c, d, f) и миксолидийский лад. Ладовая переменность – одно их характерных свойств армянской традиционной музыки.

Форма народных песен в основном куплетная. Куплеты могут быть 2-строчные, 3-строчные, 4-строчные. Наиболее употребительными являются гексатонический эолийский, дорийский, фригийский и локрийский лады и лады с увеличенной секундой, а также мажорная тетратоника (b, c, d, f) и миксолидийский лад. Ладовая переменность – одно их характерных свойств армянской традиционной музыки. Рифмовка – почти обязательное явление армянской народной песни. Типы рифмовки – смежная, перекрестная, опоясывающая и наиболее часто встречающаяся в 4-строчных куплетах – незарифмованная 3-я строка (распространенный вид четверостишья у ряда восточных народов). Форма напева может быть однострочной, с повтором в припеве: 2-, 3-, изредка 4-строчной. Рефрен, состоящий из 3–4 слогов, может завершать каждую строку или чередоваться в перекрестных строках, припев же – более развернутый, от одной до нескольких строк. Мелодия припева может быть идентичной с мелодией запева (или куплета) или отличаться от него в мелодическом и метро-ритмическом плане.

Армянская народная песня отличается большим (более 15) жанровым разнообразием: трудовые, обрядовые, плачи, эпические, духовные, лирические, песни-пляски, детские и для детей, сатирические, скитальческие, рекрутские, национально-патриотические, песни пиршественного веселья, проклятья. Можно сказать, что вся жизнь крестьянина отражена в этих песнях с первого по последний день.

К полевым, поющим только мужчинами, относятся песни пахоты или иначе плужные, называемые *horovel*, песни сева, сохи, на гумне, аробные, молотильные и др.

Плужные песни песнями в буквальном смысле не назовешь. Сами крестьяне их называют кликами (зов) – *kanč'*. Хотя они записаны в конце XIX и в XX в., но несут в себе элементы архаичности, ибо связаны с трудовыми действиями, которые ныне, в век механизации, не поются в быту и остались лишь в памяти стариков. Более приближаются к песенному типу песни аробные и поющиеся на току, среди которых встречаются подлинно мелодические шедевры.

К женским трудовым песням относятся лишь две полевые – прополочная и собирания хлопка; остальные песни – домашнего труда: песни толчения в

12. ՀՈՒ ԱՐՄ, ԵՅՈ
ИДИ ПО КРУГУ, МОЙ ВОЛ

[Եռանդուն. Energiko. Tempo rubato] КОМИТАС, m.XI, N 31
[Andante] [Allegro]

Հոլ ա-րա, ե-զո, ջան ախ-բեր ջան, հո~,
 4 թոլ ա-րա, ե-զո, ջան ախ-բեր, դե սի-րուն, ե-լ, ե-լ ե-լ, ե-լ,
 7 դե ծա-ղիկ, ե-լ, ե-լ, ե-լ, ե-լ, դե ծի-րան, ե-լ, ե-լ, ե-լ, ե-լ հո~:

Иди по кругу, мой вол, братец, джан,
 Кружись, мой вол, братец, джан,
 Ну, красавец, иди ж, иди, иди, иди,
 Ну, цветочек, иди, иди, иди, иди, ho!
 Абрикосовый мой, иди же, иди, ho!

Трудовая песня «Иди по кругу, мой вол», исполняемая на гумне при обмолоте зерна
 Из кн.: Комитас. Собр. соч. Ер., 2000. Т. 11. С. 32. Илл. 31 (на арм. яз.)

ступе, качания маслобойки, шерстобитные, прядения и др. Женские трудовые песни почти лишены импровизационных элементов, широких распевов. Связанные в основном с ритмическими движениями рук, все они сохраняют в каждом конкретном случае ритмическую регулярность.

Обрядовые песни весьма отчетливо делятся на два класса: 1) относящиеся к семейно-общественной жизни (свадебные, родильные, погребальные, посещения святых мест); 2) календарные, исполняемые в дни христианских и приуроченных к христианским былым языческим праздников.

Музыкальная часть свадебного обряда представляет собой довольно смешанную картину, в которой вокальные эпизоды – сольные, хоровые, унисонные, диалогические перемежаются с инструментальными и вокально-инструментальными. По мере приближения к концу XX в. обрядовые песни заменяются инструментальными наигрышами и песнями городского или ашугского типа.

Утро свадебного дня открывается инструментальной пьесой, называемой «Саари», которую исполняет на кровле дома жениха ансамбль зурначей (*Yernjakian, Pikichian, 1998*). Это приветствие наступающему дню и созыв гостей на свадьбу.

Несомненный пережиток языческих представлений – песни, посвященные «древу жизни» или «женихому дереву» – обязательному атрибуту армян-

ской свадьбы, которое украшалось фруктами, конфетами, сладостями. Обычай изготовления «женихова дерева», сопровождающийся песнями, бытует и в наши дни.

Соответствующими обрядовыми песнями сопровождается одевание невесты и, после небольшого пиршества, ее вывод под традиционный инструментальный наигрыш *Kalosi prken* – «У края колеса» или под кличи-возгласы «Увели, увели!» Процессия к дому жениха, встреча невесты свекровью сопровождаются пением, игрой на *зурне* и *дhole*. Наутро, после свадьбы *зурначи* на крыше опять играют «Саари» или мелодию песни *Aravot luso* – «Утро светлое» (Багдасарян, 2000. С. 34–47). Демонстрация приданого невесты приглашенным гостям сопровождается песней-пляской: «Сложи, сложи красную шерсть, сложи, сложи».

Обрядовыми являются также плачи и причеты по умершим, исполняемые женщинами-родственницами или специально приглашенными плакальщицами. К плачам можно отнести и плачи-баллады, рассказывающие о трагических событиях, например, песня, называемая «Посреди села Хнус».

К числу приуроченных относятся детские песни (считалки, сопровождение плясок) и песни для детей. Своей импровизационностью и ритмической организованностью выделяются песни игры-подкидывания младенца, обязательно сопровождаемые глоссолалиями *dan, dan*. Колыбельные песни разнообразны по складу изложения – от простейшего строения до широко распетыми.

Специфический жанр – песни скитальцев и *antuni* – «бездомного», сложенные ушедшими на заработки крестьянами или купцами, долгое время отсутствующими из дома. Среди них выделяются песни тоски по родине, например, «Kunk» («Журавль») и песни странников, возвратившихся и заставших разоренными свой дом.

Лирические песни образуют один из крупнейших слоев армянской народной песни. Можно выделить несколько поджанров: песни любовные (принимающей временами форму романса), нередко полушуточного характера, диалог двух любленных, песни о неразделенной любви или насильственной разлуки с любимым и песни пасторальные. Интонационно-ритмический склад их довольно разнообразен, начиная от скорбно-повествовательного и завершаясь танцевальным. Эти песни чаще всего имеют куплетную 2-, 3-, 4-строчную форму, где основные строки перемежаются или завершаются припевом.

В армянском музыкальном фольклоре значительное место занимают песни, связанные с христианской религиозной тематикой. Еще на заре христианства армянские христианские общины, наряду с псалмами, привнесенными в Армению, создавали и распевали свои собственные духовные песни. Фольклорные духовные песни содействовали формированию и развитию армянской церковной музыки как важнейшего мелодического источника. Они не растворились в официальном церковном богослужении, а продолжали оставаться средоточием художественного воплощения и выражения религиозных представлений народа. Сегодня армянская народная духовная песня – явление развернутое и многообразное. Это напевы повествовательного, лирического, эпического, лиро-эпического, гимнического, шуточного характера. По

тематике – это библейские сюжеты, жития святых, праздники, святые места. Многообразны песенно-поэтические формы – народные, ашугские песни на календарные праздники, религиозно-эпические сказания т.д.; песни о ветхозаветных, новозаветных и иных героях (Адам, Иосиф, Моисей, Иоанн Креститель, Св. Богородица, Иисус Христос, Григорий Просветитель, Григор Нарекаци и др.). Из образцов народной духовной песни наиболее многочисленными в музыкальном фольклоре являются «Аветисы» (Благовесты) – песни-оды, посвященные Св. Рождеству Христову. Пение их на Сочельник входило в состав обходных процессий. Предпосылкой возникновения народных *аветисов* послужили *аветисы* церковные, которые по традиции приписываются Хоренаци (*Комитас*, 1941. С. 108). Однако, передаваясь в народе изустным способом, они сильно видоизменились и постепенно приобрели статус фольклорных образцов (*Манукян*, 1995). Народное исполнение церковных песнопений характерно для музыкального фольклора армян (*Тагакчян*, 1999. С. 58–60; *Багдасарян*, 2000. С. 34–47). Имело место также «сочетание культовых текстов с народными мелодиями», особенно в период многочисленных и мощных сектантских движений Средневековья (*Кушнарев*, 1958. С. 92). *Аветисы* можно рассматривать как эпико-ритуальный музыкально-поэтический жанр армянской народной духовной песни (*Симонян*, 2006. С. 183). В основе традиционного поэтического текста *аветисов* – повествование о рождении младенца Христа, его пеленании и крещении. *Аветисами* назывались также народные песни, посвященные Воскресению Христову.

На праздник Вознесение Господне, особенно в селениях, на природе пели «Гадальные песни». Они входили в обряд, сохранивший пережитки языческого праздника весны, который после принятия христианства был приурочен к празднику Вознесения.

Религиозно-эпическая песня-сказание «Карос хач» – один из замечательных памятников народного творчества. Сказание посвящено Кресту – одному из наиболее почитаемых армянами символов христианства. Повествуется о чудотворной силе Креста, который обладает силой лечить людей, наказывать их за провинности и т.д., таким образом приобретая значение «святыни народного христианства» (*Саакян*, 2000. С. 5).

Армяне издавна любили складывать, петь и слушать духовные стихи о святых и мучениках. Таковой является, в частности, ода Сурб Карапету (Св. Иоанну Крестителю) под названием «Мшо султан Сурб Карапет» – «Владыка Муша Св. Карапет», принадлежащая перу великого армянского ашуга Саят-Нова (*Саят-Нова*, 1963. С. 80). Сурб Карапет – величайший после Богоматери святой армянской церкви (*Галустян*, 1997а. С. 165). Ему посвящен целый ряд церковных песнопений. В оде Саят-Нова хвала Сурб Карапету перемежается с пересказом событий из жизни святого – отшельничеством в пустыне, крещением Иисуса в реке Иордан, обстоятельствами его гибели от руки царя Ирода. В той же хвалебно-повествовательной форме созданы две ашугские песни «Таг гехецик» (Красивая песня) и «Посвящение деве Рипсиме», отображающие эпизоды житий Св. Григория Просветителя армян (IV в.) и Св. Девы мученицы Рипсиме (IV в.) (*Григорян*, 1986. С. 79, 395). О Св. Григоре Нарекаци (X в.) – гениальном поэте, музыканте, мыслителе, авторе «Книги скорбных песнопений» сложен духовный стих Нарекаци, в котором повест-

вуется о его добрых деяниях и совершаемых им о чудесах (Григорян, 1986. С. 142).

Фольклорным образцом житийной литературы, народной поющей-ся религиозной повестью-поэмой является развернутый духовный стих о Св. Алексии (V в.) под названием «Алексанос» (Григорян, 1986. С. 211). Пересказывается его рождение, уход из дома в ночь после свадьбы, долгие годы скитающегося как «нищего по собственной воле», анонимное возвращение домой, где Алексия узнают после его смерти (Галустян, 1997).

Сохранились три нотированных фрагмента в записи Комитаса и А. Кочаряна – два «Плача по Алексию» и его хвала с очень выразительными и красивыми поэтическими и мелодическим текстами (Худабашян, 2001. С. 87, 88).

Извечная тема христианства – противопоставление духовного и материального начал человеческой сущности во Христе – нашла свое воплощение в песне эпического характера на религиозную тему в форме диалога «Душа и тело стали братьями» (Атаян, 2000. С. 18; Комитас, 2000. С. 81). Возникнув в Средневековье, она прошла через столетия, породив множество вариантов, известных под названиями «Спор неба и земли», «Спор души и тела» (Мнацаканян, 1956. С. 381, 388, 394) и т.д., особенно в творчестве *ашугов*. Эти песни обычно пели двое *ашугов* в антифонной манере (Левонян, 1941. С. 129).

Святым местам посвящен целый ряд песен паломничества. Обычно это либо небольшие песни, либо развернутые поющие сказания или ряд инструментальных наигрышей (Тумаджан, 2005. С. 380). Значительная часть песен посвящена паломничеству в монастырь Сурб Карапет в г. Муше (Западная Армения), который был вторым духовным центром армян после Св. Эчмиадзина. Народные песни о монастыре Сурб Карапета в Муше создавались в различных армянских регионах и на различных музыкальных диалектах.

В монастырь направлялись армяне из разных городов и сел на праздник Преображение Господне. Желая получить мусический дар (т.е. дар музицирования) должен был совершить паломничество в монастырь Сурб Карапета и совершить жертвоприношение. Поэтому многие приносили сюда ненастроенные *тамбур* (китар) и колокол, *сантур* и свирель, *дудук* и другие музыкальные инструменты, оставляли их на ночь в храме, а на следующий день брали и мастерски играли (Петросян, 2004. С. 11, 12). Из песен, посвященных традиционным местам паломничества, отметим также песню о могиле Св. Григора Нарекаци, которая в представлении народа, подобно самому святому, обладала чудотворной силой (Тумаджян, 2005. № 114). Этот замечательный образец армянского крестьянского фольклора – «Пойду в Эчмиадзин на поклон» – записан Комитасом, как и ряд песен о Тух Мануке (*t'ux manuk* – «Темный отрок»). Тух Мануком называются святы места, находящиеся рядом с родником или рекой.

Период, с которого мы можем начать летоисчисление армянской городской песни – это середина XIX в., когда начали фиксироваться некоторые нотные образцы городских песен в песенниках и журналах («Гамар Катипа», 1856; «Песни армянского театра», 1863; «Армянская лира», 1862; «Армянская музыка», 1880). Песни издавались в обработке для фортепиано или голоса в сопровождении фортепиано. Тематика – любовная, национально-патриотическая или историческая. Авторы слов – преимущественно армянские поэты. Авторы слов ряда песен неизвестны. Что же касается музыкальной сторо-

ны этих песен, однозначная характеристика ее невозможна, т.к. стилистически они неоднородны (Григорян, 1982; Худабаян, 1977; Сарьян, Арутюнян 1973). В одних ясно выступают региональные черты, связанные с тем или иным местом проживания армян: Гюмри, Шуши, Тифлис, Константинополь; в других – социальная принадлежность. Напевы песен часто заимствованы из европейских опер или оперетт, студенческих песен (например, песня «Я талворик» преобразована из студенческого гимна «Гаудеамус»), из городского фольклора, бытующего в каком-либо закавказском городе – Тифлисе, Баку или же являются плодом творчества любителя музыки. Во многих из них явно выступает европейская основа (например, «Полонез» Огинского из «Боже, храни армян»), временами «разбавленная» восточным элементом – увеличенной секундой), а мелодия приспособлена к просодии армянского языка. Некоторые «вырастают» из подражания ашугской, или же в них проступают элементы крестьянской песни. В городах Армении и армянской диаспоры эти песни пользовались большой популярностью, пелись во время застолий или собраний диаспоры, а также любительскими и профессиональными хоровыми коллективами. Обработанные для сольного пения с фортепианным сопровождением для многоголосого хора или просто в фортепианном исполнении, эти песни надолго оставались в памяти народа и с удовольствием поются нашими современниками, например: «Ласточка», «Лунная ночь», «Полюбил, увели яр (любимую)», «Армянские девушки», «Поплачь, смбул трава», «Когда на бурных волнах моря», «Какое сладкое дело», «Марш Зейтунцев».

«Бингел», «Крутясь, вертясь Кура течет», «О красивая, красивая», «Братья мы», «Раздался глас с Эрзрумских гор», «Пахарь», «Братец охотник» и пр. Эстетическая оценка армянских городских песен неоднозначна. Среди них могут быть подлинные шедевры (как выше перечисленные, так и многие другие) и безликие, стандартно-европеизированного типа. Четыре из этих песен были использованы Арамом Хачатуряном: «Марш Зейтунцев», основанный на церковном песнопении «Христос среди нас явился» лег в основу Гимна Армянской ССР, песня «Братец охотник» (на слова Ав. Исаакяна) стала темой II части Второй симфонии, интонации песни «Раздался глас с Эрзрумских гор» зазвучали в песне Пепо из одноименного фильма, песня тифлиского кинто «Хожу как бездельник и лодырь» стала основной темой II части Фортепианного концерта. Гр. Егиазарян в качестве медленной части своей симфонии использовал песню «Пахарь ты» (слова Ав. Исаакяна). Песня «Когда на бурных волнах моря» звучит в медленной части симфонии А. Арутюняна, композитор Г. Овунц в концерте для фортепиано с оркестром использовал песню «Армянские девушки» и т.д. Городская национально-патриотическая песня XIX – начала XX вв. явилась основой для массовых жанров советского периода (маршей, застольных, патриотических песен, песен восхваления героев труда), а ее лирические образцы стали исходным источником армянского романса целого жанрово-стилистического направления.

Традиции армянской городской песни XIX–XX вв. своеобразно преломляются в искусстве современных армянских бардов, наиболее талантливым из которых является Р.Ахвердян, самодеятельных композиторов, эстрадных певцов, подвизающихся в области песнетворчества. Как и в прежние времена, эти песни стилистически неоднородны и эстетически неравноценны. Зачастую их презрительно именуют «рабис» (сокращенное от Союз работ-

38. ՉԵՅԹՈՒՆՅՈՑ ՔԱՅԼԵՐԳ
 МАРШ ЗЕЙТУНЦЕВ

բայլերգանձան

муз. Т.ЧУХАДЖЯНА,
 сл. А.ЧАКРЯНА

Ա-րևն ե-լավ, գեյ-թուն-ցի-ներ, դեհ, ծի հեծ-ներք առ-ներք գեւ-քեր դի-մենք ա-ռա:

հն-չու°, հն-չու° գը-լուխ ծը-ռենք բըր-նա-վո-րին մեր վիզ պար-գած:

Зейтунцы в путь! Уже светло,
 Бери ружье, садись в седло,
 По́йдем вперед!
 Доколь, доколь хребет склонять,
 Тирану шею подставлять?
 Довольно, братья, в рабстве жить
 Да иго турка выносить!

пер. В. Брюсова ПОЭЗИЯ АРМЕНИИ
 с древнейших времен до наших дней, с.119

Марш зейтунцев. Муз. Т. Чухаджяна, сл. А. Чакряна
 Из кн.: *Էկմալյան Մաքար*. Хоровые и сольные песни. Ер., 1970. С. 102. Илл. 43 (на арм. яз.)

ников искусства, бывшего в 1920–1930-е годы объединением музыкантов, выступающих преимущественно на свадьбах и похоронах). Пуристы возмущаются низкопробным вкусовым качеством этой музыки и доходят до абсурдного предложения запретить ее исполнение в теле-радио передачах. Однако подобная однозначная оценка отнюдь не отражает всю художественную значимость этих песен; среди них есть песни, рассчитанные на самый низкопробный вкус, и песни, способные удовлетворить притязательного слушателя, которые могут быть в будущем использованы композиторами в своих произведениях.

Инструменты. Традиционный инструментарий армян богат и разнообразен. Для выявления ареалов его распространения и хода развития нужно обратиться к звучащим в наши дни инструментам и инструментальной музыке, а также к наследию армянских историографов, мифам и сказкам, народным, гусанским и ашугским песням, искусству миниатюры, историческим памятникам, археологическим находкам, надгробиям и т.д.

Согласно имеющимся источникам, три основные группы музыкальных инструментов – духовые, струнные и ударные – имели широкое применение и высокую степень развития в музыкальной жизни армян еще в период язычества. В трудах историков V–VI вв., в Библии и древних рукописях духовного содержания упоминаются *пандир* (тип лютни), *кнар* (лира, цитра, гусли), *сринг* (др.-греч. *сиринкус*), *пох* (рог или духовой инструмент любого типа, например, дудук или зурна), *тмбук* или *гос* (большой барабан), *дабдабал*

(бубен), *вин* (струнный инструмент), *тавиг* (арфа), *ергеон* (орган), *кимвалы* (тарелки), *шепор* (длинная труба), *парканзук* (волынка), *кочнак* (колокол), *зангак* (колокольчик). Археологические находки музыкальных инструментов и их изображения на барельефах и могильных памятниках указывают, что в Древней Армении существовали многие виды музыкальных инструментов, среди которых необходимо отметить древнюю семиструнную лиру на серебряной чаше из Карашамба (II тыс. до н.э.), бронзовую фигурку дудукиста (I тыс. до н.э., Севан, ныне находится в Лувре), бронзовые тарелки (Кармир-Блур, VII в. до н.э.), костяной рог (IX–VIII вв. до н.э., Севан), четырехствольную каменную флейту, известную как «флейта Пана» (V в. до н.э., Ширак), ритон с изображением двух женщин, одна из которых играет на лире, а другая на двойном авлосе (II в. до н.э., цитадель Эребуни), одноствольные и двухствольные свирели (II–I вв. до н.э., Гарни), чашу с изображением бубна в руках танцовщиц (II–III вв. н.э., известна как чаша армянского царя Пакора), чаша с изображением женщин, одна из которых играет на сазе, а другая – на лире (II–III вв. н.э., Арташат), тарелочка с изображением кяманчиста (IX–X вв. н.э., Двин), десятиструнная арфа, изображенная в руках музыканта (XII–XIII вв. н.э., Киликия), музыкант, трубящий в рог во время сражения (XII в., Муш). Имеются изображения целых «оркестров» на барельефах древних могильных памятников. Среди инструментов, находящихся в руках исполнителей, струнный щипковые и смычковые инструменты (*тап*, *кяманча*, *псалтирион*), духовые (*зурна*, *дудук*), шумовые и ударные (рипида, бубен, кувшин в «роли» барабана).

Изображение инструментов находим в средневековых армянских миниатюрах XIII–XVIII вв., украшающих рукописные духовные книги (Библия, Евангелие, Псалтырь, Гомилиарий, Четьи-Минеи, Требник, Часослов, Гимнарий, Сборник *тагов* – поющих стихов и т.д.). В них имеются изображения музыкантов многих сословий – пастухов, воинов, знатных особ, музыкантов-профессионалов, женщин и мужчин, играющих на разных видах инструментов. Среди традиционных ударных – барабаны, бубны; среди шумовых – кастаньеты, тарелки, рипида; среди духовых – язычковые (*дудук*, *зурна*, волынка), флейтовые – *спринги*, несколько видов рогов и большое количество струнных – щипковых и смычковых (лиры, арфы, *сазы*, *тары*, *теорбы*, *уды*, *псалтыри*), а также ансамбли, сочетающие щипковые, духовые и ударные инструменты.

Духовые инструменты. Конструктивно они различаются по способам звукоизвлечения и подразделяются на две группы: полые – флейтовые и язычковые (мундштучные). Известны также духовые инструменты, которые не сохранились, но в древности использовались для подачи сигналов на охоте и в мореплавании, в свадебных церемониях и во время похорон. Это разнообразные трубы – рог (*p'ot*), камышовая свирель (*na*), валторна (*galarap'ot*), серпент, юбилейный рог (*hobeli*), окарин (*per'uk*) и многоствольные флейты разных видов (двухствольная, пятиствольная и т.д.).

К флейтовым инструментам относятся *шви*, *спринг*, *блуд*.

Švi (*шви*) представляет собой полую трубку, изготовленную из камыша или абрикосового дерева, имеющую семь звуковых отверстий на лицевой стороне и одно – на тыльной. Верхняя часть изготавливается по принципу свистка. Это губной инструмент, снизу открытый, а сверху с продольным (го-

ризонгальным) разрезом, через который в инструмент нагнетается воздух для извлечения звуков. Звучание легкое и светлое. *Шви* имеет колоритный тембр, на нем можно исполнять различные жанры народной музыки и классические произведения соло и в ансамбле.

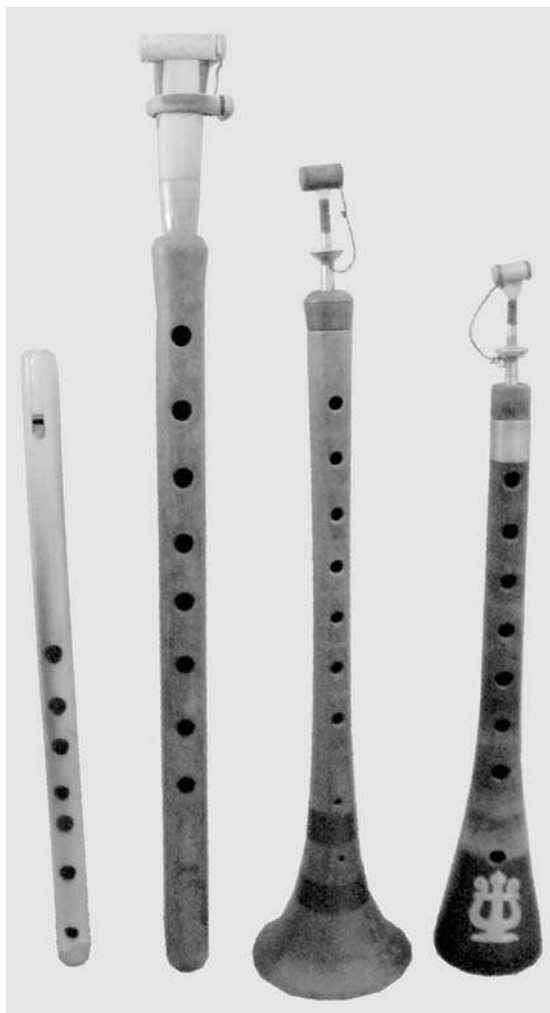
Sring (сринг) – наименование инструментов рода продольной флейты (от греч. сирикс). Слово *сринг* упоминается в армянском переводе Библии и в трудах историографов V в. По мнению композитора Комитаса, *сринг* – самый аутентичный инструмент армянского народа. Это полая трубка, открытая с обоих концов из кости, камыша, дерева, металла, а в наши дни – также из пластических материалов. Деревянный *сринг* звучит мягко, нежно, несколько приглушенно, металлический – более резко. Современный *сринг* имеет восемь звуковых отверстий на лицевой стороне и одно – на тыльной. Это сольный инструмент, но может использоваться и в ансамблях. На *сринге* исполняют пастушеские наигрыши, песни и плясовые мелодии. Со временем *шви* и *сринг* из сельской среды проникли в городскую.

Blul (блул) – деревянный духовой инструмент семейства полой открытой флейты. Имеет купольную головку, на конце которой отверстие для вдувания воздуха. Семь игровых отверстий на лицевой стороне, а на тыльной стороне – одно основное и два дополнительных (подстроечных). Обладает мягким бархатистым звуком. Является сольным инструментом, на котором исполняют пастушеские импровизационные мелодии и лирические мотивы.

В языковую (мундштучную) группу семейства деревянных духовых инструментов входят *дудук*, *зурна*, *паркапзук* (волынка), *пку* (рожок).

Duduk (дудук) – двухязычковый инструмент, был распространен еще с языческих времен под названием *p'ol*. Популярен в быту многих народов Востока и Закавказья. *Дудук* относится к классу гобоев и сходен с фригийским авлосом (Герцман, 1986; Худабабян, 2004; Хорнболтель, Закс, 1987. С. 259). Используется как соло, так и в ансамбле (солист, второй *дам-дудук* и *дохл*). Играют мужчины, но в последнее время и женщины. *Дудук* поистине выразитель радости и горести армянина. Он обладает большой экспрессивностью, звучит нежно, лирично, но может звучать также и глубоко трагично, выражая тоску и страдание. Звук *дудука* теплый, человечный, сочный. Инструмент обладает бархатистым, мягким тембром и широкими техническими возможностями, что позволяет исполнять разнохарактерные сложные, импровизационные произведения, мугамы, плясовые мелодии и песни различных жанров. По своей двухязычковой конструкции, материалу и технике изготовления *дудук* родственен *зурне*. Представляет собой вертикальный, полый ствол из абрикосового или грушевого дерева, на верхний конец которого надет двухязычковый камышовый мундштук. На лицевой стороне ствола имеется семь игровых отверстий, а на тыльной – одно. В средней части мундштука есть подвижное кольцо для регулирования настройки. Благодаря высокому профессионализму армянских мастеров *дудук* привлек большое внимание в среде профессиональных музыкантов и композиторов многих стран.

Zurna (зурна) – древнейший инструмент, многократно упоминаемый в эпосе «Давид Сасунский». Вариант названия этого инструмента *пох*. *Зурна* сходна с древнеримской тибией. Своим резким звуком *зурна* немного близка к волынке, но у *зурны* более пронзительное звучание, чем отличается от других духовых инструментов. Имеет прямой, постепенно расширяющийся

Комплект духовых инструментов: свирель, дудук, большая и малая зурна. 2000 г.
 Фото из личного архива Э.Х. Петросян

ствол, кончающийся коническим раструбом, на лицевой стороне которого 8 игровых отверстий, а на тыльной – одно. На верхний конец надевается регулятор звука, состоящий из накладного звуковоспроизводящего металлического мундштука – пищика. Зурна изготавливается из абрикосового или грушевого дерева, а пищик – из камыша. В Средней Азии, Иране, Турции и на Кавказе распространена двухязычковая разновидность зурны. У зурны сильный пронзительный звук, поэтому она удобна для игры на открытом воздухе во время всенародных праздников, военных походов, для сопровождения коллективных плясок. Является ансамблевым инструментом: в него входят солирующая зурна, вторая (бурдонная) зурна и дхол. В обиходе встречается зурна большого, среднего и малого размеров. Разновидность зурны с более низким, по сравнению с обычным инструментом, звуком называется *p'oroza*. Есть мастера, играющие одновременно на двух инструментах: на одном ведут мелодию, а на другом протягивая бурдонный звук. Исполнительский репертуар разнообразен и богат произведениями

большого и малого объема, от инструментальных наигрышей до плясовых мелодий.

Parkapzuk (*парканзук*, волынка) – духовой язычковый инструмент, называется также *parkapku* и *tik*. Состоит из кожаного мешка и вделанных в него трубки для нагнетания воздуха и нескольких камышовых мелодических трубок с одинарным или двойным язычком. Такая отдельная мелодическая трубка называется *pku* (рожок) или *пзук*, отсюда и название инструмента: *park* – ‘мешок’, и *pku* или *pzuk*. Одна или две из мелодических трубок волынки игровых отверстий не имеют, т.е. эти трубки басовые и предназначены для выдержанного звука – бурдона. Предварительно наполненный воздухом и зажатый подмышкой мешок исполнитель прижимает к телу, воздух из мешка поступает в мелодические трубки и приводит в колебание язычки. Исполни-

тель при помощи верхней трубки время от времени вдвухает воздух в мешок, пополняя его запас.

В Армении принята простейшая разновидность волынки – с двумя мелодическими трубками, обе с игровыми отверстиями, в каждой трубке по пять отверстий. Мешок *парканзука* изготавливается из шкуры козленка, теленка или барана и в народе именуется *tik* – «бурдюк». Отверстия на месте задних ног шкуры затягиваются, а горловина закупоривается и часто покрывается зеркалом. В отверстия на месте ног вставляются три трубки, из которых одной набирается воздух для озвучивания инструмента, а на двух других играют мелодия и втора. *Парканзук* технически богатый инструмент, и на нем можно исполнять как сложные произведения, так и простые плясовые мелодии и напевы.

Pku (нку) – рожок раньше изготавливали из тростника, ныне – из абрикосового дерева. К верхнему концу основной трубки прикреплен коровий рог; игровых отверстий – восемь (семь на лицевой стороне и одно – на тыльной). Играть чистые пассажи трудно. *Пку* в прошлом считался неполноценным инструментом и использовался детьми.

Струнные инструменты. По способу звукоизвлечения подразделяются на три группы – щипковые, смычковые и струнно-ударные.

К числу *щипковых* инструментов принадлежат *тар, саз, уд, канон*.

T'ar (тар) распространен в Иране, Закавказье и Средней Азии. Это инструмент городского музыкального быта. В основе репертуара *тара* – классические восточные инструментальные произведения крупной формы – мугамы. *Тар* имеет двухполостной восьмеркообразный корпус, длинную шейку, четырехугольную головку. Для его изготовления предпочтительна древесина тутовника. *Тар* оснащен 11–12 металлическими струнами – стальными (белые), медными (желтые), бронзовыми (красные). Четные струны имеют устойчивый строй и натянуты по правой и левой сторонам инструмента, а нечетные струны по строю неустойчивы и натянуты по центру. Нижний регистр обширного диапазона инструмента звучит мягко, бархатисто, а верхний регистр звонок и ярко. Совмещение широких технических возможностей и богатой звуковой палитры создает иллюзию звучания целого оркестра. Вот почему *тар* является самым солидным из инструментов в музыкальном быту армян. При игре *тар* прислоняют к груди и держат в горизонтальном положении. Озвучивают инструмент при помощи медиатора (плектра). Тарист сегодня выступает и как солист, и в ведущей роли в ансамбле.

Saz (саз) – струнный щипковый музыкальный инструмент. Распространен на Кавказе и Ближнем Востоке. Существуют солидный, а также большой и малый ансамблевые виды *саза*, которые оснащены металлическими струнами. Их число колеблется от 4 до 10. *Саз* – любимый инструмент *гусанов* и *ашугов*. В руках ашуга он является инструментом, аккомпанирующим его песне. Грушевидный корпус (из древесины тутовника или орешника) покрыт тонкой деккой, на которой есть резонаторные отверстия, а на грифе – ладки. Металлические струны разделены на 3 или 4 парные или тройные унисонные группы. Струны первой группы служат для исполнения мелодии, вторая группа обеспечивает органнй пункт, а третья создает гармонические созвучия и поддерживает мелодию. Строй обычно кварто-квинтовый, а получаемый при помощи ладков звукоряд, как правило, диатонический. Играют на инстру-

менте посредством костяного или рогового плектра, ударяя одновременно по всем струнам. Поэтому мелодия сопровождается гармоничным колоритным фоном. Тембр звонок, но мягок.

В 1925 г. В. Буни для своего Восточного симфонического оркестра создал семейство *сазов* – *джура*, *чонгур*, *саз-баритон* и бас. Звук *саза* чист и звонок, однако мягок и слаб, и потому в современных ансамблях этот инструмент уступил место более звучному *канону*.

Уд (*уд*)-лютня – один из любимых и распространённых в Армении народных инструментов. Восточное происхождение инструмента бесспорно. Многие народы переняли *уд* и приспособили его к местной традиции. Каждый народ озвучивал этот инструмент по-своему, на основе своих национальных средств выразительности. *Уд* – струнный щипковый инструмент. Широко распространён в странах Ближнего Востока, в Средней Азии, на Кавказе, в том числе и в Армении. С XVI в. проник в Испанию и Сицилию и стал прототипом лютни. Корпус выпуклый, грушевидный, склеенный из гнутых слоев орехового, грушевого дерева. На деке фигурные резонаторные отверстия.

Армянский *уд* – шестиструнный (первые пять – парные), строй – кварто-секундовый. Звук извлекается плектром – перо с костяным наконечником. Репертуар – традиционные мугамы и современные произведения (сольные и оркестровые). Диапазон – 3 октавы.

К'апон (*канон*) – струнный щипковый инструмент, знаком армянам еще со средневековья. Распространен и в арабских странах. *Канон* – сольный и ансамблевый инструмент. Имеет трапециеобразный корпус, деревянную деку. На прямоугольной части натянута кожаная мембрана. Тройные струны (их 24) настраиваются в мажорном диатоническом звукоряде и посредством особых подвижных рычажков (для каждой группы струн – два отдельных рычажка) могут быть подняты или опущены на полтона. Перестройка отдельных струнных групп при необходимости производится также во время игры левой рукой с помощью рычажков. Диапазон – 3,5 октавы. Звук *канона* серебристый.

На *каноне* играют, положив его на колени, большими, средними и указательными пальцами обеих рук, одногласно или многогласно. На указательные пальцы надеваются плектры, которые посредством особых наперстков прижимаются к пальцу.

К числу *смычковых* инструментов принадлежат *кяманча* и *камани*.

К'уатапс'а (*кяманча*) известна армянам, вероятно, с VIII–XIII вв. Об этом свидетельствуют дошедшие до нас образцы книжной миниатюры. Это струнный смычковый народный инструмент, широко распространенный в Закавказье, Иране и в др. Вначале имел 2 струны, а затем – 3. В Закавказье ныне используемая *кяманча* стала четырехструнной (струны металлические), 4-ю струну добавил и установил строй инструмента талантливый музыкант и композитор С. Оганезашвили (А. Оганян). Корпус шаровидный, покрыт пленочной мембраной. От округлого грифа сквозь корпус проходит металлический (свинцовый) стержень, который служит для инструмента «ножкой» для опоры о колено при игре. Держат в вертикальном положении, звук извлекают тонким деревянным смычком, на который натянуты волосы из конского хвоста. Имеет нежный звук. Благодаря техническим возможностям, *кяманча*

является сольным и ансамблевым инструментом, распространенным в городской среде.

K'atani (камани) – струнный смычковый народный инструмент. Распространен в быту армян, живших на берегах Черного моря и эмигрировавших из районов Трапезунда (Турция), а также в странах Ближнего Востока. *Камани* бывает большого, среднего и малого (пикколо) размеров. Корпус вытянуто-прямоугольный, с деревянной декой и коротким грифом. На *камани* играют, опирая о колено, держа в вертикальном положении. На этом инструменте играют также, положив его на плечо, держа в горизонтальном положении. Три, а чаще – четыре струны, хотя и не имеют постоянной настройки, но наиболее часто настраиваются по квартам. Натяжение конских волос на смычке регулируется пальцами. На *камани* исполняют, в основном, произведения импровизационного характера и танцевальные мелодии. Трехструнный *камани* в сопровождении барабана предназначен для свадеб, без барабана – для круговой песни-пляски. Музыкант-исполнитель становится в центре круга.

Ударные инструменты. В армянской традиции различаются три группы ударных инструментов – мембранные (барабанные), многострунно-ударные и шумовые или ритуальные.

К мембранным инструментам относятся *дхол*, *даф*, *нагара*.

Dhol (дхол) – двусторонний барабан с цилиндрическим корпусом самой различной величины. Две открытые стороны цилиндрического резонатора изготовлены из древесины ивы, орешника или сосны, покрыты мембраной (кожа козленка, телянка или ягненка). Одна из мембран толстая – басовая, другая тонкая – дискант. Мембраны натягиваются на металлические кольца и регулируются с помощью зигзагообразно натянутых веревок. На верхней тонкой мембране играют, ударяя пальцами и ладонями рук, либо тонкой палкой, а на нижней толстой мембране – толстой палкой. Техника игры на *дхолье* богата: от легких ударов пальцами, выбивающих нежные ритмы, до твердых ударов ладонями и гулких ударов палками. *Дхол* в старину использовали, в основном, как боевой инструмент, а в настоящее время – в трио дудукистов и зурначей, а также в ансамблях – как аккомпанирующий инструмент для подчеркивания и обеспечения ритмического рисунка мелодии. *Дхол* – ансамблевый инструмент, сопровождающий духовые и струнные музыкальные инструменты. Изредка *дхол* может выступать в сольном исполнении.

Дхол обеспечивает не только ритм, но и придает исполнению особый оттенок. В плясовой музыке помогает музыкантам-исполнителям и танцорам быстро ориентироваться в ходе разнообразных переходов танцевальных ритмов.

Daf (даф) – большой бубен, состоящий из деревянной круглой обечайки, на одной стороне натянута мембрана из кожи. Внутренняя сторона увешена металлическими колечками, бубенчиками, серебряными монетами, издающими звон. В крае обода вырезана выемка для большого пальца левой руки, чтобы удобно было его держать. На *дафе* играют правой рукой или ладонями, иногда щелкая большим и средним пальцами, ударяя по мембране пальцами рук, а также встряхивая инструмент. *Даф* – ансамблевый инструмент. На *дафе* иногда аккомпанирует себе певец-бубнист.

Nalara (нагара), *dimplipito* – литавры из двух глиняных горшков – большого и малого, верхние стороны которых затянуты кожаными мембранами. Используется в народно-профессиональных ансамблях. На нем играют ма-

Музыканты фольклорного ансамбля «Васпуракан». Фестиваль «Русская зима» на ВДНХ СССР. М., 1974 г. Рук. группы Х. Мартиросян

Фото из личного архива Э.Х. Петросян

ленькими деревянными колотушками. Из большого горшка извлекается низкий, а из малого – высокий звук. Для звучности перед игрой горшки нагревают. Композитор В. Буни создал разновидности *нагара*, однако в настоящее время она не имеет большого народного распространения, а чаще встречается в джазовых и авангардных фольк музыкальных группах.

Многострунно-ударным является *сантур*.

Sant'ur (сантур) распространен в Закавказье и на Ближнем Востоке. Он сольный и ансамблевый инструмент. В прошлом, в качестве аккомпанирующего, он употреблялся в городских сазандарских, а также ашугских группах. Имеет плоский, трапециевидный деревянный корпус, на верхней деке которого резонаторные отверстия. Это многострунный инструмент с хроматическим диапазоном в две октавы. Струны металлические, натянутые параллельно основаниям трапеции, в низком регистре – одинарные, в высоком – парные и тройные, настроенные в унисон. При игре инструмент ставят на колени или на специальную опору, играют металлическими или деревянными молоточками, легко ударяя по струнам. *Сантур* не имеет устройства, прерывающего звук, поэтому его звонкая музыка сопровождается монотонным глухим шумом, возникающим от резонирования открытых струн, и это является тембровой особенностью инструмента. Обладает кристально чистым протяжным звуком. Сегодня *сантур* преимущественно используется в народно-профессиональной музыке, особенно в ансамблях.

К шумовым или самозвучащим (ритуальным) инструментам относятся *с'nc'la-* тарелки, *к'џос'* – рипида, *zangak* – колокольчик, *коџ'nak* – гонг и т.д.

Эти инструменты использовались и частично используются в церковном богослужении и в настоящее время в быту не сохранились. С течением времени гонг заменился колоколом, звоном которого верующие созывались, приглашались в церковь. Началом использования колоколов у армян считается середина IX в. В XX в. были известны звонари, которые на нескольких колоколах исполняли армянские и европейские мелодии. Таким музыкантом был К.К. Сараджев, который благодаря своему исключительному слуху мог прослушивать и выбирать колокола с наиболее чистым звучанием и играть на них. Нужно отметить, что игра на колоколах связана с Русской православной церковью, и К.К. Сараджев, живя в России, стал носителем этой традиции.

В течение всего своего существования народные инструменты непрерывно развивались и усовершенствовались как по внешнему виду, так и в технических и звуковых качествах. Отдельные мастера-музыканты беспрерывно искали новые оттенки звучания, расширяли и совершенствовали технические возможности инструментов. Необходимость приспособлять инструменты к сценическим требованиям ансамблевой игры диктовала создание новых инструментов и реконструкцию старых. Это дело на высоком научном уровне осуществил Варган Буни. Он подверг реконструкции *тар*, *кяманчу*, *камани*, *дудук*, *шви*, *сринг*, *зурну*, *канон*, *саз* с целью расширения их диапазона и увеличения технических возможностей. В итоге были созданы семейства инструментов с разновидностями от пикколо до баса. Из многочисленных восстановленных музыкальных инструментов достоин упоминания воссозданный кяманчистом и дирижером, мастером по изготовлению музыкальных инструментов М. Хачатрянном *бамбир* с его разновидностями (бас, тенор, альт) – в память о древнейшем, любимом гусанами музыкальном инструменте бамбирн (пандирн). Ученый, профессиональный музыкант-трубач Э. Барсегян, опираясь на изображения, почерпнутые из армянских миниатюр, воссоздал забытый духовой амбушюрный инструмент, который назвал *p'ol* (труба). Мастер дудука Г. Минасов (Минасян) подверг реконструкции *дудук*, снабдив его системой клапанов, что увеличило диапазон и исполнительские возможности инструмента. Таким образом, были созданы его разновидности: бас, баритон, тенор. В традиции армянского ашугского искусства известна европейская скрипка, на которой играли, ставя ее на колено.

Ознакомление с культурой народного инструментария Армении свидетельствует о том, что армянские музыканты-исполнители и мастера-изготовители инструментов, являясь носителями лучших национальных традиций, и в наши дни передают свои навыки молодым музыкантам. В сопровождении большинства из приведенных музыкальных инструментов, независимо от того исконные ли они, самобытные или заимствованные, армянский народ пел, плясал, представлял, проводил свои торжества и празднества, радостные и печальные события своей жизни.

Следует отметить, что традиционная армянская инструментальная музыка не одноголосна (наподобие вокальной), а многоголосна так же, как музыка многих европейских и азиатских народов (Тюлин, 1959. С. 3–20). Об этом свидетельствуют записи ансамблевой музыки: *дудук* или *зурна* с обязательным сопровождающим органным пунктом на втором инструменте, плюс тембровое многоголосие, вносимое ударным инструментом или аккордовое звучание струнных – *тара*, *саза*, *кяманчи*, *кемони*, *сантура*, *канона*.

НАРОДНЫЕ ЗНАНИЯ

НАРОДНАЯ МЕДИЦИНА И ГИГИЕНА: БАНИ

Народная медицина. Народные медицинские знания основываются на практическом опыте, вере в магию и целебного внушения и передаются из поколения в поколение. По традиционным народным представлениям болезни делятся на общие, женские, детские и т.д. К общим болезням относятся внутренние болезни. Они лечатся в основном двумя способами: 1) рациональным (лекарственное лечение, фитотерапия, органотерапия, гидротерапия, гелиотерапия (солнцелечение), иглотерапия, лечение при помощи диеты и т. д.); 2) иррациональным: психологическое лечение (целебный гипноз, целебное внушение), лечение при помощи музыки, слова и т.д.

Уже в Средневековье четко различали понятия «врач» и «знахарь». Знаменитый врач XV в. Амирдовлат Амасиаци так выразил свое отношение к знахарям: «Знахарь тоже должен быть мудрым, ученым, умелым. Он должен быть мастером своего дела и не быть коварным и злопамятным. Ему нужно много читать, учиться, приобретать опыт, быть добрым наставником и заниматься врачеванием, лечить во имя бога» (*Амирдовлат*, 1940. С. 9–18). В средневековой Армении деятельность как врача, так и знахаря были узаконены, а при необходимости они привлекались к ответственности (*Мхитар Гош*, 1888. С. 430, 431). Если врач получал специальное образование, то знахарь – самоучка, унаследовавший народный опыт своих предшественников. В отличие от врача он «заговаривает испуг», «ворожит», молится, отгадывает наславшего порчу при помощи сита, вправляет кости, останавливает кровотечение, употребляет лекарственные растения, лечит при помощи слова и внушения, применяет различные методы народной медицины.

Народные медики в XIX–XX вв. практиковали бок о бок с профессиональными врачами и пользовались большим авторитетом. Среди народных лекарей мужчины в основном были костоправами – *snxč'i*, чему по наследству обучались с детских лет; женщины же в основном были повитухами, гадалками и пр.

Обычно народные целители имели в своем арсенале ланцеты, пластыри, шипцы для удаления зубов, приспособления для пускания крови, горшочки в качестве медицинских банок и другое, а также «Красное Евангелие» и другие священные книги. Специально установленной платы за услуги народных врачевателей не существовало. В качестве вознаграждения они могли получить мыло, косынку, домашние вязаные изделия, кусок ткани и тому подоб-

ное, очень редко деньги (*Срвандзтянц*, 1876. С. 89), что было характерно для всех историко-этнографических регионов Армении.

В лечении народными методами широко применялось яйцо. В разных историко-этнографических регионах оно употреблялось в различных видах, в основном как мазь в составе пластырей. При нарывах пальца его опускали в свежеразбитое яйцо. Считалось, что белок лечит ожоги без следов. Желток, мед и масло смешивали и пили от кашля.

В народной медицине армян большое значение придавали меду и производным от него. Верили, что если на столе у всех будет мед, то человечество забудет о многочисленных тяжелых болезнях. Мед полезен для лечения внутренних болезней (сердечно-сосудистых, дыхательных, мочеполовой системы, печеночно-желчных), болезнях горла и носа, при воспалении слизистой оболочки глаз и лечении ран и т.д. Знахари издавна знали о противовоспалительном и антисептическом свойстве меда. В народе верили, что укусы пчелы лечит суставный ревматизм, ишиас, а прополис и воск, как и мука, яйцо, молоко, лекарственные травы, лечат гнойные раны.

С древних времен и по сей день в разных районах Армении для лечения употребляют вещества минерального и иного происхождения: минеральную воду, соль, камни, янтарь, медный купорос, серу, медь, деготь и пр. Народ всегда был глубоко убежден, что родная земля и вода придают человеку силу и энергию, храбрость, успокаивают тоску и горе. Считалось, что земля имеет лечебное свойство. Во многих регионах пеленали новорожденного вместе с подогретой землей (песком). Она предохраняла младенца от холода, закаляла организм ребенка.

Минеральные источники Армении в основном имеют сернокислый состав, который способствует лечению внутренних, а также кожных болезней. Сильное дрожание суставов, крапивницу лечили, неожиданно наливая на больного воду, от которой он впадал в шок и вылечивался. На Вознесение Господне на рассвете прокаженные и чесоточные катались в росе; считалось, что тем самым они излечивались. Считалось, что «святая» вода излечивала от многих недугов. От сглаза как лечебное свойство больному давали пить освященную воду. Ею же натирали тело и обрызгивали углы дома, чтобы изгнать злых духов (*Геворкян*, 1990. С. 55). Лихорадящему больному устраивали «каменную» баню: раскаленные камни опускали в корыто с водой, больного укладывали рядом и накрывали несколькими одеялами так, чтобы пар обволакивал все тело; сильно вспотев, он излечивался.

Важное место в верованиях и народной медицине играла соль, которая, согласно вековому народному опыту, имела дезинфицирующие свойства. Ей отводилось немаловажное место в народной педиатрии: ею по обычаю натирали тело младенца. До крещения (на седьмой-восьмой день) его не купали, а натирали тело солью, поэтому соседние народы нередко называли армян «солеными». В некоторых регионах, отделив послед ребенка, купали его в соленой воде и посыпали солью подмышечные впадины, паховые складки и вокруг пупка. В посуду, в которой купали ребенка, клали железный предмет (нож или ножницы), который должен был предохранить ребенка от сглаза и порчи.

Лечение и предсказания при помощи камней, металлов, их окраски являются психологическими лечебными методами народной медицины, при-

меняемыми уже в Средневековье. Приписывая драгоценным камням и металлам целебные и магические свойства, знахари готовили лекарственные препараты. Считалось, что бирюза лечит болезни нервной системы, магнит уменьшает родовые боли, жемчуг исцеляет женские и глазные болезни, рубин утоляет жажду, янтарь помогает при воспалении щитовидной железы. Гагат или черный янтарь своими лечебными свойствами близок к свойствам нефти и не случайно, есть болезни, которые лечат и нефтью, и гагатом. Гагат размельчали и пили при болезнях печени и желчного пузыря. Считалось, что порошок желтого янтаря излечивает желтуху. Девушки носили колечки из камней янтаря и гагат как талисман, приносящий счастье, поскольку янтарь символизирует любовь и счастье. Изумрудные и бирюзовые колечки и пояса с пряжкой в форме лягушонка, покрытые изумрудами и бирюзой, символизируют плодovitость и являются талисманами. Изумрудные колечки вплоть до XX в. использовали как средство, останавливающее кровотечение, а изумруд при трении с кожей якобы способствует быстрому свертыванию крови.

Армяне большое место уделяли символике цвета и цветовым оттенкам, с помощью которых пытались лечиться и оберегаться от злых сил и духов. По народным представлениям, каждый цвет имеет свой смысл, например: желтый вызывает заболевание, черный – смертоносный, красный – урожайный, зеленый – дарует жизнь и т.д. Используя соответствующие цвета, человек пытался угодить духу болезни и спасти больного. В красную ткань заворачивали больного корью, желтый применяли во время желтухи и т.д.

В народе причину многих заболеваний объясняли в основном как результат вредоносной магии. Считалось, что болезни – это маленькие существа, в руках они держат хворостинки зеленого, красного и черного цветов. Их вождь ведет тетрадь с заданиями Бога. Там отмечено, что черной хворостинкой нужно ударить того, кто приговорен к смерти, зеленой – кто будет недолго болеть, а красной – кто на долгое время будет прикован к постели. В народе верили, что злые духи (сатана, дьявол, черт, злой дух) могут войти в организм человека, нанести «удар» (порчу), особенно ночью. Заболеть можно и от проклятия. Это означает, что злое слово может довести человека до смерти, а доброе – дать здоровье и принести успех (Харатян, 1989. С. 53).

Особое место во вредоносной магии приписывалось злему глазу. Считалось, что злым глазом обладают синеглазые люди, бесплодные женщины и пр. Чтобы уберечься от сглаза, нужно носить бусы, которые могут вобрать в себя зло, а также раковины улиток, амулеты. Перед их использованием священник должен был прочесть молитву и надеть на шею *narot* (скрученные белые и красные нитки, скрепленные воском). Во время чтения молитвы нужно было держать в руках молитвенник, нож, иголку, ножницы, при помощи которых можно «выколоть, ослепить» злой глаз.

Причиной эпилепсии считалась «одержимость бесами», припадки называли *xllac'av* – «танцемания», болезнь от танца. Название болезни указывает на способ ее лечения при помощи танца и музыки. Больного заставляют танцевать под пронзительные звуки *зурны* и оглушительные удары в барабан до полного изнеможения. Измучив больного, «выгоняли» болезнь как живое существо (Харатян, 1989. С. 89–96). Эту болезнь лечат также при помощи «записи на бумаге» – заговором с амулетом.

Причиной болезни может быть страх или испуг, лечение которых имело различные способы. Магические действия, повсеместно применявшиеся с этой целью, можно разделить на две группы: способы определения или угадывания различных причин испуга, что называлось «измерить боязнь» и обряды-заклинания, направленные на избавление от страха, известные как «брать, взять боязнь». Существовали особые «специалисты», которые при помощи обрядовых действий, соответствующего реквизита (яйцо, шерстяная нить, злаки и пр.), молитв или заклинаний излечивали больного (Харатян, 1989. С. 56–58). В основе такого врачевания лежит внушение, гипноз, вера. Считалось, что человек, павший от пули или от удара сабли – сильный и бесстрашный; поэтому верили, что если испуганного напоить водой, в которую втайне от него брошен кусочек кости такого убитого, то «больной» излечится. К народным методам лечения от испуга относятся также действия, совершаемые на кладбище на могиле убитого или недавно умершего. Предварительно собранную с семи родников воду наливали в кувшин, и этой водой ночью или на рассвете при полном молчании на могиле омывали руки и ноги испуганного, а затем кувшин разбивали.

Действенным способом исцеления от испуга считалась моча, которую давали пить пострадавшему. Вообще уретротерапия широко применялась в народной медицине: мочой останавливали кровотечение, лечили ожоги. При расстройстве желудка и интоксикации мочу пили. Фактически моча имеет не только исцеляющие свойства, но и противовоспалительные, успокаивающие. Считалось также, что от испуга излечивала змеиная «рубашка (выползок), положенная под подушку «больного». По народным поверьям, сброшенная змеиная кожа обладала многими целительными свойствами: излечивала от головной боли, бессонницы и прочего; бесплодные женщины в надежде заиметь ребенка, держали змеиную кожу под подушкой, пришивали ее кусочки к одежде и т.п.

Для защиты от злых духов широко употребляли всевозможные магические предметы: талисманы, амулеты, бусы и т.д. (*Одабашиян*, 1976. С. 107–130). В основном их нашивали или прикрепляли на детскую одежду.

С целью защиты от поражения молнией носили изготавливаемые кузнецами в ночь на Страстную пятницу Великого поста стальные и медные кольца. Считалось, что они обладали даром оберега от сглаза, избавления от болезней. До сих пор многие на руках носят медные браслеты от головной боли и для урегулирования высокого давления. Чтобы излечить больного ребенка, кузнец выковывал маленькую железную фигурку, которую родственники оставляли в святилище в качестве жертвоприношения, считая, что тем самым «забирают» болезнь.

Нередко происхождение и лечение болезни связывали с каким-нибудь святым или со святыней. В надежде на выздоровление вместе с больным совершали паломничество к священным местам, где у святыни, после совершенного обряда жертвоприношения, кусочек ткани с одежды больного привязывали к какому-либо священному дереву (ива, шиповник, боярышник и др.). Считалось, что таким образом болезнь передавали деревьям, а те свои лечебные свойства – больному, который излечивался благодаря внушению. Если рядом со святыней находился священный родник, его водой омывали руки и ноги больного. Примечательно, что этот укоренившийся в сознании

народа обычай сохраняется и в настоящее время (*Варданян*, 2001. С. 371, 372).

Наряду с многочисленными магическими приемами и действиями, применялись и иррациональные способы лечения.

Чтобы остановить развитие или устранить волосяной покров, знахари намазывают тело теплой желчью голубя или вороны. Через некоторое время волосы выпадают и больше не растут.

Иногда на спине у младенца появляется волосяной покров, похожий на колючку, что беспокоит малыша. Чтобы устранить его, применяется магический прием лечения «подобного подобным»: во время купания ребенка в воду бросают рыбы косточки и жабры.

Считалось, что бородавки на руках появлялись в случае убийства лягушки. Для избавления от них живого лягушонка, положив на спину, закапывали в землю, приговаривая:

Ты здесь сдохни, засохни,

Ты, бородавка, засохни.

Был и другой способ избавления от бородавок. Брели по числу бородавок зерна чечевицы, молча относили их к реке и бросали в воду, чтобы та «унесла» их с собою.

Во время праздника Сретения Господне несколько капель воска от зажженной свечи капали в шапку, особенно ребенка, как оберег от удара молнии (*Лалаян*, 1897. С. 287).

Народные способы лечения и профилактики, идущие из глубины веков, переходя из поколения в поколение, сохранили свою традиционную основу вплоть до настоящего времени.

Народная гигиена: бани. В армянской действительности бани занимали заметное место с давних времен. Кроме бань в дворцовых и церковных комплексах, в разные времена на высоком техническом уровне большие общественные бани строились также и в городах. Мовсес Хоренаци упоминает о том, что царица Шамирам строит в Ване великолепные, достойные удивления бани (*Хоренаци*, I, 16). При постройке города Карин была проведена вода из разных мест скрытыми путями,... и над горячими источниками были возведены навесы из тесаного камня (*Хоренаци*, III, 59).

Армения не могла избежать влияния соседних стран с их различными развлечениями восточных бань, с одной стороны, и многофункциональных, преимущественно римских терм с обогреваемыми стенами и полами, мозаичными бассейнами и даже с прохладными садами, павильонами и многообразным обслуживанием, с другой (*Бульвер-Литтон*, 1961. С. 98–107; и др.). Древние и средневековые бани существовали в Гарни, Ване, Двине, Ани, Анберде (XII в.) и др. (*Халпахчян*, 1971. С. 211). В Ани, кроме дворцовой бани, в ходе археологических работ обнаружены еще пять бань за пределами городских стен (*Орбели*, 1963а. С. 316–323). Баня дворца Багратуни (X в.) имела женское и мужское отделения. В Лори Берде (XI–XII вв.) были три бани (*Гарибян*, 2009. С. 100–105).

Бани были двух видов – семейные, которые строились при дворцах и имели ограниченный круг посетителей, и общественные (*Халпахчян*, 1971. С. 213). Бани строили и в постоянных дворах (*караван-сараях*). Они имели довольно высокие, опирающиеся на сваи полы, вмонтированные в стены ко-

лонны и глиняные трубы для подачи воды и пара, что характеризует их высокий технический уровень. Тепло огня, подогревающего воду, подгонялось под пол, а горячая вода и пар – в трубы, которыми обеспечивался обогрев, о чем свидетельствует устройство бань почти во всех упомянутых поселениях. Подобная техника с определенными видоизменениями применялась и в последующем (*Сехбосян*, 1974. С. 159–252).

Заслуживают внимания свидетельства о банях Битлиса, Вана и Диарбекира (Западная Армения) (*Челеби*, 1967. С. 30–32). В записях XVII в. французского путешественника Ж. Шардена встречаются сведения о ереванских банях (*Шарден*, 1802. С. 191, 243, 366). В XVIII–XIX вв. в Ереване широкое распространение имели бани с одним (в кварталах Конд, Тапабаш) и двумя отделениями – для женщин и мужчин. В первом типе бань женщины мылись в специально установленные дни недели. В каждом отделении бань второго типа были 2–3 больших зала и небольшие строения, а раздевалка с центральным фонтаном находилась вдалеке от купальни с овальным куполом.

С середины XIX в. бани получили широкое распространение в городах. Появились не только женские и мужские общественные бани, но и бани с отдельными номерами, которые позже размещались на втором этаже здания. В конце XIX – начале XX в. в Ереване действовали следующие бани: Егиазарова, «Фантазия», одноэтажная русская «Молоканская», двухэтажная «Европейская», а также в квартале Конда. В 1850-х годах в Александрополе действовали три известные бани: Тиграновых, Векиловых и греческая («Урмноци»). Позже к ним прибавились бани Акоповых, Костановых, Тер-Мартиросовых, «Центральная», «Фантазия» Гевора-аги, Дзитохзонц и другие, которые были известны не только искусным решением водоснабжения, но и традиционными способами обогрева и освещения (*Сехбосян*, 1974. С. 169, 181). Своей планировкой и особенностями они напоминали бани X–XIII вв. (*Халпахчян*, 1971. С. 225).

Армянские бани в целом имели следующее внутреннее убранство: малый предбанник, просторная раздевалка с широкими деревянными нарами вдоль стен, на которых также и отдыхали. Один конец тахты был отделен прутьями или планками и покрыт матрасом с подушками. Впереди за столиком со стаканом, лампой и кассой сидели банщик или его жена, которые взымали плату за купание: 15–20 коп. со взрослых, 8–10 коп. с детей, причем вход детям до 5 лет был бесплатный (*Геолецян*, 1976. С. 96).

В XIX – начале XX в. посещение бани было явлением преимущественно городского быта. В деревнях мылись зимой в доме, летом – на дворе, в специально отведенном месте или в хлеве. Баня была известна также под названиями «горячий дом», купальня. И. Орбели о восточных банях писал: «Баня на Кавказе, как и на всем Востоке, предмет особой заботы и градоправителя, и цеховых организаций, и отдельного богача... Потому что баня служит не только для омовения, но и для укрепления сил, поднятия упавшего настроения, для отдыха, для встречи и дружеской беседы с приятелями, для встречи и разговора о купле и продаже, о торговой сделке и для показа мастерства в шахматах или нардах» (*Орбели*, 1968. С. 316). В Константинополе, Тифлисе, Карине, Ереване и других городах посещение бани превращалось у армян в настоящий церемониал, который наиболее своеобразным был в Александрополе. Баня являлась также местом встреч, бесед, проведения досуга, отдыха,

Деревянные банные сандалии – *налук*. Ахалцих. XIX в.

МИА. № Е 6367

Женщины из состоятельных семей ехали в фаэтоне, а слуга-мальчик заблаговременно доставлял в баню банные принадлежности. При посещении бани, как и церкви, женщины прикрывались белыми платками. В конце XIX – начале XX в. женщины Александрополя использовали банную рубашку из пушистой ткани с длинными рукавами и клобуком, на ноги надевали *nalik* – деревянные сандалии на высокой платформе, изготовленные из орехового дерева, нередко инкрустированные перламутром.

Мыться полностью оголенным противоречило существовавшему этикету, и только дети до 7 лет купались голыми. Девушки и молодые невесты надевали широкоую декольтированную рубашку без рукавов, женщины – длинные полосатые хлопчатобумажные или шелковые фартуки (2 × 1,20 м) с бахромой по краям.

Посещение бани начиналось с 9–10 часов утра с перспективой долгого – на весь день – пребывания. Сам процесс мытья имел установленный порядок: прежде всего купали детей, у взрослых церемония мытья головы, затем тела была долгой и тщательной. Для укрепления волос голову поливали смесью воды с особой глиной, долго расчесывали волосы, ополаскивали и обвязывали голову специальным платком.

По выходу из купальни женщины надевали нижнее белье с вышивкой и кружевами, специально демонстрируя всем, что «они – дочери, жены достойного семейства, умеют хорошо одеваться». Затем долго сушили волосы, при этом со спины, под волосами завязывали вышитый наплечник, который застегивался у шеи, оберегая одежду от влажности. Подобные наплечники в быту других народов не известны (*Давтян, 1972. С. 22*). Находясь в бане с утра до вечера, все после мытья усаживались на тахтах и совместно наслаждались принесенными из дома съестными припасами. Освежившиеся от купанья, периодически отдыхая, они, словно, готовились к переходу к новому состоянию.

общения, обмена информацией, в особенности, для женщин. Здесь они, временно оторвавшись от повседневных забот, вовлекались в события города, общины, передавая друг другу новости и т.д. Баня была также местом смотрин и выбора невесты.

К посещению бани готовились заранее: припасалась отборная пища, выпечка, выпивка, фрукты. В Ереване в баню брали приготовленный дома специальный напиток *t'ermon* – кипяченый сок из вина, патоки, корицы и кожуры апельсина или лимона.

Женщины и мужчины отправлялись в баню группами с родственниками, соседями и т.д.

Баня и ее ритуалы были связаны с переходными обрядами – инициациями, являясь своеобразной границей между буднями и праздниками (Погосян, 1998. С. 120–122). Они предоставляли загруженной повседневными хлопотами, замкнутой в общественном быту армянской женщине относительную свободу, возможность стряхнуть усталость и вновь перейти к повседневному домашнему хозяйству.

Как женщины, так и мужчины предпочитали традиционно посещать баню с друзьями, родственниками, соседями своего же пола. Примечательно, что подобное предпочтение сохранялось в быту достаточно длительное время. Своеобразной модификацией этого обычая можно считать современные сауны.

ЦЕЛИТЕЛЬСТВО, ГАДАНИЕ И ОБЕРЕГИ

Целительство и гадание. Целительские и мистические практики – гадание, магия и колдовство, визионерство и пророчество в армянской традиции зачастую соединяются в одном человеке, наделенном особыми «знаниями» и «умением», получаемыми мистическим путем, которые в совокупности определяются словом *šnorh* – «дар», «даруемая способность». Он передается человеку существами божественного, сверхъестественного происхождения – святыми, духами, христианскими божествами. В народе их называют *baxt bac 'ot* – «гадатель», *grbac* – «расшифровывающий письмена» и др. Условиями получения дара часто являются определенные события высокой значимости в жизни «специалиста» (замужество, рождение ребенка, особенно первенца, смерть близких и т.д.), а также явления, схожие с «шаманской болезнью» (головные боли, потери сознания, приступы эпилепсии, переломы конечностей, слепота и пр.), что интерпретируется как наказание за сопротивление святым при попытке передачи дара. Находясь в мистическом контакте со сверхъестественными существами, целители и гадалки являются знатоками и хранителями всех сакральных мест своего региона, ритуального календаря, обрядности, связанной с поклонением тому или иному святому.

В армянской культуре святилища называются либо *surb* (букв.: «святой»), указывая на то, что почитается не объект, а святой, который в нем обитает, либо *хаճճ* – крест.

Домашние святилища часто образуются на месте, где хранятся атрибуты, увязываемые с христианской символикой (кресты, предметы церковной утвари), а также рукописные священные книги – Евангелие, Библия, Нарек, с которыми обычно бывают связаны легенды о потере, захвате врагами, повреждении (приравниваемом к мученичеству) и чудесном освобождении, порой путем принесения жертвы. Функции упоминаемых в источниках духовных помощников целителей (*дэвов, кадэжков, пари* и др.) со временем перешли к христианским святым, которыми являются основные персонажи евангельской и библейской мифологии (Иисус Христос, Богородица Мариам, Иоанн Креститель или Ованнес Мкртич) и общеармянские святые (Св. Саргис, Св. Геворг, Св. Акоб, Свв. Погос и Петрос, Св. Григор Лусаворич, Св. Гаяне, Св. Рипсима, Св. Варвара и др.).

В этнографических описаниях конца XIX в. и в воспоминаниях информаторов выделяются две основные концепции болезней (*Харатян, 1989. С. 51*).

Сельская святаыня. Дилижан (Тавуш). 2002 г.
Фото из личного архива Ю. Антонян

Первая связана с хищнической натурой вредоносных существ, которых ведет к вредоносности необходимость удовлетворения своих потребностей. Так, *алк* или *тпха* питались печенью роженицы. В источниках и материалах можно найти упоминания о воплощении болезни или ее духа в хтоническом существе, например, лягушке (Лалаян, 1910. С. 59), муравье (Наанетян, 1983. С. 60), змее, поселяющейся в животе человека (Срвандзтянц, 1978. С. 284).

Вредоносное воздействие духов часто воспринималось в терминах, обозначающих удар, нападение, попираие – *кохвел* (Лисициан, 1969. С. 287), с чем связан и *кох* – недомогание, поражающее младенцев, рожениц, а также молодоженов в период сороковин (Бенсе, 1972. С. 122; Лалаян, 1895. С. 265). Сходным с *кохом* недомоганием является «испуг», который, по мнению целителей, возникает, как правило, в случае испуга от крупного животного (бык, корова), собаки или покойника. Испуг, а также *кох*, которым особенно подвержены дети, «диагностируют» через гадательные ритуалы.

Вторая концепция связана с представлениями о болезни как наказании, посылаемом Богом или святыми за нарушение каких-либо поведенческих, нравственных или религиозных запретов или норм. Диагностика заболеваний, интерпретируемых в рамках второй концепции, содержит не только определение виновника, но и выявление способа коммуникации с ним (умилостивление, обмен, договор и др.), тогда как в рамках первой концепции методом избавления от заболевания являются магическая борьба с причинившим вред существом, магическое перерождение в ином, здоровом состоянии (обряды, имитирующие новое рождение ребенка), избавление от заболевания

путем «выкидывания», «захоронения» болезни или магический перенос заболевания на другое существо (*Харатьян*, 1989. С. 22, 55).

Целительский акт связан прежде всего с определением характера и источника болезни. Если последние не являются следствием недовольства святых или колдовства, сглаза, испуга, то больной отсылается к официальной медицине, для чего существует выражение «болезнь врачей». Из поддающихся лечению только посредством магики-целительских практик у народных целителей наиболее часто встречаются нарушения психики (одержимость, припадочная болезнь), психосоматические расстройства, которые чаще всего проходят в категории «испуг», расстройства в половой сфере, приписываемые воздействию колдовства или наказанию святыми.

Одним из основных ритуалов, зачастую предваряющих все остальные практики, является гадание, смысл которого не только в том, чтобы предсказать судьбу посетителя, но и диагностировать его проблемы. Иногда очень трудно определить границу, где кончается гадание и начинается целительство. Ряд гадательных практик могли практиковать в случае необходимости все желающие, для чего иногда требовалось четкое выполнение последовательности действий с соблюдением определенных деталей и табу (например, молчания). Однако существуют и существовали способы, которые могли выполняться только людьми, «одаренными» святыми, например, гадание на зерновых и бобовых культурах (на ячмене, горохе, бобах, фасоли (*Лалаян*, 1988. С. 440; *Лалаян*, 1903. С. 232; *Лалаян*, 1983. С. 241)). Брли нечетное, однако символически значимое количество зерен (ячменя) – 3, 5 или 7, на них делались отметины со значениями (святой, судьба, потеря, мальчик, девочка, вор, хозяин и т.п.). Зерна встряхивали, бросали на плоскую поверхность и гадали по их выпавшему сочетанию и расположению (*Лалаян*, 1903. С. 231; *Лалаян*, 1988. С. 440; *Мхитарянци*, 1901. С. 189).

Распространенной и в настоящее время практикой является литье воска, когда целительница льет растопленный воск в миску с холодной водой, которую держит над головой посетителя. Если человек, над которым должен производиться обряд, находится далеко, то его может заменить какой-нибудь предмет его одежды, а в современном варианте – фотография. Гадание ведется по застывшим пластинам воска, которые выносятся на край миски. Рассматривая пластинки воска, гадалка-целительница старается определить, нет ли у клиента испуга, не сглазили ли его, а также предсказать, как будет протекать ближайший период его жизни. Воду из-под восковых пластин используют как целебное средство: ею крестообразно смачивают лоб, плечи, колени больного, дают отпить, при этом шепча молитвы либо перечисляя имена святых. Воск бросают в проточную воду или зарывают на кладбище. В Сисиане (ПМА: *Сюник*, 1996), Арцахе (*Лалаян*, 1988. С. 186) и других местах комок воска вместе с обрезками ногтей и волос больного, завернутый в вату, оставляли на ночь с больным (под подушкой или в ногах), после чего, вобрав в себя болезнь человека, он должен быть уничтожен.

Альтернативой воску являлись олово и свинец. В Вайоц-Дзоре зафиксировано поверье о том, что вода, в которую кузнец погружает раскаленный металл в процессе его закаливания, способна исцелять от испуга (*Гадевосян*, 2007. С. 154, 155).

Испуг можно изгнать и другими способами: чаще всего «измерять пядью», как это практиковали в ряде регионов Западной Армении – Муше, Буланыхе (Бенсе, 1972. С. 66), или же «измерять руку» – в Лори (Лалаян, 1903. С. 234). Согласно лорийскому варианту, целительница последовательно измеряет своей пядью руку пациента от запястья до плеча и обратно. Если в конце действия снятая «мерка» оказывается длиннее руки, то исход обряда считается положительным, если же растопыренная ладонь целительницы не доходит до запястья, то отрицательным. Руку больного может заменять пояс целительницы, который она распускает, затем вручает один конец больному, а другой держит сама. Шепча заговор от испуга, она точно так же «измеряет» пояс и интерпретирует результат по тому же принципу. Если испуг выявлен, то средством исцеления служит тот же пояс. Его заговаривают, т.е. читают над ним три раза молитву, после каждого раза завязывая на нем очередной узел. Затем пояс кладут под подушку больного (Лалаян, 1903. С. 234, 235). В Шираке тот же ритуал проводят три дня подряд, а завершают сеанс троекратным ударом поясом по груди больного (Мхитарянци, 1901. С. 189). В Васпуракане в конце XIX – начале XX в. целители измеряли не только руку больного, но и щупали вены на шее, давили руками на грудь и пупок, «брались за вены испуга» (Срвандзтянци, 1978. С. 140, 141). Похожий ритуал практикуют и некоторые современные целители. В Тавуше излечивали испуг тем, что «измеряли» ткань, а затем ею три раза ударяли по сердцу и печени больного, приговаривая: «Печень на место, сердце на место, испуг на землю» (ПМА: Сюник, 1996).

В настоящее время, хотя и редко, можно встретить специалистов, практикующих одну из архаических практик, известных под названиями «вращать сито», принятую в Лори, Вайоц-дзоре (Лалаян, 1903. С. 232) и «ставить стрелку» распространенную в Шираке, Джавахке (Мхитарянци, 1901. С. 188; Хачатрян, 1999. С. 241; Лалаян, 1983. С. 245). Во время этого ритуала двумя пальцами держат сито за вбитый сбоку гвоздь («стрелку») и по очереди называют имена святых; если сито повернется вправо – ответ положительный, если влево – отрицательный.

Сито является компонентом еще одного гадательного обряда для определения характера и виновника болезни, который в Лори, например, называется «ставить фитиль». Спицы с намотанной на них ватой (фитилями), обозначенные именами святых, кладутся на чашку, наполовину заполненную водой, накрываются сверху ситом и скатеркой. Через четверть часа сито и скатерть снимают. Та спица, которая успела за это время размотаться, и указывает на святого – виновника заболевания (Лалаян, 1903. С. 233).

Целительской практикой, распространенной в Сюнике, Карабахе, Лори и Джавахке, было так называемое выдувание комков или искусство *чопчи*, которое состояло в «выдувании» из детского горла и носа застрявших там фруктовых или мясных косточек и семян. Последние, согласно поверью, являлись причиной различных заболеваний детей с такими симптомами как высокая температура, рвота, понос (Лалаян, 1988. С. 187, 188; Лисициан, 1992. С. 159). Подобные целители встречаются и у азербайджанцев, народов Южного Дагестана – рутулов, лезгин, табасаранцев, кумыков (Булатов, 2004. С. 60–62), а также у иранцев Мазендерана (Хедаят, 1958. С. 274). Целитель обычно резко дует в нос больному, изо рта которого пулей вылетают мелкие предметы

(плодовые и мясные косточки, семена) или усиленно массирует горло и железы, как бы выбивая болезнь.

Среди магики-мистических практик выделяются колдовские, состоящие из практик наведения порчи и обезвреживания порчи, которые в современной народной терминологии армян обозначаются целым рядом слов – *kap, gir, ac'k'* и т.д. в зависимости от способа нанесения и характера вреда (сглаз, одержимость и др.). *Kap* (узел) – это прежде всего действие, дословно отображающее завязывание, закрытие, зашивание и, соответственно, его результат – удача, счастье, плодоносная сила (зашитые в одежду или постель жертвы волосы, куски тканей или просто прошитая черной или белой нитью ткань). Так, во время свадьбы специально следили, чтобы невесту и жениха «не связали» (*Лалаян, 1917. С. 166; Сrvандзтянц, 1978. С. 64*); *gir* (письмена) – первоначально рукописный колдовской талисман, который мог использоваться как в целях наведения порчи, так и в охранительных, апотропеических целях. В настоящее время, поскольку «специалистов» по созданию рукописных талисманов практически не осталось, словом *gir* называют «предметные» талисманы, т.е. набор предметов, имеющих магическое значение и в совокупности наводящих порчу на жертву (к примеру, семена и косточки, зерна, угольки, перья, черные, белые или красные нитки, иголки, менструальная кровь, лук, чеснок и т.д.).

Одной из наиболее популярных специализаций целителей и гадалек является практика обезвреживания ими порчи и колдовства. Она может длиться 7, 13, 40, дней.

В настоящее время, наряду с описанными формами целительства и мистико-магических практик, появляются и современные, «дипломированные» специалисты в области гадания и целительства, работающие в основном в городских условиях, в салонах. Однако они часто бывают вынуждены адаптировать свою деятельность к традиционным практикам, например, «переводить» новую терминологию на старый язык традиционных названий практик, болезней, явлений колдовства (*Антонян, 2008. С. 109–128*).

Несмотря на определенные трансформации, практики магики-мистического целительства и колдовства продолжают существовать в контексте целого ряда неблагоприятных факторов современного армянского общества (Спитакское землетрясение 1988 г., экономический коллапс 1990-х годов, блокада и пр.), вызвавших увеличение спроса на мистические и магические услуги. Такая же ситуация, по воспоминаниям людей старшего поколения, наблюдалась и в годы Великой Отечественной войны, когда резко увеличилось количество гадалщиков и визионеров. На пике повышенной стрессовости общества сфера ритуальных специалистов в области магики-мистических практик резко омолодилась. «Даром» стали наделяться чаще всего молодые женщины, а иногда и молодые мужчины. Сами практики, утрачивая традиционные компоненты (в частности, ритуально-речевые), несколько упростились и взамен у каждого отдельного специалиста приобрели индивидуальные черты. С постепенной стабилизацией экономико-политической ситуации само явление тоже стабилизировалось. В последнее десятилетие количество специалистов этой сферы больше не имело тенденции к увеличению.

Другим важным фактором, повлиявшим на развитие данной сферы, явилась легализация религии в постсоветский период и потребность формиро-

вания религиозной идентичности у большинства населения. В этих условиях сфера магики-мистических практик стала предметом широкого интереса публики. Начавшаяся кампания Армянской апостольской церкви против целительства, колдовства и гадания, выразившаяся в выступлениях в СМИ, проповедях только поддержала интерес к этой сфере. Укоренившиеся в Армении в последние два десятилетия различные протестантские течения и секты также ведут анти-пропаганду в этом плане, но так как она звучит только в рамках их довольно замкнутых общин, эта пропаганда малоэффективна в контексте всей культурной системы.

И наконец, возможность открыто заниматься магики-мистическими практиками стала определенным материальным подспорьем для специалистов и их семей, иногда довольно ощутимым, хотя этот компонент их деятельности никогда не выносится на первый план, более того, подавляющее их большинство не имеет определенного ценника на свои услуги и довольствуется тем, что дадут клиенты.

Современные трансформации культурной системы – всего лишь предпосылки к адаптации и возникновению новых форм (переходных или постоянных) магики-мистических практик.

Обереги. Армянские обереги-амулеты многофункциональны: защищают людей, жилища, скот, поля, сады, огороды, запасы от злого глаза, злых духов, болезней, колдовства, приносят счастье, удачу, приплод, рост, богатство, возрождение, воскресение. Они делятся на два типа: материальные и нематериальные. *Нематериальными* оберегами считаются звуки, шум, междометия, речь (устная и письменная), определенные песни, цвета, запахи, движения, жесты и запреты – табу. Запреты играют важную роль в основном во время ритуалов и праздников. Если их не придерживаться, случаются несчастья – порча, болезни и пр. Например, на протяжении свадебного обряда жених и невеста не должны открывать рта, чтобы во время разговора или вместе с пищей во внутрь не проникли злые духи. При изгнании демона болезни присутствующие закрывают рот, чтобы демон не вселился в них. Во время родов воспрещалось произносить имя роженицы, чтобы злые духи, услышав его, не завладели ее душой (*Лалаян, 1897. С. 146*). Во время некоторых ритуалов исполнители молчат, чтобы речью не привлечь внимания злых духов, сосредоточиться и накопить энергию, повышающую их способность. Движения и жесты, защищавшие от злых духов, колдовства, сглаза, природных невзгод, болезней, в Западной Армении имели особое название – *нверк* (*Чаникян, 1895. С. 160*). Во избежание всех бед христиане осеняют себя крестным знаменем. Когда в присутствии ребенка разговаривают о болезнях и несчастьях, дергают его за ухо, чтобы то же самое не случилось с ним. Считалось, что если злой дух-*ал* садится на человека и давит на него так, что человек не в состоянии двигаться, он должен пошевелить большим пальцем, чтобы освободиться от него (*Мурадян, 1900. С. 140*). *Речью* и *музыкой* лечили больного еще в Средние века: «Развлеки мирскими песнями и шутками и всякими мерами доставь ему радость. Пусть больше слушает гусанов, звуки струн и приятных мелодий» (*Мхитар Гераци, 1955. С. 88*). В народных верованиях слова имеют магическое значение. Представление, что сказанные вслух слова могут обладать сакральной силой и оказывать воздействие на окружающий мир, возникло в глубокой древности (заговоры, заклинания, проклятия, благопо-

желания и др.) (Рак, 1998. С. 977). Поэтому даже действия, способные защитить от несчастий, часто заменяются словами при заговорах, заклинаниях, колдовстве, как, например, обряда «связывания» пасти волка, когда подробно перечисляются все необходимые действия (Лалаян, 1903. С. 243). Словами защищаются от злых духов: во-первых, произносят имена святых, которых избегает всякая нечисть, во-вторых, таким образом обманывают злых духов. *Письменная речь* также имеет мощную магическую силу. Об этом свидетельствуют клинописные проклятия, благословения I тыс. до н.э. Так, в урарто-ассирийской двуязычной клинописной надписи царей Ишпуини и Менуа встречаются проклятия в адрес тех, кто не защитит жертвенных животных и стелу, на которой она написана (Арутюнян, 2001. С. 27, 93); имеются они в средневековых надписях на каменных стенах и даже на коврах. Если в семье несколько детей подряд умирали, после рождения следующего ребенка ткали ковер с надписью «Мнацакан», т.е. *Стойкий, Прочный* или называли *hАмаяк* (букв. *оберег*), чтобы ребенок выжил. Имя выполняет здесь роль оберега и одновременно становится программой на будущее. Заклинания – самые распространенные способы, избавляющие от сглаза и злых духов, всегда сопровождающие магические действия. Письменные талисманы часто складывали в синюю материю и носили в одежде, хранили в фундаменте, под порогом дома и пр. Знахарь для исцеления больного писал заклинания на трех бумагах: одну клали под стену испорченной мельницы, вторую – под подушку, а третью бросали в воду и пили ее. В заклинании от сглаза просят Богородицу отправить дурной глаз под дверь, далее – в семь испорченных мельниц, чтобы он лопнул (Израелян, 2008. С. 162–176). В мельницах обитают духи, поэтому они часто играют особую роль в связи с различными амулетами. Числа 3, 4, 5, 7, 9, 40 занимают важное место в магии армян. Например, когда больной мучился, один из членов семьи посещал семь домов и молча собирал рис и муку, варил суп из пахты, риса и муки, чтобы съев его, больной успокоился. Для защиты ребенка от сглаза его одевали в одежду, сшитую из семи кусков материи разных цветов. Числа в апотропеической магии относятся к отчислению времени (7, 40 дней), числу предметов (7 цветов, 7 камушков в праздник Вознесения), числу повторения действий (3, 7 обходов вокруг церкви, дерева). Числа графически, как благоприятные знаки, имеют значение амулетов. Важное значение придается также четным и нечетным числам: в свадебном обряде к невесте отправлялось нечетное число гостей, к жениху – четное, чтобы обеспечить счастье, продолжение рода. *Запах*, с одной стороны, привлекают добрых духов, которые помогают защититься от злых духов (ладан, фимиам, цветы), а с другой, неприятные острые запахи (лук, чеснок и пр.) отгоняют всякую нечисть. *Символика цвета* связана со сторонами света, социальной структурой населения, элементами природы, идеями добра и зла. В троице белый – красный – черный – белый означает божественную справедливость, красный – жизнь, здоровье, черный – смерть. Они символизируют также космическую трехчастную вертикальную конструкцию. Эта идея просматривается в армянских народных сказках, где три барана – черный, красный и белый выносят царевича из подземелья на белый свет (Степанян, 2001. С. 491–494.). Распространенные цвета оберегов – синий, красный, белый – черный (часто вперемежку) и зеленый. В некоторых обрядах определенные цвета превалируют: зелено-красный *нарот* (тесьма) при крещении,

Яйцо от сглаза. Горис. 1910 г.
МИА. № Е 6367.

в свадебном обряде. Иногда разные компоненты функционируют одновременно: когда ребенок хворал «от луны», его отводили к красильщику и заставляли нюхать синюю краску (Израелян, 2006. С. 81).

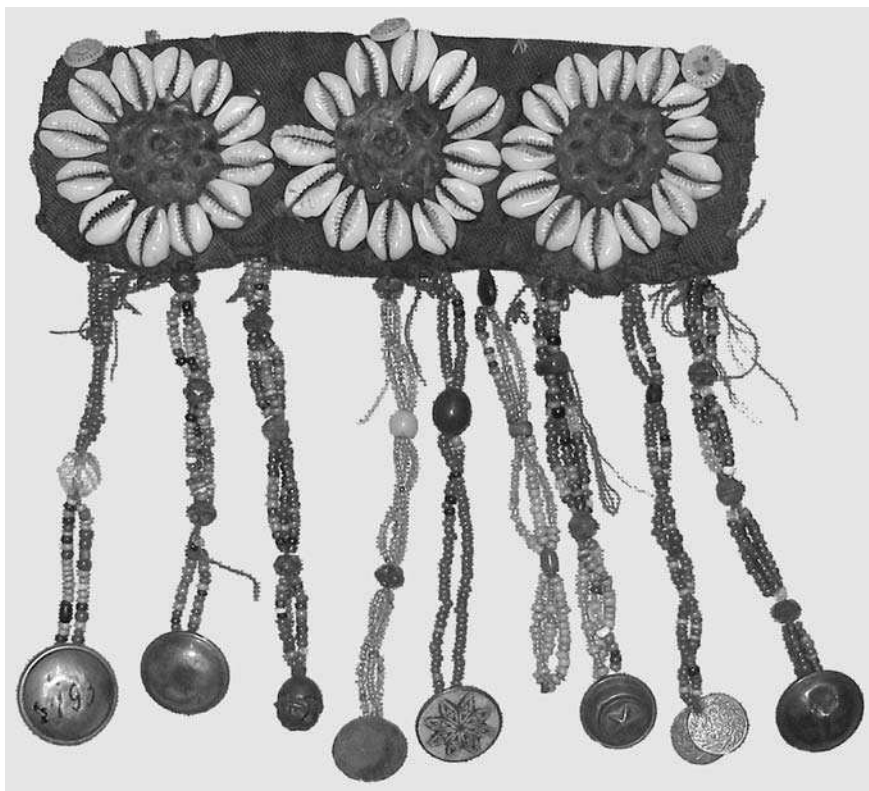
Материальные обереги чрезвычайно разнообразны. Сюда входят различные естественные и искусственные объекты. Важную роль играют также амулеты, связанные с элементами природы, такими как земля, огонь, вода, а также символы животных.

Огонь. Культ огня сохранился в клятвенных формулах, запретах, благословениях, в виде жертвоприношения огня, поклонения очагу и пр. В народных представлениях огонь имеет предохранительную магическую силу. В старину священной обязанностью считалось сохранение огня в очаге, благодаря которому злые духи не смели входить в дом или храм. С магической силой огня связаны у армян новогоднее полено, горевшее до Рождества, сретенские костры, зажженные свадебные свечи, очерчивание круга каленым железом вокруг роженицы, зажигание свечей, светильников, курение фимиама за упокой души усопшего в похоронной обрядности. Костры жгли для защиты души усопшего от злых духов и защиты живых людей от души покойника. Кроме того, считалось, что свет отгоняет дьяволов (Ислаелян. С. 76–82).

Яйца. В Армении употреблялись яйца кур, перепелок, ласточек и

страусов. В роли амулетов их ставили на ковроткацкий станок, у колыбели, у *тонира* при выпечке хлеба и в чашу с водой. До сих пор куриные яйца украшают разноцветными нитками, бисером и вешают на стену, перед входом в дом, а скорлупу – на ветки деревьев.

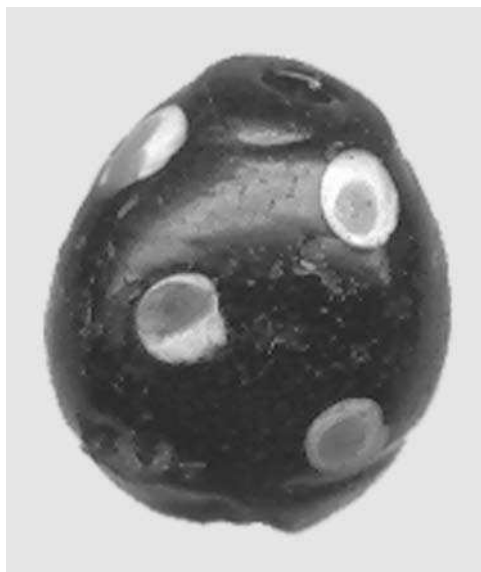
Яйца оберегали от сглаза и злых духов людей, жилище, растения, животных, неодушевленные предметы, продукты питания. В лечебных и профилактических целях яйца прикладывали к телу: так лечили опухший глаз, нарывы, лихорадку и пр. Но они действовали и на расстоянии – при лечении бородавок: знахарь в одной руке держал соль, а второй рукой на яйце писал

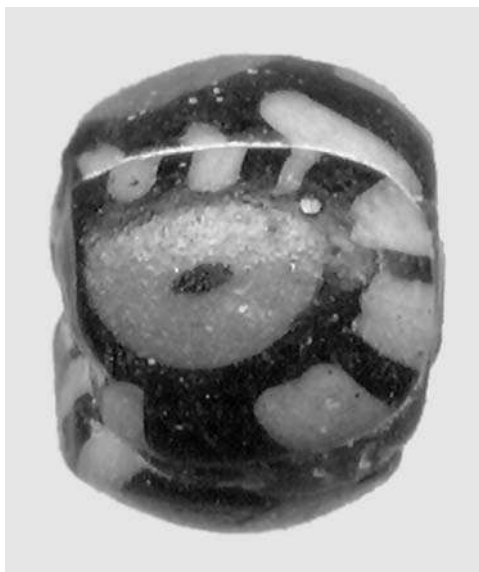
Детский амулет. Шатах. XIX в.
МИА. № Е 4688

заклинания. Затем яйцо закапывали на перекрестке пяти или семи дорог (*Лалаян*, 1903. С. 243). Яйца приносили в жертву для излечения от парши и предотвращения болезней; детей лечили, купая их водой, которую отмеривали 40 раз яичной скорлупой. Яйца использовали в гаданиях и колдовстве. В христианской обрядности яйца освящали и приносили в дар церкви. Той же цели служили и орнаментированные фаянсовые яйца, посвящаемые памяти усопших. Связь яиц с идеями плодородия, воскресения, новой жизни, восходит к космогоническому мифу. В армянских народных представлениях сохранился образ яйца, появляющегося в первородных водах или в первозданном хаосе, а также идея возникновения мира из яйца. Яйцо соотносится с мировым деревом, чудесными исцелениями, оно способствует оживлению мертвых и т.п. Миф о мировом яйце не только периодически разыгрывается в ритуале в символическом виде (при разбивании пасхальных яиц), но и как бы вечно присутствует в обыденной жизни в виде яйца-оберега, погруженного в миску с водой (*Израелян*, 1999. С. 331–341).

Хлеб защищает людей, домашних животных, дом и скarb от сглаза, злых духов, вредоносного колдовства. В роли оберега хлеб (колосья, зерно, мука, тесто) употребляли в повседневной жизни, ритуалах и праздниках. В свадебном обряде при вводе невесты в дома жениха свекровь набрасывает ей хлеб –

Бусина от сглаза. Гарни. I тыс. до н.э.
МИА. № Е 1964-216

Бусина от сглаза и болезней. Ереван. XIX в.
МИА. № Е 4780

лаваш на плечи. Жених рассыпает зерна, а лицо его отца пудрят мукой. При снятии венца священник ставит его на тарелку с хлебом для плодородности людей и плодородия полей. При рождении ребенка в колыбель и под подушку матери кладут хлеб. Чтобы защитить новорожденную скотину от злых духов, животных кормят хлебом. Хлеб являлся средством лечебной магии. Повитуха клала кусок хлеба на живот роженицы, затем, разделив пополам, бросала собаке. Чтобы защитить ребенка от злого духа *тпха* – пожирателя детей, мать обходила семь дворов и молча выпрашивала муку и масло, пекла человекообразной формы хлеб, держала его под подушкой ребенка и через определенное время закапывала в землю. Ребенка, заболевшего в период сорокодневья, проносили через вырезанное в хлебе отверстие. Хлебом и просвирой оберегали запасы муки, соли, праздничные наряды от чертей. В конце жатвы из колосьев плели кресты – амулеты и хранили их до следующего урожая. В канун Нового года на наружных стенах домов мукой рисовали кресты. Связанные с хлебом обряды ныне функционируют в силу традиции, между тем в прошлом верили в духов хлеба (Израелян, 2001. С. 164).

Хлеб использовали также в качестве жертвоприношения. В ранних земледельческих ритуалах хлеб посвящали духам предков, божествам плодородия и духам хлеба, которые представлялись в облике красавицы, пожилой женщины, лягушки, змеи, птицы, буйвола, быка, коровы. Жертвоприношения коровы и быка заменялись хлебом: как славянская *корова* – караваем, так и армянский свадебный ритуал разрезания торта – вместо закалывания *быка* (Шагоян, 1999. С. 57), а жертвоприношение хлеба – монетами. Обсыпание новобрачных злаками и подношение хлеба воде – источникам (после свадьбы и рождения ребенка) связываются с идеями рождения, здоровья рожениц и детей.

Бусы. Самыми распространенными амулетами являются бусы, камни и раковины, особенно каури, которые употреблялись «в качестве апотропеических амулетов» (Богаевский, 1913. С. 12). Каури попадали в Армению торговыми путями с древнейших времен, на что указывают археологические материалы. Считалось, что они обладали лекарственными и профилактическими свойствами. Они встречаются то в виде вставок – символов на скульптурных изображениях божеств, то в фундаментах храмов, то в виде украшений (Кушнарева, 1977. С. 93). В XVIII–XX вв. каури пришивались к амулетам и одежде детей и взрослых. Они и по сей день считаются оберегами, защищающими от нечистой силы.

Глазчатые бусы также известны с древнейших времен. Их вешали на колыбель, на шею детей, пришивали к одежде, носили в украшениях. Их вешали на рога, шею домашних животных, пришивали к амулетам, защищающим детей и скот от дурного глаза.

Распространенный орнамент глазчатых бус – кружок с пятном – является символом солнца. Он встречается на армянских наскальных изображениях и керамике III–II тыс. до н.э., на крашеной керамике XVII–XV вв. до н.э., среди иероглифических знаков Мецамора, на бронзовых поясах, урартской глиптике и пр. (Мартиросян, 1973. С. 15, 16). Солнце само считалось глазом – оком неба. Большое значение придавалось цвету глаз и соответственно цвету бус, так как цвет глаз в некоторых случаях имеет прямое отношение к цвету, защищающему от него же. Так, синий цвет предохраняет от дурного влияния синих глаз. В заклинании говорится: «Кто сглазит глаз/Тому Христос выколит глаз», затем заклинатель сообщает, что он запряг синего вола, синюю корову подоил, синий мацун заквасил, синюю маслобойку сбил, синее масло снял... «Синий мужик, да синяя баба/Коль мужик сглазил, ему глаз долой./Коль баба – волосы вон» (Лалаян, 1903. С. 240). В другом заклинании подчеркивается черный цвет, однако в народе считается, что опасными могут быть глаза любых цветов, так как «зло исходит изнутри, от сердца, через глаза».

Синий цвет считался защищающим не только от сглаза, но и от злых духов. Детей одевали в синюю одежду, чтобы уберечь от страшного злого духа

Деревянный амулет на стену амбара. Муш. Тарон. XVIII в.

Фото из личной коллекции А.Р. Израелян

Бубенчик. Тагаворанист. Ванадзор.
II тыс. до н.э.
МИА. № Е 1535

Детский амулет на ножку ребенка. Западная Ар-
мения. Начало XIX в.
МИА. № Е 6381

тиха. Новобрачные в кармане носили синюю нитку с семью узлами и синие бусы на одежде. Особый вид синих бус называется *жерновками*. Синие бусы употреблялись в составе различных амулетов и украшений, служили оберегами для скота, деревьев и жилищ. Во время обряда размножения овец, барана украшали синими бусами, пучками разноцветных ниток и др. Узелок с синей бусиной, чесноком и яичной скорлупой подвешивали к веткам деревьев и на балконе, защищая деревья и жилища от сглаза. Такие же функции имеют узорчатые и деревянные бусы. Но перед употреблением любых бус-оберегов они освящались молитвами или получали магическую силу от заклинателей. Бусы-обереги не только защищали от злых сил, страшных снов и прочее, но также лечили болезни и имели профилактическую функцию. Это в основном касается свойств камней, в том числе алмаза, рубина, сапфира, хризолита, изумруда, берилла, граната, горного хрусталя, аметиста, опала, яшмы, халцедона, сердолика, оникса, агата, змеевика, гагата, бирюзы, коралла, жемчуга, янтаря, безоара (Патканов, 1979). Но среди них немало бус из фаянса, стекла, кости, дерева, ракушек. По народным поверьям некоторые бусы, которыми лечили людей и домашних животных, падали с неба вместе с градом и грозой. Кроме отмеченных функций, бусы в народных верованиях защищали от зверей, грозы, врагов, приносили счастье и удачу (Израелян, 1981. С. 83–100).

Деревянные обереги имеют форму бус, полумесяцев, лягушек, колокольчиков и различных геометрических фигур. Ими оберегали жилище, хлев, маслобойку, амбары, пчелиные улья, детей и скот от дурного глаза.

Эти амулеты изготавливались из древесины священных деревьев: калины, магалебки, дуба, клена, граба, платана, грецкого ореха, дикой яблони.

При изготовлении оберегов придерживались определенных правил: обереги весны вешались на шею и рога животных при обряде первого вывода их на поле. Мастер должен был работать в ночное время, до рассвета, до того, как запоет петух, так как согласно верованиям, петух отгоняет духов, что приводит к исчезновению силы колдовства. Во время работы мастер не имел права выдувать стружки и опилки с поверхности оберега, поскольку «нельзя дуть на лицо святого», в противном случае амулет потеряет магическую силу. Деревянные обереги имеют различные узоры в виде крестиков, ромбов, треугольников, зигзагов и розеток, символизирующих небесные светила, воду, плодородие и прочее, которые в свою очередь оказывают благоприятное влияние и прибавляют магическую добрую силу.

Железные и стальные амулеты – *урбатарур* (гривны, браслеты, кольца, кресты и лунницы, выкованные с четверга на пятницу Страстной недели) ограждают от злого глаза, злых духов, молнии, колдовства, приносят плодородие, излечивают больных. Священник, открыв Священное писание, царапал крестики и знаки на амулете и после молитвы отдавал его больному, который не снимал с себя амулет в течение 40 дней, отгоняя злых духов болезней (в том числе и душевных), затем относил его в святилище и оставлял там вместе с болезнью. Женщины для зачатия брали в святилищах *урбатарур* и носили до рождения ребенка. Мать, у которой умирали дети, в Страстной четверг заказывала кузнецу кольцо, которое она постоянно носила на пальце. При родах также роженице необходимо было иметь при себе железное кольцо, чтобы не допустить злых духов к себе и новорожденному. Формы этих амулетов (простые, без узоров или витые) в Армении распространены с эпохи бронзового века. Их магические свойства объясняются рядом факторов. Материалы, из которых они сделаны, символизируют твердость, вечность, чистоту. Железо и сталь отождествляются с молнией и падают на землю вместе с ней. Немаловажную роль играет также время их изготовления – с четверга на пятницу и сам кузнец, который в мифологии считается демиургом.

Колокола и бубенцы также относятся к металлическим оберегам, они отгоняли злые силы – *вишапов, кадждов, дэвов*, злых духов, болезни, оберегали от дурного глаза и привлекали к себе добрые небесные силы и божества, обеспечивая плодородие, применялись в ритуалах первой борозды, размножения животных, свадьбы, крещения и пр.

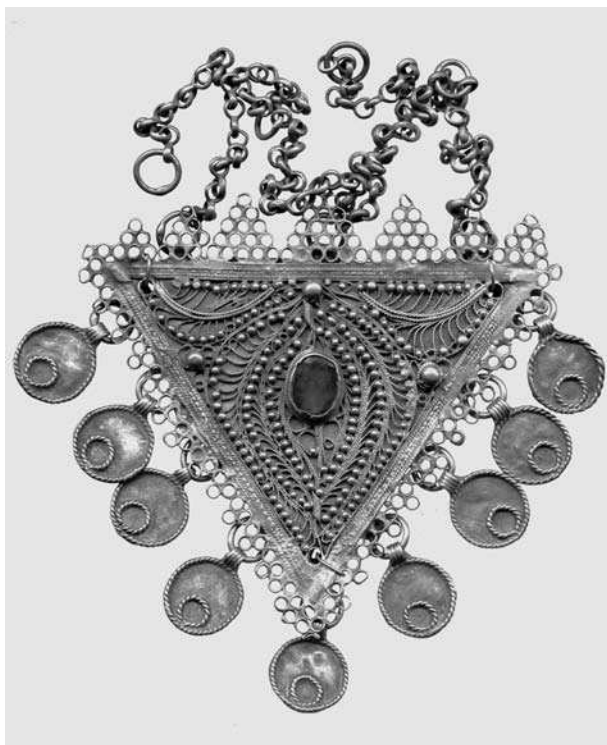
Колокольчики и бубенцы были связаны также с идеей возрождения (колокольный звон во время похоронного обряда). В бронзовом веке преобладали птицеобразные бубенцы – плавающие и летающие стилизованные птицы, символизировавшие верх, небо, воду, жизнь. Они связывались с громом, культурами солнца, луны, плодородия: металлы в народных представлениях имели небесное происхождение, а звон колокольчиков и бубенцов ассоциировался с голосом неба – громом (*Израелян*, 1993. С. 147–156.)

Серебряные обереги – это призматические, треугольные, четырехугольные, кресты, лунницы с подвесками и камнями. Призматические и цилиндрические амулеты назывались «огурцами», в них вкладывались письменные молитвы.

Огурцы символизируют фаллос – носитель идеи плодородия, перерождения, воскресения, возобновления всей живой природы, одновременно защищающий людей от злых духов и дурного глаза. Они употреблялись женщина-

Женский оберег. Западная Ар-
мения. Начало XIX в.
МИА. № Е 4895

Женский амулет. Васпуракан.
Начало XIX в.
МИА. № Е 6928

ми для продолжения рода, а крестами и лунницами излечивали от болезней, так как они отгоняли злых духов, защищая взрослых и детей. Часто подвески заменялись монетами, которые имели магические свойства с самого начала их изготовления. В античную эпоху монету клали в руки или рот покойника, чтобы он отдал ее за вход в потусторонний мир. При строительном обряде монеты помещали в основаниях, порогах, углах и стенах с целью принести в дом удачу, милость, большое потомство, богатство и счастье. Монеты отгоняли от дома дьявола и прочих злых духов. Размещение монет в основании дома, кроме апотропеического значения, являлось ритуалом жертвоприношения, как их приношение родникам. Обереги изготавливали люди, обладающие сверхъестественными свойствами – кузнецы, священники, колдуны, при этом строго соблюдая ритуал. Связь амулетов с традиционными верованиями особенно ощутима во время празднования Нового года, Рождества, Пасхи, Сретения, Вознесения Господне и обрядов первой борозды, вывода скота на пастбище, размножения животных, свадебного, строительного ритуалов, колдовства и гадания. Многие из них перешли в христианскую традицию –

кресты, яйца, хлеб, колокола и пр. Амулеты по своей сути связаны с культурами растений, животных, небесных светил, огня, воды и т. п., символы которых выражались формой, орнаментом или материалом изготовления. Они в основном связаны с дохристианскими народными представлениями и непосредственно – с апотропеической магией. Некоторые из амулетов до сих пор употребляются в своем первоначальном виде (камушки, ракушки), иные со временем превратились в украшения, часто не теряя своего магического значения.

Женский амулет «огурец». Ереван. Середина XIX в.

МИА. № Е 6655

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

РУКОПИСНАЯ КНИГА И МИНИАТЮРА

Рукописная книга. Среди многочисленных памятников культуры армянского народа особое место занимает рукописная книга, история которой восходит к V в. Рукописи создавали и продолжали создавать даже тогда, когда стали появляться первые армянские печатные издания (1512 г.). Печатная книга полностью вытеснила рукописную лишь в XIX в.

От некогда большого количества армянских рукописей сохранилось и дошло до нас около 30 тыс. Они хранятся в различных центрах культуры разных стран мира. Наиболее крупным из них является Институт древних рукописей им. Месропа Маштоца (Матенадаран) в Ереване, где хранятся около 17 300 полных и более 2 тыс. фрагментарных рукописей.

Крупнейшими собраниями армянских манускриптов являются также библиотеки Армянского патриархата в Иерусалиме (около 4 тыс.), конгрегации Мхитаристов в Венеции (около 4 тыс.) и в Вене (2561). Более мелкие коллекции находятся в Новой Джуге (Джульфе) (почти 1 тыс.), в монастыре Бзоммар в Ливане (около 700), Парижской Национальной Библиотеке (около 300), в двух коллекциях Санкт-Петербурга (свыше 400), в Антилиасе в Ливане (223), в различных коллекциях Англии (около 500), в библиотеках Ватикана и Рима (около 250), в США (около 200), в Алеппо, Тбилиси, Константинополе, Берлине, а также Галерее Фрир в Вашингтоне, Уолтерс в Балтиморе (США), Библиотеке Честер-Битти в Дублине (Англия) (*Казарян, Манукян, 1991. С. 7*).

Месроп Маштоц и особенности армянского алфавита. До периода создания письменности Армения в 387 г. была разделена между двумя государствами – Восточно-римской империей (с 395 г. – Византийской) и сасанидским гераком. Сасаниды, осознавая, что культурное родство армян с западными соседями и христианская вера представляют для них опасность, на всей подвластной им восточной армянской территории закрывали греческие школы, запрещали использование греческого языка, всеми средствами пытаясь навязать армянам персидский язык, свою религию и обычаи. Ответной реакцией армянского народа на эту жестокую политику культурной ассимиляции со стороны Ирана и Византии становится изобретение алфавита, который сыграл исключительную роль в сохранении национальной идентичности. Эту выдающуюся миссию осуществил Месроп Маштоц (*Абегян, 1948. С. 64–66*).

С самого начала принятия христианства в 301 г. церковными языками в Армении были сирийский и греческий, однако библейские и богослужебные

Центры армянской рукописной книги. Составил А. Матевосян

тексты для большинства простого народа были не понятны. «Из христианского учения кое-что понимали только те, кто мало-мальски знал греческую и сирийскую письменность» (Бузанд, III, 13). Язык церкви нужно было сделать армянским, а для этого необходимы были письмена и литература на армянском языке. После изобретения алфавита армянский язык утверждается в качестве языка культуры: он в полной мере занимает то место, которое ранее принадлежало греческому и сирийскому – в литургической практике, персидскому и арамейскому языкам – в делопроизводстве. Изобретенный Месропом Маштоцем алфавит состоял из 36 букв (7 гласных и 29 согласных). Он столь совершенен, что им пользуются без изменений вплоть до наших дней. Лишь на рубеже XII–XIII вв., в результате дальнейшего развития языка, были добавлены две буквы (w, o) и позднее – еще одна (f), (Абрамян, 1973. С. 75). Сейчас армянский алфавит состоит из 39 букв.

Месроповский алфавит в период Средневековья выполнял также функцию цифровых значений: 36 букв в той же последовательности были разделены на четыре ряда, каждый из которых включал 9 букв. Первый ряд обозначал единицы, второй – десятки, третий – сотни, четвертый – тысячи, так от 1 до 9999. Для выражения больших цифровых значений – от десятков тысяч и выше – для удобства употребляли знак в виде косой, увеличивающий значимость данной цифры на четыре порядка. При использовании букв в качестве цифр в тексте их отмечали специальными знаками – титлами, точками и др. (Туманян, 1971. С. 19).

Первая строка, записанная армянскими письменами из библейской «Книги Притчей Соломоновых», звучала знаменательно: «Познать мудрость и наставление, понять изречения разума» (Мелик-Оганджян, 1962. С. 38). Сразу после создания армянских письмен появляются первые рукописные произведения национальной литературы в виде переводов и сочинений. Благодаря ученикам Месропа грамотность и проповеди христианства на родном языке получили широкое распространение в разных областях Армении, что способствовало единению духовных сил и создавало почву для консолидации всех частей армянского народа.

Типы письма. В армянской рукописной книге различаются несколько типов письма, отражающих различные этапы его исторического развития.

Самый ранний тип написания букв, примененный Месропом Маштоцем в создании письмен, называется *erkatagir* (*erkat* – «железо», *gir* – «письмо»), т.е. «железное письмо». Предполагается, что это письмо было названо так из-за того, что первоначально буквы писали на камнях железным резцом или из-за того, что краску, используемую для письма, изготавливали из оксида железа (Абрамян, 1973. С. 59).

Собственно *месроповским* и позднее *среднемесроповским округлым еркатагиром* писали канонические и культовые рукописи; *прямолинейным* – толкования, рукописи исторического и богословского содержания; *малым (мелким) месроповским округлым* – конкордансы (Абрамян, 1973. С. 61, 62, 69).

С XII в. *еркатагир* постепенно вытесняет *bolorgir*, получивший широкое применение с XIII в. Буквы *bolorgir* пишутся с наклоном в правую сторону и соединяются между собой элементами. Это письмо способствовало быстрому написанию текста.

С XVII в. появился новый вид письма – *notrgir*, возникновение которого было обусловлено требованиями времени: необходимостью быстрого напи-

сания текста и размещения на строке и странице большого количества слов. Этот тип письма самый мелкий из всех предыдущих, в нем применяются почти все знаки препинания и интонации.

С конца XVIII в. *нотргир* заменяется *šlagir* (от слова *šul* – спица), так как он выполнялся острым концом спиц. Этот вид письма применяется и в наше время (Мелик-Бахиян, 1987. С. 14–28).

Неотделимой частью текстов армянской рукописной книги были знаки препинания и интонации. Особое место в армянских рукописях занимают также сокращения и зашифрованные тексты.

Составляющие армянской рукописной книги. *Переплеты*, первоначально изготовлявшиеся из дерева, позднее из картона, обтягивали пергаменом (обработанной кожей), материей и украшали различными способами. На переплетных крышках особо роскошных рукописей укрепляли серебряные рамы, кресты, пластинки с чеканным или инкрустированным изображением евангельских сюжетов. Встречаются также кожаные переплеты с тиснением или украшенные специальными кнопками.

Оклады, в которые заключена часть армянских рукописей – серебряные, позолоченные, реже золотые. Они украшены рельефными, барельефными и горельефными рисунками на сюжеты из Священного Писания. Мастера-ювелиры украшали их полудрагоценными, реже драгоценными камнями, слоновой костью, а также разукрашенной библейскими сюжетами эмалью. Древнейший из сохранившихся окладов относится к 1255 г. Оклад Эчмиадзинского Евангелия (36,5 × 29,5 см), выполненный из слоновой кости, датируется первой половиной VI в. (Матенадаран. Рукопись № 2374).

Защитные листы. Ввиду дороговизны пергамена, было принято использовать отдельные листы от старых рукописей в качестве защитных: их помещали между переплетом и начальной страницей рукописи, чтобы лучше сохранять первый лист рукописи с деревянным переплетом, обтянутым кожей или заключенным в оклад.

Ткани со старинными набойками подклеивали к переплетам с внутренней стороны. Для набоек использовали хлопчатобумажные ткани и красящие вещества. Среди почти 4 тыс. набоечных подклеек, сохранившихся на рукописях Матенадарана, не встречается повторений. Узоры набоек сходны или перекликаются с орнаментами старых и новых вышивок, тканей, ювелирных изделий, керамики, книжных украшений и других видов народного прикладного искусства (Дурново, 1953. С. 5, 6).

Праки – это сброшюрованные в рукописные книги с переплетом тетради из 3, 4, 6, 8 согнутых пополам листов. Каждая тетрадь имела 12, 16, 24, 32 страницы. Количество *праков* зависело от объема рукописи.

Первоначально листы рукописей были из пергамена. Для небольших рукописей (Евангелие, Молитвенник, Псалтырь, Песенник и др.) использовались тонкие и нежные листы, изготовлявшиеся из шкуры ягненка, козленка или телянка. Для больших и тяжелых рукописей (Торжественник, Лекционарий, Библия и др.) предпочтение отдавалось более толстому и выносливому пергамену. В целях экономии старые рукописи иногда перерабатывали и использовали заново. Такого типа рукописи называются палимпсестами – двойными рукописями с древним нижним слоем. Даже в таком изысканном памятнике, как Эчмиадзинское евангелие 980 г., живопись наносилась на обе

Эчмиадзинское Евангелие 989 г. Оклад слоновой кости VI–VII вв. Евангельские сцены. Матендаран. Рукопись № 2374

Из кн.: Армянская миниатюра, табл. 76

стороны листа (*Кацпржак*, 1955. С. 35; *Абгарян*, 1962, С. 15, 16; *Чугасян*, 1980. С. 15).

С появлением бумаги в XII в. пергамен из употребления не выходит. Его использовали в создании тех рукописей, которые предназначались для большого количества иллюстраций. Пергаменные рукописи в армянской культуре встречаются вплоть до XV–XVI вв. (*Левонян*, 1958. С. 11, 12).

Часто писцом и миниатюристом был один и тот же мастер, в ряде случаев рукопись украшали несколько мастеров. Одни рисовали контуры рисунка, другие раскрашивали, третьи покрывали золотом необходимые части в миниатюрах и т.д. Каждый мастер работал в рамках узкой специализации, что способствовало эффективному, качественному и быстрому созданию руко-

писи (*Геворкян*, 1978. С. 62–64). Существовали также и готовые прописи – образцы контурных рисунков, которыми пользовались миниатюристы (*Корхмазян*, 1978. С. 42).

В конце рукописи писец, составитель и переплетчик оставляли *hišatakarap* – памятную запись, являющуюся в своем роде паспортом рукописи. По очередности памятных записей можно ознакомиться с «биографией» рукописи: сколько раз она переходила из рук в руки, куда попадала, кем была похищена, кто ее спасал или выкупал, кто реставрировал или составлял заново (*Левонян*, 1958. С. 23). Памятные записи, будучи написаны очевидцами изложенных в них событий, не содержат анахронизмов и правдиво отображают исторические события, зачастую выпадающие из поля зрения средневековых историков (*Абгарян*, 1962. С. 34).

В памятных записях встречаются обращения к читателям с советами как оберегать и хранить манускрипты. По мнению Вардана Багишеци, знаменитого деятеля рукописной культуры XVII в., «реставрация книг, возвращение их из порчи и забвения к жизни означает больше, чем постройка церкви!» (цит. по: *Абгарян*, 1962. С. 11, 12).

Миниатюра. Украшение рукописного текста живописью и рисунком достигло у армян художественного совершенства. «По исключительному своеобразию, проникновенности и творческому горению, по красоте и ритму композиционных и орнаментальных построений, по чистоте и гармонии красок, а также по блеску технического мастерства армянская книжная живопись занимает свое особое место в мировой сокровищнице искусств» (*Дурново*, 1967. С. 30).

Из всех иллюстрируемых армянских рукописей наиболее ярко и богато украшали Евангелия, в которых миниатюры отображали канонические сюжеты о жизни Христа. Реже украшались Библия, Гомилиарий, Лекционарий и другие манускрипты. Состав живописного убора армянских рукописей изменялся хронологически, но в основном, если он был полный, состоял из восьми-десяти архитектурного типа орнаментальных построений в виде художественно оформленных арок – *xoran*, вмещающих столбцы буквенных цифр, так называемых Канонов согласия от одной до 12–14 миниатюр во весь лист, собранных вместе перед текстом или размещенных при соответствующих листах его (*Дурново*. С. 26). «Каноны согласия» были составлены одним из отцов церкви – Евсевием Кесарийским в IV в. для быстрого нахождения нужного сюжета во всех четырех евангелиях. Позднее арка заменяется прямоугольной заставкой, которую художники заполняют пышным орнаментом, изображениями реальных и фантастических животных и птиц, человеческих фигурок, а колонны превращаются в орнаментальные полосы. Первое дошедшее до нас толкование этих изображений принадлежит Степаносу Сюнеци (VIII в.). Хотя церковь стремилась увязать их с христианской символикой, но в них немало элементов, связанных с языческими представлениями, а также отражением реальной жизни. Это актеры в масках, дрессировщики с животными, жонглеры, отдельные сценки из представлений и портреты исторических лиц. Со временем обогащение *хоранов* новыми мотивами, уже не соответствующими толкованию Степаноса Сюнеци, вызвало необходимость нового толкования, которое было дано Нерсесом Шнорали (XII в.) (*Корхмазян*, 1978. С. 41).

За *хораном* следует текст «Четвероевангелий», каждый из которых начинается с титульного листа, на левой развернутой стороне которого изображается портрет соответствующего евангелиста. В декоративно переданной заглавной букве каждого титульного листа Евангелия в виде графики самой буквы, переплетаясь с буквой или рядом с ней, имеется изображение символа евангелиста (Матфей – ангел, Марк – лев, Лука – бык, Иоанн – орел). Специфической особенностью армянских рукописей являются маргинальные знаки – орнаментальное построение (антропоморфное, зооморфное, элементы декоративного письма и пр.) вокруг цифры-буквы, отмечающей главу и абзац текста (Дурново, 1967. С. 26). Определенное место в рукописях занимают заставки, сюжетные миниатюры, а также различного типа рисунки на полях.

Среди миниатюр в рукописях светского и культового содержания особое место занимают те, которые отображают быт армянского народа. На рисунках изображены работы, связанные с обработкой земли (пахота, сев, жатва, молотьба и т.д.), земледельческие орудия (соха, плуг, телега, виды лопат и т.д.) и тягловый скот. Встречаются рисунки, касающиеся садоводства, виноградарства, сцены охоты, рыболовства и изображения парусных кораблей; различные этапы строительных работ, изображения дверей, окон, балконов, а также предметов мебели; ряда промыслов: кузнечного, литейного (в виде образцов церковной утвари), гончарства, прядения, вышивок и пр.; на полях рукописей и в миниатюрах, где изображены евангелисты – небольшие часовни и церкви. В рукописях изображены также многие другие разнообразные сюжеты: помазание царя, свадьба, женщины-плакальщицы, танцы, театр, цирк, гимнастика и музыканты (Геворкян, 1978. С. 13–20). По миниатюрам можно уточнить многочисленные виды и формы оружия, доспехов, военных орудий. Представлены также изображения работ, связанных с процессом создания рукописей (переписка, рисование, переплет), а также применяемых при этом инструментов и приспособлений: ручки, кисти, шилья, коробки для хранения красок и пр.

В зависимости от стилистических особенностей украшения рукописей, манускрипты подразделяются на академический и народный стили исполнения. Академический стиль выражал эстетические требования феодальной элиты, в то время как второй – народные.

Миниатюры академического стиля отличаются высокой техникой исполнения, яркостью, богатством красок (с превалированием синего и золотого), изображением пышных одеяний, детальной передачей черт человеческого лица, грациозной осанки персонажей. Особенностью народной техники исполнения являются лаконизм, малочисленность фигур в сюжетах, характерный фон портрета, отсутствие бытовых предметов, ограниченность цветовой гаммы, отсутствие золота, простота исполнения и использование сравнительно дешевого сырья.

Средневековая рукописная книга подразделяется на две ветви: восточную, основными центрами которой были Татев, Гладзор, Ахпат, Таргманчац, а также Багнайр, Тарон, Ахтамар, и западную – Киликийскую с центрами Кармир ванк, Скевра, Ромкла, Дразарк, Акнер. Эти два направления имели свои многочисленные школы, давшие выдающихся миниатюристов (Левонян, 1958. С. 27). Среди них яркие представители Васпураканской школы XIV в. – Церун, Закариа Ахтамарци и Рстакес, киликийской школы – Григор (XII в.), Костандин (XII в.), Вардан (XII в.), Торос Рослин (XIII в.), Саргис

Пицак (XIII–XIV вв.) и др. Творчество ряда мастеров Киликийской школы, в частности, Тороса Рослина, расценивается как проявление ренессансного мировосприятия (*Мелик-Бахиян*, 1987. С. 113, 114). Начало расцвета Гладзорской (Сюникской) школы (XIII–XIV вв.) связано с именами миниатюристов старшего поколения – Ованнеса и Маттеоса. Известными миниатюристами младшего поколения были Момик, Торос Таронаци, Погос.

Основными школами армянской миниатюры являются Ван-Васпураканская, Киликийская, Сюникская, Крымская и Ново-Джугинская. Миниатюры разных рукописных школ отличаются одна от другой не только стилистически, но также качеством красок и техникой исполнения в зависимости от материала самой рукописи: пергамента или бумаги. Из пергамента было большинство киликийских рукописей; краски их более масляные и создают впечатление пастельных. Рукописи же Васпураканской школы были большей частью бумажные. Они расписывались акварелью, поэтому миниатюры этой школы отличаются прозрачностью. Краски миниатюр более поздних школ: Новоджугинской, Константинопольской, Крымской и других напоминают темпера, и по качеству схожи с красками, применяющимися в скрипториях Эчмиадзина.

Крупными очагами письменности в XVII в. были армянские колонии в Крыму, Новой Джуге и Константинополе, где было создано большое количество иллюстрированных рукописей, содержащих богатый материал. В скрипториях армянских церквей и монастырей расцветает искусство письма и книжной живописи, копируются привезенные армянами рукописи, обновляются и переплетаются заново старые (*Геворкян*, 1972). Между школами различных армянских колоний существовала постоянная живая взаимосвязь, что сказалось и в искусстве книжной живописи.

Велико наследие миниатюристов, работавших в колониях – Никогоса Цахкара (Крым), Айрапета, Акопа, Степаноса (Новая Джуга), Акопа Акнеци, Маркоса-иконографа (Константинополь). Из этих центров вышли такие крупные деятели, как епископ Хачатур Кафаеци, Мартирос Крымечи, Хаспек и талантливый миниатюрист Никогос Меланавор (Цахкарар). Двадцать восемь иллюстрированных им рукописей ныне хранятся в Ереване в Институте древних рукописей им. Месропа Маштоца (Матенадаран).

В Тавризе, Ортубазаре, Султании в XIV в. работал прославленный миниатюрист Авак, получивший образование в Гладзорском университете. В конце XVI – начале XVII в. в Хизане существовала крупная школа письменности, связанная со скрипториями монастырей, расположенных в районе озера Ван. В ней преподавал знаменитый учитель Мартирос Хизанци. Выходцем из этой школы следует считать и Акопа Джугаеци, который переселился из Старой Джуги в Ван. Армянских мастеров, работавших в Новой Джуге, нередко приглашали для иллюстрирования рукописей в другие центры армянской письменности.

Армянская миниатюра является носителем и хранителем богатейшего наследия армянского народа. В изобразительном искусстве средневековой Армении книжной живописи принадлежит центральное место (*Драмбян*, 1967. С. 19). Традиции армянской миниатюры прослеживаются и в иллюстрациях первопечатных армянских книг: Библии, *шараканов* – сборников армянских церковных песнопений, псалтырей и др.

С созданием армянских письмен появляются разные типы армянских рукописей. Первой рукописной книгой был перевод Библии, начатый с «Книги Притчей Соломоновых». Далее появились переводы и других книг из Ветхого и Нового Завета. Параллельно с Библией переводили также молитвы, псалмы, песнопения, которые были необходимы для церковной службы. На Библии учились. Она была одновременно и книгой для чтения, и книгой религиозного обучения (*Абегян*, 1948. С. 83). Посредством переводной литературы были обучены целые поколения, которые получили элементарные знания о христианстве. Приходила новая вера с ее ритуалом, обычаями и литературой. Вместе с тем создавались рукописи по разным областям науки, которые можно условно классифицировать по их тематике.

Рукописи исторического содержания представлены сочинениями армянских историков и летописцев, живших в V–XVIII вв. Одним из древнейших памятников армянской исторической литературы является «Житие Маштоца» Корюна – ученика Месропа Маштоца, в котором описана история создания как армянского, так и грузинского и албанского алфавитов. В числе первых историков V в. Агатангелос – автор «Истории Армении», посвятивший свой труд истории обращения армян в христианство в начале IV в. Его современник Фавстос Бузанд в своем труде под тем же названием повествует о событиях 330–387 гг., об общественно-политической жизни Армении, римско-армянских и армяно-персидских отношениях. Славную плеяду историков-классиков возглавляет Мовсес Хоренаци (V в.). «Он первым замыслил и осуществил идею о создании целостной истории своего народа, с начала до своего времени, деяние, которое по своему значению непосредственно следует за эпохальным подвигом Маштоца» (*Саркисян*, 1986. С. 5). Сочинение Егише (V в.) «О Вардане и Армянской войне» охватывает историю Армении от падения царства Аршакуни в 428 г. до 465 г.; основное же внимание автор уделил описанию в живой поэтической форме Аварайрской битвы с персами 26 мая 451 г. В список историографических книг входят: «История Армении» Лазаря Парпеци (V в.), «История» Себеоса (VII в.), охватывающая историю Армении с древнейших времен до 661 г.; «История халифов» Гевонда (VIII в.), содержащая описание событий, имевших место в период господства арабского халифата в 632–788 гг.; «История страны Алуанк» Мовсеса Каланкатуаци (X в.) – единственный цельный дошедший до нас источник по истории Агванка и содержащий богатые сведения о Восточном крае Армении с V по X в.; Ованнеса Драсханакертци, изложившего в «Истории Армении» события, начиная с древнейших времен до 923–924 гг.; Аристакаеса Ластивертци (XI в.), описавшего опустошительные набеги в Армению тюрок-сельджуков.

Труды историков IX–XII вв. Ухтанеса, Степаноса Асохика, Самуела Анеци, Мхитара Анеци и других содержат богатые материалы по истории арабского господства в различных странах, а также о нашествии тюрок-сельджуков. Крестовые походы, завоевания монголов, деяния византийских императоров, персидских царей и правителей других стран, историческая жизнь Армении, Киликийского армянского государства и сопредельных стран нашли разностороннее отражение в произведениях крупных армянских историков Маттеоса Урхайеци (XII в.), Вардана Аревелци (XIII в.), Киракоса Гандзакеци (XIII в.),

Григора Акнерци (XIII в.), Смбага Спарапета (XIII в.), Степаноса Орбеляна (XIII в.), Хетума Историка (XIII в.) и многих других авторов XII–XIV вв., являвшихся в большинстве случаев очевидцами или участниками описываемых ими событий. Двух выдающихся историков выдвинул XV в.: Григора Хлатеци и Товму Мецопеци, которому наука обязана «Историей Ленг-Тимура и его преемников» и сохранением в его рукописи образца албанского (агванского) алфавита (Матенадаран. Рук. № 7117).

В числе рукописей светского характера – сочинения по географии. В классическом труде Анания Ширакаци (VII в.) «География» использованы в качестве первоисточников памятники древней географии, среди которых труды Птолемея и др. Семью рукописями Матенадарана представлен путеводитель по Индии «Наименования городов индийских и персидских», составленный в XII в. В «Географии» Вардана (XIII в.) даются сведения о странах мира. Армянский путешественник Мартирос Ерзнкаци, совершивший в 1489–1495 гг. путешествие по странам Европы (Германия, Италия, Франция, Швейцария, Испания, Фландрия и др.) приводит сведения о селах и архитектурных памятниках этих стран (Абгарян, 1962. С. 34, 35).

Философская наука Средневековья представлена произведениями: «Опровержение ересей» Езника Кохбаци (V в.), «Определение философии», «Анализ введения Порфирия» Давида Анахта (V–VI вв.) – выдающегося представителя армянской эллинистической школы в философии.

В научный оборот средневековья вошли переводы представителей античной культуры. Это сочинения Платона (427–347), Аристотеля (IV в. до н.э), Зенона (336–264), Теона Александрийского (I в.), Порфирия (232–303), Иоанна Петрици (XI в.), Варфоломея Болонского (XIV в.) и др. В Средние века появляются комментарии армянских авторов ко многим памятникам эллинских и древнеармянских авторов. Так, Григор Татеваци (XIV в.) комментирует сочинения Аристотеля, Порфирия; Ованн Воротнеци (XIV в.) – сочинения Аристотеля, Порфирия, Филона; Аракел Сюнеци (XV в.) исследует толкование трудов Давида Анахта, комментирует Нерсеса Шнорали и т.д. Философские сочинения содержатся в 497 рукописях Матенадарана, в их числе работы Давида Харкаци (VII в.), Степаноса Сюнеци (VIII в.), Ованнеса Саркавага Имастасера (XI–XII вв.), отмечающего первостепенную роль опыта в познании мира; Ованнеса Ерзнкаци (XIII в.), считающего, что «все, что держится под небом – подвижно и изменяемо»; Ваграма Рабуни (XIII в.), Степаноса Лехаци (XVII в.) и др. (Философские труды. 1956. С. 391–457).

Правовые документы. Начиная с V в., в Армении применялись разные юридические нормы, установленные церковными соборами и деятелями Армянской церкви – Сааком I Партевом, Егише, Ованном Мандакуни и др. В VIII в. Ованн Одзнеци составил обширную «Книгу канонов». Имеется более 50 рукописей, в которых собраны каноны трех первых Вселенских соборов, постановления общих церковных соборов Антиохии, Нео-Кесарии, Лаодикеи, Гангры и армянских – Двинского, Шаапиванского, Партавского, поучения армянских и иностранных авторов. Мхитар Гош (XII–XIII в.) составил «Армянский судебник», где впервые в Армении были определены юридические нормы. Другой «Судебник» принадлежит перу ученого, военачальника Киликийского армянского государства Смбага Спарапета (XIII в.) (Абгарян, 1962. С. 41, 42).

Медицинская наука в Армении берет начало с глубокой древности и достигла довольно высокого развития.

Точные науки: математика, космография, теория летоисчисления и т.п. Наиболее ранними являются труды крупнейшего ученого VII в. Анания Ширакаци: «Начальная арифметика», «Вопросы и решения», «Меры и весы», «Томар (учение о летоисчислении)», «География», «Космография» и т.п. Значительный интерес из области точных наук представляет сочинение Ованнеса Саркавага (XIII в.) «Полигональные числа». Оно наглядно свидетельствует о преподавании в армянских школах в XI–XII вв. теории чисел. Таблица Ованнеса Саркавага сохранила богатую терминологию армянской математической науки. Автору принадлежит также реформа армянского календаря.

В рукописи XIII в. сохранились главы древнейшего перевода «Элементов или Начал» знаменитого представителя александрийской математической школы Эвклида (III в. до н.э.). Отметим, что латинский перевод с греческого оригинала сделан в 1501 г., т.е. на 450 лет позже армянского перевода, осуществленного в 1051 г. видным армянским ученым Григором Магистросом. Рукопись Матенадарана № 8716 (XV в.) неизвестного автора содержит учебник практической арифметики.

Важные сведения по астрономии (затмение солнца, появление комет, яркие болиды и пр.) встречаются в произведениях Гевонда (VIII в.), Степаноса Асохика (X–XI вв.), Аристакаеса Ластивертци (XI в.), Киракоса Гандзакеци (XIII в.), Смбата Спарапета (XIII в.) и др. Аналогичные сведения содержат также многочисленные памятные записи армянских рукописей. Ованнес Ерзнкаци (XIII в.) описывает дальнюю «необитаемую человеком и морозную» часть севера, где «весной и летом день длится шесть месяцев». Он приводит астрономическое объяснение этих явлений, связывая их с переходом Солнца из одного полушария Земли в другое (*Абгарян*, 1962. С. 48–50).

Рукописи с текстами по химии и алхимии сделаны в основном ремесленниками: ювелирами, мастерами по металлу, стеклодувами и т.д. В отдельных произведениях армянских авторов приводятся названия, свойства и способы получения химических веществ, описание лабораторных аппаратов, рецепты алхимических составов, наставления о плавке золота и пр.

Средневековая *художественная литература* представлена образцами поэзии таких крупных поэтов, как Григор Нарекаци (X в.), Нерсес Шнора-ли (XII в.), Фрик (XIII в.), Костандин Ерзнкаци (XIII–XIV вв.), Ованнес Ерзнкаци (XIII вв.), Хачатур Кечареци (XIV–XV вв.), Аракел Багишеци (XV в.), Аракел Сюнеци (XV в.), Мкртыч Нагаш (XV в.), Ованнес Тлкуранци (XIV–XV вв.) и др. Тематический разброс в армянской поэзии очень широк: от философской и лирической поэмы Григора Нарекаци «Книга скорбных песнопений» до критических стихов поэта Фрика, протестовавшего против социального неравенства. В более чем 1 тыс. рукописях сохранились церковные и светские песни, записанные древнеармянской нотописью – *haz* (невмы). Армянские рукописи содержат басни знаменитого баснописца Мхитара Гоша (XII–XIII вв.) и его современника Вардана Айгекци, новеллы, апокрифы, анонимные прозаические произведения.

Сохранились также переводы литературных произведений: с греческого – «История Александра Македонского» Псевдо-Калисфена (переведена в V в.), «Шестодневы» Писиды и др.; с арабского – «Рассказы о рыцаре и девушке»,

«История медного города», «История царя Пахлулла», «Наставления царя Нуширвана», отрывки из «Тысячи и одной ночи» и т.д.; с индийского – «Повесть об индийском царе Гадир-шахе», «Семь мудрецов»; с сирийского (предположительно) – «Наставления мудреца Ахикара»; с эфиопского – «Книга, названная ключом мыслей»; со старофранцузского – средневековая романтическая повесть «Париж и Вена»; с польского – «Великое зеркало» и т.д. В армянских Четьи-Минеях (*hАйсмавурк*) сохранился один из списков анонимного произведения русской литературы XI–XII вв. «Сказание о страстях святых мучеников Бориса и Глеба», в армянском варианте известного как «Повесть о Давиде и Романе».

Исключительную ценность для мировой науки представляют хранящиеся в Матенадаране уникальные древнеармянские переводы ряда произведений, оригиналы которых навсегда утеряны. К ним относятся философские сочинения: «О природе» Зенона, «Возражения» Тимофея Элура, «Определения» Гермеса Трисмегиста, последние четыре главы «Прогимнастов» Теона Александрийского, отдельные сочинения Филона Александрийского (Еврея), Иринейя, Аристида, Василия Кесарийского, Иоанна Златоуста, Севериана (*Абгарян*, 1962. С, 40); исторического содержания – «Хроники» Евсевия Кесарийского, переведенные в V в. с греческого (*Абгарян*, 1962. С, 34); законодательного содержания – «Антиохийские ассизы» (решения Высшего суда – Haute Cour), переведенные с французского языка. Эти переводы имеют значение оригиналов.

Просвещение. Наличие многих переводов с разных языков указывает на высокий уровень школьного и университетского образования в средневековой Армении. С самого начала христианства, по Агатангелосу и Бузанду, были основаны церковные школы, но в них обучение велось на греческом и сирийском языках (Бузанд. IV, 4). Первыми *варданетами* (*vardapet*), т.е. учителями, которые стали обучать грамоте на армянском языке, были Месроп Маштоц и католикос Саак I Партев. В Вагаршапате, Эдессе и Амиде, Самосате, Гохтне, Сюнике – везде Маштоц собирал детей для обучения грамоте армянскими письменами. Объездив все районы Восточной Армении, он открывал там школы (*Абегян*, 1948. С, 72, 73). Просветительская деятельность Маштоца и Саака I Партева была направлена не только на пропаганду нового учения – христианства. Начинается усиленная культурная, а иногда и вооруженная борьба их учеников и учеников первых питомцев против персидского, сирийского, позднее и греческого произвола.

В период X–XIV вв. в Армении и в Киликийском Армянском государстве были общественные и частные школы. Начальное обучение было бесплатным и доступным многим. Основными очагами просвещения были монастыри и монастырско-церковные школы. В них готовили учителей на армянском языке, проповедников и писцов. Наиболее распространенным было обучение, которое приравнялось к высшему. Это были *vardapetaran*, т.е. центры, где готовили представителей высшего духовенства – *варданетов*, и *hamalsaran* – университет – учебное заведение более широкого профиля (История..., 1976. С, 789).

Одним из культурных центров X–XI вв. становится г. Ани. Благодаря выдающемуся ученому Ованнесу Саркавагу Имастасеру (XI в.) начинается расцвет в школьном и университетском обучении (XI–XIII вв.). Была разработа-

на программа, в которую входили источниковедение, история, грамматика, хронология (летоисчисление), астрономия, география, арифметика, музыка. В список обязательной учебной литературы, наряду с Библией и богословскими книгами, были включены философия, логика, ораторское искусство. Важным требованием было усвоить основы науки и развивать их. Учителя образовательного центра не только преподавали точные науки, но и переводили, писали толкования, становясь тем самым соавторами переводов (История... С. 789, 790).

Строительство крупных монастырских ансамблей, таких как Татев, Вараг, Санаин, Ахпат, Ахтамар, Кечарис, Хцконк, Гехард, Агарцин, Гошаванк (Нор Гетик), Сагмосаванк и др. свидетельствует о формировании широкой сети просветительских и культурных центров, где преподавали известные деятели армянской науки Мхитар Гош, Вардан Аревелци, Давид Кобайреци, Ованнес Ерзнкаци, Григор Магистрос и многие другие (История... С. 790–793).

Основными жанрами эпохи, наряду с духовными песнями, поучениями, становятся басня, сказ, житие, загадка, мартирологи, большинство из которых непосредственно восходят к народному творчеству. С именем католикоса Нерсеса Шнорали (XII в.) связана разработка жанра литературной загадки. Сохранилось более 300 загадок, созданных автором для мирян в целях полезного времяпрепровождения их досуга. Басни и притчи пишут Мхитар Гош, Вардан Айгекци.

Возросла потребность общества в письменной литературе, которая уже стала выходить за пределы монастырей. Появилось большое число грамотных людей. Светские мотивы проникают в искусство миниатюры. В скрипториях переписываются и создаются новые манускрипты.

Наиболее известные высшие школы Восточной Армении в XII–XIII вв. – Нор Гетик, Хор Вирап, Татевский (IX–XV вв.) и Гладзорский (XIII–XIV вв.) университеты. В монастыре Хор Вирап обучалось около 40 учеников. Начальное обучение продолжалось три года, за ним следующее высшее – шесть лет. В программе обучения были богословие, античная философия, логика и др. Гладзорский университет имеет долгую историю, связанную с именами прославленных ученых – Вардана Аревелци, Нерсеса Мшеци, Есаи Нчеци (XIII в.). Он во многом превосходил учебные центры как собственно в Армении, так и в Киликийском государстве и соответствовал европейским *universitas*, за что его прозвали «вторые Афины». В университете были три факультета: музыкальный, рукописного искусства, естественных наук. Большое внимание уделялось изучению и толкованию Аристотеля, Порфирия, Дионисия Фракийского и др. Многие выпускники Гладзорского университета стали видными деятелями культуры и науки, преподавая в разных монастырях Армении. Одним из известных выпускников был ученый и миниатюрист Мхитар Сасунци (1291–1337) (История... С. 795–797).

В 1080 г. было основано Киликийское княжество, которое с 1198 г. становится государством, просуществовавшим вплоть до 1375 г. Это были периоды блестящего расцвета науки, искусства и просвещения. Знаменитыми учебно-научными центрами – *варданетаранами* становятся Дразарк и Машкевор. Дразарк был известным рукописным центром, где творили выдающийся миниатюрист Саргис Пицак, музыкант Торос Дасапет, Овсеп Еражштапет (глава

музыкантов). Дразаркский университет готовил деятелей культуры широкого профиля, воспитал нескольких дипломатов. Известно, что Торос Дасапет был также государственным деятелем и долгие годы был послом в Англии (История... 1976. С. 798, 799).

О Машкеворе, хотя он был известным *варданетараном*, сохранилось очень мало сведений. Благодаря усилиям Григора Вкаясера духовенство основывается также на отрогах горного хребта Аманос (на границе между Киликией и Сирией) на Черной горе, где армяне строят свои монастыри, поскольку недалеко были обители греков и сирийцев (*Абемян*, 1946. С. 74). В одном из монастырей на Черной горе поселяется автор «Судебника» и баснописец Мхитар Гош. Известны и другие учебные центры на Черной горе: Парлагон, Арег, Шугр, Вардкан, Карашит, Барсеганц, Шапирин, Пагакдзиак, Мецкар (История... 1976. С. 799). Деятельности этих центров покровительствовали царь Хетум I и его супруга царица Забел.

В Киликийском государстве известным *варданетараном* был основанный царем Левоном III центр в Акнере (XIII в.). Он и его супруга Керан сыграли значительную роль в деле просвещения Киликийского государства. Учебная программа была разработана самим царем. Он же организовал сбор рукописей и их переводы на армянский язык. Левон III давал заказы писцам и миниатюристам и дарил рукописи не только учебным центрам в Киликии, но и за ее пределами. (История... С. 800, 801). Искусство перевода стояло на такой высоте, что выполнялись переводы даже с одного иностранного языка на другой.

Не менее известным был учебный центр в г. Сис – столице Киликийского государства. Здесь большое значение придавалось философии, логике, богословию, риторике, грамматике, музыке, хронологии, географии, астрономии, каллиграфии, искусству миниатюры, литературе и искусству перевода. Наряду с *варданетараном*, здесь был основан университет, где за основу была взята афинская школа, учения Платона, Аристотеля, стихосложение Гомера, переводы и пр. Фактически интерес к античной культуре в Армении начался задолго до Ренессанса в Западной Европе (История... С. 802). Культуру Армении X–XI и XII–XIII вв. следует определять как культуру Возрождения (*Чалоян*, 1963. С. 156).

Однако блестящее развитие армянской культуры было прервано нашествиями тюрков-сельджуков, монголов и других кочевников. В руины превратились города и села, культура и просвещение оказались в тяжелом положении. Но даже в этих условиях вековые традиции науки и просвещения продолжали сохраняться и развиваться в крупных духовных центрах Армении.

МЕДИЦИНА

Медицина, являясь неотъемлемой частью древней культуры Армении, своими корнями уходит в глубь веков. Армянская медицина вобрала в себя лечебный опыт многих поколений народных врачей. После принятия в 301 г. христианства в Армении на месте языческих храмов были сооружены монастыри, при которых по инициативе католикоса Нерсеса I Партева Великого (353–373) были открыты первые больницы.

Армянская медицина располагает богатейшей сокровищницей лекарственных средств, включающей представителей флоры, фауны и неорганической природы Армении. Особенно славились в древности лекарственные растения Армянского нагорья, которые вывозились во многие страны Востока и Запада и вошли в древнейшие фармакопеи. Армянские и античные авторы: Геродот, Страбон, Ксенофонт, Тацит в своих описаниях упоминают о целебных растениях армянской флоры. Мовсес Хоренаци пишет, что царь Вагаршак (II в. до н.э.) осушал болота Тайка и Кога, создавая там сады и цветники, в которых выращивали лекарственные растения (*Хоренаци*, II; 6). Согласно римскому историку Тациту, армянские крестьяне для лечения ран применяли «деревенские» лекарства (*Тацит*, XII, 51).

Целебные свойства некоторых растений, в частности, (лат. *Bryonia dioica*), чернушки (лат. *Nigella sativa L.*) и некоторых других привели к почитанию этих растений в древней Армении. Большой популярностью пользовались также лекарственные средства неорганического происхождения (армянские глина, камень, бура, а также соединения ртути, железа, цинка, свинца). «Армянская глина удивительно действует на раны... Она особенно помогает от чахоточных и моровых лихорадок» (*Ибн Сина*, 1954. С. 303).

Препараты железа применялись для лечения ряда болезней, при которых они используются и в современной медицине. В арсенале лекарственных средств прочное место занимали ртутные препараты, добывавшиеся в Армении, в том числе и киноварь.

Кроме этих средств, в медицине использовались также лекарственные вещества животного происхождения (органные, тканевые и ферментативные препараты): вытяжки из половых желез, мозга, печени, селезенки, желчь некоторых животных, сывороточная закваска рубцов желудка зайца; препараты смешанной природы: так называемая влажная зуфа, мумие и некоторые другие, обладавшие гормональным, антитоксическим и противосклеротическим действием.

Армянская классическая медицина на заре своего развития испытала благотворное влияние эллинистической науки. Труды классиков античной философии, естествознания и медицины – Платона, Аристотеля, Гиппократ, Галена, Асклеиада и других, переведенные в V–VII вв. усилиями грекофильской переводческой школы на древнеармянский язык (*грабар*), сыграли большую роль в формировании мировоззрения армянских врачей (*Аревшатян*, 1973. С. 23–37; *Варданян*, 1984. С. 83–93). В течение трех веков (с V по VIII) в армянской медицине шла напряженная работа по творческому освоению античного наследия. Средневековые врачи глубоко изучили научные труды античных классиков. В средневековой армянской книжности античное учение о четырех стихиях и эквивалентных им четырех кардинальных влагах (кровь, слизь, желтая и серная желчь) впервые встречается в труде Езника Кохбаци «Опровержение ересей» (*Езник Кохбаци*, 1926). С принципами гиппократовской медицины был знаком философ Давид Анахт (конец V – начало VI в.). Ученый Анания Ширакаци (VII в.), наряду с космографией, занимался также вопросами фитотерапии, на что имеется указание в рукописи № 8397 Института древних рукописей им. Месрока Маштоца (Матенадаран), где описываются лечебные свойства растения *hamaspjur* (*Lychnis L.*) (*Варданян*, 2000. С. 80–81; *Vardanyan*, 1999. P. 72, 73).

В X в. появились первые лечебники – *bžškaran* армянских врачей, посвященные в основном вопросам лекарственной терапии болезней. В X–XI вв. университет в Ани возглавил один из крупнейших армянских ученых эллинистического направления, поэт, философ, государственный деятель, ученый-теоретик и одновременно опытный практический врач Григор Магистрос. Современник Ибн Сины, он был связан с выдающимися деятелями Армении и Византии. Не случайно, именно в анийской школе, которую он возглавлял, было положено начало созданию оригинальных сочинений, посвященных вопросам патологии, терапии и фармакологии. Одним из них был «Бжшкаран» (Лечебник). В XII в. в Киликийской Армении «Лечебник» был отредактирован Хетумом Ламбронати и получил название «Лечебник Гагика-Хетума» (Варданян, 2000. С. 105–115; Vardanyan, 1999. Р. 97–107). Это сочинение свидетельствует о близком знакомстве его автора как с трудами античных авторов, так и арабских врачей, что нашло отражение в его терминологии.

С Киликийской Арменией и ее медицинской школой была связана деятельность Мхитара Гераци (XII в.) – основоположника средневековой армянской медицины, для которой он сделал то же, что и Гиппократ – для греческой, Гален – для римской, Абу Али Ибн-Сина (Авиценна) – для арабской медицины. «Великий Мхитар», как именовали его современники и последующие поколения врачей, собрал, исследовал, обобщил врачебный опыт прошлых веков, создав труды и по сей день не утратившие своей ценности. Ему принадлежит сочинения по анатомии, физиологии, патологии, терапии, фармакологии, многие из которых не дошли до нас. Из них известны: «О строении и сотворении глаза», «О пахово-мошоночных грыжах и (болезнях) яичек», «О драгоценных камнях и их лечебных свойствах», «Точный, безошибочный и верный показатель гроз и землетрясений». В Матенадаране хранится переписанная в 1279 г. книга Мхитара Гераци «Утешение при лихорадках» (Матенадаран. Рукопись № 16).

Задумываясь над сущностью болезнетворного начала, Гераци выдвинул гипотезу о живом «плесневом» начале, которое присутствует в крови и других влагах организма и вызывает «плесневую» лихорадку. В разделе о плесневых лихорадках Мхитар Гераци поместил ряд инфекционных болезней, широко распространенных в Средние века: малярийные, тифозные и септические лихорадки, чума, оспа, корь. Неоспорим тот факт, что ни один из врачей добактериологической эры не употребил для обозначения инфекционного процесса термина, столь близко стоящего к истине, как это сделал Мхитар Гераци (Оганесян, 1948. С. 121). Придерживаясь принципов античной медицины, Гераци рекомендовал проводить лечение согласно требованию Гиппократа: лечить «противоположное противоположным». В системе лекарственного лечения Мхитара Гераци главное место принадлежит фитотерапии, основанной как на опыте народной медицины, так и высокоразвитых стран Востока. В диетических предписаниях Мхитара Гераци при лихорадочных болезнях большую роль играли зелень (кориандр, базилик, петрушка, бамя, портулак), овощи, фрукты и ягоды (гранат, айва, виноград, лох, инжир, грудные ягоды, сливы, черника) в свежем и сушеном виде, а также их соки, сиропы и варенье. В зависимости от формы и стадии заболевания *бжшкарет* -главный врач рекомендовал свежую рыбу, цыплят, мясной сок, яичный желток,

молоко, а для легочных больных – ослиное молоко. В системе физических методов его лечения большое место занимали водные процедуры (холодные обтирания, обливания, купанье, ванны), массаж, ингаляции настоями эфирных растений, физические упражнения. Особое внимание он уделял также психотерапевтическим методам, нередко используя в этих целях музыку (*Мхитар Гераци*, 1955. С. 87).

К киликийской школе армянских врачей принадлежал также Григорис (XIII в.). В своей работе «Анализ природы человека и его недугов» (Матенадаран. Рукопись № 415) он писал: «Чахотка поражает людей в возрасте от 18 до 35 лет, ибо природа человека в это время горяча, а природа органов мягка, особенно легких, и поэтому когда плесневеет гной, то он быстро разрушает легкое... И первые из мудрых врачей говорят, что этот недуг поражает и тех, кто приближается к больному, особенно если время летнее и помещение тесное, а также (заражение) зависит от родительской наследственности» (*Григорис*, 1962. С. 114).

Творчество выдающегося врача XV в. Амирдовлата Амасиаци явилось обобщением и продолжением предыдущего этапа, которым, по его словам, «занимались наши первые врачи: великий врач Мхитар, врач Аарон, сын его – врач Степанос и род их: врач Чошлин, врач Саргис, врач Акоп, врач Дегин, врач Симавон, врач Ваграм, которые написали много книг о действии и пользе лекарств» (*Амирдовлат*, 1990. С. 14). В Константинополе Амирдовлат Амасиаци быстро достиг признания и был назначен главным хирургом-окулистом султана Мехмеда II, получив титул «главного хирурга, пользующегося глазами больных» (*Амирдовлат*, 1926. С. 3).

В 1459 г. Амирдовлат Амасиаци написал свой первый труд «Учение медицины», где рассматриваются вопросы гигиены, эмбриологии, анатомии, физиологии, патологии и фармакологии в духе учений античных врачей (Гиппократ, Гален) и выдающихся деятелей арабской медицины (Ар-Рази, Авиценна). В 1459 г. в книге «Ахрабадин» автор сделал попытку создания словарей «простых» и «сложных» лекарственных средств. В 1469 г. в Филиппополе (ныне г. Пловдив, Болгария) Амирдовлат написал книгу, названную «Польза медицины». Эта книга находилась на уровне лучших медицинских сочинений своего времени. В ней обобщены познания средневековых армянских врачей по теории и практике медицины, а также приводятся методы лекарственного и диетического лечения более 200 болезней различных органов и систем.

В последние годы жизни им были написаны самые значительные труды по фармакологии: второй «Ахрабадин» (1481 г.) и «Ненужное для неучей» (1482 г.), а несколько ранее – «Народная книга» (1474 г.). Книга Амирдовлата «Ненужное для неучей» представляет собой энциклопедический словарь с терминологией на пяти языках: армянском, греческом, латинском, арабском и персидском. В 3378 параграфах книги, расположенных в последовательности букв армянского алфавита, дается описание около 1 тыс. растительных видов, 250 животных и 150 неорганических препаратов. Амирдовлат эмпирическим путем пришел к установлению противоопухолевых свойств ряда растений, которые, по современным данным, содержат производные кумарина и фурукумарина, а также алкалоиды колхицин и винбластин, обладающие противоопухолевыми свойствами (*Варданян*, 1976). С этой целью им использовались

также некоторые смолы растительного, животного и неорганического происхождения (гальбан, сагапен, асса-фетида, прополис, мумие и др.). Сложное природное соединение мумие, образующееся из растительных остатков, экскрементов животных и продуктов разложения углеводов в горных пещерах ряда стран (Иран, Афганистан, Средняя Азия), рекомендовалось Амирдовлатом для повышения тонуса организма, лечения ран и опухолей. Большое значение он придавал лекарственным растениям, наделенным антитоксическими (ферула, календула, лаванда, железница) и тонизирующими (переступень, кирказон) свойствами, которые одновременно использовали и как антисклеротические средства, препятствующие преждевременному одряхлению и способствующие сохранению молодости и здоровья.

Труды Амирдовлата Амасиаци, в которых, подобно «Канону» Абу Али Ибн Сины, представлены важнейшие разделы медицины: гигиена, эмбриология, анатомия, физиология, патология, клиника, терапия и фармакология, служили на протяжении веков энциклопедией врачебных знаний. Амирдовлат создал школу армянских врачей-фитотерапевтов, которая просуществовала несколько веков.

Деятельностью врачей себастиийской школы Овасаба, Асара, Буниата Себастаци завершается последний этап развития средневековой армянской медицины.

Начиная со второй половины XVIII в. появляется новое поколение армянских врачей, получивших образование в высших учебных заведениях Европы и России (П. Калантарян, С. Шариманян, О. Огуллухян, М. Рестен и др.). Переводятся на армянский язык труды европейских и русских авторов, в том числе книга Н. Максимовича-Амбодика «Врачебное веществословие или описание целительных растений во врачестве употребляемых» (Матена-даран. Рукопись № 9285). Следует отметить, что армянские врачи успешно сочетали данные европейской науки с опытом армянской медицины.

На современном этапе развития наука все чаще обращается к опыту армянской народной и классической медицины, используя сочинения средневековых армянских *бжкпетов*, которые служат неисчерпаемой сокровищницей для фармацевтической промышленности и лечения ряда болезней, проблема которых все еще не нашла разрешения в современной медицине.

ГЕРАЛЬДИКА

На протяжении многовековой истории армян геральдическая символика имела разные формы и значения. При хронологическом подходе к их рассмотрению, включая все Армянское нагорье, следует отметить археологические находки позднебронзовой эпохи – штандарты-навершия (Лчашен, Лори-Берд, XIV–XI вв. до н.э.), видимо, выполнявшие функции знаков власти племенных вождей. Указанные навершия стилистически близки к несколько более ранним или единовременным луристанским навершиям, а также к более поздним (VII–VI вв. до н.э.) скифским (ср.: Переводчикова и Раевский, 1981. С. 41–52. Рис. 21).

О наличии государственной символики, имеющей определенное религиозное значение и объединяющей разноплеменное население, можно говорить,

Бронзовые статуэтки-навершия, интерпретируемые как символы власти доурартской Армении
МЭ. Археол. фонд № 266/24, 290/18

начиная с эпохи Урартского государства. Этот вывод также основывается на результатах археологических раскопок, в частности, на мнении Б. Пиотровского о функции статуэтки бога Тейшебы, найденной из Кармир-блуря как военного знака гарнизона города или «полка Тейшебы» (Пиотровский, 1952. Илл. 14; Амаякян, 1990. С. 59, 76. Табл. 14, 27–29).

В силу недостаточности научно обоснованных фактов, выводы о символах Урартской государственности пока нельзя считать окончательными (Амаякян, 1981. С. 205–210; Дьяконов, 1983. С. 190–194).

Характер источников для реконструкции знаков королевских династий и княжеских родов Армении в античную и средневековую эпохи несколько меняется. Первый знак, о котором установилось относительно твердое мнение исследователей как о родовом знаке династии Арташесидов (II в. до н.э. – начало I в. н.э.) – символ двух орлов по обеим сторонам 8-конечной звезды. Эта симметричная композиция в центре тиары Арташесидов многократно повторяется на большинстве серебряных монет от Тиграна Великого до Артавазда.

Таким образом, нумизматические данные позволяют реконструировать определенный знак, передававшийся из поколения в поколение в течение последнего столетия правления Арташесидов (Ацунн, 1919. С. 22–28; Тер-Гевондян, 1987). Одним из главных оснований для такой реконструкции послужило сообщение Мовсеса Хоренаци о том, что Арцруниды «носили перед царем орлов» (Хоренаци, II, 7). Наиболее вероятное объяснение геральдическому применению этого знака вытекает из содержания арамейских надписей на межевых камнях Арташеса – основателя династии, объявившего себя Ервандидом (Оронтидом), и, следовательно, прямым потомком Ахеменидов, государственным символом которых был орел (Тирацян, 1982. С. 90–95). Возможно, этот «престижный» знак имел определенную связь с внешнеполитической борьбой Тиграна Великого за Селевкидское наследство.

По некоторым сообщениям Тацита (Тацит, XV, 29), армяне в I в. н.э. имели «отечественные знаки» – *simboloï*, с которыми шли в сражения против римлян в период Десятилетней войны, предшествовавшей утверждению в Армении в 66 г. н.э. боковой ветви парфянских Аршакидов. О знаке (гербе) самих Аршакидов известно немного. Согласно приведенному выше сообщению Мовсеса Хоренаци, княжеский род Арцрунидов получил свое имя за то, что его представители носили *arcivk* – «орлов» – впереди полулегендарного Аршакидского короля Вагаршака. На этом основании в армянской историографии XIX в., которая еще не разделяла две династии – Аршакидов и Арташесидов, был сделан вывод, что в Армении I–IV вв. знаком государственности служило изображение двух орлов по обеим сторонам звезды, или, другими словами, был сохранен символ предшествовавшей династии (Ацунн, 1919. С. 22–28).

С приобретением письменности информация о некоторых аспектах системы родовых и индивидуальных знаков отличия у армян в начале V в. возрастает. В раннесредневековый период развитие геральдических символов обуславливается двумя важными обстоятельствами: принятием христианства и отсутствием собственной государственности, начиная с 428 г. В этот же период, под воздействием сасанидских и позднеримских правовых отношений, прежние монолитные нахарарские роды начинают делиться на главные и боковые ветви, чему немало способствует также разделенность страны между

Статуэтка бога Тейшебы: навершие воинского знамени. Тейшебаани (Кармир-Блур). VII в. до н.э.

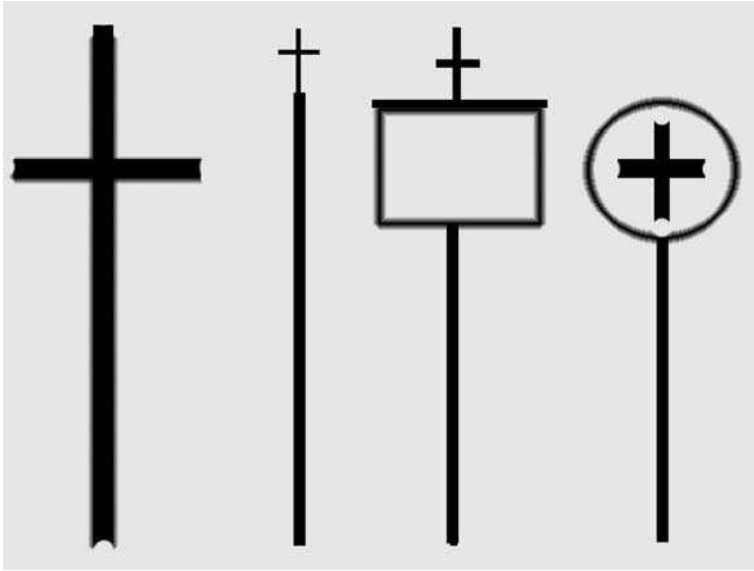
Из кн.: Армянские гербы, знамена и государственные награды. С. 6

Серебряные монеты царя Тиграна II (95–55) и Артавазда II (55–34)
Из кн.: Армянские гербы, знамена и государственные награды. С. 10

двумя империями. Историки этого периода сообщают о наличии родовых знаков на военных знаменах, шлемах, шатрах отдельных князей. Так, родовой знак наиболее преданного армянским Аршакидам рода Мамиконянов, представители которого назначались главнокомандующими войска, имел знак орла (*Ацунци*, 1919. С. 51–59; *Бузанд*, IV, 2; *Бузанд*, V, 38). Есть сообщения о получении отдельными представителями родов Арцруни, Сюни, Багратуни, Араншахик личных знаков отличия от сасанидских и византийских сюзеренов (*Егише*, 1989. С. 274; *Хоренаци*, II, 47; *Каланкатуаци*, II, 18; *Арируни*, III, 14). По сообщению Себеоса, армянская 20 тыс. конница в составе сасанидской армии в конце VI в. состояла из почти 20 родовых контингентов разной численности, «каждый под своим знаменем» (*Себеос*, III, IV, XXI, XXII). С принятием христианства символ новой религии начинает приобретать широкое значение и применение, в том числе и геральдическое (*Агатангелос*, 1914. С. 114; *Корюн*, 1941. С. 16; *Егише*, 1989. С. 152). Видимо, этот символ прочно укоренился как на уровне местных общин, так и в среде знати (*Овнан Мамиконян*, 1941. С. 270; ср. барельеф всадника с крестным знаменем на стене Мренской церкви: *Аракелян*, 1949; *Саргсян*, 1966).

Автор «Истории страны Апуанк» (X в.) сообщает о принятии христианства одним из полководцев хазарской армии, вступившей в восточные армянские земли: отбросив звероподобные знамена, он «знамена свои украсил крестом» (*Каланкатуаци*, I, 30). В период арабского завоевания Армении (680–882 гг.), по сообщению средневекового автора, арабы, среди прочего, запрещали армянам носить крестные знамена (*Айриванеци*, 1860. С. 54). В этот и последующие периоды знак креста, видимо, вновь возобладавал в армянских христианских общинах, что подтверждается находками металлических наверший в форме креста в Ани, а также в средневековых крепостях Анберд и Гарни в археологических слоях X–XI вв. (*Арутюнян*, 1978. С. 91, 92. Рис. 19; *Петросян*, 1988. С. 41. Табл. XIX).

Схематические изображения крестных знамен Средневековья
Из кн.: Армянские гербы, знамена и государственные награды. С. 23

Историки этого же периода указывают на последовательное применение крестных знамен и наверший вторым и третьим представителями главной ветви королевского рода Багратидов – Смбата I (886–911 гг.) и Ашота II (911–929 гг.). Кресты или крестные знамена ими даруются как полководческое отличие (Смбатом I-м Гагику Арцруни), выносятся впереди войска, фигурируют в процессии похорон царя (Ашота II) (*Драсханакертци*, 1996. С. 314; *Арцруни*, III, 24; см. изображение предмета: Армянские гербы. 2008. С. 23). По-видимому, в этот период мы имеем дело с усилением византийского влияния и с некоторым отступлением от более ранней феодальной символики с использованием зооморфных образов

В тот же период Товма Арцруни, описывающий восстание армян 850–852 гг. против арабского владычества, упоминает феодальные фамилии Васпуракана, из которых 16 были представителями боковых ветвей Арцрунидов, имеющих каждый свой отряд и знамя (*Арцруни*, II, 4, 5; *Арцруни*, III, 6). Более поздний хронограф Матеос Урхаеци упоминает о собственном знамени васпураканского князя Хачика Арцруни и каждого из его сыновей (*Урхаеци*, 1991. С. 100–103). Описания этих знамен не сохранились, но скорее всего, несмотря на длительный период иконоборчества и арабского владычества, феодальное военное сословие продолжало пользоваться зооморфными образами на полотнищах.

В историографии средневековой Армении знак или герб династии Багратидов достаточно изучен и известен в нескольких вариантах реконструкций. Это многообразие можно объяснить как перипетиями истории IX–XI вв., так и отношениями внутри самой династии, ее вассальных княжеств и королевств и постоянным политическим и культурным влиянием Византии (*Юзбашян*, 1988). По мнению Н. Марра, И. Орбели и других участников Анийской

Гербовый знак Багратидов. Ани. X в.
Из кн.: Армянские гербы, знамена и государственные награды. С. 16

раннего периода, что объясняется постоянными контактами между Киликией и государствами крестоносцев. Независимость Армянского царства была «ознаменована» дарением знамени с изображением льва Киликийскому государю Левону Рубиняну императором Священной Римской империи. Сам же Левон в 1204 г. отчеканил золотые монеты с двумя вертикально стоящими львами по обе стороны от оси, изображающей крест на посохе.

Именно этот символ в разных вариантах герба монархов Киликийского царства просуществовал более 250 лет (Алишан, 1885. С. 414–416, 435,

экспедиции, родовым гербом главной ветви Багратидов все-таки нужно считать изображение ступающего направо льва или леопарда, высеченное на главных воротах Ани – столицы их государства (Март, 1939. С. 94–97; Орбели, 1963. С. 119–122).

И. Орбели считал, что они были построены богатыми жителями, в ряде случаев отдельными ремесленными или земляческими кварталами города по принципу литургии (т.е. в складчину).

Участники же итальянской экспедиции в Ани 1975 г. увидели геральдическую символику в крестах разных форм и цветов, выложенных камнем во внешней кладке башен. (Ани, 1984. Р. 76, 101. Илл. 38–57; Дабагян, 1998).

Герб Киликийского армянского царства известен на всем протяжении его истории от возникновения и дальнейшего развития графических вариантов, сопоставимых с классической западноевропейской геральдикой ее

Монеты царей Киликийской Армении с изображениями льва. XIII–XIV вв.
Из кн.: Армянские гербы, знамена и государственные награды. С. 31

481; Матевосян, 2002. С. 38–42; Патрик, 1967. С. 64–71; Панасенко, 1998. С. 126–133). Последний вариант – герб, изображенный на надгробной плите эмигрировавшего во Францию и захороненного в 1393 г. в Сен-Дени представителя армяно-французской династии Лузиньянов – Левона V (1374–1375). Влияние геральдики крестоносцев продолжалось в геральдической символике населенных армянами областей Киликии и Малой Армении до XV – начала XVI в., о чем свидетельствуют некоторые цветные карты и портоланы указанного периода (Патрик, 1967. С. 70, 71; Галчян, 2005. Рис. 22, 24; ср.: Даркевич, 1975. С. 255).

В самой Армении и за ее пределами геральдическая символика продолжает сопровождать позднефеодальные сословия и профессиональные организации армян в условиях иноземного владычества. Историки XIII–XIV вв. сообщают о передаче знамени от отца к сыну, об организации конных отрядов под собственными знаменами в составе грузино-армянских войск под командованием представителей рода Закаряев–Мхаргрдзели (Долгоруких) (*Айриванеци*, 1860. С. 66; *Гош*, 1983. С. 367). С конца XVIII в. предпринимаются последовательные попытки реконструкции знаков молодой Военной аристократии восточной Армении этого периода на основании зооморфных изображений на стенах построенных ими церквей, крепостей и мостов, однако этот метод атрибуции еще недостаточно обоснован (*Ацуни*, 1919. С. 61–65; *Мнацаканян*, 1970. С. 185–202; *Матевосян*, 2002. С. 60–78; *Тер-Гевондян*, 1997. С. 763–805). Тем не менее благодаря работам К.Г. Кафадаряна, Р.И. Матевосяна и других армянских исследователей предложены варианты гербов целого ряда княжеских фамилий XIII–XIV вв.: Закарянов, Орбелянов, Хабакян-Прошьянов, Вачутянов (*Кафадарян*, 1948. С. 20, 21; *Матевосян*, 2002. С. 32–37; 43–59; *Шахназарян*, 1990. С. 147, 148; *Орбели*, 1968. С. 119–123; *Топтанов*, 1969).

Период позднего Средневековья отмечен крайней ограниченностью проявлений этноконфессиональной и социальной автономности групп армянского населения на территории Армянского нагорья, завоеванного тюркскими племенами. К тому же нашествие завоевателей серьезно изменило этнодемографическую ситуацию в стране. Образовались крупные армянские колонии за пределами исторической Армении: в Крыму, Польше, Болгарии, Грузии, Иране и Индии, России и в некоторых западноевропейских странах. Однако и в этих условиях продолжает фигурировать система геральдических знаков, сохраняющая иконографические традиции прежних веков, приспособленная к местным системам социальных знаков. Дошедшее до наших дней крестное знамя 1483 г. с изображениями Иисуса Христа и Св. Троицы, принадлежавшее Св. Эчмиадзинскому Престолу, оформлено по подобию византийских лабарумов

Можно предположить широкое применение предметов христианской символики этого типа на уровне местных общин на основании дарственных лапидарных надписей с упоминанием «крестных знамен» (*хас 'var*), а также на основании довольно пространного описания применения этих предметов в «Книге вопросов» Григора Татеваци (XIV в.) (*Татеваци*, 1993. С. 676).

Начало XVIII в. открывает новую веху в развитии геральдической символики армян. Под воздействием продвижения России на юг усиливается народно-

освободительное движение в Армении, проявившееся в организованном сопротивлении армянских княжеств Арцаха и Сюника турецкой армии в 1722–1729 гг. По сообщению русского посла в Стамбуле, на турецком параде, посвященном победе османской армии над Персией в 1730 г., среди знамен побежденных были представлены также два знамени с изображениями орла и креста, конфискованные у армян-повстанцев (*Арзуманян*, 1981). В «Истории войны Давид-Бекка» многократно упоминаются армянские отряды со своими знаками и знаменами, описания которых, к сожалению, отсутствуют (*Себастици*, 1992. С. 58–63). Дальнейшее развитие народно-освободительных идей сопровождалось выдвижением разных проектов освобождения Армении, в которых иногда отмечались даже подробности будущей государственной символики. В проекте, представленном Екатерине II архиепископом Иосифом Аргутинским в 1782 г., впервые упоминается ряд армянских исторических символов, среди которых основная роль отводится горе Арарат с изображением Ноева ковчега (АРО, 1990. С. 275, 276. Табл. 4а). Именно этот символ с начала XIX в. фигурирует во вновь создающихся гербах Грузино-Имеретинской области, Армянской области, а позже и городов Кавказских губерний, постоянно занимая правый верхний угол соответствующих геральдических щитов (*Рево*, 2001).

В составе Российской империи также происходил процесс признания дворянства отдельных армянских фамилий и утверждения их гербов. Подробности этого довольно длительного процесса пока не изучены. Относительно больше сведений имеется о знаменах армянских цеховых организаций ремесленников Тифлиса, Ахалциха, Александрополя, Еревана, Ахалкалака и других городов (*Абрамян*, 1971. С. 52, 61, 80, 91, 92. Илл. 8, 43, 44). На знаменах ремесленных корпораций серебром и золотом вышивались названия, образа покровительствующих святых. Другая группа знамен XIX в. – знамена армянских добровольческих военных формирований, набираемых российским военным командованием в войнах против Персии и Турции.

Современная государственная символика Республики Армения появилась в период окончания Первой мировой войны. Трехцветное знамя, состоящее из равных красно-сине-оранжевых полос, впервые было выставлено по случаю официального приема в Ереване в августе 1918 г. Законодательно знамя и герб Первой Республики Армения были приняты на заседании Национального Собрания 9 августа 1919 г. Герб, историческое обоснование к которому было подготовлено крупным армянским ученым С. Малхасянцем, имел сложную конструкцию, основной идеей которой было воссоздание армянской государственности. Четыре деления щита представляли династические знаки Арташесидов, Аршакидов, Багратидов и Киликийского армянского царств, расположенные вокруг «сердца» – малого щита с изображением горы Арарат с Ноевым ковчегом (авторы: известный армянский архитектор А. Таманян и художник А. Коджоян (*Врацян*, 1993. С. 465; *Дабагян*, 2006).

С приобретением независимости Армении в 1991 г. этот же герб, несколько стилизованный и уже приобретший сан исторического герба, был восстановлен и принят Конституцией 1995 г. Республики Армения.

Советская Социалистическая республика Армения 1922–1991 гг. имела герб с символом горы Арарат посередине, со стандартным рядом других геральдических фигур и атрибутов, общих с союзными республиками СССР.

Его автор – народный художник Мартирос Сарьян (*Драчук*, 1977. С. 111, 112).

АРХИТЕКТУРА

На протяжении тысячелетий архитектура являлась важной составной частью культуры армянского народа. В монументальных РИС 68памятниках зодчества ярко проявились национальное своеобразие армянского искусства, его высокий уровень и богатые художественные традиции. Древнейшие памятники Армянского нагорья – дольмены, менгиры, кромлехи в Сисиане относятся к неолиту. В Шенгавитском поселении на территории Еревана раскопаны круглые в плане жилища (IV–III тыс. до н.э.). Большой интерес представляют памятники городища Мецамор (III–I тыс. до н.э.) – древнего центра горно-металлургического производства Армении. Сохранились цитадель, жилища, плавильные печи, сооружения культового и астрономического назначения, связанные с наблюдениями за светилами.

С эпохи существования на территории Армении государства Урарту дошли до нас города-крепости Аргиштихинили (позднее ставший столицей Армении – г; Армавиром), Тейшебаини и Эребуни-Ереван. Эребуни находится в юго-восточной части Еревана и занимает территорию около 100 га, в центре которой на холме Арин-берд возвышается мощная цитадель города с дворцовыми, культовыми, хозяйственными зданиями. Строительная надпись свидетельствует об основании Эребуни в 782 г. до н.э. царем Аргишти I (*Оганесян*, 1968. С. 23). При падении государства Урарту Эребуни в отличие от других крепостей и поселений не был разрушен. Жизнь в нем продолжалась, и преемником древней крепости стал город Ереван. В 1968 г., к празднованию 2750-летия Еревана, были завершены археологические раскопки цитадели Эребуни и восстановлены фрагменты помещений и даже целые здания.

С III в. до н.э. в Армении стала развиваться эллинистическая культура. Армянское государство достигло своего наивысшего могущества при царе Тигране II Великом (95–55), когда его границы простирались от Каспийского до Средиземного моря. В стране высокого развития достигло градостроительство. По сведениям историков, в этот период в Армении возникло более 200 городов, среди них – Армавир, Ервандашат, Арташат, Тигранакерт. Согласно античным историкам, выбор места для основания новой столицы – Арташата – был сделан нашедшим приют в Армении Ганнибалом, которому царь Арташес (189–160) поручил также надзор над строительством города. О зодчестве эллинистической Армении дает представление крепость Гарни с усиленными башнями, мощными стенами (III в. до н.э.), языческим храмом (I в. н.э.), дворцом и баней (III в. н.э.). Построенный в 77 г. царем Трдатом I храм Солнца полностью сохранился до XVII в. и был разрушен сильным землетрясением 1679 г. В 1968–1975 гг. храм, свыше 90% камней которого сохранились, был восстановлен. Он является периптером с капителями колонн ионического ордера. Стены храма сухой кладки сложены из больших базальтовых плит чистой тески. Храм в Гарни некоторыми характерными чертами архитектуры отличается от аналогичных западных храмов. Важнейшими особенностями этого храма являются возведение его из базальта, перекрытие целлы каменным сводом, а также богатство и разнообразие неповторяющихся орнаментальных мотивов, что позже стало явным признаком средневекового армянского зодчества (*Саинян*, 1988. С. 150). Участие местных каменных дел мастеров и скульпторов ясно видно в наличии свойственных армянскому де-

Языческий храм Гарни. I в. Обрушился в XVII в., восстановлен в 1969–1974 гг.
Из кн.: Саркисян Г., Худавердян К., Юзбашян К. Потомки Хайка. С. 38

коративному искусству растительных орнаментов (виноград, гранат, листья ореха) и в пластичной манере их исполнения.

Благодаря сохранившимся мозаичным панно, гарнийская баня отличается художественной ценностью. Основные сюжеты мозаики, выложенной из местных естественных камней 15 оттенков, почерпнуты из греческой мифологии. Наверху, по всей длине мозаики, есть надпись: «Поработали, ничего не получив» (Саинян. С. 51).

Выдающийся этап в истории армянской культуры и, особенно, архитектуры, связан с утверждением в 301 г. христианства официальной религией Армении. Процесс становления новой религии и нового уклада совпал с совершенствованием строительной техники. Она характеризуется, в первую очередь, переходом от применяемой в античности сухой кладки к кладке с приклеплением известкового раствора и бутобетона в качестве связующих средств для камней, что послужило развитию арочных, сводчатых и купольных конструкций и предопределило новые архитектурные формы Армении раннехристианского периода (Арутюнян, 1985. С. 49). Армении, первой принявшей христианство, пришлось с самого начала самостоятельно разрабатывать типы церквей. Уже в IV в. в монументальном зодчестве Армении четко намечается основная линия развития – одновременно с зальными церквями и базиликами армянские архитекторы возводят также купольные церкви, разрабатывая, в первую очередь, центричные композиции. Древнейшим, дошедшим до нас купольным памятником является Эчмиадзинский кафедральный

собор, построенный в 301–303 гг. царем Трдатом III (287–330) и Григорием Просветителем. В течение своей многовековой истории этот узловой памятник всей христианской архитектуры неоднократно реставрировался, в том числе основательно в 484 г., когда он получил свою нынешнюю композицию в форме равноконечного креста с куполом на четырех опорах (*Асратян*, 2000. С. 19). Этот тип церковного здания, повторенный в соборе Св. Теодороса (624–631 гг.) в Багаране, в дальнейшем вышел за пределы Армении и через Византию распространился в Европе, послужив прототипом для церквей греческих монастырей на горе Атос (X–XI вв.), французского собора Жермине де Пре (IX в.), итальянского Сан-Сатино (IX в.) в Милане и др.

Крестообразная форма церкви наиболее ярко и четко была выражена в малых купольных церквях Армении типа «свободного креста». Характерным и лучшим примером этих сооружений является жемчужина армянской архитектуры – церковь Кармавор (VII в.) в Аштараке, которая сохранилась полностью, включая и древнюю черепичную кровлю (в последующие века кровли монументальных зданий в Армении покрывались каменными плитами).

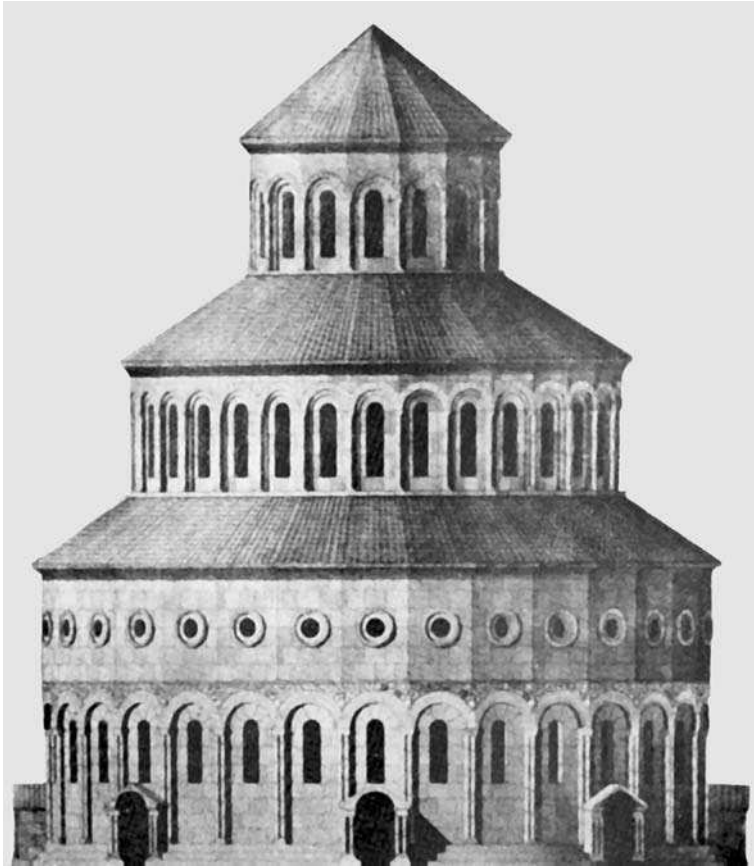
Следующим звеном развития крестообразной снаружи и внутри композиции в Армении являются церкви типа Св. Иоанна в Мастаре (конец VI в.). Здесь увеличена центральная подкупольная часть, и углы ее выступают на фасадах между апсидами. Огромный купол, опирающийся на конхи апсид и тромпы, перекрывает все внутреннее пространство церкви и является доминантой в общем объеме сооружения.

Центрально-купольная система культовых зданий во второй половине VI в. получила в Армении новое направление развития в форме тетраконха с промежуточными нишами и угловыми помещениями (приделами). Древнейшим датированным памятником этого типа является Аванский кафедральный собор на северной окраине Еревана, построенный в 591 г. В Аване приделы перекрыты сферическими сводами, что означает наличие куполов на углах собора. Композиция Аванского собора в более совершенной форме была воплощена в храме Св. Рипсима (618 г.) в Вагаршапате – шедевре армянской архитектуры. Здесь зодчий устранил недостаток Аванского собора – большую толщину в местах сопряжения абсид с приделами, применив в этих углах трапецевидные в плане ниши. Помимо чисто конструктивного значения это имело также огромный художественный эффект. Все части храма св. Рипсима взаимно гармонично увязаны, здание кажется кристаллом, высеченным из целого камня – оно монументально и производит величественное впечатление.

Период VII в. в истории армянской архитектуры справедливо называется «золотым веком» – в течение нескольких десятилетий было создано много оригинальных типов монументальных сооружений, присущих лишь армянскому строительному искусству.

Храм Св. Гаянэ (630 г.) – 4-столпное купольное сооружение, композиция которого впервые была применена в армянской архитектуре в церкви Св. Сергия в Текоре (478–490 гг.) и развита в церкви в Одзуне (VI в.). Развитие этой композиции привело в Армении к созданию оригинальной трехабсидной купольной базилики на примере соборов Двина (608–628 гг.) и Талина (VII в.).

Восточнее г. Вагаршапата находятся развалины собора Звартноц – венца творческого гения армянских зодчих раннего Средневековья. Звартноц, возведенный в качестве кафедрального собора католикосом Нерсесом Строителем

Звартноц. Храм Бдящих сил (641–661). Реконструкция Т. Тораманяна
Из кн.: Мнацаканян С.Х. Звартноц

в 643–652 гг., представляет собой новый тип центральнокупольного церковного здания с трехъярусным объемом. Согласно реконструкции Т. Тораманяна, собор состоял из трех, поставленных одно на другое, богато декорированных, уменьшающихся в диаметре цилиндрических объемов, общей высотой 45 м (*Тораманян, 1942. С. 139*).

Архитектура Звартноца отличается новизной и исключительной конструктивной смелостью. Велико было его значение для развития архитектурной мысли в Армении, и справедливо автор Звартноца – Нерсес Строитель – ставится в ряд наиболее выдающихся зодчих раннего Средневековья. По свидетельству историка Мовсеса Каланкатуаци при освящении собора присутствовал византийский император Константин, который «весьма восхищенный великолепием сооружения» вознамеревался построить такой же собор в своей столице (*Каланкатуаци, III, 15*).

Армения – страна высокой сейсмичности. И армянскими архитекторами в VI–VII вв. были созданы многие устойчивые типы монументальных зданий, с компактными, симметричными объемами, без отдельно стоящих опор – слабых мест с точки зрения сейсмостойкости. Таковы памятники типа

«купольного зала»— большого достижения армянских зодчих — с куполом на пристенных пилонах. Наиболее известными из них являются храм в Птгни (VI в.) и собор св. Григора в Аруче (662–666 гг.).

Оплата труда была аккордной, сдельной и поденной: архитектор получал аккордно, мастера — сдельно и поденно, разнорабочие — поденно. Строительство организовывалось с помощью приказчиков, которым подчинялись надзиратели, принимавшие выполненную мастерами работу. Все основное строительство работы, велось мастерами, которые делились на группы каменотесов, каменщиков-кладчиков и изготовителей раствора (*Мнацаканян*, 1958. С. 104).

Культовые здания Армении IV–VII вв. дают полное представление о достижениях и высоком уровне строительного искусства в стране (гражданские сооружения этого периода плохо сохранились и известны нам лишь благодаря раскопкам). Созданные зодчими Армении многие композиции были присущи лишь армянской архитектуре. Памятники IV–VII вв. стали основой для следующего этапа развития армянской архитектуры, а купольный зал был утвержден в IX–XIV вв. в качестве основного типа церковного здания в Армении.

Классический период армянской архитектуры завершился в конце VII в., что совпало с завоеванием страны арабами. Но с возрождением армянской государственности в IX в. начался новый этап в развитии архитектуры Армении. Этот период характерен бурным развитием градостроительства, фортификационного искусства и, в первую очередь, гражданского зодчества. Замечательным примером градостроительного искусства является Ани — столица Багратидской Армении. В IX–XI вв. были возведены неприступные крепости Анберд, Тигнис, Магасберд и др. Феодалная раздробленность Армении в IX–XI вв. привела к образованию отдельных архитектурных школ — Анийской, Сюникской, Васпураканской, Лорийской. Достижения Анийской школы неразрывно связаны с именем крупнейшего зодчего средневековой Армении Трдата, построившего в столице Кафедральный собор (989–1001). Анийский собор был призван увековечить мощь Багратидской Армении, что и определило как монументальные формы, так и его богатый декор. Мощные, высокие пилоны обработаны в форме пучков тяг, что подчеркивает вертикализм всей композиции. Центральный неф собора с куполом здесь сделан доминантой внутреннего пространства путем сужения боковых нефов. Такая трактовка пространственного решения интерьера, членение подкупольных пилонов и арок наподобие нервюр впоследствии перешли в готическую архитектуру. Благодаря этим особенностям, совершенству конструкций и изумительному декору Анийский собор можно отнести к числу лучших произведений мирового зодчества.

Трдат был известен и за пределами Армении — в 989 г. его пригласил византийский император Василий II в Константинополь, где он восстановил пострадавший от землетрясения купол собора Св. Софии (VI в.) и сделал это столь искусно, что без последующих изменений он сохранился до наших дней. По свидетельству современника, армянский архитектор-каменщик Трдат «с удивительным соображением составил план, изготовил модель здания, по которой приступлено было к работе, и собор по возобновлению явился в изящнейшем чем прежде виде» (*Степанос Таронский*, III, 27).

Руины Звартноца

Фото из личного архива У. Мелконяна. 2010 г.

Ани. Кафедральный собор. 989–1001 гг.

Из кн.: Армянские церкви

Мармашен. Общий вид монастыря. 986–1029 гг.
Из кн.: Армянские церкви

Вершиной творчества сюникских зодчих явился Татевский собор Свв. Погоса-Петроса, построенный в 895–906 гг. Это одно из самых больших церковных зданий средневековой Армении имеет редкий вариант крестовокупольной композиции: купол покоится на двух пилонах и стенах западных приделов. В 930 г. собор был украшен монументальной фресковой живописью.

Васпураканская архитектурная школа в X в. создала шедевр армянского искусства – знаменитый своей скульптурной отделкой и фресками храм Сурб Хач (915–921 гг., зодчий Мануел) на острове Ахтамар. Декоративное оформление этого памятника по насыщенности и преобладанию светской тематики является исключительным в искусстве Армении и не имеет аналогий.

В IX в. в Армении сформировался тип мемориального памятника – *хачкар*, ставший уникальным явлением в художественной культуре Средневековья. Хачкары по своему богатейшему декору – явление специфически армянское, неизвестное искусству даже для соседних народов (Якобсон, 1986. С. 29).

В армянском зодчестве IX–XIV вв. важное место занимают монастырские комплексы, в которых возводились многочисленные здания светского назначения – *gavit* (своеобразные притворы, служившие также залами собраний и усыпальницами), школы, библиотеки и книгохранилища, трапезные, жилые дома и др. В притворах и трапезных зодчие основное внимание уделяли разработке интерьера и достигали в этом деле замечательных результатов, особенно в бесстолпных постройках с перекрытием на перекрещивающихся арках. Это – совершенно новые архитектурные решения, найденные без влияния извне, подсказанные формами народной архитектуры (Токарский, 1961. С. 315).

Хцконк. Церковь Св. Саргиса. IX–XII вв.
Из кн.: Армянские церкви

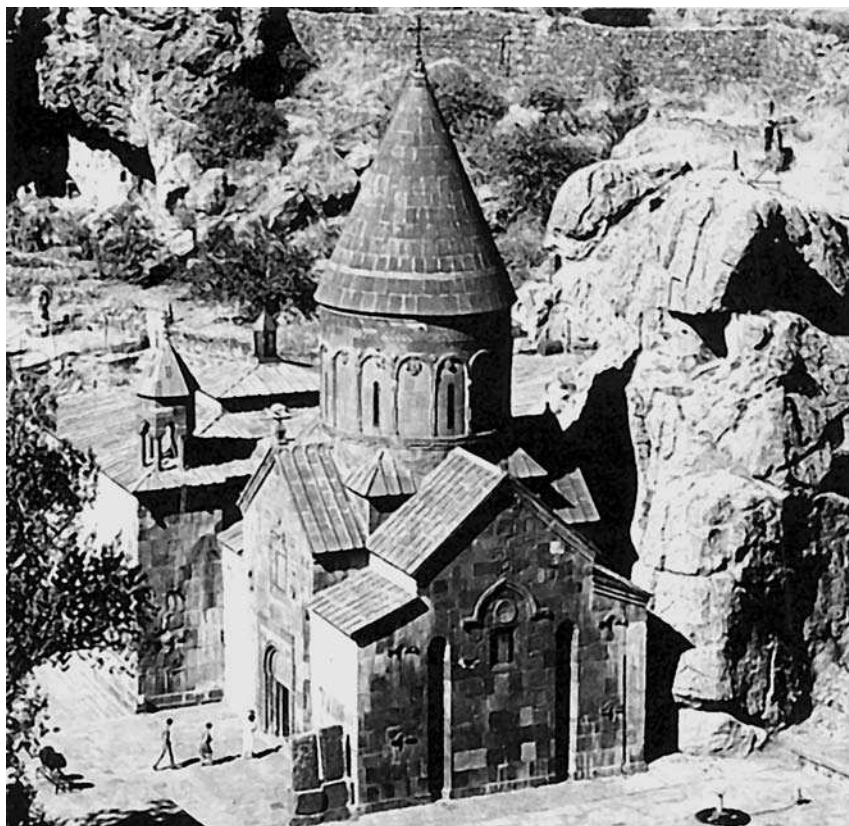
Лучшими архитектурными ансамблями Армении этого времени являются монастыри Ахпат и Санаин (основанные в X в.), а также Гегард (с замечательными пещерными сооружениями), Ованнаванк, Сагмосаванк, Гандзасар, Кечарис, Гошаванк, Агарцин, Нораванк, Аричаванк.

Трехъярусная церковь «Буртелашен» (1339 г.) в монастыре Нораванк украшена рельефами с изображениями Богоматери с архангелами и Христа с апостолами. Эти скульптурные композиции, как и аналогичный барельеф в церкви Арени (1321 г.), были творениями выдающегося средневекового архитектора, скульптора и художника-миниатюриста Момика, автора самих сооружений.

Архитектурное наследие армянского народа свидетельствует о высоко развитой строительной культуре. мастерство строительного исполнения, в особенности техника производства каменных работ, были доведены народными мастерами до совершенства, а слава армянских зодчих и искусных мастеров каменного дела заслуженно распространилась далеко за пределы их родины, вследствие чего многих приглашали для выполнения каменных работ на стройках других стран (*Халпахчян*, 1953. С. 36).

В силу неблагоприятных политических и экономических условий в XV–XVI вв. строительство в Армении почти замерло. В этот период архитектура развивалась в армянских поселениях других стран. Лишь в начале XVII в. сложились относительно благоприятные условия для восстановления страны и возобновления строительной деятельности. Характерными особенностями архитектурных комплексов Армении XVII–XVIII вв. являются: органическое сочетание двух разных композиций – религиозного центра и оборонительного сооружения, организация ансамбля вокруг одной доминанты – церкви. Таковы ансамбли монастырей Мец Анапат в Татеве, Сурб Геворг в Мугни, Хор-Вирап и др. Широкое распространение в XVII–XVIII вв. получил тип колокольни в виде ярусной вышки (*Эчмиадзин*, *Ахтамар*, *Агулис* и т.д.).

Освобождение Восточной Армении от персидского ига и ее присоединение в 1828 г. к России внесло коренные изменения в градостроительство и в типы сооружений. Получили регулярную планировку, согласно генеральным планам, города Ереван, Александрополь, Горис. Под влиянием развивавшегося капитализма появились новые для Армении виды зданий – банки, европейского типа гостиницы, театры, магазины и рестораны. Все они возводились в стиле классицизма XIX в. В отличие от них был сохрнен национальный

Монастырь Гехард
(Айриванк – «Пещерный
монастырь»).

ХII–ХIII вв. (Котайк)

Из кн.: Саркисян Г., Худа-
вердян К., Юзбашян К. По-
томки Хайка. С. 139.

Монастырь Агарцин
(Тавуш). XI–ХIII вв.

Из кн.: Саркисян Г., Худа-
вердян К., Юзбашян К. По-
томки Хайка. С. 99

Мемориальный комплекс «Сардарapat», построенный в 1968 г. на месте Сардарапатского сражения 1918 г. Фрагмент. Автор – народный архитектор Армении Р. Израелян, скульптор А. Арутюнян и др.

Из кн.: Саркисян Г., Худавердян К., Юзбашян К. Потомки Хайка. С. 220

Мемориальный комплекс в Цицернакаберде, посвященный памяти жертв Геноцида армян 1915 г. Архитекторы С. Калашян, А. Гарханян. Ереван. 2010 г.

Фото из личного архива А. Марутяна

характер архитектуры церквей и жилища (*Асратян*, 1985. С. 130). В целом в исторически короткий промежуток времени в XIX – начале XX в. армянская архитектура из средневекового периода своей истории перешла в новую фазу развития, создав предпосылки для действительного возрождения в XX в.

Традиции армянского строительного искусства сохранялись и в новых социально-экономических условиях на протяжении всего XX в. и вплоть до настоящего времени. Используя богатый опыт своих предшественников, известные армянские зодчие создали целый ряд архитектурных комплексов, выдержанных в стиле национальных традиций с использованием местных традиционных строительных материалов: туфа, базальта, гранита, травертина и др. Таковы центральная площадь столицы республики с Домом правительства (архитектор А. Таманян).

Мемориальный комплекс «Сардарapat» (автор – народный архитектор Р. Исраелян, скульпторы – А. Арутюнян и др.), Мемориальный комплекс «Цицернакаберд» памяти жертв геноцида армян 1915 г. (архитекторы – С. Калашян, А. Тарханян), здание Матенадарана (архитектор М. Григорян), здание винного комбината «Арапат» (архитектор Р. Исраелян) и многие другие, а также многочисленные административные и жилые здания, украшенные деталями национальной архитектуры.

ХАЧКАРЫ

Хачкар – характерная только для армянской культуры стела – результат и показатель самобытного развития этой культуры, один из символов армянской идентичности. Своей причудливой резной композицией, спасительной символикой креста, иллюзией вечности, навеянной прочностью камня и открытым расположением, хачкар был одной из наиболее почитаемых святынь верующего армянина.

Хачкар, как правило, это вертикальная каменная стела, устанавливаемая на открытом пространстве и имеющая четкую ориентацию относительно четырех сторон света, плоская западная сторона которой покрыта резной композицией, состоящей из центрального креста в окружении растительного и геометрического орнамента, иногда изображений птиц, зверей и людей. Хачкар обычно был индивидуальной стелой, его мог водрузить любой верующий как духовный отклик на события в реальной жизни (строительство, война, победа, смерть и т.д.), надежда на исполнение земных целей и, что самое главное, надежда на грядущее спасение (*Бархударян*, 1963. С. 129–132; *Шагинян*, 1984. С. 51–60; *Петросян*, 2008. С. 244–256).

Появившись в IX в. и достигнув значительного развития в XII–XIII вв., хачкары просуществовали до XVIII в. Эти стелы высотой 1–3 м, шириной от 0,5 до 1,5 м и толщиной 10–30 см, рассеяны по всему Армянскому нагорью: в местах древних поселений, на кладбищах, перекрестках дорог и возвышенностях, у источников, мостов, монастырей, церквей и часовен. Хачкары имеются во многих местах компактного проживания армян. Армянская диаспора «рассеяла» хачкары на пройденных ею дорогах: на Кавказе, особенно в Грузии, в Поволжье и Крыму, в Молдавии и на Карпатах, в Иране и Иерусалиме и т.д.

Самая отличительная особенность хачкара – его растительно-геометрическая орнаментация, созданная посредством непрекращающихся и гибких рельефных линий и формирующихся из них ленточек. Хачкары – памятники открытого пространства, доступные для верующего, которые он может обозреть с близкого расстояния или ощупать рукой. Иллюзия бесконечности, создаваемая нескончаемостью линий – основная черта, придающая видимое таинство и силу Святому знамению (обычно так именуется крест и хачкар в хачкарной надписи). Крест, занимая центральное место в резной композиции, соединяет нижнюю (узоры символизируют земную человеческую жизнь, прошлое, зло) и верхнюю (орнаменты символизируют небо, священное, будущее, доброе) части, выступая в качестве всеобщего посредника между верующим и Богом как в земной жизни, как и особенно в конце времен – во время христианского Страшного Суда.

Первые хачкары появились в IX в. как результат сформировавшейся в раннем Средневековье символики и иконографии креста и своеобразное отражение и указание на политическую и религиозную независимость страны, достигнутую в результате освобождения от арабского ига. Процесс их формирования начинается «имитацией» раннесредневековых стел и композиций на плоской поверхности и заканчивался композицией, помещенной в аркообразные или прямоугольные *хораны* – ниши. Они состояли из креста, опирающегося на розетку и пальметку, гроздей винограда или пальметок, спускающихся с верхних крыльев креста или верхних углов *хорана* к междукрестью, изображений птиц в разных частях композиции. Самая характерная черта ранних хачкаров – монументальность резьбы. Выступающие на плоском и глубоком фоне высокорельефные узоры, кажется, не принадлежат стеле, а прикреплены к ней.

В ранних хачкарах отсутствует плетеная резьба, компоненты композиции не переплетаются, а как бы соприкасаются и примыкают одно к другому. Лучшие образцы представлены хачкарами монастыря Макеняц, Мец Масрика и Котаванка. Хачкар, принадлежащий монастырю Макеняц и ныне хранимый в Эчмиадзине, блестяще обработан, рельеф высокий, орнаменты подробные, линии четкие и точные.

На трехступенчатом постаменте помещена розетка в форме шара, вправо и влево от которой отходят пальметки, а вверх – трехлинейный крест с парными пуговками на концах крыльев. Шарообразная розетка дает начало и пальметкам, и кресту. Пальметка, достигая горизонтальных крыльев креста, резко выступает наружу, придавая всему узору образ птицы, обладающей роскошными перьями. Перекресток подчеркнут двумя вписанными в ромб окружностями – деталь, которая подчеркивает солнечно-световой характер креста. Разноузорные розетки, помещенные выше на каждой из горизонтальных крыльев креста, по всей вероятности символизируют солнце и луну, а розетка, высеченная выше креста – звезду. Эту композицию можно воспринимать как «напоминание» Распятия, однако, если иметь в виду также солнечно-световые компоненты, возможно, что она намекает и на Второе пришествие креста.

XI век – окончательная фаза формирования композиции хачкара, когда разрабатывалась его основная структура (обособление *хорана* узорчатой каймой, выделение карниза посредством резьбы, формирование орнаментальной

Хачкар, IX–X вв. Монастырь Макеняц (Гехаркуник)

Фото из личного архива Г.Л. Петросяна

Хачкар Цахац-Кар (Вайоц-дзор). 1041 г.

Фото из личного архива Г.Л. Петросяна

розетки под крестом), стиль и техника резьбы (сочетание монументальности и декоративности, уточнение геометрического и растительного орнаментов, соединение одно с другим почти всех составляющих композиции посредством плетения). В XI в. в хачкарном искусстве особое место занимают хачкары Хцконка (Западная Армения), уничтоженные турками. Сохранились только несколько фотографий. Это самые ранние хачкары, обнесенные стеной. Их карнизы покрыты прекрасными садовыми композициями: на них вырезаны толстые стволы виноградных лоз с роскошными листьями и гроздьями.

Хачкары Цахац Кара имеют ряд признаков периода расцвета хачкаров. Резьба занимает почти всю западную плоскость прямоугольной стелы. Успешно применен рельеф различной высоты: она более высока в поясе, немного ниже в *хоране* и наиболее низкая непосредственно у креста. Растительные мотивы полностью подчиняются логике геометризации композиции. Его не избежали даже гроздья и листья винограда, которые, благодаря своему символизму, сохранили естественный вид дольше других мотивов.

Для подчеркивания аллегорического смысла винограда мастер изобразил на одном из хачкаров также и кувшины для вина. А одна из розеток нижней части хачкара уподоблена загороженному пространству, где гуляют павлины (намек на потерянный рай). Эпоха наивысшего расцвета культуры хачкара – XII–XIII вв.. Хачкары ставились на высоких пьедесталах, включались в строения типа часовен, помещались в стенах, получали объемные карнизы. С

Хачкар мастер Погоса, 1291 г. Монастырь Гошаванк (Тавуш)

Фото из личного архива Г.Л. Петросяна

монументализацией хачкаров создаются более благоприятные и доступные условия для ритуала и поклонения. В композиции хачкара получили распространение скульптурные изображения святых и простых смертных, параллельно с гроздьями винограда, плодов граната и цветов лилий кайма *хоранов* покрывается звездным орнаментом, широко используется красная краска. Типовым становится двух- и трехслойная резьба. Создаются настоящие шедевры искусства, общеармянскую известность приобретают отдельные хачкары и их мастера. Формируются анийская, лориташирская, арагаотн-котайкская, арцахская, джавахская, вайоцдзорская, гехаркуникская, нахичеванская школы.

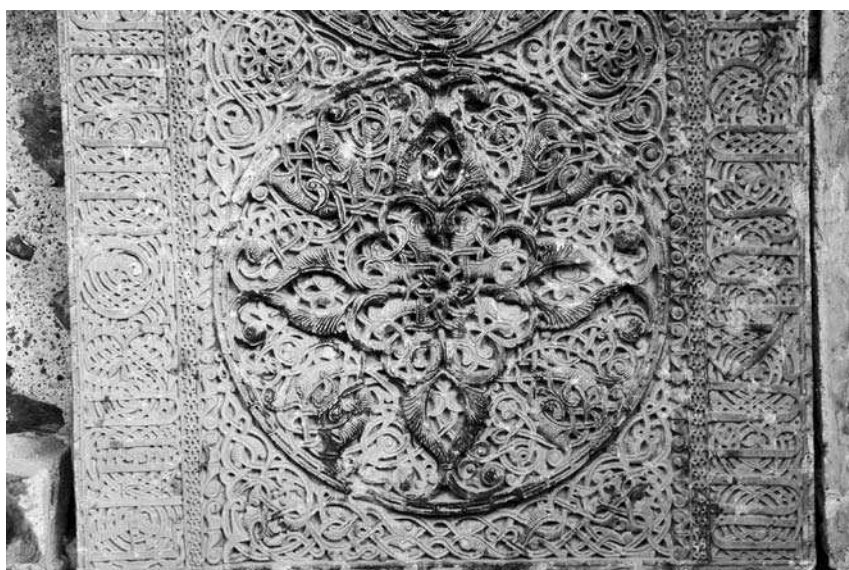
К числу самых классических примеров хачкарного искусства принадлежат хачкары с многослойным геометрическим орнаментом. Игра светотени отдельных узоров и слоев различной глубины придают плите с ограниченной площадью своеобразную просторность и разную глубину. Можно подчеркнуть намного более вытянутые пропорции некоторых экземпляров, выпуклость некоторых деталей и даже полусферический вид розетки подкрестья. Из отдельных черт можно выделить оформле-

ние карниза одной или тремя декоративными арочными нишами, где обычно изображается Христос в сопровождении различных святых-заступников. Мелкая, изящная, легкая, беспрерывно плетеная резьба создает впечатление, что поверхность плиты покрыта несколькими слоями кружева. Надпись становится частью художественного украшения. В данную группу входят и самые известные экземпляры хачкарного искусства – два хачкара из Нор Гетика мастера Погоса (Тавуш), хачкары Момика из Нораванка (Вайоц-дзор), хачкары колокольни из Дадиванка (Арцах). Хачкары мастера Погоса являются символами хачкарного искусства с их совершенной техникой и композиционной целостностью.

Они выявляют совершенную гармонию как архитектурных форм, так и геометрического сетчатого плетения и растительных мотивов. Целое и отдельное приобретают удивительную художественную равноценность, вследствие чего более ощутимой становится не иерархия, а всеобъемлющая про-

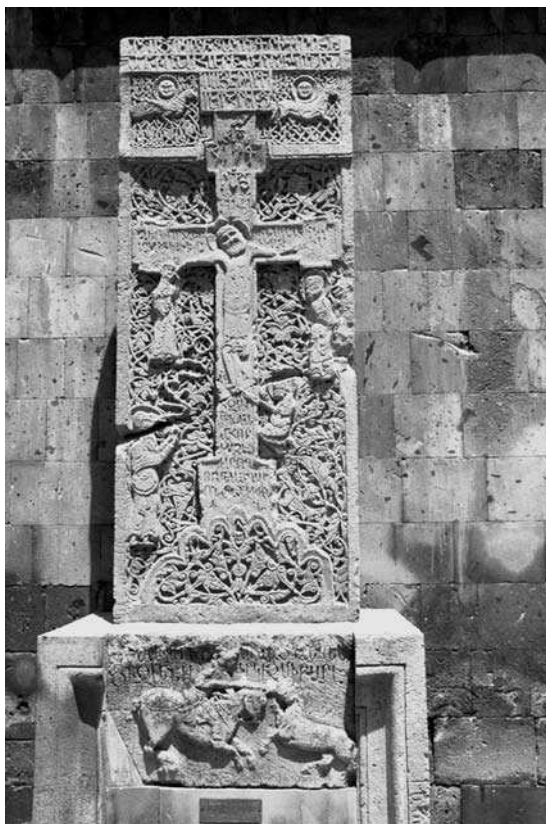

Фрагмент хачкара мастера Момика. Монастырь Нораванк. Начало XIV в.
Фото из личного архива Г.Л. Петросяна

Хачкар. Дадиванк (Нагорный Карабах). 1283 г.
Фото из личного архива Г.Л. Петросяна

порциональность. Розетка в самом верхнем слое трехслойной композиции (ей придана дополнительная сферичность, она как будто уподоблена щиту), кажется, указывает на защищенность и самое высокое место, которого может быть достоин только крест – «недосягаемая башня», как он упоминается в одной из хачкарных надписей.

Хачкар «Всеспаситель», село Урц (Арагат). 1279 г. Ныне находится на территории храма Св. Эчмиадзин

Фото из личного архива Г.Л. Петросяна

Барельеф с изображением матери с младенцем, фрагмент хачкара. Монастырь Андаберд (Нагорный Карабах). XII–XIII вв. Ныне находится на территории храма Св. Эчмиазин

Фото из личного архива Г.Л. Петросяна

Многоплановы и многотемны хачкары известного зодчего Момика. Композиционная целостность, создание объема сочетанием плоских слоев, сетчатая и технически безупречная растительно-геометрическая резьба, четко выполненные рельефы свидетельствуют о высоком уровне мастерства.

Момик пытался еще более подчеркнуть, насколько достоин поклонения крест, придав почти настоящую глубину его *хорану* и нише карниза, в то же время посредством богато украшенных поясов, уподобив хачкар архитектурно оформленному порталу.

Пара хачкаров из Дадиванка – самые вытянутые стелы этой группы (ширина составляет $\frac{1}{3}$ высоты). Резьба, хотя и неглубока, однако сохранен принцип двух и трехслойной резьбы. Узоры выделяются прекрасным сочетанием геометрических и растительных мотивов, выпуклой надписью на сетчатом глубоком фоне пояса, что является также феноменом в хачкарном искусстве и в армянском искусстве в целом.

XIII век ознаменовался также появлением уникального и чрезвычайно малочисленного типа хачкара, известного под названием «Аменапркич» (Всеспаситель), в котором вместо традиционной растительно-древовидной и иносказательной композиции и креста изображаются Распятие, Снятие с креста, Воскресение, а иногда и Второе пришествие или Праведный суд.

Самые примечательные образцы этой группы восходят к Ахпату, Марцу, Дсеху (Лори), Урцу (Арагат) и, по всей вероятности, были созданы мастером Ваграмом, который оставил свое имя только на хачкаре из Дсеха (*Овсеян*, 1937; *Донабедян*, 1979. С. 94–104).

Хачкары Арцаха примечательны изображениями простых смертных. Образ всадника-воина, церемониальное распятие вина перед боем, семейные портреты, скульптуры младенца и матери очерчивают богатое разнообразие народных верований и представлений (*Орбели*, 1915. С. 327–335; *Петросян*, 1997. С. 164–171).

Начиная с XIV в., в условиях политическо-экономического упадка, хачкарное искусство также переживает спад. Хачкары теряют многофункцио-

Хачкар. Содк (Гехаркуник). 1569 г. Ныне находится на территории храма Св. Эчмиадзин
Фото из личного архива Г.Л. Петросяна

Барельеф с изображением всадника-воина, фрагмент хачкара. Джуга, 1602 г. Ныне находится на территории храма Св. Эчмиадзин
Фото из личного архива Г.Л. Петросяна

нальность и композиционное разнообразие и превращаются в чисто надгробные памятники. Хачкарная композиция этого периода сочетает многокрестие и полное украшение поля плиты, простые переплетения, прямоугольные сегменты и многоконечные звезды. Резьба становится поверхностной, рельефная линия – шире и плосче, что придает определенный плоский вид всей композиции. Свободное толкование новозаветных тем, внесение народноличностных элементов в канонические композиции превращают эти хачкары в неиссякаемый источник для исследований народных представлений.

Особое направление представляют собой хачкары Старой Джуги XV–XVII вв. Джуга (Нахичеван), благодаря своей исключительной экономическо-культурной роли, придала новый вид хачкару: изменена пропорция плиты (длина превосходит ширину в 3–4 раза), они не сужаются к основанию, не имеют пьедесталов и вогнуты в землю.

Стрельчатообразный *хоран* доведен до архитектурной глубины. Вытянутость плиты диктует новый принцип членения композиции: широкий карниз, строгая растянутасть центрального креста (или замещение двумя параллельными рядами крестов), что ослабляет целостность композиционной структуры и способствует большей декоративности. Детали имеют однообразную тематическую и техническую обработку, доведенную до стандарта. Бросаются в глаза новозаветные темы, особенно часто встречаются сцены Праведного суда, заступничества. Распространено изображение животного с телом льва и человеческим лицом (так называемый сфинкс), детальное изучение которого показывает его связь с правосудным образом Христа. В некоторых композициях изображены усопшие, в честь которых установлен хачкар, изображен-

Крылатый хачкар. Монастырь Аранц (Нагорный Карабах). 1639 г. Ныне находится вна территории храма Св. Эчмиадзин
Фото из личного архива Г.Л. Петросяна

ные на коне и с крестами в руках, иногда во время пира (*Айвазян, 1993; Асратян, 2000. С. 193–196; Петросян, 2004. С. 63–80; Петросян, 2008. С. 222*).

Почти из десяти тысяч хачкаров Старой Джуги, существовавших в XVII в, к концу XX в. осталось около 3 тыс. В начале XXI в., в наше время, на виду у цивилизованного мира и, пользуясь его безразличием, в результате акта вандализма, организованного правительством Азербайджана, были уничтожены последние 3 тыс. хачкаров Джуги. В конце 2002 г. они были свалены, место выравнено и засыпано землей. В декабре 2005 г. азербайджанские воинские подразделения разломали на куски последние образцы хачкаров, и, погрузив их в грузовики, сбросили затем в реку Аракс (*Айвазян, 2007. С. 20–22*). Данное преступление было заснято с иранского берега и распространено по всему миру. Древнее поле хачкаров сегодня превращено в Азербайджане в армейское стрельбище.

В хачкарном искусстве особое место занимают крылатые хачкары. Из известных образцов можно отметить хачкар, воздвигнутый каменных дел мастером (как он упомянут в надписи) Варданом в 1171 г. Это – один из первых хачкаров со скульптурными изображениями. На верхнем крыле изображен Адам, на горизонтальных – апостолы Петр и Павел, все с соответствующими надписями. Основная идея этой уникальной композиции состоит в том, что адамов грех преодолим с помощью креста и святых.

Выделяется также хачкар, созданный в монастыре Аранц (НКР) в 1639 г., украшенный резьбой с четырех сторон. На западной стороне, на верхнем крыле креста, изящной резьбой изображен Христос, восседающий на троне. Символы евангелистов Марка и Луки – лев и бык – изображены на горизонтальных крыльях. На восточной стороне особенно интересен круг с прелом-

ляющимся декором, подчеркивающим междукрестье. Такая свето-солнечная иконография указывает на тесную связь с представлениями о Втором пришествии.

Исключительными образцами являются четырехгранные хачкары, имеющие композиции на всех четырех сторонах. Известны три хачкара данного типа – все из Содка (Гехаркуник), созданные в XVII в. Два из них уже в начале XX в. были перевезены в Кавказский Музей в Тбилиси, третий находится в Эчмиадзине.

Хачкары нашли новую жизнь в 60-х годах XX в. Древние хачкары стали предметом общественного внимания и интереса, что породило новый толчок к их возрождению. Один из первых памятников – комплекс хачкаров, установленный в Первопрестольном Эчмиадзине, созданный по инициативе Католикоса всех армян Вазгена Первого и по проекту выдающегося армянского зодчего, народного архитектора Рафаела Исраеляна.

Сегодня в Армении создаются сотни хачкаров. Значительная часть их используется в качестве надгробных памятников, однако немало монументов, воздвигаемых по разным поводам.

Современные мастера сами выступают в качестве своеобразных знатоков хачкаров. И если в некоторых случаях им удается возродить классическую хачкарную композицию (что трудно найти целостным в одном хачкаре) или непосредственно повторить какой-нибудь хачкар, то нередки случаи, когда классический объем хачкара, а гораздо чаще его композиция нарушается, теряя канонизм и очарование Средневековья.

РАЗВИТИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ – В XIX– НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Начиная с XVI в. армянская культура развивалась, главным образом, за пределами Армении. Так, первая печатная книга на армянском языке вышла в свет в Венеции в 1512 г. Это была «Пятничная книга», которая содержала материалы по средневековой медицине. В следующем, 1513 г., здесь были изданы еще пять книг. Первым армянским печатником был Акоп Мегарт. После Венеции армянские типографии появились в Константинополе (1567), Риме (1584), Львове (1616), Милане (1624), Париже (1633), Нор Джуге (1638), Ливорно (1643). В 1660 г. Маттеос Цареци на деньги армянских купцов основал армянскую типографию в Амстердаме. После его смерти издательское дело в этом городе возглавил Воскан Ереванци, по инициативе которого вышли в свет многие книги, в том числе «История» Аракела Даврижеци, «География» Анания Ширакаци. В 1694 г. именно здесь армянские картографы впервые напечатали карту мира на армянском языке. С конца XVII в. типографии были основаны и в других городах – Смирне (1676), Лейпциге (1680), Лондоне (1736), Мадрасе (1771), где в 1794 г. выходит в свет первый армянский журнал «Аздарар» («Вестник»), в Триесте (1776), Санкт-Петербурге (1780), Москве (1807), а впоследствии и во многих других городах мира, где жили армяне. Там же они создавали и свои национальные школы. Первая типография в Восточной Армении была основана в Эчмиадзине в 1771 г. Католикосом Симеоном Ереванци. Здесь же, в 1776 г. появилась основана фабрика по изготовлению бумаги.

С начала XIX в. общенациональная армянская культура переживала значительный подъем, особенно в области гуманитарных наук. В этот период было создано несколько первоклассных учебных заведений. В 1810 г. в Астрахани была основана первая на территории России школа Агабабян, просуществовавшая до советского периода, в 1815 г. в Москве открылся знаменитый Лазаревский институт восточных языков, в 1824 г. в Тифлисе – семинария Нерсисян, действующая на протяжении почти 100 лет. Спустя некоторое время открылась школа Мурадян в Падуе (1834), школа Рафаэлян в Венеции (1836), уездное училище (1832) и епархиальная школа (1837) в Ереване, семинария (1838) и училище Кедронакан (1886) в Константинополе, училище Самуел-Мурад в Париже (1846), духовная академия Геворкян в Эчмиадзине (1874), епархиальная школа (1846), городская школа (1875), Реальное училище (1881) и училище Марьямян для девочек (1894) в Шуши, в XX в. – школа Мелконян на Кипре (1924), колледж Айказян в Бейруте (1955), Международный колледж американских армян в Лаверне (1976) и др. В ряде стран были открыты специальные кафедры армянской словесности, в частности в России они были созданы в Казанском (с 1839 г.) и Санкт-Петербургском (с 1844 г.) университетах.

В это время в армянской литературе на смену классицизму приходят новые литературные течения – романтизм и впоследствии реализм. Большую роль в создании новой армянской литературы сыграл выдающийся просветитель-демократ, писатель и педагог Хачатур Абовян, перу которого принадлежит исторический роман «Раны Армении». Весомый вклад в мировую сокровищницу культуры внесли крупнейшие представители армянской художественной литературы – публицист Микаэл Налбандян, романисты Раффи (Акоп Мелик-Акопян), Церенц (Овсеп Шишманян), Мурацан (Григор Тер-Ованисян), Перч Прошян, зачинатель армянской реалистической драматургии Габриэл Сундукян, сатирик Акоп Паронян, поэты Смбат Шахазиз, Рафаэл Патканян и многие другие. Особое место в армянской культуре на рубеже XIX и XX в. принадлежит национальному, подлинно народному поэту и общественному деятелю Ованесу Туманяну и великому Варпету (т.е. Мастеру, как его называли в народе) – Аветику Исаакяну, творчество которого по глубине художественного обобщения и мастерству выходит далеко за рамки национальной культуры. Армянская поэзия начала XX в. представлена такими замечательными поэтами как Ваан Терян, Сиаманто, Даниэл Варужан, Рубен Севак, Мисак Мецаренц. Проза этого периода обогатилась произведениями Александра Ширванзаде (Мовсесяна), Григора Зограба, Нар-Доса (Микаэла Ованисяна) и других писателей.

Значительные изменения произошли и в других областях армянского искусства – театре и музыке. Хотя история армянского профессионального театра насчитывает более двух тысячелетий, подлинное возрождение армянского театрального искусства относится ко второй половине XIX в., когда сформировалось целое поколение талантливых артистов: это Петрос Адамян, Геворк Чмшкян, Ованес Абелян, Цолак Америкян, Сирануиш (Меробэ Кантарджян) и др. Поскольку в Армении в тот период не было постоянного театра, театральные труппы, имевшие в своем репертуаре пьесы как армянских, так и русских и европейских авторов, выступали в разных городах, в частности, в Тифлисе, Константинополе, Александрополе. В 1891 г. на средства руководи-

теля театральной труппы Мкртича Хандамирянца в Шуши было построено здание театра со зрительным залом на 350 мест, что, несомненно, благопри-
ятствовало оживлению театрально – музыкальной жизни города. В этом те-
атре помимо собственного коллектива, выступали корифеи армянской сцены,
например, Ваграм Папазян в спектаклях «Отелло» и «Гамлет».

Видными композиторами и музыковедами были Тигран Чухаджян, по-
ложивший начало армянской оперной музыки, написанной им оперой «Ар-
шак II», Макар Екмалян, Христофор Кара-Мурза, Армен Тигранян – автор
оперы «Ануш», Александр Спендиаров – основоположник армянской сим-
фонической музыки. Выдающимся представителем армянской музыкальной
культуры был Комитас (Согомон Согомонян), внесший неопределимый вклад в
изучение и распространение народной музыки. Он записал и классифициро-
вал более 4 тыс. народных песен, тем самым заложив основы армянской му-
зыкальной фольклористики. Его последующая судьба была чрезвычайно тра-
гична. После того как в ночь с 24 на 25 апреля 1915 г. в Константинополе, в
числе других видных деятелей армянской интеллигенции, он был арестован,
и на его глазах совершались чудовищные зверства, в результате которых по-
гибли такие известные поэты и писатели, как Варужан, Сиаманто, Рубен Се-
вак, писатель и депутат турецкого парламента Григор Зограб и многие другие
представители армянской культуры, Комитас лишился рассудка и последние
20 лет своей жизни провел в клинике для душевнобольных в Париже. После
смерти Комитаса его останки были перевезены в Ереван, где при большом
стечении народа погребены в пантеоне деятелей армянской культуры.

Армянская научная мысль в XIX в. развивалась преимущественно в обла-
сти истории Армении, армянского языка и литературы. Значительный вклад
в развитие науки внес крупнейший ученый-филолог и одновременно талант-
ливый поэт Гевонд Алишан, перу которого принадлежат многочисленные
исследования по истории, археологии, ботанике Армении, религиозно-фило-
софские и литературоведческие трактаты. Гевонд Алишан как ученый был
широко известен в Европе. Он являлся членом итальянского Азиатского об-
щества, Московского археологического общества, Петербургского общества
русской словесности, Йенской академии философии, был удостоен ордена
Почетного легиона Французской академии (Налбандян, 1976. С. 168, 169).

Основание русской школы арменоведения связано с именами двух вос-
питанников Лазаревского института, впоследствии крупных ученых-филоло-
гов – Н.О. Эмина и К.П. Патканова. Эмин осуществил перевод и издание па-
мятников раннесредневековой армянской письменности, в частности, трудов
Мовсеса Хоренаци и Фавстоса Бузанда. Он изучал эпос, армянскую мифо-
логию, археологию, духовную литературу, впервые перевел на русский язык
сборник раннесредневековых армянских духовных песен и гимнов – «Ша-
ракан». Патканов издал ценные труды по истории и литературе армянского
народа, а также по истории Востока. Он первым из армянских ученых был
избран в 1885 г. членом-корреспондентом Петербургской Академии наук.
Ценные труды по геологии и химии создал и опубликовал Андреас Арцруни,
также избранный членом-корреспондентом Петербургской Академии наук.
К началу XX в. относится появление плеяды крупных ученых-арменоведов:
языковеды Степан Малхасянц, Грачия Ачарян, Григор Капанцян, филолог
Манук Абемян, историки Лео (Аракел Бабаханян), Никогайос Адонц, Акоп

Манандян, этнограф и археолог Ерванд Лалаян, этнограф, географ, литературовед и публицист Степан Лисициан.

Крупнейшим арменоведческим центром продолжала оставаться основанная ученым монахом Мхитаром Себасти в 1717 г. на острове Сан-Ладзаро (Св. Лазаря) близ Венеции Конгрегация армянских мхитаристов-католиков. Поставив целью своей подвижнической деятельности служение национальной культуре, Мхитар уже с самого начала наказывает своим духовным братьям искать и приобретать за любую цену разбросанные по миру армянские манускрипты. В результате кропотливой работы Конгрегация стала обладателем второго по величине (после Матенадарана в Ереване) собрания армянских рукописей. Многие средневековые рукописи были ими переписаны и переведены, в частности на латинский язык. Члены братства проводили огромную работу по обмеру и подробному описанию средневековых армянских памятников, регистрации уцелевшие на них надписей. Заслуженную славу и мировое признание принесла их издательская деятельность. Если с 1512 по 1700 г. в мире было издано примерно 180 армянских книг, то Конгрегация еще до кончины Мхитара в 1747 г. успела издать 55 книг. Особо следует отметить роскошное, с богатыми иллюстрациями издание Библии в 1733 г. Первостепенное значение мхитаристы придавали научному изучению как родного, так и иностранных языков и изданию словарей. Кроме того, они опубликовали сочинения почти всех выдающихся представителей средневековой армянской словесности, а также перевели и издали лучшие произведения греко-римской классической и западноевропейской культуры (Степанян, 1982. С. 433–437). Неценима также их деятельность в области образования. В школе, основанной ими при монастыре Сан-Ладзаро, обучение строилось по примеру европейских школ и в то же время с использованием опыта традиций средневековых армянских университетов. Наряду с богословием здесь преподавались национальная и всеобщая история, армянский и иностранные языки, переводческое искусство, философия, алгебра и геометрия, естествознание и летоисчисление. Со временем мхитаристы создали для армян множество учебных заведений в разных странах. Стремясь приобщить армянского читателя к европейским достижениям в области естественных наук, мхитаристы начали издавать разного рода учебники и популярные книги. С конца XVIII в. и на протяжении XIX в. своими научными трудами и исследованиями выделялись выдающийся историк Микаэл Чамчян, историк и географ Гукас Инчичян – основатель и редактор журнала «Тарегрутюн» («Летопись») (1799–1833 гг.), лингвисты Мкртич Авгерян, Арутюн Авгерян и особенно упомянутый выше Гевонд Алишан.

В 70-х годах XVIII в. от венецианской Конгрегации отделилось ответвление венских мхитаристов, также ставшее крупнейшим мировым центром арменоведения. Оба центра в XIX в. наладили выпуск журналов, которые публикуются (с некоторыми изменениями периодичности) до сих пор: в Венеции с 1843 г. по инициативе маститого ученого, архимандрита Габриэля Айвазовского издается литературно-публицистический журнал «Базмавеп» («Полиистория, или Рассказывающий о разном»), в Вене с 1887 г. – историко-литературный и теологический журнал «Андес амсореа» («Ежемесячный журнал»), основателями и первыми сотрудниками которого были крупные ученые А. Айтинян, А. Ташян, О. Паронян (главный редактор) и др. Оба

журнала внесли и продолжают вносить значительный вклад в развитие арменоведения, публикуя на своих страницах научные статьи армянских и иностранных ученых.

Кроме этих авторитетных журналов, успешно функционирующие в ряде стран специальные арменоведческие центры (Австрия, Англия, Италия, Ливан, Португалия, Сирия, США, Франция и др.) постоянно публикуют исследования и в таких журналах как «Revue des etudes Armeniennes» (с 1915 г. в Париже), «Арменоведческий ежегодник» (с 1940-х годов в Бейруте), «Ararat» (с 1960 г. в Нью-Йорке); издаются также журналы «Armenian Forum», «Armenian Studies» (в США), «Гехард» (в Алеппо), «Шохакат» (в Константинополе) и др.

Заметную роль в армянском обществе играла периодическая печать. В первой половине XIX в. выходило до 30 изданий на армянском языке, из них шесть в Константинополе, пять в Венеции, три в Тифлисе. В тот период наиболее значительными были газета «Аршалуйс Араратян» («Арагатская заря»), издававшаяся в 1840–1887 гг. в Смирне; упомянутый выше журнал «Базмавеп», издающийся с 1843 г. до настоящего времени в Венеции; еженедельная газета «Азгасер» («Патриот»), выходившая в 1845–1848 гг. в Калькутте. Первым периодическим изданием кавказских армян была еженедельная газета «Ковкас» («Кавказ»), которая печаталась в 1846–1847 гг. в Тифлисе, там же в 1850–1851 гг. публиковалась газета «Арагат». Наиболее известным периодическим изданием XIX в. стал журнал «Юсисапайл» («Северное сияние»), выходивший в 1858–1864 гг. в Москве. Журнал был основан видным просветителем и ученым Степаносом Назарянцем, который шесть лет руководил кафедрой армянской словесности в Казанском университете, долгие годы был профессором в Лазаревском институте восточных языков в Москве.

Известным западноармянским периодическим изданием была газета «Мегу» («Пчела»), основанная в 1856 г. в Константинополе. К числу крупных изданий второй половины XIX в. относятся выходившие в Тифлисе газеты «Мшак» («Труженик») – с 1872 г., «Мегу Айастани» («Пчела Армении») – с 1858 г. и западноармянские газеты «Аревелян мамул» («Восточная печать») – с 1871 г., «Масис» – с 1852 г.

Первое периодическое издание в Восточной Армении – журнал «Арагат», основанный в 1868 г. в Эчмиадзине, имел религиозную и историко-филологическую направленность. С 1880 г. в Ереване издавалась еженедельная газета «Псак» («Венок»), публиковавшая статьи в основном на литературные, исторические и педагогические темы. До 1920 г. в Шуши печатались 22 газеты, из них 20 – на армянском языке, 2 – на русском.

В целом к концу XIX в. в мире издавалось 246 газет и журналов на армянском языке, а в начале XX в. их число достигло 724; до 1920 г. в разных районах земного шара в разное время действовало более 460 типографий, печатавших книги, журналы и газеты на армянском языке. В то же время на территории собственно Армении было всего несколько типографий.

В XIX в. в Восточной Армении функционировали школы трех основных типов – церковноприходские, частные и государственные, а в Западной Армении – церковные и частные. В целом число армянских школ и учащихся в них в тот период было весьма ограниченным.

Массовый доступ к образованию стал возможен после установления в Армении советской власти. 16 мая 1919 г. Совет Министров Республики Армения принял решение об открытии университета Армении. Ректором его стал известный в России правовед и общественный деятель, профессор Юрий Гамбаров. В декабре 1920 г. Университет был переименован в Ереванский государственный университет, ректором которого стал крупный историк Акоп Манандян. Впоследствии на базе разных факультетов университета был основан ряд других высших учебных заведений, где готовили специалистов по более чем 100 специальностям. В Армении был создан целый ряд научно-исследовательских институтов, число которых к 1990-м годам доходило более чем до 150. В начале 2000-х годов в Нагорно-Карабахской Республике было восемь высших учебных заведений, в том числе Арцахский государственный университет, Университет им. Григора Нарекаци, Институт прикладного искусства «Гюрджян». Кроме общеобразовательных школ, колледжей, здесь функционируют также музыкальные, спортивные, шахматная, школы искусств.

Образовательный уровень народа постоянно возрастал. По числу лиц с высшим и средним образованием на 1 тыс. человек в возрасте от 16 лет и старше Армения занимала, согласно переписи 1970 г., второе место, а по переписи 1979 г. – первое место среди союзных республик бывшего СССР.

Важной вехой в развитии науки и культуры было создание в 1935 г. Армянского филиала Академии наук СССР, председателем которого был сначала Ф. Левинсон-Лессинг, а с 1938 г. – крупный историк, директор Государственного Эрмитажа в 1934–1951 гг. Иосиф Орбели. В 1943 г. филиал был преобразован в Академию наук Армянской ССР (ныне – Национальная академия наук Республики Армения). Президентом Академии до 1947 г. оставался академик И. Орбели, а с 1947 по 1993 г. Академию возглавлял выдающийся астрофизик, ученый с мировым именем Виктор Амбарцумян, избранный затем ее почетным президентом. Армянскими учеными достигнуты большие успехи в развитии различных отраслей науки. Научные исследования физиков – братьев Артема Алиханяна и Абрама Алиханова, физиологов Леона Орбели, Хачатура Коштоянца, Эзраса Асратяна, биохимика Норайра Сисакяна, химиков Николая Ениколопова и Ивана Кнунянца, экономиста Анушавана Арзуманяна, математиков Арташеса Шагиняна и Сергея Мергеляна и многих других получили мировое признание. Различные области арменоведения обогатили своими трудами историки Ашот Иоаннисян, Мкртич Нерсисян, Сурен Еремян, Левон Хачикян, Абгар Иоаннисян, археолог Бабкен Аракелян, литературовед Каро Мелик-Оганджянян, языковед Арарат Гарибян, философ Сен Аревшатян, этнохореограф Србуи Лисициан и многие другие крупные ученые. Усилиями историков и литературоведов были изданы на армянском языке «История армянского народа» в 8 томах, «История армянской литературы» в пяти томах, «Армянская энциклопедия» в 12 томах и другие труды.

Большие творческие успехи были достигнуты в армянской литературе и искусстве. В 1932 г. был создан Союз писателей Армении. В области прозы признание и любовь читателей снискали произведения Дереника Демирчяна, Серо Ханзадяна, Стефана Зорьяна, Хачика Даштенца, посвященные исторической тематике. Своим современникам посвящали произведения Вахтанг Ананян, Вардгес Петросян, Леонид Гурунц, Зорий Балаян и дру-

гие армянские писатели. Имена поэтов Егише Чаренца, Паруйра Севака, Геворга Эмина, Ованеса Ширазы, Амо Саияна, Сильвы Капутикян известны далеко за пределами Армении. Свой Союз писателей имеется и в Степанакерте. Из живших в диаспоре армянских писателей прославились Анри Труайя (Левон Тарасов), Уильям Сароян, Нина Берберова, Мариэтта Шагинян и др.

Мировую славу заслужил знаменитый живописец-маринист Иван Айвазовский, художественное наследие которого составило более 6 тыс. картин. Среди мастеров современного изобразительного искусства Армении всемирную известность приобрел Мартирос Сарьян, начавший свой творческий путь еще в начале XX в. Высокоталантливые произведения создали Мгер Абемян, Григор Ханджян, Оганес Зардарян, Минас Аветисян, Рудольф Хачатрян, Акоп Акопян, Арутюн Каленц, Мариам Асламазян и многие другие живописцы.

Многообразие жанров и яркий национальный колорит отличают современную армянскую музыку. Всемирную известность завоевали симфонические и камерные произведения Арама Хачатуряна, широко известно творчество композиторов Арно Бабаджаняна, Александра Арутюняна, Эдуарда Мирзояна, Эдгара Оганесяна, Константина Орбеляна и многих других. Большой вклад в развитие музыкального творчества внесли также дирижеры Александр Мелик-Пашаев, Оган Дурян, композиторы Жорж Гарваренц, Микаэл Таривердиев, Алексей Экимян, Давид Тухманов и др. Лучшие исполнительские коллективы Армении – Государственная капелла Армении, Ансамбль армянской народной песни и пляски им. Татула Алтуняна, Квартет им. Комитаса – содействуют популяризации народной, классической и современной музыки.

В Степанакерте продолжают успешно выступать такие старейшие государственные коллективы, как Драматический театр им. Ваграма Папазяна (основан в 1932 г.), организованный в 1958 г. Ансамбль песни и танца, а также созданные в 1990-е годы и тоже получившие статус государственных эстрадный ансамбль «Карабах», камерный хор «Варарани», ансамбль «Мы – наши горы», детско-юношеский ансамбль «Дети Арцах», не раз с успехом гастролировавшие с концертными программами за рубежом. В Шуши работают драматический, кукольный и детский театры.

Современная армянская архитектура вызывает восхищение своим неповторимым национальным своеобразием. Древние и средневековые шедевры армянского зодчества вдохновляли видных архитекторов страны – Александра Таманяна (он разработал первый генеральный план строительства Еревана), Марка Григоряна, Рафаэла Исраэляна, Артура Тарханяна и др. По их проектам созданы такие великолепные здания в Ереване, как Театр оперы и балета им. А. Спендиарова, Дом Правительства, Президиум Национальной академии наук, Институт древних рукописей (Матенадаран) им. Месропа Маштоца и др. По проекту архитектора Каро Алабяна в Москве был построен театр Российской армии. Выразительные скульптурные произведения создали талантливые мастера Сергей Меркуров, Ара Саргсян, Ерванд Кочар, Никогайос Никогосян, Левон Токмаджян, Сурен Степанян и др. Из современных архитектурных памятников сильное впечатление оставляют мемориальный комплекс памяти жертв геноцида 1915 г. на холме Цицернакаберд в Ереване и

воздвигнутый в честь победы над турецкими войсками в 1918 г. Сардарapatский комплекс (со зданием Музея этнографии Армении).

В 2001 г. отмечалось знаменательное событие, внесенное ЮНЕСКО в календарь праздничных дат 2001 г. и в список основных культурных программ – 1700-летие принятия Арменией христианства в качестве государственной религии. Это историческое событие, выходящее за религиозные рамки, обрело международный характер. Во многих странах были проведены различные культурные мероприятия, включающие организацию научных конференций, выставок христианских реликвий, концертов армянской духовной музыки. К этой дате в Ереване был построен и освящен новый храм, названный в честь Св. Григора Лусаворича. В дни празднования Армению посетили Патриарх Московский и всея Руси Алексей II, предстоятели и делегации 24 церквей, в том числе папа Иоанн Павел II.

В XX в. новым явлением в армянской действительности стала кинематография. В 1925 г. на экраны вышел первый армянский немой фильм «Намус», в 1935 г. – первый звуковой фильм «Пепо». Развитию этого искусства способствовало создание киностудии «Арменфильм», на которой работали такие талантливые кинорежиссеры, как Амо Бекназарян, Фрунзе Довлатян, Генрих Малян, Эдмон Кеосаян и др. Армянские кинорежиссеры прославились и за рубежом: в США – Рубен Мамулян, во Франции – Анри Верной (Ашот Малакян), в Польше – Ежи Кавалерович, в России – Сергей Параджанов, Лев Кулиджанов, Генрих Оганесян, Марлен Хуциев, Карен Шахназаров, Роман Балаян и др.

Больших успехов достигло армянское театральное искусство. Широко известно исполнительское мастерство маститых артистов Ваграма Папазяна, Грачия Нерсисяна, Вагарша Вагаршяна, Гургена Джанибекяна, Ольги Гулазян. Позднее в театр пришли такие замечательные актеры, как Хорен Абрамян, Метаксия Симонян, Вардуи Вардересян, Мгер Мкртчян, Сос Саркисян и др. Признанными театральными режиссерами были Вардан Аджемян, Армен Гулакян, Грачия Капланян. Мировую славу завоевали прекрасные певицы Айкануш Даниелян, Гоар Гаспарян, Лусине Закарян. В России прославились артисты Сурен Кочарян, Армен Джигарханян, Арутюн Акопян, театральные режиссеры Евгений Вахтангов, Рубен Симонов, Рубен Агамирян. Мировую славу завоевали певцы армянского происхождения Арменак Шахмурадян, Павел Лисициан, Зара Долуханова, Люси Амара, Лили Чугасян, Шарль Азнавур и др.

Социально-экономические сложности постсоветского времени, блокада и энергетический кризис Армении не могли не сказаться на культурной жизни республики. Однако после установления независимости и провозглашения приоритета национальных ценностей профессиональная культура вышла на новый этап своего развития. В наши дни театральное, музыкальное, изобразительное искусство и живопись, кинематография, опираясь на национальные традиции, достигли значительных успехов. В Государственном академическом театре оперы и балета им. Ал. Спендиарова осуществлена новая постановка классики армянской оперы «Ануш» Армена Тиграняна, балета А. Хачатуряна «Спартак»; в Ереване действуют Центр современного экспериментального искусства, а также целый ряд галерей («Араме», «Академия» и др.). Значительным культурным событием стало открытие в 2002 г.

Центра искусств (художественного Музея Гафесчян), основанного американским бизнесменом и собирателем армянского происхождения Джерардом Леоном Гафесчяном, где не только экспонируются редчайшие предметы искусства из стекла, картины и скульптуры, но устраиваются художественные выставки. В наши дни международное признание получил проводящийся в Ереване кинофестиваль «Золотой абрикос», международный театральный фестиваль Айфест. Большое внимание уделяется укреплению культурных связей Армении и диаспоры: проводится телемарафон Ереван – Лос-Анджелес, в Ереване при участии представителей армянской диаспоры дальнего и ближнего зарубежья осуществляется программа «Одна нация-одна культура».

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Теоретические и прикладные проблемы переходного периода занимают важное место на всем постсоветском пространстве. Переходный период – это не только процесс становления рыночной экономики, но еще и процесс кардинальных общественных и культурных трансформаций, процесс внедрения демократических принципов управления обществом и гражданских ценностей. В целом экономическому и социокультурному развитию армянского общества во многом присущи те тенденции, которые характеризуют развитие всего постсоветского пространства.

В армянском обществе начала 1980-х годов сочетались элементы как советского, современного, так и традиционного, национального. Чтобы представить состояние армянского общества конца советского периода, нужно иметь в виду, что в XX в. Армения «пережила» существование трех государственных образований: Первая Республика Армения (1918–1920 гг.), Советская Армения (1920–1991 гг.), Третья Республика Армения (с 1991 г.).

История Советской Армении охватывает немногим более семи десятилетий. Советский период стал этапом кардинальных изменений как в экономике, когда на смену частной собственности пришла государственная, так и в социальных и культурных системах. Если в 1920 г. городское население составляло всего 16,9%, то в 2004 г. его удельный вес достигал уже 64,2%. Такие тенденции одновременно привели к серьезным как позитивным, так и негативным изменениям и в городской, и в сельской среде, в обществе в целом. В Советской Армении, как и во всем СССР, шли интенсивные урбанизационные процессы: росло население многих городов (Ереван, Гюмри, Ванадзор, Капан и др.), создавались новые города, крупные индустриальные центры – Раздан, Чаренцаван и др. Активное развитие различных отраслей индустрии требовало людских ресурсов, которых в городской среде не всегда хватало. По этой причине в города переезжали в основном сельские жители, которые видели в этом возможности для обеспечения более высокого уровня жизни, образования, решения жилищной проблемы и др. (Население Еревана. 1986. С. 31–33, 36–43).

Формирование городской среды и городской культуры – процесс сложный, многогранный, требующий длительного времени. В Армении активные урбанизационные процессы не всегда сопровождались процессами формирования соответствующей «городской культурной среды». Хотя городское

население росло высокими темпами, однако городская культура как таковая формировалась с определенными трудностями, особенно в небольших городах, которые на начальном этапе формирования сохраняли многие черты также сельской субкультуры. В новой городской среде население нередко воспроизводило сельские модели поведения и социальных отношений: более интенсивные контакты односельчан и родственников, сохранение активных контактов с оставшимися в селах родственниками и т.д.

Непланомерное развитие индустрии в советский период привело также к формированию монофункциональных городов, большинство населения в которых было занято в одной либо двух сферах экономики, как например, промышленные города Чаренцаван, Раздан и др. Такое развитие, в свою очередь, привело к тому, что сразу после провозглашения независимости и начала экономического кризиса многие города встали не только перед серьезными экономическими проблемами. Остановка одного или нескольких предприятий привела к потере градообразующих функций многих населенных пунктов, сочетанию элементов городской и сельской культуры. Безработица вынудила население таких городов искать альтернативные способы жизнеобеспечения, прибегая к случайным заработкам, торговле, отходничеству, трудовой миграции и т.д. (*Галстян, 1998. С. 10–12; Тадевосян, 2000. С. 15–20*). Такие изменения означали еще и потерю социального статуса, привычных механизмов социальной мобильности в советский период.

Серьезные изменения произошли также в социально-профессиональной структуре как городского, так и сельского населения. Многие социально-профессиональные группы – научная и техническая интеллигенция, промышленные рабочие и служащие – постепенно занимали важное положение в социальной структуре. Как известно, формирование новых социальных и профессиональных групп – процесс не только механический. Он формирует также новые модели и нормы внутригрупповых контактов, ценностных ориентаций, а также обеспечивает воспроизводство этих моделей. После распада СССР многие социально-профессиональные группы оказались в кризисной ситуации, что со временем стало причиной потери ими профессиональных навыков и знаний. Это, в свою очередь, привело к маргинализации ряда социальных и профессиональных групп, которые в советский период занимали более высокую ступень на социальной лестнице (*Габриелян, 2005. С. 105–108*).

Советское общество и функционирующие в нем институты и механизмы социальной регуляции были нацелены в основном на большие или малые группы, учитывая их интересы и предпочтения. Сегодня армянскому обществу предлагается другая модель поведения и ценностей, в центре которой, пусть теоретически, находится личность со своими индивидуальными предпочтениями, интересами, которые иногда могут находиться в противоречии с групповыми или субгрупповыми интересами.

Карабахское движение, начавшееся в 1988 г., стало новым этапом этнокультурных изменений в армянском обществе. В ходе него этномобилизационные процессы достигли максимума, произошло интенсивное переосмысление национальных ценностей в целом. Большое значение для становления независимой государственности и формирования новой социокультурной атмосферы имело также участие армянской диаспоры и ее разных организаций

Центральная площадь Гюмри (бывший Ленинакан) с церковью Аменапркич (Всеспаситель) после разрушительного землетрясения 7 декабря 1988 г.)

Фото из личного архива Г. Аганяна

и структур в национальном строительстве в начале 1990-х годов, что стало важным стимулом процесса не только общественной, но и национальной консолидации на территории Республики Армения и Нагорно-Карабахской республики. Независимая Армения стала восприниматься как Родина всех армян, а участие в становлении и развитии независимой Родины – долгом практически любого армянина. Помощь диаспоры во многом помогла также пережить блокаду (со стороны Турции и Азербайджана) и преодолеть последствия разрушительного Спитакского землетрясения в декабре 1988 г.

Провозглашение независимости Армении в 1991 г. явилось новым этапом социокультурного, экономического и политического развития. Как и для многих постсоветских стран, для Армении был характерен переход государства от функции директивного и непосредственного управления к функции регулирования экономической деятельностью (*Карпетян, 2010. С. 70*). Для многих бывших социалистических республик первым шагом на пути становления новых систем организации экономики и общественных отношений стали либерализация экономики, массовая приватизация, свободная, неконтролируемая государством монетарная политика, невмешательство или минимальное вмешательство в экономику, другие мероприятия экономического характера. В Армении протекали в основном те же процессы.

Но уже на первых этапах независимости республика столкнулась с рядом серьезных, специфических проблем: нерешенность Карабахской проблемы, последствия Спитакского землетрясения 1988 г., продолжающаяся до сих пор блокада, ограниченные коммуникативные возможности и др.

Армения первой из бывших советских республик в 1991 г. начала приватизацию земли, скота, сельхозтехники и объектов сельскохозяйственного назначения. Естественно, что любое радикальное преобразование, в том числе и приватизация земли, формирует разные, иногда противоречивые оценки и подходы. Уже в ходе приватизации возникали споры по поводу принципов ее организации. Часть молодежи и большинство взрослого населения выступало за сохранение в измененном виде советской системы организации сельского хозяйства. Этот подход имеет социокультурную основу. Люди привыкли работать вместе, иногда даже «жить за счет всенародного добра» (такое имело место во всем СССР). Для внедрения новой экономической системы нужна новая социальная основа-сегменты общества, которые готовы играть в условиях «новых правил» (*Габриелян, 2007. С. 327*).

По мнению теоретиков экономических преобразований, приватизация в начале 1990-х годов была единственно правильным шагом и помогла спасти страну от полного экономического коллапса. Противники же приватизации считают, что можно было провести реформы поэтапно, разработать более эффективную политику по отношению к крестьянству, которое составляет около 35% населения республики (*Габриелян, 2001. С. 16, 17, 20, 35; Минасян, 2003. С. 79–106; Результаты переписи населения., 2003*).

С экономической точки зрения сегодня в Армении сельское хозяйство основано на частнособственнических принципах. Преобладающее большинство населения имеет собственные земельные участки и свободу ведения сельского хозяйства. При этом, как показывают исследования, значительная доля сельчан – вдвое больше по сравнению с горожанами – стремится иметь собственное дело (*Каранетян, 2010. С. 71*).

Несмотря на всю свою важность, реформа имела и некоторые негативные последствия для сельского населения. Регулирующие реформу законы и решения правительства (их было около 50) были приняты и реализованы поспешно, когда еще не была разработана детальная стратегия перехода к рыночным отношениям (Закон РА «О крестьянских и коллективных крестьянских хозяйствах»). В ходе реализации реформ доминировало мнение, согласно которому реформы должны осуществляться во всех отраслях сельского хозяйства и селах одновременно. Между тем, в 1991 г., когда началась массовая приватизация, не были учтены особенности состояния сел того периода. Армянское крестьянство и часть городского населения (в особенности, сельские мигранты) в начале 1990-х годов единственно приемлемой схемой по-прежнему считали работу на госпредприятиях, стабильную зарплату и защищенные рабочие места. Для значительной части населения основным работодателем продолжало оставаться государство. Такой подход в свою очередь создавал разрыв между реальной ситуацией и восприятиями и требованиями населения. Часть населения республики в качественно новых условиях продолжала оставаться (хотя бы психологически) типичным среднесоветским потребителем, и в силу рефлексии «советского» прошлого создавшуюся ситуацию объясняла навязанным ей отказом от всего хорошего, что было в советское время (*Каранетян, 2010. С. 70*). В ходе земельных реформ за очень короткий срок почти во всех селах были созданы индивидуальные крестьянские хозяйства, а в ряде – и коллективные крестьянские хозяйства нового типа. Все это имело непосредственное влияние на

способы и механизмы организации сельскохозяйственных работ в последующем. Сейчас для множества семей главным является не организация эффективного, доходного сельского хозяйства, а обеспечение своего прожиточного минимума.

При этом одним из важных этносоциальных факторов мотивации экономической деятельности у армян в большей мере – на селе, меньше – в городе является ориентированность на «семейный состав» участников реального или предполагаемого бизнеса. На селе этот институт является основным механизмом организации экономической деятельности. Очевидная связь специфики ведения сельского хозяйства в Армении с природными условиями определяет развитие именно таких форм предпринимательства. Традиции семьи и кровнородственных отношений являются важной основой при формировании как мотивов самой деятельности, так и организационных форм самой деятельности, ее менеджмента (*Каранетян*, 2010. С. 78).

Характерным является также и то, что во многих селениях хозяйство стало «натуральным/полунатуральным», когда семья сама производит большую часть необходимых продуктов и, не имея достаточных финансовых средств, пытается таким путем свести к минимуму свою зависимость от рынка. На небольших земельных участках, причем нередко отдаленных один от другого, невозможно ведение интенсивного земледелия, что, естественно, сужает возможности развития индивидуальных крестьянских хозяйств. Одновременно наблюдается тенденция к объединению и укрупнению земельных участков, что со временем может привести к формированию крупных фермерских хозяйств и поднять эффективность сельскохозяйственного производства.

Преобразования в разных отраслях сельского хозяйства стали предпосылкой существенных изменений и в сельской общине. Сегодня в ней изменилась картина социально-профессиональной структуры, которая сложилась в советский период и играла важную роль в обществе. Преобладающее большинство сельского населения сейчас вовлечено в разные сферы сельского хозяйства: земледелие, скотоводство, садоводство и др. (*Габриелян*, 2001. С. 36–51; *Минасян*, 2003. С. 90–93; *Миграция из Армении. 2003. С. 17–25; Рассказы о бедности. 2001).*

По сравнению с советским периодом, в настоящее время усилились также процессы социального и имущественного расслоения. Общей закономерностью для всей республики является то обстоятельство, что независимо от уровня благополучия семей, в целом их жизненный уровень снизился по сравнению с советским периодом (*Габриелян*, 2005. С. 67–72; *Погосян*, 2003. С. 269, 270). В селах еще не завершен процесс формирования стабильного среднего социального слоя. Естественно, что все эти процессы имеют непосредственное влияние на возможности самоорганизации и саморегуляции сельской общины. Сегодня сельская община организована в основном на родственном и соседском началах. В период реформ, а также экономического кризиса в сельской среде важное значение приобрели также традиционные механизмы взаимопомощи в разных сферах, которые иногда обеспечивали прожиточный минимум многих семей, играя важную роль также в организации сельского хозяйства. Таким образом, традиционные механизмы родственной и соседской взаимопомощи важны и ныне и проявляются как в

экономических отношениях, так и в повседневной и празднично-ритуальной жизни (Закарян, 2003. С. 298–301; Закарян, 2010. С. 35).

Изменения в семье и внутрисемейных отношениях также обусловлены рядом взаимосвязанных факторов. В результате экономических преобразований важное значение приобрели такие экономические факторы, как занятость, обеспечение прожиточного минимума. В то же время многие реалии в семейном быту обусловлены также этническими традициями.

Функционирующая ранее в стабильных экономических и общественных системах семья сразу встала перед задачей обеспечения жизнедеятельности в условиях резких изменений. Жизнедеятельность сельских семей сейчас организовывается в «экстремальных условиях», что связано с материальной необеспеченностью и психологической неготовностью к переходу к новой системе хозяйствования. Сельскохозяйственный труд стал основным, а иногда и единственным источником формирования бюджета семьи. В такой ситуации семья обеспечивает прожиточный минимум лишь благодаря усилиям всех своих членов, в том числе стариков, женщин и детей. Изменения сказались и на внутрисемейных отношениях. В них, как и в других сферах, важную роль играют исторически и этнически сложившиеся реалии, которые во взаимодействии с новыми факторами регулируют всю систему внутрисемейных отношений.

Армянское общество в процессе становления государственной независимости встало перед проблемой обеспечения нормальной жизнедеятельности в качественно новых условиях. Для имеющего советское прошлое общества неясной была предлагаемая новая система ценностей и экономических отношений. Термины «рыночная экономика», «демократия», «гражданское общество» в начале 1990-х для многих были априорными, аморфными понятиями, в то время как армянская традиционная, советская и отдельные элементы западной системы ценностей сосуществовали одна с другой. Западный мир стал более «близким» благодаря интенсивным контактам с зарубежными организациями и партнерами, а также с соотечественниками в диаспоре. Современная молодежь стремится получить европейское образование. В столице Армении функционируют Российско-армянский (славянский) университет, Американский университет Армении, Французский университет Армении и другие подобные учреждения. Система высшего образования постепенно переходит на западный стандарт организации учебного процесса.

Вместе с тем, сохраняются традиционные связи с Россией не только в области стратегического партнерства, но и в экономике и культуре. Для большинства населения Армении Россия – по-прежнему надежный партнер, где сегодня живут и работают сотни тысяч армян. Не лишне напомнить, что в настоящее время армянская диаспора в России является самой многочисленной.

Вместе с тем, на волне национального возрождения после провозглашения независимости Армении усилился интерес к своим национальным истокам и ценностям в области истории, традиционной культуры, а также к укреплению экономических и культурных связей с диаспорой.

С социокультурной точки зрения армянское общество переходного периода – это общество со многими внутренними противоречиями. Ярво выраженная социальная поляризация, все еще сохраняющаяся разница темпов

развития города и села – вот неполный список социокультурной характеристики армянского общества переходного периода. В основном такими же характеристиками определяются многие общества в постсоветском пространстве.

Важно подчеркнуть, что в независимой Армении налицо и позитивные перемены: формируются институты демократии, рыночной экономики, правового государства и гражданского общества. Армянское общество конца XX – начала XXI в. является обществом «поисков и экспериментов.»

ТРУДОВАЯ МИГРАЦИЯ

Миграционное поведение армянского этноса и высокая личностная адаптация в новой среде неразрывно связаны со спецификой его исторической судьбы. Свидетельства о широком распространении отходничества у армян содержатся во многих средневековых источниках. Процесс этот был характерен и для второй половины XIX – начале XX в. с учетом разницы социально-политического развития Восточной и Западной Армении. Так, в Западной Армении, находящейся под властью османской Турции, отходничество имело значительные масштабы. По неполным данным, за 26 лет оно возросло здесь почти в 4 раза: если в 1860 г. численность отходников составляла 15 тыс. человек, то в 1886 г. число направившихся армян только в Константинополь достигло 50–60 тыс. человек, где они занимались различными ремеслами (*Ованнисян, 1955. С. 229, 230*).

Во второй половине XIX в. отходничество приняло массовый характер и в Восточной Армении. Начавшийся в результате развития капиталистических отношений процесс социального расслоения села привел к тому, что часть крестьянства лишилась производительных средств и, находясь на грани бедности и нищеты, вынуждена была искать работу на стороне, для чего уходила на заработки в крупные промышленные центры Закавказья и России. Многие оставались там на несколько лет или же становились постоянными рабочими на промышленных предприятиях, при этом не порывая связей со своим селом (*Мшак, 1899. № 119*). Отходничество, как внутри республики, так и за ее пределами, носило сезонный характер. Крестьяне занимались им группами или в одиночку в зимний период после окончания сезона сельскохозяйственных работ, не порывая с сельским хозяйством. Отходничеством занимались и ремесленники, которые в условиях сужения рынка были вынуждены искать работу на стороне. Так, жители Сюника, известные как искусные гончары, промышленляли в различных районах Армении (*Лисициан, 1969. С. 163*), красильщики из Нор Баязета (ныне – Гавар), после окончания полевых работ отправлялись в Тифлис (*Лалаян, 1907. С. 136*).

Масштабы отходничества значительно возросли со второй половины XIX в. с развитием капиталистических отношений, в частности, после земельной реформы. По данным официальных источников и армянской периодической печати за 10 месяцев 1884 г. из 36 селений Сюника число отходников в Ереванской губернии и за ее пределами достигло 2608 человек (Нор Дар. 1885. № 139), в Нор Баязете – 7295 человек (МИЭБГКЗК. 1885, ч. 2. С. 140). В этот период вместе с мужчинами в отходничестве изредка прини-

мали участие и женщины, однако статистические данные об их численности отсутствуют. В 1891 г. только из Ереванского, Сурмалинского и Нахичеванского уездов отходничеством занимались 4546 человек, в 1892–4655, в 1893–5326 человек (Адонц, 1957. С. 354). В 1898 г. в Тифлис, Баку, Батум и другие города направилось 20 тыс. человек (Обзор., 1908. С. 8).

В этот процесс были вовлечены не только армяне, но и проживающие в Армении курды, русские, греки и др. Так, доля трудоспособного мужского населения курдов – отходников, занятых в основном в скотоводстве, ежегодно колебалась в пределах от 23,1 до 87, 3%. Во всех русских селениях Восточной Армении среди разного вида промыслового отходничества на первое место выдвигался извоз: используя четырехколесные крытые фургоны, русские подражались на перевозку грузов на небольшие или дальние расстояния (Долженко, 1985. С. 104, 105). Греки, будучи искусными каменотесами, работали на строительстве железных дорог и крупных объектов (Обзор., 1904. С. 13).

В начале XX в. в четырех уездах Восточной Армении отходничество достигло 119,5 тыс. человек; из них 53% – за ее пределами (Обзор., 1911. С. 11; Обзор., 1912. С. 14; Обзор., 1914. С. 17). Они направлялись в основном в крупные торгово-промышленные центры – Баку, Тифлис, Батум, Грозный, Елисаветполь, нередко – Среднюю Азию, Сибирь. За границей обосновывались в Греции и Америке, в частности, в Лос-Анджелесе и его окрестностях, со временем нередко оставаясь там на постоянное жительство. В результате подобных массовых перемещений как в Закавказье, так и за его пределами увеличивалось число армянских колоний (Григорян, 1984. С. 21: 22).

Подавляющее большинство отходников, сохраняя связь с родным селом, привносила элементы сельского быта в городскую среду, что прежде всего проявлялось в интерьере жилища, одежде, формах организации досуга. В свою очередь определенные черты городской культуры, усвоенные армянскими отходниками, переносились ими в сельскую среду, где, в частности, начали возводить светлые и просторные дома городского типа.

Подобное перемещение населения имело значительные демографические последствия, что привело к нарушению половозрастной структуры населения, а также ускорило процесс разрушения традиционного *гердастана*. Вместе с тем, отходничество явилось стимулом социальной мобильности, связав армянских отходников с целым рядом городов Закавказья, являвшихся не только промышленными, но и крупными культурными центрами своего времени. Общение в полиэтнической урбанизированной среде способствовало формированию их общественно-политических взглядов, расширению кругозора и переоценке системы ценностей, а также овладению ими русским и другими языками.

После установления советской власти в Армении в сложных социально-политических условиях формирования новых экономических отношений рост миграционных процессов стимулировался массовой безработицей и крайней нищетой населения. Так, если в 1925 г. число отходников из всех регионов Армении составило более 23,6 тыс. человек (Коркотян, 1931. С. 57), то в 1926 г. оно достигло 65 тыс., из которых более 30 тыс. отправились за пределы республики (Проблемы Генерального плана Армении. 1927. С. 14, 15).

Подобная картина была характерна не только для Армении, но и всей советской страны в целом.

Расширение масштабов отходничества стимулировала проводимая правительством в 1930-е годы политика коллективизации сельского хозяйства и индустриализации промышленности, что способствовало перемещению населения из сельских местностей в города. Этот процесс заметно оживился в 1950–1960 гг. в связи с восстановлением народного хозяйства в послевоенный период, а также освоением целинных и залежных земель и строительством новых поселений в Казахстане, Сибири, Поволжье, на Урале и других регионах. В нем участвовали все народы бывшего Союза, в том числе и в Армении. Сначала этот процесс осуществлялся организованно на государственном уровне, но с течением времени в поисках работы жители Армении стали стихийно принимать в нем самостоятельное участие.

С 1970-х годов этот процесс затронул целый ряд историко-этнографических районов Армении; примечательно, что уезжавших на заработки обычно называли *хоранч'и* (от арм. *хоран* – «целина»). В 1970-е годы из Армянской ССР ежегодно в сезонной миграции участвовало 35–40 тыс. человек (Авакян, 1975. С. 143), в 1980-е годы только из горных и предгорных районов – 25–30 тыс. человек. Армянские мигранты, в большинстве своем являющиеся хорошими специалистами индустриального профиля, в основном были заняты в сфере строительства.

В советские годы перемещения населения были довольно активными и внутри республики, имея три основные направления: с окраин – в центр, из горных районов – на равнинные, из сельских поселений – в городские. В результате урбанизации городское население увеличивалось довольно быстрыми темпами: согласно Всесоюзной переписи населения 1959 и 1989 г. оно возросло от 873 тыс. человек до 2 млн 222 тыс. человек. По данным переписи 2001 г., почти $\frac{1}{3}$ населения страны проживала в Ереване (Результаты переписи населения Республики Армения. 2003. С. 213).

В Армении на увеличение темпов роста миграционной мобильности значительно повлияло разрушительное Спитакское землетрясение 1988 г., в результате которого в зоне бедствия (в регионах Ширак и Лори) полностью или частично были разрушены промышленные предприятия, культурно-бытовые объекты и жилой фонд. Из зоны бедствия почти 130 тыс. человек были эвакуированы в различные республики бывшего СССР, почти 70 тыс. человек выехали самостоятельно. Часть из них обосновалась там на постоянное местожительство и в Армению уже не вернулось (Логосян, 2003. С. 297).

После начала азербайджанско-карабахского конфликта в 1988 г. в результате этнических чисток и погромов армян в Сумгаите, Баку, Кировабаде (Гянджа) и других населенных армянами местах в Азербайджане, а затем военного конфликта в 1991–1992 гг. почти 369 тыс. армян вынуждены были переселиться в Армению. Из них 264,3 тыс. остались в Армении, а остальные, из-за сложностей адаптации (социальных, бытовых, психологических трудностей, незнания армянского языка и пр.), а также в стремлении обеспечить семьи более благополучными условиями и прочее, выехали из страны, в основном в Россию, страны Европы и США (Логосян, 2003. С. 311).

Неблагоприятные политическое, экономическое положение и этнопсихологические факторы постсоветского периода сыграли важную роль

в усилении миграционных потоков из Армении (*Варданян, Галстян, 2008. С. 20–25*), пик которых пришелся на 1991–1995 гг., когда величина среднегодового отрицательного сальдо миграции ежегодно составила более 100 тыс. чел., в 1996–2001 гг. – около 50 тыс. человек (www.dmr.am). По оценке специалистов за десять лет из РА выехали от 800 тыс. до 1 млн 300 тыс. человек (*Ходжабекян, 2001. С. 308*). Приведенные показатели относятся как к безвозвратным, так и трудовым временным мигрантам. В этот период из Армении около 620 тыс. человек выехали в РФ, 80 тыс. человек – в Украину, 15 тыс. человек – в Белоруссию, 100 тыс. человек – в США, 20 тыс. человек – в Западную Европу (*Погосян, 2003. С. 298*). Большинство мигрантов обосновалось в тех странах, где имелись значительные армянские общины. Часть из них, бывшие репатрианты 1930–1950 гг., выехала к своим родственникам, проживающим в диаспоре.

Социально-экономический кризис и война в Карабахе способствовали тому, что часть населения, в частности, из приграничных с Азербайджаном поселений, покинула Армению семьями. В последующих потоках перемещений из страны высокий процент составили выехавшие на заработки или для воссоединения семьи, при этом часть из них не продали свои дома, что может служить важным показателем гарантии их возвращения (*Еганян, Куюмджян, 2004. С. 36, 37*). Что касается трудовых мигрантов, то в 2002–2005 гг. их абсолютное число составило от 116 до 147 тыс. человек или от 3,5 до 4,6% постоянного населения РА (*Минасян, Анчилова, 2005. С. 63*), а в связи с разразившимся мировым кризисом 2008 г. их численность снизилась почти на 30%. В частности, по данным Миграционной службы посольства РФ в РА, в 2009 г. из Армении в Россию выехали около 82 тыс. трудовых мигрантов (<http://ar.newsarmenia.ru/exclusive/20100331/42224967.html>).

Отметим, что в миграционные процессы вовлечены также и национальные меньшинства Армении: курды-езиды, русские, греки, ассирийцы, украинцы и др. В связи с карабахским конфликтом к концу 1988 г. Армению покинули 160 тыс. азербайджанцев.

Для большинства трудовых мигрантов из Армении основной причиной выезда являлось отсутствие работы (в том числе, по специальности), низкая оплата труда, стремление получить (или дать своим детям) качественное высшее образование и т.д.

Трудовая миграция несет на себе отпечаток этноспецифических черт армянского менталитета, в частности, ценностных ориентаций семьи и семейных взаимоотношений. В настоящее время трудовой миграцией, как и в прошлом, в подавляющем большинстве традиционно охвачены мужчины трудоспособного возраста и лишь в незначительной степени (около 7%) – женщины. Учитывая, что в прошлом в традиционном армянском обществе социальная мобильность женщины была крайне ограниченной, участие ее в трудовой миграции в наши дни свидетельствует о существенном изменении ее статуса и роли в современной жизни. В современных условиях при высоком уровне безработицы и тяжелом материальном положении семьи, армянские женщины нередко вынужденно вовлекаются в этот процесс, в основном выезжая в США, Европу и страны Ближнего Востока. За пределами республики они, как правило, заняты в сфере торговли и обслуживания (*Кавказ–Россия.., 2004. С. 57*).

На формах организации миграционного процесса также сказываются средний размер и структура армянской семьи, как и сохраняющиеся в ней национальные традиции. При совместном проживании под одной крышей двух-трех поколений семьи, в особенности на селе, как правило, один из мужчин остается дома для ведения хозяйства, а другой (или другие) выезжает на работу за пределы республики. В основном в домохозяйстве бывает один сезонный мигрант (75,9%), значительно реже – два (20,4%) и очень редко в этом участвуют одновременно три или четыре члена семьи (соответственно 2,1% и 1,9%) (ПМА: *Ширак, Гехаркуник*, 2005–2006; *Тавуш*, 2007–2008; *Сюник*, 2009–2010). Почти $\frac{2}{3}$ трудовых мигрантов находятся в активном репродуктивном возрасте, из них лишь $\frac{1}{4}$ не женаты. Поскольку у армян предпочтение отдается мононациональным бракам, выбор брачного партнера в основном осуществляется на своей исторической родине (*Титова*, 2004. С. 79; *Галстян*, 2010. С. 217). Большинство мигрантов имеют среднее, среднее специальное или высшее образование.

При сохранении армянами довольно крепких семейно-родственных связей, трудовая миграция обычно осуществляется бригадами (из 5–10 человек), сформированными по семейному, семейно-родственному, а также дружественно-соседскому или земляческому принципу, где каждый владеет несколькими специальностями. В местах въезда мигранты из Армении в основном заняты строительными работами. Определенная часть их основывает также здесь свой малый и средний, а иногда и крупный бизнес, чему способствуют их обширные связи с местными административными органами и армянами-предпринимателями, в особенности при длительном проживании последних в иноэтнической среде.

Подавляющее большинство трудовых мигрантов из Армении направляются в РФ, значительно меньше – в Казахстан, в Украину и др. С 1990-х годов ареал миграционных потоков довольно расширился: наряду со странами СНГ, определенная часть трудовых мигрантов выезжала в Польшу, Голландию, Бельгию, США, Грецию, Германию, Австрию.

Для армянских мигрантов преимущественная предпочтительность России имеет несколько веских причин: широкий рынок труда, отсутствие визового режима, а также и языкового барьера, наличие значительной этнической общины, сходство вероисповедания (*Тер-Саркисянц*, 2001).

Направление миграционных потоков из Армении в различные регионы РФ и страны СНГ нельзя считать случайным: они складывались на протяжении длительного времени и постоянно поддерживаются в настоящее время. Для каждого района Армении сложились свои, ставшие традиционными регионы-доноры России. Среди них, помимо Москвы, Санкт-Петербурга и Юга России, немаловажное место в последние десятилетия занимали Новосибирск, Омск, Челябинск, Томск, Красноярск, Тюмень, Оренбург, Нижний Новгород, Саратов, Пенза, Самара, Казань, Уфа и многие другие (*Арутюнян*, 2007. С. 137–164; *Майничева*, 2000. С. 145–159; *Степанян*, 2004. С. 46–63; *Титова*, 2004. С. 64–80; *Лиценбергер*, 2008. С. 197–199; *Галстян*, 2010. С. 210–218). Так, часть трудовых мигрантов, в частности, из Ширака и Гехаркуника, занимаясь сезонной миграцией, еще со второй половины XX в. века выезжала в РФ, где со временем некоторые остались на постоянное местожительство (*Галстян*, 2010. С. 210). Это – мигранты первой волны, сумевшие создать на

местах широкую сеть социальных связей, которая после 1990-х гг. определила направление миграционных потоков оставшихся в Армении родных и знакомых. Так, уже третье поколение трудовых мигрантов из села Сарухан (Гехаркуник) в настоящее время выезжает в те же регионы РФ, куда в 1960-е годы выезжали их отцы и деды, в результате чего около 350 семей данного села обосновались на постоянное местожительство в Нижнем Новгороде, около 500 семей из с. Варденик того же региона – в Тюменской, Пермской, Челябинской областях, около 250 семей из села Азатан (Ширак) – в Якутске. Однако большая их часть свои дома не продала в надежде вернуться обратно на родину (Галстян, 2007. С. 329). Показательно, что, выезжая в Россию, более половины мигрантов руководствовались проживанием там своих родственников и членов семьи, а также друзей и знакомых, которые, обустроившись на местах, затем вызывают их к себе для совместной работы. Подобный механизм цепной миграции с опорой на широкие этнические сети и определяет направление современных миграционных потоков из Армении (Галстян, 2010. С. 212). Широкие этнические сети армян, объединяющие родственников, друзей, земляков, действующие в местах въезда мигрантов, в значительной степени облегчают решение вопросов их трудоустройства, жилищно-бытовых и пр. жизненно важных проблем и адаптации в новой иноэтнической среде (Титова, 2004. С. 69), способствуют формированию этнических общин на территории РФ и других стран (Фирсов, Кривушина, 2004. С. 9–13, 16, 17; и др.) Эти новые армянские общины на территории РФ не однородны по своему составу и нередко формируются по признаку субэтнических групп. Внутри общины они формируют свои земляческие сети, влияющие на распределение экономических ресурсов и сферу бизнеса.

Особенно важно, что армянские общины на местах являются средоточием общественной жизни, поскольку в их деятельности отражается весь спектр социально значимых культурных и исторических событий: отмечаются национальные и религиозные праздники и обряды, проводятся мероприятия, связанные с днями памяти жертв геноцида армян (24 апреля) и жертв Спитакского землетрясения (7 декабря), организуются культурные программы и т.п. (Лиценбергер, 2008. С. 197–199; Амелин, 2008. С. 230–232; Галстян, 2010. С. 218). Проблемам сохранения национально-культурных ценностей, идентичности и этнического самосознания в рамках иноэтнической среды придается важное значение.

Особое внимание при этом уделяется воспитанию и образованию армянских детей в духе национальных духовных традиций (прежде всего обучению их родному языку и истории), в чем основную роль играют практически повсеместно созданные армянские воскресные школы. Их юридическо-правовой статус и успешное функционирование зависят не только от армянской общины или армянских культурных центров на местах, но и органов местной администрации. То же относится к деятельности уже действующих и открытию новых армянских церквей. Они являются насущной потребностью для находящихся вне пределов Армении армян, особенно если учесть их приверженность к соблюдению традиционных обрядов жизненного цикла (свадеб, крестин, похоронно-поминальных) и религиозных праздников (Галстян, 2010. С. 218). В настоящее время в Новосибирске, Омске, Саратове и других городах ведется активное строительство армянских храмов.

Не менее важное значение имеет и наличие армянских средств массовой информации, в частности, печатных изданий, также входящих в юридически-правовую сферу местных органов власти. Следует подчеркнуть, что без соответствующей этнической микросреды мигрантов, на уровне лишь отдельно взятых семей (даже при активизации речевой ситуации дома) сохранение национальной идентичности любого этноса не представляется возможным.

Не случайно многие семьи, стремясь поддержать в своих детях чувство патриотизма, укрепить связь родственных уз и речевую практику, на летние каникулы отправляют их в Армению, чтобы «не забыли родину и армянский язык» (Галстян. С. 216).

В местах въезда армянские мигранты поддерживают и сохраняют довольно тесные контакты с местным населением, что способствует взаимному обогащению двух культур и большей осведомленности друг о друге. Это взаимное межэтническое общение приводит к тому, что на местах армянские мигранты являются не только носителями определенных черт своей национальной культуры, но и привносят в свой поведенческо-бытовой облик новые черты, нормы поведения и ценностные ориентации. Проживание в иноэтнической среде способствует приобретению ими новых специальностей, трудового опыта, навыков и знаний, развитию у них билингвизма и, что немаловажно, – выработке толерантности.

Тем не менее опора на свои этнические сети, как правило, не снимает многочисленных проблем социальной и этнопсихологической адаптации мигрантов на местах. Среди них наиболее существенными и болезненными для армян являются отсутствие правового статуса (в условиях действия паспортного режима в отношении иностранных граждан особо острой является проблема регистрации), неурегулированность трудовых взаимоотношений и повышенный риск трудовой эксплуатации и трафикаинга, слабая социальная защищенность и т.п., что создает ряд серьезных проблем как для них самих, так и для органов власти на местах, а также РА (Галстян, 2007. С. 275, 276).

Сложности социальной адаптации усугубляются проблемами личностного характера. При традиционно приоритетной ценности семьи у армян, длительный отрыв трудовых мигрантов от своих семей и родственников, обеспокоенность положением оставленных на родине родных и близких создают для многих из них постоянный фон морально-психологического и душевного дискомфорта, который накладывается на весь сложный комплекс адаптации в иноэтнической среде.

Следует подчеркнуть, что в местах въезда высокие заработки даются армянским мигрантам нелегким трудом. Для многих из них это часто ненормированный рабочий день, нередко труд без выходных в сочетании с жилищно-бытовой неустроенностью, неудовлетворительными санитарно-гигиеническими условиями, необеспеченностью режима нормального систематического питания и прочее, следствием чего являются многие приобретенные болезни и ослабленное здоровье. Немаловажным фактором является и социальный аспект миграционной мобильности армян. Сохраняя интенсивные связи со своей родиной, мигранты не ограничиваются финансовой помощью членам своей семьи, родственникам. Они вносят также посильный материальный вклад в развитие инфраструктуры своей малой родины, причем на благотворительной основе: выделяют средства на ремонт школы, проведение

водопровода, газификацию села, строительство или реставрацию церкви и т.п., при финансовых возможностях основывают там свой бизнес, создавая новые рабочие места.

В сегодняшних условиях миграция положительно влияет на оборот денежных средств в республике, что в свою очередь способствует ее экономическому развитию: значительная часть заработанных средств поступает в Армению перечислением через банковскую систему. Увеличение оборотных средств, определенное ослабление социальной напряженности, создание предпосылок к формированию среднего класса – эти и подобные аспекты результатов трудовой миграции в плане государственных интересов можно расценивать как позитивные. Позитивным является также определенный вклад армянских трудовых мигрантов в развитие экономики РФ и активное участие армянских общин в общественной и социально-культурной жизни на местах.

Однако миграционный процесс имеет и свои негативные последствия. Прежде всего это касается демографической ситуации в Армении. При широком масштабе трудовой миграции в результате оттока значительной части трудоспособного мужского населения нарушается его половозрастная структура. Немаловажным представляется и то обстоятельство, что вовлеченные в этот процесс представители армянского этноса практически не участвуют в развитии национальной экономики республики, а свой трудовой вклад вносят в странах въезда далеко за ее пределами (*Ходжабекян*, 2001. С. 318–322).

Миграционная мобильность нередко негативно влияет на семейные отношения и крепость семейных уз у армян. В новой социально-экономической ситуации происходит определенная переоценка ценностей, в том числе перераспределение ролевых функций в семье. При длительном отсутствии главы семьи или других мужчин-мигрантов значительно расширилась сфера трудовой деятельности армянской женщины, в особенности на селе, где ей, наряду со своими традиционными обязанностями, приходится заниматься также несвойственной ей «мужской работой». Кроме того, в отсутствии мужа на ее плечи ложится воспитание детей, уход за его престарелыми родителями, участие в различных мероприятиях, связанных с жизнью общины и т.д., что ведет к еще большей морально-психологической напряженности в семье. Все это создает конфликтность во внутрисемейных отношениях, расшатывает крепость семейных уз и ведет к увеличению количества разводов.

В целом миграционная ситуация продолжает оставаться сложной, что серьезным образом влияет на социально-экономическую, этнокультурную и демографическую ситуацию республики.

АРМЯНСКАЯ ДИАСПОРА

Одной из характерных особенностей истории Армении является проживание на протяжении долгих веков части армянского народа вне своей этнической территории, родины, иначе говоря, существование армянского зарубежья, диаспоры. Сегодня большинство армян живет за пределами Республики Армения. Наиболее многочисленными являются армянские общины в Российской Федерации (1 млн 130 тыс. по данным переписи 2002 г. и свыше

2 млн по экспертным оценкам), в США (более 1,2 млн), во Франции (около 450 тыс.), в Грузии (248 тыс. по данным переписи 2002 г., около 350 тыс. по экспертным оценкам), в Украине (около 130 тыс.), в Иране, Ливане, Сирии, Аргентине, Канаде (в каждой – около 80 тыс.). Армянские общины существуют также в десятках других стран Европы, Америки, Азии и Африки (Армянская диаспора, 2003; Даллакян, 2004; Ter Minassian, 1989; Boudjikian-Keuroghlian, 1982; Дятлов, Мелконян, 2009).

Причины и направления миграций. Армянское государство – одна из могущественных держав Передней Азии в период царствования Тиграна II (95–55), в дальнейшем вступает в период затяжного кризиса и становится ареной военно-политического противоборства ведущих держав этого региона – Восточной Римской империи (Византии) и Ирана. В 387 г. они пришли к соглашению по вопросу о разделе Армении, по которому более $\frac{3}{4}$ территории страны пришлось на долю Ирана (Саркисян, Худавердян, Юзбашян, 1998. С. 46). Этот год условно можно считать началом истории армянского зарубежья, именно с этого времени эмиграции армян из Армении становятся постоянной и важной характеристикой их истории.

Еще в III–IV вв., в период царствования в сасанидском Иране Арташира I и Шапуха II, были осуществлены первые массовые насильственные переселения армян в Иран, в том числе и с целью развития торговли, ремесел и других сфер деятельности в этой стране. В свою очередь, Византия, искусно сочетая меры принуждения и поощрения, на протяжении столетий последовательно проводила политику, целью которой было переселение армян в различные области империи – в Македонию, Фракию и пр. Обосновавшиеся здесь армянские князья и военачальники успешно интегрировались в византийское общество, вплоть до основания ими Македонской, или Армянской, династии императоров (867–1057) (Каждан, 1975).

В последующие века эмиграции армян, как и иных народов, со своей родины были обусловлены в первую очередь экономическими, религиозными и политическими факторами. Однако важно отметить, что в отсутствии собственной государственности эти факторы неизбежно сопровождалась и дополнялись жесткой дискриминацией армян со стороны иноземных правителей, включая такие ее крайние формы как погромы, насильственные изгнания, массовые убийства и др.

В истории армянского народа особую значимость имело переселение в Киликию. В этой находящейся на северо-восточном побережье Средиземного моря области, армяне проживали издавна, однако их массовое переселение сюда началось в VIII–X вв. Помимо простого люда в Киликии обосновались также крупные феодалы со своими вассалами, военачальники со своими войсками, которые вскоре не только заняли господствующее положение в социально-экономической структуре местного общества, но и основали в 1080 г. свое княжество, а в 1198 г. и суверенное государство – Киликийское армянское царство (Микаелян, 1952; Сукласян, 1969; Mutaflan, 1988). Возрождение государственности в Киликии ознаменовалось развитием всех без исключения сфер жизнедеятельности армянского народа. Киликийское армянское царство просуществовало до 1375 г., когда пало под ударами мамлюков. Это привело к эмиграции части местных армян в Италию, Сирию, Францию и другие страны, но в большинстве своем они продолжали жить

здесь вплоть до конца 1921 г., а сама Киликия стала для армян неотъемлемой частью их родины.

Расширению географии армянского зарубежья способствовало также активное участие армян в организации и осуществлении торговых связей между Востоком и Западом, начиная с XIII в. Торговые маршруты армянских коммерсантов пролегли от Ирана и Индии до Португалии и Франции, а обосновавшиеся на юге России (Астрахань, Нор Нахичеван и др.) армяне сыграли важную роль в налаживании торговли между Россией и Ираном, транзитной – через Россию – торговли между Востоком и Западом. На всем протяжении торговых путей армянские купцы основывали торговые дома, вокруг которых формировались армянские общины (*Бродель*, 1988. С. 143–146).

Эмиграция армян значительно усилилась вследствие вторжения в VII в. арабов, а начиная с XI в. также тюрок-сельджуков, татар, монголов и других кочевников. В этот период помимо сравнительно близких регионов – Месопотамии, Сирии, побережья Малой Азии и другие – большое число армян расселяется также в Крыму, Румынии, Польше, Венгрии, Киевской Руси, Болгарии и в других странах (*Алпояджян*, 1941; *Страницы истории..*, 1996).

Особенно тяжелые и необратимые последствия для армян имели нашествия турок-османов, которые со временем основали Османскую империю, ставшую господствующей державой этого региона. На ее обширной территории – в Европе и Азии – турки последовательно проводили политику тотального притеснения местных христианских народов (армян, греков, болгар и др.), в том числе и их принудительное обращение в ислам. В этих условиях армяне вынужденно эмигрировали не только из Армении, но и из завоеванных турками стран Среднего Востока и Европы, где они обосновались в предшествующие периоды.

С конца XVII в. усиливается в этом регионе и Российская империя, конечной целью которой был выход к Великим проливам. После победоносных войн с Турцией и Персией в 1826–1829 гг., Россия, с целью развития отошедших к ней территорий Ереванского и Нахичеванского ханств и усиления новых границ верным ей христианским населением, осуществила переселение около 150 тыс. армян с армянских территорий Турции и Персии. Следствием этих и последующих войн (в 1877–1878 гг.) стал очередной раздел Армении. Восточная Армения вошла в состав Российской империи, а Западная Армения и Киликия, где жило подавляющее большинство армян, почти в неизменном виде остались в составе Османской империи. Между тем, рост этнополитического самосознания армян на фоне постоянных и все усиливающихся репрессий турецких властей привел к началу национально-освободительной борьбы. В своем стремлении подавить ее султан Абдул Гамид II в 1894–1896 гг. на территории Западной Армении осуществил геноцид армянского населения, жертвами которого стали более 300 тыс. человек. (*Армянский вопрос*. 1991. С. 263–266; *Kirakossian*, 2004; *Kirakossian*, 2008). Неизбежным следствием этого стало резкое усиление эмиграции, в том числе и в страны Северной и Южной Америки – США, Канаду, Аргентину и др.

Продолжающиеся веками вынужденные миграции с родины с течением времени привели к тому, что в массовом сознании армян эмиграция стала восприниматься как крайне нежелательное, но и неизбежное явление, как не-

кий predeterminedный свыше атрибут их жизнедеятельности. Вместе с тем, опыт проживания среди других народов способствовал формированию у них навыков, традиций как адаптации к культурам принимающих обществ, так и сохранения своей этнокультурной идентичности. Более того, в условиях запретительной политики иноземных правителей, само развитие армянской светской культуры становилось возможным именно в зарубежье. Именно там основываются первые армянские типографии (в Венеции в 1512 г.), издаются первые армянские периодические издания (журнал «Аздарар» в Мадрасе в 1794–1796 гг.), разрабатываются конституции будущей независимой Армении, создаются политические, культурно-просветительские, благотворительные и другие организации. Основными культурными, политическими и финансовыми центрами армянского зарубежья накануне Первой мировой войны являлись – в соответствии с разделенностью самой территории Армении между Турцией и Россией – Константинополь и Тифлис, а также Смирна (Измир), Каир, Москва, Баку, Калькутта и др.

Наиболее важными характеристиками армянского зарубежья в этот период можно считать следующие:

а) несмотря на постоянную эмиграцию, абсолютное большинство армянского народа проживало на своей родине – в Западной Армении и Киликии, входивших в состав Османской империи, и в Восточной Армении, входившей в состав Российской империи;

б) эмигрировавшие армяне или их потомки практически всегда имели возможность вернуться на родину.

Начало XX в. в истории армянского народа отмечено беспрецедентным по своей трагичности событием, predeterminedившим всю его дальнейшую жизнедеятельность. Речь о совершенном в Османской империи в 1915 г. геноциде армян, жертвами которого стали около 1,5 млн людей (*Киракосян*, 1989; *Армянский вопрос*. 1991; *Dadrian*, 1995; *Ternon*, 1977; *Тойнби*, 1995. С. 357; *Неймарк*, 2005. С. 65). Наряду с убийствами в местах проживания, одной из форм осуществления геноцида была массовая депортация армян в отдаленные районы империи – пустыни Сирии и Ирака. Сам способ проведения депортации (убийства по пути следования, жара, голод и болезни, наконец, массовое уничтожение уже в концентрационных лагерях) свидетельствовал о ее истинной цели – умерщвлении возможно большего числа людей (*Dadrian*, 1995. С. 225).

Несмотря на озвученные в ходе войны разного рода обещания стран-победительниц (Англии, Франции, России и США) об осуществлении по окончании войны прав армян на свободное существование на своей родине, несмотря на поражение Турции в Первой мировой войне, тем не менее, послевоенные политические реалии дополнили трагедию армянского народа. Согласно решениям Лозаннской конференции 1922–1923 гг., а до этого и Московского договора 1921 г. между Советской Россией и Турцией, территории Западной Армении и Киликии, а также часть Восточной Армении остались в составе Турции. Тем самым, вследствие геноцида и депортации впервые в истории армянского народа:

а) не только в Западной Армении и Киликии, но и на всей территории Турции кроме Стамбула почти не осталось армян;

б) выжившие после геноцида и депортации со своими потомками лишились возможности вернуться на родину – в Западную Армению, Киликию и другие районы Турции.

Несколько сот тысяч армянских изгнанников, рассеявшись по многим странам, образовали новое армянское зарубежье. С середины 1920-х годов в зарубежных армянских изданиях эту новую историческую реальность постепенно стали называть словом *սրժուիկ* (*спюрк*), соответствующим греческому *диаспора*. В классическом «Новом словаре древнеармянского языка» венецианской Конгрегации мхитаристов слово *спюрк* объясняется как «рассеяние или распространение в разные стороны» и «народ в рассеянии», а в пример приводится место из древнеармянского перевода Библии, из Книги пророка Иеремии, где говорится о рассеянии евреев среди язычников (Новый словарь..., 1837. Т. 2. С. 765, 766). Важно, что ни в этом словаре, ни до того, в сочинениях армянских средневековых историков, ни позднее это слово не применялось по отношению к армянам. Ведь армянский народ не был в рассеянии: несмотря на все миграции, подавляющее большинство армян всегда жило на своей родине. Положение существенно изменилось только после геноцида и изгнания в годы Первой мировой войны. С осознанием необратимости происшедшего возникла необходимость назвать новое армянское зарубежье, принципиально отличное от прежнего. Нужды в словотворчестве не было, достаточно было применить к себе отглагольное существительное *спюрк*. Так начался армянский диаспоральный дискурс.

На помощь армянам и другим народам региона, пострадавшим в годы войны, поспешили организации, созданные в некоторых странах Запада именно с этой целью. Среди них наиболее значимой как по масштабам, так и по продолжительности своей деятельности (до 1930 г.) стал Комитет помощи Ближнему Востоку (Амерком, «The Near East Relief»). В меру своих сил и возможностей помощь соотечественникам была оказана и армянами зарубежья – частными лицами и организациями. Стараниями Армянского всеобщего благотворительного союза в Сирии, Ливане, Греции, Египте и других странах были основаны сиротские приюты-школы, дома призрения, в которых, однако, нашла приют лишь часть из примерно 200 тыс. осиротевших в годы геноцида армянских детей (*Азарян*, 1995; *Армянский вопрос*. 1991. С. 268, 269; *Мелконян*, 2010. С. 65–138).

Лишь в начальный период войны около 300 тыс., проживавших в приграничных с Россией районах, смогли перебраться в эту страну, на территорию Восточной Армении. Более того, приход к власти в России большевиков в ноябре 1917 г., выход Советской России из войны и отвод ею войск с Кавказского фронта, ее союзнические отношения с новыми властями Турции во главе с Мустафой Кемалем (Ататюрком) открыли турецким войскам путь в Восточную Армению, где они попытались довершить политику геноцида армян. Однако армянские регулярные войска и ополченцы в сражениях при Караклисе, Баш-Апаране и Сардарапате в мае 1918 г. одержали победу над турками. Благодаря этому часть Восточной Армении была спасена от захвата турками, и были созданы условия для восстановления армянской государственности. 28 мая 1918 г. была провозглашена Первая Республика Армения, просуществовавшая до ноября 1920 г., когда в стране при военной поддержке Советской России была установлена советская власть. В 1921 г.

Вторая (Советская) Республика Армения вошла в состав Закавказской Советской Федеративной Социалистической Республики (ЗСФСР) и уже в ее составе в 1922 г. – в новосозданный СССР.

В 1988–1991 гг., в охваченном агонией Советском Союзе, Армения приняла около 400 тыс. беженцев-армян, спасающихся от погромов, организованных властями Советского Азербайджана. По своему характеру – насильственное изгнание – эти миграции схожи с депортациями 1915 г. Вместе с тем, если в Турции основной целью был именно геноцид, и депортация была одним из способов его осуществления, то в Азербайджане основной массе армян была предоставлена возможность эмиграции, точнее – бегства из страны. В обоих случаях в странах исхода армян практически не осталось. Что же касается народа Нагорного Карабаха, то он при поддержке Армении победил в войне, развязанной против него Азербайджаном, и 2 сентября 1991 г. провозгласил свою независимость, образовав Нагорно-Карабахскую республику.

Распад Советского Союза в 1991 г. привел к созданию Третьей Республики Армения. Крайне тяжелое экономическое и социальное положение страны вследствие разрушительного землетрясения 1988 г., последующей энергетической и транспортной блокады со стороны Азербайджана и Турции, начала войны в Нагорном Карабахе, привело к продолжающейся и по сей день эмиграции более 1 млн армян в Россию, Украину, США и другие страны.

Армянские общины в странах Востока. В странах Востока наибольшее число армян проживает сегодня в Иране, Ливане и Сирии. Ирано-армянские взаимосвязи, восходящие к I тыс. до н.э., обусловили специфику исторического развития армянских общин в Иране. До V в. сопредельные с Арменией северо-западные, в значительной мере населенные армянами регионы Ирана находились в сфере влияния армянского государства. Близость к Армении, постоянный приток новых групп армян способствовали сохранению культурной идентичности местных армян, в то время как в более удаленных, северо-восточных и южных регионах страны они постепенно ассимилировались.

В последующие века короткие периоды сравнительно мирного развития сменялись несравненно более продолжительными периодами религиозных, экономических и иных преследований и притеснений, что, в свою очередь, стимулировало эмиграцию из страны. Такие настроения были тем более характерны для армян, в разное время переселенных в Иран из Армении. По своим масштабам особенно значительным стало насильственное переселение шахом Аббасом I в 1604–1605 гг. около 300 тыс. армян, примерно $\frac{1}{3}$ которых погибла в пути. Это переселение помимо военно-политических целей должно было способствовать развитию ремесел, но главное – международной торговли, при посредстве известных своими связями армянских купцов из Джуги (Джульфы) (*Бродель*, 1986. С.111; *Vaibourtian*, 2004). Основанный ими близ Исфахана город Нор Джуга (Новая Джуга) стал не только центром торгового капитала страны, но и важным культурным центром армянского зарубежья того времени. В начале XVII в. здесь уже действовали две армянские школы, в которых преподавались грамматика, философия, естественные науки, богословие, музыка, европейские языки и «искусство торговли». В 1638 г. была основана типография, сформировались местные традиции армянской миниатюры, живописи, архитектуры и др. (*Manoukian*, *Manoukian*,

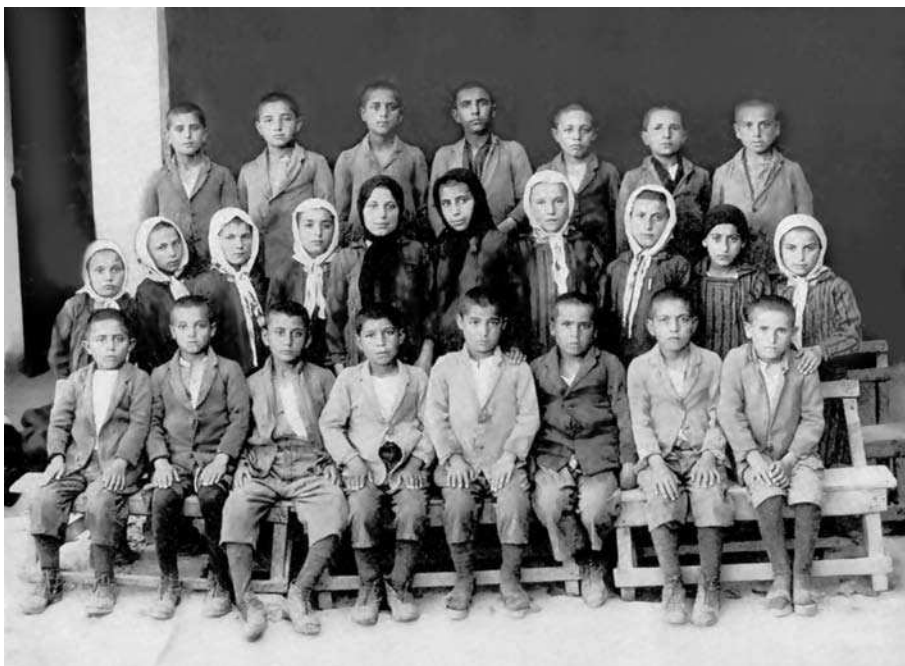
1992). Но все новые притеснения и разорительные нашествия афганских племен в 1722 г. привели к эмиграции жителей Нор Джуги (Армянская диаспора. 2003. С.210, 357–359; *Seth*, 1937).

В начале XX в. в Иране проживало около 80 тыс. армян, большинство из которых, в отличие от других стран, составляло сельское население. Из городов наиболее крупные общины, вместе с целой сетью различного рода организаций, имелись в Тегеране, Тавризе (Тебризе), Исфахане и др. В годы Первой мировой войны часть иранских армян также испытала ужасы политики геноцида, когда турецкие войска, вторгшиеся в сопредельные с Турцией районы Салмаста и Урмии, организовали массовые убийства и погромы местных армян и айсоров.

Иной путь развития был характерен для армянских общин в Ливане и Сирии (*Топузян*, 1886; *Sanjian*, 1965). Массовое расселение армян на территориях этих стран началось еще в I в. до н.э., в период царствования Тиграна II, включившего их в состав своей державы. В последующие века основными причинами переселения армян в Ливан стали нашествия кочевников и религиозные преследования. С XVIII в. сюда же начинают переселяться и армяне-католики, а построенный в 1749 г. в Зммаре монастырь становится резиденцией главы Армянской католической церкви. Однако рост численности армян сопровождался также процессом их ассимиляции, особенно в среде маронитов. Новая волна переселения армян (безотносительно к их конфессиональной принадлежности) началась в конце XIX в. как следствие геноцида 1894–1896 гг. Тем не менее, численность местных армян, успешно занимающихся в основном внутренней и внешней торговлей, к началу Первой мировой войны составляла лишь несколько тысяч человек, из них около 1,5 тыс. в Бейруте.

В отличие от Ливана, численность армян в Сирии начинает возрастать с IX в., вследствие политики Византии по их переселению в Северную Сирию, и уже в X в. здесь была основана епархия Армянской апостольской церкви. После падения Киликийского армянского царства сюда же, главным образом в Алеппо, переселяются около 250 знатных армян со своими семьями и приближенными, потомки которых, однако, также постепенно ассимилировались. В развитии местных общин в XV–XVII вв. большое значение имело открытие нового торгового пути Тебриз–Алеппо и далее к Средиземному морю, что не только способствовало экономическому подъему, но и привлекло сюда значительное число армян из самой Армении. В начале XX в. общая численность сирийских армян, проживавших главным образом в Алеппо, Александретте (ныне Искендерун), Антиохии, Дамаске и др., составляла около 80 тыс. человек.

После окончания Первой мировой войны, а затем и после передачи Францией в конце 1921 г. Киликийской Армении Турции, большое число армян обосновалось в Ливане и Сирии, получивших статус подмандатных территорий Франции. В 1923–1924 гг. численность армянских изгнанников в Ливане достигла примерно 40 тыс., а в Сирии, на территории которой во время войны находились концентрационные лагеря, уже в 1918 г. насчитывалось около 142 тыс. армян. Спустя 20 лет после окончания войны, в 1938–1939 гг., французские власти Сирии передали Турции также северо-западную часть страны – Александреттский санджак (ныне Хатай), вследствие чего еще

Сиротский приют. Бейрут, 1919 г.
AGBU News. New York. June, 1994

около 40 тыс. местных армян вынуждены были переселиться в другие районы Сирии и в Ливан.

В слабо развитых аграрных странах Востока армяне, в целях безопасности, стремились к компактному расселению в городах – Бейруте, Алеппо, Дамаске, Латакии, Багдаде, где в большинстве своем, как и на своей родине, занялись ремеслами, торговлей. Со временем, благодаря своей предприимчивости и трудолюбию, армяне не только успешно интегрировались в местные общества, но и в немалой степени способствовали развитию принимающих стран. Уже в 1960-х годах в Ливане им принадлежало 18% крупных и около 43% малых и средних промышленных предприятий. После Второй мировой войны значительно возросло также число армян с высшим образованием – врачей, юристов, архитекторов, преподавателей университетов и др. В Иране и Ливане армяне как одна из официально признанных конфессиональных общин имеют своих представителей в парламенте, периодически входят в состав правительств, что еще более повышает их роль в общественно-политической жизни этих стран.

Отличительной особенностью армянских общин в странах арабского Востока является существование в мусульманской среде. Это предопределяет допустимую грань воздействия мусульманской культуры на культуры христианских меньшинств и тем самым в значительной мере способствует сохранению последними своей этнокультурной идентичности. В диаспоре особенно значимой стала роль семьи как одного из немногих возможных средств этнической социализации и этнокультурного воспитания подра-

стающего поколения. Сохранению традиционных форм армянской семьи в странах арабского Востока способствовало то, что здесь, как и на родине, доминировала патриархальная семья, социальные функции и структура которой, несмотря на этнокультурные различия, во всем регионе были схожими. Важную роль играет, в частности, трех- и более поколенная структура семьи; постоянное общение детей со старшими приобщало их к традициям и ценностям армянской культуры. В условиях сохраняющейся половозрастной субординации само следование этим традициям носит обязательный характер. Большое значение имело и то, что в этих странах, как в армянских семьях, так и семьях местных народов роль женщины сводилась, а в Иране после исламской революции 1979 г. и сегодня в основном сводится к ведению домашнего хозяйства и воспитанию детей. Ограниченное общение женщин-армянок с внешним миром способствовало их более четко выраженной этнокультурной определенности, передававшейся детям в процессе воспитания. Начиная с 1960-х гг. все большее число армянок продолжают свое обучение в колледжах и университетах, выросло и число работающих женщин (Мелконян, 1988. С. 99, 100).

Одним из наиболее важных последствий религиозной оппозиции в мусульманских странах Востока явилось малое число национально смешанных браков среди местных армян. Согласно некоторым исследованиям, подобные браки армян Бейрута с арабами-католиками в 1950–1969 гг. составляли лишь 6,7% от общего числа (*Boudjikianian*, 1983. Р. 436). Моноэтническая структура армянских семей вкуче с многочисленными общинными организациями и, в первую очередь, с целой сетью армянских школ обеспечили этнокультурную трансмиссию во времени.

Первая армянская средняя школа в Ливане была основана при Армянской католической церкви в Зммаре еще в XVIII в. (с некоторыми перерывами она действует и по сей день), а затем и в Бейруте. С начала XIX в. средние школы открываются также в Индии (Калькутте), в Иране (Нор Джуге, Тебризе, Тегеране), в Египте (Каире и Александрии), в Сирии (Кесабе, Алеппо, Дамаске) и в других странах Востока. Начиная с 1920-х гг., при финансовой поддержке, главным образом американских армян, в этих странах была основана целая сеть средних школ, число которых особенно возросло после Второй мировой войны и в середине 1970-х гг. достигло 60. До конца Второй мировой войны, когда Сирия и Ливан являлись подмандатными территориями Франции, в местных армянских школах придавалось большое значение изучению европейских языков – французскому и английскому, а обучение арабскому языку носило необязательный характер. После обретения этими странами независимости, когда знание арабского языка стало необходимым условием социально-экономической интеграции в данное общество, подобная культурно-языковая отстраненность была преодолена, поскольку она могла негативно сказаться на всей жизнедеятельности армянских общин. Сегодня наиболее крупные из армянских школ – «Наджарян-Гюльбенкян» и «Айказян» в Алеппо (более 1 тыс. учеников), а также «Меланктон и Айка Арсланян», «Егише Манукян» и др. в Бейруте, «Мари Манукян» и «Нвард Кюлпенкян» в Тегеране.

Обучение в этих, аккредитованных государствами средних школах, ведется (как и в подобных школах в странах Запада) по местным учебным

Выпускники школы Наджарян Гюльбенкян. Алеппо. (Сирия)
AGBU News. New York. December, 1995

программам, дополненных тремя-четырьмя дисциплинами по армянской истории, языку и литературе. Благодаря обучению в этих школах подавляющего большинства армянских детей армянский язык и по сей день является средством общения местных армян. Большое число разного рода активно действующих общинных организаций, учебных заведений, периодических изданий, появление целой плеяды армяноязычных писателей и поэтов – все это в условиях компактного расселения в пределах отдельных городов сформировало с течением времени уникальную в своем роде этносоциокультурную среду, которая обеспечивает сохранение и воспроизводство армянских общин. Более того, вплоть до 1980-х годов общины в Ливане, Иране и Сирии являлись культурными и политическими центрами и своеобразной кузницей элиты всей армянской диаспоры. (Дятлов, 2000; *Schahgaldian*, 1983).

Радикализация политических процессов, начавшаяся с конца 1950-х годов сначала в Египте в период президентства Насера и продолжившаяся в других странах (гражданская война в Ливане, Исламская революция в Иране, ирано-иракская война, оккупация Ирака войсками США и др.), оказала негативное воздействие на жизнедеятельность армянских общин. Вследствие эмиграции значительно сократилась численность армянского населения. Так, если в 1970-х годах в Иране и в Ливане проживало примерно по 200 тыс. армян, то сегодня их число сократилось более, чем вдвое. Продолжающийся и сегодня отток армян, преимущественно их социально активной части, привел к снижению деятельности общинных институтов, закрытию некоторых школ, периодических изданий. Местные общины постепенно перестали выступать в роли центра культурной и особенно этнополитической деятельности диаспоры,

Церковь Св. Лусаворич. Багдад (Ирак)

Из кн.: Саркисян Г., Худавердян К., Юзбашян К. Потомки Хайка. С. 270

Культурный центр Эль-Камышлы (Сирия)

AGBU News. New York. July, 2001

уступив ее общинам в странах Запада, в первую очередь, в США, Канаде и Франции. Именно в эти страны эмигрировало и подавляющее большинство армян из арабских стран, несмотря на все ожидаемые сложности, связанные как с социально-экономическим самоутверждением, так и сохранением этнокультурной идентичности.

Армянские общины в странах Европы и Америки. В начале XX в. армянские общины существовали лишь в некоторых странах Европы. В Греции и Болгарии армяне проживали еще с V–VI вв., однако впоследствии, после включения этих стран в состав Османской империи, из них началась эмиграция армян, а иммиграция сюда свелась к минимуму. Лишь в XIX в., после освобождения этих стран от турецкого владычества, возобновился приток армян, усилившийся вследствие геноцида 1894–1896 гг. в Турции. В результате число армян в Болгарии возросло до 20 тыс. Более богатой событиями была история армян в Польше и Румынии, куда они иммигрировали, начиная с XI в., также и по инициативе местных властей с целью развития торговли, различных ремесел (ювелирное дело, ковроделие, ткачество и др.), с предоставлением им различных льгот вплоть до самоуправления. Крупные и богатые армянские общины существовали в Каменец-Подольске, Львове, Бухаресте, Яссах, Сучаве, Черновцах и других городах. С течением времени армяне приняли активное участие также в политической и культурной жизни этих стран. Вместе с тем, подобная успешная интеграция в местные общества неизбежно ускорила процессы ассимиляции армян (*Григорян, 1980; Tryjarski, 1987*). В Польше этому в большой степени способствовал также поддержанный властями прозелитизм католической церкви, весьма часто в виде религиозных гонений, вследствие чего в 1699 г. основная масса армян вынуждена была принять католичество, что привело к их интенсивной ассимиляции. Именно в этот период часть польских армян эмигрировала в соседнюю, также славянскую, но православную Россию, где силою закона были защищены их права на свободу вероисповедания. Переход в католичество имел место и в Трансильвании, после включения ее в состав Австро-Венгрии.

Во Франции, стране, которой еще предстояло сыграть важную роль в истории диаспоры, в начале XX в. проживало лишь около 4 тыс. армян, в основном в Париже, а также в Марселе, Лионе и др. Помимо коммерсантов (некий Паскаль-Арутюн в 1654 г. сначала в Марселе, а спустя 18 лет – в Париже открыл первые в этих городах кофейни) Париж особенно привлекал молодежь, стремящуюся получить образование. В 1843–1914 гг. дипломы различных университетов города получили 122 армянина. Примечательно, что интерес был взаимный – еще в 1798 г. в Школе живых восточных языков Парижа была основана кафедра арменоведения. В 1846 г. открыла свои двери армянская школа «Самуэль-Мурад», которая закрылась уже в наши дни (в 1995 г.).

Именно во Францию, Грецию, Болгарию и Румынию устремились в первую очередь десятки тысяч армянских изгнанников, скопившихся после окончания Первой мировой войны в Ливане и Сирии, а также спасшиеся после кровавых погромов в Измире, устроенных в 1922 г. войсками Ататюрка. Наиболее безопасный, но не всем доступный путь в Западную Европу пролегал через Средиземное море, в Марсель, откуда они затем постепенно расселились в других странах – в Италии, Швейцарии, Бельгии, Голландии и др.

Церковь Св. Григора Лусавоорич. Буэнос-Айрес (Аргентина)
Из кн.: Саркисян Г., Худавердян К., Юзбашян К. Потомки Хайка. С. 269

В 1920-х годах численность армян во Франции достигла 60 тыс., почти столько же в Болгарии, наибольшее их число оказалось в Греции – около 120 тыс., включая 20 тыс. сирот.

Марсель стал также основным отправным пунктом эмиграции армян через океан – в страны Америки. Первые малочисленные группы армян начали прибывать в Северную Америку еще в XVII–XVIII вв. в общей волне иммигрантов из стран Европы (Польши, Венгрии и др.). Эмиграция собственно из Армении, начавшаяся в 1830–1840-х годах, явилась в основном следствием деятельности американских протестантских миссионеров (*Mirak*, 1983, Р. 23–28). Именно выпускники основанных ими в Османской империи школ первыми уезжали в США, а за ними потянулись и другие. К началу Первой мировой войны в США насчитывалось около 60 тыс. армян, большая часть которых проживала в городах восточного побережья – Вустре (здесь были

основаны первые армянские церкви, евангелическая – в 1881 г., апостольская – в 1891 г.), Бостоне, Нью-Йорке, Филадельфии и других, а также во Фресно, Сан-Франциско, Чикаго и др. (*Mirak*, 1980. Р.140, 141).

В конце XIX в. началась иммиграция армян и в Канаду, но в несравненно меньших масштабах. Лишь около 2 тыс. армян проживало в промышленно развивающихся городах провинции Онтарио – в Брантфорде, Сент-Катаринсе, Гамильтоне и др. Как и в США, это были в основном молодые люди, приезжавшие, как им тогда казалось, лишь на время, с целью заработать (*Kaprielian-Churchill*, 2005. Р. 47–111). Однако Первая мировая война кардинально изменила их жизненные установки.

Новая волна иммиграции в США началась сразу после войны, вследствие чего численность армян к середине 1920-х годов достигла 120 тыс. Большинство иммигрантов, в прежней своей жизни крестьяне, ремесленники, торговцы, не знающие к тому же местных языков, в промышленно развивающихся странах Запада на первых порах вынуждены были наниматься на низкооплачиваемые, тяжелые работы. Но даже такая работа стала им недоступна, когда в конце 1920-х годов в странах Запада начался экономический кризис, ударивший прежде всего по иммигрантам. Именно в это безысходное, казалось бы, время в социальной структуре армян диаспоры произошли важные по своим последствиям изменения. Мужчины уходят – добровольно или вынужденно – с рудников, заводов, из строительной сферы в предпринимательскую и берут на себя организацию работы женщин, своих жен, матерей, сестер. Они постепенно расширяют дело, открывают новые предприятия и в ходе такого, как говорят сегодня, семейного бизнеса становятся владельцами прачечных, швейных и подобных мастерских, ресторанов и кафе, магазинов. Дальнейшие события показали, что все это было не только самым продуктивным способом выживания в условиях экономического кризиса тех лет, но и началом включения вчерашних изгнанников в средний класс принявших их обществ.

Не менее сложно протекал процесс культурной адаптации в новой среде. Иммигранты не имели сколько-нибудь реальных представлений о культурных традициях и образе жизни принимающих обществ, которые зачастую были чужды и неприемлемы для них. Принимающие общества, в свою очередь, будучи столь же незнакомыми с армянами, в своем отношении к ним основывались, вольно или невольно, на негативных стереотипах об «азиатах». Крайним проявлением этого стала дискриминационная политика в отношении армян в Калифорнии в 1920-х годах, которая в некоей мере была реакцией на неожиданные для многих успехи армян в разведении и обработке некоторых плодовых культур (дыни, инжира, винограда, изюма и др.), приведшие к появлению первых армян-миллионеров в США (*Mirak*, 1983. Р. 144–147). Во Франции, где в период между двумя Мировыми войнами существовал целый ряд ограничений гражданских прав иностранцев, положение армянских, как, впрочем, и других беженцев было особенно трудным. Лишь благодаря настойчивым усилиям Ф. Нансена Лигой Наций беженцам были выданы так называемые нансеновские паспорта, дающие право на проживание и работу.

Тем не менее к середине 1930-х годов положение армян в странах Запада в целом стабилизировалось. А уже новые, выросшие и получившие образо-

вание в этих странах поколения окончательно самоутвердились в средних и высших слоях обществ. Свидетельством их высокого статуса является широкая представленность в политическом истеблишменте США, Франции, Канады и других стран, где они в разные годы избирались в высшие законодательные органы, входили в состав правительств.

Несравненно более сложной оказалась проблема сохранения этнокультурной идентичности. Под мощным воздействием местной среды система традиционных ценностей, весь образ жизни армян подверглись интенсивным трансформациям, в частности, существенно изменилось распределение социальных ролей (*Bakalian*, 1993. Р. 369–374; *Mirak*, 1983. Р. 150–166). Старшие мужчины в значительной мере утратили свою прежнюю роль главы семьи. Невостребованность их жизненного опыта, ограниченные возможности трудоустройства, незнание местных языков свели к минимуму социально-экономическую активность этой группы. Ее члены выступили в качестве основных носителей и защитников норм армянской культуры; они стали инициаторами организации общинной жизни, включая создание земляческих и других союзов, строительство церквей, школ и т.д. Роль лидеров в семье естественно перешла к работающим мужчинам. Наиболее ощутимо изменилось положение женщин. Изначально присущие им функции хранительницы очага и воспитания детей приобрели четкую этническую направленность. Вместе с тем, во многих общинах были созданы женские организации по образцу существовавших в странах Запада, занимающихся благотворительностью и культурно-просветительской деятельностью. Было подмечено, что «в этом смысле они были значительно более активны, чем проживающие в тех же городах польские и греческие женщины» (*Warner Srole*, 1945. Р. 111).

Одним из неизбежных последствий социокультурной интеграции армян в западные общества явились также межэтнические браки. В 1908–1912 гг. в Нью-Йорке подобные браки составляли лишь 9,6% от общего числа заключенных местными армянами браков (*Mirak*, 1983. Р. 156). Аналогичная картина наблюдалась и во Франции, где до 1940-х гг. смешанные браки среди французских армян были редким явлением, что объяснялось в основном их низким социально-экономическим статусом (*Boudjikianian-Keuroghlian*, 1978. Р. 107–113). В дальнейшем, по мере все более успешной интеграции армян в местные общества, число смешанных браков стало неуклонно расти в каждом новом поколении американских, французских и прочих армян (*Aharonian*, 1983. Р. 38; *Boudjikianian-Keuroghlian*, 1982. Р. 609–613; *Bakalian*, 1993. Р. 396–406). Очевидно, что естественный процесс интеграции, включения армян в социокультурную среду принимающих стран, неизбежно и столь же естественно привел к нарушению межпоколенной трансмиссии этнокультурных традиций и интенсификации процессов ассимиляции среди молодого поколения армян в странах Запада. Уже в 1940–1950-х годах среди местных армян стали превалировать пессимистические прогнозы относительно сохранения ими своей этнокультурной идентичности.

Но примерно в это же время, как отмечалось, началась иммиграция армян из стран Востока. Они не разделяли господствующие фаталистические настроения и предприняли успешную в целом попытку своеобразной «этнокультурной реанимации» местных общин. Их усилиями активизировалась деятельность существующих и были созданы новые общинные организации,

Молодежная лига. Фрезно (США). 1929 г.
AGBU News. New York. February, 1991

основаны новые газеты и журналы, армянские FM радиостанции, телеканалы, созданы различные художественные коллективы, театры и пр.

Особое значение имела организация армянских, приравненных к государственным, средних школ, главным образом, в Канаде и в США. До этого в США, где проживало уже около 300 тыс. армян, существовали лишь однодневные (воскресные) школы. Ныне в этой стране действует 26 армянских школ разного уровня, первая из которых – «Фераян» – открылась в 1964 г. в Калифорнии, в Энсино. Здесь же, близ Лос-Анджелеса, находится одна из самых больших в диаспоре армянских школ с 12-ти классным обучением «Манукян-Демирчян», где учатся более 1 тыс. детей (Мелконян, 2009. С. 70–72).

В Канаде, где основная часть армянского населения – иммигранты из стран Востока, действуют шесть армянских школ в Монреале и Торонто (Kaprielian-Churchill, 1999. P. 225). Тем не менее в армянских средних школах обучается лишь малая часть армянских детей, и большинство местных армян, особенно молодежь, в таких странах, как США и Франция, сегодня слабо владеет армянским языком. Свидетельством тому армянская пресса, которая имеет здесь давние традиции (во Франции подобные издания появились еще в 1855 г., а в США – в 1888 г.). В последние два-три десятилетия постоянно растет число двуязычных (на армянском и местном языке) либо исключительно франко- или англоязычных изданий.

История армянских общин в странах Южной Америки во многом сходна с историей общин в странах Запада. Маршрут Марсель–Буэнос-Айрес был наиболее далеким и трудным для беженцев, и немногие из них решались или были в состоянии совершить его. Они знали или слышали о живущих там

Школа Манукян Демирчян. Канога-парк. Лос Анджелес (США)
AGBU News. New York. December, 1994

немногочисленных соотечественниках (к примеру до Первой мировой войны в Аргентине проживало около 2 тыс. армян), но главное, что их влекло туда – надежды (со временем оправдавшиеся) на экономическое благополучие. С самого начала армяне обосновались в крупных городах Аргентины (Буэнос-Айрес, Кордова), Уругвая (Монтевидео) и Бразилии (Сан-Паулу, Рио-де-Жанейро), а также в Венесуэле и Чили.

Иммиграция продолжилась и в последующие годы, главным образом из стран Востока, а после установления коммунистических режимов – из Румынии и Болгарии (*Матеосян, 2005. С. 65–133*). Примерно с 1960-х приток армян практически сходит на нет и возобновляется лишь с начала 1990-х годов, когда стали прибывать армяне уже из самой Армении. Отсутствие на протяжении четырех десятилетий как механического прироста населения, так и значительной эмиграции – одна из специфических характеристик местных общин. Вследствие этого и сами процессы этнокультурной ассимиляции имеют здесь стабильный характер, о чем свидетельствует как постоянный рост числа смешанных браков, так и столь же постоянное сокращение численности учащихся в армянских школах. Между тем, в Аргентине подобные школы существуют с конца 1920-х годов, и сегодня в Буэнос-Айресе, где проживает около 70 тыс. армян, действуют семь армянских школ (*Binayan Carmona, 1996. Р. 243–245*). Здесь, как и в странах Запада, слабое владение молодым поколением армянским языком не ведет, однако, к отказу от культурных традиций их предков и смене этнического самосознания. Проявлением этнопатриотической деятельности современного молодого поколения аргентинских армян может служить, в частности, издание испаноязычного журнала «Generación 3», имеющего большое (более 5 тыс.) для зарубежной

Церковь Св. Саак. Валенс (Франция)

Из кн.: Саркисян Г., Худавердян К., Юзбашян К. Потомки Хайка. С. 265

армянской периодики число подписчиков. Исторический опыт армянских общин в странах Европы и Америки свидетельствует, что процесс совмещения элементов материнской культуры с актуальной культурой протекает здесь в иной, отличной от стран Востока форме. Наиболее явно это проявляется в их повседневной жизни, которая лишь в отдельных случаях – в местах компактного проживания недавних иммигрантов, например, в районе Лос-Анджелеса, – имеет сколько-нибудь выраженную этническую специфику. Большинство армян в странах Запада предпочитают идентифицировать себя французами, американцами, аргентинцами и другими армянского происхождения и в своей повседневной жизни мало чем отличаются от представителей коренных народов – титульных наций. Сегодня среди них можно выделить по крайней мере три основные группы: потомки изгнанников из Западной

Армянская школа и церковь в Монтевидео (Уругвай)
AGBU News. New York. January, 1992

Армении, Киликии и других районов Турции, так называемые старожилы, иммигранты из стран Востока и иммигранты из Республики Армения.

Степень доминирования культуры принимающей страны, иначе говоря – степень акультурации и ассимиляции в этих группах идет по восходящей в соответствии со временем их иммиграции. Вместе с тем, применительно к «армянам с Востока» можно говорить о совмещении уже не двух, а трех культур – армянской, арабской (или иранской) и культуры страны иммиграции (Франции, Канады, США и др.). Примерно та же картина в случае с «армянами из Армении», которые являются в той или иной степени носителями и русско-советской культуры. Но даже немногие сохранившиеся элементы армянских традиций позволяют им с гордостью говорить о своей причастности к культуре и истории своих предков.

Организационная структура армянских общин. Жизнедеятельность армянской диаспоры осуществляется посредством множества различных, в том числе и главным образом, пандиаспоральных организаций, действующих в подавляющем большинстве общин. К ним относятся армянские церкви (апостольские, католические и протестантские), земляческие союзы, политические партии, некоторые культурные, молодежные, благотворительные и другие ассоциации и союзы.

Принятие христианства как государственной религии в Армении в 301 г., как уже отмечалось, связано с именами правящего в этот период царя Трдата III и епископа Григора, впоследствии названного Лусаворич (Григорий Просветитель), ставшего первым главой – Католикосом – Армянской церкви (отсюда распространенное в русскоязычной литературе обозначение Армянской церкви как Армяно-григорианской). Ко времени принятия христианства, отмеченное выше стремление Ирана утвердиться на территории Армянского государства выражалось в сочетании военного давления и политики ирани-

зации армянской культуры, прежде всего насаждения зороастризма (*Фрай*, 1972. С. 302). Принятие христианства позволило армянам, с одной стороны, войти в новый, еще только формировавшийся христианский социокультурный мир, а с другой – свести к минимуму персидское влияние. Вскоре, однако, армяне подверглись сильному давлению уже со стороны Греческой церкви, что толкало Армянскую церковь на оптимальное дистанцирование от нее. Этот процесс, начавшийся в 451 г. с непринятия Армянской церковью догматических решений IV Вселенского собора в Халкидоне, закончился в VI в. ее отделением от имперской Византийской церкви.

Можно сказать, что церковный сепаратизм был защитным ответом на потерю армянами государственности. Отныне именно церковь становится консолидирующей силой, наиболее действенным и по сути единственным средством самоорганизации армянского народа, а потому символом его как вероисповедного, так и национального самосознания. Тем более таковой была роль церкви за пределами страны – в армянском зарубежье (*Орманиан*, 1913. С. 191).

Престол главы Армянской апостольской церкви – Католикоса всех армян изначально находился близ Еревана – в Кафедральном соборе Сурб Эчмиадзин (Св. Эчмиадзин). В разные годы в целях безопасности его местоположение на короткое время менялось, но всегда в пределах Армении. Исключением явился лишь перенос его в Киликийскую Армению в период существования там в XI–XIV вв. суверенного Армянского царства, с падением которого престол Католикоса в 1441 г. был вновь возвращен в Эчмиадзин. При этом с целью дальнейшего управления религиозной жизнью местных армян в городе Сис был основан Киликийский католикосат, которому спустя шесть столетий суждено было сыграть важную роль в разделении Армянской церкви.

Киликийский католикосат, признающий верховенство Католикосата всех армян – Сурб Эчмиадзина, продолжил свою деятельность в Армянской Киликии до конца 1921 г., когда решением местных французских властей эта область была передана Турции. К тому времени из бывших в его подчинении до Первой мировой войны 13 епархий существовала только одна – в Алеппо (Сирия). В конце 1920-х годов, с согласия Католикоса всех армян, Иерусалимское армянское патриаршество передало в ведение Киликийского католикосата также епархии на Кипре, в Дамаске и Бейруте, в пригороде которого, в Антилиасе, с 1930 г. расположился его престол – Кафедральный собор Сурб Григор Лусаворич.

Вне пределов Армении находятся также два патриаршества Армянской апостольской церкви, действующие под юрисдикцией Католикосата всех армян. Иерусалимское патриаршество с престолом в монастыре Србоц Акобянц (Свв. Иаковов) было основано еще в VII в., оно занимает один из четырех кварталов Иерусалима, именуемый «Армянским кварталом», и обладает, наряду с Греко-православной и Римско-католической церквями, равными правами на христианские святыни, расположенные на Святой земле. Сегодня Иерусалимскому патриаршеству подчинены армянские церкви в Израиле и Палестине, духовное пастырство в Иордании.

Иерусалимское патриаршество издавна является одним из важных центров армянской культуры. Именно здесь, в монастыре Србоц Акобянц, нахо-

дится хранилище армянских рукописей, по богатству своих фондов (около 4 тыс. рукописей) уступающее лишь Матенадарану в Ереване. Здесь же в 1833 г. была открыта типография, где, в частности, начиная с 1866 г., печатается журнал Патриаршества «Сион». Действующая и поныне духовная семинария была основана в 1843 г.; в 1928 г. Патриаршество финансировало также основание школы «Србоц Таркманчац» (Свв. Переводчиков), в которой сегодня учатся более 150 местных армянских детей.

Константинопольское армянское патриаршество, основанное в 1461 г., по своей роли и значению в истории армянского народа может быть сравнимо лишь с Первопрестольным Сурб Эчмиадзином. И это объяснимо, поскольку вплоть до Первой мировой войны большая часть разделенной Армении входила в состав Османской империи, и подавляющее большинство армянского народа имело своим духовным лидером именно Константинопольского патриарха. В начале XX в. под юрисдикцией Армянского патриаршества действовали 1181 церковь и 132 монастыря, из коих в самом Стамбуле – 55 церквей, а также 860 армянских школ. Сегодня на территории Турции имеется лишь 41 действующая церковь, из них 35, вместе с 14 школами, в Стамбуле, где проживает большая часть армянского населения – около 60 тыс. человек (Армянская диаспора. 2003. С. 699; Армянская церковь. 2001. С. 19).

Качественная и количественная трансформация армянского зарубежья вследствие геноцида и изгнания с родины еще более усилила роль церкви как важнейшего национального института, расширила сферу ее деятельности. Именно церковь зачастую инициировала основание воскресных школ, женских, молодежных и иных организаций, проведение общинных мероприятий и других и стала центром не только религиозной, но и этнокультурной, этносоциальной жизни армян, будь то в Бостоне, Лондоне или Бейруте.

Со временем общность веры, общехристианских норм и ценностей, а также все возрастающая секуляризация западных обществ, снижение интенсивности культовой практики, переход религиозности с институционального на индивидуальный уровень привели к снижению этнозащитных функций Армянской церкви в странах Европы и Америки. Это особенно заметно среди местных армян третьего и последующих поколений, посещающих церковь в дни религиозных праздников (Рождество, Пасха и др.), 24 апреля – в день памяти жертв геноцида 1915 г. или для исполнения обрядов жизненного цикла (крещение, свадьбы, похороны и др.). Но и сама церковь, в свою очередь, вынуждена приспосабливаться к своей изменяющейся пастве; все чаще служба в ней проводится на армянском и местном языках, а иногда только на местном.

Исключительный авторитет Армянской церкви среди армян с неизбежностью вовлек ее в драматические события, приведшие к расколу как диаспоры в целом, так и самой церкви. Первопричиной тому стали события, происшедшие в конце 1920 г. в Армении – установление большевистской власти и образование Советской Армении. Основными оппонентами властей Советской Армении в диаспоре выступили армянские политические партии – Дашнакцутюн (Армянская революционная федерация), либерально-демократическая Рамкавар Азатакан и социал-демократическая Гнчак (Дятлов, 2009. С. 107–130). Партия Дашнакцутюн, бывшая у власти в Первой Республике Армения и вынужденно уступившая ее большевикам, не только сохранила

свою антисоветскую направленность, но и сумела придать ей массовый и организованный характер в диаспоре. Две другие партии сочли советскую власть «меньшим из зол», поскольку отсутствие полного суверенитета компенсировалось внешней безопасностью, и ограничились ролью «мягкой оппозиции» (Даллакян, 2004. С. 51–54; Мелконян, 2002). В любом случае их самоутверждение в диаспоре во многом зависело от поддержки со стороны Армянской апостольской церкви как наиболее авторитетного, общепризнанного национального института.

Усилия Дашнакцутюн по отторжению церковью диаспоры от Сурб Эчмиадзина, подконтрольного советским властям Армении, увенчались успехом только в годы холодной войны, в условиях все усиливающегося антисоветизма. В 1956 г., после избрания ставленника Дашнакцутюн главой Киликийского католикосата, последний противопоставил себя Сурб Эчмиадзину в качестве духовного и административного центра Армянской церкви в диаспоре – переподчинение себе некоторых действующих и учреждение новых епархий (одна из первых появилась в США), самостоятельное и равное представительство в экуменических движениях и др. (Documents..., 1993). Тем самым политическое размежевание, начавшееся в диаспоре в начале 1920-х годов, получило свое окончательное и полное институциональное оформление, выразившееся в виде параллельного существования двух церковно-политических систем с симметричной структурой.

Основными формообразующими элементами одной являются церкви, находящиеся под юрисдикцией Сурб Эчмиадзина, партии Рамкавар Азатакан и Гнчак, а другой – церкви, находящиеся под юрисдикцией Киликийского католикосата, партия Дашнакцутюн; каждая из них с соответствующими молодежными, культурными, благотворительными организациями, школами, СМИ (периодические издания, радио- телепрограммы и станции и др).

Во многих странах наряду с Армянской апостольской существуют также Армянская католическая и Армянская евангелическая церкви.

Армянская католическая церковь институционально оформилась в 1740 г. в Алеппо. До Первой мировой войны в Османской империи, включая Западную Армению и Киликию, она имела 19 епархий, 156 церквей, 32 монастыря, 6 семинарий и 148 школ. В 1701 г. аббатом Мхитаром была основана Конгрегация мхитаристов, которая с 1717 г. располагается на острове Сан-Ладзаро (Св. Лазаря), близ Венеции, а с 1811 г. также и в Вене. Конгрегация стала одним из важных центров развития арменоведения, а научные труды ученых аббатов вошли в золотой фонд армянской науки и культуры (Бакиши, 1996). И по сей день Конгрегация издает авторитетные в научных кругах научные журналы – с 1843 г. «Базмавеп» в Венеции, а с 1887 г. – «Андес Амсоря» в Вене. В 1931 г. патриаршество Армянской католической церкви было перенесено из Стамбула (здесь продолжает существовать Константинопольская епархия) в построенный еще в 1749 г. Змарский монастырский комплекс близ Бейрута. Сегодня в странах Ближнего Востока, Европы, Америки, а также в Армении и Грузии имеется 15 епархий и экзархатов Армянской католической церкви (Армянская диаспора, 2003. С.671–674; Amadouni, 1978).

Основание в 1846 г. в Константинополе Армянской евангелической (протестантской) церкви (Chopourian, 1970) связано с активной деятельностью американских миссионеров. Уже в начале XX в. в Западной Армении и

Апостольская церковь Св. Хач в Монтебелло. Лос-Анджелес (США)
Фото из личного архива Л.М. Варданян. 2010 г.

Киликии насчитывалось 137 евангелических церквей, при которых действовали 270 воскресных и 46 средних школ, 7 колледжей и 3 богословские семинарии. В последующие после геноцида и изгнания годы в диаспоре началось постепенное возрождение евангелических общин, и сегодня в 16 странах, включая Армению, действует более 110 церквей. Эти последние объединены в региональные союзы, деятельность которых, в свою очередь, координируется Всемирным советом армянских евангелических церквей. Из учебных заведений церкви следует особо отметить университет «Айказян» (Бейрут), единственный в своем роде в диаспоре. В отличие от католической, евангелическая церковь традиционно признает главенство Армянской апостольской церкви, признает ее святых отцов, литургию, проводит совместные богослужения. Структура этих двух конфессиональных общин, в целом, аналогична рассмотренным выше церковно-политическим системам с одним, но весьма принципиальным отличием – изначальным отсутствием в них политических партий.

Первые свидетельства о земляческих союзах относятся к концу XVIII в., когда армяне, переехавшие в поисках работы из Западной Армении и Армянской Киликии в столицу Османской империи Стамбул, стали объединяться по месту своего прежнего проживания, организовав землячества армян из Вана, Себастии, Айнтапа и других. Позднее земляческие союзы стали основываться также в Египте, Болгарии, США и др. странах армянского зарубежья. Основной целью этих организаций было оказание помощи родине, точнее – своему родному городу или селу, главным образом в виде финанси-

Армянская католическая церковь в Глендейле. Лос-Анджелес (США)
Фото из личного архива Л.М. Варданын. 2010 г.

рования строительства и содержания школ, церквей, библиотек, опекунства сирот. После Первой мировой войны землячества, действующие в США и Канаде, поспешили на помощь землякам (но не только), обосновавшимся в Ливане, Сирии, Греции и других странах.

Начиная с 1960-х годов в деятельности землячеств намечается спад активности – из жизни постепенно уходят старшие поколения, носители культурных традиций утерянной родины; молодежь вовлекается в новые, отвечающие их интересам этнические организации, и все это на общем фоне аккультурации и ассимиляции армян диаспоры. Знаменательно, однако, что почти в это же время начинается процесс формирования землячеств нового типа, связанный с иммиграцией армян из стран Востока и Армении. Среди пандиаспоральных организаций надо особо выделить молодежные (Армянский всеобщий спортивный союз, Ассоциация армянской молодежи, Армянский спортивный союз), культурные (Амазгаин, Текеян, Нор Серунд) и благотворительные (Армянский всеобщий благотворительный союз – АВБС,

Хачкар памяти жертв Геноцида 1915 г. во дворе церкви Св. Богородицы. Глендейл, Лос-Анджелес (США)

Фото из личного архива Л. Варданян. 2009 г.

Армянский союз помощи) ассоциации и союзы, без которых все усилия по этнопатриотическому воспитанию молодого поколения были бы обречены на неудачу. Кроме них, во всех странах и городах проживания армян существует большое число других организаций местного значения, среди которых в последние десятилетия особенно значима деятельность профессиональных союзов – врачей, юристов, историков, бизнесменов и др. Все они вкупе с пандиаспоральными организациями и создают социокультурную и информационную среду, в которой протекает жизнь армян диаспоры (Мелконян, 2009. С. 132–156).

Среди этнополитических лоббистских организаций лидирующее положение принадлежит Армянскому национальному комитету, известному также как «Комитет Ай Дата», а также Армянской ассамблее Америки (Дятлов, 2009. С. 130, 131). Их многолетняя работа во многом способствовала признанию международными организациями (Европарламентом,

Памятник жертвам Геноцида 1915 г. Монтебелло. Лос-Анджелес. США
Фото из личного архива Л. Варданян. 2010 г.

Всемирным советом церквей), правительствами и парламентами более двух десятков стран (Франция, Уругвай, Россия, Канада, Швейцария, Аргентина, Польша, Ливан и др.) факта геноцида армян в 1915 г. в Османской империи и его осуждению.

Армения и диаспора. Большевики, придя к власти в Армении, казалось, задались целью сделать все, чтобы отвратить армян диаспоры от Советской Армении: полное игнорирование прав изгнанных из Западной Армении и Киликии армян на возвращение к родным очагам и вместо этого призывы солидаризироваться с турецкими трудящимися в борьбе против буржуазных эксплуататоров, категорическое неприятие армянских политических партий, разжигание социально-классовой борьбы в диаспоре, требование безоговорочного признания и одобрения деятельности властей Советской Армении и т.п. Однако острая необходимость помощи для выхода страны из глубокого кризиса, стремление заручиться поддержкой хотя бы части диаспоры вынуж-

Прибывшие в Ереван репатрианты целуют родную землю. 1947 г.
Эчмиадзин. 1947. № 1–9.

Проводы армян-репатриантов в порту Бейрута. 1947 г.
Фото из личного архива С. Деведжян

дали власти Армении в конце 1923 г. дать разрешение АВБС на осуществление ряда программ в стране. В течение последующих 14 лет АВБС финансировал строительство больниц, поселков для репатриантов, жилых домов, издание арменоведческой литературы и т.д. (Мелконян, 2010. С. 139–210). Но в конце 1937 г. эта организация была запрещена по стандартному обвинению в антисоветской деятельности, а ее представитель расстрелян. АВБС так и остался единственной организацией диаспоры, которой было разрешено действовать в Советской Армении.

К числу наиболее примечательных эпизодов этих лет относятся репатриации, осуществленные советскими властями. Первая группа репатриантов, численностью около 3 тыс. человек, прибыла в Армению уже в конце 1921 г. из Ирака, а в последующие годы (1922–1926, 1932–1933, 1936) из Греции, Ирана, Сирии, Болгарии, Франции и других приехали еще около 39 тыс. армян. Желавших иммигрировать было значительно больше, однако власти вынуждены были ограничить их число в силу полной неготовности к их обустройству. В этой ситуации армяне диаспоры, главным образом земляческие союзы и АВБС, финансировали основание поселков для расселения иммигрантов. Репатриация возобновилась сразу после Второй мировой войны; в 1946–1949 гг. в Советскую Армению иммигрировало около 90 тыс. армян из Ливана, Сирии, Египта, Ирана, Франции, Болгарии, США и некоторых других стран.

В 1962–1982 гг. в Армению иммигрировало еще около 32 тыс. армян. Несмотря на все трудности, репатрианты и их потомки, выросшие и получившие образование уже в Армении, всемерно способствовали развитию страны, особенно значителен был их вклад в сферу культуры и науки (Меликсетян, 1985. С. 211–217, 241). В 1964 г., после создания Комитета по культурным связям с соотечественниками за рубежом, отношения с диаспорой приобрели более систематический, хотя и строго лимитированный и избирательный характер.

С обретением Арменией независимости в 1991 г. начался качественно новый этап во взаимоотношениях двух частей армянского народа (Мелконян, 2009. С. 167–184). В условиях глубокого экономического кризиса в стране эти отношения в основном носили характер гуманитарной помощи со стороны диаспоры. В дальнейшем приоритетным стало ее участие в осуществлении программ развития – строительстве школ, больниц и дорог, инвестициях в сферу производства, создание совместных предприятий. Наиболее активное участие в сотрудничестве с Арменией и Нагорным Карабахом принимают как отмеченные выше пандиаспоральные организации, так и специально с этой целью созданные – Общеармянский фонд «Айастан», фонд «Линси» и др.

Для оптимизации отношений между Республикой Армения и диаспорой и выработки приоритетов правительство Армении периодически организует форумы «Армения-диаспора». В 2007 г. парламент Армении принял Закон о двойном гражданстве, дающий переезжающим в Армению армянам диаспоры возможность принимать армянское гражданство, не отказываясь от гражданства своих стран, а в 2008 г. было создано Министерство Диаспоры.

АРМЯНЕ В РОССИИ

На сегодня самой крупной в мире и относительно рано сформировавшейся диаспорой армянского народа является российская. По переписи 2002 г., армяне составляли в России 1130 тыс. чел., а по оценочным данным на апрель 2005 г. – 2200 тыс. человек (Диаспора в цифрах. 2005. С. 103) и, таким образом, по сравнению с данными переписи 1989 г. (532,4 тыс.) произошло значительное увеличение их численности. И это не случайно, поскольку именно в России (имеется в виду Российское государство в его исторически менявшихся границах) как в близком по духу христианском государстве уже издавна было создано несколько армянских поселений, а впоследствии, начиная со второй половины XVII в., армянский народ в поисках союзников в своей национально-освободительной борьбе стал все больше ориентироваться на Россию, и с начала XIX в., после присоединения к Российской империи, жизнь восточных армян была уже тесно связана с Россией.

Первые сведения об армянах, обосновавшихся в Древней Руси, относятся к X–XI вв., когда начали устанавливаться сначала торговые, а затем и культурные связи между Русью и Византийской империей. Немаловажную роль в этом сыграли армяне, активно участвовавшие в политической, экономической и культурной жизни Византии как второй по численности после греков этнос.

Самая ранняя армянская община в Древней Руси была в Киеве. Об этом имеются сведения как в армянских источниках, так и в древнерусских летописях. Более прочными связи армян с Киевом становятся после принятия Русью христианства в 988 г. и последовавшей в 989 г. женитьбы великого князя Владимира I (980–1015) на принцессе Анне, сестре византийского императора Василия II (976–1025), армянина по происхождению (*Диль*, 1948. С. 70, 76). Известно, что после крещения Руси, которое было поставлено условием для этого брачного союза, Анна привезла с собой в Киев священников, врачей, строителей, среди которых были и армяне. Уже с XI в. армянское население Киева – в основном ремесленники, купцы, врачи, воины – принимало активное участие в экономической и культурной жизни города, а также в защите его от внешних врагов. Впервые это произошло в 1009 г., перед войной с польским князем Болеславом I Храбрым. Известно также, что в битве при Грюнвальде в 1410 г. в составе Смоленских войск было два армянских полка (*Армянское войско в XVIII в.* 1968. С. 39, 42). Армянские врачи имели настолько хорошую репутацию, что один из них, Агапит, удостоился чести стать придворным лекарем князя Владимира II Мономаха. Армянская колония в Киеве обладала самоуправлением, имела своего епископа, с XV в. церковь, была и своя печать (*Ананян, Хачатурян*, 1993. С. 10, 11). Из Киева армяне (вначале представители торгового люда, а затем мастеровые, ремесленники) рассеялись по другим городам Руси и обосновались в Новгороде Великом, Смоленске, во Владимиро-Суздальском княжестве и особенно на юго-западе – во Львове, Каменец-Подольском, Луцке и др.

Князь Лев, сын князя Даниила Галицкого, основавшего в 1256 г. город Львов, выделил армянам для поселения участок в городе, где они построили церковь и имели улицы, мост и площадь, названные Армянскими. В 1363 г. здешние армяне построили в лучших традициях национального зодчества

Кафедральный собор, возвращенный в мае 2003 г. Армянской церкви. С 1367 г. львовская колония, получив свой суд и самоуправление, стала духовным центром армян, проживавших в Юго-Восточной Европе.

К первой половине XIII в. относится возникновение в Подолии села Армяне Великие, недалеко от будущего города Камень-Подольский. Когда город был отстроен, в нем уже была армянская церковь Св. Николая (1250 г.). Армяне принимали участие в сооружении крепостных стен города, и до наших дней сохранилась часть укреплений, известная под названием «Армянский бастион». В XIII в. армяне появляются и в городах Волыни – Луцке, Владимире. Со временем численность армян в Юго-Западной Руси увеличилась. Но сравнительно скоро история армянских поселений в этом регионе была связана уже с Польским государством.

Армянские мастера воздвигли в средневековой Руси немало культовых сооружений. В частности, доказано их участие в строительстве архитектурных шедевров Владимиро-Суздальского княжества. Об этом же свидетельствуют, например, обнаруженные в киевском храме Св. Софии пять армянских букв на крышке саркофага князя Ярослава Мудрого (1019–1054); фреска с изображением армянских святых Григория Арменского и девы Рипсиме в интерьере церкви Спаса Нередицы (1198 г.) близ Новгорода Великого; изображение Григория в интерьере Хутынского монастыря (1445 г.) (*Халпахчян, 1977*).

Уже в раннем Средневековье армяне появляются в Поволжском крае. Армянские купцы исстари привозили сюда шелк, ковры и другие восточные товары, в частности, пользовавшуюся большим спросом красную краску *кошениль*, получаемую в Армении из красных червей *кармир вордан*. По свидетельству арабского путешественника Ибн-Фадлана, побывавшего в начале X в. в Великих Булгарах, огромная юрта здешнего царя, «вмещающая тысячу душ, была устлана армянскими коврами» (*Ибн-Фадлан, 1939. С. 73*). В XI в. армянское население здесь увеличилось за счет беженцев из захваченной тюрками-сельджуками Армении. С этого периода столица Волжско-Камской Булгарии стала застраиваться каменными зданиями, строителями которых были преимущественно армянские мастера. По мнению А.П. Смирнова, именно «армянская архитектурная школа оказала большое влияние на формирование болгарского зодчества» (*Смирнов, 1958. С. 33*). Впоследствии, после разгрома города московскими войсками в 1431 г., здешние армяне переселились главным образом в Казань, где появились две улицы, названные Армянскими. В 1839 г. при университете в Казани была открыта первая в России кафедра армянского языка и литературы, которую возглавил известный ученый-просветитель С.И. Назарьянц.

С конца XIII в. армянские поселения имелись в городах Золотой Орды, а после ее падения и образования Астраханского ханства армянские купцы и ремесленники поселяются и в его столице Хаджи-Тархан (Ажтархан, Астрахань). Со второй половины XVI в., после присоединения ханства к России (1556 г.), в Астрахани образуется одна из крупных армянских колоний. Здесь были построены две армянские слободы, гостиный двор, две церкви. В 1746 г. указом Сената здешним армянам были предоставлены льготы для занятия торговлей и ремеслами, было разрешено образовать суд, ставший органом не только юридического, но и административного самоуправления. В 1717

г. Астрахань становится центром вновь образованной церковной епархии, в которую входило все армянское население тогдашней России, а в конце XVIII в. – важным центром армянской общественной и культурной жизни. Здесь было открыто несколько армянских учебных заведений, в том числе самое знаменитое, первое в таком роде на территории России – Агабабовское училище, функционировавшее с 1810 г. до советского периода. В имевшейся здесь с 1795 г. армянской типографии печатались книги, газеты, в 1815 г. выпущен Русско-армянский букварь, в 1913 г. были изданы материалы о праздновании в Астрахани 1500-летия армянской письменности и 400-летия книгопечатания. В 1868–1930 гг. в городе работала армянская театральная труппа, в 1908 г. было создано Общество любителей армянской литературы и искусства (*Хачатурян, Хачатурян, 1965; 1983; Ананян, Хачатурян, 1993. С. 17–23, 103, 104*). Впоследствии число армян в Астрахани сокращалось. По переписи 1989 г., во всей Астраханской области проживали 2,8 тыс. армян, преимущественно городских жителей (84%); родным языком считали армянский – 1,8 тыс., русский – 1 тыс. В 1990 г. в Астрахани открылись курсы по изучению армянского языка, был организован ансамбль народной музыки. По переписи 2002 г., число армян в Астраханской области увеличилось до 6,3 тыс. человек.

Начиная с XIV в., т.е. с периода возвышения Московского княжества, армяне становятся частыми гостями в Москве. В начале XV в. в Посаде (в районе Китай-города) армяне основали свою общину (*Тихомиров, 1947. С. 142, 143; Хачикян, 1980*). Отношения между русскими и армянами носили дружественный характер, чему способствовали близость христианской веры и взаимовыгодное сотрудничество. В дальнейшем, по указу Ивана Грозного (1547–1584), многие армяне были поселены на постоянное жительство в той части Москвы, которая называлась Белым городом, где жили «обеленные», т.е. свободные люди из иностранцев, пользовавшиеся налоговыми льготами. Этому способствовало и следующее обстоятельство. Согласно источникам, при осаде Казани войсками Ивана Грозного в 1552 г., жившие там армяне под угрозой смерти отказались стрелять из своих пушек в русских воинов либо намеренно делали так, что посланные ими ядра не попадали в цель (История о Казанском царстве. 1903. С. 130). В благодарность за это после покорения Казани армянам были предоставлены определенные льготы как в самой Казани, так и Москве. Например, для приезжавших в столицу армян в центре города был построен Армянский постоялый двор, а верхний ярус одного из девяти приделов храма Василия Блаженного, возведенного в честь взятия Казани, в строительстве которого принимали участие и армянские мастера, был посвящен Григорию Арменскому (*Ерицов, 1901. С. 50; Григорьян, 1974. С. 39–41*). Армянские дворы были зафиксированы на планах Москвы 1597 г. в районе Покровки и 1661 г. на площади у Ильинских ворот, где сейчас находится здание Политехнического музея (*Амирханян, 1992. С. 16*). Наиболее систематический характер армяно-русские связи носят с середины XVII в., когда в города России, в том числе в Москву, стали приезжать представители армянских деловых кругов и деятелей культуры. В свою очередь, в целях развития торговли с восточными странами русские цари сами поощряли деятельность армянских купцов, которые привозили им богатые дары (роскошный Алмазный трон, хранящийся ныне в Оружейной палате Кремля), при-

сылали искусных мастеров – «золотописцев», ювелиров, художников. Более 35 лет работал в Кремле с 1666 г. армянский художник-иконописец Богдан Салтанов, ставший «первым художником двора» и удостоенный звания дворянина. Московские армяне были и среди служилых Посольского приказа, в административном аппарате государства, выполняли роль переводчиков (толмачей) (АРО в XVII в. 1953. С. 21–33, 42–44; Григорьян, 1974. С. 42, 43, 48, 49).

Особое значение для развития армяно-русских отношений приобрели договоры, заключенные в 1667 и 1673 г. между Россией и Армянской торговой компанией Нор Джуги (Иран), согласно которым армянские купцы, первые из иностранцев, получили не только привилегии свободной торговли на водных путях от Астрахани до Архангельска, но и право транзита товаров через Россию в Европу.

Новый приток армян в Россию, в частности, в Москву, связан с эпохой Петра I. Руководствуясь прежде всего государственными интересами, он всячески поощрял деятельность армянских купцов. Так, в своем письме от 1695 г. персидскому шаху Петр I требует, чтобы вся торговля шелком, сосредоточенная в руках армянского купечества в Персии, направлялась через Астрахань в Москву и «чтобы тех армян в государство царского величества с товарами для торгового промыслу в порубежных городах пропускали без задержания со вспомогательством без всякие помешки» (АРО в XVII в. 1953. С. 212). В одном из пунктов указа от 22 марта 1711 г. об учреждении Сената было записано: «Персидский торг умножить и армян как возможно приласкать и облегчить в чем пристойно, дабы тем подать охоту для большего их приезда» (САООИАН. 1833. С. 7).

Политика Петра I привела к значительному увеличению армянского населения России, в том числе и Москвы. Уже к концу XVII в. оно составило в столице почти 2 тыс. человек, и власти разрешили открыть на улице Ильинке, на территории Посольского двора, армянскую церковь. Армяне строили в Москве и различные промышленные объекты. Так, приехавший в 1717 г. в Москву из Нор Джуги Игнатий Шериманян совместно с русскими промышленниками создал здесь первую шелкоткацкую фабрику. Впоследствии он стал владельцем такой фабрики под Москвой. Лучшую по тем временам в России шелкоткацкую фабрику построил в Москве Василий Хастатов. Он же стал в 1755 г. обер-директором первого русского акционерного общества (Агаян, 1994. С. 136).

Селились армяне в Москве преимущественно в Столповом переулке и вокруг него. Здесь скупил ряд домов приехавший в середине XVIII в. из Персии богатый купец и промышленник, родоначальник известной армянской семьи в России Лазарь Назарович Лазарев с четырьмя сыновьями. Лазаревы основывают в Москве мануфактуры по производству шелковых и бумажных тканей, в том числе считавшуюся одной из лучших в Европе подмосковную Фряновскую фабрику, ткани которой шли на украшение покоев Зимнего дворца; ими были расширены горные заводы и соляные промыслы, купленные у Строгановых в Пермской губернии, а также созданы новые; большие капиталы вкладывались ими в ювелирное производство. Вскоре семья Лазаревых стала одной из самых богатых в России. В 1774 г. они получили дворянское звание (Базиянц, 1973. С. 11, 12; Амирханян, 1992. С. 27). Вслед за

Лазаревыми в Москве поселились и другие армянские семьи. Многие из них, например Арапетовы, Ахвердовы, князя Абамелик и Аргутинские, графы Лорис-Меликовы и Деляновы, получали не только российское подданство, но со временем и дворянские титулы. Представители этих фамилий становились крупными государственными деятелями России, славились своей благотворительностью. Так, И.Д. Делянов был министром просвещения (1882–1897), М.Т. Лорис-Меликов – министром внутренних дел (1880–1881), роскошная вилла «Абамелик» в Риме, принадлежавшая последнему представителю прославленного рода археологу и геологу С.С. Абамелик-Лазареву, перешла Российской академии художеств (ныне в ней размещается посольство России в Италии).

Одним из известных российских благотворителей стал старший из сыновей Лазарева – Иван Лазарев. На его деньги в разных регионах России строились православные церкви, больницы, приюты, школы для детей бедноты, богадельни, пополнялись книгами библиотеки. По его прошению в 1770 г. был принят царский указ, разрешавший построить в Москве и Петербурге армянские церкви. В Москве церковь *Сурб Хач* (Святого Креста) по проекту известного архитектора Ю. Фельтена была построена в 1779 г. в Столповом переулке на средства третьего из братьев Лазаревых – Христофора. Позднее при церкви был основан Каспаровский приют, названный по имени своего благотворителя. Церковь, богатые владения армянских семей в старинном московском переулке стали причиной того, что к концу XVIII в. за ним закрепилось новое название – Армянский переулок. На свои средства Лазаревы благоустроили его, вымостив брусчаткой. Третья армянская церковь в Москве – *Сурб Арутюн* (Святого Воскресения), сохранившаяся до сих пор, была построена на средства Лазаревых в 1815 г. на купленном ими участке в Ваганькове, где разместилось и новое армянское кладбище. В 1807 г. ими была основана первая в Москве армянская типография (*Базиянц*, 1973. С. 11–14).

И.Л. Лазарев, переехавший в середине 60-х годов XVIII в. в Петербург, где стал видным политическим деятелем, близким ко двору, всемерно способствовал переселению армян в Россию, ходатайствуя по их делам в правительстве, помогая деньгами и вынашивая планы создания учебного заведения для армянских детей в Москве. Эти планы впоследствии осуществил ставший наследником семьи его брат Оваким с сыновьями Иваном и Христофором. Именно они выстроили в Армянском переулке великолепный архитектурный ансамбль, где в 1815 г. открылось училище, преобразованное в 1827 г. в Лазаревский институт восточных языков, которому было суждено сыграть выдающуюся роль в истории российской науки. С момента своего возникновения это учебное заведение было армяно-русским. При нем имела одна из лучших в Москве типографий, в которой печатались книги на 13 европейских и восточных языках. В институте преподавали известные ученые – академики Ф.Е. Корш, В.Ф. Миллер, профессора С.И. Назарьянц, А.Е. Крымский, Л.З. Мсерьянц, В.А. Гордлевский и др. Лазаревский институт был не только крупным учебным заведением, но и очагом армянской культуры в Москве. С ним связано и издание в 1854–1864 гг. прогрессивного журнала «Юсисапайл» («Северное сияние»). В 1905–1917 гг. Лазаревский институт не был в стороне от происходивших в России политических событий. Его студенты принимали активное участие в митингах, забастовках;

они много работали в московском Комитете помощи армянским беженцам из Турции, обучая грамоте их детей, устраивая лазареты и ухаживая за ранеными, организовывали благотворительные концерты. Особенно тяжелым для института стал март 1918 г., когда в связи с продовольственным кризисом и участвовавшими болезнями воспитанников его руководство было вынуждено прекратить занятия. В 1921–1953 гг. в здании института функционировал Дом культуры Советской Армении, при котором работали театральная студия под руководством С.И. Хачатурова, а позднее – Р.Н. Симонова, хореографический, музыкальный коллективы, велась большая просветительская работа. Для детей была организована армянская школа, для взрослых работали лектории по вопросам истории, литературы, культуры и искусства. С 1930-х годов издавалась многотиражная газета «Фронт культуры». В 1953 г. он был закрыт, а здание передано переехавшему из Ленинграда Институту востоковедения Академии наук СССР, который находился там до 1977 г., после чего оно было вновь полностью предоставлено в распоряжение правительства Армении (Зиновьев, 1863; Игнатян, 1969; Базиянц, 1973). В 1987 г., после капитального ремонта, здесь открылся Музей русско-армянской дружбы, начал функционировать Армянский культурный центр. Сейчас в этом здании находится посольство Республики Армения в Российской Федерации.

Во второй половине XIX в. многие армянские купцы и промышленники имели в Москве магазины и торговые конторы, большей частью в Черкасском переулке и на улицах Зарядья. Среди них было немало благотворителей, например, С. Джанумов, И. Ананов, С. Лианозов (он финансировал Московский художественный театр). Именем семьи крупных промышленников Лианозовых была названа одна из подмосковных деревень, ставшая в наше время жилым массивом на севере столицы.

В Москве выходило несколько периодических изданий на армянском языке; на русском языке печатались «Эминовский этнографический сборник» (1901–1910), еженедельный журнал «Армянский вестник» (1916–1918). Были опубликованы два важных для русской общественности издания: в 1897 г. – литературный сборник «Братская помощь пострадавшим в Турции армянам», доход от продажи которого предназначался для оказания помощи беженцам, и в 1916 г. – «Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней» (со вступительной статьей, примечаниями и под редакцией В.Я. Брюсова).

В числе проживающих в настоящее время в Москве армян есть как местные уроженцы, так и в большинстве своем мигранты разных лет. Армяне Москвы, как правило, свободно знают русский язык, причем многие считают его родным. Среди взрослых армян большинство имеют высшее образование. Несмотря на довольно быстрое исчезновение этнических черт в культуре армян-москвичей в условиях многонационального мегаполиса, для каждого из них, независимо от степени знания языка, связей с Арменией, внутриэтнических контактов, характерно четкое национальное самосознание. Этнокультурная специфика сохраняется в той или иной мере, как правило, в пище, особенно праздничной, а также в сферах семейного быта, духовной культуры, и сильнее проявляется в однонациональных семьях, причем чаще среди новоприбывших мигрантов, в первую очередь из Армении (Арутюнян, 1991; Арутюнян, 2001).

Здание Лазаревского института восточных языков в Москве в наши дни
Фото из личного архива Л.М. Вардanian. 2010 г.

С началом Карабахского движения 1988 г. общественная жизнь армян, в том числе московских, значительно активизировалась. В Москве было организовано несколько центров армянской культуры, открылись воскресные классы и школа для детей, курсы по изучению армянского языка для взрослых, в 1992 г. – армянская гимназия; школа № 1650 стала претворять в жизнь концепцию поликультурного образования, в 1997 г. при школе № 1224 был открыт русско-армянский культурно-образовательный центр; в 2002 г. на базе школы № 1110 с армянским этнокультурным компонентом образования был учрежден Центр российско-армянской дружбы; при Московском государственном лингвистическом университете открыт Центр изучения армянского языка и литературы. В 1988 г. был создан Московский армянский театр, в 1989 г. – Московский армянский камерный хор, в 1994 г. – Московский художественный театр «Параджановское кафе», в 2003 г. – театр «Артистический», широкую известность приобрели хореографические ансамбли – «Цветы Армении», «Армянские дети», «Звартноц»; стали издаваться многие газеты и журналы. Позднее было создано несколько молодежных армянских организаций.

В 1997 г., накануне 850-летнего юбилея Москвы, у Никитских ворот был открыт подаренный городу армянской общиной монумент, посвященный дружбе народов России и Армении (скульптор Ф. Согоян). С открытием в Москве храма Христа Спасителя около него был установлен *хачкар* (резной крест-камень), привезенный в подарок из Армении (*Мер-Саркисянц*. 1998. С. 274–276).

Армянская диаспора в Москве принадлежит к числу быстро растущих: между переписями 1989 и 2002 г. она увеличилась с 44 тыс. до 124,4 тыс. человек. Среди мигрантов последнего времени преобладали выходцы из Азербайджана и Грузии, в основном молодого возраста, образованные, свободно владевшие русским языком, что позволяло им легко адаптироваться в столичной среде, стать специалистами высокой квалификации (*Арутюнян, 2006. С. 144–170*).

Живущие в Москве армяне в XX в. дали миру таких известных представителей культуры, как театральные режиссеры Александр Южин (Сумбатов), Евгений Вахтангов и Рубен Симонов, кинорежиссеры Лев Кулиджанов, Марлен Хуциев и Карен Шахназаров, композиторы Арам Хачатурян, Микаэл Таривердиев и Давид Тухманов, дирижер Александр Мелик-Пашаев, архитектор Каро Алабян, художница Мариам Асламазян, певцы Павел Лисициан и Зара Долуханова, артисты Сурен Кочарян и Армен Джигарханян, иллюзионист Арутюн Акопян и мастер клоунады Леонид Енгибаров, шахматисты Тигран Петросян и Гарри Каспаров и много других. Среди армян-москвичей немало выдающихся ученых, имеющих мировую славу.

Значительную роль в истории русско-армянских связей и в развитии культуры армянского народа сыграла армянская община в Санкт-Петербурге, возникшая вскоре после основания города. Впервые армяне в Петербурге упоминаются в 1708 г., а в 1710 г. их насчитывалось уже около 50, преимущественно купцов; тогда же были организованы «армянские конторы». В начале 1730-х годов в городе существовала Армянская улица. В числе первых армянских поселенцев в Петербурге были и образованные люди, многие из них поступали на государственную службу и принимали деятельное участие в торгово-экономической и дипломатической жизни России. Община разрасталась и за счет армян, находившихся на военной службе. Многие из них достойно проявляли себя в рядах русской армии, за что получали военные чины и звания (*Григорьян, 1974. С. 85–86*).

Вскоре Петербург стал крупнейшим центром транзитной торговли между Востоком и Западом. Уже в середине 20-х годов XVIII в. на него приходилось 90% русско-европейской торговли, при этом до 80% стоимости товаров, вывозимых в 30–40-е годы XVIII в. через Астрахань и Петербург в Европу, приходилось на долю армянских купцов. В середине XVIII в. армяне основали в городе фабрики по производству шелковых и хлопчатобумажных тканей, в 1758 г. – одно из первых акционерных обществ России (*Агаян, 1994. С. 137*).

Переезд в 1760-х годах старшего из братьев Лазаревых, Ивана Лазарева, из Москвы в Петербург, его активная предпринимательская и политическая деятельность, огромная эрудиция, неистощимая энергия и желание трудиться во благо России привлекли к нему внимание высших правительственных кругов. Вскоре он сближается со многими видными государственными деятелями и с царским двором. Будучи назначен Екатериной II советником по восточной политике и советником Государственного банка России, И.Л. Лазарев не раз с успехом выполнял сложные правительственные поручения дипломатического и финансового характера. В 1764 г. он стал придворным ювелиром и советником при покупке двором ценных ювелирных изделий. С его именем связано удачное приобретение в российскую казну

(от армянского купца Г. Сафрасова) знаменитого бриллианта «Орлов», поднесенного Гр. Орловым Екатерине II в день ее тезоименитства. Ныне этот бриллиант, имеющий и второе название – «Лазаревский», – хранится в Алмазном фонде Оружейной палаты Московского Кремля. На средства И.Л. Лазарева в Петербурге были построены армянская церковь *Сурб Катарине* (Святой Екатерины) (1771–1780 гг.) на Невском проспекте и два дома около нее, которые он завещал «церкви и народу», а также церковь *Сурб Арутюн* (1791 г.) на Васильевском острове, где преимущественно жили армяне, армянская школа (1784 г.) (*Базиянц*, 1975. С. 53–73; *Мосесова*, 1997). В 80-е годы XVIII в. в Петербурге постоянно жили около 150 армян. Тем не менее он занимал важное место в истории армянского просвещения. В стенах Академии наук разрабатывалась программа первой армянской школы на территории России, которую планировалось открыть в Астрахани. В 1780 г. Гр. Халдарян, автор первого армяно-русского словаря, в церковном доме на Невском проспекте основал первую армянскую типографию в России. В 1812 г. в том же здании была открыта вторая типография. Среди многих изданных в них книг были исторические труды армянских историков V в. Мовсеса Хоренаци «История Армении», Егише «О Вардане и войне армянской», а также книга «Жизнь Артемия Араратского», впервые познакомившая русского читателя с армянской действительностью XVIII в.

Если первые армяне Петербурга занимались главным образом торговлей, то к середине XIX в. значительную часть среди них составляли преподаватели и студенты высших учебных заведений. В 1844 г. в Петербургском университете была открыта кафедра армянского языка и литературы (вторая по счету в России после Казанского университета). На кафедре работали такие маститые арменоведы, как Н. Бероев, К.П. Патканов, Н.Я. Марр, Н.Г. Адонц. Во второй половине XIX в. в Петербурге уже было сосредоточено несколько типографий, в которых издавались как научные труды по арменоведческой и исторической литературе, так и несколько газет и журналов.

Начиная с 70-х годов XIX в. в среде петербургской армянской интеллигенции и особенно студенчества стали широко распространяться идеи освободительного движения западных армян. В начале 80-х годов образовался кружок, во главе которого были Мариам Варданян (Маро) и Мушег Серопян, впоследствии один из организаторов социал-демократической партии «Гнчак» («Колокол»). Еще большую популярность приобрело движение «северных» во главе со студентом Саркисом Гугоняном, объединившее армянскую интеллигенцию Петербурга и Москвы. В 1907 г. был основан Армянский кружок, в который вошли представители петербургской интеллигенции и наиболее известные армянские общественные деятели, проживавшие в различных регионах России и даже за рубежом. В 1911 г. было организовано Армянское художественное общество. К 1916 г. в городе действовали Общества по оказанию помощи беженцам, попечения над бедными, Армянский клуб, Касса взаимопомощи и другие организации. Создавались детские сады с обучением родному языку, курсы армянского языка для взрослых.

С Петербургом связаны имена многих выдающихся армянских ученых, например, востоковеда и филолога, члена-корреспондента Петербургской Академии наук с 1885 г., профессора университета К.П. Патканова; окончивших Петербургский университет и ставших академиками Академии

наук Армении филолога и лингвиста Ст. Малхасянца и историка, первого ректора Ереванского университета А. Манандяна. В Петербурге получили образование талантливые братья Орбели. Старший из братьев, Рубен, стал основоположником новой науки – гидроархеологии; средний, Леон, был физиологом, академиком Академии наук СССР (1935 г.), Академии наук Армении (1943 г.), Академии медицинских наук СССР (1944 г.), руководил Институтом физиологии им. И.П. Павлова АН СССР (1936–1950 гг.), Институтом эволюционной физиологии и патологии высшей нервной деятельности им. И.М. Сеченова АМН (1944–1950 гг.), основал Институт эволюционной биохимии и физиологии и был его директором (1956–1958 гг.), в 1942–1946 гг. был вице-президентом АН СССР; младший брат, Иосиф, востоковед, археолог, академик Академии наук СССР (1935 г.), Академии наук Армении и ее первый президент (1943–1947 гг.), директор Эрмитажа (1934–1951 гг.), почетный академик и профессор ряда зарубежных академий и университетов (Григорьян, 2002).

Наиболее заметный рост армянской общины в городе произошел на рубеже XIX–XX вв. – с 656 человек в 1890 г. до 2120 человек в 1910 г. После установления в Восточной Армении советской власти (1920 г.) многие армяне Петрограда переехали в Армению, и численность их в городе сократилась к 1926 г. до 1759 человек (Старовойтова, 1987. С. 65). Впоследствии армянское население города вновь выросло, главным образом за счет мигрантов молодого возраста из Армении и из южнороссийских регионов, достигнув в 1970 г. 6,6 тыс., в 1979 г. – 7,4 тыс., в 1989 г. – 12,1 тыс. человек, а в 2002 г. 19,2 тыс. человек. При этом практически все свободно владели русским языком, около половины армян имели высшее образование и соответственно высокий социальный статус. Хотя городская жизнь в инонациональном окружении оказывает нивелирующее влияние на этнокультурную характеристику современных армян Петербурга, тем не менее их национальное самосознание высоко. Оно реализуется прежде всего в хорошем знании истории и культуры своего народа, в желании, чтобы их дети знали армянский язык. В 1989 г. в Петербурге было организовано Общество друзей армянской культуры, позднее переименованное в Армянское общество Санкт-Петербурга; создан Армянский союз милосердия; для детей открыта воскресная армянская школа, для взрослых – курсы по изучению армянского языка. Силами членов общины были реставрированы обе армянские церкви. С 1993 г. церковная община издает газету «Аватамк» («Веруем») на армянском и русском языках; при церкви *Сурб Арутюн* открылась воскресная школа; в 1997 г. при этой общине была создана Армянская молодежная ассоциация (*Тер-Саркисянц*, 1998. С. 362–368). В 1999 г., к 155-летию учреждения кафедры армянской словесности в Санкт-Петербургском университете, на Восточном факультете было возобновлено преподавание арменоведческих дисциплин, опубликовано учебное пособие «Введение в арменистику» (Юзбашян, 2003).

После присоединения Крыма к России в 1783 г. наиболее крупная армянская община сформировалась в Симферополе, главным образом за счет переселения армян из других районов Крыма, где они исстари, в основном с XI в., жили, а также беженцев из западноармянских вилайетов Турции. К 1919 г. армянское население Крыма составило 19 тыс. человек (Агаян, 1994. С. 159–161). Уже начиная с XI в. здесь было несколько армянских

школ. Позднее школы были открыты в Симферополе (с 1800 г.), Карасубазаре (с 1816 г.) и особенно училище Халибяна в Феодосии (1858–1871), основанное по инициативе Габриэла Айвазовского – крупного ученого, религиозного и общественного деятеля. В типографии при этом училище издавали учебники на армянском и русском языках, художественную, историческую, в том числе и переводную, литературу, церковные книги и словари. С именем Г. Айвазовского связана организация в Крыму армянской периодической печати. Здесь он продолжил начатое им в Париже издание журнала «Масяц агавни» («Голубь Масиса»), выходявшего в свет в Феодосии в 1860–1865 гг. В 1873–1874 гг. там же издавался журнал «Дастиарак» («Воспитатель»). К 1881 г. в Таврической губернии, куда входил Крым, было 26 армянских школ, в которых обучалось 1500 учеников. Известными деятелями культуры армянской общины в Крыму в XIX – начале XX в. были знаменитый художник-маринист Иван Айвазовский и его старший брат, Габриэл Айвазовский, художники Вардгес Суренянц, Эманвел Магдесян, композиторы Александр Спендиаров, Христофор Кара-Мурза и др.

Армяне активно участвовали в общественно-политической жизни Крыма, в его благоустройстве и развитии. Так, во время Крымской войны (1853–1856 гг.) армянское купечество взяло на себя значительную часть обеспечения военных нужд осажденного Севастополя, внесло основной вклад в строительство в Крыму железной дороги. По проекту Н. Ахвердяна в 1901 г. в Симферополе – впервые в Крыму – было проведено уличное электрическое освещение. Особенно велики заслуги И.К. Айвазовского, который оказал материальное содействие и строительству железной дороги и переоборудованию Феодосийского порта. В 1898 г. по его инициативе и при его материальной поддержке Феодосия была обеспечена питьевой водой: 30-километровый водопровод был проведен из озера Субаш, которое находилось в имении И.К. Айвазовского. В память об этом событии благодарные феодосийцы воздвигли фонтан в виде фигуры женщины с раковиной, из которой струится вода, а у подножия статуи поместили украшенную лавровыми листьями палитру с надписью: «Доброму гению». И.К. Айвазовский завещал Феодосии около 400 своих картин. В доме, где он жил, открыта картинная галерея, у ее фасада есть памятник: Айвазовский с палитрой и кистью; на пьедестале короткая надпись: «Феодосия – Айвазовскому». Великий художник похоронен в этом же городе, в ограде армянской церкви XIV в. *Сурб Саркис*, на плите высечена надпись по-армянски: «Рожденный смертным, он оставил по себе бессмертную память».

Заметную роль сыграли крымские армяне в экономике России: многие фабриканты и торговцы входили в состав городских гильдий и компаний, были крупными банкирами. Армяне способствовали развитию в Крыму садоводства, виноградарства, виноделия, бахчеводства, шелководства, животноводства. В 1944 г. армянская община в Крыму практически прекратила свое существование в связи с массовой депортацией из Крыма представителей многих народов, в том числе и 11 тыс. армян. Армяне вновь начали селиться в Крыму с 1960-х годов. В 1954 г. Крым был передан Украине (*Тер-Саркисянц*, 1998. С. 267–281).

Наиболее крупная армянская диаспора проживает на юге России, в частности в Краснодарском и Ставропольском краях, Ростовской области (количе-

ство армян в этих регионах по переписи 2002 г. составило 533,8 тыс.), а также в республиках Северного Кавказа. Формирование ее относится к XVIII – началу XX в. преимущественно за счет выходцев из Ирана и Турции, между которыми в 1639 г. была поделена Армения. Но известны и более ранние миграции армян, документально зафиксированные еще в XI–XII вв. в Южном Дагестане и на Северо-Западном Кавказе (*Волкова*, 1966. С. 257–259).

С XVIII в. основные миграции армян из разных провинций Ирана направлялись большей частью в бассейн Терека, где ими были основаны несколько новых поселений (например, Шелкозаводское, Малахолинское, Караджил, Касаева Яма, переименованное позднее в Едессию и где в 1920-е годы существовал национальный сельсовет); в 1799 г. построен город Святой Крест (ныне Буденновск), заселялись новые города Кизляр, Моздок, в армянских кварталах которых были открыты школы, построены церкви, созданы культурные общества. Кизлярские армяне первыми в России начали заниматься разведением риса, были основными производителями шелка. Кизляр стал местом организации коньячного производства в России, причем практически все винокуренные заводы в нем принадлежали армянам. С 1800 г. армянам Кизляра и Моздока было разрешено иметь свои суды, которые совмещали и функции органов самоуправления (*Ананян, Хачатурян*, 1993. С. 35–38; *Едессия*, 1993; *Великая*, 1995. С. 191).

Обитавшие с X–XI вв. среди западных адыгов так называемые черкесогаи (черкесские, или горские армяне), глубоко воспринявшие (благодаря интенсивным контактам с адыгами при дисперсности расселения и высокой доле национально смешанных браков) элементы их культуры, вплоть до языковых диалектов, но сохранившие свое национальное самосознание и христианскую религию, стали с конца XVIII в., во избежание исламизации, усиленно распространяемой крымскими ханами среди горцев, объединяться в отдельные аулы и переходить на русскую территорию, где в 1839 г. образовали Армянский аул, переименованный в 1841 г. в Армавир по названию одной из древних столиц Армении. В 1840 г. здесь насчитывалось до 400 семейств черкесогаев. Одновременно в районе Армавира основываются несколько армянских селений, наиболее крупным из которых был аул Карабета Талдустына. В Армавире были открыты армянские школы, построено несколько церквей. В 1914 г., когда Армавир получил статус города, в нем проживали 44 тыс. человек, из них более 8 тыс. армян. В дальнейшем, по мере существенного увеличения в Армавире русского населения (с 16 человек в 1859 г. до 32 983 человек в 1911 г.), на этнокультурное развитие черкесогаев стал влиять и русский фактор, в частности, большое распространение получили русские песни, пляски, а также русский язык. Частыми стали браки с русскими (*Щербина*, 1916; *Погосян*, 1981; *Аракелян*, 1984; *Ананян, Хачатурян*, 1993. С. 61, 62; *Тер-Саркисянц*, 2002).

Формирование крупных армянских общин на юге России происходило как стихийно, так и большей частью было организовано правительством для заселения и освоения новых территорий людьми, имеющими большой опыт в земледелии, торговле и ремеслах. Так, по указу Екатерины II 1778 г. в низовьях Дона были поселены 12,6 тыс. крымских армян, где им было разрешено основать один город – Нор Нахичеван и пять окрестных селений (Чалтырь, Крым, Большие Салы, Султан Салы и Несветай) и предоставлялся ряд льгот и при-

Армянский памятник в Буденновске
Фото из личного архива С. Варданяна. 1980-е годы

вилегий. Колония обладала внутренней автономией, имела свой герб, печать, суд; языком делопроизводства был армянский. В городе быстро развивались промышленность и торговля, росло число школ, было открыто уездное училище. При выстроенном монастыре *Сурб Хач* в 1790 г. основаны первая на юге России типография, а также школа-пансионат для детей неимущих; позднее открылись мужская и женская гимназии, еще несколько школ, училище благородных девиц, театр, Общество любителей театрального искусства, церкви, духовная семинария, приют для кавказских армян, был создан музей, разбиты городские парки, проведен водопровод. Вскоре после своего основания Нор Нахичеван стал значительным культурным и экономическим центром на юге России (*Бархударян, 1967; Бархударян, 1985; Сармакешян, 1990; Ананян, Хачатурян, 1993. С. 106, 107*). Академик П.С. Паллас, посетивший Нор Нахичеван вскоре после его основания в 1793 г., был приятно удивлен тем, что большинство горожан жили в благоустроенных каменных домах, крытых черепицей. Опрятными выглядели и селения, в частности, Чалтырь, в котором он побывал; большая часть из 90 домов в этом селе была построена из чисто тесаных камней и глины и состояла из трех помещений: прихожей с печью и двух чистых ком-

Армянская церковь Св. Креста в Ростове-на-Дону
Фото из личного архива С. Варданяна. 1980-е годы

нат с низкими лежанками (Ананян, Хачатурян, 1993. С. 43; Халпахчьян, 1988. С. 79). В начале XX в. в городе выходило несколько периодических изданий на армянском языке: «Наша жизнь» «Наш голос», «Свет» и др.

Известно, что новонахичеванские армяне оказали значительную материальную и финансовую помощь российскому правительству во время Русско-персидских и Русско-турецких войн конца XVIII – начала XIX в., а также во время войны с Наполеоном. Они поддерживали связи не только с Арменией, но и с армянскими колониями разных стран Запада и Востока, содействуя тем самым развитию внешних торгово-экономических связей этих стран с Россией. Позднее, с экономическим усилением Ростова, наиболее влиятельные армянские промышленники и купцы переселились в этот город.

Со временем Ростов и Нахичеван, образовав крупный промышленный и культурный центр, слились, а в 1928 г. постановлением Административной комиссии при Президиуме ВЦИК СССР город Нахичеван–на–Дону был присоединен к Ростову-на-Дону, а затем переименован, став его Пролетарским районом (Халпахчьян, 1988. С. 10). С тех пор историческое название города упразднено.

В 1920-е годы выходцами из сел Крым и Чалтырь были образованы три новых, созданных как трудовые коммун, села – Ленинанкан, Красный Крым и Ленинанван. В 1926 г. армянские села были выделены в отдельный Армянский национальный район, получивший название Мясниковский с центром в селе Крым, а позднее – в селе Чалтырь. В то время все села района имели школы с армянским языком обучения, сохранялись церкви, при которых до революции работали приходские школы. В 1962 г. он был включен в состав Неклиновского района с преимущественно русским населением. И хотя в 1965 г. Мясниковский район, по ходатайству его жителей вновь стал самостоятельной территориальной единицей, статус национального района он потерял; армянское население в нем снизилось до 59%, а впоследствии – до 55%.

Донские армяне представляют собой относительно однородную субэтническую группу, сохранившую до нашего времени многие этнокультурные традиции, чему в немалой степени способствовало компактное проживание ее в условиях длительного отрыва от основного этноса среди инонационального окружения и возможность, таким образом, этнической идентификации. В то же время новая среда, традиции живущего рядом русского народа не могли не сказаться на этнокультурном развитии донских армян. Это проявилось в широком распространении среди местных армян русского языка, некоторых особенностей материальной культуры, в частности в жилище, одежде и даже в пище, в более быстрой утрате патриархальных черт в семейно-бытовой сфере (*Тер-Саркисянц*, 1991; *Тер-Саркисянц*, 1998. С. 310–344; *Тер-Саркисянц*, 2000). Из среды донских армян происходят католикос всех армян Геворг VI Чорекчян, писатель и публицист Микаэл Налбандян, классик армянской литературы Рафаэл Паткандян, художник Мартирос Сарьян, крупный ученый – историк Алексей Дживилегов, писательницы Мариэтта Шагинян и Нина Берберова, балерина Агриппина Ваганова и поэт Людвиг Дурян, архитекторы Марк Григорян и Ованес Халпахчян.

В конце XVIII – первой половине XIX в. усиливаются армянские общины в новых административных центрах на юге России – Екатеринодаре (ныне – Краснодар), Ставрополе, Георгиевской, Пятигорске, Владикавказе, Грозном. В этих городах армянами строятся церкви, школы, заводы, торговые дома, магазины, рынки, красивые особняки. В 1893 г. армянин И.А. Ахвердов открыл в Грозном первую нефтяную скважину. Развивая нефтедобывающую промышленность, известные бакинские промышленники-армяне стали вкладывать свои средства, создавая в Грозном филиалы фирм, например «Лианозов и сыновья», «Маилов и сыновья», «Братья Цатуровы и К°» и др. (*Ананян, Хачатурян*, 1993. С. 69–73; *Тер-Саркисянц*, 1998. С. 281–285).

Ко времени включения в 1801 г. Восточной Грузии в административную систему Российской империи там истари проживало значительное число армян, для которых соседняя Грузия не была чужбиной. Армян и грузин связывали многовековые взаимоотношения, близость исторических судеб и культуры, а также осознанная необходимость совместной борьбы с завоевателями. К концу XIX в. численность армян в Грузии, проживавших в основном в городах Тифлис, Гори, Телави, Батуми, Ахалцихском и Ахалкалакском уездах, составляла 280 тыс. человек. Ведущую роль играла армянская община Тифлиса, где доля армян в XIX в. была намного выше, чем доля грузин: например,

в 1817 г. армян здесь насчитывалось 11,2 тыс. человек, что составляло 75,6% населения города, в 1864 г. – 28,5 тыс. (47,1%), в 1876 г. – 37,6 тыс. (41%), в 1899 г. – 63 тыс. (36,4%); доля грузин составляла за эти годы соответственно 18,9; 24,9; 24,1 и 26% (*Анчабадзе, Волкова, 1990. С. 29*).

Благодаря наличию многих армянских учебных заведений, в том числе основанной в 1824 г. известной школы «Нерсисян», типографий, значительного числа публикуемых армянских газет и журналов, в том числе и научных, в частности этнографического журнала «Азгагран кандес», Тифлис являлся в тот период основным центром культурной жизни восточных армян. Здесь были созданы Армянское артистическое товарищество с собственным зданием театра (ныне – грузинский театр им. Руставели), Армянское драматическое товарищество, Товарищество армянских художников, литературные объединения, в том числе известный «Вернатун», в котором участвовали Ованес Туманян, Аветик Исаакян, Левон Шант и др. В Тифлисе жили и творили многие армянские писатели и ученые, выступали армянские театральные труппы, имелись благотворительные союзы. Особую известность приобрело основанное в 1881 г. врачом Багра- том Навасардяном «Кавказское армянское благотворительное общество», ко- торое вскоре открыло свои отделения в Ереване, Эчмиадзине (Вагаршапат), Александрополе (Гюмри), Армавире, Батуми, Телави, Ахалцихе, Ахалкалаки, Моздоке и в ряде других городов Кавказа, где проживало много армян. Это Общество, обеспокоенное низким уровнем грамотности населения, содер- жало на свои средства более 100 сельских школ и библиотек, в ряде горо- дов открылись курсы для учителей, предоставлялись стипендии для учебы в университетах Европы и России, а также в школе «Нерсисян» и семинарии «Геворгян» в Эчмиадзине. Позднее, с 1908 г., Общество выделяло пособия 63 церковно-приходским школам Армении и Грузии, содержало около 140 школ, библиотеки, мастерские, благотворительные столовые, для помощи литерато- рам и учителям основало фонды – «Издательский», «Абовян-Назарян», «Педагогический». С утверждением в 1921 г. советской власти в Грузии все свое имущество Общество передало Армении.

В Тифлисе, как и Грузии в целом, издавна имелись многочисленные армянские церкви, находившиеся в ведении основанной в XII в. Грузинской

Армянское село Нижняя Шиловка, Адлерский р-н, Краснодарский край.

Фото из личного архива С. Варданяна. 1981 г.

епархии Армянской апостольской церкви. Примечательно, что за редким исключением именно армяне избирались здесь на должность городского головы. С начала XIX в. Тифлис стал также центром армянского освободительного движения, в период Русско-персидской войны 1826–1828 гг. здесь были сформированы армянские добровольческие отряды; в 1862 г. была создана организация для содействия восстанию армян в Зейтуне; был основан ряд политических организаций – партия Дашнакцутюн (Армянский революционный союз) (1890 г.), Армянское национальное бюро (1912 г.), в 1917 г. – Армянская народная партия (кадеты), Армянский национальный совет, Совет западных армян и другие, главной целью которых было национальное определение западных армян в Османской империи, воссоздание армянской государственности. С началом Первой мировой войны эти организации приняли активное участие в создании армянских добровольческих формирований в составе русской армии (Мелконян, 2009. С. 89–92).

Ко второй половине XX в., по данным Всесоюзных переписей, число армян в Грузии заметно возросло – до 442,9 тыс. в 1959 г. и 452,3 тыс. в 1970 г.; однако позднее наблюдалось некоторое сокращение его – до 448,0 тыс. в 1979 г. и до 437,2 тыс. в 1989 г.

Армяне издавна проживали и на территории современного Азербайджана. После присоединения этой территории к России, согласно принятому в 1836 г. Указу об управлении делами Армянской церкви, была создана Шемахинская епархия, в составе которой накануне Первой мировой войны было 39 церквей. В XIX в. многочисленная армянская община имела в Баку, в котором армяне составляли примерно 1/4 населения. В этом крупном промышленном центре Закавказья было много рабочих-армян, в основном выходцев из Карабаха и Зангезура. Заметную роль в экономике города играли успешные нефтепромышленники-армяне – А. Манташев, О. Мирзоян, П. Гукасян, Е. Питоев, М. Арамянц и др. С середины XIX в. закавказские рыбные промыслы были в откупном содержании у И. Мириманова, Г. Тер-Микелова, В. Аршакуни, семьи Лианозовых. Армянская буржуазия занимала лидирующие позиции в табачном производстве, торговле, мануфактурной промышленности, владела многими предприятиями, банками, торговыми домами. В городе действовали армянские школы, из которых наиболее известными были мужская школа «Месропян» и женская школа «Рипсимян», имелось несколько армянских церквей, типографий. С середины XIX и до начала XX в. в Баку в разные годы издавалось около 80 армянских газет и журналов. Армяне имели в этом городе несколько культурных обществ, клубов, образованное в 1884 г. Армянское театральное общество, в середине 1890-х годов – литературный кружок «Очаг». Особо следует отметить многогранную деятельность созданной в 1864 г. по инициативе врача Давида Ростомяна с целью материального содействия русскоподданным армянам и ведения просветительской работы крупнейшей благотворительной организации того времени – Бакинского армянского человеколюбивого общества во имя Св. Григория Просветителя. Начав свою деятельность с попечительства над приходской школой при церкви *Сурб Григор Лусаворич*, в дальнейшем оно оказывало финансовую помощь более 25 (в том числе и основанным им самим) армянским школам на территории Восточного Закавказья, отправляло талантливую молодежь в высшие учебные заведения Европы и России, оплачивало их учебу и снабжа-

ло стипендиями. Предметом особой гордости были основанные Обществом в 1870 г. типография «Арор» и первая в Баку общественная библиотека-читальня, фонды которой насчитывали около 22 тыс. книг на разных языках и 68 наименований периодических изданий. В 1914 г. число ее абонентов составляло около 33 тыс. Впоследствии, в 1920 г., она была переименована в Публичную библиотеку. Важным культурным центром Баку стал основанный Обществом театр с залом на 420 мест, просуществовавший до 1917 г. Кроме того, Общество в разные годы основало и содержало Дом труда для обучения разным ремеслам, сиротский дом, благотворительную столовую, жилые дома для неимущих; в 1914 г. открыло лазарет для лечения раненых армянских солдат, основало специальный комитет по сбору средств для армянских воинов и их семей, комитет помощи раненым и больным солдатам, Женский комитет помощи беженцам и т.п. (Мелконян, 2009. С. 92–95).

Армяне жили также в других городах и селах Восточного Закавказья, например, в Елисаветполе, Шемахе, Нухе и др. По переписи 1897 г. армян в Бакинской губернии насчитывалось 89 тыс. человек.

В 1918 г., в условиях турецкой оккупации, на землях Восточного Закавказья была образована Азербайджанская республика со столицей в Баку, где со временем были ликвидированы армянские школы и другие культурные очаги, постоянно сокращалось армянское население Нахичевана, к концу 1980-х годов полностью лишившегося его, систематически шло сокращение доли армян в Нагорном Карабахе (с 94,4% в 1921 г. до 75% в 1989 г.). В целом армянское население Азербайджана (вместе с Нагорно-Карабахской АО и Нахичеванской АССР), по данным Всесоюзных переписей, составляло 442,1 тыс. в 1959 г., 483,5 тыс. в 1970 г., 475,5 тыс. в 1979 г. и 390,5 тыс. в 1989 г. В результате азербайджано-карабахского конфликта более 350 тыс. армянских жителей Азербайджана были вынуждены покинуть свои дома и перебраться в Армению, Россию и другие страны. Одновременно из Армении выехали 160 тыс. азербайджанцев.

Со второй половины XIX в. на юг России, включая территорию Абхазии, усилился поток армянских беженцев из Турции. Наибольшая их масса направлялась на Черноморское побережье Кавказа и Крыма. Первая группа армян в 1862 г. осела в Анапе. В 1864 г. они основали на реке Шапсуго деревню Армянскую. Пополнилась и новороссийская община, состоявшая к тому времени, как и анапская, в основном из черкесских армян. Переселению армян, преимущественно амшенских (Амшен – историческая область, находящаяся в восточной части Трапезундского вилайета Турции), на Черноморское побережье Кавказа способствовала также активная политика царского правительства в связи с необходимостью заселения и освоения этой территории, опустевшей после ухода по окончании Кавказской войны в 1864 г. части адыгов, абхазов, абазин и убыхов в Турцию. Поскольку русским и украинским поселенцам, непривычным к южным климатическим условиям, было трудно начинать хозяйственное освоение этого края, правительство приняло решение пригласить сюда армянских и греческих переселенцев из сходных по природно-климатическим условиям районов Турции, где они находились в бесправном положении. Армяне заселяли как города, так и села Кубани и Черноморья, к концу 1880-х годов их численность там составила около 10 тыс. человек (Минасян, 1990. С. 96, 97). Особенно много армянских бе-

женцев расселилось по Черноморью и Северному Кавказу в 1915–1916 гг. из Турции в период пика геноцида и в 1918 г. из Закавказья. Так, если в 1907 г. армянское население Кубанской области и Черноморской губернии составляло соответственно 19,3 и 7,7 тыс. человек, то к 1920 г. оно возросло в этих областях до 45,3 и 13 тыс. человек, из которых 65,1% и 41,8% жили в городах, где занимались главным образом торговлей и ремеслами. Наиболее крупные массивы армянского населения были в Майкопском и Екатеринодарском отделах (16,7 тыс.), а также Сочинском и Туапсинском (8,5 тыс. человек) (Волкова, 1966. С. 267).

С 1926 по 1953 г. в составе Майкопского округа существовал национальный Армянский район с центром в станице Елисаветпольской, переименованной в 1938 г. в С. Шаумян, в состав которого вошли 68 сел и хуторов. В районе имелись армянские школы, велись радиопередачи на армянском языке, выходила армянская газета (Тверитинов, 1992. С. 24; Акопян, 1995. С. 148–150), причем в 1920-е годы армянские школы функционировали не только в этом районе, но и во всем Краснодарском крае. В 1953 г., в связи с упразднением в крае 24 районов, был ликвидирован и Армянский район. Его территория была распределена между Туапсинским и Апшеронским районами (Тверитинов, 1992. С. 24). С этого времени стало заметно сокращаться и число армянских школ в крае: со 140 в 1951 г. до 12 в 1967 г. (Минасян, 1990. С. 154) и до 3 в 1992 г., а армянский язык стали преподавать как самостоятельный предмет в школах с русским языком обучения. В то же время численность армян в крае возрастала быстрыми темпами (в том числе и за счет начавшегося с 1970-х годов переселения амшенских армян из Абхазии), достигнув к 1979 г. 120,8 тыс., а к 1989 г. 182,2 тыс. человек, из которых 75,2% считали родным язык своей национальности, 24,7% – русский. В 2002 г. число учтенных переписью армян в Краснодарском крае составило 274,6 тыс. человек.

Компактное расселение амшенских армян, особенно в сельской местности (хотя среди них существует деление на трапезундцев, ордуйцев и джаникцев – по названию мест, откуда они переселились), а также длительная изоляция от основного этнического ядра – армян из Армении – во многом способствовали консервации их этнокультурной специфики, которая в значительной мере была обусловлена влиянием культуры соседних с ними народов (лазов – в Турции, абхазов – в Абхазии) (Тер-Саркисянц, 2002).

Значительную роль в возрождении общеармянской культуры играют открывшиеся с конца 1980-х годов на юге России культурно-просветительные общества: Общество армянской культуры и милосердия им. Месропа Маштоца (Краснодар), «Нор Нахичеван» (Ростов), «Ани» (Чалтырь), «Эребуни» (Ставрополь), «Армавир» (Армавир), «Цанк» (Анапа), «Айк» (Ейск), «Амшен» (Туапсе), «Севан» (Сочи), «Луйс» (Новороссийск), «Крунк» (Кисловодск), «Сурб Хач» (Буденновск), «Ахпюр» (Нальчик), «Наири» (Владикавказ) и др. В ряде городов открылись воскресные школы и классы по изучению армянского языка, истории и культуры народа. Функционируют и армянские школы – в селах Сергей-Поле, Молдовка и Нижняя Шиловка в районе Большого Сочи, в Адлере, Пятигорске. Более чем в 40 школах армянский язык преподается как самостоятельный предмет. Некоторым культурным обществам удалось наладить выпуск периодических изданий. Так, с 1991 г. в Сочи

выходит газета «Дзайн амшеняц» («Голос амшенца»), в С. Чалтырь – газета «Ани»; с 1992 г. – газеты «Луйс» («Свет») в Новороссийске и «Эребуни» в Ставрополе; с 1993 г. – газеты «Амайнк» («Община») в Пятигорске и «Маштоц» и «Еркрамас» в Краснодаре. С 1999 г. в Пятигорске издается сборник Клуба любителей мировой и национальной истории – «Арменистика». В 2000 г. в поселке Ново-Михайловское Туапсинского района был организован «Армянский научный информационно-культурный центр «Амшен», издавший в 2002 г. первый выпуск историко-этнологического сборника «Амшенская библиотека». Не менее важную роль играют радио- и телепередачи по местным каналам, например в Краснодаре, Ставрополе, Чалтыре. Сохранению и дальнейшему развитию фольклорных традиций способствует деятельность творческих коллективов при Центрах национальной культуры в Краснодаре (с 1992 г.) и особенно в Лазаревском, где плодотворно функционирует Центр армянской культуры, имевший свои филиалы в 18 селах. В последние годы происходит и возрождение армянских церквей. Реконструирован величественный храм нахичеванских армян *Сурб Хач*, действуют армянские церкви в Ростове, Краснодаре, Сочи, Пятигорске, Кисловодске, в селах Чалтырь, Шаумян, Гайкадзор и в других местах.

В 1997 г. Викариат Северного Кавказа Армянской апостольской церкви был переименован в Епархию юга России с центром в Краснодаре.

Другое переселение армян, предпринятое царским правительством, произошло по окончании Русско-турецкой войны 1778–1779 гг., когда к России отошла территория междуречья Буга и Днестра (Очаковская область) и было принято решение переселить армян из оставшейся в составе Турции Бессарабии на левый берег Днестра. Начиная с 1790 г. армян постепенно стали переселять в Бендеры; весной 1791 г. значительное число армянских семей было отсюда отправлено в Дубоссары. В 1792 г. в 12 км от Дубоссар армянам было выделено место для нового города, получившего название Григориополь. В его окрестностях были основаны также два селения, принадлежавшие семье Аргутиных, – Иосифка и Васильевка; сюда помимо армян были поселены и молдаване. В первые же годы город привлек многих армян из Турции. Григориополь был хорошо развитым городом. В 1796 г. здесь была организована купеческая торговая компания, которая начала первой налаживать на юге России восточную торговлю с Константинополем, связь с которым осуществлялась через новый порт Одессу. В 1799 г. Григориополю были предоставлены широкие права и привилегии. Город, имея свой магистрат, пользовался правом самоуправления в судебных, административных и полицейских делах. Его жители, число которых составляло около 4,5 тыс., были на 10 лет освобождены от податей. В 1806 г. в городе была открыта армянская школа, в 1868 г. организована одна из первых в России приходская школа для армянских девочек. Но уже в начале XIX в. многие григориопольцы стали переезжать в другие города России, в частности в Одессу и в центр присоединенной в 1812 г. к России Бессарабии – город Кишинев. В дальнейшем, вплоть до 1861 г., в Григориополе в среднем проживали не более 2 тыс. армян. Одновременно в нем селились представители других народов – украинцы, молдаване, немцы, греки, русские, евреи (Ананян, 1969).

В Кишиневе армяне появились в XVI–XVII вв., однако в самой Молдавии – намного раньше, о чем свидетельствуют сохранившиеся на ее террито-

рии здания армянских церквей XII-XIII вв., а также найденная в Белгороде-Днестровском каменная плита с армянской надписью X в. В 1803–1804 гг. в центре города по проекту его главного архитектора, армянина Александра Бернардацци, была построена армянская церковь Св. Богородицы. С 20-х годов XIX в. до 1895 г. в Кишиневе находился центр армянской Епархии Бессарабии (с 1830 г. – Новопахичеванской и Бессарабской Епархии). В 1865 г. в городе была открыта армянская школа. В начале XX в. по проекту инженера Самвела Хачикяна в Кишиневе были сооружены водопровод и электростанция. С 1993 г. в городе после реставрации вновь стала действующей армянская церковь, с 1997 г. начат выпуск ежемесячной газеты «Ноев ковчег», которая с 2000 г. стала выходить в Москве.

Со второй половины XIX в., в ходе присоединения Средней Азии к России, там также начали возникать армянские общины, хотя, судя по средневековым источникам, первые поселения армян в этом регионе были документально зафиксированы уже с IV в. После присоединения Туркестана и Закаспия к России туда в поисках заработков устремились многие армянские крестьяне, в основном выходцы из Карабаха и Зангезура, а также частично беженцы из Западной Армении. При этом число их заметно росло прежде всего в Закаспийской области – от 363 человек в 1881 г. до 3839 человек в 1890 г., 4206 человек в 1897 г., 11 009 человек в 1909 г. (Амирьянц, Григорьянц, 1992. С. 162). В 1913 г. общее число армян в Туркестане достигло цифры 15 541 (Азиатская Россия. 1914. Т. I. С. 235).

Армяне в Средней Азии, став в основном жителями городов, активно участвовали в развитии ее промышленности, строительстве, в частности Красноводского порта. Многие из местных армян были торговцами, ремесленниками. Крупный торговый дом «Тарон» имел в городах Туркестана свои филиалы. В сельском хозяйстве армяне занимались в основном привычными для них шелководством и виноделием, в меньшей степени – хлопководством. Селились армяне преимущественно компактно, небольшими группами. Почти в каждом среднеазиатском городе, вплоть до массовой застройки их в 1960–1970-е годы, существовали армянские кварталы, которые, в свою очередь, формировались в зависимости от региона прежнего проживания. Еще в конце XIX в. в ряде городов армянами было выстроено несколько церквей с приходскими школами при них. Во всех крупных городах региона были открыты армянские школы, большим тиражом издавались газеты и журналы на армянском и русском языках, открывались библиотеки, создавались благотворительные общества, коллективы художественной самодеятельности, оркестры народных инструментов. С 1919 г. функционировали культурно-просветительные центры, при которых имелись различные коллективы – литературные, художественные, музыкальные, танцевальные. В начале 1930-х годов в Ташкенте был открыт Армянский театр им. Шаумяна, преобразованный в 1937 г. в Армянский клуб (Амирьянц, Григорьянц, 1992. С. 165–170). Армянское население Средней Азии, по данным Всесоюзных переписей, росло и в дальнейшем: с 28, 9 тыс. в 1926 г. до 51,9 тыс. в 1959 г., 63,7 тыс. в 1970 г., 77,1 тыс. в 1979 г. и до 111,1 тыс. в 1989 г.

Таким образом, армяне в России на протяжении целого тысячелетия смогли мирно жить и трудиться, пользуясь и постоянным покровительством российского правительства, обеспечивавшего их различными льготами и

привилегиями, и симпатиями русского народа. При этом их общины жили не только национальными интересами своей родины, но и во многом интересами принявшей их страны, в развитие экономики, науки и культуры которой они внесли свой большой вклад.

В настоящее время армяне в России проживают не только в местах своего традиционного расселения, где в последние десятилетия их численность значительно увеличилась за счет мигрантов, но и на новых территориях, в частности в целом ряде городов (в том числе малых) Центральной России, Сибири, Дальнего Востока.

Значительную роль в сплочении армян в России, в приобщении их к национальной культуре играет общероссийская общественная организация «Союз армян России», созданная в 2000 г. по инициативе ее президента Ара Абрамяна.

Итак, армянский народ прошел долгий и тернистый путь исторического развития, на котором в течение сотен лет взаимодействовал сначала с древневосточными цивилизациями (Месопотамии, Малой Азии, ахеменидским Ираном), затем с эллинистическим миром, с парфянским и сасанидским Ираном, с Древним Римом и с его наследницей на Востоке – Византийской империей. Находясь на пересечении важнейших путей между Востоком и Западом и постоянно испытывая давление могущественных соседних держав, не раз подвергаясь нападениям пришлых завоевателей (арабов, тюрок-сельджуков, монголов, турок-османов и других кочевников), Армения многократно была ареной опустошительных войн и нашествий, ее завоевывали, расчленяли и разоряли. В 1639 г. она была разделена (уже в третий раз) между сефевидским Ираном и османской Турцией на восточную и западную части. В результате национальных и религиозных преследований и насильственных переселений многие армяне уже более полутора тысяч лет назад не по своей воле оказались за пределами родной страны.

Напряженные поиски путей освобождения Армении от иноземного владычества начали предприниматься уже в XVI в. сначала с надеждой на помощь христианской Европы, а затем, со второй половины XVII в. и особенно в XVIII в., с помощью России. Однако реальная возможность присоединения к России появилась только в начале XIX в., когда в ее состав, в результате послевоенных договоров с Ираном вошла территория Восточной Армении. Это было, несомненно, прогрессивным историческим актом, который не только избавил значительную часть армянского народа от физического уничтожения, но и открыл возможность мирного развития Армении и вступления ее на путь капитализма.

По-иному складывалась судьба Западной Армении, которая оставалась под властью османской Турции. Начиная с 1876 г. турецкие правители осуществляли варварскую политику национального угнетения, преследования и насильственной исламизации части армян. Наиболее чудовищные формы политика массового истребления армян в Турции приняла в период Первой мировой войны, когда по секретному приказу, подписанному в начале 1915 г. министром внутренних дел Талаат-пашой с согласия и одобрения военного министра Энвер-паши и морского министра Джемаль-паши, объявивших всех армян «русскими агентами» и «врагами империи», начались акции по уничтожению и изгнанию армянского населения. Всего же за этот период

были зверски убиты свыше 1 млн человек и почти стольких же депортировали в пустыни Месопотамии, где многие из них погибли. В результате армяне потеряли не только 1,5 млн человек, но и наибольшую часть своей этнической территории. Из почти 2,5 млн армян в Турции осталось только несколько десятков тысяч.

Вопрос о геноциде армян продолжает привлекать внимание широкой международной общественности, дебатруется в парламентах многих стран. К настоящему времени факт геноцида армян и ответственность правительства младотурок за его осуществление были признаны и осуждены Постоянным трибуналом народов (Париж, 1984 г.), Европейским парламентом (Страсбург, 1987 г.), Всемирным советом церквей (Женева, 1989 г.), а также парламентами многих стран, в том числе и России (14 апреля 1995 г.). Что касается самой Турции, то она до сих пор так и не признала данного факта (хотя имеется множество документальных источников) и не покаялась.

В XX в., наполненном бурными политическими событиями, на территории части Восточной Армении были созданы три республики. Сначала это была провозглашенная 28 мая 1918 г. Армянским национальным советом при лидерстве партии Дашнакцутюн независимая Первая Республика Армения, которой за два с половиной года существования удалось проделать значительную работу в области государственного строительства. Затем, 29 ноября 1920 г. была образована Армянская ССР, площадь которой составила 29,8 тыс. кв. км, т.е. лишь 1/10 ее исторической территории.

Будучи полноправным членом Союза ССР, Армения за советский период добилась значительных успехов в хозяйственном и культурном строительстве, превратившись из аграрной в высокоразвитую индустриальную республику с мощной многоотраслевой промышленностью, крупным сельскохозяйственным производством, передовой наукой и культурой. В то же время Армянская ССР, как и другие советские республики, в этот период утратила ряд функций суверенного государства, а армяне, как и другие народы СССР, испытали на себе незаконные и произвольные культы личности, массовые репрессии, депортации, преступные нарушения национальной политики. К существенным этнодемографическим изменениям привело включение исторических армянских областей – Нахичевана и Нагорного Карабаха в состав Азербайджанской ССР, руководством которой десятилетиями проводилась целенаправленная дискриминационная политика, заставлявшая армян уезжать с их исконных земель, на которых расселяли азербайджанцев. В результате Нахичеван к настоящему времени полностью лишился армянского населения, превратившись в азербайджанский анклав на армянской территории. Систематически шло сокращение доли армянского населения и в Нагорном Карабахе: с 94,4% в 1921 г. до 75% в 1989 г. Это явилось причиной Карабахского движения, приведшего к острейшему конфликту с Азербайджаном, корни которого уходят в досоветские времена, и неурегулированному до сих пор.

Последующий распад Советского Союза, имевший тяжелые последствия для всех республик, в Армении усугубился разрушительным Спитакским землетрясением 1988 г., унесшим жизни 25 тыс. человек и оказавшим необратимые последствия на социально-экономическую структуру, демографические и этнокультурные процессы. В эти тяжелые дни не только все союзные

республики, но и многие страны мира протянули руку помощи пострадавшей от стихийного бедствия Армении.

Несмотря на все трудности постсоветского периода, в Армении имело место пробуждение национального самосознания, и народ добился осуществления независимости, идею которой вынашивало и за которую боролось не одно поколение. 21 сентября 1991 г., после общенационального референдума, Республика Армения была провозглашена суверенным государством. В настоящее время эта уже третья в XX в. республика находится в процессе стабилизации политической и социально-экономической жизни.

Хотя характерные для современного мира процессы глобализации затронули в той или иной степени и Армению, ее народ по-прежнему продолжает сохранять в разных сферах своей культуры многие этнические традиции. Одни из этих традиций (и их большинство) ведут свое происхождение с глубокой древности, другие восходят к более поздним периодам, сформировавшись на каждом этапе из возникавших в ходе исторического процесса инноваций.

Многие из дошедших до нашего времени традиций стали для армян достоянием их этнической культуры, символами их национальной идентичности, т.е. представляют собой совокупность именно тех культурных элементов, которые воспринимаются и самим народом, и его соседями как этнически специфичные («национальные»). Например, самое раннее в мире принятие христианства как государственной религии; своя особая, независимая от византийского мира, графическая форма письменности; уходящая своими корнями к стелам языческой и раннехристианской культуры самобытная форма архитектурно-декоративной скульптуры – *хачкары*, ставшие символом христианского вероисповедания армян; многофункциональный хлеб-*лаваш*; крестово-купольный принцип в храмовой архитектуре. В числе таких традиций могут быть и те культурные элементы, которые являются общими для большинства или ряда этносов, но проявляются в своеобразном сочетании, специфической для данного народа выраженности и знаковости и осознаются им исконно своими. Таковы, например, достигшее высокого уровня искусство книжной миниатюры, обычай избегания, многочисленные обряды, исполняемые во время календарных праздников и главных событий жизненного цикла, связанные с общераспространенными архаическими представлениями о плодородии, благополучии, культ предков; здесь же можно упомянуть и традиционное жилище *глхатун* с пирамидально-ступенчатым перекрытием, распространенное далеко за пределами Закавказья.

Важным символом идентичности для армян остается гора Арарат (Масис). Древний взгляд на эту гору, как на святыню, к которой, согласно библейской легенде, причалил Ной, сохранялся еще в Средние века. На рубеже Нового времени Арарат становится символом нации. Когда же после Первой мировой войны Арарат в числе других армянских территорий был аннексирован Турцией и границами физически отделен от армян, его все чаще стали изображать в своих произведениях художники. Сейчас изображение священной для армян горы стало визитной карточкой Армении.

Другим символом идентичности для армян остается книга, особенно рукописная. Несмотря на все превратности судьбы, народ сумел сохранить до наших дней около 30 тыс. рукописей по различным отраслям знания, более половины из которых находятся в фондах Института древних рукописей

им. Месропа Маштоца в Ереване. Остальные манускрипты, подобно самому армянскому народу, рассеяны по всему миру и хранятся в библиотеках и книгохранилищах многих городов. Об отношении армян к книге показателен такой факт: после землетрясения в Спитаке люди, разбирая завалы в поисках живых и зачастую не обращая внимания на какие-либо предметы, в случае нахождения книги, причем самой обычной, бережно сохраняли ее.

Известно, что этническая культура выполняет как этноразделительную функцию в рамках противопоставления «свой – чужой», «мы – они», так и объединительную, способствуя осознанию своего единства различными, нередко дисперсно разбросанными частями данного этноса, что для армян как одного из наиболее дисперсных народов мира особенно важно. Естественно, что этническая специфика более устойчиво сохраняется как в самой Армении, так и среди компактно проживающих вдали от нее групп армянского этноса (например, среди донских и амшенских армян Юга России). У дисперсных групп трансформация национальных особенностей происходит, по понятным причинам, гораздо быстрее, постепенно перемещая их из сферы материальной культуры в духовную, главным образом в социально-психологическую, связанную с национальным самосознанием. Это чувство общности, национальной идентичности со своим народом характерно практически для подавляющего большинства армян, живущих на Земле, и не зависит от глубины адаптации их к инациональной среде и степени сохранения ими традиционной этнической культуры вплоть до такого важного ее элемента, как язык.

ГЛОССАРИЙ

- Aba** / Աբա / **Аба** – мужская короткая верхняя одежда из козьего меха или войлока *см.* **İazaxik**
- Abrešum** / Աբրեշում / **Абрешум** – шелковая ткань *см.* **Kerpas**
- Azab** / Ազաբ / **Азаб** *см.* **Makar**
- Azabbaši** / Ազաբբաշի / **Азаббаши** *см.* **Makarbaši**
- Azg** / Ազգ / **Азг** – род, фамилия, народ, нация
- Azgakan** / Ազգական / **Азгакан** – родственник
- Azganun** / Ազգանուն / **Азганун** – фамилия
- Alani** / Ալանի / **Алани** – сушеные персики с начинкой из толченых орехов с сахаром
- Alratun** / Ալրատուն / **Алратун** – хранилище для муки, букв. «дом для муки»
- Axaločʻ**, **Axəločʻ** / Ախալոչ, Ախլոչ / **Ахалоч**, **Ахылоч** *см.* **Aklatiz**
- Axar** / Ախար / **Ахар** – общественное жертвоприношение
- Axperabažan** / Ախպերաբաժան / **Ахперабажан** – порядок наследования при разделе общесемейного имущества, букв. «раздел по братски»
- Alaman** / Աղաման / **Ахаман** – солонка
- Alanj** / Աղանձ / **Аханц** – жареные смешанные зерна пшеницы и конопля
- Aklatiz** / Ակլատիզ / **Аклатиз** – обрядовая кукла Великого Поста в виде старца на единственной ноге – луковиче с семью воткнутыми перьями
- Aknat** / Ակնատ / **Акнат** – специальные отверстие в стене смежных соседних жилых помещений *см.* **Patrhan**
- Arn** / Արն / **Арн** – внук правнука (сын праправнука)
- Ačʻkʻov tal** / Աչրով տալ / **Ачков тал** – сглазить
- Amanor** / Ամանոր / **Аманор** – Новый год
- Ambar** / Ամբար / **Амбар** – деревянный ящик – загром для хранения муки и зерна
- Aner** / Աներ / **Анер** – тесть
- Antʻari** / Անթարի / **Антари** – женское цельнокроенное платье
- Antuni** / Անտունի / **Антуни** – песня странника, букв. «бездомного»
- Ašxarhabar** / Աշխարհաբար / **Ашхарабар** – новоармянский язык
- Avetis** / Ավետիս / **Аветис** – Благая весть

Aragast / Արագաստ / Арагаст – полог, занавес
Arak / Արակ / Арак – басня
Araspel / Արասպել / Араспел – миф
Atamahatik / Ատամահատիկ / Атамаатик – обряд, связанный с прорезыванием первого зуба ребенка
Arahč'i(n) / Արախչի(ն) / Арахчи(н) – мужской головной убор в виде усеченного конуса, вязанный из шерсти или вышитый разноцветными нитками
Aror / Արոր / Арор – соха
Arorma / Արորմա / Арорма – каркас традиционного жилого дома
Arxalul / Արխալուլ / Архалух – мужская и женская верхняя плечевая одежда

Bažink / Բաժինք / Бажинк – приданое *см. Ožit*
Başlik / Բաշլիկ / Башлык – башлык
Baxt bac'ol / Բախտ բաօղ / Бахт бацох – гадалка, гадатель
Baspind / Բասպինդ / Баспинд – головной убор «башенка» замужних женщин, *см. Poli, Pali*
Basturma / Բաստուրմա / Бастурма – вяленое пряное мясо
Bačkon / Բաճկոն / Бачкон – мужская короткая куртка с цельнокроенными рукавами, *см. Kurtik, Salt'a*
Barekendan / Բարեկենդան / Барекендан – Масленица
Blit' / Բլիթ / Блит – хлеб в виде лепешки
Blul / Բլուլ / Бул – вид свирели
Bombi / Բոմբի / Бомби – круглые хлебцы
Brut / Բրուտ / Брут – гончар
Buxari / Բուխարի / Бухари – мужской головной убор из меха; пристенный очаг-камин с дымовой трубой

Gat'a / Գաթա / Гага – вид национального печенья со сладкой начинкой и узорчатым верхом
Gat'anaxš / Գաթանախշ / Гатанахш – штамп для нанесения узора на гату
Garnaras / Գարնարած / Гарнарац – пастушок
Gdak / Գդակ / Гдак – конусообразный мужской головной убор *см. K'oloz*
Gerandi / Գերանդի / Геранды – коса
Gyul, Gel / Գյուլ, Գել / Гюх, Гех – селение
Gelč'apet / Գելչապետ / Гехчапет *см. Tanuter*
Gerdastan / Գերդաստան / Гердастан – большая семья, большесемейная община
Gzir / Գզիր / Гзир – рассыльный сельской общины
Gzel / Գզել / Гзел – трепание, чесание шерсти

- Glux panir / Գլուխ պանիր / Глух панир** – сорт сыра, приготовляемый головками
- Gluxlva / Գլուխլվա / Глухлва** – обряд «мытья головы» новобрачной, совершаемый через неделю после свадьбы
- Glxatun / Գլխատուն / Глхатун** – жилище со сводчатым потолком
- Gnder / Գնդեր / Гндер** – шарикообразные серьги
- Gom / Գոմ / Гом** – хлев
- Gomasenyak / Գոմասենյակ / Гомасеняк** *см. Gomi oda*
- Gomi oda / Գոմի օդա / Гоми ода** – жилая комната при хлеве
- Gorg / Գորգ / Горг** – ворсовый ковер
- Gotemart / Գոտեմարտ / Готемарт** *см. Кох*
- Goti / Գոտի / Готи** – пояс
- Grabar / Գրաբար / Грабар** – древнеармянский язык
- Grast / Գրաստ / Граст** – выючное или верховое животное
- Grtnak / Գրտնակ / Гртнак** – скалка
- Gulpa / Գուլպա / Гулпа** – вязаные узорчатые носки
- Gyulamej / Գյուլամեյ / Гюхамедж** – сельская площадь
- Gusan / Գուսան / Гусан** – народный певец-сказатель
- Gut'an / Գութան / Гутан** – плуг
-
- Dabaxana / Դաբախանա / Дабахана** – кожевенная мастерская
- Dazgah / Դազգահ / Дазгах** – вертикальный ткацкий станок
- Dalma / Դալմա / Далма** – род длинного женского пальто *см. Хрха*
- Dahuk / Դահուկ / Дахук** – сани ручной тяги
- Darj / Դարձ / Дарц** – обычай временного возвращения новобрачной в родительский дом
- Darbin / Դարբին / Дарбин** – кузнец
- Darbnoc' / Դարբնոց / Дарбноц** – кузница
- Dap' / Դափ / Дап** – бубен
- Ding / Դինգ / Динг** – большая каменная ступа, крупорушка
- Diplipito / Դիպլիպիտո / Диплипито** – вид литавр
- Doşab / Դոշաբ / Дошаб** – уваренный сладкий сок из тутовых ягод или винограда
- Duduk / Դուդուկ / Дудук** – национальный духовой инструмент, вид свирели
- Dhol / Դհոլ / Дхол** – барабан
-
- Ed [u] araj / Էդ ու արաջ / Ед у арач** – плясовая фигура назад и вперед.
- Elak / Էլակ / Елак** – род жилета без рукавов

Elbayr / Եղբայր / Ехбайр – брат

Erg / Երգ / Ерг – песня

Ergič' / Երգիչ / Ергич – певец

Erdik / Երդիկ / Ердик – световодымовое отверстие в центре потолка традиционного жилища

Erkank' / Երկանք / Ерканк – каменная ручная зернотерка

Erham / Երհամ / Ерхам – тонкое шерстяное головное покрывало

Eršal / Երշալ / Ершал – высококачественное сукно из овечьей шерсти с примесью шелка

Ekelec'i / Եկեղեցի / Екехеци – церковь *см. žam*

Ek'nahol / Երկնահող / Экнахох – второй день после похорон

Zatik / Չատիկ / Затик – Пасха

Zerzambi / Չերզամբի / Зерзамби *см. Maran*

Zubara / Չուբարա / Зубара – традиционная форма помощи

Zndan / Չնդան / Зндан – наковальня

Zok'anč' / Չոքանչ / Зоканч – теща

Zpun / Չպուն / Зпун *см. Ant'ari*

Zurna / Չուրնա / Зурна – духовой инструмент типа свирели

T'ag / Թագ / Таг – венец, корона

T'agavor / Թագավոր / Тагавор – жених, «венценосец»

T'aguhi / Թագուհի / Тагуи – невеста, «венценосица»

T'amada / Թամադա / Тамада – распорядитель за столом, букв. «глава стола»

T'ant'ana / Թանթանա / Тантана *см. Vard*

T'an / Թան / Тан – молочная сыворотка

T'ar / Թար / Тар – струнный музыкальный инструмент

T'ars par / Թարս քար / Тарс пар – обратная пляска, т.е. пляска с общим продвижением влево

T'arp' / Թարք / Тарп – верша

T'al / Թալ / Тах – квартал

T'el panir / Թել քանիր / Тел панир – сыр в виде нитей, букв. «нитяной сыр»

T'onir / Թոնիր / Тонир – очаг в земле

T'onratun / Թոնրատուն / Тонратун *см. Glxatun*

T'of / Թոփ / Топ – внук

T'umb / Թումբ / Тумб – нары

T'ur / Թուր / Тур – сабля

žam / Ժամ / Жам *см. Ekelec'i*

Иик / Իլիկ / **Илик** – веретено

Išlik / Իշլիկ / **Ишлик** – мужская верхняя рубаха

Irek' votk' / Իրեք Վոթք / **Ирек вотк** – плясовая фигура из трех шагов

Irek'p'eškani / Իրեքփեշկանի / **Ирекпешкани** – разновидность женского архалух (см.) с боковыми разрезами от подола до пояса, букв. «в три полы»

Lakan / Լական / **Лакан** см. **Hetik**

Lavaš / Լավաշ / **Лаваш** – национальный хлеб из тонкораскатанного теста

Lextr / Լեխտր / **Лехтр** – инструмент для перекапывания земли у амшенских армян

Lač'ak / Լաչակ / **Лачак** – косынка

Xab / Խաբ / **Хаб** – форма взаимопомощи, практиковавшаяся при изготовлении молочных продуктов

Xali / Խալի / **Хали** см. **Gorg**

Xaš / Խաշ / **Хаш** – густой клейки бульон из голья

Xašlama / Խաշլամա / **Хашлама** – хорошо разваренное мясо

Xač' / Խաչ / **Хач** – крест; святилище см. **Surb**

Xač'buř / Խաչբուր / **Хачбур** – сплетенные разной формой пучки пшеницы (дожинки)

Xač'k'ar / Խաչքար / **Хачкар** – каменный памятник с изображением креста, букв. «крест-камень»

Xavic' / Խավից / **Хавиц** – каша из поджаренной на масле пшеничной муки с добавлением сахарного сиропа

Xnami / Խնամի / **Хнами** – сват, кум

Xnoc'i / Խնոցի / **Хноци** – маслобойка

Xonjan / Խոնջան / **Хонджан** – очкур нательных и верхних традиционных штанов

Xorovac / Խորոված / **Хоровац** – шашлык

Xosk' arnel, **Xoskar** / Խոսք արնել, Խոսկապ / **Хоск арнел**, **Хоскап** – сватовство, букв. «взять слово»

Xrxa / Խրխա / **Хрха** см. **Dalma**

Xurjin / Խուրջին / **Хурджин** – переметная сума

Calkazard, **Cařzardar** / Շաղկազարդ, Շաղկարդար / **Цахказард**, **Царзардар** – Вербное воскресенье

Cořn / Շոռն / **Цорн** – сын внука или праправнук

Cux / Շուխ / **Цух** – дым

Kal / Կալ / Кал – ток, гумно
Kam / Կամ / Кам – молотильная доска
Kanep՝ / Կանեփ / Канеп – конопля
Kanč՝ / Կանչ / Канч – зов, свадебный «клич»
Kap / Կանչ / Кап – узел; наведение порчи
Karas / Կարաշու / Карас – большой глиняный кувшин
Karpet / Կարպետ / Карпет – безворсовый ковер
Kav / Կավ / Кав – глина
Kerpas / Կերպաշու / Керпас *см. Abrešum*
Klor par / Կլոր փար / Клор пар – хоровод, букв. «круглый танец»
Kololak / Կոլոլակ / Кололак – блюдо из толченого мяса
Kosband / Կոսբանդ / Косбанд – чересплечник жениха
Kopi / Կոփի / Копи – ободок традиционного женского головного убора
Ko՛rn / Կոռն / Корн – внук внука (праправнук)
Korkot / Կորկոտ / Коркот – разваренная в кашу пшеничная крупа с мясом
Kot / Կոտ / Кот – выдолбленный улей
Kotik / Կոտիկ / Котик *см. Vard*
Kox / Կոխ / Кох – народная спортивная борьба
Ktavat / Կտավաթ / Ктават – лен
Kr՛nak / Կրնակ / Крнак *см. šalak*
Kuž, Kula / Կուժ, Կուլա / Куж, Кула – кувшин для воды
Kurtik / Կուրտիկ / Куртик *см. Vačkon*
Krkeni / Կրկենի / Кркени *см. Tari has՝*
Kreckal / Կրեկալ / Крцкал – нагрудник-вставка женского платья
Kčuč / Կճուճ / Кчуч – глиняный горшок

Nazarašen / Հազարաշեն Азарашен – тип традиционного жилища с пирамидальным сводом (перекрытием) из многочисленных мелких брусьев, букв. «тысячекладка»

Halav / Հալավ / hАлав *см. šarik*

Halivor / Հալիվոր / Аливор – старец

Hamba č՝arek՝ / Համբա շարեթ / Амба чарек – традиционная система передела общинных земель

Hambal / Համբալ / Амбал *см. Mšak*

Hambarjum / Համբարձում / hАмбарцум – Вознесение Господне

Hamkal / Համկալ / Амкал – сообщество по содержанию и охране скота

Hamk՝arut՝yun / Համբարտյուն / Амкарутюн – цеховое объединение ремесленников

Hayr / Հայր / hАйр – отец

- Hayren / Հայրեն / Айрен** – вид лирической поэзии
Harisa / Հարիս / Ариса *см. Korkot*
Hars / Հարս / hApc – невеста; невестка
Harsanik' / Հարսանիք / hApcаник – свадьба
Harsnalber / Հարսնաղբեր / hApcнахпер – свадебный «брат невесты»
Harsnak'uyr / Հարսնաղբույր / hApcнакуйр – свадебная «сестра невесты»
Hrak'aš / Հրաքաշ / hPакаш – сообщество по обработке земли
Haс' / Հաց / haц – хлеб
Haс'atun / Հացատուն / haцатун – букв. «дом для выпечки хлеба» *см. Glxatun*
Hek'iat' / Հեքիաթ / heкиат – сказка
Hetik / Հետիկ / hetик – специальная обувь для передвижения по снегу и льду *см. Lakan*
Hišatakaran / Հիշատակարան / hiшатакаран – памятная запись в рукописи
Hnjan / Հնձան / Хндзан – давильня винограда
Hogehac' / Հոգեհաց / horeац – поминки *см. Sgaselan, K'elex*
Hogehangist / Հոգեհանգիստ / horeангист – панихида
Holat'ap' / Հոդաթափ / hогатап – домашняя обувь без задников
Hotal / Հոտաղ / hотах – погонщик быков (волово) во время пахоты
Hoviv / Հովիվ / hовив – пастух-овчар *см. č'oban*
Horac panir / Հորած պանիր / hорац панир – сыр в глиняном кувшине, зарытом землю
Horak'uyr / Հորաղբույր / hоракуйр – сестра отца
Horelbayr / Հորեղբայր / hорехпайр – брат отца
Horovel / Հորովել / hоровел – песня пахаря
- Javar / Չավար / Дзавар** – пшеничная крупа
Jit'han / Չիրհան / Дзитан – маслобойня
Jmeѓanos' / Չմեռանոց / Дзмераноц – зимовник
Je'um / Չոցում / Дзцум – разновидность маслобойки *см. Xnoc'i*
- kazaxik / Ղազախիկ / Казахик** *см. Aba*
kavurma / Ղավուրմա / Кавурма – *см. Thal*
- čaxarak / Ճախարակ / Чахарак** – прялка
čakatagir / Ճակատագիր / Чакатагир – судьба
črag / Ճրագ / Чраг – глиняная плошка с масляным фитилем для освещения

- Malaza** / Մաղազ / Магаза *см. Maran*
- Mačkal** / Մաճկալ / Мачкал – пахарь
- Makar** / Մակար / Макар – холостой дружка жениха
- Makarbaši** / Մակարբաշի / Макарбаши – глава свиты жениха
- Mayr** / Մայր / Майр – мать
- Mangal** / Մանգալ / Мангах – серп
- Manel** / Մանել / Манел – сучение нити
- Manusa** / Մանուս / Мануса – хлопчатобумажная ткань
- Mašik** / Մաշիկ / Машик *см. Soler*
- Mařan** / Մարան / Маран – кладовая, погреб
- Mařan sel** / Մարան սել / Маран сел – двухколесная арба со сплошными массивными колесами
- Marag** / Մարագ / Марар – саманник
- Marzpan** / Մարզպան / Марзпан – правитель области
- Mariam Astvacacin** / Մարիամ Աստվածածին / Мариам Аствацацин – Успение Святой Богородицы
- Markos** / Մարկոս / Маркос – специальное орудие для проведения оросительных канав
- Matnak'aš** / Մատնակաշ / Матнакаш – плоский хлеб с узорчатым верхом
- Matnoc'** / Մատնոց / Матноц – наперсток; специальный длинный наперсток для захвата колосьев при жатве серпом
- Macun** / Մածուն / Мацун – кисломолочный продукт
- Mafras** / Մաֆրաշ / Мафраш – ковровый или ковро-петный мешок для хранения постельных принадлежностей
- Mezar** / Մեզար / Мезар – передник, фартук
- Meç Pas** / Մեճ Պաս / Мец Пас – Великий Пост
- Meji** / Մեջի / Меджи *см. Zubara*
- Meřeloc'** / Մեթելոց / Мерелоц – поминальный день
- Mihrab** / Միհրաբ / Мираб – распределитель воды в сельской общине
- Mint'ana** / Մինտանա / Минтана – верхняя женская одежда, одеваемая поверх архалуха
- Mot'al** / Մոթալ / Мотал – рассыпчатый сыр
- Morak'uyr** / Մորարույր / Моракуйр – сестра матери
- Muřtak** / Մուշտակ / Муштак – шуба из овчины
- Mřak** / Մշակ / Мшак – носильщик
-
- Yazma** / Յազմա / Язма *см. P'uři*
- Yar'nji** / Յարինջի / Япынджи – бурка
- Yar xuřta** / Յար խուշտ / Яр хушта – воинственная пляска, букв. «товарищ по оружию»
- Yot'** / Յոթ / Йот – седмица, седьмой день со дня смерти

Nalik / Նալիկ / **Налик** – обувь на деревянной подошве с ремешком
Naxarar / Նախարար / **Нахарар** – феодальный князь в древней Армении
Naxrapan / Նախրաբան / **Нахрапан** – пастух крупного рогатого скота
Nanik / Նանիկ / **Наник** – колыбельная песня
Nahapet / Նահապետ / **Наапет** – глава рода, гердастана
Naš / Նաշ / **Наш** – похоронные носилки, хранимые при церкви
Navasard / Նավասարդ / **Навасард** – дреанеармянский Новый год (11 августа)
Nšan / Նշան / **Ншан** – обручальный знак, кольцо
Nšandrek / Նշանդրեք / **Ншандрек** – обручение
Nor tari / Նոր տարի / **Нор тари** *см. Amanor*

šal / Շալ / **Шал** – шерстяная шаль, платок
šalak / Շալակ / **Шалак** – способ переноски тяжести на спине (на закорках)
см. Krnak
šalvar / Շալվար / **Шалвар** – шаровары, верхние штаны
šarik / Շարիկ / **Шапик** – нательная рубашка *см. Halav*
šaran / Շարան / **Шаран** – ряд монет, пришиваемых к налобной части женского головного убора
šaroc / Շարոց / **Шароц** – сладость из уваренного виноградного сока, начиненного ядрами грецкого ореха
šen / Շեն / **Шен** *см. Gyul*
šerep / Շերեփ / **Шереп** – половник
švi / Շվի / **Шви** *см. Sring*
šoror / Շորոր / **Шорор** – пляска с покачиванием
šurjpar / Շուրջփար / **Шурджпар** – хоровод

č’anax / Չանախ / **Чанак** – мясное блюдо с овощами, запеченное в глиняном горшочке
č’eč’il / Չեչիլ / **Чечил** *см. T’el panir*
č’xoskanutyun / Չխոսկանություն / **Чхосканутюн** – обычай «избегания»
č’mušk / Չմուշկ / **Чмушк** – мужская и женская остроносовая обувь без задника с сильно загнутым кверху носком
č’oban / Չոբան / **Чобан** *см. Noviv*
č’ongur / Չոնգուր / **Чонгур** – четырехструнный щипковый музыкальный инструмент
č’ors votk’ / Չորս վոտկ / **Чорс вотк** – плясовая фигура из четырех шагов
č’uxa / Չուխա / **Чуха** – мужская верхняя одежда
č’ust / Չուստ / **Чуст** – разновидность **č’mušk** (*см.*)

Pali / Պալի / **Пали** *см. Baspind*
Panduxt / Պանդուխտ / **Пандухт** – странник

Panir / Պանիր / **Панир** – сыр
Patank՝ / Պատանք / **Патанк** – похоронный саван
Patarag / Պատարագ / **Патараг** – литургия
Patran / Պատրահան / **Патран** *см. Aknat*
Pap / Պապ / **Пап** – дед
Par / Պար / **Пар** – пляска, танец
Paraglux / Պարագլուխ / **Параглух** – глава пляшущих
Parkapzuk / Պարկապզուկ / **Паркапзук** – духовой инструмент типа волынки
Plul / Պլուլ / **Плул** – Улей *см. P'et'ak*
Poli / Պոլի / **Поли** *см. Kori*
Poxara / Պոխար / **Похара** *см. Zubara*
Poch՝ / Պոչ / **Поч** – последний из пляшущих, букв. «хвост»
Pruz / Պրուզ / **Пруз** – *см. Bombi*
Putuk / Պուտուկ / **Путук** – разновидность кчуча (*см.*)

ĴarĴar / Ջարճար / **Джарджар** – специальное молотильное устройство
ĴraĴac՝ / Ջրաղաց / **Джрахац** – водяная мельница
Ĵrorhnek՝ / Ջրորհներ / **Джрорнек** – Крещение, Водосвятие (6 января)
Ĵurpa / Ջուրփ / **Джуппа** – мужская верхняя теплая одежда

Res / Ռես / **Рес** *см. Tanuter*

Ršekter / Ռշեկտեր / **Ршектер** – самодельные туфли на войлочной подошве с вязаным из шерстяных ниток верхом, заменяли трех

Saz / Սազ / **Саз** – лютневый музыкальный инструмент

Sayl, Sel / Սայլ, Սել / **Сайл, Сел** – двухколесная арба

Salt'a / Սալթա / **Салта** *см. Vačkon*

Sand / Սանդ / **Санд** – каменная ступа

Sanderk՝ / Սանդերք / **Сандерк** – трепалка для шерсти

Sgahan / Տգահան / **Сгахан** – вывод из траура

Sgaselan / Տգասեղան / **Сгасехан** *см. Hogeħac*՝

Serund / Տերունդ / **Серунд** – поколение

Sini / Տինի / **Сини** – медный поднос

Skesur / Տկեսուր / **Скесур** – свекровь

Skesrayr / Տկեսրայր / **Скесрайр** – свекр

Sparapet / Տփարապետ / **Спарапет** – военачальник, главнокомандующий в древней Армении

Soler / Տոլեր / **Солер** – остроносые кожаные туфли на невысоком каблуке, подбитом подковой

Soran / Սորան / Соран *см. K'ašan*

Srnapan / Սրնապան / Срнапан – мужские ноговицы

Sranoc' / Սրանոց / Сраноц *см. Jit'han*

Sring / Սրինգ / Сринг – вид свирели

Sp'yurk' / Սփյուրք / Спюрк – диаспора

Suĵux / Սուջուխ / Суджух *см. šaroc'*

Surb Xač', Sbxec' / Սուրբ Խաչ, Սրբեչ / Сурб Хач, Сбхеч – Воздвижение
Св. Креста

Surb Sargis / Սուրբ Սարգիս / Сурб Саргис – праздник Св. Саргиса

Vard / Վարդ / Вард – головной убор замужних женщин, букв. «роза» *см.*
T'ant'ana

Vardavar' / ՎարդաՎար / Вардавар – Преображение Господне

Varjak / Վարձակ / Вардзак – актриса в средневековом театре пантомимы

Varpet / Վարպետ / Варпет – мастер

Vartik' / Վարտիք / Вартик – нательные штаны

Vec'ki / Վեցկի / Вецки – вид сохи

Ververi / Վերվերի / Вервери – Скакуха, пляска плодородия

Višar / Վիշապ / Вишар – дракон; каменное изваяние дракона

Višaragorg / Վիշապաճորգ / Вишарагорг – ковер с изображениями стили-
зованных фигур драконов

Vipasan / Վիպասան / Випасан – исполнитель эпических сказаний

Vipasank' / Վիպասանք / Випасанк – эпическое сказание

Volb / Ողբ / Вохб – плач, причитание

Vordan karmir / Որդան կարմիր / Вордан кармир – кашениль

Tal / Տալ / Тал – заловка

Tagr, Tegr / Տաղր, Տեղր / Тагр, Тегр – деверь

Takař / Տակաբ / Такар – бочка

Tantikin, Tantiruhi / Տանտիկին, Տանտիրուհի / Тантикин, Тантируи – до-
мохозяйка, старшая в доме женщина

Tan ter / Տան տեր / Тан тер – домохозяин, старший в доме мужчины

Tan mec, tan glux / Տան մեծ, Տան գլուխ / Тан мец, Тан глух *см. Tan ter*

Tanuter / Տանուտեր / Танутер – сельский староста *см. Gelč'apet*

Tapan / Տապան / Тапан – борона

Tat / Տատ / Тат – бабушка

Tatmer / Տատմեր / Татмер – повивальная бабка

Tari / Տարի / Тари – год; годовщина со дня смерти

Tari hac' / Տարի հաց / Тари хац – ритуальный обрядовый хлеб, выпекаемый на Новый год, букв. «хлеб года»

Tarosik / Տարսուիկ / Таросик – свадебные сувениры-благопожелания

Tik / Տիկ / Тик – бурдюк, инструмент типа волынки

Tkalast, Tkanav / Տկալաստ, Տկանավ / Ткаласт, Тканав – плот из бурдюков

Tnp'esa / Տնփեսա / Тнпеса – зять-примак

Tolax / Տոլախ / Толах – мужские обмотки

Tohm / Տոհմ / Тоhm – род, племя

Tolma / Տոլմա / Толма – голубцы

Trex / Տրէխ / Трех – лапти из сыромятной кожи

Trndez / Տրնդէզ / Трндез – Светение Господне (13 февраля)

Thal / Տիալ / Тhal – хорошо прожаренное мясо, залитое слоем топленного масла *см. lavurma*

Tun, Tantun / Տուն, Տանտուն / Тун, Тантун – дом, главное хозяйственно-жилое помещение

C'eI / Յէղ / Цег – племя

P'alan / Փալան / Палан – седло

P'alas / Փալաս / Палас *см. Karpet*

P'ap'ax / Փափախ / Папах – папаха, меховая шапка

P'esa / Փեսա / Песа – жених

P'esi caf / Փեսի ծառ / Песи цар – «древо жизни» жениха *см. P'op'x*

P'esalber / Փեսաղբեր / Песахпер – свадебный «брат жениха»

P'et'ak / Փէրակ / Петак – плетеный улей

P'oxan / Փոխան / Похан – *см. Vartik'*

P'oxara / Փոխար / Похара *см. Zubara*

P'op'x / Փոփխ / Попх *см. Luys*

P'uši / Փուշի / Пуши – мужской шелковый платок с бахромой, обматываемый на **K'oloz**

K'amani / Քամանի / Камани – вид скрипки

K'amanč'a / Քամանչա / Каманча – струнный смычковый инструмент

K'anon / Քանոն / Канон – вид арфы

K'ašan / Քաշան / Кашан – волокуша

K'ařasunk' / Քառասունք / Карасунк – сороковины, сороковой день со дня смерти

K'avor / Քավոր / Кавор – посаженный отец

K'avorakin / Քավորակին / Каворакин – посаженная мать

K'elex / Բելլիս / Келех *см. Hogehas'*

K'eni / Բենի / Кени – свояченица

K'eri / Բերի / Кери – брат матери

K'eč'a / Բեչա / Кеча – войлок

K'ilar / Բիլар / Килар *см. Maran*

K'oloz / Բոլոզ / Колоз *см. Gdak*

K'očari / Բոչարի / Кочари – пляска, подражательная козлам и овцам

K't'oc' / Բրոց / Ктоц – плетеная корзина, улей *см. P'et'ak*

K'urk' / Բурк / Курк *см. Muštak*

K'njūt' / Բնյութ / Кунджут – кунджут, сезам

K'ursi / Բурси / Курси – широкая низкая деревянная скамейка в виде столика (род стола)

K'yamar / Բյամар / Кямар – ремень, пояс

K'yahrez / Բյаһрец / Кяхрез – колодец горизонтального типа для питьевой воды

K'yoxva / Բյոխվա / Кехва *см. Tanuter*

K'yuf t'a / Բյուֆրա / Кюфта *см. Kololak*

K'uyr / Բուր / Куйр – сестра

Ožit / Օժիտ / Ожит – *см. Važink'*

Ojajev par / Օձաձև քար / Оцадзев пар – тип пляски с подражательными, змеиными движениями

Ošarak / Օշարակ / Ошарак – подслащенная вода с фруктовым соком

Ošnak / Օշնակ / Ошнак – глиняная посуда

Ojax / Օջախ / Оджах – очаг, семья

Ororoc' / Օրորոց / Оророц – колыбель, люлька

Ororoc'axaz / Օրորոցախազ / Оророцахаз – люлечное обручение

Ororoc'i xal / Օրորոցի խալ / Оророци хах *см. Nanik*

Uskap / Սկափ / Ускап *см. Kosband*

БИБЛИОГРАФИЯ

- Абгарян Г.В.* Матенадаран. Ер., 1962 (на рус. и англ. яз.).
- Абдушеллишвили М.Г.* Материалы к краниологии Кавказа // Тр. Ин-та эксперимент. морфологии АН ГССР. Тб., 1955. Т. 5. С. 350–392.
- Абдушеллишвили М.Г.* Об антропологическом составе современного населения Армении // ТИЭ. Т. 82. Антропологический сборник. 1963. IV. С. 3–27.
- Абдушеллишвили М.Г.* К краниологии древнего и современного населения Кавказа. Тб., 1966.
- Абдушеллишвили М.Г.* Новые данные к изучению генезиса индосредиземноморской расы вообще и индопамирской, в частности // Расогенетические процессы в этнической истории. Сб. памяти Г.Ф. Дебеца. М., 1974. С. 251–263.
- Абдушеллишвили М.Г.* Антропология древних и современных народов Кавказа // Абдушелашвили М.Г., Арутюнов А.С., Калоев Б.А. Народы Кавказа. Антропология, лингвистика, хозяйство. Библиотека российского этнографа. М., 1994. С. 7–92.
- Абемян М.Х.* Армянские народные легенды. Вагаршапат, 1901 (на арм. яз.).
- Абемян М.Х.* Древние гусанские песни. Ер., 1931 (на арм. яз.).
- Абемян М.Х.* Народные песенки (хахики) / Ред. М. Абемян, с участием Комитаса. Ер., 1940 (на арм. яз.).
- Абемян М.Х.* Гусанские народные песни, айрены и антуни. Ер., 1940 (на арм. яз.).
- Абемян М.Х.* История древнеармянской литературы. Ер., 1946; Т. 1. 1948 Т. 2 (на арм. яз.).
- Абемян М.Х.* Теория армянского языка. Ер., 1965.
- Абемян М.Х.* Эпические песни. Ер., 1966 (на арм. яз.).
- Абемян М.* Труды. Ер., 1966. Т. I. Т. 3. Ер.; 1968. Ер., 1975. Т. 7 (на арм. яз.).
- Абемян М.Х.* История древнеармянской литературы. Ер., 1975.
- Аболтин В.* Национальный состав Турецкой республики // Новый Восток. М., 1925. № 7. С. 115–129.
- Абрамян А.А.* История армянского письма и письменности. Ер., 1959 (на арм. яз.).
- Абрамян А.А.* Глагол в современном армянском языке. Ер., 1962.
- Абрамян А.А.* Армянское письмо и письменность. Ер., 1973 (на арм. яз.).
- Абрамян С.Г.* Современный армянский литературный язык. Ер., 1981.
- Абрамян А.Г.* Краткий очерк истории армянских переселенческих очагов. Ер., 1964. Т. I; Ер., 1967. Т. II (на арм. яз.).
- Абрамян А.Г.* К истории освободительного движения в Сюнике // ИФЖ. 1972. № 4. С. 159–184 (на арм. яз.).
- Абрамян В.А.* Ремесла и цеховые организации в Армении в IX–XIII вв. Ер., 1946 (на арм. яз.).
- Абрамян В.А.* Ремесла в Армении в VI–XVIII вв. Ер., 1956 (на арм. яз.).
- Абрамян В.А.* Цеховые организации армян-ремесленников в городах Закавказья (с XVIII–начало XX в.). Ер., 1971 (на арм. яз., резюме на рус. яз.).
- Абрамян Л.А.* Армения и армянская диаспора: расхождение и встреча // Диаспоры. М., 2000. № 1. С. 52–76.
- Абрамян Л. А.* Беседы у дерева. М., 2005.

- Абрамян Л.А., Демирханян А.Р.* Мифологема близнецов и мировое древо // ИФЖ. 1985. № 4. С. 66–84.
- Авакян Г.Е.* Население Армянской ССР. Ер., 1975 (на арм. яз.).
- Авакян Г.Е.* Армения и армяне в мире. Ер., 1993 (на арм. и рус. яз.).
- Авакян Г.Е.* Социальная адаптация беженцев в Армении. Ер., 1996 (на арм. яз.).
- Авакян Г.Е.* Геноцид 1915 г. Механизмы принятия и исполнения решений. Ер., 1999.
- Авакян Н.Х.* Народная одежда армян Арцаха в XIX – начале XX в. // Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX–XX вв. М., 1971. С. 209–223.
- Авакян Н. Х.* Способы орнаментации традиционной одежды армян в XIX–XX в. // СЭ. 1972. № 4. С. 108–117.
- Авакян Н.Х.* Армянская народная одежда (XIX – начало XX в.). Ер., 1983 (на арм. яз.).
- Авакян С.А.* Шарур. Ер., 1998 (на арм. яз.).
- Авакян С.М.* Арчак // АЭФ. Ер., 1978. Вып. 8. С. 5–186 (на арм. яз.).
- Авдалбекян Х.А.* Земельный вопрос в Восточной Армении (1801–1917 гг.). Ер., 1959.
- Аветисян А.Н.* Гладзорская школа армянских миниатюр. Ер., 1971 (на арм. яз.).
- Аветисян Г.А.* Армянский вопрос в 1918 г. Ер., 1997 (на арм. яз.).
- Аветисян Г.Г., Аветисян П.С.* Культура Араратской долины XI–VI вв. до н.э. Ер., 2006 (на арм. яз.).
- Аветисян Г., Даниелян Э., Мелконян А.* История Армении с древнейших времен до наших дней. Ер., 1999.
- Аветисян Г.М.* Государство Митанни (Военно-политическая история в VII–XIII вв. до н.э.). Ер., 1984.
- Аветисян Т.М.* Словарь армянских фамилий. Ер., 2000 (на арм. яз.).
- Аветисян Х.А.* География населения и поселений Советской Армении (1920–1980). Ер., 1987 (на арм. яз.).
- Агабабян Р.Я.* Композиция купольных сооружений Грузии и Армении. Ер., 1950.
- Агазаян В.* Годовщина в Вагаршапате // Жоговурд. Ер., 1919. 08.06 (на арм. яз.).
- Агатангелос.* История Армении. Тифлис, 1909; 2-е изд. Тифлис; Ер., 1977 (все на арм. яз.).
- Агатангелос.* История Армении / Пер. с древнеарм., вступит. ст. и коммент. К.С. Тер-Давтян, С.С. Аревшатяна. Ер., 2004.
- Аганян Г.Т.* Армянское оружейное дело в XIX – начале XX в. // Науч. тр. Вып. III. Гюмри, 2000. С. 129–136 (на арм. яз.).
- Аганян Г.Т.* Видоизменения традиционных ремесел в Александрополе-Ленинакане (вторая половина XIX – начало XX в. // Науч. тр. Вып. IX. Гюмри, 2006. С. 47–51 (на арм. яз.).
- Агаян Ц.П.* Армяне в Турции. Ер., 1969 (на арм. яз.).
- Агаян Ц.П.* Россия в судьбах армян и Армении. М., 1994.
- Агаян Ц.П.* Андраник и его эпоха. М., 1997.
- Агаян Э.Б.* Месроп Маштоц // Видные деятели армянской культуры (V–XVIII вв.). Ер., 1982. С. 9–17.
- Адоңц М.В.* Экономическое развитие Армении в XIX в. Ер., 1957 (на арм. яз.).
- Адоңц Н.Г.* История Армении. Ер., 1972 (на арм. яз.).
- Адоңц Н.Г.* Армения в эпоху Юстиниана (Политическое состояние на основе нахарарского строя). СПб., 1908; 2-е изд., стереотипическое. *Адоңц Н.Г.* Армения в эпоху Юстиниана (политическое состояние на основе кахарарского строя). Ер., 1971; 1987 (на арм. яз.).
- Азарян Л.Р.* Киликийские миниатюры XII–XIII вв. Ер., 1964 (на арм. яз.).
- Азарян Л.Р.* Сироты геноцида армян. Лос-Анджелес, 1995. Т. 1 (на арм. яз.).
- Азиатская Россия. СПб., 1914. Т. I.
- Айвазян А.* Руководство по восточной музыке / Пер. с западноарм., предисл. и коммент. Н.К. Тагмизяна. Ер., 1990 (на арм. яз.).

- Айвазян А.А.* Памятники армянской архитектуры Нахичеванской АССР. Ер., 1981.
- Айвазян А.А.* Армянские памятники Нахичеванской АССР. Сводный каталог. Ер., 1986
(на арм. яз.).
- Айвазян А.А.* Хачкары Джуги. Ер., 1993 (на арм. яз.).
- Айвазян А.А.* Симфония погибших хачкаров Джуги. Ер., 2007 (на арм., рус. и англ. яз.).
- Айриванеци [Мхитар Айриванеци].* История Армении. М., 1860 (на арм. яз.).
- Акопян А.А.* Албания I. Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках. Ер., 1987.
- Акопян А.П.* Пиктография «Тух Манука» в древней Армении // Тух Манук. Материалы науч. конф. Ер., 2001. С. 52–67 (на арм. яз.).
- Акопян В.З.* Национальные районы и их официальный язык (Армянские районы Северного Кавказа в 20-е гг.) // *Studia Pontocausasica*. 2. Армяне Северного Кавказа. Краснодар, 1995. С. 147–159.
- Акопян Г.А.* Этнография и фольклор Нижнего Басена. Ер., 1974 (на арм. яз.).
- Акопян Г.В.* Родственные термины в армянском языке в связи с обрядом крещения // ИФЖ. 1988. № 3. С. 144–150 (на арм. яз.).
- Акопян Г.Г.* Миниатюра Васпуракана XIII–XV вв. Ер., 1989 (на арм. яз.).
- Акопян Г.Г., Корхмазян Э.М.* Армянская миниатюра. Ер., 1987 (на арм. яз.).
- Акопян М.В.* Сельская община Восточной Армении во второй половине XIX – начале XX вв. Ер., 1988.
- Акопян С.П.* Западная Армения в планах империалистических держав в Первой мировой войне. Ер., 1967.
- Акопян Т.Х.* Историческая география Армении (Очерки). Ер., 1968 (на арм. яз.).
- Акопян Т.Х.* История города Ани ((с древнейших времен до 1045 г.)). Ер., 1980 (на арм. яз.).
- Акопян Т.Х.* Столица Ани. Ер., 1988 (на арм. яз.).
- Акопян Э.Н.* Архитектура народного жилища Аштаракского района. Ер., 1964 (на арм. яз.).
- Акты, собранные Кавказской Археографической комиссией. Тифлис, 1866. Т. 1; 1868. Т. 3; 1873. Т. 5, ч. 1–2; 1874. Т. 6, ч. 1.
- Александр Македонский. Ер., 1987 (на арм. яз.).
- Александров Н.А.* Закавказье. Армяне. М., 1901.
- Алексеев В.П.* Происхождение народов Кавказа. М., 1974.
- Алексеев В.П.* Новые данные к морфологической характеристике населения Месопотамии // СЭ. 1980. № 4. С. 70–79.
- Алексеев В.П.* К краниологической характеристике древнего населения, оставившего Хасанлу (Иран) // ВА. Изд-во. МГУ, 1984. Вып. 74. С. 24–34.
- Алексеев В.П.* Историческая антропология и этногенез. М., 1989.
- Алексеев В.П., Дебец Р.Ф.* Краниометрия. Методика антропологических исследований. М., 1964.
- Алексеев В.П., Мкртчян Р.А.* Палеоантропологические материалы из куро-аракских погребений в Армении и вопросы генезиса населения куро-аракской культуры раннего бронзового века // Междисциплинарные исследования культурогенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных областей. Сб. докл. Ер., 1990. С. 22–36.
- Алишан Г.* Ширак. Венеция, 1881 (на арм. яз.).
- Алишан Г.* Сисуан. Венеция, 1885 (на арм. яз.).
- Алишан Г.* Айбусак. Венеция, 1895 (на арм. яз.).
- Алишан Г.* Древние верования или языческая религия армян. Венеция, 1895 (на арм. яз.).

- Алишан Г.* Айрарат. Венеция, 1901 (на арм. яз.).
- Алпояджян А.А.* История армян Кесарии. Каир, 1937 (на арм. яз.).
- Алпояджян А.А.* История армянских колонии. Каир, 1941. Т. I; Каир, 1955. Т. 2; Каир, 1961. Т. 3 (на арм. яз.).
- Аматуни.* Армянский словарь. Вагаршапат, 1912 (на арм. яз.).
- Амаякян С.Г.* «Святыни» урартского пантеона // ИФЖ. 1981. № 3. С. 205–210 (на арм. яз.).
- Амаякян С.Г.* Государственная религия Ванского царства. Ер., 1990 (на арм. яз.).
- Амбарян А.С.* К вопросу численности западных армян // ВЕУ. 1969. № 2. С. 98–114 (на арм. яз.).
- Амбарян А.С.* Краткая история социально-экономических отношений в Армении. Ер., 1983 (на арм. яз.).
- Амброз А.К.* Раннеземледельческий культовый символ (ромб с крючками) // СА. 1965. № 3. С. 14–27.
- Амелин В.В.* Сегрегация или интеграция? // Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции. М., 2008. С. 230–235.
- Амирдовлат [Амирдовлат Амасиаци].* Ненужное для неучей / Под ред. К. Басмаджяна. Вена, 1926 (на древнеарм. яз.).
- Амирдовлат [Амирдовлат Амасиаци].* Ненужное для неучей / Комментар., пер. с древнеарм. С. Варданян. М., 1990.
- Амирдовлат [Амирдовлат Амасиаци].* Польза медицины. Ер., 1940 (на арм. яз.).
- Амирханян А.Т.* Тайны Дома Лазаревых. Фрагменты истории московской армянской общины XIV–XX веков. М., 1992.
- Амирьянц И.А.* Армяне Москвы // Народы и религии. М., 1997. С. 134–144.
- Амирьянц И.А., Григорьянц А.А.* Армяне Средней Азии // Современное развитие этнических групп Средней Азии и Казахстана. М., 1992. Ч. I. С. 157–189.
- Аммиан Марцеллин.* Римская история. СПб., 2000.
- Ананян Ж.А.* Армянская колония Григориополь. Ер., 1969.
- Ананян Ж.А., Хачатурян В.А.* Армянские общины России. Ер., 1993.
- Андзеваци Хосров.* Толкование хронологии. Константинополь, 1940 (на арм. яз.).
- Антадзе К.Д.* Население Грузии в XIX в. Историко-демографическое исследование // Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Тб., 1974.
- Антонова Е.В.* Очерки культуры древних земледельцев Передней и Средней Азии. М., 1984.
- Антонова Е.В., Есяян С.А.* Антропоморфная скульптура Армянского нагорья VI–III тысячелетий до н.э.: Местная специфика и межрегиональные связи // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988. С. 219–237.
- Антонян Ю.Ю.* ПМА: Сюник, 1996.
- Антонян Ю.Ю.* К вопросу о термине и происхождении целительской практики чопчи // Армянский гуманитарный вестник. Ер., 2006. № 1. С. 61–66.
- Антонян Ю.Ю.* Колдовской талисман в современной армянской народной культуре // Живая старина. 2006. № 4. С. 29–32.
- Антонян Ю.Ю.* Религиозно-магические и целительские практики в современной городской среде Армении // Разгадать Южный Кавказ: общества и среда обитания. Сб. ст. региональной стипендиатской программы Фонда им. Генриха Белля. Тб., 2008. Вып. 3. С. 109–128.
- Анчабадзе Ю.Д., Волкова Н.Г.* Старый Тбилиси. М., 1990.
- Аппиан.* Митридатовы войны. Сирийские дела / Пер. С.П. Кондратьева // ВДИ. 1946. № 4. С. 239–317.
- Арабские историки IX–X вв. / Предисл. и пер. А. Тер-Гевондяна. Ер., 2005 (на арм. яз.).
- Арабские источники об Армении и сопредельных странах. Ер., 1965 (на арм. яз.).

- Аракел Давриджеци*. История. Эчмиадзин, 1896 (на арм. яз.). *Аракел Давриджеци*. История.; Ер., 1988 (на арм. яз.).
- Аракел Давриджеци*. Книга историй / Пер. с арм., предисл. и коммент. Л.А. Ханларян. М., 1973.
- Аракелян Б.Н.* Армянская скульптура IV–VII вв. Ер., 1949 (на арм. яз.).
- Аракелян Б.Н.* Гарни I. Ер., 1951.
- Аракелян Б.Н.* Гарни II. Ер., 1957.
- Аракелян Б. Н.* Города и ремесла в Армении в IX–XIII вв. Ер., 1958. Т. 1–2; 1964 (на арм. яз.).
- Аракелян Б.Н.* Где находились города Ервандашат и Ервандакерт? // ИФЖ. 1965. № 3. С. 83–94 (на арм. яз.).
- Аракелян Б.Н.* Скульптура в Древней Армении (VI в. до н.э. – III в. н.э.) // ИФЖ. 1969. № 1. С. 43–68 (на арм. яз.).
- Аракелян Б.Н.* Клад серебряных изделий из Эребуни // СА. 1971. № 1. С. 143–158.
- Аракелян Б.Н.* Древний Аргашат. Ер., 1975 (на арм. яз.).
- Аракелян Б.Н.* Очерки по истории искусства Древней Армении (VI в. до н.э. – III в. н.э.). Ер., 1976.
- Аракелян Б.Н.* Аргашат I. Ер., 1982.
- Аракелян Б.Н., Караханян Г.О.* Гарни 3. Результаты раскопок 1949–1956 гг. Ер., 1958.
- Аракелян Б.Н., Мартиросян А.А.* Археологическое изучение Армении за годы Советской власти // СА. 1967. № 4. С. 26–47.
- Аракелян В.Д.* Синтаксис армянского языка. Ер., 1958–1964. Т. 1–2.
- Аракелян Г.С.* Черкесогаи (историко-этнографическое исследование) // КиВ. 1984. Вып. 4. С. 28–129.
- Аракелян Г.С.* Праздник и праздничная культура в Армении. Ер., 2010 (на арм. яз.).
- Арасханяц А.Н.* Экономический быт государственных крестьян Нухинского уезда // МИЭБГКЗК. Тифлис, 1887. Т. 6. Ч. 1. С. 1–133.
- Аревшатян С.С.* Древнейшие армянские переводы и их культурно-историческое значение // ИФЖ. 1973. № 1. С. 23–37.
- Арешян Г.Е.* Железо в культуре Древней Передней Азии и бассейна Эгейского моря // СА. 1976. № 1. С. 87–99.
- Арешян Г.Е.* Индоевропейский сюжет в мифологии населения междуречья Куры и Аракса II тыс. до н.э. // ВДИ. 1988. № 4. С. 84–102.
- Арешян Г.Е., Кафадарян К.К.* Открытие культового монументального сооружения начала III тыс. до н.э. // Археологические открытия 1972 г. М., 1973. С. 443.
- Арзуманян З.А.* Знамя армянской народно-освободительного движения XVIII в. // ИАН. 1981. № 4. С. 47–54 (на арм. яз.).
- Арзуманян П.Р.* Плодоводство и виноградарство Армянской ССР. Ер., 1973. Армения. Советский Союз. М., 1968.
- Армения в документах международной и советской внешней политики / Под ред. проф. Дж. С. Киракосяна. Ер., 1972 (на арм. яз.).
- Армения в цифрах 1971 г. (краткий стат. сб.). Ер., 1972.
- Армения в цифрах 1992. Ер., 1994 (на арм. яз.).
- Армения в цифрах 2006. Ер., 2006 (на арм. яз.).
- Армянская диаспора // Армянская энциклопедия. Ер., 2003 (на арм. яз.).
- Армянская лира / Ред.-изд. Г. Еранян, Т. Чухаджян, К. Фоскини). Константинополь, 1862 (на арм. яз.).
- Армянская музыка (альманах) / Изд. Е. Тнтесян. Константинополь, 1880 (на арм. яз.).
- Армянская церковь. Престолы. Епархии // Армянская энциклопедия. Ер., 2001. Т. 3 (на арм. яз.).
- Армянская Советская Энциклопедия. Ер., 1981. Т. 7 (на арм. яз.).

- Армянские гербы, знамена и государственные награды / Сост. А. Демоян. Ер., 2008 (на арм. яз.).
- Армянские народные сказки. Академ. изд. Ер., 1959–1999. Т. 1–15 (на арм. яз.)
- Армянские святые и святыни. Истоки, типы, культ. Ер., 2001 (на арм. яз.).
- Армянские церкви. Св. Эчмиадзин, 1970 (на арм. яз.).
- Армянский вопрос // Армянская энциклопедия. Ер., 2001. Т. 3 (на арм. яз.).
- Армянский фольклор /. Сост. и пер. Г.О. Карапетяна. М., 1979.
- Армянское войско в XVIII в. Из истории армяно-русского военного содружества. (Исследование и документы) / Подгот. А.Н. Хачатрян. Ер., 1968.
- Армянское родовое имя. Сб. статей. Стамбул, 1937 (на арм. яз.).
- Армяно-русские отношения в XVII в. Сб. док. / Подг. к печати В.А. Парсамян, В.К. Восканян, С.А. Тер-Авакимова. Ер., 1953. Т. I.
- Армяно-русские отношения во втором тридцатилетии XVIII в. Сб. док. / Подгот. к печати В.К. Васканян. Ер., 1978. Т. III.
- Армяно-русские отношения в XVIII в. Сб. док. Т. IV: 1760–1800 гг. / Ред. М.Г. Нерсисян. Ер., 1990.
- Армяно-русский словарь. Ер., 1984.
- Арсенев А.* Парадоксы азербайджанской статистики // Армянский вестник. М., 2000. № 1–2. С. 40–43.
- Арутюнов С.А.* Система питания. Общие выводы // Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ер., 1983. С. 254–270.
- Арутюнов С.А.* Народы и культуры. Развитие и взаимодействие. М., 1989.
- Арутюнов С.А.* Языки народов Кавказа // Абдушелишвили М.Г., Арутюнов С.А., Калоев Б.А. Народы Кавказа. Антропология, лингвистика, хозяйство. (Б-ка российского этнографа). М., 1994. С. 93–116.
- Арутюнов С.А.* Глоттогенез и этногенез на Кавказе // Абдушелишвили М.Г., Арутюнов С.А., Калоев Б.А. Народы Кавказа. Антропология, лингвистика, хозяйство. (Б-ка российского этнографа). М., 1994. С. 117–132.
- Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.И.* Сельские поселения Армении. Введение // Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ер., 1983. С. 110–117.
- Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.И.* Система питания. Введение и классификация // Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ер., 1983. С. 189–270.
- Арутюнов С.А., Сергеева Г.А.* Пища // Арутюнов С.А., Сергеева Г.А., Кобычев В.П. Материальная культура. Пища и жилище (материалы к серии «Народы и культуры». Народы Кавказа). М., 1995. Кн. 4. С. 7–134.
- Арутюнов С.А., Мкртумян Ю.И.* Вершина хлебопечения – лаваш // Хлеб в народной культуре. Этнографические очерки. М., 2004. С. 200–209.
- Арутюнова-Фиданян В.А.* Еще раз о теме «Иверия» // КиВ. 1979. Вып. 1. С. 36–55.
- Арутюнова-Фиданян В.А.* Армяно-византийская контактная зона (X–XI вв.). Результаты взаимодействия культур. М., 1994.
- Арутюнян А.А.* Керамика поселения Акнашен // Культура Древней Армении. Материалы респ. науч. сессии. Ер., 2008. С. 37–43.
- Арутюнян А.А.* Система административно-политического деления по «Ашхарацуйц»-у. Ер., 2001. Ч. I (на арм. яз.).
- Арутюнян А.Ф.* Очерки истории виноградарства и виноделия древней и средневековой Армении. Ер., 2005.
- Арутюнян А.Ф.* Виноградарство и виноделие в Армении. Ер., 2007.
- Арутюнян А.Ф.* К вопросу о градостроительной культуре Древней Армении (III в. до н.э.–II в. н.э.) // АН. 1955. № 9. С. 43–66.

- Арутюнян В.М.* Город Ани. Ер., 1964.
- Арутюнян В.М.* Каменная летопись армянского народа. Ер., 1985.
- Арутюнян В.М., Асратян М.М., Меликян А.А.* Ереван. М., 1968.
- Арутюнян В.М., Асратян М.М., Меликян А.А.* Архитектура Советской Армении. М., 1972.
- Арутюнян Е.Л.* Армянские народные песни скорби // АЭФ. Ер., 2007. Вып. 24. С. 123–218 (на арм. яз.).
- Арутюнян К.А.* Участие армянского народа в Великой Отечественной войне Советского Союза. Ер., 2004.
- Арутюнян К.А.* Участие воинов-армян Нагорного Карабаха и Северного Арцаха в Великой Отечественной войне Советского Союза (1941–1945). Ер., 2009.
- Арутюнян Л.Б.* О некоторых особенностях питания армянского народа // Армянская кулинария. М., 1960. С. 29–36.
- Арутюнян Н.В.* Земледелие и скотоводство Урарту. Ер., 1964.
- Арутюнян Н.В.* Биайнили (Урарту). Ер., 1970.
- Арутюнян Н.В.* Корпус урартских клинообразных надписей. Ер., 2001.
- Арутюнян П.Т.* Освободительное движение армянского народа в первой четверти XVIII в. М., 1954.
- Арутюнян С.Б.* Армянские народные загадки. Ер., 1960 (на арм. яз.).
- Арутюнян С.Б.* Армянские народные загадки. Научный сводный текст. Ер., 1965 (на арм. яз.).
- Арутюнян С.Б.* Жанр проклятий и пожеланий в армянском фольклоре. Ер., 1975 (на арм. яз.).
- Арутюнян С.Б.* Армянская мифология. Бейрут, 2000 (на арм. яз.).
- Арутюнян С.Б.* Армянские заговоры и народные молитвы. Ер., 2006 (на арм. яз.).
- Арутюнян С.В.* Анберд. Ер., 1978 (на арм. яз.).
- Арутюнян С., Калантарян А., Петросян Г., Обосян С., Саргсян Х., Мелконян Г., Аветисян П.* Вино в армянской традиционной культуре. Ер., 2005 (на арм. яз.).
- Арутюнян Ю.В.* Армяне-москвичи. Социальный портрет по материалам этносоциологического исследования // СЭ. 1991. № 2. С. 3–16.
- Арутюнян Ю.В.* Армяне в Москве (по результатам сравнительного исследования) // СИ. 2001. № 11. С. 13–21.
- Арутюнян Ю.В.* Москвичи глазами этносоциолога. М., 2006.
- Арутюнян Ю.В.* Москвичи. Этносоциологическое исследование. М., 2007.
- Арутюнян Ю.М.* Армяне–россияне // Общест. современность. 2010. № 4. С. 92–99.
- Арутюнян Ю.В.* Об армянской диаспоре в России. Этносоциологическое исследование армян Москвы и Краснодара. Ер., 2011.
- Аруцев Ю.И.* Вина и коньяки Армении. Ярославль, 2005.
- Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и Средняя бронза Кавказа. М., 1994.
- Архитектурные памятники Советской Армении. Путеводитель. Ер., 1989 (на арм., рус., англ. яз.).
- Арицруни Гр.* Экономическое положение турецких армян. Публ. лекция, читанная на армянском языке в Тифлисском ремесленном клубе доктором Григором Арицруни 11-го мая 1879 г. / Пер. А. Аракеляна. М., 1880.
- Арицруни [Товма Арицруни].* История дома Арицруни / Изд. подгот. К. Патканов. СПб., 1887 (на арм. яз.); *Товма Арицруни.* История дома Арицруни. Ер., 1985 (на арм. яз.).
- Асатрян Е.А.* Закари Берд (результаты раскопок). Ер., 2005.
- Асатрян М.Е.* Вопросы морфологии современного армянского языка. Ер., 1970–1972. Вып. 1–3.
- Асохик [Степанос Асохик].* Всеобщая история. М., 1864.

- Асратян М.М.* Очерк армянской архитектуры. М., 1985.
- Асратян М.М.* Армянская архитектура раннего христианства. М., 2000.
- Аствацатурян Э.Г.* История оружейного и серебряного производства на Кавказе в XII – начале XX в. Дагестан и Закавказье. М., 1977. Ч. 1.
- Атаян Р. А.* Музыка // Армянский вопрос. Геноцид армян в искусстве. Ер., 1991.
- Атаян Р.А.* Предисловие, комментарии // Комитас. Ер., 2000. С. 7–34, 165–202 (на арм. яз.).
- Атрпет.* Бассейн Чороха. Вена, 1929 (на арм. яз.).
- Афанасьева В.К.* Андзут // МНМ. 1980. Т. I. С. 82, 83.
- Ацагорцян З.А., Мартиросян О.А.* Туфы и мраморы Армении. Ер., 1962.
- Ацунц В.* Армянские флаги в истории. Венеция, 1919 (на арм. яз.).
- Ацунц В.* Воспитание у древних армян. Венеция, 1923 (на арм. яз.)
- Ацунц В.* История древнего армянского костюма. Венеция, 1923 (на арм. яз.)
- Ачарян Гр.А.* История армянского языка. 1940, 1951. Т. 1–2.
- Ачарян Гр.А.* Словарь армянских личных имен. Ер., 1942. Т. 1; Ер., 1944. Т. 2; 1946. Т. 3; Ер., 1948. Т. 4; Ер., 1962. Т. 5 (на арм. яз.).
- Ачарян Гр.А.* Полная грамматика армянского языка. Ер., 1952–1967. Т. 1–5.
- Ачарян Гр.А.* Этимологический корневой словарь армянского языка. Ер., 1971–1979. Т. 1–4 (на арм. яз.).
- Ачарян Гр.А.* Армянские письма. Ер., 1984 (на арм. яз.).
- Ачарян Гр.А.* История Армении в контексте общей истории. Ер., 2004 (на арм. яз.).
- Ашчян М.* Святые и праздники святых Армянской церкви // Армянские святыи и святыни. Истоки, типы, культ. Ер., 2001. С. 7–18 (на арм. яз.).
- Ашчян М.* Тух Манук // Тух Манук. Материалы науч. конф. Ер., 2001. С. 7–20 (на арм. яз.).
- Бабаян Л.О.* Социально-экономическая и политическая история Армении в XIII–XIV веках. М., 1969.
- Бабаян Ф.С.* Монастырский комплекс Арича как историко-археологический памятник // Культура Древней Армении. Ер., 2002. С. 103–111 (на арм. яз.).
- Бабаян Ф.С., Калантарян А.А.* Эпиграфические надписи монастыря Сурб Саркис в Уши // ИФЖ. 2001. № 2. С. 169–199 (на арм. яз.).
- Бабенчиков М.В.* Народное декоративное искусство Закавказья. М., 1948.
- Багдасарян А.О.* Духовное песнопение «Аравот лусо» с точки зрения типологии армянской традиционной духовной музыки // Эчмиадзин. 2000. № 6. С. 34–47 (на арм. яз.).
- Багдасарян А.О.* О некоторых музыкально-поэтических особенностях народных песен, посвященных геноциду армян // Вопросы истории и историографии геноцида армян. Сб. науч. тр. Ер., 2002. № 6. С. 99–104 (на арм. яз.).
- Багдасарян А., Диланян Е., Худабашян К.* Армянские духовные и народные песни, посвященные Св. Карапету // Армянские святыи и святыни. Истоки, типы, культ. Ер., 2001. С. 29–48 (на арм. яз.).
- Багдасарян А.О., Киракосян А.А.,* Армянские народные музыкальные инструменты. Ер., 2008.
- Баграмян Г.* Прошлое, настоящее и будущее Севана. Ер., 1971.
- Бадалян В.Г.* Загадка Вано Ходжабекяна. 1875–1922. Альбом-каталог. Ер., 2005.
- Бадалян Г.С.* История календаря. Ер., 1970 (на арм. яз.).
- Базеян К.Р.* Вышивка в Советской Армении // Науч. тр. Вып. III. Гюмри, 2000. С. 137–142 (на арм. яз.).
- Базеян К.Р.* Культура вышивки армян (историко-этнографическое исследование // Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Ер., 2002 (на арм. яз.).
- Базеян К.Р.* Деятельность иностранных миссионеров в годы Геноцида // Материалы респ. науч. сессии. Гюмри, 2005. С. 112–116.

- Базеян К.Р.* Вышитые надписи в армянском вышивании // Междунар. конф., посвящ. 1600-летию изобретения армянской письменности. Сб. докл. Ер., 2006. С. 377–384.
- Базиянц А.П.* Лазаревский институт в истории отечественного востоковедения. М., 1973.
- Базиянц А.П.* Правда интереснее легенд. М., 1975.
- Базиянц А.П.* Над архивом Лазаревых. М., 1982.
- Байбурун А.К.* Семантические аспекты функционирования вещей // Этнографическое изучение знаковых средств культуры. Л., 1989. С.
- Байбуртян В.А.* Армянская колония Новой Джульфы XVII в. Ер., 1969.
- Бакиш К.Н.* Воскрешение Святого Лазаря. М., 1996.
- Бальян С.П.* Структурная геоморфология Армянского нагорья и окаймляющих областей. Ер., 1969.
- Барсегиан Л.А.* Вопросы происхождения и формирования армянского народа в исторической науке. Ер., 1996 (на арм. яз.).
- Барсегиан Л. А.* Потери армянского народа вследствие Геноцида, 1. Ер., 1999 (на арм. яз.).
- Бархударян В.Б.* История Норнахичеванской колонии Ер., 1967. Т. I (1779–1861); Т. II (1861–1917). Ер., 1985 (оба на арм. яз.).
- Бархударяню М.* Арцах. Баку, 1895 (на арм. яз.).
- Бархударяню [Епископ Мака́р Бахударяню].* Арцах / Пер. с арм. Н. Алексаняна. Изд. подготовили Б. Григорян и В. Григорян. СПб., 2009.
- Бархударян С.Г.* Армянские средневековые архитекторы и мастера по камню. Ер., 1963 (на арм. яз.).
- Басмаджян К.* Возраст прозвищ, оканчивающихся на «ean» // Армянское родовое имя. Стамбул, 1937 (на арм. яз.).
- Бдоян В.А.* Культ плодородия и деторождения у армян // Автореф. дис. ... канд. истор. наук. Ер., 1947.
- Бдоян В.А.* Армянские народные игры. Ер., 1963. Т. 1; Ер., 1974. Т. 2; Ер., 1983. Т. 3 (на арм. яз.).
- Бдоян В.А.* Земледельческая культура в Армении. Ер., 1972 (на арм. яз.).
- Бдоян В.А.* Этнография армян. Краткий очерк. Ер., 1974 (на арм. яз.).
- Бдоян В.А.* Армянские солонки. Ер., 1986 (на арм. яз.).
- Бетадзе Л.О.* Генезис кавказионского типа по данным антропологии // Автореф. дис. ... докт. истор. наук. Тб., 2006.
- Белазори.* Завоевание стран / Пер. П.К. Жузе. Баук, 1927.
- Бенсе (Саак Мовсесян).* Буланых // Азгагракан хандес. Тифлис, 1899. Т. 5. С. 5–184; *Бенсе (Мовсесян Саак).* Буланых АЭФ. Ер., 1972. Вып. 3. С. 5–188 (на арм. яз.).
- Берже А.П.* Собрание материалов для составления исторического, географического и статистического описания Кавказского и Закавказского края. Тифлис, 1858.
- Берже А.П.* Этнографическое обозрение Кавказа. СПб., 1879.
- Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета // Перепечатано из Синоподального издания. UBS, 1989.
- Бобохян А.А.* Заметки по музыке и музыкантам Армении бронзового века // Вопросы армянской этнологии и археологии. Ер., 2007. Вып. 3. С. 7–11 (на арм. яз.).
- Богаевский Б.Л.* Раковины в расписной керамике Китая, Крита и Триполья // ГАИМК. 1913. Т. 4. Вып. 8–9.
- Богданов А.П.* Краниологическое собрание. Московская антропологическая выставка 1879 г. Описание предметов выставки // Известия ОЛЕАЭ. Т. XXV, ч. 2. Вып. 3, 28.
- Братская помощь пострадавшим в Турции армянам. М., 1898.
- Бродель Ф.* Игры обмена. М., 1988.

- Броневский С.М.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Ч. 1–2.
- Брук С.И.* Население мира. Этнодемографический справочник. М., 1986.
- Брутян М.А.* Крестьянские напевы (нотированные народные песни, пляски и инструментальные мелодии). Ер., 2002. Кн. 2.
- Брюсов В.Я.* Летопись исторических судеб армянского народа. Ер., 1989.
- Бузанд [Фавстос Бузанд].* История Армении. Венеция, 1832 (на древнеарм. яз.); *Бузанд [Фавстос Бузанд].* История Армении Фавста Бузанда / Пер. с древнеарм. и коммент. М.А. Геворгияна. Вступ. ст. Л.С.А. Хачикява. Ер., 1953; *Бузанд Фавстос Бузанд].* История Армении. Ер., 1987 (арм. яз.).
- Булатов А.О.* Формы шаманско-магической практики у народов Дагестана в конце XIX–XX вв. Пушино, 2004.
- Бульвер-Литтон Э.* Последние дни Помпеи. Ер., 1961.
- Бунак В.В.* *Stania armenica.* Исследование по антропологии Передней Азии // Тр. Антропологического НИИ при I МГУ. М., 1927. Вып. II.
- Бунак В.В.* Черепа железного века из Севанского района Армении // Русский Антропологический журнал. 1929. Т. 17. Вып. 3–4. С. 64–87.
- Бунак В.В.* Древнейшие краниологические типы Передней Азии // КСИЭ. М., 1947. Вып. II. С. 76–79.
- Бунак В.В.* Антропологический состав населения Кавказа // Вестник государственного музея Грузии. Тб., 1947. Т. XIII-A. С. 89–147.
- Бунятов Г.* Домашнее воспитание армян Эриванской губернии // ЭО, 1894. Кн. 2.
- Бутков П.Г.* Материалы для новой истории Кавказа. СПб., 1869. Ч. I.
- Бэнэциану В.* Некоторые вопросы этногенеза армян // ИФЖ. 1961. № 2. С. 91–123.
- Вавилов Н.И.* Дикие сородичи плодовых деревьев Азиатской части СССР и Кавказа и проблема происхождения плодовых деревьев // Избр. труды. М.; Л., 1960. Т. 2.
- Валесян Л.А.* Производственно-территориальный комплекс Армянской ССР. Ер., 1970.
- Вардан Аревелци.* Всемирная история. Ер., 2001 (на арм. яз.).
- Вардан Барцирабердци.* Всеобщая история. М., 1861 (на арм. яз.).
- Варданян Л.М.* Пережитки института инициаций у армян (по материалам свадебной обрядности) // ИФЖ. 1967. № 4. С. 291–296.
- Варданян Л.М.* Функции поло-возрастных групп в похоронной обрядности армян // Всесоюзная сессия по итогам полевых этнограф. и антропол. исслед. 1970 г. Тб., 1971. С. 108, 109.
- Варданян Л. М.* Традиции мужских возрастных групп у армян в конце XIX – начале XX в. (историко-этнографическое исследование) // АЭФ. Ер., 1981. Вып. 12. С. 85–142.
- Варданян Л.М.* Современное состояние свадебной обрядности // Население Еревана. Этносоциологические исследования. Ер., 1986. С. 153–203.
- Варданян Л.М.* Степан Лисициан и истоки армянской этнографии. Ер., 2005.
- Варданян Л.М.* ПМА: Тавуш, 2007–2008; Сюник, 2009–2010.
- Варданян Л.М.* Общественный быт // Нематериальное культурное наследие: классификация и критерии. Ер., 2009. С. 44–54 (на арм. яз.).
- Варданян Л.М.* Характеристика и стандарты классификации наследия нематериальной культуры // Проблемы защиты нематериального культурного наследия. Ер., 2009. С. 167–176 (на арм. яз.).
- Варданян Л.М.* Проявление брачно-свадебных традиций в контексте современных социокультурных трансформаций // Традиционное и современное в армянской культуре (Армянская народная культура, XV). Ер., 2010. С. 335–344 (на арм. яз.).
- Варданян Л.М.* Некоторые наблюдения об основных проблемах сохранения идентичности американскими армянами // Сохранение качеств армянской идентично-

- сти в смешанных браках. Сб. докл. научно-практич. конф. Ер., 2010. С. 106–109 (на арм. яз.).
- Варданян Л.М.* Традиционные семейные обряды в ритуале Армянской апостольской церкви // Религиозные вызовы XXI века и Армения. Материалы науч. конф. Ер., 2011. С. 136–143 (на арм. яз.).
- Варданян Л.М., Закарян Т.З.* Традиционные семейные стереотипы армян в условиях современного трансформирующегося общества (этносоциологическое исследование) // Международная науч. конф. «Археология, этнология, фольклористика Кавказа» (Батуми, 7–8 сентября 2006 г.). Сб. кратк. содерж. докл. Тб., 2007. С. 269, 270.
- Варданян Л.М., Галстян М.В.* Проблемы социально-психологической адаптации армянских мигрантов в Российской Федерации // Актуальные проблемы социально-психологической адаптации мигрантов в современном мире: Материалы междунар. научно-практич. конф. Пенза, 2008. С. 20–25.
- Варданян Л.М., Галстян М.В.* Проблемы семьи и брака среди трудовых мигрантов Тавуша // Тавуш. Материальное и духовное наследие: Материалы респуб. науч. конф. Ер., 2009. С. 239–244 (на арм. яз.).
- Варданян Л.М., Саркисян Г.Г.* Опыт классификации армянских святынь // Армянские святыне и святыни. Ер., 2001. С. 366–378 (на арм. яз.).
- Варданян Р.О.* Армянский праздничный календарь (IV–XVIII вв.). Ер., 1999 (на арм. яз.).
- Варданян С.А.* Попытки лечения опухолей в средневековой армянской медицине. Ер., 1976.
- Варданян С.А.* Медико-биологические воззрения Давида Непобедимого // Философия Давида Непобедимого. М., 1984. С. 83–93.
- Варданян С.А.* История медицины Армении. Ер., 2000 (на арм. яз.).
- Варданян С.В.* Азарашен и его значение в армянской архитектуре // ВОН. 1967. № 6. С. 78–88 (на арм. яз.).
- Варданян С.В.* Архитектура армянских народных жилых домов. Исторический очерк. Ер., 1959 (на арм. яз.).
- Вардумян Г.Д.* Дохристианские культы армян // АЭФ. Ер., 1991. Вып. 18. С. 61–146.
- Вардумян Д.С.* Новый быт лорийцев. Ер., 1956 (на арм. яз.).
- Вардумян Д.С.* Некоторые материалы по этнографии армян // КСИЭ, 1960. Вып. 33. С. 31–38.
- Вардумян Д.С.* Армянское народное жилище (глхатун) как святилище // Армянские святыне и святыни. Истоки, типы, культ. Ер., 2001. С. 357–360 (на арм. яз.).
- Вардумян Д.С.* Общая характеристика основных историко-этнографических районов Армении (XIX–XX вв.) // ИФЖ. 2004. № 2. С. 48–64 (на арм. яз.).
- Вардумян Д., Карапетян Э., Лисициан С.* Хозяйство и материальная культура // Народы Кавказа. М., 1962. Т. II. С. 463–480.
- Вардумян Д.С., Карапетян Э.Т.* Семья и семейный быт колхозников Армении. Ер., 1963 (на арм. яз.).
- Великая Н.Н.* Армяне Терского левобережья в XVIII–XIX вв. // Studia Pontocausica. 2. Армяне Северного Кавказа. Краснодар, 1995. С. 188–195.
- Вермишев Х.А.* Земледелие у государственных крестьян Закавказского края // СМИ-ЭБГКЗК. 1888. Т. 4, ч. 1. С. 1–564.
- Верховская А.С.* Текстильные изделия из раскопок Кармир-Блур // Кармир-Блур, III. Результаты работ 1951–1953 гг. Ер., 1955.
- Византийская литература. М., 1974.
- Влияние социально-экономических факторов на демографические процессы. Киев, 1972.
- Волкова Н.Г.* О расселении армян на Северном Кавказе до начала XX в. // ИФЖ. 1966, № 3. С. 257–270.

- Волкова Н.Г.* Этнические процессы в Закавказье в XIX – XX вв. // КЭС. 1969. Т. 4. С. 3–54.
- Врацян С.* Республика Армения. Ер., 1993 (на арм. яз.).
- Всесоюзная перепись населения 1939 г. Основные итоги. М., 1992.
- Всесоюзный симпозиум по демографическим проблемам семьи. Ер., 1975.
- Всеобщая история архитектуры. Т. 1: Архитектура Древнего мира. М., 1970; Т. 3: Архитектура Восточной Европы. Средние века. Л.; М., 1966.
- Вышивка Мараша. Алеппо, 2010 (на арм. и англ. яз.).
- Габриелян Г.К.* Лениакан. Ер., 1984 (на арм. яз.).
- Габриелян Г.К.* Армянское нагорье. Ер., 2000 (на арм. яз.).
- Габриелян М.Р.* Современное крестьянство Республики Армения. Ер., 2001 (на арм. яз.).
- Габриелян М.Р.* Армянская семья в переходный период (этнологическое исследование). Ер., 2005 (на арм. яз.).
- Габриелян М.Р.* Прошлое в настоящем: влияние советского на армянское общество // Материалы первого междунар. конгресса кавказоведов. Тб., 2007. С. 325–328.
- Гавриленко Л., Румянцева Р., Глебовская Д.* Применение метода тонкослойной хроматографии и электронной спектроскопии для анализа красителей древних тканей // Исследования, консервация и реставрация этнографических предметов. Тез. докл. науч. конф. Рига, 1987. С. 17, 18.
- Гагемейстер Ю.А.* Новые очерки Закавказья. СПб., 1848.
- Газарян И.М.* Переселение армян из Персии в Армянскую область в 1828 г. // ИАН. 1957. № 7. С. 61–71.
- Газарян Р.С.* Лексикон среднеармянского литературного языка. Ер., 2001 (на арм. яз.).
- Газиян А.С.* Армянские народные военные и солдатские песни / Исслед., подг. текстов и коммент. Ер., 1989 (на арм. яз.).
- Гакстгаузен А.* Закавказский край. СПб., 1857.
- Галаджян г.* Этнография армян Дерсима // АЭФ. Ер., 1973. Вып. 5. С. 5–300 (на арм. яз.).
- Галоян Г.А.* Армения и Великие державы в 1917–1923 гг. Ер., 1999 (на арм. яз.).
- Галстян М.В.* Межгосударственные трудовые миграции населения Республики Армения. Ер., 1998 (на арм. яз.).
- Галстян М.В.* Основные проблемы эксплуатации трудовых мигрантов из Республики Армения // Междунар. науч. конф. «Археология, этнология, фольклористика Кавказа» (Батуми, 7–8 сентября 2006 г.). Сб. кратк. содерж. докл. Тб., 2007. С. 275, 276.
- Галстян М.В.* Отходничество-важный компонент миграции армянского этноса в постсоветский период // Материалы первого междунар. конгресса кавказоведов. Тб., 2007. С. 328–330.
- Галстян М.В.* ПМА: Ширак, Гехаркуник, 2005–2006; Тавуш, 2007–2008; Сюник, 2009–2010.
- Галстян М.В.* Формирование армянской общины Омска в контексте трудовой миграции // Традиционное и современное в армянской культуре (Армянская народная культура, XV), Ер., 2010. С. 210–218 (на арм. яз.).
- Галустян Г.А.* Мараш или Германик и героический Зейтун. Нью-Йорк, 1988 (на арм. яз.).
- Галустян Ш.* (арх. Галустян). Библиейские святые. Ер., 1997 (на арм. яз.).
- Галустян Ш.* (арх. Галустян). Армянские святые. Ер., 1997а (на арм. яз.).
- Галустян Ш.* (арх. Галустян). Общехристианские святые. Ер., 1997б (на арм. яз.).
- Галчан Т.А.* Армения в мировой картографии. Ер., 2005.
- Гамар-Катина (Р. Патканян).* Армянский национальный песенник. СПб., 1856 (на арм. яз.).

- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Древняя Передняя Азия и индоевропейская проблема. Временные и ареальные характеристики общеиндоевропейского языка по лингвистическим и культурно-историческим данным // ВДИ. 1980. № 3. С. 3–27.
- Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В.* Индоевропейский язык и индоевропейцы. Реконструкция и историко-типологический анализ праязыка и протокультуры. Тб., 1984. Т. II.
- Ганалаян А.Т.* Песни армянского селянина. Ер., 1937 (на арм. яз).
- Ганалаян А.Т.* Армянские пословицы. Тексты и исследования народных пословиц и поговорок. Ер., 1951 (на арм. яз.).
- Ганалаян А.Т.* Предания. Ер., 1969 (на арм. яз).
- Ганалаян А.Т.* Армянские предания. Ер., 1979.
- Гарибян А.С.* Русско-армянский словарь. Ер., 1968.
- Гарибян А.С., Гарибян Дж.А.* Краткий курс армянского языка. Ер., 1980.
- Гарибян И.Г.* Предварительные результаты раскопок Бжнийской крепости // Современное состояние археологии и перспективы дальнейшего развития. Ер., 2004. С. 53^ 54 (на арм.яз).
- Гарибян И.Г.* Город-крепость Лорэ и его раскопки. Ер., 2009 (на арм.яз).
- Гаспарян А.О.* Пчеловодство в Армении (историко-этнографическое исследование). Ер., 1989 (на арм. яз).
- Гаспарян А.О.* Пчеловодство в Армении. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ер., 1990 (на арм яз).
- Гаспарян Р.Г.* Армянские избиения в Киликии. Ер., 2005 (на арм. яз.).
- Гевонд.* История. Ер., 1982 (на арм. яз.).
- Геворгян А.Б.* Средневековые музыкальные инструменты в армянской миниатюре. Ер., 1962 (на арм. яз.)
- Геворгян А.Б.* Искусство копирования армянских миниатюр по памятникам Крыма, Новой Джульфы и Константинополя (XVII в.). // Автореф. дис. ... канд. искусств. Ер., 1972.
- Геворгян А.Б.* Ремесла и быт в армянских миниатюрах. Ер., 1978 (на арм., рус. и англ. яз.).
- Геворкян Г.* История села Чнкуш. Иерусалим, 1970. Ч. 1 (на арм. яз.).
- Геворкян Г.В.* Этнографические материалы Аштарака, 1972 // Архив ИАЭ. № 20 (на арм. яз.).
- Геворкян Г.Г.* Кизляр // АЭФ. Ер., 1990. Вып. 10. С. 5–138 (на арм. яз.).
- Геноцид армян в Османской империи. Сборник документов и материалов / Ред. М.Г. Нерсисян. Ер., 1966; 2-е изд. Ер., 1982.
- Географический энциклопедический словарь. М., 1983.
- Геолецян Г.Е.* Гюмри (этнографический очерк). Ер. 1976 (на арм. яз.).
- Георгиев В.И.* Исследования по сравнительно-историческому языкознанию. М., 1958.
- Германия и Армения 1914–1918. Сборник дипломатических документов // Изд. и предисл. докт. Иоханеса Лепсиуса. Ер., 2006. Т. I (на арм. яз.).
- Германские источники о геноциде армян: период Первой мировой войны // Под ред. С.С. Степаняна. Ер., 1991. Т. I.
- Геродот.* История в девяти книгах / Пер. и примеч. Г.А. Стратановского. Л., 1972.
- Геродот.* История в девяти книгах. Ер., 1986 (на арм. яз.).
- Геродот.* История в девяти книгах / Пер. и примеч. Г.А. Стратановского. М., 1999.
- Герцман Е.В.* Античное музыкальное мышление. Л., 1986.
- Гильденштедт И.А.* Географическое и статистическое описание Грузии и Кавказа из путешествия г-на академика И.А. Гильденштедта через Россию и по Кавказским горам, в 1770, 1771, 1772, и 1773 гг. СПб., 1809.
- Глтчян А.* Право в древней Армении // Азгагракан хандес. Тифлис, 1912. Т. 23. С. 68–113 (на арм. яз.).

- Гогинян С. К истории древней металлургии железа в Армении // ИФЖ. 1964. № 3. С. 229–234.
- Город Двин и его раскопки. Ер., 1952 (на арм. яз.).
- Государственная картинная галерея Армении / Сост. Д. Дзюни, Е. Хачатрян, Т. Махмурян. Ер., 1965 (на арм., рус., англ. яз.).
- Гошовский В.Л. «Горани». К типологии армянской песни (опыт исследования с помощью ЭВМ). Ер., 1983.
- Григор Магистрос (Пахлавуни). Послания / Сост., предисл. и коммент. К. Костанянца. Александрополь, 1910 (на арм. яз.).
- Григорис. Анализ природы человека и его недугов / Публ. А. Кцояна. Ер., 1962 (на арм. яз.).
- Григорьян К.Н. Из истории русско-армянских литературных и культурных отношений (X – начало XX в.). Ер., 1974.
- Григорьян Н.А. Научная династия Орбели. М., 2002.
- Григорьян А.Г. Армянская камерно-вокальная музыка. Ер., 1982.
- Григорян Р.А. Армянские народные колыбельные и детские песни. Ер., 1970 (на арм. яз.).
- Григорян В.Р. История армянских колоний Украины и Польши (армяне в Подолии). Ер., 1980.
- Григорян Г.Б. Ландшафты АрмССР. Ер., 1990 (на арм. яз.).
- Григорян Г.М. Ваанаванк. Ер., 2007 (на арм. яз.).
- Григорян Д. Рыцари коньяка // Ер., 2006. Октябрь.
- Григорян Р.А. Армянские народные колыбельные и детские песни. Ер., 1970 (на арм. яз.).
- Григорян Р.А. Гехаркуник // АЭФ. Ер., 1983. Вып. 14. С. 5–263 (на арм. яз.).
- Григорянц А.А. Армяне в Средней Азии. Ер., 1984.
- Грузинские источники об Армении и армянах. Ер., 1934. Т. 1.
- Гулишамбаров С.И. Обзор фабрик и заводов Закавказья. Тифлис, 1896. Т. 1.
- Гумреци. Николай Фаддеевич Тигранов и музыка Востока. Л., 1927.
- Гюльбудагян С.В. Выражение женского рода в армянском языке // ВЕУ. 1988. № 2. С. 179–187 (на арм. яз.).
- Дабагян А.А. О вопросе определения герба королевской династии Багратуни // Культурное наследие Ширака, III. Тез. докл. респуб. науч. конф. Гюмри, 1998. С. 30 (на арм. яз.).
- Дабагян А.А. Геральдическая система как средство для определения армянской военной организации // Армянская армия. Военно-научный журнал МО РА. Ер., 1999. № 1. С. 84–94 (на арм. яз.).
- Дабагян А.А. Средневековые крестные знамена в армянской христианской культуре // Армянская армия. Военно-научный журнал МО РА. Ер., 2001. № 1–2. С. 90–98 (на арм. яз.).
- Дабагян А.А. Формирование символов армянской государственности в XVIII–XX вв. // Традиционное устное наследие: нематериальная культура. Знание и символ, верования и обычаи (сб. статей). Ер., 2006. С. 31–40 (на арм. яз.).
- Давид Анахт. Сочинения / Публ. С. Аревшатяна. М., 1975.
- Давидбеков И.С. Село Гадрут Елисаветпольской губернии Джебраильского уезда // СМОМПК. 1888. Вып. 6. С. 153–192.
- Давтян Л.М. Воспроизводство населения Советской Армении. Ер., 1965 (на арм. яз.).
- Давтян С.С. Очерки из истории армянского вышивального искусства. // Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ер., 1963.
- Давтян С.С. Армянские кружева и их распространение. Ер., 1964.
- Давтян С.С. Армянское кружево. Ер., 1966 (на арм. яз.).

- Давтян С.С.* Армянская вышивка. Ер., 1972 (на арм. яз.).
- Давтян С.С.* Армянские ковры. Ер., 1975 (на арм. яз.).
- Давтян С.С.* Очерки по истории декоративного искусства средневековой Армении. Ер., 1981 (на арм. яз.).
- Давтян С.С.* Очерки истории армянского средневекового прикладного искусства. Ер., 181 (на арм. яз.).
- Давтян С.С.* Из неопубликованного // ЭО. 2006. № 1. С. 44–47.
- Дадян М.* Армяне Османской империи. Тифлис, 1878 (на арм. яз.).
- Даллакян К.Л.* История армянской диаспоры (краткий очерк). Ер., 2004 (на арм. яз.).
- Даль С.К.* Результаты изучения млекопитающих из раскопок урартского города Тейшебаини // ИАН. 1952. № 1. С. 75–86.
- Даль С.К.* Череп примитивного быка ранней бронзы в Джарджарисе // ТГИМА. 1959. Т. 5. С. 133–141.
- Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.; М., 1881. Т. II.
- Дарбинян М.Г.* Переселение западных армян в Армянскую область и соседние районы в 1828–1829 гг. // ИФЖ. 1974. № 2. С. 91–100 (на арм. яз.).
- Даркевич В.П.* Народная культура Византии. М., 1975.
- Дворецкий И.Х.* Древнегреческо-русский словарь. М., 1958.
- Дебец Г.Ф.* К антропологии древних культур Передней Азии и Эгейского мира // Антропол. журнал. 1934. № 1–2. С. 134–142.
- Дебец Г.Ф.* Палеоантропология СССР // ТИЭ М.; Л., 1948. Т. IV.
- Дебец Г.Ф.* Заселение Южной и Передней Азии по данным антропологии. Происхождение человека и древнее расселение человечества // ТИЭ. М., 1951. Т. 17. С. 355–370.
- Деведжян С.Г.* Лори Берд. Т. 1: Результаты раскопок 1969–1973 гг. Ер., 1981; Т. 2: Средняя бронза. Ер., 2006 (оба на арм. яз.).
- Деврикан В.Г.* Преображение Господне и Вардавар. Ер., 2006 (на арм. яз.).
- Деконский А.Г.* Экономический быт государственных крестьян в западной части Шаруро-Даралагезского уезда Эриванской губернии // МИЭБГКЗК. 1885. Т. 1, вып. 5. С. 649–731.
- Де-Контансон Л.* Реформы в Азиатской Турции // Армянский вопрос. Авторизованный пер. с фр. Х.Б. М., 1914. С. 3–44.
- Декоративное искусство Средневековой Армении. Альбом. Л., 1971.
- Демирханян А.Р.* К проблеме символики трехчастных композиций Древней Армении // ИФЖ. 1982. № 4. С. 154–164.
- Демографический ежегодник Грузии. Тб., 2004 (на англ. яз.).
- Демографический ежегодник. Стат. комитет СНГ. М., 1992.
- Демографический сборник Армении. Ер., 2004–2009 (на арм., англ. яз.).
- Демографический сборник Армении 1940–2000. Ер., 2002 (на арм. яз.).
- Демографический энциклопедический словарь. М., 1985.
- Демуриан Ст.* Сборник «Кнар» (Лири). СПб., 1907.
- Деникер И.* Человеческие расы / Пер. с фр. яз. Ы. Ранцова. СПб., 1902.
- Джанполадян Р.М.* Собрание стеклянных вещей Двина // ИФЖ. 1966. № 1. С. 261–264 (на арм. яз.).
- Джаукян Г.Б.* Хайасский язык и его отношение к индоевропейским языкам. Ер., 1964.
- Джаукян Г.Б.* Развитие и структура армянского языка. Ер., 1969.
- Джаукян Г.Б.* Введение в армянскую диалектологию. Ер., 1972.
- Джаукян Г.Б.* Основы теории современного армянского языка. Ер., 1974.
- Джаукян Г.Б.* Общее и армянское языкознание. Ер., 1978.
- Джаукян Г.Б.* Сравнительная грамматика армянского языка. Ер., 1982.
- Джаукян Г.Б.* Дописьменный период истории армянского языка. Ер., 1987 (на арм. яз.).

- Джаукян Г.Б.* О соотношении хайасского и армянского языков // ИФЖ. 1988. № 1–2. С. 60–80; № 2. С. 68–89 (на арм. яз).
- Джаошвили В.Ш.* Население Грузии. Тб., 1968.
- Диаспора в цифрах // Ереван. М., 2005. № 2. С. 103.
- Диланян А.* Праздники Армянской Святой Апостольской Церкви. Эчмиадзин, 2006 (на арм. яз).
- Дилоян В.А.* Восточная Армения в первой трети XIX в. и армяно-русские отношения. Ер., 1989 (на арм. яз).
- Диль Ш.* История Византийской империи / Пер. А.Е. Рогинской. М., 1948.
- Добровольская М.В., Медникова М.Б.* Новые данные о населении Северной Месопотамии в раннебронзовом веке (по антропологическим материалам из раскопок на Телль-Хазие) // Тр. II (XVIII) Всероссийского археологического съезда в Суздале. М., 2008. Т. 1.
- Документы и материалы по истории армянского народа. Социально-политическое и экономическое положение Восточной Армении после присоединения к России (1830–1870) / Под ред. Н.А. Тавакаляна. Ер., 1993.
- Долженко И.В.* Хозяйственный и общественный быт русских крестьян Восточной Армении. Ер., 1985.
- Донабедян П.* Стилистические особенности и время создания одного из скульптурных памятников Нораванка // ВОН. 1979. № 11. С. 94–104 (на арм. яз.).
- Достижения Нагорного Карабаха в девятой пятилетке. Статистический сборник. Степаракент, 1976.
- Драмбян Р.Г.* Предисловие // Армянская миниатюра. Ер., 1969. С. 19–21 (на арм., рус., англ. яз.).
- Драчук В.С.* Рассказывает геральдика. М., 1977.
- Драсханакертци [Иованнес Драсханакертци].* История Армении / Пер. с древнеарм., вступ. ст. и коммент. М.О. Дарбинян-Меликян. Ер., 1986.
- Драсханакертци [Ованес Драсханакертци].* История Армении / Пер. на восточноарм. и коммент. Т. Тосуянца. Ер., 1996 (на арм. яз.).
- Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии // Археология СССР / Отв. ред. тома Г.А. Кошеленко. М., 1985.
- Дубровин Н.Ф.* Закавказье от 1803–1806 гг. СПб., 1886.
- Дубровин Н.Ф.* Из истории войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1871. Т. I, кн. 1–2.
- Дубровин Н.Ф.* История войны и владычества русских на Кавказе. СПб., 1886. Т. IV.
- Дурново Л.А.* Предисловие // Древнеармянская миниатюра. Альбом. Ер., 1953. С. 22–30.
- Дурново Л.А.* Предисловие // История армянского изобразительного искусства. М., 1953. С. 22–30.
- Дурново Л.А.* Вступительная статья // Армянская миниатюра. Ер., 1967. С. 22–30 (на арм., рус., англ. яз.).
- Дьяконов И.М.* История Мидии от древнейших времен до конца IV в. до н.э. М.; Л., 1956.
- Дьяконов И.М.* Предыстория армянского народа. История Армянского нагорья с 1500 по 500 г. до н.э. Хурриты, лувийцы, протоармяне. Ер., 1968.
- Дьяконов И.М.* Место фригийского среди индоевропейских языков // Древний Восток. М., 1976. Вып. 2. С. 158–164.
- Дьяконов И.М.* К вопросу о символе Халди // Древний Восток. Ер., 1983. Вып. 4. С. 190–194 (на арм. яз.).
- Дьяконов И.М.* К праистории армянского языка (о фактах, свидетельствах и логике) // ИФЖ. 1983. № 4. С. 149–178.
- Дьяконов И.М.* К древневосточному субстрату в армянском языке // ИФЖ. 1989. № 1. С. 69–76.

- Дьяконов И.М.* Люди города Ура. М., 1990.
- Дьяконов И.М., Старостин С.А.* Хуррито-урартские и восточнокавказские языки // Древний Восток: этнокультурные связи. М., 1988. С. 164–207.
- Дьяконов М.М.* Очерк истории Древнего Ирана. М., 1961.
- Дюлорье Ж.* Армяне в 1854 г. Тифлис, 1854.
- Дюлорье Ж.* Нынешние армяне. Тифлис, 1856.
- Дятлов В.И.* Политический активизм армянской диаспоры на Ближнем Востоке // Диаспоры. М., 2000. № 1–2. С. 174–195.
- Дятлов В.И.* Политическая жизнь в диаспоре // Дятлов В., Мелконян Э. Армянская диаспора. Очерки социокультурной типологии. Ер., 2009. С. 107–131.
- Дятлов В.И., Мелконян Э.Л.* Армянская диаспора. Очерки социокультурной типологии. Ер., 2009.
- Евдокимова Ю.К.* История полифонии: многоголосие Средневековья X–XIV вв. М., 1983. Вып. 1.
- Евецкий О.С.* Статистическое описание Закавказского края. СПб., 1835.
- Еганян Л.Г., Хачатрян А.А.* Новонайденный комплекс памятников в Айкадзоре // Культура Древней Армении. Ер., 2003. С. 119–122 (на арм. яз.).
- Еганян Р.С., Куюмджян К.Г.* Социально-демографические вызовы постсоветской Армении. Ер., 2004 (на арм. яз.).
- Егиазаров С.А.* Административно-экономический строй сельской общины в Эриванской губернии // СМИБГКЗК. 1887. Т. 1. Ч. 1. С. 1–158.
- Егиазаров С.А.* Исследования по истории учреждений в Закавказье. Сельская община в Эриванской губернии. Казань, 1889. Т. 3. Ч. 2. С. 1–63.
- Егише.* История Вардана и Армянской войны / Пер. с древнеарм. яз. акад. И.А. Орбели. Ер., 1958.
- Егише.* О Вардане и войне Армянской. Ер., 1989 (на арм. яз.).
- Едессия. Страницы истории. М., 1993.
- Екмалян М.* Хоровые и сольные песни. Ер., 1970 (на арм. яз.).
- Епископ Езник Петросян.* Армянская Апостольская Святая Церковь. Краснодар, 1998.
- Еремян С.Т.* Народно-освободительная борьба армян против персов в 450–451 гг. (к 1500-летней годовщине) // ВДИ. 1951. № 4. С. 41–60.
- Еремян С.Т.* Развитие городов и городской жизни в Древней Армении // ВДИ. 1953. № 3. С. 11–31.
- Еремян С.Т.* Союз армян в стране Арме-Шубрия // ИФЖ. 1958, № 3. С. 59–74 (на арм. яз.).
- Еремян С.Т.* Естественно-исторические основы питания армянского народа // Армянская кулинария. М., 1960. С. 21–28.
- Еремян С.Т.* Первые армянские государственные образования (VII–VI вв. до н.э.) // ИФЖ. 1968. № 3. С. 91–120 (на арм. яз.).
- Еремян С.Т.* Процесс формирования армянского народа // ИФЖ. 1970. № 2. С. 27–56 (на арм. яз.).
- Еремян С.Т.* Армянское государство Ервандидов // История армянского народа. Ер., 1971. Т. I. С. 435–443 (на арм. яз.).
- Ерицов А.Д.* Экономический быт государственных крестьян Казахского уезда Елисаветпольской губ. // МИЭБГКЗК. 1886. Т. 2, вып. 3. С. 1–265.
- Ерицов А.Д.* Первоначальное знакомство армян с Северо-Восточную Русью до воцарения дома Романовых в 1613 г. // КВ. 1901. № 12. С. 49–57.
- Ерицян А.* Всеармянское патриаршество и армяне Кавказа в XIX в. Тифлис, 1894. Ч. I (на арм. яз.).
- Ернджакян Л.В.* Ашугский любовный сказ в контексте армяно-восточных музыкальных взаимосвязей. Автореф. дис. ... докт. искусств., Ер., 2004 (на арм. яз.).

- Ернджакан Л.В. Пикичян Р.В.* Гимн солнцу: «Саари» в армянской музыкальной культуре. Ер., 1998 (на арм. яз.).
- Есаян С.А.* Лошадь в военном деле Урарту // ИАН. 1962. № 4. С. 77–80.
- Есаян С.А.* Оружие и военное дело Древней Армении (III–I тыс до н.э.). Ер., 1966.
- Есаян С.А.* Древняя культура племен северо-восточной Армении (III–I тыс. до н.э.). Ер., 1976.
- Есаян С.А.* Скульптура Древней Армении. Ер., 1980.
- Есаян С.А.* Кармир-Блур. Ер., 1982.
- Есаян С.А.* Об урартских дворцовых комплексах Ошакана // Культурное наследие Востока. Л., 1985. С. 112–121.
- Есаян С.А.* Символы власти родоплеменной знати Армении эпохи поздней бронзы и железа // ВЕУ. 1989. № 2. С. 21–33.
- Есаян С.А., Абадгиян Г.А.* Крепость Неркин Хидзор (Каялидере). (Обурартских крепостях Западной Армении // ИФГИ. 1991. № 1. С. 110–121.
- Есаян С.А., Калантарян А.А.* Ошакан I, Ер., 1988.
- Есаян С.А., Килимджян Г.А.* Крепость Айкаберд // ВОИ. 1991. № 6. С. 15–25 (на арм. яз.).
- Жуковский П.М.* Культурные растения и их сородичи. Л., 1964.
- Завриев Д.С.* Восточная Анатолия. Экономический очерк. Тб., 1936.
- Завриев Д.С.* К новейшей истории северо-восточных вилайетов Турции. Тб., 1947.
- Загурский Л.* Поездка в Ахалцихский уезд в 1872 г. // ЗКОИРГО. 1873. Кн. VIII.
- Загурский Л.П.* Этнографические карты Кавказского края // ИКОИРГО. 1882–1883. Т. 7. С. 158–167.
- Закавказье. Статистико-экономический сборник. Тифлис, 1925.
- Закарян Б.Е.* Система родства у армян. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ер., 1990а (на арм. яз.).
- Закарян Б.Е.* Основные черты системы родства у армян // Респ. науч. сессия: итоги полевых этнографических и фольклорных исследований 1986–1988 гг. Тез. докл. Ер., 1990б. С.18–24 (на арм. яз).
- Закарян Т.З.* Формы традиционной взаимопомощи армян в новых социальных условиях независимой Армении (по материалам этносоциологического исследования) // Археология, этнология, фольклористика Кавказа. Материалы междунар. конф. Ереван, 17–18 ноября 2003 г. Первопрестольный Св. Эчмиадзин, 2003. С. 298–301.
- Закарян Т.З.* Внутрисемейные взаимоотношения (этносоциологическое исследование) // Мовсес Хоренаци. Историко-филологический и естественно-научный журнал. Ер., 2007, № 1–2. С. 52–55 (на арм.яз).
- Закарян Т.З.* Структурные изменения простых и сложных семей Тавуша в 1980 и 2008 гг. // Тавуш. Материальное и духовное наследие. Материалы республ. науч. конф. Ер., 2009. С.102–109 (на арм. яз).
- Закарян Т.З.* Современные формы взаимопомощи в Тавуше и Сюнике (по материалам этносоциологического исследования 2007–2009) // Традиционное и современное в армянской культуре (Армянская народная культура, XV). Ер., 2010. С. 30–35 (на арм. яз).
- Закарян Т.З.* Ценностные изменения роли мужчин и женщин в повседневном быту // Мовсес Хоренаци. Историко-филологический и естественно-научный журнал. Ер., 2011. № 1–2. С. 41–44 (на арм. яз).
- Закон об установленных праздниках Республики Армения. Утвержден Советом Армении 17 января 1919 г. // Вестник Правительства. Ер., 1919. 12.04 (на арм. яз.).
- Закон о праздничных днях. Утвержден Советом Армении 1 января 1919 г. // НАА. Ф. 207. Оп. 1. Д. 14. Л. 6.
- Зардарян Д., Гаспарян Б.О.* О двух разновидностях древней обуви Армении // Новые материалы и методы археологического исследования // Тез. докл. науч. конф. молодых ученых. М., 15–17 марта 2011 г. С. 8, 9.

- Зейтунци*. Из прошлого и настоящего Зейтуна. Вена, 1900 (на арм. яз.).
- Зеленин Д.К.* Табу слов у народов Европы и северной Азии // Сб. МАЭ. Л., 1929. Вып. 8.
- Зеленин Д.К.* Магические функции примитивных орудий // ИАН. М., 1931. № 6. С. 713–727.
- Зелинский С.П.* Племенной состав, религия и происхождение государственных крестьян // СМИБГКЗК. 1887. Т. 2. С. 1–83.
- Зелинский С.П.* Садоводство в Закавказском крае // СМИБГКЗК. 1888. Т. 4, ч. 2. С. 1–135.
- Зелинский С.П.* Применение растений в Эриванской губернии // Азгагракан хандес. Тифлис, 1898. Кн. 4. С. 177–202 (на арм. яз.).
- Зиновьев А.* Исторический очерк Лазаревского института восточных языков. М., 1863.
- Зограбян Л.Н.* Орография Армянского нагорья. Ер., 1979.
- Зограбян Л.Н.* Рельеф Армянского нагорья, Кавказа и сопредельных областей. Ер., 1990 (на арм. яз.).
- Золото Древней Армении (III тысячелетие до н.э. – XIV в. н.э.) / Ред. А.А. Калантарян. Ер., 2007 (на арм., рус., англ. яз.).
- Ибн Сина*. Канон врачебной науки: в 5 кн. Ташкент, 1954–1961; 1954. Т. 2.
- Ибн Фадлан*. Путешествие Ибн Фадлана на Волгу / Пер. и коммент. под ред. акад. И.Ю. Крачковского. М.; Л., 1939.
- Иванов В.В.* Выделение разных хронологических слоев в древнеармянском и проблема первоначальной структуры гимна Ва(х)агну // ИФЖ. 1983. № 4. С. 22–43.
- Иванов В.В.* Двадцать лет спустя. У истоков цивилизации. Сб. статей к 75-летию В.И. Сариниди. М., 2004.
- Иванов В.В., Топоров В.Н.* Славянские языковые моделирующие семиотические системы. М., 1956.
- Игитян Т.* Технология производства ворсовых ковров. Ер., 1952.
- Игнатян А.А.* История Московского Лазаревского института восточных языков. Ер., 1969 (на арм. яз.).
- Иностранные источники об Армении и армянах. Греческие источники, 1 / Пер. Гр. Ачаряна. Ер., 1940 (на арм. яз.).
- Иоаннисян А.Р.* Иосиф Эмин. Ер., 1989.
- Иоаннисян А.Р.* Россия и армянское освободительное движение в 80-х годах XVIII столетия. Ер., 1990.
- Иосиф Флавий*. Иудейская война. Минск, 1999.
- Иосиф Флавий*. Иудейские древности. М., Ростов н/Д. 1999. Т. II.
- Ипекян г.* Кавор // Азгагракан хандес. Тифлис, 1913. Кн. 24. С. 90–110 (на арм. яз.).
- Исаев М.Д.* Ковровое производство Закавказья. Тифлис, 1932.
- Искандарян А.М.* Миграционные процессы на постсоветском Кавказе // Миграции на Кавказе. Материалы конференции. Ер., 2003. С. 6–18.
- Исмаил-Заде Д.И.* Население городов Закавказского края в XIX – начале XX в. М., 1991.
- Исраелян А.Р.* Культ и верование в Армении позднебронзового века. Ер., 1973 (на арм. яз.).
- Исраелян А.Р.* Наскальные изображения Армении и семантика некоторых композиций. Ер., 1978.
- Исраелян А.Р.* Армянские бусы-обереги XIX – начала XX в. // ТГИМА. 1981. Т. 7. С. 83–100 (на арм. яз.).
- Исраелян А.Р.* Колокольчики и бубенцы в армянских народных верованиях // ИФЖ. 1993. № 1–2. С. 147–156 (на арм. яз.).
- Исраелян А.Р.* Яйца-обереги в армянских народных поверьях // ИФЖ. 1999, № 2. С. 331–341 (на арм. яз.).

- Израелян А.Р.* Апотропеическая функция хлеба // IV Конгресс этнографов и антропологов России. Тез. докл. Нальчик; М., 2001. С. 164.
- Израелян А.Р.* Нематериальные обереги // Народная культура армян. Ер., 2006. Вып. XIII. С. 76–82 (на арм. яз.).
- Израелян А.Р.* Магическая сила слова. Дар свыше: миф, ритуал и история // Сб. ст. в честь 80-летия Саргиса Арутюняна. Ер., 2008. С. 162–176 (на арм. яз.).
- Израелян М.А.* Аринберд и его эпиграфические надписи // ИАН. 1957. № 9. С. 93–104.
- История армянского народа: в 8 т. (Изд-во АН АрмССР). Ер., 1971. Т. I; 1984. Т. II; 1976. Т. III; 1972. Т. IV; 1974. Т. V; 1981. Т. VI; 1967. Т. VII; 1970 Т. VIII (на арм. яз.).
- История армянского народа с древнейших времен до наших дней / Под ред. М.Г. Нерсисяна. Ер., 1980.
- История о Казанском царстве (Казанский летописец) // ПСРЛ. 1903. Т. XIX.
- История Армении с древнейших времен до наших дней. Учеб. пос. / Под ред. Гр.Р. Симоняна. Ер., 2000 (на арм. яз.).
- История армянского народа в вопросах и ответах. Учеб. пос. / Под ред. В.Б. Бархударяна. Ер., 2003.
- Итоги Всесоюзной переписи населения. 1959 г. Армянская ССР. М., 1963.
- Итоги Всесоюзной переписи населения. 1970 г. М., 1973. Т. IV; М., 1974. Т. VII.
- Итоги Всесоюзной переписи населения. 1989 г. Армянская ССР. Ер., 1991.
- Ишханян Б.* Народности Кавказа. Пг., 1916.
- Ишханян Б.* Статистическое исследование Закавказских народов. Баку, 1919 (на арм. яз.).
- Ишханян Б.* Великие ужасы в г. Баку. Тифлис, 1920.
- Ишханян Р.А.* Вопросы происхождения и древнейшей истории армянского народа / Пер. с арм., доп. и коммент. Э.Е. Долбабяна. М., 2002.
- Кавказ—Россия: миграция легальная и нелегальная. Ер., 2004.
- Кавказский календарь на 1846 г. Тифлис, 1845.
- Кавказский календарь на 1849 г. Тифлис, 1848.
- Кавказский календарь на 1851 г. Тифлис, 1850.
- Кавказский календарь на 1861 г. Тифлис, 1860.
- Кавказский календарь на 1866 г. Тифлис, 1865.
- Кавказский календарь на 1877 г. Тифлис, 1876.
- Кавказский календарь на 1878 г. Тифлис, 1877.
- Кавказский календарь на 1879 г. Тифлис, 1878.
- Кавказский календарь на 1880 г. Тифлис, 1879.
- Кавказский календарь на 1881 г. Тифлис, 1880.
- Кавказский календарь на 1885 г. Тифлис, 1884.
- Кавказский календарь на 1891 г. Тифлис, 1890.
- Кавказский календарь на 1910 г. Тифлис, 1909.
- Кавказский календарь на 1914 г. Тифлис, 1913.
- Кавказский календарь на 1915 г. Тифлис, 1914.
- Кавказский календарь на 1916 г. Тифлис, 1915.
- Кагаров Е.Е.* Состав и происхождение свадебной обрядности // Сб. МАЭ. 1929. Т. VIII. С. 152–195.
- Каграманян К.А.* Конституция царя Вачагана. Истоки правопорядка НКР. Ер., 2010.
- Каджберуни.* Армянские обычаи // Азгагракан хандес. Тифлис, 1901. Кн. 7–8. С. 146–201 (на арм. яз.).
- Каджберуни.* Описание путешествия. Ер., 2003 (на арм. яз.).
- Каждан А.П.* Византийская культура (X–XII вв.). М., 1968.
- Каждан А. П.* Армяне в составе господствующего класса Византийской империи в XI–XII вв. Ер., 1975.

- Казарян В.О., Манукян С.С.* Матенадаран. Армянская рукописная книга VI–XIV в. М., 1991. Т. 1.
- Как прошла антирождественская кампания в городе // Анаствац. Ер., 1931. № 1 (на арм. яз.).
- Каланкатуацци. [Мовсес Калагкитуацци].* История Агван. СПб., 1861 (на арм. яз.).
- Каланкатуацци. [Мовсес Калагкитуацци].* История страны Алуанк / Критич. изд. и предисл. В. Аракеляна. Ер., 1983. Ч. II (на арм. яз.).
- Каланкатуацци. [Мовсес Калагкитуацци].* История страны Алуанк / Пер. с древнеарм., предисл., коммент. Ш.Б. Смбатяна. Ер., 1984.
- Калантарян А.А.* Материальная культура Двина IV–VIII вв. Ер., 1970 (на арм. яз.).
- Калантарян А.А.* Двин 1. Раскопки центрального квартала Двина. Ер., 1976 (на арм. яз.).
- Калантарян А.А., Мелконян У.А., Жамкочян А.С., Бабаян Ф.С., Пилипосян А.С., Канецян А.Г.* Результаты раскопок 2002 г. в Ошакане // Археология, этнология и фольклористика Кавказа. Материалы междунар. конф. Ереван, 17–18 ноября 2003. Издал Первопрестольный Святой Эчмиадзин, 2003. С. 112–121.
- Калантарян А., Пилипосян А., Мелконян У.* Среднебронзовое погребение № 30 Ошакана // Междунар. науч. конф. «Археология, этнология, фольклористика Кавказа». Сб. кратк. содерж. докл. Тб., 2004. С. 69–71.
- Калантарян А.А., Мелконян У.А.* Археологические работы в Армении в 1990–2003 гг. Ер., 2005 (на арм. яз.).
- Калантарян А.А., Обосян С.Г.* Село Коти (результаты полевых исследовательских работ 2008 г.) // Тавуш. Материальное и духовное наследие. Ер., 2009. С. 247–269 (на арм. яз.).
- Капанцян Г.А.* Chetto-armeniaca. Ер., 1931–1933.
- Капанцян Г.А.* История Урарту. Ер., 1940 (на арм. яз.).
- Капанцян Г.А.* Хайаса – колыбель армян. Этногенез армян и их начальная история. Ер., 1948 (на арм. яз.).
- Капанцян Г.А.* Культ Ара Гехецик. Ер., 1948 (на арм. яз.).
- Капанцян Г.А.* Историко-лингвистические работы. Ер., 1956. Т. I; Ер., 1975. Т. II (на арм. яз.).
- Карапетян И.А.* Мантериал культура Армении VI–IV вв. до н.э. Ер., 2003. (на арм. яз.).
- Карапетян Р.С.* Формирование населения Еревана // Население Еревана. Этносоциологические исследования. Ер., 1986. С. 30–80.
- Карапетян Р.С.* Этносоциальные факторы мотивации экономической деятельности и перспективы экономического развития Армении // Традиционное и современное в армянской культуре (Армянская народная культура, XV). Ер., 2010. С. 69–79.
- Карапетян С.А., Овсепян Р.Л.* Региональные особенности социально-демографического развития Армянской ССР. Ер., 1986.
- Карапетян Э.Т.* Выкуп в свадебных обычаях армян и его социально-экономические корни // ТГИМА. Ер., 1950. Т. III С. 73–143.
- Карапетян Э.Т.* Армянская семейная община. Ер., 1958.
- Карапетян Э.Т.* Об одном персонаже армянской свадьбы // ИФЖ. 1965. № 2. С. 211–216.
- Карапетян Э.Т.* Родственная группа *азг* у армян (вторая половина XIX – начало XX вв.). Ер., 1966.
- Карапетян Э.Т.* Приданое у армян (историко-этнографическое исследование). Ер., 1978 (на арм. яз.).
- Карапетян Э.Т.* Этнические особенности семьи // Население Еревана. Этносоциологические исследования. Ер., 1986. С. 114–153.
- Караулов Н.* Сведения арабских писателей о Кавказе, Армении и Азербайджане // СМОМПК. Вып. XIX. 1901.

- Карос Хач. Тексты и исследования / Сост. и ред. С. Арутюнян, Ж. Хачатрян. Ер., 2000 (на арм. яз.).
- Караханян Г.Г., Мелконян У.А. Варденут (результаты раскопок) // Культура Древней Армении. Ер., 1987. С. 52–55 (на арм. яз.).
- Караханян Г., Мелконян У., Саркисян Г., Арутюнян П. Новонайденные раннесредневековые памятники Армении // Вестник ЕГУ. 1992. № 2. С. 158–168 (на арм. яз.).
- Касабян З.М. Маслоделие в Урарту // ИАН.1957. № 4. С.107–116 (на арм. яз.).
- Кастальский А.Д. Особенности народно-русской музыкальной системы. М., 1961.
- Кафадарян К.Г. Алхимия в исторической Армении. Ер., 1940 (на арм. яз.).
- Кафадарян К.Г. Ованнаванк и его надписи. Ер., 1948 (на арм. яз.).
- Кафадарян К.Г. Город Двин и его раскопки. Ер., 1952. Т. 1; Ер. 1982. Т. 2. (на арм. яз.).
- Кафадарян К.К. Архитектура города Аргиштихинили. Ер., 1984 (на арм. яз.).
- Кацпржак Е.И. История письменности и книги. М., 1955.
- Кашибадзе В.Ф. Дифференциация населения Кавказа по одонтологическим данным // ВА. 1988. Вып. 80. С. 71–76.
- Кашибадзе В.Ф. Одонтология армян // БЖА. 1990. Т. XLIII. № 4. С. 285–295.
- Кашибадзе В.Ф. Кавказ в антропологическом пространстве Евразии (одонтологическое исследование) // Автореф. дис. ... докт. биол. наук. Вешенская, 2007.
- Киракосян Дж.С. Первая мировая война и западные армяне. 1914–1916 гг. Ер., 1965 (на арм. яз.).
- Киракосян Дж.С. Западная Армения в годы Первой мировой войны. Ер., 1971.
- Киракосян Дж.С. Младотурки перед судом истории. Ер., 1986.
- Козлов В.И. Национальности СССР (этнодемографический обзор). М., 1975.
- Комитас. Песнопения Св. литургии // Арарат. Эчмиадзин, 1898 (на арм. яз.).
- Комитас. Предисловие // Армянская лира. Париж, 1907 (на арм. яз.).
- Комитас. Лорийская плужная песня в стиле села Вардаблур // Навасард. Константинополь, 1914 (на арм. яз.).
- Комитас. Народные песни. Этнографический сборник / Пер. с арм. нотных знаков на европ., предисл. и примеч. Сп. Меликяна. Ер., 1931 (на арм. яз.).
- Комитас. Армянская крестьянская музыка. Париж, 1938; Ер., 2005 (на арм. яз.).
- Комитас. Статьи и исследования. Ер., 1941; Ер., 2005 (на арм. яз.).
- Комитас. Собрание сочинений. Ер., 1998. Т. VIII; Ер., 1999. Т. IX; Ер., 2000. Т. X, XI. Ер., 2004. Т. XIII (на арм. яз.).
- Комсомольская Пасха. // Авангард. Ер., 1924. 17.04 (на арм. яз.).
- Кондратенко Е. Этнографические карты губерний и областей Закавказского края, составленные по «ССДНЗКИПС – 1886 г.» // ЗКОИРГО. 1897. Т. XIX.
- Коркотян З. От белого погрома до красного строительства. Ер., 1929 (на арм. яз.).
- Коркотян З. Демография города Еревана (1820–1930). Ер., 1931(на арм. яз.).
- Коркотян З. Население Советской Армении за последнее столетие (1831–1931). Ер., 1932 (на арм. яз.).
- Корхмязян Э.М. Армянская миниатюра Крыма (XIV–XVII). Ер., 1978.
- Корюн. Житие Маштоца / Пер. на восточноарм., предисл. и коммент. М. Абеяна. Ер., 1941; Ер., 1962 (на арм. яз.).
- Костиков В.В. Не будем проклинать изгнание... Пути и судьбы русской эмиграции. М. 1990.
- Косян А.В. Лувийские царства Малой Азии и прилегающих областей в XII–VIII вв. до н.э. Ер., 1994.
- Кохбацци [Езник Кохбацци]. Опровержение ересей. Венеция, 1926 (на древнеарм. яз.); Тифлис, 1914; Ер., 1994 (на арм. яз.).
- Кочар Н.Р. Антропология армян (дерматоглифика и популяционная структура). Ер., 1989.

- Кочар Н., Мовсесян А., Паликян А.* Географическая локализация и межпопуляционные связи древнего населения Армении // БЖА. 1989. Т. 42. № 5. С. 445–451.
- Кочарян А.К.* Армянские гусанские песни. Ер., 1976 (на арм. яз.).
- Кочарян А.К.* Музыка эпоса «Сасунские безумцы» // Межвузовский сборник научных трудов. Искусствоведение. Ер., 1977. С. 53–67 (на арм. яз.).
- Кочарян А.К.* Армянская народная музыка. М.; Л., 1999.
- Кочарян А.К.* Ударные и духовые музыкальные инструменты в Армении. Ер., 2008 (на арм. яз.).
- Крамер С.Н.* История начинается в Шумере. М., 1956.
- Ксенофонт.* Анабасис / Пер. М.И. Максимовой. М.; Л., 1951.
- Ксенофонт.* Анабасис / Пер. С. Кркияшаряна. Ер., 1970 (на арм. яз.).
- Ксенофонт.* Анабасис. Греческая история. М., 2003.
- Ксенофонт.* Киропедия / Изд. подгот. В.Г. Борухович, Э.Д. Фролов. М., 1976.
- Ксенофонт.* Киропедия / Пер. С. Кркияшаряна. Ер., 2000 (на арм. яз.).
- Кузнецов И.В.* Одежда армян Понта. Семиотика материальной культуры. М., 1995.
- Культура жизнеобеспечения и этнос / Под ред. С. Арутюнова, Э. Маркаряна.* Ер., 1983.
- Культурные исследования в Арцахе. Шуши. Андабердский монастырь. Тигранакерт.* Ер., 2009 (на арм. яз.).
- Купцов А.И.* Элементы общей селекции растений. Новосибирск, 1971.
- Кусикьян И.К.* Грамматика современного литературного армянского языка. М., 1950.
- Кусикьян И.К.* Очерки исторического синтаксиса литературного армянского языка. М., 1952.
- Кушнарев Х.С.* Вопросы истории и теории армянской монодической музыки. Л., 1958.
- Кушнарева К.Х.* Древнейшие памятники Двина. Ер., 1977.
- Кушнарева К.Х.* Ювелирная мастерская древнего Двина // Четвертый международный симпозиум по армянскому искусству. Ер., 1985. С. 161–162.
- Кушнарева К.Х.* Южный Кавказ в IX–II тыс. до н.э. СПб., 1993.
- Куфтин Б.А.* Археологические раскопки в Триалети I. Опыт периодизации памятников. Тб., 1941. С. 85–87.
- Лалаян Е.А.* Джавахк // Азгагракан хандес. Шуши, 1896. Кн. 1 (на арм. яз.).
- Лалаян Е.А.* Варанда // Азгагракан хандес. Тифлис, 1897. Кн. 2. С. 5–255 (на арм. яз.).
- Лалаян Е.А.* Сисиан // Азгагракан хандес. Тифлис, 1898. Кн. 3. С. 105–272 (на арм. яз.).
- Лалаян Е.А.* Зангезур // Азгагракан хандес. Тифлис, 1898. Кн. 4. С. 7–117 (на арм. яз.).
- Лалаян Е.А.* Гандзак // Азгагракан хандес. Тифлис, 1899. Кн. 5. С. 213–360 (на арм. яз.).
- Лалаян Е.А.* Борчалу // Азгагракан хандес. Тифлис, 1902. Кн. 9. С. 197–262 (на арм. яз.).
- Лалаян Е.А.* Гохтн // Азгагракан хандес. Тифлис, 1905. Кн. 12. С. 109–174 (на арм. яз.).
- Лалаян Е.А.* Вайоц-дзор // Азгагракан хандес. Тифлис, 1906. Кн. 14. С. 133–155 (на арм. яз.).
- Лалаян Е.А.* Нор-Баязет // Азгагракан хандес. Тифлис, 1907. Кн. 16. С. 8–65 (на арм. яз.).
- Лалаян Е.А.* Васпуракан // Азгагракан хандес. Тифлис, 1910. Кн. 20. С. 116–212 (на арм. яз.).
- Лалаян Е.А.* Ванский вилайет (Васпуракан) // СМОМПК. 1915. Вып. XLIV. Отд. второй. С. 1–84.

- Лалаян Е.А.* Муш-Тарон // Азгагракан һандес. Тифлис, 1917. Кн. 26. С. 155–175.
- Лалаян Е.А.* Развитие родильных обычаев у армян // Справочник Института науки и искусства Армянской ССР. Ер., 1931. № 5. С. 113–148 (на арм. яз.).
- Лалаян Е.А.* Труды в пяти томах. Ер., 1983. Т. 1; 1988. Т. 2; 2004. Т. 3 (на арм. яз.).
- Ластиверци [Аристакес Ластиверци].* Повествование варданета Аристакеса Ластиверци / Пер. с древнеарм., вступ. ст., коммент. и прил. К.Н. Юзбашяна. М., 1968.
- Левонян Г.Дж.* Театр в Древней Армении. Историко-филологический очерк. Ер., 1941 (на арм. яз.).
- Левонян Г.Дж.* Армянская книга и искусство книгопечатания. Ер., 1958 (на арм. яз.).
- Левонян Г.Дж.* Сочинения. Ер., 1963 (на арм. яз.).
- Лео.* Собрание сочинений. Ер., 1967. Т. II (на арм. яз.).
- Линч Х.Ф.Б.* Армения. Тифлис, 1910. Т. 1–2.
- Ли́ра.* Нотированный сборник (европ. нотами) / Собр. и зап. С. Демурян. СПб., 1908.
- Лисициан С.Д.* К изучению армянских крестьянских жилищ (Карабахский карадам) // ИКИАИ. 1925. Т. III. С. 97–108.
- Лисициан С.Д.* Крестьянское жилище Высокой Армении // ИКИАИ. 1926. Т. IV. С. 55–70.
- Лисициан С.Д.* Из материалов по изучению жилищ Армении. 1. Крестьянское жилище Мегринского района // ИКИАИ. 1927. Т. VI. С. 119–133.
- Лисициан С.Д.* Из материалов по изучению жилищ Армении. 2. Нор-Баязетский наза-рашенк и заметки о крестьянских жилищах соседних районов – Памбакского и Даралагязского // ИКИАИ. 1927. Т. VI. С. 133–140.
- Лисициан С.Д.* Армянская этнография за 15 лет // СЭ. 1936. № 4–5. С. 270–274.
- Лисициан С.Д.* Очерки этнографии дореволюционной Армении // КЭС. 1955. Т. I. С. 182–264.
- Лисициан С.Д.* Армяне Зангезура. Ер., 1969 (на арм. яз.).
- Лисициан С.Д.* Армяне Нагорного Карабаха. Этнографический очерк. // АЭФ. Вып. 12. Ер., 1981. С. 5–84 (на арм. яз.).
- Лисициан С.Д.* Армяне Нагорного Карабаха. Этнографический очерк. Ер., 1992.
- Лисициан С.С.* Запись движения (Кинемография). М., 1940.
- Лисициан С.С.* Старинные пляски и театральные представления армянского народа // Автореф. дис. ... докт. ист. наук. Ер., 1956.
- Лисициан С.С.* Старинные пляски и театральные представления армянского народа. Ер., 1958. Т. I; Ер., 1972. Т. II.
- Лисициан С.С.* Армянские старинные пляски. Ер., 1983.
- Лисицина Г.А., Приципенко Л.В.* Палеоботанические находки Кавказа и Ближнего Востока. М., 1977.
- Лиценбергер О.А.* Армяне Саратовской области // Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции. М., 2008. С. 197–199.
- Лосев А.Ф.* Античная музыкальная эстетика. М., 1960.
- Любин В.П.* Проблемы первичного заселения человеком Кавказа и Евразии // Археологические вести. СПб., 1998. № 5. С. 15–41.
- Майничева А.Ю.* Армяне современного Новосибирска // Диаспоры. М., 2000. № 1–2. С. 145–159.
- Малхасян М.* Армянская диаспора. Ер., 2007 (на арм. яз.).
- Малхасянц С.С.* Толковый словарь армянского языка. Ер., 1941. Т. I; Ер., 1944. Т. II (на арм. яз.).
- Мамиконян Ован.* История Тарона. Ер., 1941 (на арм. яз.).
- Мамулов С.С.* Армяне в Грузии. М., 1995; 2-е изд. М., 1997.
- Манандян Я.А.* Города Армении в X–XI столетиях. Ер., 1940.
- Манандян Я.А.* Тигран Второй и Рим. В новом освещении по первоисточникам. Ер., 1943.

- Манандян Я.А.* Критический обзор истории армянского народа. Ер., 1944. Т. 1; Ер., 1957. Т. II, ч. I; Ер. 1960. Т. II, ч. II; Ер. 1952. Т. III (все на арм. яз.).
- Манандян Я.А.* О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей с древних времен (Vв. до н.э.–XVв. н.э.). Ер., 1954. 2-е изд., перераб. и доп.
- Манандян Я.А.* Сообщения хеттских, ассирийских, урартских и древнеармянских источников о Хайаса-Аззи. // О некоторых спорных проблемах истории и географии древней Армении. Ер., 1956. С. 68–155.
- Мандакунни Ов.* Речи. Венеция, 1860 (на древнеарм. яз.).
- Манукян А.С.* Политические репрессии в Армении 1920–1953 гг. Ер., 1999 (на арм. яз.).
- Манукян М.Т.* Гусаны Армении. М., 1977.
- Манукян М.Т.* Народные аветисы. Ер., 1995 (на арм. яз.).
- Маргарян Н.М.* Выбор личного имени у восточных армян (XIX–XX вв.) (этнологическое исследование). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Ер., 2000 (на арм. яз.).
- Марко Поло.* Книга о разнообразии мира. М., 2005.
- Марр Н.Я.* Сборники притч Вардана. СПб., 1894–1899. Ч. 1–3.
- Марр Н.Я.* Крещение армян, грузин, абхазов и аланов святым Григорием (арабская версия) // ЗВО РАО, 1905. Т. XVI.
- Марр Н.Я.* Кавказский культурный мир и Армения. Пг., 1915; 2-е изд. Ер., 1995.
- Марр Н.Я.* Ани: книжная история города и раскопки на месте городища. М.; Л., 1934.
- Марр Н.Я.* Ани. Ер., 1939.
- Марр Н.Я., Орбели И.А.* Археологическая экспедиция 1916 г. в Ван. Пг., 1922.
- Мартиросян А.А.* Раскопки в Головино. Ер., 1954.
- Мартиросян А.А.* Город Тейшебаини. Ер., 1961.
- Мартиросян А.А.* Армения в эпоху бронзы и раннего железа. Ер., 1964.
- Мартиросян А.А.* Раскопки Аргиштихинили // СА. 1967. № 4. С. 225, 227.
- Мартиросян А.А.* От каменного века до Урарту. Ер., 1971 (на арм. яз.).
- Мартиросян А.А.* Первобытны иероглифы Армении и их урарто-армянские двойники. Ер., 1973 (на арм. яз.).
- Мартиросян А.А.* Аргиштихинили // Древние памятники Армении, 8. Ер., 1974 (на арм. яз.).
- Мартиросян А.А.* Печати мастеров на сосудах из Аргиштихинили // Древний Восток и мировая культура. М., 1981. С. 80–84.
- Мартиросян Н.А.* Отношение армянского с хеттским // Андес амсоря, 1924. № 9–10. С. 453–459 (на арм. яз.).
- Марутян А.Т.* Армянские традиционные зернохранилища (по этнографическим материалам) // ВОН. 1987. № 7. С. 65–76.
- Марутян А.Т.* Интерьер армянского народного жилища (вторая половина XIX – начало XX в.). Материалы к «Кавказскому историко-этнографическому атласу» // АЭФ. 1989. Т. 17. С. 63–142.
- Марутян А.Т.* Город Ахалцха. Вопросы этнической истории и традиционного жилища // ВОН. 1990. № 6. С. 19–33.
- Марутян А.Т.* «Домашний святой»: истоки и современные проявления // Армянские святые и святыни. Истоки, типы, культ. Ер., 2001. С. 337–346 (на арм. яз.).
- Марутян А.Т.* Иконография армянской идентичности. Память о Геноциде и Карабахское движение. Ер., 2009. Т. 1 (на арм. яз.).
- Марутян А., Саркисян Г., Харатян З.* К этнокультурной характеристике Арцаха // ВОН. 1989. № 3. С. 3–18.
- Марухян А.С.* Положение крестьянства в Армении до советизации (1900–1920). Ер., 1948 (на арм. яз.).
- Матевосян Р.И.* Армянские гербы: Багратиды, Захаряны, Мамиконяны. Ер., 2002.

- Матеосян В.* На южной стороне Земли. Армяне в Латинской Америке с начала и до 1950 г. Антилиас, 2005 (на арм. яз.).
- Матенадаран им. Маштоца / Сост. Б. Чугасян. Ер., 1980.
- Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис, 1885. Вып. 5. Т. 1, ч. 2.
- Материалы опросов 2005–2010 г. // Архив отдела этносоциологии ИАЭ НАН РА.
- Материалы по истории туркмен и Туркмении. Т. 1: Арабские источники VIII–XV вв. М.; Л., 1939.
- Мелетинский Е.М.* Введение в историческую поэтику эпоса и романа. М., 1986.
- Мелик-Бахиян С.Т.* Армянская палеография. Ер., 1987 (на арм. яз.).
- Мелик-Оганджян К.А.* Корюн и его «История Маштоца» // Корюн. Житие Маштоца. М., 1962. С. 7–70.
- Мелик-Пашиаян К.В.* Культ богини Анаит. Ер., 1963 (на арм. яз.).
- Мелик-Шахназаров Е.* Селение Арцеваник Зангезурского уезда Елисаветпольской губернии // СМОМПК. 1898. Вып. 25. Ч. 2. С. 1–58.
- Мелик-Шахназаряню К.К.* Возделывание лозы. Тифлис. 1902.
- Мелик-Шахназаряню К.К.* Ведомость сельскохозяйственного отдела Св. Эчмиадзина. Вагаршапат, 1908 (на арм. яз.).
- Меликишвили Г.А.* Наири-Урарту. Древневосточные материалы по истории народов Закавказья. Тб., 1954.
- Меликишвили Г.А.* Урартские клинописные надписи. М., 1960.
- Меликсет-Бек Л.М.* Происхождение Шушаник и место жительства // Грузинские источники об Армении и армянах / Пер. предисл. и примеч. Л. Меликсет-Бека. Ер., 1934. Т. 1.
- Меликсет-Бек Л.М.* Древняя Русь и Армения. Ер., 1954.
- Меликсетян О.У.* Депортация западных армян и репатриация армян в Советскую Армению (1915–1940 гг.). Ер., 1975 (на арм. яз.).
- Меликсетян О.У.* Взаимосвязь родина – спюрк и репатриация (1920–1980 гг.). Ер., 1985 (на арм. яз.).
- Меликян С.А.* Гаммы армянской народной музыки. Эривань, 1932.
- Меликян С.А.* Армянские народные песни и танцы. Ер., 1949. Т.1 (на арм. яз.).
- Меликян С.Г.* ПМА: Иджеванский р-н, 1981; Ноемберянский р-н, 1983; Тавушский р-н, 1984; Ехегнадзорский р-н, 1991; Вайкский р-н, 1993; Марз (область) Арагацотн, 2001.
- Мелконян У.А.* Цахац Кар // Археологические работы на новостройках Армении, 1. Ер., 1993. С. 149–158 (на арм. яз.).
- Мелконян У.А.* Раскопки позднебронзовых погребений Хнаберда // Культура Древней Армении. Ер., 2001. С. 28–31 (на арм. яз.).
- Мелконян У.А., Акоюн Н.Г.* Раскопки Ехегиса в 2001 г. // Культура Древней Армении, XII. Ер., 2003. С. 97–102 (на арм. яз.).
- Мелконян У.А., Шаинян С.В.* Раскопки в церкви Сурб Ованнеса Карапета // Научн. сессия, посвящ. результатам археологических раскопок в РА, 10. Ер., 1995. С. 60–61 (на арм. яз.).
- Мелконян Э.Л.* Сельские поселения конца XIX – начала XX в. // Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ер., 1983. С. 117–129.
- Мелконян Э.Л.* Армянская семья в условиях диаспоры // СЭ. 1988. № 6. С. 98–104.
- Мелконян Э.Л.* Диаспора в системе этнических меньшинств (на примере армянского рассеяния) // Диаспоры. М., 2000. № 1–2. С. 6–28.
- Мелконян Э.Л.* Армянская диаспора в ее сосуществовании с внешним миром. 1920–1950-е годы // ВОН. 2002. № 2. С. 70–82.
- Мелконян Э.* Миграции людей и идей: к характеристике взаимосвязей между Арменией и армянской диаспорой // Миграции на Кавказе. Материалы конференции. Ер., 2003. С. 69–82.

- Мелконян Э.Л.* Армянская апостольская церковь во взаимоотношениях Армении и диаспоры // Религия и политика на Кавказе. Ер., 2004. С. 31–53.
- Мелконян Э.Л.* Политические партии диаспоры и процессы демократизации в Армении // Диаспора, нефть и розы. Чем живут страны Южного Кавказа. Ер., 2005. С. 103–114.
- Мелконян Э.Л.* Роль этнических организаций в жизнедеятельности диаспоры // Дятлов В., Мелконян Э. Армянская диаспора. Очерки социокультурной типологии. Ер., 2009. С. 132–156.
- Мелконян Э.Л.* Социальные и культурные процессы в армянских общинах // Дятлов В., Мелконян Э. Армянская диаспора. Очерки социокультурной типологии. Ер., 2009. С. 44–106.
- Мелконян Э.Л.* Республика Армения и диаспора // Дятлов В., Мелконян Э. Армянская диаспора. Очерки социокультурной типологии. Ер., 2009. С. 157–185.
- Мелконян Э.Л.* Армянский Всеобщий благотворительный союз: неоконченная история. Ер., 2010.
- Меружсян А.* Древо познания. Виноделие в Армении // Анив. № 5(8). М., 2006. С. 14–19.
- Мец А.* Мусульманский ренессанс. М.: Л., 1973.
- Миграционные процессы в трансформируемом обществе. М., 1997.
- Миграция из Армении. Ер., 2003 (на арм. яз.).
- Микаелян Г.Г.* История Киликийского Армянского царства. Ер., 1952.
- Микаелян Г.Г.* История Киликийского Армянского государства. Ер., 2007 (на арм. яз.).
- Минасян А., Анчилова Б.* Трудовая эмиграция из Армении в 2002–2005 гг. Социологический опрос домохозяйств. Ер., 2005 (на арм. яз.).
- Минасян М.Г.* Армяне Причерноморья. Ер., 1990.
- Минасян Э.Г.* Социально-экономические преобразования в Республике Армения. Ер., 2003 (на арм. яз.).
- Мкртумян Ю.И.* Формы сообществ по выпасу скота в армянской деревне второй половины XIX в. // Материалы сессии, посвящ. итогам археол. и этнограф. исследований 1964 г. Тез. докл. Баку, 1965. С. 186–187.
- Мкртумян Ю.И.* К изучению форм скотоводства у народов Закавказья // ВОН. 1968. № 12. С. 12–22.
- Мкртумян Ю.И.* Формы скотоводства у народов Закавказья // Хозяйство и материальная культура народов Кавказа в XIX – начале XX в. Материалы к «Кавказскому историко-этнографическому атласу». М., 1971. Вып. 1. С. 116–135.
- Мкртумян Ю.И.* Формы скотоводства в Восточной Армении (вторая половина XIX – начало XX в.) Историко-этнографическое исследование // АЭФ. 1974. Вып. 6. С. 7–90.
- Мкртумян Ю.И.* Сельское жилище армян // Культура жизнеобеспечения и этнос. Опыт этнокультурологического исследования (на материалах армянской сельской культуры). Ер., 1983. С. 150–189.
- Мкртумян Ю.И.* ПЭМ. 1960–1980 гг. // Архив отдела этнографии ИАЭ. Фонд Ю.И. Мкртумяна.
- Мкртчян А.А.* Общественный быт армян Нагорного Карабаха (вторая половина XIX – начала XX в.). Ер., 2010.
- Мкртчян М.А.* Армянские народные песни странника. Ер., 1961 (на арм. яз.).
- Мкртчян Р.А.* Палеонтология Оромского могильника. Ер., 2001.
- Мкртчян Р.А. Аветисян П.С.* Палеоантропологические материалы из Урартских погребений в историко-археологическом контексте VIII–VI вв до н.э. Ер., 1996.
- Мкртчян Р.А., Пилипосян А.С., Паликян А.К.* Коллективное погребение эпохи средней бронзы Неркин Геташена (социокультурная характеристика) // ВОН. 1997. № 1 (594). С. 130–141.

- Мкртчян С.С.* Праздники в современном быту армян (этносоциологическое исследование) // АЭФ. 2007. Вып. 22. С. 131–237 (на арм. яз.).
- Мкртчян С.С.* Изменения праздничного и религиозного поведения тавушцев в контексте советского и постсоветского времени // Тавуш. Материальное и духовное наследие. Ер., 2009. С.166–175 (на арм. яз.).
- Мкртчян С.С.* Праздники. Армянские народные обряды, обычаи, поверья (Традиции и современность). Ер., 2010 (на арм. яз.).
- Мкртчян С.С.* Возрастные особенности религиозного поведения армян в контексте советского и постсоветского периода // Религиозные вызовы XXI в. и Армения. Материалы науч. конф. Ер., 2011. С. 79–83 (на арм. яз.).
- Мнацаканян А.О.* Археологические раскопки на осушенной территории озера Севан // СА. 1955. Вып. 23. С. 185–200.
- Мнацаканян А.О.* Лчашенские курганы (раскопки 1956 г.) // КСИА. 1961. Вып. 85. С. 66–72.
- Мнацаканян А.Ш.* Армянское орнаментальное искусство. Ер., 1955 (на арм. яз.).
- Мнацаканян А.Ш.* Армянские народные средневековые песни. Ер., 1956 (на арм. яз.).
- Мнацаканян А.Ш.* О литературе Кавказской Албании. Ер., 1969.
- Мнацаканян А.Ш.* Айрены. Ер., 1995 (на арм. яз.).
- Мнацаканян А.Ш.* О памятниках Тух Манук // Тух Манук. Материалы науч. конф. Ер., 2001. С. 91–109 (на арм. яз.).
- Мнацаканян С.А.* Некоторые вопросы организации строительного дела средневековой Армении и знаки мастеров-каменатесов // ИФЖ. 1958. № 3. С. 185–202 (на арм. яз.)
- Мнацаканян С.Х.* Архитектура сельских населенных мест Армении. Очерки. Ер., 1956 (на арм. яз.).
- Мнацаканян С.Х.* Охранительные символы в армянской средневековой скульптуре // ИФЖ. 1970. № 3. С. 185–202 (на арм. яз.).
- Мнацаканян С.Х.* Звартноц, памятник армянского зодчества VI–VII вв. М., 1971.
- Мовсесян А.А.* К палеоантропологии бронзового века Армении // БЖА НАН РА, 1990. № 4. С. 277–283.
- Мовсесян А.А., Кочар Н.Р.* Древнее население Армении и его участие в формировании армянского этноса (по данным о неметрических признаках на черепе) // Вестник антропологии. М., 2001. Вып.7. С. 95–116.
- Мосесова И.М.* Армяне Санкт-Петербурга // Элитарная газета. 1997. 15.11.
- Мровели Леонти.* Жизнь картлийских царей / Пер. Г.В. Цулая. М., 1979.
- Мурадян Г.* Амшенские армяне // Азгагракан хандес. Тифлис, 1899. Кн. 5. С. 361–406; Тифлис, 1900. Кн. 6. С.109–158 (на арм. яз.).
- Мурзаев Э.М.* Словарь народных географических терминов. М., 1984.
- Мхитар Гераци.* Утешение при лихорадках. Венеция, 1832 (на древнеарм.) / *Мхитар Гераци.* Утешение при лихорадках / Под ред. Л. Оганесяна. Ер., 1955.
- Мхитар Гош.* Армянский Судебник Мхтара Гоша. Вагаршапат, 1888 (на арм. яз.).
- Мхитар Гош.* Армянский Судебник. Мхтара Гоша / Пер. с древнеарм. А.А. Паповяна. Ред., вступ. ст. и примеч. Б.М. Арутюняна. Ер., 1954. Кн. 2.
- Мхитар Гош.* Албанская хроника. Баку, 1960.
- Мхитар Гош.* Приложение 2 // Новые Каланкатцаи. История страны Амуанк / Критич. текст и придисл. В.Д. Аракемяна. Ер., 1983. С. 250–257 (на арм. яз.)
- Мхитарянц А.* Крошки из амбаров Ширака // Эминский этнографический сб-к. М.; Александрополь, 1901. Т. 1. С.163- 237 (на арм. яз.) .
- Мшак (газ).* Тифлис, 1899. № 119 (на арм. яз.).
- Наапет Кучак.* Сто один айрен. Ер., 1975.
- Наапетян К.* Умирает старый быт в Вочхаберде // Анаствац. Ер., 1929. № 4 (на арм. яз.).

- Напетян Р.А.* Система народных верований в армянской семейной обрядности // ВОН. 1983. № 4. С. 54–64 (на арм. яз.).
- Напетян Р.А.* Семья и семейная обрядность армян Ахдзника. Ер., 2004 (на арм. яз.).
- Напетян Р.А.* Брачно-свадебные обычаи и обряды армян Ахдзника. Ер., 2007 (на арм. яз.).
- Напетян Р.А.* Традиционные обычаи и обряды рождения и ухода за младенцем у ахдзникских армян. Ер., 2011 (на арм. яз.).
- Нагорный Карабах в международном праве и мировой политике. Документы и комментарий / Сост., отв. ред., автор вступит. ст. проф. Ю.Г. Барсегов. М., 2008. Т. I.
- Нагорный Карабах в цифрах. Степанакерт, 2007 (на арм. яз.).
- Налбандян В.С.* Древняя и средневековая армянская литература (V–XVIII вв.) // Налбандян В.С., Саринян С.Н., Агабабян С.Б. Армянская литература. М., 1976. С. 7–155.
- Григор Мачистрос (Пахлавуни).* Послания / Сост., предисл. и коммент. К. Костанянца. Александрополь. 1910 (на арм. яз.).
- Нарекаци [Григор Нарекаци].* Таги; Ер., 1957 (на арм. яз.).
- Народное хозяйство Армянской ССР в 1924–1925 и 1925–1926 гг. Ер., 1927 (на арм. яз.).
- Народы Армянской Советской Социалистической Республики // Народы Кавказа. Т. 2: Серия «Народы мира: этнографические очерки». М., 1962. С. 435–616.
- Население Еревана. Этносоциологические исследования. Ер., 1986.
- Население Закавказья. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Тифлис, 1928.
- Население союзных республик. М., 1977.
- Население СССР 1987. Статистический сборник. М., 1988.
- Населенные пункты и население Армянской ССР с 1831 по 1959 гг. (статистический сборник). Ер., 1962.
- Национальные меньшинства РА сегодня. Ер., 2000 (на арм. яз.).
- Национальные меньшинства РА в современных условиях гражданского общества, 2. Ер., 2005 (на арм. яз.).
- Национальный атлас Армении. Т. 1. Ер., 2007; Т. 2. Ер., 2008 (на арм. яз.).
- Науменко Е.* Елисаветпольская губерния. Военно-статистическое описание. Тифлис, 1903.
- Неймарк Н.* Пламя ненависти. Этические чистки в Европе в XV в. М.; СПб., 2005.
- Некрасова Е.А.* Неосуществленный замысел 1920-х годов создания «Словаря символов» и его первый выпуск // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник. Л., 1982. С. 99–115.
- Никифоров Н.К.* Экономический быт государственных крестьян в западной части Нахичеванского уезда Эриванской губ. // МИЭБГКЗК. Тифлис, 1885. Т. I. Вып. 5. С. 529–608.
- Ниманд.* (Х. Самвелян). Хачверец // Анаствац. Ер., 1928. С. 3–8 (на арм. яз.).
- Ниманд.* Матах // Анаствац. Ер., 1928. № 5–6 (на арм. яз.).
- Ниманд.* Великий пост // Анаствац. Ер., 1929. № 1–2 (на арм. яз.).
- Ниманд.* Воскресение Христа. Праздник Богородицы // Анаствац. Ер., 1929. № 7 (на арм. яз.).
- Ниманд.* Вардавар // Анаствац. Ер., 1930. № 6–7 (на арм. яз.).
- Ниманд.* Церковные праздники. Ер., 1941 (на арм. яз.).
- Новая тетрадь, названная увещанием. Ер., 1991 (на арм. яз.).
- Новый словарь древнеармянского языка. Венеция, 1837. Т. 2.; факсимильное изд. Ер., 1981.
- Нор дар (газ.). Тифлис, 1885. № 139.
- Обзор Елисаветпольской губернии за 1892 г. Тифлис, 1893; то же за 1895 г. Тифлис, 1896; то же за 1901 г. Тифлис, 1902; то же за 1906 г. Елисаветполь, 1909; то же за 1910 г. Тифлис, 1912; то же за 1913 г. Тифлис, 1915.

- Обзор Каресской области за 1894–1910 гг. (Кн. 1–12). Карс, 1895–1911.
- Обзор переселенческого дела на Кавказе за пятилетие 1908–1912 гг. СПб., 1913.
- Обзор Тифлисской губернии за 1906–1914 гг. (Кн. 1–6). Тифлис, 1908–1915.
- Обзор Эриванской губернии за 1897 г. Эривань, 1898; то же за 1901. Эривань, 1902; то же за 1904. Эривань, 1905; то же за 1906. Эривань, 1907; то же за 1908. Эривань, 1909; то же за 1912. Эривань, 1913; то же за 1913. Эривань, 1914; то же за 1914. Эривань, 1915.
- Обозрение Российских владений за Кавказом в историческом, финансовом, этнографическом отношениях. СПб., 1836. Ч. 1–4.
- Обосян С.Г.* ПМА: Лори-Тавуш, 2003.
- Обосян С.Г.* Культура производства растительного масла у армян. XIX – первая половина XX в. (историко-этнографическое исследование) // АЭФ. 2007. Вып. 23. С. 7–84 (на арм. яз.).
- Ованес Одзнеци.* Сочинения. Ер., 1999 (на арм. яз.).
- Ованнес Тлкуранци.* Тагагирк. Иерусалим. 1958 (на арм. яз.).
- Ованнисян А.Г.* Налбандян и его время. Ер., 1955. Т.1 (на арм. яз.).
- Ованнисян В.А.* Серебряный кубок из Карашамба // ИФЖ. 1988. № 4. С.145–161.
- Овнан Мамиконян.* История Тарона / Подг. к изд. и предисл. А. Абрамяна. Ер., 1941; *Он же.* 1989 (на арм. яз.).
- Овсепян Г.* Всеспаситель Авуц Тар и одноименные памятники в армянском искусстве. Иерусалим, 1937 (на арм. яз.).
- Овсепян О.А.* Армяне Карадага. Этнография // Этнографическое и фольклорное наследие, 1. Ер., 2009. Т. 1. С. 5–501. (на арм. яз.).
- Овсепян Р.* Палеоботанические материалы Араташенского неолитического поселения (предварительные результаты исследований 2003–2004 гг.) // Культура Древней Армении, XIII. Материалы респуб. науч. конф. Ер., 2005. С. 51–53.
- Оганян М.* Проблемы демографии Армении. Ер., 1997.
- Оганесян Г.В.* Театр средневековой Армении. Ер., 1978 (на арм. яз.).
- Оганесян Г.В.* Древнеармянская драма и ее модификации. Ер., 1990 (на арм. яз.).
- Оганесян К.Л.* Кармир-Блур, IV. Архитектура Тейшебаини. Ер., 1955.
- Оганесян К.Л.* Урартское поселение в селе Арагац // ИАН. 1958. № 4. С. 78–82.
- Оганесян К.Л.* Раскопки урартского города Эребуни // СА. 1960. № 3. С. 289–300.
- Оганесян К.Л.* Арин-берд I // Археологические раскопки в Армении, 9. Ер., 1961.
- Оганесян К.Л.* Город Эребуни // ИФЖ. 1968, № 3. С. 3–13.
- Оганесян К.Л.* Эребуни. К 2750-летию основания Еревана. Ер., 1968.
- Оганесян П.А.* Армянское освободительное движение (середина XV – конец XVIII в.). Ер., 2010 (на арм. яз.).
- Одабашян А.А.* Народные верования армян (по материалам рукописных талисманов XV–XIX вв.) // КЭС. 1976. Т. 6. С. 107–130.
- Одабашян А.А.* Аманор в армянском народном праздничном календаре // АЭФ. 1978. Вып. 9. С. 7–72 (на арм. яз.).
- Орбели И.А.* Бытовые рельефы на крестных камнях Хачена XII–XIII веков // Зап. ЗВОРАО. Импер. рус. археол. общ-ва. 1915. Т. 22. Вып. 3–4. С. 327–335.
- Орбели И.А.* Багаванский храм и его надписи // Христианский Восток. Пг., 1917. С.128–140.
- Орбели И.А.* Предисловие // Сасунци Давид (Давид Сасунский). Героический эпос. Ер., 1961 (на арм. яз). С. III–LXI.
- Орбели И.А.* Баян и скоморох XII в. // Избранные труды. Ер., 1963. С. 316–322.
- Орбели И.А.* Городище Ани и его раскопки // Избранные труды. Ер., 1963. С. 1–132.
- Орбели И.А.* Из истории культуры и искусства Армении X–XIII вв. Избранные труды. М., 1968. Т. I.
- Орбели И.А.* Фольклор и быт Мокса. М., 1982.

- Орбелян [Степанос Орбелян]* История Сюника. Ер., 1986 (на арм. яз.).
- Орманиан М.* Армянская церковь, Ее история, учила, управление внутреннй строй, литургия, литература, ее настоящее / Пер. с фр. Б. Рунта / Изд. А. Будагова. М., 1913.
- Орманиан М.* Ритуальный словарь. Ер., 1992 (на арм. яз.).
- Очерк армянской музыкальной истории. Ер., 1935. (на арм. яз.).
- Очерки по истории среднеармянского литературного языка. Ер., 1972–1975. Т. 1–2.
- Паласанян С.* История армянской литературы. Тифлис, 1865. Т. I (на арм. яз.).
- Паласанян С.* История Армении от начала до наших дней. Тифлис, 1902 (на арм. яз.).
- Паликян А.К.* Новые палеоантропологические материалы с территории Армении // БЖА. 1990. № 4. С. 296–300.
- Памятная книга Елисаветпольской губ. на 1914 г., Тифлис, 1914.
- Памятная книга Эриванской губ. на 1906 г. Эривань, 1906; Памятная книга Оравайской губ. на 1908. Эривань, 1908.
- Панасенко С.П.* Герб Армении (Киликии) // Гербовед (Журнал Всеросс. геральдического общества). 1998. № 3 (29). С. 126–133.
- Папазян Е.* Армянская одежда. Ер., 2002 (на арм. яз.).
- Папухян Н.Ц.* Народное зодчество Сюника. Ер., 1972 (на арм. яз.).
- Парпеци [Лазар Парпеци].* История Армении. Венеция, 1981 (на древнеарм. яз.); [*Лазар Парпеци*] История Армении / Пер. с древнеарм. и коммент. Б. Улубаяна. Ер., 1982 (на арм. яз.).
- Парпеца [Лазар Парпеци].* История Армении Лазара Парпеци и послание к Ваану Мамиконяну / Подгот. текста Г. Тер-Мкртчяна и Ст. Малхасянца. Тифлис, 1904 (на арм. яз.).
- Парсаян В.А.* История армянского народа. 1801–1900 г. Кн. I. Ер., 1972.
- Патканов К.П.* Драгоценные камни, их названия и свойства по понятиям армян в XVII в. 2-е изд. Ер., 1979.
- Патрик А.* Армянская одежда с древнейших времен до наших дней. Исследование и рисунки Альбама Аракела Патрика. Ер., 1967 (на арм., рус. и франц. яз.).
- Патрик А.* Армянские исторические знамена // ИФЖ. 1967. № 1. С. 64–71 (на арм. яз.).
- Пахлеванян А.А.* Поющиеся фрагменты народного эпоса «Сасунские безумцы» в записи Комитаса // Саакян А.Ш., Пахлеванян А.А. Богатырский эпос «Сасунские безумцы». Мифологическая основа, эпическая структура и способ сказывания. Пасадена, 1996. С. 93–105 (на арм. яз.).
- Пахлеванян А.А.* Современные принципы нотирования и возможности реставрации песенного типа (на примере «горани») // Традиции и современность. Вопросы армянской музыки. Ер., 1996. Кн. 2. С. 109–126.
- Пахлеванян А.А.* Новые записи эпического сказа «Карос хач». Ер., 2004.
- Первая всеобщая перепись населения Российской империи. 1897 г. // Карсская область. СПб., 1904. Кн. 64; Кутаисская губерния. СПб., 1905. Кн. 65; Бакинская губерния. СПб., 1904. Кн. 61; Елисаветпольская губерния. СПб., 1904. Кн. 63; Тифлисская губерния. СПб., 1905. Кн. 69; Эриванская губерния. СПб., 1905. Кн. 71.
- Переводчикова Е.В., Раевский Д.С.* Еще раз о назначении скифских наверший // Средняя Азия и ее соседи в древности и средневековье (история и культура). М., 1981. С. 41–52.
- Периханян А.Г.* Храмовые объединения Малой Азии и Армении (IV в. до н.э. – III в. н.э.). М., 1959.
- Перриш К., Оул Дж.* Образцы музыкальных форм от григорианского хора до Баха. Л., 1975.
- Песенник / Сост. В. Чакмишян. Ер., 1993 (на арм. яз.).

- Песни армянского театра. Тифлис, 1863 (на арм. яз.).
- Петоян В.А.* Этнография Сасуна. Ер., 1965 (на арм. яз.).
- Петросян А.Е.* Армянские этнонимы в свете мифологических данных // Междисциплинарные исследования культурогенеза и этногенеза Армянского нагорья и сопредельных областей. Сб. докл. Ер., 1990. С. 234–245.
- Петросян А.Е.* Тух Манук. Древнейшие истоки // Тух Манук. Материалы науч. конф. Ер., 2001. С. 21–43. (на арм. яз.).
- Петросян А.Е.* Армянской эпос и мифология. Ер., 2002.
- Петросян А.Е.* Вопросы этногенеза армян Ер., 2006 (на арм. яз.).
- Петросян А.Е.* О происхождении армянского народа: проблема идентификации проармян (критический обзор) // Армянский вестник. М., 2009. 2/3–1. С. 66–102.
- Петросян А.М.* Некоторые аспекты изучения музыкальной структуры армянской свадьбы // Вопросы армянского искусства. Сб-к статей. Ер., 2006. С. 386–393.
- Петросян А.С.* Культура шелководства у армян. Ер., 1987 (на арм. яз.).
- Петросян Г.Л.* Гарни в IX–XIV вв. Ер., 1988 (на арм. яз.).
- Петросян Г.Л.* К интерпретации группы сюжетных рельефов на хачкарах Арцаха // ИФЖ. 1997. № 2. С. 164–171 (на арм. яз.).
- Петросян Г.Л.* Иконография хачкаров Джуги // ИФЖ. 2004. № 1. С. 63–80 (на арм. яз.).
- Петросян Г.Л.* Хачкар: генезис, функции, иконография, семантика. Ер., 2008 (на арм. яз.).
- Петросян Г.Л.* Монастырь Андаберд и его раскопки. Ер., 2009 (на арм. яз.).
- Петросян Л.Н.* Армянский народный транспорт // АЭФ. 1974. Вып. 6. С. 93–158 (на арм. яз.).
- Петросян Л.Н.* Культурно-исторические истоки армянского традиционного транспорта // АЭФ. 2007. Вып. 22. С. 241–257 (на арм. яз.).
- Петросян Э.Х.* Театральные черты в средневековых армянских миниатюрах // АЭФ. 1975. Вып. 7. С. 127–194.
- Петросян Э.Х.* Сюжеты и образы народного драматического творчества армян // Фольклорный театр народов СССР. М., 1985. С. 171–190.
- Петросян Э.Х.* Змеоборческий мотив в обрядовых танцах недели Громовержца // Народный танец. Проблемы изучения. СПб., 1991. С. 95–105.
- Петросян Э.Х.* Мед – Непорочная Пчела – Богородица // Армянские святые и святыни. Истоки, типы, культ. Ер., 2001. С. 377–382 (на арм. яз.).
- Петросян Э.Х.* Праздничный цикл мужских армян Джавахка // Керон. Материалы науч. конф. Ер., 2002. С. 189–193 (на арм. яз.).
- Петросян Э.Х.* Элементы плачей в эпосе Сасна Црер // The Armenian Epic «Dardevils of Sassoun» and the World Epic Heritage. Ер., 2004. С. 146–148.
- Петросян Э.Х.* Боги и ритуалы Древней Армении. Ер., 2004.
- Петросян Э.Х.* Этнопсихологические особенности космогонии армян Арцаха // Сб. науч. ст. Ер., 2006. С. 505–511.
- Петросян Э.Х.* Этимология региональных имен «Невесты Дождя» – Цовинар // Актуальные проблемы литературы и культуры. Вопросы филологии. Ер., 2008. Вып. 2. С. 316–327.
- Петросян Э.Х.* Шара и Астхик – верховные боги Ширака // ИФЖ. 2007. № 3. С. 193–206.
- Петросян Э.Х., Хачатрян Ж.К.* Собрание произведений армянского танцевального фольклора // СЭ. 1965. № 1. С. 155–158.
- Петросян Э.Х., Хачатрян Ж.К.* Календарные праздники и игры амшенских армян // Амшен и амшенцы. Ер.; Бейрут, 2007. С. 223–246 (на арм. яз.).
- Петросян Э.Х., Хачатрян Ж.К.* Армянский народный танец. М., 1980.
- Пикичян Р.В.* Земледельческая обрядность в контексте «хоровелов» // Андэс амсоря. 2002. С. 441–461 (на арм. яз.).
- Пикичян Р.В.* Музыка в армянском традиционном свадебном обряде // Вопросы армянского искусства. Ер., 2006. Т. 1. С. 243–265 (на арм. яз.).

- Пилипосян А.С., Мкртчян Р.А.* Вантоспская (урартская) пещерная гробница Геховита. Ер., 2001 (на арм., рус. и англ. яз.).
- Пиотровский Б.Б.* История и культура Урарту. Ер., 1944.
- Пиотровский Б.Б.* О происхождении армянского народа. Ер., 1946.
- Пиотровский Б.Б.* Археология Закавказья с древнейших времен до I тысячелетия до н.э. Л., 1949.
- Пиотровский Б.Б.* Кармир-Блур. I: Археологические раскопки в Армении. Ер., 1950; II: Результаты раскопок 1949–1950 гг. Ер., 1952; III: Ер., 1955.
- Пиотровский Б.Б.* Развитие скотоводства в древнейшем Закавказье М., 1955.
- Пиотровский Б.Б.* Древнеегипетские предметы, найденные на территории Советского Союза // СА.1958. № 1. С. 20–27.
- Пиотровский Б.Б.* Ванское царство (Урарту). М., 1959.
- Пиотровский Б.Б.* Искусство Урарту. VIII–VI вв. до н.э. М.; Л., 1962.
- Пиотровский Б.Б.* Урартские надписи из раскопок Кармир Блура (Вместо предисловия) // *Дьяконов И.М.* Урартские письма и документы. М.; Л., 1963. С. 3–14.
- Пипоян Л.С.* Типы народного жилища северо-восточных районов Советской Армении // ВОН. 1983. № 11. С. 47–54.
- Пиралов А.С.* Кустарная промышленность Закавказских республик // Закавказье. Статистико-экономический сб. Тифлис, 1925. С. 371–401.
- Платон.* Республика // Сочинения. М., 1929. Т. X.
- Платон.* Сочинения. М., 1971. Т.3.
- Плутарх.* Сравнительные жизнеописания. Марк Красс. СПб., 1892. Т.V.
- Плутарх.* О музыке. Пг., 1922.
- Плутарх.* Сравнительные жизнеописания: в 2 т. / Изд. подгот. С.С. Аверинцев и др. М., 1994.
- Плутарх.* Избранные жизнеописания. М., 1987. Т. II.
- Поверья и предания, относящиеся к шелководству в некоторых местностях Закавказья // Кавказ. Тифлис, 1891.
- Погосян А.А.* По поводу кульгово-ритуальной значимости ковра // ИФЖ. 2000. № 1. С. 175–184 (на арм. яз.).
- Погосян А.А.* К вопросу о возникновении ковроткачества в Армении // ИФЖ. 2001. № 2. С. 236–250 (на арм. яз.).
- Погосян А.А.* О происхождении и ареалах распространения вишапагоргов // Андэс амсоря. Вена, 2004. № 1–12. С. 367–415 (на арм. яз.).
- Погосян А.А.* О происхождения ковра Пазирик // Эчмиадзин. 2008. № 12. С. 63–79 (на арм. яз.).
- Погосян А.Г.* Сельское расселение РА. Ер., 1996.
- Погосян А.М.* Карсская область в составе России. Ер., 1983.
- Погосян В.* Армянские погромы 1909 г. в Киликии сквозь призму французской историографии. Ер., 2009 (на арм. яз.).
- Погосян Г.А.* Армянское общество в трансформации. Ер., 2003.
- Погосян Д.А.* Сельскохозяйственная оценка природных ресурсов территории Армянской ССР. Ер., 1986.
- Погосян Л.А.* Армянская колония Армавира. Ер., 1981.
- Погосян С.Г.* Традиционный костюм у армян Ширака и Джавахка. Автореф. дисс... канд. ист. наук. Ер., 1994 (на арм. яз.).
- Погосян С.Г.* Восточноармянский мужской костюм в общекавказском комплексе традиционной одежды // Археология, этнология и фольклористика Кавказа. Материалы междунар. конф. Ереван, 17–18 октября 2003 г. Первопрестольный Св. Эчмиадзин, 2003. С. 227–230.
- Погосян С.Г.* Опыт характеристики армянского похоронного и траурного снаряжения // Тез. докл. Респуб. науч. сессии. Ер., 1987. С. 71 (на арм. яз.).

- Погосян С.Г.* Свадебная одежда Ширака и Джавахка // ВЕУ. 1991. № 3. С.132–142 (на арм. яз.).
- Погосян С.Г.* Женский банный ритуал у армян // Лавровские (среднеазиатско-кавказские) чтения 1996–1997 г. Кратк. содерж. докл. СПб., 1998. С.120–122.
- Погребова М.Н.* Закавказье и его связи с Передней Азией в скифское время. М., 1984.
- Полатян А.* История армянской общины Арабкира. Нью-Йорк, 1969 (на арм. яз.).
- Полибий.* Всеобщая история: в 40 кн. / Пер. Ф.Г. Мищенко. М., 1890–1899.
- Поэзия Армении с древнейших времен до наших дней / Вступит. ст., примеч. и под ред. В. Брюсова. М., 1916.
- Потосян А.А.* Сельское расселение Республики Армения. Ер., 1999 (на арм. яз.).
- Празднование 1 мая в Ереване // Мачкал. Ер., 1924. 6 мая (на арм. яз.).
- Проблемы генерального плана Армении // Экономический вестник Армении. 1927. № 1. С. 14, 15.
- Проблемы исследования семьи. Материалы республиканской научной сессии, посвященной памяти Э.Т. Карапетян. Ер., 2001 (на арм. яз.).
- Проконий Кесарийский.* Война с персами. Война с вандалами. Тайная история. СПб., 1998.
- Просян П.* Собрание сочинений. Ер., 1953. Т. 2 (на арм. яз.).
- Пселл М.* Хронография / Пер. ст. и примеч. Л.Ю. Любарского. М., 1978.
- Пузанов Ю.Е.* Вопросы экономического развития // Армения. Проблемы независимого развития. М., 1998. С. 227–252.
- Публий Корнелий Тацит.* Анналы. Малые произведения. История. М., 2003 г.
- Райко Н.* О шелководстве // Кавказ. Тифлис, 1854. № 55.
- Рак И.В.* Зороастрийская мифология. СПб.; М., 1998.
- Рассказы о бедности / Под ред. Гр. Харатян. Ер., 2001. Кн. I; 2007. Кн. II (на арм. яз.).
- Раффи.* Меликства Хамсы (1600–1827). Материалы для новой армянской истории / Пер. с арм. Л.М. Казаряна, предисл. Б.А. Улубабяна. Ер., 1991.
- Рево О.* Гербы городов Грузино-Имеретинской губернии // Наука и жизнь. М., 2001. № 8. С. 22–31.
- Результаты переписи населения Республики Армения 2001 г. (Показатели РА) Ер., 2003 (на арм., англ., рус. яз.).
- Реклю Э.* Лазистан, Армения и Курдистан. Вагаршалат, 1893 (на арм. яз.).
- Республика Армения. 1918–1920 гг. (политическая история). Сб. док. и мат. Ер., 2000 (на арм. яз.).
- Родина. Нотированный (европейскими нотами) сборник песен. Посвящение бессмертной памяти героев армянской национально-освободительной борьбы. Бостон, 1908 (на арм. яз.).
- Российский государственный архив социально-политической истории. (РГАСПИ). Ф. 64 (Кавказское бюро ЦК РКП(б)). Оп. 2. Д. 29. Л. 58–62; Оп. 2. Д. 1. Л. 17 (ЦК КПСС); Оп. 13. Д. 384. Л. 66–67.
- Рубен .* Воспоминания армянского революционера. Тегеран, 1982. Т. 7 (на арм. яз.).
- Руденко С.И.* Древнейшие в мире художественные ковры и ткани. М., 1968.
- Русские источники о геноциде армян в Османской империи 1915–1916 гг. (Сб. док. и мат.). Ер., 1995. Вып. I.
- Саакян А.* Армянская поэзия позднего Средневековья (XVI–XVIII вв.). Ер., 1988 (на арм. яз.).
- Саакян А.С.* История Карос хача // Карос хач. Ер., 2000. С. 5–14 (на арм. яз.).
- Саакян А.С.* Культ креста в контексте армянского народного христианства // СЭ. 1991. № 2. С. 61–70.
- Саакян А.С., Акоюн Н.А.* Средневековая армянская народная культура как источник формирования хачкаров // Четвертый междунар. симпозиум по армянскому искусству. Тез. докл. Ер., 1985. С. 231, 232.

- Саакян А.С.* Хачкары – этнокультурные памятники средневековой Армении // Историко-этнографические исследования по фольклору. М., 1994. С. 214–237.
- Саакян А.Ш.* Сравнительное исследование вариантов «Сасна Црер». Ер., 1975 (на арм. яз.).
- Саакян А.Ш.* Мифологическая основа и эпическая структура // *Саакян А.Ш., Пахлевомян А.А.* Богатырский эпос «Сасунские безумцы». Мифологическое содержание, эпическая структура и способ сказывания. Пассада, 1996. С. 5–92 (на арм. яз.).
- Сагателов М.* Экономические очерки Эриванской губернии и озеро Гокча. Тифлис, 1879.
- Садоян В.* Этнографические материалы Еревана и окрестностей // Архив ИАЭ. № 118. Д. 1 (на арм. яз.).
- Саинян А.А.* Архитектура античных сооружений Гарни. Ер., 1988.
- Самуэлян Х.С.* Культура Древней Армении. Т. 2: Бронзовый и ранний железный век. Материальная культура. Ер., 1941 (на арм. яз.).
- Сантросян М.А.* История Нерсисянской школы. Ер., 1981 (на арм. яз.).
- Сараджева Л.А.* Армяно-славянские лексико-семантические параллели. Ер., 1986.
- Саргсян А.* Балу. Каир, 1932 (на арм. яз.).
- Саргсян Н.Г.* Феерия «Джангюлум» Хр. Кара-Мурзы // ВЕУ. 1999. № 2. С. 130–149 (на арм. яз.).
- Саргсян С.М.* Барельефы строителей Мренской церкви // ИФЖ. 1966. № 4. С. 241–250.
- Саргсян С.* Праздничные дни // Нор Гехи (этнографический сборник). Бейрут, 1965. Т. 2 (на арм. яз.).
- Саргсян-Худобабян К.М.* Армяно-фригийские и армяно-хеттские связи в аспекте музыкального знания // Armenian Studies today and development perspectives. Yerevan, 2003. С. 182, 183.
- Сардарян С.А.* Первообычное общество в Армении. Ер., 1967 (на арм. яз.).
- Саркисян Г.Г.* Этнический состав населения Армянской области (1828–1840) // ВЕУ. 1986. № 2. С. 109–115.
- Саркисян Г.Г.* Население Ереванской губернии за 50 лет (1850–1900 гг.) // ВЕУ. 1990. № 1. С. 114–121 (на арм. яз.).
- Саркисян Г.Г.* Переселение западных армян в Восточную Армению после 1915 г. // Геноцид армян. Исследования. Ер., 2001. С. 128–167 (на арм. яз.).
- Саркисян Г.Г.* Население Восточной Армении в XIX – начале XX в. Этнодемографическое исследование. Ер., 2002.
- Саркисян Г.Г.* Армянское население Тифлисской губернии во второй половине XIX в. // Вопросы армянской истории. Сб. науч. тр. Ер., 2005. С. 95–108 (на арм. яз.).
- Саркисян Г., Худавердян К., Юзбабян К.* Потомки Хайка. Очерк истории и культуры Армении с древнейших времен до становления Третьей республики. Ер., 1998.
- Саркисян Г.Х.* Тигранакерт. Из истории древнеармянских городских общин. М., 1960.
- Саркисян Г.Х.* «История Армении» Мовсеса Хоренаци. Ер., 1986.
- Саркисян Г.Х.* Урартская держава и армяне // Урарту-Армения. Ер., 1988 (на арм. яз.).
- Саркисян Г.Х.* Этимология имен собственных в истории Мовсеса Хоренаци // ИФЖ. 1998. № 1–2. С. 113–128 (на арм. яз.).
- Саркисян Г.Х.* Введение // *Мовсес Хоренаци.* «История Армении». Ер., 1990. С. VII–L.
- Саркисян Д.Н.* Страна Шубриа. Ер., 1989.
- Саркисян Е.К.* Административная и демографическая политика османского правительства в Западной Армении // Страны и народы Ближнего и Среднего Востока. Ер., 1970. Т. V. С. 357–380.

- Саркисян Е.С.* Гончарное искусство Армении. Ер., 1978 (на арм. яз.).
- Сармакешян Г.* У самого Тихого Дона. Жизнь диаспоры // Коммунист. Ер. 1990. 23.05.
- Сарьян-Арутюнян А.А.* Армянское городское народное песенное искусство (XIX–XX вв.) // АЭФ. 1973. Вып. 4. С. 85–175 (на арм. яз.).
- Сасунские удалцы. Армянский народный эпос. Избранные варианты / Пер. К. Мелик-Оганджяна. Ер., 2004.
- Сатутин К.* Отчет о поездке в Зангезурский уезд // Труды кавказской шелководческой станции. Тифлис, 1894. Вып. I. Т. VII.
- Саят-Нова.* Сборник песен. Ер., 1963 (на арм. яз.).
- Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1895. Вып. 62.
- Сборник сведений по виноградарству и виноделию на Кавказе. Эриванская губ. Тифлис, 1896. Вып. 6.
- Сборник сведений о Кавказе. Тифлис. 1871. Т. 1; 1878. Т. 4; 1879. Т. 5; 1880. Т. 7.
- Сборник статистических данных о землевладении и способах хозяйства в пяти губерниях Закавказского края. Тифлис, 1899.
- Сборник статистических сведений по Закавказскому краю. Тифлис, 1902.
- Свазлян В.Г.* Геноцид армян (свидетельства очевидцев). Ер., 2000 (на арм. яз.).
- Свазлян В.Г.* Геноцид армян: свидетельства очевидцев. 2-е изд., доп. Ер., 2011 (на арм. яз.).
- Свазян Г.С.* История страны Алуанк (с древнейших времен по VIII век). Ер., 2009.
- Свод армянских надписей. Городище Ани / Сост. И.А. Орбели. Ер., 1960. Вып. I; Горис, Сисиан, Кафан / Сост. С.Г. Бархударян. Ер., 1966. Вып. II; Ехегнадзор, Азизбеков / Сост. С.Г. Бархударян. Ер., 1967. Вып. III; Гехаркуник (Камо, Мартуни, Варденис) / Сост. С.Г. Бархударян. Ер., 1973. Вып. IV; Арцах / Сост. С.Г. Бархударян. Ер., 1982. Вып. V; Иджеван / Сост. С.А. Авагян и Р.М. Джанполадян. Ер., 1977. Вып. VI; Украина, Молдова / Сост. Г.М. Григорян. Ер., 1996. Вып. VII (на арм. яз.). Российская Федерация / Сост. Г.М. Григорян. Ер., 1999. Вып. VIII. (на арм. яз.).
- Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 г. Тифлис, 1893.
- Святые и святыни. Истоки, типы, культ. Ер., 2001 (на арм. яз.).
- Себастици [Гукас Себастици].* Давид-Бек или история войны капанцев. Ер., 1992. (на арм. яз.)
- [*Себеос.*] История епископа Себеоса / Пер. с четвертого арм. издания на русский. Малхасяна. Ер., 1939; *Он же.* Ер., 1971 (на арм. яз.) / Подг. к изд. Г.В. Абгарян. *Он же.* Ер., 1979 / Подгот. к изд. Г.В. Абгарян (на арм. яз.).
- Сегал И.Л.* Крестьянское землевладение. Тифлис, 1912 (на арм. яз.).
- Сельское хозяйство Армянской ССР. Статистический сборник. Ер., 1969.
- Сехбосян К.В.* Ремесленнические традиции и их проявления в быту ленинканцев // АЭФ. 1974. Вып. 6. С. 159–252.
- Сеф С.* Правда о Шамхоре 7–12 января 1918 г. Тифлис, 1927.
- Сизов И.А.* Эволюция культуры льна // Проблемы ботаники. М.; Л., 1955. Т. 2. С. 113–166.
- Сильницкий Фр.* Национальная политика КПСС (1917–1922 гг.). Проблемы Восточной Европы. М., 1990.
- Симеон Ереванци.* Календарь, предварительно упорядоченный Святым Сааком Партевом согласно традиции Армянской Первопрестольной церкви. Вагаршапат, 1904 (на арм. яз.).
- Симонян А.Гр.* Борьба за сосуществование в Зангезуре в 1920–1921 гг. Ер., 2000 (на арм. яз.).

- Симонян Гр.Р.* На путях освободительной борьбы. Ер., 2003. Кн. I; *Он же.* Ер., 2009. Кн. III (на арм. яз.).
- Симонян Гр.Р.* Массовые избиения армян в Киликии (апрель 1909 г.). Ер., 2009 (на арм. яз.).
- Симонян Л.Д.* Календарно-обрядовый цикл. Ер., 2006. Кн. I; *Он же.* Ер., 2007. Кн. II (на арм. яз.).
- Синягин И.И.* Кунжут: районы и приемы разведения. М.; Л., 1931.
- Смбат Спарпет.* Хроника. Ер., 1956 (на арм. яз.).
- Смбат Спарпет.* Судебник / Сост текста. пер. с древнеарм., предисл. и поимеч. А.Г. Галстяна. Ер., 1958.
- Смирнов А.П.* Армянская колония города Булгары // МИА СССР. 1958. № 61. С. 330–359.
- Смирнов Н.А.* Политика России на Кавказе в XVI–XIX вв. М., 1958.
- Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. М., 1830. Т. I.
- Современный армянский язык. Ер., 1974–1979. Т. 1–3.
- Состояние промышленности и формирование рабочего класса в Восточной Армении (1803–1920). Сб. доку. // Вестник архивов Армении. Ер., 1984. № 1 (на арм. яз.).
- Сокольский Н.* Очерки современной Турции. Тифлис, 1923.
- Сокровищница армянских песен. Нотированный (европ. нотами) и иллюстрированный сборник: в 6-ти вып. Каир, 1935–1943 (на арм. яз.).
- Соловьева С.С.* Древняя Месопотамия // История Древнего Востока. М., 1988. С. 108–151.
- Срвандзтянц Г.* Гроц у Броц (Пером и мотыгой). Константинополь, 1874 (на арм. яз.).
- Срвандзтянц Г.* Манана. Константинополь, 1876 (на арм. яз.).
- Срвандзтянц Г.* Сочинения. Ер., 1978. Т. 1 (на арм. яз.).
- Старовойтова Г.В.* Этническая группа в современном советском городе. Л., 1987.
- Статистическое описание губерний и областей Российской империи. Кавказский край. СПб., 1858. Т. XVI, ч. 2, 3, 6.
- Статистический ежегодник Армении 2008. Ер., 2008.
- Статистический ежегодник Нагорно-Карабахской Республики 2000–2006. Степанакерт, 2007.
- Статистический ежегодник южно-кавказских стран. Армения, Азербайджан, Грузия. Тб., 2000.
- Степанос Орбелян.* История Сюника. Ер., 1985 (на арм. яз.).
- Степанос Таронский.* Всеобщая история / Пер. Н. О. Эмина. М., 186.
- Степанян А.А.* Узлы и завязки армянских народных головных уборов // Изучение проблем экономического быта и материальной культуры населения Армении. Ер., 1985. С. 38–40 (на арм. яз.).
- Степанян А.А.* Растительный орнамент в женском комплексе одежды Ширака-Кариана // Научные труды. II. Рюмри, 1999. С. 177–183 (на арм. яз.).
- Степанян А.А.* Цветовая семантика орнамента одежды армян и народное цветовосприятие // Андес амсоря. Вена, 2001. С. 477–501 (на арм. яз.).
- Степанян А.А.* Социокультурные особенности армянской этнообщины Москвы // Диаспоры. М., 2004. № 1. С. 46–63.
- Степанян А.А.* Орнамент армянской народной одежды (Ритуальная, цветовая, знаковая системы) // АЭФ. 2007. Вып. 22. С. 7–129 (на арм. яз.).
- Степанян А.А.* Репатриация XX в. в системе армянской идентичности. Ер., 2010 (на арм. яз.).
- Степанян Г.* Мхитар Себастаци // Видные деятели армянской культуры (V–VIII вв.). Ер., 1982. С. 433–437.

- Страбон*. География: в 17-ти кн. / Пер., ст. и коммент. Г.А. Стратановского. М., 1964.
- Страницы истории армянских колоний. Ер., 1996 (на арм. яз.).
- Сукиасян А.Г.* Общественно-политический строй и право Армении в эпоху раннего феодализма (III–IX вв. н.э.). Ер., 1963.
- Сукиасян А.Г.* История Киликийского Армянского государства и права (XI–XIV вв.). Ер., 1969.
- Тагакчян З.П.* Канонические духовные песни в быту армянского народа // Традиционная и духовная музыка. Наследие человечества. Тез. докл. междунар. музыкально-ведческого симпозиума. Ер., 1999. С. 58–60 (на арм. яз.).
- Тагадяян М.Д.* Путевые заметки, статьи, письма, документы // Литературное наследие. Ер., 1975. Т. 9. (на арм. яз.).
- Тагмизян Н.К.* Григор Нарекаци и армянская музыка V–XV вв. Ер., 1985 (на арм. яз.).
- Тадевосян А.З.* Отражение космогонических представлений армян в обрядах кузнечества // ВЕУ. 1992. № 3. С. 141–149 (на арм. яз.).
- Тадевосян А.З.* Ценностные процессы и тенденции в 1991–1998 гг. Ер., 2000 (на арм. яз.).
- Тадевосян А.З.* Кузнец в ритуальной системе армян (историко-этнографическое исследование) // АЭФ. 2007. Вып. 23. С. 101–187 (на арм. яз.).
- Тамбурист Арутин (XVIII)*. Руководство по восточной музыке / Пер., предисл. и коммент. Н.К. Тагмизяна. Ер., 1966.
- Татеваци [Григор Тареваци]*. Книга вопросов. Иерусалим, 1993 (на арм. яз.)
- Тацит Корнелий*. Сочинения: в 2 т. / Пер. А.С. Бобовича и Г.С. Кнабе. М., 1993.
- Тацит*. Анналы. Малые произведения. История / Пер. с лат. А.С. Бобовича. М., 2003.
- Ташян А.* Хетты и урарты. Вена, 1934 (на арм. яз.).
- Тверитинов И.А.* Национально-территориальное строительство в Северо-Восточном Причерноморье и на Кубани // ЭО. 1992. № 1. С. 21–27.
- Тер-Акопян А.* Физическая, этнографическая и политическая география Армении. Тифлис, 1914 (на арм. яз.).
- Тер-Варданян Г.Л.* Армянская народная медицина. Ер., 1998.
- Тер-Гевондян А.Н.* Арабский вариант рассказа о происхождении армян // ВЕУ, 1971. № 1. С. 159–166 (на арм. яз.).
- Тер-Гевондян А.Н.* Армения и Арабский халифат. Ер., 1977.
- Тер-Гевондян А.Н.* Агатангелос // Видные деятели армянской культуры. Ер., 1982. С. 23–29.
- Тер-Гевондян А.Н.* Короны династии Арташесидов и их происхождение // Андес амсоря. 1987. № 1–12. С. 763–805 (на арм. яз.).
- Тер-Гевондян А.Н.* Древнейшие армянские гербы и знамена в истории // Андес амсоря. 1997. № 1–12. С. 668–712 (на арм. яз.).
- Тер-Мартirosов Ф.И.* Образование царства Армения в контексте исторических данных и исторической памяти. Ер., 1995.
- Тер-Минасян В.* Устная традиция и древние обычаи. Константинополь, 1904 (на арм. яз.).
- Тер-Минасян В.* Егише // Видные деятели армянской культ уры (V–XVIII вв.). Ер., 1982. С. 48–55.
- Тернер В.* Цветовая классификация в ритуале ндембу. Проблема первобытной классификации // Тернер В. Символ и ритуал. М., 1983. С. 71–103.
- Тер-Саркисянц А.Е.* Обычай избегания у армян и его изживание за годы Советской власти (по материалам сельских районов Армянской ССР) // ИФЖ. № 2(41). 1968. С. 211–218.

- Тер-Саркисянц А.Е.* Современная семья у армян (по материалам сельских районов Армянской ССР). М., 1972.
- Тер-Саркисянц А.Е.* О национальном аспекте браков в Армянской ССР (по материалам загсов) // СЭ. № 4. 1973. С. 89–95.
- Тер-Саркисянц А.Е.* Современные этнические процессы у армян Нагорного Карабаха // Этнические и культурно-бытовые процессы на Кавказе. М., 1978. С. 62–117.
- Тер-Саркисянц А.Е.* Основные тенденции развития современной сельской семьи у армян // КЭС. VII. 1980. С. 162–192.
- Тер-Саркисянц А.Е.* Брак и свадебный цикл у армян (вторая половина XIX – начало XX в.) // КЭС. IX. 1989. С. 246–284.
- Тер-Саркисянц А.Е.* Армяне // Семейный быт народов СССР. М., 1990. С. 402–420.
- Тер-Саркисянц А.Е.* Донские армяне: этнокультурная характеристика // СЭ. 1991. № 3. С. 44–56.
- Тер-Саркисянц А.Е.* Этнокультурный облик армян Северного Кавказа: история и современность // Studia Pontocausica. 2. Армяне Северного Кавказа. Краснодар, 1995. С. 5–31.
- Тер-Саркисянц А.Е.* Армяне. История и этнокультурные традиции. М., 1998.
- Тер-Саркисянц А.Е.* Донские армяне: тенденции этнокультурного развития // Диаспоры. М., 2000. № 1–2. С. 98–119.
- Тер-Саркисянц А.Е.* Армянская диаспора на Юге России: история формирования и этнокультурные традиции // Расы и народы. М., 2001. Вып. 26. С. 120–144.
- Тер-Саркисянц А.Е.* Вынужденные миграции армян: причины и проблемы адаптации // Армянский вестник. Общественно-политический журнал. М., № 1–2. 2001. С. 78–87.
- Тер-Саркисянц А.Е.* Традиционная пища армян // Традиционная пища как выражение этнического самосознания. М., 2001. С. 119–132.
- Тер-Саркисянц А.Е.* Армяне в Краснодарском крае: история и современность. Рязань, 2002.
- Тер-Саркисянц А.Е.* 1600 лет армянской письменности // ЭО. № 6. 2005. С. 72–84.
- Тер-Саркисянц А.Е.* Христианство в Армении и его роль в развитии раннесредневековой армянской культуры и в сохранении армянского этноса // Расы и народы. М., 2006. Вып. 31. С. 288–307.
- Тер-Саркисянц А.Е.* Культура Древней Армении: этнолингвистический аспект // Вопросы филологии. М., 2007. № 2. С. 89–99.
- Тер-Саркисянц А.Е.* История и культура армянского народа с древнейших времен до начала XIX в. М., 2005; М., 2008. 2-е изд.
- Тер-Саркисянц А.Е.* Напитки в армянской культуре // Хмельное и иное. Напитки народов мира. М., 2008. С. 126–148.
- Тер-Саркисянц А.Е.* Современная этнокультурная ситуация в Нагорном Карабахе // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2008. № 203.
- Тер-Саркисянц А.Е.* Адаптация армян к новым условиям постсоветского времени // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М., 2009. № 211.
- Тер-Саркисянц А.Е.* Эпоха Нарекаци // Грагор Нарекаци и духовная культура Средневековья. М., 2010. С. 311–320.
- Тер-Саркисянц А.Е.* Историко-этнографические сюжеты в труде Мовсеса Хоренаци «История Армении» (к 1600-летию со дня рождения) // ЭО. № 5. 2010. С. 107–119.
- Тер-Саркисянц А.Е.* Нагорный Карабах: политическая и этнокультурная ситуация в конце XX – начале XXI в. // Saucasia. Труды Института политических и социальных исследований Черноморско-Каспийского региона. М., 2011. Т. 1. С. 138–175.

- Тер-Саркисянц А.Е.* Динамика этнокультурной ситуации (опыт Нагорного Карабаха) // Феномен этничности в современном гуманитарном знании. М., 2011. С. 511–526.
- Тиранян Г.А.* Новонайденная арамейская надпись Арташеса I // ВОН. 1957. № 10. С. 105–109.
- Тиранян Г.А.* Урартская цивилизация и ахеменидский Иран // ИФЖ. 1964. № 2. С. 149–155 (на арм. яз.)
- Тиранян Г.А.* Новые археологические материалы послеурартского времени на территории Западной Армении (Турция) и их место в истории древнеармянской культуры // Древний Восток. Ер., 1976. № 2. С. 134–157 (на арм. яз.).
- Тиранян Г.А.* Урарту и Армения // ИФЖ. 1978. № 1. С. 44–60.
- Тиранян Г.А.* Территория Армении Ервандидов (VI в. до н.э.) // ИФЖ. 1980. № 4. С. 84, 85 (на арм. яз.).
- Тиранян Г.А.* Армянская тиара: опыт культурно-исторической интерпретации // ВДИ. 1982. № 2. С. 90–95.
- Тиранян Г.А.* Древнеармянская культура: итоги изучения // Культурное наследие Востока. М., 1985. С. 122–130.
- Тиранян Г.А.* Неиндоевропейские предки армян. Хурри-урарты и проблема Урарту – Армения // ИФЖ. 1985. № 1. С. 195–207.
- Тиранян Г.А.* Культура древней Армении (VI в. до н.э. – III в. н.э.). Ер., 1988.
- Тиранян Г.А., Арешян Г.П.* Археология и проблема Урарту – Армения // ИФЖ. 1990. № 3. С. 70–75 (на арм. яз.).
- Тиранян Г.А., Кошеленко Г.А.* Урарту // Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии. М., 1985.
- Титова Т.А.* Армяне в городах Тагарстана – штрихи к портрету // Диаспоры. М., 2004. №1. С. 64–80.
- Тихомиров М.Н.* Древняя Москва. М., 1947.
- Тойнби А.* Цивилизация перед судом истории. М., 1995.
- Топоров В.Н.* Об отражении одного индоевропейского мифа в древнеармянской традиции // ИФЖ. 1977. № 3. С. 88–106.
- Токарский Н.М.* Архитектура Армении IV–XVIII вв. Ер., 1961.
- Топузян О.Х.* История армянских колоний Сирии и Ливана (1841–1946). Ер., 1986 (на арм. яз.).
- Тораманян Т.* Материалы по истории армянской архитектуры. Сб. тр. Ер., 1942 (на арм. яз.).
- Торлакян Б.Г.* Этнография армян Амшена // АЭФ. 1981. Вып. 13 (на арм. яз.). С. 5–154.
- Торосян Р.М.* Раннеземледельческое поселение Техут. Ер., 1976 (на арм. яз.).
- Торосян Х.* Суд и процесс в Армении X–XIII вв. Ер., 1985.
- Тревер К.В.* Н. Я. Марр и вопросы исторической науки // ИАН. 1944. № 5. С. 3–24.
- Тревер К.В.* Очерки по истории культуры Древней Армении. М.; Л., 1953.
- Тронский И.* История античной литературы. Л., 1946.
- Тумаджян М.Т.* Армянские народные песни. Ер., 1983. Т. 2; *Он же.* Ер., 2005. Т. 4 (на арм. яз.).
- Туманян Г.С.* Культура виноделен в Армении. Ер., 2008 (на арм. яз.).
- Туманян О.Е.* Экономическое развитие Армении. Ер., 1954. Ч. 1.
- Туманян Э.Г.* Артикли в современном армянском языке. Ер., 1963.
- Туманян Э.Г.* Армянский язык // Языки народов СССР. М., 1966. Т. I. С. 562–598.
- Туманян Э.Г.* Древнеармянский язык. М., 1971.
- Тунян В.Г.* Восточная Армения в составе России. Ер., 1989.
- Тунян В.Г.* Административно-экономическая политика самодержавия России в Закавказье в первой половине. XIX в. Ер., 2003.

- Турциян А.Г.* Система водопользования в Васпуракане // ИФЖ. 1967. № 2. С. 246–253.
- Тух Манук.* Материалы научной конференции. Ер., 2001 (на арм.яз.).
- Тюлин Ю.Н.* О зарождении и развитии гармонии в народной музыке // Очерки по теоретическому музыкознанию. Л., 1959. С. 3–20.
- Уваров А.С.* Исследование местности, на которой располагались развалины Армавира // Пятый Археологический съезд в Тифлисе. Протоколы подготовительного комитета. М., 1882. С. 439–449.
- Указ (95) о праздниках // Собрание указов и документов АрмССР. Эчмиадзин, 1921. Вып. 1 (на арм. яз.).
- Урхаеци (Матфос Урхаеци).* Хронография / Пер. на восточноарм., коммент. Т. Бартикяна. Ер., 1991 (на арм. яз.).
- Успенский Ф.И.* История Византийской империи. СПб., 1914. Т. I.
- Федерчук В.* Неуклонно укреплять правопорядок // Коммунист (газета). 1985. № 12.
- Физическая география Армянской ССР. Ер., 1971 (на арм. яз.).
- Философские труды в армянских рукописях Матенадарана (краткий библиографический указатель) // ВМ. 1956. № 3. С. 387–457.
- Фирсов Е.Ю., Кривушина В.Ю.* К изучению коммуникационной среды российской армянской диаспоры (по материалам полевых исследований локальных групп Владимирской области) // Диаспоры. М., 2004. № 1. С. 5–22.
- Флиттнер Н.Д.* Культура Двуречья и соседних стран. М.; Л., 1958.
- Фрай Р.Н.* Наследие Ирана. М., 1972.
- Халатянц Г.* Армянский эпос в «Истории Армении» Моисея Хоренского. М., 1896. Ч. II.
- Халтахчян О.Х.* Строительные традиции народных мастеров Армении (Материалы к истории строительного искусства на примере памятников Санаина) // Архитектурное наследие. М., 1953. № 3. С. 36–78.
- Халтахчян О.Х.* Производственные сооружения Армении. Ер., 1961.
- Халтахчян О.Х.* Организация строительного дела в средневековой Армении // ИФЖ. 1967. № 2–3. С. 205–220.
- Халтахчян О.Х.* Гражданское зодчество Армении (жилые и общественные здания). М., 1971.
- Халтахчян О.Х.* Культурные связи Владимиро-Суздальской Руси и Армении. М., 1977.
- Халтахчян О.Х.* Строительная культура Армянского нагорья с древнейших времен по VII в до н.э. // Архитектурное наследие. М., 1983. № 31. С. 98–132.
- Халтахчян О.Х.* Архитектура Нахичевани-на-Дону. Ер., 1988.
- Хан-Агов А.Е.* Экономический быт государственных крестьян Эчмиадзинского и Сурмалинского уездов Эриванской губернии // МИЭБГКЗК. 1886. Т. 3, ч. 1. С. 227–455.
- Ханзадян Э. В.* Музыкальные инструменты древней Армении // ТГИМА. 1959. Т. 5. С. 62–93 (на арм. яз.).
- Ханзадян Э.В.* Культура Армянского нагорья в III тысячелетии до н.э. Ер., 1967 (на арм. яз.).
- Ханзадян Э., Мкртчян К., Парсамян Э.* Мецамор. Ер., 1973.
- Харатян З.В.* Путь брачной пары в армянской свадьбе // ВОН. 1983. № 2. С. 20–25 (на арм. яз.).
- Харатян З.В.* Культурные мотивы семейных обычаев и обрядов у армян // АЭФ. Ер., 1989. Вып. 17. С. 7–62.
- Харатян З.В.* Обычай «заклания быка» и жених в армянской свадьбе // ВОН. 1991. № 2. С. 116–125 (на арм. яз.).
- Харатян-Аракелян Г.С.* Армянские народные праздники. Ер., 2005 (на арм. яз.).

- Харатян Г.С.* Праздник и праздничная культура в Армении. Ер., 2010 (на арм. яз.).
- Хатанасян Е.* Численность армян. Бостон, 1965 (на арм. яз.).
- Хатисов И.С.* Хлопководство в Закавказье // СМИБГКЗК. 1888. Т. 4, ч. 2. С. 279–328.
- Хачатрян А.* Критическая история истории Армении клинописного периода. Ер., 1933.
- Хачатрян А.Р.* Слова, выражающие родственные отношения в армянских диалектах. Ер., 2009 (на арм. яз.).
- Хачатрян В.Н.* Восточные провинции Хеттской империи. Ер., 1971.
- Хачатрян Ж.Д.* Арташат. Античные гробницы. Ер., 1981.
- Хачатрян Ж.Д., Тоникян А.В.* Античная баня в Гарни // ВДИ. 1986. № 3. С. 141–150.
- Хачатрян Ж.Д.* Архивы столицы древней Армении – Арташата. Ер., 2008.
- Хачатрян Ж.Д.* Несколько плясок Амшена // ВОН. 1964. № 3. С. 71–84 (на арм. яз.).
- Хачатрян Ж.Д.* Сообщества сверстников в Джавахке // ИФЖ. 1968. № 1. С. 203–220 (на арм. яз.).
- Хачатрян Ж.К.* Армянские народные пляски Джавахка // АЭФ. 1975а. Вып. 7. С. 7–104 (на арм. яз.).
- Хачатрян Ж.К.* Карагез (Театр теней) // АЭФ. 1975б. Вып. 7. С. 107–124 (на арм. яз.).
- Хачатрян Ж.К.* Традиционные свадебные пляски армян // СЭ. 1975в. № 2. С. 87–93.
- Хачатрян Ж.К.* Лечение одержимости пляской // ВОН. 1980. № 10. С. 89–96 (на арм. яз.).
- Хачатрян Ж.К.* Связь танца, обряда и театрализованных действий в Варданове действе // Танец. Музыка. Ер., 2004. С. 75–86 (на арм. яз.).
- Хачатрян Ж.К.* Военно-спортивные игры с шаром, мячом и булавой // Армянский эпос “Сасна црер” и мировое эпическое наследие. Ер., 2004. С. 155–160 (на арм. яз.).
- Хачатрян Ж.К., Петросян Э.Х.* Годовые праздники и игры армян Амшена // Амшен и амшенцы. Ереван; Бейрут, 2007. С. 223–246 (на арм. яз.).
- Хачатрян Р.Гр.* Талин // АЭФ. 1999. Вып. 19. С. 5–279 (на арм. яз.).
- Хачатрян Т.С.* Материальная культура древнего Артика. Ер., 1963.
- Хачатрян Т.С.* Древняя культура Ширака III–II тыс. до н.э. Ер., 1975.
- Хачатурян В.А.* Население армянской колонии в Астрахани во второй половине XVIII в. // ИАН. 1965. № 7. С. 77–87.
- Хачатурян В.А.* Образование армянской колонии в Астрахани // ИФЖ. 1983. № 4. С. 44–57.
- Хачикян Л.С.* Об армянской сельской общине армян XIV–XV вв. // ИФЖ. 1958. № 1. С. 110–134 (на арм. яз.).
- Хачикян Л.С.* Армяне в древней Москве и на путях, ведущих в Москву // ВМ. 1980. № 13. С. 7–107 (на арм. яз.).
- Хедаят С.* Нейрангистан // Переднеазиатский этнографический сборник. М., 1958. Вып. 1. С. 259–336.
- Хила-ас-Саби.* Установления и обычаи двора халифатов / Пер. с арабск. И. Михайлова. М., 1983.
- Хить Л.Г.* Дерматологи́фика народов СССР. М., 1983.
- Ходжабекян В.Е.* Прирост населения Армянской ССР в последнее десятилетие // ИФЖ. 1989. № 4. С. 10–21 (на арм. яз.).
- Ходжабекян В.Е.* Воспроизводство и перемещения населения Армении в XIX–XX вв. и на пороге XXI в. Ер., 2002 (на арм. яз.).
- Ходжабекян В.Е.* Демография и проблемы занятости в Армении с начала XIX в. до середины XXI в. Ер., 2006 (на арм. яз.).
- Ходжаши С., Трухтанова Н., Оганесян К.* Эребуни. М., 1979.
- Хоренаци.* [Мовсес Хоренаци]. История Армении / Новый пер. Н.О. Эмина. М., 1893.

- Хоренаци*. [Мовсес Хоренаци]. История Армении / Подгот. к изд. М. Абегиана, С. Арутюняна. Тифлис, 1913 (на арм. яз.).
- Хоренаци*. [Мовсес Хоренаци]. История Армении / Ред., пред. и примеч. Ст. Малхасяна. Ер., 1981 (на арм. яз.).
- Хоренаци*. [Мовсес Хоренаци]. История Армении / Пер. с дневнеарм., введен. и примеч. Г.Х. Саркисяна. Ер., 1990.
- Хорнбостель Эрих М. фон, Закс Курт*. 1987. С. 259.
- Хрестоматия по истории армянского народа* / Сост. Р.А. Оганесян, А.Е. Мовсисян. Ер., 2007 (на арм. яз.).
- Христианская Армения*. Энциклопедия. Ер., 2002 (на арм. яз.).
- Христианство*. Энциклопедический словарь. М., 1993. Т. I.; М., 1995. Т. II.
- Худабашев А.* Обзорение Армении в географическом, историческом и литературном отношениях. СПб., 1859.
- Худабашиян К.М.* Армянская музыка на пути от монодии к многоголосию. Ер., 1977.
- Худабашиян К.М.* Античная система ладозвукорядов и ладозвукоряды армянской монодической музыки // Вопросы истории и теории монодической музыки. Тез. конф. Ер., 1984. С. 47–51.
- Худабашиян К.М.* Античная музыкально-космологическая концепция регистровой дифференциации полной совершенной системы и ее проявления в армянской музыке // Восьмая Респуб. науч. конф. по армянскому искусству. Тез. докл. Ер., 1997. С. 84–86.
- Худабашиян К.М.* Еще раз о «Горани» (посвящается светлой памяти В.Л. Гошовского) // Народная культура армян. X. Респуб. науч. сессия. Тез. докл. Ер., 1999. С. 37–42.
- Худабашиян К.М.* Религиозно-мифологические корни эпической песни «Крест Кароса» // Карос Хач. Ер., 2000. С. 22–37 (на арм. яз.).
- Худабашиян К.М.* Жанр духовного стиха в армянском эпическом песнетворчестве // Армянские святые и святыни. Истоки, типы, культ. Ер., 2001. С. 79–88 (на арм. яз.).
- Худабашиян К.М.* Музыкальные фрагменты эпоса «Сасунские безумцы» как источник выявления некоторых процессов ладообразования // Армянский эпос «Сасунские безумцы» и мировое эпическое наследие. Ер., 2004. С. 144–146 (на арм. яз.).
- Худабашиян К.М.* Армянская ритуальная песнепляска в аспекте сравнительного музыкознания // Танец. Ер., 2004. С. 45–62 (на арм. яз.).
- Худабашиян К.М.* Армяно-фригийские и армяно-хеттские связи в аспекте музыкознания // Сб. докл. междунар. симпозиума НАН РА. Ер., 2004. С. 444–452 (на арм. яз.).
- Худабашиян К.М.* «Певцы страны Гохтан» // Арам Хачатурян и музыка XX в. Ер., 2003. С. 47–55; *Худабашиян К.М.* «Певцы страны Гохтан» // Музыкальная академия. М., 2005. № 1. С. 144–146.
- Худавердян А.Ю.* Население Армянского нагорья в античную эпоху (по данным Бениаминского могильника). Ер., 2000.
- Худавердян А.Ю.* Население Армянского нагорья в эпоху бронзы. Этногенез и этническая история. Ер., 2009.
- Худадов В.Н.* Закавказье (историко-экономический очерк). М.; Л., 1926.
- Хуришудян Л.А.* Раздел Армении в 1920 г. Ер., 2002 (на арм. яз.).
- Цуциев А.* Атлас этнополитической истории Кавказа (1774–2004). М., 2006.
- Чалоян В.К.* Армянский ренессанс. М., 1963.
- Чаникян О.* Акнская старина. Тифлис, 1895 (на арм. яз.).
- Чебоксаров Н.Н., Чебоксарова И.А.* Народы, расы, культуры. М., 1971; 2-е изд. М., 1985.
- Челеби Э.* Путешествие // Иностранные источники об Армении и армянах. Ер., 1967. Т. 3 (на арм. яз.).

- Численность и состав населения СССР по данным Всесоюзной переписи населения 1979 г. М., 1984.
- Численность и миграции населения Российской Федерации (статистический бюллетень). Госкомстат РФ. М., 2001.
- Члчлян Г. Сорокодневье-кох // Бюракн. Константинополь, 1898. № 47/48. С. 840–842. (на арм. яз.).
- Чолакян А.А. Кесап. Алеппо, 1988. Т. 2 (на арм. яз.).
- Что мы должны делать в противорождественскую кампанию // Анаствац. Ер., 1929. № 11–12 (на арм. яз.).
- Чугасзян Б. (составитель). Матенадаран им. Маштоца. Ер., 1980.
- Чурсин Г.Ф. Армяне Зангезура (краткий этнографический очерк). Тб., 1931.
- Шавров Н.Н. Очерк пчеловодства в Закавказье // СМИБГКЗК. 1888. Т. 4, ч. 2. С. 257–328.
- Шавров Н.Н. Черводни в Восточном Закавказье // Труды Кавказской шелководческой станции. Тифлис, 1889. Т. I.
- Шавров Н.Н. Описание Кавказского шелководства. Тифлис, 1891.
- Шагинян А.Н. Армянские средневековые монументальные памятники: хачкары IX–XIII вв. Ер., 1984 (на арм. яз.).
- Шагоян Г.А. Праздничный контекст традиционной и современной армянской свадебной обрядности: ритуалы «забивания быка» и «разрезания торта» // Народная культура армян. Респуб. науч. сессия, X. Тез. докл. Ер., 1999. С. 57–59 (на арм. яз.).
- Шагоян Г.А. Оператор как новый персонаж армянской свадьбы // СЭ. 1999. № 2. С. 46–55.
- Шагоян Г.А. «Семь дней, семь ночей». Панорама армянской свадьбы. Ер., 2011 (на арм. яз.).
- Шараф Наме (Шараф Хан ибн Шамсаддин Бидлиси. Шараф Наме). М., 1967. Т. 1.
- Шарден Ж. Путешествие Шардена по Закавказью в 1672–1673 гг. Тифлис, 1802.
- Шахазиз Е. Новый Нахичеван и нор-нахичеванцы // Азгагракан хандес. Тифлис, 1902. Т. 9. С. 5–57 (на арм. яз.).
- Шахатунян А. Административный передел Закавказского края. Тифлис, 1918.
- Шахкян Г.С. Хачкары Армении VIII–IX вв. // Четвертый Междунар. симпозиум по армянскому искусству. Тез. докл. Ер., 1985. С. 307, 308.
- Шахназарян А.И. Княжество Ваграмянов. Ер., 1990 (на арм. яз.).
- Шербина Ф.А. История Армавира и черкесогаев. Екатеринодар, 1916.
- Ширакаци [Анания Ширакаци]. Космография и календарь. Ер., 1940 (на арм. яз.).
- Широков О.С. Армяно-греческие этногенетические контакты по данным сравнительно-исторической фонологии // ИФЖ. 1977. № 1. С. 83–100.
- Шнирельман В.А. Возникновение производящего хозяйства. М., 1989.
- Шопен И.И. Исторический памятник состояния Армянской области в эпоху ее присоединения к Российской империи. СПб., 1852.
- Эзов Г.А. Сношения Петра Великого с армянским народом. СПб., 1898.
- Эмиграция и репатриация в России. М., 2001.
- Эмин Н. Очерк религии и верований языческих армян. М., 1884.
- Энциклопедия виноградарства. Кишинев, 1986. Т. 2.
- Эприкян О. Отечественный иллюстрированный словарь. Венеция, 1907. Т. 2 (на арм. яз.).
- Эриванская статистическая комиссия. Однодневная перепись беженцев из Турции, Персии и из мест, пограничных с Турцией (армян, айсор и греков) 1914–1915 гг. Перепись 30 января 1915 г. Эривань, 1915.
- Эчмиадзин (журнал). Эчмиадзин, 1947. № 1–2 (на арм. яз.); Эчмиадзин. Эчмиадзин, 1974, № 8 (на арм. яз.).

- Ювелирное искусство Армении с древнейших времен до наших дней (альбом) / Сост., предисл. и коммент. В.А. Абрамян. Ер., 1983 (на арм., рус. и англ. яз.).
- Юзбашян К.Н.* Армянские государства эпохи Багратидов и Византия в IX–XI вв. М., 1988.
- Юзбашян К.Н.* Армянская эпопея V в. От Аварайской битвы к соглашению в Нуарсаке. М., 2001.
- Юзбашян К.Н.* Введение в арменистику. Учеб. пособие. СПб., 2003.
- Ягодинский П.Н.* Экономический быт государственных крестьян в Ордубадском участке Нахичеванского уезда Эриванской губернии // МИЭБГКЗК. 1885. Т. 1, вып. 5. С. 609–648.
- Якобсон А.Л.* Армянские хачкары. Ер., 1986.
- Adontz N.* Histoire d'Arménie. Paris, 1946.
- Aharonian Aharon.* Intermarriage in the Armenian–American Community. Shrewsbury, Mass, 1983.
- Ahyan S.* Les débuts de l'histoire d'Arménie et les trois fonctions indo-européennes // Revue de l'histoire des religion, CIC-3. 1982. 251–271.
- Amadouni G.* L'Eglise Arme'nienne et la Catholicite'. Venice, 1978.
- Ani. Documents Of Armenian Architecture, V. XII. Milano, 1984. (на англ. и итал. яз.).
- Armenian Folk Arts, Culture And Identit / Ed. by L. Abrahamian and N. Sweezy. Bloomington and Indianapolis, 2001.
- Astour M.C.* Semites and Hurrians in Northern Transtigris // Studies on the Civilization and Culture of Nuzi and the Hurrians. 1987. N 2. P. 3–68.
- Astour M.C.* Rezension zu: «Nashef K., Rekonstruktionen der Reiserouten, TAVO 83, 1987» // Journal of American Oriental Society. 1989. N 109. P. 686–688.
- Atkinson Q.D. and Gray R.D.* How Old is the Indo-European Language Family? Progress or More Moths to the Flame? // Phylogenetic Methods and the Prehistory of Languages. Cambridge, 2006. P. 91–109.
- Badalyan R., Lombard P., Chataigner Ch., Avetisyan P.* The Neolithic and Chalcolithic Phases in the Ararat Plane (Armenia): the View from Aratashen. A View from the Highlands. Archaeological Studies in Honour of Charles Burney // Ancient Near Eastern Studies. Supplement 12 / Ed. by A. Sagona, Peeters. 2004. P. 399–420.
- Baibourtian V.* International Trade and Armenian Mechants in the Seventeenth Century. New Delhi: Sterling Publishers Private Limited, 2004.
- Bakalian A.* Armenian Americans. From Being to Feeling Armenian. New Branswick-London: Transaction Publishers, 1993.
- Barnard H., Dooley A.N., Areshian G., Gasparyan B., Faull K.F.* Chemical Evidence for Wine Production around 4000 BCE in the Late Chalcolithic Near Eastern Highland // Journal of Archaeological Science, 38. 2001. P. 377–384.
- Barnett R.D.* The excavations of the British Museum at Toprak-kale near Van // Iraq, XII. 1. 1950. P. 1–43.
- Barton J.* Story of Near East Reief (1915–1930). New York: The Macmillan Press, 1930.
- Bilgic E., Öqün B.* Adilcevaz Kef kalesi kazilari // Anadolu, 1967. VIII, P. 65–122.
- Biscione and others.* The North-Eastern Frontier: Urartians and Non Urartians in the Sevan Lake Basin I. The Southern Shores. Documenta Asiana, VII. Roma, 2002.
- Binayan Carmona N.* Entre el pasado y el futuro: los Armenios en la Argentina. Buenos Aires, 1996.
- Boudjikanian A.* Les Armeniens de l'agglomeration de Beyrouth: Etude Humaine et Economique // HASSK. Revue d'armenologie. Beyrouth, 1983. P. 280–420.
- Boudjikanian–Keuroghlian A.* Les Armeniens dans la Region Rhone–Alpes. Lyon: Audin, 1978.

- Boudjikianian–Keuroghlian A.* Un peuple en exil: La Nouvelle Diaspora (XIX–XX siècles) // *Historie des Armeniens*. Sous la direc. Gerard Dedeyan. Toulouse: Privat. 1982.
- Brixhe C.* Phrygian. *The Cambridge Encyclopedia of the World's Ancient Languages*. Cambridge, 2004.
- Burney Ch.A.* A First Season of Excavations at the Uratian Citadel of Kayalidere // *Anatolian Studies*, 1966. 16. P. 55–111.
- Burney Ch., Lung D.* The Peoples of the Hills. Ancient Ararat and Caucasus. New York, Washington, 1971.
- Burney Ch.* Arslantepe as a Gateway to the Highland, between the Rivers and over the Mountains, Alba Palmieri dedicata, Frangipane M., Hauptmann H., Liverani M., Matthiae P., Mellink M. / Hrsg. Roma, 1993. P. 313–317.
- Cavalli Sforza, L.L., Piazza, A.A.* Diffusion of Genes and Languages in Human Evolution // *Proceedings of the 6th International Conference on the Evolution of Language*, 2006. P. 255–266.
- Clackson J.* The Linguistic Relationship between Armenian and Greek. Oxford, 1994.
- Chopourina G.* The Armenian Evangelical Reformation: Causes and Effects. New York: AMAA, 1970.
- Çilingiroğlu S.* «Ayanis I» (Ten Years' Excavations at Rusahinili Eiduru – kai, 1989–1998) / Ed. by A. Çilingiroğlu and M. Salvini, Roma, 2001.
- Cilingiroglu A.* An Urartian Fortress in front of Mount Ediuri Ayanis // *Armenian Journal of Near Eastern Studies*. 2006. 1. P. 135–142.
- Dadrian V.N.* The History of the Armenian Genocide. Ethnic Conflict from the Balkans to Anatolia to the Caucasus. Providence–Oxford: Bergahn Books, 1995.
- Demirel M.* The Armenian Population in Turkey // *Turkish Review of Eurasian Studies*, 2004. N 4. P. 83–98.
- Demographic yearbook of Georgia 2003. Tbilisi, 2004 (на англ., фр., груз. яз.).
- Deniker I.* Essai d'classification des races humaines basee uniquement sur les caracteres anthropologie de Paris // *Bulletin de la societed. Serie 3. V. 12. 1889*' physiques.
- Devedjian S.* Lory Berd. II. Bronze Moyen. Yerevan, 2006.
- Devejian S., Hmayakyan S.* Towards Urartian-Egyptian Political And Cultural Interrelations // *Studio Aegyptica, XVII* (Studies Offered In Honor Of Erno Gaal, Ulrich Luft, Lazlo Torok). Budapest, 2002. P. 185–194.
- Diakonoff I.M.* Evidence on the Ethnic Division of the Hurrians // *Studies on the Civilization and Culture of the Hurrians*. In Honor of E. R. Lacheman. Winona Lake, Indiana, 1981. P. 77–89.
- Diakonoff I.M.* The Pre-History of the Armenian People. Delmar, New York, 1984.
- Diakonoff I.M.* Hurro-Urartian Borrowings in Old Armenian // *Journal of the the American Oriental Society* 4. V. 105. 1985. P. 597–603.
- Diakonoff I.M.* First Evidence of the Proto-Armenian Language in Eastern Anatolia // *Annual of Armenian Linguistics*. V. 13. 1992. P. 51–54.
- Diyarbakirli Nejat.* New Light on the Pazyryk Carpet – Hali. London, 1978. Vol. 1. N 3. P. 216–221.
- Djahukian G.* The Hayasa Language and its Relation to the Indo-European Languages // *Archiv Orientalni* 29/3. 1961. P. 353–405.
- Djahukian G.* Armenian Words and Proper Names in Urartian Inscriptions // *Proceedings of the Fourth International Conference on Armenian Linguistics* (ed. Greppin J. A.). Delmar, New York, 1992. P. 49–60.
- Documents On The Schism in the Armenian Church of America. New York. St. Vartan Press, 1993.
- Dumézil G.* Heus et malheur du guérier. Aspects mythiques de la fonetion guerrière chez les Indo-Européens. Paris, Presses Universitaires de France, 1969.

- Dumézil G.* Le roman des jumeaux. P., 1994.
- Erzen A.* Cavustepe Yukari Kale ve Toprakkale Calismarli // Anadolu Arastirmali. 1977. VI, 1–15. 1979.
- Gantzhorn V.* Le Tapis Chretien Oriental. Köln, 1991.
- Gregorian T.A., Gregorian J.H.* Armenian Rugs from Gregorian Collection. 1987.
- Hayes A.W.* Rural Community Organization. Chicago, 1921.
- Ivanov V.V.* The Indo-European Homeland in the Near East: New Evidence // Bulletin of the Georgian National Academy of Sciences. 2007. Vol. 175. N 3. P. 127–137.
- Jensen P.* Hittiter und Armenier. Strassburg, 1898.
- Journal of the Society for Armenian Studies (Michigan–Dearborn). 1992–1993. Vol. 6.
- Kanetzian A.G., Khachartian Z.D.* Al Piedi dell'Ararat e L'Armenia Ellenistico-Romana. Torino, 1998.
- Kaprielian–Churchill I.* Armenians // Encyclopedia of Canada's Peoples / Ed. by Paul R. Magocsi. Toronto–Buffalo–London, University of Toronto Press, 1999.
- Kaprielian–Churchill I.* Like our Mountains. A History of Armenians in Canada. Montreal: McGill-Queen's University Press, 2005.
- Keban Project 1969 Activities. Ankara, 1971.
- Keban Project 1970 Activities. Ankara, 1972.
- Khachatryan Zh.* Artaxata, capitale dell'Armenia Antica (II sec. A.C. – IV sec. D.C.) // Ai piedi dell'Ararat Artaxata E l'Armenia Ellenistico-Romana. Studi e Materiali di Archeologia, 10. Torino, 1998. P. 98–158.
- Kherumian R.* Les Armeniens. Anthropologie du Caucase: Introduction a l Paris, 1943.
- Kirakossian A.* (Ed. and introduction). The Armenian Massacres 1894–1896. U.S. Media Testimony. Detroit, Wayne State University Press, 2004.
- Kirakossian A.* (Ed.). The Armenian Massacres 1894–1896. British Media Testimony. The Armenian Research Center. University of Michigan – Dearborn, 2008.
- Kleiss W.* Bastam, 1 (Ausgrabungen in den urartäischen Anlagen 1972–1975). Berlin, 1979.
- Kleiss W.* Bastam, 2 (Ausgrabungen in den urartäischen Anlagen 1977–1978). Berlin, 1988.
- Kozłowski S.K., Aurenche O.* Territories, Boundaries and Cultures in the Neolithic Near East. BAR International Series 1362. Oxford, 2005.
- Kretschmer P.* Der nationale Name der Armenier Haikh. Anzeiger der Akademie der Wissenschaften in Wien. Philosophisch-historische Klasse 69. 1932.
- Kushnareva K.Kh.* The Southern Caucasus in Prehistory. Stages of Cultural And Socio-economic Development from the Eighth to the Second Millennium B.C. Philadelphia, 1997.
- Lehmann-Haupt C.F.* Armenien Einst und Jetzt. II. 2, Berlin; Leipzig, 1931.
- Lushan F.K.* The early Inhabitants of Western Asia // J. Antrop. Inst. London, 1911. Vol. 41.
- Luschan F.* The early Inhabitants of Western Asia. London, 1911.
- Mallory J.P.* In Search of the Indo-Europeans. Language, Archaeology and Myth. London, 1989.
- Mallory J.P., Adams D.Q.* The Oxford Introduction to Proto-Indo-European and the Proto-Indo-European World. Oxford, 2006.
- Manoukian A., Manoukian A.* Documents of Armenian. Architecture // Documenti di architettura Armena. Vol. 21. Nor – Djulfa. Venice: OEMME Edizioni, 1992.
- Markwart J.* Die Entstehung und Wiederstellung der armenischer Nation. Berlin, 1919.
- Marutyan H.* Artifacts and Artisans: Wood // Armenian Folk Arts, Culture And Identity / Ed. b L. Abrahamian and N. Sweezy. Bloomington and Indianapolis, 2001. P. 101–112.
- Marutyan H.* Home as the World // Armenian Folk Arts, Culture and Identity/ Ed. by L. Abrahamian and N. Sweezy. Bloomington and Indianapolis, 2001. P. 73–97.

- Mirak R.* Armenians // Harvard Encyclopedia of American Ethnic Groups / Ed. by Stephan Thernstrom. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1980.
- Mechithar's" Trost bei Fiebern", aus dem mittelarmenischen übersetzt von D-r E. Seidel. Leipzig, 1908.
- Mirak R.* Torn between two Lands. Armenians In America 1890 to World War I. Cambridge, MA.: Harvard University Press, 1983.
- Moorey P.R.S.* The Eastern Land of Tukrish, Beiträge zur Kulturgeschichte Vorderasiens // Hrsg. von R.M. Boehmer-Festschrift, Finkbeiner U., Dittmann R., Hauptmann H. Mainz am Rhein, 1994. S. 439–448.
- Mutafian C.* La Cilicie au carrefour des empires. 2 vols. Paris, Les Belles Lettres, 1988.
- Mutafian C.* Le Royaume Arménien de Cilicie. XIIe–XIVe siècle. Paris, 1993.
- Özqüç T.* Altintepe II. Mezarlar, Depo Binası ve Fil Dişi Eserler (Tombs, Storhouse and Ivory) // Turk Tarih Kurumu Yayınlarından. Ankara, 1969. V. 27. P. 256–263.
- Özqüç T.* Altintepe I. Mimarlık Anitları ve Duvar Resimleri (Architectural Monuments and Wall Paintings) // Türk Tarih Kurumu Yayınları. Ankara, 1966. V. 24. P. 253–260.
- Neolithic In Turkey / Ed. Özdoğan M. and Başgelen N. Istanbul, 1999.
- Pallis A.A.* The Population of Turkey in 1935 // The Geographical Journal. 1938. Vol. 91, N 5. May. P. 439–445.
- Pallotino M.* Urartu, Greece and Etruria. East and West, IX, 1, 2. Rome, 1958. P. 29–52.
- Petrosyan A.Y.* The Indo-European and Ancient Near Eastern Sources of the Armenian Epic. // Journal of Indo-European Studies Monograph 42. Washington D.C., 2002.
- Petrosyan A.Y.* The Indo-European *H₂ner(t)-s and the Danu Tribe // Journal of Indo-European Studies. 2007. Vol. 35. N 3 & 4. P. 297–310.
- Petrosyan A.Y.* Forefather Hayk in the Light of Comparative Mythology // Journal of Indo-European Studies. 2009. Vol. 37. N 1 & 2. P. 155–163.
- Petrosyan H., Marutyan H.* Artifacts and Artisans: Clay // Armenian Folk Arts, Culture and Identity /Ed. by L. Abrahamian and N. Sweezy. Bloomington and Indianapolis, 2001.
- Pinhasi R., Gasparian B., Areshian G., Zardaryan D., Smith A., Bar-Oz G., Higham T.* First Direct Evidence of Chalcolithic Footwear from the Near Eastern Highlands, PLoS ONE/ www.plosone.org, V. 5/Issue 6. June 2010.
- Poghosyan A.* Carpets // Armenian Folk Arts, Culture and Identity / Ed. by L. Abrahamian and N. Sweezy. Bloomington and Indianapolis, 2001. P. 216–221.
- Potts D.T.* The Zagros Frontier, Mesopotamien und seine Nachbarn // Rencontre Assyriologique Internationale XXV. Berlin / Nissen J., Renger J. / 3–7. Juli 1978, B. I/T. 1. Berlin, 1982. S. 33–56.
- Radner K.* Review of A.-M. Wittke. Mušker und Phryger // Zeitschrift für Assyriologie und Vorderasiatischer Archäologie, 96. 2006. S. 144–149.
- Renfrew C.* Archaeology and Language. The Puzzle of Indo-European Origins. London, 1987.
- Renfrew C.* Time Depth, Convergence Theory, and Innovation in Proto-Indo-European. Languages in Prehistoric Europe. Heidelberg, 2003.
- Roth K.* Die Bedeutung des Armenischen // Handes Amsorya 11–12. 1927. S. 741–750.
- Sagona A.* The Caucasian Region in the Early Bronze Age. BAR International Series, 214. Oxford, 1984.
- Saggs H.* The Nimrud Letters. Cuneiform Texts from Nimrud, V. London, 2001.
- Sakayan D.* Modern Western Armenian: For The English-Cpeaking World. Montreal, 2000.
- Salvini M.* Geschichte und Kultur der Urartäer, Darmstadt, 1995.
- Sanjian A.* The Armenian Communities in Syria under Ottoman Domination. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1965.
- Schahgaldian N.* Ethnicity And Political Development in the Lebanese–Armenian Community, 1925–1975 // Armenian Review (Boston, MA.). 1983. V. 36. N 1. P. 41–61.

- Schurmann U.* Caucasian Rugs. New York, 1967.
- Schwidetzky I.* Die vorspanische Bevölkerung der Kenarischen Insc. // Anthropologische Untersuchungen. Göttingen; Berlin; Frankfurt, 1963.
- Seth M.J.* Armenians in India. Calcutta, 1937.
- Seuil.* The Armenian: History of a Genocide. Delmar. NY: Caravan Books, 1990.
- Sevin V.* The Early Iron Age in the Elazig Region and the Problem of the Mushkians // Anatolian Studies, XLI. 1991. P. 86–97.
- Steinkeller P.S.* The Historical Background of Urkesh and the Hurrian Beginnings in Northern Mesopotamia, Bibliotheca Mesopotamica 26 // Urkesh/Mozan Studies 3. 1998. P. 75–98.
- Tadevosyan A., Petrosyan H.* The Blacksmith // Armenian Folk Arts, Culture and Identity / Ed. by L. Abrahamian and N. Sweezy. Bloomington and Jundianopolis. 2001. P. 207–217.
- Ter-Minassian A.* La Diaspora Armenienne // Herodote. Revue de géographie et de géopolitique. N 53. 1989. P. 123–157.
- Terian A.* Armenian Writers in Medieval Jerusalem // Journal of the Society for Armenian Studies. Michigan; Dearborn. 1992–1993. V. 6. P. 11–32.
- Ternon Y.* Les Arméniens, histoire d'un génocide. Paris: Seuil, 1977.
- Ternon Y.* The Armenians: History of a Genocide. Delmar, NY: Garavan Books, 1990.
- Ter-Sarkisyants A.* Institution of Marriage among the Armenians: Traditions and Contemporaneity // Soviet Papers For Sffif's Third Congress «The Life Cycle» (Zurich). M., 1987. P. 105–113.
- Ter-Sarkisyants A.* Traditions and Innovations in the Contemporary Everyday Culture of the Armenians (Case-Study of Armenian SSR) // 12th International Congress of Anthropological and Ethnological Sciences) Zagreb, Yugoslavia. July 24–31. 1988. M., 1988. 9 p.
- Ter-Sarkisyants A.* Sixteen Hundred Years of Armenian Writing // Anthropology and Archeology of Eurasia. Alphabet Wars. NY., 2007. Vol. 46, N 1. P. 75–94.
- Toumanoff C.* Studies in Christian Caucasian History. Washington D.C., 1963.
- Toumanoff C.* The Mamikonids and the Liparitids // Armeniaca. Venice, 1969. P. 125–137.
- Toumanoff C.* Les dynasties de la Caucasic chrétienne l'Antiquité jusqu'à XIX siècle. Tables généalogiques et chronologiques. Roma, 1990.
- Uras E.* The Armenians in History and the Armenian Question, Documentary Publication, 1988.
- Vallois H., Ferembach D.* Les restes humains de Ras-Shamra et de Minet es – Beida: etude anthropologique. Ugaritica, t. 4. P., 1962.
- Vardanian Stella.* Histoire de la médecine en Arménie. Paris, 1999.
- Warner L., Srole L.* The Social Systems of American Ethnic Groups. New Haven: Yale University Press, 1945.
- Weiss H.* Subir versus Sumer: Formazione secondaria e collasso dello stato nelle pianure del Khabur, L'Eufrate e il Tempo // Le Civiltà del Medio Eufrate e della Gezira Siriana, A cura di Rouault O., Masett M.G., Milano, 1993. P. 40–50.
- Wittke A.-M.* Mušker und Phryger. Stuttgart, 2004.
- Yernjakian L., Pikichian Hr.* Hymn to the Sun «Sahari» in Armenian Music, Yerevan, 1998.
- Zimansky P.* Urartian Material Culture as State Assemblage: an Anomaly in the Archaeology of Empire // Bulletin of American School of Research, 1995. P. 299, 300.
- Zimansky P.* Archaeological inquiries into Ethno-Linguistic Diversity in Urartu. Greater Anatolia and the Indo-Hittite Language Family. Washington D.C., 2001.

СПИСОК АВТОРОВ

АВETИCЯН Павел Седракович, к.и.н., директор ИАЭ НАН РА (Ереван)

АГАНЯН Григор Торгомович, научн. сотрудник Центра арменоведческих исследований Ширака НАН РА (Гюмри)

АКОПЯН Мане Вазгеновна, к.и.н., до 1997 г. старший научный сотрудник ИАЭ НАН РА (Ереван)

АНТОНЯН Юлия Юрьевна, к.и.н., преподаватель кафедры культурологии исторического факультета ЕГУ (Ереван)

АРУТЮНЯН Саргис Бардугемисович, д.и.н., профессор, член-корреспондент, зав. отделом теории и истории фольклористики ИАЭ НАН РА (Ереван)

АСРАТЯН Мурад Морусович, докт. архитектуры, профессор, член-корреспондент, зав. отделом архитектуры Института искусств НАН РА (Ереван)

БАГДАСАРЯН Анаит Оганесовна, к. искусствовед., доцент Ереванской государственной консерватории им. Комитаса (Ереван)

БАЗЕЯН Карине Размиковна, к.и.н., старший научный сотрудник Центра арменоведческих исследований Ширака НАН РА (Гюмри)

ВАРДАНЯН Лилия Мартыновна, д.и.н., ведущий научный сотрудник, зав. отделом этносоциологии ИАЭ НАН РА (Ереван)

ВАРДАНЯН Стелла Арменаковна, д.м.н., профессор, руководитель отдела по изучению и публикации медико-биологических рукописей Научно-исследовательского ин-та древних рукописей (Матенадаран) им. Месропа Маштоца (Ереван)

ВАРДУМЯН Гоар Дерениковна, к.и.н., ведущий научный сотрудник Ин-та истории НАН РА (Ереван)

ЗАКАРЯН Бела Егиазаровна, к.и.н., до 1996 г. научный сотрудник ИАЭ НАН РА (Ереван)

ЗАКАРЯН Тамара Закаровна, научный сотрудник ИАЭ НАН РА (Ереван)

ГАБРИЕЛЯН Мхитар Размикович, к.и.н., доцент, зам. декана исторического факультета ЕГУ; старший научный сотрудник ИАЭ НАН РА (Ереван)

ГАЗИЯН Алвард Сарухановна, к.и.н., ведущий научный сотрудник ИАЭ НАН РА (Ереван)

ГАЛСТЯН Мигран Вардгесович, к.и.н., старший научный сотрудник ИАЭ НАН РА; доцент Государственного аграрного университета Армении (Ереван)

- ГЕРАСИМОВА Маргарита Михайловна, к.и.н., ведущий научный сотрудник, ИЭА РАН (Москва)
- ДАБАГЯН Артак Арташович, к.и.н., старший научный сотрудник ИАЭ НАН РА (Ереван)
- ИСРАЕЛЯН Астхик Рафаеловна, к.и.н., старший научный сотрудник Музея истории Армении (Ереван)
- КАЛАНТАРЯН Арам Ашотович, д.и.н., член-корреспондент, ведущий научный сотрудник ИАЭ НАН РА (Ереван) (1937–2010)
- КИРАКОСЯН Анаит Артаваздовна, доцент Ереванской государственной консерватории им. Комитаса (Ереван)
- МАРГАРЯН Никол Меружанович, к.и.н., преподаватель кафедры культурологии исторического факультета ЕГУ; старший научный сотрудник ИАЭ НАН РА (Ереван)
- МАРКАРЯН Асмик Закаровна, к.и.н., научный сотрудник ИАЭ НАН РА (Ереван)
- МАРУТЯН Арутюн Тиранович, д.и.н., ведущий научный сотрудник ИАЭ НАН РА (Ереван)
- МЕЛИКЯН Сусанна Григорьевна, зав. отделом «Мемориального комплекса Сардарapatской битвы, Национального музея этнографии Армении и истории освободительной борьбы»
- МЕЛКОНЯН Усик Андреасович, к.и.н., старший научный сотрудник, зав. отделом средневековой археологии ИАЭ НАН РА (Ереван)
- МЕЛКОНЯН Эдуард Леонович, д.и.н., ведущий научный сотрудник Института истории НАН РА (Ереван)
- МИНАСЯН Анаит Мишаевна, к.и.н., преподаватель средней школы № 62 им. Сиаманто (Ереван)
- МКРТУМЯН Юрий Израелович, к.и.н., старший научный сотрудник ИАЭ НАН РА; доцент кафедры археологии и этнографии исторического факультета ЕГУ (Ереван) (1939–2005)
- МКРТЧЯН Самвел Суренович, д.и.н., доцент кафедры истории армянской церкви и эклезиологии богословского факультета ЕГУ; старший научный сотрудник ИАЭ НАН РА (Ереван)
- ОБОСЯН Сурен Геворкович, к.и.н., старший научный сотрудник, зав. отделом этнографии ИАЭ НАН РА (Ереван)
- ОВСЕПЯН Лиана Самвеловна, д.ф.н., зав. кафедрой общей лингвистики филологического факультета ЕГУ (Ереван)
- ОВСЕПЯН Асмик Аветисовна, хранитель фонда Музея истории Армении (Ереван)
- ОВСЕПЯН Юрий Леонович, к.и.н., доцент кафедры истории армянского народа исторического факультета ЕГУ (Ереван) (1956–2011)
- ПЕТРОСЯН Анушаван Сагатович, к.и.н., доцент кафедры археологии и этнографии исторического факультета ЕГУ (Ереван)
- ПЕТРОСЯН Армен Егишевич, д.ф.н., ведущий научный сотрудник ИАЭ НАН РА (Ереван)

ПЕТРОСЯН Гамлет Ленсерович, д.и.н., зав. кафедрой культурологи исторического факультета ЕГУ; старший научный сотрудник ИАЭ НАН РА (Ереван)

ПЕТРОСЯН Левон Нерсесович, к.и.н., старший научный сотрудник ИАЭ НАН РА (Ереван) (1929–2010)

ПЕТРОСЯН Эмма Хачатуровна, д.и.н., ведущий научный сотрудник ИАЭ НАН РА (Ереван)

ПОГОСЯН Ашхундж Амирханович, к.и.н., советник директора Центра экспертизы культурных ценностей Министерства культуры РА (Ереван)

ПОГОСЯН Светлана Гайковна, к.и.н., зам. директора «Мемориального комплекса Сардарapatской битвы, Национального музея этнографии Армении и истории освободительной борьбы» старший научный сотрудник ИАЭ НАН РА (Ереван)

САРКСЯН Гамлет Гришаевич, к.и.н., доцент, старший научный сотрудник ИАЭ НАН РА (Ереван)

СЕХБОСЯН Карл Варданович, к.и.н., старший научный сотрудник ИАЭ НАН РА (Ереван) (1928–2009)

СТЕПАНЯН Амренуи Арменаковна, к.и.н., старший научный сотрудник ИАЭ НАН РА (Ереван)

ТАДЕВОСЯН Агаси Завенович, к.и.н., старший научный сотрудник ИАЭ НАН РА; преподаватель кафедры культурологи исторического факультета ЕГУ(Ереван)

ТЕР-САРКИСЯНЦ Алла Ервандовна, д.и.н., ведущий научный сотрудник ИЭА РАН; действительный член РАЕН (Москва)

ХАРАТЯН Грануш Сергеевна, к.и.н., старший научный сотрудник ИАЭ НАН РА (Ереван)

ХАЧАТРЯН Женя Камсаровна, к.и.н., ведущий научный сотрудник ИАЭ НАН РА (Ереван)

ХАЧИКЯН Грант Оганесович, старший преподаватель Ереванского российско-армянского (славянского) университета (Ереван)

ХУДАБАШЯН Карине Манвеловна, к. искусств., ведущий научный сотрудник Ин-та искусств НАН РА (Ереван)

СПИСОК СОВРЕМЕННЫХ НАИМЕНОВАНИЙ МАРЗОВ
(областей)
РЕСПУБЛИКИ АРМЕНИЯ
(на основе бывших районов армССР)

МАРЗЫ:

- Арагацотн** – Аштаракский, Апаранский, Талинский районы
- Арарат** – Араратский, Аргашатский, Масисский районы
- Армавир** – Армавирский (бывший Октемберянский), Баграмянский, Эчмиадзинский районы
- Вайоц-дзор** – Вайкский (бывший Азизбековский), Ехегнадзорский районы
- Гехаркуник** – Варденисский (бывший Басаргечарский), район им. Камо, Красносельский, Мартунинский, Севанский районы
- Котайк** – Абовянский, Наирыйский, Разданский районы
- Лори** – Гугаркский, Спитакский, Степанаванский, Таширский (бывший Калининский), Туманянский районы
- Сюник** – Горисский, Капанский, Мегринский, Сисианский районы
- Тавуш** – Иджеванский, Ноемберянский, Тавушский (бывший Шамшадинский) районы
- Ширак** – Амасийский, Ашоцкий (бывший Гукасянский), Ахурянский, Артикский, Анийский районы

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АН – Академия наук
АРО – Армяно-русские отношения. Сборник документов. Ереван
Архив ИЭА – Архив Института археологии и этнографии. Ереван
АЭФ – Армянская этнография и фольклор. Материалы и исследования. Ереван
- БЖА – Биологический журнал Армении НАН РА. Ереван
ВА – Вопросы антропологии. Москва
ВДИ – Вестник древней истории. Москва
ВЕУ – Вестник Ереванского университета
ВИА – Всеобщая история архитектуры. Москва
ВМ – Вестник Матенадарана. Ереван
ВОН – Вестник общественных наук Академии наук Армянской ССР, ныне – Национальной академии наук Республики Армения. Ереван
- ГАИМК – Государственная Академия истории материальной культуры. Москва
- ЕГУ – Ереванский государственный университет
ЗВОРАО – Записки Восточного отделения Русского археологического общества. СПб. Санкт-Петербург.
- ЗКОИРГО – Записки Кавказского отделения Императорского Русского Географического Общества. Тифлис
- ИАН – Известия Академии наук Армянской ССР. Общественные науки. Ереван (с 1966 – ВОН)
- ИКИАИ – Известия Кавказского историко-археологического института. Тифлис
- ИКОИРГО – Известия Кавказского отделения Императорского Русского географического Общества. Тифлис
- ИФЖ – Историко-филологический журнал Академии наук Армянской ССР, ныне – Национальной академии наук Республики Армения. Ереван
- КВ – Кавказский вестник. Тифлис
КиВ – Кавказ и Византия. Ереван
КПСС – Коммунистическая партия Советского Союза
КСИА – Краткие сообщения Института археологии. Москва
КСИЭ – Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. Москва
КЭС – Кавказский этнографический сборник. Москва
МАЭ – Музей антропологии и этнографии. СПб
МГУ – Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Москва
- МИА – Музей истории Армении. Ереван
МИА СССР – Материалы и исследования по археологии. Москва–Ленинград

- МИЕ – Музей истории Еревана. Ереван
- МИЭБГКЗК – Материалы для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис
- МНМ – Мифы народов мира. Москва
- МО – Министерство обороны
- МЭ – Музей этнографии (Мемориальный комплекс Сардарapatской битвы. Национальный музей этнографии и истории освободительной борьбы). Сардарapat (Армавирский марз)
- НАА – Национальный архив Армении. Ереван
- НАН РА – Национальная академия наук Республики Армения. Ереван
- НИИ – Научно-исследовательский институт
- ПСРЛ – Полное собрание русских летописей. СПб.
- ПМА – Полевые материалы автора
- РАС – Русско-армянский словарь. Ереван
- СА – Советская археология. Москва
- САООИАН – Собрание актов, относящихся к обозрению истории армянского народа. Москва
- СИ – Социологические исследования. Москва
- СМИЭБГКЗК – Свод материалов для изучения экономического быта государственных крестьян Закавказского края. Тифлис
- СМОМПК – Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Тифлис
- СНГ – Содружество независимых государств
- СССР – Союз Советских Социалистических Республик
- ССДНЗКИПС – Свод статистических данных о населении Закавказского края, извлеченных из посемейных списков 1886 года. Тифлис
- СЭ – Советская этнография. Москва
- ТГИМА – Труды Государственного исторического музея Армении. Ереван
- ТИЭ (новая серия) – Труды Института этнографии АН СССР. Москва
- ТСАЯ – Толковый словарь армянского языка. Ереван
- ТССАЯ – Толковый словарь современного армянского языка. Ереван
- ЭКСАЯ – Этимологический корневой словарь армянского языка. Ереван
- ЭО – Этнографическое обозрение. Москва
- АТ – Thompson S. The Types of the Folktale, a Classification and Bibliography. Antti Aarne's Verzeichnis der Märchentypen. Translated and enlarged by Stith Thompson, Second Revision. Helsinki, 1961:

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ (<i>В.А. Тишков, С.В. Чешко</i>)	5
ВВЕДЕНИЕ (<i>Л.М. Варданян, Г.Г. Саркисян, А.Е. Тер-Саркисянц</i>)	7
Глава 1	
ЭТНИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ АРМЯН	
Археологические культуры на территории Армянского нагорья (<i>Л.С. Аветисян, У.А. Мелконян, А.З. Маркарян</i>)	16
Историко-антропологические данные (<i>М.М. Герасимова</i>)	33
Этногенез (<i>А.Е. Петросян</i>)	42
Основные этапы исторического развития (<i>Ю.Л. Овсепян, А.Е. Тер-Саркисянц</i>)	49
Армянский язык и диалекты (<i>Л.С. Овсепян</i>)	75
Динамика численности и расселение армян в XIX – начале XXI века (<i>Г.Г. Саркисян</i>)	81
Глава 2	
ХОЗЯЙСТВЕННЫЕ ЗАНЯТИЯ	
Среда обитания (<i>Г.Г. Саркисян</i>)	97
Земледелие и обработка зерновых культур (<i>С.Г. Обосян, М.Р. Габриелян</i>)	104
Виноградарство и виноделие (<i>С.Г. Обосян</i>)	124
Скотоводство (<i>Ю.И. Мкртумян</i>)	132
Маслоделие (<i>С.Г. Обосян</i>)	138
Шелководство и пчеловодство (<i>А.С. Петросян, С.Г. Обосян</i>)	143
Народные средства передвижения (<i>Л.Н. Петросян, А.Е. Тер-Саркисянц</i>)	150
Глава 3	
ПРОМЫСЛЫ	
Гончарство (<i>А.А. Овсепян</i>)	162
Кузнечное ремесло (<i>А.З. Тадевосян</i>)	169
Оружейное дело (<i>Г.Т. Аганян</i>)	174
Ювелирное дело (<i>А.А. Калантарян, Г.Т. Аганян</i>)	178
Ткачество и рукоделие (<i>К.Р. Базеян</i>)	185
Ковроделие (<i>А.А. Погосян</i>)	198
Глава 4	
КУЛЬТУРА ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ	
Поселения и жилища (<i>А.Т. Марутян</i>)	205
Пища (<i>А.Е. Тер-Саркисянц</i>)	233

Одежда и орнамент (А.А. Степанян, С.А. Погосян, Л.М. Варданян).....	247
Глава 5	
СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА И ОБЩЕСТВЕННЫЙ БЫТ	
Сельская община (М.В. Акопян).....	275
Цеховые организации (К.В. Сехбосян).....	281
Праздничная культура: традиции и современность (Гр.С. Харатян, С.С. Мкртчян)	286
Глава 6	
СЕМЬЯ И СЕМЕЙНЫЙ БЫТ	
Род, семья и система родства (Л.М. Варданян, Т.З. Закарян, Л.М. Варданян, Б.Е. Закарян).....	307
Брак и свадьба (Л.М. Варданян).....	327
Обряды родильного цикла и система личных имен (С.Г. Меликян, Н.М. Маргарян).....	342
Похоронно-поминальные обряды и обычаи (Л.М. Варданян, А.Е. Тер-Саркисянц)	352
Глава 7	
ВЕРОВАНИЯ	
Дохристианский пантеон (Г.Д. Вардумян).....	364
Мифология (С.Б. Арутюнян).....	371
Принятие христианства (Э.Х. Петросян)	378
Глава 8	
НАРОДНАЯ КУЛЬТУРА	
Устное народное творчество (С.Б. Арутюнян, А.С. Газиян).....	387
Театральный фольклор (Э.Х. Петросян)	395
Танцевальный фольклор (Ж.К. Хачатрян).....	407
Народная музыка и инструменты (К.М. Худабашян, А.О. Багдасаря, А.А. Киракосян)	419
Глава 9	
НАРОДНЫЕ ЗНАНИЯ	
Народная медицина и гигиена: бани (А.М. Минасян, К.В. Сехбосян, С.А. Погосян)	438
Целительство, гадание и обереги (Ю.Ю. Антонян, А.Р. Исраелян).....	445
Глава 10	
ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА	
Рукописная книга и миниатюра (Э.Х. Петросян, Г.О. Хачикян, Г.О. Хачикян)	460
Наука и просвещение (Э.Х. Петросян, Г.О. Хачикян).....	468
Медицина (С.А. Варданян).....	473
Геральдика (А.А. Дабагян).....	477
Архитектура (М.М. Асратян).....	485
Хачкары (Г.Л. Петросян).....	495
Развитие профессиональной культуры в XIX – начале XXI века (Ю.Л. Овсепян, А.Е. Тер-Саркисянц)	504

Глава 11

СОВРЕМЕННЫЕ ЭТНОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Социокультурная характеристика (М.Р. Габриелян)	513
Трудовая миграция (М.В. Галстян)	519
Армянская диаспора (Э.Л. Мелконян)	526
Армяне в России (А.Е. Тер-Саркисянц)	554
Глоссарий (Составители Л.М. Варданян, Г.Г. Саркисян).....	579
Библиография (Составители Л.М. Варданян, Г.Г. Саркисян).....	592
Список авторов	641
Список современных наименований марзов (областей) Республика Армения (на основе бывших районов Армянской ССР).	644
Список сокращений	645

Научное издание

АРМЯНЕ

*Утверждено к печати Ученым советом
Института этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая
Российской академии наук*

Заведующая редакцией *Н.Л. Петрова*. Редактор *Л.В. Абрамова*
Художник *В.Ю. Яковлев*. Художественный редактор *Ю.И. Духовская*
Технический редактор *З.Б. Павлюк*
Корректоры *А.Б. Васильев, Р.В. Молоканова, Т.И. Шеполова*

Подписано к печати 21.05.2012. Формат 70 × 100^{1/16}. Гарнитура Таймс. Печать офсетная
Усл.печ.л. 56,0. Усл.кр.-отг. 67,3. Уч.-изд.л. 59,0. Тираж 1000 экз. Тип. зак. 810
Заказное

Издательство “Наука”, 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90

E-mail: secret@naukaran.ru www.naukaran.ru

ППП “Типография “Наука”, 121099, Москва, Шубинский пер., 6

ISBN 978-5-02-037563-5

9 785020 375635